

Д - 1122₅₅)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Труды Отдела
древнерусской
литературы

LV

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ
2004

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«ТРУДОВ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Георгий Бирнаум (Лос-Анджелес), *Сайте-Грачотти* (Рим), *А С Демиш* (Москва),
Н С Демкова (С-Петербург), *Людольф Мюллер* (Тюбинген), *Анджей Поппэ* (Варшава),
Н Н Покровский (Новосибирск), *Е К Ромодановская* (Новосибирск), *Ганс Роте* (Бонн),
Л И Сазонова (Москва), *Антониос-Эмилиос Н Тахиос* (Фессалоники),
Г М Прохоров (С-Петербург), *В Л Янин* (Москва)

Редколлегия

Д М Буланин, М А Салмина, С А Семячко,
Л В Соколова (ответственный редактор)

Рецензенты

Н В Понырко, М В Рождественская

*Работа выполнена и издана при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проектам № 02-04-00131а и № 03-04-16288д*

Серия основана в 1934 г

ISBN 5-86007-437-9

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук, 2004
© Издательство «Дмитрий Буланин» 2004

К 75-летию доктора
филологических наук, профессора
Олега Викторовича Творогова

Дорогой Олег Викторович!

В день Вашего 75-летия мы обращаемся к Вам со словами глубокого уважения и искренней любви.

Ваши исследования — посвящены ли они историческому повествованию или «Слову о полку Игореве», устойчивым литературным формулам или древнерусским четым сборникам — являются классическими. Значительный вклад в науку вносит и Ваша публикаторская деятельность — то, что филолога-медиевиста подчас ставит вровень с волшебником: как бы из небытия возникают замечательные тексты, без которых уже на следующий день история литературы кажется немыслимой. Что же до сочинений, без которых она вполне мыслима (как здесь не вспомнить о «Влесовой книге!»), то и для них Вы находите самые точные слова. Особо следует отметить Вашу любовь к систематизации знаний — составлению словарей, энциклопедий, библиографий — деятельность, основанную на внимании к другому у. Думаем, что именно этот редкий род внимания обеспечил Вам большое число учеников и последователей и позволил Вам, ныне руководителю Отдела древнерусской литературы, сохранить в нем добрую рабочую атмосферу.

Просматривая список Ваших трудов, удивляешься разнообразию тем и количеству сделанного. Каждая из Ваших книг и статей является образцом того, каким должно быть филологическое исследование: четким, аргументированным, объективным. Не помним, чтобы какое-либо из основных Ваших положений было опровергнуто: все «за» и «против» учитываются Вами при решении вопроса, и в этом заключена предельная честность Ваших исследований. Они доказывают со всей очевидностью, что научная истина не должна быть броской, что она многомерна, сложна и нередко имеет множество оговорок. И пусть вывод с оговоркой выглядит не столь эффектно, его отличает особый род красоты — красота надежности.

Ваши работы становятся основой дальнейших исследований, и при этом они воспитывают научный вкус у Ваших учеников и последователей. В пору юности, научного романтизма, когда текстологическое исследование порой кажется скучной прелюдией к возвышенному, интердисциплинарному общению, иерархия ценностей еще не очевидна. Лишь спустя годы по-настоящему оцениваешь строгую эстетику текстологических выкладок, понимая одновременно, что не все написанное с блеском останется в золотом фонде науки.

Сердечно поздравляя Вас с 75-летием, желая Вам доброго здоровья и творческого долголетия, мы посвящаем Вам этот сборник наших работ как знак неизменного уважения и любви к Вам.

Ваши коллеги

**Список научных трудов
доктора филологических наук
Олега Викторовича Творогова
за 1959—2003 гг.**

1959

1. Лексика «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина // Учен. зап. Лeningr. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1959. Т. 169. С. 229—253.

1961

2. О типе словаря к литературному памятнику // Вестн. ЛГУ. № 14. 1961. Сер. истории, языка и лит.-ры. Вып. 3. С. 118—129.

1962

3. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 277—284.
4. Словарь-комментарий к «Повести временных лет»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1962. 20 с.
5. V Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // ИОЛЯ. 1962. Т. 21, вып. 5. С. 460—462 (совм. с М. А. Салминой).
6. Совещание по древнерусской литературе // РЛ. 1962. № 3. С. 246—249.

1963

7. К вопросу об употреблении старославянизмов в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 208—214.
8. О воскрешении некоторых неоправданных предположений О. Сенковского // ИОЛЯ. 1963. Т. 22, вып. 5. С. 432—434.
9. Ответ на вопрос к V Международному съезду славистов // Славянска филология. Т. 2. Отговори на въпросите за научната анкета по литературознание, литературно-лингвистични проблеми, народно поетическо творчество, общославистични историко-филологически проблеми. София, 1963. С. 231—323.
10. Рец. на кн.: Рорре А. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV w. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962 // ВЯ. 1963. № 4. С. 141.

1964

11. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 29—40.

12. Когда же написано «Слово о полку Игореве»? // Смена. 1964. 11 марта. № 60. С. 3 (совм. с Л. А. Дмитриевым).
13. Памятник древнерусской литературы // Смена. 1964. 21 марта. № 69. С. 4.

1965

14. Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов; Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1965. 269 с. (Сер. «Лит. памятники»).
- Подгот текста — с 7—71 (совм с Я С Лурье) Перевод — с 72—137 Статья «Стилистические особенности романа об Александре Македонском» — с 169—184 Разночтения — с 215—217
15. *Реч.*: Две книги по лингвистическому источниковедению // ИЮЛЯ. 1965. Т. 24, вып. 2. С. 167—170.

1966

16. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» / Ред. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.; Л., 1966. С. 290—344.
17. О композиции вступления к «Задонщине» // Там же. С. 526—532.
18. О выносных буквах в русских рукописях XV—XVII веков // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 162—175.
19. Изучение языка и стиля Пушкина за последние годы // Временник Пушкинской комиссии. 1963. Л., 1966. С. 87—102.

1967

20. По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“» // РЛ. 1967. № 1. С. 105—121 (совм. с Р. П. Дмитриевой и Л. А. Дмитриевым).
21. Слово о полку Игореве / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. 2-е изд. Л., 1967. 540 с. (Б-ка поэта. Большая сер.).
- Переводы «Слово о полку Игореве» — с. 57—66 (совм с Л А Дмитриевым и Д С Лихачевым), «Слово о гибели Русской земли» — с 360—362 (совм с Л А Дмитриевым и Д С Лихачевым), «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамаю» — с 378—388 (совм с Л А Дмитриевым и Д С Лихачевым) Примеч — с 463—529
22. О применении частотных словарей в исторической лексикологии русского языка // ВЯ. 1967. № 2. С. 109—117.
23. Тюркизмы в древнерусском языке (тезисы) // Филология и история тюркских народов: (Тез. докл.). Л., 1967. С. 37—38.
24. *Ред.*: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виногоорова. М.; Л., 1967. Вып. 2. Д—Копье. 214 с. (совм. с Б. Л. Богородским и Д. С. Лихачевым).

1968

25. Литературные стили Киевской Руси // Русская речь. 1968. № 4. С. 13—19.

26. Слово о «Слове» — рец. на кн.: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968 // Книжное обозрение. 1968. № 46. С. 11
27. *Ред.*: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968 202 с. (совм. с М. П. Алексеевым и Д. С. Лихачевым).

1969

28. «Сокол трех мытей» в Повести об Акире Премудром // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969. С. 111—114.
29. Притчи Варлаама в собрании древнерусских рукописей Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 380—383.
30. «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Вступ. статья Д. С. Лихачева. М., 1969. 800 с. (Б-ка всемир. лит-ры. Сер. первая. Т. 15).
Подгот древнерус текстов и переводы «Житие Феодосия» — с 92—145, «Девгениево деяние» — с 172—196, «Александрия» — с 236—279, «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» — с 280—289 Перевод «Повесть о Дракуле воеводе» — с 433—445 Подгот текста «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» — с 550—566 Примеч «Житие Феодосия» — с 707—709, «Девгениево деяние» — с 714—715, «Александрия» — с 731—733, «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» — с 734—735, «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» — с 772—774
31. *Ред.*: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1969. Вып. 3. Корабль—Н. 182 с. (совм. с Б. Л. Богородским и Д. С. Лихачевым).
32. *Ред.*: Литература и общественная мысль Древней Руси (ТОДРЛ. Т. 24). Л., 1969. 415 с. (в сост. редколл.).

1970

33. Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. 595 с.
Гл 1 Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв — с 31—66, Гл 3 Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв — с 108—141, Раздел гл 4 «Переводная беллетристика XI—XIII вв» — с 154—194, Раздел гл 7 «Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV—XV вв» — с 277—284
34. К вопросу о ленинских цитатах из памятников древнерусской литературы // РЛ. 1970. № 2. С. 186—187.
35. О Хронографе редакции 1617 года // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 162—177.
36. Русский хронограф и задачи его изучения // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 48—55.
37. Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и ее издания XVIII века: (Тез. докл.) // Совещание «Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII—XX вв.». Л., 1970. С. 3.

1971

38. Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 64—71.
39. Редактор XVII века // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 44—52

40. [Хроника о сессии, посвященной памяти А. А. Шахматова] // ВЯ. 1971. № 2. С. 44—52.

1972

41. Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков / Подгот. текста и статьи О. В. Творогова; Коммент. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1972. 232 с. (Сер. «Лит. памятники»).
- Подгот текстов «Повесть о создании и полении Тройском» и «Троянская история» — с 7—69 Переводы — с 70—136 Подгот текста повести «О златом руне волшебного овна» — с 139—147 Статьи «Троянские сказания в древнерусской литературе» — с 148—160, «Повести о Троянской войне в русской рукописной традиции» — с 161—187, «К переводу „Троянской истории“ Гвидо де Колумна» — с 188—190 Разночтения — с 191—196 Коммент — с 197—221 (совм с М Н Ботвинником)
42. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // Рукописное наследие Древней Руси: (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 228—241.
43. К истории жанра хронографа // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 203—226.
44. К изучению древнерусских хронографических сводов // Там же. С. 380—404.
45. Осторожно — «Слово о полку Игореве!» (Письмо в редакцию) // РЛ. 1972. № 1. С. 246—255 (совм. с Л. А. Дмитриевым).

1973

46. Описание хроник, хронографов и хронографических компиляций // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 224—258.
47. Текстология и лексикография // Текстология славянских литератур. Л., 1973. С. 175—183.
48. Русские хронографические своды XI—XVI вв.: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1973. 30 с.
49. *Ред.:* Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1973. Вып. 4. О—П. 234 с. (совм. с Б. Л. Богородским и Д. С. Лихачевым).

1974

50. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 99—113.
51. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода // Там же. С. 353—364.
52. Хронографы из собрания Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 322—325.
53. *Ред.:* ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. 431 с. (совм. с Д. С. Лихачевым и М. А. Салминой).
54. *Ред.:* ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. 384 с. (совм. с Д. С. Лихачевым и М. А. Салминой).

1975

55. Древнерусские хронографы / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1975. 320 с.

56. О некоторых задачах изучения «Слова о полку Игореве» // ИЮЛЯ. 1975. Т. 34, вып. 4. С. 299—303.
57. Находки в области древнерусской хронографии // ПКНО. М., 1975. С. 25—27.
58. Мова «Слова о полку Игореве» (підсумки і завдання вивчення) // Мовознавство. 1975. № 6. С. 6—31.
59. Словари языка писателей // РЛ. 1975. № 2. С. 211—222.
60. Новые исследования по древнерусской литературе // Сов. лит-ра (на иностр. яз.). 1975. № 10. С. 6—18 (совм. с Д. С. Лихачевым).
61. Хронограф русский // КЛЭ. М., 1975. Т. 8. С. 334.
62. К новым открытиям // Лит. газета. 1975. 22 окт. № 43. С. 6.
63. Много шума из ничего // Там же. 5 февр. № 6. С. 6.
64. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 2. 319 с. (в сост. редколл.).

1976

65. Повесть временных лет и Начальный свод: Текстологический комментарий // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 3—26.
66. Об исследовании стиля литературного произведения // Анализ литературного произведения. Л., 1976. С. 67—88.
67. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 137—164.
68. Задачи и перспективы издания хроник и хронографов // Летописи и хроники. М., 1976. С. 189—202.
69. Из истории «словесного портрета» в русской литературе XVI в. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 123—127.
70. «Слово о полку Игореве» в интерпретации О. Сулейменова // РЛ. 1976. № 1. С. 251—258 (совм. с Л. А. Дмитриевым).
71. Материалы к классификации списков Русского хронографа // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 140—156 (совм. с В. А. Рыбиным).
72. Кажущаяся простота // Лит. газета. 1976. 17 нояб. № 46. С. 6.
73. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976. Вып. 3. 288 с. (в сост. редколл.).

1977

74. Материалы к истории русских хронографов: 1. Ефросиновский хронограф // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 256—274.
75. Необходимые уточнения к книге И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды» // Там же. С. 403—404.
76. Некоторые принципиальные вопросы изучения «Слова о полку Игореве» // РЛ. 1977. № 4. С. 88—102.
77. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. 403 с. (в сост. редколл.).

1978

78. «Слово о полку Игореве» в советской филологической науке // РЛ. 1978. № 4. С. 204—212.
79. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI—начало XII века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1978. 464 с.

- Подгот текста и перевод «Житие Феодосия Печерского» — с 304—391 Подгот текста «Повесть временных лет» — с 22—276, «Поучение Владимира Мономаха» — с 392—412 Коммент «Повесть временных лет» — с 417—451, «Житие Феодосия Печерского» — с 456—459
80. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; Отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1978. 431 с. (Сер. «Лит. памятники»).
- Перевод текста посланий Ивана Грозного Курбскому — с 122—162 и 165—167 (совм с Я С Лурье), перевод текста посланий Курбского Ивану Грозному — с 119—121, 163—164, 168—180 (переизд в 1981)
81. [Статьи:] Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, А. М. Панченко, Труды ОДРЛ // КЛЭ. М., 1978. Т. 9. С. 277, 494—495, 596, 735—736.
82. *Ред.*: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1978. Вып. 5. Р—С. 264 с. (совм. с Б. Л. Богородским и Д. С. Лихачевым).
83. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5. 392 с. (в сост. редколл.).

1979

84. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 3—31.
85. Византийские хроники в Древней Руси // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 86—79.
86. Тысячелетие русской литературы // РЛ. 1979. № 1. С. 3—13 (совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым).
87. [Статьи:] Летописи, Хронографы // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 128—129, 387.
88. Древнерусская литература в исследованиях / Отв. ред. О. В. Творогов. Минск, 1979. 310 с.
- От редактора — с 3—5 Фрагмент статьи «Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв» (из кн «Истоки русской беллетристики») — с 70—87
89. *Ред.* Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6. 359 с. (в сост. редколл.).

1980

90. История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Древнерусская литература; Литература XVIII века / Ред. Д. С. Лихачев и Г. П. Макогоненко. Л., 1980. 816 с.
- Гл 1 Литература Киевской Руси X—начало XII века — с 19—61, Гл 2 Литература периода феодальной раздробленности XII—первой четверти XIII века — с 62—89
91. История русской литературы X—XVII веков / Ред. Д. С. Лихачев. М., 1980. 462 с.
- Гл 1 Литература XI—начала XIII века — с 34—180
92. Переводная литература Киевской Руси // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 20—35.
93. Памятники литературы Древней Руси. XII век / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1980. 704 с.
- Подгот текста и перевод «Повесть об Акире Премудром» — с 247—281, «Летописные повести о походе князя Игоря» — с 344—371, «Слово о полку Игореве» — с 372—387 Примеч «Повесть об Акире Премудром» — с 656—658, «Летописные повести о походе князя Игоря» — с 674—679, «Слово о полку Игореве» — с 679—688
94. Задонщина: Перевод и примечания // Задонщина. М., 1980. С. 40—124.

95. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980. Вып. 7. 43 с. (в сост. редколл.).

1981

96. Литература Древней Руси: Пособие для учителя. М., 1981. 128 с.
 97. О взаимодействии литературы и живописи в Древней Руси // РЛ. 1981. № 4. С. 95—106.
 98. Об изучении читательского восприятия литературы // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 55—59.
 99. Памятники литературы Древней Руси. XIII век / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1981. 616 с.
     Подгот текста и перевод «Девгениево деяние» — с 28—65, «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» — с 106—113 Примеч «Девгениево деяние» — с 531—533, «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» — с 531—533
 100. В стила на летописеца Манасий (интервью) // Българистика и българисти: Статии и изследвания; Българистиката в чужбина; Портрети на българисти. София, 1981. С. 362—364 (совм. с М. А. Салминой).
 101. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8. 351 с. (в сост. редколл.).

1982

102. Біля витоків східнослов'янських літератур // Радянське літературознавство. 1982. № 5. С. 57—63.
 103. Хронограф // Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 579.
 104. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1982. 688 с.
     Подгот текста и перевод «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году» — с 216—267 Перевод «Сказание о Дракуле» — с 355—363 Примеч «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году» — с 602—607
 105. Тайна реки Каялы — рец. на кн.: Гетманец М. Ф. Тайна реки Каялы. Харьков, 1982 // Книжное обозрение. 1982. 3 дек. № 48. С. 10.
 106. *Рец* на кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюз. конф. Л., 1981 // Сов. архивы. 1982. № 5. С. 83—85.
 107. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. 357 с. (в сост. редколл.).

1983

108. Материалы к истории русских хронографов: 2. Софийский хронограф и Хроника Иоанна Малалы // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 188—221.
 109. Литератор Иван Михайлов // РЛ. 1983. № 2. С. 164—168.
 110. Древнерусская книжность XI—XIII вв. (О каталоге памятников) // Духовная культура славянских народов. Л., 1983. С. 5—18.
 111. Материалы к частотному словарю среднеболгарского перевода Хроники Константина Манассии // Старобългаристика. София, 1983. № 1. С. 75—80.

112. Повести Древней Руси XI—XII вв. / Сост. Н. В. Поньрко. Л., 1983. 574 с.
Подгот текста «Повесть временных лет» — с 24—123 Подгот текста и перевод «Житие Феодосия Печерского» — с 230—325, «Летописная повесть о походе князя Игоря» — с 354—375 Примеч «Повесть временных лет» — с 534—548, «Житие Феодосия Печерского» — с 548—551, «Летописная повесть о походе князя Игоря» — с 554—558 «Слово о полку Игореве» — с 358—364
113. Міжслов'янські літературні взаємини: здобутки і перспективи // Радянське літературознавство. 1983. № 8. С. 10—11.
114. О периодизации литературы Киевской Руси // РЛ. 1983. № 4. С. 118—127.
115. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1983. Вып. 10. 327 с. (в сост. редколл.).
116. *Ред.*: Духовная культура славянских народов: Литература; Фольклор; История: Сб. статей к IX Междунар. съезду славистов. Л., 1983. 382 с. (совм. с М. П. Алексеевым и В. Н. Баскаковым).
117. *Ред.*: ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. 424 с. (совм. с Д. С. Лихачевым и М. А. Салминой).

1984

118. Лексический состав «Повести временных лет»: (Словоуказатели и частотный словарь) / Отв. ред. В. М. Русановский. Киев, 1984. 218 с.
119. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV—первая половина XVI века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1984. 768 с.
Подгот текста и перевод Из «Троянской истории» — с 222—267, Из Хронографа 1512 г — с 376—415 Перевод Из «Хроники Константина Манассии» — с 269—317 Коммент Из «Троянской истории» — с 689—693, Из «Хроники Константина Манассии» — с 693—700, Из Хронографа 1512 г — с 716—723
120. Любители и дилетанты // Лит. газета. 1984. 21 нояб. № 47. С. 6.
121. Слово о полку Игореве: Перевод // Слово о походе Игоревом. Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Новосибирск, 1984. С. 3—127 (совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым).
122. *Ред.*: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1984. Вып. 6. Т—Я; Дополнения. 478 с. (совм. с Б. Л. Богородским и Д. С. Лихачевым).

1985

123. Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39.
Статьи «Василий» — с 25—26, «Вышата» — с 28, «Герман Воята» — с 28, «Иоаким» — с 43—45, «Нестор» — с 83—86, «Никон Великий» — с 86—87, «Сильвестр» — с 88—89, «Янь Вышатич» — с 99, «Летописец Еллинский и Римский» — с 103—104, «Летописец Переяславля Суздальского» — с 110, «Палея историческая» — с 153, «Палея толковая» — с 153—155, «Палея хронографическая» — с 155—156, «Повесть временных лет» — с 156—160, «Хроника Георгия Амартола» — с 161—163, «Хроника Иоанна Зонары» — с 163—165, «Хроника Иоанна Малалы» — с 165—167, «Хроника Мартина Бельского» — с 169—171, «Хронограф Академический» — с 174—175, «Хронограф Архивский» — с 175, «Хронограф Виленский» — с 175—176, «Хронограф по великому изложению» — с 176—177, «Хронограф Русский» — с 177—181, «Хронограф Софийский» — с 181, «Хронограф Тихонравовский» — с 182, «Хронограф Троицкий» — с 182—183, «Андрея Юродивого житие» — с 186, «Антония Печерского житие» — с 188—189, «Василия Нового житие» — с 192—193, «Георгия Победоносца житие» — с 193—194, «Иоанна Предтечи (Крестигеля) житие» — с 199—201, «Николая Мирликийского житие» — с 222—224, «Нифонта Констанцкого житие» — с 224—226, «Петра и Павла деяния» — с 228—229, «Златоуст» — с 246—249 (совм с Т В Черторицкой), «Измарагд» — с 249—253

124. Описание и классификация списков сборника «Златоуст» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 278—284.
125. Трудам Отдела древнерусской литературы пятьдесят лет // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 3—30.
126. Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // Там же.
Статьи «Кирилл I, епископ Ростовский» — с 118—119, «Кирилл II, епископ Ростовский» — с 119—121, «Нестор Искандер» — с 139—140, «Серапион» — с 156—159.
127. Литература Киевской Руси (XI—начало XIII в.) // История русской литературы XI—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. 2-е изд., дораб. М., 1985. С. 32—124.
128. Об истолковании «темных мест» в тексте «Слова о полку Игореве» // РЛ. 1985. № 4. С. 29—45.
129. Новые исследования стилей художественной литературы // Там же. № 3. С. 195—206.
130. З історії становлення давньоруської літератури // Радянське літературознавство. 1985. № 4. С. 41—47.
131. Первоочередные задачи // ВЛ. 1985. № 9. С. 144—146.
132. Роль древнерусской литературы в патриотическом воспитании / Ред. Д. С. Лихачев. Л., 1985. 32 с.
133. Измарагд особого состава из собрания Ундольского // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 151—154.
134. «Слово о полку Игореве» в исследованиях последних лет // Лит-ра в школе. 1985. № 4. С. 17—19.
135. Окно в Древнюю Русь... // Звезда. 1985. № 8. С. 183—188.
136. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1985. 683 с.
Подгот текста и перевод Из «Измарагда» — с 54—69 Коммент Из «Измарагда» — с 578—580
137. Воинские повести Древней Руси / Сост. Н. В. Поньрко. Л., 1985. 495 с.
Подгот текста «Походы Святослава» — с 17—21 Подгот текста и перевод (новая редакция) «Слова о полку Игореве» — с 27—44 Примеч «Походы Святослава» — с 468, «Слово о полку Игореве» — с 468—470
138. Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переложения / Сост. А. П. Комлев; Науч. ред. В. В. Колесов. Свердловск, 1985.
Подгот текста, перевод и примеч «Слово о полку Игореве» (переизд.) — с 23—68 Перевод летописных повестей о походе князя Игоря (переизд.) — с 17—23
139. Летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году: Перевод, примечания (переизд.) // Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л., 1985. С. 415—422, 489—490 (Б-ка поэта. Большая сер.).
140. Ред.: Лебедева И. Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе: (Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв.). Л., 1985. 296 с.
141. Сост.: Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л., 1985 (Б-ка поэта. Большая сер.) (совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым).

1986

142. Летопись — хроника — паляя: (Взаимоотношение памятников и методика их исследования) // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 19—30.
143. Дмитрий Сергеевич Лихачев — исследователь «Слова о полку Игореве» // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 27—35 (совм. с Л. А. Дмитриевым).

144. Слово о полку Игореве: (Краткая тематическая библиография) // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 248—265.
145. [Круглый стол, посвященный XXVII съезду КПСС] Решения XXVII съезда КПСС — в действии // РЛ. 1986. № 2. С. 13—14.
146. О сборнике А. И. Мусина-Пушкина (переработка статьи 1976 г.) // Слово о полку Игореве: 800 лет. М., 1986. С. 192—204.
147. Примечания [к тексту «Слова о полку Игореве»] // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст; Переводы и переложения; Поэтич. вариации / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Статья, сост. и подгот. текста Л. А. Дмитриева; Коммент. Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова. М., 1986. С. 317—354 (совм. с Л. А. Дмитриевым).
148. Предисловие // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 3—6.
149. Что стоит за «Влесовой книгой»? // Лит. газета. 1986. 16 июля. № 29. С. 5.
150. Ученый, патриот // Труд. 1986. 28 нояб. № 276. С. 3.
151. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1986. 640 с.
Перевод Первое послание Курбского Ивану Грозному (переизд.) — с 17—21, Первое послание Ивана Грозного Курбскому (совм с Я С Лурье, переизд.) — с 23—73, Второе послание Курбского Ивану Грозному (переизд.) — с 75—77, Второе послание Ивана Грозного Курбскому (совм с Я С Лурье, переизд.) — с 79—83, Третье послание Курбского Ивану Грозному (переизд.) — с 85—107
152. Московское государство / Сост., предисл. и коммент. С. Елисеева. М., 1986.
Перевод Послания Курбского Ивану Грозному (переизд., соавтором ошибочно указан Я С Лурье) — с 350—352, 396—397, 401—418, Послания Ивана Грозного Курбскому (переизд., совм с Я С Лурье) — с 352—395, 397—400
153. Храбрые русичи: (Слово о полку Игореве; Воинские повести; Былины; Исторические песни Древней Руси) / Сост. Е. И. Осетрова и В. И. Калугина. М., 1986.
Переводы «Слово о полку Игореве» (переизд., совм с Л А Дмитриевым и Д С Лихачевым) — с 23—27, «Летописная повесть о походе Игоря» (переизд.) — с 85—93
154. Летописная повесть о походе князя Игоря (из Ипатьевской летописи): Перевод (переизд.) // Злато слово: Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: Переводы и поэтич. переложение; Русь и степь в эпоху «Слова о полку Игореве». М., 1986. С. 257—268.
155. Летописная повесть о походе князя Игоря на половцев (из Ипатьевской летописи): Подгот. текста и перевод (переизд.) // Повести ратной славы Древней Руси / Вступ. статья и сост. Л. А. Дмитриева и В. И. Охотниковой; Коммент. В. И. Охотниковой. Воронеж, 1986. С. 21—37.
156. Изборник. Повести Древней Руси / Сост. и коммент. Л. А. Дмитриева и Н. В. Понырко. М., 1986. 447 с.
Переводы «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г» (переизд.) — с 130—134, «Сказание о Дракуле» (переизд.) — с 234—241
157. Слово о полку Игореве: Перевод; Комментарии (переизд.) // Слово о полку Игореве: 800 лет / Сост. и автор вступ. статьи Е. И. Осетров. М., 1986. С. 23—113.
158. Слово о полку Игореве: Перевод (переизд.) // Слово о полку Игореве / Подгот. текста, вступ. статья, примеч. и послесл. В. А. Грихина. М., 1986. С. 26—34.

159. *Ред.*: Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. 406 с.
160. *Ред.*: Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. 295 с (совм с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым).
161. *Ред.*: Слово о полку Игореве: 800 лет / Сост. Л. И. Сазонова М., 1986. 576 с. (в сост. редколл.).
162. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв М., 1986. Вып. 11. 456 с. (в сост. редколл.).

1987

163. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып 1 (XI—первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев, Ред Д. М Буланин, О. В. Творогов. Л., 1987. 493 с.
- Статьи «Александрия Хронографическая» — с 35—37, «Апокриф о Енохе» — с 40—41 «Апокрифические сказания о успении Богородицы» — с 43—44 «Апокрифы и сказания о Данииле» — с 44—47, «Апокрифы о апостолах Петре и Павле» — с 54—56, «Апокрифы о Мельхиседеке» — с 62—63, «Василий» — с 91—92 «Владимир Василькович» — с 98, «Вышата» — с 103—104, «Георгий (XI в)» — с 104—105, «Георгий (XII в)» — с 105, «Заветы Воята» — с 105—106, «Григорий» — с 108—109 «Даниил (ум 9 IX 1122 г)» — с 109, «Даниил (вторая пол XI—нач XII в)» — с 109—112, «Девгениево деяние» — с 115—116, «Евангелие Иакова» — с 119—120, «Ефрем» — с 125—126, «Житие Андрея Юродивого» — с 131—132, «Житие Антония Печерского» — с 135—136, «Житие Богородицы» — с 137—138, «Житие Василия Нового» — с 142—143, «Житие Георгия Победоносца» (совм с А А Туриловым) — с 144—146, «Житие Марии Египетской» — с 161—162, «Житие Николая Мирликийского» — с 168—172, «Житие Нифонта Констанцкого» — с 172—173 «Житие Саввы Освященного» — с 174—175, «Заветы двенадцати патриархов» — с 183—184 «Иаков (XI в)» — с 191—192, «Изборник 1073 г» — с 194—196, «Изборник 1076 г» — с 196—198, «Иоаким» — с 204—206, «Иоанн (XI в)» — с 206, «Иоанн (ум 1089 г)» — с 206—208, «Иоанн (в миру Илья)» — с 208—210, «Иоанн (XI в)» — с 210, «Иоанн (XI в)» — с 210—211, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия» — с 214—215, «Кирилл (ум до 1182 г)» — с 217—221, «Кирилл (ум 1230 г)» — с 221—222, «Кирилл (ум 1233 г)» — с 222—223, «Кирилл (ум 1262 г)» — с 223—225, «Кирилл (ум 1280 г)» — с 225—227, «Климент Смолятич» — с 227—228, «Лазарь» — с 229, «Леонтий» — с 229—230, «Летописец Переяславля Суздальского» — с 234—235, «Лука Жидята» — с 251—253, «Максим» — с 253, «Моисей» — с 257—258, «Мудрость Менандра» — с 258—259, «Мучение Варвары» — с 259—260, «Мучение Ирины» — с 265—266, «Мучение Феодора Стратилата» — с 268—271 «Нестор» — с 274—278 «Никон (Великий)» — с 279—281, «Нифонт» — с 281—282 «Откровение Варуха» — с 282—283, «Палая Толковая» — с 285—288, «Паралипомен Иеремии» — с 295—296, «Повесть временных лет» — с 337—343, «Повесть об Акире Премудром» — с 343—345 «Повесть о взятии Царьграда фрягами» — с 352—354 «Послание Пилата к Тиберию» — с 373—374, «Пчела» — с 382—387, «Серапион» — с 387—390, «Сильвестр» — с 390—391 «Сказания о Иоанне Предтече (Крестителе)» — с 418—421, «Слово и Сказание святого Ипполита об антихристе» — с 425—426, «Слово о полку Игореве» — с 435—437, «Столовец Геннадия» — с 448—449 «Феодосий» — с 457—459, «Хроника Георгия Амартола» — с 467—470 «Хроника Георгия Синкелла» — с 470—471, «Хроника Иоанна Малалы» — с 471—474 «Хроника Симеона Логофета» — с 474—475, «Хронограф Архивский» — с 475—476 «Хронограф Виленский» — с 476, «Хронограф по великому изложению» — с 476—477, «Хронограф Троицкий» — с 478, «Янь Вышатич» — с 483—484
164. Об издании «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“» // Вестн АН СССР. 1987. № 3. С. 63—67.
165. Пролог как источник изучения древнерусской книжности XI—XIII вв. // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев, 1987. С. 26—32
166. Новонайденный список Летописца Еллинского и Римского // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги 1985. Л., 1987 С. 51—55.

167. Принятие христианства на Руси и древнерусская литература // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 138—161.
168. Хроника Георгия Синкелла в Древней Руси // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 215—219.
169. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI—начало XVII веков / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1987. 616 с.
Из Хронографа 1617 года Подгот текста, перевод и коммент — с 318—357, 584—588 Перевод «О причинах гибели царств» — с 465—491
170. Принятие христианства и возникновение литературы на Руси // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы: Крещение Руси: (Сб. тезисов). М., 1987. С. 48—50.
171. Ценный труд московских археографов — рец. на кн.: Рукописные собрания Гос. библиот. СССР им. В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1 // Сов. культура. 1987. 4 авг. С. 1.
172. *Ред.*: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. 493 с. (совм. с Д. М. Буланиным и Д. С. Лихачевым).
173. *Ред.*: Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. 466 с. (в сост. редколл.).
174. *Ред.*: Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность: Сб. науч. тр. Киев, 1987. 175 с. (в сост. редколл.).
175. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Вып. 12. 384 с. (в сост. редколл.).
176. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Вып. 13. 319 с. (в сост. редколл.).

1988

177. Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (Статья первая) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 197—214.
178. Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // Там же.
Статьи «Повесть о взятии Константинополя турками в 1453 г.» — с 33—35, «Повесть об Евстратии» — с 67, «Повесть о златом руно волшебного овна» — с 68—69, «Повесть о создании и поплнении Тройском» — с 92, «Повесть о царе Казарине и о жене его» — с 98, «Слово о ветхом Александре» — с 147
179. Слово о полку Игореве: Перевод // «Слово о полку Игореве» в гравюрах В. А. Фаворского: (Рисунки; Эскизы; Гравюры). М., 1987. Вкладка — с. 7—19.
180. Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Введение Д. С. Лихачева; Исслед. И. С. Дуйчева и М. А. Салминой; Словоуказатели О. В. Творогова. София, 1988. 489 с.
Вводные замечания — с 255—258, Словоуказатель к среднеболгарскому переводу Хроники Константина Манассии по Синодальному списку — с 258—443, Словоуказатель к «Троянской притче» по Ватиканскому списку — с 443—472, Словоуказатель к припискам и глоссам по Синодальному списку — с 473—481
181. Что же такое «Влесова книга»? // РЛ. 1988. № 2. С. 77—102.
182. Свое и чужое: Переводные и оригинальные памятники в древнерусских сборниках XII—XIV веков // РЛ. 1988. № 3. С. 135—145.
183. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (Вторая половина XIV—XVI в.), ч. 1. А—К. Л., 1988.
Статьи Златоуст (совм с Т В Черторицкой) — с 358—363, Измарагд — с 397—401
184. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков: Комментарии // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга пер-

- вая / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1988. С. 623—624.
185. Круглый стол: 1000-летие христианизации Руси // Сов. славяноведение. 1988. № 6. С. 51—52, 68.
186. Слово о полку Игореве: Текст и перевод (переизд.) // Русская литература XI—XVIII вв. / Сост., вступ. статья, примеч. Л. А. Дмитриева и Н. Д. Кочетковой. М., 1988. С. 62—77.
187. *Ред.*: Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. Л., 1988. Вып. 1 (совм. с В. М. Загребиним).
Именной и предметный указатели — с 269—292
188. *Ред.*: Словоуказатель к тексту «Повести о Варлааме и Иоасафе» — памятнику древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1988. 224 с.
189. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1988. Вып. 14. 311 с (в сост. редколл.).

1989

190. Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 287—343.
191. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (Вторая половина XIV—XVI в.), ч. 2. Л—Я. Л., 1989.
Статьи «Легенда о кровоточивой жене Веронике» — с 6—7, «Летописец Еллинский и Римский» — с 18—20, «Нестор Искандер» — с 124—125, «Палея историческая» — с 162—163, «Палея хронографическая» — с 163—164, «Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г» — с 197—199, «Повесть об Евстратии» — с 245—246, «Повесть о создании и поплении Тройском» — с 281—282, «Повесть о царе Казарине и о жене его» — с 291—292, «Троянская история» Гвидо де Колумна — с 447—449, «Хроника Иоанна Зонары» — с 496—498, «Хроника Мартина Бельского» — с 500—502, «Хронограф Академический» — с 502—503, «Хронограф Русский» — с 503—509, «Хронограф Софийский» — с 509—510, «Хронограф Тихонравовский» — с 510
192. Древнерусская литература и книжность XI—XIV веков: Пути изучения // Православие в Древней Руси: Сб. науч. трудов. Л., 1989. С. 12—19.
193. The Literature of Kievan Russia (Eleventh to Early Thirteenth Centuries) // A History of Russian Literature 11th—17th Centuries. М.: Raduga, 1989. S. 43—175.
194. La letteratura della Rus' Kieviana (dal secolo XI all' inizio del XIII) // Storia della letteratura Russa dei secoli 11—17. М.: Raduga, 1989. P. 46—181.
195. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1989. Вып. 15. 288 с (в сост. редколл.).

1990

196. Хронографы Древней Руси // ВИ. 1990. № 1. С. 36—49.
197. «Влесова книга» // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 170—254.
198. Литература Древней Руси в сегодняшней школе // Литература в школе. 1990. № 2. С. 49—55.
199. Рюриковичи // РЛ. 1990. № 2. С. 155—167; № 3. С. 107—116; № 4. С. 155—160.
200. В. И. Малышев — хранитель рукописей // Древнерусская книжность: (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1990. С. 272—273.
201. Житие Феодосия Печерского [Подгот. текста и перевод. Отрывки] (переизд.) // Литература Древней Руси: Хрестоматия. М., 1990. С. 77—103.

202. Сказание о Дракуле [Перевод] (переизд.) // Там же. С. 241—246.
203. Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (Статья вторая: Памятники агиографии) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 196—225.
204. Литература Древней Руси в современных изданиях. Проблемы и перспективы // Книга. Общество. Перестройка. М.: Книга, 1990. С. 82—90.
205. Летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Перевод (переизд.) // Слово о полку Игореве. Л., 1990. С. 339—347 (Б-ка поэта. Малая сер.).
206. Сказания о чудесах. Т. 1. Русская фантастика XI—XVI вв. М., 1990. Подгот текста и перевод Повесть об Акире Премудром — с 53—71, Девгениево деяние (отрывки) — с 81—83, Александрия (отрывки) — с 111—117, Из «Измарагда» — с 171—172 (переизд.)
207. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1990. Вып. 16. 295 с. (в сост. редколл.).

1991

208. Повесть временных лет. Петрозаводск: «Карелия», 1991. Статья Первые страницы русского летописания — с 5—11, Примеч к «Повести временных лет» — с 175—188
209. За землю Русскую. Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991. Примеч «Слово о полку Игореве» — с 523—524, «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» — с 543—544
210. *Ред.*: «Слово о полку Игореве»: Библиографический указатель. 1968—1987 годы / Сост. Н. Ф. Дробленкова, Л. В. Соколова, Ю. В. Пелешенко, Л. И. Заремба. Л., 1991. 207 с. От редактора — с 3—5
211. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1991. Вып. 17. 296 с. (в сост. редколл.).

1992

212. Князя Рюриковичи: Краткие биографии. М.: Русский мир, 1992. 94 с.
213. Принципы публикации текста «Слова о полку Игореве» в изданиях XIX в. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1992. Т. 45. С. 364—378.
214. Сколько раз ходили на Царьград Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54—59.
215. Злобин Федор Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. А—З. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1992. С. 402—404.
216. *Ред.*: Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. СПб., 1992. Вып. 2. 304 с. (совм. с В. М. Загребиним). Именной и предметный указатели — с 249—269
217. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1992. Вып. 18. 288 с. (в сост. редколл.).

1993

218. Древнерусские четьи сборники XII—XIV веков (Статья третья: Сказания и гомилии на сюжеты священной и церковной истории) // ТОДРЛ. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1993. Т. 47. С. 3—33.
219. На ком были женаты Игорь и Всеволод Святославичи? // ТОДРЛ. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1993. Т. 48. С. 48—51.
220. Небо в образной системе древнерусской литературы // Вопросы теории и истории языка. СПб.: изд-во ЛГУ, 1993. С. 227—230.

1994

221. Древняя Русь. События и люди. СПб.: Наука, 1994. 219 с.
222. Владимир Всеволодович Мономах // Литература в школе. 1994. № 1. С. 20—21.
223. Нестор. Нестор Искандер // Там же. № 5. С. 46—48.
224. Феодосий // Там же. № 6. С. 49.
225. Н. М. Дылевский — исследователь «Слова о полку Игореве» // РЛ. 1994. № 4. С. 209—211.
226. Отечественная история: Энциклопедия. Т. 1. А—Д. М., 1994.
Статьи Апокрифы — с 97, Борис — с 272—273, Владимир I Святославич — с 406—407, Глеб — с 566
227. *Ред.:* Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1994. Вып. 19. 272 с. (в сост. редколл.).
228. *Ред.:* Бобров А. Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты. СПб.: Наука, 1994. 169 с.

1995

229. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Ред. коллегия: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.) Т. 1. А—В. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. 276 с.
Статьи Аварцы, Авары, Адрианов С А, Азбелев С Н, Айналов Д В, Алексеев М П, Алябьев Н И, Андриевский М А, Анисимова А П, Анцукевич Н П (совм с О Н Анцукевичем), Архангельский А С, Арцыбашев Н С, Астрономические явления в «Слове», Багалай Д И, Белгород, Беликов И, Белинский В Г, Белосельский-Белозерский А М, Белостин Н Ф, Березин И Н, Берков П Н, Бессонов И, Бибииков Н, Библиографии и библиографические обзоры, Богородский Б Л, Бодянский О М, Болван, Болгария Волжско-Камская, Болонье, Боняк, Борис Вячеславич, Боричев взвоз, Борн И М, Бохан Д Д, Брема, Брючислав Василькович, Булаховский Л А, Бутков П Г, Вазнь, Васильева Л, Вежа, Век, Венедици, Виноградов В В, Виноградова В Л, Владимир Всеволодович Мономах Владимир Святославич, Владимиров П В, Внук, Волга, Волк, Вольский Г О Ворон, Ворота, Всеволод Василькович, Всеволод Юрьевич, Всеслав Брючиславич, Вяземский П П
230. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Ред. коллегия: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.) Т. 2. Г—И. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. 334 с.
Статьи Гаген-Торн Н И, Галица, Галицко-Волынское княжество, Галич, Гапаксы «Слова», Генрихсен Н Г, Гепард, Герасимов М М, Гетманец М Ф, Глаголев А Г, Глеб Юрьевич, Глебовна, Гоголь Н В, Гойгел-Сокол М Т (совм с Г Н Моисеевой), Головин Н Г, Гонсиоровский О О, Городец, Грамматин Н Ф, Гроза, Гумилев Л Н, Данилов В В, Девгенисво деяние, Деларю М А, Демкова Н С, Деремела, Дмитриев Л А, Дмитриев-Кельда И Д, Днепр, Дон, Донец, Дубенский Д Н, Дубие, Дунай, Душа, Екатерининская копия, Жуковская Л П, Зарубин Н Н (совм с А Г Тимофеевым), Заря, Зимин А А, Злато слово, Игорь Рюрикович, Изволенский Н П, Издания «Слова» для высших учебных заведений, Издания «Слова» для учащихся гимназий и школ, Изучение «Слова» в высшей школе, Изяслав Василькович, Изяслав Ярославич, Исторический комментарий к «Слову», История открытия «Слова», История текста «Слова», Источниковедческое значение «Слова»
231. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Ред. коллегия: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.) Т. 3. К—О. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. 387 с.
Статьи Кайев А А, Калайдович К Ф, Карачев Карпунин Г Ф (совм с М Г Булаховым), Карцов В А, Катенин П А, Кичеев А А, Клюка, Князь, Кобзев И А, Козленицкая С, Козлов И И, Козловский И И, Колосов М А, Копье, Котора, Крамола, Критические издания «Слова», Кровать, Кузьмина В Д, Курск, Кус, Куст, Кучкин В А, Ларин Б А, Ласкин В И, Лебедь, Левитский И, Лисица, Литва, Литература Киевской Руси и «Слово», Лихачев Д С (совм с Л А Дмитриевым), Лук, Максимович М А, Макушев В В, Мгла, Место написания «Слова»,

- Меч, Мешерский Н А, Михайлов В, Могуты, Моисеева Г Н, Морава, Мстислави-
чи, Мусин-Пушкин А И, Мусин-Пушкинский сборник, Мыть, Нахтигал Райко (совм
с Э Я Гребневой), Немига, Нимчук В В, Новгород-Северский, Ногата, Овлур, Олег
Игоревич, Ольберы (совм с С Г Кляшторным), Ольговичи, Ориентализмы в
«Слове», Орлов А С, Орфография и палеография Мусин-Пушкинского сборника
232. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Ред. коллегия: Л. А. Дмитри-
риев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.).
Т. 4. П—Слово. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. 330 с.
Статьи Павлов Н М, Палицын А А, Переводы «Слова» и литература о нем
на языках народов мира (разделы Белорусский язык, Грузинский язык — совм с
О А Белобровой), Переводы «Слова» на современный русский язык, Перестановки
в тексте «Слова», Побег Игоря из плена Повесть временных лет, Пожарский Я О,
Полоз Полощкое княжество, Поляки, Посулие, Потевня А А, Поэтика подражаний,
Псковские элементы в языке «Слова», Птицы в «Слове», Путивль, Пушкин С Г, Ре-
вуги, Резана, Реминисценции «Слова» в древнерусской литературе, Ржига В Ф, Ро-
бинсон А Н, Рось, Руссов С В, Рыбаков Б А, Рылеев К Ф, Рылск, Рюрик Рос-
тиславич, Сабля, Сахаров И П (совм с Р П Дмитриевой), Святополк Изяславич,
Седло, Скептический взгляд на «Слово», Скрипов А Н, Скульский А В Словари и
словоуказатели к тексту «Слова», Словесник, Слово
233. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Ред. коллегия: Л. А. Дмитри-
риев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). Т. 5.
Слово Даниила Заточника—Я. Дополнения, карты. Указатели. СПб.:
изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. 399 с.
Статьи Смоленское княжество, Сморг, Соболев П, Спала, Стазба, Стрела, Стри-
кусы, Струга, Срезневский И И, Сулица, Татраны, «Текстологический треугольник»,
«Темные места» в «Слове», Терем, Тимофей Рагуилович, Тихонравов Н С, Топчаки,
Треполь, Троя, Труба, Трубчевск, Тувим Ю, Тур, Угры, Усобица, Уши, Филиппов-
ский Г Ю, Харалуг, Херасков М М, Хинова (совм с В Г Гузевым), Хоть, Чага,
Чаица, Челка, Чернигов, Черниговское княжество, Шамбинаго С К, Шахма-
тов А А, Шевчук В А, Шельбиры, Шеломя, Шервинский С В, Шишков А С,
Шлем, Шторм Г П, Шукинский список «Слова», Щит, Эпос тюркский и «Слово»,
Янь Вышатич, Ярослав Владимирович, «Ярославлі внуки», Ятвяги, Всеслод Яросла-
вич Указатели Именной, Географический, Предметно-тематический — с 325—392
234. Древнерусская литература. Хрестоматия: Учебное пособие для 6—9-х
классов общеобразовательных учреждений / Сост. О. В. Творогов. М.:
Просвещение, 1995. 287 с.
О литературе Древней Руси — с 4—19, Из сборника 1076 г, из Жития Феодосия
Печерского (перевод, отрывки), О походе Игоря Святославича на половцев (из Ипа-
тьевской летописи), Слово о погибели Русской земли, Слово о полку Игореве — пере-
воды — с 20 58—71, 96—104, 109—115, 128
235. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных
в СССР. 1973—1987 гг. Ч. 1 (1973—1977 гг.) / Ред. Т. Г. Иванова и
О. В. Творогов. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. 172 с.
Библиография за 1973—1974 гг — с 5—71
236. Л. А. Дмитриев — редактор Энциклопедии «Слова о полку Игореве» // Лев Александрович Дмитриев. Библиография. Творческий путь.
Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: изд-во «Дмитрий Була-
нин», 1995. С. 35—37.
237. Летопись — хроника — паляя (взаимоотношение памятников и мето-
дика их исследования) [перепечатка статьи 1986 г.] // Библия и воз-
рождение духовной культуры русского и других славянских народов.
СПб.: Петрополис, 1995. С. 166—179.
238. Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1995. Вып. 20. 288 с.
(в сост. редколл.).
239. Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1995. Вып. 21. 280 с.
(в сост. редколл.).

1996

240. Литература Древней Руси. Биобиблиографический словарь / Сост. Л. В. Соколова; Под ред. О. В. Творогова. М.: Просвещение, 1996. 239 с.
К читателю — с 3—5, Статьи Александрия, Библиейские книги, Владимир Всеволодович Мономах, Даниил, Девгениево деяние, Житие Леонтия Ростовского, Житие Николая Мирликийского, Жития (совм с Л. А. Дмитриевым), Летописец Еллинский и Римский, Летопись Никоновская, Лицевой свод, Нестор, Нестор Искандер, Ораторская проза, Пален, Повесть временных лет, Повесть об Акире Премудром, Повесть о взятии Царьграда фрягами, Пчела, Сборники устойчивого состава, Серапион, Сказания о Троянской войне, Феодосий, Хроники, Хронограф Русский, Хронографы
241. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1973—1987 гг. Ч. 2 (1978—1982 гг.) / Ред. Т. Г. Иванова и О. В. Творогов. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. 192 с.
Библиография работ за 1980—1981 гг — с 76—145
242. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1973—1987 гг. Ч. 3 (1983—1987 гг.) / Ред. Т. Г. Иванова и О. В. Творогов. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. 319 с.
Библиография работ за 1985 г — с 90—144, Дополнения за 1973—1982 гг — с 214—220
243. Древнерусская переводная гомилетика как предмет исследования // ТОДРЛ. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. Т. 50. С. 185—188.
244. Д. С. Лихачев и отечественная медиэвистика // Там же. С. 7—16.
245. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (К 90-летию со дня рождения) // ИЮЛЯ. 1996. Т. 55, вып. 6. С. 79—82.
246. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» как жанр // Разные грани единой науки: ученые — молодым славистам. СПб.: изд-во СПбГУ, 1996. С. 116—122.
247. Очерки истории культуры славян. М.: Индрик, 1996.
Древнерусская литература — с 363—377, 448—455
248. Подготовка к изданию «Летописца Еллинского и Римского» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 1996. Вып. 3. С. 173—174.
249. Марианна Давидовна Каган-Тарковская (1931—1995) // ТОДРЛ. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. Т. 49. С. 534—535.
250. Яков Соломонович Лурье (1920—1996) // Там же. С. 535—536.
251. Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1996. Вып. 23. 253 с. (в сост. редколл.).

1997

252. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб.: Atheneum-Феникс, 1997. С. 203—209.
253. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI—XII века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997.
Повесть временных лет [по Ипатьевскому списку] (подгот текста перевод и коммент) — с 62—315, 487—524, Житие Феодосия Печерского (подгот текста, перевод, коммент) [переизд] — с 352—433, 531—534, Поучение Владимира Мономаха (подгот текста) [переизд] — с 456—474
254. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997.
Слово о полку Игореве (подгот текста, перевод, коммент) [переизд] — с 254—267, 628—634, Летописные повести о походе князя Игоря (подгот текста, перевод, коммент) [переизд] — с 230—253, 623—627

255. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997.
Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г (подгот текста, перевод, коммент) [переизд] — с 66—73, 460—461
256. Лексический состав «Повести временных лет» (Словоуказатели и частотный словарь) [переизд.] // ПСРЛ. М.: «Языки русской культуры», 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. С. 581—733.
257. *Ред.*: Охотникова В. И. Древнерусская литература: Учебник для 5—9-го классов общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 1997. 224 с.
258. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1997. Вып. 22. 298 с. (в сост. редколл).

1998

259. Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI—XVI веков: Каталог гомилий / Сост. Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогов, А. Валевичус; Отв. ред. О. В. Творогов. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. 211 с.
260. Древнерусские четвь сборники XII—XIV веков (Статья четвертая: Дидактические гомилии) // ТОДРЛ. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. Т. 51. С. 20—42.
261. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР (России). 1988—1992 г. / Ред. Т. Г. Иванова, С. А. Семячко и О. В. Творогов. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. 337 с.
Библиография публикаций в зарубежной печати (совм с М А Федотовой)
262. Повесть о златом руне волшебного овна // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3. П—С. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. С. 127—128.
263. Древнерусская литература. Хрестоматия: Учебное пособие для 6—9-го классов общеобразовательных учреждений / Сост. О. В. Творогов. М.: Просвещение, 1998 [переизд.]. 287 с.
264. [Выступление] Отчет о научной дискуссии «История: наука и мифы» // Клио. Журнал для ученых. СПб., 1998. № 2 (5). С. 323—324.

1999

265. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / Основной список подгот. О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой; Вступ. статья, Археологический обзор и критический аппарат издания подгот. О. В. Твороговым. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. 513 с.
266. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI—XII века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999.
Житие Дмитрия Солунского (подгот текста, перевод, коммент) — с 176—189, 526—527, Житие Марии Египетской (подгот текста, перевод, коммент) — с 190—215, 528—529
267. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. XI—XII века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999.
Повесть об Акире Премудром (подгот текста, перевод, коммент) [переизд.] — с 28—57, 362—364, Девгениево деяние (подгот текста, перевод, коммент) [переизд.] — с 58—91, 364—365, Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад (подгот текста, перевод коммент) — с 262—274, 398—400, Слово о успении Богородицы

- (подгот текста, перевод, коммент) — с 292—305, 406—407, Сказание о Макарии Римском (перевод и коммент совм с М А Салминой) — с 322—337, 408
268. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. Вторая половина XV века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999.
Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г (подгот текста, перевод, коммент) [переизд] — с 26—71, 493—498, Повесть о Дракуле (перевод) [переизд] — с 461—471
269. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906—1999) // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1999 Т. 58, № 6. С. 73—75.
270. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1999 Вып. 24 254 с. (в сост. редколл.).

2000

271. Новые книги издательства «Алетейя» // РЛ. 2000. № 3 С. 230.
272. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV—первая половина XVI века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2000.
Из «Хроники Константина Манассии» (перевод и коммент) [переизд] — с 114—159, 510—516, Из Хронографа 1512 года (подгот текста, перевод, коммент) [переизд] — с 234—271, 528—533
273. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. XVI век / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2000.
Из «Измарагда» (подгот текста, перевод, коммент) [переизд] — с 100—115, 279—280
274. Наследие академика Д. С. Лихачева в области славяноведения // Славянская цивилизация и XXI век: Материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 мая 2000. СПб., 2000 С. 62—64.
275. *Ред.*: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 2000. Вып 25 275 с. (в сост. редколл.).

2001

276. Летописец Еллинский и Римский. Т. 2. Комментарий и исследование О. В. Творогова. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин». 270 с.
277. Летописец Еллинский и Римский. текстологические проблемы // ТОДРЛ. СПб.: изд. «Дмитрий Буланин», 2001 Т. 52. С. 47—78
278. Рукописные собрания России: состояние изучения и описания // Там же. С. 709—744.
279. Древняя Русь: События и люди. СПб.: Наука, 2001 [переизд].
280. Археографические проблемы изучения русской агиографии // АЕ за 2000 г. М., 2001. С. 39—41.
281. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко СПб.: Наука, 2001.
Первое послание Курбского Ивану Грозному (перевод) [переизд] — с 15—19, Первое послание Ивана Грозного Курбскому (перевод совм с Я С Лурье) [переизд] — с 21—67, Второе послание Курбского Ивану Грозному (перевод) [переизд] — с 69—71, Второе послание Ивана Грозного Курбскому (перевод совм с Я С Лурье) [переизд] — с 73—77, Третье послание Курбского Ивану Грозному (перевод) [переизд] — с 79—99
282. Повести и сказания Древней Руси. СПб.: «Диля», 2001.
Житие Феодосия Печерского (перевод и коммент) [переизд] — с 59—100, 844—848, Из «Троянской истории» (перевод и коммент) [переизд] — с 430—452, 991—995

283. [Выступление] // «Новая хронология» Древней Руси глазами историков: (Материалы дискуссии) // Английская набережная. 4. СПб., 2001. С. 7—11.

2002

284. Апокрифы Древней Руси. СПб.: «Амфора», 2002.
Слово о сошествии Иоанна Крестителя в ад (перевод и комментарий) [переизд.] — с 109—122, 222, Слово о Успении Богородицы (перевод и комментарий) [переизд.] — с 149—159, 230, Слово о Макарии Римском (перевод совм с М А Салминой, комментарий) [переизд.] — с 179—190, 233—234
285. Древнерусская литература: Хрестоматия / Составитель О. В. Творогов. М.: Просвещение, 2002 [переизд.].
286. Слово о полку Игореве. Перевод // Фольклор. Древнерусская литература. Русская литература XVIII века. М. Ю. Лермонтов. М., 2002. С. 93—102.
287. [Выступление] // Материалы обсуждения «Проекта словаря обиходного русского языка Московской Руси (XVI—XVII вв.)». СПб.: изд-во СПбГУ, 2002. С. 31—32.

2003

288. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 8. XIV—первая половина XVI века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2003.
Переводная литература XIV—XVI веков — с 5—11, Из «Троянской истории» (подгот текста, перевод, комментарий) [переизд.] — с 152—193, 546—549, Повесть о создании и о пленении Трои и о последнем ее разорении, которое случилось при Давиде, царе Иудейском (подгот текста, перевод, комментарий) [переизд.] — с 194—209, 549—553
289. Предисловие // Гетманец М. Ф. Тайна реки Каялы. 3-е изд., перераб. и доп. Харьков, 2003. С. 3—4.
290. Книжность Древней Руси: шаг за шагом к ее познанию // Ладога и истоки Российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 293—298.
291. *Ред.*: Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 53. 679 с. (в сост. редколл.).
292. *Ред.*: Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54. 755 с. (в сост. редколл.).

293. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4. Т—Я. Дополнения. СПб., 2004.
Библиографические дополнения к первому выпуску «Словаря книжников» (совм с Д М Буланиным) С 805—833

Труды, находящиеся в печати

294. «Канонический перевод» «Слова о полку Игореве» — достижимая цель или утопия? // Natalis: О древней и новой русской литературе. СПб.: изд-во СПбГУ.
295. Обойденная вниманием (О Распространенной редакции Хронографа 1617 года) // Неисчерпаемость источника: Сб. статей к 70-летию В. А. Кучкина.
296. Древнерусская книжность XI—XIV веков: Каталог памятников // ТОДРЛ. Т. 56.

297. К спорам о «Влесовой книге» // Что думают ученые о «Влесовой книге». СПб.: Наука.
298. Искусствовед и источниковед — Ольга Андреевна Белоброва [Вступ. статья] // Белоброва О. А. Из истории русской художественной культуры XVII—XX веков: Сб. статей. М.: Индрик.
299. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в России. 1993—1997. СПб.: «Дмитрий Буланин».
Сост., годы 1993, 1996, 1997
300. О «Своде древнерусских житий» // Русская агиография: Исследования. Публикации. Poleмика. СПб.: «Дмитрий Буланин».
301. *Ред.*: Зимин А. А. [Слово о полку Игореве] СПб.: «Дмитрий Буланин».

Литература о научной деятельности О. В. Творогова

1. Творогов Олег Викторович // КЛЭ. М., 1978. Т. 9. С. 723—724.
2. Творогов Олег Викторович // Булахов М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь. Минск, 1989. С. 215—216.
3. Творогов Олег Викторович // Кто есть кто в русском литературоведении: Справочник. М., 1994. Ч. 3: П—Я. С. 129—130.
4. Дмитриев Л. А. Творогов Олег Викторович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 5. С. 101—105.
5. Алексеев А. А. К юбилею ученого: Олегу Викторовичу Творогову 70 лет // РЛ. 1998. № 4. С. 264—266.
6. Прохоров Г. М. «Достойнейший в ученых Творогов» // Наст. изд. С. XXV—XXVIII.

Г. М. ПРОХОРОВ

«Достойнейший в ученых Творогов»

Олег Викторович Творогов — человек удивительной цельности и «прицельности», творческой целеустремленности, а при том и собранности, дисциплинированности — вдобавок к замечательной энергии, добро-совестности и трудолюбию. Это счастливое сочетание качеств Олегу Викторовичу дал, очевидно, его предшествующий учебе в институте опыт работы на заводе и службы в армии. Олег Викторович иногда рассказывает, что их, танкистов, учили владеть башенным орудием так, чтобы быть способными его стволом расписаться. Стремление достигать в работе виртуозности — наверное, с тех пор — стало свойством стиля Олега Викторовича.

Из своих 75 лет — столько ему теперь, к нашему удивлению, исполняется — более 40 Олег Викторович работает в Секторе-Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома, куда в 1961 г. был приглашен Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

К древнерусской литературе подвел Олега Викторовича, надо сказать, именно Пушкин: на студенческой скамье филологического факультета Педагогического института им. А. И. Герцена Олег Викторович по совету своего научного наставника Б. Л. Богородского занялся сопоставлением «Песни о вещем Олеге» с соответствующим летописным рассказом (эти занятия отразились в его первой опубликованной статье «Лексика „Песни о вещем Олеге“ А. С. Пушкина» // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1959. Т. 169). С этого начались его занятия летописью, и это оказалось надолго: лексика «Повести временных лет» стала темой его кандидатской диссертации в аспирантуре Ленинградского университета, куда Олег Викторович поступил после окончания с отличием института (в аспирантуру которого его взять отказались, так как его 11-летний трудовой и армейский стаж не был работой «по специальности»). В аспирантские годы он завершил большую (около 40 000 карточек) картотеку «Повести» и подготовил часть словаря к этому памятнику. На прочном фундаменте этой словарной картотеки Олег Викторович написал свои первые «древнерусские» статьи (О типе словаря к литературному памятнику // Вестник ЛГУ. № 14. Серия истории, языка и литературы. Л., 1961. Вып. 3; Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18; К вопросу об употреблении старославянизмов в «Повести временных лет» // Там же. М.; Л., 1963. Т. 19; Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Там же. М.; Л., 1964. Т. 20 и др.). Сам словарь из-за своего объема (около 70 а. л.) так и не был издан, остался в картотеке, опубликован был, только в 1984 г. в Киеве, словоуказатель к «Повести»

под названием «Лексический состав Повести временных лет. Словоуказатель и частотный словарь» (переиздание — в 1997 г. в Москве в составе 1-го тома нового издания Полного собрания русских летописей).

Человек необычайного трудолюбия, предельно честный и тщательный в работе, О. В. Творогов не любит «точечных», выборочных исследований, а всегда стремится создать полную картину изучаемого явления, что неизменно требует большой творческой воли, сил и упорства. И он сумел сделать за эти годы необыкновенно много. Прежде всего — в жанре фундаментальной лексикографии: им составлен и опубликован полный словоуказатель к болгарскому переводу Хроники Константина Манассии (1988), он был одним из редакторов фундаментального «Словаря-справочника» к «Слову о полку Игореве» (выпуски 1965—1984 гг.).

Ко времени выхода в свет словоуказателя к «Повести временных лет» Олег Викторович стал первоклассным исследователем и знатоком «Повести временных лет» уже как литературного памятника, а равно исследователем и знатоком связанной с «Повестью» русской хронографии и многого другого. Древнерусским произведением, излагающим всемирную историю, хронографическим сводом он посвятил еще больший, чем лексике «Повести временных лет», ряд работ, начатый статьей «Русский хронограф и задачи его изучения» и продолженный источниковедческими статьями и публикациями хронографических источников в серии «Материалы к истории русских хронографов». В этом ряду главное — докторская диссертация, защищенная в 1973 г. и открывшая читателю яркую картину древнерусских представлений о всемирной истории от сотворения мира до падения Константинополя, — книга «Древнерусские хронографы» (1975), в которой Олег Викторович пересмотрел освященные авторитетом А. А. Шахматова представления о времени создания Русского хронографа.

Нисколько не изменяя своей изначальной цели, а только расширяя ее, с годами Олег Викторович сделался знатоком и летописания, и хронографии, и «Слова о полку Игореве», и русских рукописных сборников XI—XIV вв., да и всей древнерусской литературы в целом. Теперь О. В. Творогов — один из самых авторитетных и самых «широких» специалистов в области древнерусской литературы и культуры.

«Слову о полку Игореве» Олег Викторович отдал очень много сил и времени, результатом чего явились его многочисленные работы 60—80-х гг., но главное — фундаментальная «Энциклопедия „Слова о полку Игореве“»: Олег Викторович ответственный редактор этого пятитомного издания, без которого дальнейшее изучение «Слова» сделалось невозможным.

Приняв участие в работе Сектора над «Истоками русской беллетристики» (книга вышла в свет в 1970 г.) рассказом о типах сюжетного повествования в летописях и в переведенных с греческого исторических и беллетристических произведениях, Олег Викторович заинтересовался самими этими произведениями и принял участие в подготовке книги «Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в.» (1965), а затем опубликовал (в той же серии «Литературные памятники») книгу «Троянские сказания» (1972), основанную на впервые введенных в научный оборот текстах Краткой редакции «Троянской истории», восходящей к полному переводу латинского романа Гвидо де Колумна. Тем самым был развеян научный миф о том, что древнерусские книжники читали тот оскопленный и переработанный текст, который был издан в петровское время. Кроме того, большой ряд произведений (в том числе исторических повестей) опубликован Олегом Викторовичем в коллектив-

ных секторских изданиях, таких как «Изборник» (1967), «Памятники литературы Древней Руси» (1978—1994) и «Библиотека литературы Древней Руси» (издается с 1997 г.). Подготовленная им для «Памятников» переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским неоднократно выходила затем отдельным изданием (1978, 1981, 1993 и 2001).

Обратившись к проблемам древнерусской археологии, Олег Викторович в цикле статей рассмотрел состав древнейших сборников, введя в научный оборот новые списки нескольких сотен памятников, и на этой основе создает теперь «Каталог памятников XI—XIV вв.», первый выпуск которого будет опубликован уже в следующем томе ТОДРЛ.

Упомянуть здесь все работы Олега Викторовича и даже их темы нет никакой возможности. Отсылаем читателя к их длинным перечням в ТОДРЛ. Скажем лишь об одной из последних его фундаментальных работ — издании «Летописца Еллинского и Римского» в двух томах: 1-й том — текст со вступительной статьей, археографическим обзором и критическим аппаратом (СПб., 1999), 2-й — комментарий и исследование (СПб., 2001). Это тоже — результат большой и долгой кропотливой работы, требующей обширных знаний и широкого кругозора. Благодаря Олегу Викторовичу мы теперь можем читать древнерусский «Летописец Еллинский и Римский» «вооруженным» взглядом, положив два тома его издания рядом, а из завершающего 2-й том исследования черпать знания об источниках этого созданного в середине XV в. «Летописца». Надо заметить, что такие, как это, издания очень нечасты в нашей науке, так как требуют настоящего научного подвига — постоянной целеустремленной работы в течение не лет, а десятилетий.

После кончины Дмитрия Сергеевича Лихачева его место главы Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома заслуженно — как старейший и достойнейший сотрудник Отдела — занял Олег Викторович Творогов и в этом качестве — в качестве защитника интересов коллектива и организатора его работы — оказался коллективом вполне поддерживаем и уважаем.

Теперь Олег Викторович принимает энергичнейшее участие в подготовительной работе для создания свода древнерусских житий, расписывая на карточках житийные сборники. Сомнений в том, что доведенная таким образом при его участии — не до конца, а до начала — работа по изданию свода древнерусских агиографических произведений будет успешной, никаких нет. Конца же ей в обозримом будущем вообще не должно предвидеться.

Прекрасный ученый, Олег Викторович Творогов и замечательный педагог. Блестящий лектор, он умеет увлекательно, почти в детективном жанре, рассказывать о произведениях древнерусской литературы, о проблемах их текстологии, о литературном источниковедении, читая курсы лекций в Русском христианском гуманитарном институте (с 1990 г.) и в Европейском университете (с 1997 г.), а при случае и в Государственном университете, и в Педагогическом университете им. А. И. Герцена, и по радио, и по телевидению. В Пушкинском Доме им подготовлено 8 кандидатских наук (Н. П. Дубовик, Л. В. Соколова, М. Димитрова, И. М. Грицевская, Е. Г. Водолазкин, В. Ф. Хрипков, С. А. Давыдова, Н. В. Пак), некоторыми из которых — уже доктором Е. Г. Водолазкин, Л. В. Соколовой, И. М. Грицевской и С. А. Давыдовой — он по праву может гордиться.

Олег Викторович сверх того — и защитник науки от бессовестных мифотворцев-фальсификаторов, пользующихся неожиданно большим успехом у технической интеллигенции, потерявшей, видимо, после марксиз-

ма-ленинизма и «политэкономии социализма» всякую веру в гуманитарную науку. Он неутомимо показывает еще не утратившим способности думать читателям и слушателям подложность «Влесовой книги» и чудовищность измышлений отрицателя истории А. Т. Фоменко, тем самым стараясь предохранить наше общество от очередного погружения в нереальность.

Вспомним здесь и о редком и ярком таланте Олега Викторовича — сочинять экспромтом стихотворные эпиграммы. Вот, к примеру, его ментальная реакция на доклад Л. В. Титовой «Слово о злых женах»:

Речью мудрою Титовой
Поражен я и сражен
Будто жизнь я прожил снова,
Все узнав о злобе жен
Мне осталось жить немного
В роли мужа и отца,
У меня одна дорога —
В том, что жены не от Бога,
Убедиться до конца

И, мы думаем, Олег Викторович не осудит нас, если мы воспроизведем посвященный ему около полутора десятков лет назад акростих Владимира Павловича Бударagina:

Он в бой опять всгупил отважно,
Велеса снова победил!
Торжествовать, однако, рано —
Враг сохранил запас чернил
Открытый сделано немало,
Расписан Пролог, Златоуст,
Он одолел, подъяв забрало,
Гранографический искус
Отныне и присно поклон от коллег,
Во здравии добром пребудьте, Олег!

И в завершение — отрывок из экспромта того же автора:

Язычник он, сиречь языковед,
К тому же иронический поэт —
Все это он Профессор, педагог,
Достойнейший в ученых Творогов!

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

L. MÜLLER

Die Überschrift der «Povest' vremennyh let»

In seiner Ausgabe der «Povest' vremennyh let»¹ gibt Šachmatov die Überschrift des Werkes in zweifacher Textgestalt an. Die eine bezeichnet er als die Überschrift der zweiten, die andere als die der dritten Redaktion der PVL. Für die zweite Redaktion folgt er ziemlich genau den Handschriften L und T. Zur Überschrift der «dritten Redaktion» sagt er, sie sei übernommen aus IpChRA, «rekonstruiert nach Ip». Aber das stimmt nicht. In seiner Rekonstruktion fehlt der Satzteil «i ot'kudu Rus'skaja zemlja stala est'». Er läßt unerwähnt, daß diese Worte in Ch vorhanden sind. Aber auch in dem Protograph von Ip müssen sie vorhanden gewesen sein; denn in Ip finden sich die Worte «stala est'», zu denen aber das Subjekt fehlt. Sie hängen in der Luft. Die Ursache dieses Fehlers der Handschrift Ip ist leicht zu erkennen. Der Schreiber ist von dem ersten Vorkommen der Worte «Rus'skaja zemlja» in der Überschrift zu dem zweiten Vorkommen dieser Worte übersprungen und hat den dazwischen liegenden Text ausgelassen. Er hat dann seinen Fehler bemerkt und wenigstens einen Teil des ausgelassenen Textstückes — nämlich die Worte «i čto v nei počal' pervëe knjažiti» — am Rande nachgetragen. Die nach Šachmatov in der dritten Redaktion fehlenden Worte «i ot'kudu Rus'skaja zemlja stala est'» fehlen also nur in R und A, nicht aber in IpCh, er folgt in seiner Rekonstruktion also nicht IpCh, die er doch für die wichtigsten Zeugen der von ihm so genannten «dritten Redaktion» halt.

Die beiden Fassungen der Überschrift, die Šachmatov nebeneinanderstellt, sind nicht zwei verschiedene Redaktionen, sondern es sind zwei Varianten einer Redaktion, die sich leicht auf einen Archetyp zurückführen lassen. Dieser lautete: «Pověst' vremen'nych let, ot'kudu est' poš'la Rus'skaja zemlja i k'to v nei počal' p'rvëe knjažiti i ot'kudu Rus'skaja zemlja stala est'».

Alle sechs erhaltenen Handschriften weichen in der einen oder anderen Weise von diesem Archetyp ab; aber alle diese Abweichungen sind ohne Schwierigkeit zu erklären. Die erste größere Abweichung besteht darin, daß die Handschriften Ip, Ch, R und A nach «let» folgende Worte folgen lassen: «č'rnoriz'ca Feodos'eva manastyrja Pečerskago». In meiner Übersetzung der PVL² habe ich diese Worte für ursprünglich gehalten, weil ich von der Überzeugung ausging, daß, wenn IpCh und RA eine gemeinsame Lesart haben, die von LT abweicht, die Lesart von IpCh und RA besser bezeugt sei als die von LT. Durch die Rezensionen meiner Übersetzung von A. Gip-

---

¹ Šachmatov A A Povest' vremennyh let T 1 [ ] Petrograd, 1916 S 1 «Povest' vremennyh let» künftig abgekürzt «PVL» Die abgekürzt zitierten Titel und weitere Abkürzungen siehe im Abkürzungsverzeichnis

² Die Nestorchronik [ ], ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller München, 2001 S 1

pius und A Nazarenko habe ich mich überzeugen lassen, daß die gemeinsame Vorform von R und A mit einer Vorform von Ip und Ch kontaminiert worden ist und daß gerade der Anfangsteil der PVL in RA aus dieser Vorform von IpCh übernommen worden ist. Darum gilt das gemeinsame Zeugnis der Handschriften Ip, Ch, R und A nicht *mehr* als das von L und T (und dort, wo wir keine Angaben für T besitzen, von L allein), weil in solchem Fall jene vier Handschriften (Ip, Ch, R und A) auf eine gemeinsame Vorform zurückgehen können. In solchem Fall können nur innere Gründe entscheiden, welche Lesart die ursprüngliche ist. Und diese «inneren Gründe» sprechen in diesem Fall für die Lesart von L. Warum?

Bekanntlich fehlt in IpCh die Nachschrift des Sil'vestr. Der Redaktor von IpCh kann sie aus guten Gründen weggelassen haben. Er kann aus dem Inhalt der PVL richtig erkannt haben, daß dieses Werk im wesentlichen die Arbeit eines Monches des Hohlenklosters war und nicht die des Abtes Sil'vestr vom Vydubickij Kloster. Dieser Überzeugung gab er Ausdruck, indem er die Nachschrift des Sil'vestr ausließ und in die Überschrift des Werkes die Bemerkung einfügte, daß es von einem Monch des Hohlenklosters geschrieben worden sei. So ist es wahrscheinlicher, daß die Vorform von RA und IpCh diese Worte hinzugefügt hat, als daß der Redaktor von LT sie getilgt hatte.

Der Name Nestor wird nur in Ch genannt. Er ist damit sehr schwach bezeugt, auch Šachmatov läßt ihn weg, obwohl er überzeugt war, daß Nestor der Verfasser der zweiten Redaktion der PVL gewesen sei. Der Zusatz in Ch ist leicht zu erklären. Denn um 1500, als die Ch-Handschrift geschrieben wurde, glaubte man aus dem Paterik des Hohlenklosters zu wissen, daß der Hagiograph Nestor auch «letopis'c» gewesen sei. Das Fehlen dieses Namens in der ursprünglichen Fassung der Überschrift zeigt, daß man dies im 12. Jahrhundert noch nicht zu wissen meinte.

Eine weitere größere Abweichung vom Archetyp in einer der Handschriften habe ich schon genannt. Es ist das Fehlen des Textstückes zwischen dem ersten und dem zweiten Vorkommen der Worte «Rus'skaja zemlja» in der Handschrift Ip. Der Schreiber ist von dem ersten zum zweiten Vorkommen dieser Worte «übergesprungen» — eine der häufigsten Ursachen von Verschreibungen beim Abschreiben von Texten. Aber der Schreiber bemerkte sein Versehen und trug die wichtigsten Worte des ausgelassenen Textstückes («i chto v nei počal pervee knjažiti») nach, ließ die jetzt sinnlos gewordenen Worte «stala est'» stehen und setzte das Auslassungszeichen im Text an die falsche Stelle.

L und T, die die ursprüngliche Fassung ohne größere Änderungen wiedergeben, haben dennoch einige kleinere gemeinsame Abweichungen, die auf die Vorform LT zurückgehen. Diese setzt «pověst'» in den Plural — wohl deswegen, weil bei der Vielzahl der in dem Gesamtwerk enthaltenen Erzählungen die Mehrzahl angemessen erscheint. Das Verbum «počati» setzt sie aus dem Perfekt in den Aorist. L allein ersetzt dann «počati» durch «načati» und die ostslawische Form «zemlja» durch die gelehrte, sudslawische «zemja» — allerdings nur beim ersten Vorkommen dieses Wortes.

R und A haben *eine* wichtige Abweichung von dem gemeinsamen Text aller anderen Handschriften. Sie lassen die abschließende Wendung «i otkudu Rus'skaja zemlja stala est'», die durch die Übereinstimmung von LT und IpCh sicher bezeugt ist, aus.

Die Auslassung kann ein mechanischer Fehler sein, für den es aber keine so einfache Erklärung (durch «Überspringen») gibt, wie bei der schon besprochenen Auslassung in Ip. Ich halte für möglich, daß der Redaktor von RA den Satzteil mit Absicht weggelassen hat. Im Gesamtzusammenhang des

Textes der Überschrift kommt die Aussage dieser Worte zu spät. Denn zuerst muß das «Russische Land» ja «entstanden» sein, ehe Fürsten darin herrschen konnten. Wichtiger ist, daß dieser Satzteil eine Dublette zu dem vorangehenden «otъkudu est' poš'la Rus'skaja zemlja» ist. Die beiden Satzteile unterscheiden sich nur durch das Verbum: Statt «est' poš'la» an der ersten Stelle steht an der zweiten «stala est'».

Ich vermute, daß der zweite mit «otъkudu» beginnende Satz ursprünglich eine Korrektur oder eine Glosse zu dem ersten war. Auffällig ist im ersten die Verbindung des Substantivs «zemlja» mit dem Verbum «poiti». Dieses kommt laut dem «Wörterverzeichnis»³ in der PVL (mit Einschluß des «Poučenie» des Vladimir Monomach) 197 Mal vor, davon 195 Mal in der konkreten Bedeutung des Gehens von einer Stelle zu einer anderen. Nur an einer einzigen Stelle des Chroniktextes hat es ähnlich wie hier die Bedeutung von «entstehen»: in dem Artikel über das Jahr 1051 über die Entstehung des Höhlenklosters: «est' že manastyr' Pečerskyi ot blagosloven'ja Svjatyja Gory pošelъ»,⁴ und selbst hier enthält das Verbum neben dem vorrangigen Begriff des «Entstehens» noch den sekundären einer Bewegung im Raum — der Segen «kommt» von dem Heiligen Berg nach Kiev. Dagegen hat «poiti» in der Überschrift der PVL keinerlei räumliche Bedeutung mehr. Das «Russische Land», von dem hier die Rede ist — die unter der Herrschaft der Rjurikiden zusammengefaßte und organisierte Gemeinschaft slawischer, finnischer und baltischer Stämme — dieses «Russische Land» ist nicht «gegangen», sondern es ist «entstanden».

So konnte sich ein Leser oder (wahrscheinlicher) ein Redaktor der Chronik veranlaßt sehen, über den Sinn der ungewöhnlichen Wendung «otъkudu est' poš'la Rus'skaja zemlja» nachzudenken. Er verstand sie (richtig) im Sinne von: «Aus welchen geographischen, ethnischen, historischen und politischen Voraussetzungen ist das staatliche Gebilde der Rus', die 'Rus'skaja zemlja' entstanden?». Aber er empfand das Verbum «poiti» in diesem Zusammenhang als unangemessen und ersetzte es durch das passendere «stati». Im übrigen ließ er den Wortlaut unangetastet, ließ sogar das satzeinleitende «otъkudu» stehen, das zwar genau zu «poiti» paßt, aber nicht so gut zu «stati», das besser mit «kakъ» zu verbinden wäre. Der Schreiber verstand die Glosse als einen Zusatz des Redaktors und nahm sie (an unpassender Stelle) in den Text der Überschrift auf.

Es bleibt nun aber zu fragen, warum der Chronist, der die Überschrift zuerst formuliert hat, für den Begriff des Entstehens das sonst fast ausschließlich im konkreten Sinn verwendete Wort «poiti» gebraucht hat. Damit verbunden ist eine andere Frage: Wieso gibt der Chronist in der Überschrift an, er wolle erzählen, wer im «Russischen Landes» *zuerst* (p'rvée) Fürst war, berichtet dann aber in seinem Werk über die historischen Gestalten und Ereignisse im Laufe von mehr als 200 Jahren, bis hin zur Gegenwart des Verfassers?

Die Inkongruenz zwischen der Überschrift und dem Inhalt des Werkes ist seit langem bemerkt worden. Manche haben deswegen gemeint, die Überschrift beziehe sich nicht auf das ganze Werk, sondern nur auf seinen Anfangsteil — die Zeit der ersten Herrscher über das Gesamtreich, etwa bis zu Svjatoslav Igor'evič. Beim Beginn seiner Herrschaft steht dann ja auch als eine Art neuer Überschrift: «Načalo knjažen'ja Svjatoslavlja».⁵ Aber in der

³ Grober B, Muller L. Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik. München, 1977—1986. S. 538.

⁴ Polnoe sobranie russkich letopisej. T. I. [...] Izd. 2-e. Leningrad, 1926. S. 159. Zeile 9 f.

⁵ Ibid. S. 57. Z. 30.

vorliegenden Form bezieht sich die Überschrift wohl doch eher auf das Gesamtwerk. Dennoch könnte sie hervorgegangen sein aus der Überschrift über eine Erzählung, die tatsächlich nur über die früheste Geschichte der Ostslawen, über die Vorgeschichte des «Russischen Landes» berichtete. Ein solches Werk hat dem Chronisten, der den Einleitungsteil der PVL geschrieben hat, offenbar vorgelegen; denn er setzt sich ja, z. B. bei seiner Erzählung über Kij, mit denen auseinander, die früher über ihn berichtet haben.⁶ In diesem Bericht über die Vorgeschichte des russischen Staates war nun tatsächlich von einem «Gehen» («poiti») die Rede. Die Ostslawen «kamen»⁷ angeblich von der Donau und siedelten am Dnepr und an der Düna und am Ilmensee. Eine solche Erzählung konnte etwa den Titel haben: «Pověst', otъkudu est' poš'ľ sloven'skyi jazykъ i kъto vъ nemъ počalъ p'rvěe kъnjaziti». Diese Überschrift, die ursprünglich nur dem Einleitungsteil gegolten hatte, wurde dann beibehalten, als aus der Erzählung über die Vorgeschichte des «Russischen Landes» eine Gesamtdarstellung seiner historischen Entwicklung wurde. Dabei wurde nur der Name geändert, aus dem «sloven'skyi jazykъ» wurde die «Rus'skaja zemlja». Das Verbum «poiti» wurde beibehalten, aber es wurde jetzt anders verstanden: Aus dem konkreten «Gehen» wurde ein abstraktes «Entstehen», das aber für dieses Verbum so ungewöhnlich war, daß ein späterer Redaktor es durch das für diesen Begriff besser passende «stati» ersetzte.⁸

Vielleicht gleichzeitig mit dieser Änderung, vielleicht aber auch an einer anderen Stelle der Überlieferung dürfte ein weiterer Zusatz in der Überschrift gemacht worden sein: die Einfügung der Worte «vrěmen'nychъ lěť». Sie heben sich in ihrer Abstraktheit ab von dem sonst konkret-historischen Inhalt der Überschrift. Die konkrete Ergänzung zu «povest'» sind die indirekten Fragesätze, die mit «otъkudu» und «kъto» eingeleitet sind. Einer weiteren Ergänzung im Genitiv bedarf es nicht. Und was besagt diese Ergänzung im Genitiv eigentlich?

Unklar und bisher umstritten ist besonders die Bedeutung des Adjektivs «vrěmen'nyi». Meist wird es mit «vergangen»⁹ übersetzt. Aber eine solche Bedeutung ist für das Wort sonst nicht belegt. Und worüber soll ein Geschichtsschreiber berichten, wenn nicht über «vergangene» Jahre? Ich habe in meiner Übersetzung der PVL geschrieben: «längst vergangene Jahre». Das gibt einen Sinn. Aber eine solche Bedeutung ist sonst auch nicht belegt. Die Überschrift würde sich dann auch nicht auf das ganze Werk beziehen, sondern nur auf den Einleitungsteil.

Überzeugender als alle anderen Deutungen erscheint mir diejenige, die etwa gleichzeitig von H. G. Lunt und A. A. Gippius vorgeschlagen worden ist. Lunt kommt in sorgfältiger Untersuchung zu dem Ergebnis, daß das Adjektiv «vrěmen'nyъ» niemals die Bedeutung «vergangen» hat und daß deshalb die Übersetzung durch «Povest' minuvšich let», «Tale of Bygone Years», «Racconto dei tempi passati» aufgegeben werden muß. Er hält zwei Bedeutungen für möglich. Die erste: Die beiden Wörter «vrěmen'nyja lěta» bilden eine semantische Einheit, die einfach «Jahre» bedeutet. Diese Annahme stützt

⁶ Ibid S 9 Z 22

⁷ Ibid S 6 Z 12

⁸ Vgl im «Slovo» des Ilarion «manastyreva na gorach staša» (Handschrift S-591, S 187 a)

⁹ Lichačev D S Povest' vremennyh let Sankt-Peterburg, 1996 S 143 Im Kommentar (S 379) versucht Lichačev, diese Übersetzung mit einem Hinweis auf den Sprachgebrauch in der slawischen Übersetzung des Georgios Hamartolos zu begründen H G Lunt (Pověst' vrěmen nych letъ? or Pověst' vreměň i letъ? // Palaeoslavica 5 1997 S 317—326) und A A Gippius («Pověst' vremennyh let» o vozmožnom proischoždenii i značeni nazvanija // Iz istorii russkoj kul'tury T I (Drevnjaja Rus'), Moskva, 2000 S 448—460) zeigen, daß dies unmöglich ist

sich darauf, daß im Uspenskij sbornik (aus dem 12. Jahrhundert) das griechische Wort «etos» einmal durch «lěto vremen'noe» übersetzt wird. Der Übersetzer habe das Adjektiv vielleicht deswegen hinzugefügt, um deutlich zu machen, daß «lěto» hier nicht im Sinne von «Sommer», sondern im Sinn von «Jahr» zu verstehen sei.¹⁰

Für wahrscheinlicher hält Lunt eine zweite Möglichkeit. In der Bibel (Dan 2,21, Apostelgeschichte 1,7) und in der griechischen und kirchenslawischen liturgischen Dichtung gibt es die Wendung «kairoi kai chronoi» oder «chronoi kai kairoi», in slawischer Übersetzung «vrěmena i lěta». Die Überschrift der Chronik, so meint Lunt, habe ursprünglich gelautet «Pověst' vrěmenъ i letъ». Daraus sei durch den Fehler eines Schreibers «vrěmen'nychъ letъ» geworden. Lunt weist ausführlich und überzeugend nach, daß und wie es sehr leicht zu einer solchen Verschreibung hat kommen können.

Gippius geht von der auch von Lunt zitierten Bibelstelle Apostelgeschichte 1,7 aus, wo der auferstandene Christus zu den Jüngern sagt «Es ist nicht eure Sache, zu wissen *chronous kai kairous*, die der Vater seiner Macht vorbehalten hat». In der slawischen Übersetzung lautet dieser Satz «Něst' vaše, razuměti vrěmena i lěta». Aber in sudslawischen und altrussischen Handschriften, unter anderen auch in dem aus der Igor'-Lied-Philologie bekannten Pskover Apostolos von 1307, findet sich statt «vrěmena i lěta» die Lesart «vremennychъ lětъ». Nach Gippius muß dies nicht ein Fehler von Schreibern gewesen sein. Tautologische Wendungen, die aus zwei synonymen Substantiven bestehen, wie z. B. «veroj i pravdoj», können abgewandelt werden in eine Fugung aus Adjektiv und Substantiv «vernoju pravdoju».¹¹ So verstanden ist «vrěmennychъ lětъ» identisch mit «vrěmenъ i letъ». Wenn wir also das altrussische «Pověst' vrěmen'nychъ letъ» übersetzen mit neurussisch «Pověst' vremen i let» (Erzählung von Zeiten und Jahren), so ist das nicht eine Änderung des Textes, sondern die Auflösung einer unverständlich gewordenen rhetorischen Figur.

Was besagt aber die Wendung «Erzählung von Zeiten und Jahren»? Die biblische Wendung «Zeiten und Jahre» hat überzeitlichen, theologischen, eschatologischen Charakter. Sie stellt irdisches, zeitliches Geschehen in seinen Zusammenhang mit der Ewigkeit Gottes. In Apostelgeschichte 1,7 ist es der Zusammenhang der irdischen Geschichte des Volkes Israel mit der Vollen- dung der Welt bei der Wiederkunft Christi. In der PVL geht es darum, daß «Christus lieb gewonnen hat das neue Volk, das Russische Land»,¹² es geht um die Einbettung der Geschichte dieses «Russischen Landes» in die ewige Heilsgeschichte Gottes.

Dies ist ja in der Tat die ubergeschichtliche Thematik des großen Geschichtswerkes, das höhere Anliegen des Verfassers der PVL, und in den Titel dieses Werkes durfte die Wendung von den «Zeiten und Jahren» zu der Zeit aufgenommen worden sein, als es aus einer einfachen Sammlung von Erzählungen über Ereignisse und Gestalten der russischen Geschichte, über die Herkunft und die Wanderungen der slawischen Stämme und über die Taten und Untaten der russischen Fürsten zum Bericht über einen gott- menschlichen Prozeß, über ein Geschehen der Heilsgeschichte wurde, eben zu einer «Pověst' vremen i let».

¹⁰ Lunt H G Pověst vremen nych lětъ? or Pověst vremenъ i letъ? S 318

¹¹ Weitere Beispiele s Gippius A A «Pověst vremennych let» o vozmožnom proischozdenii i znaceni nazvanija S 452

¹² Polnoe sobranie russkich letopisej T 1 S 119

Wann das gewesen ist und wer es war, der diese Worte in die Überschrift eingefügt hat, können wir bei unserer bisher nur geringen Kenntnis der Vorgeschichte der PVL noch nicht mit Bestimmtheit sagen.

Abkürzungsverzeichnis

- A = Handschrift Akademičeskaja der PVL
 Ch = Handschrift Chlebnikovskaja der PVL
 Ip = Handschrift Ipat'evskaja der PVL
 IpCh = Die gemeinsame Vorform der Handschriften Ip und Ch
 IpChRA = Die gemeinsame Vorform der Handschriften Ip, Ch, R und A
 L = Die Handschrift Lavrent'evskaja der PVL
 L T = Die gemeinsame Vorform der Handschriften L und T
 LTRA = Die gemeinsame Vorform der Handschriften L, T, R und A
 PVL = Povest' vremennyh let
 T = Handschrift Troickaja der PVL
 R = Handschrift Radzivilovskaja der PVL
 RA = Die gemeinsame Vorform der Handschriften R und A

Н. И. МИЛЮТЕНКО

К вопросу о некоторых источниках Речи Философа

Издание О. В. Твороговым полного текста Летописца Еллинского и Римского 2-й редакции¹ (далее — Ел-2) с комментарием открыло новые возможности исследования источников «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) и входящих в нее памятников. Предметом нашей статьи является входящая в ПВЛ Речь Философа (далее — РФ).

РФ представлена в древнерусском летописании как наставление в православной вере, прочитанное князю Владимиру неким греческим учителем — Философом. Именно она побудила князя принять христианство. РФ была включена уже в Начальный свод, судя по тому, что она читается в основанной на нем Новгородской I летописи младшего извода, а не только в ПВЛ. В 80-е гг. XI в. РФ уже была создана, поскольку отразилась в «Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба» Нестора, созданном в 1081—1083 гг.: в трактовке ряда событий ветхозаветной истории (сотворение мира, отпадение сатаны, грехопадение человека, убийство Каином Авеля) Нестор следует за РФ. А. А. Шахматов, вначале предполагавший, что РФ была памятником древнеболгарской литературы, впоследствии пришел к выводу, что она была составлена летописцем.²

РФ относится к эзропокритической литературе — написана в форме вопросов и ответов. Похоже, что РФ была первоначально самостоятельным текстом, только позднее связанным летописцем с выбором веры Владимиром. Весь исторический материал в РФ подобран так, чтобы представить мировую историю как борьбу сатаны с Богом. Автор пишет, что дьявол, превратившийся в змею, прельстил Еву. Новый этап — прельщение Каина. Затем, уже после потопа, именно дьявол научил людей делать идолов. Каждый раз после смерти Иисуса Навина, Давида, Соломона Израиль впадает в служение дьяволу, и только с приходом в мир Иисуса Христа открывается путь спасения для всего человечества.

РФ имеет своеобразную композицию, которой еще не уделяли должного внимания. Подробное изложение исторического материала в ней охватывает только ветхозаветные книги Бытия и Исход, при этом текст РФ значительно расходится с каноническим текстом. Далее следует очень короткий рассказ о судьях и царях Израиля до Ровоама, в основном посвященный обличению их отпадения от Бога. Последнюю часть состав-

---

¹ Летописец Еллинский и Римский Т 1 Текст СПб, 1999, Т 2 Комментарий и исследование О В Творогова СПб, 2001

² Шахматов А А Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ Л, 1940 Т 4 С 123

ляют пророчества о пришествии Христа, краткий пересказ Евангелия и толкование смысла Рождения, Крещения и Распятия Христа.³

Источники РФ изучены недостаточно. А. А. Шахматов, указав на соответствия между РФ и Толковой Палеей (далее — Толк. П.), объяснил их наличием общего источника — Хронографа, т. е. Хронографа по Великому изложению (далее — Хр. по ВИ). (Как показал О. В. Творогов, этот Хронограф входил также в число источников Ел-2⁴) Однако, как будет показано далее, есть основания сомневаться в том, что Хр по ВИ был в числе источников РФ.

Еще один источник РФ — апокрифическое «Малое Бытие» (далее — МБ), иначе Книга Юбилеев. Его впервые указал переводчик МБ на русский язык А. В. Смирнов.⁵ МБ, как полагают, было первоначально написано на древнееврейском и впоследствии переведено на многие языки. Сохранилась только эфиопская версия, но греческий текст МБ был хорошо известен византийским хронистам. Еще А. В. Смирнов полагал маловероятным обращение автора РФ непосредственно к тексту МБ. Так же считает сейчас С. Франклин. Очевидно, древнерусский автор был знаком с каким-то компилятивным памятником, включавшим и МБ.⁶

С. Франклин указал, что среди источников РФ были также хроники Иоанна Малалы, Георгия Амартола и еще один греческий хронограф, о котором мы скажем далее.⁷

Обратимся теперь к первой части РФ, в которой говорится о ветхозаветной истории, и проанализируем подробнее ее источники. Рассказ этой части РФ полностью укладывается в рамки повествования МБ, которое заканчивается исходом евреев из Египта. А. В. Смирнов указал следующие соответствия МБ и РФ: небо и землю сотворил Бог в первый день; Каин убил Авеля камнем (но нет подробного рассказа о двух птенцах, научивших Адама и Еву хоронить, который читается и в Толк П); имена дочерей Адама. Все это заимствовано, по имени исследователя, через «Хронику» Георгия Амартола.

Большая группа заимствований связана с историей Авраама. На МБ основан рассказ о кумиротворении Фары, отца Авраама, и о сожжении языческого храма Авраамом, когда погиб его старший брат Аран. Вопреки мнению А. В. Смирнова, эти известия заимствованы не через «Хронику» Амартола, текст которой сильно отличается от РФ.⁸ начало рассказа, где говорится о язычестве Фары и его деда Серуха, в РФ происходит из 2-й книги «Хроники» Иоанна Малалы. Эти отрывки входят и в Тихонравовский хронограф, но перевод здесь отличается от того, что читается в РФ.⁹ Именно пользование «Хроникой», где говорится только

³ Последний раздел большей частью основан на 137-м ответе из «Вопросов и ответов» Афанасия Александрийского См PG Vol 28 Athanasii opera omnia Col 684—700 Судя по большому объему, этот текст не принадлежит к первоначальному виду «Вопросов и ответов», но к концу X в он уже существовал

⁴ Летописец Еллинский и Римский Т 2 С 140—141, 152—160

⁵ Смирнов А В Юбилей, или Малое Бытие Казань, 1895

⁶ Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers 1982 Vol 15 P 1—27

⁷ Ibid P 19—25

⁸ Ср у Амартола ѿ него же Фара противодѣбразна Богови прежепостави, своєю хытростию сдѣлавъ идола, подобья ихъ же створи, испытаниемъ приять и тѣ изѣбразивъ ѿ своего чада. Оумре во Аранъ пожаромъ, его же пожь Авраамъ, пожещи хотя идола штца своего, въшедъ же Аранъ изнести См Истрин В М Книги временныя и образныя Георгия мниха Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе Текст, исследование и словарь Т 1 Текст Пг., 1920 С 81

⁹ Истрин В М Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе М 1994 С 380

о Серухе и о Фаре как о начинателях идолопоклонства, привело к ошибке в РФ: отцом Фары назван Серух, а не Нахор, сын Серуха, как в Библии и в МБ. В Ел-2 и в Палаях написано в соответствии с Библией, но упоминается и о кумиротворении Серуха и Фары, известном только из МБ. Из «Хроники» Малалы (кн. 3:1), как отмечал С. Франклин, происходит основанный также на МБ рассказ о том, как Авраам, наблюдая небо, пришел к выводу о существовании единого Бога, Творца неба и земли, и обратился к отцу с упреком.¹⁰

Второй части рассказа, читающейся в РФ, — о сожжении храма Авраамом и о гибели Арана у Иоанна Малалы нет. В «Хронике» Георгия Синкелла об этом говорится трижды: первый раз в выдержке из Африкана, второй раз со ссылкой на Иосифа Флавия, третий — с указанием на МБ.¹¹ Сходное соединение в одном фрагменте повествований Иоанна Малалы и Георгия Синкелла есть помимо РФ в Толк. П., причем в последней текст подробнее.¹² В Ел-2 говорится только о сожжении храма и смерти Арана, спасавшего идолов. Текст полностью совпадает с РФ, видимо, сокращен один и тот же рассказ. Хотя ни Палеи, ни РФ не могут считаться переводом Георгия Синкелла, они явно опираются на его повествование, иными словами, у них был общий источник.

Следующая большая группа соответствий МБ и РФ связана с историей Моисея. С МБ совпадает имя дочери фараона (оно есть и у Георгия Амартола). Только оттуда происходит сообщение, что книгу Бытия и всю премудрость Моисею продиктовал ангел. Этот фрагмент РФ, как показал А. В. Смирнов, полностью совпадает с соответствующим текстом Георгия Кедрина.¹³ Хронист не цитирует МБ, а пересказывает, его изложение дважды противоречит апокрифу, и в обоих случаях РФ совпадает с Кедриним. Во-первых, в РФ, как и в «Хронике» Кедрина, появляется имя ангела, диктовавшего Моисею книгу Бытия, — Гавриил, не названное в МБ. Во-вторых, в МБ ангел является Моисею по велению Бога на горе Синай, а у Кедрина — до исхода евреев из Египта, когда Моисей, бежавший от фараона, бродил по пустыне. Так же написано и в РФ, но начало фрагмента больше соответствует «Хронике» Георгия Синкелла, чем «Хронике» Георгия Кедрина. Синкелл сначала пишет со ссылкой на МБ, что Моисея всему научил ангел, а ниже, уже рассказывая об исходе, говорит, что Моисей бежал из Египта и в Мадиямской пустыне в одиночестве постигал философию. О том, что он там пас овец своего тестя, как об этом говорится в Библии (Исх. 3:1), хронист не упоминает. Кедрин не называет пустыню «Мадиямской» и не объясняет, что причиной бегства Моисея было убийство египтянина. В РФ эти сведения Георгия Синкелла, отсутствующие у Георгия Кедрина, есть.

Рассказ Кедрина о том, как ангел сообщил Моисею книгу Бытия, есть еще в Полной Палее и в Краткой Палее (далее — Пол. П., Кр. П.), а также в Тихонравовском хронографе. Истрин указывает, что источник рассказа (МБ) назван в Пол. П. «Доброе житие», в Кр. П. — «Дробное житие», а в хронографе — «Доброе писание». Исследователь первым высказал предположение, что «Дробное писание (житие, бытие, глаголание)» и есть η Λεττή γενεσιῶν, Малое Бытие.¹⁴ По сравнению с Палаями и греческим текстом Георгия Кедрина в РФ отсутствует сообщение, что

¹⁰ Ioannis Malalae Chronographia Bonnae, 1831 P 57, 1—8

¹¹ Georgius Syncellus Chronographia Bonnae, 1829 P 178, 184, 185

¹² Творогов О В Древнерусские хронографы Л, 1975 С 133—134

¹³ Смирнов А В Юбилей, или Малое Бытие С 45—47

¹⁴ Истрин В М Редакции Толковой Палеи // ИОРЯС 1905 Т 10, кн 4 С 159—160

Моисей должен был дать законы иудеям, и указание на источник рассказа — «Дробное житие» (МБ).

Георгий Кедрин писал в конце XI в., и если бы именно его «Хроника» с дополнениями была источником РФ, то это позволило бы определить время создания памятника. Более вероятно, однако, что и византийский хронист, и его древнерусские современники обращались к одному и тому же тексту как к источнику. Из всей «Хроники» Кедрина в древнерусской литературе известен еще только один фрагмент, который тоже восходит к МБ. Это — рассказ о потоплении египтян в Красном море в наказание за истребление еврейских детей, помещенный в Кр. П. и в Тихонравовский хронограф. В последнем ссылка дается на «Дробное бытие», что точно соответствует греческому названию апокрифа.¹⁵

Помимо указанных фрагментов РФ, совпадающих с текстом Кедрина, в Тихонравовском хронографе есть еще две выписки из истории Авраама по МБ. Первая помещена в статье «Како Аврамъ позна искати Бога», ссылка дается опять на «Дробное бытие».¹⁶ К сожалению, текст слишком сокращен, чтобы можно было сравнить его с соответствующими рассказами в РФ и «Хрониках» Иоанна Малалы и Георгия Синкелла. Во второй выписке говорится о том, что Сарра была сестрой Авраама, источник назван «Доброе глаголение». Ссылка на апокриф, хотя то же самое написано в канонической книге Бытия, кажется странной. Выбор источника становится понятным при обращении к другому памятнику, содержащему тот же текст, «Прибавлению к Палее» (Пол. П., ркп. РНБ, собр. Погодина, № 1435). Здесь источник определен как «Дробное писание».¹⁷ В «Прибавлении к Палее» несколько раз повторяется, что жена Авраама приходилась ему племянницей. Так же говорится и в РФ, к чему мы еще вернемся. О том, что Сарра была дочерью Арана, брата Авраама, впервые написал Иосиф Флавий в «Иудейских древностях», и понятно, что для сравнения приводится мнение другого авторитетного, но неканонического еврейского источника — МБ. В «Прибавлении к Палее», как и в Тихонравовском хронографе, Флавий не назван — очевидно, эти ученые экскурсы были заимствованы составителями Пол. П. и хронографа откуда-то в готовом виде.

С. Франклин указывает рукопись Бодлеанской библиотеки в Оксфорде (Ваг. 30), где читаются оба фрагмента о Моисее из МБ в той же редакции, что и в «Хронике» Георгия Кедрина, РФ, Палеех и Тихонравовском хронографе. К сожалению, исследователь не пишет, есть ли там те заимствования из МБ, которые читаются только в Тихонравовском хронографе и Палеех, и сведения из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия.

Только из источника, основанного на Иосифе Флавии («Иудейские древности», кн. 1:6), составитель РФ мог почерпнуть сведения, что Сарра была сестрой Лота, дочерью старшего брата Авраама, Арана.¹⁸ Так как фрагмент РФ, где говорится о Лоте и Сарре, не совпадает ни с «Прибавлением», ни с русским переводом краткой «Хроники» Георгия Синкелла, можно предположить, что либо составитель написал его самостоятельно, либо во всех трех случаях сокращен общий источник. Второе

¹⁵ Истрин В. М. Редакции Толковой Палеи // ИОРЯС. 1906. Т. 11, кн. 1. С. 17—21.

¹⁶ Там же. С. 25—26.

¹⁷ Там же. С. 25—27.

¹⁸ Помимо РФ и уже упомянутого «Прибавления к Палее» это сообщение есть в краткой версии «Хроники» Георгия Синкелла из Парижской национальной библиотеки, переведенной на древнерусский язык в XI в. (например, ркп. РНБ, Софийское собр., № 1474). См.: Истрин В. М. Хроника Георгия Синкелла // ЖМНП. 1903. Август. С. 381—414.

представляется мне более вероятным, так как, судя по выпискам В. М. Истрина, Парижская рукопись краткой «Хроники» Синкелла часто расходится с древнерусским переводом.

В историю Моисея в РФ вставлен рассказ Иосифа Флавия о короне фараона, которую пророк уронил ребенком. Этот фрагмент, как указывал В. М. Истрин, так же читается в Парижской рукописи краткой «Хроники» Георгия Синкелла.¹⁹ В полном тексте «Хроники» есть и ссылка на Иосифа Флавия.

Отмечу еще одно заимствование в РФ из «Хроники» Иоанна Малалы, не указанное Франклином и другими исследователями. Это сообщение о том, что Адаму и Еве их имена назвал ангел. Кроме РФ этот фрагмент читается в Ел-2.²⁰

Итак, изложение РФ представляет собой мозаичное соединение нескольких византийских хроник: Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Георгия Синкелла, краткой хроники типа Ваг. 30 (Бодлеанская библиотека, Оксфорд). Логично предположить, что отдельные сведения не выбирались по крупицам из нескольких источников, а были взяты из какого-то одного хронографического сочинения.

А. А. Шахматов предполагал, что это мог быть Хр. по ВИ, однако вряд ли это так. В ПВЛ (в вводной части и в статье 1110 г.) есть два сюжета, почти наверняка заимствованных из Хр. по ВИ, и их изложение кардинально отличается от РФ. Это рассказы о сотворении мира и о вавилонском столпотворении.

С. Франклин пишет, что в начале РФ читается тот же фрагмент из сочинения Епифания Кипрского «О мерах и весах», что и во вводной части Ел-2.²¹ Это рассказ о шести днях творения, выписанный Епифанием слово в слово из МБ (Гл. 2) и названный в Ел-2 «Сказание святого Епифания».²² На самом деле в РФ помещен совершенно другой текст. Здесь нет перечисления 22 дел, сотворенных Богом за шесть дней, что является главной особенностью МБ, отсутствует описание ангелов, созданных в первый день творения, зато рассказано о падении на четвертый день сатаны, чего нет ни в МБ, ни у Епифания. Текст Ел-2 показывает знакомство с РФ или ее источником: «отпадение дьявола» кратко упомянуто под четвертым днем.

Сочинение Епифания все же цитируется в «Повести временных лет», но не в рассказе РФ о сотворении мира, а в статье 1110 г. по Ипатьевскому списку. Там говорится о видении огненного столпа над Печерским монастырем, объясняется, что это был ангел, и в связи с этим приводится описание разрядов ангелов из Вводной части Ел-2. Текст цитируется достаточно точно и, как и в Ел-2, со ссылкой на Епифания. О. В. Творогов предположил, что «Сказание» Епифания входило в Хр. по ВИ.²³ Хронограф был использован при составлении летописной статьи 1110 г. наравне с другими источниками, тогда как составитель РФ или им пренебрег, или не знал его.

Об обращении составителя РФ к иному, чем Хр. по ВИ, источнику свидетельствует и рассказ о столпотворении. В. М. Истрин первым отметил, что в Архивском хронографе и во вводной части ПВЛ читается один текст, отличающийся от Ел-2 и Толк. П. А. А. Шахматов указал,

¹⁹ Там же С 403—405

²⁰ Истрин В М Хроника Иоанна Малалы С 18

²¹ Franklin S Some Aposcraphal Sources P 6—7

²² Творогов О В Древнерусские хронографы С 134—135, Летописец Еллинский и Римский Т 2 С 189

²³ Творогов О В Древнерусские хронографы С 135

что в тексте ПВЛ и Архивского хронографа соединены повествование «Хроники» Георгия Амартола и дополнительные источники. Исследователь полагал, что этот отрывок может происходить непосредственно из Хр. по ВИ.²⁴ В РФ читается другой текст, близкий Ел-2 и Толк. П.

Расхождения между рассказами о столпотворении в РФ и во вступительной части ПВЛ значительны. В РФ столпотворение отнесено ко временам Евера; старейшиной строителей Вавилонской башни назван Нимрод; приводится речь Евера, отказавшегося участвовать в строительстве башни, за что ему во время разделения языков был оставлен тот, на котором говорил Адам. В ПВЛ столпотворение отнесено, как в Библии и МБ, ко временам сыновей Евера, Нектана и Фалека; сказано о разделении на 72 языка, но ничего не говорится о Евере; в конце рассказывается о судьбе башни после рассеяния людей: о ее разрушении ветром, ее размерах и расположении.²⁵

Рассказ ПВЛ ближе всего к тексту славянского перевода «Хроники» Георгия Амартола. Как указал С. Франклин, повествование о столпотворении из РФ является точным переводом соответствующего места из «Хроники» Георгия Амартола.²⁶ Это действительно так, исследователь только забыл упомянуть, что в РФ читается не та выписка из славянского перевода «Хроники» Георгия Амартола, которая использована в Хр. по ВИ и в ПВЛ, а фрагмент из совершенно другой греческой редакции этого сочинения. Оригинал перевода был издан де Боором, а тот текст Амартола, откуда взят составителями РФ и Палеем фрагмент о столпотворении, опубликован сначала в Боннском издании, а затем в «Патрологии» Миня.²⁷ В этой редакции говорится о том, что люди хотели с помощью башни спастись от потопа, и назван Нимрод, сын Хуса, как инициатор строительства. Сообщение о разделении на 71 язык и еще один, Еверов (еврейский), в РФ и в Пол. П. можно понять как толкование не очень ясного места в греческом тексте Георгия Амартола. Понятно и то, почему в РФ, в отличие от ПВЛ, ничего не сказано о разрушении башни. Это сообщение отделено от предыдущего рассказа обширным экскурсом о еврейском языке. В этой редакции «Хроники» нет только речи Евера, которая вообще нигде, кроме РФ и Палеев, не встречается. В МБ, где столпотворение датируется, как и во всех остальных памятниках, временами Фалека, сына Евера, Фалек произносит речь, но она совершенно не похожа на то, что читается в русских памятниках.

Сравнение РФ с Палеем и с греческим текстом «Хроники» Амартола показывает, что составители Палеев и РФ обращались к какому-то общему источнику, а не непосредственно к сочинению Георгия. В Пол. П. и в Ел-2 речи Евера нет, но она сохранилась помимо РФ в Толк. П. и Кр. П. Текст совпадает в РФ и Толк. П. и отличается от Кр. П. В этих памятниках приводятся разные фрагменты речи Евера: в Толк. П. и в РФ не сказано о спасении от потопа как о цели строительства, а в Кр. П. о том, что Бог сам бы повелел строить столп, если бы это было необходимо. Следовательно, оба текста являются сокращением общего источника, в котором, в отличие от известной нам редакции «Хроники», речь Евера была. Разумеется, этим источником могла быть еще какая-то версия Георгия Амартола.

²⁴ Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники С 44—45, 74—75

²⁵ Это перешло из МБ в «Иудейские древности» Иосифа Флавия и в сочинение Елифания Кипрского «Против ересей»

²⁶ Franklin S. Some Apocryphal Sources P 18

²⁷ Georgii Monachi chronicon / Ed C de Boor Lipsae, 1904, Georgii monachi Chronographia Bonnae, 1829

Похоже, что в общем источнике РФ и Палей была пропущена фраза «Хроники» Георгия Амартола, в которой сказано о цели строительства башни: спастись от потопа. В РФ ее нет, а в Палеях на этом месте читается обширный фрагмент из «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова (VI в., переведена не позже XI в.).²⁸ В мотивировке столпотворения (спасение от потопа) Косьма в свою очередь исходит из того, что писал Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (кн. 1:4). Выписку в Палеях продолжает совпадающий с РФ фрагмент о Нимроде и Евере — отрывок из «Хроники» Георгия Амартола.²⁹ Видимо, составители Палей взяли фрагмент из «Христианской топографии», чтобы восполнить пропуск в своем источнике, иначе без мотивировки оставалась речь Евера. В РФ проблему решили иначе: сократили текст речи.

Помимо указанных источников в Палеях использован Хр. по ВИ: в конце рассказа читается в числе прочего фрагмент о разделении языков и разрушении башни, совпадающий с ПВЛ и Архивским хронографом.

Итак, Нестор при написании ПВЛ и составитель Архивского хронографа опирались на Хр. по ВИ, и у них читается обычный славянский перевод «Хроники» Георгия Амартола. А в РФ читается текст, соответствующий другой редакции «Хроники». Этот же фрагмент, дополненный рассказом из «Христианской топографии» Косьмы, вошел в Палеи. Следовательно, Хр. по ВИ не был среди источников РФ. Составители Палей привлекли его как дополнительный источник.

Сложнее вопрос, откуда заимствован в РФ рассказ об отпадении сатаны. Как указывал А. А. Шахматов, он имеет источник, общий с Толк. П. Кто впервые написал о падении Денницы (Ἐωσφορος) в четвертый день творения, не ясно. Григорию Богослову принадлежит толкование в этом смысле текста из пророка Исаи (Ис. 14:12—14) в «Слове на Рождество Христово».³⁰ Но там не сказано, что это произошло на четвертый день творения. Древнейший сохранившийся список сочинений Григория (РНБ, Q.п.1.16) был изготовлен в XI в. в Киеве с болгарского оригинала. Древнерусский книжник XI в. был знаком с таким пониманием пророчества еще по целому ряду сочинений, сохранившихся в списках XI в. или их копиях.

Об отпадении Денницы со ссылкой на Григория подробно говорится в «Вопросах и ответах» Анастасия Синаита, сохранившихся в Изборнике Святослава 1073 г. (л. 99 об.). Писец Изборника явно не читал сам Григория Богослова, иначе он не переврал бы так его имя: «Богословескы».

В древнерусском переводе Краткой хроники Синкелла (РНБ, Софийское собр., № 1474 и РНБ, Соловецкое собр., № 829/939) вначале говорится о восстании ангелов, но рассказ помещен перед повествованием о шести днях творения. Тот же текст стоит в начальной части Софийского хронографа,³¹ а сходный — в Архивском хронографе, и, по наблюдениям В. М. Истрина, он основан на словах Иоанна Златоуста. Но текст в Палеях и в РФ имеет ряд отличий: он помещен под четвертым днем, полнее дана цитата из Исаи. Вероятно, источник был другим.

В качестве такого сочинения можно указать характерную подборку, сохранившуюся только в поздних списках. Это, например, рукописи:

²⁸ Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палей // ИОРЯС 1897 Т. 2 С. 178—185

²⁹ В. М. Истрин считал его вставкой из неизвестного источника, обозначенного им как «Невротова повесть»

³⁰ Ср. греч. PG Vol 36 Col 320—322

³¹ Творогов О. В. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы» // ТОДРЛ Л., 1983 Т. 37 С. 192, примеч., с. 219

БАН, 45.11.16 (XV в.), л. 187—195 об.; РНБ, собр. Погодина, № 1613 (XVI в.), л. 2—61. В подборку входят: сочинение неустановленного автора «О еже колико дѣль сътвори Богъ в шести днѣхъ»; отрывок из упомянутого сочинения Епифания Кипрского «О мерах и весах», где говорится о шести днях творения; толкования о Троице, составленные из нескольких «Ответов» Афанасия Александрийского; выписки из «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита и выборка из «Шестоднева» Севериана Гавальского. Порядок размещения статей может быть разным, но выписка из сочинения Епифания неизменно прилагается к слову «О еже колико дѣль...». Оба текста помещаются или непосредственно перед ответами Афанасия Александрийского (РНБ, собр. Погодина, № 1613), или сразу после них (БАН, 45.11.16), отчего и возникает впечатление, что это — один из «Ответов» Афанасия. Ряд «Вопросов и ответов» Афанасия Александрийского существует в древнерусском переводе.³²

Едва ли слово «О еже колико дѣль...» действительно принадлежит Афанасию Александрийскому. Начальная часть слова представляет собой пересказ канонического текста книги Бытия с небольшими толкованиями. Под четвертым днем добавлено сообщение о падении Денницы. Здесь есть и цитата из Исайи (речь, приписанная богословами сатане). Она сокращена не как у Григория Богослова, а так же, как в РФ (ср.: Ис. 14:13—14). В слове «О еже колико дѣль...» особо подчеркнута нелепость предположений, что сатана не захотел поклониться человеку.

Истории ангелов и демонов действительно посвящена значительная часть «Вопросов и ответов» Афанасия. Об ангелах говорится в 3—8-м, о дьяволе в 10—15-м ответах.³³ В 10-м ответе он специально называет глупцами тех, кто утверждает, что дьявол был отвержен за то, что не захотел поклониться Адаму. Это утверждение и редакция цитаты из Исайи сближают известные тексты Афанасия со словом «О еже колико дѣль...» поздних сборников. Ниже, в других «Вопросах и ответах», он говорит о свержении сатаны (Col. 761, 107), но не приводит текста Исайи. В слове позиция автора объяснена тем, что человек был сотворен только в шестой день, а сатана отпал на четвертый, чего у Афанасия нет. Во всех его известных сочинениях вообще не говорится о том, когда именно пал сатана.

Конечная часть слова «О еже колико дѣль...» неизвестного автора основана на МБ. Здесь перечисляются 22 творения, созданные Богом за шесть дней, и говорится, что в первый день в числе всего прочего были созданы ангелы. В Ветхом Завете этого нет. В МБ тоже не сказано, что сатана (Мастема в МБ) восстал на четвертый день. Падение ангелов в МБ в соответствии с апокрифической книгой Еноха связывается с браками ангелов-стражей (γυγυροί) с земными женщинами и с последовавшим за этим потопом. Слово «О еже колико дѣль...» представляет собой соединение различных источников: святоотеческих сочинений и апокрифов.

В книге Еноха говорится также, что падшие ангелы будут заключены в аду там, где уже мучаются 7 (14?) звезд, еще раньше нарушивших повеления Божии. Толкование текста Исайи в смысле истории превращения ангела Утренней Звезды (Денницы) в Противника Бога (Сатану) дано Григорием Богословом на основании текстов этой традиции.

³² Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1889—1990. С. 117.

³³ PG. Vol. 28. Col. 601—607.

Композиция слова «О еже колико дѣль...» могла повлиять на РФ: канонический рассказ о сотворении мира с добавлением известия о падении Люцифера на четвертый день. Текстологических совпадений между памятниками нет, за исключением редакции ветхозаветной цитаты, но, возможно, это — результат повторной правки текста по источникам.

То, что мы читаем в РФ и в Палеях, — это уже переработка Афанасия и Григория, здесь ангел назван не Денницей (Утренней Звездой, т. е. Люцифером), а сразу Сотонаилом (Противником). По сравнению с Палеями РФ представляет собой первый этап. Там имя Сотонаила находится в самом конце, в приписке, где сообщается, что на его место Господь поставил Михаила. В Палеях противник назван Сотонаилом с самого начала, говорится, что он был старейшиной 10-го чина. За кратким рассказом о восстании следует большой фрагмент из Сказания дьякона Пандалеонта об архангеле Михаиле и сатане: здесь подробно говорится о четвертом дне и о битве с архангелом Михаилом, о дальнейшей судьбе демонов. В РФ всего этого нет.

Составители РФ и Палей могли обращаться к подборке, похожей на те, что представлены в упомянутых сборниках. Используемый ими перевод либо отличался от того, что читается в поздних рукописях, либо был выполнен по другой редакции текста. По крайней мере, отрывок из Епифания Кипрского, вероятно, входивший и в Хр. по ВИ, в ПВЛ читается не в той редакции, что в сборниках XV—XVI вв. Как отметил О. В. Творогов, Нестор и составитель Ел-2 обращались к одному и тому же переводу, но в списке БАН, 45.11.16 представлен другой.

Таким образом, выявляются две основные группы источников РФ. Это хронографические сочинения (или одно сочинение, еще нам не известное) и толкования святых отцов на Писание. Наиболее перспективным представляется изучение второй группы памятников. Относительно же хронографического сочинения можно высказать осторожное предположение, что это был компендиум, составленный на основе еврейских памятников ветхозаветной истории, МБ и «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, с комментариями и дополнениями, выбранными из различных византийских авторов.

С. А. ДАВЫДОВА

Летописная статья 6582 г. и ее источники

В «Повести временных лет» (ПВЛ) под 6582 (1074) г. помещена статья, посвященная кончине выдающегося церковно-политического деятеля и просветителя Киевской Руси, игумена Киево-Печерской лавры Феодосия (ок. 1036—1074). Рассказ об этом событии был написан, по мнению А. А. Шахматова, его очевидцем не ранее 1078—1088 гг., времени игуменства Никона, когда было продолжено прерванное при преемнике Феодосия летописание.¹ К рассказу о Феодосии еще в Начальном своде было присоединено повествование о первых печерских черноризцах. А. А. Шахматов полагал, что оно составляло вторую, утраченную часть статьи Печерской летописи под 1062 г., первая часть которой читается теперь в ПВЛ под 1051 г.²

Автор статьи о Феодосии, воздавая должное деятельности образцового духовного пастыря, не ограничился рассказом о последних днях его жизненного пути, изложенного «вкратце» и иначе, чем в Житии Феодосия Печерского Нестора;³ перед нами — и облик монастыря в целом, и его атмосфера монашеского трудничества и сурового аскетизма, любви и согласия как плоды трудов и личной заботы настоятеля о вверенной ему братии. Некоторые сведения об игуменской практике Феодосия и жизни монастырских подвижников, которые содержатся в этой статье, по-прежнему остаются одним из важных источников по истории первоначального монашества Древней Руси. Какой же «мнишеский образ» Феодосия и его черноризцев предстает перед нами в изложении летописца?

Насколько можно заметить из текста первой части статьи, Феодосий как в руководстве монастырем, так и в своей монашеской жизни придерживался палестино-египетских традиций. Так, примеру первых строителей монашеской жизни на христианском Востоке — Антония Великого, Евфимия Великого и Саввы Освященного — он призывает следовать братию⁴ и следует ему сам. Например, летописец сообщает об обычае Феодосия на время Четырдесятницы затворяться в пещере. Традиция про-

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. С. 437, 531.

² Там же. С. 477.

³ Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. 1914. Т. 19, кн. 3. С. 171—177. В этой статье мы не ставим перед собой задачу атрибуции автора статьи 1074 г., внимание будет уделяться главным образом структуре текста и соотношению его частей, а также выявлению источников.

⁴ «...яко сей великий Антоний, и Еуфимий, и Сава, и прочии отци, их же мы поревнуем». См.: Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 80 (Сер. «Лит. памятники») Далее в скобках приводятся фрагменты текста из этого издания.

водить в безмолвии Четырдесятницу впервые появилась у египетского монашества⁵ и позднее была заимствована монашеством палестинским. Савва Освященный «поспѣшенъ бѣ зѣло с(вя)таго Евфимия житию послѣдствовать, иенуаря м(ѣ)с(я)ца от(ъ)ходити въ пустыню и ту пребывати въ мясопустъ, от(ъ)лучився до Вербница, и сие творяше по вся лѣта...».⁶ (Ср. с. 79, 80: «Феодосий <...> в недѣлю Масленую <...> изидяше из монастыря <...> И приходяше в манастырь в пятокъ на канунъ Лазаревъ...») Если Евфимий и Савва проводили Четырдесятницу в пустыне, то Феодосий затворялся в Нижней пещере и поступал так подобно известному пещернику Антонию Великому. В Житии Антония рассказывается, как этот приверженец безмолвия никогда не изменял своему правилу в течение монашеской подвизы: «и по обычаю дверемъ затворенномъ внутрь бѣяше паки един» (РНБ, Соловецкое собр., № 69/1435, XV в. (далее — Солов. 69/1435), л. 37); «тои же входь заградив и хлѣбъ на шесть м(ѣ)с(я)ць положи» (Солов. 69/1435, л. 41 об.); «на лѣто дважды токмо зъ горы оконцем приемаля хлеб(ъ). Приходящи же к нему от(ъ) знаемых(ъ) виѣуду многажды ден(ъ) и ночь пребываху, понеже не попускаше им(ъ) внити» (Солов. 69/1435, л. 41 об.—42). (Ср. с. 80: «...и тако изидяше из монастыря, взимая мало коврижек; и вшед в пещеру, и затворяше двери пещерѣ, и засыпаше перстью, и не глаголаше никому же; аще ли будяще нужное орудье, то оконцемъ маломъ бесѣдоваше в субботу ли в недѣлю».)

Обстоятельства кончины Феодосия Печерского также напоминают известные из житий палестино-египетских настоятелей факты. Это касается прежде всего обычая назначения преемника и произнесения духовного завещания братии.⁷ Савва Освященный и Евфимий Великий, в отличие от Феодосия, при назначении преемников не предлагали братии свободу выбора нового игумена. Это не означает, однако, что в практике игуменства не было случаев, подобных описанному в ПВЛ. Так, например, Пахомий Великий, один из первых устроителей киновий в Египетских пустынях, перед смертью говорит: «...изберѣте убо при мнѣ могущаго съ Б(о)г(о)мъ наставляти васъ, азъ убо в сие дѣло Петронию искуснѣише не виждю, ваше же есть полезнѣишее избрати» (Житие Пахомия Великого. РНБ, Соловецкое собр., № 635/693, XV в., л. 409 об.).⁸

Назначая преемника, Феодосий наказал ему строго соблюдать Устав и не изменять монастырских традиций. Регулятором монашеской жизни в Печерской обители стал введенный Феодосием устав одного из константинопольских монастырей студийской традиции — Устав патриарха Алексия Студита, датируемый второй четвертью XI в. (далее — Устав); об этом упоминается в летописной статье под 1051 г.⁹ (с. 70: «...и нача у него искати устава чернецъ студийских. И обрѣтъ у него, и списа, и устави въ манастыри своемъ...») В Уставе о выборе преем-

⁵ Казанский П С Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках // Сидоров А И Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества М, 1998 С 419 (Православное монашество и аскетика в исследованиях и памятниках)

⁶ Житие Саввы Освященного, составленное Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе / Изд И Помяловского СПб, 1890 С 103

⁷ Чаговец В А Жизнь и сочинения преподобного Феодосия Опыт историко-литературного исследования // Университетские известия Киев, 1901 № 12 С 187

⁸ Житие Пахомия Великого в этой рукописи в качестве конвоя следует за Египетским патериком, известным на Руси с XI в О Египетском патерике см Еремий И П К истории древнерусской переводной повести // ТОДРЛ М, Л, 1936 Т 3 С 189—201

⁹ Пентковский А М Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси М, 2001 С 156—157

ника имеется такое указание: «...да изберуть егоже, аще вѣдятъ и вѣроу права, и житиємъ цѣломудръна, и строению достоина, и могуща мнишьскую хытрость и все устроение монастырьское добрѣ съхранити» (ГИМ, Синодальное собр., № 330, XII в. (далее — Синод. 330), л. 239);¹⁰ а также запрещение изменять что-либо в богослужебных и дисциплинарных правилах, установленных Феодором Студитом.¹¹ В Житии Саввы по этому поводу написано следующее: «...призвавъ о(те)цъ в монастырь, дасть имъ нѣкоего игумена, Вирутия родом, Мелита, заповѣдавъ ему прѣдания, прѣданая монастыремъ ему без вреда съхранити, давъ ему си въписавъ».¹² (Ср. с. 80: «Чадо! Се предаю ти монастырь, блюди со опасеньемъ его, и яже устроишь въ службахъ, то держи. Преданья монастырская и устава не измѣняй, но твори вся по закону и по чину монастырьску».)

Перед кончиной Феодосий произносит слова, которые почти дословно повторяют высказывание другого Феодосия — Великого (Киновиарха), читающееся в его Житии.¹³ Последний за три дня до смерти, о которой он узнал «духом», произносит: «...аще ли по моему от(ъ)шествию се мѣсто растомо узрите, увѣдите убо, яко пование имам(ъ) к Б(о)гу, и сия же вы г(лаго)лах(ъ) тако сбудутся; аще ли ни, явѣ яко не будет(ъ)».¹⁴ (Ср. с. 80: «Аще ли по моему ошествию монастырь ся начнетъ строити и прибывати в нем, то вѣжете, яко приял мя есть Богъ. Аще ли по моей смерти оскудѣвати начнетъ монастырь черноризци и потребами монастырскаяма, то вѣдуше будете, яко не угодиль есмь Богу».) Скорее всего, автор статьи с помощью этих слов, в которых заметен явный налет книжности, усиливает значимость и драматичность описываемой картины кончины любимого игумена.

Житие Феодосия Великого не сохранилось в списках рукописей домонгольского периода, а также более позднего времени,¹⁵ хотя и указывалось в качестве источника Жития Феодосия Печерского, вошедшего в состав Киево-Печерского патерика.¹⁶ Прямое отождествление обоих Феодосиев находится во вставке к предисловию Несторова Жития, появившейся в Касиановской I и II редакциях Патерика.¹⁷ Так, после слов Нестора о том, что Феодосий подражал «житию» Антония Великого, редактор дописал: «Близственѣ же своему тезоименитому Феодосию, иер(у)с(а)линскому архимандриту» (РНБ, Софийское собр., № 1363, XVI в., л. 14). И хотя в летописной статье, за исключением единственного, указанного выше случая текстуального сходства, следы Жития Феодосия Великого отсутствуют, этот факт вполне может свидетельствовать о наличии в Печерском монастыре в 70—80-х гг. XI в. славянского перевода Жития знаменитого устроителя палестинской киновии.

В рассказе о последних днях жизни Феодосия Печерского получила отражение и его просветительско-учительская деятельность, на которую,

¹⁰ Там же С 393

¹¹ Там же С 175

¹² Житие Саввы Освященного С 445, 447

¹³ Бугославский С А К вопросу о характере и объеме С 174 сн 1, Чаговец В А Жизнь и сочинения № 12 С 187 Ученые были знакомы с Житием в русском переводе по изд Палестинский патерик СПб, 1895 Вып 8

¹⁴ ВМЧ 11 января / Изд Имп Археографической комиссии М, 1914 Стб 624

¹⁵ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI—XIII вв М, 1984, Творогов О В Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв (статья вторая Памятники агиографии) // ТОДРЛ Л, 1990 Т 44 С 196—225

¹⁶ Абрамович Д И Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике СПб, 1902 С 149

¹⁷ Шахматов В А Киево-Печерский патерик и Печерская летопись СПб, 1897 С 9

как считается, в значительной мере повлиял Устав.¹⁸ Автор в начале статьи сообщает об обычае печерского игумена поучать братию в канун Великого поста. Возможно, этот обычай восходит к предписанию Устава о чтении в неделю сыропустную двух слов Василия Великого и Огласительного поучения Феодора Студита (Синод. 330, л. 7 об.—8).¹⁹ Однако содержание летописного текста поучения Феодосия вряд ли связано с этим источником. В нем Феодосий наставляет иноков, как проводить время поста: в молитвах дневных и ночных, остерегаться скверных помыслов и бесовского соблазна. «Бъси бо, — рече, — насъвають черноризцем помышленья, похотенья лукава, вжагающе им помысль», которые, говорит еще Феодосий, отгоняются молитвой и псалмами; чтобы не одолевали дурные помыслы, следует воздерживаться от обильной пищи и воды, не лениться, ограничивать сон, быть бодрым и на церковной службе, и в келейном чтении; проявлять любовь к младшим и наставлять их, показывать пример смирения, воздержания и бодрости; почитать старших и иметь к ним покорность (с. 79). Во второй части поучения приводится экзегетическое обоснование Великого поста.

Данное поучение не согласуется с тематикой ни собственных произведений Феодосия на великопостный цикл,²⁰ ни с сочинениями Феодора Студита на эту же тему.²¹ Именно по этой причине принадлежность данного поучения Феодосию Печерскому или оспаривается,²² или подчеркивается невозможность вообще изучать подобные фрагментарные произведения «вне контекста, в которых они находятся».²³ В первой его части предельно простым языком изложена, по сути, основа так называемого «монашеского делания», или практики монашеской жизни, которой, согласно аскетике египетского пустынного монашества, должны вообще следовать монахи в устройении своей жизни. Поэтому вряд ли можно согласиться с тем, что это «compendium мыслей, развиваемых более или менее подробно в отдельных поучениях»,²⁴ надписанных его именем, — о любви и терпении, милостыни и хождении в церковь и т. д. В этой части поучения отразилось, скорее, знание духовного предания египетских старцев, т. е. произведений монашества нижеегипетских монастырей Скита, Нитрии и Келлий, дошедшего в собрании «Изречения отцов» (Aprophthegmata²⁵ Patrum). В этой связи можно предположить, что в 70-х гг. XI в. на Руси была известна одна из разновидностей «Изречений» — патерик поглавный, или Скитский,²⁶

¹⁸ Чаговец В А Жизнь и сочинения № 6 С 46, Еремин И П Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ М, Л, 1947 Т 5 С 163, Пентковский А М Типикон патриарха Алексия Студита С 164—165

¹⁹ Пентковский А М Типикон патриарха Алексия Студита С 238

²⁰ См публ Еремин И П Литературное наследие С 173—184

²¹ Огласительные поучения Феодора Студита по рукописи РНБ, Соловецкое собр., № 1134/1244, XV в., л 44—102

²² Бельченко Г П Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения (по поводу книги В А Чаговца) Одесса, 1902 С 43

²³ Еремин И П Литературное наследие С 168

²⁴ Чаговец В А Жизнь и сочинения № 12 С 184

²⁵ «Под апофтегмой здесь разумеется и изречение (иногда сумма изречений) в собственном смысле и простое сообщение о чем-нибудь, не заключающее никакого изречения, и краткий афоризм или сжатую заметку, и сравнительно пространную повесть, и слово или рассказ какого-либо аввы, и повесть других об этом авве» (Троицкий И Обзорение источников начальной истории египетского монашества Исследование Сергиев Посад, 1907 С 315)

²⁶ О нем см Николаев Н И Патерик Скитский // Словарь книжников Вып 1 С 321—325

который явился одним из источников Изборника 1076 г.²⁷ Именно в нем, как ни в каком другом памятнике аскетической письменности, приведены многочисленные примеры добровольных лишений, которым подвергали себя египетские монахи, а также разъяснения о вреде или пользе для духовного совершенства инока тех или иных поступков (РНБ, собр. Погодина, № 267, XIV в.; Соловецкое собр., № 647/705, XV в. (далее — Солов. 647/705)). Кроме того, в рукописях в качестве конвоя за «Изречениями» обычно следуют аскетические поучения восточнохристианских подвижников — препп. Ефрема Сирина, Варсонуфия, Дорофея, Исайи, которые также являлись дополнением к «кодексу» монашеской жизни. Например, в Слове о житии, како лѣпо быти чернорицу Василия Великого сказано: «...прѣмудрых(ъ) послушати и къ точнымъ любовь имѣти, и к меншимъ любезного съвета» (Солов. 69/1435, л. 287). (Ср. с. 79. «...паче же имѣти в собѣ любовь всѣм меншим и к старейшим покоренье и послушанье, старейшим же к меньшимъ любовь и наказанье».)

Другим источником первой части поучения Феодосия Печерского могло быть поучение к новопришедшим инокам Антония Великого, включенное в Житие «отца монашества» Афанасием Александрийским (Солов. 69/1435, л. 45—75). В нем Антоний помимо наставлений в том, что монаху не следует лениться и, начав воздержание, не ослаблять его, приводит пространное рассуждение о бесовских наваждениях и примерах борьбы с ними: «...хранимся от(ъ) помысль скверных(ъ)», «всѣмъ хранениемъ блюдемъ с(е)рдце свое, враги бо имамы люты и лукавы, проныр(л)ивыя бѣси»; «но скоро исчезают, паче же аще кто вѣрою и знамениемъ кр(е)стнымъ ограждается» (Солов. 69/1435, л. 51, 51 об., 53 об.) и т. д.

Вторая часть поучения (с. 79: «Глаголетъ бо сице яко... их же мы поревнуем, братья») представляет собой компилятивную подборку и авторскую переработку доступных святоотеческих сочинений о посте. Известен лишь один из ее источников — рассуждение о посте как о десятине, отделяемой человеком Богу, аввы Дорофея.²⁸

Таким образом, поучение, состоящее из двух разных фрагментов, вдохновлялось, по-видимому, не студийской письменной практикой, а, скорее, примерами из жизни и творениями древнего монашества²⁹ и в меньшей степени — положениями Устава. Принадлежность его Феодосию как-то не вяжется с тем «иконписным обликом святого»,³⁰ который изображен на страницах Несторова Жития.

Вторая часть летописной статьи 1047 г., содержащей рассказ о первых печерских черноризцах, соединяется с предшествующим рассказом с помощью фразы, не подходящей по смыслу и вставленной, по-видимому, позднее: «Стефану же предержашу манастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупил Феодосий ..».³¹ Кажется, впрочем, не только эта фраза явилась связующим звеном между двумя частями статьи, но и следующая за ней

²⁷ Veder W R Welche Paterika laden von 1076 in slavischer Uebersetzung vor // Slovo 1978 N 28 S 25—34

²⁸ Чаговец В А Жизнь и сочинения С 185—186 Оно читается в Слове 17 сочинения аввы Дорофея «О святых постах» (РНБ, собр. Погодина, № 872, XIV—XV вв., л. 136—136 об.)

²⁹ Практика пустынножительства была усвоена и принесена на Русь Антонием Печерским с Афона, но текст летописной статьи свидетельствует о том, что ее автор скорее использовал книжную, нежели устную традицию (см также ниже)

³⁰ Еремин И П Из истории древнерусской публицистики XI века // ТОДРЛ М., Л. 1935 Т 2 С 30

³¹ Шахматов А А Разыскания С 448

характеристика «блаженного стада», которую назовем условно «похвалой». Она явно составлена позднее рассказа о кончине и другим лицом под влиянием текста первой части поучения Феодосия, о чем может свидетельствовать следующее сопоставление. В поучении: «...постом явишася отци наши акы свѣтила в мирѣ, иже сияють и по смерти...» (с. 80). В похвале: «...такы черныцѣ, яко свѣтила в Руси сьяють...» (с. 81). В поучении: «И к симъ въздержаніе имѣти от многоаго брашна; въ ядени бо мнозѣ и питыи безмѣрнѣ въздростають помысли лукавии» (с. 79). В похвале: «...ови бо бяху постници крѣпци <...> ови бо на пощенье чресъ день и чресъ два дни, ини же ядуци хлебъ с водою, или зелье варено, друзии сыро» (с. 81). В поучении: «...паче же имѣти в собѣ любовь всѣм меншим и к старѣйшим покоренье и послушанье, старейшим же к меньшимъ любовь и наказанье...» (с. 79). В похвале: «Въ любви пребывающе, меньшии покаяющеса старейшимъ и не смѣюще пред ними глаголати, но все с покореньемъ и с послушаньемъ великымъ. Тако же и старѣйшии имяху любовь к меньшимъ, наказуху, утѣшающе, яко чада възлюбленая» (с. 81).

Неоднократное же упоминание в «похвале» о добровольном пощении, суровом воздержании в пище противоречит предписаниям Устава патриарха Алексия Студита о порядке приема пищи в общей монастырской трапезной не только в обычные, но и в постные и праздничные дни (Синод. 330, л. 200—214 об.).³² Создается впечатление, что описывается жизнь не общежительных, а лаврско-полуотшельнических монахов, и особенно при чтении в статье житий 4 печерских подвижников, которые были написаны, как считал А. А. Шахматов, Никоном еще при жизни Феодосия в 1072—1073 гг.³³

Тексты первых трех из них можно назвать первым опытом кратких житийных заметок, образцом для которых их автору могли послужить апофтегмы поглавного (Скитского) патерика. Так, печерский инок Демьян, герой первого жития, обладал даром исцеления подобно скитским старцам Виссариону, Пимену или Макарию Египетскому (глава «О творящих знамение». Солов. 647/705, л. 240—248). Из того же источника известно и то, что исцеление совершается с помощью молитвы и помазания больного елеем, и Демьян поступает именно так. Ангел же, возвещающий ему о даровании Царствия Небесного, — общее место в агиографической литературе — явился в житии в образе Феодосия, почитаемого им игумена. В другом — Еремей наделен даром духовной проницательности и предсказания будущего (главы «О смотрении» и «О прозорливых»). Солов. 647/705, л. 125 об.—156 об., 223—240 об.). Он обычно заранее знал, если кто-то замышлял покинуть монастырь, и увещевал, и наставлял сомневающегося в необходимости монашеской подвизы.

Рассказывая о Матфее, автор приводит, однако, не один, как обычно в патерике, а два эпизода из жизни подвижника. Каждый из них восходит к разным источникам. В первом рассказывается, как Матфей видит в церкви невидимого для других беса, который ходит среди поющей на службе братии и бросает в кого-либо из них сонный цветок. К нерадивым братьям этот цветок прилипает, и они покидают церковь до окончания службы и отправляются в келью спать. Стойкие в подвижничестве братья, к которым не прилипает цветок, покидают заутреню только с ее окончанием. Сходный с этим сюжет был указан Ф. И. Буслаевым в миниатюре одной рукописи XVIII в. с изображением Страшного суда (кос-

³² Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита С 370—379

³³ Шахматов А. А. Разыскания С 450

матый бес обходит людей в церкви и кидает на них красные цветки; к которому цветок прилипнет, тот не молится и начинает дремать, а которые прилежно возносят молитвы, к тем цветки не прилипают).³⁴ Заимствуя, быть может, известное по преданию представление о бесе, автор придает ему актуально-исторический облик поляка («ляха»), ненавистного иноплеменника, «уюжого».³⁵ Из истории Руси XI в. известно, что при междоусобицах киевские князья неоднократно прибегали к помощи польских королей, своих родственников. Особенно свежи были в памяти, по-видимому, воспоминания о кровавых событиях 1068—1069 гг. Тогда князь Изяслав, чтобы усмирить киевлян и вновь занять киевский «стол», на который народом был посажен Всеслав, приводит войско польского короля Болеслава I Храброго. Киево-печерская братия была на стороне восставших и в лице Антония Печерского, по-видимому, принимала участие в княжеском перевороте, чем и вызвано было впоследствии преследование Антония и его побег в Чернигов (ср. с. 83: «В си же времена приключися прити Изяславу из Ляхов, и нача гневатися Изяслав на Антония изъ Всеслава...»³⁶).

Во втором эпизоде жития Матфея можно заметить отдельные черты, штрихи патериковых мотивов и тем. Так, Матфей видит толпу бесов, идущих от ворот на территорию монастыря — в одном из патериковых рассказов Павел Простой, ученик Антония Великого, стоя у входа в Скитскую церковь, наблюдал за входящими и выходящими из нее иноками и видел, как некоторых из них сопровождали бесы (Солов. 647/705, л. 227 об.—230). Одного из бесов Матфей видит едущим на свинье — бесовский образ свиньи фигурирует в нескольких патериковых апофтегмах: один старец рассказывал, как однажды отцы сидели и говорили о полезном для души, а был среди них прозорливый и видел, как ангелы помогали и хвалили их; когда же речь зашла о другом (неполезном), пришла зловонная свинья и марала их (Солов. 647/705, л. 231). В другой апофтегме приводятся слова некоего старца о том, что глаза свиньи имеют такую природу, чтобы обращаться к земле, и никак не могут взглянуть на небо (Солов. 647/705, л. 232). Однако следует особо отметить творческую фантазию автора и оригинальную трактовку им некоторых образов. В этом эпизоде жития, например, по-новому воплощено древнемонашеское представление о главной функции бесов — отвращать монахов от служения Богу: следствием посещения бесами настойкого в вере монаха явилось отчаянное бегство его из монастыря.

В этом же рассказе имеется любопытная приписка, на которую обращали внимание многие исследователи, о том, что Матфей пережил Феодосия и Стефана и жил при Никоне (с. 82: «При сем бо старци Феодосий преставися...»), и как Матфей однажды на утрени в церкви увидел на месте игумена Никона осла.³⁷ Ее можно рассматривать как злую шутку: прозорливость Матфея, т. е. способность видеть невидимое (бесов), автор использует в качестве иносказания.

Последний из печерских монахов, о котором рассказывается в статье, — Исакий Торопчанин (ум. 1090). В отличие от предыдущих, отно-

³⁴ Буслева Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. Древнерусская народная литература и искусство. С. 136, 150.

³⁵ Демин А. С. «Повесть временных лет» // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI—XIV вв. М., 1996. С. 137—138.

³⁶ Еремин И. П. Из истории древнерусской публицистики. С. 33.

³⁷ Эта фраза приписывается автору — противнику игумена Никона См. Шахматов А. А. Разыскания. С. 448, Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме. С. 177.

сительно кратких сообщений, по своему объему это повествование достигает жития минейного типа. И если монашеская жизнь Демьяна, Еремея и Матфея под пером автора предстает как результат многотрудной подвизы, и мы видим совершенных монахов, наделенных за нее дарованиями от Бога (дар пророчества, духовная пронизательность, способность исцелять больных), то в образе Исакия представлен трудный путь поисков совершенной монашеской жизни. При описании его облика в статье использован упоминаемый выше аскетико-агиографический материал, а также заметно знакомство с другими источниками. Попробуем показать это на тексте жития.

Исакий, богатый купец, задумав стать монахом, роздал имущество бедным и монастырям (общее место в агиографии, начиная с Жития Антония Великого). Он пришел к Антонию в пещеру, «моляся ему, дабы и створил черноризцемъ» (с. 82). Антоний принял его подобно Савве Освященному, который принимал всех приходивших к нему, «даяше мѣсто подобно, имуще малу клѣтьцю и пещеру».³⁸ И еще Антоний «възложи на нь порты чернецьскыя, нарекъ имя ему Исакий» (с. 82). Здесь описан сведенный до минимума обряд приема, практиковавшийся у египетского монашества, когда достаточно было согласия игумена принять желающего и новопришедший облакался в иноческую одежду; каких-либо обетов не произносилось.³⁹ Каково было новое облачение Исакия, неизвестно, но сообщается, что он затем облекся во власяницу, «одежду покаяния», которую носили еще египетские монахи, а поверх нее — в козлиную шкуру, называемую у египетского монашества «милоть» и символизирующую умерщвление страстей,⁴⁰ только не выделанную, а сырую, которая «осше около его» (с. 82). Исакий сразу повел строгую жизнь затворника, «моляся Бога со слезами» (с. 82).

Последующая сцена посещения неопытного инока Исакия бесами напоминает ситуацию, в которой оказался один затворник, в рассказе Иоанна Ликопольского (Египетский патерик).

Некий человек, проводивший жизнь во всевозможных злодействах и распутстве, обратился к покаянию. Он затворился в пещере и исторгал потоки слез. Через неделю ночью пришли к нему бесы и стали над ним издеваться: мол, целомудренный стал, лучше бы встал и пошел в корчму, где ждет тебя блудница. Но тот не отвечал, и тогда бесы стали избивать его крепко и ушли, оставив полумертвого. Пришедшие к нему люди предлагали отнестись его в дом, но он отказался и остался в пещере. Еще две ночи подряд бесы являлись к нему и избивали его, но затем, видя такую стойкость и терпение, оставили (Солов. 635/693, л. 16—18).

Описание встречи Исакия с бесами имеет больше сходства, как нам кажется, с подобным эпизодом из ранней аскезы Антония Великого.

Антоний однажды решил затвориться в гробнице подальше от селения, возле которого жил прежде, посещаемый время от времени знакомым, приносящим ему хлеб (ср. с. 82: «Бѣ же ядь его проскура едина, и та же чересь день, и воды в мѣру пьаше. Приносяшеть же ему великий Антоний...»). Дьявол «не терпяше и бояся, еда помалу и пустыню наполнися воздержавшихся» (Солов. 69/1435, л. 36 об.) и пришел однажды ночью к нему с множеством бесов (ср. с. 83: «...полна келья ихъ и улица печерская»), которые

³⁸ Житие Саввы Освященного С 75

³⁹ Пальмов Н Пострижение в монашество Чины пострижения в монашество в Греческой Церкви Киев, 1914 С XIII

⁴⁰ Творения аввы Евагрия Аскетические и богословские трактаты / Перевод, вступ статья и коммент А И Сидорова М, 1994 С 207, коммент 15

наносит ему столько ударов, что от боли он остается безгласно лежащим. На другой день приносящий ему хлеб знакомый, увидев, что Антоний лежит на земле как мертвый, переносит его в храм селения и кладет там на земле. Жители селения окружили его и оплакивали как мертвеца (ср. с. 83: «...приде Антоний по обычаю ко оконцу, и глагола: „Господи, благослови, отче Исакие!“ . И не бысть ответа; и рече Антоний: „Се уже преставился есть“. И посла в манастырь по Феодосья и по братью. И откопавше, кде бѣ заграждено устье, пришедше взяша ѣ, мертва мняще, и вынесше положиша ѣ пред пещерою»). Очнувшись ночью, Антоний Великий просит знакомого перенести его обратно в гробницу (Солов. 69/1435, л. 36—37) (ср. с. 83: «И узрѣша, яко живъ есть»).

В этой же сцене бесы являются Исакию, освещая темную пещеру, в виде сияющих ангелов, сопровождающих самого Иисуса Христа (с. 83). Об обычае бесов являться монахам в самых почитаемых ими образах, вероятно, было известно автору. Например, в поглавном патерике приводятся случаи посещения монахов бесами, преобразившимися в ангелов: «Брат сѣдѣше безмолвствуя, и хотяху дѣмони прельстити ѣ во англѣстѣ образѣ, и убудиша ѣ на пѣние, и показаша ему свѣщѣ» (глава «О смотрении». Солов 647/705, л. 149 об.—150 об.); «Некоему из братии явился диавол, прѣобразившися въ ангела свѣта и рече: „Азь есмь архангелъ Гаврииль...“» (глава «О смѣренѣ и мудрости». Солов. 647/705, л. 202). Являются бесы и в образе Иисуса Христа (Солов. 647/705, л. 202—202 об.). Используя выработанные древним монашеством представления, автор делает их более яркими и зримыми. Убирает он и сцену бесовского избиения Антония, заменяя ее насильственными «плясаниями» Исакия, совершаемыми под аккомпанемент народных музыкальных инструментов,⁴¹ с помощью которых бесы «оставивша ѣ бле жива» (с. 83).

В отличие от стойкого Антония, которого не сломили и не запугали бесы, печерский монах был побежден и отвращен от подвижничества. Описание последствий «бесовского действия» в житии (с. 83: «...бѣ бо расслаблен теломь... — тако научися ясти и тако избави ѣ Феодосий от козни дьяволя») — оригинальная трактовка демонологической темы. Не сам подвижник освобождается от «сетей дьявола», а Феодосий возвращает его к монашеской жизни. На этом мог бы закончиться рассказ об Исакии, потому что фраза о его избавлении вполне может подразумевать избавление окончательное. Однако в тексте летописного жития говорится о том, что Исакий, как и в начале, опять «всприять въздержанье пакы жестоко» (с. 83). А когда Феодосий умер и игуменствовал Стефан, Исакий произносит: «Се уже прелстил мя еси был дьяволе, сѣдѣша на едином мѣстѣ; а уже не имам ся затворити в печерѣ, но имам тя побѣдити, ходя по манастырю» (с. 83). Последние слова как будто напоминают о давних событиях и являются обоснованием последующих действий Исакия, а вся фраза связывает новый текст с предыдущим. В нем не столько излагаются события, сколько перечисляются подвиги, совершаемые Исакием, обьявившим себя юродивым.

«До того как возложить бремя этого подвига, — отмечает А. М. Панченко, — люди „учатся юродству“, они читают или слушают жития пред-

⁴¹ Н Челис и Х Дьюви считают источником этой сцены поклонения «фальшивому богу» книгу пророка Даниила (Challis N, Dewey H W Devine Folly in Old Kievan Literature The Tail of Isaak the Cave Dweller // Slavonic and East European Journal 1978 Vol 22 N 3 P 258) Мнение авторов статьи не вполне справедливо, поскольку летописец использовал «вторичные» источники — переводную агиографию и патерики, а не Священное Писание

шественников...».⁴² Каким образом Исакий научился юродству, неизвестно, но можно указать конкретный агиографический материал, использованный составителем рассказа об Исакии-юродивом.

Исакий начал юродствовать и «помагати нача поваромъ и варити на братью» (с. 83). С этой фразой связывают сюжеты двух рассказов о раннем юродстве: 1) об Исидоре из «Лавсаика» Палладия, епископа Еленопольского (IV в.),⁴³ которую, считая сумасшедшей, держали на монастырской кухне; 2) о Ефросине из Жития Власия Аморийского (X в.),⁴⁴ которому из-за его неграмотности поручили выполнять обязанности повара в монастыре. Ни тот ни другой из героев не являются в действительном смысле слова юродивыми, но с них начинается тема скрытой праведности, которая в дальнейшем получит развитие в житиях известных юродивых.⁴⁵ Эта же тема обозначена в рассказе о монахе-юродивом Исакии, который восходит ко второму из указанных источников. Поскольку в древнерусской письменности Житие Власия Аморийского имеется в позднем списке рукописи (ВМЧ. 18 февраля. РНБ, Софийское собр., № 1320, XVI в., л. 333 а—339 а), для сопоставления нами был использован фрагмент раннего перевода рассказа о Ефросине, помещенного древнерусскими книжниками в Пролог под 23 февраля (Слово о Ефросинѣ мнись. РНБ, Софийское собр., № 1324, XII—XIII вв., л. 310 б—311 в).

Ефросин был неграмотен, а потому презираем братией монастыря, в котором он жил. Когда его поставили служить на кухне, он не роптал и не прекословил, а «ово бо зелье сбираше и от лѣса дрѣва на плещю носяше, огонь творя и кладя, на брат(ь)ю сочиво варяше» (л. 310 б) (ср. с. 84: «И по заутрени идяше в поварьницу, и приготавлише огонь, воду, дрова...»). Однажды игумен того монастыря, просивший Бога показать блага, которые получат монахи после смерти, был перенесен во сне в райский сад, где сторожем был Ефросин. По просьбе игумена тот срывает для него 3 яблока. Пробудившись, игумен увидел в руке те самые яблоки и понял, что Ефросин отмечен Божией благодатью, и объявил об этом братии. Ефросин же, «не хотя славы ч(е)л(о)в(ѣ)чьскыя» (л. 311 в), ушел из монастыря.

«Печать Божия» на Исакии обнаруживается тогда, когда он делает невозможное: берет указанного ему ворона и приносит его. Из-за этого братия стала почитать Исакия, но тот, «не хотя славы челоуѣчскыя» (с. 84), не покинул монастырь, как Ефросин, а опять «нача уродство творити» (с. 84) — фраза, которая вторично звучит в этом эпизоде. Она как будто отделяет в тексте описание древнего монашеского «юродства» Исакия от мирского.⁴⁶ Атрибут городского юродивого — творить «пакости» людям, провоцируя их, вынуждая их унижать и преследовать его, терпеливо переносить все страдания. Исакий «пакостити нача» (с. 84) игумену, братии, а затем ходил юродствовать к мирянам, за что и теми и другими был избиваем. Фраза же «все терпяше, принимае раны и наготу, и студень день и ночь» (с. 84) является своеобразной отсылкой к житию знаменитого константинопольского юродивого Андрея, наиболее вероятному источнику описанной здесь схемы юродства.⁴⁷

⁴² Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 102.

⁴³ Challis N., Dewey H. W. Devine Folly. P. 259.

⁴⁴ Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994. С. 141.

⁴⁵ Там же. С. 36—38.

⁴⁶ Там же. С. 141.

⁴⁷ В частности, источником «морозного терпения» Исакия Г. П. Федотов считал Житие Андрея Юродивого (Федотов Г. П. Святые древней Руси. М., 1997. С. 181).

В эпизод «мирского юродства» Исакия автор включил чудо с печью (стояние на огне), которое обычно связывается или с Георгием Каппадокийским⁴⁸ из рассказа о нем в «Луге Духовном» Иоанна Мосха, или с ветхозаветным пророком Даниилом.⁴⁹ Однако чудо с горящей печью имеется и в Житии Саввы Освященного,⁵⁰ и в других памятниках агиографии. Все эти чудеса — различные сюжетные интерпретации одного и того же библейского мотива. Возможно, что автор был знаком сразу с несколькими и создал еще один вариант этого сюжета.

Последний, третий эпизод жития Исакия, отделяемый от предыдущего словами: «И ина многа повѣдаху о немъ, а другое и самовидецъ быхъ», возвращает к демонологической теме первого. Напоминанием же о его содержании являются слова Исакия: «Аще мя бѣсте прелстили в печерьѣ первое, понеже не вѣдахъ козний ваших, и лукавства; но нѣ же имамъ Господа Иисуса Христа и Бога моего и молитву отца моего Феодосья, надѣюся на Христа, имам побѣдити вас» (с. 84). Но о том, что Исакий победил бесов с помощью юродства, было сказано в самом начале эпизода (с. 84: «И тако взя побѣду на бесы...»), тем не менее эта тема здесь развивается вновь, причем изложение довольно сбивчиво, изобилует повторениями одних и тех же фраз. Создается впечатление, что текст составлен на основе содержания первой части, при этом дополнялся он из того же источника — из Жития Антония Великого. Например, Исакий теперь осеняет себя крестным знамением при появлении бесов, как будто следует наставлению Антония Великого, который говорит о них так. «...претворяются во звери, и гады, и великая телеси, и множество воин, и ни тако подобает(ь) сих мечет ужасатися, ничто же бо суть, но скоро исчезают, паче же аще кто вѣроу и знамением кр(е)стнымъ ограждается» (Солов. 69/1435, л. 53 об.). Антонию бесы являлись в образах львов, медведей, леопардов, волов, змей, аспидов, волков (Солов. 69/1435, л. 38), Исакию — «въ образѣ медвѣжи; овогда же лютым звѣремъ, ово вълomъ, ово змиѣ полозяху к нему, ово ли жабы, и мыши и всякъ гадъ» (с. 84).

Итак, в тексте статьи ПВЛ заметны следы знакомства с древнейшими аскетико-агиографическими сочинениями палестино-египетских подвижников. Автор житий 4 печерских подвижников в качестве образца использовал, вероятно, апофтегмы поглавного (Скитского) патерика. Тексты трех из них (Демьяна, Еремея и Матфея) были помещены в статью 1074 г. практически без изменений (А. А. Шахматов). Житие четвертого — Исакия — состоит из трех эпизодов, каждый из которых, по-видимому, относится к разному времени.⁵¹ В пользу такого предположения могут свидетельствовать различная манера повествования, различный характер используемых в них источников.⁵²

⁴⁸ Яковлев В. А. Древнекиевские религиозные сказания. Варшава, 1875. С. 142.

⁴⁹ Challis N., Dewey H. W. Devine Folly. P. 259.

⁵⁰ Житие Саввы Освященного. С. 23, 25.

⁵¹ При анализе жития Исакия Л. Мюллер пришел к интересному, хотя и отличному от нашего, выводу в рассказе были соединены два письменных источника, принадлежащих различным авторам, в первом из них утверждается преимущество монашеского общежития перед аскезой, другой объясняет ошибочное поведение Исакия в затворе. См. Мюллер Л. Рассказ об Исакии и сказание «что ради зоветься Печерский монастырь» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 66—70.

⁵² Для нас были недоступны следующие работы: Heppell M. The Kiev-Pechersky Monastery from its Origins to the End of 11th Century. London, 1951; Smolitsch I. Russisches Monchtum // Das ostliche Christentum. Wurzburg, 1953. Bd 10/11, Lilienfeld F. The spirituality of the Early Kievan Caves Monastery // Christianity and the Eastern Slavs. Berkeley, 1993. Vol. 1.

А. А. ШАЙКИН

«Повесть временных лет» о язычестве на Руси

Как религия и мировоззрение славянское и русское язычество не раз становилось объектом изучения¹ Цель нашей статьи — уяснить взгляд летописца (имеем в виду собирательный, коллективный образ составителей ПВЛ) на проявления язычества.

Воссоздавая историю дохристианской Руси, летописец-христианин не акцентирует внимания на язычестве старых князей, оно не мешает ему оценить их деяния и заслуги² В изображении судеб князей-язычников имеет место идея «обреченности», но идея эта реализуется не прямолинейно. они, скорее, фигуры трагические, так сказать, обреченные язычеством, несмотря на свои личные достоинства.³ Отсутствие прямых антиязыческих выпадов дало Н. И. Костомарову повод утверждать, что начальные страницы летописи «писаны мирянами», потому что «монах XII века никак не мог выразить сочувствия к язычнику Святославу в войне его с греками. Такой тон едва ли мог придать монах, сердцу которого православная Греция была ближе, чем языческая Русь».⁴ Однако современный исследователь обнаруживает, что «парадоксальная со строго церковной точки зрения симпатия к врагам православных греков славяноязычникам сохраняется и в более поздних памятниках, созданных в условиях, когда византийское политическое влияние уже не представляло

¹ См Очерки истории культуры славян М, 1996 Очерк 3 Религиозные верования древних славян С 145—222 Исследование соотношений, иерархии, а также функций славянских богов см Иванов Вяч Вс, Топоров В Н Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) М, 1965 (особенно с 11—29), Топоров В Н Предистория литературы у славян Опыт реконструкции Введение в курс истории славянских литератур М, 1998, Назаренко А В О язычестве эльбо-одерских славян // Религии мира История и современность М, 2002 С 8—23 См также Рапов О М Русская церковь в IX—первой трети XII в Принятие христианства М, 1988 С 29—41, Рыбаков Б А 1) Язычество древних славян М, 1981, 2) Язычество Древней Руси М, 1987 Не утрачивают значения прежние работы Комарович В Л Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв // ТОДРЛ М, Л, 1960 Т 16 С 84—104, Аничков Е В Язычество и древняя Русь СПб, 1914, Гальковский Н М Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси Репринтное изд М, 2000 Т 1—2 Обзор источников о русском язычестве с опорой на летописные материалы см Никифоровский М Русское язычество Опыт популярного изложения научных сведений о языческой религии русских славян СПб, 1875

² Аналогичное летописному отношению к дохристианским князьям Руси обнаруживается в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона

³ Подробнее см Шайкин А А 1) Эпические герои «Повести временных лет» и способы их изображения // РЛ 1986 № 3 С 89—108, 2) «Се повести временных лет» От Кня до Мономаха М, 1989 С 30—47

⁴ Костомаров Н И Лекции по русской истории СПб, 1861 Ч 1 С 29

для Руси никакой опасности», при этом авторство или редактура этих памятников никак не могут быть приписаны «мирянам».⁵ Владимир, уже приняв христианство и утверждая начала государственности, вернулся к образу правления «по устроению отню и дедню» (С. 87),⁶ т. е. по устроению предков-язычников. Язычество отнюдь не ставится летописцем в вину князьям по каждому случаю. То, что Олег — язычник, читатель впервые обнаруживает в момент его договора с греками, когда Олег клянется «оружьем, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотским богом...» (С. 25). Несколько ранее летописец отметил, что греки сочли Олега «святым Дмитрием», посланным на них от Бога, и это не вызвало у летописца возражений.

При Игоре в договорах с греками со стороны русских на равных правах участвуют и христиане, и язычники со своими богами: «Аще ли же кто от князь или людей русских, ли *хрестян*, или *не хрестеян*, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будеть достоин своим оружием умрети, и да будеть клят *от Бога* и *от Перуна*, яко преступи свою клятву» (С. 39). При «ратификации» договора в Киеве Игорь в присутствии греческих послов давал клятву на холме, где стоял Перун, и с ним «люди его, елико *поганных Руси*; а *хрестеяную Русь* водиша роте в *церкви святого Ильи*, яке есть над Ручаем...» (С. 39). Сосуществование язычников и христиан воспринимается летописцем как нечто естественное. Святослава, правда, летописец упрекает, но не столько за самое язычество, сколько за нежелание принять христианство и за ослушание матери.

Совсем иным был подход западнославянских историков к князьям языческой поры: «О жизни всех этих князей, равно как и об их смерти, умалчивается потому, что люди тогда, грубые и невежественные, предавались чревоугодию и сну и были подобны животным»;⁷ «Но не будем вспоминать о делах тех, память о которых постигло забвение и которых опозорили идолопоклонство и заблуждения...».⁸ Правда, осуждение не распространяется на князей — основателей династии.⁹

Не во всех случаях у летописца отрицательное отношение и к жрецам языческих культов — волхвам, кудесникам. Сбывается предсказание волхва в судьбе Олега, и летописец размышляет: «Се же не дивно, яко от волхвованиа сбывается чародейство...». Справедливость этого соображения доказывается ссылкой на эффективность чародейства волхов древности (С. 30). Летописца-христианина интересует природа чародейства: «Кто убо речеть о творящих ся волшебным прелщением делех?». Успехи кудесников отчасти объясняются «ослаблением Божиим и творением бе-

⁵ «Эта симпатия (к языческим князьям — А Ш) прослеживается и в летописных, и хронографических сводах, прошедших серьезную и тенденциозную редакторскую переработку в духе религиозно-политических концепций воинствующих церковников» Чернецов А В Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в // ТОДРЛ Л, 1990 Т 44 С 431—432 Автор приводит примеры из многочисленных летописных и повествовательных источников XVI в

⁶ Здесь и далее текст цитируется по Повесть временных лет Ч I Текст и перевод / Подгот текста Д С Лихачева и Б А Романова. Под ред чл-корр АН СССР В П Адриановой-Перетц М, Л, 1950 Страницы указываются в тексте в скобках, курсив в цитатах мой

⁷ Козьма Пражский Чешская хроника / Вступ статья, перевод и коммент Г Э Санчук М, 1962 С 47

⁸ Галл Аноним Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл, перевод и примеч Л М Поповой // Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы М, 1961 С 30

⁹ См Рогов А И Первые славянские князья в памятниках древней письменности и искусства // История, культура, этнография и фольклор славянских народов X Международный съезд славистов М, 1988 С 146

совским», но если вера «тверда есть и крепка», то эти бесовские «мечты» бессильны. С другой стороны, волхвы могут успешно предсказывать и чудодействовать потому, что «и не на достойных благодать действует многажды», и Бог через них может открывать волю свою (С. 31).

Но, разумеется, отношения между христианством и язычеством нельзя представлять как идиллические. Христиане в ПВЛ — «лучшие» люди, относящиеся к язычеству с презрением, а чаще — с резкой враждебностью.¹⁰ Уже в так называемой этнографической статье поляне, изображаемые в бытовом отношении почти христианами,¹¹ противопоставлены другим племенам, живущим «зверинским образом»,¹² а в конце статьи, после справки из Хроники Амартола о «поганских» обычаях разных народов, эта христианская исключительность выражается открыто и прямо: «Мы же христиане, елико земля, иже верють въ святую Троицу, и въ едино крещенье, въ едину веру, закон имам един, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся» (С. 16).

Какой-либо последовательной системы в осуждении язычества в летописи ПВЛ нет. Оно осуждается как быт и как образ жизни (в основном в начальной части летописи) и как еретическая и бесовская религия в ситуациях столкновений представителей власти и церкви с волхвами.¹³ В этих последних случаях имеют место «диспуты» с волхвами, но последним аргументом в теологических спорах оказывается оружие.

Сила волхвов, по мысли В. В. Мавродина, коренилась в связях с родом и родовой аристократией,¹⁴ отсюда их общая враждебность и новой княжеской власти, и религии, принесенной этой властью. По данным ПВЛ, язычество было укоренено в быте и обычае.¹⁵ Государственной религией его попытался сделать Владимир, исходя из политических задач сплочения разноплеменной Руси. Первой его акцией в роли киевского князя было создание общерусского государственного пантеона богов (С. 56). Достигла ли эта акция своих целей — консолидации племен? Тотчас после установления идолов некоторые земли (радимичи и вятичи) подняли мятеж, и Владимиру пришлось их усмирять. Исследователи предполагают, что протест мог вызвать состав богов:¹⁶ в пантеоне Владимира лишь Перун и Мокошь являлись собственно славянскими божествами,

¹⁰ В противопоставлении христиан язычникам В. Л. Комарович видел главную идею Древнейшего свода. См. История русской литературы. Т. 1. Литература XI—начала XIII века. М., Л., 1941. С. 260—261.

¹¹ По мнению Н. К. Никольского, «из заключительной фразы известий об обычаях русских племен можно вывести заключение, что летописец считал полян христианами, так как объяснял дикие нравы прочих племен неведением закона Божия». См. Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры // Сб. по русскому языку и словесности. Л., 1930. Т. 2, вып. 1. С. 88.

¹² Отметим, однако, что Новгородская I летопись в язычестве уравнивает полян с прочими племенами: «Поляне < > бяхе же погане, жруще озером и кладязем и роцением, якоже прочии погани». См. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М., Л., 1950. С. 105. Видим в этом одно из многих проявлений амбициозного соперничества Новгорода и Киева.

¹³ Попытку систематизации сведений о борьбе христианских представлений с языческими в тексте ПВЛ см. Пшеничный С. А. Отражение борьбы христианства с язычеством по Повести временных лет // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья. Киев, 1988. С. 151—161.

¹⁴ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 178.

¹⁵ По словам В. Л. Комаровича, язычество на Руси «держалось не догмой, а обычаем». См. Комарович В. Л. Культ рода и земли. С. 84.

¹⁶ Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство Античность Византия Древняя Русь. Л., 1988. С. 230, 233.

прочие же (Хорс, Дажьбог, Стрибог, Симаргл) имели, как полагают исследователи, индоиранские корни.¹⁷ Однако вернее, что мятеж радимичей и вятичей лишь по времени совпал с религиозной реформой. Смена власти в Киеве (Владимир только что занял княжеский стол) обычно приводила к попыткам тех или иных земель «отложиться» от Киева. В эти же 981—985 гг. Владимир предпринял походы также на «ляхов», «ятвягов» и «болгар», которые не имели никакого отношения к реформе Владимира. Сам летописец ничего не говорит о связи походов Владимира на радимичей и вятичей с религиозными вопросами.¹⁸ Кроме Киева идолы утвердились и в Новгороде: «И пришед Добрыня Ноугороду, постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу» (С. 56).

Владимир со своими людьми до и после военных предприятий творил «требу кумиром».¹⁹ После удачного похода на ятвягов в 983 г. боги потребовали человеческой крови. «И реша старци и боляре: „Мечем жребий на отрока и девицю; на него же падеть, того зарежем богом“». Жребий пал на семью варяга-христианина, пришедшего «из Грек».²⁰ У варяга был сын, «красен лицом и душею». Посланные объяснили варягу: «Паде жре-

¹⁷ Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск, М., 1995. С. 107 и др. По оценке В. Н. Топорова, «только о трех божествах можно с уверенностью говорить как о праславянских одновременно — Перуне, Велесе (Волосе) и Мокоши, а о Перуне и Велесе — и как о праславянских ипостасях генетически связанных с ним индоевропейских божеств». См. Топоров В. Н. Предистория литературы у славян. С. 67. Т. А. Бернштам развивает аргументацию о финно-угорской родословной Волоса, который был ассимилирован балто-славянами в процессе их расселения в VIII—X вв. См. Бернштам Т. А. «Слово» об оппозиции Перун — Велес/Волос и скотских богах на Руси // Полярность в культуре / Сост. В. Е. Багно, Т. А. Новичкова. СПб., 1996. С. 93—120 (Альманах «Канун»). Вып. 2). Однако каковы бы ни были родословные тех или иных божеств, ко времени установления их на холме или на Подоле у Почайны они, несомненно, были уже «славянизированы», стали собственной традицией. См. по этому поводу Васильев М. «Хорс жидовин» древнерусское языческое божество в контексте проблем Khazaro-Slavica // Славяноведение. 1995. № 2. С. 12—21.

¹⁸ Собственно, эти же самые боги, по крайней мере часть их во главе с Перуном, уже давно стояли в Киеве на том же холме, только внутри княжеского двора перед Перуном Игорь ратифицировал договор с греками в 945 г., стоял он там, видимо, и при Олеге.

¹⁹ Есть все основания считать, что на Руси в X—XIII вв. были языческие храмы, в которых стояли идолы. Археологические находки последних лет подтверждают известное свидетельство саги Олав Трюггвасон в молодости служил у Владимира, и было у него «в обычае часто сопровождать конунга (Владимира — А Ш) в храм, но он (Олав — А Ш) никогда не входил внутрь, тогда стоял он всегда снаружи у дверей» (см. Джексон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993. С. 137). Такого рода храмы, в которых стояли идолы, датируемые X—XIII вв., обнаружены в западных областях Украины на святилищах Зеленая Липа, Рудники и Звенигород. См. Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 1993. С. 24—25. Так что соображения А. В. Назаренко (Назаренко А. В. О язычестве эльбо-одерских славян) об исключительности храмового строительства (и вообще «продвинутости» языческого культа) лишь у северо-западных эльбо-одерских славян должны быть откорректированы. Ср. мнение этнографов-археологов «По современным археологическим данным существенных различий в распространении всех видов и типов культовых памятников на землях восточных и западных славян не наблюдается» (Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. С. 28).

²⁰ Описание Гельмольдом аналогичных актов у западных славян показывает, что выбор для жертвоприношения христианина был, конечно, не случаен «в знак особого уважения (к главному богу Святовиту — А Ш) они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека — христианина, какого укажет жребий» (Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 130), «Когда жрец, по указанию гаданий, объявляет праздника в честь богов, собираются мужи и женщины с детьми и приносят богам своим жертвы волами и овцами, а многие и людьми — христианами, кровь которых, как уверяют они, доставляет особенное наслаждение их богам» (Там же. С. 129).

бий на сын твой, изволиша бо ѿ бози собе; да створим требу богом» (С. 58).

Летописец вкладывает в уста варяга речь, избличающую языческих богов. Для варяга эта речь была смертельным приговором, для летописца — подходящим поводом дискредитировать ненавистных христианину кумиров. «Не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнееть; не ядят бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть делани руками в дереве. А Бог есть един, ему же служатъ гръци и кланяются, иже створил небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и дал есть ему жити на земли. А се бози что сделаша? Сами делани суть. Не дам сына своего бесом» (С. 58).²¹

Реакция была незамедлительной: «...вземше оружие, поидоша на нь и розьяша двор около его». Варяг пытался найти выход из положения, пойти на уловку: «Аще суть бози, то единого собе послють, да имуть сын мой. А вы чему претребуете им?», но когда в руках оружие, софистика становится излишней: «...и посекоша сени под нима, и тако побиша ѿ»²² Такое, говорит летописец, могло случиться потому, что «бяху <...> тогда человеци невеголоси и погани. Дьявол радовашеся сему, не ведый, яко близъ погибель хотяще быти ему» (С. 58—59). Сцена эта замечательна своим живым драматизмом, и налет теологической обобщенности в споре (в репликах варяга-христианина) вовсе не отнимает у нее убедительности конкретного случая.

Киевская Русь существовала в окружении стран со зрелыми монотеистическими религиями, лучше приспособленными к нуждам становящейся государственности, нежели язычество.²³ Множественность и разобщенность языческих богов содержала в себе сомнительный смысл для государства, которым управлял «един» князь.

Христианство в конце X в. не было новостью для Руси. В Киеве уже при Игоре существовала *соборная* церковь святого Ильи, «мудрейшая из жен» княгиня Ольга приняла эту религию, и наконец, эту религию исповедовали в самом мощном и блистательном из государств, с которыми соприкасалась Русь, — в Византийской империи. Эти обстоятельства предопределили судьбу Перуна и его «сохолмников». Легкость, с которой свергли и сплавил по Ручаю главу языческого пантеона, отсутствие в летописи сведений о сопротивлении религиозному преобразованию свидетельствуют, что официальный Владимиров пантеон не был достаточно популярен у киевлян.

В летописном изложении смены религий выявился один существенный момент. Варяг-христианин, защищая своего сына, утверждал, что языческие боги — это не боги, а нечто «сделанное» («делани руками», «сами делани суть»), т. е. вещи.²⁴ Действительно, расправа с языческими богами

²¹ Аргументация летописного варяга в чем-то перекликается с аргументацией Олава Трюггвасона в его разговоре с Владимиром Святославичем «Никогда я не испугаюсь богов, тех, что не имеют ни слуха, ни зрения, ни сознания, и я могу понять, что у них нет никакого разума. И из того я могу сделать заключение, господин, какова их природа, что ты мне представляешься всякий раз с милым выражением, за исключением того времени, когда ты там и приносишь им жертвы, и тогда ты мне всегда кажешься несчастным, когда ты там. И из этого я заключаю, что те боги, которым ты поклоняешься, должно быть, правят мраком». См. Джексон Т. Н. Исландские королевские саги. С. 137.

²² Западные славяне-язычники отличались еще большей жестокостью. См. Гельмольд. Славянская хроника. С. 65—66, 76—77.

²³ См. Свердлов М. Б. Владимир Святославич Святой — князь и человек // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 78.

²⁴ Да и летописец, характеризуя Перуна, прежде всего указывает на материал, из которого он изготовлен «древян», «сребрен», «злат» (С. 56).

происходит, по выражению Е. В. Аничкова, как их «вещественное уничтожение»: боги «посечены», «сожжены», сплавлены по воде.²⁵

Однако низвержение Перуна меньше всего означало искоренение язычества в народе. С таковым и церковь, и государство на первых порах активной борьбы не вели. Надо было расправиться с волхвами, которых более всего уязвляло принятие новой религии и которые не собирались так просто сдавать свои позиции.

Волхвы, как они изображены в ПВЛ, — сила грозная. Вот, например, в каком контексте дается явление волхва в статье 1091 г: «В се же лето бысть знамень в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы месяц бысть, в час 2 дне, месяца мая 21 день. В се же лето бысть, Всеволоду ловы деюще зверинья за Вышегородом, заматавшим тенета и кличаном кликнувшим, *спаде превелик змий* от небесе, и ужасошася вси людье. В се же лето *земля стукну*, яко мнози слышаша. В се же лето *волхв явися* Ростове, *иже вскоре погыбе*» (С. 141). Можно, конечно, отнести этот ряд событий за счет обычного летописного перечисления, но надо иметь в виду, что летописец группирует события по некоторому тематическому, смысловому, ценностному, иерархическому единству. Поэтому и здесь солнечное затмение, «спадение» змея с небес, «стук» в земле и явления волхва — это для летописца события одного ряда.²⁶ При этом характерен глагол, обозначающий появление волхва: он не «придоша», а именно «явися» — как «являются» высшие, надчеловеческие силы: «явися звезда велика на западе копейным образом» (С. 25), «знамень змиево явися на небеси» (С. 101), «явися столп огнен» (С. 187). Столь же своеобразен и глагол, передающий его исчезновение: «погыбе». Так летописец говорит не о человеке, а о солнечном затмении: солнцу «яко погыбнути» (С. 141), «погыбе солнце и бысть яко месяц» (С. 200). Характер явления и исчезновения ростовского волхва наводит на мысль, что волхвы не имели определенного места, они являлись, как некая стихия, и пропадали; может быть, им даже и нельзя было долгое время находиться среди обычных людей.²⁷ В самом деле, волхв, явившийся в Киеве (этот волхв, впрочем, «приде», «пришед»), предрекает, что на пятое лето Днепр потечет вспять, а «землям преступати на ина места, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскей на Гречьской, и прочим землям изменитися»,²⁸ а затем этот волхв вдруг «*в едину бо ноць бысть без вестн*» (С. 116—117). Так же внезапно исчезает из войска киевлян и Всеслав Полоцкий, рожденный от «волхвования»: «...бывши ноци, утаився кыян бежа из Белагорода Полотьску» (С. 115)²⁹

²⁵ Аничков Е В Язычество и древняя Русь С 22

²⁶ Неслучайность сопряжения этих явлений отмечал и В Л Комарович, однако для осмысления их как «космического полового акта», при котором волхв выполняет роль повитухи при матери-земле, оснований недостаточно (см Комарович В Л Культ рода и земли С 101—102) Скорее уж этот змей, «спавший» с небес, и есть волхв

²⁷ Есть сведения, что волхвы могли жить при капищах в труднодоступных местах «на общественных частях Богита и Звенигорода были расположены небольшие плохо обустроенные жилища, углубленные в каменистый материк Они носили явно временный характер, на Богите отапливались маленькими очагами, что не свойственно обычным древнерусским жилищам, в них почти нет бытового материала, помимо нескольких обломков посуды X—XI вв Около жилищ отсутствуют какие-либо хозяйственные и подсобные постройки В таких домах могли жить служители культа — жрецы» См Русанова И П, Тимошук Б А Религиозное «двоеверие» на Руси в XI—XIII вв (По материалам городищ-святылиц) // Культура славян и Русь М, 1998 С 154

²⁸ Об идеологии этого предсказания см Комарович В Л Культ рода и земли С 102—103

²⁹ Выразительнее его магическое бегство передано в «Слове о полку Игореве» «Скочи от них лютым зверем в пльночи из Бела-града, обесися сине мьгле » ПЛДР XII век М, 1980 С 382

У церкви и власти были самые серьезные основания опасаться волхов: в Новгороде «волхв *встал* при Глебе» — и немедленно все население города перешло на его сторону, с епископом остались только князь с дружиной. Волхв этот, по словам летописца, называл себя богом, намеревался всенародно по воде перейти Волхов, хвалился умением предсказывать будущее. На этом и «сыграл» князь Глеб, наглядно демонстрируя его неспособность предвидеть собственную судьбу.³⁰

Для нашей темы особенно интересен эпизод столкновения воеводы Яна с мятежным отрядом под руководством двух волхов, читающийся в ПВЛ под 1071 г. Волхвы подняли мятеж в Ростовской области в голодный год. Продвигаясь по Волге, они «реквизировали» продовольствие на погостах в богатых домах у «лучших жен». При этом не обходилось без чародейства: волхвы якобы взрезывали этим женам спины и вынимали оттуда «гобино» — «любо жито, любо рыбу». Волхвы предлагают продемонстрировать процесс добывания «гобина» из спин женщин перед самим Яном («...пред тобою вынемеве жито, ли рыбу, ли ино что»), но Ян не позволяет им демонстрировать свое кровавое искусство, а вместо этого указывает, что человека «створил Бог», и «несть в нем ничто же и не весть никто же, но токмо един Бог весть». Христианин, он уже знает, что человека сотворил Бог и из чего сотворил его; сверх того в человеке ничего быть не может. Так христианство на практике начинает противостоять кровавым проявлениям язычества.

От конкретного вопрос поднимается к общему: «како есть человекъ створень». На этот счет у волхов есть своя версия (близкая к богомилскому апокрифу):³¹ «Бог мывься в мовници и вспотивься, отерся вехтем, и верже с небес на землю. И распреся сотона с Богомь, кому в немь створити человека. И створи дьявол человека, а Бог душу во нь вложи. Тем же, аще умереть человек, в землю идетъ тело, а душа к Богу» (С. 118). В полемику с этой концепцией Ян не вступает: пресекая спор, он задает главный вопрос: «Поистине прельстил вас есть бес: коему богу веруета?». Ответ волхов звучит странно: «Антихресту». На наш взгляд, это ответ, придуманный за волхов либо самим Яном, либо летописцем как автором-изобразителем этого «диспута», ибо в дальнейшем диалоге с Яном волхвы не упоминают более об «Антихресте», а говорят о своих богах. Об Антихристе же настойчиво говорит сам Ян.

Воевода спросил волхов о местонахождении их бога и получил ответ: «Седить в бездне». Это позволяет Яну отождествить их бога с «христианским» бесом: «Какой то бог, седя в бездне? То есть бес, а Бог есть на небеси, седяй на престоле, славим от ангел, иже предстоять ему со страхом, не могущи на нь зрети. Сих бо ангел свержен бысть, его же вы глаголета антихрест, за величанье его низъвержен бысть с небесе, и

³⁰ Глеб, спрятав топор под плащом, подошел к волхву и спросил его «То веси ли, что утро хочеть быти, и что ли до вечера?» Волхв ответил, что ему все известно наперед. Тогда Глеб поинтересовался «То веси ли, что ти хочеть быти днесь?» Волхв и гут уверенно ответил «Чюдеса велика створю» После этих слов князь Глеб выхватил топор и разрубил волхва («ростя и») Претендуя на знание будущего, волхв не разглядел вплотную приближавшей смерти. О волхве же добавлено, что он «погыбе теломь, а душою предавься дьяволу» (С. 120—121). Сюжеты у Амартола, свидетельствующие о неспособности волхов предвидеть собственную судьбу, проанализированы Е. Г. Водолазкинским. См. Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеяного повествования XI—XV веков) Мюнхен, 2000 С. 41.

³¹ Если пренебречь подробностями, а иметь в виду только самую идею об участии двух сил, двух начал — божественной и дьявольской — в создании человека, то рассказ волхва вполне созвучен апокрифу «Сказание, как сотворил Бог Адама» См. БЛДР Т. 3. XI—XII века СПб., 1999 С. 94—98 (текст опубликован М. В. Рождественской).

есть в бездне яко же то вы глаголета, жда, егда придетъ Бог с небесе. Сего им антихреста свяжетъ узами и посадить ѱ, ем его, с слугами его и иже к нему веруютъ. Вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо» (С. 118)

Дальнейший диалог Яна с волхвами содержит, хотел того летописец или нет, насмешки уверенного в своем праве и в своей силе палача над обреченными на смерть жертвами. В конце концов, по наущению Яна родственники загубленных волхвами женщин «убиша я и повесиша я на дубе: отместье приимша от Бога по правде». Завершается эпизод подробностью, которую, кажется, трудно присочинить: «...в другую ночь медведь възлез, угрыз ею и снѣсть».³² Претендующих на всеведение «угрыз» медведь.

Летописец уверен в бесовском происхождении волхвования: «.беси бо не ведять мысли человеческая, но влагають помысл в человека, тайны не сведуще. Бог един свестъ помышленья человеческая, беси не сведають ничтоже; суть бо немощни и худи взоромъ». Описание облика и поведения языческих богов, отождествляемых с бесами, летописец «перепоручает» для убедительности самому волхву. Боги эти живут «в безднах», они — «образом черни, крилаты, хвосты имуще; всходятъ же и под небо, слушающе ваших богов. Ваши бо бози на небеси суть. Аще кто умреть от ваших людей, то възносим естъ на небо; аще от наших умираетъ, то носим к нашим богом в бездну».³³ А отсюда уже простой и понятный вывод летописец делает от своего имени: «Яко же и естъ: грешници бо въ аде суть, ждуще муки вечная, а праведници в небеснемъ жилище водворяются со ангелы» (С. 119—120).

Те же коллизии просматриваются и в событиях 1024 г. Феодалный соперник Ярослава Мстислав подошел к Киеву, но Ярослав не обращает внимания на возможность потери столицы, он занят подавлением мятежа в Суздальской земле: «В се же лето вѣсташа вольсьви в Суждали, *избиваху старую чадь* (т. е. в Суздале волхвы делали в 1024 г. почти то же самое, что и в Ростове в 1071 г. — А Ш.) по дяволю наущенью и бесованью <...> Бе мятежь велик и голод по всей той стране <...> Слышав же Ярослав волхвы, приде Суздалью; изымав волхвы, расточи, а другая показани...» (С. 99—100). И только усмирив мятеж волхвов, Ярослав предпринимает меры для противодействия Мстиславу. И. Я. Фроянов, комментируя сообщение этого эпизода об избиении волхвами «старой чади», истолковывает действия волхвов (со ссылкой на исследования Н. Н. Велецкой)³⁴ как рецидив древнейшего языческого ритуала «отправки на тот

³² Трактовка И Я Фрояновым (Фроянов И Я О языческих «переживаниях» в Верхнем Поволжье второй половины XI в // Русский Север Проблемы этнокультурной истории Л, 1985 С 48—49) глагола «снѣсть» как «снес», «унес», поддержанная А В Ратобильской (Ратобильская А В Летописный рассказ о «движении волхвов» и религиозные представления финно-угров // Славяноведение 1996 № 5 С 62), не может быть принята «Словарь русского языка XI—XVII вв» (М, 2000 Вып 25 С 253—255) различает «снести» и «снѣсти» — первое относится к «перемещению» чего-либо, второе в основных значениях связано со «съедением», в дополнительных значениях «получить по делам» и «истерзаться» («жалость дому твоего снѣсть мя») В другом месте ПВЛ этот глагол не допускает иных, кроме «съедения», толкований «И видѣ жена, яко добро древо въ ядь, и вземши снѣсть, и вдасть мужю своему...» (С 62) Форма «снѣде», употребленная в данном месте в Ипатьевском списке (ПСРЛ СПб, 1908 Т 2 Стб 168), также исключает «перемещение»

³³ Финно-угорские и украинские варианты XIX в летописного рассказа волхва см Гальковский Н М Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси Т 1 С 136—140 По мнению автора, в этом летописном рассказе по преимуществу отразились финские представления Там же С 249

³⁴ Велецкая Н Н Языческая символика славянских архаических ритуалов М 1978

свет», умерщвления стариков, для исследователя это событие внутри языческого еще мира.³⁵ Однако факт вмешательства в события князя-христианина (как и воеводы-христианина в 1071 г.) неизбежно переводит их в языческо-христианский конфликт: действия волхвов, которых казнит и расточает князь, оцениваются в рамках христианской идеологии: волхвы избивают «старую чадь по дьяволу науценью и бесованью».

Итак, волхвованию способствуют бесовские силы, и помогают они тем, кто не имеет настоящей веры: «Сие ти есть бесовская сила, и лепота, и немощь. Тем же прельщают человеки, веляще им глаголати видения, являюща им, несвершенным верою...». При этом во сне и в видениях, по мнению летописца, являются не Христовы, а дьявольские силы: «...являюща во сне, инем в мечте, и тако волхвуют науценьем бесовским». В особенности этому злу подвержены женщины, ибо «искони бо бес жену прелсти, си же мужа, тако в си роди много волхвуют жены чародйством, и отравою, и инеми бесовскими козньми». Но не только женщины — мужи тоже «прельщени бывать от бесов невернии». И примеров тому немало, начиная с апостольских времен (С. 120).

В летописи волхвы нигде не называют своих богов по именам. Они не упоминают ни Перуна, ни Дажьбога, ни Волоса, ни Мокошь, они просто говорят «наши божи». При этом здесь не ощущается какого-либо табу, волхвы о богах говорят много и охотно. Они описывают их внешний вид, характеризуют особенности их поведения, рассказывают об их местообитании, но имен их не называют. У богов, которым служат волхвы, как бы нет имен, а летописцы отождествляют их с христианскими бесами.

Может быть, эта анонимность языческих богов связана с нежеланием христиан-летописцев называть их имена. Е. В. Аничков, анализируя памятники письменности, находит в них два взгляда христианских книжников на язычество. Первый, отождествляющий языческих богов с бесами, «ничего не хочет знать, ни слышать о них; даже самое произношение их имен запрещается». По другому взгляду, осмысливающему язычество как обожествление сил природы, изучение древних верований представляет определенную необходимость, хотя бы затем, чтобы показать «весь ужас и всю пагубность продолжения поклонения твари вместо творца».³⁶ Оба эти взгляда различимы и в ПВЛ.

В летописном экскурсе, отождествляющем имена «египетских» богочарей с языческими божествами славян, за богами признаются немалые заслуги. Так, при «Феосте» (Гефесте), которого называют и «Соварогом» (Сварогом), «спадоше клеще с небесе, нача ковати оружие, преже бо того палицами и камением бяхуся», т. е. Феост-Сварог научил людей пользоваться металлом, а это, как известно, одна из важнейших революций в истории человечества. Другое дело, что люди первым делом принялись ковать оружие. Но, пожалуй, еще большее уважение Феост вызывает у летописца тем, что он установил брачный обычай: «Ть же Феоста закон устави женам за един мужь посагати и ходити говеючи, а, иже прелюбидею деючи, казнити повелеваше. Сего ради прозваша ѿ бог Сварог». После него царствовал сын его, «именем Солнце, его же наричють Дажьбог...». Гелиос = Солнце = Дажьбог прославился тем, что поддержал брачный обычай, установленный Сварогом, сурово наказал жену-прелюбодейку и казнил прелюбодея, после чего «бысть чисто житье по всей земли Егу-

³⁵ Фроянов И. Я. Волхвы и народные восстания в Суздальской земле 1024 г. // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История. Л., 1983. С. 19—38.

³⁶ Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. С. 122.

петьской, и хвалити начаша» (С. 198). По убеждению летописца, и Сварог, и Дажьбог были египетскими царями. О Солнце-Даждьбоге летописец мог сказать так: «бе бо мужь силен». Они дали людям железо, ремесла, установили брачный закон, т. е. совершили тот набор деяний, который свойствен «культурным героям». ³⁷ Летописец здесь прямо не говорит о заблуждениях «невегласов», начавших считать этих царей богами, но самое существо его изысканий в исторической литературе — «Аще ли кто сему веры не имеет, да почтеть фронографа» (С. 197) — свидетельствует об убежденности летописца в этом очевидном для него заблуждении.

Языческие верования отражены в летописи скудно

Летопись называет имена богов Владимирова пантеона, рассказывает, из каких материалов был изготовлен идол Перуна, о том, что богам приносились человеческие жертвы, но об их функциях ничего не сообщается. Неизвестно, этим ли богам служили волхвы. ³⁸ Сами волхвы также остаются во многом загадочными фигурами. Ни один из летописных ³⁹ волхвов не назван по имени, может быть, по слову псалма: «...не помяну имен их устами моими» (Пс. 15: 4). На основании летописи мы не можем судить ни об их верованиях, ни об обрядах и обычаях, за исключением способа добывания продовольствия путем взрезывания спин именитым женщинам. ⁴⁰ По сути дела, нет никакого материала и о мифотворчестве, без которого волхвы вряд ли могли обходиться. К таким мифам можно было бы отнести рассказ волхва о сотворении человека, если бы не подозрение, что летописец вложил в уста волхва богомильский апокриф. ⁴¹

³⁷ См Мелетинский Е М, Неклюдов С Ю, Новик С Е Статус слова и понятия жанра в фольклоре // Историческая поэтика Литературные эпохи и типы художественного сознания М, 1994 С 46—47

³⁸ Есть сведения, что первоначально, «преже перуна», славяне поклонялись загробным божествам, вероятно, обожествляемым предкам «роду ї роженницам... каади тревѣ, оупнрем ї верегинам» — Гальковский Н М Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси Т 2 С 24 Начало поклонения «мертвым» относится в ПВЛ к библейским временам «Начааникъ во яше кумиротвореню Серухъ, творяшетъ во кумиры во имяна мертвыхъ человекъ, овѣмъ вышнимъ царемъ, другомъ храврымъ, и волхвомъ, и жеманъ прелюбодинцамъ» (С 64)

³⁹ Давно ведется спор об этнической принадлежности волхвов Н М Гальковский предполагает, что волхвы преимущественно имели финно-угорское происхождение (Гальковский Н М Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси Т 1 С 134—136), В Л Комарович признает их славянами (Комарович В Л Культ рода и земли С 100), новейшие исследователи опять предпочитают видеть в них финно-угров (Рагобыльская А В Летописный рассказ о «движении волхвов» С 54—64) Отметим что летописец нигде не подчеркивает национальную принадлежность волхвов хотя в иных случаях летопись указывает племенную (древляне, радимичи вятичи, север, кривичи) или национальную (половецкую ли, угорскую ли, болгарскую ли или иную) принадлежность «поганских» обычаев и установлений

⁴⁰ Н М Гальковский приводит описание П И Мельниковым обряда сбора жертвоприношений для богов у мордвы, относящееся к середине XIX в, где имитируется то, что летописные волхвы проделывали всерьез «Когда мордвинны готовятся совершать свое общественное богослужение, по дворам ходят избранные люди для сбора жертвенных припасов В каждом доме старшая замужняя женщина берет обеими руками за тесемки мешок с мукой, закидывает его через голову назад за голые плечи и, не оглядываясь, задом подходит к сборщикам Сборщик, взяв в одну руку мешок, другой рукой пять раз колет подошедшую в обнаженные плечи и спину (вырезывание гобина — А Ш), читая при этом молитву, а потом перерезывает тесемки, и сумка падала в подставленную для того кадку» См Гальковский Н М Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси Т 1 С 140—141 Ср Повесть временных лет М, Л, 1950 Ч 2 С 402—403

⁴¹ Следует учесть, что последующая традиция соединила Богомила и волхвов, у Татищева, опирающегося здесь на Иоакимовскую летопись, Богомил объявляется верховным жрецом «Высший же над жрецы славян Богомил, сладкречия ради наречен Соловей, вльми претя люду покоритися» (т е противодействует Добрыне в крещении Новгорода) — Татищев В Н История Российская В 7 т М, Л, 1962 Т 1 С 112

Описание же внешности языческих богов хотя и преподносится от имени волхвов, тем не менее сочинено самим летописцем для отождествления этих богов с христианскими бесами с целью их дискредитации. Видимо, надо согласиться с той точкой зрения,⁴² что летописец не может изложить действительного вероучения волхвов, ибо, даже осужденное с позиций христианской религии, оно сохраняло бы соблазн веры, поддержанной преданием и актуальным еще обычаем. Летописец (вместе со своим персонажем Яном) не желает вступать в полемику с волхвами.⁴³ Летописцу не надо критиковать веру волхвов, достаточно объяснить ее бесовской, а богов их отождествить с бесами: тем самым языческая вера и ее боги утрачивали автономность и становились частью — негативной — христианских представлений.

И все же в XI в. на практике волхвы были еще опасной силой, оказывающей влияние на население не только окраин, но и городов.⁴⁴ Религиозные противоречия, видимо, смешивались с социальными, и мятежи под руководством волхвов неизменно оборачивались выступлениями против государственной власти. Князья и воеводы, опираясь на дружины, контролировали положение, но страх перед волхвами, всегда способными поднять народ, отразился, в частности, в том, что волхвы, само их появление, изображаются как нечто загадочное, внезапное, грозное: «...спаде змей от небесе <...> волхв явися в Ростове».

Завершив статью актуальной в наши дни цитатой: «Реанимация языческого сознания предпринималась в истории не один раз, начиная с Юлиана Отступника. Хорошо известно, как плачевно заканчивались подобные попытки. Если в восточноевропейской, в частности, в русской общественно-философской и художественной мысли, не было увлечения идеями ницшеанского „сверхчеловека“, то не обязаны ли мы этим могучим росткам той „культуры совести“, которая сформировалась на Руси с принятием христианства?».⁴⁵

⁴² Ср., например Аничков Е В Язычество и древняя Русь С 122, Гуревич А Я Народная магия и церковный ритуал // Механизмы культуры М, 1990 С 3—17, 25 и др., Водолазкин Е Г Всемирная история в литературе Древней Руси С 42

⁴³ Поэтому лишены убедительности аналогии, отождествляющие те или иные моменты глумления Яна над волхвами с элементами похоронного обряда финно-угорских народностей, ибо в этих построениях воевода Ян, христианин, незаметно для исследователя превращается в «режиссера» обряда, почти шамана (см упомянутую статью А В Ратобильской)

⁴⁴ «Целых полвека, — писал Е В Аничков, — почти непрерывно, по всему Северу, от Новгорода до Ростова, в Суздальской земле, на Белоозере, на Волге и по Шексне, иногда даже в самом Новгороде, забирали власть волхвы, и народ шел за ними» См Аничков Е В Язычество и древняя Русь С 142 В последнее время высказано мнение, что это были не только социально-конфессиональные, но и этнические конфликты, а именно финно-угорское противостояние славяно-скандинавской экспансии с одновременной заменой родоплеменных отношений раннегосударственными См Дубов И В Скандинавы в Ярославском Поволжье // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора М И Артамонова СПб, 9—12 дек 1998 г СПб, 1998 С 158

⁴⁵ Вагнер Г К К вопросу о новом сознании Киевской Руси X—XII веков // Герменевтика древнерусской литературы М, 1995 Сб 8 С 22 Замечаниями об опасности и бесполезности нынешних неоязыческих манифестаций начинает и заканчивает свою статью и цитируемый нами А В Назаренко

В. Ю. ФРАНЧУК

Обращение в летописном тексте

Изобразительная роль обращений в современных восточнославянских языках, их стилистические разновидности и приемы употребления достаточно хорошо изучены.¹ Отмечается, что обращение — это интонационно выделенный компонент предложения, называющий существа или персонафицированные предметы, к которым адресована речь. Наличие обращений усиливает стилистическую функцию чужих слов, выражающих положительную или отрицательную оценку, одобрение или порицание лица, совершившего тот или иной поступок. Функционируют обращения в предложениях различного синтаксического строя. Употребляясь в побудительных, вопросительных и восклицательных предложениях, они служат и для более четкого противопоставления частей сложного предложения с прямой речью, способствуют более яркому выявлению субъекта, которому предписывается, предлагается что-либо сделать, выполнить, ответить. При недостаточно умелом использовании авторских комментариев обращения играют дополнительную информативную роль.

Конструкции обращения в древнерусском языке изучались преимущественно с точки зрения наличия или отсутствия в них специальной звательной формы. Исключение составляет статья М. Б. Михайловой и Л. Е. Алексеевой «О динамике стилистических функций обращения в древнерусской житийной литературе».²

Обращение как средство оценки и характеристики в летописной прямой речи анализировать особенно трудно, так как летописный текст неоднороден. Продуктивным в данном случае представляется предложение О. В. Творогова различать в летописи «речь документальную, иллюстративную и сюжетную».³ К первой ее разновидности автор относит обращения князей к дружинникам, речи, передаваемые ими через послов, или, наоборот, речи горожан к князю и т. д.

Иллюстративная прямая речь употребляется для оживления описания, и в ней сохраняются основные приемы, присущие документальной речи «Летописец, — пишет О. В. Творогов, — еще не решаетя отойти от требования документальности, поэтому иллюстративная речь в основном

¹ Грамматика русского языка М., 1954 Т. 2, ч. 2 С. 126—129, Ефимов А. И. 1) Стилистика художественной речи М., 1961 С. 458—473 2) Стилистика русского языка М., 1969 С. 207—216, Розенталь Д. Е. Практическая стилистика русского языка М. 1965 С. 344—345, Вихованець І. Р., Городенська К. Г. Грищенко А. П. Грамматика української мови Київ, 1982 С. 179—180

² Историческая стилистика русского языка Петрозаводск, 1990 С. 83—87

³ Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв // Истоки русской беллетристики Л., 1970 С. 55 (глава I, автор О. В. Творогов)

пересказывает то, что происходит, она легко воссоздается, на основе самой ситуации».⁴

Сюжетная прямая речь, по мнению О. В. Творогова, употребляется чаще всего в составе летописных рассказов для передачи частных бесед, внутренней речи персонажа как средство его характеристики. Являясь одним из важнейших компонентов сюжетного повествования, она отличается эмоциональностью, психологичностью. А диалоги иногда сопровождаются описанием говорящих, их жестов и поз, их настроения.⁵ К сюжетной прямой речи О. В. Творогов относит и этикетные монологи князей, подчеркивая их прямую противоположность рассмотренным им диалогам из «Повести временных лет» (разговор новгородца с кудесником, беседа князей Давыда и Святополка с князем Васильком Теребовльским, беседа князей на Долобском съезде)⁶

Особенности обращения в документальной и иллюстративной прямой речи наиболее выразительно проявляются в побудительных предложениях с глагольными сказуемыми в форме повелительного наклонения: «Преставися князь руский Ярославъ. И еще живу сущю ему, наряди сыны своя, реки им: „Се аз отхожу свѣта сего, а вы, сыновѣ мои, имѣйте межи собою любовь“» (ПВЛ, с. 113);⁷ «И сѣдшим всей братьи в Всеволода на сѣнх, и рече им Всеволод: „Игорю, цѣлуй крест, яко имѣти братью в любов, а Володимир, и Святослав, и Изяслав, цѣлуйте крест ко Игореву, что вы начеть даяти, но по воли, а не по нужи“» (КЛ, с. 227); «Присла король ко Святославу, тако река: „Брате, пришли сына своего ко мнѣ, чим ти ся есмь общал, то ти исполню“» (КЛ, с. 446); «И посемь Лев приѣха к нему в монастырь и поча молвити Войшелкови: „Куме, напиemyся“» (ГВЛ, с. 573).

В таких предложениях побуждение, приказ, просьба и другие волеизъявления относятся к адресатам, имена которых выражены в звательном или именительном падежах.

Встречаются обращения и в вопросительных предложениях прямой вопросительности, близких к побудительным, например: «Ярополк же идяше по немь, плачяся с дружиною своею: „Отче, отче мой, что еси бес печали пожил на свѣтѣ семь, многи напасти приемь от людѣй и от братья своя?“» (ПВЛ, с. 141); «Володимер же рече Андрѣви Гюргевию и Володимеру Андрѣвичю: „Како есть княжение свата моего, аже рать на нь из Володимеря идеть, а како того не увѣдати? А ты, сын его, сѣдиши в Пересопници, а другый Бѣлѣгородѣ, како того не устеречи?“» (КЛ, с. 289); «В то же веремя Володимер Андрѣвичь нача припрашивати волости у Мьстислава. Мьстислав же уразумѣв, оже извѣтом у него просить волости, рече: „Брате Володимере, ци давно еси хрест цѣловал ко мнѣ и волость взял еси у мене?“» (КЛ).

В повествовательных предложениях, двусложных и односложных, при помощи обращения привлекается внимание адресата к сказанному: «Якоже Ольга часто глаголаше: „Аз, сыну, Бога познах и радуюся“» (ПВЛ, с. 40); «И послаша кияне к Святославу, глаголюще: „Ты, княже, чужей земли ищешь и блюдешь, а своя ся лишив“» (ПВЛ, с. 43); «Святослав же рече: „Право, брате, гнѣвался есмь на тя про то, оже ми еси

⁴ Там же С 57

⁵ Там же С 58

⁶ Там же С 61

⁷ Примеры из «Повести временных лет» (ПВЛ), Киевской (КЛ) и Галицко-Волынской (ГВЛ) летописей приводятся по изданию Летопись по Ипатскому списку СПб., 1871 Нумерация страниц в тексте в круглых скобках

Черниговской волости не исправил“» (КЛ, с. 341); «Онѣм же повѣдающим: „Господине, добри вси и здоровѣ, и боярѣ и слуги“» (ГВЛ, с. 592).

В летописном тексте обращения выражаются различными категориями слов и словосочетаний, здесь употребляются различного рода определения или слова, эмоционально окрашенные, с семантикой положительной или отрицательной оценки. От семантики слова, которым выражено обращение, зависит то, каким стилистическим целям оно служит. Встречаются различные типы обращений: 1) одиночные, выраженные местоимением, собственным или нарицательным именем; 2) развернутые, состоящие из нескольких слов или словосочетаний.

Функция одиночных (простых) обращений заключается в том, чтобы выделить из общего числа лицо или лица, которым адресована речь: «Давыд же князь не пусти княгинѣ с мужем до Киева, рече ей: „Како ты могу, ятры, пустити? А пришла ми вѣсть ночь съ, оже Мьстислав в Василевѣ“» (КЛ, с. 374).

В развернутых обращениях адресат не только называется, но и определяется отношением говорящего к нему. Например: «Василко же ида под город и взя собѣ в руку каменя; пришедше под город и нача молвити горожаном, а татарове слышать послании с нимъ: „Костянтине холопе, и ты, другой холопе, Лука Иванковичю! Се город брата моего и мой, передайтеся“; молвив, да камень вержетъ доловь, дая им разум хитростью, а быша ся билѣ, а не предавалися» (ГВЛ, с. 563).

Встречаются случаи, когда в роли обращения выступает сочетание местоимения с существительным, собственным или нарицательным. В таком случае достигается «большая надежность в передаче языковой информации»,⁸ дублирование способствует более четкому выделению лица, к которому обращена речь. Например: «Святослав же съвокупився с братьею своею и с половци, и рече Святослав братѣи своей: „Се аз старѣ Ярослава, а ты, Игорю, старѣ Всеволода, а нынѣ я вам во отца мѣсто осталъ, а велю тобѣ, Игорю, сдѣ остати“» (КЛ, с. 418).

Существительные в качестве обращения, если они сами по себе не несут никакой эмоциональной нагрузки, сочетаются с прилагательными или с другими словами, в сочетании с которыми они наряду с общей выделительной функцией приобретают различные оценочные значения. Например: «Володимѣру же люба бысть рѣчь та <...> и начат молвити княгини своей: „Хочю послати по брата своего по Мьстислава, а бых с ним ряд учинил о землю и о города, и о тобѣ, княгини моа мила Олго“» (ГВЛ, с. 593).

Отличительной особенностью многих обращений в летописном тексте является использование существительных, обозначающих родственные отношения, для выражения вассальной зависимости.⁹ Таким положением вещей объясняется, например, то, что в одном случае герой «Слова о полку Игореве» Святослав Всеволодич признает своих младших родственников Романа и Рюрика Ростиславичей равными себе «братьями» (КЛ, с. 603, 663), а в другом называет Всеволода Юрьевича, двоюродного дядю по матери, не только «братом», но и «сыном» (КЛ, с. 619), подчеркивая тем самым его подчиненное положение.

Указанные выше особенности употребления терминов родства наблюдаются в так называемом «Золотом слове» Святослава: «Тогда великыи

⁸ Супрун А. Е. Лексическая система и методы ее изучения // Методы изучения лексики Минск, 1975 С 19

⁹ Подробнее см в нашей работе Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении Киев, 1986 С 104—108

Святъслав изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати <...> А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава“». ¹⁰ Великий князь называет здесь своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода сыновцами-племянниками в феодальном смысле этого слова. Ср. обращение Игоря Святославича к Святославу Всеволодичу, зафиксированное летописцем: «Отче! Добро бяшетъ тишина, но оже ся уже не годило; но абы ны Бог дал ты сдоров был» (КЛ, с. 417).

Далее, однако, картина меняется. Всеволод Юрьевич, которого летописный Святослав Всеволодич считает своим вассалом, для автора «Слова» становится великим князем, а «брат и сват» Рюрик превращается в господина-повелителя. Вот эти строки: «Великыи княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы чага по ногатѣ, а кощи по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. Ты, буи Рюриче и Давыде! <...> Вступита, господина, в злата стремянь за обиду сею времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!». ¹¹

Вероятно, именно в этом месте следует видеть переход от «Золотого слова» Святослава к обращениям автора «Слова о полку Игореве». Между тем разные исследователи представляют этот переход по-разному. Так, Е. В. Барсов считает, что «Золотое слово» оканчивается словами «За землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича». «И только затем, — пишет он, — начинаются рассуждения автора от своего лица. От Киевской Руси он обращается мыслию на Запад, к Полоцкому княжеству, некогда славному, с которым связано имя знаменитого Всеслава, и находит, что теперешние его потомки на него не походят и ждать от них помощи — нечего. Поэтому он говорит о полоцких князьях от самого себя и не заставляет Святослава звать к ним за помощью. Переход к этим рассуждениям — творческий и оригинальный». ¹²

О том, что именно Святослав обращался к удельным князьям за помощью, писали Г. Н. Моисеева ¹³ и другие современные исследователи. ¹⁴

Между тем «Золотое слово» Святослава Всеволодича от призывов автора «Слова о полку Игореве» отличает то, что последний находился на иной социальной ступени. Именно автор, нужно думать, ввел в состав обращений от своего лица термины «князь» и «господин», которых сами повелители Руси, общаясь друг с другом, как правило, избегали.

Сравнение летописного текста и текста «Слова о полку Игореве» показывает, что оба памятника передают отношение к адресату с помощью обращений в соответствии с представлениями своей эпохи.

В сюжетной прямой речи, которая является одним из важнейших компонентов сюжетного повествования в летописи, наблюдается смешение обращений летописного и житийного типов. Представляется, что оно обусловлено вставками житийного плана, включенными в историческое повествование, возможно, в разное время. Ниже приводятся примеры об-

¹⁰ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» М, Л, 1965 Вып 1 С 20

¹¹ Там же С 21

¹² Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси М, 1887 Т 2 С 55

¹³ Моисеева Г. Н. О времени создания «Слова о полку Игореве» // РЛ 1985 № 4 С 15

¹⁴ Горский А. А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» Л, 1986 С 34

рашений разного плана из рассказа Киевской летописи об убиении Андрея Боголюбского, которые свидетельствуют о том, что над ее текстом работали разные лица:

«Тѣмъ в память убьенья твоего, страстотерпце княже Андрѣю, удишася небеснии вои, видяще кровь проливаему за Христа» (с. 397).

«Ты же, страстотерпче, молися ко Всемогущему Богу о племени своемъ и о сродницѣхъ, и о землѣ Руськой, дати мирови мир» (с. 397).

«И рече один стоя у двѣрий: „Господине, господине!“ И князь рече: „Кто естъ?“ И он же рече: „Прокопѣи“. И рече князь: „О паробѣче! Не Прокопѣи!“» (с. 398).

«И рече им: „О горе вам, нечестивии! Что уподобитесь Горясѣру? Что вы зло учиних? Аще кровь мою прольяете на землѣ, да Бог отомститъ вы и мой хлѣб“» (с. 398).

«Князь же узрѣвъ я идуща к собѣ, и въздѣвъ руцѣ на небо помолися Богу, глаголя: „Аще, Господи, и в сем осужение и конѣць приимаю, аще и много согрѣших, Господи, заповѣди твоя не схранив, но вѣдѣвъ, яко милостив еси, плачуща видиши и противу течеси, обращающа блуднаго“» (с. 399).

«Князь же възрѣвъ на небо и рече: „Господи, в руцѣ твои предаю тобѣ дух мой“» (с. 400).

«И нача плакати над ним Кузмище: „Господине мой, како еси не очютил сквѣрных и нечестивых пагубоубийственных ворожьбит своих, идущих к тобѣ, или како ся еси не домыслил побѣдити их, иногда побѣжая полкы поганых болгар?“» (с. 400—401).

«И рече възрѣвъ на нь Кузмище: „Амбале вороже, сверзи ковер ли что ли, что постѣлати или чим прикрыти господина нашего“» (с. 401).

«И рече Кузмище: „О еретиче! Уже псом выверечи? Помнишь ли, жидовине, в которыхъ порѣтѣхъ пришел бжешеть?“» (с. 401).

«И рече Кузмище: „Уже тебе, господине, паробѣци твои тебе не знаютъ“» (с. 401).

«И поча весь народ плача молвити: „Уже ли Киеву поѣха, господине, в ту церковь, тѣми Золотыми вороты, их же дѣлатъ послал бжеше“» (с. 402—403).

В приведенных примерах выделяется автор-очевидец трагических событий. В его реалистическом рассказе использованы обращения — названия лиц, принимавших в этих событиях участие: *господине, паробѣче, еретиче, жидовине, Амбале вороже*. Зависимость от житийной традиции чувствуется во вставках риторического плана. Сторонник потомков Юрия Долгорукого просит Андрея о помощи его родственникам в тяжелое для них время. Элементы агиографического стиля (обращение к убийцам — *нечестивии*, к Богу — *Господи*), скорее всего, внесены в текст рассказа составителем и редактором Киевской летописи игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем.

В. Г. ПУЦКО

Княжение Владимира Великого по миниатюрам Радзивилловской летописи

Радзивилловская летопись в известном списке конца XV в давно уже служит предметом изучения в различных аспектах, в том числе и как древнейший иллюстрированный список летописного свода. Исследование миниатюр в оригинале для большинства специалистов было сильно затруднено по вполне объективным причинам, и не лучшим выходом из этого положения являлось обращение к существовавшему изданию, ставшему библиографической редкостью.¹ Только благодаря появлению факсимильного воспроизведения рукописи² потенциально расширяется круг историков искусства, получивших возможность осмысления 613 композиций, образующих нередко как бы самостоятельные циклы иллюстраций. Здесь речь пойдет лишь об одном из них, связанном с личностью киевского князя Владимира Святославича и хронологически охватывающим события 970—1015 гг., включая соответственно крещение Руси.

Литература о миниатюрах Радзивилловской летописи сравнительно невелика, и еще меньше работ, которые посвящены определенным сюжетам.³ Интересующей нас серии композиций уделил внимание лишь Б. А. Рыбаков, написавший «Княжение Владимира отражено 46 миниатюрами; их них почти половина (22) посвящена „выбору веры“ и принятию христианства. Особого воздействия византийских источников не заметно. В связи с темой принятия христианства в рисунках уделено внимание языческим сюжетам, язычество символически изображалось группой деревьев, священной рошей, „рощением“, где „клали требы“ (л. 46 о.; 48 о.; 49; 58 о. в.). Интересно показано метание жребия при выборе жер-

¹ Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись Ч 1 Фотомеханическое воспроизведение рукописи СПб, 1902

² Радзивилловская летопись В 2 т М, 1994 Т 1 Факсимильное воспроизведение рукописи Т 2 Текст, исследование, описание миниатюр

³ Айналов Д В Очерки и заметки по истории русского искусства III О некоторых сериях миниатюр Радзивилловской летописи // ИОРЯС СПб, 1908 Т 12, кн 2 С 307—323, Рабинович М Г Древнерусские знамена (X—XV вв) по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии Сб статей в честь А В Арциховского М, 1972 С 170—181, Рыбаков Б А Борьба за суздальское наследство в 1174—1176 гг по миниатюрам Радзивилловской летописи // Средневековая Русь М, 1976 С 89—101, Чернецов А В Об одном рисунке Радзивилловской летописи // СА 1977 № 4 С 301—306, Симонов Р А «Запись» чисел на древнерусском абаке // Древняя Русь и славяне М, 1978 С 413—420 Пуцко В Г Древнейшие иллюстрации к сказаниям о Киево-Печерском монастыре // ТОДРЛ Л, 1985 Т 38 С 65—78, Белоброва О А Этикетный мотив в древнерусской миниатюре XV в // Исследования по древней и новой литературе Л, 1987 С 25—31, Сапунов Б В Миниатюры Радзивилловской летописи о походе Игоря на половцев // Книга в России XVI—середины XIX вв Материалы и исследования Л, 1990 С 11—27

твы — применялись игральные кубики с шестью точками (л. 46 о.), и число 6 означало, очевидно, удобность Перуну. По окончании жеребьевки князь давал грамоту своему мечнику (л. 47 в.) Последний раздел миниатюр 988—997 гг. очень созвучен киевскому циклу былин о Владимире Красное Солнышко, созданном в эти же годы: постройка пограничных городов — „застав богатырских“ (л. 67 о. н.), выявление народных богатырей-поединщиков вроде Кожемяки (л. 68—69), знаменитые пиры Владимира (л. 70 о. н.), борьба с разбойниками, созвучная былине о Соловье Разбойнике (л. 71) Последний эпизод свода 997 г в дошедших до нас былинах не сохранился, но сам по себе является эпическим Это легенда об осаде Белгорода печенегами и чудесном, сказочном избавлении от нее <...> Первый комплекс миниатюр XI в. освещает события 1014—1024 гг. — времени жестоких братоубийственных войн после смерти Владимира. Здесь показаны смерть Владимира и его погребение, трагическая судьба его сыновей Бориса и Глеба, убитых Святополком Окаянным, и победа Ярослава над Святополком». ⁴ Все это, в сущности, повторено тем же автором в статье, помещенной в книге «Радзивилловская летопись». ⁵

Приведенные классификация и оценка отражают прежде всего индивидуальную научную позицию исследователя, обнаруживающего повышенный интерес к язычеству и фольклорным мотивам, широко реализованный в его объемистых книгах. ⁶ Но нас в данном случае интересуют и тематический репертуар миниатюр цикла, и их иконография, а также возможные источники композиционных схем. Ведь в любом случае иллюстрации нельзя рассматривать в качестве изолированного явления в истории искусства христианского средневековья, и они, несомненно, должны обнаруживать хотя бы отдаленные параллели.

Миниатюры, тематически связанные с князем Владимиром и посвященные его правлению, включают в свой состав следующие композиции: ⁷

1. Княжение Владимира Святославича в Новгороде; отъезд Святослава Игоревича в Переяславец (?) Л. 37. Миниатюра 86.
2. Отправка новгородских посадников Владимиром Святославичем к брату, Ярополку Святославичу Киевскому, с предупреждением о начале военных действий против него. Л. 42. Миниатюра 103.
3. Посольство Владимира Святославича к Рогволоду Полоцкому с целью сватовства к его дочери Рогнеде; беседа Рогволода с Рогнедой. Л. 42 об. Миниатюра 104 (см. рис. 1).
4. Поход Владимира Святославича с большим войском на Полоцк. Л. 42 об. Миниатюра 105 (см. рис. 1).
5. Подступ Владимира Святославича к Киеву. Л. 43. Миниатюра 106.
6. Беседа Владимира Святославича с дружиной в отчем теремном дворе; предупреждение воеводой Варяжкой Ярополка Святославича о готовящемся на него покушении. Л. 44. Миниатюра 108.
7. Убийство по повелению Владимира его брата Ярополка Киевского Л. 44. Миниатюра 109.

⁴ Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X—XII вв // Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследование и заметки М., 1984 С. 200—201

⁵ Радзивилловская летопись Т. 2 С. 285 Принятые в статье Б. А. Рыбакова сокращения означают о — оборот, в — верх, н — низ

⁶ Рыбаков Б. А. 1) Язычество древних славян М., 1981, 2) Язычество Древней Руси М., 1987

⁷ Используемые в статье названия миниатюр основаны на описании миниатюр М. В. Кукушкиной Радзивилловская летопись Т. 2 С. 317—329

8. Прием Владимиром послов наемных варягов и раздача им городов в кормление; уход прочих варяжских воинов в Царьград. Л. 44 об. Миниатюра 110.
9. Начало княжения Владимира в Киеве; воздвижение по его повелению на холме изваяний Перуна и иных языческих божеств. Л. 45. Миниатюра 111.
10. Договор Владимира с вятичами о дани. Л. 46. Миниатюра 112.
11. Вторичный поход Владимира на вятичей. Л. 46. Миниатюра 113.
12. Метание жребия боярами Владимира для определения жертвы языческим богам. Л. 46 об. Миниатюра 114.
13. Вручение князем мечнику грамоты на жертвоприношение; отказ варяга-христианина выдать для принесения в жертву сына. Л. 47. Миниатюра 115.
14. Разгром киевскими язычниками дома варяга-христианина и убийство его обитателей. Л. 47. Миниатюра 116.
15. Победа Волчьего Хвоста, воеводы Владимира, над радимичами на реке Пишане. Л. 47 об. Миниатюра 117.
16. Поход против болгар на кораблях. Л. 47 об. Миниатюра 118.
17. Совет Владимира с Добрыней после осмотра болгарских пленников; заключение мира с болгарами. Л. 48. Миниатюра 119.
18. Беседа Владимира о вере с болгарами-магометанами. Л. 48 об. Миниатюра 120.
19. Беседа Владимира с папистами; уход иноземцев от князя, не принявшего их вероучение. Л. 48 об. Миниатюра 121.
20. Беседа Владимира о вере иудейской с хазарскими евреями. Л. 49. Миниатюра 122.
21. Беседа Владимира о вере с греческим философом. Л. 49 об. Миниатюра 123.
22. Показ греческим философом занавеси с изображением Иисуса Христа Владимиру Святославичу. Л. 58. Миниатюра 124 (см. рис. 2).
23. Приношение Владимиром даров греческому философу; уход греческого философа с почестями из Киева. Л. 58. Миниатюра 125 (см. рис. 2).
24. Совет Владимира с боярами и городскими старшинами о принятии христианской веры. Л. 58 об. Миниатюра 126.
25. Отправление Владимиром послов к иноземцам для посещения их богослужений. Л. 58 об. Миниатюра 127.
26. Прием Владимиром послов, вернувшихся от болгар-магометан. Л. 59. Миниатюра 128.
27. Русские посланцы на богослужении в Царьграде. Л. 59 об. Миниатюра 129 (см. рис. 4).
28. Прием русских посланцев византийскими императорами Василием II и Константином VIII; ожидание посланцев Владимиром и боярами. Л. 59 об. Миниатюра 130 (см. рис. 4).
29. Совет Владимира с боярами и дружиной о месте принятия крещения Русью. Л. 60. Миниатюра 131.
30. Осада Корсуни войском Владимира. Л. 60 об. Миниатюра 132.
31. Подкоп корсунянами под стены города; окружение города войсками Владимира. Л. 60 об. Миниатюра 133.
32. Перекрытие осаждавшими текущей по трубам воды; сдача Корсуни войскам Владимира. Л. 61. Миниатюра 134.
33. Отправка Владимиром гонца к византийским императорам с предложением отдать ему в жены их сестру Анну; передача гонцом согласия

- императоров на брак Анны с Владимиром при условии его крещения. Л. 61 об. Миниатюра 135.
34. Убеждение Анны ее царственными братьями стать женой Владимира ради мира с Русью. Л. 61 об. Миниатюра 136.
  35. Прибытие царевны Анны в Корсунь и встреча ее Владимиром. Л. 62. Миниатюра 137.
  36. Передача царевной Анной послания Владимиру с советом скорее креститься; получение Владимиром послания Анны. Л. 62. Миниатюра 138.
  37. Крещение князя Владимира корсунским епископом. Л. 62 об. Миниатюра 139 (см. рис. 5).
  38. Крещение дружины Владимира в корсунской церкви Богородицы. Л. 62 об. Миниатюра 140 (см. рис. 5).
  39. Походы Владимира против печенегов. Л. 67. Миниатюра 141.
  40. Освящение церкви Богородицы (Десятинной) в Киеве. Л. 67 об. Миниатюра 142.
  41. Строительство города Белгорода. Л. 67 об. Миниатюра 143.
  42. Встреча войск Владимира с печенегами на реке Трубеж у брода. Л. 68. Миниатюра 144.
  43. Приход воина к Владимиру с рассказом о богатырской силе его младшего сына; беседа Владимира с юным богатырем. Л. 68 об. Миниатюра 145.
  44. Единоборство молодого богатыря с разъяренным быком в присутствии Владимира и его дружины. Л. 68 об. Миниатюра 146.
  45. Победа русского богатыря над печенежским воином; бегство печенегов от войска Владимира. Л. 69. Миниатюра 147.
  46. Молитва князя Владимира в Десятинной церкви. Л. 69 об. Миниатюра 148.
  47. Возведение церкви Преображения в городе Василеве. Л. 70. Миниатюра 149.
  48. Раздача по повелению Владимира яств больным и нищим. Л. 70 об. Миниатюра 150.
  49. Воскресные пиры Владимира. Л. 70 об. Миниатюра 151.
  50. Совет Владимира с епископами; казнь разбойников. Л. 71. Миниатюра 152.
  51. Осажденные белгородцы. Л. 71 об. Миниатюра 153.
  52. Приготовление в осажденном Белгороде кадей с киселем и медом, помещенных в глубокие колодцы. Л. 72. Миниатюра 154.
  53. Варка белгородцами киселя и сыты в присутствии печенегов; испытание кушаний печенежскими князьями. Л. 72 об. Миниатюра 155.
  54. Послание Владимира в Новгород к Ярославу с требованием уплаты подати; отказ Ярослава платить подать Киеву. Л. 73. Миниатюра 156.
  55. Вручение Владимиром меча своему сыну Борису для борьбы с печенегами. Л. 73. Миниатюра 157.
  56. Спуск тела умершего князя Владимира на землю на ковре в Берестове; погребение в Десятинной церкви в Киеве. Л. 74. Миниатюра 158 (см. рис. 6).

Приведенный перечень сюжетов не оставляет никакого сомнения в том, что летописный текст, повествующий о княжении Владимира в Киеве и некоторых предшествовавших тому событиях, иллюстрирован весьма подробно. Нас не могут смущать определенные композиционные условности и стереотипы в трактовке типологически схожих действий,

таких как отправление и прием послов, гонцов, миссионеров, совет с боярами и городскими «старцами», и особенно военных мотивов, с символическими группами всадников. Это своего рода норма, как и фризовый характер перемежающихся с текстом сцен, в чем легко убедиться при обращении, скажем, к выполненной около 1160 г. греческой рукописи Хроники Иоанна Скилицы, хранящейся в Национальной библиотеке в Мадриде, широко известной своими многочисленными миниатюрами, отражающими события из византийской истории.⁸ Впрочем, такой же принцип иллюстрирования использовали и на Западе, о чем позволяют судить Мартирологиум (около 1300 г.) в Университетской библиотеке в Йене и Сборник (около 1400 г.) в Земельной библиотеке в Готе.⁹ Его античные генетические корни обстоятельно прослеживаются на материале греческих и латинских рукописей, сохранившихся до наших дней.¹⁰

В миниатюрах Радзивилловской летописи большей частью варьируются несколько своего рода универсальных иконографических формул, позволяющих лаконичными художественными средствами передать события, для описания которых, надо заметить, в рукописи иногда отведено примерно столько же места, сколько занимают представленные сцены. Подобное решение отличает, например, сцены сватовства к Рогнеде и последовавший военный поход на Полоцк (л. 42 об.), переданные в сущности «сценическими» приемами, с выразительной театральной условностью (см. рис. 1). Стоит сравнить с ними Вручение Владимиром даров греческому философу и уход философа с почестями из Киева (л. 58), а также Прием посланцев Владимира византийскими императорами и Ожидание посланцев Владимиром и боярами (л. 59 об.). Композиции построены по единому принципу, хотя их наполнение несет черты индивидуальности, согласованной с летописным текстом (рис. 2, 4). Отсюда бесконечное разнообразие сюжетных мотивов, их своеобразная исключительность. С формально-технической стороны это все же некое подобие игры различных эпизодов на одной театральной сцене, притом с использованием тех же кулис. Сюда же вполне вписывается и обращавший на себя внимание этикет ситуаций, предусматривающий позу, жест, сословность одежды, различные атрибуты, среди которых особо выделяется княжеская шапка с опушкой.¹¹ Поэтому «бесчисленные наивно скомпонованные сцены»¹² превращаются в сущности в условный выразительный мотив, органически связанный с сопутствующим ему летописным текстом.

Нет необходимости повторять уже существующие в литературе наблюдения над пространственным построением миниатюр этой рукописи.¹³

В целом оно обнаруживает много общего с византийскими композициями, особенно житийными циклами иконных клейм и миниатюр, с их характерными схемами и типологией архитектурных сооружений, как правило, простейших геометрических форм. Здесь тоже они в основном

⁸ Grabar A, Manoussacas M. L'illustration du manuscrit de Skylitzès de la Bibliothèque Nationale de Madrid. Venise, 1979

⁹ Rothe E. Buchmalerei aus Zwölf Jahrhunderten. Berlin, 1966. S. 213—214, 251, 257. Taf. 55, 78

¹⁰ Weitzmann K. Illustrations in Roll and Codex. A Study of the Origin and Method of Text Illustration. Princeton, 1970

¹¹ Белоброва О. А. Этикетный мотив. С. 26—27

¹² Кондаков Н. П. Заметки о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи // Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Ч. 2. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи СПб, 1902. С. 117

¹³ Амосов А. А. О пространственном построении миниатюр Радзивилловской летописи // Общественное сознание: книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 89—93

а славяны въ Володогола · хошю полъти дщера твоею сътъ
 кнѣзю · ѿнѣ же рече рече твое и хошю шманъ а Володимира
 ѿнѣ же рече хошю роу · шнрѣвнчнчѣ · мѣа рѣ полка хошю
 въ бѣ роу · въ Володѣ · прише ла гъ а заморнѣ · имѣше
 властѣ свою іолатѣ сѣ · а поу рѣ и поу рѣ вѣ ѿнѣ го же нѣ ·

И поу роу кнѣзю хъ шлѣ · и прии доша ѿ троци Володими
 рѣ · повѣда шлѣ моу въ роу · рѣго пѣ · днѣ · дощирн роу · а по
 ло жѣ · полоцко го кнѣзѣ · Володими рѣ же · собразо іо мѣо
 гы · варагы и словены · и чю и кривичи · и поиди мѣ ро
 гъ · а Волода · вѣ же вѣ рѣ ма · рѣта · хоу · роу · гѣ · вѣ стн · хъ · а ро
 полка · и прии · дѣ · въ · Володими рѣ · ма · полтѣ · сѣ · хоу · вѣ · роу · гѣ ·
 Волода · и сѣ · а · го · вѣ · а · щѣ · рѣ · вѣ · го · роу · гѣ · по · гѣ · а · сѣ · вѣ · а ·
 и по · вѣ · сѣ · а · го · полка ·

Рис. 1. Посольство князя Владимира к Рогволоду Полоцкому; беседа Рогволода и Рогнеды. Поход князя Владимира с войском на Полоцк. Миниатюра Радзивилловской летописи. Л. 42 об.

ѿмкере . аще хощеши ѿдестову юстоути . соправди
 ми . покртиса . володимир . кетооло . жиса сри сво
 ема . рика пождоу ещемало . хота и снатиши ѿ ксе
 швѣра . володимир . кетоу . дарымо . в дати ѿ шти
 счестноу великоу . +

в лѣтѣ 5 . ѿ чѣ возва володимиръ во ѿры своѣ . и
 старци гра сени . и рѣимъ сеприходша комъ въ боля
 че . реко шитри мнѣ законъ днашь . по семъ же прихо
 дна и мѣ мнѣ . и пни хъ в лѣтѣ законъ своѣ . и по
 сиприходша жь до ва . се же по слѣтѣ шѣ агрени .

Рис. 2. Показ греческим философом занавеси с изображением Христа.
 Вручение князем Владимиром даров греческому философу; проводы философа
 с честью из Киева. Миниатюра Радзивиловской летописи. Л. 58.

Рис. 3. Христос Пантократор; архангел Михаил переносит пророка Аввакума. Киевская бронзовая иконка, XI в. Москва, ГТГ.

небольшие и столпообразные; храмы обычно одноглавые. Вместе с тем за этой, казалось бы, обезличивающей унификацией порой угадываются определенные исторические реалии, вполне опознаваемые.¹⁴ Следовательно, ощущение наивности вряд ли можно абсолютизировать, не замечая при этом ее идентичность знаковости, способной не убивать живое чувство восприятия. Миниатюры можно с интересом рассматривать подолгу.

Однако в состав цикла входят и такие изображения, которые требуют самого внимательного отношения исследователя по причине своей оригинальности. К их числу, несомненно, относится прежде всего Показ князю Владимиру греческим философом занавеси с изображением Иисуса Христа (л. 58), в свое время явившийся предметом тщательного анализа Д. В. Айналова.¹⁵ Он, в частности, обратил внимание на то обстоятельство, что в тексте летописи сказано: «И се рек, показа Володимиру запону, на нейже написано судище Господне, и показываше ему одесную праведных, въ весели предъидуца в рай, а ошуюю грешники, идуша в муку», тогда как здесь изображена икона сидящего на троне Христа (см. рис. 2) в обычном иконописном типе. Ученый перед рассуждением о древних синдонах лаконично заметил: «Можно думать скорее, что рисовальщик хотел изобразить именно икону, быть может, одну из тех, к которой прикреплялось предание о Владимировой запоне». Если учесть еще адаптацию трона, получившего в миниатюре не свойственные византийской иконографии X в. тяжеловесные формы, то образ можно признать идентичным воспроизведенному на киевской бронзовой иконке XI в.¹⁶ (см. рис. 3). Следовательно, действительно могла быть учтена оп-

¹⁴ Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи... С. 192—194.

¹⁵ Айналов Д. В. Два примечания к летописному Исповеданию веры // Сб. статей, посвящ. почитателями акад. и засл. проф. В. И. Ламанскому. СПб., 1908. Ч. 2. С. 897—901.

¹⁶ Пуцко В. Г. Киевская путевая икона XI в. // ПКНО. 1981. Л., 1983. С. 199—206.

ределенная иконописная реалья, а не приносимая миссионером «запона». Как теперь известно, весьма разнообразны были и иконографические формулы Страшного суда, в том числе и такие, по отношению к которым представленное изображение служит репликой.¹⁷

Интересно изображение богослужения в Константинополе (л. 59 об.), очевидно, с участием патриарха, представленного в сопровождении духовенства во главе с епископом, несущим Евангелие, и знатных мирян, с предшествующим диаконом, несущим крест, и созерцающими церковную церемонию русскими посланцами князя Владимира (см. рис. 4). Похоже, что действие происходит не внутри храма, обычно обозначаемого балдахинном или сводом, а на открытом пространстве, т. е. показан один из крестных ходов, совершаемых в византийской столице из св. Софии в Халкопратийский храм; подобные крестные ходы известны по описаниям и особенно по миниатюрам Ватиканского Менология, выполненного для Василия II около 985 г. (gr. 1613).¹⁸ Изображение этого византийского императора, занимавшего трон в 976—1025 гг., помещено в Радзивилловской летописи на том же листе внизу, в сцене приема русских посланцев Правда, оно почти несопоставимо с известными по византийским источникам.¹⁹

Изображения крещения князя Владимира и крещения его дружины в Корсуни (Херсонесе), расположенные одно над другим (л. 62 об.), имеют ряд любопытных подробностей (см. рис. 5), которых нет в византийской иконографии крещений.²⁰ Стоит обратить внимание хотя бы на следующие детали: головы Владимира и совершающего чин крещения епископа окружены нимбами, хотя явно тот же корсунский епископ, изображенный внизу, без нимба; священник и диакон с развернутыми свитками в руках, юноша с витой крестильной свечой в руке — все это несомненные церковные реалии богослужебного уклада Киевской Руси.

Показательно, что в миниатюрах, на которых князь Владимир мыслится уже христианином, он в ряде случаев имеет вокруг головы нимб (л. 67—68. Миниатюры 141—144), но затем эта деталь исчезает и появляется только в изображении его умершим (л. 74), в двух отчасти похожих композициях (см. рис. 6). Не указывает ли отмеченная деталь именно на то, что цикл иллюстраций создан был, когда Владимира еще не почитали как святого? Попутно надо заметить, что в изображении князя Владимира в саркофаге внутри Десятинной церкви в несколько упрощенном виде использована схема, характеризующая ряд миниатюр Ватиканского Менология, но с учетом типологии киевского придворного храма. Что касается тематического состава цикла в целом, то вряд ли можно признать в его основе лицевое житие князя Владимира: этому противоречит преобладание светских сюжетов, в том числе лишенных агиографической окраски. Хотя в целом подчеркивается его роль крестителя Руси.

¹⁷ См. Brenk В Tradition und Neuerung in der christlichen Kunst des ersten Jahrtausends Studien zur Geschichte des Weltgerichtsbildes Wien, 1966

¹⁸ Беляев Д Byzantina Кн 3 Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя // Зап имп Русского археологич об-ва Классич отд СПб, 1907 Т 4 С 92—138 (особенно с 116—119) Рис 19, 20

¹⁹ См. Spatharakis I The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts Leiden, 1976 Fig 6, 115, 125 c, 126 c

²⁰ Томекович S Note sur la conversion des Russes dans l'art byzantin // Зограф Београд, 1988 Бр 19 Р 5—11

иже срастоу. цркви оумоу ю. и пбъ мѣл. и слоубы. а
 рухнѣ рѣи ски. и прѣстоа съдѣ мѣкомъ. сѣа зѡу ю
 щѣ слоуженне въ гѣсѣбѣ. ѡниже въи зѡумѣни
 бы вше. ноудниши. и похвалиша слоубоу и:

И призваша црѣ. Василии. и ко стѣ мѣни мѣ рѣса
 и мѣ. цѣ гѣ пѣ землю твою. и ѡпоустниша гѣ дѣ
 велики. и чѣю. ѡниже при доша въ мѣю. и созва
 црѣ боа рѣ вол. и старци. и рѣ во лѣ мѣ рѣ. сѣтѣни ша полѣ
 ни мѣ мѣ мѣ оу. да слыши ѡ мѣ бы вше. и рѣ гѣ мѣ
 пѣ прѣ рѣ оу стѣ мѣю.

Рис. 4. Русские посланцы на богослужении в Царьграде.
 Прием русских княжеских посланцев византийскими императорами;
 ожидание посланцев князем Владимиром и боярами.
 Миниатюра Радзивилловской летописи. Л. 59 об.

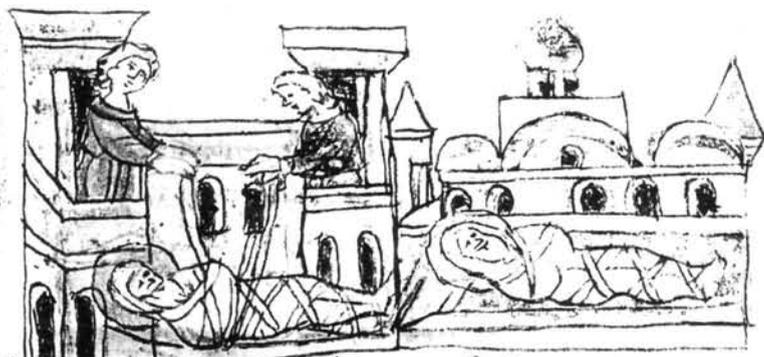
Слышавъ о володимири рече. аще и стина бодудель.
 то по асти мѣ великыи въ дръва гнѣска. и по великыи
 стипти. епипъ же корсѣуныскыи. стопы црчмы. и
 гласъ въ крѣпн володимира. и ѿковъ зложирѣукоу
 пль. и льне и по зрѣвъ. и на тѣ бже севолодимеръ. на
 прасное и снеленне и про смъ и нѣ гл рѣтии прводъ едѣтъ бл.

Ижеже вилъ вши дръмае. много и крѣпнша. крѣпке и вѣрнѣ
 сто е бнн. и крѣпн стоици. и соредни гдѣ мѣ стѣпа
 сѣтѣл. и дѣтѣ по рѣтѣ. по мѣ шл володимира въ крѣпн
 стѣпль. и по дѣтѣ рѣтѣ по мѣ шл рѣ. и по крѣ
 щении сѣтѣ при вѣ црчи о мѣ шл рѣ члѣне.

Рис. 5. Крещение князя Владимира корсунским епископом.
 Крещение княжеской дружины в корсунской церкви Богородицы.
 Миниатюра Радзивилловской летописи. Л. 62 об.

74.
 ко протчим погребѣху . ꙗко соломънъре . оумершо правѣ
 дномъ . непагннѣть оуполагне . што вовнамъ живъ зенца
 рѣу стннѣюе . помнѣю стѣо крѣпне . иирославлѣють бл
 влѣтѣа . мѣтѣтѣмѣ . ииъа мѣтѣоющѣи . новнѣюе сѣо
 свѣщенѣдѣтѣ стѣа . чѣющѣма дѣживѣ нѣкако вѣа . стѣма
 шго ѣа хѣ . въздѣлѣтѣкомъ къ прѣши вѣо трѣумъ . мѣнѣре
 ченѣю рѣсѣтѣ . юскѣ полѣчѣтѣи вѣо вѣтѣ хрѣтѣмѣо . ѣоу вѣ
 ѣннѣ вѣорнѣо шѣ . стѣо полѣкъ ѣсѣ вѣдѣ вѣкнѣ вѣ по вѣшнѣо
 вѣа . со вѣа кнѣи мѣа дѣлѣтѣи ѣмѣнѣе . ѣннѣ прѣи мѣ . ии
 вѣ вѣиѣи стѣи мѣ . ꙗко вѣ рѣа ѣнѣ вѣ шѣа со вѣорнѣо . вѣорнѣо вѣо рѣа
 вѣшѣо своѣ . мѣ вѣ рѣтѣшѣо пѣчѣиѣ вѣ вѣтѣ прѣдѣ кнѣмѣ ѣннѣ
 оумерѣа . ии пѣа кѣа по вѣиѣ вѣа мѣлювѣ . ии мѣ вѣ вѣтѣ ѣннѣ своѣиѣ вѣтѣ .

Рис. 6. Спуск тела умершего князя Владимира на землю на ковре в Берестове; погребение в Десятинной церкви в Киеве. Миниатюры Радзивилловской летописи. Л. 74.

Личность князя Владимира Великого, с именем которого связаны расцвет и могущество Киевской Руси, всегда привлекала внимание русских историков и агиографов. Однако очень скромное место в общей историографии занимают работы, посвященные его изображениям, самые ранние из которых представлены в нумизматике.²¹ Вышитый иконописный образ князя Владимира на воздухе 1389 г. типологически иной, скорее представляющий разновидность идеального портрета.²² Житийные иконы Владимира в средневековой Руси неизвестны.

За рамками нашей статьи остается вопрос о месте выполнения иллюстрированного списка Радзивилловской летописи, да и вряд ли локализация способна объяснить все, что остается непонятным. Но привлечение к копированию миниатюр западного художника или даже нескольких мастеров в условиях Московского государства рубежа XV—XVI вв. представляется более чем вероятным.

---

²¹ См. Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983.

²² Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971. Табл. 5, 6.

Л. И. ЩЕГОЛЕВА

Рассказ о происхождении порфиры-багряницы в Хронографии Иоанна Малалы и Хронике Георгия Амартола

(сравнительный анализ)

Хроника Георгия Амартола (далее — ХГА), оказавшая ощутимое влияние на древнерусскую культуру, является предметом постоянного и разностороннего научного интереса, однако литературная ее сторона изучалась только в общих чертах. Д. Е. Афиногенов исследовал внешнюю композицию, а также сделал акцент на общей идее.¹ Я. Н. Любарский обратил внимание на композицию ХГА, на характер персонажей,² И. С. Чичуров исследовал вопрос об авторе.³ К сюжетным рассказам ХГА как факту литературы обратились О. В. Творогов и Я. Н. Любарский. О. В. Твороговым была поставлена проблема сюжетного рассказа на материале славяно-русского перевода ХГА еще в 1970 г. Исследователь упомянул главные темы, дал краткое изложение содержания нескольких рассказов и краткий анализ приемов сюжетообразования.⁴ В 1996 г. Я. Н. Любарский поставил проблему сюжетного рассказа на материале византийских хроник.⁵ Наблюдения О. В. Творогова и Я. Н. Любарского над сюжетами ХГА открывают перспективу углубленного изучения в этом историческом произведении именно того слоя, который несет в себе свидетельства литературного творчества.

Я. Н. Любарский со ссылкой на К. Крumbaхера отмечает, что материал византийских хроник представлял собой своего рода «общее достоинство», поскольку переходил из одного сочинения в другое.⁶ Это справед-

¹ Афиногенов Д. Е. 1) Композиция Хроники Георгия Амартола // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 102—112, 2) Об идейно-политической ориентации «Хроники Георгия Амартола» // Византийские очерки. М., 1996. С. 88—96.

² Любарский Я. Н. Сочинение Продолжателя Феофана Хроника, история жизнеописания // Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. СПб., 1992. С. 201—265.

³ Чичуров И. С. Культура VIII—XII вв. // Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. М., 1989. С. 129—152.

⁴ Творогов О. В. Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. С. 108—141.

⁵ Любарский Я. Н. Сюжетное повествование в византийской хронистике (постановка проблемы) // Византийские очерки. М., 1996. С. 39—49.

⁶ Любарский Я. Н. Сочинение. С. 203. Между прочим, у К. Крumbaхера тут же употреблена и более яркая метафора *der literarische Kommunismus* — «литературный коммунизм» (Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des ostromischen Reiches (527—1453). 2. Auflage. Munchen, 1897. S. 320).

ливое заключение, однако в характере заимствования был свой порядок. Заимствующий автор делал рассказ другим, подчинял своей линии изложения и своему взгляду на вещи. Поэтому из «общего достояния» одно бралось, а другое нет, что-то добавлялось, менялась композиция и тем самым тональность и даже идея. Это хорошо видно на материале рассказов ХГА при сопоставлении с рассказами Хронографии Иоанна Малалы (далее — Mal), один из которых является темой настоящей статьи.

Кратко о текстах. Mal сохранилась в единственном списке, без первой книги⁷ Славянский перевод Mal (далее — Мал) сохранился в разрозненном и неполном виде, и только в составе русских хронографов.⁸

ХГА сохранилась в большом количестве списков. Текстология памятника хорошо изучена, представлена в критическом издании К. де Боора.⁹ Славяно-русский перевод ХГА (далее — Врем) имеется в издании В. М. Истрина,¹⁰ давно ставшем библиографической редкостью. Первая книга Врем издана нами с исправлением ошибок истринского издания и с добавлением вариантов по некоторым вновь найденным спискам;¹¹ издан также перевод на русский язык всего текста по Троицкому списку (РГБ, ф. 173/1, № 100) (до 553 г.).¹²

Среди извлечений из Mal в ХГА есть несколько компактных по объему и содержанию рассказов: Смерть Зороастра, Открытие багряной краски мудрецом Гераклом (кн. II); Война Креза с Киrom (кн. VI); рассказы о Ромуле, Стратиг Маллий и Февруарий (кн. VII). Каждый рассказ имеется в двух византийских и двух славянских текстах: Хронографии Иоанна Малалы (Mal), ее славянском переводе (Мал), Хронике Георгия Амартола (ХГА), Временнике Георгия Мниха (Врем).¹³ Для иллюстрации нашего подхода в настоящей статье мы выбрали рассказ Открытие багряной краски мудрецом Гераклом и происхождение порфиры-багряни-

⁷ Издан Dindorf L. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae* N 25 Bonnae, 1831 Bd 2—12 Переизд PG Vol 97 Col 65—718 (сохранены указания на страницы Боннского издания) Частично воспроизведен в издании М И Чернышевой (см след сноску) Как говорит К Крумбахер, «Малала так щедро оплодотворял на протяжении шести столетий всю народную историческую литературу, что сам он постепенно становится ненужным» (Krumbacher K. *Geschichte* S 329)

⁸ В М Истрин в свое время издал поочередно весь славяно-русский текст Mal с текстуальной критикой, с вариантами и с греческим параллельным текстом Благодаря усилиям М И Чернышевой, исследователи в настоящее время имеют под рукой весь текст и весь труд В М Истрина в компактном издании и с ценными комментариями (Истрин В М Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе Репринтное переизд всех книг / Подгот М И Чернышевой М, 1994) При цитировании Мал указываем страницы по этому изданию

⁹ *Georgii monachi chronicon* / Ed Carolus de Boor Leipzig, 1904 Vol 1—2 Переизд Ed stereotypa ed anni 1904 / Corr cur Peter Wirth Stuttgart, 1978 Vol 1—2 При цитировании указываем страницу и строку (с литерой Б) Э фон Муральтом издан греческий список Хроники из собрания Синодальной библиотеки, дальше отстоящий от славяно-русского перевода (Хронограф Георгия Амартола / Греческий подлинник, пригот к изд Э Г фон Муральтом СПб., 1859)

¹⁰ Истрин В М Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе Т I Текст Пг, 1920 При цитировании указываем страницу и строку (с литерой И)

¹¹ Матвеев В А, Щеголева Л И Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола в славянском переводе XI в) Кн 1 Славянский текст Русский перевод Комментарий // Герменевтика древнерусской литературы М, 2000 Сб 10 С 644—717

¹² Матвеев В А, Щеголева Л И Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола) Русский текст, комментарий, указатели М, 2000

¹³ Эти рассказы проанализированы нами последовательно на каждом этапе их культурно-исторической жизни (Щеголева Л И Сюжетный рассказ в Хронике Георгия Амартола проблема соотношения с источниками, древнерусская рецепция Автореф дисс канд филол наук М, 2003 С 13—14, 16)

цы как царской одежды,¹⁴ важный в связи с ключевым значением трактовки темы царя и царства в ХГА.

Результаты анализа приведены в настоящей статье с разной степенью подробности: детально изложен материал первого этапа (Mal → ХГА), а особенности славянских переводов представлены по канве греческих оригиналов. Привлекаются к сравнению самые яркие явления параллельного сюжета одной русской исторической компиляции — Летописца Еллинского и Римского (далее — Ел).

Проанализируем вначале различие двух греческих текстов.

Сюжет рассказа в Mal (VI в.) и ХГА (IX в.), на первый взгляд, один и тот же. Я. Н. Любарский считает, что за три века, разделяющие двух авторов, в манере подачи материала мало что изменилось.¹⁵ Нас будет интересовать как раз это «малое». Задача — заметить сюжетные и содержательные различия между параллельными рассказами в этих хрониках, тем самым обнаружить различия и в манере изложения, и в идеях VI и IX вв.

Ввод рассказа в общее историческое повествование, форма привязки являются значимой характеристикой авторского стиля. И в Mal, и в ХГА рассказ следует за сообщением о разделении Агенором земель между тремя сыновьями: Финиксом, получившим Тир, Сиром, получившим Сирию, и Киликом, получившим Киликию.¹⁶

В рассказе Mal не реализуется заявленная схема рассказа о каждом сыне. Подробно рассказывается только о Финиксе, и понятно почему: «государственный» подход требовал истории порфиры.

В Mal рассказ состоит из трех частей: находка Геракла, повеление царя Финикса о царской одежде, дальнейшая история порфиры у римских правителей. В ХГА рассказ короче, он состоит из двух частей: находка Геракла и повеление Финикса.

Рассказ начинается вводящей частицей γάρ «ведь», «ибо» и раскрывает сообщение: «Геракл — открыватель конхилии». Указатель γάρ значит: «дело было так».

Mal II	ХГА Б175
<p>Ἐν δὲ χρόνοις τῆς βασιλείας τοῦ Φοίνικος ἦν Ἡρακλῆς φιλόσοφος ὁ λεγόμενος Τύριος, ὅστις ἐφεύρε τὴν κογχύλην· ἐπιζόμενος γὰρ ἐπὶ τὸ παράλιον μέρος τῆς Τύρου εἶδε ποιμενικὸν κύνᾳ ἐσθίοντα τὴν λεγομένην κογχύλην, ὅπερ ἐστὶ μικρὸν εἶδος θαλάσσιον κοχλιοειδές, καὶ τὸν ποιμένα νομίζοντα αἰμάσσειν τὸν κύνᾳ, λαβόντα ἀπὸ τῶν προβάτων πόκον ἐρέας, καὶ βάπτοντα τὸν πόκον</p>	<p>Ἐν δὲ χρόνοις τῆς βασιλείας τοῦ Φοίνικος ἦν Ἡρακλῆς ὁ Τύριος <καὶ> φιλόσοφος καὶ τῆς κογχύλης ἐφευρέτης, ἐπιζόμενος γὰρ ἐπὶ τὸ παράλιον μέρος τῆς Τύρου εἶδε ποιμενικὸν κύνᾳ ἐσθίοντα τὴν λεγομένην κογχύλην</p> <p>Καὶ τοῦ ποιμένος νομίζοντος αἰμάσσειν τὸν κύνᾳ, λαβὼν πόκον ἐρίου ἀπὸ τῶν προβάτων, καὶ ἐκμάξαντος τὸ καταφερόμενον ἐκ τοῦ στόματος τοῦ κυνός, καὶ βαφένος τοῦ πόκου,</p>

¹⁴ Mal II, 76 Мал, 76 ХГА Б 175—23. И 37₁₁—24 В Троицком списке это место утрачено, В М Истрин приводит текст по списку ГБЛ, собр Ундольского, № 1289 Мы используем список 1456 г ГИМ, собр Уварова, № 1305, л 21 об

¹⁵ Любарский Я Н Сочинение С 216

¹⁶ Миф Малалы отличается от античных источников По распространенному античному мифу, сыновья Агенора — Финикс, Киликс, Кадм, Фасос, Финей Сир же — сын Аполлона и нимфы Синопы (Грейс Р Мифы Древней Греции М, 1992 С 153 Согласно мифу, Финикс и Киликс, посланные отцом искать сестру Европу, дали имена Финикии и Киликии) По Mal, у Агенора четыре сына Кадм, Финикс, Киликс и Сир (Mal II, 30) О Кадме далее рассказывается отдельно, а земли Агенора должны быть разделены все-таки между тремя сыновьями — и это уже голос христианского автора

<p>ὁ δὲ Ἡρακλῆς προσεσηκῶς μὴ εἶναι αὐτὸ αἷμα, ἀλλὰ βάμματος παραξένου ἀρετῆν, ἐθαύμασε· καὶ γνοὺς ὅτι ἐκ τῆς κογχύλης ἐστὶ τὸ κατιὸν βάμμα τοῦ πόκου, εἰληφῶς ἐκ τοῦ ποιμένου τὸν πόκον, ὡς μέγα δῶρον τοῦτο προσήγαγε τῷ βασιλεῖ τῆς Τύρου Φοῖνικι. καὶ ἐκπλαγεῖς καὶ αὐτὸς ἐπὶ τῇ θεᾷ τῆς ξένης χροᾶς τοῦ βάμματος, θαυμάζων τὴν τοῦτου εὕρησιν ἐκέλευσεν ἐξ αὐτοῦ τοῦ βάμματος κογχύλης βαφῆναι ἐρέαν καὶ γενέσθαι αὐτῷ περιβόλαιον βασιλικὸν καὶ ἐφόρεσεν αὐτὸς πρῶτος ἐκ πορφύρας περιβόλαιον, καὶ πάντες ἐθαύμασαν τὴν αὐτοῦ βασιλικὴν ἐσθῆτα ὡς ξένην θέαν. καὶ ἔκτοτε ἐκέλευσεν ὁ βασιλεὺς Φοῖνιξ μῆδ' ἄνα [τῶν] ὑπὸ τὴν αὐτοῦ βασιλείαν τολμᾶν φορεῖν τὴν τοιαύτην ἐνάρετον ἐκ γῆς καὶ θαλάσσης οὐσαν φορεσίαν, εἰ μῆτι αὐτὸν καὶ τοὺς μετ' αὐτὸν βασιλεύοντας τῆς Φοινίκης διὰ τὸ γινώσκεισθαι τὸν βασιλέα τῷ στρατῷ καὶ παντὶ τῷ πλήθει ἐκ τῆς θαυμαστῆς καὶ παραξένου φορεσίας. πρῶν γὰρ οὐκ ἐγίνωσκον οἱ ἄνθρωποι βᾶπτειν χροᾶς ἱματίων, ἀλλὰ τὰς τῶν προβάτων ἐρέας, οἷαι κἄν ἦσαν, ταύτας ἐποίουν ἱμάτια καὶ ἐφόρουν. καὶ οἱ βασιλεῖς δὲ τὰς αὐτὰς χροᾶς τῆς τυχούσης ἐρέας ἱμάτια ἐφόρουν, καὶ οὐκ εὐχερῶς ἐγνωρίζοντο τῷ ὑπηκόῳ πλήθει οἱ βασιλεῖς.</p>	<p>προσέσχευ ὁ Ἡρακλῆς μὴ εἶναι <αὐτὸ> αἷμα, ἀλλὰ βάμματος πρόξενον. ὁ καὶ θαυμάσας ὡς μέγα δῶρον <τοῦτο> προσήγαγε τῷ βασιλεῖ Φοῖνικι, ὃς <καὶ> μᾶλλον ἐκπλαγεῖς ἐκέλευσεν ἀπὸ κογχύλης ἔριον βαφῆναι καὶ γενέσθαι αὐτῷ περιβόλαιον, καὶ πρῶτος φορέσας ἐκς πορφύρας ἱμάτιον, πάντες ἐθαύμασαν τὴν ξένην <ταύτην> ἐσθῆτα, ἦν καὶ ἐθέσπισεν ὁ Φοῖνιξ μῆδ' ἄνα τῶν ὑπὸ τὴν βασιλείαν αὐτοῦ τολμᾶν φορεῖν, εἰ μῆτι αὐτὸν καὶ τοὺς μετ' αὐτὸν βασιλεύοντας τῆς Φοινίκης πρὸς τὸ γνωρίζεσθαι τὸν βασιλέα τῷ στρατῷ καὶ παντὶ τῷ πλήθει ἐκ τῆς τοιαύτης ἐσθῆτος. πρῶν γὰρ οὐκ ἐγίνωσκον οἱ ἄνθρωποι <βᾶπτειν> χροιάς <ἱματίων>, ὅθεν οὐδὲ ραδίως ὁ βασιλεὺς ὑπὸ τῶν ὑπηκόων ἐγνωρίζετο.</p>
---	--

Содержательное отличие рассказа в ХГА зиждется на тонких синтаксических показателях. Они отчетливо видны, если рассмотреть текст в параллельных столбцах (перевод наш — строго пословный):

Mal II	ХГА Б175
<p>Во времена же царствования Финикса был Геракл философ, называемый Тирским, который избрел конхилию: ибо, прохаживаясь по приморской части Тира города, он увидел пастушеского пса, поедающего так называемую конхилию, то есть вид маленькой морской раковины,</p>	<p>Во времена же царствования Финикса был Геракл, тириец и философ и конхилии изобретатель. Ибо, прохаживаясь по приморской части Тира города, он увидел пастушеского пса, поедающего так называемую конхилию.</p>

и пастуха, считающего, что **окровавилась** собака, взявшего от овцы клочок шерсти

и окрасившего шерсть, Геракл же, заметив, что это была не **кровь**, но **краски** необычной свойство, удивился и, узнав что от раковины исходит окраска шерсти, взяв у пастуха клочок как великий дар это принес царю Тира Финиксу

И (тот) поразившись и сам видом необычного цвета **краски** удивляясь ее находке, повелел этой **краской** из раковины **окрасить** шерсть и сделать ему одежду царскую,

и надел сам первым из **пурпур** одежду, и все удивились его царской одежде как необычному зрелищу

И с тех пор повелел царь Финикс, чтобы никто, кто под его царством, не смел носить такую прекрасную из земли и моря происходящую одежду, только он сам и после него царствующие в Финикии,

чтобы узнавало царя войско и весь народ по такой удивительной и необычной одежде

Ибо раньше не умели люди окрашивать цвета гиматиев, но от овец шерсть, какая была, из такой делали гиматии и носили И цари те же самые цвета, из той, что была, шерсти гиматии носили

И не легко узнавались подданных множеством цари

И когда пастух, думая, что **окровавилась** собака, взял клочок шерсти от овец и вытер льющееся из пасти собаки, и **окрасилась** шерсть, понял Геракл, что это была не **кровь**, но **краски** подобие

И, удивившись,

как великий дар это принес царю Финиксу который еще больше удивившись

повелел от раковины шерсть **окрасить** и сделать ему одежду

И, первым надев из **пурпур** гиматий, все удивились необычной этой одежде,

которую и повелел Финикс никому из тех, кто под царством его, не сметь носить,

только ему и после него царствующим в Финикии, чтобы узнавало царя войско и весь народ по такой одежде

Ибо раньше не умели люди окрашивать цвета гиматиев,

поэтому не легко царь подданными узнавался

Первая часть рассказа — открытие «конхилии».

Начало рассказа в обеих хрониках совпадает: «Во времена Финикса в Тире (одном из двух главных городов Финикии — *Л Щ*) жил мудрец Геракл, изобретатель конхилии». В *MaI* поясняется понятие конхилии: τὴν λευκομένην κοχχύλην, ὅτι ἐστὶ μικρὸν εἶδος θαλάσσιον κοχχλοειδές «так называемую конхилию, то есть маленькую морскую раковину». В *XGA* глоссы нет.

В *MaI* картина, которую «Геракл увидел», плетется тонким кружевом из последовательно подчиненных причастных форм; пастух и пес поставлены в позицию объекта наблюдения Геракла (имена и предикаты-причастия в аккумулятиве), от пастуха идет еще одна зависимая предикация: «пастух считает [что пес окровавился]» Это толчок к действию пастуха: «он берет клочок шерсти», вытирает пасть (этот шаг не выражен), далее следствие: «шерсть окрасилась». В таком синтаксисе скрыто неблагополучие с тем, что в теории литературы называют точкой зрения: Геракл видит то, чего видеть не может, — мысли пастуха. Авторская точка зрения спрятана в синтаксической раме «пастух считает [что пес окровавился]», которая в свою очередь включена в раму «Геракл увидел [что пастух считает и т. д.]». Догадка Геракла представлена в противопоставлении («не кровь, а краска»), откуда следует, что это Геракл сначала «думал, что пес окровавился». Автор передал свое предположение сначала пастуху, потом Гераклу («не кровь, а краска»). Итак, в эпизоде смещены точки зрения пастуха, Геракла и автора.

В ХГА точки зрения Геракла и пастуха синтаксически разведены. Пастух с его догадкой и действиями вводится новой причастной конструкцией *genitivus absolutus*: καὶ τοῦ ποικίλου νομίζοντος λαβών. Кружево Малалы утрачено, зато стало прозрачнее изложение авторской мысли. Это отличие от Mal можно оценить как совершенствование формы рассказа. Конечно, и в ХГА автор забегает вперед, изображая свое знание как знание пастуха.

Интересно, что в русских хронографах, в Ел и в Прибавлении к Палее,¹⁷ в которых этот рассказ соответствует Мал, о пастухе говорится в новом предложении, так что пастух синтаксически отделен от Геракла, как и в ХГА. Возникает текстологическая проблема: откуда идет это совпадение с ХГА, кому принадлежит упрощение синтаксиса?

Первый эпизод содержит признаки сюжетной организации: прогулка Геракла, указание места прогулки (назначение этой детали — показать связь краски с морем); картину оживляют собака и пастух, показана смена предположений Геракла, его эмоциональная реакция на увиденное. Есть элемент «напряжения действия», рассчитанного на любопытство (кровь? краска?). Напряжение держится на длине одной конструкции и тут же снимается. Геракл высоко оценивает свое открытие, как будто уже предвидя историческое значение пурпура.

Вторая часть рассказа — история происхождения порфиры-багряницы. Геракл лишь передает предметное доказательство открытия и больше не упоминается. Финикс связан с Гераклом только тем, что, по-видимому, удивляется краске в его присутствии. Воображение должно дорисовать процесс передачи предмета открытия царю — как именно, не сказано. Во второй части нет собственно рассказа, это сообщение о факте с познавательной функцией: Финикс, «поразившись» и «удивившись», повелел окрасить шерсть и сшить из нее царскую одежду. Слабый признак привязки к «здесь и теперь»: когда он надел ее, все удивились.¹⁸

Сообщение о порфире-багрянице как одежде будущих царей в Mal маркировано наречием-указателем *ἔκτοτε* «с тех пор». Это формальный признак рассказа этимологически-исторического жанра (объяснение названий местностей, стран и народов именами легендарных основателей). В ХГА такого маркера нет; вместо отталкивания от времени в ХГА стоит местоимение *ἥν* вин. «которую» — привязка к предмету. Отсутствие итогового указателя «с тех пор» включает рассказ ХГА в иной, сравнительно с Mal, жанровый ряд: в Mal — рассказ «начала», в ХГА — рассказ «конца».¹⁹

¹⁷ Летописец Еллинский и Римский Т 1 Текст СПб, 1999, Т 2 Комментарий и исследование О В Творогова СПб, 2001 С 135, 205 При цитировании указываются страницы по этому изданию

¹⁸ Персонаж «все» — обычная принадлежность рассказа в византийской хронике, он присутствует во многих сюжетах, построенных на антитезе правитель — «все» Чаще всего это просто «все», как в рассказе о Финиксе, по обстановке это может быть народ, горожане, войны, клир «Народ» подтверждает авторскую, в основном христианскую идею, как бы ее узаконивает Свое положительное отношение к событиям он выражает тем, что удивляется, поражается и т п или произносит какую-нибудь реплику Идет ли схема «правитель — народ» от социальной реальности или является чисто литературным построением? В рассказе о Ромуле «народ» выполняет другую функцию, он регулирует поведение правителя, заставляет его действовать

¹⁹ Наблюдение о рассказах «начала» и «конца» принадлежит Ю М Лотману По его мысли, в историческом произведении выражается стремление человека осмыслить прошлое, понять, «что и как было» На свое прошлое можно смотреть с точки зрения «начала» («откуда пошло») или «конца» («к чему привело») Это различие взглядов идет из архаических пластов культуры По преобладанию того или иного взгляда можно говорить о рассказах

Первая книга ХГА, называемая «Книга происхождения человека», заимствуя сюжеты Малалы, казалось бы, должна была бы заимствовать и идею «начала». Но ничего подобного. В ХГА часто отсутствует маркер идеи «начала»; получается, что идея происхождения как таковая Георгия не волновала. Он не заимствовал ее у Малалы вместе с его рассказами. Предположим большее: доминирующая эсхатологическая идея подавила в ХГА альтернативный ей интерес к инициальности. Славянские переводы сохранили это различие, а Врем даже заменил «которую» на чистый присоединитель «и» Георгий Амартол (и далее переводчик ХГА) расширяет рассказ Иоанна Малалы, присоединяя к нему и то, что у Малалы в картину уже не входит.

В третьей части по Mal подробно говорится о судьбе пурпурной одежды после Финикса; все завершается акцентом на власти Рима. В терминах сюжета это — послесловие к рассказу о краске. Повествование Mal в данном случае, как и во многих других, следует не хронологическому, а ассоциативному принципу.

В ХГА третьей части нет. В отличие от своего предшественника, составитель ХГА не выходит за рамки «времени Финикса». Хронологический принцип соблюден Георгием более последовательно, чем Малалой.²⁰ Рассказ Амартола является более компактным по объему и более завершенным содержательно. Это внешнее композиционное отличие, вместе с перестройкой (в сторону совершенствования) точек зрения, является показателем творческой работы автора ХГА над источником.

Перейдем к рассмотрению ключевой лексики рассказа. Лексика — это первое, что замечается при чтении книги и создает впечатление часто помимо содержания. Можно говорить о художественном воздействии на читателя чисто лексического уровня рассказа. Звучание имени царя и страны вызывает множество культурных ассоциаций. По-гречески имя царя «Финикс», этноним «финикиец» и название пурпурного цвета, пурпурной краски звучат одинаково: Φοίνιξ.²¹

Финикийцы считались изобретателями пурпура в античной традиции.²² Православные толкователи Библии отмечают, что именно у берегов Финикии в изобилии водились моллюски, из которых получали густую красную краску (евр shani), и что секрет приготовления этой краски знали только финикийцы.²³

«начала» и рассказах «конца» Категория начала отчетливо видна в рассказах о происхождении (народов, стран, обычаев) Ю М Лотман видит ее в таких древнерусских произведениях, как «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве» (Лотман Ю М Внутри мыслящих миров Человек Текст Семносфера История М, 1999 С 219)

²⁰ В данном случае В ХГА тоже есть примеры пронизывания временных пластов, выход за рамки ячейки «царствования» Пример — сюжет об Афанасии Александрийском, построенный по законам житийного, а не хронографического рассказа См Щеголева Л И Житие святого Афанасия Александрийского в переводной литературе Древней Руси // Мир житий Сб материалов конференции (Москва, 3—5 октября 2001 г) М, 2002 С 12—25

²¹ Относительно происхождения слова и его значений в науке нет единого мнения В словаре Фриска приводятся три гипотезы Одни исследователи первичным считают этноним Другие связывают со словом φοινός как раз название краски, от которой уже произошли этноним Φοίνικες — «финикийцы» («красные люди») и название страны Φοινίκη — «Финикия» («красная земля») П Шантрен видит в названии народа «финикийцы» и страны «Финикия» слово иллирийского происхождения (см Frisk H Griechisches etymologisches Wörterbuch Heidelberg, 1970 Bd 2 S 1033—1034)

²² См Liddel H G, Scott R A Greek-English Lexicon Oxford, 1925—1936 Vol 1—2 Vol 2 P 1948

²³ См Толковая Библия или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета СПб, 1908 Ч 2, т 5 С 257

В новозаветное время первичная основа φοῖνιξ употреблялась в трех значениях: 1) «пальма» или «пальмовый лист»; 2) «птица Феникс» и 3) город на Крите.²⁴ В творениях отцов церкви первые два значения могли объединяться как образ Воскресения Христова в толкованиях Пс. 91:13.²⁵ Именование пурпурной краски перешло к производной основе φοινικῶν (ср. р. от адъектива φοινικῶς «пурпурный»). Слово встречается в анонимном 1 Послании к коринфянам (его приписывают Клименту, папе Римскому): «И если будут грехи ваши, как пурпур (φοινικῶν), убелю их как снег; и если будут как червлен, то убелю их как волну».²⁶ Данное место является цитатой из Книги пророка Исаии, где говорится (русский текст по синодальному переводу): «Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное (ὡς φοινικῶν), — как снег убелю; если будут красны, как пурпур²⁷ (ὡς κόκκινον), — как волну (ὡς ἔριον) убелю» (Ис. 1:18). Синонимическое усиление «багряное» и «пурпур» в данной цитате символизирует кровь. Это видно по предшествующему контексту: «И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови» (Ис. 1:15).

Важное концептуальное различие лежит за названием одежды царя в Μα1 и ХГА — пожалуй, единственным существенным лексическим расхождением двух рассказов. В Μα1 порфиновая одежда царя названа ἐκ πορφύρας περιβόλαιον, в ХГА — ἐκ πορφύρας ἱμάτιον. Второе именование прямо выводит на евангельский рассказ о глумлении стражников над Иисусом, когда на Него надели терновый венец и «порфиновый гиматий», ἱμάτιον πορφύρου, как на Царя Иудейского (Ин. 19:2, ср. τὸ πορφύρου ἱμάτιον — там же, 19:52).²⁸ «Пурпуровый гиматий» (ἱμάτιον ὀλοπόρφου) — это также то, чем накрывали жертвенник в ветхозаветной скинии собрания (Чис. 4:13; ср.: Чис. 4:14).

Итак, рассказ переключается с библейско-евангельскими текстами через общую лексику — ἔριον «руно (овечья шерсть)»,²⁹ αἱμάσσειν «окровавиться», αἶμα «кровь», πορφῶρα «пурпур», ἱμάτιον «гиматий», βασιλεὺς «царь».

В рассказе по Μα1 три «лишних» краски (βάμμα)³⁰ по сравнению с ХГА. Георгий Монах здесь более сдержан.

²⁴ Bauer W Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der urchristlichen Literatur Berlin, 1963 Sp 1709

²⁵ См Lampe G W H A Patristic Greek Lexikon Oxford, 1952 P 1487

²⁶ Св Климента еп Римского к Коринфянам послание I Гл 8, ст 4 // Писания мужей апостольских / Введение, перевод с греч и примеч прот П Преображенского Дополнения введение, перевод с греч и примеч свящ В Асмуса и А Г Дунаева Рига, 1994 (репринтное воспроизв изд 1895 г с доп) С 117

²⁷ Русское «пурпур», употребленное в Ис 1 18 в синодальном переводе Библии в соответствии с κόκκινον, здесь не на месте. Лучше было бы взять слово «червленое» (как в Острожской Библии). Русское «пурпур» — транскрипция латинского звучания purpura ас f, в соответствии с πορφῶρα ἡ

²⁸ В Евангелии от Матфея стражники надевают на Иисуса «хламиду червленую», χλαμίδα κόκκινην (Мф 27 28), ἱμάτιον πορφύρου присутствует в разночтениях к этому месту. У Матфея важной доминантой рассказа о страстях Христовых является тема «крови», отсутствующая в остальных трех Евангелиях «согрешил я, предав кровь невинную» (27 4), «цена крови» (27 6), «землею крови» (27 8), «невиновен я в крови Праведника Сего» (27 24), «кровь Его на нас и на детях наших» (27 25)

²⁹ У Феодора Студита «руном цвета пламени» (τὸ φλογοφανές.. ἔριον), т е «овечьей шерстью, окрашенной в червленый цвет», именуется Богородица (Lampe G W H A Patristic P 1422)

³⁰ Согласно «Диалогу с Трифоном иудеем» Юстина философа, иудеи должны были носить на себе «червленую краску» (κόκκινον βάμμα), в русском переводе — «красный лоскут», чтобы он постоянно напоминал им о Боге (Св Иустин, философ и мученик Творения

В эпилоге Мал упоминаются пурпуровые «хламиды» (χλαμύδας πορφύρας) римских царей и пурпуровые нашивки (ταβλία πορφύρα) на «хламидах» (χλαμύδας) римской знати (Мал II, Bonn 33). «Хламиды» в данном контексте переключаются с «червленной хламидой» (χλαμύδα κοκκίνη), в которую одели Христа стражники в Евангелии от Матфея (27:28).

В Мал пурпурная одежда царя названа «происходящей из земли и моря»: из земли, видимо, потому, что на ней пасутся овцы, дающие шерсть, а из моря — потому, что в нем водятся ракушки, из которых добывают пурпурную краску.³¹ В ХГА это определение Мал опущено, в Мал осталась только его первая часть (ῶ̄ земля).

Пурпур являлся культурным знаком в византийском средневековье. С. С. Аверинцев со ссылкой на Иоанна Златоуста отмечает, что в Византии люди, осмелившиеся надеть на себя пурпурную одежду, которую имели право носить только императоры, бывали казнимы за крамолу. Кроме привилегии носить пурпурную одежду византийские императоры обладали также привилегией писать пурпурными чернилами. По наблюдению С. С. Аверинцева, на этом основано сравнение крови Христа с пурпуром чернил у Романа Сладкопевца (кон. V в.—ок. 560).³² Так культурная схема связи порфиры с кровью отражалась на уровне реалий византийской жизни.³³

Итак, сюжет о Геракле и о царе Финиксе глубже, чем «этимологический рассказ». По классификации О. В. Творогова, этот рассказ относится к небольшому числу сугубо светских рассказов в ХГА, «включение которых можно отнести за счет естественного, хотя и искусственно подавляемого и изгоняемого, интереса к занимательному, удивительному, любопытному».³⁴

Проведенный анализ греческих текстов позволяет уточнить мысль о «сугубой светскости» этого рассказа. При ближайшем рассмотрении в нем открывается христианское направление мысли автора-монаха. Это не исключает интереса к просто по-человечески любопытному, вполне уживается с ним.

Обратимся теперь к славянским переводам греческих текстов. Рассказ о Геракле в Мал выглядит более тревожным, более наполненным лексикой крови, чем во Врем:

М, 1995, репринтное изд М, 1892 С 204—205) Это реминисценция на библейскую книгу Чисел (15 38), где на месте «червленной краски» говорится о «гиацинтовой нити» (κλωστή ἀκκίνθινον) Таким образом, «Диалог» Юстина дает дополнительные сведения о цвете гиацинта (напомним, что в античности гиацинт — цветок с кроваво-красными лепестками, согласно мифу, выросший из крови нечаянно убитого Аполлоном юноши Гиацинта) В синодальном переводе на этом месте «нити из голубой шерсти»

³¹ Ср о скинии свидетельства во Врем «пурпурное означает море, так как в нем живут улитки, от которых бывает такая окраска, а виссон (белая льняная ткань — Л Ш) — землю, так как на ней произрастает» (Врем, 50) Пурпур и виссон являлись символами богатства и власти, ср начало известной евангельской притчи о богаче и Лазаре «Некоторый человек был богат, одевался в порфиру (πορφύρα) и виссон (βύσσον) и каждый день пиршествовал блистательно» (Лк 16 19)

³² Аверинцев С С Поэтика ранневизантийской литературы М, 1974 С 118, 126

³³ Особой темой является символика порфиры (багряницы) в патристике, агиографии, гимнографии Она основана, с одной стороны, на связи багряницы с царством (прежде всего Небесным), а с другой — с кровью (например, с кровью мучеников, которая является гарантией этого Царства) Поэтому облачением в порфиру могут называться и крещение, и мученический подвиг

³⁴ Творогов О В Беллетристические элементы С 111

Мал	Врем
<p>въ тѣхъ же лѣтѣхъ црѣва Финникова вѣ Ираклѣ нарицаемъ философ⁶ Тоурѣхъ иже шрѣте коньхилъ.</p> <p>играа во на странѣ яже на^а моремъ Турьска града, видѣ пса пастоушьска адоуца нарицаемоу коньхилъ.</p> <p>пастоухоу^ж мнѣщѣ, кровню агньца шкровкавишюса псѣ, и штираюцю^с псѣ</p> <p>шкровкавиша швчиноу. разумѣв же Ираклѣ не соущѣ се крови, но багоръ чюдна дѣла, дивиса.</p> <p>и разумѣ, тако ѿ коньхилы есть багоръ на рѣнѣ, и въземъ ѿ пастоухъ рѣно, акы великъ даръ принесе црѣо Тир'скѣ Финникѣ.</p> <p>и дивиса црѣ видѣнїю дивноу шара баграного, чюдиса шрѣтенїю, повелѣ коньхиломъ шчрѣвише козичинѣ исткати емѣ ризѣ црѣскоу.</p> <p>и тон нача прѣвее носити прѣфирноу ризоу.</p> <p>и вси чюжахоуса ризѣ црѣстѣни тако дивно видѣнїе.</p> <p>и ѿтолѣ повелѣ црѣ Финникѣ никомоуже соущинѣхъ по^а црѣтвомъ его носити таковаа доброты соущаа ѿ земляа шдеж^а,</p> <p>но самомоу точно и иже по немъ црѣтѣвѣють Финникомъ, да боудетъ црѣ знае^ж войны и всѣмъ народомъ ѿ чюднаго и дивнаго шдѣнїа.</p> <p>прѣ^ж во не вѣдмахѣ члци чрѣвити и багрнти ризѣ,</p> <p>но влѣнами тако^ж на швци вѣаше, такы^ж и ризы ношаахоу творацїе. и црїе е^ж тацѣми лицї такоже^с лоучааше шрина такы^ж ризы ношаахѣ.</p> <p>и неоудовѣ вѣахѣ знаеми повинны^м людемъ.</p>	<p>•дї• въ време^х же црѣгвнѣ Финниковы вѣ Браклїи тѣрлннѣ премоудрын и кохилии шрѣтатель.</p> <p>ходаа во и веселася при мори страны Тур'ския</p> <p>видѣ грїча пастоушнаго адоуца глѣмоу коньхилии.</p> <p>и пастоухоу мнѣщѣ кровь текоущоу из грїча,</p> <p>вземъ ѿ овчнѣ волнѣ рѣно штре истѣкающе изъ оустѣ грїча.</p> <p>и шчрѣвнѣшоуся роуноу и разоумѣ Ираклїн, тако не кровь е^с но чрѣви подобно. и оудивнвса емоу зѣло,</p> <p>тако великъ даръ принесе црѣви Финикоу.</p> <p>па^с оудивнса црѣ,</p> <p>повелѣ ѿ коньхилїи шчрѣвити роуно и сѣтвори (др. сп.: сѣтворити) совѣ шдеж^аоу.</p> <p>в' то саа перѣе шдѣвѣ портѣ ѿ прапрѣлаа всѣми лю^ми оудивленъ бы^с чю^аныа ра^м шдеж^а.</p> <p>и повелѣ Финникѣ црѣ соущинѣхъ</p> <p>по^а своєю швластїю не смѣти в' такомъ шдеж^н чрѣвленгѣ ходити, токмо са^м и по немъ хотащимъ быти црѣмъ в Финникѣ,</p> <p>да з^нати боудетъ црѣа коемъ и всемоу множеству людин ѿ таковыа одеж^а.</p> <p>древлеа во не разоумѣвахоу члци червнїи различныа,</p> <p>тѣмъ и въ вор'зѣ не познаахоу црѣа ѿ соущинѣхъ по^а нимъ.</p>

Для убедительности приведем лексику «красного» по четырем источникам:

Mal	Мал	ХГА	Врем
—	Кровню агньца	—	—
αἰμάσειν	Шкровкавишюса псѣ	αἰμάσειν	кровь текоущоу из грїча
βάπτοντα	Шкровкавиша швчиноу	βαφέντος	шчрѣвнѣшоуся роуноу
αἶμα	не соущѣ се крови, но багоръ	αἶμα	не кровь е ^с но чрѣви
βάμματος	Багоръ	βάμματος	чрѣви
βάμμα	ѿ коньхилы есть багоръ	—	—

χρῶας τοῦ βάμματος	шара багрнаго	—	—
βαφῆναι	Конхиломъ вчеръвише	βαφῆναι	Ѡ конхилин вчер-ви- ти
Ἐκ πορφύρας	Прѣфирнаоу ризоу	ἐκ πορφύρας	портъ Ѡ прапрѣда
ἐνάρετον	Такоаа доброты удежаа	—	в такои одежаи чръвленѣ
βάλειν χρῶας	чръвити и багрнти	βάλειν χρῶας	чръви раздичныа

Во Врем в этом рассказе нет лексемы шаръ, нет багрового — в Мал четыре лексемы основы багоръ / багр-. Усиливает впечатление замена в Мал «окрасившего (шерсть)» на *шкровавивша*.

В Мал 6 раз употреблено слово риза — для перевода греч. περιβόλαιον «верхняя одежда, плащ», ἐσθῆς «одежда», ἱμάτιον «гиматий». Это сближает текст Мал с церковнославянским переводом Евангелия от Иоанна, где именем словом риза переводится греч. ἱμάτιον, в который облекли Христа: и *въ ризоу багрнаоу облекоша* и (19:2), и *въ багрнаоую ризоу* (19:5). В Мал преобладает лексика «багрнаго», во Врем — «чрвленого»: 5 раз употреблены слова с основой -чръв- (-чръв-, чръв-, чръв-), перекликающиеся в свою очередь с Евангелием от Матфея, где Иисуса одели *хламидою чръвакною* в соответствии с греч. χλαμῖδα κοκκίνην (27:28).³⁵ В Мал царская одежда — риза, во Врем — портъ, (ἱμάτιον греч. оригинала). Судя по данным словарей, портъ — это древнерусское название одежды, в отличие от церковнославянского риза (дополнительный штрих в пользу древнерусского происхождения перевода ХГА).³⁶

Особого внимания заслуживает выражение «кровь агнца», которое есть только в Мал: *пастоухоу * мншцѣ кровню агнца шкровавившюса псѣ*, оно отсутствует в остальных трех текстах (Mal, ХГА и Врем). В. М. Истрин в комментарии к этому месту показал это сопоставлением текстов, отметил его отсутствие во фрагментах, изданных Мюллером.³⁷ При наличии единственного свидетельства вопрос об авторе выражения «кровь агнца» не может быть решен однозначно. Исходя из критерия стиля, наиболее вероятно предположение о вставке в славянском тексте.

Сочетание «кровь агнца» корреспондирует с целым рядом новозаветных текстов. «Агнец» — имя и прообраз Христа в Ин. 1:29, 36; 1 Кор. 5:7; 1 Петр. 1:19 и во множестве мест Откровения Иоанна. Кровь, пролитая Спасителем на кресте, мыслится как кровь Агнца: Мф. 26:28 (= Мк. 14:24; Лк. 22:20); Ин. 6:53—55; 19:34; Деян. 20:28; Рим. 3:24—25; 5:9; 1 Кор. 10:16; 11:25; Еф. 1:7; 2:13; Кол. 1:14, 20; Евр. 9:12—14; 10:19—20,

³⁵ Архангельское евангелие 1092 года Исследования, древнерусский текст, словоуказатели / Изд подгот Л П Жуковская, Т Л Миронова, Отв ред Т Л Миронова М, 1997 С 250, 276

³⁶ Так, в старославянских текстах зафиксировано единственное употребление слова *прътъ* в значении («льняной») фитиль (греч λίνον) в Мф 12 20 и более 100 употреблений слова *риза* в значении («верхняя») одежда (Старославянский словарь по рукописям X—XI веков / Под ред Р М Цейтлин, Р Вечерки и Э Благовой М, 1994 С 531, 381—582) Согласно словарю Срезневского, *прътъ* встречается в основном в древнерусских памятниках — летописях, повестях, документах, в то время как *риза* — в переводных произведениях или в специальном церковном значении (Срезневский Материалы Репринтное изд СПб, 1895 Т 2 Стб 1753—1755, Т 3 Стб 120—122, здесь же приведен пример перевода греч ἱμάτιον в другом месте Врем словом *портъ*), в словаре Дьяченко первое значение слова *портъ* (мн от *портъ*) — «вообще древнерусская одежда», второе — «мужское исподнее платье портки» (Дьяченко Г, прот Полный церковнославянский словарь М, 1993 — репринтное изд 1900 г С 458)

³⁷ Истрин В М Хроника Иоанна Малалы С 50

29; 12:24; 13:12, 20; 1 Петр. 1:2, 18—19; 1 Ин. 1:7; 5:6, 8; Откр. 1:5—6; 5:9.

Непосредственно кровь Агнца упоминается в 1 Петр. 18—19 и в Откровении Иоанна: и испраша ризы свои и оубѣлиша ризы свои в крови агньчи (Откр. 7:14, ср.: 12:11). Вся картина — в Откр. 5:6—9.

Таковы христианские ассоциации, связанные с этим выражением. По-видимому, здесь имеет место характерное для средневековья сосуществование двух уровней значений одного и того же текста, когда за реальным значением (кровь ягненка, окрасившая руно) открывается второй, символический уровень (кровь Христа как Агнца Божия).

Мотив крови агнца оказался слишком значимым, фраза из Мал в таком именно виде взята в последующие русские хронографы, она есть в Ел (Ел, 205) и в связанном с ним общим источником «Прибавлении к Палее».

После «крови агнца» неудивительно видеть в Мал *шкровавишиа швчиноу* на месте «окрасилась шерсть» (по Мал, ХГА и Врем). За Мал следуют упомянутые выше русские исторические компиляции (Ел и «Прибавление к Палее»).

Еще одно различие двух славянских текстов наблюдается в передаче приказа Финикса. В Мал царь «повелел никому не носить такой одежды, кроме себя» — во Врем «повелел никому не сметь носить такую одежду, кроме себя»: и ѿтолѣ повелѣ црь Финикъ никомуже соущиѣхъ по^а црѣвомъ его носити таковаа доброты соущаа ѿ землаа шдежаа (Мал II, 762); и повелѣ Финикъ црь соущиимъ по^а своею властнью не смѣти в' такои шдежи чръвленѣ ходити (И 37₂₀ по сп. Унд).

В обоих греческих текстах есть *τολμᾶν* «сметь». Отсутствие соответствия для *τολμᾶν* в Мал объясняется, скорее всего, не отсутствием его в протооригинале перевода,³⁸ а утратой славянского текста. Потеря одного слова в данной фразе не влекла перестройки всей фразы, но потеря содержательная велика: приказ Финикса в Мал смотрится более мягко, чем параллельный ему текст Врем. Идея царственной угрозы в Мал не подчеркнута, запрет не усилен угрозой.

Славянские соответствия греческих слов не вызывали у древнерусского читателя тех ассоциаций звукового уровня, которые шли от *φοῖνιξ* и проч. На славянской почве возникли свои зрительно-звуковые и глубокие идейно-эстетические ассоциации, подкрепляемые текстами славянских евангелий, переводами святоотеческих трудов, богослужебными текстами. Основанные на лексике связи с сакральными текстами прослеживаются и в русской книжности.

Были заимствованы лексемы *финиксъ* и *порфира* / *прапроуда*. В Древней Руси слово *финикъ*, *финиксъ* (*фоуникъ*, *фоуниксъ*, *фуникъ*, *фуниксъ*) было известно из стиха Псалтири: праведникъ яко финиѣъ процвѣтетъ, яко кедръ иже въ Ливанѣ оумножитсѧ (Пс. 91:13). Здесь *фуниѣъ*, как говорилось выше, — финиковая пальма.³⁹ Славянские книжники заимствовали ветхо- и новозаветные значения этой основы. Как видно, это заимствованное слово не напоминает русскому слуху ни порфиры, ни красного или крови.

³⁸ Хотя ввиду единственности списка Мал полностью исключить этого нельзя

³⁹ К. А. Максимович приводит весомые доводы в пользу отождествления в данном стихе на русской почве, так же как и в Византии, названия дерева с названием птицы Феникс (Максимович К. А. Птица Феникс в древнерусской литературе (К интерпретации образа) // Герменевтика древнерусской литературы XI—XIV вв. М., 1992. Сб. 5. С. 321—322)

Зато ассоциации с кровью есть у сущ. *багряница* и *прапрודה* — полных синонимов-дублетов.⁴⁰ Например, в Путятиной минее XI в. читаем *вагъряницѣ ѿ крови свѣтло прѣмъдрага овлѣкъши сѧ* (стихира великомученице Ирине в службе 5 мая).⁴¹ Тема багряницы развивается и в связи с темой Царства Небесного в противоположность земному. Так, в тропаре св. Пелагии «прапрудой»-багряницей названо святое крещение, приняв которое, Пелагия отказалась от брака с наследником престола, т. е. от земной пурпурной одежды.⁴²

В данной работе на примере анализа одного сюжета мы хотели показать применимость к произведению средневековой хронографии критериев художественности. Анализ касался построения сюжета и признаков его цельности, расстановки персонажей и авторской точки зрения; обращено внимание на глубокие ассоциативные связи лексики рассказа с христианскими образами средневековья. Современный инструментарий литературоведческого анализа вместе с техникой сопоставления родственных сюжетов позволяет увидеть в средневековой византийской ХГА не просто заимствование, но творческие импульсы компилятора. Творческие импульсы обнаруживаются, далее, в славянских переводах. Дальнейшее направление исследования — определение места данного рассказа в общей композиции ХГА, анализ лексики, использованной в рассказе о Геракле, на материале всего памятника, поиск лексических переключек с другими произведениями византийской и древнерусской литературы.

⁴⁰ В старославянских евангелиях Христа облачают в *прапрѣднѣ ризѣ* (Старославянский словарь С 498), в древнерусских — *въ вагъряную ризу* (Архангельское евангелие С 250)

⁴¹ Щеголева Л И Путятина минея в круге текстов и истолкования М, 2002 С 109 Ср в Супрасльской рукописи *Херсоньскыи градъ... въ вагъра мѣсто и чръвькни с<ва>тънѣхъ ... кровьѣ оукрасивѣ сѧ* (Старославянский словарь С 782)

⁴² См об этом впервые Matveenko V A, Shchegoleva L I On the Reconstruction of the Protooriginal of Putiata's Menaion // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies Moscow, 1991 М, 1996 Р 180

Ю. Д. РЫКОВ

Новонайденный фрагмент Летописца Еллинского и Римского второй редакции

Летописец Еллинский и Римский (далее — ЕЛ) — один из крупнейших хронографических сводов Древней Руси, повествующих о всемирной истории. В научный оборот этот памятник был введен впервые в 60-х гг. XIX в. известным историком А. Н. Поповым, изучавшим хронографические своды на Руси и составившим подробный их обзор. В своем исследовании ученый указал 6 списков ЕЛ и определил, что текстологически они неодинаковы, так как принадлежат к двум разным редакциям, которые он соответственно назвал первой и второй.¹ В дальнейшем данный памятник привлек к себе пытлиное внимание и других отечественных исследователей древнерусской литературы — А. А. Шахматова, С. Г. Вилинского, В. М. Истрина, Д. С. Лихачева, В. А. Кучкина, Б. М. Клосса.² Названными учеными было продолжено исследование ЕЛ и сделано много нового по сравнению с трудом А. Н. Попова, однако самым полным и всесторонним исследованием ЕЛ последнего времени, бесспорно, являются монографические работы О. В. Творогова. Этому «хронографоведу» принадлежит и заслуга первого научного издания Еллинского летописца второй редакции (далее — ЕЛ-2), которое он успешно подготовил в самое недавнее время совместно со своей ученицей С. А. Давыдовой, осуществив давнюю мечту А. А. Шахматова об издании данного памятника.³ Ученый глубоко и очень тщательно изучил все известные ему списки ЕЛ-2, установил историю текста данного хронографического свода и его источники, детально и обстоятельно прокомментировал содержание и разработал убедительную стемму происхождения редакций, видов и списков ЕЛ-2.⁴

¹ Попов А. Обзор хронографов русской редакции М, 1866 Вып 1 С 1—3

² Шахматов А. А. Древнеболгарская энциклопедия X века // ВВ СПб, 1900 Т 7, вып 1—2 С 1—35, Вилинский С. Сказание о Софии Цареградской в Еллинском летописце и в Хронографе // ИОРЯС СПб, 1903 Т 8, кн 3 С 1—43, Истрин В. М. 1) Один голько перевод Псевдо-Каллисфена, а древнеболгарская энциклопедия X века — мнимая // ВВ СПб, 1903 Т 10, вып 1—2 С 23, 26—30, 2) К вопросу о взаимоотношениях Еллинских летописцев и Архивского (Иудейского) хронографа // ИОРЯС СПб, 1912 Т 16, кн 4 С 125—142, Лихачев Д. С. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в // ТОДРЛ М, Л, 1948 Т 6 С 100—110, Кучкин В. А. Один из источников Еллинского летописца второго вида // ВВ М, 1967 Т 27 С 319—324, Клосс Б. М. 1) Книги, редактированные и писанные Иваном Черным // Зап. Отдела рукописей / ГБЛ М, 1971 Вып 32 С 61—72, 2) К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида // ТОДРЛ Л, 1972 Т 27 С 370—379

³ См. Извлечения из протоколов заседаний Археографической комиссии с 2 января по 20 декабря 1904 г // ЛЗАК за 1904 г СПб, 1907 Вып 17 С 38—39

⁴ Творогов О. В. 1) К изучению древнерусских хронографических сводов I Редакции Еллинского летописца // ТОДРЛ Л, 1972 Т 27 С 380—393, 2) Древнерусские хроно-

Дальнейшее изучение истории текста этого памятника отечественной хронографии, несомненно, должно строиться на фундаменте исследовательских работ О. В. Творогова и идти по пути обнаружения новых неизвестных списков ЕЛ-2, введения их в научный оборот и текстологического анализа.

Один такой новый текст ЕЛ-2, вернее его небольшой фрагмент, нам удалось обнаружить в недавнее время, занимаясь в ОР РГБ научно-технической обработкой новоприобретенного рукописного кодекса, о чем мы и хотим сообщить. Прежде чем характеризовать обнаруженный отрывок текста ЕЛ-2, следует дать полное археографическое описание кодекса, в котором находится данный фрагмент, ибо эта рукописная книга лишь в 1994 г. поступила в состав рукописного фонда РГБ⁵ и еще не успела получить в научной печати даже краткого описания.⁶

Кодекс представляет собой сборник историко-литературного содержания на 116 л. in folio, написанных скорописью разных почерков. По филиграммам рукопись датируется второй четвертью XVII в.,⁷ но переплет у рукописи новый — картон, оклеенный «мраморной» бумагой; корешок из кожи, тисненый. Обрез листов тонирован голубой краской. Внутренние стороны переплетных крышек оклеены машинной бумагой конца XIX — начала XX в. Инициалы и заглавия в рукописи киноварные. В заголовке на л. 1 употреблена вязь. В составе сборника находятся следующие статьи: Хождение во Иерусалим игумена Даниила⁸ (л. 1—41), «Сказание Севериана, епископа Гевал(ь)скаго, о древе спасеннаго креста...» (л. 42—

графы Л., 1975 С 24—32, 111—159, 274—304, 3) Новонайденный список Летописца Еллинского и Римского // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги [БАН СССР] 1985 Л., 1987 С 51—55, 4) Летописец Еллинский и Римский Текстологические проблемы // ТОДРЛ СПб., 2001 Т 52 С 47—78, Летописец Еллинский и Римский Т 1 Текст / Основной список подгот О В Твороговым и С А Давыдовой, Вступ статья, археографич обзор и критич аппарат изд подгот О В Твороговым СПб., 1999, Т 2 Комментарий и исследование О В Творогова СПб., 2001

⁵ Кодекс с текстом ЕЛ-2 был приобретен отделом рукописей РГБ в Москве через книжный магазин № 37 «Букинист» По устному сообщению продавца магазина А В Соловьева, данный сборник был вывезен в столицу для продажи из Калуги, где он в последнее время бывал. Эти сведения и послужили основанием для решения Экспертной комиссии отдела присоединить новоприобретенный кодекс по месту его последнего бытования к Калужскому территориальному собранию ОР РГБ под шифром РГБ, Калужское собр (ф 738), № 104 Историческую справку об этом собрании ОР РГБ см в статье Алехина Л И Калужское собрание Ф 738 // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В И Ленина Указатель М., 1996 Т 1, вып 3 (1948—1979) С 334—345

⁶ Уже после написания настоящей статьи в апреле 2002 г мы сделали сообщение на Румянцевских чтениях в РГБ о территориальных собраниях НИОР РГБ, в котором отметили приобретение данного рукописного сборника и кратко охарактеризовали его (см Рыков Ю Д Территориальные собрания славяно-русских рукописных книг НИОР РГБ // Румянцевские чтения-2002 Национальная библиотека в современном социокультурном процессе М., 2002 Вып 1 Тезисы и сообщения С 308—309)

⁷ Водяные знаки в рукописи 1) столбы, над которыми помещена виноградная гроздь, между столбов — литеры «IV» с кружком посередине — точных аналогов знака с этими литерами не найдено, но данный вид знака имел наибольшее распространение в России в 1630—1640 гг., 2) кувшинчик двуручный, ручки изображены одной линией, с цветком в виде трилистника и стилизованными листьями, под трилистником помещены пять небольших кружков, см Дианова Кувшин, № 518 — 1638—1640 гг., 3) кувшинчик двуручный, ручки изображены одной линией, на тулове фигура с сердцем, а в горлышке помещен цветок тюльпана с листьями, см близкий тип этого знака, но в сопровождении литер «IC» — Дианова Кувшин, № 513 — 1635—1640 гг., 4) кувшинчик двуручный, ручки изображены двойным контуром, крышка увенчана короной под розеткой и полумесяцем, на тулове литеры «СВ» — точных аналогов знака с этими литерами не найдено

⁸ Согласно научной классификации М А Веневитинова, данный текст следует отнести к спискам 1-й группы 2-й редакции памятника (см Веневитинов М А Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII века СПб., 1877 С 86—98 и др)

44), Слово постническое Максима Исповедника «по вопросу и ответу», что есть «смотрения Господня человеческия?» (л. 44—65), Толкования иноческого чина (л. 63 об.—65), хронографическая статья «О отложении мяса иноком» (л. 65—68), выписка «О поклонах» (л. 68—69), «Сказание о светлой неделе» (л. 69 об.—70 об.), выписки из поучений св. Нила о восьми помыслах, о воздержании языка и о прочем (л. 70 об.—73), выписка из «Сказания, како глагола Господь к Йову» (л. 73—74 об.), выписка из «Сказания св. Епифания [Кипрского], яко 22 дела сотвори Бог от начала до семи день» (л. 75—75 об.), выписка о благодетели из Слова св. Иоанна Златоуста (л. 75 об.), Повести из Скитского Патерика (л. 75 об.—80), «Притча о[т] болгарских книг о богатых» с толкованием (л. 80—81), выписка из Слова св. Анастасия Синайского «о осужении» (л. 81—82), «Слово о гробнем тати, како спасеся» (л. 82—83 об.), отрывок (окончание) Повести о согрешившем и покаявшемся юноше, пострижемся затем в монахи (л. 84), ответ на вопрос «Како может человек разумети, како благоприятна молитва его к Богу» (л. 84), Слова и выписки из Скитского Патерика (л. 84—90), выписки из поучений св. Иоанна Златоуста и Менандра «о книжной мудрости» (л. 90—90 об.), Послание архиеп. Александрийского Афанасия «к некоему брату, просящему верою написа[ти] о словеси ключа спасению, числом сто» (л. 90 об.—101), фрагмент текста ЕЛ-2 (л. 102—105 об.), «Хождение и Сказание Епифания мниха о святых местах»⁹ (л. 106—116 об.).

Рукописная книга представляет собой заключительную часть большого рукописного кодекса, о чем свидетельствуют тетрадные сигнатуры и старая кириллическая фолиация XVII в. Кириллическая нумерация листов начинается с л. 289 и кончается на л. 404 (она соответствует л. 1—115 современной нумерации). Тетрадные кириллические сигнатуры проставлены на оборотных сторонах последних листов тетрадей в левом нижнем углу с номера 38 по номер 50. Чернила и почерки в нумерации листов и в тетрадных сигнатурах различны. И если фолиация доведена вплоть до последнего листа, то тетрадная сигнатура «50» проставлена на л. 101 об. современной фолиации, т. е. счет тетрадам рукописного сборника доведен не до конца. Обратная сторона этого листа оставлена чистой. Очевидно, кодекс первоначально содержал 50 тетрадей, а затем в конец его было добавлено еще 14 л. без тетрадных сигнатур, и уже после этого все листы были пронумерованы в валовом порядке от начала кодекса до конца. Общий объем листов в кодексе составил 404 л. Таким

⁹ Упомянутый в заголовке статьи «мних Епифаний», ходивший «во Святую землю», — это, очевидно, тот самый инок кон XIV—нач XV в. Епифаний, который является автором известного «Сказания о пути к Иерусалиму», дошедшего во множестве списков XVI—XVIII вв. Архим. Леонид (Кавелин), Г. М. Прохоров и другие исследователи не исключают возможности того, что автором «Сказания» мог быть известный древнерусский писатель, инок Троице-Сергиева монастыря Епифаний Премудрый. В отличие от них, К. Д. Зеeman полагает, что у автора «Сказания» инока Епифания нет ничего общего с Епифанием Премудрым (см. Прохоров Г. М. Епифаний // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 210, Дробленкова Н. Ф., Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // Там же. С. 211, Zeeman K. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. Munchen, 1976. S. 139, 203). Изучавший специально и подробно биографию и литературное творчество Епифания Премудрого Б. М. Клосс даже вообще не включил «Сказание инока Епифания о пути к Иерусалиму» в корпус сочинений, приписываемых Епифанию Премудрому (см. Клосс Б. М. Избр. труды М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 91—128). Новонайденная статья не встречается в других известных ученых сборниках, текстологически она напрямую связана с «Хождением» архим. Грефения или Агрефения «во Святую землю» и поэтому особенно интересна в историко-литературном плане. Краткая информация об этой интересной статье впервые прозвучала в нашем сообщении на Румянцевских чтениях в РГБ в апреле 2002 г. (см. Рыков Ю. Д. Территориальные собрания. С. 308—309). Текст данной статьи готовится нами к публикации.

образом, кодекс в полном виде представлял собой довольно «толстую» книгу. И если о содержании заключительной части сборника мы можем судить непосредственно по новоприобретенной рукописной книге, то такой возможности для установления содержания первой части у нас нет.

Что же входило в состав первой части сборника? Сохранившиеся в конце книги скорописные записи первой половины XVIII в. позволяют получить определенное представление о жанровой природе текста, который содержался в первой части кодекса. Записи, следующие после окончания текста «Хожения и Сказания инока Епифания по святым местам» на л. 116 об., сообщают нам название книги в целом: 1) «Сия книга Гранограф белёвца купецкого человека Василья Степанова сына Собинина, куплена в Москве 1734 году июня в день»; 2) «Сия книга, глаголемая Гранограф, купца Василья... (?)». Имеется здесь и еще одна запись (возможно, проба пера), в которой кодекс также охарактеризован как Хронограф: «Сия книга Гранограф». Итак, кодекс, судя по процитированным записям, представлял собой какой-то Хронограф. Приобретенная ОР РГБ заключительная часть кодекса сама по себе никак не может быть названа Хронографом. Стало быть, Хронограф был в составе первой части кодекса, а заключительная часть этого кодекса, приобретенная отделом рукописей, содержит в целом лишь дополнительные статьи к этому Хронографу. Надо считать, что владельческие записи купца В. С. Собинина 1734 г. делались в то время, когда сам Хронограф и его дополнения были единой книгой. Кодекс был куплен в Москве, где он, вероятно, был написан и первоначально бытовал. После покупки Хронограф с дополнительными статьями попал в г. Белёв Белгородской губернии, ставший с 1777 г. уездным городом Тульской губернии (ныне райцентр Тульской области). Вероятно, на рубеже XIX—XX вв. под воздействием времени единый кодекс лишился своего первоначального переплета и при новом переплетении был разделен на две части: начальную часть составил Хронограф, а заключительную — дополнительные статьи к нему. Где и когда точно произошло это разделение, нам, к сожалению, сейчас неизвестно. По крайней мере уже в начале 90-х гг. XX в. вторая часть некогда единого кодекса бытовала в результате книжной миграции в г. Калуге (Калужская область соседствует с Тульской), а затем была вывезена частным лицом в столицу. Такова в самых общих чертах реальная и гипотетическая история книги, поступившей в состав Калужского собрания ОР РГБ.

Теперь, после общего ознакомления с новоприобретенным рукописным кодексом, обратимся к рассмотрению фрагмента ЕЛ-2, помещенного в конце книги на л. 102—105 об. Следует сразу же отметить, что правильный порядок расположения этих листов отрывка механически был нарушен, вероятно, еще при первоначальном переплетении сборника.¹⁰ В результате такой путаницы два последних листа (л. 104—105 об.) из этих четырех стали содержать более ранний текст, чем два первых (л. 102—103 об.). Если листы расположить в правильном порядке, т. е. сначала читать л. 104—105 об., а затем л. 102—103 об., то мы легко определим крайние границы текста новообнаруженного фрагмента ЕЛ-2. Этот фрагмент начинается со слов «[в]лазите, обидите, грабите, бес правды суди-

¹⁰ Данное обстоятельство явилось прямым следствием того, что отмеченные сдвоенные листы были согнуты не правильно, а в противоположную сторону, т. е. вывернуты как бы «наизнанку». Этот вывод прочно удостоверяется прямой «стыковкой» текста в месте путаницы текст на л. 105 об заканчивается на словах «И быст(ь) абие гнѣвъ», а текст на л. 102 начинается со слов «межи римляны и персяны » (см РГБ, Калужское собр., № 104, л. 105 об, строка 1 снизу и л. 102, строка 1 сверху, ср. Летописец Еллинский и Римский Т 1 С 357 Л 194 а)

те...» статьи «Царство 14 Анастасиево»¹¹ и обрывается на словах «...и углие творяхуся от земли, и рострѣскахуся основания, ослабляема от труса и от огня» статьи «Царства 15 Устиянова».¹²

Определим теперь, к какому виду — Академическому или Чудовскому (по классификации О. В. Творогова) — относится данный отрывок ЕЛ-2. Разумеется, мы сможем при этом основываться только на тексте найденной нами второй части некогда единой книги. Текстологические наблюдения позволяют уверенно связать новонайденный отрывок ЕЛ-2 с Чудовским видом Летописца, который в издании памятника, осуществленном О. В. Твороговым, представлен следующими списками XV—XVI вв.: 1) ГИМ, Чудовское собр., № 51/353 (далее — Ч); 2) РНБ, собр. ОЛДП, F.33 (далее — О); 3) РНБ, F.IV.91 (далее — Т). К Чудовскому виду, вероятно, относится и недавно введенный в научный оборот О. В. Твороговым список начала XVI в. — БАН, Архангельское собр., № С 18, отражающий, по мнению исследователя, ранний этап истории текста этого вида.¹³ Приведем фрагменты ЕЛ-2 по списку Академического вида — БАН, 33.8.13, принятому в издании за основной, с разночтениями по трем указанным спискам Чудовского вида, и параллельные чтения из новонайденного фрагмента. Прежде всего отметим лакуны, которые имеются в списках Чудовского вида, в отличие от списков Академического вида. Эти лакуны представляют собой как мелкие пропуски, так и пропуски отдельных строк текста.

Печатное издание

Егоже хотѣ поставити сии [нет — ОТЧ]
Амантии, давъ сему Устину [нет — ОТЧ]
злато даяти народомъ (С 356 Л 193 а—б)
и подолгъ вся грѣкы, прѣиде въ великыи [и вместо прѣиде въ великыи — ОТЧ]
град Анѣтиохию и взимае от коегождо ер҃гастира того град(а) (С 357 Л 193 в)

и на тои застогы малы, орнѣгомъ образомъ самого того, и стихарь бѣлг, парагаудиниъ имушь златом и унишение тѣмже образомъ [нет самого образомъ — ОТЧ]
царя Иустина (С 357 Л 193 в)

не суца под румьским [римским — Ч] строениемъ, но под прьским достояниемъ [нет но достояниемъ — ОЧ, в Т текст оборван] от вѣка? (С 357 Л 193 г)

Молвяху же друзии старѣи [старѣиши — К, нет — ОЧ, в Т текст оборван] в томъ градѣ (С 358 Л 194 б)

падениемъ неисповѣдимомъ, егоже уста [усты — ОТ, устнами — Ч] человекѹ изглаголати не могут Толма бо дивныи Богъ от чюднаго престола разгнѣвася на антиохианы, въста [нет человекѹ въста — ОТЧ], якоже посыпанья хлѣвинами [хлѣвины — ОТ] (С 358 Л 194 в—г)

Новонайденный фрагмент

Егож(е) хотѣ поставити Амантии, давъ сему злаг(о) даяти народом (Л 104 об Строки 9—11 св)

и подолго вся грекы и град Антиохию и взимае от коегождо ер҃гастира того град(а) (Л 105 Строки 10—12 св)

и на тои застегы малы, орнѣгомъ образомъ царя Иустина (Л 105 об Строки 3—4 св)

не суца под римским строениемъ от вѣка? (Л 105 об Строки 11—12 св)

Молвяху ж(е) друзии в том градѣ (Л 102 об Строки 4—3 св)

падениемъ неисповѣдимомъ, его устнами, якож(е) посыпанья хлѣвинами (Л 103 Строки 6—5 св)

¹¹ РГБ, Калужское собр., № 104, л 104, строка 1 сверху, ср Летописец Еллинский и Римский Т 1 С 355 Л 192 б

¹² РГБ, Калужское собр., № 104, л 103 об, строки 1—2 сверху, ср Летописец Еллинский и Римский Т 1 С 359 Л 194 г

¹³ Подробные текстолого-археографические сведения об этих списках см Творогов О В 1) Археографический обзор // Летописец Еллинский и Римский Т 1 С VI—XII, 2) Летописец Еллинский и Римский Текстологические и источниковедческие проблемы // Летописец Еллинский и Римский Т 2 С 127—133, 3) Археографический обзор списков Летописца Еллинского и Римского Дополнение // Там же С 207—208 При обозначении списков ЕЛ-2 мы здесь и далее пользуемся их условными сокращенными обозначениями, которые употреблены О В Твороговым

Из сопоставления вышеприведенных пассажей видна несомненная генетическая связь текста новонайденного отрывка ЕЛ-2 со списками Чудовского вида благодаря наличию во всех них общих пропусков. О безусловной родственной связи всех этих списков говорят также и общие видовые текстуальные разночтения, отличающие тексты списков *О*, *Т* и *Ч* от списков Академического вида. Приведем текстологические примеры:

Печатное издание

убогаго не помилуете [не милуете — *ОТЧ*], сироты не оправдающе (С 355 Л 192 б)

Бѣ бо комить [комить — *ОТЧ*] ексукувиртомъ (С 356 Л 193 а)

уби и Андрѣя, кувуклариа [кувиклариа — *ОТЧ*] (С 357 Л 193 а)

высоюю и широтою паче всего [всякого — *ОТЧ*] человекѣа локтемъ единѣмъ еще (С 356 Л 193 б)

искупля [доб того — *ОТЧ*], аще же сребрениць 40 (С 357 Л 193 в)

се бо покорнаго мнѣ [ми — *ОТЧ*] царя [в *Т* текст далее оборван] лазомъ (С 357 Л 193 г)

Сии же Едесеь созданы бысть от Селевка Нѣкатора [Никатора — *ОТЧ*] (С 358 Л 194 в)

Новонайденный фрагмент

убогаго не милуете, сироты не оправдающе (Л 104 Строки 2—3 св)

Бѣ бо комить ексукувиртомъ (Л 104 об Строки 3—4 св)

Уби и Андрія, кувиклариа (Л 104 об Строки 6—8 св)

высоюю и широтою паче(е) всяког(о) человекѣа локтемъ единѣмъ еще (Л 105 Строки 8—9 св)

искупля тог(о), аще же сребреници 40 (Л 105 Строки 12—11 сл)

се бо покорнаго ми царя лазомъ (Л 105 об Строки 10—11 св)

Сии же Едесеь созданы быс(ть) от Селеука Никатора (Л 103 Строки 5—6 св)

Нетрудно убедиться, что текст новонайденного фрагмента текстологически несомненно взаимосвязан с текстами списков *О*, *Т* и *Ч* Чудовского вида благодаря наличию во всех них общих чтений. Число таких показательных примеров можно было бы значительно увеличить.

Из всех трех списков Чудовского вида новонайденный фрагмент текста ЕЛ-2 наибольшую генетическую связь обнаруживает со списком *Ч*, который нередко содержит особые чтения, отличающиеся от общих чтений списков *О* и *Т*. Это убедительно доказывается целым рядом текстуальных пассажей. Приведем примеры такой тесной родственной взаимосвязи:

Печатное издание

и исторгну [испр по Син 280, в ркп исторну, в КП испр на исторгну, в *ОТ* — исторну, в *Ч* — Несторию] от церкви его [от церкви изгнану — *Ч*] (С 356 Л 192 г)

яко [нет — *Ч*] внезапно обрѣтется мертвъцемъ [мертвъ — *Ч*] Растрѣсновень, предасть духъ [доб живе — *Ч*] лѣтъ 60 и мѣсяць пять (С 356 Л 193 а)

да бы [егда бысть — *Ч*] царь, уби Амантія препосита емноха [евнуха — *Ч*] (С 356 Л 193 а)

вста нѣкто жена Киликиискыя страны шудска [шудиска — *Л*] рода прѣвеликимъ [прѣвелика — *Ч*] тѣломъ (С 357 Л 193 б)

царствующю в Пересех Къаду [нет — *Ч*], имущю под собою Цяфнона [Цафиоса — *ОТ*] (С 357 Л 193 в)

и носи [нося — *ОТ*, ношаше — *Ч*] вѣнець румескъ [римьскыи — *ОТ*] царскыи и окриль [оскриль — *Ч*] бѣль весь (С 357 Л 193 в)

Новонайденный фрагмент

Несторию от церкви изнану [в ркп буква «г», очевидно, выносная, пропущена] (Л 104 Строки 7—8 св)

внезапу обрѣтется мертвъ Растрѣсновень, предаст(т) духъ, живе же лѣтъ 60 и мѣсяць 5 (Л 104 Строки 8—6 сл)

егда бысть царь, уби Амантія пропосита евнуха (Л 104 об Строки 6—7 св)

вста нѣкто жена Киликиискыя страны шудска рода превелика тѣломъ (Л 105 Строки 7—8 св)

царствующю в Прѣсах, имущю под собою Цефиона (Л 105 Строки 8—7 сл)

и ношаше венѣць румескъ царскыи и окриль бѣль весь (Л 105 об Строки 1—2 св)

от своя е му страны червлени съ бисеры пръскимъ образомъ, такоже и пояс ему бѣ с бисеры [нет пръскимъ с бисеры — Ч] (С 357 Л 193 з)

аки по нужи посягши за нь во ина [въ иное — ОТ, за война — Ч] царства [царство — ОТ] (С 357 Л 193 з)

И увѣдавъ се Коадисъ, царь пръский, въпусти [доб къ — Ч] царю [доб Иустину — Ч] сие (С 357 Л 193 з)

от своя е му странъ червлени с бисеры (Л 105 об Строки 5—6 св)

аки по нужди посягши за нь за война царствова (Л 105 об Строки 7—8 св)

И увѣдавъ се Коадис, царь пръский, и въпусти къ царю Иустину сие (Л 105 об Строки 8—9 св)

Из вышеприведенных примеров хорошо видна несомненная генетическая связь новонайденного фрагмента ЕЛ-2 и списка Ч (лучшего списка Чудовского вида, по определению О. В. Творогова). Число подобных «свидетельствующих» примеров можно было бы также увеличить.

Однако, несмотря на установленное нами явное текстологическое родство новонайденного фрагмента и списка Ч, этот фрагмент все же нельзя считать копией со списка Ч. Для такого утверждения у нас имеются достаточные прочные основания. Известно, что список Ч обладает целым рядом индивидуальных лакун и перестановок, вызванных явным вкусовым желанием писца «улучшить» текст своего протографа. Так, он содержит тот же текст о правлении императора Анастасия Дикора, который читается во всех списках Академического вида и в списках О и Т Чудовского вида, но при этом после фразы «При семь бысть Иоаннь постыникъ» переписчик Ч опустил значительный фрагмент со слов «Сии же царь Анастасии...» до слов «тому же и дасть» и поместил его ниже после слов «И приидоша с полатаи». ¹⁴ Во вновь найденном фрагменте ЕЛ-2 данный кусок текста располагался, очевидно, как и в других списках, после слов «При семь бысть Иоаннь постыникъ», но из-за утраты предшествующих листов он сохранился только со слов «[в]лазите, обидити, грабити, бес правды судите». ¹⁵ Полуслово «-зите» является убедительным свидетельством того, что на обороте предыдущего листа последним читалось полуслово «вла-», и это обстоятельство говорит в пользу высказанного нами выше мнения. Очевидно, полный текст списка ЕЛ-2, известный нам сейчас только по новонайденному отрывку, независимо от списка Ч так или иначе восходит к протографу Чудовского списка, в котором не было индивидуальных текстологических особенностей, характерных для списка Ч.

Индивидуальной особенностью новонайденного фрагмента ЕЛ-2 является отсутствие в нем значительного куска текста, начиная со слов «Сии же царь мѣдная капица на путехъ постави...» и кончая словами «И приидоша с полатеи». ¹⁶ Во всех других известных ныне списках данный кусок текста имеется. Пропуск этот в печатном издании ЕЛ-2 составляет по объему примерно одну страницу текста рукописи in folio. Он может быть объяснен по-разному: либо результатом механического перескока писца через страницу оригинала, если рукопись была форматом в лист, либо результатом механического пропуска целого листа, если протограф рукописи был форматом в четверку, либо утратой одного целого листа в протографе списка, если этот протограф был форматом в четверку. Последний вариант кажется нам наиболее вероятным. По сравнению с пассажем печатного издания: «Исхожаху от воздухъ искры [в ркп и КП

¹⁴ См. Летописец Еллинский и Римский Т 1 С 355—356

¹⁵ Ср. Там же С 355 Л 192 б

¹⁶ РГБ, Калужское собр., № 104, л. 104, ср. Летописец Еллинский и Римский Т 1 С 355—356 Л 192 в—192 г

искры, *но в П испр. на искры*] огня, ижьзизаху [и зажигаху — *ОТ*] аky молнии»¹⁷ в новонайденном фрагменте текста ЕЛ-2 имеется мелкий пропуск: здесь этот пассаж читается в ином виде: «Исхожаху аky мльния». ¹⁸ Пропуск слов «от воздухъ искры огня, ижьзизаху» объясняется, по всей вероятности, простой гаплографией, так как окончания в глаголе «исхожаху» и в глаголе «ижьзизаху» совершенно одинаковы, и писец при копировании текста легко и произвольно мог «перескочить» на следующее сходное слово.

Индивидуальной особенностью текста новонайденного фрагмента ЕЛ-2 является и неполный («усеченный») заголовок статьи, посвященной правлению византийского императора Юстина: писца подвела плохая киноварь. В основном списке ЕЛ-2 Академического вида этот заголовок в полном виде читается таким образом: «Царство 15 Устияново, иже царствова в Костянтинѣ-градѣ». Точно такое же чтение заголовка имеется во всех других известных списках Академического вида. Исключением являются лишь списки Чудовского вида, которые содержат небольшие различия. В списке Ч вместо слова «Устиянова» читается «Устиново», а в списках О и Т после окончания заголовка, имеющегося в большинстве списков, добавлены слова «В лѣто». ¹⁹ В новонайденном фрагменте текста ЕЛ-2 для киноварного заголовка писцом был оставлен пробел объемом в полторы строки. После того как писец закончил копирование текста своего протографа на лицевой стороне листа, он взялся за киноварь, чтобы вписать в оставленный пробел заголовок статьи. Однако киноварь оказалась плохого качества и «поплыла», в результате чего бумага после буквы «р» в слове «Царство» была залита киноварью. Переписчик стал стирать залитое место и протер бумагу до дырки, вследствие чего он написал позднее букву «т» после дырки, а выносную букву «с» в вышеуказанном слове написал над буквами «во». Использовать далее киноварь плохого качества писец, естественно, не рискнул, и поэтому полный заголовок статьи остался им недописанным. Слов «иже царствова в Костянтинѣ-градѣ» в этом заголовке нет, хотя место для этих слов и для киноварной заглавной буквы «П» в объеме почти целой строки здесь было заранее предусмотрено. ²⁰ После этого писец продолжил копирование дальнейшего текста протографа на обороте, «обойдя» протертую им ранее дырку с лицевой стороны листа. Боясь, вероятно, повторения случившейся досадной неприятности, переписчик не стал выполнять плохой киноварью и последующий заголовок «О казне Антиохии пятое падение» и, очевидно, заглавную букву «В», характерную для списка Ч, ²¹ для которых у него при переписке текста также было оставлено чистое место на листе — правая половина «текущей» строки и левая половина нижеследующей строки. Писец скопировал чернилами из вышеуказанного заголовка лишь первую букву — предлог «О», оставив далее чистыми зарезервированные им ранее пробелы. ²²

В отрывке имеются также и другие мелкие различия, обусловленные как бессознательными описками и ошибками переписчика, так и некоторыми языковыми и грамматическими особенностями, свойственными писцу или его предшественнику. Рамки настоящей статьи, к сожалению,

¹⁷ Летописец Еллинский и Римский Т I С 358 Л 194 г

¹⁸ РГБ, Калужское собр., № 104, л 103, строка 3 сн

¹⁹ Летописец Еллинский и Римский Т I С 356 Л 193 а

²⁰ РГБ, Калужское собр., № 104, л 104, строки 6—5 сн (см фотоснимок этого листа на следующей странице)

²¹ Летописец Еллинский и Римский Т I С 358 Л 194 г

²² РГБ, Калужское собр., № 104, л 102 об., строка 2—3 св

не позволяют нам детально останавливаться на анализе всех этих разночтений.

Итак, в общем и целом наши текстологические наблюдения дают возможность сделать достаточно обоснованный вывод, что новонайденный фрагмент текста ЕЛ-2, несомненно, относится к Чудовскому виду, имеет прочную генетическую связь с текстом Ч, вместе с которым, но независимо от него, он, скорее всего, и восходит к общему протографу, и это, безусловно, расширяет знания исследователей по истории Чудовского вида ЕЛ-2.

Исследованный нами отрывок текста представляет собой лишь небольшую заключительную часть хронографического свода ЕЛ-2. Данный свод по какой-то причине не был дописан до конца писцом кодекса. Текст фрагмента, как мы уже отмечали, обрывается на словах статьи «Царство 15 Устияново»: «...и углие творяхуся от земли, и рострѣскахуся основания, ослабляема от труса и от огня».²³ Не исключено, что отмеченный обрыв текста Летописца определялся дефектным состоянием заключительной части его протографа. Отсутствие конечного текста характерно для многих списков ЕЛ-2, введенных в научный оборот.²⁴ Однако предшествующий текст ЕЛ-2 у рассматриваемого отрывка, несомненно, был, хотя, вероятно, и не с самого начала, как во всех других известных списках Летописца этой редакции.²⁵ Как уже сообщалось выше, новонайденный фрагмент начинается в рукописи с полуслова «-зите», т. е. данный текст ранее, безусловно, «стыковался» с предыдущим текстом ЕЛ-2, который оканчивался полусловом «вла-». Стало быть, можно вполне уверенно считать, что новоприобретенный фрагмент ранее входил в более полный состав текста ЕЛ-2.

Рискнем высказать предположение, что данные четыре листа ЕЛ-2 вполне могли происходить из первой части кодекса, который был приобретен в Москве белёвским купцом Василием Собининым в 1734 г. Напомним, что во владельческих записях, которые мы цитировали выше, этот рукописный сборник в целом, еще не расплетенном виде назывался «Хронографом». Такое название рукописи, очевидно, напрямую соотносилось с ее хронографическим в основном содержанием. Собининский хронографический кодекс, вероятно, являлся Летописцем Еллинским и Римским (с недописанным текстом) с дополнительными статьями в конце. Четыре листа с текстом, который мы анализировали, скорее всего, завершали текст ЕЛ-2 в рассматриваемом списке. При этом на обороте последнего, четвертого, листа содержится всего полторы строки текста, в то время как полностью исписанный лист фрагмента содержит 23 строки текста. Эти конечные листы вполне могли быть отделены от основной части «Хронографа»²⁶ при изготовлении переплета: ведь на данных лис-

²³ Там же Л 103 об., строки 1—2 св., ср. Летописец Еллинский и Римский Т 1 С 359 Л 194 г

²⁴ См. Творогов О В Археографический обзор // Летописец Еллинский и Римский Т 1 С VI—XII

²⁵ См. Там же С VI

²⁶ Эту часть составили первые 36 тетрадей. Каждая из этих тетрадей состояла, вероятно, из восьми листов в заключительной части собининского кодекса из 13 пронумерованных тетрадей абсолютное большинство тетрадей — восьмиллистные (тетради № 38—41, 43, 45—47, 50). Если мы умножим восемь листов на 36 тетрадей, предшествующих 37-й, в состав которой входили, на наш взгляд, рассматриваемые четыре листа с текстом ЕЛ-2, то получится в общем итоге 288 л. А именно такое количество листов и находилось в первой части собининского кодекса, ибо вторая часть его, как мы указывали в приведенном нами выше описании новоприобретенной рукописи, как раз и начинается с л. 289 старой кириллической нумерации.

тах не имелось тетрадной сигнатуры «37», ибо четыре листа могли представлять собой либо среднюю часть 37-й восьмилистной тетради, либо заключительную 37-ю тетрадь, состоящую из четырех листов. Данные четыре листа были подложены в конец кодекса после 50-й тетради, при этом они механически оказались вывернутыми как бы «наизнанку», вследствие чего два последних листа из этих четырех стали содержать более ранний текст, чем два первых. Вслед за ними были дополнительно помещены и листы с текстом «Хождения и Сказания инока Елифания», которые также не имели тетрадных сигнатур. Такой неправильный порядок расположения листов в конце кодекса был закреплен позднее и кириллической фолиацией. В дальнейшем при изготовлении нового переплета кодекс был разделен на две части. Вторая часть разделенного кодекса и сохранила утраченные четыре листа собининского «Хронографа». Не исключено, что и первая, собственно хронографическая, часть собининского кодекса после разделения сборника бытовала в пределах Тульского, а затем Калужского региона и теоретически могла сохраниться в современной рукописной книжности этих или других территорий, несмотря на все превратности судьбы.

Безусловно, счастливая находка первой части собининского кодекса дала бы исследователям не только достоверные прямые сведения по истории кодекса, но и новый, весьма ценный материал для дальнейшего текстологического изучения ЕЛ-2. Однако даже то, что показал проведенный текстологический анализ новооткрытого фрагмента ЕЛ-2 из собининского кодекса, имеет, несомненно, определенное научное значение для исследователей Летописца, и прежде всего для дорогого юбиляра, и поэтому наше сообщение об этом фрагменте вполне уместно в настоящем томе «Трудов Отдела древнерусской литературы», посвященном неугоминому исследователю древнерусской хронографии и замечательному человеку — Олегу Викторовичу Творогову.

А. Г. БОБРОВ

К вопросу о времени и месте создания Летописца Еллинского и Римского второй редакции

В Летописце Еллинском и Римском второй редакции (далее — ЕЛ-2), опубликованном О. В. Твороговым, всего пять обращений к событиям русской истории или к русским источникам. Одним из них является летописный рассказ о победоносном походе князя Олега на Царьград в 907 г. Детальное сопоставление летописных текстов об этом походе может помочь в решении вопроса о месте и времени создания ЕЛ-2, так как решающее значение в данном случае имеет именно определение летописных источников текста.

Рассказ о походе 907 г. сохранился в составе целого ряда летописей. В древнейшем русском летописном списке (Синодальном Новгородской первой летописи) листы с изложением событий времен Олега Вещего отсутствуют, как и в Лаврентьевской летописи. Текстологически связанные между собой разные части рассказа находятся в Радзивилловской (далее — Радз.) и Ипатьевской (далее — Ипат.) летописях, а также в Летописце Переяславля-Суздальского (далее — ЛПС), Троицкой летописи (далее — Тр.), Новгородской первой летописи младшего извода (далее — Н1Лмл.), первой подборке Новгородской Карамзинской летописи (далее — НК1), Новгородской четвертой летописи (далее — Н4Л), Софийской первой летописи (далее — С1Л) и, наконец, в ЕЛ-2.¹

Подробный текстологический анализ рассказа о походе Олега 907 г. был проделан Б. М. Клоссом² и О. В. Твороговым.³ Исследователи пришли к разным выводам: по мнению Б. М. Клосса, составителем ЕЛ-2 «был привлечен летописный источник, близкий к Троицкой летописи»,⁴ а, согласно О. В. Творогову, «текст ЕЛ-2 в большинстве чтений совпадает с С1Л».⁵ В то же время их точки зрения парадоксальным образом

¹ ПСРЛ Т 38 Радзивилловская летопись Л, 1989 С 19—20, ПСРЛ Т 2 Ипатьевская летопись 2-е изд СПб, 1908 Стб 21—23, ПСРЛ Т 41 Летописец Переяславля-Суздальского (Летописец русских царей) М, 1995 С 11—13, Приселков М Д Троицкая летопись Реконструкция текста М, Л, 1950 С 63—65, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М, Л, 1950 С 108—109, ПСРЛ Т 42 Новгородская Карамзинская летопись СПб, 2002 С 28—29, ПСРЛ Т 4, ч 1 Новгородская четвертая летопись Пг, 1915 С 18—20, ПСРЛ Т 6, вып 1 Софийская первая летопись старшего извода М, 2000 Стб 24—26, Летописец Еллинский и Римский Т 1 Текст СПб, 1999 С 473

² Клосс Б М К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида // ТОДРЛ Л, 1972 Т 27 С 371—372

³ Творогов О В Древнерусские хронографы Л 1975 С 157—158, Летописец Еллинский и Римский Т 2 Комментарий и исследование О В Творогова СПб 2001 С 175—176

⁴ Клосс Б М К вопросу о происхождении Еллинского летописца С 372

⁵ Летописец Еллинский и Римский Т 2 С 176

частично сближаются: Б. М. Клосс утверждает, что «летопись типа Троицкой сама уже была обработана с привлечением <...> Н1Л <...> (в таком виде она отразилась в Новгородско-Софийском своде)»,⁶ а О. В. Творогов говорит о «летописном своде, композиционно тождественном со Сводом 1448 г. (т. е. с тем же Новгородско-Софийским сводом — А Б); иными словами, о такой летописи, в которой также были слиты новгородская и общерусская летописи».⁷

1. Рассказ о походе Олега в НК1—С1Л

В исследовании о новгородских летописях XV в. я обосновал взгляд на НК1 именно как на источник общерусского свода первой половины XV в. («Свода Фотия 1418—1419 гг.») и как на первый опыт соединения «новгородской и общерусской летописей», выполненный около 1411—1412 гг. новгородским книжником Варлаамом в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре.⁸ Благодаря тому, что текст НК наконец опубликован,⁹ мы можем проверить аргументы Б. М. Клосса и О. В. Творогова с привлечением материала этого летописного памятника. Поскольку НК дошла до нас в единственном списке конца XV—начала XVI в. (РНБ, F.IV.603), отдельные чтения летописного текста могли появиться под пером позднего переписчика (переписчиков). Для реконструкции первоначальных чтений НК (и, в частности, НК1) должны быть использованы восходящие к этому памятнику летописи — Н4Л и С1Л, в первую очередь — старший извод последней (далее — С1Лст.). Для дальнейших текстологических разысканий нам важно реконструировать протограф НК1 с учетом чтений Н4Л и С1Лст. Как показало сопоставление названных летописей, дошедший до нас текст НК1 не свободен от некоторых изменений первоначального повествования («оставив» вместо «остави», «изыде» вместо «выиде», «ини» вместо «иния», «в дома своя» вместо «домови», «захотѣша» вместо «заходиша», пропуск слов «прѣ», «ти», в нескольких случаях — союза «и» и т. д.). В тех случаях, когда чтение НК1 подтверждается либо Н4Л, либо С1Лст., мы можем утверждать, что это чтение протографично, но если обе восходящие к НК1 летописи дают отличное от списка НК чтение, следует признать, что текст его протографа был изменен в процессе переписывания (в противном случае получается, что Н4Л и С1Лст. изменили первоначальный текст одинаковым образом независимо друг от друга, что представляется маловероятным). Таким образом, мы имеем реконструированный с достаточно высокой степенью вероятности текст статьи НК1 6415 (907) г. в том виде, в каком она должна была читаться в протографе летописного свода (см. Приложение).

Для того чтобы характерные чтения НК1 могли быть сопоставлены с ЕЛ-2, определим сначала, какие источники были использованы при создании рассказа о походе 907 г. в этой летописи. Как было установлено Г. М. Прохоровым, НК1 в целом соединяет два источника: в границах до 1185 г. — «центрально-русскую» летопись с «Повестью временных лет» (далее — ПВЛ) в начальной части и на протяжении всего памятника, вплоть до его окончания 1411 г., — Новгородскую первую летопись

⁶ Клосс Б. М. К вопросу о происхождении Еллинского летописца С 375

⁷ Творогов О. В. Древнерусские хронографы С 158

⁸ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века СПб. 2001 С 93—160

⁹ ПСРЛ Т 42

(далее — НІЛ). Исследователь заметил, что первый источник НКІ отдельными чтениями сближается то с Лаврентьевской, то с Радзивилловской, то с Ипатьевской летописями и что можно думать о его «каком-то родстве <...> с мыслимым А. А. Шахматовым Владимирским сводом 1185 г.»¹⁰ Второй источник, по нашему мнению, — это НІЛ в ее состоянии на 1410—1411 гг. (дошедшие до нас списки НІЛмл. представляют несколько более поздний этап истории текста, поэтому мы должны допускать возможность некоторых отличий НІЛ — источника НКІ от реального текста НІЛмл.).

Как известно, рассказ о походе Олега на Царьград в НІЛ значительно короче, чем аналогичный текст ПВЛ. Понятно, что отсутствующие в НІЛ фрагменты составитель НКІ мог взять лишь из ПВЛ, но и в тех случаях, когда мы имеем параллельные чтения НІЛ и ПВЛ, оказывается, что НКІ следует то одному, то другому источнику. В соответствии с НІЛ в НКІ говорится, что Олег «повелѣ извълещи» корабли на берег, в то время как в ПВЛ добавлено: «повелѣ **воемь...**» (так в Ипат. и в ЛПС, а в Радз. текст изменен); НКІ явно следует за НІЛ и в фрагменте «вспяша пре **русь** паволочитыя, а словени кропинныя, и раздра **кропинныя** вѣтръ» (в списках ПВЛ нет слова «**русь**», а конец фразы читается «и раздра **я** вѣтръ»); наконец, об Олеге говорится в НІЛ и НКІ, что он вернулся «къ Киеву и къ Игорю, **несыи** злато...», в то время как списки ПВЛ здесь ничего не говорят об Игоре, а вместо «**несыи**» дают чтение «**неся**». С другой стороны, НКІ бесспорно восходит к какому-то списку ПВЛ: из него взяты весь отсутствующий в НІЛ текст, а также дата похода (6415 г. вместо 6430 г. по НІЛ). В тех случаях, когда перед сводчиком были параллельные чтения НІЛ и ПВЛ, судя по мелким деталям (порядок слов, формы глаголов, синтаксические конструкции и т. д.), он зачастую отдавал предпочтение своему основному источнику («створи» вместо «створиша»; «видѣвше же грецы и убояшяся» вместо «и увидѣвше же убояшяся греци»; «устави» вместо «исъстави»; «на ны от Бога» вместо «от Бога на ны»; «2000 корабль» вместо «100, 200 корабль»; «исшеите» вместо «шиите»; «своим тлъстинамъ» вместо «своих толъстинах»; «овоще, и вина, и **всякое узорочие**» вместо «и вино, и овощъ» и т. д.).

Помимо соединения чтений НІЛ и ПВЛ создатель НКІ внес в свой текст незначительные вставки и исправления: Олег выходит не «на брегъ», а «ис корабля»; о движении парусных судов по суше добавлено еще раз: «на колесих в кораблих»; указано, что отравленные «брашно и вино» выносят именно «греци», и т. д.

СІЛ явно вторична по отношению к НКІ как на протяжении всего летописного текста,¹¹ так и в рамках анализируемого рассказа о походе 907 г. Заметим, что в тех случаях, когда оригинал НКІ (см реконструированный текст в Приложении) отличается от СІЛ, чтения ЕЛ-2 соответствуют именно НКІ: в ЕЛ-2 и НКІ «вспяша прѣ» и «прѣ паволочиты», а в СІЛ, соответственно, — «въспяша парусы» и «парусы паволочиты»; вместо «убояшяся и реша» в СІЛ читаем «убояшяся»; в СІЛ пропущены слова «Не погубляя града» и «пръвое», а в ЕЛ-2 и НКІ они присутствуют; вместо правильного «Олег» в СІЛ ошибочно читается «Леонъ» и т. д. Единственный случай, когда специфическое чтение СІЛ сближается с ЕЛ-2, — это «съ силою великою» (вместо «с силою многою» в НКІ и Тр.), но следует отметить, что такое чтение имеется только в

¹⁰ Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, FIV 603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165—198.

¹¹ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 97—111.

одном из двух списков С1Лст. (список Оболенского — далее О), в то время как список Карамзина (далее — К) дает в соответствии со своим источником чтение «съ силою многою»¹² (так же и во всех списках Н4Л). Трудно сказать, возник ли этот вариант в списке О С1Лст. независимо от ЕЛ-2 или под его влиянием, но в любом случае он не может свидетельствовать в пользу признания С1Л источником ЕЛ-2. Вторичность текста С1Л по отношению к НК1 и большая близость к ЕЛ-2 именно НК1 позволяют решительно исключить С1Л из числа возможных источников статьи о походе 907 г.

В то же время сопоставление текстов ЕЛ-2 и НК1 показывает, что только два крайне незначительных специфических чтения НК1 находят соответствие в хронографической компиляции («и град затвориша» вместо «а град затвориша» в Н1Л и ПВЛ; «имем ти ся по дань» вместо «имемься по дань» в Н1Л и Ипат. и «имем ти ся дань даяти» в Тр.). В ЕЛ-2 не находят отражения отмеченные выше характерные чтения НК1 («ис корабля»; «на колесих в кораблих»; «греци»); в целом ряде случаев ЕЛ-2 расходится с НК1 и сближается с чтениями других летописей (см. подробнее ниже), поэтому скорее можно думать, что в обоих указанных случаях сближения текстов («и»; «ти») памятники отразили чтения своего общего источника — не сохранившегося до наших дней списка ПВЛ.

Итак, создатель НК1 при написании статьи о походе 907 г., как и на протяжении всего повествования до 1185 г., контаминировал две летописные традиции — общерусскую и новгородскую, хотя последняя отражена в анализируемом тексте в меньшей степени. Согласно нашим представлениям, сводчик работал в 1411—1412 гг. в Троице-Сергиевом монастыре; весьма вероятно, им был новгородский архимандрит Варлаам.

2. Рассказ о походе Олега в Тр.

Другой надежно датированный источник, который может и должен быть привлечен для сопоставления с ЕЛ-2, — это Тр. Для анализа истории летописания XV в. особое текстологическое значение имеет та часть исторического повествования, которая достоверно засвидетельствована реально существовавшей Троицкой (Мусин-Пушкинской) пергаменной рукописью начала XV в.¹³ В издании Х. А. Чеботарева и Н. Е. Черепанова (в его сохранившейся части) была опубликована Лаврентьевская летопись, но, как известно, в ней имеется дефект с конца 898 г. до 922 г. Издатели восполнили этот пробел по Троицкой летописи, однако довели свою работу только до 906 г. Таким образом, мы имеем подлинный, а не реконструированный с той или иной степенью вероятности на основании выписок, разночтений и сходных летописей, достаточно небольшой фрагмент подлинного текста Тр.: от слов «...его же доходилъ и апостоль Паоуль. Ту бо бѣша Словѣни первие...» в статье 6405 (897) г. до слов «...да не творять пакости в селѣхъ и въ странѣ нашей» в статье 6414 (906) г. (статьи 897 и 906 гг. соответствуют статьям под 898 и 907 гг. Лаврентьевской летописи).¹⁴ По счастливой случайности большую часть этого подлинного фрагмента текста Тр. занимает рассказ о победоносном походе Олега на Царьград, поэтому мы можем с уверенностью исполь-

¹² ПСРЛ Т 6, вып 1 Стб 25—26, сноска 3

¹³ «Как есть все основания полагать, рукописью 1409—1412 гг.» (Приселков М Д Троицкая летопись Реконструкция текста С 7)

¹⁴ В издании М Д Приселкова это ровно две страницы (Там же С 63—65)

зывать для текстологического анализа все его разночтения. Сопоставление же других рассказов, заимствованных ЕЛ-2 из летописных источников, не может дать достаточно надежных результатов именно в связи с тем, что мы не располагаем подлинным текстом Тр.

К отмеченному Б. М. Клоссом случаю, когда текст ЕЛ-2 действительно сближается с характерным чтением Тр. (дата 6414 г.; по мнению О. В. Творогова, «это единственная близость ЕЛ-2 с Троицкой летописью»), другие аргументы Б. М. Клосса отведены им как несостоятельные)¹⁵ добавим также «2000 кораблѣи» вместо «корабль 2000» в других летописях. Этих незначительных совпадений явно недостаточно для того, чтобы говорить об использовании Тр. составителем ЕЛ-2, тем более, что многочисленные индивидуальные чтения Тр. никак не отразились в хронографическом рассказе («вѣтру покосну» вместо «покосну вѣтру», «убоящая зило» вместо «убоящаяся», «дань даяти» вместо «дань», «не прияше» вместо «не прия», «со отравою смертною» вместо «съ отравою», «яшася грѣци тако, и по семь» вместо «яшася грѣци по се», «гражань по пристанищемъ» вместо «Греческия земли», «мовницы» вместо «мовь» и т. д.). Скорее и здесь, как и в случае с НК1 (см. выше), можно говорить о том, что в общем для ЕЛ-2 и Тр. летописном источнике (недошедшем списке ПВЛ), очевидно, читалось «6414» и «2000 кораблѣи».

3. Источники статьи о походе Игоря в ЕЛ-2

Исследователями уже отмечалось совпадение в ЕЛ-2 и Н1Лмл. целой фразы, отсутствующей во всей остальной летописной традиции: «Сам же взя злато и паволоки и възложи дань, юже дань дают доселе руским княземъ». Это чтение отсутствует и в НК1, соединившей тексты Н1Л (Начального свода) и ПВЛ, следовательно, в хронографическое сочинение оно могло попасть только непосредственно из Н1Л. Сближается ЕЛ-2 с Н1Л также в чтении «И въспяшя прѣ русь паволочитыя, а словенѣ кропивныя, и раздра вѣтръ кропивныя»; оно было использовано и в НК1, но порядок слов совпадает именно в Н1Л и ЕЛ-2 (в НК1—С1Л — «раздра кропинныя вѣтръ»). Аналогичным образом в Н1Л и ЕЛ-2 находим «вино и овощь» вместо «овощи и вина» в других летописях. В отличие от НК1, составитель ЕЛ-2 не использует полностью чтение Н1Л «къ Киеву и ко Игорю, несый...» (вместо «къ Киеву, несая...» в ПВЛ), но форма «несый» свидетельствует вновь об обращении к Н1Л. Наконец, в заключительной фразе рассказа составитель ЕЛ-2 вслед за Н1Л пропускает частицу «бо» («бяху людие» вместо «бяху бо людие» в других летописях). Создавая свою «контаминированную» версию рассказа о походе 907 г., составитель ЕЛ-2 взял из Н1Л частично совпавшие с НК1 чтения («И въспяшя прѣ русь паволочитыя, а словенѣ кропивныя, и раздра вѣтръ кропивныя», «несый»), а частично — другие, проигнорированные Варлаамом («Сам же взя злато и паволоки и възложи дань, юже дань дают доселе руским княземъ», «вино и овощь», «бяху людие»). Таким образом, мы приходим к выводу о самостоятельном и независимом от НК1 обращении создателя ЕЛ-2 к Н1Л.

Точно так же по-своему, независимо от НК1, автор ЕЛ-2 использует и текст ПВЛ, о котором мы можем сказать, как и о тексте, использованном Варлаамом, что он отдельными чтениями сближается с разными сохранившимися списками памятника. Совпадения ЕЛ-2 со специфическими чтения-

¹⁵ Летописец Еллинский и Римский Т 2 С 175

ми Тр. отмечены выше («6414» и «2000 кораблѣи»), кроме того, «многы воя» (вместо «множество» в Ипат., Тр., НК1) сближается с чтением «воя многи» в ЛПС. Чтение ЕЛ-2 «сии **вси** звахуся» (вместо «си звахуся» в НК1—С1Л) находит соответствие в Ипат., Радз., ЛПС, Тр.; «от Бога на ны» (вместо «на ны от Бога» в Ипат. и НК1—С1Л) совпадает с Тр., ЛПС (и с Н1Лмл., что, видимо, свидетельствует о первичности такого порядка слов). Независимость обращения создателя ЕЛ-2 к ПВЛ от летописца Варлаама может быть проиллюстрирована примером, в котором исходный текст сокращается книжниками по-разному: в ПВЛ (Ипат.) читаем «да приходять русь сълебное емлють», но если в НК1 пропущено слово «русь», то в ЕЛ-2 «русь» оставлена, но сокращено «сълебное».

В ЕЛ-2 по сравнению с текстами Н1Л и ПВЛ имеется несколько специфических чтений. Так, например, только здесь говорится про Олега, что он «выступи» на берег (в других источниках — «вылезе», «выниде», «выде»); добавлена фраза «Бѣ в то время царь Леонь»; к словам «не даны суть словеном прѣ» добавлено «паволоचितы» (в Ипат., напротив, добавлено «кропинныя»); наконец, в ЕЛ-2 читаем «всяка узорочия **безчисленая**» (фразы нет в Н1Л, «всяко узорочье» появляется в ПВЛ, но последнее слово — «**безчисленая**» — неизвестно летописной традиции).

Итак, можно утверждать, что создатель ЕЛ-2 не использовал ни летопись «типа Тр.», как считает Б. М. Клосс, ни «типа С1Л», как полагает О. В. Творогов, ни источник последней — НК1 (хотя он и ближе к ЕЛ-2, чем С1Л). Детальное сопоставление рассказа о походе 907 г. в ЕЛ-2 и в русских летописях привело нас к заключению, что автор хронографической компиляции не использовал уже «слитый воедино» текст новгородской и общерусской летописей, а осуществил это сведение самостоятельно, используя те же источники, что и создатель НК1, т. е. Н1Л и неизвестный список ПВЛ, при этом им были сделаны некоторые сокращения и поновления текста.

4. Время и место создания ЕЛ-2

Есть основания полагать, что работа по созданию «сводного» текста ЕЛ-2 проводилась в спешке. В целом ЕЛ-2 сокращает рассказ о походе 907 г., но в двух случаях можно предполагать не сознательное редактирование, а ошибку переписчика (диффографическая ошибка):

1. «Олеѣ выступи на брегъ и **повелѣ** **воем** (изволочить корабли на брѣгъ и повоева много, и убиство окрест града створи грекомъ, и разби многы полаты, и церкви пожгоша, а их же плениша, овехъ посекааху, а друзѣх мучааху, иныя же растрѣляху, а друзѣхъ въ море вмѣтааху, и ина многа зла творяху русь грекомъ, елико ратнии творять, и **повелѣ** **воемь**)¹⁶ издѣлати колеса...».

2. «Яшяся по се **грѣци** (и просиша мира **грѣци**), дабы не воеваль...».

Совпадение границ пропусков с повторяющимися словами, тем более двукратное, на наш взгляд, может свидетельствовать о недостаточном внимании и спешке в работе книжника, создававшего ЕЛ-2. Когда и где, при каких обстоятельствах мог так торопливо сводить Н1Л и ПВЛ создатель ЕЛ-2? Нижняя хронологическая граница определяется упоминанием императора Мануила II Палеолога (1391 г.), а верхняя, по мнению О. В. Творогова, определяется тем, что «составитель использовал летопись, в кото-

¹⁶ Заключенный в скобки текст здесь и во втором случае приведен по ЛПС (ПСРЛ Т 41 С 12)

рой было слито общерусское и новгородское летописание», т. е. 1418—1419 гг.¹⁷ Как мы пытались показать выше, этот аргумент следует отклонить: контаминацию автор осуществлял самостоятельно, а не использовал готовую. Конечно, труд Варлаама — НК1 — был своего рода «черновиком», не получившим в рукописной традиции распространения, но митрополичий свод, основанный на НК1, создатель ЕЛ-2 мог бы использовать, если бы он уже существовал к моменту его работы. Таким образом, хронологические границы действительно можно сузить до 1391—1419 гг., как и полагает О. В. Творогов. Но мы установили еще один важный факт: автор ЕЛ-2 использовал те же источники, что и летописец Варлаам Согласно нашим представлениям, архимандрит Варлаам приехал в Москву в составе новгородского посольства, возглавляемого архиепископом Иоанном, а возможно, даже несколько раньше основной делегации, не позже осени 1411 г. (14 октября 1411 г. он завершает переписывание Лествицы Иоанна Лествичника, при этом в записи упоминает освящение церкви в Троице-Сергиевом монастыре 25 сентября 1411 г., посольство же находилось в Москве «зимой» 1411/12 г.).¹⁸ Именно Варлаам, очевидно, привез с собой список Н1Л, использованный им для сличения с несохранившимся списком ПВЛ, в результате чего появилась НК1

В заключительной годовой статье НК1 (1411 г.) читается следующее известие, отсутствующее в Н1Лмл.: «А князь великий Василей даль дщерь свою Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича». Этот беспрецедентный для эпохи Палеологов династический брак, соединивший императорский дом с русской княжеской династией, бесспорно, явился крупным достижением приехавшего 22 апреля 1410 г. на русскую митрополию грека Фотия.¹⁹ Значение, придававшееся им браку Иоанна и Анны, в символической форме отражено в изображениях на так называемом «большом саккосе» Фотия (фигуры самого Фотия, Иоанна, Анны, Василия Дмитриевича и Софьи Витовтовны). Вероятно, во время переговоров предполагалось, что одновременно с церковным венчанием произойдет и венчание на царство Иоанна и его супруги. Во всяком случае, дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосима, участник русской делегации в Царьград, так понял происходившие на его глазах события.²⁰ Именно поэтому, на наш взгляд, перечень византийских императоров в ЕЛ-2 был доведен до императора Мануила, и даже было оставлено место, чтобы проставить итоговое количество лет его завершающегося, с точки зрения русских книжников, правления «Мануила Палеолога, сынъ его, ...лѣтъ, православлень».²¹

Брак 1411 г. явился дипломатическим триумфом Фотия, казалось, весьма многообещающим для Руси.²² Думаем, именно в этот момент пристального внимания Византии и Руси друг к другу и был нашей культурой получен очень сильный импульс византийского (и «второго южнославянского») влияния. Очевидно, в Царьграде побывало множество русских

¹⁷ Летописец Еллинский и Римский Т 2 С 192

¹⁸ Бобров А Г Новгородские летописи XV века С 111—113

¹⁹ Медведев И П Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле? // ТОДРЛ Л, 1976 Т 30 С 255—262

²⁰ « во царство благочестиваго царя греческаго кир Мануила, и въ то время венча сына своего стареишаго Калуяна на царство греческое, состаревшися ему» (Проктофьев Н И Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину (Текст и археографическое вступление) // Вопросы русской литературы М, 1971 С 26 (Учен зап МГПИ им В И Ленина Т 455))

²¹ См о различных вариантах интерпретации этого текста Летописец Еллинский и Римский Т 2 С 191—192

²² Княжна Анна умерла в 1417 г и похоронена в Константинопольском монастыре Лива (Медведев И П Внучка Дмитрия Донского С 255)

служителей церкви, таких, как дьякон Троице-Сергиевой лавры Зосима, позже мельком вспомнивший давнюю поездку 1411 г. («...якоже преже бех, коли со княжною...»).²³ Примерно с этого времени в древнерусских рукописях «взрывообразно» появляются новые черты: балканский орнамент, мелкий грецизированный полуустав, исихастские сочинения.²⁴ Меняются и форма, и содержание древнерусских рукописных сборников; наступает «не календарный», настоящий XV век, столетие исторической полемики.

Этот всплеск интереса к Византии и к ее императорам, породнение Палеологов и Рюриковичей, на наш взгляд, и обусловили появление ЕЛ-2. Мы полагаем, что этот памятник русской исторической мысли появился в Москве около 1411 г. Русские исторические источники, использованные в этом произведении, — это доставленная архимандритом Варлаамом из Новгорода летопись, открывавшаяся Начальным сводом, и не дошедший до наших дней список ПВЛ. Соединение в едином повествовании хронографической и двух летописных традиций символизировало собой идею «православного единства», активным сторонником которой был митрополит Фотий, спустя некоторое время, уже после смерти княжны Анны в 1417 г., выступивший, по нашему мнению, и в роли заказчика общерусского летописного свода.²⁵

ПРИЛОЖЕНИЕ

Реконструкция текста статьи 6415 (907) г. протографа НК1

В лѣто 6415. Иде Олегъ на Греки, а Игоря остави¹ в Киевѣ; поя же множество варяг, и словени, и чюдъ, и кривици, и мерю, поляны и сѣверы, деревляны и рядимицы, вятици и хорваты, дулебы и тиверци, еже суть толковины, си звахутся от грѣкъ Великая Скифь. И съ сими всеми поиде Олегъ на коних и в кораблех, и бѣ числом корабль двѣ тысящи. И приидоша к Царюграду, и грѣци замкоша Съсуд и град затвориша. И выиде² Олегъ ис корабля, и повелѣ извлещи корабли на брегъ, и повоева около града, и много убиство створи грекомъ, и разбиша многы полаты, и церкви пожгоша. А яже имаху пленники, овѣх посѣкаху, другыя мучяху, иныя³ же растрѣляху, а другыя в море метяху, и ина многа творяху грекомъ русь, елико же ратнии творять.

И⁴ повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и вставити корабли на колеса. И бывшу покосну вѣтру, въспяша прѣ⁵ чрез поля на колесих в кораблех, и идяху къ граду по полю с силою многою⁶.

²³ Прокофьев Н И Хождение Зосимы С 26

²⁴ На материале многочисленных точно датированных рукописных книг А А Турилов приходит к выводу, что «где-то на рубеже 1400—1410-х гг в скрипториях Северо-Восточной Руси появляется значительное число рукописей, написанных новыми полууставами (южнославянскими по происхождению), почерками с сильным влиянием (или даже последовательным сохранением) среднеболгарской орфографии, с орнаментикой балканского (реже неовизантийского) стиля», причем «процесс носил взрывной, революционный характер» (Туролов А А Предисловие (Опыт авторецензии) // Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в, хранящихся в СССР» (М, 1986) М, 1993 С 13)

²⁵ Бобров А Г Летописный свод митрополита Фотия (Проблемы реконструкции текста) // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 90—130

¹ В НК1 оставивъ, испр по Н4Л и С1Лст ² В НК1 изыде, испр по Н4Л и С1Лст ³ В НК1 ини, испр по Н4Л и С1Лст ⁴ В НК1 нет, доб по Н4Л и С1Лст ⁵ В НК1 нет, доб по Н4Л (списки Г, Н), в С1Лст — парусы ⁶ Так же и в Н4Л, но в С1Лст список О дает чтение великою, а список К — многою

Видѣвше же грецы и убояшяся, и рѣша⁷, выславше къ Олгови из града⁸: «Не погубляи града, имем ти ся по дань, якоже хоцещи».

И устави Олегъ вои свои, и вынесоша ему греци брашно и вино, и не прия его, бѣ бо устроено съ отравою. И убояшяся греци, и⁹ рѣша: «Нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрии, посланъ на ны от Бога».

И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривнѣ¹⁰ на человекъ, а в корабли по 40 мужъ. И яшяся греци по се, и почяша мира просити греци, дабы не воевалъ Греческая земля. Олегъ же, отступивъ мало от града, начя миръ творити с царема греческими, съ Леоном и Александромъ. Посла к нимъ въ град Карла, Фарлофа, Велмуда¹¹, Рулава¹² и Стемида, глаголя имъ: «Имите ми ся по дань». И рѣша греци: «Чего хоцете, дамы ти»¹³. И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 корабль по 12 гривенъ на ключ. И потомъ даяти углады на руския грады: пръвое на Киев, та же на Чернигов, и на Переяславль, и на Полтескъ, и на Ростовъ, на Любець, и на прочая грады; по тѣм бо градом съдяху князья, под Олгомъ суще.

«Да приходяще слобное емлют, елико хотяще, а иже придет гость, да емлют¹⁴ мясячину на 6 мясяць: хлѣбъ, вино и мясо, рыбы и овощи; и да творять им мов¹⁵ колико¹⁶ хотят; поидучи же русь домови¹⁷, да емлют у царя вашего на путь брашно, и якори, и ужа, и прѣ¹⁸, и елико надобѣ».

И яшяся греци. И рѣста царя и болярство все: «Аще приидуть Русь бес купли, да не емлют мясячины; да запретит князь людемъ своимъ, приходящимъ здѣ Руси, да не творят пакости в селех и в странѣ нашеи. Приходящей Руси, и да витають у святого Мамы, и послет царство наше, да испишут имена их, и тогда възмут мѣсяцное свое, первое от града Киева, и паки ис Чернигова, и Переяславля, и прочии грады; и да входят въ град одинѣми враты съ царевымъ мужемъ без оружия муж 50, и да творят куплю, иже имъ надобѣ, не платячи вины ни в чем же»¹⁹. Царь же Леонъ и Александръ миръ створиста съ Олгом, имшеся по дань и ротѣ²⁰ заходиша²¹ межи собою, цѣловавше сами крестъ, а²² Ольга и мужии его водиша на роту по рускому закону, кляшяся оружиемъ своимъ и Влаsiemeмъ, скотымъ богомъ; и²³ утвердиша миръ.

И рече Олегъ: «Исшеите пре паволочиты руси, а словеном кропинныа». И бысть тако. И повѣси щить свои въ вратѣх, показая побѣду, и поиде от Царяграда. И вспяшя пре русь паволочитыа, а словени кропинныа, и раздра кропинныа вѣтръ. И рѣша словени: «Имемся своимъ тлѣстинамъ, не даны суть словеномъ прѣ».

И прииде Олегъ къ Киеву и къ Игорю, несыйи золото и паволокы, овощи и вина, и всякое узорочие. И прозвашя и Ольга Вѣщии, бяху бо людие погани и невѣгласи.

⁷ В НК1 нет, доб по Н4Л ⁸ В НК1 доб рѣша, испр по Н4Л и С1Лст ⁹ В НК1 нет, доб по Н4Л и С1Лст ¹⁰ В НК1 гривен, испр по Н4Л (списки Н и Г) и С1Лст ¹¹ В НК1 Велмида, испр по Н4Л (= Ипат) ¹² В НК1 Рувала, испр по Н4Л (= Ипат) и С1Лст (список К) ¹³ В НК1 нет, доб по Н4Л и С1Лст (= Ипат) ¹⁴ В Н4Л и С1Лст емлетъ, но в НК1 сохранилось чтение емлють, соответствующее ПВЛ, где оно было согласовано с чтением гостье ¹⁵ В НК1 в, испр по Ипат ¹⁶ Испорченное чтение НК1 подтверждается чтением Н4Л (список Г во коликико) ¹⁷ В НК1 в дома своя, испр по Н4Л (= Ипат) ¹⁸ В НК1 прѣ, испр по Н4Л и С1Лст ¹⁹ В НК1 доб ѣ, испр по Н4Л и С1Лст (= Ипат) ²⁰ В НК1 роты, испр по Н4Л и С1Лст (= Ипат) ²¹ В НК1 захогѣшя, испр по Н4Л (списки П, Г) и С1Лст (спр Ипат заходивше) ²² В НК1 и, испр по Н4Л и С1Лст (= Ипат) ²³ В Н4Л и С1Лст нет, но имеется в Ипат

В. В. КОЛЕСОВ

Заметки о языке Летописца Еллинского и Римского второй редакции

(К вопросу о месте и времени составления)

Уважаемый юбиляр завершил свой многолетний труд и подарил нам превосходное издание памятника, по исполнению и качеству равное классическим трудам прошлого.¹ Это издание содержит такое обилие надежной и важной информации о средневековом русском языке, что возникает желание уточнить в том числе и утверждение о том, что «с ответом на вопрос, где был составлен Летописец Еллинский и Римский второй редакции, стоит повременить, хотя ряд косвенных свидетельств побуждает искать его составителей среди новгородских книжников».² Не усложняя изложение многочисленными примерами (они бесконечны!), покажем особенности текста в их отношении к диагностирующим время и место распространения тем или иным особенностям языка.³

Летописец Еллинский и Римский второй редакции (далее — ЕЛ-2) составлен в начале XV в. из многих славянских, в том числе древнерусских, переводных текстов, среди которых такие обширные, как Хроники Амартола (далее — ХА) и Малалы (далее — ХМ), Александрия 2-й редакции (далее — Ал), книга пророка Даниила в толковании (далее — Д), византийские хроники, извлеченные из Хронографа по великому изложению (далее — Хр), с более мелкими, но также сделанными на Руси переводами и переложениями: Житие Константина и Елены (далее — КЕ), Сказание о построении Софии Царьградской (далее — Соф), Житие Богородицы (далее — ЖБ), переделка из Иосиппона (О взятии Иерусалима Титом), «Начало царства крестьянского» (далее — ЦК), Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. (далее — Крест), полемические тексты «против латын» (далее — Лат), пополнения из различных источников, в том числе из Слов на 1-ю неделю поста, об умерших (далее — Сл) и т. д., а также собственно русские летописные тексты (далее — Лет).

Пестрота материала затрудняет исследование текста с точки зрения его языка, но вместе с тем дает возможность определить различия, существующие между отдельными его фрагментами. Самое первое знакомство с текстом показывает богатство его грамматических и лексических

¹ Летописец Еллинский и Римский Т 1 Текст СПб, 1999

² Летописец Еллинский и Римский Т 2 Комментарий и исследование О В Творогова СПб, 2001 С 193

³ Особенности древнерусских рукописей относительно их языка описаны Колесов В В 1) О русизмах в составе древнерусских текстов // Древнерусский язык домонгольской поры Л, 1992 С 121—155, 2) Различительные особенности письма в русских рукописях XI—XIV вв // Историческая стилистика русского языка Петрозаводск, 1998 С 23—51

средств, которые исчерпывающе сохраняют особенности момента перевода (XI—XII вв.), заботливо перенесенные писцами из более ранних списков. Только в частях ХА и ХМ не находим древнерусских форм имперфекта (*глаголаише, имяхуть, бяхуть*, также от основ настоящего времени *любляише*), но лишь там встречаются нестяженные формы (*глаголааху, имѣаише, пытааише*), часто используются формы аориста типа *рѣша, дасть, бысть*, древняя форма *вѣдѣ* в 1-м лице настоящего времени, перфекты со связкой, распространена препозиция *ся* (*ся дѣиши*), часты причастия типа *мога, крыть*, русские формы дательного/местного падежа местоимений *тобѣ, собѣ*, энклитические формы *ми ти си* в значении частиц; даже формы супина; архаические формы склонения, особенно у основ на согласные, а также *i-основы у слов мужского рода (*медвѣдѣ, зять, звѣрь, гусь, дьнь*), распространенность флексий *i-основ у слов мужского рода (*родове, поповѣ, слонове, дворовѣ*), архаические формы типа *денью*; почти в полной чистоте сохраняются формы двойственного числа всех частей речи, возможны склоняемые краткие прилагательные (*въ бѣлахъ ризахъ 352,⁴ надеждами высоками 494*); беспредложные местные падежи в значении времени (*умре сей ноци 312, зимѣ суци 121, веснѣ 423*) и т. д. Основные грамматические изменения форм не завершены к моменту создания ЕЛ-2 или еще не осознаются как архаизмы; они показывают общую для всех текстов атмосферу древнерусского литературного языка, причем здесь представлены и те «архаизмы», которые в рукописях XII в. отражены редко, в виде исключений, поскольку в то время существовали свои запреты на отражение языковых (тогда) новаций.

Отметим преимущественно формальные особенности текста, они не подвергались особым исправлениям при переписывании, поскольку не были релевантны в смысловом ряду изложения.

Сложение ЕЛ-2 безусловно относится к первой четверти XV в., когда новые особенности письма, связанные со вторым «южнославянским» влиянием, уже были известны, но не получили законченной нормы, одни и те же орфограммы могли передаваться различным способом: *моя* и *моа*, *первый* и *прѣвыи* и т. д., но не в тех случаях, когда написание искажало произношение русского слова. Так, здесь по всем текстам представлены (в большом количестве) написания с начальными *о-*, *у-*, *я-*: *одва, одинь, оже, озеро, Олена, олень, оли, олядѣ; ужики, узь, унь, унота, угь, утро, уродь, утрѣ, Улиань; яблоко, яблочный, ямо же, ящерица, ящѣ* и т. д. Исключения редки, разбросаны по всему ЕЛ-2, но в различных проявлениях, т. е. в одном тексте может быть *Елену 272*, в другом *елень 101*, в третьем *близ езера 181*, в четвертом *въ ютрѣи 311*, в пятом на *югъ 7* и т. д. Написания типа *азь, акы, амо же* (но: *ямо же 80*), *раздѣли а на...* и пр. возможны в начале ЕЛ-2 в текстах из Д и ХМ, т. е. в южнославянских ранних переводах. Очень последовательно пишутся «русские» формы с *ч, ж* вместо «славянских» *шт, жд* (*вожа, надежа, нужю, Рожества, одежу, вижь! повѣжь! яжь! дажь! хочю* и др.), но в положении перед *у* возможны написания типа *одеждю, междю, виждю, страждю, надеждю*, которые показывают особую мягкость *ж* именно в этой позиции; любопытно также написание формулы *да же и до...* (461), *до же и до...* (313, 314 и др.) как *даждь и до* (ныне) 202 и другие, *дажде и до...* 82, 104 и т. д. Это интересно при наличии гиперизмов вроде *мятежду вставишу 344, въ дожда мѣсто 345, заградждене 464* и под., которые подчеркивают особое произношение сложной аффрикаты (ср. еще *раждегшуся 330*).

⁴ Цифры в примерах означают страницу в тексте ЕЛ-2 по изданию О. В. Творогова (см. примеч. 1).

Написания типа в *зорѣ заутра* 243, *робѣ своихъ* 243, *за роботы наша* 234 и т. д. также сохраняют древнерусскую огласовку при возможных тут же написаниях *от рабѣ* 249, *работу* 244 и пр. Удивительно много в тексте ЕЛ-2 примеров русского полногласия, причем некоторые из них совершенно новые для XV в. (в корнях с восходящей интонацией типа *молочны овци* 142, *до порома* 466, *порочами* 116, *сторонѣ* 139, *солону* 139, *шеломы* 331, *болото* и др.), а в некоторых случаях все же архаичные. Так, замеченная еще А. А. Шахматовым особенность в употреблении слова *плѣнь*, *плѣнити*, *плѣнение* с исконным «ятем» до XV в. строго сохраняется в ЕЛ-2 (речь об отвлеченном значении 'плен', в значении 'пленники' пишется только *полонѣ*, *полоня*, *все полонени*). Видно, что составители осознают отличие в написании этого слова от других «неполногласных», которые всегда почти пишутся с *e* (*время*, *бремя*).

Совместно все приведенные факты показывают, что обязанные своим возникновением «влиянию» орфограммы не вынесены из более ранних списков, а появились уже в момент составления ЕЛ-2, однако основаны они на южнославянском произношении, отчасти отраженном в оригиналах; написания же типа *адѣ*, *агня*, *азѣ* выступают уже как книжные архаизмы.

Столь же общими для большинства текстов являются следующие типы написаний: с *t*, *d* в сочетаниях *sr*, *zr* (*издрече*, *пострамы*, *раздрусается*, *пристрѣтающе*, *разднѣствуя*, также постоянно во всех формах *ужасть*) — исключения только в Лет (*усрѣтъ* 417, *усрѣтениа* 400); *седь*, *ось*, *огнь*, *вѣтрѣ* и пр.; почти всегда отсутствует стяжение в наречии *вънѣзапу*; архаические написания *аггелъ*, *еуаггелистѣ*; довольно последовательно передаются сочетания *кы*, *гы*, *хы* (*ки*, *ги*, *хи* изредка лишь в заимствованных словах), равно как и исконные написания типа *чя*, *шы*, *чю*, *шю*, *жю*, *щю* и под.; в начале ЕЛ-2 встречаются отклонения от русских написаний, типа *стегны* 51 (в других списках *стогны града*), *трезны праздноваша* 53, также написания *сесца* при *съсца*, которые признаются особенностями южнорусских рукописей.

С конца XII в. в русских рукописях встречается смешение *и/ы* после некоторых (преимущественно сонорных) согласных: *нинѣ* 95, 97, 154, *понирающе под землю* 144, *рищуци* 315, *издригнути* 375, *колибаться* 232, 236, *окрилатѣвшю* 374, *крило* 398, *крилатым* 399, *дрѣвными грѣхы* 336, *користѣ* 51, *единимѣ съвѣтомѣ* 51, *римляными* 84 и другие в текстах, восходящих к спискам ХА и ХМ, а также древнерусского перевода Ал. Особое положение с сонорными отмечается и в сочетаниях типа **tʲrt* (о них ниже).

Во многих текстах ЕЛ-2 встречаются лексические и семантические русизмы; они описаны исследователями, изучавшими конкретные памятники, вошедшие в состав ЕЛ-2. На наличии таких русизмов часто основано доказательство древнерусского перевода того или иного текста. К их числу относятся слова, одинаково возможные как в западнославянских, так и в южнославянских говорах (и текстах); ср. древнерусские и западнославянские, отмеченные и в ЕЛ-2: *вазнь*, *волот*, *вья*, *вѣно*, *жидь*, *клюдити*, *кокотѣ*, *серенѣ*, *мальжена*, *оходѣ*, *крамола*, *кра*, *порода*, *шатырь*, *язва*; древнерусские и южнославянские: *шида*, *шыя*, *хуса*, *бойринѣ*, *недугѣ*, *каженикѣ*, *жизнь*, *трупѣ*, *тѣкъмо*; собственно древнерусские слова *блядня*, *блядство*, *гребля*, *отнь*, *жаль* ('гроб'), *пѣт(ѣка)*, *кошка*, *шуринѣ*, *шьгла*, *узорочьѣ*, *чрѣсь* ('кошель'), *чървь*, *онсица*, *ушевецѣ*, *свадьба* и особенно семантические русизмы *ружити*, *лаяние* 'руганѣ', *отишиѣ*, *полкъ*, *обило*, *страда*, *клюка*, *клюкаво*, *година*, *сѣно*, *срамѣ*, *село* и некоторые другие.

Подобных русизмов более сотни, но необычная насыщенность бытовой лексикой в собранных в ЕЛ-2 текстах невольно наводит на мысль,

что многие слова «обычного» характера также могли быть русскими по происхождению, во всяком случае в составе определенных словосочетаний типа *напухлыма очима* 220, *ноздрама распъренами* 277, *приклецени бѣдою* 157, *шатавѣшаяся уста* 450, *по оцуренѣм мѣстом* 105, *пошибену ему* 471, *яко се курящися в теплѣ крови пѣнящюся* 280, *извьсть клѣвита* 366, *поухнивѣ нравомъ* 436 и *земли кипящи престуденѣ* 141, *въстропившися* — *по многу* 267 и другие, столь же выразительно образные речения, передающие метафоры греческого текста. Описание лексики этого значительного памятника требует особого внимания, здесь отметим лишь заимствования, обычно встречаемые только в древнерусских текстах: *грамота*, *гридь*, *жемчюгъ*, *извьсть*, *керста/корста*, *коврига*, *крюкъ*, *олядь*, *палата*, *руга*, *сапогъ*, *фарь*. Архаичность лексической системы удостоверяется многими фактами, например употреблением пары *десный* — *шюи*, *правый* замещает слово *шюи* только в XV в., именно это слово здесь не употребляется, а *лѣвый* (известно с XII в.) используется в своем прямом значении 'неблагоприятная, кривая сторона' в Ал: «Да иже хошет мѣсто се минути, да лево да идѣть: вся бо воды мира сего от лѣвья страны приходять» (137). Исходное распределение слов *животъ* — *житие* — *жизнь* также уже разрушается, но в поздних текстах (Крест и Лет), а в ранних и переведенных у южных славян (Д, Хр) различие в обозначениях физического существования, противопоставленного смерти (*животъ*), социального пребывания (*житие*) и вечной *жизни* сохраняется; примеры исчисляются сотнями.

Поскольку ЕЛ-2 — памятник анфиладного типа, в нем во множестве встречаются слова, впоследствии ставшие синонимами и представлявшие разные стили речи. Варианты могут встречаться почти рядом, ср.: *породную пищу* 52 — *в раи* 52, *точию* 40 — *токмо* 60 (оба наречия употребляются часто), *скопца* 70 — *кажникомъ* 70, *крестьяна* 384 — *христьянъ* 385 (преобладает второе), *кузнецъ* 417 — *ковачь* 417, *улыснувся* 115 — *осклабився* 116, *на шюу* 389 — *на вью* 386 (оба слова одинаково распространены), *отиши* 346 — *пристанище* 346, *опаши* 142 — *ошиби* 142 ('хвосты'), *корабли* 336 — *лоди* 338, *оплоты* 443 — *забрала* 442, *отень* 305 — *отцевъ* 305, *папа* 456 — *папѣжа* 468, *изящень* 403 — *изрядень же мужь* 332, *срамъ* 392 — *удъ таиный* 447, *бисерь* 357 — *жемчюгъ* (второе преобладает), *весь* — *село* 299, также *бояринъ* — *боляринъ*, *красота* — *лѣпота*, *блядствие* — *еретичьство*, *недугъ* — *болѣзнь*, местоимение *сеи* — *сесь* при *ти*, *грамота* — *епистолия* — *рукописание* — *хартія* (даже *хартія рукописалная*) и т. д. Впечатление такое, будто составители ЕЛ-2 мало заботились о формальной стороне дела, насыщая текст всеми вариантами слов, грамматических форм, написаний, отражающих различные стили произношения и разные традиции письма.

Несведенность к общему стилевому знаменателю и отсутствие редакторской работы с языком здесь заметны, дополнительно подтверждая факт раннего составления ЕЛ-2 и неопытность в редакторской работе над языком — это еще немаркированная сторона книжного дела. В распоряжении книжников еще нет гиперонимов (слов родового смысла), которыми можно было бы заменить разношерстную лексику разного происхождения и характера; они работают в традиции раннего средневековья, для которой характерно накопление видов (а роль рода играет один из видов) или, образнее сказать, когда словесная ткань текста полностью соотносится с изображением на иконе: каждая вещь сама по себе, в собственной перспективе движения, не зависящей от соседних вещей и ликов (*обратная перспектива*). Каждое слово ценно и не может быть опущено или утрачено, поскольку оно уложено в рамку только для него созданной словесной формулы; формула же переведена с авторитетного греческого

текста и представляет собой важный источник знания о прошлом, иначе недостижимом. Кроме того, каждая формула специализирована в смысловом отношении: любое имя выделяет только ему присущий *типичный признак качества*; например, здесь всегда *конь борзый, рѣка быстра, мужь скорь* и т. д., хотя все эти виды «быстроты действия» можно было бы объединить гиперонимом.

Что норма написания еще не устоялась, хорошо иллюстрирует положение с редуцированными гласными.

Тщательность переписки оригиналов показывают написания типа *много, пѣта, кѣнязь* с изолированным ъ, в произношении исчезнувшим в XI в.; столь же последовательно пишется местоимение *всь* (до XV в. это особенность новгородских рукописей). Что ЕЛ-2 отражает состояние после падения редуцированных (Р), доказываются случаями ассимиляции по глухости/звонкости, отмеченной в новом написании слов типа *свадьба, здравь, здание, гдѣ, чрез* (ср. также *тяшка* 312 и пр.), а также различными рефлексамии напряженного Р в слабой позиции (например, в частотном наречии *въину* — вечно: *вину, въину, воину, выину*), что указывает на незавершенность процесса до времени составления ЕЛ-2. В северных по происхождению списках ЕЛ-2 колебаний больше (в новгородских говорах падение Р завершилось чуть ли не в XIV в.), здесь одновременно могут быть написания *гдѣ* 404 — *кдѣ* 359, *чресъ всю* 451 — *чрезъ все* 460, *възпи* 377 — *въспи* 341 и под. Но и остальные части текста и рукописи демонстрируют незавершенность процесса падения Р. Отражен тот момент их изменения, когда происходило фонетическое удлинение сильного Р, но еще не осуществлялось его обобщение в парадигме склонения (идея парадигмы не осознана так же, как не осознана идея гиперонима — в обоих случаях проявление метонимического мышления). Мы можем встретить соответствия типа *чтець — четца* 307, *хребет — хребѣта* 386, *снемъ* 22 вместо *сонмъ, жрець* 62 — *жерца* 27, *жерцу* 61, *жерци* 213 и другие при отсутствии выравнивания в парадигме по общности корня (*жерць — жреца, жрецу, жреци*).

Однако Р уже исчезли, что доказывается последовательной передачей сильных редуцированных: *простець, скопецъ, отецъ, лодеи, гридеи, кадеи, звѣрень, звѣрекъ, мужескъ, женескъ, бабескъ, маслинень, сесца, сотлиша, начениу* и под. Здесь много написаний, подтверждающих мнение о том, что в процессе падения Р (он был длительным) возникали ситуации, усложнявшие произношение сложных сочетаний согласных, и тогда слабый Р мог сохраняться как замещение гласности. Это особенно четко проявляется в архаических формах причастия типа *оставлеше дѣло* 367, *явлешесе ему* 368, *удивлешесе* 272, *противлешюся ему* 412 и столь же часто в суффиксах типа *воинество* 312, *разнеству* 326, *напраснеству* 334, *богачество* 364, *изящено житие* 383, *корчемарь* 428, *обецинику* 313, *ревение* 334, *вяцеша* 322 и мн. др. И здесь преобладающим типом являются сочетания с сонорным, фонетическая длительность («сила») которого требовала передачи некоторой гласности звучания. Неорганическая гласность в соседстве с плавным наиболее интенсивно проявляется на с. 280—390 (Крест), здесь содержатся особенности речи северных говоров XIII—XIV вв.

Наоборот, ассимиляция согласных по мягкости/твердости как результат падения слабых Р полнее всего и массово отражена в начальных частях текста (Д, Ал, «Начало царство Римскаго»), ср.: *ельлинскъ* 64, *ельлинъ* 420, *коньчина* 68, *землю* 116, *сътъны* 43, *чясти* 80, *властьиу* 64, *область* 77, *опусьтъниа* 52, *въскорьми* 81, *въ сътегнахъ* 84, *звѣръ* 48 и мн. др. при обозначении отвердения перед твердым согласным: *стъклань*

145, звѣздныи 92, 147, звѣздная 134, земьное 156, гривъну 46 и особенно в заимствованных словах типа *Авъгусту* 317, к *Керъксови царю* 173, *гиганъта* 8, *горъгонію* 171, *олтаря* 486, у *рахъманъ* 144, *варъвары* 415 и др. Исключения редки, зато последовательно пишется ъ в суффиксе на месте ъ (*стремъство* 44, *десъное* 92, *мудръствовати* 9) при отмеченном уже написании е в этих же морфемах (также и в заимствованиях: *егупетъскимъ* 93, *еладъскы* 93, *кедръскіа* 299, *жидовъства* 158 и т. д.). Смягчение охватывает в основном зубные согласные, а отверждение происходит в соседстве с заднеязычными — этот момент развития системы относится к XIII в. на юге и близок к XV в. на северо-востоке. Отражая различные этапы развития редуцированных, разные тексты могут показать их последовательность в условиях несформировавшейся орфографической системы.

Независимо от происхождения исходного текста около 40 корневых сочетаний типа *ьrŕi последовательно передаются в «русском» произношении с гласными о, е; в *болгарехъ*, *боръзости*, *веръсты*, *вертепъ*, *голъка*, *издолблени*, *долгы шеи*, *желтъ*, *исъ керъсты*, *кормить*, *мертъвъ*, *смертъ*, *умольвлю*, *молнии*, *полкъ*, *сквернъ*, *серна*, *скорпи*, *смори*, *солнце*, *столпъ*, *твердъ*, *толцу*, *на торзъ*, *церковь*, *червъ*, *чернъ*, *червленъ*, *черъмное*. Никаких «влияний» тут не замечается. Преимущественно в новой орфографии употребляются словесные корни *вьрг-*, *вьрх-*, *вълхв-*, *дырж-*, *дырз-*, *жърло*, *жъртъв-*, *мырз(ьк-)*, *пълз-*, *първ-*, *пърс-*, *пърсть*, *пърсть*, *сърд(ьце)*, *скърб-*, *тырн-*, *тыри(ѣти)*. Все они также употребляются в текстах разного происхождения (следовательно, являются особенностью составителей ЕЛ-2), иногда пишутся и с о, е, но обычно в тех фрагментах, которые можно связать с выражением высокого стиля или с выделением терминологически важных слов (*волхв*, *жертва*, *персть* и все остальные). Во втором случае пишется именно ъ, речь может идти не об остатках фонетического второго полногласия, а именно об условном соединении произношения (с е) и написания (с ъ): *жъртъвы* 128, *жъртъву* 276, *жъртъвы* 445 как исключения при обычных *жъртъва*, *жъртъву* и т. д.

В ЕЛ-2 отражаются особенности средневековых новгородских говоров. В области фонетики они весьма выразительны.

Переход е—о после шипящих (*жонъ* 420, 462, *жону* 453, *жолви* 460, *шолковицу* 134, *предлежащому* 438 и др.), утрата л в сочетании *вл* (*умерцвяюще* 386, *смолвено* 414, *уязвѣми* 116), утрата в в некоторых положениях (рядом с б, у: *поблаговѣстѹя* 443, *царствовашиимъ* 375, *обалавшия в калъ* 351), смешение в/у (*свъзуѣ чресъ его* 45, *разрѣшая свѣзуы* 45, *не всумнѣся* 322, *вгоденъ* 41, *увъотрока* 94). Фонетического происхождения и форма связки в 1-м лице: «Се мы с тобою есме» 508 (в новгородских рукописях с XI в.). Новый ять новгородского типа распространен по всему тексту в характерных морфемах типа *людѣи*, *копѣиньи*, *лодѣиньи*, *кораблѣи*, *отмѣстѣя*, *тѣсть* (но также *тѣща*), *козѣль*, *мѣчнѹю*, *славѣнъ*, *пѣсь*, *безмѣздному*, *сѣць*, *зѣлие*, *грѣчкыи*, *твѣрдъ*, *помѣрзываетъ*, *топѣрво*, *человѣць*, *краснопръсѣць*, *словесѣмъ*, *хребѣтъ*, *с сѣсѣмъ* и под. Было бы трудно перечислить все примеры изменения ятя в и, обычно в положении перед мягким согласным; кроме того, некоторые морфемы обобщают написания с и на месте ѣ; в новгородских рукописях до XV в. это отметил В. В. Виноградов (*вси*, *всимъ*, *всихъ*, *видивши*, *видивъ*, *видихъ* и под.). Неудивительны и обратные написания типа *свѣтокъ* 501 (*свиток*), *на прѣснемъ Сыну* 297 (*присном*), как и написания с е типа *верно* 437, *к стенамъ* 126, *сеи дедъ* 260 — они как раз и доказывают новгородское происхождение проникших в текст написаний, поскольку в положении перед

твердым согласным это стало возможным еще в новгородских текстах XII в.

Новгородское смешение аффрикат представлено широко, причем с таким же обобщением ряда морфем, как и в случае с *и* на месте *ѣ*, ср.: почти последовательное написание слов *вѣнцевеху* 293, *вѣнцавше* 279, *невѣнцана* 476, *вѣнца* 498, *вѣнцанъ* 464, *вѣнца* 474 и пр. при исходной форме *вѣнецъ*; *концати* 298, *концинъ* 270, 426, *концавши* 279, 299, *конца* 472, *сконца* 496 и пр. при исходной форме *конецъ* и т. д. В названии народов такое обобщение почти абсолютно, но в «мягком» чокающем произношении, более свойственном этим говорам в древности (*срачине*, *нѣмечкыи*, *грѣчкыи*), что сохраняло исконное «нечокающее» произношение в словах типа *причеплѣни* 126.

При отсутствии содержательного выравнивания словоформ в грамматических парадигмах такой тип выравнивания по звучанию оказывается характерным приступом к последующему обобщению; в новгородских памятниках XIV—XV вв. именно такой тип выравнивания парадигм и представлен. Он основан на чисто фонетическом принципе фонемной согласованности *и/ѣ* или *ч/ц* при отсутствии между ними маркированной противоположности (перераспределение по позициям в составе словоформ). Фонемная безразличность звучания готовила форму для воссоздания грамматических парадигм, что и случилось только после завершения формирования книжных норм (в том числе и орфографических) и создания образцовых текстов нового содержания.

Этими краткими заметками и ограничусь, оставляя до другого времени подробное обоснование сделанных здесь выводов, которые сводятся к следующему.

Текст ЕЛ-2 составлен в Новгороде; предположение О. В. Творогова на сей счет основательно, все привлеченные им списки так или иначе отражают особенности новгородской речи и принятых в Новгороде XV в. правил письма.

Влияние новой традиции письма менее всего затронуло северные пределы Руси, однако элементы такого влияния уже налицо; они используются в стилистических целях, но непоследовательно.

Особенности средневекового русского языка представлены в полном виде, но также непоследовательно; севернорусские черты преобладают. Влияние инородных систем, вроде «церковнославянского языка», здесь минимально.

Ни определенно стилистических, ни строго логических (на уровне парадигм) распределений еще не отмечается; даже на лексическом уровне смешиваются лексемы самого разного характера и происхождения, в том их виде, как они дошли в составе своих (переведенных или оригинальных — в Лет) текстах.

В тексте ЕЛ-2 мы находим внутренне противоречивые тенденции развития языка, поскольку они не согласованы в момент сведения разнородных текстов в рамках *готового и проверенного литературного языка* — такой язык только-только начинает создаваться, в том числе и на основе текстов данного типа.

Подвижнический многолетний труд Олега Викторовича Творогова дает исследователям исключительной ценности источник, важность которого увеличивается благодаря возможности включить его изучение в плодотворную традицию филологических студий наших классиков и проветрить их результаты в терминах, понятиях и методах современной науки.

Т. В. АНИСИМОВА

Об источнике Ефросиновского хронографа

(по списку 70—80-х гг. XV в. из собрания Г. Г. Юдина)

Во второй половине XV в., в эпоху так называемого хронографического взрыва, особую распространенность в древнерусской книжности получила Хроника Георгия Амартола (далее — ХГА).¹ В этот период она нередко использовалась и для составления новых хронографических компиляций, в том числе — в сочетании с Троицким хронографом (далее — Тр).² Пример подобного рода — Ефросиновский хронограф.

Сборник, выполненный в 1490—1491 гг. писцом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088; далее — КБ-11), был известен исследователям с конца XIX в.³ В 1977 г. О. В. Творогов опубликовал текст входящего в его состав хронографа, получившего название Ефросиновский (далее — Еф).⁴ Опираясь на анализ редакторских приемов Ефросина в переписанных им текстах хронографической палеи, «Хождения игумена Даниила», «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия,⁵ О. В. Творогов атрибутировал переработку источников Еф самому Ефросину.⁶

Сравнительно недавно удалось обнаружить более пространную версию этой хронографической компиляции в сборнике из собрания

¹ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 31—32, 159. В настоящее время известны 20 относительно полных списков и 3 значительных фрагмента ХГА. Из них 10 полных и 3 неполных списка (включая большие фрагменты) приходится на середину—вторую половину XV в. (РГБ, ф. 98, № 863, БАН, Архангельское собр., Д. 7, ГИМ, собр. Уварова, № 966/1305, РНБ, Q IV 35, ГИМ, Синодальное собр., № 1008, СПбИИ РАН, колл. 238, № 365, РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 7/1084, РГБ, ф. 594, № 2, РГБ, ф. 228, № 162, РГБ, ф. 98, № 305, РНБ, Соловецкое собр., № 695, РНБ, F IV 150, РНБ, собр. Погодина, № 1432).

² Наиболее ранний из известных автору прецедентов малоизученный хронограф в составе сборника с Рогожским летописцем (РГБ, ф. 247, № 253) середины XV в.

³ Библиографию исследований сборника см. Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М., Л., 1961. Т. 17. С. 130—168.

⁴ Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов. I. Ефросиновский хронограф // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 256—274.

⁵ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина. С. 144—145, Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М., Л., 1966. С. 267.

⁶ Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов. I. Ефросиновский хронограф. С. 260—262.

Г. Г. Юдина (РГБ, ф. 594, № 2; далее сборник обозначается — ЮД-2, а хронограф в его составе — Юдинским или Юд).⁷

Кодекс был описан в 1974 г. сотрудницей отдела рукописей ГБЛ Г. С. Баранковой.⁸ На этом этапе состав хронографа определить не удалось, за исключением некоторых фрагментов, заимствованных из ХГА. Требуется уточнения и прежняя датировка сборника: концом XV—началом XVI в.⁹ Специальные работы, посвященные исследованию Юд, насколько мне известно, отсутствуют. Учитывая важность вопроса о его происхождении, остановимся сначала на археографическом описании рукописи.

Сборник написан полууставом двух почерков, на 399 л. (I—II + 397 л.) в 4° (21.0 × 14.5); л. I, II, 1—21, 396, 397 — XIX в., чистые. Еще два писца произвели правку на полях. Филигранные рукописи датируются 70—80-ми гг. XV в.¹⁰ В ней утрачено начало, в связи с чем в XIX в. для его восполнения были вставлены л. 1—21, оставшиеся без текста. Защитные л. 393 об.—395 (бумага с филигранью «Агнец со знаменем», на которой написаны некоторые тетради рукописи) завершают сборник. На л. 393 об. в 1508 г. выполнена запись (полууставом): «В лѣто 7016 был гром в среду середокрестную месяца марта 29, 7 час дни, а лѣто високосное, а Георгѣя был в недѣлю свѣтлую». ¹¹ Ниже тем же почерком, простой литореей, добавлено: «сия тпича. нона тинмѣяпа», т. е. «сия книга попа Киприяна». На л. 395 об. имеется еще одна приписка почерком XVI в.: «а високосной год имѣет мѣсяць 12» (фраза недописана).

Сборник состоит из четырех больших разделов: л. 22—211 об. — хронограф (Юд); л. 212—229 об. — Книга Иисуса Навина, начало (Нав. 1—10:37); ¹² л. 230—309 об., 390—393 — «Златая цепь»; л. 311—389 об. — «Космография» Козьмы Индикоплова (без окончания). ¹³ Рукопись дефектна: в начале хронографа отсутствуют 5 тетрадей; ¹⁴ кроме того, список «Космографии» обрывается на конце л. 389 об. (последнем в тетради) на середине фразы: «соуетными ответы поразоумѣша», свидетельствуя о механической утрате последующих тетрадей.

⁷ Благодарю О В Творогова за помощь при идентификации одного из фрагментов сборника с отрывком Ефросиновского хронографа

⁸ Описание РГБ Ф 594 Собрание Г Г Юдина XV—XX вв / Сост Г С Баранкова, Н А Щербачева М., 1974 (Машинопись) С 5—9

⁹ Там же С 5 Под этой датировкой на основании археографического описания РГБ рукопись вошла и в Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в.» (М., 1993 № 259 С 100) В последнем издании неточно указано и название Сборника «Златая цепь» С датировкой рубежом XV—XVI вв список упомянут также и в справочнике Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им В И Ленина Указатель М., 1996 Т 1, вып 3 С 265

¹⁰ Филигранные «Голова мавра» трех видов, различающихся перекрестием на стержне (подобный знак Брике, № 15687 — 1480 г), Готическая буква «У» с трехлепестковой розеткой на хвостовой части (подобный знак Брике, № 9182 — 1467 г, № 9184 — 1483 г, Лихачев Вод зн, № 1060 — 1485 г, № 2522 — 1483 г), «Агнец со знаменем» с руном на спине, около четырех видов (один из знаков близок Брике, № 22 — 1478 г)

¹¹ Пасха в 1508 г приходилась на 23 апреля, на память Георгия Победоносца

¹² Глава 10 написана не до конца (по 37-й стих, без последнего слова «бѣше»), после чего писец поставил знак окончания раздела две точки с горизонтальной чертой

¹³ Л 310 — чистый, начинающий новую тетрадь с текстом «Космографии» В конце не хватает приблизительно одной трети текста На л 333, 347 об., 366 об планировались миниатюры для них были оставлены чистые страницы с киноварными надписями по краям листа

¹⁴ При позднейшем переплетении рукопись была обрезана по нижнему краю листов, в связи с чем нумерация тетрадей сохранилась лишь в отдельных случаях, например на л 85 об — конец 13-й тетради, на л 110 — начало 17-й, на л 158 — начало 23-й и т д Расчет следующий в 13 тетрадях — 104 л, в настоящее время 85 л — 21 л = 64 л Утрачены, таким образом 104 — 64 = 40 л — 5 тетрадей

Каждая из трех частей: хронограф вместе с Книгой Иисуса Навина, «Космография» и «Златая цепь» имели собственную нумерацию тетрадей. В связи с этим, по крайней мере в XIX в., порядок следования тетрадью оказался нарушен.¹⁵ Последняя, 11-я, тетрадь «Златой цепи» оказалась приплетенной к последней же, 10-й, тетради «Космографии».¹⁶ Текст на л. 390 продолжает обрыв фразы на л. 309 об. «Златой цепи»: «учимъ || бѣ от него» и написан одной рукой. Поскольку л. 390—393 и защитные л. 394—395 составляли одну тетрадь,¹⁷ ясно, что «Златая цепь» с дополнительными статьями завершала весь сборник. «Космография» же могла его начинать: перед заглавием планировалась заставка (на л. 311 оставлено несколько чистых строк) — единственная в кодексе. Утраченные тетради «Космографии» и Юд в этом случае примыкал друг к другу, образуя одну, а не две лакуны. Реконструируемый порядок следования разделов согласуется с распределением филиграней в рукописи,¹⁸ а также последовательностью работы писцов.¹⁹ Судя по характеру их работы, хронограф вызывал особые трудности, в связи с чем писцы дописывали его попеременно. При этом они явно копировали готовый текст, а не создавали оригинальную компиляцию: смена почерков соотнесена с тетрадями, а не со статьями Юд. Композиция сборника имела свою логику. Открывавшая Юд-2 «Космография» излагала основы мироздания и предшествовала историческому обзору хронографа с примыкавшей к нему Книгой Иисуса Навина. Завершали рукопись статьи «Златой цепи», дополнявшие предыдущие источники самыми разнообразными сведениями учительного, толкового и познавательного характера.

¹⁵ Тетради были перепутаны уже при первом переплетении (в XV в.) и в Книге Иисуса Навина, текст которой должен читаться в следующем порядке л. 212—213 об., 221—229 об., 214—220 об.

¹⁶ Данный факт отмечен Г. С. Баранковой. См. Описание РГБ Ф 594 Собрание Г. Г. Юдина XV—XX вв. С. 9.

¹⁷ Восьмилитную, от которой сохранились лишь первые 6 л. Текст обрывается на конце л. 393, л. 393 об. — чистый. Возможно, писец планировал продолжить свою работу, но по каким-то причинам остановился после последнего слова поставлена маленькая точка, а не знак окончания раздела.

¹⁸ Начальные тетради «Златой цепи» (с 1-й по 6-ю) имеют филигрань «Латинская буква У», а последние (с 7-й по 10-ю) и л. 390—395 — водяные знаки «Агнец со знаменем». Весь сохранившийся текст «Космографии» выполнен на бумаге с водяным знаком «Голова мавра». Сохранившиеся тетради Юд (с писцовой нумерацией 6—24) имеют, как и «Космография», филигрань «Голова мавра», тетради 25—28 — «Агнец со знаменем», остальные тетради (29—31), включающие помимо окончания Юд Книгу Иисуса Навина, выполнены на бумаге с чередующимися водяными знаками обоих видов. Появление бумаги с водяным знаком «Агнец со знаменем» связано, таким образом, с заключительными этапами работы над Юд и «Златой цепью», в тетрадях «Космографии» эта бумага еще не использовалась.

¹⁹ Над текстом сборника работали два писца и два правщика. Первому писцу принадлежит весь текст «Космографии» и основная часть хронографа 10 первых тетрадей, 11-я (первые 3 л.), 13-я, 14-я, 17-я (с оборота начального листа), 19-я (2 последних листа) и 5 последних тетрадей с 20-й по 24-ю (без 2 фрагментов на л. 192 об., 202 об.). Второй писец подключился к работе первого с середины 11-й тетради Юд (с л. 105). Им почти целиком написаны также 12-я (без 4 фрагментов), 15-я, 16-я и 18-я (вторая половина — с л. 160 об.) тетради, 19-я тетрадь (первые 6 листов) писалась обоими писцами поочередно. В Книге Иисуса Навина первым писцом выполнены л. 212—213 об. (2 последних листа 24-й тетради Юд), 222—229 об., вторым — л. 214—221 об. (с окончанием Книги Иисуса Навина). Второй же писец написал весь текст «Златой цепи». Таким образом, конец «Космографии» и начало Юд «стыкуются» между собой не только утраченными тетрадями, но и почерком первого писца. Аналогично окончание Книги Иисуса Навина и начало «Златой цепи» зрительно объединены почерком второго писца.

К исследованию состава Юд были привлечены следующие источники: Еф (по указанному выше изданию О. В. Творогова), Тр,²⁰ ХГА;²¹ в отдельных случаях — Полная хронографическая паля (далее — Пп) по списку 1494 г.²² и Еллинский летописец второй редакции (далее — Ел-2), изданный О. В. Твороговым.²³ Что касается Еллинского летописца первой редакции, то его фрагменты в Юд не обнаружены.²⁴ На данном этапе изучения Юд удалось решить две задачи: определить его состав и доказать первичность по отношению к Еф.

Текст последнего получил в издании О. В. Творогова условное деление на фрагменты, пронумерованные римскими цифрами.²⁵ Эту структуру примем за основную «единицу измерения» Еф²⁶ при сравнительном анализе его состава с Юд.

Начало компиляции сохранилось лишь в Еф. Она озаглавлена «От книги царства Георгия мниха грѣшнаго» и начинается краткой историей человечества от Адама до потопа, основанной на фрагментах ХГА: 31.1—32.8; 33.13—34.2; 34.12—13 (Еф I—III). Далее следует изложение истории Ассирийского царства: рассказ о Навуходоносоре — пересказ ХГА 185.4—17 (Еф IV); выдержки (с пересказом) из Книги пророка Даниила: Дан. 1:1—5²⁷ (Еф V), Дан. 2²⁸ (Еф VI), Дан. 3:1²⁹ и Дан. 4:7—13, 15—23,

²⁰ Библиографию, исследование и издание текста Троицкого хронографа см Творогов О В 1) Древнерусские хронографы С 74—97, 2) Материалы к истории русских хронографов 3 Троицкий хронограф // ТОДРЛ Л, 1989 Т 42 С 287—343 Древнейший из сохранившихся полных списков Троицкого хронографа представлен в рукописи первой четверти XV в из собрания Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф 304, № 728) Непосредственно к троицкой рукописи восходит и список последней четверти XV в из собрания В М Ундольского (РГБ, ф 310, № 1), где текст Тр был существенно исправлен на полях Иваном Черным Третий известный список, так называемый Ленинградский, рубежа XV—XVI вв (РНБ, НСРК, F 15), написан в Вытегорской Покровской пустыни (находившейся недалеко от Архангельска) Далее списки обозначаются соответственно Т, У, Л Ссылки на Троицкий хронограф предворяются буквами Тр, далее следует номер фрагмента по изданию Творогов О В Древнерусские хронографы, затем в квадратных скобках — страницы и, через точку, номера строк по изданию Творогов О В Материалы к истории русских хронографов 3 Троицкий хронограф

²¹ Редакция ХГА посвящены два фундаментальных исследования Истрин В М Книги временныя и образныя Георгия мниха Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе Текст, исследование и словарь Т 1 Текст Пп, 1920, Т 2 Греческий текст «Продолжения Амартола» Исследование Пг, 1922, Т 3 Греческо-славянский и славяно-греческий словарь Л, 1930, Творогов О В Древнерусские хронографы С 98—110 Ссылки на издание ХГА даются по изданию Истрина (Т 1 Текст), указываются страница издания и, через точку, курсивом — номера строк

²² РГБ, ф 256, № 453 Ссылки на фрагменты Пп сделаны, однако, не по рукописи, а по изданию состава Пп О В Твороговым (Творогов О В Древнерусские хронографы С 240—260) и обозначаются Пп далее — номер фрагмента в этом издании

²³ Летописец Еллинский и Римский Т 1 Текст СПб, 1999, Т 2 Комментарий и исследование О В Творогова СПб, 2001 (ссылки на это издание обозначены Ел-2 и далее — страницы издания)

²⁴ Для сравнения был использован список рубежа XV—XVI вв ГИМ, Синодальное собр., № 280

²⁵ Творогов О В Материалы к истории русских хронографов 1 Ефросиновский хронограф С 263—268

²⁶ Указания на номера (римскими цифрами) фрагментов памятника предворяются буквами Еф

²⁷ Он находит параллель только в Ел-2, где библейский текст (Дан 11—21) читается без искажений (Ел-2 С 22—23) В Еф фрагмент разрезан вставкой, сходной с текстом Пп 31, 33 в кратком пересказе В Пп этот текст основан на Апокрифе о Данииле (Творогов О В Древнерусские хронографы С 241)

²⁸ После двух фрагментов (Дан 21—2, 12) текст Еф близок к Тр от слов «Ты, царю, видѣ сон» (список Т на л 257 об—258 об) (см Творогов О В Материалы к истории русских хронографов 1 Ефросиновский хронограф С 264)

²⁹ Список Т (РГБ, ф 304, № 728), л 258 об (см Там же С 265)

26—29, 31, 33, 30 (Еф VII); краткая история Иерусалима — пересказ ХГА 175.11—14, 176.25—26, 193.20—195.22, 196.10—12; фрагмент ХГА 197.18—25 заимствован без изменений (Еф VIII—X); перечисление царей персидских — ХГА 198.16—24 (Еф XI). Следующая часть озаглавлена (на верхнем поле л. 337 КБ-11): «О Александрѣ Макидонском». Она также открывается выдержками из ХГА: пересказ 42.1—11, 42.22—43.16 (Еф XII—XIII). Далее начинается текст хронографа в ЮД-2. Постатейный состав Юд в сравнении с Еф и с указаниями на источники дан в Приложении.

Общая часть Юд и Еф тематически охватывает историю правления Александра Македонского и его преемников, а также историю Египетского и Римского царств — до царствования императора Константина Зеленого, отца Константина Великого. На этом участке изложения одинаково читаются в Юд и Еф фрагменты: Еф XIX—XXIV, XXXII, основанные на ХГА и Тр.³⁰ Остальная часть Еф представляет собой сокращение или пересказ текста Юд.³¹ Целиком не вошли в состав Еф следующие статьи Юд: отрывок ХГА 299.5—17, озаглавленный «Царствоваши по Александрѣ суть сѣи» (л. 33 об.—34), выдержки из Тр об Ироде и его сыновьях (л. 41—42, 54), обширный рассказ ХГА: 206.7—217.2 о ветхозаветных пророчествах, предсказавших пришествие Христа и постигшую иудеев после его распятия божественную кару (л. 42—53 об.). В тексте Еф отсутствуют и вставки-заголовки Юд: «Царьство Егупетское» (л. 34), «Начал(о) Римьскаго царьства» (л. 36 об.).

На л. 126—136 в ЮД-2 следует продолжение хронографа, отсутствующее в Еф: христианский период византийской истории от Константина Великого до Юлиана Отступника. Рассказ базируется на извлечениях из Тр. Завершает Юд значительный фрагмент ХГА: 53.1—113.8, в котором Георгий монах излагает иудейскую историю до Иисуса Навина (л. 136—211 об.).

Итак, в Еф на общем с Юд участке читается сокращение текста Юд, выполненное без привлечения каких-либо других источников и с использованием элементов пересказа. Автором этой литературно-редакционной переработки и является, очевидно, Ефросин.³² Выясняется, однако, что Еф не восходит прямо к Юд: последний содержит в общих извлечениях из ХГА ошибки, не отразившиеся в Еф.³³ Следовательно, Юд и Еф независимо друг от друга восходят к их общему архетипу. Учитывая, как будет видно из дальнейшего, что источники статей ЮД-2 (включая Юд) восходят или непосредственно принадлежат к книжному собранию Кирилло-Белозерского монастыря (как и КБ-11), назовем архетипный вид Еф и Юд условно Кирилло-Белозерским хронографом (или сокращенно — КБ-Хр).

Еф позволяет с большой вероятностью восстановить утраченное в Юд начало. Оно представляло собой, очевидно, компиляцию извлечений из ХГА, а также выдержек в пересказе из глав 1—4 Книги пророка Даниила. Последние сходно читаются то в Тр, то в Пп, то в Ел-2. Состав

³⁰ Имеется в виду дословное совпадение текстов, исключая редкие писцовые ошибки. К сожалению, рамки статьи не позволяют привести соответствующие примеры.

³¹ Исключение составляет ремарка, принадлежащая, очевидно, Ефросину (см Приложение, комментарий к фрагменту 21 Юд). Далее ссылки на фрагменты Приложения предваряются обозначением Юд и указывается номер фрагмента, слово «Приложение» опускается.

³² Но не Юдинского хронографа, атрибуция которого нуждается в дополнительных исследованиях.

³³ Например, вторичные чтения в Юд «Надус», «ваи», «быти» «глаголет» вместо первичных чтений в Еф «Иаддусь», «вои», «бити», «глаголати» (ХГА 300 9 41 19, 41 24 41 25).

дальнейшего текста хронографа, той его части, которая сохранилась и в Еф, и в Юд, основан, как показал О. В. Творогов при анализе источников Еф,³⁴ на компиляции фрагментов ХГА и Тр. В продолжении КБ-Хр (читаемся только в Юд) в качестве главного источника использован Тр. не только в виде прямых цитат, как в предыдущей части, но и с элементами пересказа. Лишь в конце хронографа добавлены 2 фрагмента ХГА: 361 9—10 в пересказе (Юд 44) и 53.1—113.8 (Юд 45). Оба обрываются на середине фразы, что, скорее всего, говорит о механическом обрыве текста в источниках КБ-Хр. Первый из указанных фрагментов ХГА (Юд 44) совпадает с началом первой вставки из ХГА в Ленинградском списке Тр (Л), которых в Л насчитывается около 20.³⁵

Хотя текстологический анализ Тр в составе Юд не входит в задачи исследования, нельзя не отметить вслед за О. В. Твороговым наличие многочисленных вставок и пропусков в тексте Ленинградского списка Тр (по сравнению с Т и У), характерных также для Еф и Юд.³⁶ О. В. Творогов предположил, что Еф и Л имели общий источник — протограф Л, названный писцом последнего «митрополичьим бытием».³⁷ Юд вносит в эту гипотезу уточнение: имевшийся в распоряжении составителя КБ-Хр список Тр, похоже, содержал лишь первую половину памятника,³⁸ а «митрополичий» список был полным. Не исключено, что «митрополичье бытие» в какой-то момент было разделено на 2 тома, причем по границе, где в Л меняется характер извлечений из ХГА (они начинают читаться в более полном, чем в Т, объеме).

Характер заимствований из ХГА в КБ-Хр иной, чем в Л. Хроника использована здесь без элементов пересказа — на фоне существенного сокращения текста Тр. Редакции заимствований из ХГА в Л и Юд-2 также не совпадают.³⁹ Таким образом, внешне сходные компилятивные «проекты» в Л и КБ-Хр имеют принципиально различную «природу».

О. В. Творогов обнаружил также, что последовательность и границы некоторых извлечений из ХГА в Еф (начиная с фрагмента: Еф X) находят параллели с составом Пп.⁴⁰ Юд дает возможность продолжить эти наблюдения. Приведем их в виде таблицы (с указанием на страницы и

³⁴ Творогов О В Материалы к истории русских хронографов 1 Ефросиновский хронограф С 257—259

³⁵ В Л читаются дополнительно следующие извлечения из ХГА 361 9—19, 376 17—381 13, 382 12—23, 386 6—17, 392 16—27, 398 25—28, 399 16—26 428 18—20 429 15—433 21, 470 23—29, 486 1—2, 491 2—24, 495 2, 498 1—2, 498 18—27, 499 20, 21, 500 5—6, 501 8—502 23, 527 1—532 12 (см Творогов О В Материалы к истории русских хронографов 3 Троицкий хронограф С 290, 322, 324, 333—334, 338, 339, 341) Подчеркнутые фрагменты даны в пересказе. Вместо некоторых фрагментов Тр, также заимствованных из ХГА в пересказе, в Л — полный текст хроники ХГА 392 13—16, 398 23—25, 399 1—11, 490 25—491 2 (см Там же С 324, 341) В других случаях, сохранив сокращения Тр, Л более точно передает текст ХГА, например, 428 20—429 13 (см Там же С 333), ХГА 462 18—26 (см Там же С 338)

³⁶ За исключением большой лакуны в Л, отсутствующей в Юд Тр 98—108, 110—114 [С 300—302]

³⁷ Творогов О В Материалы к истории русских хронографов 3 Троицкий хронограф С 290 Согласно писцовой записи, текст Тр выполнен в Л с «митрополичьего бытия» Н Н Розов предположил, что этот список принадлежал митрополиту Спиридону-Савве посланному в Фералонтов монастырь между 1490 и 1494 гг и находившемуся там по крайней мере до 1503 г (Творогов О В 1) Древнерусские хронографы С 97, 2) Материалы к истории русских хронографов 3 Троицкий хронограф С 290, Дмитриева Р П Сказание о князьях владимирских М, Л, 1955 С 75, 77)

³⁸ До фрагмента Тр 171 [С 322] включительно

³⁹ В Л она соответствует второй редакции ХГА, разновидности гр Б О редакции ХГА в Юд-2 см ниже

⁴⁰ Творогов О В Материалы к истории русских хронографов 1 Ефросиновский хронограф С 259—260

строки по изданию ХГА В. М. Истрина). Не сохранившееся в Юд начало реконструировано по Еф (эти фрагменты ХГА заключены в квадратные скобки). Для сравнения в 3-м столбце указаны и параллели к извлечениям из ХГА в Тр.

Юд	Пп	Тр
[31 1—32 8, 33 13—34 2, 34 12—13, 185 4—17]		
[175 11—16]	176 25—26, 175 9—14	175 11—14,
[176 25—26]	176 25—177 8, 185 1—186 6—13	176 18—21, 176 25—177 8, 185 3—9,
[193 20—195 22, 196 10—12]	193 1—196 12	193 19—24,
[197 18—25]	197 16—198 4	197 17—198 4
[198 16—24]	198 5—6	198 5—6
[42 1—11, 42 22—43 16]	42 11—44 23, 45 14—24, 45 26—46 10, 46 23—47 2	
47 4—52 29	48 5—9, 48 19—49 21, 47 15—16	
199 1—204 19	199 5—10	199 5—18, 200 9—204 19,
299 5—17	299 6—7, 13—17, 18—29	299 18—29
300 6—16	300 1—5	300 1—5
41 13—27		
	извл 199 11—204 19	извл 199 5—202 21, 299 13—17
206 7—217 2	извл 207 25—217 2, пересказ 217 3, 5, 7—8	извл 207 25—217 2, 217 3—7
217 11—224 18		220 18—221 7
226 24—227 1		226 24—227 8
252 15—298 21	извл 262 11—268 1	252 23—253 17
300 17—302 16	300 17—301 2, 10—15	
53 1—113 8		

Последовательность и границы извлечений из ХГА в Юд находят соответствие то с Пп, то с Тр, но, как правило, шире по объему. Другие хронографические своды не дают такой картины. Сближение отдельных фрагментов КБ-Хр не с Тр, а с Пп отмечалось выше и при характеристике вводной библейской части Еф. Кроме того, некоторые фрагменты окончания Юд, отсутствующего в Еф, также сходно читаются в Пп, а не в Тр (Юд 33, 35, 36). Скорее всего, эта черта КБ-Хр обусловлена особенностями редакции его источника, содержавшего Тр.⁴¹ Причины параллельности заимствований из ХГА в Юд и Тр (Пп) пока не совсем ясны.⁴² Зато удалось обнаружить источник ХГА, которым воспользовался составитель КБ-Хр (или, правильнее сказать, список с этого источника).

Как видно из таблицы, ХГА вошла в состав Юд без сокращений и пересказа в следующих отрывках: 41.13—27; 47.4—52.29, 53.1—113 8, 199.1—204.19; 206.7—217.2; 217 11—224.18; 226.24—227.1; 252.15—298.21; 299.5—17; 300.6—16; 300.17—302.16. К этому следует добавить фрагменты ХГА, использованные в начале Еф: 31.1—32.8; 33.13—34 2; 34.12—13,

⁴¹ По всей видимости, редакция Тр в источнике КБ-Хр — более ранняя, чем в Т К аналогичному выводу пришел и О В Творогов, анализируя текст Еф (Творогов О В Материалы к истории русских хронографов I Ефросиновский хронограф С 259—260)

⁴² Наиболее вероятно предположить дополнение источника Тр составителем КБ-Хр фрагментами ХГА, взятыми из отдельного списка, часть из которых заменили заимствования из ХГА в Тр

42.1—11; 42.22—43.16; 175.11—14, 176.25—26, 185.4—17; 193.20—195.22; 196.10—12; 197.18—25; 198.16—24. Все вместе вошедшие в Юд и Еф извлечения из хроники точно укладываются в пределы двух больших отрывков в неполном списке особой, так называемой хронографической, редакции ХГА в кирилло-белозерском сборнике третьей четверти XV в. (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 7/1084; далее КБ-7⁴³): ХГА 27.1—113.8; 185.1—302.16.⁴⁴ Редакция ХГА в ЮД-2 и КБ-7 одна и та же.⁴⁵ Идентично читается в рукописях заглавие к началу большого раздела ХГА (53.1), имеющее общую вставку (подчеркнутый текст): «Начал(о) временик (так!) книгам о создании и о житьи Адамли, яко же Моисии боговидецъ исписа о бытьи всего мира, от Адама и до Христа». С другой стороны, обнаруженные разночтения свидетельствуют о независимом восхождении ЮД-2 и КБ-7 к общему прототипу. Приведем примеры первичных чтений ЮД-2, противопоставленных ошибочным в КБ-7:⁴⁶

ХГА	ЮД-2	КБ-7
56 23	погыбших телес с бернием	погыбших телес с вернием
57 25	рожьшимся от него сущим	рожьшимся от несоущим
58 10	Рагава	Гава
58 21	дадять имь написание	дадять нам написание
81 4	и Ара	—
284 9	будеть и измѣна, рече	и будеть изменена, рече

Яркой индивидуальной особенностью КБ-7 является систематическое выделение киноварью фрагментов текста ХГА, играющих здесь роль заголовков к главам и даже абзацам.⁴⁷ Эта черта нашла отражение и в ЮД-2. Из 79 киноварных фрагментов ХГА в КБ-7 в Юд выделены 78 и дополнительно — еще 8. Таким образом, киноварная акцентировка в КБ-7 и Юд восходит, как и текст ХГА, несомненно, к единому прототипу. Или

⁴³ По мнению исследователей, хронографическая редакция (т е редакция, отразившаяся в древнейших хронографических компиляциях и, по предположению О В Творогова, независимо от отдельных списков восходящая к архетипу перевода ХГА) сохранилась в виде отдельного списка только в КБ-7 (О рукописи и редакциях ХГА см Творогов О В Древнерусские хронографы С 12—13, 98—110, Водолазкин Е Г Хроника Георгия Амартола в новонайденных списках // ТОДРЛ СПб, 1992 Т 45 С 327—328) Однако в основе текста ХГА в КБ-7 лежал, как выяснилось, список первой редакции, имеющий лакуну, общую с протографом пергаменного Троицкого списка первой половины XIV в (РГБ, ф 173/1, № 100, л 22 об) от слов «Въ временех же царствия Финиковы» (ХГА 37 11) до «и по Дарию» (ХГА 38 30) Пропуск находится в КБ-7 на л 11 В одном из прототипов списка была сделана попытка восполнения лакуны Соответствующий текст был переписан из другой рукописи на двойной лист вместе с двумя повторно переписанными фрагментами, примыкающими к границам лакуны Этот лист попал не на место и «перевернулся» уже в протографе КБ-7, что нашло отражение на л 4 об —6 в КБ-7 Возможно, на этапе восполнения пропуска (с привлечением иного списка ХГА) была опущена правка всего текста рукописи

⁴⁴ Исключение составляют два фрагмента ХГА в Еф (Еф VIII) ХГА 175 11—14, 176 25—26, читающиеся также с небольшими сокращениями в Тр и Пп (Тр 2, 4, Пп 76, 78), а также три фрагмента ХГА в Юд (Юд 26, 31, 37) ХГА 304 23, 334 5—7, 344 11—13 Эти фрагменты могли являться частью Тр в списке составителя КБ-Хр, имеющем особую редакцию (см примеч 41)

⁴⁵ Имеется в виду тождество редакционных разночтений и наличие общих «индивидуальных» ошибок Для экономии места примеры не приводятся

⁴⁶ Примеры вторичных чтений Юд, противопоставленных первичным чтениям КБ-7, опущены, поскольку список КБ-7 старше ЮД-2

⁴⁷ Для отдельных списков ХГА традиционно оглавление, вынесенное в начало хроники (в КБ-7 его нет), и лишь несколько заголовков к большим разделам внутри текста

сама эта несохранившаяся рукопись, или ее копия находились в распоряжении составителя КБ-Хр.⁴⁸

Связь ЮД-2 с кирилло-белозерскими рукописями просматривается и на других составных частях этого сборника. Так, список «Космографии» Козмы Индикоплова в ЮД-2, по всей видимости, непосредственно копирует Кирилло-Белозерский лицевой список «Космографии» 70-х гг. XV в. (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 64/1141; далее: КБ-64).⁴⁹ Помимо передачи в ЮД-2 месторасположения миниатюр в тексте КБ-64 об этом свидетельствуют, например, пропущенная писцом ЮД-2 (на л. 326) строка КБ-64: «тоя краі с н(е)б(е)сными краі связа» (л. 23); пропуск в ЮД-2 (на л. 312 об.), связанный со случайным расположением слов: «отлагающе» и «притѣкающе» одно над другим в КБ-64 (л. 9 об.); общее для рукописей выделение «галочками» на полях некоторых фрагментов текста (КБ-64: л. 16 об., 17; ЮД-2: л. 319, 319 об.) и т. д.

С книжными источниками Кирилло-Белозерского монастыря связана и «Златая цепь» в ЮД-2. М. С. Крутова, занимаясь исследованием «Златой цепи», отметила совпадение первых ее 39 статей в ЮД-2 и в сборнике, выполненном в 1446 г. писцом Кирилло-Белозерского монастыря Олешкой (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 10/1087; далее — КБ-10).⁵⁰ Другой исследователь этого сборника Р. Романчук⁵¹ полагает, что и КБ-10, и ЮД-2 на участках текста «Златой цепи» обращались к одному прототипу, но независимо друг от друга, о чем свидетельствуют текстологические и кодикологические особенности памятников.⁵²

Таким образом, ЮД-2 восходит к тем же спискам КБ-Хр и «Златой цепи», что и сборники: КБ-11 (1490—1491 гг.) и КБ-10 (1446 г.) соответственно, а список «Космографии» в ЮД-2 является непосредственной копией с лицевого кирилло-белозерской рукописи КБ-64 (1470-х гг.) Со своей стороны источник ХГА, привлеченный составителем КБ-Хр, имел общий прототип с еще одним кирилло-белозерским сборником: КБ-7 (третьей четверти XV в.). Видимо, все эти факты указывают на возможность изготовления ЮД-2 в самом Кирилло-Белозерском монастыре.⁵³ Еф

⁴⁸ Интересно отметить, что и в КБ-7, и в ЮД-2 рассказ ХГА об Иисусе Навине (ХГА 111 16—113 8) продолжен библейской Книгой Иисуса Навина (в КБ-7 список полный) Читается она, правда, в разных редакциях, а в ЮД-2 снабжена и оригинальным дополнением к заглавию пересказом ХГА (111 16—17) В ЮД-2 редакция Книги Иисуса Навина сходна с У, включая общие ошибки (в У текст полный) В Т начало Книги Иисуса Навина (до Нав 6 22 включительно) совпадает с Коломенской Палеей 1406 г (РГБ, ф 304, № 38), включая толкования, далее текст следует библейскому изложению (Иллариий, Арсений, иером) Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры М, 1878 С 116)

⁴⁹ Филигранные рукописи близки водяным знакам в альбоме Е М Шварц (Шварц Е М Новгородские рукописи XV века Кодикологическое исследование рукописей Софийско-новгородского собрания ГПБ М, Л, 1989) «Корона», 2 парных знака (близкие знаки № 433, 437 — ок 1475 г), «Виноградная лоза», 2 парных знака (один близкий № 308 — 1470-х гг, а другой — идентичный № 313 — 1470-х гг), «Голова быка» большая с 7-лепестковой розеткой на стержне (знак, близкий № 231 — 1475 г), «Якорь» (знак, близкий № 565 — 1475 г), Готическая буква «Р», увенчанная розеткой, 2 парных знака (знак, близкий № 41 — 1470-х гг)

⁵⁰ См Крутова М С Сборники «Златая цепь» в русской письменности // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР Новосибирск, 1990 Вып 5, ч 1 («Златая цепь») С 14—15

⁵¹ Romanchuk R The Textual Community of the Kirillo-Belozerskii monastery Los Angeles, 1999 (Диссертационное исследование) библиография, описание и исследование писцовых записей на полях

⁵² Благодарю Роберта Романчука за устную консультацию

⁵³ В связи с этим нельзя не отметить встречающиеся в языке рукописи так называемые новгородизмы (характерные и для других северных регионов России) на л 38 об, 39 об,

является литературной переработкой (с сокращениями) КБ-Хр, выполненной кирилло-белозерским писцом Ефросином. Список в КБ-11 сохранил (хотя и с некоторыми сокращениями) утраченное в ЮД-2 начало КБ-Хр. Атрибуция КБ-Хр тому или иному книжнику (включая в первую очередь и самого Ефросина) остается задачей будущего.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Состав Юдинского хронографа¹

№ п/п	№ листов в Юд	Начало и конец фрагмента в Юд	Источники Юд	Соотв фрагм Еф
1	Л 22—28 об	<u>так о бо обычаи имяше Александр небо и землю</u>	ХГА 47 4—52 29	Еф XIV—XVI Пересказ ХГА 47 6—16, 48 1—3, 48 5—49 21
2	Л 28 об—33 об	<u>Ибо мужии вельмож Александрови царствия его разделивши свѣшав еврѣем</u>	ХГА 199 1—204 19	Еф XVII—XVIII Пересказ ХГА 199 2—18, 202 17—18
3	Л 33 об—34	<u>Царствоваши по Александ(р)ѣ суг сѣи Селевк довлѣши лѣт 200 и 50</u>	ХГА 299 5—17	
4	Л 34—36 об	<Царство Егупетьское> По оумертви Александра царя владѣвшим лѣт 200 и 90	Тр 67—69 [С 295 16—296 41]	Еф XIX—XX
5	Л 36 об	<u>По Вавилонѣскому восхождению оучительствовавши архиерѣи си суг(ь) Исус сын Седеков недель сем(ь) и недель 62</u>	ХГА 300 6—16	Еф XXI Пересказ ХГА
6	Л 36 об—38 об	<Начал(о) Римскаго царства> Бѣста два брата до кисаря Иоулия лѣт 464	Тр 60—65 [С 293 14—33, 35—48, 293 49—294 15]	Еф XXII—XXIII
7	Л 38 об—39	В нихъ же бысть и стратиг именем Малѣи Феврурия да зоветься	ХГА 41 12—27	Еф XXIV
8	Л 39—41	Правиша Римския скипетры оупати тѣло ея в Рим	Тр 76—82, 83 без окончания [С 297 18—26, 297 28—298 21]	Еф XXV Пересказ со значит сокращ

133 читается «кисаря» вместо «кесаря» (первый писец), на поле л 354 «о целовѣцѣ» вместо «о челоуѣцѣ» (второй правщик), на л 35, 39 об, 40 об (первый писец), 167 об, 220 об (второй писец) «зило» вместо «зѣло» Сборник, как уже отмечалось в начале статьи, принадлежал «попу Кипряню» В Описи Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г подобную рукопись (по составу и владельческой принадлежности) найти не удастся (см Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г / Сост З В Дмитриева, М Н Шаромозов СПб, 1998 С 121—136)

¹ Текст передан в упрощенной орфографии титла раскрываются, выносные буквы вносятся в текст, все древнерусские буквы, за исключением «ѣ», заменены современными, а кириллические цифры — арабскими Подчеркнуты киноарные фрагменты текста В угловых скобках — вставки Юд, отсутствующие в других памятниках Принципы отсылок на издания ХГА, Еф, Тр, состава Пп изложены выше, см примеч 20, 21, 22, 26

9	Л 41—41 об	Въ Иерусалимъ ино-племенника Анонила	Тр 89 без окончания [С 298 29—41]	
10	Л 41 об	Ирод же имяше <4> сыны Первыи Ирод Антипа напрасно порази его ангел Господень	Тр 93 без начала 94 без окончания [С 299 28—33, 37—38]	
11	Л 41 об—42	<четвертыи> Лисания, имяше кождо их и полъта и оумре	Тр 97 конец, 98 99 [С 300 35—44]	
12	Л 42—53 об	<u>При том сын древле мир сими связавши</u> Исус Христос воплотися Иосиф проиде	ХГА 206 7—217 2	
13	Л 53 об—54	<u>По Августъ же царствова Тивърии, сынъ его, лѣт 23</u> Тъ созда сын лѣт 30	Тр 100, 101, 102 [С 300 45—301 1]	Еф XXVI Пересказ Тр
14	Л 54	Ирод же в то время Понтиискому Пилату	Тр 103 без окончания [С 301 3—9]	
15	Л 54	<Бысть Спасная страсть Господа нашего Исуса Христа >		
16	Л 54—54 об	Тивърии же <слышав> яко Ирод земля живу	Тр 106 без начала [С 301 40—41, 42, 43—48]	Еф XXVII Пересказ Тр
17	Л 54 об	Ибо Тивирии цесарь царствовав лѣт 20 и 3	Тр 108 без начала [С 301 50—53]	Еф XXVII
18	Л 54 об	распенся Господь в пятемъ же десятъмъ святаючи недели	Тр 103 [С 301 12—13]	Еф XXVIII
19	Л 55—63 об	Въ едину субботу до конца ть и спасеться	ХГА 217 11—224 18	Еф XXVIII Пересказ ХГА 217 15—16
20	Л 63 об—64	<u>По Тивирьи же царствова Гай, Иоаннова мечем</u>	Тр 109, 110 без окончания [С 301 54—302 4]	Еф XXIX
21	Л 64	<u>Видѣвъ же²</u> Ирод и преста же	Тр 112 начало [С 302 11—12]	Еф XXIX Пересказ Тр
22	Л 64	Се Ирод Агрипа бѣху тогда	Тр 112 извлечение [С 302 12—13], 113 начало [С 302 17—18], 113 конец [С 302 29—30], 114 [С 302 30—31]	Еф XXIX
23	Л 64 об	<u>По Гай ж</u> царствова Клавдии мучен бысть	ХГА 226 24—227 1	Еф XXIX
24	Л 64 об—121 об	<u>По Клавдии ж лѣт 14</u> При том Симон волхв по Вознесенни же Христовѣ лѣт 42	ХГА 252 15—298 21	Еф XXIX (выдерж-ка и пересказ), Еф XXX, XXXI (пересказ ХГА 266 6—267 8, 298 17—21)
25	Л 121 об—124 об	<u>По Спасиане же царьствова Тит сын лѣт три</u> И в час студенѣишая и скрежет огня	ХГА 300 17—302 16 ³	Еф XXXII Пересказ ХГА 300 20—301 17

² В Еф вместо текста Юд, выделенного курсивом читается «Потом хотя убити и Петра Писано в Дианих Сеи»

³ Окончание текста ХГА в КБ-7

26	Л 124 об	По Титѣ царствова До- ментаян брат его лѣтъ 15	ХГА 304 23 (или Пп 183 начало)	Еф XXXIII
27	Л 124 об —126	Сему гонение воздвигшу Иоани Богословец сын Максиминов Ске- лия лѣтъ		Еф XXXIII
(Продолжение текста Юд, отсутствующее в Еф)				
28	Л 126	<Сии же Костянтин> Зелены наречен лица его ради блѣда	Тр 131 извлечение [С 313 49]	
29	Л 126—130 об	Имяше жену именем Феодорѣ, в Римѣ оу- биенаго Бысть же Кос- тянтин в Рим отпоу- щени быша	Тр 134 извлечения и конец [С 314 10—26, 28—35, 41—47, 315 2—3, 4—10 (с пропусками), 315 12—14 (пересказ), 19—25, 27—29 (с пропусками), 29—35, 36—37 (пересказ), 37—39, 40—41, 315 48—316 2 (с пропусками), 316 3—7 (пересказ), 8—12, 12—15 (пересказ), 19— 22, 316 26—317 4, 317 5—6 (с пропуском)]	
30	Л 130 об —131	Потом же Северу раб не купити	Тр 135 [С 317 7—8], 137 начало [С 317 22—28], 137 конец [С 317 32—34], 138 [С 317 36—41]	
31	Л 131	И жертвы отинуд не творити, и на распятие отсюду не осужати, на златицах же сего осужа- ти	ХГА 334 5—6, пересказ 334 6—7 ⁴	
32	Л 131—134	И жену имяше Макси- миноу вещи створити	Тр 139, 140, 141, 142, 143 начало [С 317 43—318 47], 143 конец [С 319 3— 15]	
33	Л 134	<При том> бысть пер- выи сбор святых отец 300 и 18 иже в Никьи	Пп 255 извлечение	
34	Л 134	Стар(е)ищ(и)ны же сбору бяху	Тр 148 извлечение [С 320 45] (или Пп 261)	
35	Л 134—134 об	Силивестр папа Рим- ский и Александр Кос- тянтина града, при Митрофанѣ патриарсѣ, Александр папа Алек- сандриский, Еоустафии патриарх Антиохи- ский, Макарий Иеруса- лимский	Ср Тр 149 [С 320 45—47], Пп 261	
36	Л 134 об	Снидошася же ся на Ариа <суеумнаго> прозвитера бывшего Александрийская <церкви>	Пп 262 (ср Тр 150 [С 320 47—48], ХГА 344 10—11)	
37	Л 134 об	хуляща Сына Божиа тварь бо тои глаголеши ни единосущна оцю темь сего прокляша святии отци	Пересказ ХГА 344 11—13 Ср Пп 256, Тр 145 [С 320 38—39], 146 [С 320 41]	
38	Л 134 об	Костянтину же пре- ставльшуся три сынове его царствова един лѣтъ 16	Тр 155 извлечение [С 321 26—27], 156 без окончания [С 321 27—29]	

⁴ Скорее всего, Юд сохранил текст механического пропуска в Тр и Пп (из-за сходного начала фрагментов «и жертвы» — «и жену») Фрагмент Юд продолжает цитату из ХГА в Тр 138 (Пп 248) ХГА 333 26—334 5

39	Л 134 об	И убьен бысть от лодии а [1-го?] брата его Костянтина царствова лет 24, арианин	
40	Л 134 об — 135 об	Великаго же Костянтина сыновца Гал бѣси исчезоша	Тр 163 без окончания [С 322 3—14]
41	Л 135 об	При семь Ефремѣ славяше	Тр 165 начало [С 322 25]
42	Л 135 об	знамение явися на небеси при Кирилѣ Иеросалимьстѣмь	Тр 166 [С 322 27—28]
43	Л 135 об — 136	По Костянтинѣ же Дию Ариа	Тр 167—171 [С 322 29—44]
44	Л 136	<u>И тако неблажены дасть закон, яко христиану</u>	Пересказ ХГА 361 9—10 ⁵
45	Л 136—211 об	<u>Начал(о) времяник [так¹] книгам от Адама и до Христа</u> Адам убо испытании и онѣх	ХГА 53 1—113 8 (со вставкой в заглавии)

⁵ Фрагмент читается только в Л (см Творогов О В Материалы к истории русских хронографов 3 Троицкий хронограф С 322, примеч 40) Текст Тр в Юд обрывается на середине фразы с нарушением смысла, что связано, видимо, с дефектом протографа ЮД-2 В Л далее следует продолжение вставки из ХГА (в пересказе) «не оучитися ни творческим ни риторским ни философским И рекыи „ибо нашими грамотами вооружаются на сопротивление намъ“» (ср ХГА 361 9—12)

О. А. БЕЛОБРОВА

О Хронографе с гравюрами Библии Пискатора (РНБ, Соловецкое собр., № 1525/189)

Хронограф с гравюрами Библии Пискатора (РНБ, Соловецкое собр., № 1525/189, далее — Солов. 1525/189) представляет собой сочетание древнерусского рукописного текста и листов цельногравированного нидерландского увража 1643 г. издания. В этом сложном по составу объемном фолианте (общим счетом в 790 л) преобладает рукописный текст; количество привлеченных из Библии гравюр в настоящее время достигает 363 л; не исключено, что и в рукописном тексте, и среди гравюр к настоящему времени образовались потери и утраты. Объединение текста и гравюр произошло достаточно давно. Для определения его времени необходимо учесть филигранные бумаги, на которой был переписан текст Хронографа. Примечательно, что переписчики располагали поистине неисчерпаемым запасом бумаги с одним и тем же знаком «Пеликан в круге», близким к № 1009 и 1110 — 1649 г. (Дианова, Костюхина, I). Стало быть, переписка состоялась не ранее середины столетия, в 1650-е или 1660-е гг. Текст переписчики располагали не только на чистых листах бумаги, вытянутых по горизонтали, но и на оборотах гравюр, а иногда и на полях лицевой их стороны. Это показывает, что переписка текста и включение гравюр в состав Хронографа происходили в одно и то же время. Но до сих пор не выяснено, по чьей инициативе и где выполнялась эта работа, соединившая отечественный исторический труд и гравюры иностранной Библии. Принадлежность Соловецкому монастырю этого иллюстрированного непривычным образом Хронографа, как нам уже приходилось отмечать, не была отражена в монастырских описях 1676, 1705 и 1711 гг.¹ Впервые Библию «в лицах» (т. е. с иллюстрациями) 1643 г. издания называет «Список старинных книг... в библиотеке Соловецкого монастыря», приведенный в XIX в. архиепископом Игнатием.² В 1885 г. вышел в свет очередной том описания соловецкого рукописного собрания, в котором учтен и охарактеризован «Хронограф с Лицевою Библиею, особого состава... XVII в.», числившийся «ошибочно между старопечатными книгами под № 189».³ Здесь обращено внимание

¹ Белоброва О. А. О библиях с гравюрами в русских библиотеках второй половины XVII—начала XVIII в. // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 306—322.

² Игнатий, архиеп. Истина св. Соловецкой обители против неправды Челобитной называемой о вере. 2-е изд. СПб., 1847. С. 204.

³ Порфирьев Н. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 112—122. О пребывании в Казани соловецкой библиотеки, эвакуиро-

на источники текста, указанные на полях киноварью: «От Гранографа», «Епифания Кипрьскаго», «Индикоплов», «От книги Селивестра папы римскаго», «О еллинских мудрецах», «О 12 сивиллах», в том числе Максима Грека, «Александрия», «Повесть о Тройском создании», «От Криницы», «Из Синаксаря», «От Алфавита» и др. После изложения Апокалипсиса и истории христианских царств археографами отмечен рассказ «о падении Царяграда по разным источникам», затем указана недостача 50 листов текста с началом русского летописца и его «остановка» на княжении великого князя Василия Васильевича. Почему-то проигнорированы многочисленные отсылки к тексту Библии «От Бытия», «От Библии», иногда с указанием «Книга Руфь», «Судьи израильские» и т. п.

Дальнейшие наблюдения над необычным хронографическим фолиантом с гравюрами относятся к началу XX в и принадлежат московскому историку И. М. Тарабрину. Ему удалось найти списки Хронографа, близкие тексту, сопровождающему гравюры Библии Пискаatora: РНБ, F XVII.17 (далее — F.XVII.17) и РГБ, собр. Ундольского, № 754 (далее — Унд. 754) (в этой рукописи отсутствует хронографическая часть, когда-то в ней находившаяся). И. М. Тарабриным предложена датировка составления этого Хронографа с Русским летописцем: между 1637—1661 гг.; а местом его создания признан Троице-Сергиев монастырь.⁴ К сожалению, эти выводы долго оставались незамеченными. Впрочем, и И. М. Тарабрин не оценил опыта А. С. Орлова, обращавшегося к сборнику F.XVII.17 и оставившего описание как его хронографической, так и русской части.⁵ О троицком происхождении сборника F.XVII.17 позднее определенно высказывался А. Н. Насонов,⁶ учитывавший и сборник Унд. 754. Б. М. Клосс, анализируя обе названные рукописи, независимо от И. М. Тарабрина определил их как летописно-хронографические компиляции, в которых использована Троицкая редакция Никоновской летописи. Этим компиляциям он присвоил наименование «Троицкий сборник». Касаясь первой части этого сборника, Б. М. Клосс отметил, что в ее основу «положен текст Хронографа редакции 1617 г., но он дополнен многочисленными источниками: „От Палеи“, „От Козьмины книги Индикоплова“, „От Криницы Георгия мниха“, „От русские повести“ и т. д.»⁷ Совершенно очевидно, что в Хронографе с гравюрами Библии Пискаatora переписана именно эта компиляция (текст Хронографа в ней не разделен на главы, отсутствуют и глоссы, характерные для редакции 1617 г.),⁸ хотя и с некоторыми отличиями и утратами. Бросается в глаза обширное цитирование, иногда целыми главами, славянской Библии (текст сверялся нами по Острожской Библии).

ванной с Севера во время Крымской войны, напоминают штампы «Библиотеки Казанской Духовной академии», оттиснутые прямо на гравюрах Библии, например, на л 16, 26 и др

⁴ Работы И. М. Тарабрина опубликованы в виде тезисов прочитанных им докладов 1) «Хронограф и Библия Пискаatora» Протокол 96-го заседания Славянской комиссии имп Моск. Археологич. о-ва 14 ноября 1907 г // Древности Труды Славянской комиссии МАО Т 5 Протоколы М, 1911 С 17—18, 2) Библия Пискаatora в истории русской письменности и искусства // Известия XV Археологического съезда в г Новгороде М, 1911 № 9 С 99—100

⁵ Орлов А С Исторические и поэтические повести об Азове М, 1906 С 28—40

⁶ Насонов А Н История русского летописания XI—начала XVIII в М, 1969 С 486—487

⁷ Клосс Б М Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков М, 1980 С 274—280

⁸ Творогов О В О Хронографе редакции 1617 г // ТОДРЛ М, Л, 1970 Т 25 С 162—177

Редактор и переписчик компилятивного хронографического текста получили в рукописи Солов. 1525/189 редкую возможность сделать наглядным избирательное изложение ветхозаветных и новозаветных событий. Формат гравюр, вытянутых по горизонтали (37 × 28.6 см), определил необычный характер фолианта, который получил вид громоздкого альбома в переплете (доски, обтянутые кожей), который относится, скорее всего, к концу XVIII в. Текст на листах (или на оборотах гравюр) расположен двумя широкими столбцами. Он переписан скорописью профессиональным писцом, с киноварными заголовками в тексте и на полях. Некоторые абзацы начинаются киноварными буквами. Сопоставление текста Хронографа с гравюрами и текстом рукописного сборника F.XVII.17 показывает общность каллиграфических приемов и применения киновари. И. М. Тарабрин считал, что «Соловецкий список (1525/189. — О Б) писан писцом, писавшим рукописи для Иоасафа Сороцкого», казначея, а затем келаря Соловецкого монастыря, который «принес от Троицы и Сергиева монастыря» Псалтырь в переводе Максима Грека.⁹ Заметим, что в хронографическую компиляцию включены и Сказание о Максиме Греке, и одно из его слов, и Псалтырь, вошедшие в неиллюстрированную часть фолианта.

Поскольку редактор (или писец) располагал и текстом хронографической компиляции, и гравюрами иностранной Библии, он размещал их по своему выбору и усмотрению. В частности, судя по оглавлению (почерком XVIII в.) и по записи XVIII в. на л. 14 об., начальные 6 л. в рукописи Солов. 1525/189 были заняты гравюрами «о исповедании православная христианская веры», которые в Библии Пискаatora различных изданий располагались в конце, либо перед Апокалипсисом, либо перед Деяниями апостолов. Остается неизвестным, каков был рукописный текст при этих гравюрах. Другое отступление, допущенное составителем или писцом хронографической компиляции, — это размещение пяти гравюр, посвященных истории праведного Иова, между сюжетами Быт. 34 и Быт. 37 (обычно эти пять гравюр в Библии Пискаatora находятся гораздо дальше — перед шестью гравюрами к Песни Песней). История Ионы и Товии опережает историю Иеремии, а новозаветные сюжеты-гравюры о блаженном духом (Мф. 5) рассеяны по разным частям фолианта (л. 110, 163, 265, 551). Переписчик заботился, чтобы сохранялась связь между текстом и изображениями на гравюрах. Так, на л. 235 об. (это оборот гравюры с сюжетом Суд. 16) читается запись: «О Сампсоне и о бытии его писано назади» и далее: «О Самоиле и о бытии его писано впреди».

Отметим определенную зависимость писца от графического образца печатной (Острожской) Библии. Это особенно заметно при воспроизведении концовок библейских текстов. Например, на л. 243 об. читаем: «Конец книзе Руфь, имать в себе глав 4», на л. 270 об.: «Конецъ 1 книги Царствъ, имать в себѣ глав 31» и т. д. Близость этих концовок, да и заголовков позволяет предположить, что писец держал перед глазами печатный экземпляр Острожской Библии, а не какой-то рукописный образец.

Вообще редактор и писец хронографической компиляции был, по-видимому, обеспечен источниками, упоминаемыми на полях, да и в тексте. Среди них неоднократно названы выписки «От инога Лѣтописца», «Из Еллинской истории», «Того же Еллинскаго писания». Одинаковые дополнения писца на полях к имени Диа (в отрывке из Еллинского лето-

⁹ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 73

писца) — «Зевесь или Зевсъ» — находим и в F.XVII.17 (л. 18 об.), и в Солов. 1525/189 (л. 43).

Обратим внимание на некоторые дополнения в хронографическом тексте Солов. 1525/189, при обращении к Псалтыри, со ссылкой «От русских повестей». На л. 249 об. читаем: «Есть же и в русских лѣтописаниях и повѣстях писано: Егда ходи в Иерусалим руский игумен Даниил и писал, како святые мѣста видѣл. Также архимандрит спаской Сергей да Игнатей ходиша в Царьград с митрополитом московским Пимином и смоленским владыкою Михаилом. И писаша пути своего шествие. И тот Даниил игумен еще при великом князе киевском Святополке Изяславиче, внуцѣ Ярославлѣ Владимерича великаго. И написал: Видѣл в дому Давыдовѣ столп велик, идеже Давид Псалтырь составил. А архимарит Сергѣи и Игнатей старец, егда быша в Иерусалимѣ, о том столпѣ Давыдовѣ тоже написали: а ходили при великом князе московском. А Трифон Коробейников при царѣ и великом князе Иване Васильевиче был в Иерусалимѣ и написал: На горѣ Сионстѣй есть пещера, гдѣ Давид Псалтырь сложил». Далее идет текст «От Гранографа».

На л. 411 об. помещена на полях еще отсылка «Из руские Степенные книги» (при изложении статьи о еллинских мудрецах): «О сем же Платонѣ идѣ писано есть, яко обрѣтены быша кости его при греческих царех Константинѣ и матери его Иринѣ, словесе ради, еже он написа: Аполон нѣсть бог, но жрецъ». В самом деле, это пересказ соответствующего текста Степенной книги.¹⁰

Сопоставляя текст нашего фолианта с гравюрами и рукописью F.XVII.17, мы убеждаемся, что писец первого имел определенное преимущество, поскольку располагал широкими листами альбомного формата, на которых можно было свободно размещать самые пространные тексты. Именно это обстоятельство определило более обширное цитирование Библии и позволило внести некоторые дополнения. Благодаря сочетанию красиво переписанного текста и гравюр, наполненных динамикой и барочной патетикой, книга-увраж получилась эффектной, необычной и парадной. Для кого она была изготовлена? Это остается неизвестным. Возможно, первые утраченные листы фолианта содержали какое-либо указание на его первоначальную принадлежность. Местом переписки мог быть Богоявленский монастырь в Московском Кремле или Печатный двор. Во всяком случае, Троицкий сборник F.XVII.17, иногда называемый Хронографом Арсения Суханова, испещрен дополнениями на полях почерком последнего, жившего и в Москве, и в Троице-Сергиевом монастыре, знавшего лучшие книжные собрания, где хранились летописи, исторические хроники и различные раритеты вроде иностранных иллюстрированных Библий. Объединение хронографической компиляции с гравюрами Библии Пискатора могло быть задумано и выполнено широко образованным, искушенным книжником, имевшим возможность получать лучшую бумагу, привлекать лучших писцов и свободно распоряжаться привозными западноевропейскими гравюрами. Возможно, экземпляр Библии Пискатора, 1643 г. издания, был привезен в Россию в виде отдельных подборок-тетрадей, без переплета. В таком случае составитель необычной книги-альбома мог более свободно манипулировать размещением гравюр и рукописного текста. Каким-то образом книга-увраж ускользнула из мира столичных книжников, где она, без сомнения, была переписана. Ее путь на Соловки остается неясным; с Соловецким собранием в XIX в.

¹⁰ Книга Степенная царского родословия Ч 1 // ПСРЛ СПб, 1908 Т 21, первая половина С 166

она побывала в Казани и затем была вместе с ним водворена в Петербург, в РНБ. И здесь к ней стали обращаться историки, чаще искусствоведы, причем уделялось внимание главным образом гравюрам и подписям к ним, а не тексту Хронографа. А вот русские подписи к гравюрам внесены были гораздо позднее, не ранее конца XVII—начала XVIII в. Первоначально гравюры сохраняли первоначанный вид (кроме л. 386, Тов. 2:4, где киноварью писец хронографической части вписал пословный перевод латинской подписи).

В настоящей работе мы не касаемся древнерусских прозаических и виршевых дополнений к гравюрам. Они относятся к концу XVII или даже к началу XVIII в. и указывают, может быть, на смену первоначального владельца этой редкостной книги, самой первой в России включившей в русский текст иностранный уваж, — Библию Пискаatora, русификация которой представлена здесь совершенно необычным, более нигде не повторившимся путем.

Е. Г. ВОДОЛАЗКИН

Хронографическая компиляция XVII в. («Соловецкий хронограф»)*

Есть памятники, принадлежащие к почтенным хронографическим семьям, например тексты круга Хронографа по Великому Изложению или тексты, восходящие к Русскому хронографу. Взаимоотношения этих памятников подробно исследованы О. В. Твороговым, показавшим, как те или иные группы хронографов отражают определенные архетипные редакции.¹ Вместе с тем существуют единичные, как бы «случайные» хронографические тексты, представляющие для исследователя немалый интерес. В отличие от ряда сводов, названных О. В. Твороговым «хронографами особого состава»² и зачастую представляющих собой безыскусное соединение больших фрагментов текста по хронологическому принципу, эти хронографы демонстрируют недюжинное мастерство компиляции. В настоящей статье речь пойдет об одном из таких хронографов, читающемся в рукописи Соловецкого собрания РНБ, № 866/976. Исследование этого текста показало, что, несмотря на сложившуюся традицию,³ не следует рассматривать его в качестве одного из списков Краткой Хронографической Палеи. На наш взгляд, более справедливым представляется считать его отдельным памятником. По месту хранения этого хронографа предлагаем назвать его Соловецким.

Рукопись Соловецкого собрания является конволютом. Часть сборника, содержащая Соловецкий хронограф (далее — Сол.), соответствует л. 1—227 об. и датируется 30—40-ми гг. XVII в.⁴ Эта часть рукописи на-

* Статья написана при финансовой поддержке Благотворительного Фонда содействия отечественной науке

¹ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975

² Творогов О. В. Задачи и перспективы издания хроник и хронографов // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 189

³ Истрин В. М. Редакции Толковой палеи СПб., 1907. Ч. 1—5. С. 62, Творогов О. В. Палея хронографическая // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 161

⁴ В кодикологическом описании сборника ОР РНБ, Соловецкое собрание, № 866/976, подготовленном М. А. Шибасвым, рукопись характеризуется так: «Кодекс является конволютом форматам в 4^о. Переплет реставрирован, однако сохранилась частично кожа с верхней и нижней крышек переплета и с корешка со слепым тиснением. Ремни и замки новые после реставрации»

Характеристика письма: 1-й почерк — скорописный полуустав XVII в. 2-й почерк — скоропись XVII в. 3-й почерк — скоропись XVII в. 4-й почерк — полуустав XVII в. 5-й почерк — полуустав XVII в. 6-й почерк — скоропись XVII в. 7-й почерк — скоропись XVII в. 8-й почерк — скоропись XVII в.

Первым (основным) почерком переписана большая часть кодекса. Эта часть, содержащая Соловецкий хронограф, создана, судя по филиграням, в 30—40-х гг. XVII в. Этим же почерком переписано на л. 244—270 „Сказание от Адама“ и продолжающий его на л. 270 об. — 291 об. летописец («Зачало в Руси великому княжению и царем»), доводящий свое изложение

писана одним почерком. Начало хронографа (и, соответственно, его заглавие) в рукописи утрачено:⁵ сохранившийся текст памятника начинается словами «...и источници и смена того ради остави Богъ» (л. 1). Текст Сол. представляет собой компиляцию преимущественно двух памятников — Краткой Хронографической Палеи (далее — КП) и Исторической Палеи. Составитель этой компиляции делил текст источников, как правило, на небольшие фрагменты, которые затем соединял друг с другом. Для того чтобы составить представление о том, на какие небольшие отрезки автор Сол. делил текст своих источников, укажем, что в рассматриваемом хронографе нам удалось выделить около 200 фрагментов КП. Добавим также, что текст КП, представленный в Сол., соответствует Первой, т. е. древнейшей, редакции этого памятника.⁶

Компиляция не имеет протографов: она составлялась непосредственно при создании Соловецкого списка. Об этом свидетельствует ряд зачеркнутых «лишних» фрагментов текста, которые по ошибке были переписаны сверх намеченных пределов. Так, на л. 77—78 об. помещен фрагмент текста Исторической Палеи о Моисее,⁷ оканчивающийся словами «...и от велмож его. *Во един же день...*». Слова, выделенные курсивом, в рукописи зачеркнуты: они были случайно «захвачены» писцом при сплошном переписывании Исторической Палеи. Далее следует фрагмент КП. Подобного рода «швы» можно заметить также на л. 21 об., 22 об., 42 об., 58 об., 78 об., 94, 107. В ином случае в связный текст КП о столпотворении вставлена фраза Исторической Палеи (выделена курсивом), но затем зачеркнута: «...и еще не совершень бысть, *раздели Господь Богъ устыи вся земля и дасться сице опаки Богу неугодно дѣло их*» (л. 21 об.). Очевидно, автор первоначально предполагал вставить эту фразу в текст компиляции, начал ее переписывать, но затем счел неуместной — и вычеркнул.

Текст источников в Сол. несколько изменен (часто — в сторону упрощения), внесен также ряд небольших уточнений. Замена и исправлениям подвергается преимущественно текст КП. Так, при заимствовании из КП апокрифа об Аврааме, где повествование в 3-м лице последовательно не выдерживается, текст «и разгнеवासя на мя отецъ мой и посемь рече ми» автор Сол. исправляет на «и разгнеवासя Фара на Авраама и посемь рече ему» (л. 23 об.). Вместо чтения КП «желѣзу дѣлецъ и злату» в Сол. находим «ковачь» (л. 13), вместо «исполини» — «волотове» (л. 16 об.), вместо «и годѣ бысть глаголь сеи» — «люба бысть рѣчь сия» (л. 59), вместо «и прослы купля жить в земли египетъстеи» — «слыша Иаковъ во Египте продають жито» (л. 61 об.), вместо «великимъ гласомъ» — «великимъ кричаниемъ» (л. 63) и т. д. Кроме того, в тексте Сол. (в частности, в рассказах об Аврааме и Иосифе Прекрасном) существует целый ряд фраз или коротких отрезков текста, источник которых неизвестен. Они, как правило, выполняют роль связок, и это дает возможность предположить, что фразы эти принадлежат самому составителю хронографа.

до событий 7121 (1613) г — до избрания на царство Михаила Романова. Остальные части были написаны позднее в 60—70-х гг XVII в» Полный текст описания рукописи см Шибаев М. А. Кодикологическое описание петербургских списков Краткой Хронографической Палеи // ТОДРЛ Т 56 (в печати)

⁵ Поскольку 1-я тетрадь сборника содержит не 8, как остальные тетради, а 6 листов, можно предположить, что утрачены были 2 начальных листа рукописи, наличие в сборнике потетрадной пагинации исключает возможность предположения утраты большего числа листов (см описание рукописи, выполненное М. А. Шибаевым)

⁶ См. Водолазкин Е. Г. Редакция Краткой Хронографической Палеи // ТОДРЛ Т 56 (в печати)

⁷ Ср. Попов А. Книга бытия небеси и земли // ЧОИДР 1881 Кн. I С. 62—64

Следует отметить, что в процессе работы компилятора характер использования им источников менялся. Во второй половине Сол. многие фрагменты являются в большой степени пересказом источников, некоторые тексты источников сокращены, другие — дополнены (в ряде случаев, возможно, за счет собственных комментариев составителя). В первую очередь это касается заимствований из КП: они подвергаются гораздо более существенным изменениям, чем чередующиеся с ними заимствования из Исторической Палеи. Возможно, Историческая Палея, рассматривавшая историю не столько как континуум, сколько как совокупность отдельных сюжетов, более соответствовала вкусу создателя Сол. Все сюжеты двух главных источников хронографа внимательнейшим образом сопоставляются автором между собой. Это особенно заметно при использовании им родственных друг другу текстов. Так, скажем, апокрифическое повествование о детстве Моисея сочетает в Сол. сходные рассказы КП и Исторической Палеи (л. 76 об.—77).

Круг источников Сол. не ограничивается КП и Исторической Палеей. Составителем хронографа использован ряд библейских текстов. Они помещены вперемежку с текстами обеих палей и подчас являются не прямыми цитатами, а пересказом. Возможно также, что тексты эти заимствовались из каких-то других хронографов и несут на себе печать их переработки. Нами отмечены следующие случаи включения библейского текста в хронографическое повествование. В сообщении о странствиях евреев в пустыне читается пересказ Книги Чисел (11:16—35), фрагмент КП о судьях дополнен по Книге Судей (3:8), описание Голиафа взято из 1-й Книги Царств (17:4—7). Текст о сражении Давида с Голиафом является, видимо, кратким пересказом фрагмента 1-й Книги Царств (17:38—50). В рассказах о ките, о Давиде и Мелхале использованы фрагменты 2-й Книги Царств (6:16—17, 20—23), соединенные с неизвестным текстом. Помимо этого в Сол. есть ссылка составителя на «Бытие», которую контекстуально нельзя соотносить с Книгой Бытия: «В Библии писать в Бытии, яко по Сампсоне не бысть судии во Израилии лѣтъ 40, и быша в самовластии никимъ водими, яко овцы...» (л. 171—171 об.). Подобную же фразу встречаем и на л. 187 об.: «В ыных лѣтописцах и в Библии писать в Бытии, яко по Самсонѣ не бысть судия во Израилии лѣтъ 40». Под «иными летописцами», вероятно, следует понимать КП, где, в отличие от Книги Судей, есть фраза о 40-летнем отсутствии судей после Самсона.

В текст Сол. включено также апокрифическое Сказание о чаше Соломона (л. 214—215 об.). Этот текст соответствует тому типу Сказания, который представлен в рукописи РНБ, Погодинское собр., № 1558, л. 109—109 об.⁸ Из текстов, источник которых нам неизвестен, упомянем родословие Христа, Богородицы и Иоанна Предтечи (л. 178—179 об.), фрагмент о Давиде (л. 199 об.—200), раздел «О церкви Святая Святых, юже царь Давыдъ видѣ духомъ, егда восхищен бысть на небеса» (л. 210 об.—211 об.), фрагмент о Соломоне (л. 212—214 об.).

Бросается в глаза особое внимание создателя Сол. к хронологии. Эсхатологические задачи его хронологических выкладок становятся очевидны уже с начальных листов хронографа: «И бысть Адам и Евва в Раи от третяго часа до шестаго по образу Божию, якоже Господь наш Иисусь Христось в земномъ серцы затвори себе и в третий день воскресе. И постави Богъ противу седми днеи 7000 лѣтъ, а осмои тысящи нѣсть конца, еже есть осмый день, сирѣчь вѣкъ, не мерцаая бесконечный. Въ

⁸ Ср. Попов А. Н. Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христе. СПб., 1894. С. 6—7 (Изд. ОЛДП. Т. 104).

едина день, тои есть в субботу, прообразова гроб и воскресе во осмый день великии, понеже во осмый день по воскресении приидеть ко ученикомъ своимъ к дверемъ затворенымъ увѣрити Фому. Якоже во осмый день обрѣзася по закону Моисеову явѣ есть, во осмый вѣкъ, сирѣчь во 8000, приидеть ти на облацѣ судити живымъ и мертвымъ и воздасть комуждо по дѣломъ его. Мню, яко в самыи тои день приидеть Господь судити вселенѣи вправду в неделю Фомину, якоже бо неделя имать семь днии противу жития чловѣча. Первое рождение чловѣче, вторыи день юноша, третиии день муж совершень, четвертыи день средовѣчие, пятыйи день сѣдина, шестыйи день старость, седмыи день скончание» (л. 6 об.—7).

Создатель Сол. внимательно проверяет данные своих источников, в первую очередь — КП, что-то исправляет или добавляет (например, на л. 40 читается маргиналия с указанием времени явления Троицы Аврааму), допуская, правда, порой неточности (так, за дату рождения Измаила он принимает 3346 г., относящийся в КП к обрезанию, и вносит в своем тексте исправления на л. 35 об.). Создатель Сол. проявляет себя как незаурядный текстолог, сопоставляя данные различных имевшихся у него источников, в том числе некоего «подленного» летописца, которые не совпадают с данными КП. Он отмечает, например, что за описанием царствования Соломона следует рассказ о Сенахириме (а не о Ровоаме, как в КП): «В лѣта 4404. А индѣ пишетъ в полныхъ перечняхъ лѣтописныхъ нача царствовати по Соломонѣ сынѣ его Ровоамѣ в лѣта 4502, а о Сенахиримовѣ царствѣ инде не пишетъ, токмо о немъ пишетъ в Соломоновѣ царствѣ» (л. 217). Включив в повествование царствование Сенахирима, составитель Сол. последовательно увеличивает датировки КП на 4 года (т. е. на время его царствования по данным составителя). При этом последовательно упоминаются данные «подленного» летописца, отличающиеся почти на столетие. На этом отрезке Сол. некоторые события иначе, по сравнению с КП, распределяются по царствованиям, описания становятся краткими, что весьма затрудняет установление источника. Более или менее подробно по КП в этой части хронографа излагается лишь история Даниила и трех отроков. Даты рассчитываются даже там, где в КП их нет.

О хронологических подсчетах и о трудностях, присущих работе хронолога вообще, в Сол. говорится так: «От Моисеова умертвия до Самоила пророка лѣтъ 520, а по Библии 540 лѣтъ; а от Адама до Самоила пророка лѣтъ 4349, а по Библии лѣтъ 4389. От исхода изъ Египта сыновъ Израилевыхъ чрезъ Чермное море до Саула перваго царя израильтскаго 459 лѣтъ, а инде пишетъ по исходѣ сыновъ Израилевыхъ изъ Египта до Саула, царя иерусалимскаго, лѣтъ 550, а по Библии 570 лѣтъ; а от Адама лѣтъ 4281; а по Исусѣ Наввинѣ до перваго царя израильтскаго Саула инде пишетъ лѣтъ 523, а по Библии станеть 543 лѣта. Глаголет же ся в Деянии апостольскихъ от Моисеова умертвия до Самоила пророка лѣтъ 450. Обрящем же излише по сему лѣтописцу лѣтъ 70, а по Библии излише 90 лѣтъ. Сие не апостольское писание погрешити, но преписующаго погрешение бысть. Долгаго ради времени пишемая стираются и незнаема бывають, якоже се егда у „тверда“ едина чертица сотрется, то нѣсть разумѣти, „твердо“ ли было или „покои“. Также и верхняя черта у „покоя“ сотрется, также невѣдомо естъ, „покои“ былъ или „иже“, да тѣмъ в трисотномъ числѣ осмьдесятое мнится и в осмьдесятомъ восьмь мнится и прочее» (л. 188—188 об.).

Этот же текст мы находим в данной рукописи на л. 248 об.—249 в составе другой историографической компиляции. Речь идет о памятнике, помещенном на л. 244—270 и озаглавленном: «Сказание от Адама лѣтописи по родословию и от коего колѣна поидоша царие, судия же,

владѣльцы над Израили и колко кто лѣтъ ими владѣль и о прочих царствах мимотекущаго кола сего» (л. 244, далее — «Сказание от Адама») В начальной части «Сказания от Адама» (л. 244—259 об.) очевидно использование «Летописца вскоре» патриарха Никифора, в этой же части привлекалась, возможно, и КП (ее относительные датировки), далее частично используется статья «Царствующици царие в Константиѣ градѣ, православнии и еретицы» (заглавие цитируем так, как оно приведено в данной рукописи). Вероятно, что в число источников «Сказания от Адама» входил и Летописец Еллинский и Римский второй редакции. В пользу этого свидетельствует фрагмент о Юлии Цезаре: «Иулии Кесарь в лѣта 5440 и облада Римомъ 18 лѣтъ, от негоже и прочии кесари в Римѣ наречени быша, и тои вдасть законъ индиктомъ и високость изобрѣте и месяцомъ имена нарече. В лѣта 4983-е римская область преже Иулия кесаря строима бысть ипаты 465 лѣтъ. По Иулии же царствова кесарь Август, нача царствовати в Римѣ в лѣта 5458-е, а царствова 56 лѣтъ и месяцъ 6» (л. 254).⁹ Аналогичный текст содержится также в Русском хронографе,¹⁰ но текст Летописца Еллинского и Римского к приведенному фрагменту ближе. Оканчивается «Сказание от Адама» сообщением о падении Константинополя в 1453 г. (далее его продолжают известия из русской истории). Следует полагать, что речь в данном случае идет об одной из поздних редакций того же памятника, который на рубеже 20—30-х гг. XVI в. переписывался в скриптории Михаила Медоварцева.¹¹ Вообще говоря, памятник этот был довольно распространенным, и текст его не был стабильным. Так, в сравнении с Соловецкой рукописью «Сказание от Адама» в рукописи Q.XVII.23 представляет некоторые изменения. Кроме того, ряд чтений, присутствующих в Соловецком списке в виде маргиналий, здесь включен в текст.

Таким образом, «Сказание от Адама» послужило одним из существенных источников Сол — в первую очередь в области хронологических расчетов. Можно предположить, что переписка «Сказания от Адама» (а написаны оба текста одним почерком), произведения относительно небольшого, вдохновила книжника на создание масштабного исторического полотна, каковым и явился Сол. В основу этой компиляции были положены Краткая Хронографическая Палея и Палея Историческая. Это сочинение доведено до сообщения о воскресении Христа в царствование Тиберия. Являясь автографом исторической компиляции, Сол. предоставляет исследователю редкую возможность глубже познакомиться с процессом создания подобных текстов.

⁹ Ср. Летописец Еллинский и Римский Т 1 Текст / Основной список подгот. О В Твороговым и С А Давыдовой, Вступ. статья, археографич. обзор и критич. аппарат подгот. О В Твороговым СПб, 1999 С 190

¹⁰ См. ПСРЛ СПб, 1911 Т 22, ч 1 С 228. Не исключено, впрочем, что Русский хронограф использовался в следующем далее тексте («Зачало в Руси великому княжению и царемъ») На л. 284 помещен фрагмент, напоминающий завершающие фразы Русского хронографа (ср. ПСРЛ Т 22, ч 1 С 439—440)

¹¹ См. Синецкина Н В Третий Рим Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.) М, 1998 С 200 и далее

М. Б. СВЕРДЛОВ

Киевский собор св. Софии как источник исторической информации

Изучению Софии Киевской посвящено бесчисленное количество работ. Она анализировалась как памятник архитектуры, как замечательное явление древнерусской, византийской и мировой культуры. обстоятельно изучались и дискутировались историко-архитектурные вопросы ее строительства, внутреннее убранство, прежде всего мозаики и фрески, а также надписи и граффити. Наряду с таким подходом к изучению Софии Киевской она может исследоваться и как самостоятельный источник исторической информации. Тогда возникают вопросы идейного содержания данного памятника, времени его создания, а также новые исследовательские темы, относящиеся к идеологии и социальной психологии средневекового общества. Данная работа посвящена последней группе вопросов. При этом основным в методике анализа становится системный подход изучения Софии Киевской в политической и идейной ситуации первой половины XI в., когда она была возведена (освящена в 1046 г.).

Возведение храма Софии Киевской находилось в определенном политическом контексте. Ярослав Мудрый впервые вокняжился в Киеве в конце 1015 г. после победы над Святополком в Любечской битве.¹ Как сообщают «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ) и хроника Титмара Мерзебургского, 22 июля 1018 г. польский князь Болеслав Храбрый, подерживая своего зятя Святополка, который нашел у него убежище, вторгся в пределы Русского государства на Волынь со своим войском и вспомогательными отрядами 300 саксонских, 500 венгерских и 1000 печенежских воинов. Болеслав вышел на Западный Буг, где его ждало войско во главе с Ярославом, и разбил его. Ярослав бежал в Новгород, а уже 14 августа Болеслав и Святополк вошли в Киев. Там их «почтил» с мощами святых киевский «архиепископ» в пострадавшем от пожара «соборе (monasterium) святой Софии». Но после месячного пребывания в Киеве Болеслав в результате восстания вынужден был поспешно уйти, захватив на обратном пути так называемые Червенские города на Волыни. Ярослав вновь вокняжился в Киеве в конце 1018 г.² Но уже в 1024 г. тмутараканский князь Мстислав Владимирович отправился с войском на Ярослава, так что после кровопролитной Лиственской битвы и Городец-

---

¹ О хронологии этих событий см. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания М., 1963 С. 224—225

² Латиноязычные источники по истории Древней Руси Германия IX—первая половина XII в. / Составление, перевод и коммент М. Б. Свердлова М., Л., 1989 С. 68—68, Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. Тексты, перевод, комментарий М., 1993 С. 142—143, 180—205, см. там же литературу

кого мира, заключенного в 1026 г., «Русская земля» была разделена по Днепру: Правобережье стало владением Ярослава, Левобережье — Мстислава. Ярослав, опасаясь брата, постоянно находился в Новгороде, управляя Киевом своими «мужами»-посадниками. Все же в 1031 г. братья объединили свои войска, совершили победоносный поход на Польшу и вновь заняли Червенские города. В 1036 г. Мстислав умер, Ярослав завладел его землями, а летописец о нем написал: «...и бысть самовластець Русьстѣи земли».³

Теперь Ярослав мог преобразовать стольный город своего государства. Он превратил Киев в огромную строительную площадку. В ПВЛ под 6545 (1037) г. записано: «Заложы Ярославъ городъ великыи, у него же града суть Златая врата; заложы же и церковь святыя Софья, митрополью, и *посемь* церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородица Благовѣщенье, *посемь* святого Георгия монастырь и святыя Ирины».⁴ Это строительство должно было придать новый облик столице Русского государства, столь пострадавшей во время междукняжеских распрей 1015—1018 гг., но имело оно также значительное идейное содержание.

Новые оборонительные сооружения вокруг Киева, «город Ярослава», защищали значительную территорию в 80 га. В них были возведены Золотые и другие проездные ворота, ныне не сохранившиеся башни, причем Золотые ворота повторяли название константинопольских. Длина вала составляла ок. 3,5 км, высота — более 12 м, ширина — до 20 м. При его строительстве в течение 4 лет должно было быть занято около 1000 человек. На гребне вала были возведены наземные деревянные стены.⁵

В пределах новых городских укреплений были построены Софийский собор, церкви св. Георгия и св. Ирины, небесных покровителей Ярослава и его жены. Они также повторяли посвящения одних из наиболее почитаемых константинопольских храмов. М. К. Каргер отметил демонстративность названия князем новых киевских сооружений подобно прославленным цареградским постройкам. Впрочем, А. И. Комеч предположил, что с равным основанием можно сказать о таком их именовании из подражания.⁶ По нашему мнению, оба эти наблюдения не исключают, а дополняют друг друга, поскольку названия и посвящения в средние века являлись символами, которые указывали на традицию, но одновременно были или могли стать знаком альтернативности, самостоятельности. Как думает П. П. Толочко, такое строительство отражало соперничество Киева с Константинополем вследствие его стремления к уравниванию прав на христианское наследие.⁷ Но такое предположение, видимо, не учитывает несопоставимости в то время этих двух городов ни как явлений градостроения, ни как центров уже древней патриархии и только что созданной митрополии, ни различий в положении василевса как главы огромной империи и христианского (или православного) мира и русского князя — главы «нового» христианского народа.

³ Повесть временных лет / Подгот текста, перевод, статьи и коммент Д С Лихачева 2-е изд СПб, 1996 С 62—66

⁴ Там же С 66 Курсив наш

⁵ Раппопорт П А Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв Л, 1956 С 96—97 (Материалы и исследования по археологии СССР № 52)

⁶ Каргер М К Древний Киев М, Л, 1961 Т 2 С 256, Комеч А И Древнерусское зодчество конца X—начала XII в Византийское наследие и становление самостоятельной традиции М, 1987 С 230

⁷ Толочко П П Киев — соперник Константинополя // Южная Русь и Византия Сб науч трудов (К XVIII Международному конгрессу византистов) Киев, 1991

Таким образом, можно предположить, что комплексное строительство Ярослава в Киеве, повторяющее в названиях знаменитые константинопольские здания и оборонительные сооружения, в конкретных общественно-политических обстоятельствах Руси второй половины 30-х—первой половины 50-х гг. XI в. свидетельствовало о его намерении создать новый Киев как новый Константинополь. При этом построенные церковные и светские здания, включая Золотые ворота, представляли собой единый архитектурный ансамбль.

Особое идейное значение строительной деятельности Ярослава его соратник, церковный и культурный деятель Иларион, переосмыслил в том, что Софию Киевскую он сопоставил с возведенным царем Соломоном знаменитым храмом в Иерусалиме.⁸ Такое сопоставление было естественно для русских христиан XI—начала XII в., которые таким образом включали русскую историю в единый контекст всемирной истории как истории библейской. Так же поступил автор ПВЛ, который начал повествование «откуда есть пошла Руская земля...» с изложения всемирной истории по Ветхому Завету. Между тем в новейшей исследовательской литературе распространилось мнение, что Киев, подобно Константинополю, понимался тогда как Новый или Второй Иерусалим, противопоставленный Иерусалиму ветхому.⁹ В продолжение таких наблюдений И. Н. Данилевский предположил, что Ярослав своим строительством новых укреплений и каменных зданий Киева создавал «Новый Иерусалим», а городская структура Константинополя «отстраивалась во образ Иерусалима». Кроме существования в Иерусалиме Золотых ворот и возведенного в нем знаменитого храма, на что ранее обращалось внимание, И. Н. Данилевский ссылается на гипотезу К. К. Аментьева о реализации при строительстве Софии Киевской концепций «перенесения» (*translatio* и *retranslatio Hierosolymi*) в данном случае Святого Города в Константинополь, а из него в Киев. В свою очередь началом размышлений К. К. Аментьева стал мозаичный греческий текст середины XI в. о граде Божиим на алтарной арке Софии Киевской: «Бог посреди его; он не поколеблется: Бог поможет ему с раннего утра» (Пс. 45:6). Этот стих псалма относится к культовому центру Иерусалима — храму Соломона, равно как и к библейской историографии Второго храма. В связи с этим наблюдением К. К. Аментьев рассмотрел ветхозаветные аллюзии в Слове о Законе и Благодати митрополита Илариона.¹⁰

Отметим, что конструктивное содержание гипотез К. К. Аментьева и И. Н. Данилевского существенно различается. Основанием гипотезы К. К. Аментьева является реальный текст псалма, воспроизведенного на

⁸ Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона / Подгот текста и коммент А М Молдавана, Перевод диакона А Юрченко // БЛДР Т 1 XI—XII века СПб, 1997 С 50 (далее текст Слова приводится по этому изданию)

⁹ Подскальски Г Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг) 2-е изд, испр и доп для русского перевода СПб, 1996 С 204, см там же предшествующую литературу, Meyendorff J Wisdom — Sophia Contrasting Approaches to a Complex Theme // *Dumbarton Oaks Papers* 1987 Vol 41 P 392, Успенский Б А 1) Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // «Русское подвижничество» Сб статей к 90-летию Д С Лихачева М, 1996 С 480, 2) Борис и Глеб Восприятие истории в Древней Руси М, 2000 С 88—89

¹⁰ Аментьев К К Мозаики киевской св Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Литургия, архитектура и искусство византийского мира Труды XVIII Международного конгресса византистов (Москва, 8—15 августа 1991) и другие материалы, посвященные памяти о Иоанна Мейендорфа СПб, 1995 (Византинороссика Т 1), см там же историографию проблемы, Данилевский И Н Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // *Одиссей* 1998 М, 1999

алтарной арке Софии Киевской. Этот текст, по нашему мнению, наполняется конкретным содержанием в связи со строительством храма св. Софии в возводимом или уже возведенном «городе Ярослава». Но эта ситуация лишь в символах, столь значимых для средневекового сознания, повторяет обстоятельства храма царя Соломона. Реально она относится к Киеву второй половины 30-х—первой половины 40-х гг. XI в. Но в Софии Киевской данный стих псалма являлся также свидетельством единства традиции Священного Писания, освящения этой традицией и утверждением особого значения нового храма в новом «городе Ярослава». Так что раскрытое А. А. Ацентьевым содержание стиха и другие сделанные им наблюдения относятся, видимо, к собственной христианству *традиции*, а не к идеологизированной теории «перенесения».

Что касается предположения И. Н. Данилевского, то оно, по нашему мнению, противоречит изложенной Иларионом в Слове о Законе и Благодати концепции принадлежности «нового» христианского народа лишь к Новому Завету. К тому же в гипотезе о Киеве как «Новом Иерусалиме» И. Н. Данилевскому пришлось абстрагироваться от важнейших знаковых указаний на преемственность-антитезу Киева по отношению к Константинополю: храмы св. Софии, св. Георгия и св. Ирины, их византийская по происхождению архитектура, Золотые ворота. Поэтому, представляется, комплексное строительство «города Ярослава» и каменных храмов с посвящениями, подобными константинопольским, свидетельствует о возведении Ярославом Мудрым на берегах Днепра символов-вызовов, относящихся к традиции Константинополя, а не Иерусалима.

Грандиозный Софийский собор стал новой архитектурной доминантой Киева. Он строился как главный собор Русского государства и митрополии. До сих пор впечатляют его размеры и архитектура. Общий размер Софии с галереями по длине — 41.7 м, по ширине — 54.6 м. Диаметр главного купола — ок. 7.6 м, но есть еще 12 меньших куполов. Такой многокупольности не было в византийских церквях. Несмотря на посвящение, подобное главному византийскому храму, создавался он как самостоятельный по архитектуре памятник. Софийский собор — пятинефный с пятью апсидами, чего также не было в Византии. С трех сторон, кроме восточной, к нему примыкают галереи — внутренние двухэтажные и внешние — одноэтажные. Две лестничные башни вели на хоры. В империи строились тогда сравнительно небольшие трехнефные церкви. Все это указывает на принципиальность и многозначность строительства Софии Киевской.

Собор имеет целостную пирамидальную структуру. Его интерьер в центральной части, подкупольном пространстве и главной апсиде украшен прекрасной мозаикой с золотым фоном, по примеру константинопольской Софии, но боковые части — фресками, что явилось результатом самостоятельного творчества. Обширные хоры имели особое значение в Софии Киевской, как и в Софии Константинопольской. Для их освещения через окна барабанов глав была создана многокупольная система собора.¹¹

Определение времени строительства киевской Софии имеет большое информативное значение. Ссылаясь на упоминание о пострадавшем от пожара, видимо, в 1017 г. соборе св. Софии, одни исследователи считают, что в Киеве существовала построенная Владимиром Святославичем деревянная церковь св. Софии, а в 1037 г. был заложен каменный собор

¹¹ Раппорт П. А. Древнерусская архитектура СПб, 1993. С 33—38, см там же литературу

(М. К. Каргер, А. Поппэ, Я. Н. Щапов и др.). По мысли П. П. Толочко, деревянная София была основана ранее, при княгине Ольге, но такое удревнение строительства Софии Киевской поддержки в научной литературе не нашло. Распространено также мнение, согласно которому в 1017 г. существовала каменная церковь св. Софии (Н. Н. Ильин, С. А. Высоцкий, Г. Н. Логвин, Н. Н. Никитенко и др.).¹²

Доказательства в пользу строительства до 1037 г. не однозначны в своем содержании (в частности, в последней по времени работе убедительно показано, что первые по времени граффити Софии Киевской датируются 1052 и 1054/55 гг.).¹³ Такие доказательства не могут стать отрицанием летописного указания начала в 1037 г. строительства, завершеного в середине 40-х гг.¹⁴ Для определения времени строительства киевской Софии определяющее значение приобретает статья ПВЛ под 6544 (1036) г.

В отличие от обобщающей в своем содержании статьи ПВЛ под 6545 (1037) г., вся она соотнесена в своем содержании с основным событием этого года — смертью Мстислава Владимировича. После его смерти Ярослав отправился в Новгород со старшим в то время сыном Владимиром и Лукой-Жидятой, который был поставлен новгородским епископом. Когда Ярослав там находился, на Киев напали печенеги «бецисла». Князь поспешил ему на помощь со значительным войском («вои многы») и «вниде в городъ свои». Затем он «выступи из града, и исполчи дружину» (в данном случае «дружина» — значительное войско, состоявшее из киевского и новгородского ополчений, а также варягов) «и стаща пред градомъ». Печенеги начали наступать, «и ступишася на мѣсте, иде же стоить нынѣ святая София, митрополья русьская: бѣ бо тогда поле внѣ града». Из этого текста следует, что битва, в которой участвовало значительное число воинов, происходила в 1036 г. вне киевских городских стен на поле, где позднее был построен Софийский собор. Если бы он строился или уже был возведен, то такое сражение на этом «поле» не могло бы произойти. П. П. Толочко интерпретирует данную запись ПВЛ так, что сражение с печенегами произошло на месте, где «стоит теперь (в 1036 г.) церковь св. Софии»,¹⁵ т. е. битва с печенегами была значительно ранее 1036 г. (ссылка на наполненное произвольными толкованиями сочинение Н. Н. Ильина и фольклорно-литературную по происхождению сагу об Эймунде не могут быть научным доказательством).¹⁶ Такая интерпретация вносит противоречие в текст летописца, который указывает время нападения печенегов на Киев именно в отсутствие Ярослава, который (повторяем точные указания ПВЛ) после смерти Мстислава отправился в Новгород с сыном Владимиром и Лукой-Жидятой (конкрет-

¹² Литературу см. Свердлов М. Б. Дополнения // ПВЛ С 624, последняя мысль недавно повторена также в статье Никитенко Н. Н., Никитенко М. М. Известия средневековых немецких источников о Софии Киевской в свете новых исследований // Славяне и их соседи. Средние века — раннее новое время. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство. Мирные связи и конфликты. М., 1999.

¹³ Поппэ А. В. К дискуссии о времени постройки Софии Киевской (Граффити № 2) // Проблемы изучения древнерусского зодчества (По материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта, 15—19 января 1990 г.) СПб., 1996, литературу см. Свердлов М. Б. Дополнения С 624.

¹⁴ Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура С 33.

¹⁵ Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983 С 74—75.

¹⁶ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957, научный анализ саги об Эймунде см. Джексон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.) Тексты, перевод, комментарий. М., 1994 С 161—174, см. там же литературу вопроса.

ный анализ этой важной в политическом и церковном содержании поездки — особая тема). Поэтому естественно последующее изложение событий летописцем, который указал в собранном Ярославом войске варягов и словен (население Новгородской земли), с которыми он вошел в Киев. Предположение П. П. Толочко всех этих обстоятельств не учитывает. Таким образом, летописное известие, указывающее время, после которого было возведено сохранившееся ныне здание св. Софии, содержит точную и непротиворечивую информацию. Отсюда следует, что его строительство было начато после 1036 г.

Сторонники мысли о его возведении до 1017 или 1037 г. не учитывают необычности строительства такого значимого собора вне городских укреплений, что постоянно подвергало бы его опасности уничтожения. В равной мере нет оснований для мнения о существовании здесь построенного Владимиром Святославичем Софийского монастыря с «кафедралом», как думают Н. Н. и М. М. Никитенко, ссылаясь на хронику Титмара Мерзебургского. Соавторы не учитывают также, что 1) нет сведений о существовании монастырей на Руси этого времени, 2) слово *monasterium*, использованное Титмаром, означает в данном случае *собор*, в чем согласны новейшие переводчики этого текста, 3) не обосновано мнение о строительстве Владимиром нового кафедрального собора со знаковым посвящением св. Софии при недавно возведенной столь значимой церкви св. Богородицы. Мысль о строительстве Софии Киевской в 10-е гг. привела Н. Н. и М. М. Никитенко к парадоксальной мысли, согласно которой усыпальница Ярослава была создана в нем приблизительно в конце 20-х гг., т. е. за четверть века до кончины князя, когда сам он находился в Новгороде, а в Киеве управлял своими служилыми знатными людьми.

Но собор св. Софии, упомянутый Титмаром Мерзебургским, вероятно, все же существовал в Киеве. Обобщая ранее приведенные источниковые материалы и наблюдения, можно сделать вывод, что в 1017—1018 гг. это была деревянная соборная церковь (такое предположение в литературе высказывалось). Она находилась в пределах городских укреплений. Можно также предположить, что факт ее строительства отражал новую идеологическую и церковную политику Ярослава, который после восстания против отца в 1014 г. и борьбы со Святополком стремился создать в Киеве новый символ своей власти — св. Софию.

Вероятно, она была возведена в 1016—первой половине 1018 г. Но события второй половины 1018 г., последовавший затем раздел страны с Мстиславом Владимировичем нанесли ей значительный ущерб. Кончина Мстислава создавала условия для строительства нового огромного, прекрасно украшенного собора, религиозного и идейно-политического символа Руси, когда государство было вновь объединено под одной княжеской властью, а княжеская казна стала единой и способной обеспечивать масштабное возведение городских укреплений и каменных зданий в Киеве. Показательно в данной связи, что строительство Спасского собора в Чернигове после смерти Мстислава было временно прекращено.¹⁷

Возведение Софии Киевской стало демонстрацией мощи и богатства Русского государства. Ее посвящение, вероятно, перерастало указание преемственности по отношению религиозно-политическому центру православного мира — Софии Константинопольской. Оно могло также указывать на независимость киевского князя от императора (напомним, что в

¹⁷ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников Л., 1982. С. 40 (Археология СССР. Свод археологических источников. Е 1—47).

1043 г. Ярослав отправил на Константинополь войско во главе с сыном (Владимиром) Эта независимость проявлялась не только в самостоятельности конструктивных решений храма, но также в новом знаковом содержании особого почитания св. Софии в Русском государстве.

После завершения Софии Киевской были построены Софийские соборы в Новгороде (1045—1050 гг.) и в Полоцке (вероятно, в 50-е гг. XI в.). Для них София Киевская была образцом, но они представляли собой, по словам П. А. Раппопорта, ее «как бы сокращенные реплики».¹⁸ Посвящение нового главного столичного кафедрального храма св. Софии, как в Константинополе, возведение величественных Софийских соборов на основных торговых путях по Днепру, Волхову и Западной Двине, маркирующих пределы Русского государства, обозначающих его политическое и конфессиональное единство, освященное св. Софией — Премудростью Божией, представляли собой своего рода имперскую идею в архитектуре. Ее исток находился в Византии, но ее содержание наполнялось на Руси новым конкретным смыслом. Она стала символом политически единого государства, во главе которого находился мудрый и могущественный князь. Вместе с тем эти Софийские соборы на основных торговых путях Восточной Европы в пограничных зонах Русского государства могли символизировать в христианском сознании всю страну как Дом Святой Софии — Премудрости Божией.

Этот новый религиозно-идеологический символ мог также означать, что первоначальный Владимиров культ Святой Богородицы — защитницы нового христианского народа и его предстательницы перед Господом в период самовластного правления Ярослава был уже недостаточен. Для него высшим религиозно-идеологическим культом стала Святая София — Премудрость Божия, которая должна была интегрировать всех, принадлежавших к Руси, сделать страну великой, подобно тому как София Константинопольская символизировала единство и величие Византийской империи. Такое интегрирующее значение культа Святой Софии было заложено, по наблюдениям В. Н. Топорова, во внутренней смысловой и философской подоснове понятия *Соφία* с производными значениями указания членства «своих собственных людей», «своего» и, с другой стороны — «себя», «свой» в его индивидуальности.¹⁹ В данной связи можно предположить, что утверждение Ярославом культа Святой Софии в таком его религиозно-идеологическом содержании дважды не могло осуществиться, но его реализация прерывалась и эволюционировала вследствие конкретных политических обстоятельств: в 1018 г. — в результате вторжения Болеслава Храброго и Святополка, а в 1024 г. — вследствие амбиций Мстислава. Только став «самовластцем» в 1036 г., он смог осуществить эту величественную религиозно-идеологическую программу, что в свою очередь указывает на строительство ныне существующего храма после этого года, но не ранее его.

Эта осознанная идеологическая насыщенность строительства Ярослава в конце 30-х—40-е гг. соответствует содержанию Слова о Законе и Благодати Илариона, тогда же им написанного.²⁰ Иларион подчеркивает многозначительную для средневекового сознания аналогию деятельности императора Константина и его матери Елены по утверждению христианства в Византийской империи с такой же деятельностью Владимира и его

¹⁸ Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура С 38

¹⁹ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре Т 1 Первый век христианства на Руси М., 1995 С 67—79

²⁰ О времени написания Слова см. БЛДР Т 1 С 480

«бабы» Ольги на Руси. Владимир уподоблен императору Константину: «Подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристолюбче, равночестителю служителемь его! Онъ съ святыми отци Никеискааго Събора закон чловѣкомъ полагааше, ты же съ новыми нашими отци епископы сънимаяся чясто, съ многымъ смѣрениемъ съвѣщавашеся, како въ чловѣцѣхъ сихъ ново познавшихъ Господа законъ оставити. *Онъ въ елинѣхъ и римлянѣхъ царство Богу покори, ты же в Руси: уже бо и въ онѣхъ и въ насъ Христос царемъ зовется. Онъ съ матерію своею Еленою крестъ от Иерусалима принесѣша и по всему миру своему раславѣша, вѣру утвердиста, ты же съ бабою твоею Ольгою принесѣша крестъ от новааго Иерусалима, Константина града, и сего по всеи земли своеи поставивша, утвердиста вѣру*» (курсив наш). Но это подобие князя Владимира и императора Константина, «всей земли» Владимира и «всего мира» Константина важно для Илариона не само по себе, а как предшествие деятельности Ярослава, продолжающего дело отца: «Добръ же зѣло и вѣрнъ послухъ сынъ твои Георгии, егоже сътвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, нъ утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрїю положенїа, но паче прилагающа, не казяща, нъ учиняюща». При этом в строительстве Софии Киевской он сопоставил Ярослава и Владимира с библейским царем Соломоном, который возвел знаменитый на весь христианский мир Иерусалимский храм, и царем Давидом. София Константинопольская в Слове не названа, но она присутствует в посвящении нового религиозного центра Русского государства и митрополии. Обращаясь к существу на небесах Владимиру, Иларион говорит: «Иже недоконаяча твоя наконьча, акы Соломонъ Давыдова, иже дом Божии великыи святыи его Премудрости създа на святость и освящение граду твоему, юже съ всякою красотою украси...».²¹ Показательно, что для новой идеологии правления Ярослава даже Десятинная церковь Богородицы является «недоконченным» созиданием, которое становится завершенным лишь со строительством Софии Киевской.

Киевская София должна была зримо прославлять Ярослава Мудрого и членов его семьи. В этом она также следовала за Софией Константинопольской. В отличие от Византии, где ктиторские композиции помещались в храмах в нартексе или в приделах,²² а в Софии Константинопольской и в галереях, в Софии Киевской значительная по размерам ктиторская фреска находилась в центральном нефе. Особая значимость превращает эту фреску в важный исторический источник, еще мало использованный в исследованиях по истории Руси 30—40-х гг. XI в.

Изучение ктиторской фрески представляет значительные сложности. Стеной проем, на котором была изображена ее центральная часть, некогда был разобран. В 1904 г. Я. И. Смирнов обнаружил в библиотеке Академии художеств в Петербурге копии с рисунков голландского художника Вестерфельда, который их выполнил для польского короля Станислава Августа в 1651 г. На одном из них была изображена вотивная фреска с Ярославом, держащим схематичное изображение Софии Киевской, женой Ярослава Ириной-Ингигерд и следующими за ними по разные стороны фрески детьми. Таким образом, были подтверждены ранее сделанные предположения о существовании такой фрески на основании случайно открытого в 1843 г. на южной стене центрального нефа ее фрагмента.

²¹ Слово о Законе и Благодати С 48, 50

²² Высоцкий С А Светские фрески Софійского собора в Києве Киев, 1989 С 34

Реставрация 1935 г. раскрыла на южной стене св. Софии четыре фигуры, а раскопки М. К. Каргера в 1939 г. обнаружили нижние части двух восьмигранных столбов, которые являлись основанием проема в стене с центральной частью ктиторской композиции. Эти открытия позволили М. К. Каргеру доказать изначальное существование в Софии Киевской фрески, в центральной части которой в центре находился Христос, по сторонам от него — Ярослав и Ирина, а на южной и северной стенах — их дети. Эта гипотеза была подтверждена находкой после расчистки северной стены двух фигур, принадлежавших той же композиции.

В настоящее время существуют три основные гипотезы относительно изображений на ктиторской фреске — В. Н. Лазарева, А. Поппэ и С. А. Высоцкого.²³ Все они исходят из того, что в центре композиции на западной стене, напротив алтаря, находился Христос, по левую и правую сторону от него расположены Ярослав и Ирина, за которыми следуют сыновья и дочери. Основные разногласия между исследователями заключаются в вопросах: 1) находились ли на фреске между Христом, Ярославом и Ириной Владимир Святославич и княгиня Ольга, 2) где были мужские и женские изображения — на южной стене или северной, 3) сколько изображено сыновей и дочерей Ярослава, каково их конкретное определение, 4) какие на них одеяния и головные уборы. Ответы на них должны дать дальнейшие специальные искусствоведческие разыскания.

В соответствии с новейшим исследованием С. А. Высоцкого, который использовал также рентгенологические и антропологические наблюдения, анализ техники живописи, на ктиторской фреске написаны члены княжеской семьи, различающиеся по росту и по одеяниям. По его мнению, на стене южной галереи, где во время богослужения находились мужчины, изображены по росту сыновья, торжественно шествующие к центру композиции. На стене галереи противоположной, северной, где находились женщины, — изображения дочерей. В центре композиции, направо от Христа, по мнению С. А. Высоцкого, — Владимир и Ярослав, который держит символический храм св. Софии, налево — Ольга и Ирина. Эта фреска представляла собой групповой портрет семьи Ярослава.

Различается интерпретация идейного содержания ктиторской фрески Софии Киевской. М. К. Каргер особо подчеркивал ее политический смысл как выражение силы и могущества молодого древнерусского государства.²⁴ Светское содержание «группового портрета семейства Ярослава» отметил и В. Н. Лазарев. С завершением ктиторской композиции, вероятно, в 1045 г. он связывал и окончание строительства Софии Киевской. Впрочем, значение этой композиции он ограничил увенчиванием трудов князя по возведению и украшению храма, чувством гордости за все содеянное при покровительстве Христа-Вседержителя.²⁵

В отличие от таких характеристик, А. Поппэ наметил новое определение основных идей ктиторской фрески через соотнесение ее места в центральном кресте церкви напротив Евхаристии в апсиде. По его мне-

²³ Здесь и далее анализ и историографию ктиторской композиции в Софии Киевской см Лазарев В Н Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской Групповой портрет семейства Ярослава // ВВ 1959 Т 15 С 148—169, Поппэ А Kompozycja fundacyjna Sofii Kijowskiej W poszukiwaniu ukladu pierwotnego // Biuletyn historii sztuki Warszawa, 1968 R 30, N 1 S 3—27, Высоцкий С А Светские фрески С 64—112, см там же историю научного изучения храма

²⁴ Каргер М К Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии // Учен зап ЛГУ № 160 Сер ист наук Вып 20 1954 С 180

²⁵ Лазарев В Н Новые данные С 169

нию, процессия двенадцати членов семьи монарха является репликой на процессию апостолов. Он пришел к выводу, что фреска становится видимым символом апостольской миссии династии среди своих подданных, портретные изображения которых персонифицировали идею божественного поручения земной власти Ярославу и его семье. По его мнению, эта фреска должна была утверждать легитимность власти Ярослава, если его обвинят в узурпации.²⁶

С. А. Высоцкий, предполагавший изображение на фреске не только Владимира Святославича, но и княгини Ольги, раскрывал идейное содержание группового портрета семьи Ярослава как «доктрину, прославляющую под эгидой Христа Владимира и Ольгу как лиц, связанных с принятием христианства на Руси непосредственно от Бога; Ярослава как продолжателя их дел и строителя задуманного его отцом Софийского собора; его наследников, которым принадлежало будущее». Возвращаясь к идейному содержанию ктиторской фрески, С. А. Высоцкий писал, что она «изображала в символической форме апофеоз введения христианства на Руси, она прославляла его деятелей Владимира и Ольгу, строителя собора Ярослава Мудрого и его род, освящала их земную власть».²⁷

С. А. Высоцкий внес значительный вклад в изучение ктиторской фрески Софии Киевской, но такой анализ ограничивал возможности раскрытия ее художественного и идейного содержания. В исследовательской литературе накоплен значительный опыт, раскрывающий более глубокий смысл ее художественного убранства.

В. Н. Лазарев показал, что система мозаичных и фресковых изображений Софии Киевской следовала за знаменитой Новой церковью («Неа») основателя Македонской династии Василия I (867—886) с изображениями в куполе Пантократора, окруженного ангелами, в апсиде — Богоматери Оранты, на сводах — апостолов, мучеников, патриархов, пророков, евангелистов. Такие мозаики и росписи храма, по мнению В. Н. Лазарева, символизировали Церковь Вечную. Вершиной композиции являлось изображение Христа Пантократора в куполе. В новейшей литературе в образе Пантократора в куполе храма выявляется также его «вседержительский», «всеобъемлющий» характер. Апостолы или пророки в барабане под куполом — предвестники его учения, тогда как четыре евангелиста в парусах — четыре столпа евангельского учения.²⁸ Богоматерь Оранта с поднятыми к Спасителю руками — олицетворение Церкви Земной. Расположенные в нижней части апсиды Евхаристия, фигуры первосвященников, архидьяконов и святителей соединяли небесную сферу, символизированную куполом и сводами, и землю, где протекала деятельность многочисленных святых и мучеников. Эта декоративная система стала, по наблюдениям В. Н. Лазарева, со временем канонической. Идею сопряженности небесного и земного в Богоматери Оранте сохранил и С. С. Аверинцев. Исходя из концепции отношений «единосутия» в сознании средневекового человека, он рассматривает ее образ как единство конкретных малых и бесконечно широких понятий.²⁹

²⁶ Рорре А. Композуца S 26—27

²⁷ Высоцкий С. А. Светские фрески С 111—112

²⁸ Лазарев В. Н. Новые данные, Мэтьюз Т. Преображающий символизм византийской архитектуры и образ Пантократора в куполе // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство СПб, 1994 С 10—11

²⁹ Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси М, 1972 С 48—49

В. Н. Лазарев отметил, что в Евхаристии Софии Киевской апостолы, подходящие к Христу, «изображены в однообразных, как бы застывших позах, причем их фигуры размещены на равных друг от друга интервалах». Они уподоблены торжественному ритуальному шествию апостолов в сцене «Евхаристии».³⁰ Но евангельская Евхаристия равно как и Причастие христиан, которое совершалось под куполом на возвышении перед вимой, создавали единое пространство, венчаемое куполом и изображенным на нем Пантократором.³¹ В. Д. Лихачева особое внимание обратила в сценах Евхаристии на художественное и идейное значение симметричности композиции, на отраженное равенство двух ее половин. Поэтому, по ее наблюдениям, святители и апостолы — в тождественных позах, на одинаковом расстоянии друг от друга. Они представляют собой два равных композиционных элемента, построенных на едином движении, направленном от краев композиции к центральной оси. Отсюда функция таких изображений как средства гармонизации и ритма. Она предположила, что на распространение в византийском изобразительном искусстве таких ритмических композиций повлиял этикет дворцовых церемоний. Как пример подобной ритмической композиции приводит она изображение сыновей и дочерей Ярослава Мудрого.³²

Все эти сделанные над художественными изображениями в Софии Киевской наблюдения позволяют продолжить анализ ее ктиторской фрески. Как отмечено ранее, все изображенные на ней члены семьи Ярослава расположены на равном расстоянии друг от друга. Их ноги повернуты в сторону центра композиции, символизируя движение к Христу, там расположенному. В том же направлении обращены их согнутые в локте руки. Поэтому следует вернуться к конструктивным наблюдениям о близости ктиторской фрески к композиции Евхаристии Софии Киевской.

Ее содержание и значение представляются более значительными, чем реплика на процессию апостолов и следствия такого сближения. Изображение на фреске семьи Ярослава находилось в едином изобразительном и идейном пространстве центрального нефа Софийского собора. Это единство не нарушалось существовавшей тогда незначительной алтарной преградой, так что центральный неф был виден весь. Он был един в пространстве храма.

В соответствии с наблюдениями В. Н. Лазарева, в Софии Киевской Церковь Вечная, венчаемая Христом Пантократором, соединена с Церковью Земной Богородицей Орантой. Сама Церковь Земная здесь же изображена в более низком ярусе в виде Причастия апостолов — Евхаристии. В том же ярусе находятся первосвященники, святители и другие почитаемые персонажи Священного Писания и Священного Предания. Продолжением этих изображений в апсиде центрального нефа стала на его южной и северной стенах симметричная композиция с семьей Ярослава Мудрого. Особое композиционное значение приобрели отмеченные В. Д. Лихачевой близкие к Евхаристии симметричность и ритмичность ктиторской фрески. Ее центром так же, как и в Евхаристии, являлся Христос. Таким образом, в системе символов Софийского собора ктиторская фреска утверждала равное участие христианской Руси, персонифицированной в правящей ветви княжеской династии, в Земной Церкви,

³⁰ Лазарев В. Н. 1) История византийской живописи Т. I Текст М., 1947 С. 75—77, 93—94, 119, 2) Новые данные С. 159—160

³¹ Мэтьюз Т. Преображающий символизм С. 12—13

³² Лихачева В. Д. Композиционное единство монументальной живописи и зодчества в древней Руси // Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие древней Руси и современность Л., 1971 С. 15—16

тогда как строитель Софии Киевской Ярослав и члены его семьи симметрично органично включены в единое с причащающимися апостолами сакральное пространство.

Тем самым высшая мера святости распространена на ту ветвь княжеского дома, которой принадлежала высшая власть в Русском государстве. Вместе с тем в едином пространстве храма покровителями семьи Ярослава становились не только все святые Земной Церкви и Богородица, но также глава Церкви Вечной Иисус Христос и София — Премудрость Божия как второе лицо Святой Троицы. Для людей, молящихся в храме, Ярослав, его жена и дети, изображенные на фреске, становились освященными членами Земной Церкви. Ктиторская фреска зримо и идеально повышала сакральный, политический и идеологический статус княжеской власти, персонифицированной в Ярославе и членах его семьи (вопрос о ее легитимности после смерти Святополка уже не мог быть поставлен). Изображение на ктиторской композиции основателя собора стало одним из составляющих новой идеологии «единовластия» Ярослава и освященности той княжеской ветви, началом которой он становился.

Сопоставление изображенных в центральном нефе членов семьи Ярослава с находившимися в алтарной части участниками Евхаристии стало причиной столь необычного коллективного портрета княжеской семьи и ктитора собора, находившихся в движении, нарисованных в три четверти по отношению к зрителю, а не традиционно — статично и фронтально, что свойственно ктиторским изображениям. Жанр фрески — ктиторский портрет, как следует из изображения Ярослава с Софией Киевской в руке на рисунке Вестерфельда. Но такая композиция свидетельствует против предположения С. А. Высоцкого об изображении рядом с Христом Владимира (и с противоположной стороны Ольги). В соответствии с такой гипотезой Ярослав подносил св. Софию не Христу, как должно быть по канону ктиторской фрески, а Владимиру Святославичу, что по тому же канону лишено содержания. Вместе с тем обращает внимание творческая смелость, с которой Ярослав подчинил своей воле церковное и художественное установления для освящения своей персоны и власти, что способствовало появлению уникальной фрески с портретным изображением ктитора и его семьи в движении к Христу. Как отмечалось ранее, в его церемониальности содержатся реминисценции дворцовой обрядности, столь существенной для светской ипостаси княжеского дома. Так что храмовая фреска в западной части центрального нефа, где находились на хорах во время богослужения князь, его семья и приближенные, корреспондировала с церемониальным шествием великокняжеской семьи.

Таким образом, идейное содержание ктиторской фрески Софии Киевской, как и всего собора, свидетельствует о том, что их создание стало возможно только после смерти Мстислава Владимировича в 1036 г. Стилистическая и содержательная близость изображений на ней и в Евхаристии подтверждает предположение В. Н. Лазарева о создании этой фрески в 1045 г., незадолго до освящения собора в 1046 г.

Архитектура храма подразумевала близкое к ктиторской фреске по форме и содержанию (разумеется, символически переосмысленное) церемониальное шествие Ярослава и членов его семьи на богослужение. В западной части св. Софии были встроены две лестничные башни, северная и южная, для восхождения на хоры. По лестнице северной башни поднимались женщины, по лестнице южной — мужчины. Вход на каждую из них находился не внутри собора, а снаружи. Он был декоративно обозначен, включал украшенный мозаикой порог, так что был виден изда-

лека.³³ Таким образом, великокняжеская процессия должна была шествовать на богослужение отдельно от прочих христиан, людей церковных и светских. Вероятно, мужчины и женщины великокняжеской семьи были разделены при этом изначально. Когда Ярослав и его ближайшее окружение восходили на хоры, они оказывались там ниже изображений Христа Пантократора, Богоматери, архангелов, евангелистов и сонма святых, но выше прочих молящихся, клира и светских, что соответствовало освященности власти и земной иерархии.

В связи с изображениями в византийском храме этого времени О. Демус писал: «Византийской системе присуща величественная целеустремленность. Кажется, что ее создатели прежде всего старались отразить главную формулу византийской теологии — христологический догмат, — а также его причастность к обряду и структуре Византийской Церкви. Нет изображений, которые не были бы так или иначе связаны с этим постулатом: образы Христа в Его разных видах, Богоматерь, ангелы, апостолы, пророки и святые размещались в иерархическом порядке, который включал и изображения мирских государей — наместников Христа на земле».³⁴ Этой системе соответствовали и изображения в Софии Киевской, в которые была включена и ктиторская фреска с коллективным портретом Ярослава и его семьи. Там же на хорах находился и сам великий князь, а позднее и его преемники по столу киевскому. Таким образом, система иерархического порядка оказывалась не только идеальной, в мозаиках и фресках, но и реальной, зримой.

Киевский собор св. Софии, история его возведения и убранства содержат значительный объем явной и скрытой исторической информации, анализ которой раскрывает содержание многих фактов отечественной истории.

---

³³ Раппопорт П. А. Русская архитектура С 12, Высоцкий С. А. Светские фрески С 114—204

³⁴ Демус О. Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии М., 2001 С 17

А. С. ДЕМИН

Литературные образцы «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»

Повесть об ожесточенной осаде Пскова в 1581 г. польско-литовским королем Стефаном Баторием была написана в 1580-х гг. жителем Пскова, иконописцем Василием, возможно, состоявшим при канцелярии воеводы И. П. Шуйского.¹

По мнению В. И. Охотниковой, «Повесть о приходе Стефана Батория традиционна и во взглядах на мир, и в манере повествования».² На наш взгляд, в Повести очевидны литературные новации, ориентация на новую литературную традицию, возникающую в XVI в.

В тексте «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» обращает на себя внимание любопытная особенность: употребление автором одних и тех же формул в рассказах о русских и о польско-литовских персонажах, а также развернутое повествование о врагах, что рождает эффект присутствия автора не только в стане русских, но и в стане их военного противника.

Покажем это на конкретных примерах.

Похвалы в Повести произносятся по адресу не только своего войска, но и войска вражеского. Так, храбрыми в Повести названы и те и другие: «государевы воиводы и вои... *храбро* мужествоваше» (408), поляк-канцлер, видя внезапную кончину своим «великим именитым и *храбрым* паном, в великую кручину впад» (472); Стефан Баторий говорит своим воинам: «Вы же... *храбрыя* воя... моего Полского королевства и великого княжества Литовского» (412). Приближенные Стефана Батория обещают ему пленить «*славнаго*, и крепкого, и непоколебимаго, великаго, *храбраго* гетмана, князя Ивана Петровича» (440); Стефан Баторий, обращаясь к своим воинам, говорит: «Вы же... любимая моя и *храбрыя* воя... преудобрена и *храбре* утвержена, яры царския отроки и непобедимыя витези» (412).

Симметричные ряды совпадающих выражений о русских персонажах и об их врагах пополняют осудительные слова. Так, автор Повести на-

---

¹ См Орлов А С Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // История русской литературы В 10 т М, Л, 1946 Т 2, ч 1 С 523—527, Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Изд подгот В И Мальшев М, Л, 1952 С 24, 27, Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Подгот текста, перевод и коммент В И Охотниковой // ПЛДР Вып 8 С 617—618, 620, 625 Однако есть также указания на другого автора Повести — иеромонаха Псковского Елеазарова монастыря Серапиона См Ключевский В О Древнерусские жития святых как исторический источник М, 1871 С 315—316 Основная редакция Повести далее цитируется по изданию в ПЛДР Страницы указываются в тексте в скобках

² Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков С 618

зывает «беззаконными» не только врагов («в *беззаконной* своей ереси» — 444), но и русских («ради ума *беззаконного* нашего» — 410).

Мы находим в Повести сходное описание чувств русских и их врагов. Например, «царь государь и великий князь Иван Васильевич... *великою кручиною* объят быв» (408), но и польский «король *великую кручину*... впад» (454), и «полякъ канцлер... в *великую кручину* впад» (472). Или автор отмечает не только «начало *болезнем* Руские земли» (408), но и что «литовские люди... начало своим *болезнем* предпоказоваше» (428). Псковичи горюют «с *плачем*... и *воплем* *многимь*» (436), точно так же и у литовцев «*плач* велик... и *воплъ* *мног*» (454). В отдельных случаях жалостное повествование автора относится к врагам, как будто это страдающие русские: «*бедные* литовские градоємцы... от *нужи сердца* с *плачем* глаголаху» (464). Причем никакого скрытого сарказма автора по отношению к врагам здесь не замечается.

Одинаково говорится и о чувстве радости, которую испытывают русские и их противники: псковичи время от времени «неизреченная *радости исполнися*» (452), «*радость исполнишася*» (462). Те же выражения употребляются и по отношению к врагу, Стефану Баторию, который тоже неоднократно «несказанная *радости наполнися*» (438).

Автор Повести одинаково называл одни и те же этапы или элементы воинских действий как у русских, так и у противника, потому что сама схема военных усилий мыслилась автором одинаковой у обеих сторон, здесь использована лексика и фразеология воинских повестей: сначала собирают военный совет; потом организуют войско («царь государь... на враги *воополчаецца*» — 402; немцы и литовцы «воинством на новоприемная государем грады *воополчаютца*» — 406 и т. п.); затем инструктируются начальники («бояр своих и воивод государь царь... *наказует* их своими царскими наказаньи» — 410; «своих великих панов розрядив и *наказав* литовский король Степан» — 422); далее начинается поход («царь государь... *пути ся касает*» — 402; «король Степан... *пути ся касает*» — 422); происходит столкновение («все воинство христианское... *устремилася* на литовскую силу» — 448; «литовской король... на Рускую землю *устремилася*» — 406); напор сильный («против русских... *отстояти не могут*» — 402, но и против польского короля «*никакая же твердость отстоятися может*» — 420).

В пределах одного эпизода симметрично отмечалась обоюдная крепость сражающихся: «литовскому войску *крепко* и дерзостно на стену лезущим... Государевы же бояре, и воиводы, и все воинские люди со всем христианским воинством противу их *непрестанно* и *безоотступно крепко* стояше» (438); «псковичи противу их *крепко* и мужественно стояху... Литовскому воинству *крепце* и напорне... *стреляюще безпрестанно*» (440) и пр. Не только крепостью, но, например, и скоростью обладали обе стороны в один и тот же момент: «На тех же *скорых* литовских гайдуков *скорогораздыя* псковские стрельцы... изготовлены» (464). Обе стороны у автора «свирепые»: Стефан Баторий совершает на русских «*свирепое* его *нашествие*» (408), но и русский царь устраивает против «немцев» «*свирепое* ополчение» (406). Автор прямо упоминает одинаково действующих *обоих* противников: «И бе яко гром велик, и шум много, и крик несказанень от множества *обоиво* войска и от пушечного звуку, и от ручного *обоих* войск стрельяния и крика» (438); «кровопролитное торжество свершися *обоих* стран» (448).

Все герои Повести действуют в каждый момент с полной отдачей сил и чувств. Враги «*крепце* вооружаютца» (400), «тщательне же и изрядно... приходят» (406), «всяко *тщание* показоваше» (430), «скоро и спешне» (436), «торопливейше» (452), «по возбешенному своему обычию» (460) и т. п. Сте-

фан Баторий тоже максимально энергичен и старателен: «неистовый зверь» (406), «всячески сердцем... надыхаешься» (416), «всячески умом розполашеся» (428), «велием учреждением учреди» (434), «мало сердцу его не треснути» (440) и пр. С еще большей истовостью действует русский царь: «изрядно на враги стояще» (400), «в воинстве крепко силна» (402), «паки наказует всякими царскими наказанми и ученми» (414), «умилне и богомудрене свои царские грамоты пишет» (424), «слезы же, яко струя, ото очию испущающе» (404) и мн. др. Но всех превосходит русское войско: «битися... от всея душа и сердца и от всея крепости на враги стояти» (410), «всяко тцание показоваше» (416), «всячески неослабно укрепляя» (422), «всем сердца на подвигъ возвари... все телеса адаманта утвержая» (426), «своя дела безпрестанно творяше» (428), «изрядне же и мужественне бьются... неослабными образы» (438) и т. п. Даже русские женщины если молятся, то «кричаще и гласы ревуще, и в перси своя бьуще, ...о забрала же и о помость убивающеся, молебне вопиюще» (442); если же им приходится участвовать в военных действиях, то они «оставивше немощи женские и в мужскую крепость оболочкеша, и все вскоре... оружие носяще... тцание скоростию показующе» (448, 450). И у каждой из сторон действует «вкупе вси» (426), «все вкупе... во едино сердце... яко едиными усты... и во единъ глас» (448).

Участники событий, как русские, так и их противники, постоянно что-то замышляют и просчитывают. Без предварительного «умышления» или «помысла» ничего не делается, перед делами они: «умышление творяше» (432), «великое умышление умышляют» (472), «всячески размышляюще» (454), «всяко размышляюще» (468), «богомудрене... смышляху» (434), «помыслы воополчаютца» (406), «помысль изрыгну» (408), «разгордеша во помысле» (420), «всемудре разсудительне усмотрех» (418), «всякими хитростми и мудрым умышлением» намерены поляки взять Псков (420), «злоумышленно же и люте лукавом» приблизились поляки к Пскову (432).

В Повести разворачивается борьба «умышлений»: «кий домысль таковъ будет в руских во Пскове воивод или всяких хитерцовъ, иже домыслитца против твоего [Батория] великого разума и твоих великих гетмановъ мудроумышленного ума?» (420); «королевские его первосоветников умышление... доведывашеся и тако противу умышлений их готовящюся» (458); «изрядне горазда мудры начальныя их [русских] гетманы противу всяких наших [литовских] замышлений» (464); «благоразумный разум въ государевых делех против... всех королевских умышлений» (474).

Самому сильному унижению подвергает автор Повести Стефана Батория за несоответствие «умышления» и дела: «Что же твоего ума, польский кралю? Что же твоего еще безбожного совету, князь великий литовский? Что же твоего замыслу, Степане? ...Аще Богъ по нас, ты ли на нас?!» (468); «затеял еси выше думы дело» (474). И сам король пеняет своим помощникам за недостаток проницательности и старательности: «Кто ли водители мои, иже на Псковъ ведяху мя, иже глаголаху, яко во Пскове болшого наряду нет... Что же се вижу и слышу?» (430).

Можно сделать вывод, что во главу всего автор Повести ставил «умышление», «замышление», «помысл», умение «размышлять». Однажды автор даже философски высказался на этот счет: «понеже не множеством владедец исправляютца начинании, но добрым советом» (434).³

³ В конце XVI в. тему «разума-умышления», пожалуй, больше никто и не затрагивал. Лишь раньше, в 1540-е гг., темы «разума» по-своему касались Иван Пересветов и Ермолай-Еразм. И затем только к 1620-м гг. вопрос о «разуме» был поднят вновь, появилась даже «Повесть о разуме человеческом». В этот список литературы XVI в. «о разуме» можно смело включить и «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков».

Необычным не только для старой литературной традиции, но и для сравнительно нового официального повествовательного стиля XVI в. кажется в Повести употребление универсальных формул, общих по отношению и к русским, и к их врагам, — это нечто особенное на фоне традиционного отношения к врагу, несомненная тематическая модификация стиля воинской повести.

Автор Повести вообще проявил необычайно пристальное внимание к врагам, рассказывая о них с эффектом присутствия в чужом стане. Если русские в Повести, включая царя, как правило, краткоречивы, то Стефан Баторий, его «первосоветники» и дворяне произносят большие речи на советах и обедах, словно бы подслушанные автором, который приводит и каким-то образом ведомые ему диалоги короля с подданными, а также тексты их посланий и грамот друг другу и русской стороне (послание жерусской стороны цитируется в Повести лишь однажды, и то как ответ на грамоту Стефана). Автор осведомлен о составе Баториева войска, о том, как король «разряжал» полки — поименно, по панам, и кто из панов потом был убит (о русских таких сведений автор не сообщает). Автор, будто его услышат, даже обращается лично к Стефану Баторию и к его канцлеру с длинными саркастическими речами (авторских обращений непосредственно к русским деятелям в Повести тоже нет).

Несмотря на авторские проклятия и сарказм по адресу врагов, автор Повести считает нужным обратить внимание на необычно любезные и доверительные взаимоотношения короля и его подданных (король постоянно называл их «друзьями», проводил с ними «мудродруголюбныя советы», обращался к ним с «милостивою ласкою», «яко к своим братом»; те отвечали «любезно» и «сердечне», с искусными похвалами — 418, 434, 440 и др.). Автор Повести представляет Стефана Батория как ценителя Пскова (см. высказанную королем публично характеристику города: «четвероградень всекаменными стенами, многославен же в земли той и многолюден... богатством же паче меры сего сияти... великого и славнаго града Пскова... многолюдный же и благородный...» — 418); Баторий же выступал ценителем и русского оружия («ни у меня с собою нет, ни в Литве остана хотя едина пищаль, еже столь далече шествия пути кажет», т. е. такая же дальнобойная, как русская пищаль, — 430); литовские гайдуки тоже служили рупором уважительного мнения о русском войске («зело бо и до горла крепце горазди... битися руские люди и изрядне горазда мудры начальныя их гетманы...» — 464).

Откуда взялась у автора склонность к развернутому изображению врагов, особенно их поведения? Близкий источник известен. Нечто похожее находим в произведении, которое появилось лет на 20 раньше Повести о Стефане, — в «Казанской истории», начиная с того, что здесь «формулы, описывающие действия врагов, применяются к русским, а формулы, предназначенные для русских, — к врагам <...> Русские и враги ведут себя одинаково, произносят одинаковые речи, одинаково описываются действия тех и других, их душевные переживания».⁴ В «Казанской истории» автор много места уделяет повествованию о врагах, приводит множество их речей, рассказывает об их прошлом и внутренних делах.⁵

⁴ Лихачев Д. С. Поэтика художественного обобщения. Литературный этикет // Избранные работы. В 3 т. Л., 1987. Т. I. С. 365.

⁵ О поэтике изображения событий и героев в «Казанской истории» см. Волкова Т. Ф. 1) «Казанская история» и троицкие литературные памятники о взятии Казани (К вопросу об историко-литературных особенностях «Казанской истории») // ТОДРЛ. Л., 1983.

Автор, несомненно, стремится изобразить татар — в немалой степени потому, что 20 лет наблюдал их в Казани, попав в плен.

Знакомство автора «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» с «Казанской историей» несомненно: автор Повести использовал некоторые выражения из нее.⁶ «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» гораздо суше и деловитее «Казанской истории», автор Повести в плену не был, и поляки с литовцами были интересны ему все-таки иначе, чем татары своей рыцарственностью автору «Казанской истории».⁷

«Двулагерность» повествования автора «Повести о приходе Стефана Батория...» восходит, пожалуй, больше к «Хронографу», чем к «Казанской истории». Именно для «Хронографа» характерны широта кругозора и изобразительная объективность изложения: попеременно то о язычниках, то о христианах или то о врагах, то о сторонниках православия, о русских и нерусских, с их речами, диалогами, посланиями.⁸

Ориентация на повествовательную манеру «Хронографа» проявилась в Повести о Стефане не только в обилии сложных слов и тавтологических выражений,⁹ но и в исторических, скорее всего, хронографических параллелях при описании событий: Стефан «превознесся на град Псков, яко же древний горделивый Сенахирим, царь асирский» (далее следует рассказ о Сенахириме — 420, 422); возможное шествие Стефана во Псков сопоставляется со шествием Александра Македонского в Рим (440): упоминается «о пленении Иерусалима Титом, царем римским» (правда, со ссылкой на «Писание» — 470). Риторические укоры автора Повести Стефану и кличка, данная ему автором, также напоминают экспрессивные авторские обращения к героям и указания их прозвищ в «Хронографе». Возможно, по образцу хронографов сделаны и частые подзаголовки по ходу Повести (правда, подзаголовки находим и в «Казанской истории»).

Таким образом, можно говорить о том, что автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» ориентировался на «Казанскую историю» и хронографы, на новые тенденции в историческом повествовании второй половины XVI в.

Т 37 С 104—117, 2) Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани // ТОДРЛ Л, 1985 Т 39 С 308—322 См также Мелихов М В Древнерусские воинские повести проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в книжной и рукописной традиции XV—XVIII вв Сыктывкар, 2001 С 161—204

⁶ См Орлов А С Повесть о приходе С 526—527

⁷ О рыцарственном этикете в «Казанской истории» см Лихачев Д С Поэтика художественного обобщения С 368—369 (со ссылкой на наблюдения Э Кинана)

⁸ Ср «автор Повести знал польские грамоты, был знаком со специальной польской терминологией» (Орлов А С О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв // ИОРЯС СПб, 1908 Кн 4 С 362)

⁹ О хронографической искусственности языка Повести см Орлов А С Повесть о приходе С 526

В. А. КУЧКИН

Завещание С. Д. Пешкова-Сабурова и евангелие Андриана Ангелова

В 1895 г. в подборке интересных русских документов XV—XVIII вв. Н. П. Лихачев опубликовал духовную грамоту окольного Ивана Грозного Семена Дмитриевича Пешкова-Сабурова.¹ В 2001 г. завещание С. Д. Пешкова-Сабурова было издано вновь А. В. Антоновым.² Кроме того, этим исследователем были напечатаны еще два документа, имевшие непосредственное отношение к духовной грамоте окольного Ивана IV.³ В этой грамоте, составленной, по уточненным данным, между 1 сентября 1559 г. и 7 июня 1560 г.,⁴ среди прочих распоряжений завещателя костромскому Троицкому Ипатьевскому монастырю, где были похоронены предки С. Д. Пешкова-Сабурова, должны были быть переданы в Плеском уезде село Якольское с 11 деревнями и 1 починком и на р. Шаче в Черной волости две трети села Лещевского с 9 деревнями. За это монастырской братии Ипатьевского монастыря следовало молиться «по Семионе Федоровиче Сабурове и по сыне его Константине, и по отце моем по Дмитрее, и по Федоре, и по Даниле, и по брате по Иване, и по матери моей по Акилине, и по мне, по Семионе, и по сыне моем Дмитрее, и по сестре по моей Федоре скимницы, и по Юрье Костянтиновиче, и по брате по Микифоре и по Ондrejaне по Микулине, и по всех моих родителех...».⁵ Всего названо 13 представителей рода Пешковых-Сабуровых: сам завещатель, его дед Семен Федорович, отец и мать Семена Дмитриевича Дмитрий и Акилина, сын Дмитрий, родные дяди Константин, Федор и Даниил, родные братья Иван и Никифор, сестра Феодора, двоюродный брат Юрий Константинович⁶ и некий Андриан Микулин, который в других местах духовной грамоты С. Д. Пешкова-Сабурова определен как его племянник.⁷ По имени и отчеству Андриана Микулина можно было бы отождествить с названным в завещании Семена Дмитриевича старцем Троице-Сергиева монастыря Андрианом Микуличем Ан-

¹ Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках СПб, 1895 С 39—49

² Антонов А. В. Костромские монастыри в документах XVI—начала XVII века // Русский дипломатический М., 2001 Вып 7 № 6 С 60—67

³ Там же № 7 С 67—68, № 8 С 68—70

⁴ Сама духовная грамота была написана в 7068 г., а 7 июня того же года предъявлена для регистрации митрополиту Макарию (Там же № 6 С 66)

⁵ Там же № 6 С 62—63

⁶ Родственные связи С. Д. Пешкова-Сабурова определяются на основании родословных росписей Сабуровых См. Редкие источники по истории России М., 1977 Вып 2 С 50—51, 118—120, Родословная книга // ВООИДР М., 1851 Кн 10 Отд 2 С 93—94

⁷ Антонов А. В. Костромские монастыри № 6 С 62

геловым,⁸ если бы текст духовной грамоты содержал ясные указания, что в момент ее составления Андриан Микулин был жив.

После составления завещания С. Д. Пешков-Сабуров дал вкладную (данную) грамоту игумену Вассиану и братье того же Ипатьевского монастыря на село Якольское и две трети села Лещевского с деревнями и починком. Грамота была оформлена между 1 сентября 1560 г и 28 февраля 1561 г.⁹ В этой грамоте также перечислялись члены рода Пешковых-Сабуровых, которые должны были поминаться в Ипатьевском монастыре за сделанный вклад: «А Бог пошлет по Семенову душу, и его в вечный сенаники написати и селники, да отца его Дмитрея, да мать мою Акилину, да и сестру мою иноку кнеиню иноку Феодору, да брата моего Ивана, да племянника моего Ондrejaна Микулича, да сына моего Дмитрея, да брата моего Никифора, да племянника моего Дмитрея».¹⁰ В отличие от духовной грамоты, в данной среди лиц, которые были близки С. Д. Пешкову-Сабурову и которые должны были быть записаны в монастырские синодики, нет упоминаний деда, трех родных дядей Семена Дмитриевича и двоюродного брата Юрия Константиновича, но дополнительно назван племянник Дмитрий, как выясняется из родословных росписей Сабуровых, сын старшего брата Семена Ивана. Прямо определяется и родственное отношение к Семену Дмитриевичу Андриана Микулина (Микулича). Он назван его племянником. Кроме того, указано, что родная сестра вкладчика Феодора была княгиней. Хотя в данной были перечислены 9 представителей рода Пешковых-Сабуровых, но даритель сел требовал от монастырских властей «на всяк год кормля кормить по десяти кормли на год, докудова монастырь стоит».¹¹

После смерти С. Д. Пешкова-Сабурова его душеприказчики боярин князь Иван Андреевич Куракин-Булгаков и «троецкой Сергеева монастыря келарь грешной чернец Андрeян Ангелов» передали в Ипатьевский монастырь все, завещанное ему С. Д. Пешковым-Сабуровым. Их данная грамота властям Ипатьевского монастыря должна датироваться временем между 28 февраля (днем смерти С. Д. Пешкова-Сабурова) и 31 августа 1561 г.¹² В этой грамоте гораздо подробнее, чем в предшествовавших документах, говорилось о том, кто из Пешковых-Сабуровых должен был быть записан в монастырские синодики и кого надо было помянуть в церковных службах: «Семена, а во иноцех Сергия, и родители его в сенаники написати во все и кормы кормити по Семене по Дмитриевиче по иноке Сергее. Первый корм кормити февраля в двадесят осмый день на его преставленьe. А другой корм по Семене ж, а во иноцех по Сергее, сентября в первый день. А третьей корм по Семене Федоровиче Сабурове и по его сыне Константине мая в первый день. А четвертой корм по отце по Семенове по Дмитрее да и по матери его Акилине и по Семене, а во иноцех по Сергее, ноября в седмый на десять день. А пятой корм по сестре по Семенове по княгине Феодоре скимнице и по сыне ее, а Божья воля станетца, его в животе не станет, по троецком старце Андрeяне Ангиллове да и по Семене, а во иноцех по Сергее. А шестой корм октября в двадесят шестый день по брате по Семенове по Иване и по сыне его по Дмитрее да и по Семене, а во иноцех по Сергее. А седмой

⁸ Там же С 66

⁹ Грамота составлена в 7069 г (Там же № 7 С 68) С Д Пешков-Сабуров умер 28 февраля 1561 г (Там же № 8 С 69)

¹⁰ Там же № 7 С 68 Сельники — перечни монастырских вкладчиков жертвовавших монастырям

¹¹ Там же

¹² Сама грамота датирована 7069 г (Там же № 8 С 70)

корм по Семенове жене по Домне и по сыне ея Дмитрее да и по Семене, а во иноцех по Сергее, июля в четвертый день. А осмой корм по Федоре по Пешкове Сабурове да по Юрье Костянтиновиче Пешкове да по Даниле да и по Семене, а во иноцех по Сергее, апреля в двадесят в третей день. Девятой корм по Никифоре по Пешкове да по Семенове жене по первой по Домне да и по Семене, а во иноцех по Сергее, июня второй день. А десятой корм по всех родителей по Семеновых Дмитриевича Сабурова да и по Семене, а во иноцех по Сергее, октября в седмый на десять день <..> А кормы кормити все сполна, которые в сей данной писаны». ¹³ В приведенном перечне упомянуты уже не 13 и не 9 представителей рода Пешковых-Сабуровых, а целых 16. Помимо лиц, названных в духовной и в данной грамотах С. Д. Пешкова-Сабурова, указаны еще две его жены, носившие одинаковое имя Домна. Выясняется также, что племянник С. Д. Пешкова-Сабурова Андриан Микулин (Микулич) был жив и это не кто иной, как сын его сестры княгини инокини Феодоры, келарь Троице-Сергиева монастыря, известный писатель и публицист XVI в Андриан Ангелов.

Установление отчества и родственных связей Андриана Ангелова позволяет говорить о том, что он был сыном потомка византийских императоров Микулы Ангелова, приехавшего на Русь ко двору Ивана III и Софьи Палеолог. В 1485 г Микула Ангелов ездил к пермскому владыке Филофею с сообщением о взятии русскими войсками Казани. В 1509 г. он фигурирует как печатник великого князя Василия III. ¹⁴ О семейной жизни Микулы Ангелова до сих пор ничего известно не было. Теперь же выясняется, что он был женат на дочери Дмитрия Семеновича Пешкова-Сабурова, троюродной сестре великой княгини Соломонии Сабуровой, и стал благодаря этому дальним родственником самого Василия III. Родив Андриана, его мать, по-видимому, скоро овдовела, но вышла замуж во второй раз. Титулование ее княгиней подсказывает, что ее вторым мужем стал князь. В этой связи обращает на себя внимание упоминание в духовной грамоте С. Д. Пешкова-Сабурова его племянника князя Григория Андреевича Булгакова, которому он завещал довольно крупное свое имение — село Волчково Медведково с деревнями на реках Шаче и Шишовке. ¹⁵ Очевидно, сестра С. Д. Пешкова-Сабурова «княгиня Феодора скимница» была и матерью князя Г. А. Булгакова, а также его брата боярина князя И. А. Булгакова, душеприказчика С. Д. Пешкова-Сабурова. Таким образом, вторым мужем Феодоры был князь Андрей Курака Иванович Булгаков, потомок знаменитого Гедиминовича князя Юрия Патрикеевича, мужа внучки Дмитрия Донского Анны Васильевны. ¹⁶ Делается также очевидным, что душеприказчиками оставшегося без потомства С. Д. Пешкова-Сабурова ¹⁷ были два его знаменитых племянника, единоутробные братья боярин И. А. Булгаков и троицкий келарь Андриан Ангелов.

С именем последнего связано еще одно свидетельство о поминании родственников С. Д. Пешкова-Сабурова в костромском Ипатьевском мо-

¹³ Там же № 8 С 69

¹⁴ Биографические сведения о Микуле Иванове сыне Ангелове собраны Б Н Флорей (см Флоря Б Н Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV—начале XVI в Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни връзки през средновековието София, 1982 С 126—127)

¹⁵ Антонов А В Костромские монастыри Вып 7 № 6 С 63

¹⁶ Родословная книга С 80—81

¹⁷ Веселовский С Б Исследования по истории класса служилых землевладельцев М, 1969 С 172

настыре. Показания трех грамот, рассмотренные выше, ясно говорят о том, насколько несистематичны и разноречивы, а потому мало надежны для исследовательских выводов перечни родственников завещателя, фиксируемые даже в строго официальных документах. Четвертый перечень лишний раз подтверждает такое заключение.

Находится этот перечень в рукописи, хранящейся ныне в музеях Московского Кремля.¹⁸ Рукопись представляет собой евангелие-тетр размером в 1°, на 374 л. (л. I—V не нумерованы + 362 + 4 + I—III не нумерованы). Переплет — доски, украшенные снаружи темно-зеленым бархатом, а внутри — розовой тафтой. Наугольные украшения и средник утрачены. Застежки оторваны. Л. 284 и 305 реставрированы позднее. Л. 96—96 об., 160—160 об., 262 об., 263 об. без текста. Почерк — четкий полуустав второй четверти XVI в. Рукопись акцентована. Водяные знаки рукописи: кувшин с одной ручкой и литерами CM на боковой стороне кувшина (Лихачев. Вод. зн., № 1735 — 1547 г.; Брикe, № 12712 — 1542 г.) и кувшин с одной ручкой и литерами GG на боковой стороне кувшина (Брикe, № 12733 — 1553 г.). Последний знак имеет бумага, которая явно позднее была приплетена к началу и концу рукописи (ненумерованные листы). Таким образом, рукопись должна датироваться 40-ми гг. XVI в. На л. 8, 97, 161 и 268 имеются миниатюры с изображением четырех евангелистов: Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Миниатюры прикрыты «занавесками», изготовленными из прозрачного шелка оранжевого и розового цветов. На л. 9, 98, 162, 269 и 342 — заставки старопечатного стиля. Заголовки и последние строки на л. 9, 98, 162, 269 выполнены золотом, текст здесь начинается с украшенных инициалов К, З, П, В. На л. 342 золотом выполнены заголовок и начало текста. На боковых полях л. 24 об., 41 об., 58 об., 76 об., 119, 130, 143, 182, 203 об., 223 об., 243 об., 284, 299, 312 об., 326 об. помещены изящно орнаментированные круги, обозначающие чтения соответствующих евангельских текстов во вторникам, средам, четвергам и пятницам. По нижнему полю л. 10—12 темно-коричневыми чернилами сделана запись: «Сие евангеліе даде в дом живоначал(ь)ныа Тро(и)ца и с(ва)т(о)го ап(о)с(то)ла Филиппа /и с(ва)щ(е)нно(м)с(ь)ч(еника) Ипат(и)а тр(о)ицк(о)н Сергіева монастыря / грѣшн(о)и чернец Андрѣанъ Ангг(е)ловъ и подписал своею рѣкою». Таким образом, евангелие являлось вкладом Андриана Ангелова в Ипатьевский монастырь.

Однако главный интерес представляет не эта запись, а две другие, помещенные на л. 360—362 об. евангелия. Первая из них написана почерком, близким тому, каким написана вся рукопись. Приводим ее полностью (киноварные буквы подчеркнуты тонкой линией, выносные буквы выделены курсивом особым шрифтом).

л 360 Лѣта сед(ь)мы тысящ шестьдесят девят(о) февраля 28 по приказу Семена Дмитреевича Пѣшкова Савжрова, во иноцѣх Сергіа, и по д(ь)ховнои его грамотѣ приказники Семеновы дали, кн(а)зь Иванъ Андрѣевичъ Бжлаговъ да троецк(о)н Сергіева мн(а)стыря келарь старецъ Андрѣанъ Аньг(е)ловъ дали в домъ живонач(а)л(о)н Тро(и)це в Ыпатцк(о)н монастырь на Костромѣ иж(м)енъ Васанъ з вратнею или кто по нем иныи иж(м)енъ вѣдет село Якольское з деревнями да двѣ трети Лещевскіе з деревнями же по Семене по Дмитреевиче и по всем(ь) его родж. И написати Семена // и его р(о)д(и)тели всѣ в вѣчныа сенаники с селники въ всѣ, да и кормы корѣмити.

¹⁸ Музеи Московского Кремля, ф 2, охр 18585, о п 19081

1 кормъ по Семене, а во иноцѣхъ Сергіе, сентаб(ра) 1 на память Семивна Стапыника.

Второн кормъ по Семене же да по брате его по Иванѣ, да по с(ы)не его по Димитрій вк(т)авра 26.

Третій кормъ по Семене же, а во иноцѣхъ Сергіи, и по всѣхъ родителен Семеновых вк(т)авра 17.

Четвертын кормъ по Семене же инок(ѣ) Сергіе да по ш(т)це его Димитріе и по м(а)т(е)ри его Акилинѣ нотабра 17.

Пятын кормъ по Семене же инокѣ Сергіе на его преставленіе феврал(а) 28.

Шестын кормъ по Семене же инок(ѣ) Сергіе да по Февдоре по Пѣшковѣ, да по Геургіе Коньстантиновѣ, да по Данилѣ, // да по Геургіевѣ с(ы)не Иване апрѣла 23. л 361

Седмын кормъ по Семене же инокѣ Сергіе да по Семене Февдоровиче Савжровѣ и по его с(ы)нѣ Коньс(т)антинѣ маіа 1.

Усмын кормъ по Семене же инок(ѣ) Сергіе да по сестрѣ его инокѣ княгинѣ Февдоре и по с(ы)нѣ ея, аже в(о)жїа вола станетца, его в животѣ не станет, по троецком старцѣ Сергіева монастыра Андрѣанѣ Микжлине с(ы)не Ангилловѣ маіа 29.

Десятын кормъ по Семене же инок(ѣ) Сергіе да по женѣ его Домникїи, да по брате его по Никиѡвре іюна 2 д(на).

Десатын кормъ по Семене же инокѣ Сергіе да по женѣ его Домникїе, да по с(ы)нѣ его по Димитрій июла 4.

Да троецкон Сергіева монастыра грѣшном чернецѣ Андрѣанѣ Ангиллов дал ш(т) себя ев(ан)г(е)ліе // в дестѣ, а на нем бархатѣ з золотом да распатїе и ев(ан)галисты серебряны литые, позолочены. А въ ев(ан)г(е)ліе ев(ан)г(е)листы писаны на золотѣ, а заставицы и строки писаны золотом. Да далъ на образ чудотворца Сергіа 4 рубли. Да далъ гривны к живоначалном Троици ко шбразж рубли да шжерелїе на ризы ш два кржжива з золотомъ да с серебромъ, да кандїю. И то все далъ еси по себѣ и по своих родителен в дом живоначал(ь)нон Троице и великомж ап(о)с(то)лж Филиппѣ и с(ва)щенном(ѣ)ч(е)н(и)кж Іпатїю. И игѣменѣ Васїанѣ, еже ш Х(рист)е з братїєю, или кто по немъ инын игѣменѣ вждетъ, при его животѣ за него в(о)га молити. А в(о)гъ пошлет по его д(ѣ)шж, ино его за тотъ вкладъ // и что Семен Димитріевич далъ вкладъ вотчинж свою по себѣ и по своих родителехъ и по Андрѣане. И за тѣ всѣ вклады написати Андрѣана в вѣчныа сенаники во всѣ да и кормъ по нем кормити. А тог(о) ев(ан)г(е)ліа из мн(а)стыра не ш(т)дати. А кто ш(т)дасть, и шнѣ в том в(о)гж ш(т)вѣтъ дастъ. л 362 об

Игѣменж Васїанж з врат(ь)єю или хто по нем инын игѣменѣ вждет оу живоначалном Троицы в Іпатцкомъ монастыре тѣ кормы по Семене и по его р(о)дителен кормити сп(о)лѣна вошїе кормы, а к инымъ кормом не прикладывати. А в кормы ества на врат(и)ю четвера рыба да по колачю. А пит(ь)е на врат(и)ю по мѣре медвенного квасж да по двѣ мѣры пива. Да пожаловати игѣменж написати тѣ // кормы в книги тако же сп(о)лѣна, чтовы и по немъ инын игѣмены и старцы тѣ кормы кормилн вперед по томж же сп(о)лѣна. л 362 об

Первая часть приведенной записи на евангелии представляет собой пересказ текста данной грамоты Ипатьевскому монастырю душеприказчиков С. Д. Пешкова-Сабурова князя Ивана Андреевича Куракина-Булгакова и келаря Троице-Сергиева монастыря Андриана Ангелова. Запись повторяет сведения данной грамоты, но с некоторыми отличиями. Так, если в данной грамоте в качестве дара монастырю упоминается принад-

лежавшее С. Д. Пешкову-Сабурову село Якольское и к нему 11 деревень и 1 починок, названия которых приведены, то в записи на евангелии этот вклад определен обобщенно: «село Якольское з деревнями». В данной грамоте подробно расписано географическое положение двух третей села Лещевского, указано, что к одной, наследственной, трети С. Д. Пешкова-Сабурова относились 4 деревни (их названия приводятся), а другая, покупная, лещевская треть состояла из 5 деревень (их названия также зафиксированы). В записи же на евангелии географические определения и названия деревень опущены, нет указаний на то, по какому праву С. Д. Пешков-Сабуров владел одной третью Лещевского и по какому — другой, о вкладе сказано в целом: «да двѣ трети Лещевскіе з деревнями». Зато в записи точнее (на основании данной грамоты от 1 сентября 1560 г.—28 февраля 1561 г. самого С. Д. Пешкова-Сабурова) определена обязанность монастырской братии увековечить имя знатного вкладчика: «И написати Семена и его рѡд(и)тели всѣ в вѣчныя сенаники с селники вѣ всѣ», тогда как в данной грамоте это требование выражено более трафаретно: «Семена, а во иноцех Сергия, и его родители написати в вечный сенаник»,¹⁹ где отсутствует слово «селники».

После этого требования в записи на евангелии следует перечень кормов, которые должны были следовать братии Ипатьевского монастыря по С. Д. Пешкове-Сабурове и его родственникам. Всего перечислено десять кормов. Такое же количество кормов названо и в данной грамоте душеприказчиков С. Д. Пешкова-Сабурова. Однако последовательность кормов в документе и записи совершенно различна. В данной грамоте кормы перечисляются в порядке той значимости, какую придавали им И. А. Булгаков и Андриан Ангелов. В записи же на евангелии кормы перечисляются в хронологической последовательности, в порядке дней сентябрьского года. Поэтому первый корм данной грамоты, предназначенный монахам в самый важный, с точки зрения душеприказчиков С. Д. Пешкова-Сабурова, день — день его кончины, соответствует пятому корму записи на евангелии. Второй корм грамоты — первому корму записи, третий — седьмому, четвертый — четвертому же, пятый — восьмому, шестой — второму, седьмой — десятому, восьмой — шестому, девятый — тоже девятому, а десятый — третьему. При этом в текстах о кормах двух источников наблюдается ряд различий. В данной грамоте указывается, что седьмой корм давался по второй жене С. Д. Пешкова-Сабурова Домне, восьмой — по Федоре Пешкове-Сабурове и Юрии Константиновиче Пешкове, девятый корм — по первой жене С. Д. Пешкова-Сабурова тоже Домне. В записи на евангелии имя Домна заменено на Домника, опущено указание на первую и вторую жен С. Д. Пешкова-Сабурова, Федор Пешков-Сабуров назван Федором Пешковым, а Юрий Константинович Пешков — Георгием Константиновичем (кормы девятый, десятый и шестой записи). Кроме того, в записи на евангелии отмечено, что корм на 1 сентября приходился на день «Семишна Стѣпника», восьмой корм данной грамоты (шестой записи) давался также «по Гергѣевѣ с(ы)не Иване», т. е. по сыне Ю. К. Пешкова, а корм пятый грамоты (восьмой записи) — по «Андрѣанѣ Микѣлине с(ы)не Ангилѡвѣ маѣ 29» (в данной грамоте нет указаний на отчество Андриана Ангелова и на день корма). Таким образом, окончательный состав родственников С. Д. Пешкова-Сабурова определялся в 17 человек. Следует подчеркнуть, что это были его ближайшие родственники, имевшие одного родоначальника — деда С. Д. Пешкова-Сабурова Семена Федоровича Пешка-Сабу-

¹⁹ Антонов А В Костромские монастыри № 8 С 69

рова. Очевидно, с точки зрения скончавшегося 28 февраля 1561 г. Семена Дмитриевича, дедом и потомством последнего и ограничивался весь его род. Представители других ветвей семьи Федора Сабурова не упоминались (даже связанные узами родства с великим князем Василием III), хотя из завещания С Д. Пешкова-Сабурова видно, что дела с ними Семен Дмитриевич имел.²⁰ Вместе с родственниками по мужской линии в документах С Д. Пешкова-Сабурова упоминался и его родственник по женской линии — племянник Андриан Микулин сын Ангелов, полное имя которого в записи на евангелии лишний раз свидетельствует о правильности проведенного выше отождествления Андриана Микулина (Микулича) и Андриана Ангелова трех грамот С. Д. Пешкова-Сабурова и его душеприказчиков.

Заключительная часть процитированной выше первой записи на евангелии посвящена вкладам в костромской Ипатьевский монастырь самого Андриана Ангелова, пожертвовавшего туда богатое евангелие, деньги и украшения для икон.

Вторая запись на евангелии Андриана Ангелова, сделанная иным почерком и иными, более темными чернилами, свидетельствует еще об одном вкладе старца Троице-Сергиева монастыря: «*Дѣтѣ 7072-г(о). Да Андрианъ же далъ часы вол(ь)шїе с перечаіем за пѣт(ь)десят рублиев. И при его животѣ за него в(о)га молити. А после его живота написати ег(о) в сенаники да и кормъ по нем кормити, доколева велит в(о)гъ и с(ва)тон шентели сен стоати*» (л. 362 об). Помимо указания на редкий вклад — по-видимому, напольные часы с перезвоном, запись содержит важное свидетельство о том, что по меньшей мере 1 сентября 1563 г. Андриан Ангелов был жив, хотя и оставил свою должность троице-сергиевского келаря.²¹ Тем самым становятся несостоятельными бытующие в науке утверждения о том, что Андриан Ангелов скончался в 1561 г., причем был казнен по приказу Ивана Грозного.²²

²⁰ Там же № 6 С 61 (упомянуты Строй и Афанасий Федоровичи Сабуровы, а также Афанасий Петрович Годунов)

²¹ 20 апреля 1561 г — время последнего упоминания Андриана Ангелова в качестве келаря Троице-Сергиева монастыря. В апреле 1561 г начинает упоминаться новый келарь — Дорофей (см. Архив РАН, ф 620 (фонд С Б Веселовского), оп 1, ед хр 19, с 359)

²² Так, например, без ссылок на источники и литературу утверждает Б М Клосс (см. Клосс Б М Избранные труды Т 1 Житие Сергия Радонежского М, 1998 С 138)

Г. В. МАРКЕЛОВ

Памятники старообрядческой историографии в фондах Древлехранилища Пушкинского Дома

В рукописном наследии русских старообрядцев исторические сочинения занимают весьма важную часть. Наряду с агиографическими, полемическими, гимнографическими, литургическими и другими произведениями, жанровые основы которых старообрядцы почерпнули из древнерусской книжной традиции, в староверческой среде создавалась своя письменная история, памятники которой во многом отличались от историографических образцов Древней Руси.

В XIX—XX вв. российскими учеными¹ были учтены, исследованы и опубликованы списки многих произведений, однако значительная часть рукописного наследия старообрядцев остается вне поля зрения исследователей. Данный обзор имеет целью указать на рукописи исторического содержания, находящиеся в Хранилище Древнерусских рукописей имени В. И. Малышева в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН.

Как известно, фонды Древлехранилища Пушкинского Дома пополнялись за счет археографических экспедиций, направлявшихся в районы, заселенные старообрядцами и их потомками, а также за счет приобретенных коллекций от собирателей древнерусской книжности, большинство из которых также являлись старообрядцами разных согласий. За пять десятилетий своего существования Древлехранилище в значительной степени стало представлять собой библиотеку русского староверия, в которой имеется немало памятников историографии старообрядцев разных согласий.

Наибольшая часть рукописей старообрядцев-*беспоповцев* принадлежит поморской рукописно-книжной традиции Выго-Лексинского общежительства. Произведения и перечень их списков в фондах Пушкинского Дома указан в нашей книге.² Среди них сочинения по истории Выго-Лексинской обители или о начале поморского согласия насчитывают более 40 списков, и повторять сведения о них в настоящем кратком обзоре не имеет смысла,³ тем более, что ряд текстов рассмотрен в новейших исследованиях Е. М. Юхименко и Н. С. Гурьяновой.⁴

¹ См исследования П С Смирнова, Н Субботина, Г Есипова, Е В Барсова В Г Дружинина, С А Зеньковского, В И Малышева, Н Н Покровского, Н В Поньрко, Е М Юхименко, Ю Н Бубнова, Н С Гурьяновой, А И Мальцева, Н С Демковой и др

² Маркелов Г В Писания выговцев Инципитарий (в печати)

³ Там же См № 13, 14, 43, 118, 150, 166, 167, 189

⁴ Юхименко Е М Выговская старообрядческая пустынь Духовная жизнь и литература В 2 т М, 2002, Гурьянова Н С История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века Новосибирск, 1996

Честь открытия многих оригинальных сочинений беспоповцев принадлежит основателю Древлехранилища В. И. Малышеву. Так, произведение печорского сельского историографа «Сказание миробытной истории, от сотворения мира и до нынешних времен вкратце написанная» (Усть-Цилемское собр., № 69, л. 2—69) найдено ученым на Печоре. Впервые описывая Сказание, В. И. Малышев указал, что оно сочинено в 1840-х гг., в период, предшествовавший жестоким репрессиям против староверов.⁵ В тексте продемонстрировано лояльное отношение к властям, особенно к Петру Великому и Александру I. Не исключено, что автором являлся кто-то из местных печорских поморцев, упомянувший в качестве духовных учителей основателей Выговской пустыни и призывавший считать истинными христианами тех, кто укрывается в лесах и скитах. К особенностям текста следует отнести краткое конспективное изложение мировых исторических событий.

В ряду местных исторических сочинений поморцев отметим «Известное показание о нашей православной христианской вере Устинской волости в пределах в Уре(н)ских»⁶ (Отдельные поступления, оп 24, № 130, л. 545—564), которое изобилует точными реалиями и подробностями, поскольку описывает исключительно местную историю. В «Показании» излагаются события от начала до 80-х гг. XVIII в., происходившие в крупном старообрядческом селе Урень в Костромской губернии. Как явствует из текста, автором был местный житель из числа поморцев. В его описании довольно спокойное течение жизни местных общин, устроители которых были благословлены еще самим Даниилом Викулиным, прерывается появлением «раздорников», сначала филипповцев, а затем и федосеевцев. Уреньским староверам приходилось отправлять на Выг своих представителей с тем, чтобы там получать образцы уставов, ибо именно Выгореция неизменно оставалась духовным авторитетом для поморцев. Хронологическая канва повествования служит как бы фоном для заключительной части текста, в которой автор сурово обличает «раздорников», вносящих смуту и соблазн в правое бытие односельчан.

Повод для написания другого беспоповского сочинения XVIII в. указан в самом названии памятника, обращенного к «Требующим доказательства, от кого и с каких времен... прияха власть прости крестити и на покаяние приимати...»⁷ (колл. Перетца, № 572, л. 131—138). Главным эпизодом повествования является рассказ о деятельности и решениях так называемого «Курженинского» собора, от которого староверы многих толков ведут свои родословные. На соборе, согласно рукописи, было предоставлено право мирянам (т. е. «простым») в случае крайней необходимости совершать некоторые таинства без рукоположенных священников. Эта же тема продолжена и в «Сказании о прежде бывших начальных отец наших»⁸ (в той же рукописи, с л. 138 об.), сочиненном после 1810 г. кем-то из федосеевцев. В «Сказании» перечислены беспоповские наставники-федосеевцы, перечни которых доведены до 1798 г., новгородских, псковских, ярославских, польских, стародубских и других общин.

Оба вышеуказанных сочинения были использованы автором весьма пространной истории федосеевцев: «Толкование на главу 57 о степени

⁵ Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 119.

⁶ В указателе Дружинина (см. Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев СПб., 1912) текст не отмечен. Часть сочинений, рассматриваемых в настоящем обзоре, не была известна В. Г. Дружинину.

⁷ Дружинин В. Г. Писания. С. 451.

⁸ Там же. С. 415.

отеческой от последних благочестивых священнопастырей и их приемников, страдавших за древнее благочестие иноков и простых, правящих духовными делами...»⁹ (колл. Заволоко, № 33, л. 193—239 об.). Автор ссылается и на другие источники кроме указанных: «Историю о московских страдальцах» (?), Соловецкую челобитную, «Российский Виноград» и др. В этом позднем федосеевском сочинении подробно и старательно описывается случившееся вплоть до 1885 г. Текст создан очевидцем и участником многих событий, касающихся Преображенского кладбища. Автор скрыл свое имя за инициалами «Е. Я. К.».¹⁰

С Преображенским кладбищем в Москве тесно связана судьба старообрядческого хроникера из Курляндии Василия Золотова. Созданный им «Хронограф сиречь летописец Курляндско-Литовский» (Латгальское собр., № 51), в котором известия доведены до середины XIX в., является уникальным источником по истории русских федосеевских общин в Прибалтике начиная с XVII в.¹¹

Историка может заинтересовать небольшое повествование о жизни московского купца-федосеевца Ф. Ф. Осинина¹² (1752—1814) (колл. Пухальского, № 18). Его тело, погребенное на Преображенском кладбище, в 1824 г. было обретоено нетленным. Уместно напомнить, что важным историческим материалом обладают рукописные синодики — помянники, причем в традиционных поморских списках нередко встречаются добавления и маргинальные приписки, являющиеся уникальными документами. Так, в Синодике конца XVIII в. (колл. Руденок, № 14, л. 216—228 об.) помещены жизнеописания и словесные портреты именитых петербургских купцов Долгих, бывших в течение 1710—1791 гг. крупнейшими благотворителями Выго-Лексинской общины.¹³

Памятники старообрядческой историографии содержат нередко малоизвестные детали и подробности. Так, в одном из страннических (скрытнических) сборников конца XIX в. (Верхне-Печорское собр., № 118)¹⁴ описываются эпизоды из жизни русских староверов, скрывавшихся в Крымских лесах с 1683 г. (?). После побед Потемкина и Суворова таврические скрытники составили делегацию от шести скитов и обратились к Потемкину с просьбой разрешить им жить по-старому, безбрачно и без документов, на что якобы и было получено устное дозволение светлейшего. Основатель страннического толка старец Евфимий, как повествуется в рукописи, имел то же учение и корень веры, что и крымские пустынники, и только за недосугом не успел к ним приехать. Любопытно, что автор ссылается на «Историю русской Церкви» Филарета (Гумилевского) и на издание «Исторических актов».

Сочинения по истории странников¹⁵ представлены в Древлехранилище Пушкинского Дома анонимным «Сказанием о начатии и происхождении странников и различных отраслех»¹⁶ (колл. Амосова—Богдановой, № 107,

⁹ Там же Текст не отмечен

¹⁰ Вероятно, Е Я Карев — историограф, певчий федосеевского Преображенского кладбища

¹¹ См нашу публикацию памятника Маркелов Г В Дегуцкий летописец // Древлехранилище Пушкинского Дома Материалы и исследования Л, 1990 С 166 248

¹² Дружинин В Г Писания Текст не отмечен

¹³ Бударайин В П Биография петербургского купца Ф К Долгого в старообрядческом синодике конца XVIII—начала XIX веков // IN MEMORIAM Сб памяти Я С Лурье СПб, 1997 С 321—325

¹⁴ Ср близкий текст в сборнике из колл Амосова—Богдановой, № 107, л 169—181

¹⁵ Перечень сочинений странников см в кн Мальцев А И Староверы-странники в XVIII—I-й половине XIX в Новосибирск, 1996 С 233—265

¹⁶ Дружинин В Г Писания Текст не отмечен

л. 169—181). Автор, подробно излагая биографию старца Евфимия, скончавшегося в 1782 (?) г., критически относится к самоубийственной практике «запощевания» и иным «мудрованиям» странников. Произведение создано не позднее середины XIX в. История странников от начала «толка» и до 1890-х гг. в Вологодской, Ярославской и Томской губерниях прослеживается в полемическом сборнике конца XIX в. (Карельское собр., № 92). Здесь в канву полемических трактатов включены целые отрывки из «Книги „Русский сектант“», в которых хронология странников доведена до конца XIX в. История включает подробные сведения об известном идеологе и полемисте Никите Семенове и его следственном деле, о жизни и быте преемников Никиты в страннических скитах Томской губернии, приведены рассмотрения статей по вопросам брака и т. д. Тем же почерком, что и в вышеуказанном сборнике, переписано позднее авторское послание, начинающееся со слов: «По разделении поповщины со старообрядцами поморского согласия...»¹⁷ (Карельское собр., № 567, л. 158—163, сочинение без заглавия).¹⁸ В сочинении также рассмотрено родословие странников, здесь названное «братством».

В уже упоминавшемся сборнике начала XIX в. из собр. Перетца, № 572 находится (с л. 153 об.) составленное в жанре полемического послания «Известие о Филиппе старце, от которого и согласие Филиппово именуется».¹⁹ «Известие» содержит биографические сведения об основателе филипповского толка, историю его конфликта с Семеном Денисовым, а также критику его учения, написанную с позиций федосеевцев, осуждавших практику самосожжений. Памятник содержит немало подробностей о первоначальном этапе формирования филипповского согласия.

Как известно, филипповское согласие распространилось в северных губерниях после разорения и упадка поморской Выго-Лексинской обители в середине XIX в. От филипповцев ведут свое происхождение странники, называемые также скрытниками, бегунами, подпольщиками и т. д., чье учение отличается наибольшим радикализмом, полным неприятием внешнего мира — мира антихриста. Но филипповский же толк породил и более умеренное и даже признающее брак согласие аароновцев. О последних повествует «История о разных христианах, обретающихся в Сольвыгодском уезде в разных местах»²⁰ (колл. Амосова—Богдановой, № 107, л. 36—59). Памятник создан около 1880 г. в связи с обострившейся полемикой между филипповцами и «либеральными» аароновцами по вопросам брачной жизни. Автор стоял на позициях непримиримого филипповца и оснастил свой труд многочисленными подробностями из местной жизни. Об Аароне и его сподвижнике Ануфрии Протопопове, основавших свое бракоприемлющее согласие, повествуется в кратком сочинении начала XX в., называемом «От чего называется аароновское согласие или секта и почему называется безголовая»²¹ (колл. Амосова—Богдановой, № 178).

Исследователям известна особенность многих старообрядческих волостей, характерная для кризисного состояния местных сообществ, когда внутри одного села можно встретить адептов противоположных конфессий, находящихся в крайне враждебных отношениях между собой. Неред-

¹⁷ Там же Текст не отмечен

¹⁸ Ср текст в сборнике Керженского собр., № 24, л 133

¹⁹ Дружинин В Г Писания Текст не отмечен

²⁰ Куандыков А К Филипповские полемические сочинения XIX в о скитской жизни // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири Новосибирск, 1982 С 119—122

²¹ Дружинин В Г Писания Текст не отмечен

ко такие внутренние расколы вызывали появление сочинений местных историографов, пытающихся доискаться до корней своего толка и доказать его истинность и непогрешимость. К их числу относится «**Повествование о родословии христианском в Нижнетоемской волости**»²² (колл. Амосова—Богдановой, № 107, л. 71—75 об.). В этом сочинении, как и в ряде других произведений северодвинских сельских историографов,²³ сочетаются традиционные письменные источники с местными полулегендарными повествованиями.

Старообрядческие историографы не гнушались обращаться к светским источникам. Например, анонимный автор из Причудья, собирая выписки по общей истории раскола XVII в., делал ссылки на сочинения Татищева (Причудское собр., № 14). Выписки из рукописных фондов Соловецкого собрания, Румянцевского музея, Императорской Публичной библиотеки и других архивов, а также библиографические отсылки можно найти в сборнике конца XIX в., написанном кем-то из «скрытников» (Мезенское собр., № 24, с л. 14).

По сравнению с количеством исторических сочинений, созданных представителями беспоповцев разных согласий, исторических произведений, написанных *поповцами*, значительно меньше, как меньше и самих поповских согласий, сохранявших относительную монолитность, в отличие от обильно разветвлявшихся беспоповцев.

Выделим вначале беглопововские сочинения. Перечень иереев «древнего благочестия», рукоположенных после епископа Павла Коломенского и бежавших от Никоновых «новин» в разные места России, содержится в сочинении, озаглавленном: «**Списано вкратце о бегствующих отец древлехиротонисанных Филаретом и прочими митрополиты, архиепископами и епископами**»²⁴ (Керженское собр., № 108, л. 45 об.). По замечанию автора, мощи этих отцов почивают нетленными. Известное во многих списках сочинение беспоповца Ивана Алексеяева «**История о бегствующем священстве**»²⁵ также имеется в фондах Древлехранилища (Северодвинское собр., № 362).

Образцом поповской историографии можно считать «**Кратчайшее начертание истории Ветковской церкви, вкупе же и краткое изложение догматов и преданий, чинов же и обрядов и обычаев**»²⁶ (Мезенское собр., № 24). «Начертание» сочинено выдающимся писателем, автором известного «Окружного послания» поповцем И. Г. Кабановым (Ксеносом) (1819—1882) и содержит пространный обзор событий, начинающихся с реформ патриарха Никона. Ветковская история изложена подробно; например, автор приводит «Реестр или счисление священников ветковских» от Феодосия, бежавшего в Стародубье еще при царевне Софье, до отца Михаила Калмыка, скончавшегося в 1795 г. Важно отметить, что в тексте приведен перечень местных авторов и список их сочинений. Старательно описаны эпизоды разорения («выгонки»), постигшие обитель в 1736 и 1763 гг. и носившие губительный характер. Однако Ветка выстояла и даже укрепила «филиалы» в Стародубье, Зыбкове, Митковке, Климове, Казани. В «Начертании» имеются ссылки на различные источники,

²² Там же Текст не отмечен

²³ Бобров А. Г. Из истории народной письменности Русского Севера (Старообрядческое сочинение 1887 г. о качемских скитах) // Культурно-исторический диалог Традиция и текст СПб., 1993 С. 30—41

²⁴ Дружинин В. Г. Писания Текст не отмечен

²⁵ Там же С. 36, 41

²⁶ Там же Текст не отмечен

например на некую «Историю рукописную Морозовых» и даже на светский альманах «Сын отечества».

Другая «Летопись Ветковской церкви Покровского монастыря» также принадлежит к числу авторских сочинений и сохранилась в автографе (колл. Перетца, № 387).²⁷ Рукопись представляет собой пространный дневник певчего Покровской обители Якова Степановича Беляева, начатый в 1779 г. В дневнике Беляева сочетаются подробности обительской жизни с обильной цитацией полемических сочинений и посланий местных авторов. Летопись ценна тем, что в ней зафиксированы свидетельства очевидца, наблюдавшего и отчасти участвовавшего в процессе становления в России единоверческой церкви. Яков Беляев повествует о том, как в начале 1780-х гг. у ветковцев зародилась идея испросить для себя архиерея от правительствующего Синода и как с помощью князя Потемкина и графа Румянцева в Петербурге им удалось добиться осуществления своего плана. В дневнике можно найти портреты и характеристики современников, описания происшествий, бытовые зарисовки, описания архитектуры и убранства Ветковской обители. Подробно описаны Беляевым жизнь и работа местных иконописцев, переписчиков книг, певчих, а также поездки на ярмарки, путешествия в Москву, Петербург, Заволжье. Я. С. Беляев предположительно был автором еще нескольких книг, в которых выступал как апологет единоверия.

Еще один памятник ветковской истории имеет название «Синоксарь богоспасаемого монастыря Покровского Климовского, нареченного в святом крещении Новопечерским Киевским. Списанья того монастыря келарем о страдалческих подвигах православных христиан»²⁸ (колл. Перетца, № 428). В этом сочинении конца XVIII в. повествуется о драматической осаде ветковских обителей — мужской Покровской и женской Казанской — драгунами, которых новгород-северский губернатор И. Б. Бибииков по настоянию протоиерея Андрея Иоаннова Журавлева²⁹ направил с целью закрытия монастыря в 1791 г. Сочинение написано, по всей вероятности, очевидцем событий в духе древнерусской исторической повести и включает описания «чудес», вроде того, что пули драгунских ружей запутывались в бородах защитников, не причиняя осажденным никакого вреда. Подробно описываются многодневная осада обителей, сопротивление старообрядцев, бесчинства воинской команды. Осада по указу киевского наместника окончилась миром, и ветковцам на какое-то время разрешили жить по-старому.

История Белокриницкой старообрядческой иерархии представлена в Древлехранилище Пушкинского Дома списком «Краткой истории древле-православной Российской церкви благочестиваго священства»³⁰ (Отдельные поступления, оп. 23, № 82, л. 1—16). В написанном в 1878 г. сочинении проводится присущая поповцам мысль о непрерывности священства от протопопы Аввакума через керженских и ветковских настоятелей до митрополита Амвросия, ставшего первым архиереем нового времени, рукоположившим старообрядческих священников, чьи преемники окормляют поповские общины и поныне. В этой же рукописи имеется «Краткое начертание о жизни Амвросия митрополита Белокриницкаго» (л. 58 и

²⁷ Там же Текст не отмечен

²⁸ Текст издан См Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В Кельсиевым Лондон, 1861 Вып 2 С 221—244

²⁹ Охтинский протоиерей о А И Журавлев — автор первого исследования о русских старообрядцах Полное историческое известие о древних стригильниках и новых раскольниках СПб, 1792

³⁰ Сочинение издано в Яссах, в типографии А Берма и К°, 1878

след.), причем в тексте приведены выдержки из подлинных документов, в числе которых: ставленные грамоты, переписка Амвросия с властями Австро-Венгрии, вначале разрешившими ему служить на территории Буковины, а затем, под давлением Петербурга, запретившими митрополиту служить в старообрядческой Белой Кринице.

Схожие сведения содержатся в рукописи с утраченным названием (колл. Перетца, № 649), написанной незадолго до 1869 г. Текст представляет собой обширную компиляцию из разных источников и начинается с известий о реформах патриарха Никона. Кроме сведений, повторяющихся в разных старообрядческих сочинениях, в рукописи содержатся описания малоизвестных фактов о гонениях во времена Анны Иоанновны, о донских казаках, подвергнутых пыткам, о разорении Иргизского монастыря, о бегстве казаков-некрасовцев в Турцию и оттуда на Дунай. История заканчивается призывом митрополита Амвросия в Белую Криницу. Весьма краткие выписки из преимущественно светских источников по истории Белокриницкой иерархии находятся в сборнике XX в. из колл. Заволоко, № 263.

Редкие сведения по истории уральских и сибирских «часовенных» староверов находятся в гектографированной копии начала XX в анонимного сочинения, озаглавленного «**Краткое описание о бегстве православнаго христианскаго благочестиваго священства, влекущего благословение от Иосифа патриарха по лестнице нисходящей...**»³¹ (Отдельные поступления, оп. 23, № 94). Кроме общеизвестных данных о родословии поповских согласий в сочинении излагается история екатеринбургских и верхотурских скитов, доведенная до 1890 г.³² Здесь также приведены постановления местных соборов: Чулымского (1909), Бийских (1903—1908), Ектеринбургского (1888), Рамыльского (1890).

Заметим, что разделы исторического содержания вставлялись старообрядческими авторами в сочинения разных жанров и тематической направленности. Не всегда за многословным названием того или иного сочинения можно угадать, что в памятнике имеется интересующий нас раздел. Равно как и то, что фигурирующие в названии произведения слова «история» или «исторический» не обязательно указывают на действительно историографическое содержание памятника. Эти особенности старообрядческой литературы следует учитывать при просмотре рукописей.

³¹ Байдин В И, Шашков А Т Исторические сочинения уральских старообрядцев XVIII—XIX вв // Историография общественной мысли дореволюционного Урала Свердловск, 1988 С 4—9

³² Духовная литература староверов востока России XVII—XX вв Новосибирск, 1999 С 31—391

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Н. ПОППЕ-МЛАДШИЙ

О тюркских лексических заимствованиях в «Слове о полку Игореве» и «Задонщине»*

Изучение алтайских лексических элементов, наличествующих в «Слове о полку Игореве», важно не только для лексикологии, но и для соотносительной датировки Слова и Задонщины. Словарный состав Слова содержит около 45 архаичных слов, являющихся алтайскими (тюркскими) заимствованиями.¹ Многие из этих слов — имена собственные, титулы и наименования племен. Лишь немногие из этих слов, например *коцши* и *телега*, представлены в современном русском языке. Большинство этих лексических заимствований относится к куманам (половцам), поскольку в Слове говорится о походе 1185 г. против них. В последнее время на основе анализа словарного состава Задонщины и Слова еще раз с очевидностью показано старшинство Слова по отношению к Задонщине, вторичность Задонщины и ее зависимость от Слова.²

Предметом данной работы является рассмотрение этих лексических данных с точки зрения генетической взаимосвязи между Задонщиной и Словом.

До того как перейти к рассмотрению лексического материала из Задонщины, следует привести краткий обзор работ об алтайских (тюркских) заимствованиях в Слове

Спустя более полувека со времени открытия и издания Слова, известный ученый-востоковед И. Н. Березин в своей рецензии на один из переводов Слова на современный русский язык отметил присутствие в тексте Слова следующих тюркизмов: *жемчугъ*, *орьтъма*, *чага* и *япончица* и, кроме того, истолковал этимологию куманских (половецких) имен Гза, Кобякъ и Кончакъ.³ Статья Березина представляла собой значительное научное достижение, будучи написанной, когда изучение тюркских языков еще только начиналось⁴

* Авторский перевод статьи Poppe N., Jr A Note on Turkic Lexical Elements in the «Slovo o polku Igoreve» and «Zadonščina» // Slavonic and East European Review 2001 Vol 72, N 2 P 201—211

¹ Почти все слова алтайского происхождения в Слове — тюркизмы, *тельга* и *хоругвь*, в конечном счете, монгольского происхождения. Подробный обзор работ об этих словах Poppe N., Jr A Survey of Studies of Turkic Loan Words in the «Slovo o polku Igoreve» // Central Asiatic Journal 1984 Vol 28, N 1—2 P 88—99

² Poppe N., Jr 1) A Textological Note on Altaic Loan Words in the «Zadonščina» and the «Slovo o polku Igoreve» // Scando-Slavica 1993 T 39 P 122—127, 2) A Survey P 98—99

³ Березин И. Н. Игорь, князь северский / Перевод Николая Гербеля // Москвитянин 1854 T 6, № 22, кн 2 Отд 4 С 68—71

⁴ Более ранняя попытка истолковать ориентализмы Слова предпринятая арабистом Ф. И. Эрдманом, была неудачной. Когда Эрдман работал над статьей, еще не существовало

Систематическое изучение тюркского словарного состава Слова было предпринято видным тюркологом и монголоведом П. М. Мелиоранским и отражено в докладе, прочитанном им в Российской Академии наук 20 декабря 1901 г.⁵ Мелиоранский отметил, что изучение тюркизмов Слова требует от исследователя профессионального знания восточных — в данном случае тюркских — языков, а также знания истории и фонологии славянских языков и знакомства со сравнительным индоевропейским языкознанием.⁶

Мелиоранский указал на тюркское происхождение следующих слов, встречающихся в тексте Слова: *блъванъ, бояринъ, бусый, быля, жемчугъ, коганъ, кощи, ногата, орьтъма, салтанъ, шереширъ, япончица и яруга*. Некоторые из этих слов в общих чертах уже были охарактеризованы Ф. Е. Коршем в его рецензии⁷ на словарь тюркских (по преимуществу турецких) заимствований в славянских (по преимуществу южнославянских) языках Ф. Миклошича.⁸ Однако Мелиоранский в отдельных случаях не соглашался с мнением Корша. Например, Мелиоранский считал, что слово *блъванъ* происходит от древнетюркского слова *balbal* «стела, памятник в честь умерших», в то время как, по мнению Корша, это древнерусское слово представляет собой заимствование из персидского языка.⁹ Мелиоранский не соглашался с мнением Корша, считавшего слово *бусый* производным от тюрк. *boz* «серый», ввиду сложности объяснения перехода *z > s* и *o > и*.¹⁰ Эти работы Мелиоранского и Корша послужили началом ряда публикаций этих ученых,¹¹ охарактеризованных К. Г. Менгесом как превосходный вклад (за исключением отрывков преимущественно полемического характера) в изучение истории восточных — особенно алтайских — заимствованных слов в русском языке.¹² Результатом работ Мелиоранского и Корша явилось собрание лексико-лингвистического материала и установление ряда этимологий, большинство из которых было впоследствии принято М. Фас-

достаточных пособий по тюркским языкам, и тюркская лексика Слова осталась им не замеченной. Эрдман предпринял неудачную попытку объяснить ряд слов в Слове как заимствования из арабского и древнееврейского языков. См. Эрдман Ф. И. Следы азиатизма в «Слове о полку Игореве» // ЖМНП 1842 Ч 36, № 9 Отд 2 С 19—46 Эта ранняя работа о лексике Слова представляет исторический интерес как еще одно свидетельство того что Слово, содержащее тюркские лексические элементы не могло быть создано в XVIII в.

⁵ Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС 1902 Т 7, кн 2 С 273—302

⁶ Там же С 273

⁷ Korsch Theodor Fr Miklosich Die turkischen Elemente in den sudost- und osteuropaischen Sprachen // Archiv fur slavische Philologie 1885 Bd 8 S 637—651, 1886 Bd 9 S 487—520, 653—682

⁸ Miklosich Franz Die turkischen Elemente in den sudost- und osteuropaischen Sprachen // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften Philosophisch-historische Klasse Wien, 1884 Bd 34 S 239—338, Wien, 1889 Bd 38 S 1—88

⁹ Мелиоранский П. М. Турецкие элементы С 280

¹⁰ Там же С 285

¹¹ Кроме вышеуказанных работ Мелиоранского и Корша см также Корш Ф. Е. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (Заметки к исследованию П. М. Мелиоранского) // ИОРЯС 1902 Т 7, кн 2 С 273—302 1904 Т 8, кн 4 С 1—58 Мелиоранский П. М. Вторая статья о турецких элементах «Слова о полку Игореве» (Ответ Коршу) // ИОРЯС 1905 Т 10, кн 2 С 66—92 Корш Ф. Е. По поводу второй статьи П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС 1906 Т 11 кн 1 С 259—315

¹² Menges K. H. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos the Igor' Tale Slovo o ryku Iгореve // Supplement to «Word» 1951 7 P 5 Расширенный вариант в русском переводе А. А. Алексеева Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» Л., 1979

мером¹³ и подтверждено Менгесом с привлечением дополнительного материала. Следует также отметить существенное научное значение замечаний Корша относительно Codex Cumanicus (куманско-латинского словаря и текстов 1303 г.),¹⁴ являющегося главным источником для изучения куманского (половецкого) языка и необходимым пособием для исследования тюркских заимствований в Слове.

В более позднее время Дж. Д. Принц в краткой статье, по сей день представляющей научный интерес,¹⁵ повторил результаты работ Мелиоранского и Корша.¹⁶ Тюркские заимствования также послужили темой работы С. Е. Малова,¹⁷ однако, по мнению Менгеса, эта статья несколько разочаровывающая, поскольку внесла сравнительно немного нового в дополнение к тому, что было достигнуто в работах Мелиоранского и Корша. Существенное значение имеет исследование видного польского тюрколога А. Зайончковского, содержащее обсуждение древнерусских заимствований в куманском языке и, кроме того, истолкование ряда тюркских заимствований в Слове, в особенности имен *Гза*, *Кобякъ*, *Кончакъ*, *Овлуръ*, *Каяла*, *ольберы*, *ревугы*, *топчаки* и *тълковины*.¹⁸ В. А. Гордлевский — автор известного исследования — разъяснил на основе этнографических данных словосочетание *босый волкъ* как кальку из тюркских языков.¹⁹ Н. А. Баскаков рассматривает ряд тюрк-

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка В 4 т / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева М., 1964—1973

¹⁴ Корш продемонстрировал, ссылаясь на фонологические данные, что Codex Cumanicus содержит ряд слов с чертами разных диалектов и что некоторые слова в Codex Cumanicus'e не обязательно половецкие См. Корш Ф. Е. По поводу второй статьи П. М. Мелиоранского С. 262—265

¹⁵ Менгес К. Г. Восточные элементы С. 65

¹⁶ Prince John Dyneley Tatar Material in Old Russian // Proceedings of the American Philosophical Society 1919 58 P. 74—88

¹⁷ Малов С. Е. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» // ИЮЛЯ 1946 Т. 5, вып. 2 С. 129—139

¹⁸ Zajązkowski A. Związki językowe polowiecko-słowiańskie Prace Wrocławskiego towarzystwa naukowego Wrocław, 1949 Seria A No 34 Зайончковский также обсуждает спор о подлинности Слова. Он упоминает известную полемику между А. Мазоном и Р. О. Якобсоном и указывает на то, что аутентичность тюркских лексических элементов Слова признана всеми исследователями-тюркологами (также Менгесом в его работе, написанной почти одновременно с книгой Зайончковского, но появившейся в печати на два года позже) Зайончковский специально упоминает (Ibid S. 50), что он разделяет мнение Якобсона. Это же мнение высказывает Н. А. Баскаков (см. Баскаков Н. А. Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Памятники литературы и искусства XI—XVII веков М., 1978 С. 59), причем Баскаков упоминает, что все исследователи-ориенталисты признают тюркизмы Слова относятся к заимствованиям из тюркских языков домонгольского периода. То же самое высказывает А. Н. Кононов (см. Менгес К. Г. Восточные элементы С. 7—8) Следует отметить, что скептики, отрицавшие аутентичность Слова, как правило, не уделяли внимания архаичной алтайской (тюркской) лексике Слова. Единственным исключением является статья А. А. Зимина (см. Зимин А. А. К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. Научно-исследовательского института при Совете министров Чувашской АССР Чебоксары, 1966 Вып. 31 С. 138—155) Автор (не являющийся тюркологом) намерен отрицать древность тюркской лексики Слова. Следует отметить, что (по существу дилетантская) статья Зимина о тюркизмах Слова не отвечает научным требованиям с точки зрения тюркологии (например, фонетические и грамматические особенности заимствованных тюркских слов в Слове остались вне поля зрения автора) и в действительности не может быть принята всерьез. См., далее, критическое замечание И. Г. Добродомова о статье Зимина как по существу не представляющей научного интереса Добродомов И. Г. К историографии изучения тюркизмов в русском языке // Советская тюркология 1974 Вып. 5 С. 73

¹⁹ Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве») // Избр. соч. М., 1961 Т. 2 С. 432—504

ских слов (включая имена Гза, Кончакъ, Каяла), встречающихся в Слове²⁰

Наиболее всестороннее обсуждение тюркизмов Слова принадлежит видному алтаисту и тюркологу К. Г. Менгесу.²¹ Менгес — автор ряда работ о тюркских лексических заимствованиях в славянских языках,²² он уделяет много внимания фонологии обсуждаемых слов. Например, Менгес приводит в качестве иллюстрации древнерусское слово *ерлыкь* < тюрк. *jarlyq* и ряд дополнительных примеров, чтобы проиллюстрировать переход *e* (/je/ > /ji/) < ja, наблюдающийся в тюркском заимствовании *епанча* < *јапанса*, ср слово *япончица*, встречающееся в Слове²³ Менгес истолковывает переход тюркского безударного *a* в *o* в начальном слоге в древнерусском языке, явление, на которое уже обращал внимание Мелиоранский,²⁴ как результат различной артикуляции безударного гласного /a/ в начальном слоге в древнерусском и тюркских языках.²⁵ Это истолкование проиллюстрировано Менгесом множеством примеров и употреблено им для точного объяснения ряда слов, например *когань* < тюрк. *gaуan* «титул» (китайского происхождения),²⁶ *ногата* < тюрк. *пау(a)t* «денежная единица» (арабского происхождения)²⁷ и нескольких этнонимов, например *оварьский*.²⁸

В большинстве истолкований слов Менгес подтверждает объяснения, приведенные Мелиоранским, но в некоторых трактовках — истолкования, приведенные Коршем. Хотя в ряде случаев Менгес не согласен с отдельными деталями, он приводит дополнительные данные, подтверждающие достоверность этимологических толкований, приведенных Мелиоранским, например, следующих слов: *быля*, *жемчугъ*, *кощи*, *орьтма*, *хоруговь*, *чага*, *шереширь*, *япончица* и *яруга*. Однако в отдельных толкованиях слов Менгес привлекает морфофонемные критерии, оставшиеся не учтенными Мелиоранским, Коршем и Маловым. Например, Менгес указывает на то, что этимологом слова *босый* является алломорф /bos/ тюркской морфемы *boz*, наблюдающийся перед паузой или глухим согласным.²⁹ В данном случае, как и при большинстве этимологических истолкований, приведенных Мелиоранским, Менгес находит дополнительные данные, свидетельствующие о правильности указанных Мелиоранским этимологий.

Некоторые этимологические толкования приводятся Менгесом в порядке гипотезы. Например, не соглашаясь с объяснением Корша слова *бояринь* как производным от тюрк. *бајаг* (ввиду того, что слово *бајаг* является заимствованием из русского языка), Менгес в порядке гипотезы производит слово *бояринь* < *боляринь*³⁰ от *bojlar* (собирательное) или от

²⁰ Баскаков Н. А. Еще о тюркизмах

²¹ Менгес К. Г. Восточные элементы. Менгес рассматривает следующие слова *босыи*, *Боянь*, *бояринь*, *бусовь*, *бълвань*, *быля*, *Влурь*, *жньчюгъ*, *Каялы* (Кляла), *Кобякъ*, *ковылие*, *когань*, *Кончакъ*, *кощи* *Къза* (Гза), *Кърсунь*, *могуть*, *ногата*, *оварьский*, *ольберь*, *орьтма*, *половчинь*, *ревугъ*, *сальтань*, *сапогъ* (засажожникъ), *Сула*, *Сурожь*, *татрань*, *телъга*, *топчакъ*, *тълковинь*, *Тъмторокань*, *харалугъ*, *хорюгъвь*, *хоть*, *хынь*, *чага*, *чолка*, *Шарокань*, *шельбирь*, *шереширь*, *япончица*, *яруга*

²² Список работ Менгеса о тюркских лексических заимствованиях в русском языке см Порре N, Jг A Survey P 95—96

²³ Менгес К. Г. Восточные элементы С 187—188

²⁴ Мелиоранский П. М. Турецкие элементы С 290

²⁵ Менгес К. Г. Восточные элементы С 78

²⁶ Там же С 107—111

²⁷ Там же С 118—119

²⁸ Там же С 120—121

²⁹ Там же С 80, 86

³⁰ См Фасмер М. Этимологический словарь Т 1 С 203

bojlalar (мн. число) орхонско-тюркского bojla «титул».³¹ Тюркское происхождение отдельных слов не установлено Менгесом с полной уверенностью. Например, Менгес объясняет половецкое имя Влурь как, возможно, производное от тюрк. ulug «воющий, тот, кто воет» или от avlug «охотящийся, тот, кто хотится» или, альтернативно, от разных тюркских глаголов. Менгес допускает также возможность, что имя Влурь — славянского происхождения.³²

Несмотря на то что лишь немногие из встречающихся в Слове слов, рассмотренных Мелиоранским, Коршем и Менгесом, представлены в современном русском языке (например, *жемчугъ*, *епанча*), в особенности исследование, осуществленное Менгесом, представляет собой важный вклад в изучение тюркских заимствований в русском языке.³³ Замечания Менгеса о важном значении сохранившихся материалов по куманскому (половецкому) языку, особенно куманско-латинского словаря Codex Cumanicus, для изучения тюркизмов Слова³⁴ применимы и к исследованию тюркских заимствований в древнерусском языке в целом. Существенное значение работа Менгеса имеет также с методологической точки зрения. Характерной ее чертой является исчерпывающий лексико-лингвистический разбор и анализ материала, собранного из тюркских языков в отношении ряда слов из языков соседних тюркам народов, особенно иранских, монгольского и китайского.

В последнее время видный тюрколог Н. А. Баскаков издал обобщающую сводку разъяснений тюркизмов, рассмотренных в работах Мелиоранского, Малова, Гордлевского и Менгеса, и также представил свои истолкования нескольких тюркских заимствований, встречающихся в Слове.³⁵ Например, Баскаков отождествляет название Каяла, по семасиологическим соображениям, с тюрк. Qujaly ~ qa.ja.ly («река, поросшая осокой»),³⁶ в то время как Менгес отождествляет слово Каяла с тюрк. qajaly «скалистая», словом, являющимся производным от qaja «скала».³⁷ В то время как Менгес, как и большинство исследователей, считает, что этноним *хынъ* (*хиновский*) — алтайского происхождения,³⁸ по мнению Баскакова, слово *хынъ* либо алтайского происхождения и означает «гунн, гуннский», либо уральского (финно-угорского) происхождения.³⁹ Кроме рассмотрения тюркского словарного состава Слова монография Баскакова содержит краткий обзор истории древних тюркских народов Восточной Европы⁴⁰ и обстоятельное истолкование этнонимов и антропонимов гуннов, хазар, болгар и других тюркских племен, например племени уз (огуз), упоминающихся в древнерусских летописях.⁴¹

³¹ Менгес К. Г. Восточные элементы С 84

³² Там же С 92—93

³³ Обзор работ о тюркских лексических заимствованиях в русском языке см Порре N, Jr Studies of Turkic Loan Words in Russian // Asiatische Forschungen 34 Wiesbaden, 1971

³⁴ Менгес К. Г. Восточные элементы С 64—65

³⁵ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве» М., 1985 С 99—172

³⁶ Там же С 112—113 См также Баскаков Н. А. «Слово о полку Игореве» и древние тюрки Восточной Европы (IX—XII вв.) // Rocznik Orientalistyczny 1994 Т 4—8, N 2 С 66

³⁷ Менгес К. Г. Восточные элементы С 100

³⁸ Там же С 168—170

³⁹ Баскаков Н. А. Тюркская лексика С 123

⁴⁰ Там же С 12—27

⁴¹ Там же С 28—91

В самое последнее время Баскаков издал обстоятельную статью,⁴² содержащую глоссарии тюркизмов Слова⁴³ и обзор сохранившихся материалов по истории взаимоотношений, в условиях войны и мира, между древними тюркскими народами и восточными славянами.⁴⁴

В то время как работы на тему об алтайской лексике Слова представляют собой существенный вклад в изучение тюркских лексических элементов в русском языке, тюркологи до последнего времени не уделяли внимания присутствию алтайских лексических заимствований в Задонщине. Однако следует отметить, что наличие алтайских лексических элементов в Задонщине освещает вопрос, игравший критически важную роль в споре о подлинности Слова в недавнем прошлом, предпринятом Мазоном и Зиминым,⁴⁵ о генетической связи между Задонщиной и Словом.

Из около 45 алтайских (тюркских) заимствований, имеющих в Слове, в Задонщине встречаются всего 7 (т. е. одна шестая часть).⁴⁶ Кроме того, в Задонщине наблюдается значительное количество тюркизмов, не встречающихся в Слове. Преобладающее большинство слов этой категории в Задонщине представляет собой кыпчакско-тюркские слова, заимствованные в период после монгольского нашествия (например, *байдана*, *булат*, *бусорман*, *камка*, *катуна*, *кончар*, *орда*).⁴⁷ Еще около четверти тюркизмов Слова (например, куманские имена Гза ~ Коза и Кобякъ) представлены также в Ипатьевской летописи.⁴⁸ Приблизительно половина слов алтайского (тюркского) происхождения из Слова не встречается ни в Задонщине, ни в Ипатьевской летописи: *босый*, *бусовъ*, *блъванъ*, *коганъ*, *быля*, *могутъ*, *ногата*, *оварьскыи*, *орьтъма*, *ревузь*, *салтанъ*, *сапогъ* (*засапожникъ*), *Сурожъ*, *татранъ*, *топчакъ*, *тълковинъ*, *шелбиръ*, *шереширъ*, *япончица* и *яруга*.⁴⁹

Эти данные означают, *inter alia*, что если скептики (по мнению которых, Слово является переработкой Задонщины) были бы правы, то мы должны были бы признать невозможное — что в России в конце XVIII в. существовал ученый, обладавший такими знаниями тюркских языков, которые можно обозначить лишь как магические, так как этот гипотетический ученый был способен предвидеть развитие тюркологии на много

⁴² Баскаков Н А «Слово о полку Игореве»

⁴³ Там же С 66—70

⁴⁴ Там же С 51—59

⁴⁵ См Лихачев Д С Великое наследие М, 1975 С 239—242, 348—352

⁴⁶ Porre N, Jr A Textological Note P 124, 127

⁴⁷ Текст Задонщины см Адрианова-Перетц В П «Задонщина» // ТОДРЛ Л, 1948 Т 6 С 201—255, см также «Задонщина» // ПЛДР Вып 4 С 96—111, Sofonja's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field / Eds Roman Jakobson and Dean S Worth The Hague, 1963, ср Зимин А А «Задонщина» (Опыт реконструкции текста Пространной редакции) // Учен зап Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР Вып 36 (История, этнография, социология) Чебоксары, 1967 С 216—239 Кыпчакско-тюркские слова, заимствованные в период после монгольского нашествия, не встречающиеся в Слове, часто наблюдаются в древнерусских текстах, по предположению скептиков, якобы являющихся источниками Слова Например, многочисленные слова этой категории наблюдаются в «Сказании о Мамаевом побоище» См Porre N, Jr A Note on Altaic Loan Words in the «Skazanie o Mamaevom poboišče» // Scando-Slavica 1995 Т 41 P 183—187 См также Баскаков Н А «Слово о полку Игореве» С 64—65, Аракин В Д Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII—XV вв // Советская тюркология 1973 Вып 3 С 28—31, Лихачев Д С Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // ВЛ 1964 Вып 8 С 148—149

⁴⁸ См Čiževska T Glossary of the Igor' Tale The Hague, 1966

⁴⁹ Наличие этих слов в различных древнерусских источниках см Čiževska T Glossary, Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост В Л Виноградова М, Л 1965—1984 Вып 1—6

лет вперед (предвидя научные достижения, достигнутые не ранее второй половины XIX и даже XX в.). Мы должны были бы далее предположить, что этот гипотетический ученый предпринял обширные исследования в разнообразных древнерусских рукописях с тем, чтобы собрать большой список тюркизмов домонгольского периода для внесения этих слов в текст Слова, и что он справился с этим предприятием без помощи словарей или каких-либо других пособий, достаточных для выполнения этого предприятия, ввиду того, что таких словарей или пособий не существовало. Мы должны были бы далее признать, что этот гипотетический ученый чудодейственным образом сумел выявить и, следовательно, исключить из своего списка тюркизмы (составляющие преобладающее большинство тюркских заимствований не только в современном, но и в древнерусском языке), заимствованные, как теперь известно, в период после монгольского нашествия. В действительности никакой эрудиции ученого того времени не хватило бы для решения подобных задач,⁵⁰ и теорию о существовании этого гипотетического ученого в конце XVIII в. следует решительно отвергнуть ввиду того, что эта теория совершенно несостоятельна. Следовательно, произвести Слово из Задонщины тоже невозможно.

Кроме существенной ценности для лексикологии одним из примечательных результатов вышеуказанных работ (см. обзор) является *reductio ad absurdum* (сведение к абсурду) мнения, которое, несмотря на уничтожающую критику этого мнения Р. О. Якобсоном,⁵¹ все еще от времени до времени появляется в печати,⁵² пытаясь отрицать древность и подлинность Слова. Вышеуказанные лексикологические работы подтверждают также схему соотносительной датировки: Слово → Задонщина с долгим интервалом между двумя этими эпическими произведениями.⁵³

Алтайские лексические заимствования, встречающиеся в Задонщине, примечательны не только с точки зрения лексикографии, но также и с точки зрения текстологии, поскольку некоторые из этих слов взяты автором Задонщины⁵⁴ из Слова.

⁵⁰ Подробную историю изучения тюркских языков в России см. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972. Зайончковский далее указывает на то, что тюркология лишь на современном этапе, после открытия Codex Cumanicus'a (издан впервые в 1880 г.), тюркского словаря Махмуда Кашгарского (написанного в XI в.) и других древних тюркских памятников получила возможность осветить архаичные тюркско-половецкие лексические элементы Слова. См. Zajączkowski A. Związki językowe. S. 50. См. также Jakobson R. Selected Writings. The Hague, 1966. Vol. 4. P. 393; Lichačev D. S. The Authenticity of the «Slovo o polku Igoreve» A brief Survey of the Arguments // Oxford Slavonic Papers. 1967. N. 13. P. 44.

⁵¹ Jakobson R. Selected Writings. P. 656 и далее. См. также Børtnes Jostein. The Literature of Old Russia, 988—1730 // The Cambridge History of Russian Literature / Ed. Charles A. Moser. Cambridge, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney, 1989. P. 16—17.

⁵² См. новейшие попытки отрицать подлинность Слова. Filip Ota «Das Igor-Lied» Gefälscht! Betrug in Politik, Literatur, Wissenschaft, Kunst und Musik / Ed. Karl Corino. Frankfurt am Main, 1990. S. 209—217. Филип утверждает, что Слово якобы могло быть написано Н. М. Карамзиным, Schamschula W. The Igor' Tale from its Czech to its Gaelic Connection // American Contribution to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August—September 1993 / Eds. Robert A. Maguire and Alan Timberlake. Columbus, Ohio, 1993. P. 130—153. Шамшула утверждает, что Слово якобы могло быть написано И. П. Елагиним, Keenan E. L. Was Jaroslav of Halych really shooting Sultans in 1185? // Cultures and Nations of Central and Eastern Europe. Essays in Honor of Roman Szporluk / Eds. Z. Gitelman et al. Cambridge, Massachusetts, 2000. P. 314—327. Кинан утверждает, что Слово якобы могло быть написано Иозефом Добровским.

⁵³ Ср. Jakobson R. Selected Writings. P. 751.

⁵⁴ Об авторстве Задонщины см. Дмитриева Р. П. 1) «Задонщина» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 203, 2) Об авторе Задонщины // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 360—368.

Как было указано выше, семь из алтайских слов, встречающихся в Слове, наблюдаются также и в Задонщине. Эти слова — *Боян*, *боярин*, *Каяла*, *ковыль*, *телѣга*, *хин* (*хиновский*) и *хоруговь*

Три слова из вышеупомянутых семи слов находятся в близкой текстологической связи со Словом. Одно из этих трех слов — имя вешего певца Бояна, упоминающееся в Слове несколько раз, например: «Боянь <...> своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземь славу рокотаху»⁵⁵ Автор Задонщины повторяет это чтение лишь с немногими изменениями: «тот бо вѣщий Боянь воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояше руским князем славы».⁵⁶

Слово *телега* в Задонщине тоже связано текстологически со Словом. В тексте Слова телега встречается в следующем контексте: «а половци <...> побегоша къ Дону великому: крычатъ телѣгы полунощы...»⁵⁷ В Задонщине находим отзвук этого чтения: «уже вѣскрипѣли телегы между Доном и Днепром».⁵⁸

Название *Каяла* в Задонщине тоже находится в текстологической связи со Словом. В Задонщине это слово представляет собой отзвук названия реки, на которой произошла битва, о которой говорится в Слове. В Задонщине это слово находим в чтении «на рекѣ на Каялѣ»,⁵⁹ представляющем собой отзвук фразы «на рѣцѣ на Каялѣ» в Слове.⁶⁰

Слово *хиновский* в Задонщине является одним из примеров, по выражению Д. С. Лихачева, «механического повторения» автором Задонщины слов и выражений, взятых им из Слова.⁶¹ В Задонщине слово *хиновский* неоднократно повторяется в качестве эпитета татар: «грѣмят мечи булатные о шеломы хиновские» (повторяется дважды);⁶² «грѣмѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские»;⁶³ и «возгрѣмѣли мечи булатные о шеломы хиновские на поле Куликове».⁶⁴

В отличие от слов *Боян*, *Каяла* и *хин* (*хиновский*), в Задонщине между словами *ковыль* и *хоруговь* не наблюдается текстологических связей со Словом, так что не представляется возможным установить, употребляют ли эти слова в Задонщине под влиянием Слова. Однако не исключена возможность, что в Задонщине упоминание такого не очень часто употребляемого слова как *ковыль* произошло под влиянием Слова. Также не исключена возможность, что в Задонщине выражение «пашут ся аки живи хоругови»⁶⁵ представляет собой реминисценцию «стязи глаголють» в Слове.⁶⁶

В отличие от всех вышеупомянутых слов, *боярин* в Задонщине имеет строго функциональную роль как административный и военный термин. В этой роли *боярин* встречается часто, например, в списке погибших в битве на Куликовом поле: «нету <...> у нас 40 бояринов московских, 12 князей белозерских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховских...».⁶⁷ Не наблюдается текстологических

⁵⁵ «Слово о полку Игореве» / Подгот текста О В Творогова // ПЛДР Вып 2 С 372

⁵⁶ «Задонщина» С 98

⁵⁷ «Слово о полку Игореве» С 374

⁵⁸ «Задонщина» С 100

⁵⁹ Там же С 96

⁶⁰ «Слово о полку Игореве» С 376, 380

⁶¹ Лихачев Д С Великое наследие С 351

⁶² «Задонщина» С 106, 108

⁶³ Там же С 104

⁶⁴ Там же С 102

⁶⁵ Там же

⁶⁶ «Слово о полку Игореве» С 376

⁶⁷ «Задонщина» С 110

связей между словом *боярин* в Задонщине и в Слове, где *бояринь* встречается лишь в следующем отрывке: «и ркоша бояре князю: уже, княже, туга умь полонила». ⁶⁸ Таким образом, можно совершенно обоснованно предположить, что присутствие слова *боярин* в Задонщине независимо от Слова, иными словами: слово *боярин* в Задонщине не взято из Слова.

Итак, сопоставление алтайских лексических заимствований, наличествующих в Задонщине, с алтайской (тюркской) лексикой Слова еще раз подтверждает вторичность Задонщины и ее зависимость от Слова. Следует также отметить, что в Задонщине не менее четырех (но не более шести) из семи алтайских слов, встречающихся и в Слове, представляют собой заимствования из Слова.

---

⁶⁸ «Слово о полку Игореве» С 378

Н. С. ДЕМКОВА

**Из комментария к тексту «Слова о полку Игореве»:
«...сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
а друзии — Давидовы...»**

Эта фраза входит в состав одного из лирических отступлений «Слова», в котором автор сокрушается о трагической судьбе современной ему Руси, потерявшей свое бывшее могущество: «О, стонати Руской земли, помянувшѣ пръвую годину и пръвыхъ князей! Того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нѣ розно ся имъ хоботы пашуть, копия поють».¹ В смысловом и даже в композиционном отношении этот текст может быть интерпретирован как «авторский плач», завершающий тему «золотого слова» Святослава — прямого призыва князей к защите Руси, к военному союзу князей-братьев, к прекращению княжеских междоусобиц. Сразу за ним в тексте памятника идет плач Ярославны.

Тематическая близость «авторского плача» к «золотому слову» Святослава позволила ряду исследователей и переводчиков «Слова», начиная с А. С. Шишкова и В. А. Жуковского, рассматривать его как часть «золотого слова» великого киевского князя, включающего в свой состав весь «полоцкий фрагмент»: его зачин («уже бо Сула не течеть...»), описание смерти юного Изяслава, обращение к враждующим «внукам» Ярослава Мудрого² и Всеслава Полоцкого, «песнь» о самом Всеславе (В. Ф. Ржига, А. С. Орлов и др.), в то время как другие ученые (в их числе Н. М. Карамзин, В. Н. Перетц, Н. К. Гудзий, О. В. Творогов, Б. А. Рыбаков, Н. А. Мещерский) воспринимали весь этот текст как авторскую речь.³

¹ Текст «Слова» цитируется здесь и далее по изданию Слово о полку Игореве / Сост и подгот текста Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева, Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева, Л., 1967, С. 43—56 («Библиотека поэта» Большая серия), за одним — в данном случае — исключением в конце цитаты изменена пунктуация. В издании 1967 г. окончание цитаты интерпретировано как самостоятельная фраза «Копия поють!», с примечанием «Связь этих слов с окружающим контекстом неясна» (Там же С. 519). На мой взгляд, правы те издатели «Слова», которые воспринимают эти слова как продолжение того же предложения: они входят в общее описание воинской стати дружин Рюрика и Давида (и синтаксически, и ритмически этот текст подобен предыдущему).

² Я принимаю чтение Д. С. Лихачева («Ярослави и вси внуци Всеслави!») см. Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М., Л., 1950, С. 450—452 (Сер. «Лит. памятники»).

³ Подробный обзор различных точек зрения см. в статье Соколова Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 7—46.

Причиной весьма различных подходов исследователей к проблеме границ «золотого слова» является риторическая природа памятника и, как следствие, пронизанность текста «Слова» лирическим началом, что ведет подчас к нерасторжимости речи литературного героя и самого автора. Эту кардинальную особенность строения «Слова» хорошо объяснил И. П. Еремин, рассматривая явление перехода речи героя в речь автора как специфическую черту поэтики жанра торжественного красноречия: «Характерная особенность прямой речи в памятниках художественной ораторской прозы <...> заключается в том, что речь героя здесь всегда, как правило, одновременно и речь „автора“...; речь героя... — начинает звучать в унисон речи „автора“, начинает переключаться в нее, в результате чего грань, отделяющая речь героя от речи „автора“, иногда начисто стирается. В „Слове о полку Игореве“ типичным примером такого „вольного“ перехода прямой речи героя в речь „автора“ может служить прежде всего „злато слово“ князя Святослава. Здесь „автор“ систематически перебивает речь своего героя, то отбирая у него это „злато слово“, то возвращая назад».⁴ Именно поэтому, с точки зрения И. П. Еремина, невозможно «точно указать, где именно кончается „злато слово“».⁵ Многозначность смысловых подтекстов, присущая «Слову», заметно осложняет дело.

Однако, как это ни сложно, разграничение разных и, казалось бы, почти не разъединяемых, «сросшихся» текстов повествования о событиях 1185 г. и авторского отклика на эти события оказалось возможным,⁶ метод логического прочтения фрагментов, завершающих речь Святослава, примененный Л. В. Соколовой в названной выше статье,⁷ анализ их смысла, интонации и др. доказательно подтвердил разделяемое ею суждение Е. В. Барсова об объеме «золотого слова»: речь Святослава как литературного персонажа «Слова» заканчивается на обращении к волынским князьям Ингварю, Всеволоду и «трем Мстиславичам» («Загородите Полю ворота...»),⁸ следующий далее «полоцкий фрагмент» — полностью, включая обращение к русским и полоцким князьям, принадлежит «голосу» самого автора.

Таким образом, «авторский плач» о Русской земле, включающий фразу о стягах Рюрика и Давида, оказывается последним «аккордом» в этом большом, собственно «авторском» фрагменте «Слова», содержащем горестные размышления автора о гибельных для Руси результатах княжеских междоусобиц: из-за княжеских «катор» «бъше насилие» «от земли Половецкыи»! Плач организован как четкая антитеза двух эпох, — что издавна отмечалось исследователями,⁹ — эпохи идеализированных «первых времен» единой и сильной Руси, когда правил «старый Владимир»

⁴ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перегэ. М., Л., 1950. С. 110.

⁵ Там же.

⁶ О необходимости и возможности разграничения основного сюжета повествования о походе Игоря и авторского комментария к нему см. важнейшую для изучения художественной структуры «Слова» статью Т. М. Николаевой Николаева Т. М. Функционально-смысловая структура антитез и повторов в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Комплексные исследования. М., 1988. С. 103—124.

⁷ См. сноску 3.

⁸ Точный и доказательный исторический комментарий, установивший наконец имена безымянных ранее Мстиславичей, их родовые и политические связи содержится в книге Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 485—489.

⁹ По словам Б. А. Рыбакова, например, «старые времена Владимира противопоставлены печальной современности» (Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 91). Известный американский славист Дин Ворт считает эту антитезу контрапунктом «Слова», выражением основной темы памятника, автор которого тоскует по ушедшим временам сильной, единовластной Руси (Ворт Д. К. «Слово о полку Игореве» как архаическая культурная модель // Philologia Slavica. М., 1993. С. 32—33).

(по-видимому, Владимир Святославич), и времени «нынешних» князей, у которых нет согласия в действиях и чьи стяги развеваются «розно». Однако представляется существенным определить композиционную роль фрагмента в общей структуре памятника: в цельной композиции центральной части «Слова» «авторский плач» выполняет, с моей точки зрения, функцию авторского комментария и авторского заключения к «золотому слову» Святослава, вторя ему и одновременно значительно усиливая обличительный пафос речи великого киевского князя.

Отметим специально композиционную симметричность «авторского плача» по отношению к начальной — первой — части «золотого слова», содержащей «слезы» Святослава: «Нъ се зло: княжь¹⁰ ми не пособие», — жалуется Святослав, «...розно ся имъ хоботы пашуть», — мрачно откликается голос автора. Адекватность содержания этих текстов образует смысловую рифму и отражает глубинные композиционные связи, существующие в структуре памятника между далекими, казалось бы, по местоположению фрагментами.¹¹ Принцип композиционной симметрии и далее использован автором, оба горестных суждения о княжеских расправах, гибельных для Руси, симметрично сменяются ораторскими структурами: в первом случае — речью Святослава, обращенной к князьям, с просьбой помочь Руси и князю Игорю, во втором — плачем Ярославны, обращающейся к природным стихиям с подобной же просьбой о помощи.

Вернемся, однако, к комментируемой фразе «о стягах Рюрика и Давида», анализируя ее смысл в составе предложенной автором антитезы: «О, стонати Руской земли, помянувшѣ пръвую годину и пръвѣхъ князеи! Того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы».

Начиная с первых издателей «Слова» и Н. М. Карамзина, упоминание о «старом Владимире» понималось как сожаление о том, что нельзя было на веки вечные удержать Владимира во главе Киевского государства, а «теперь знамена его достались одни Рюрику, а другия Давиду...».¹² Н. М. Карамзин в своем пересказе «Слова» в «Истории государства Российского» разъяснил и самый смысл выражения «нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ»: «О времена бедственные! Для чего нельзя было пригвоздить старого Владимира к горам Киевским (или сделать бессмертным)!».¹³ Таким же образом заботливо разъясняли текст переводы М. Деляро, А. Майкова, С. Шервинского¹⁴ и других, большинство же переводчиков, возможно, стремясь к сохранению лаконизма оригинала (В. А. Жуковский, Ив. Новиков, В. И. Стеллецкий и др.),¹⁵ оставляло выражение «пригвоздить» без перевода, лишь иногда заменяя

¹⁰ На мой взгляд, слово «княже» (так в первом издании и в Екатерининской копии) следует читать как «княжье» паерок, обозначающий смягчение, мог быть легко утрачен в рукописи в этом слове (он встречается в Екатерининской копии, возможно, отражая графику оригинала), собирательное существительное «княжье» часто используется в летописном повествовании XII в., см., например, сообщение Лаврентьевской летописи о том, что в 1186 г. Святослав собирался идти в поход «со всею князьею» (ПСРЛ М., 1997 Т. I Стб. 397), так читал это слово и Б. А. Рыбаков (Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники С. 182).

¹¹ О смысловых рифмах в «Слове» и системе повторов в его тексте см. Демкова Н. С. Средневековая русская литература СПб., 1997 С. 18—33.

¹² Ироическая песьнь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языкомъ въ исходѣ XII столетия с предложениемъ на употребляемое нынѣ наречие М., 1800 С. 37.

¹³ Цитирую по изданию «Слова» 1967 г. (см. сноску I) С. 119.

¹⁴ Там же С. 145, 161, 196.

¹⁵ Там же С. 132—133, 242, 260.

его адекватным «приковать» (как в первом издании), полагаясь, по-видимому, на смысленность читателя, способного творчески перебирать в уме варианты отдельных значений и общего смысла.¹⁶

Совсем новую трактовку этой фразы «Слова» предложил в 1950 г. Д. С. Лихачев. Согласно его точке зрения, «здесь, несомненно, <...> разумеется Владимир I Святославич с его многочисленными походами на внешних врагов Русской земли. Владимира нельзя было удержать в Киеве: так он стремился к походам против врагов».¹⁷ В «Объяснительном переводе» к «Слову» эта идея подробно объяснялась: «Того старого Владимира [Святославича] нельзя было пригвоздить к горам киевским [так часто он ходил в походы на недругов Русской земли]; вот ведь [и] теперь встали стяги [приготовившись к походу] Рюрика [Ростиславича], и другие [его брата] Давыда [Ростиславича], но врозь у них развеваются полотнища [нет между ними согласия]. [Забыты, следовательно, походы первых русских князей на врагов Руси, в нынешних походах нет между князьями согласия]».¹⁸ Таким образом, с точки зрения Д. С. Лихачева, в этом фрагменте «Слова» речь идет об активной политике киевских князей на пользу Руси в «первые времена» ее истории (в годы княжения Владимира Святославича) и об упадке их деятельности теперь («нынѣ»), когда активная внешняя политика киевских князей была «забыта». Возможно, Д. С. Лихачев отталкивался в этом объяснении от интерпретации А. А. Потебни, который писал: «Думают, что здесь сожаление о том, что Владимира нельзя было пригвоздить <...> то есть сделать вечным... Совсем напротив: здесь завидуют Владимиру. Это объясняет, почему воспоминание о нем должно возбуждать скорбь» и переводил часть фрагмента о Владимире следующим образом: «Того старого Владимира (Мономаха, при подобных нынешних обстоятельствах) нельзя было (было бы?) пригвоздить к горам киевским (удержать в Киеве, заставить сидеть там в бездействии, как сидит Святослав теперь)».¹⁹ Однако дальнейший текст о Рюрике и Давиде А. А. Потебня трактовал в духе установившейся традиции: «Его стяги (дружина) стали теперь Рюриковы, а другие — Давыдовы, но у них (Рюрика и Давида) врозь развеваются бунчуки».²⁰

Такое же объяснение выражения памятника о стягах Рюрика и Давида, как в «Комментарии» Д. С. Лихачева к «Слову» (1950), есть и в другой его работе — статье «Устные истоки художественной системы „Слова о полку Игореве“»: «сего бо нынѣ сташа стязи (то есть приготовились к походу) Рюриковы, а друзии — Давидовы...».²¹ Ритмический перевод Д. С. Лихачева закрепил такое чтение «Слова»:

«Того старого Владимира
Нельзя было пригвоздить к горам киевским

¹⁶ В прозаических переводах известных исследователей «Слова» А. С. Орлова и И. П. Еремина выражение «пригвоздить» также оставлено без перевода (см. Орлов А. С. Слово о полку Игореве. 2-е изд. М., Л., 1946. С. 85. Художественная проза Киевской Руси XI—XIII ввекв / Сост., переводы и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М., 1957. С. 249).

¹⁷ Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический. С. 459.

¹⁸ Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря, Игоря сына Святославова, внука Олегова (объяснительный перевод) // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950. С. 97—98 (Сер. «Лит. памятники»).

¹⁹ Потебня А. А. Слово о полку Игореве. Харьков, 1914. С. 133.

²⁰ Там же.

²¹ См. Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950. С. 73.

Вот ведь и теперь встали стяги Рюриковы,
А другие — Давыдовы,
Но врозь у них полотнища развеваются»²²

Совершенно очевидно, что в этой интерпретации текста Д. С. Лихачев исходил из военно-терминологического смысла выражения. стяги «ставили» перед выступлением в поход (ср в «Слове»: «стоять стяги въ Путивль») или перед началом боя (ср. в ПВЛ под 1093 г. «.. поставиша стяги свои») Однако в тексте «Слова» (и в первом издании, и в Екатерининской копии), как цитировал это и сам Д. С. Лихачев, зафиксировано слово «сташа», а не «всташа», что совсем не одно и то же.²³ Тем не менее трактовка Д. С. Лихачева закрепились в ряде последующих переводов памятника и в комментариях к нему.²⁴

Интерпретацию комментируемого текста, предложенную Д. С. Лихачевым, использовали такие поэты-переводчики XX в., как С. Ботвинник, Н. Рыленков, А. Чернов и другие,²⁵ она учтена в комментарии к изданию «Слова» Н. А. Мещерского и А. Н. Бурыкина,²⁶ отчасти (причем своеобразно) — в новейшем комментарии А. А. Горского.²⁷

²² Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря, сына Святослава, внука Олегова (ритмический перевод) // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950. С. 70 (Сер. «Лит. памятники»)

²³ Глагол «стать-стати» — многозначный, он может обозначать пространственное положение субъекта и в этом значении оказывается синонимичен глаголу «стоять» (совершенный вид — «встать»). Но при таком его употреблении необходимо указание на место действия. Здесь же глагол «стати» употреблен в своем основном значении, указывающем на состояние субъекта действия или на процесс становления (см. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1978. Вып. 5. С. 213)

²⁴ См., например, перевод Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова в издании Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 64 («Библиотека поэта» Большая серия) «а ныне встали стяги Рюрика, а другие — Давыда», в издании 1997 г. ритмический перевод Д. С. Лихачева несколько модифицирован «Теперь же встали стяги Рюриковы» (БЛДР. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 578). Отметим, что и в том и в другом случае перевода, издаваемого без объяснений, мотив приурочивания князей Рюрика и Давида к походу заметен приглушен.

²⁵ См. Слово о полку Игореве. Л., 1967 и Л., 1985 («Библиотека поэта» Большая серия. 2-е и 3-е изд.)

²⁶ Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Л., 1985 («Библиотека поэта» Большая серия)

²⁷ Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова / Вступ. статья, подгот. текста, перевод с древнерусского, комментарий и приложение А. А. Горского. М., 2002. Комментарий А. А. Горского к анализируемому фрагменту «Слова» вызывает некоторое недоумение. Комментарий настолько невнятен синтаксически (типографские ошибки), что его трудно изложить, поэтому цитирую полностью «Современные князья неспособные успешно противостоять половецкому натиску, противопоставляется (так! — Н. Д.) „старому Владимиру“, которого „нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ“, то есть заставить вести по отношению к степи оборонительную политику. Такая характеристика более подходит к Владимиру Мономаху, организовывавшему походы, в т. ч. далекие, в Половецкую степь, и сумевшему вынудить отца Кончака откочевать на Кавказ (см. прим. к стр. 155). Владимир Святославич тоже совершил ряд далеких походов, но не на степных кочевников — против занимавших в его время степи Северного Причерноморья печенегов он как раз применял оборонительную тактику (см. ПВЛ. Ч. I. С. 83)» (Горский А. А. Комментарий. С. 161). Понятен основной смысл комментария «старый Владимир» — это, скорее всего, Владимир Мономах, а не Владимир Святославич, все остальное звучит неправдоподобно несвязно. Неясной остается самая суть обвинения князей: кого из них нельзя «заставить вести по отношению к степи оборонительную политику»? «Современных князей»? «Старого Владимира»? Нисколько не сомневаясь в праве исследователя видеть в «старом Владимире» — вслед за С. М. Соловьевым, Б. А. Рыбаковым и другими — Владимира Мономаха, а не Владимира Святославича, отметим, однако, очевидное нарушение правил введения полемического материала в комментарий. Используя (без ссылки) мысль Д. С. Лихачева о том, что характеристика князя, которого «нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ», означает не что иное, как указание на «многочисленные походы» этого князя «на внешних врагов Русской

Один из наиболее выверенных современных научных переводов «Слова» — перевод О. В. Творогова — восстанавливает традиционное понимание текста в анализируемом фрагменте «Слова». Оставляя без перевода и пояснений первую часть антитезы («Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам Киевским»), О. В. Творогов в переводе ее второй части подчеркивает разобщенность князей, сепаратность их действий, избегая при этом употребления глаголов «стали» (см. первое издание) и «встали» (см. перевод Д. С. Лихачева): «а ныне одни стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, и порознь их хоругви развеваются».²⁸ О. В. Творогов восстанавливает таким образом понимание текста о стягах Рюрика и Давида как обозначение их принадлежности этим князьям, чьи дружины расходятся в разные стороны.

Примечания Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина к комментируемому тексту «Слова» испытали, как уже отмечалось, некоторое влияние точки зрения Д. С. Лихачева 1950 г. (относительно «старого Владимира» они поясняют: «По-видимому, подчеркивается широкий политический кругозор Владимира и масштабы его походов»)²⁹ однако перевод Н. А. Мещерского фразы о стягах Рюрика и Давида ориентируется, как и перевод О. В. Творогова, на традиционное понимание текста: «а ведь ныне одни его стяги стали Рюриковы, а другие — Давыдовы».³⁰ Правда, смысл перехода стягов от одного князя к другому для комментаторов остался неясен: «Упоминание о том, что стяги „старого Владимира“ ныне принадлежат Рюрику и Давыду Ростиславичам <...> не совсем понятно».³¹

Отметим, что в переводе и Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова речь шла только о стягах Рюрика и Давида, стяги «старого Владимира» в переводе не упоминались. В переводе же Н. А. Мещерского, только что процитированном, упоминаются еще и стяги Владимира («его стяги»), и это очень распространенный вариант перевода, начиная с первого издания.³²

земли» (см об этом выше, с 165), А. А. Горский возражает Д. С. Лихачеву и сложившейся новой традиции комментирования этого фрагмента, вновь ни на кого и ни на что не ссылаясь «Такая характеристика более всего подходит Владимиру Мономаху» «Какая «такая характеристика»? И по сравнению с чьей она «более подходит» Владимиру Мономаху? Без ссылки на интерпретацию этого фрагмента «Слова» Д. С. Лихачевым эти вопросы остаются без ответа

²⁸ Слово о полку Игореве / Перевод и коммент. О. В. Творогова // ПЛДР. Вып. 2. С. 385, см также БЛДР. Т. 4. XII век. С. 265

²⁹ Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» С. 476

³⁰ Там же С. 44

³¹ Там же С. 476 По-видимому, комментаторов смутило то обстоятельство, что стяги киевского князя должны были бы находиться в 1185—1187 гг. (традиционно предполагаемое время создания «Слова») в руках князей-дуумвиров, правящих в эти годы южной Русью, — Рюрика Ростиславича и великого киевского князя Святослава Всеволодовича, а не «Рюрика и Давида». Этим можно объяснить внимание комментаторов к теме военной ответственности Рюрика «Хотя номинально Святослав и Рюрик Ростиславич были соправителями, военная власть, очевидно, принадлежала Рюрику Давыд Ростиславич, как известно, далеко не всегда выступал на стороне своего брата» (Там же)

³² «Теперь знамена его достались одни Рюрику, а другие Давиду» — первое издание (с. 37), так же — В. Капнист (поэтические переводы «Слова» здесь и далее цитируются по изданию Слово о полку Игореве Л., 1967) «стяги его стали ныне Рюриковы» — В. А. Жуковский, аналогично переводили такие исследователи «Слова» XX в., как А. С. Орлов (Орлов А. С. Слово о полку Игореве С. 85) и И. П. Еремин (Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков С. 249), очень близким является перевод известного комментатора «Слова» Е. В. Барсова «Стяги его теперь стали одни Рюриковы, другие

У большинства переводчиков «Слова» не возникало и сомнения в том, что во второй части комментируемой антитезы речь идет об изменении принадлежности стягов киевского князя, о переходе «нынѣ» стягов «старого Владимира» в новые руки — Рюрика и Давида Ростиславичей.

Дело в том, что слово «сего» в начале фразы вводит в заблуждение, оно воспринимается как грамматическая форма родительного падежа единственного числа указательного местоимения мужского рода «сей» (указательные местоимения *тъ, тыи, того, се, сей* широко используются в различных грамматических конструкциях «Слова»; ср строчкой выше «того Владимира» и др.). Поэтому подавляющее число переводов «Слова» переводит слово «сего» притяжательным местоимением «его», дополнительно вводя от себя отсутствующее в этой части фразы предполагаемое подлежащее «стяги». Именно так поясняет в комментарии подобное понимание текста один из последних по времени переводчиков «Слова» А. А. Горский: «Имеется в виду, что знамена „сего“, т. е. Владимира, перешли к его потомкам».³³

Следует признать, что подобный перевод не адекватен тексту оригинала: в тексте «Слова о полку Игореве» читается не «сего стязи», но «...сего бо нынѣ сташи стязи..» Слово «сего» функционирует в тексте не как отдельное указательное местоимение, но в составе слитного словосочетания «сего бо», и в этом случае оно употребляется, как пишет В. Л. Виноградова, «в значении причинного союза».³⁴ А чуть выше В. Л. Виноградова в том же «Словаре-справочнике» «Слова» дала более подробное описание того, как указательное местоимение среднего рода «се» используется в значении усилительной частицы и «с последующей частицей „бо“ служит для присоединения предложения, раскрывающего причину того, о чем говорится в предшествующем»³⁵

Таким образом, являясь по грамматической форме указательным местоимением, слово «сего» в сочетании с частицей «бо» выполняет функцию причинного союза и свидетельствует о наличии в тексте подчинительной (причинной) связи.

Пунктуация первого издания³⁶ учитывала значение словосочетания «сего бо...» как причинного союза: двоеточие, поставленное перед ним, обозначило причинную связь предложений. Но связь эта была учтена лишь формально, так как пунктуация связала вместе лишь два последних предложения фрагмента — о «старом Владимире» и «нынешних» князьях, начало же фрагмента («О стонати Русской земли .») было оставлено за

Давида » (Барсов Е В Слово о полку Игореве как художественный памятник киевской дружинной Руси М, 1885 Т 1, ч 2 С 63), вариант этого значения принадлежности стягов находим в переводе А А Потебни, который придавал слову *стяги* переносное значение *дружины, войска* «его стяги (дружина) стали теперь Рюриковы » (Потебня А А Слово о полку Игореве С 133), новейший переводчик А А Горский передает текст аналогично переводу Н А Мещерского « одни его стяги стали Рюриковы (Слово о полку Игоревѣ С 198) Дополнительно уточняя в 1997 г предлагаемую мной датировку «Слова» 1195—1196 гг, я также употребила это неточное выражение, присущее традиции перевода «Предлагаемая датировка „Слова“ разъясняет упоминания автора о стягах Рюрика и Давида, которые сменили „нынѣ“ стяги „старого“ киевского князя Владимира» (Демкова Н С Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н С Средневековая русская литература Л, 1997 С 48), в первоначальном тексте статьи 1973 г была более правильная формулировка « упоминание автора о стягах Рюрика и Давида, которые сменили „нынѣ“ легендарного Владимира» (Демкова Н С К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ 1973 № 14 Вып 3 С 77)

³³ Слово о полку Игоревѣ С 161

³⁴ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Вып 5 С 124

³⁵ Там же С 123

³⁶ См Ироническая песнь С 34

пределами этой связи, издано как отдельное законченное предложение.³⁷ Такая пунктуация породила бессмыслицу: получалось, что Владимира нельзя было «пригвоздить къ горамъ Киевскимъ» потому, что «ныне» стязи находятся у Рюрика и Давида.

Анализ смысловых и композиционных связей всего комментируемого фрагмента с текстом памятника позволил сделать вывод о его семантической и синтаксической цельности и одновременно позволил обнаружить ту неразработанность, незавершенность взаимоотношений подчинительных и присоединительных связей, которая свойственна памятникам древнерусского языка старшей поры.

Цельность фрагмента и объективно существующая нерасторжимая связь первого и третьего предложений в его составе станут абсолютно наглядной, если убрать из текста фрагмента второе предложение с упоминанием о «старом Владимире»:

«О стонати Руской земли
помянувшє пръвую годину и пръвыхъ князей
сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы »

Право на такую, разумеется, мысленную, операцию с текстом «Слова» дает то обстоятельство, что фраза о «старом Владимире», дополняя и конкретизируя воспоминание о «первых князьях», является фактически смысловым повтором части первой строки, и вынесение ее за пределы текста ничего не меняет в общем ходе мысли автора.

Связь же между вторым и третьим предложениями фрагмента — присоединительная, это связь со-противопоставления, ее наличие устанавливается по смыслу и на основании подобия и параллелизма строк («того... сего»); оба предложения (второе и третье) уравниваются в своих отношениях к главному — первому — предложению, оба они являются придаточными предложениями, раскрывающими причину предрекаемого автором плача Русской земли («О стонати Руской земли...»)³⁸.

Таким образом, перед нами не несколько отдельных, причем неполных, предложений, требующих словесного дополнения, но одно сложноподчиненное предложение с двумя придаточными предложениями причины; в одном случае эта связь четко обозначена, в другом — какие бы то ни было грамматические маркеры этой связи отсутствуют. Установленный смысл фрагмента и грамматические связи отдельных его частей требуют, на мой взгляд, иной пунктуации:³⁹

³⁷ Операция отделения первого предложения от остальной части фрагмента с помощью той или иной пунктуации стала традиционной для изданий «Слова» и его переводов

³⁸ В Н Калиновская обратила мое внимание на существование в «Русской правде» ряда сходных конструкций, когда в сложноподчиненном предложении (с придаточным условием) в качестве главного предложения выступает инфинитив Сердечно благодарю В Н Калиновскую за обсуждение этого фрагмента статьи См также Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригю и Готским берегом (1229 г) // Образцы древней письменности СПб, 1849 Табл 11

³⁹ Вопрос о пунктуации в изданиях «Слова о полку Игореве» один из самых сложных, так как объективно существует трудность расстановки знаков препинания по кодифицированным современным правилам в древнем тексте XII в, когда становление синтаксических связей, присущих современному языку, было еще далеко не завершено К тому же случай со «Словом» совсем особый ввиду свойственной памятнику многозначности смыслов отдельных образов и обилия тропов На сложность проблемы пунктуации в «Слове» справедливо обращала внимание Л В Соколова (см Соколова Л В Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» Л, 1968 С 68)

«О стонати Руской земли,
помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей
того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити
к горамъ Киевскимъ,
сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
а друзии — Давидовы,
нѣ розно ся имѣ хоботы пашуть,
копиа поют»

Обращает на себя внимание уже отмеченная выше смысловая близость, можно сказать, стилистическая синонимия выражений о «первых князьях» и «старом Владимире». Вторая строчка фрагмента (о «старом Владимире») — не что иное, как смысловой повтор первой, причем повтор не буквальный, а с вариациями смысла: автор дополняет и конкретизирует содержание обобщенного понятия «первые князья», расширяя объем исторической памяти, заключенной в тексте, и одновременно выстраивает образную картину мира, насыщая ее символами, значимыми для средневекового понимания. Один из таких символов — «старый Владимир», мудрый и сильный князь (образ, близкий к эпическому идеалу), время правления которого, однако, уже миновало; другой — «Киевские горы», на которых находится «златоверхий» великокняжеский терем — эпический центр происходящих на Руси событий.

На этом ушедшем в прошлое идеальном фоне остро воспринимается в комментируемом фрагменте фраза «сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы»: «старого» Владимира не вернуть, ныне на Руси — стязи Рюрика и Давида Ростиславичей...

Стремясь выявить публицистический пафос «Слова», особое внимание исследователи обращали на выражение «нынѣ», рассматривая его как указание автора на злободневность, «сиюминутность» упоминаемых в тексте событий. Так, в «Стилистическом и лексическом комментарии к „Слову о полку Игореве“» В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание на связь этого выражения и всей фразы с конкретными событиями лета 1185 г., полагая, что в упоминании о стягах Рюрика и Давида отразился непосредственный отклик автора на отказ Давида Ростиславича Смоленского выступить против половцев по призыву Святослава Киевского после разгрома Игоревых дружин в мае 1185 г., в результате чего общий поход князей в половецкую степь был сорван: эти слова «написал автор вскоре после события, представленного в этом образе врозь развешающихся знамен <...> Это самый близкий и непосредственно связанный с неудачей похода Игоря факт из цепи княжеских „крамол“ и „усобиц“. Голос современника прозвучал в этом „нынѣ“». ⁴⁰

С последним утверждением невозможно не согласиться значение слова «нынѣ» как «теперь, в настоящее время» ⁴¹ бесспорно. Однако только ли к ситуации сепаратных действий Давида Смоленского летом 1185 г. можно отнести это «нынѣ»? В равной степени слово «нынѣ» можно понимать и как указание на период совместного властвования в Киевской Руси Рюрика и Давида Ростиславичей.

Напомним, что власть в «Руськой землѣ» Рюрик и Давид Ростиславичи получили только после смерти в конце июля 1194 г. великого киевского князя Святослава Всеволодовича, соправителем которого долгие годы был Рюрик. Сразу же после смерти Святослава Рюрик послал в

⁴⁰ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков Л., 1968 С. 169

⁴¹ См. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова Л., 1969 Вып. 3 С. 178

Смоленск за братом («Се, брате, се вѣ осталася старѣиши всѣхъ в Русьской землѣ. »), и они начали «ряды рядить» о Русской земле, занимаясь обычным в такой ситуации перераспределением территории Руси и решительно оттесняя Ольговичей от киевского стола. В Киевской летописи подробно описываются радость и ликование братьев Ростиславичей, всей Русской земли «о княжении Рюриковѣ», их многочисленные праздничные пиры с киевлянами, духовенством, «черными клобуками», сообщается и результат княжеской встречи: Давид «с братомъ своимъ Рюрикомъ ряды вся уконча о Руской землѣ».⁴²

Именно этот факт, подробно описанный в летописи, позволил предположить, что «Слово» было создано уже после смерти Святослава Всеволодовича⁴³ и что стяги Рюрика и Давида упоминаются в комментируемом фрагменте «Слова» не только в своем прямом, исконно военном значении как боевые княжеские знамена, но и как атрибуты власти, которая «нынѣ», после смерти великого князя Святослава в июле 1194 г., реально перешла в южной Руси к братьям Ростиславичам.

Дополнительным аргументом в защиту предположения о написании «Слова о полку Игореве» уже после смерти Святослава является, на мой взгляд, и самый смысл проанализированного выше «авторского плача». Возможно ли, чтобы автор «Слова» при жизни Святослава сокрушался о том, что на киевском столе нельзя было удержать князя Владимира, заявляя тем самым «в лицо» великому князю Святославу о его неспособности быть сильным князем? При всей сложности проблемы датировки «Слова» приведенные выше факты и соображения необходимо принять во внимание. Вопрос, который сразу возникает далее в связи с комментируемым текстом: о какой «розни» Рюрика и Давида мог вспоминать автор «Слова»? Только ли о сорванном Давидом совместном выступлении князей против половцев летом 1185 г. как о «розни» князей-братьев идет речь в этом фрагменте?

Имеющийся материал летописных известий как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописях не позволяет в полном объеме представить отношения Ростиславичей в эти годы. Однако сведения Лаврентьевской летописи позволяют увидеть «рознь» в поведении обоих братьев в самом начале «розмирья», «вражды» князей, приведших к феодальной войне 1195—1196 гг. В это время как Давид Ростиславич решительно выступил вместе с великим князем Всеволодом Суздальским и его вассалами — рязанскими и муромскими князьями против Ольговичей, Рюрик, видимо, помня о своем особом статусе великого киевского князя, хотел, как пишет об этом его летописец,⁴⁴ «свести в любовь» враждующих князей, несмотря на то что ранее сам призывал Всеволода выступить в поход против Ольговичей. Лаврентьевская летопись сохранила неблагоприятную оценку этой деятельности Рюрика, отражая, по-видимому, точку зрения владимирского летописца: «Рюрикъ же не управи своее рѣчи и приступи къ Олговичемъ».⁴⁵ Эти колебания Рюрика, хотя и недолгие, зафиксированные современной летописью, позволяют думать и о других возможных

⁴² ПСРЛ М, 1962 Т 2 С 681—682

⁴³ Подробнее о предлагаемой мной датировке «Слова» 1195—1196 гг см Демкова Н С 1) К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» С 72—77, 2) Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» С 48, 72 Такое же понимание выражения как указание на время создания «Слова» («между 1195 и 1198 годами») было высказано И М Снегиревым (Русский вестник 1820 Кн 9 С 67—68)

⁴⁴ См ПСРЛ Т 2 Стб 696

⁴⁵ ПСРЛ Т 1 Стб 413

случаях расхождения и «розни братьев», оказывающихся в различно ориентированных военных союзах.

Возвращаясь к анализу смысла комментируемого фрагмента, нужно заметить, что вряд ли следует «привязывать» емкий, обобщающий события действительности текст «Слова» к тем или иным отдельным летописным известиям. С моей точки зрения, словом «нынѣ» автор обобщенно обозначил всю современную ему эпоху неразумного княжеского правления, несогласия и кровопролитных войн, противопоставленную им идеализированному времени «первых князей», и прежде всего времени властвования в Киеве «старого Владимира». Обобщенный и монументальный характер этого противопоставления двух эпох — «первой» и «нынешней», эпохи созидания и эпохи разрушения, делает значимым и не случайным упоминание имен двух князей Ростиславичей, выступающих символом эпохи сегодняшнего дня, своего рода ее опознавательным знаком, подобным образу «старого Владимира» для эпохи «пръвьхъ князей».⁴⁶ В столь же обобщенном смысле автор «Слова о полку Игореве» использует и образ стягов как символ власти этих князей.

---

⁴⁶ Отношение автора «Слова» к Рюрику и Давиду Ростиславичам, как и в целом тема «Ростиславичи и Ольговичи в XII в», не могут быть, к сожалению, рассмотрены в данной публикации. Однако следует иметь в виду исключительно напряженный характер отношений этих двух ветвей рода Ярослава Мудрого, находящихся в ситуации постоянного политического соперничества. Недавняя статья А. М. Зеленокоренного не внесла в эту тему ничего нового, сбивчиво повторив сведения, ставшие хрестоматийными, из исследований Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, комментариев Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова (см. Зеленокоренный А. М. Ростиславичи в «Слове о полку Игореве» // Сборник русского исторического общества М., 2002. № 8 (156). С. 282—286).

М. А. САЛМИНА

Корсунь, Сурож и «Слово о полку Игореве»*

В «Слове о полку Игореве» в рассказе о выступлении князя Игоря в поход Див, полумифическое существо, оповещает об этом походе в лежащие в округе земли: он «велить послушати земли незнаемъ, Вльзъ, и Поморю, и Посулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебъ тьмутораканьскый блъванъ».¹ Исследователи и комментаторы «Слова» обычно связывают упоминаемые в нем Корсунь и Сурож с поселениями на Крымском полуострове, отождествляя их — первый с Херсонесом Таврическим, второй — с современным Судаком.

Как известно, Херсонес Таврический был основан в V в. до н. э. выходцами из Гераклеи Понтийской и с конца IV в. входил в состав Византии. В XII в. он переживал еще период расцвета, в XIII в. он попадает в зависимость от Трапезундской империи. В XV в. жизнь в нем замирает, а в XVI в. он превращается в развалины.

Нынешний Судак — это древняя, в греческом произношении Сугдейя или Сугдайя, в итальянском — Солдайя, у арабских историков — Сугдак, Сурдак, основанная, по греческому Синксарию XIII—XIV вв., около 212 г. Согласно константинопольским церковным актам X—XI вв. в Сугдейе существовало архиепископство, входившее в состав константинопольского патриархата.² С конца VII в. Сугдейя подчинялась сначала хазарам, затем, в XII в., — половцам, в XIII в. несколько раз попадала под власть татар. С 1365 г. ею владели генуезцы. В 1475 г. Сугдейя была захвачена турками и была в их подчинении до прихода в 1783 г. русских. Как экономический центр Сугдейя стала складываться в конце XI в. В XII—XIII вв. она была основным торговым центром Тавриды.

Как уже говорилось, Корсунь и Сурож «Слова» исследователи связывают именно с этими городами: с Херсонесом потому, что этот город (в средние века — Херсон), по их мнению, и есть тот Корсунь, о котором сообщает «Повесть временных лет» в связи с приходом сюда апостола Андрея, завоеванием его князем Владимиром Святославовичем и вступлением им здесь в брак с греческой царевной Анной в конце X в.³ С Суροжем же, с древней Сугдейей — потому, например, что есть свидетель-

* В основу статьи положен доклад, прочитанный нами в г. Ярославле в сентябре 1990 г. См также Салмина М. А. 1) Корсунь // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб., 1995 Т 3 С 80—82, 2) Сурож // Там же Т 5 С 87—88. Здесь же приведена и литература вопроса.

¹ Слово о полку Игореве М., Л., 1950 С 9

² Секиринский С. Очерки истории Суροжа IX—XV веков Симферополь, 1955 С 3, 15—16 и след.

³ Повесть временных лет 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996 С 49—50

ство минорита Вильгельма де Рубрука, посланного в 1253 г. Людовиком IX с миссией к татарам и следовавшего из Константинополя через Сугдейю, о том, что на соленые озера Тавриды, как сообщает он, «со всей Руссии ездят туда за солью». И это говорит о том, что в XIII в. имела место русско-сугдейская торговля.⁴

Однако, как представляется, Корсунь и Сурож могут быть связываемы не обязательно с Крымом.⁵

Следует отметить, что из географических наименований в «Слове» в своей большей части фигурирует бассейн Днепра: сам Днепр, упоминаются его притоки — Стугна, Рось, Сула (пограничные реки, отделявшие русские земли от половецких кочевий). Именно в этой местности и расселились половцы после поражения Игоря: «по Рси и по Сули гради подблнша».⁶ Упоминаются города на Днепре — Киев, а в его бассейне Курск, Путивль на Сейме, притоке Десны, Новгород-Северский на Десне, притоке Днепра. И вот на р. Рось, правом притоке Днепра при впадении в нее р. Корсунки, южнее Киева, также в древности существовал город с наименованием Корсунь. Об этом писал еще в 1823 г. Н. Граматин,⁷ это отмечает и Д. С. Лихачев в комментарии к «Повести временных лет».⁸ Основание этого Корсуна Тверская летопись приписывает князю Ярославу Владимировичу. В летописи под 1032 г. говорится: «Великий князь Ярослав поча города ставити на Рси: Корсунь, Треполь».⁹ Таким образом этот город Корсунь был основан буквально через 44 года после того как Владимир завоевал Херсонес. Корсунь на Роси упоминается в летописи первым при описании киевских городов.¹⁰ В Ипатьевской летописи он впервые назван под 1172 г.: к Корсуню подошли половцы.¹¹ О дальнейшей судьбе Корсуна известно, что в XIII—XV вв. он подвергался частым опустошениям. А укрепился он вновь после 1584 г., когда братья Вишневецкие выхлопотали у Стефана Батория князю грамоту на обустройство этого города. В 1648 г. близ Корсуна Богдан Хмельницкий одержал победу над поляками. В 1793 г. Корсунь отошел к России. В 1799 г. город был пожалован в потомственное владение князю Лопухину.¹² В 1944 г. город получил название Корсунь-Шевченковский.¹³

Имеются сведения о существовании в средние века еще одного Корсуна. В. П. Адрианова-Перетц в 1926 г. опубликовала статью, называющуюся «Данило Корсунский — паломник XVI в.».¹⁴ В этой статье речь шла об архимандрите града Корсуна «в Белой России», который в 1590—1594 гг. ходил в Палестину — Святую землю. И к словам «монастырь града Корсуна в Белой России» В. П. Адрианова-Перетц, опираясь на

⁴ Иоанн де Плано Карпини История Монголов Вильгельм де Рубрук Путешествие в восточные страны / Введение, перевод и примеч А И Маленина СПб, 1911 С 68

⁵ Так считает и Г В Сумаруков См Сумаруков Г В Кто есть кто в «Слове о полку Игореве» М, 1983 С 60—63

⁶ Слово о полку Игореве С 32

⁷ Граматин Н Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славянском языке прозою М, 1823 С 131

⁸ См Повесть временных лет С 481

⁹ Тверской сборник // ПСРЛ М, 1965 Т 15, вып 1 Стб 146

¹⁰ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ СПб, 1856 Т 7 С 240

¹¹ Ипатьевская летопись // ПСРЛ СПб, 1908 Т 2 Стб 555

¹² Семенов П Географическо-статистический словарь Российской империи СПб, 1865 Т 2 С 732—733

¹³ См СИЭ М, 1965 Т 7 Стб 983

¹⁴ Адрианова-Перетц В Данило Корсунский — паломник XVI-го вкы // Записки Ист-филол виддлу Кив, 1926 Кн 9 С 60—77

«Географический словарь Королевства Польского» конца XIX в.,¹⁵ сделала следующее примечание: «Корсуни — село Кобринского уезда на Гродненщине, по соседству с Берестейским, недалеко от станции Городец на восток от Кобрина»,¹⁶ т. е. в современной Белоруссии. Существовало ли это поселение в далеком прошлом, неизвестно.

Что касается Сурожа «Слова», его отнесения к древней Сугдейе, то надо иметь в виду следующее. В русских источниках сведения о Сугдейе отсутствуют. В древних русских источниках Сурожа в понимании Сугдей (Судака) нет. Впервые Сурож в понимании Сугдейи встречается лишь в источнике XVI в. — в Никоновской летописи под 1389 г. в «Хождении Пиминове в Царьград», где сообщается: «...проидохом устие Азовскаго моря и взыдохом на великое море <...> минухом Кафинский лимен и Сурож...»¹⁷

Встречающееся же в летописях понятие «Сурожское море» подразумевает море Азовское, а не Черное, где находилась Сугдейя. Так, например, в Тверской, Львовской, Вологодско-Пермской летописях, Рогожском летописце под 1318—1319 гг. в рассказе об убиении князя Михаила Ярославича Тверского в Орде читаем: «Дошедшу же ему в Орду месяца сентября в 6 день на усть реки Дону, идеже течет в море Сурожское».¹⁸ Не проясняет вопрос о Суроже в «Слове» и так называемое Житие Стефана Сурожского, исповедника времен первых иконоборцев, († в конце VIII в.), произведение, переведенное с греческого.¹⁹ В греческом оригинале Стефан назван Солдайским, русские же списки, где Стефан именуется Сурожским, датируются XVI в.

Решить, считать ли Сурож «Слова» городом Крымского полуострова или нет, не помогают ни встречающиеся в исторических повестях — «Сказании о Мамаевом побоище» и «Повести о нашествии Тохтамыша» — так называемые «гости-сурожане» (абстрактное понятие, в официальных документах отсутствующее), ни сообщение Н4Л под 1375 г. о том, что в Тверь к князю Михаилу приехал «Иван Васильев <...> сын тысяцкого да Некомат сурожанин...».²⁰ Ничего не проясняют в этом отношении ни работа М. Н. Тихомирова «Средневековая Москва»,²¹ ни специальные работы, посвященные Сурожу и сурожанам С. Секиринского²² и В. Е. Сыроечковского²³ (говорится лишь, что сурожане — это московские купцы, торговавшие с Сурожем).

Таким образом, документальных сведений о том, что в XII—XIII вв. крымская Сугдейя называлась русскими Сурожем, обнаружить не удалось.

Вместе с тем город Сурож (точнее Сураж) существовал в самой Руси, причем поселений с таким наименованием известно было по крайней мере четыре. Об одном из них сообщает «Географический словарь Ко-

¹⁵ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich Warszawa, 1883 Т 4 С 423

¹⁶ Адриянова-Перетц В Данило Корсунський С 67

¹⁷ Никоновская летопись // ПСРЛ М, 1965 Т 11 С 97

¹⁸ См Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ М, Л, 1959 Т 26 С 101

¹⁹ Васильевский В Русско-византийские исследования Жития свв Георгия Аматридского и Стефана Сурожского // ЛЗАК СПб, 1893 Вып 9 С CLII—CCCV, 74—103 См также Васильевский В Г Труды Пг, 1915 Т 3 С CXLII—CCLXXXVIII, 72—98

²⁰ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ СПб, 1848 Т 4 С 69

²¹ Тихомиров М Н Средневековая Москва в XIV—XV веках М, 1957 С 125—131, 147 и след

²² Секиринский С Очерки истории Сурожа

²³ Сыроечковский В Е Гости-сурожане М, Л, 1935

ролевства Польского».²⁴ Это селение было основано как будто в 1570 г. и в XIX в. находилось в Кремнецком уезде недалеко от г. Острога (в Тернопольской области современной Украины).

Второй Сураж, согласно «Географическо-статистическому словарю» П. Семенова,²⁵ находился на расстоянии 50 км от Витебска и располагался по обоим берегам Западной Двины при впадении в нее р. Каспли, в которую втекал ручей Суражка. Но город-замок этот был основан также поздно — в 1564—1565 гг. по повелению короля Сигизмунда Августа витебским воеводой Зборажским для защиты от Московского государства на месте поселения, в XIV в. уже существовавшего. В 1570 г. городу были даны привилегии, в том числе учреждались ярмарки два раза в год. В 1616 г. город был дважды сожжен русскими, а в 1668 г. возвращен литовцам. В 1772 г. он был присоединен к России и входил сначала в Полоцкую, а в 1882 г. в Витебскую губернию.²⁶ В настоящее время этот город существует и находится в Витебской области в Белоруссии.

Третий Сураж образовался на месте деревни, основанной в половине XVII в., под названием Суражичи. Как город он известен с 1781 г. — Сураж на р. Ипути, впадающей в Сож и далее в Днепр. Он находился в Новгород-Северском уезде, а в XIX в. принадлежал Черниговской губернии.²⁷ Сейчас это районный центр в Брянской области РФ.

Четвертый Сураж находился на территории современной Польши. Он стоял на р. Нареве, впадавшей в Западный Буг в более чем 100 км от Гродно.²⁸ Год основания его неизвестен, хотя считается, что в начале XIII в. он уже существовал. После разрушения его монголами, как сообщает П. Семенов, он был в 1241 г. укреплен Ердзивилом, внуком Миндовга. После смерти Гедимины он переходил из рук в руки. Именно о нем идет речь в белорусско-литовских летописях и хрониках XVI и XVII вв.²⁹ Сураж, а также замки «Бересте», «Белско», «Брянско», расположенные на притоках Западного Буга, упоминаются под 1258 г.³⁰ Под 1399 г. сообщается, что Витовт осадил замки «Гроденскей <...> Бересте, Сураж, Каменец».³¹

В XV в. город всецело принадлежал Литве. В 1440 г. ему было даровано магдебургское право, а в 1507 г. он был отдан Сигизмундом II в пожизненное пользование дочери Ивана III — Елене Ивановне, вдове князя Александра. Затем им владел польский король Сигизмунд Август. В XVIII в. он принадлежал Пруссии, а в 1807 г. им овладела Россия. Его упадок начался во второй половине XVII в. В XIX в. от княжеского замка сохранилась лишь возвышенность, так называемая «зámковая гора».

Может быть, следует отметить, что и град Корсунь «в Белой России», об архимандрите монастыря которого шла речь в статье В. П. Адриановой-Перетц, и этот Сураж на р. Нареве — оба находились на Гродненщине, не столь уж далеко друг от друга.

²⁴ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich Warszawa, 1890 Т 11 S 595

²⁵ Семенов П Географическо-статистический словарь Российской империи СПб, 1863 Т 4 С 793—794

²⁶ Там же С 793

²⁷ Там же С 794—795

²⁸ Там же С 794

²⁹ См ПСРЛ М, 1975 Т 32 С 19, 66, 159, М, 1980 Т 35 С 86, 98, 112, 116, 156, 183, 203

³⁰ ПСРЛ Т 32 С 19

³¹ Там же С 66

Хотелось бы отметить еще одно в Ипатьевской летописи под 1289 г сообщается о погребении во Владимире-Волынском, расположенном на Западном Буге, князя Владимира Васильевича Галицкого. Здесь говорится «и тако плакавшеся над ним все множество володимерцев, немци и сурожце, и новгородци, и жидове»³². И не стоит ли предположить, что скорее уж из этого Сурожа, также расположенного у Западного Буга, отправились на похороны Владимира Галицкого его жители-сурожане, чем считать, что они могли прийти во Владимир-Волынский откуда-то из далекой Тавриды.

Таковы мои соображения о поселениях Корсунь и Сурож, упоминаемых в «Слове о полку Игореве».

---

³² См. ПСРЛ Т 2 Стб 920

И. П. МЕДВЕДЕВ

**Еще одно неучтенное свидетельство
«древностелюбивых проказ»
со «Словом о полку Игореве»**

«Древностелюбивыми проказами» называл Евгений Болховитинов эпидемию подделок памятников древнерусской письменности в первой половине XIX в. И хотя он в данном случае имел в виду конкретные фальсификации небезызвестного Сулакадзева,¹ в равной мере это весьма точное определение может относиться к изготовлению подложных списков «Слова о полку Игореве», и прежде всего — к деятельности знаменитого московского «палеофага» Антона Ивановича Бардина (ум. в 1841 г.). Картина фабрикации этих подделок уже в достаточной мере выяснена,² но некоторые ее штрихи могут быть, наверное, еще уточнены.

Вот один такой «штрих», о котором, если не ошибаюсь, ничего не было известно. 6 декабря 1872 г. к одному из «патриархов» российской славистики Измаилу Ивановичу Срезневскому (1812—1880) обратился с письмом известный историк древнерусской литературы, археограф и библиограф, член-корреспондент Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности (правда, с 8 декабря как раз 1872 г.), ученый секретарь Императорского общества истории и древностей российских Андрей Николаевич Попов (1841—1881),³ между прочим, автор основополагающих трудов о рукописной традиции древнерусских хронографов, не потерявших, по мнению нашего юбиляра (О. В. Творогова), до сих пор своего научного значения.⁴ Отвечая на запрос И. И. Срезневского в отношении некоторых рукописей из Хлудовского собрания (наверное, где-то и это письмо могло сохраниться?), А. Н. Попов пишет следующее:

¹ См. об этом Козлов В. П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII—XIX веков. 2-е изд. М., 1996. С. 248.

² Литературу об этом см. Каган М. Д. 1) Бардин Антон Иванович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб., 1995. Т. 1. С. 83—85. 2) Подделки списков Слова // Там же. Т. 4. С. 131—135. Козлов В. П. Московский палеофаг А. И. Бардин // Козлов В. П. Тайны фальсификации. С. 100—112.

³ В архиве И. И. Срезневского хранится 9 небольших, но, на наш взгляд, весьма интересных писем А. Н. Попова (ПФА РАН, ф. 216, оп. 5, д. 489, л. 1—13 об.). В деле содержится также телеграмма А. Н. Попова с извещением об избрании И. И. Срезневского почетным членом Имп. общества истории и древностей российских (л. 15).

⁴ См., например, Летописец Еллинский и Римский. Т. 2. Комментарий. Исследование. Указатели. СПб., 2001. С. 117 и др. (см. Указатель имен Попова А. Н.).

Многоуважаемый Измаил Иванович!

Письмо и приложенные к нему оттиски Вашего академического отзыва о моей книге⁵ я имел честь получить. Искренне благодарю Вас и спешу сообщить, что поручение Ваше исполнено: письмо к А. И. Хлудову вместе с предназначенными ему оттисками передано мною по принадлежности. Что же касается Вашего запроса, можете ли Вы воспользоваться для Ваших трудов некоторыми из хлудовских рукописей, то я обращался с этим вопросом к владельцу рукописей и получил к величайшему удовольствию моему следующий ответ, который и сообщаю Вам с буквальной точностью: «Я всегда готов сообщить в Академию наук нужные для ее членов рукописи».

Итак, затруднений никаких нет. В письме своем Вы упоминаете, между прочим, о виденной Вами в собрании Лобкова пергамина русской летописи и спрашиваете о судьбе ее. Действительно, вместе с другими лобковскими рукописями она перешла в Хлудовское собрание,⁶ но в опись не занесена мною как заведомо подложная. Она бардинской работы, и писана им с одного из изданий прошлого века, со всеми позднейшими вставками и подновлениями. Из изделий того же Бардина в Хлудовском собрании находится еще Русская Правда, на пергамене, в 8°.

Помянутый же Вами список «Слова о полку Игореве», писанный на столбце, в настоящее время также таится в Москве у одного из собирателей, именно у Зайцевского,⁷ который с ним попался «как кур во щи». Он купил его за подлинный и заплатил 1500 рублей. Убедившись же в несомненной подложности, он в настоящее время никому не показывает своего «Слова», ожидая, что со временем явится подобный ему охотник, и тогда концы с концами сойдутся.

Примите уверения в совершенном почтении от искренне уважающего Вас Андрея Попова.

P. S. В настоящее время сижу за Посошковым,⁸ и в непродолжительном времени надеюсь доставить Вам экземпляр его интересных записок.⁹

Вот, собственно, и все. Если с бардинскими «изделиями» «Русской летописи» и «Русской правды» все ясно,¹⁰ то на вопрос — был ли подложный список «Слова о полку Игореве», приобретенный Зайцевским, одним из бардинских изделий «Слова» — ответить не так-то просто. Пожалуй, единственной зацепкой является оговорка А. Н. Попова о том, что текст его писан «на столбце», и это роднит его с бардинским списком, который хранится в Библиотеке РАН (шифр: 16.5.15, на 18 л.) и о котором в статье М. Н. Сперанского сказано: он «писан в один столбец» («Типичное изделие Бардина, — замечает автор. — Упомянутый о рукописи мне в литературе не встречалось»).¹¹ Остается надеяться, что однажды и это про-

⁵ Речь идет, несомненно, о книге А. Н. Попова «Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова» (М., 1872) и «Записке акад. И. И. Срезневского» на это издание (СПб., ноябрь 1872 г., 9 с.).

⁶ И. И. Срезневский, отметив в вышеуказанной «Записке», что в Москве «по слухам» есть собрания рукописей — А. И. Лобкова и А. И. Хлудова, добавляет: «Также по слухам недавно стало известно, что оба собрания соединились в руках одного А. И. Хлудова» (С. 1).

⁷ Михаил Михайлович Зайцевский (1815—1885), собиратель художественных памятников и рукописей. См. о нем Полунин Н., Фролов А. Коллекционеры старой Москвы. Иллюстрированный биографический словарь. М., 1997. С. 158—161 (о рукописи речи нет).

⁸ Ср. Завещание отеческое к сыну. Сочинение Ивана Посошкова. Открыто и издано Андреем Поповым. М., 1873.

⁹ ПФА РАН, ф. 216, оп. 5, д. 489, л. 4—5.

¹⁰ Помимо указанной работы В. П. Козлова см. также Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзе) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 79—83 (следует, впрочем, отметить, что именно исследование М. Н. Сперанского послужило главным источником для В. П. Козлова).

¹¹ Сперанский М. Н. Русские подделки. С. 78.

яснится. А пока мы (пользуясь случаем) считаем целесообразным опубликовать и остальные письма А. Н. Попова к И. И. Срезневскому, хотя они касаются уже других вопросов.

I (л 1) Письмо от 1 (?) декабря 1865 г

Многоуважаемый Измаил Иванович!

Вместе с письмом имею честь препроводить Вам первый выпуск изданного мною Обзора хронографов¹² Надеюсь, что Вы не откажетесь пробежать мой первый опыт в вопросе который лично интересует Вас

С истинным уважением, имею честь быть Вашим покорным слугою А Попов Москва 1865 г

Декабря 1 д<ня?>

II (л 11—11 об) Письмо от 13 сентября, без указания года (1869 г?)

Многоуважаемый Измаил Иванович!

Назад тому с лишком два месяца я выслал по почте по адресу Вашей квартиры изданные мною 2-й выпуск Обзора хронографов, вместе с Изборником¹³ Вчера же, 12 сентября, почтаamt возвратил мне обратно и посылку и приложенное к ней мое письмо Недоумевая о случившемся, я сегодня отправляю вторично экземпляры на Ваше имя, адресуя их в Университет Вы обяжете меня в высшей степени, если уведомите меня — дошли ли они до вас Я решаюсь утруждать Вас этою просьбою, потому что я так спешил представить Вам свой посильный труд, как слабое выражение моего глубокого уважения к Вам

Имею честь остаться Вашим покорным слугою А Попов

Москва, сентября 13 дня

Адрес мой Старая Басманная, Тукмаков переулок, дом Тарасовой

III (л 2—3) Письмо от 24 сентября 1869 г

Многоуважаемый Измаил Иванович!

Приношу Вам мою глубокую благодарность за письмо, которым Вы почтили меня, и сердечно сожалею, что Вы жалуетесь на состояние Вашего здоровья Письмо Ваше навсегда сохранится у меня, как дорогой для меня памятник, как отзыв человека, по произведениям которого я учусь заниматься Относительно представления своего сочинения на конкурс в письме к Его П-ву Конст Степ Веселовскому,¹⁴ посланному мною более месяца тому назад, с приложением нескольких экземпляров, я высказал просьбу допустить мое сочинение на соискание премии, специально назначенной, много лет тому назад, за исследование о хронографах, как источниках русской истории По характеру своего Обзора и по составу приложений к нему, состоящих из одних лишь славянских и русских статей, я полагал и теперь думаю, что труд мой подходит под требования предложенной задачи Но так как эта специальная премия, за давностью лет, может и не существовать более, то я покорнейше просил, в этом случае, записать мое сочинение в разряд представленных на соискание обыкновенных Уваровских премий

¹² См Попов А Обзор хронографов русской редакции М, 1866 Вып 1 (как видим, реально работа вышла из печати раньше, чем это обозначено в выходных данных)

¹³ Имеются в виду издания Попов А 1) Обзор хронографов русской редакции М 1869 Вып 2, 2) Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции М, 1869

¹⁴ Академик Веселовский Константин Степанович (1819—1901) непреходящий секретарь Императорской Академии наук с 1857 по 1890 г

С полным уважением и преданностью имею честь остаться готовым к Вашим услугам
А Попов
1869
Сентября 24 дня
Москва

IV (л 4—5) Опубликовано выше (с 179) письмо от 6 декабря 1872 г

V (л 6—7) Письмо от 28 мая 1873 г

Многоуважаемый Измаил Иванович!

Только теперь, через три недели по получении мною Вашего письма от 7 мая, представилась мне возможность ответить на Ваш запрос о Хлудовской рукописи № 69 Времени прошло много, но в замедлении я неповинен А И Хлудов живет на даче в Коломенском уезде, библиотека его заперта, библиотекарь тоже куда-то уехал, так что мне нужно было предварительно съездить к владельцу рукописи, взять у него ключ и уж только после этого приняться за дело По указаниям Вашим я сличил Ипполитово слово с помещенным в Сборнике 1647 и с писанным Вами списком¹⁵ Сколько могу судить, Хлудовский список очень близок к Вашему и вместе с ним, как переделка, резко отличается от слова, помещенного в Сборнике Но так как Хлудовский список — русской редакции и без глав, а Ваш — южнославянский и с главами, то я снял для (sic!) точную, полную копию с первого Может быть, в нем окажется что-либо интересное для Вас За верность копии ручаюсь, только извините, что дурно написано

Только что покончил я с списыванием и уже собирался отправить к Вам пакет, как узнал из газет, что Вы уезжаете за границу и в скором времени Ввиду этого я решился, для верности, переслать пакет с копиею на имя А Ф Бычкова,¹⁶ коего и просил уже письмом передать его Вам Иначе пакет мог бы или завалиться в почтамте, или же вернуться назад в Москву

Примите уверение в совершенном почтении от искренне Вас уважающего Андрея Попова

P S С нетерпением буду ждать Вашего разбора «Ипполитова слова»

VI (л 8—9) Письмо от 7 декабря 1873 г

Многоуважаемый Измаил Иванович!

Давно я не имел удовольствия писать к Вам, а теперь прямо начинаю с просьбы В Ваших отзывах о моих посильных трудах я читал между строк мнение обо мне как «доброе» работнике В силу этого позвольте мне обратиться к Вам за советом по поводу одной громадной работы, мысль о которой сильно занимает меня Говорить о ней я не решился бы если бы она не имела общественного значения, и особенно в Ваших глазах Я хотел бы потрудиться над продолжением описания славянских рукописей Синодальной библиотеки Не известно ли Вам чего-либо по поводу этого вопроса, думает ли Духовное ведомство об окончании Описания? Если об этом деле и помина нет, то не подадите ли Вы мне доброго совета, как приступить с заявлением своего предложения Вот, многоуважаемый Измаил Иванович, вопрос, которым я решился утруждать Вас Смеею надеяться, что Вы не откажетесь помочь мне наставлением, так как я нахожусь в полном неведении

¹⁵ О «Слове св Ипполита об антихристе» см Словарь книжников Вып I С 425—426 (автор статьи — О В Творогов)

¹⁶ Бычков Афанасий Федорович (1818—1899), академик, историк, археограф, библиограф, директор Имп Публичной библиотеки в Петербурге

Примите заявление моего искреннего уважения Андрей Попов Москва Декабрь 7 1873 г

P S Мой адрес Старая Басманная, Тукмаков переулок, д Тарасовой

VII (л 10—10 об) Письмо от 30 апреля 1876 г

Высокоуважаемый Измаил Иванович!

Я имею честь получить Ваше письмо, переданное мне г Лангом Благодарю Вас от всей души за память и за доброе доверие Надеюсь, что г Лангу покажется сносным житье-бытье в Москве Мне передавали, что он с первого разу внушил к себе искреннюю приязнь¹⁷

Вместе с этим письмом отправляется на Ваше имя (по адресу в Университет) экземпляр «Обзора полемической литературы»¹⁸ Вы с таким снисхождением отнеслись к этому «Обзору», что мне остается только благодарить Вас и благодарить Второй том у меня готов, но я не пушу его в печать прежде чем не получу из СПб весточки что сочинения Артемия отпечатаны Археографической комиссией Жду этого издания, как манны небесной¹⁹ У нас в Москве, слышно, что издание этого памятника поручено г Гильтенбранту Дай Бог! чтобы драгоценный памятник выплыл наконец наружу

Примите уверение в моем искреннем уважении Андрей Попов

М, 1876 г

Апреля 30

VIII (л 12—12 об) Письмо от 18 октября без указания года (1877 г?)

Высокоуважаемый Измаил Иванович!

Вместе с настоящим письмом имею честь препроводить для Вашей библиотеки труды покойного О М Бодянского²⁰ Они помещены в Чтениях²¹ Но думаю, что Вам приятно будет иметь их в отдельном виде, как память о вашем сотоварище Если вообще у книг своя история, то в частности у Иоанна ексарха (sic!) — многострадальная история Многих трудов стоило одно отыскание напечатанных листов До меня не дошла еще последняя серия Ваших «Сведений и заметок»²² При всех стараниях моих я решительно не мог достать их в Москве Не можете ли Вы моему горю? Записки Академические доставляются мне по

¹⁷ Речь идет, по-видимому, о Федоре Ланге, выпускнике Гейдельбергского университета, зачисленном 16 июня 1869 г в качестве «вольнотруждающегося» на работу в ИПБ См Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры Биографический словарь СПб, 1995 Т 1 С 623

¹⁸ См Попов А Н Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV в) М, 1875

¹⁹ Речь идет об издании Послания старца Артемия, XVI в // РИБ СПб 1878 Т 4 Литература о русском публицисте, игумене Троице-Сергиева монастыря Артемии см Словарь книжников Вып 2, ч 1 С 71—73 (автор — Н А Казакова)

²⁰ Бодянский Осип Максимович (1808—1877), славист и издатель памятников древнеславянской и древнерусской письменности О нем см Славяноведение в дореволюционной России Библиографический словарь М, 1979 С 78—81 (автор — Л Н Алексашкина)

²¹ Среди работ О М Бодянского, опубликованных в «Чтениях» Общества истории и древностей российских, — собрание текстов о деятельности Кирилла и Мефодия (ЧОИДР 1863 Кн 2, 1864 Кн 2, 1865 Кн 1—2, 1866 Кн 2, 1873 Кн 1) и «Богословие» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха (ЧОИДР 1877 Кн 4), о котором и идет речь в письме

²² В «Известиях ОРЯС» регулярно появлялись рецензии и библиографические заметки И И Срезневского о книгах зарубежных славянских авторов «Последняя серия» из них, о которой говорит А Н Попов, — это «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» (Записки Имп АН 1876 Т 28, кн 1 С 393—579, СОРЯС 1877 Т 15 № 1 С 393—579)

прошествии года Простите великодушно за смелую просьбу, но она объясняется сильным желанием по возможности поскорее ознакомиться с Вашим трудом

Примите уверение в истинном почтении и преданности

Андрей Попов

Окт 18

IX (л 13—13 об) Письмо от 7 (?) октября, без указания года²³

Милостивый государь Измаил Иванович!

Изъявив лично Вам извинение в невольном огорчении, которое произвели переданные мною Вам слова А И Фрейганга, я считаю себя в обязанности письмом объяснить Вам это дело и вторично просить извинения Мне весьма прискорбно, что я причинил Вам неприятность, Вам, который делает мне одолжение

Когда я имел честь быть у Вас в первый раз, то Вы по доброте своей не отказались от моей рукописи и сказали, что первую часть потрудитесь просмотреть к 7-му октября Для меня такое обещание было весьма приятно, потому что я как издатель тороплюсь спешным делом, тем более что А И соглашался, по моей покорнейшей просьбе, пропустить рукопись не ранее 10-го числа, я выигрывал по Вашей снисходительности три дня Но я не хотел, не думал даже сказать (не знаю, может быть, проговорился), что А И Ф просит у меня рукопись, чего никогда и быть не могло

Объяснив все как было, я считаю свою совесть успокоенную (sic!) и покорнейше прося оставить мысль, что я хотел своими словами произвести что-нибудь неблагородное и для Вас неприятное, с совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

А Попов

7 (?) октября

---

²³ Датировка письма затруднительна и по содержанию

Л. В. СОКОЛОВА

Композиция «Слова о полку Игореве»

Вопрос о композиции — ключевой для понимания «Слова о полку Игореве». Без ясного представления о том, как построено «Слово», невозможно правильно определить, устным или литературным, эпическим или лиро-эпическим, прозаическим или стихотворным произведением «Слово» является, в каком жанре и когда оно создано. Выяснение цели создания «Слова» и определение его главного героя тоже невозможно без предварительного анализа композиции памятника. Наконец, самым непосредственным образом от результатов анализа композиции «Слова» зависит наше представление об истории его текста. Напомню, что некоторые из исследователей не считали известный нам текст «Слова» авторским. Одни при этом видели в нем компиляцию из ранее существовавших песен со вставками составителя, другие полагали, что авторский текст существовал, но был позднее сильно искажен пропусками, вставками, перестановками.¹ Е. В. Барсов, автор фундаментального исследования «Слова» конца XIX в., написал по этому поводу следующее: «Где является недостаток понимания, там недостает лишь достаточного изучения. Предположения в тексте пропусков, вставок, глосс < . > обусловлены именно недостатком понимания „Слова“ в его целом и частях. Такие гадания свидетельствуют лишь о том, как недалеко еще ушла наша ученая литература в художественном его разумении».²

Исследователи XIX и XX вв. много сделали для анализа композиции известного нам текста «Слова о полку Игореве».³ Их работы способст-

¹ См об этом Творогов О В 1) История текста «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб 1995 Т 2 С 320—324, 2) Перестановки в тексте «Слова» // Там же Т 4 С 78—83

² Барсов Е В Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси М, 1887 Т 2 С 1—2

³ Не претендуя на исчерпывающий список работ, затрагивающих вопрос композиции «Слова», укажу только те, в которых композиция сохранившегося списка рассматривается как авторская Максимович М А Пѣсь о полку Игоревѣ (Из лекций о русской словесности, читанных 1835 года в университете св Владимира) // ЖМНП 1836 № 4 Отд 2 С 13—22, Дубенский Д Слово о пльку Игоревѣ, Святъслава пѣтворца старого времени М, 1845 С LVII, Буслаев Ф И Рец на кн «Слово о пльку Игоревѣ», объясненное по древним письменным памятникам магистром Д Дубенским М, 1844 // Москвитянин 1845 Ч 1 № 1 Критика С 29—40, Барсов Е В Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси Т 2 С 1—81, Abicht R «Слово о пльку Игоревѣ» Das Lied von der Heerschaar Igorj's Abdruck der editio princeps nebst altslovenischer Transscription und Commentar Leipzig, 1895 S 29—31, Шамбинаго С К 1) «Слово о полку Игореве» / Ред, перевод и объяснения приват-доцента С К Шамбинаго М, Универсальная б-ка, 1912 (5-е изд — 1917), 2) Слово о полку Игореве // История русской литературы / Под ред А Е Грузинского, акад Д Н Овсяннико-Куликовского и проф П Н Са-

вовали пониманию того, что текст «Слова» — единое художественное целое, все части которого взаимосвязаны, что кажущиеся «нелогичности» на самом деле целесообразны и преднамеренны. Однако вопрос о композиции «Слова» нельзя считать решенным, поскольку до сих пор нет четкого представления о том, из каких композиционных частей состоит «Слово», каков художественный план произведения, какие принципы лежат в основе его композиции. По всем этим вопросам высказаны различные точки зрения, и ни одна из них не стала пока общепринятой.

Еще Д. Дубенский выделил в «Слове» три части: 1) Поход, битвы, плен Игоря; 2) Сон и слово Святослава, плач Ярославны; 3) Возвращение Игоря. Ф. И. Буслаев внес в это деление два изменения: из первой части он выделил вступление и перенес плач Ярославны из второй части в третью. Е. В. Барсов наряду с выделением вступления выделил и заключение, а также указал «переходы» между частями. Б. Н. Двинянинов и Л. В. Кулаковский возвращаются к делению текста на три части, не выделяя из них вступление и заключение. И. П. Еремин, напротив, считал, что «Слово» состоит из вступления, лиро-эпической «повести» и заключения. Деление же «повести» на три части он отрицал; по его мнению, «повесть» распадается на ряд эпизодов, представляющих каждый относительно замкнутое целое. Исследователь исходил при этом из сопоставления композиции «Слова» с произведениями торжественного красноречия.

Границы между тремя частями повествования исследователи определяют по-разному. Например, похвалу князю Святославу за поход 1184 г. одни исследователи относили к первой части (Е. В. Барсов), другие — ко второй (С. К. Шамбинаго, Л. В. Кулаковский). То же самое с плачем Ярославны: одни исследователи включали этот фрагмент во вторую часть

кулина Т. I История русской литературы до XIX в. / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1916. С. 170—187, 3) «Слово о полку Игореве» История и характеристика текста // Слово о полку Игореве. М., Л. Academia, 1934. С. 187—192, Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы. Пг., 1922. С. 191, Ржигла В. Ф. 1) Композиция «Слова о полку Игореве» // Slavica Praga, 1925. Roč 4, seš 1. S. 44—62, 2) «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской феодальной Руси XII в. // Слово о полку Игореве. М., Л. Academia, 1934. С. 165, Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М., Л., 1946. С. 22—37 (Глава IV Поэтический план «Слова о полку Игореве»), Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве» Сб. исследований и статей. М., Л., 1950. С. 93—129, Лихачев Д. С. 1) Слово о походе Игоря, Игоря сына Святослава, внука Олегова (Объяснительный перевод) // Слово о полку Игореве. М., Л., 1950. С. 76—101, 2) Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // РЛ. 1983. № 4. С. 9—21, 3) Композиция «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб., 1995. Т. 3. С. 67—69, Wollman S. Slovo o pluku Iгореvэ jako umělecké dílo Praha, 1958, Двинянинов Б. Н. Принцип трехчленности в плане и композиции «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. Тамбовского гос. пед. ин-та Воронеж, 1958. Вып. 12. С. 137—182, Дмитриев Л. А. Принцип трехчленности в композиционном построении «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М., Л., 1960. Т. 16. С. 606—610, Стеллецкий В. И. Драгоценный памятник русской литературы // Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1965. С. 20—24, Klein J. Zur Struktur des Igorlieds. Munchen, 1972, Кулаковский Л. В. Песнь о полку Игореве. Опыт воссоздания модели древнего мелоса. М., 1977, Демкова Н. С. 1) Повторы в «Слове о полку Игореве» (К изучению композиции памятника) // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 59—73, 2) Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 82—97, переизданы в кн. Демкова Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 18—33, 33—76, Творогов О. В. Композиция «Слова» // История русской литературы X—XVII веков. М., 1980. С. 127 (в главе I Литература XI—начала XIII в.), Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. С. 211—232, Чернов А. Слово о золотом слове. В помощь лектору. М., 1985. С. 19—20, Николаева Т. М. 1) Функционально-смысловая структура антитезы и повторов в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» Комплексные исследования. М., 1988. С. 103—124, 2) «Слово о полку Игореве» Поэтика и лингвистика текста, «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997.

(Д. Дубенский, М. Максимович), другие — в третью (Ф. И. Буслаев, Е. В. Барсов). В. М. Истрин, не усмотрев причинно-следственной связи между плачем Ярославны и бегством князя Игоря, выделял плач Ярославны особо; в связи с этим основную часть «Слова» он делил не на три, а на четыре «отдела». Эпизод пленения Игоря, включаемый обычно в первую часть, М. Максимович относил ко второй части. Это связано с тем, что в основу членения «Слова» на три части им были положены три главных факта, связанных с Игорем: 1) Поход на половцев; 2) Игорь в плену половецком (сюда включались и эпизод пленения Игоря, и плач Ярославны); 3) Возвращение Игоря на Русь. Современный переводчик «Слова о полку Игореве» С. Златорунский первую часть заканчивает словами «Никнет трава от жалости, / И древо скорбно к земле преклонилось». Авторское отступление о деве Обиде, повествование о последствиях Игорева похода и рассказ о походе Святослава на половцев 1184 г. он включает во вторую часть.⁴

По-разному определяют исследователи также границы вступительной и заключительной частей «Слова». Одни считают вступлением текст до слов: «Почнемъ же, братие...», другие — текст до сцены солнечного затмения, третьи включают в него и сцену солнечного затмения, и отступление о Бояне до слов «Трубы трубить въ Новѣградѣ...», Д. Дубенский включал во вступление и последующий текст: речь Всеволода с похвалой курянам-кметям (само вступление он не выделял из первой части «Слова»). Заключительной частью считается либо текст со слов «Рекъ Боянь и Ходына...», либо текст со слов «Солнце свѣтитса на небесѣ...», либо только заключительная здравица князьям и дружинам.

Еще больше разногласий в делении каждой из трех частей на более мелкие части,⁵ которые называются в разных исследованиях по-разному. Коллебания встречаем даже в разных работах одного автора. Так, М. Максимович в статье 1836 г. и в переводе «Слова» на русский язык 1837 г. разделил текст на 14 глав, а в переводе на украинский язык 1857 г. — на 20 глав, при этом сгруппировав их в три части (в первой и второй частях — по 8 глав, в третьей части — 4). С. К. Шамбинаго в 1912 г. делил текст на 16 разделов, группируя их в три части, а в 1934 г. — на 24 раздела (в первой части было 6 пунктов, стало 9; во второй части было 4 пункта, стало 8, в третьей части было 6 пунктов, стало 7). Ив. Новиков выделял в ранней редакции перевода 11 глав, а в поздней — 12 глав. В. Ф. Ржига выделял в первой и второй частях по 12 более мелких частей, а в третьей — 8 частей.

Наряду с трехчастным и четырехчастным (В. М. Истрин) делением основной части предлагалось также пятичастное членение. Б. Н. Двинянин обратил внимание на то, что в первом издании текст разбит абзацами на 7 периодов, среди которых — вступление (до слов «Они же сами княземъ славу рокотаху») и заключительная часть (со слов «Рекъ Боянь и ходы на...»). На 5 разделов, обрамленных «запевом» в начале и «славой» в конце, делит «Слово» и Б. А. Рыбаков.⁶ Его деление отличается от деления первых издателей, но и то и другое не обосновано.

⁴ Слово о полку Игореве / Перевод С. Златорунского. Воронеж, 1998.

⁵ Следует сказать, что первоначальным было деление «Слова» не на три части, а на 14 глав. Так делил текст М. Максимович в переводе «Слова» на русский язык 1837 г. В дальнейшем было принято в переводах деление «Слова» на 12 (реже 11) разделов. М. Максимович, вероятно, первым объединил деление «Слова» на три части и на ряд глав, сгруппировав в переводе 1857 г. 20 глав в три части.

⁶ Рыбаков Б. А. Перепутанные страницы. О первоначальной конструкции «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 51.

Б. Н. Двинянинов в статье 1958 г. показал многообразие предложенных композиционных членений «Слова», продемонстрировав тем самым их субъективность. Вызвал критику и слишком дробный план «Слова», предложенный самим Двиняниновым.⁷ После его статьи сама возможность и целесообразность композиционного членения текста «Слова» по тематическому принципу были подвергнуты сомнению. Обсуждение поставленного в статье Б. Н. Двинянинова вопроса о принципах описания композиции «Слова» было продолжено в других работах.

В. И. Стеллецкий отмечает, что при известном сходстве композиции «Слова» и летописной воинской повести композиция «Слова» значительно сложнее композиции летописного рассказа. В связи с этим В. И. Стеллецкий задается вопросом о «происхождении», «истоках» композиции «Слова». Он ссылается на Б. Н. Двинянинова, который в своем исследовании «убедительно показал, что для древнерусских произведений церковного ораторского искусства <...> характерен принцип трехчленности». И далее В. И. Стеллецкий, казалось бы, приходит к выводу о том, что «подобно этим (т. е. ораторским. — Л. С.) произведениям» для «Слова» характерен принцип трехчленности. Прежде всего он традиционно различает в Слове вступление, основную часть и заключение. Основную часть он также традиционно делит на три части (первая — до Сна Святослава, вторая — до Плача Ярославны). Каждую из частей В. И. Стеллецкий делит уже по своему усмотрению на более мелкие части, которые называет «поведаниями»; в первой и второй частях он выделяет по три «поведания», а в третьей, «не поддающейся трехчастному членению», — две: Плач Ярославны и описание бегства Игоря. На основании своего деления частей на «поведания» В. И. Стеллецкий делает неожиданный вывод, что «принцип трехчленности, характерный для произведений церковного ораторского искусства, здесь отнюдь не выдержан». По мнению В. И. Стеллецкого, «композиция „Слова“ прихотлива, мозаична и зависит не от дальнейшего членения его на части, а построена на ином принципе, а именно на принципе вольных строф, объединяющихся в группы или комплексы, посвященные тем или иным темам и подтемам». Эта композиция свидетельствует, по словам В. И. Стеллецкого, о том, что «автор писал свое „Слово“ во вдохновенном порыве, согласно сложившейся традиции строфического строения военных песен, а не по заранее обдуманному рассудочному, схоластическому плану, как писались церковные сочинения».⁸

Рассуждения В. И. Стеллецкого крайне противоречивы. Охарактеризовав композиционное построение «Слова», он далее отрицает наличие «схоластического плана» в нем. Указав, что, подобно произведениям ораторского искусства, «Слово» делится на три части, при этом основная часть тоже трехчастна, он тут же утверждает, что принцип трехчленности в «Слове» отнюдь не выдержан. Возражая против дальнейшего деления трех частей по тематическому признаку (несмотря на то что сам же делит их на «поведания»), В. И. Стеллецкий тут же говорит об объединении «вольных строф» в «группы или комплексы, посвященные тем или иным темам и подтемам». Вероятно, В. И. Стеллецким руководила в данном случае не логика, а желание доказать, что автор «Слова» следует в построении своего произведения не церковным произведениям, а строфической традиции воен-

⁷ См. Дмитриев Л. А. Принцип трехчленности в композиционном построении «Слова о полку Игореве» С. 606—610

⁸ Стеллецкий В. И. Драгоценный памятник русской литературы С. 22

ных песен. Истоки этой традиции В. И. Стеллецкий видит в песнопениях Бояна.

Резко высказался против традиционного метода описания сюжетной композиции «Слова» Б. Гаспаров. Он предпослал своим рассуждениям о композиции «Слова» небольшую главу в своей книге, названную им «Принципы описания композиционной структуры „Слова о полку Игореве“». ⁹ Главный упрек Б. Гаспарова исследователям, вычлняющим в тексте «Слова» «самое разное число частей, разделов и подразделов», заключается в том, что «эти разделы выделяются по чисто тематическому принципу и представляют собой не что иное, как последовательные фазы развития основного сюжета, с вставными эпизодами в качестве интерлюдий. Любое расчленение такого типа относится к чисто внешнему содержанию произведения, а не к его собственно поэтической форме. В сущности, такой анализ равнозначен простому пересказу сюжета, только с разделением его на то или иное количество „глав“ и „параграфов“. Число таких „глав“ остается совершенно произвольным, поскольку их выделение не связано с какими-либо признаками, которые были бы релевантны для поэтической формы произведения». На этом основании Б. Гаспаров предлагает иной принцип описания композиционной структуры «Слова».

Б. Гаспаров применяет при изучении поэтики «Слова» семиотический подход, т. е. «подход к художественному тексту с точки зрения имманентных структурных связей и соотношений между его элементами». Одним из «наиболее простых и очевидных аспектов структуры текста» Б. Гаспаров считает описание композиции произведения. ¹⁰ При этом исследователь утверждает, что «анализ композиции „Слова“ необходимо должен базироваться на предварительном описании поэтики произведения. Только в результате такого описания мы получаем возможность судить, какие сегменты текста можно считать повторениями, вариантами, противопоставлениями с точки зрения внутренней логики поэтической структуры». ¹¹ Ответ на эти вопросы позволит, по словам исследователя, конкретизировать проблему композиционного членения, связав ее с другими параметрами художественной формы.

На самом же деле в исследовании Б. Гаспарова происходит, по нашему мнению, подмена анализа композиции анализом мотивных «фигур» и различного рода переключек между фрагментами текста. Попытка вычлнить в тексте «Слова» маргинальные части, основываясь на анализе поэтической структуры, заканчивается неудачей. Вычленение общих мотивов в начальной и заключительной частях «Слова» (мотивов солнца и Бояна) служит для Б. Гаспарова «формальным приемом, позволяющим установить границы маргинальных частей композиции „Слова“». Исследователь указывает и другой принцип, позволяющий вычлнить начальный и конечный разделы текста: «оба они лежат за пределами циклического сюжета, составляющего основу произведения»: мифологического путешествия-возвращения. Однако, руководствуясь этими принципами, Б. Гаспаров неверно определяет вступительную часть «Слова» (интродукцию), включая в нее и начало повествования о походе со сценой солнечного затмения и даже часть авторского отступления о Бояне — до слов «Игорь ждет мила брата Всеволода». Таким образом, сцена солнечного затмения, *входящая* в рассказ о мифологическом путешествии-возвраще-

⁹ Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве» С 212—215

¹⁰ Там же С 10—11

¹¹ Там же С 215

нии, оказывается, по Гаспарову, за пределами этого рассказа. Заключительная часть «Слова» («кода») начинается, по мнению Б. Гаспарова, со слов «Рекъ Боянь и ходы на Святъславля...». Однако вслед за изречением Бояна (и Ходыны) следует фрагмент, представляющий собой заключительный этап «мифологического путешествия-возвращения»: солнце вновь сияет на небе, а Игорь-князь — вновь в Русской земле! В этом фрагменте содержится очень важное сообщение о приезде Игоря в Киев, к великому киевскому князю Святославу, о вселенской радости по поводу возвращения Игоря. Таким образом, этот фрагмент нельзя выносить за пределы циклического сюжета, повествующего о мифологическом путешествии-возвращении.

Результатом анализа композиционной структуры «Слова» является у Б. Гаспарова вывод о том, что одним из основных, устойчивых приемов в композиции «Слова» является «принцип зеркально-симметричного построения». В частности, мотив затмевающегося солнца в начальной части и мотив сияющего солнца в заключительной части «Слова» (интродукции и коде, по терминологии Б. Гаспарова) образуют «симметричную рамку, которая замыкает всю композицию». Картины похода и битвы на Каяле (т. е. цепь событий, приводящих главного героя в потусторонний мир) и картины побега (возвращение героя из потустороннего мира) «образуют между собой симметричные части композиции, соотношение между которыми носит такой же зеркально-симметричный характер, как соотношение между образами затмения и светящегося солнца в интродукции и коде». Зеркально-симметричное построение «Слова» имеет, по словам исследователя, вполне определенную поэтическую функцию. Композиция «Слова» символически отражает основную идею произведения: мифологическую цикличность гибели и спасения, ухода в потусторонний мир и возвращения в мир живых. Вывод о присутствии в «Слове» кольцевого композиционного мотива затмевающегося и вновь сияющего солнца, параллелью которому является мотив «умирающего» (попадающего в плен) и «воскресающего» (возвращающегося из плена) князя, интересен сам по себе.¹² Но он не дает ответа на вопрос о том, как построено «Слово», из каких композиционных фрагментов оно состоит, какова его «композиционная модель».

Из изложенного ясно, что исследование композиции «Слова о полку Игореве» зашло в тупик. Поэтому, прежде чем начать анализ композиционной структуры «Слова», необходимо сделать некоторые предварительные замечания теоретического характера.

1) Существует *два аспекта* в изучении сюжетной композиции «Слова». Одни исследователи выясняют, *как делится* композиционно текст «Слова» по тематическому принципу. Другие исследователи показывают, *как связаны* между собой композиционные части «Слова». Оба эти аспекта равно важны, и нельзя подменять один другим, как это делает Б. Гаспаров, руководствуясь структурным подходом к «Слову о полку Игореве». При этом анализ того, как делится текст по тематическому принципу, не может строиться на анализе структурных связей и соотношений между его элементами, в том числе на анализе композиционных мотивов. Этот путь привел Б. Гаспарова к ошибочным выводам относительно границ маргинальных частей «Слова».

¹² На этот композиционный мотив, «отмечающий собой начало и конец собственно повествования», указали в свое время А. М. Панченко и И. П. Смирнов. См. Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 43.

2) В «Слове», как в любом стихотворном тексте, есть *два вида композиции*: сюжетная и стиховая, которые следует различать, но не противопоставлять, как это делает В. И. Стеллецкий. Самыми малыми единицами сюжетной композиции являются, на мой взгляд, тематические блоки, называемые исследователями по-разному: «песнями», «главами», «строфическими отрезками» и иначе. Я предлагаю называть элементы сюжетной композиции *композиционными фрагментами*, ибо «Слово» создано одним автором без каких-либо вставных песен. Композиционный фрагмент — это конечный элемент *сюжетной* композиции, далее не делимый. Строфа — это уже элемент *стиховой* композиции, хотя в ее основе лежит прежде всего смысловой принцип: строфа представляет собой законченное высказывание, сопоставимое с абзацем в прозаическом тексте. В «Слове» элементы сюжетной и стиховой композиции соподчинены. композиционные фрагменты состоят из одной или нескольких строф. По сути дела, вопрос о стиховой композиции — это вопрос о стихе «Слова», о принципах деления стихотворного текста на ритмические единицы (стихотворные строки) и их объединении в строфы. Как уже отмечалось, пока не предложено четкого критерия выделения композиционных фрагментов, в связи с этим некоторые исследователи смешивают деление на композиционные фрагменты и строфы, выделяя как элемент композиции в одних случаях композиционный фрагмент, а в другом случае часть композиционного фрагмента (строфу).

3) Необходимо различать, но не противопоставлять *две задачи* анализа сюжетной композиции «Слова», которые можно рассматривать как два последовательных этапа описания сюжетной композиции памятника. Первый этап — это выделение композиционных фрагментов, на которые делится текст «Слова». Исследователи выделяют разное число композиционных фрагментов (песен, глав), от 11 до 41. Различие объясняется тем, что совсем не простой задачей является определить, представляет тот или иной текст один композиционный фрагмент или его следует разделить на два, а то и несколько композиционных фрагментов. Деление текста «Слова» на композиционные фрагменты осложнено также тем, что исследователи до сих пор не решились однозначно вопрос о границах некоторых фрагментов: отступления о Бояне, речи бояр, толкующих сон Святослава, злата слова Святослава, речи Игоря, обращенной к Донцу, и др.

Второй этап описания сюжетной композиции «Слова» — это реконструкция того композиционного *плана*, отдельными пунктами которого являются композиционные фрагменты «Слова». ¹³ Как уже отмечалось, Стеллецкий отрицал наличие «схоластического плана» в «Слове». В трудах же М. Максимовича, С. К. Шамбинаго, В. Ф. Ржиги, А. С. Орлова, Б. Н. Двинянинова был поставлен вопрос о плане «Слова» как важном элементе композиции памятника. По мнению А. С. Орлова, «Слово» написано по плану, который заслуживает особого внимания. Но при этом, по словам ученого, «отвлечь план из сплошной, целой ткани памятника, отразить в плане художественную структуру произведения является нелегкой задачей». ¹⁴ Между тем задача эта очень важна, поскольку именно

¹³ Различие этих двух задач, двух подходов к описанию композиции «Слова» иногда воспринимается как описание композиции «с различной степенью детализированности — от простейшей разбивки текста на несколько компактных в тематическом отношении разделов до более сложных многоступенчатых моделей» См. Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве» С. 13

¹⁴ Орлов А. С. Слово о полку Игореве С. 23. Общим недостатком многих схем «Слова» А. С. Орлов считал «дробность отделов, их многочисленность (12—20 и более), не-

воссозданный авторский план «Слова» поможет понять поэтический (риторический) принцип построения памятника.

Наша работа посвящена выяснению того, как делится текст «Слова». При этом речь пойдет только о сюжетной (точнее, тематической)¹⁵ композиции памятника. Что же касается стиховой композиции, присущей «Слову» как любому поэтическому произведению, то это тема особой работы. Анализ композиционной композиции имеет три задачи: 1) выяснить, на какие композиционные фрагменты делится текст «Слова»; 2) восстановить композиционный план «Слова»; 3) сформулировать основные принципы композиции «Слова», расположения и взаимосвязи его частей.

Приступая к анализу тематической композиции «Слова», надеемся пойти дальше «общих деклараций о его „художественном единстве“ и разбивки текста на большее или меньшее число разделов, выделяемых по чисто тематическому принципу».¹⁶

* * *

По нашему делению, «Слово о полку Игоре» состоит из трех частей: Вступления, Основной части (Повествования) и Концовки. Основная часть (Повествование) в свою очередь состоит из пролога, эпилога и трех разделов, первый поэтически рассказывает о походе Игоря и его последствиях, в центре второго — «злато слово» Святослава, а третий поэтически повествует о возвращении Игоря из плена. Каждый из трех разделов Повествования делится на подразделы.

Минимальной единицей композиционной структуры «Слова» является композиционный фрагмент. Весь текст «Слова» делится, по нашему мнению, на 25 композиционных фрагментов. Рассмотрим кратко все эти фрагменты, определим их место, границы и художественную функцию в произведении. Обосновать наше деление текста удобнее всего, сопоставляя его с делением Д. С. Лихачева, наиболее авторитетного исследователя «Слова» XX в., который в своем объяснительном переводе «Слова» выделил 41 тематический композиционный фрагмент.¹⁷

I. Начинается «Слово» Вступлением,¹⁸ в котором автор, следуя книжной традиции, размышляет, какого принципа изложения придерживаться. Автор высказывает здесь решимость начать свою песнь «по былинам сего

четкость иерархического взаимоотношения отделов и незаконченность их сведения к основным разделам плана» (Там же С 28)

¹⁵ По отношению к «Слову» правильнее говорить о *тематической* композиции, поскольку основной сюжет автор перебивает повествованиями о событиях иного времени и иного места (так называемые пространственные и временные депрессии повествования)

¹⁶ Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игоре» С 212—213

¹⁷ Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря, Игоря сына Святослава, внука Олегова (Объяснительный перевод) С 76—101 Следует, однако, иметь в виду, что Д. С. Лихачев делит «Слово» на фрагменты в связи с задачами *объяснительного перевода*

¹⁸ Вступительную часть «Слова» часто называют «зачином» Однако если следовать «пенной» терминологии, то следует иметь в виду, что в фольклорных песнях-старинах (былинах) и украинских думах зачином называется вступительная часть, связанная с сюжетом, т. е. экспозиция, а вступительная часть, не связанная непосредственно с сюжетом, называется запевом. Так что Вступление в «Слове», посвященное выбору автором стиля повествования, правильнее называть запевом, а не зачином. М. Максимович именно так — запевом — называет первую главу в своем переводе, но включает в нее и фрагмент, являющийся зачином. Интересно, что В. И. Чичеров в соответствии с приемами былевого эпоса делит введение на «запев» и «зачин» (в него он включает фрагмент II) См. Чичеров В. И. История древней русской литературы. Конспект курса с методическими указаниями для заочников педагогических институтов М., 1947 С 53—54

времени», «старыми словами скорбных повестей о походе Игорево, Игоря Святославича», т. е. следуя за летописными повестями о походе Игоря, а «не по замыслению Бояна».¹⁹ Автор «Слова» характеризует далее Бояна как песнетворца, способного, подобно шаману, путешествовать по мировому древу, как хранителя поэтической традиции, как песнетворца, чьи вещи персты князьям славу рокотали, когда он возлагал их на живые (проворные, быстрые) струны.²⁰ Но при этом остается непонятным, почему автор отказывается петь «по замыслению Бояна». Автор объяснит это далее, в авторском отступлении, посвященном Бояну.

II. Повествование о походе Игоря начинается *экспозицией*, или *прологом*. Автор определяет здесь границы своего повествования (от «старого Владимира до нынешнего Игоря») и сообщает о том, что Игорь, отточив свой ум, как оттачивают перед сражением меч,²¹ повел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую. Таким образом, сообщение о подготовке Игоря к походу и выступлении в поход дано одной фразой: отточил свой ум и повел свои полки на землю Половецкую

III. Третий фрагмент представляет собой *завязку действия*. Автор говорит здесь о солнечном затмении и приводит речь Игоря, обращенную к дружине: понимая зловещий смысл предзнаменования, Игорь выбирает «меньшее» из зол: «уж лучше убитым быть, нежели полоненным быть!». Страстное рыцарское желание сразиться с врагом овладело Игорем, и эта страсть «заслонила» зловещее предзнаменование. Игорь, словно забыв о предзнаменовании, говорит о своем желании испытать Дон великий, копьё преломить в краю поля половецкого, о своей готовности либо голову сложить, либо испить шоломом Дону, т. е. одержать победу. Он призывает воинов сесть на коней и продолжить поход на Дон. Выбор Игоря в решающую минуту и определяет дальнейший ход событий.

Таким образом, повествование о походе Игоря начинается с картины солнечного затмения, заставшего Игоря в пути, перед переправой через Донец. Это не случайно: солнечное затмение в начале повествования об истории Игоря и сияющее солнце в конце — это кольцевой композиционный мотив произведения.

IV. После фрагмента, являющегося завязкой действия, идет первое авторское отступление, по теме связанное с запевом «Слова». Автор размышляет здесь о том, как бы Боян спел о походе Игоря. Он сочиняет две песни в стиле Бояна. Одна из них — припевка, краткая и емкая, словно эпиграмма: «Не буря соколов занесла через поля широкие — галочы стада бегут к Дону великому». Вторая песня в стиле Бояна — хвалебная, она включает в себя похвалу Всеволода курьянам-кметям.

В этом фрагменте автор «Слова» уже иначе, чем в запеве, говорит о Бояне: он как бы оспаривает представление о нем как о шамане, способном к путешествию по мировому древу. По его словам, Боян не мысью-

¹⁹ Подробнее см. об этом Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игоре» // Исследования «Слова о полку Игоре» Л., 1986 С. 65—74

²⁰ Обычно считается, что «они же сами» (рокотуху) относится к струнам, но, как отмечено в комментарии Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина, местоимения «они» и «сами» стоят в форме мн. ч. м. р. См. Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игоре» // Слово о полку Игоре Л., 1985 С. 443 (Б-ка поэта Большая сер.) Так понимал это выражение и Н. М. Карамзин «сочинитель хвалит *соловья* старого времени, стихотворца Бояна, которого *вещи персты*, летая по *живым струнам*, *рокотали* или гласили *славу* наших витязей»

²¹ Е. В. Барсов указывает параллель этому выражению в древнерусском переводе повести Иосифа Флавия о разорении Иерусалима «Подьострите души ваша на мьсти» См. Барсов Е. В. Слово о полку Игоре как художественный памятник Киевской дружинной Руси М., 1887 Т. I С. 261

белкой растекается по мировому древу, а соловьем скачет по мысленному, поэтическому древу; не орлом летает он под облаками, а умом; не сам он волком рыщет по земле, а мысль поэта устремляется к истокам Киевской земли, к времени переселения полян с полей на (Киевские) горы Сила Бояна — не в перевоплощении, а в мудрости, знании исто-рии, таланте певца.

Почему же в таком случае автор отказывается петь по замыслу Бояна? На мой взгляд, потому, что Боян, следуя традиции языческих певцов с их магическими песнями, пел в жанровом отношении нечто одно-значное: либо славу, либо хулу — в зависимости от своего замысла, «за-мышления». В качестве примера автор и сочиняет две песни в адрес Игоря от лица Бояна. Автор же «Слова» намерен слагать песнь, следуя исторически достоверным рассказам о событии («былинам»).

Необходимо обосновать предлагаемые мной границы второй песни в стиле Бояна, которая обычно считается гораздо более краткой. Одни исследователи (в частности, О. В. Творогов) ограничивают ее двустихием («Кони ржут за Сулою — звенит слава в Киеве!»), другие (в частности, Д. С. Лихачев) четверостишием, добавляя к двум приведен-ным строкам еще две: «Трубы трубят в Новеграде, / стоят стяги в Путивле!». Однако в обоих случаях разбивается единый фрагмент, сжато повествующий о причинах и трех этапах Игорева похода: когда кони ржут за Сулою (русские дружины идут в поход на половцев) — тогда слава звенит в Киеве. Вот почему «трубы трубят в Новеграде» (объявлен сбор войск Игорем); «стяги стоят в Путивле» (войска Игоря, Владимира и Святослава встретились в Путивле); «Игорь ждет мила брата Всеволода» (Игорь ждал несколько дней Всеволода у Оскола). Далее следует речь прибывшего к Осколу Всеволода, который шел иным путем из Курска.²² Он обратился к Игорю с речью, предлагая седлать коней, добавив, что его кони готовы, оседланы еще под Кур-ском, а его куряне — готовы к походу. И так, в песне от лица Бояна сжато говорится о причине похода и о трех этапах похода, включая встречу братьев у Оскола. Выделив в авторское отступление весь этот фрагмент, мы увидим, что предшествующий ему и следующий за ним тексты образуют единое целое — повествование о солнечном затмении и решении Игоря продолжить поход. Предшествующий авторскому от-ступлению фрагмент начинается словами: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце. », а последующий — словами: «Тогда вступи Игорь князь въ златѣ стремьнь. ». В этом случае никакой непоследователь-ности в начале повествования нет, и предлагавшаяся перестановка

²² Исследователи обычно считают, что Всеволод произносит свою речь при встрече братьев до начала похода А С Орлов полагал, что эта встреча Игоря и Всеволода произошла в Путивле, во время сборов в поход По словам Д С Лихачева, в этой речи «Всеволод одобряет намерение своего брата Игоря выступить в поход» Д С Лихачев высказывал также предположение, что это беседа двух братьев, находящихся на огромном расстоянии друг от друга Показательно недоумение И П Еремина по поводу рассматриваемого фрагмента «„Игорь ждет мила брата Всеволода “ Где „ждет“, откуда „ждет“, почему „ждет“ — неясно Не ясна и непосредственно следующая за ней фраза „И рече ему буй тур Всево-лод “ (далее обращение Всеволода к Игорю) Значит ли она, что Всеволод уже прибыл к Игорю и лично обращается к нему, или здесь имеется в виду обычная в практике между-княжеских отношений той эпохи речь, переданная послом? Возможно и то и другое толко-вание этого „рече“ < > здесь характерная для автора „Слова“ недомолвка, именно поэтому и допускающая различное толкование данного эпизода» (Еремин И П «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси С 105) Однако по ле-тописной повести известно, что Всеволод шел иным путем, из Курска, и встреча его с дру-гими участниками похода произошла у Оскола

фрагмента о Бояне, разрывающего сцену солнечного затмения,²³ — результат непонимания авторской композиции. А что получается, если считать речь Всеволода, обращенную к Игорю, авторским повествованием о походе? Получается, что автор: 1) сначала рассказал о солнечном затмении, заставшем войско князя Игоря в пути *через неделю* после выступления в поход; 2) потом вдруг перескочил к рассказу о сборах Игоря в поход, о выступлении в поход из Путивля и встрече со Всеволодом у Оскола; 3) а затем вернулся к сцене солнечного затмения, к Игорю, решившему продолжать поход, невзирая на предзнаменование. Трудно предположить такие скачки в авторском тексте. В связи с этим и предлагалась перестановка в начале «Слова». Кроме того, гораздо логичнее считать бравурную речь Всеволода, состоящую из общих мест дружинной поэзии,²⁴ частью хвалебной песни, спетой автором от лица Бояна, нежели повествованием автора, решившего следовать «былинам сего времени».²⁵

Д. С. Лихачев, рассматривающий рассказ о встрече Игоря и Всеволода как начало авторского повествования о походе Игоря, выделяет этот рассказ в особый композиционный фрагмент, в чем, по нашему мнению, нет необходимости.

V. В пятом фрагменте рисуется символическая картина движения Игоря войско по «чистому полю». День солнечного затмения сменяется не менее тревожной ночью, которая угрожающими стонами птиц разбудила. Пробудился и Див, кличет на дереве, предупреждая о походе Игоря все половецкие кочевья и то божество («болвана»), под чьим покровительством находится Тмуророкань — цель Игоря похода. И половцы, услышав предупреждение Дива, побежали непроторенными дорогами к Дону великому, глубже в степь. Далее изображается символическое поведение зверей и птиц, предвещающее грозную, кровавую сечу. Завершается этот фрагмент возгласом автора: «О Руская земле! Уже за шеломянем еси!». Это означает, что русские воины («Русская земля»)²⁶ уже за пограничным валом, на вражеской территории, полной для них опасностей. Этот возглас автор повторит еще раз (в конце седьмого фрагмента), что позво-

²³ Эту перестановку без пояснений сделал в своем издании Ем Партицкий См Партыцкий Ом Слово о полку Игоревом Львів, 1884 С 12 С обоснованием этой перестановки выступил В А Яковлев См Яковлев В А Слово о полку Игореве СПб, 1891 С IX Впоследствии эту же перестановку предложил А И Соболевский Он обосновал ее не только логикой повествования, но и палеографически См Соболевский А И Материалы и заметки по древнерусской литературе XVIII К «Слову о полку Игореве» // ИОРЯС 1916 Т 21, кн 2 С 210—213 Перестановку поддержали также В Н Перетц (он предложил другое кодикологическое обоснование) и Н К Гудзий См Перетц В Слово о полку Игоревим Пам'ятка феодальної України—Руси XII віку / Вступ Текст Коментар Київ, 1926, Гудзий Н К О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве Сб исследований и статей М, Л, 1950 С 249—254 Перестановку приняли в своих изданиях «Слова» также И П Еремин (1957), О В Творогов (1980) и другие исследователи В настоящее время эта перестановка многими исследователями считается неоправданной

²⁴ См об этом Михайлов А Д Об одной старофранцузской параллели «Слову о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» Л, 1986 С 87—90

²⁵ О В Творогов пишет «В радостных тонах рисует автор встречу Игоря и Буй Тура Всеволода, восторженно характеризует удалых „кметей“ (воинов) куран Тем резко контраст с последующим рассказом о грозных знамениях, которыми отмечено начало Игоря похода и которые предвещают его трагический исход» См Творогов О В Композиция «Слова» С 124

²⁶ Именно так понимал выражение «Русская земля» в данном контексте Е В Барсов Это толкование нам представляется более удачным, чем распространенное толкование этого выражения в значении территории Русской земли, оставшейся, скрывшейся за пограничным холмом Однако смысл авторского восклицания в любом случае один и тот же русские воины уже на вражеской территории, где их подстерегает опасность

ляет осмысливать его как рефрен, заключающий два сходных по настроению фрагмента, повествующих о тревожных предзнаменованиях.

VI. Шестой фрагмент посвящен описанию первого, победного, боя русских с половцами на рассвете в пятницу. Он начинается с описания наступающего утра: ночь бледнеет (редеет, меркнет ночная тьма); заря свет зажгла; туман поля покрыл. Щекот соловьиный затиш, говор галок пробудился.²⁷ Русичи этим ранним утром изготовились к бою, великие поля червлеными щитами перегородив, а затем «потоптали» поганые полки половецкие, взяв богатую добычу, злато, паволоки, аксамиты. А червленый стяг, белая хоругвь, червленая челка, серебряное стружие — храброму Святославичу. Здесь тот же поэтический прием, что и при описании наступающего утра: знамя половецкое, преподнесенное как военный трофей Игорю, не называется, а описывается, называются разные его части: красный стяг — древко знамени,²⁸ белая хоругвь — белое полотнище половецкого знамени; красная челка — бунчук; серебряное стружие — серебряное навершие древка знамени.²⁹ Некоторые исследователи видят здесь несколько предметов, что явно ошибочно. В существовании половецких знамен не может быть сомнения, автор «Слова» говорит о них далее: половецкие стяги (знамена), с которыми половцы идут на русские полки, говорят (свидетельствуют): «Половцы идут от Дона, и от моря...».

Д. С. Лихачев в объяснительном переводе разбивает этот фрагмент на два: в первый выделяет описание наступления ночи и утра, а во второй — описание первого победного боя спозаранок в пятницу. Однако, как уже сказано, здесь нет описания ночлега: описывается наступление утра, неразрывно связанное с повествованием о произошедшем этим ранним утром сражении.

VII. Далее повествуется о ночевке русских воинов в поле половецком в ночь с пятницы на субботу и о тревожном рассвете. Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. А в это время Гзак и Кончак бегут к Дону великому, к месту ночевки Игоря. И потому — снова тревожные предзнаменования, символическая картина сливается с реальной: рано утром кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи (они же половцы) с моря идут, готовые прикрыть четырех князей-солнц. И уже нет сомнения: быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого! Завершается этот фрагмент, как и пятый фрагмент, заключительным аккордом, рефреном: «О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!».

²⁷ Вслед за Н. Н. Зарубиным (см. Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя? (Из комментария к «Слову о полку Игореве») // ТОДРЛ Л., 1935 Т. 2 С. 95—155) исследователи обычно видят в этом фрагменте последовательное описание вначале наступающей ночи, а затем наступающего утра. Эта точка зрения, отразившаяся и в объяснительном переводе «Слова» Д. С. Лихачева, представляется мне ошибочной.

²⁸ Слово «стяг» имело несколько значений. Прежде всего оно означало военное знамя в целом. Но оно означало также «шест, жердь», в том числе и древко знамени. Л. Яковлев в статье «Русские старинные знамена» пишет: «Первые христианские стяги русских состояли из длинного древка, стяга собственно, к которому прикреплялось полотно, кусок ткани яркого цвета < >, острожек, которым вооружался верхний конец стяга, стали также заменять крестом, под острожком подвизывалась челка, окрашенная яркою краскою». Цит. по кн. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л., 1978 Вып. 5 С. 246.

²⁹ Обоснование именно такого значения слова «стружие» см. Соколова Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ СПб., 2003 Т. 53 С. 35—36. На миниатюрах Радзивилловской летописи у знамен копьевидное навершие. А. А. Гогешвили предполагает на этом основании, что полотнище знамени крепилось к древку боевого копья (см. Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве» М., 1999 С. 384). Однако в «Слове» говорится о серебряном стружии.

Нет основания разделять седьмой фрагмент на два (описание ночевки в поле «Ольгова гнезда» и описание утренних тревожных предзнаменований), как это делает Д. С. Лихачев. Тревожные предзнаменования связаны именно с тем, что во время ночевки русского войска в поле полковком половцы окружают русских.

VIII. Восьмой фрагмент символически описывает второе сражение русских с половцами: ветры веют с моря стрелами на полки Игоря, земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает. Знамена («стяги») полковские показывают, что половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили.³⁰ Символом доблести и мужества русских воинов в бою выступает князь Всеволод, который сражается, мстя за раны дорогого брата, забыв о почестях и жизни, об отчем золотом столе черниговском, о свычаях и обычаях своей милой жены, красной Глебовны.

Выражение «Кая раны дорога братие, / забывь чти и живота, / И града Чрънигова отня злата стола, / И своя милья хоти, красныя Глѣбовны, / Свычая и обычая!» до сих пор не получило удовлетворительного объяснения. Были предложены различные объяснения формы «кая» (глагол, деепричастие, частица) и смысла этого слова, по-разному исправлялось словосочетание «дорога братие». Это выражение следует, вероятно, переставить, поставив его после строки «Гремлещи о шеломы мечи харалужными», а словосочетание «кая раны дорога *братие*» читать как «кая раны дорога *брата*». В таком случае Всеволод мстит за те же раны «дорогого брата» Игоря, отомстить за которые призывает князей Святослав в своем «золотом слове». Авторский текст был, по нашему мнению, таким: «Ярь туре Всеволодъ! / Стоиши на борони, / Прыщещи на вои стрѣлами, / Гремлещи о шеломы мечи харалужными, / Кая раны дорога брата, / Забивь чти и живота, / И града Чрънигова отня злата стола, / И своя милья хоти, красныя Глѣбовны, / Свычая и обычая!». В таком случае «кая» и «забивь» — два деепричастия, два обстоятельства действия.

Автор использует здесь рыцарскую средневековую формулу поведения воина в бою, отраженную в русской и восточной средневековых литературах. Д. С. Лихачев указал на отражение этой формулы воинской чести в древнерусской литературе: в поучении Феодосия Печерского и в летописи.³¹ Ё. Накамура приводит к этому месту параллель из японской «Повести о доме Тайра», созданной в самом начале XIII в.: «В старину полководец, выезжающий из столицы с повелением разгромить государевых врагов, знал три вещи: в тот день, когда ты пожалован командирским мечом, забудь свой дом; покидая свой дом, забудь жену и детей; когда же на поле брани сражаешься с противником, забудь о самом себе».³²

Каким образом произошла перестановка рассматриваемого выражения *внутри фрагмента* о Всеволоде? Вероятно, когда рыцарская эпоха ушла в прошлое и рыцарская формула воинской чести была забыта, один из переписчиков решил объединить воедино гиперболическое описание

³⁰ Слово «отступиша» первого издания исследователи исправляют на «оступиша», поскольку слово «плькы», как отмечали лингвисты, это форма винительного, а не именительного падежа. Вероятно, первые издатели неверно прочли слово «оступиша» с омегой, приняв последнюю за лигатуру «омега плюс т» (или эта лигатура стояла уже в рукописи вместо омеги). См. Мещерский Н. А., Бурькин А. А. Проблема критического текста «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» Л., 1986 С. 96

³¹ Лихачев Д. С. «Слово» и эстетические представления его времени // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени Л., 1985 С. 67

³² Накамура Ё. «Слово о полку Игореве» и «Повесть о доме Тайра» Сравнение с точки зрения системы цветов // Слово о полку Игореве. Комплексные исследования М. 1988 С. 82

сражающегося Всеволода и только потом сказать, о чем забыл Всеволод во время сражения. Реконструируемая нами композиция этого фрагмента подтверждается и тем, что в этом случае фрагмент о Всеволоде получает характерную для «Слова» кольцевую композицию: он начинается и заканчивается словами «Яръ туре Всеволодъ!».

Д. С. Лихачев выделяет описание сражающегося Всеволода в особый фрагмент. Но это лишь частный эпизод второго сражения, поэтому обобщеннее рассматривать его в рамках восьмого фрагмента.

IX. После этого, *кульминационного*, момента в рассказе о походе Игоря идет второе отступление от сюжета, посвященное времени Олега Святославича, деда Игоря и Всеволода. По теме оно связано с основной частью повествования о походе (напомню, что первое отступление продолжало тему вступления). Битва на Каяле оказывается, в интерпретации автора «Слова», тесно связанной с событиями вековой давности: посеянные тогда стрелы в междоусобных войнах горем взошли по Русской земле, отозвались в судьбе внуков.

Б. А. Рыбаков переносит этот фрагмент вместе с фрагментом о Все-славе («исторические фрагменты») в начало произведения, пытаюсь таким образом восстановить хронологическую последовательность: вначале повествование о времени дедов, потом — о времени внуков. Однако при этом не учитываются жанровые особенности «Слова»: это не историческая или воинская повесть, а поэма, лиро-эпическое произведение, для которого характерны авторские отступления (временные и пространственные деградации), художественный прием замедления повествования (ретардация).

X. Десятый фрагмент продолжает обобщенно-символическое описание второго боя, от кульминации до *развязки действия*. Автор говорит об жесточенности боя, о попытке Игоря вернуть полки дрогнувших ковуев, сообщает о поражении Игоря и о гибели русских воинов за землю Русскую. Нет оснований разбивать этот фрагмент вслед за Д. С. Лихачевым на два: 1) жесточенность битвы Игорева полка и 2) поражение войск Игоря.

XI. После развязки действия следует третье авторское отступление от основного сюжета. По теме это третье отступление связано с заключительным фрагментом повествования (см. фрагмент XII). Автор, как и во втором отступлении, обращается к теме княжеских междоусобиц, но теперь в связи с тем, что они открывают для врагов ворота на Русскую землю. Пытаясь понять и объяснить причины того, что пустыня сокрыла русское войско («силу»), он создает яркий образ персонифицированной обиды (раздора, вражды), возникшей вначале среди князей, княжеских дружин («въ силахъ Дажьбожа внука»), потом мифической девой Обидой вступившей на землю Трояню, т. е. Русскую землю, став причиной ее разорения. Затем обида обернулась лебедем (тотем, символ половцев-куманов), всплеснула лебедиными крылами на синем море у Дона (место обитания половцев); плещучи,³³ обида пробудила богатые времена для половцев. Далее автор «Слова» раскрывает смысл этой символической картины: война князей с «погаными» прекратилась, ибо сказал брат брату: это мое, а то — мое же. И начали князь про малое — «се великое» — говорить и сами на себя крамолу ковать. А «поганые» со всех

³³ Мотив резкого движения, плеска «при активном субъекте < > получает значение внешне-запного (агрессивного) распространения, нападения» См Гаспаров Б Поэтика «Слова о полку Игореве» С 111

сторон приходили с победами на землю Русскую (тем и пробудили для себя обильные времена).

Обычно этот XI фрагмент исследователи включают в описание *последствий* Игорева похода, тогда как, по нашему мнению, речь здесь идет о *причинах* поражения и гибели Игорева полка: о княжеских распрях, о взаимных княжеских «обидах». В ретроспективе показано зло, нанесенное взаимными княжескими обидами, горестные последствия которых нарастали, как снежный ком.

XII. Последствия же поражения Игоря описаны автором в двенадцатом фрагменте. Карна (мифологическое или поэтическое олицетворение плача по умершему) голосит по погибшим, Желя (мифологическое или поэтическое олицетворение скорби, траура) скачет по Русской земле, неся с собой смагу — горечь, боль, тоску, материальным воплощением которых служит застилающий небо черный дым от горящей в роге смолы-смаги. Далее — толкование этой символической картины: жены русские оплакивают погибших воинов (Карна), по Русской земле широко течет печаль (Жля/Желя). А затем автор снова, как и в предыдущем фрагменте, и даже в сходных выражениях говорит о нашествии на Русскую землю «поганых», теперь уже как о *последствиях* Игорева похода: «А князи сами на себе крамолу коваху, / А погании сами, / Побѣдами нарищуше на Рускую землю, / Емляху дань по бѣль от двора».

Д. С. Лихачев разбивает этот фрагмент на два: 1) Оплакивание погибших в бою ратников Игоря и 2) Последствия поражения Игоря («А вьстона бо, братіе, Кієвь туюю...»). Однако оплакивание погибших воинов — это тоже последствие поражения Игоря.

XIII. Тринадцатый фрагмент представляет собой *резюме* первого раздела Повествования, итоговые размышления автора. Автор говорит о том, что Игорь и Всеволод своим походом пробудили зло («лжу»), которое усыпил было их феодальный отец, Святослав грозный великий Киевский, «наступив» на землю Половецкую. Поэтому дружественные русским европейские народы — немцы и венецианцы, греки и моравы — поют славу Святославу, кают князя Игоря, который потопил русское богатство: на дно Каялы, реки половецкой, русского золота насыпал.³⁴ Еще один итог похода — сам Игорь пересел из золотого (княжеского) седла в седло кощеево (пленника, невольника).

XIV. Второй раздел Повествования начинается фрагментом, называемым «Сон Святослава». Святослав рассказывает на княжеской думе свой тревожный символический сон, а его приближенные, бояре, истолковывают этот сон, сопоставляя символические картины сна с реальными событиями Игорева похода и его последствиями.³⁵ Этот фрагмент — прелюдия к центральному по значимости фрагменту — «золотому слову» Святослава. Сон Святослава, созданный автором, призван подчеркнуть роль Святослава как старейшины князей, ответственного за все, что происходит в Русской земле, поднять престиж великого киевского князя и обосновать его право на «злато слово».

³⁴ Разумеется, никакого золота Игорь в половецкую реку Каялу не сыпал. Вероятно, «насыпать золота» в реку противника, «потопить богатство» во вражеской реке на символическом языке означало обогатить врага, потерпев от него поражение. Противоположное значение имел фразеологизм «испить шеломом» из вражеской реки одержать победу над врагом на его территории.

³⁵ Анализ символических картин сна Святослава в соотношении с толкованием бояр см. Соколова Л. В. Сон Святослава // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995. Т. 5. С. 30—39.

Некоторые исследователи и переводчики ошибочно ограничивали ответ бояр словами «А самую опуташа въ путины желѣзны» (первые издатели, К. Бальмонт, Д. С. Лихачев, Н. А. Заболоцкий). Однако большинство исследователей и переводчиков, начиная с В. А. Жуковского, включает в речь бояр весь текст до «злата слова». Знаком окончания речи бояр служат заключительные слова: «А мы уже, дружина, жадни веселія!».

Д. С. Лихачев выделяет ответ бояр в особый фрагмент, кроме того, окончание речи бояр (после слов «А самую опуташа...») рассматривает как уже авторскую речь. Таким образом, четырнадцатый фрагмент разбит исследователем в объяснительном переводе на три фрагмента.

XV. Выслушав ответ бояр, Святослав произносит на княжеской думе свою речь, «золотое слово». Это риторическое заочное обращение Святослава не только к князьям-Ольговичам, но и к князьям «Владимирова племени». Игоря и Всеволода Святослав упрекает за то, что они поспешили на брань, рано начали Половецкую землю мечами «цвелить», что отправились в поход одни, решив поддержать славу предков и добыть славы себе. Всех же остальных князей, в том числе и Ярослава Черниговского, Святослав упрекает в обратном: в том, что они не спешат на борьбу с половцами, на защиту южных границ Русской земли.

Ряд исследователей и переводчиков ограничивает «злато слово» Святослава только упреками Святослава в адрес Ольговичей: участников похода и их сюзерена Ярослава Черниговского. Однако правы, без сомнения, те исследователи, которые включают в «злато слово» и пять обращений к «Владимирову племени».³⁶

Принято воспринимать призывы автора к князьям как содержащие пышную похвалу в их адрес. Однако при более внимательном анализе обнаруживается, что в обращениях к князьям «Владимирова племени» автор использует прием иронической похвалы.³⁷ Автор «Слова» дает понять, что обращение к ним напрасно, они не спешат на защиту южных границ Руси от половцев. Здесь очевидна позиция автора «Слова» как сторонника Ольговичей.

Д. С. Лихачев в объяснительном переводе «Слова» рассматривает как «золотое слово» Святослава только текст до обращения к великому князю Всеволоду (Владимирскому). Каждое из пяти последующих обращений к князьям-Мономашичам он выделяет в особый фрагмент. Кроме того, четвертое обращение (к Роману и Мстиславу) заканчивается, по его мнению, словами: «А главы своя поклониша подь тыи мечи харалужныи!». Остальной текст до пятого обращения Д. С. Лихачев считает авторским размышлением о поражении Игоря и выделяет его в особый фрагмент. Таким образом, XV фрагмент, включающий «золотое слово» Святослава, Д. С. Лихачев разбивает на 7 фрагментов.

XVI. Далее автор, словно продолжая размышления Святослава об опасности, грозящей Русской земле с юга, говорит от своего имени о такой же опасности, грозящей Русской земле с севера: полоцкие князья своими междоусобицами наводят «поганых» (имеются в виду язычники-литовцы) на землю Русскую, на часть Всеслава, своего деда.

Говоря о раздорах, несогласии полоцких князей, автор вспоминает гибель одного из них, молодого князя Изяслава, которому не пришли на помощь его братья. Изяслав сразился с литовцами, но сам оказался «при-

³⁶ Обоснование этого см. Соколова Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» // ТОДРЛ СПб., 2001. Т. 52. С. 7—46.

³⁷ См. об этом Там же С. 35—44.

трепан» («приласкан») их мечами. И «с хотию на кровати» сказал: «Дружину твою, княже, птицъ крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша» Выражение «и с хотию на кровати» — идиоматическое выражение, означающее «умирая». Оно основано на древнем мифологическом мотиве «смерть — брак с божеством смерти/смертью (варианты: с землей, гробовой доской и т. п.)». ³⁸ Что касается произносимой Изяславом перед смертью «припевки», то в исландских сагах герой перед смертью сам произносит висы — стихотворные строфы, близкие по стилю фразе, сказанной умирающим Изяславом Васильковичем. ³⁹ Рассказав о гибели Изяслава, автор призывает полоцких князей прекратить распри, он напоминает им, что именно из-за княжеских междоусобиц было насилие Русской земле и на юге, от земли Половецкой.

Д. С. Лихачев выделяет это обращение к полоцким князьям в особый фрагмент, поскольку он рассматривает его как обращение ко всем Ярославичам и Всеславичам, т. е. потомкам Ярослава и Всеслава, что ошибочно, по нашему мнению. ⁴⁰

XVII. Пространственная депрессия повествования влечет за собой временную депрессию: автор вспоминает о деде полоцких князей, Всеславе Полоцком. ⁴¹ Этот фрагмент имеет многие переклички с фрагментом об Олеге Святославиче, деде Игоря. Олег и Всеслав, князья второй половины XI в., выступают в «Слове» в сходных ролях: оба крамольники, но оба отстаивают свои поправные права, мстят за свою обиду тем князьям, которые говорят: «Это мое, а то мое же», вместо того чтобы следовать установленной формуле феодальных отношений: «Это мое, а то твое». Сходство судьбы Олега и Всеслава автор подчеркивает многочисленными перекличками фрагментов о них.

XVIII. Восемнадцатый фрагмент представляет собой *резюме*, итоговое заключение второго раздела Повествования, который посвящен размышлениям о княжеской разобщенности, о прекращении из-за этого войны с погаными. Начинается он горестным возгласом автора: «О, стонати Руской земли, / Помянувшѣ пръвую годину и пръвѣхъ князей!». Стонать потому, что сравнение не в пользу современных князей. Того старого Владимира (Владимира Святославича) нельзя было удержать на горах Киевских (он ходил в дальние военные походы со своей сильной дружиной), ныне же одни его стяги (т. е. стяги русские) принадлежат Рюрику, а другие — Давыду, но разрознены войска даже этих братьев, врозь бунчуки на их стягах реют, врозь их копыя поют! И в результате — война с погаными «погыбе».

XIX. Третий раздел Повествования начинается Плачем Ярославны, обращающейся с языческой молитвой к силам трех сфер Космоса: ветру, реке (Днепру), солнцу с просьбой сменить гнев на милость и прилелеять к ней ее «ладу», к которому она собирается лететь зегзицей-кукушкой на Каялу, чтобы оживить его с помощью живой и мертвой воды. ⁴² Автор

³⁸ См. дополнительное обоснование этого прочтения, предложенного и обоснованного М. Максимовичем Соколовым Л. В. Первое издание «Слова о полку Игореве» и современное прочтение текста // РЛ 2002 № 4 С 7—8

³⁹ Указание на это см. Мешерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» С 473

⁴⁰ См. об этом Соколова Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» С 12—14

⁴¹ Анализ этого фрагмента см. Соколова Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве» С 23—58

⁴² См. об этом Соколова Л. В. 1) Плач Ярославны // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т 4 С 109—116, 2) Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 48 С 38—47

основывается на символическом значении плена как смерти, на что обратила внимание Н. С. Демкова.⁴³

Художественная функция Плача Ярославны — оправдать бегство Игоря из плена, которое считалось поступком, наносящим урон чести князя. В «Слове» оно совершается по воле Бога, с помощью всех природных сил, откликнувшихся на молитву Ярославны.

XX. Двадцатый фрагмент повествует о бегстве Игоря из плена. Ярославна обращалась с языческой молитвой к силам природы, и природа откликнулась на просьбу Ярославны. Но помогает Игорю бежать из половецкого плена прежде всего Бог, который указывает ему путь на Русь водными столпами смерча. Бегство Игоря описано, по наблюдению Н. С. Демковой, «в системе изображения волшебной сказки как возвращение из царства мертвых».⁴⁴

Д. С. Лихачев в издании 1950 г. выделяет в особый фрагмент фразу о том, что Бог указывает путь Игорю в Русскую землю. Впрочем, в объяснительном переводе, опубликованном в 1982 г., эта фраза уже включена в повествование о бегстве Игоря.⁴⁵

XXI. Следующий фрагмент — разговор Игоря с Донцом уже на своей, Русской земле. Разговор героя с рекой — мотив, встречающийся в фольклоре.⁴⁶ Донец приветствует Игоря, вернувшегося на Русь, величает его, желая Русской земле веселия, а Кончаку — нелюбья. Игорь, отвечая Донцу, вдоль которого он шел на Русь, благодарит его за помощь и вспоминает в связи с этим реку Стугну, которая вела себя иначе, погуляла юного князя Ростислава.

Некоторые исследователи считают текст о Стугне уже авторским комментарием. Мы согласны с Е. В. Барсовым, Д. С. Лихачевым и другими исследователями, включающими строфу о Стугне в речь Игоря.

XXII. Только после этого автор изображает погоню за Игорем Гзака и Кончака, возвращаясь к тому моменту, когда Игорь был еще в поле половецком. Этот фрагмент не драматизирует действие, не сообщает ему остроты, поскольку читатель уже знает, что Игорь благополучно возвратился на Русь. Его функция иная, это послесловие к бегству Игоря. Автор подчеркивает здесь необычное поведение вороновых птиц; даже они выступают на стороне Игоря, приумолкнув, чтобы не выдать белгца преследующим его половцам. Только дятлы тектом указывали Игорю путь к реке и соловьи веселыми песнями свет возвещали!

Кончак с Гзаком понимают, что им не догнать Игоря. Поэтому они говорят не о нем, а о его сыне, оставшемся в плену, понимая, что и его не удержать им, опутав «красной девицей». Поэтическая задача этого фрагмента — «предсказать» судьбу оставшегося в плену сына Игоря, Владимира, и дальнейшие отношения русских и половцев. По словам Д. С. Лихачева, «автор „Слова“ <...> как бы говорил, что ничто теперь не помешает „птицам“ бить половцев в степи Половецкой».⁴⁷

XXIII. Двадцать третий фрагмент — это *резюме*, итоговое замечание третьего раздела Повествования. Автор приводит здесь припевку Бояна и Ходыны,⁴⁸ двух песнетворцев Святослава, певших о старом времени

⁴³ Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» С. 62

⁴⁴ Там же

⁴⁵ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» Историко-литературный очерк 2-е изд., испр. и доп. М., 1982 С. 74

⁴⁶ Один из примеров см. Дмитриев Л. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве Л., 1952 С. 286 (Б-ка поэта Большая сер.)

⁴⁷ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» Историко-литературный очерк С. 75

⁴⁸ В статье «Композиция „Слова“» Д. С. Лихачев, вероятно, под влиянием Б. Гаспарова, пишет «Боян, появляющийся снова, как бы подчеркивает кольцевое оформление компо-

Ярослава и Олега, т. е. отца и сына Святослава. Припевка эта была спета некогда жене когана Олега (так думали В. Н. Перетц и А. В. Соловьев), вероятно, в связи с возвращением его вместе с женой-«грекыней» из Византии на Русь: «Тяжко ведь голове без плеч, / Беда ведь и телу без головы», «Так и Русской земле без Игоря», — добавляет от себя автор «Слова», вероятно, заменяя имя Олега в припевке Бояна на имя Игоря. И после этого сообщает о возвращении Игоря на Русскую землю и посещении им Киева:

«Солнце свѣтитса на небесѣ —
Игорь князь въ Руской земли!
Дѣвици поють на Дунаи,
Вьются голоси чрезь море до Києва
Игорь ѳдегь по Боричеву
Къ Святѣй Богородици Пирогошей
Страны ради, гради весели!»

Д. С. Лихачев видит здесь два фрагмента: в первый он выделяет «припевку» Бояна и Ходыны, во второй — приведенную цитату из «Слова». Однако замечание о том, что Русская земля без Игоря как тело без головы, — это объяснение последующего текста: почему так радуются страны и города возвращению Игоря на Русскую землю. О. В. Творогов называет этот фрагмент эпилогом. Он пишет: «Эпилог „Слова“ праздничен и торжествен: вернувшийся на Русь Игорь приезжает в Киев, к великому Святославу; „страны рады, гради весели“». ⁴⁹ По моему мнению, рассказ о приезде Игоря в Киев — это заключительный аккорд в рассказе о возвращении Игоря: он вернулся иным, он осознал необходимость совместных действий под руководством киевского князя. Эпилогом же является фрагмент XXIV.

XXIV. Этот фрагмент В. И. Абаев рассматривал (вслед за другими исследователями) как славу участникам похода и ошибочно считал его позднейшим добавлением к авторскому тексту, поскольку автор «Слова», по его мнению, не мог прославлять «антигероя» Игоря, погубившего свое войско и сдавшего в плен. ⁵⁰ По его мнению, «прокняжеские восхваления» в «Слове» могут принадлежать только руке фальсификатора. Однако фрагмент XXIV является неотъемлемой частью «Слова», это эпилог Повествовательной части «Слова». Автор здесь не прославляет Игоря. Спев хвалу «старым» князьям («старыми» в «Слове» названы Владимир Святославич, Ярослав Мудрый, Святослав Всеволодович), автор пророчит, что в будущем («потом») будет спета слава и «молодым» князьям, участникам похода: «Слава, Игорь Святославич, буй тур Всеволод, Владимир Игоревич!». ⁵¹ (Нарушение в согласовании имен с отчествами и формы «Святославличъ» и «Игоревичъ» в Екатерининской копии свиде-

зидии Слова С точки зрения этой композиции появление второго певца *Ходыны* не является необходимым. Скорее всего, это ошибочная конъектура исследователей, не посчитавшихся с композицией и поэтикой памятника» С этим утверждением трудно согласиться. Только имя «Ходына», известное древним славянским языкам, может объяснить двойственное число словосочетания «Святъслава пѣтворца» О конъектуре «Ходына» и разных интерпретациях этого имени см. Соколова Л. В. Ходына // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т. 5 С. 185—187

⁴⁹ Творогов О. В. Композиция «Слова» С. 127

⁵⁰ См. Абаев В. И. Жанровые истоки «Слова о полку Игореве» в свете сравнительного фольклора // Изв. Юго-Осетин. науч.-исслед. ин-та АН СССР Цхинвали, 1985. Вып. 27. С. 98—116

⁵¹ Так понимает этот фрагмент и А. Ю. Чернов. См. Чернов А. Слово о золотом слове С. 24

тельствуют, что в авторском тексте имена стояли в звательной форме, в форме обращения)

XXV. Концовка «Слова» представляет собой, по законам жанра дружинной песни, здравицу и славу князьям и дружинам, которые сражаются за христиан с полками «поганых». Именно к этому призывает автор «Слова» князей на протяжении всего повествования, за это прославляет их в Концовке.

Эпилог Повествования и Концовка — это разные композиционные фрагменты, поэтому их нельзя объединять в один фрагмент, как это сделано в объяснительном переводе Д. С. Лихачева 1950 г. Впрочем, в объяснительном переводе 1982 г. Д. С. Лихачев объединяет фрагменты XXIII—XXV в один фрагмент — «заключительную часть».

*

Мы рассмотрели, на какие композиционные фрагменты делится текст «Слова о полку Игоре»е. Попробуем теперь воссоздать и прокомментировать композиционный план, по которому создавалось «Слово». ⁵²

Композиционный план «Слова о полку Игоре»е

I. Вступление (фрагмент I)

II. Повествование:

Пролог, или Экспозиция (фрагмент II)

Раздел первый (Поход Игоря и его последствия):

1. Начало повествования о походе: завязка действия (фрагмент III)
авторское отступление о Бояне (фрагмент IV)
2. Продолжение повествования о походе: развитие действия до кульминации (фрагменты V—VIII)
авторское отступление об Олеге Гориславиче (фрагмент IX)
3. Окончание повествования о походе: развитие действия до развязки (фрагмент X)
авторское отступление о «деве Обиде» (фрагмент XI)

4. Повествование о последствиях похода (фрагмент XII)

5. Резюме первого раздела (фрагмент XIII)

Раздел второй (Слово о княжеских распрях):

1. Сон Святослава, толкуемый боярами (фрагмент XIV)
2. «Злато слово» Святослава (фрагмент XV)
3. Слово автора о полоцких князьях XII в. (фрагмент XVI)
4. Размышления о судьбе Всеслава Полоцкого (фрагмент XVII)
5. Резюме второго раздела (фрагмент XVIII)

Раздел третий (Возвращение Игоря):

1. Плач Ярославны (фрагмент XIX)
2. Бегство Игоря (фрагмент XX)
3. Разговор Игоря с Донцом (фрагмент XXI)
4. Погоня за Игорем Гзака и Кончака (фрагмент XXII)
5. Резюме третьего раздела (фрагмент XXIII)

Эпилог (фрагмент XXIV)

III. Концовка (фрагмент XXV).

В первом разделе Повествования (Поход Игоря и его последствия) содержание не укладывается только в сюжет, наряду с сюжетными мы

⁵² Специально вопрос о плане «Слова» рассматривали сравнительно немногие исследователи. Наиболее разработанную схему «Слова» находим в работах М. Максимовича, Е. В. Барсова, Р. Абихта, С. К. Шамбинаго, В. Ф. Ржиги, Б. Н. Двинянинова

имеем *внесюжетные фрагменты*, авторские отступления, в которых автор «Слова» заявляет о своих литературных принципах и политических взглядах. Этими внесюжетными фрагментами и делится первый раздел (рассказ о походе и его последствиях) на 5 подразделов.

Каждый пункт плана представлен одним композиционным фрагментом, за одним исключением: повествование о походе Игоря от завязки действия до кульминации включает 4 фрагмента (V—VIII).

Как уже говорилось, границы между Вступлением и Повествованием, между Повествованием и Концовкой, а также границы между тремя разделами Повествования исследователи определяли по-разному. Поэтому обоснуем свое деление «Слова» на части и разделы.

Нижняя граница Вступления по-разному определялась исследователями в связи с тем, что в «Слове» последовательно идут три фрагмента, носящие вводный характер. Первый фрагмент — это вступление ко всему тексту «Слова», не связанное по теме с последующим Повествованием (размышление, какого принципа изложения придерживаться). Второй фрагмент — это вступление к Повествованию (пролог, или экспозиция). Третий фрагмент — это вступление к первому разделу Повествования (завязка действия, сцена солнечного затмения). В связи с этим одни исследователи ограничивали Вступление первым фрагментом, другие включали в него и второй, а третьи исследователи — все три фрагмента.

Верхняя граница Заключения (Концовки) спорна по той же причине: в конце «Слова» следуют друг за другом три заключительных фрагмента: резюме третьего раздела Повествования, эпилог Повествования, Концовка (слава-здравица князьям и дружинам). Исследователи включают в Заключение либо один, либо два, либо все три фрагмента.

Обоснуем теперь границы между тремя разделами Повествования. Спорный фрагмент, повествующий о походе Святослава на половцев в 1184 г. в сопоставлении с походом Игоря 1185 г., является, по нашему мнению, заключительным резюме первого раздела, говорящим о результатах похода Игоря, о тех последствиях для русско-половецких отношений, которые он имел. В связи с этим указанный фрагмент следует, на наш взгляд, включать в первый раздел Повествования. Плач Ярославны имеет характер языческой молитвы, не только после, но и в результате которой происходит бегство Игоря из плена. Естественно поэтому отнести Плач Ярославны в третий раздел Повествования, повествующий о возвращении Игоря на Русскую землю.

Рассмотрим теперь, насколько органично и последовательно связаны в единое художественное целое три раздела Повествования и входящие в них фрагменты. О том, что вопрос этот не праздный, свидетельствует мнение некоторых исследователей о фрагментарности «Слова» и непоследовательности изложения в нем.⁵³

⁵³ Так, И П Еремин считал, что в «Слове» «нет последовательного, непрерывного повествования о походе Игоря», что повествовательная часть «Слова» «распадается на ряд эпизодов, представляющих каждый относительно замкнутое целое < > Автор как бы выхватывает из последовательного потока событий отдельные нужные ему эпизоды, не заботясь об их повествовательной связи» И П Еремин объясняет это тем, что «для оратора такая „вольная“ композиция повествовательного материала закономерна для него каждый эпизод представляет самодовлеющий интерес и сам по себе и как благодарный материал, как опора для различного рода отступлений < > „от автора“ » (см Еремин И П «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси С 103) Та же мысль высказана В И Стеллецким, который пишет «Уже во вступлении мы наблюдаем основную особенность композиции „Слова о полку Игореве“, здесь нет последовательного изложения событий, произведение состоит из слитых в единое целое строфических отрывков» (см Стеллецкий В И Драгоценный памятник русской литературы С 20)

По правилам монументально-исторического стиля каждый из трех разделов Повествования является относительно самостоятельным в художественной ткани произведения как в смысловом, так и в структурном отношении.⁵⁴ Все три раздела имеют вводный и заключительный фрагменты. В первом разделе вводный фрагмент — это завязка действия (эпизод солнечного затмения), во втором разделе — Сон Святослава, толкуемый боярами, в третьем разделе — Плач Ярославны. Заключительным фрагментом каждого из разделов является итоговое резюме.

Кроме того, в каждом из трех разделов Повествования есть свой сюжет, а следовательно, свои узловые сюжетные моменты: завязка действия, кульминация и развязка. В первом разделе завязкой действия является сцена солнечного затмения; кульминацией — сцена второго боя и мужественно сражающегося Всеволода; развязкой — сообщение о поражении Игоря. Во втором разделе происходит развитие не действия, а обсуждаемой проблемы. Проблема обозначается, по нашему мнению, в речи бояр, толкующих сон Святослава, они сообщают о поражении и гибели русских дружин, о пленении князей, в результате чего «ворота» на Русь оказались открытыми. Кульминацией в развитии проблемы является «злато слово» Святослава, из которого следует, что князья «не подмога» Святославу в его стремлении к коалиционной защите южных границ Руси. Авторским комментарием к «золотому слову» Святослава является фрагмент о полоцких князьях, из которого становится ясно, что и северные границы Русской земли в опасности из-за отсутствия коалиции полоцких князей. Трагической развязкой проблемы во втором разделе является заключительное резюме: констатация того факта, что князья не действуют согласованно, в коалиции, даже дружины двух родных братьев (Рюрика и Давыда) разъединены: врозь реют их знамена, врозь поют их копыя. В третьем разделе, сюжетом которого является возвращение Игоря из плена, завязкой действия является Плач Ярославны, в результате которого происходит бегство Игоря, «задержанной» кульминацией⁵⁵ является погоня за Игорем Гзака и Кончака, а развязкой действия — разговор Игоря с Донцом уже на Русской земле.

Некоторые исследователи считали даже, что у каждого раздела Повествования свой герой. В отличие от М. Максимовича, считавшего главным героем «Слова» Игоря, С. К. Шамбинаго пишет: «Состоя из отдельных песен, „Слово о полку Игореве“ не имеет, в сущности, центрального героя. Перед читателем проходит ряд личностей, на которых счел нужным остановить внимание автор для выявления своей идеи — желанного единения Русской земли — и для передачи впечатления, созданного „буйным“ Игоревым походом».⁵⁶ Эту точку зрения оспаривал В. Ф. Ржига, он подчеркивал, что «Слово о полку Игореве» — «единая песня с единым главным героем».⁵⁷ Но при этом он связывал с каждым из разделов оп-

⁵⁴ Д. С. Лихачев, характеризуя монументально-исторический стиль, отметил и такую его особенность, как конструктивная четкость членения всей композиции, чувство значительности и значимости каждой части произведения. См. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 65. В «Слове о полку Игореве» это наблюдается как на примере трех разделов Повествования, так и на примере четко выделяемых отдельных крупных фрагментов.

⁵⁵ В работах по теории литературы отмечается, что место экспозиции и всех других элементов композиции определяется художественными задачами произведения. Например, экспозиция может быть помещена в разных местах: 1) в начале произведения («прямая экспозиция»), 2) после завязки действия в качестве объяснения последней («задержанная экспозиция») и 3) в конце произведения («обратная экспозиция»). В нашем случае «задержанной» оказывается кульминация, помещенная после развязки.

⁵⁶ Шамбинаго С. К. Слово о полку Игореве // История русской литературы. Т. 1. С. 183.

⁵⁷ Ржига В. Ф. Композиция «Слова о полку Игореве». С. 61.

ределенного героя: «Три главные части „Слова“, развертываемые путем раскрытия трех основных образов памятника — Игоря, Святослава и Ярославны,⁵⁸ неразрывно связаны между собой, и можно с полной уверенностью утверждать, что образы эти составляют своего рода трехъединую систему, которая реализует центральную художественную интенцию поэта: его замысел воспеть Игоря».⁵⁹

По нашему мнению, следует согласиться с тем, что Игорь является главным героем «Слова». Об этом свидетельствует рассказ о его возвращении на Русь и описание вселенской радости по этому поводу. Но вряд ли автор ставил целью *воспеть* князя Игоря, учитывая трагический исход его похода. На наш взгляд, в основу сюжета автор поставил *развитие образа* Игоря, его *преображение*. Связано это преобразование с основной идеей «Слова»: с необходимостью осознания князьями единственного пути спасения Русской земли — коалиционной защиты ее от «поганых».

Три раздела Повествования, относительно самостоятельные, объединены в одно целое не только сюжетом и главным героем, но и проблемой, стоящей в центре сюжета. Можно говорить о развитии этой проблемы на протяжении всего повествования. Проблема возникает в первом разделе: после поражения Игоря ворота на Русь оказываются открытыми. Обостряется проблема во втором разделе: из «золотого слова» Святослава следует, что защищать южные границы Руси некому, поскольку князья-Мономашичи не спешат постеречь киевский отчий стол, а Ольговичи, храбрые князья, поспешившие на брань, оказались в плену.⁶⁰ Проблема разрешается в третьем разделе: Игорь возвращается на Русь; пережив в результате плена-смерти катарсис, он преобразуется из «буйного» князя, озабоченного лишь своей славой, в князя-государственника, озабоченного судьбой Русской земли, готового к коалиционной защите Русской земли под руководством киевского князя.⁶¹ Этим и объясняется вселенская радость по поводу его возвращения. Д. С. Лихачев на свой вопрос «плох Игорь или хорош?» ответил так: «скорее хорош, чем плох». Можно, на мой взгляд, ответить более определенно: «был плох, стал хорош». На Игоря возлагается автором надежда в деле защиты Русской земли от половцев. Сам Бог указывает ему путь из плена на родину водным столпом, как некогда народу Израиля, исходившему из египетского плена (Исх. 13:21; 14:21).⁶² Этот библейский мотив также указывает на месси-

⁵⁸ В И Чичеров, вероятно, исходя из этого высказывания В Ф Ржиги, делил центральную часть Повествования на три части, в центре которых стоят главные образы 1) Игорь, 2) Святослав, 3) Ярославна См Чичеров В И История древней русской литературы С 53—54 Б Н Двинянинов тоже повторяет эту мысль (см с 156)

⁵⁹ Ржига В «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской феодальной Руси XII в С 165

⁶⁰ Б Гаспаров считает кульминацией «Слова» сон Святослава и ответ бояр «По своему содержанию сон Святослава и ответ бояр являются трагической кульминацией произведения, в которой рисуется ультимативная катастрофа — смерть великого князя и гибель мира < > Эта смысловая роль подтверждается структурной функцией данной части в композиции „Слова“ она занимает центральное положение, составляя пик формы всего произведения» См Гаспаров Б Поэтика «Слова о полку Игореве» С 229 Д С Лихачев считает кульминацией более обширный текст «Поражение Игоря, сон Святослава, отражающий это поражение, и последующий призыв Святослава ко всем русским князьям объединиться в своем отпоре натиску степняков являются как бы кульминацией Слова» См Лихачев Д С Композиция «Слова» С 68

⁶¹ Д С Лихачев пишет следующее «Затем следует часть, которую можно определить как катарсис Игорь прощен Автор обращается к его личной судьбе как бы через плач его жены Ярославны» См Лихачев Д С Композиция «Слова» С 69

⁶² На это исследователи уже обращали внимание См, например Гогешвили А А Три источника «Слова о полку Игореве» С 203

анскую роль Игоря. «Катарсис, согласно Аристотелю, делает героя способным продолжать дальнейшую борьбу», — пишет Д. С. Лихачев.⁶³

Итак, «Слово» — поэма со сквозным сюжетом, одной проблемой и с одним центральным героем — князем Игорем. При этом есть основание согласиться с теми исследователями, которые считают, что «автору» в «Слове» принадлежит далеко не последнее место. Он «заполняет собою все произведение от начала до конца. Голос его отчетливо слышен везде: в каждом эпизоде, едва ли не в каждой фразе».⁶⁴

*

На основании выявленного плана определим теперь композиционные принципы, в соответствии с которыми создавалось «Слово».

Как известно, любому литературному направлению, течению свойственны определенные принципы композиции. Например, плутовской роман эпохи Возрождения строится по принципу «нитки с бусами», т. е. композиционно распадается на серию новелл, связанных с историей одного героя. Принцип, использованный автором «Слова о полку Игореве», можно назвать принципом трехуровневой композиции. В «Слове» три уровня композиционного членения текста: внешний, средний и внутренний. В связи с этим принцип трехуровневой композиции можно назвать также принципом «матрешки». Первый (внешний) уровень — это деление текста «Слова» на 3 части: вступление (Запев), основную часть (Повествование) и заключение (Концовку). Второй уровень — это деление основной части (Повествования) на вступление (пролог), основную часть (состоящую из трех разделов) и заключение (эпilog). Третий (внутренний) уровень — это деление каждого из трех разделов Повествования на 5 подразделов, первый из которых во всех трех случаях является вводным, а пятый — заключительным (резюме). Иначе говоря, каждый из трех разделов Повествования тоже имеет три части: вводную, основную (состоящую из трех подразделов) и заключительную (резюме). Таким образом, наряду с принципом трехуровневой композиции можно говорить о принципе трехчленности каждого уровня композиции «Слова»: вступление, основная часть, заключение. При этом основная часть на втором и третьем уровнях тоже трехчленна.

Итак, в «Слове» мы видим сложную организацию входящих в него элементов, расположенных в определенной системе, по определенному плану, в основе которого лежит всеохватывающий, универсальный принцип трехчленности.⁶⁵ Напомню вслед за Б. Н. Двиняниновым, что, со-

⁶³ Лихачев Д. С. Композиция «Слова» С 69

⁶⁴ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси С 111

⁶⁵ Исследователи не раз указывали на принцип трехчленности в композиции «Слова». Одни при этом делили памятник на вступление, повествование и заключение, другие на три части: Е. В. Барсов и В. Ф. Ржига, говоря о принципе трехчленности в «Слове», учитывают оба эти деления. По их мнению, весь памятник состоит из вступления (прелюдии), основной (главной) части и заключения (финала). Главная часть в свою очередь распадается на три части: К разгадке принципа композиции «Слова» ближе всех оказался, по нашему мнению, С. К. Шамбинаго. Он первым продемонстрировал в своем плане «Слова» принцип трехуровневой композиции, хотя и не сформулировал этот принцип. Кроме того, Шамбинаго верно определил три уровня композиции «Слова»: Первый уровень — Вступление, Содержание, Заключение. Второй уровень — Содержание делится на три части: I Игорьев поход, II Песнь о великом Святославе, III Возвращение Игоря. Третий уровень — каждая из трех частей подразделяется. С. К. Шамбинаго на несколько песен, при этом на третьем уровне принцип трехчленности оказывается невыдержанным. В плане С. К. Шамбинаго спорно лишь деление каждой из трех частей Содержания. Б. Н. Двинянинов также выделил три уровня компози-

гласно риторике XVII в. (более ранние русские риторика, к сожалению, не известны), речь украшенная «создается и постановляется» на принципе трехчленности.⁶⁶

* * *

Какие выводы можно сделать, исходя из описанной композиции «Слова»?

1. Несмотря на относительную самостоятельность трех основных разделов Повествования и отдельных фрагментов, обусловленную правилами господствующего стиля эпохи XI—XIII вв., текст «Слова» представляет собой единое художественное целое, написанное одним автором и одновременно. Все фрагменты в «Слове» органичны, все подчинены одному художественному заданию, все занимают строго определенное место в композиции памятника.⁶⁷

В связи с этим следует признать ошибочным предположение некоторых исследователей (в частности, М. А. Максимовича) о том, что известный нам текст «Слова» создан в два этапа, что третий раздел «Слова», рассказывающий о бегстве Игоря из плена, был дописан позднее. Д. С. Лихачев пишет по этому поводу: «Нет никаких оснований часть С<лова>, которую мы называем катарсисом, считать полностью или частично добавленной позднее: она вполне закономерно присутствует в С<лове>».⁶⁸ Ошибочны мнения и тех исследователей, которые считали позднейшим добавлением к авторскому тексту «Слова» заключительные фрагменты произведения (XXIII—XXV).⁶⁹ Эти фрагменты являются неотъемлемыми частями композиции «Слова»: один представляет собой резюме третьего раздела, второй — Эпilog Повествования, а третий — Концовку «Слова».

Ошибочным является и мнение о фрагментарности «Слова», о том, что отдельные фрагменты не объединены в последовательное и непрерывное повествование. Обособленность фрагментов в «Слове» кажущаяся.

ции, но, в отличие от С К Шамбинаго, отказался от деления «Слова» на вступление, основную часть и заключение. По его мнению, в «Слове» три главы. Каждая глава делится на части (первые две главы на 6, третья — на 5 частей), каждая часть трехчленна. Несмотря на попытку Двинянинова показать, что принцип трехчленности является основным в построении «Слова» «от начала и до конца повествования», на втором уровне принцип трехчленности оказывается у него невыдержанным. Кроме того, деление каждой из частей на три пункта вызвало критику своей субъективностью. По мнению А Ю Чернова, структуру поэмы образует «переплетение триад». Традиционно он делит поэму на три части, и каждая из трех частей у него тоже трехчленна. Однако внутреннее членение каждой части лишено объективных оснований.

⁶⁶ Бабкин Д С Русская риторика начала XVII в // ТОДРЛ М, Л, 1951 Т 8 С 326—333

⁶⁷ В этом мы полностью согласны с В Н Перетцем, который утверждал «Композиция „Слова“ такова, что предполагает заранее *одну* эстетическую идею, *один* план, требующий наличности всех упомянутых частей < > все части подчинены одному определенному художественному заданию и все одинаково необходимы». См Перетц В Н К изучению «Слова о полку Игореве» Л, 1926 С 14. Приведа это высказывание В Н Перетца, Б Гаспаров замечает «Данное заявление, однако, не подкрепляется какими-либо конкретными разъяснениями того, каков этот предполагаемый единый план произведения и каким образом этот план реализуется в соотношении всех его частей». См Гаспаров Б Поэтика «Слова о полку Игореве» С 213

⁶⁸ Лихачев Д С Композиция «Слова» С 69

⁶⁹ Эта точка зрения высказана, например, С К Шамбинаго. По его словам, «весь исход сильно изменен переписчиком позднего времени, сделавшим неумелое сокращение и искажившим стиль памятника». С К Шамбинаго смутили в заключительной части христианские элементы упоминание Богородицы Пирогошей, выражение «побарать за христиан на поганых», заключительное «аминь». См Шамбинаго С К Слово о полку Игореве // История русской литературы Т I С 182—183

При более внимательном анализе выясняется их теснейшая взаимосвязь. Сюжетное повествование в «Слове» последовательно и при этом — как отмечено исследователями — соответствует композиции летописной повести о походе Игоря. Те фрагменты, которым нет соответствия в летописной повести о походе, временно прерывают сюжетное повествование, но не нарушают последовательности изложения.

Ошибочными являются и мнения о компилятивном характере «Слова о полку Игореве», о наличии в его тексте вставных песен. Вероятно, эта точка зрения на композицию «Слова» также возникла в связи с тем, что отдельные фрагменты «Слова» относительно самостоятельны и связь между ними не для всех очевидна.

Цельность памятника подчеркивает кольцевая композиция мотивов в начальной и заключительной частях Повествования. О создании «Слова» одним автором говорит также зеркально-симметричное построение первого и третьего разделов, повествующих о походе в поле половецкое и возвращении из него. Цельность памятника подчеркивают также разного рода повторы, пронизывающие и скрепляющие воедино художественную ткань «Слова». Повторы исследованы в указанных работах В. Ф. Ржиги, С. Вольмана, Н. С. Демковой, Д. С. Лихачева, Б. Гаспарова, Т. М. Николаевой.⁷⁰

2. Приведенный план «Слова» наглядно показывает, что дошедший текст памятника сохранил авторскую композицию и что никаких перестановок композиционных фрагментов не требуется. Авторские отступления от основного сюжета в первом разделе Повествования занимают строго определенное место в композиции: после завязки действия (отступление о Бояне), после кульминации (отступление об Олеге Гориславиче) и после развязки действия (отступление о деве Обиде), поэтому перестановка их в другие места недопустима. При этом первое авторское отступление (о Бояне) связано по теме со Вступлением, второе (о междоусобных битвах Олега Гориславича) — с центральной частью, повествованием о кровопролитной битве Игоря, а третье отступление — с заключительным фрагментом повествования о походе: с рассказом о последних днях похода, о нашествии врагов на Русскую землю. Фрагмент о Всеславе Полоцком тоже занимает строго определенное место во втором разделе Повествования: он следует после обращения автора к внукам Всеслава, князьям XII в., а это обращение автора к полоцким князьям в свою очередь развивает тему «злата слова» Святослава.

Автор создает не эпическое, а лиро-эпическое произведение, он обращается к событиям прошлого именно в связи с событиями настоящего, поэтому создавать «исторический раздел» в начале «Слова», как это делает Б. А. Рыбаков, — значит нарушать авторскую композицию «Слова», создавать свой вариант памятника. Ошибочным является также предположение С. М. Соловьева и Б. А. Рыбакова о том, что в начале «Слова» был фрагмент, повествовавший о Владимире Мономахе (по Рыбакову, он открывал «исторический раздел»). Это предположение основано на том, что автор «Слова», обозначая границы своего повествования, обещает начать его «от старого Владимира». Однако это не означает, что автор в строгой хронологической последовательности должен *начать* свое произведение с повествования о «старом Владимире». Автор не повествует о «старом Владимире» (под ним мы понимаем не Владимира Мономаха, а Владимира Святославича, общего предка Ольговичей и Мономашичей),

⁷⁰ См. об этом Каган М. Д. Повторы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т 4 С 124—130

а лишь упоминает его в резюме второго раздела Повествования (фрагмент XVIII) как князя, при котором русское войско было единым, а потому сильным, дееспособным.

Говоря словами Е. В. Барсова, «все эти усмотрения беспорядочности и нестройности в дошедшем до нас тексте „Слова“ возникают лишь в связи с тем, что <..> к произведению чисто художественному, творческому предъявляют требования исторического повествования — полноты подробностей факта и последовательности в их изложении».⁷¹

3. Проведенный анализ композиции позволяет говорить о наличии в основе «Слова» четкого плана, о строгой закономерности в построении памятника.

Реконструированный нами план «Слова» показывает, что оно построено по принципу трехуровневой композиции и принципу трехчленности каждого уровня композиции. Эти принципы композиционного построения «Слова о полку Игореве» характерны и для других риторических произведений Киевской Руси.⁷² В качестве примера можно указать на «Слово» Даниила Заточника, созданное в эпистолярном жанре.⁷³ Можно говорить также о трехуровневой композиции торжественных слов Кирилла Туровского и других авторов. Вопрос о композиции произведений торжественного красноречия нуждается в специальном исследовании,⁷⁴ но уже сейчас можно уверенно говорить о наличии поэтико-риторической школы в Киевской Руси XI—XIII вв., о том, что автор «Слова о полку Игореве» следует в построении своего произведения определенной традиции своего времени.⁷⁵

⁷¹ Барсов Е В Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружины Руси Т 2 С 83

⁷² М А Яковлев ставил целью «констатировать однородность композиционных приемов Слова и былинного эпоса» (см Яковлев М А «Слово о полку Игореве» и былинный эпос (Их связь со стороны композиционных приемов творчества) Пг, 1923) Он указал на соответствие двух начальных фрагментов «Слова» (по нашему делению, I и II) двум приемам зачина былин, а заключительный фрагмент (прием славлений) — исходу былин Однако есть существенное композиционное различие «Слова» и былин, отмеченное самим Яковлевым отступления («замедления»), встречающиеся в былинах «в примитивном виде», в «Слове» занимают больший объем, чем «динамическое действие» Это объясняется принадлежностью «Слова» и былин к разным родам литературы былины — эпические произведения, «Слово» — лиро-эпическое произведение

⁷³ О композиции «Слова» Даниила Заточника см Соколова Л В К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 46 С 231—233 К указанным мной в этой работе двум уровням композиции следует добавить третий (внутренний) уровень, он, как и первые два, — трехчленный Центральная часть Семантемы включает три части 1) описание Даниилом своего бедственного положения (narratio), перемежающееся с просьбой о помощи (petitio), 2) обоснование того, что князь должен приближать к себе мудрых мужей, и доказательство того, что он сам — один из них (argumentatio), 3) опровержение возможных контрдоводов адресата

⁷⁴ В связи с композицией «Слова о полку Игореве» вопрос о трехчленности произведений торжественного красноречия был затронут в работах И П Еремина и Б Н Двинянинова Но они не говорили о трехуровневой композиции этих произведений

⁷⁵ Тот факт, что нам «не ясны в достаточной степени способы построения текста» «Слова», профессор Пиккио объясняет нашим все еще недостаточным знанием всей письменной традиции Slavica Orthodoxa См Пиккио Р История древнерусской литературы М 2002 С 87 Возможно, однако, что дело не столько в недостаточности материала, сколько в его пока еще недостаточной изученности

АГИОГРАФИЯ, ГИМНОГРАФИЯ, УЧИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Т. Р. РУДИ

«Яко столп непоколебим»

(об одном агнографическом топосе)*

В 20-м томе Трудов Отдела древнерусской литературы, посвященном нерешенным проблемам исследования памятников литературы Древней Руси, Олег Викторович Творогов поместил статью о задачах изучения устойчивых литературных формул.¹ Тема эта — по прошествии нескольких десятилетий — продолжает и сегодня оставаться одной из наиболее актуальных и интересных тем современной медиевистики.² «Устойчивые литературные формулы», под которыми исследователь понимает «традиционные ситуативные формулы, т. е. сходные по выбору фактов и композиции описания, фрагменты характеристик и т. п.»³ являются составяющей литературной топики — одной из наиболее значительных и устойчивых характеристик средневекового текста. Наличие так называемых «общих мест»⁴ — важнейшая черта литературного этикета, который является определяющей характеристикой образной системы любой средневековой литературы.⁵ Настоящее краткое сообщение посвящено одному из агнографических топосов,⁶ наиболее часто используемому в житиях преподобных, — литературной формуле «яко столп непоколебим» в ее различных вариантах и интерпретациях.⁷

* Статья написана при поддержке Гумбольдтовского фонда (Германия)

¹ Творогов О В Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ М, Л, 1964 Т 20 С 29—40

² Основную библиографию по теме см в указанной статье О В Творогова, а также в кн Буланин Д М Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв Munchen, 1991 С 88, 217—263 (Slavistische Beitrage Bd 278)

³ Творогов О В Задачи изучения устойчивых литературных формул С 32

⁴ Все родственные литературоведческие понятия для обозначения так называемых «общих мест» (commonplaces, Gemeinplätze) восходят к терминам античной риторики *loci communes* / κοινὰ τόποι. См об этом, например Obermayer A Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft // Toposforschung / Herausgegeben von Max L Baeumer Darmstadt, 1973 S 252—267

⁵ О литературном этикете см Лихачев Д С 1) Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения) // ТОДРЛ М, Л, 1961 Т 17 С 5—16, 2) Поэтика древнерусской литературы 2-е изд М, 1971 С 95—122, и др

⁶ Используя термин «топос», я придерживаюсь того расширенного его толкования (в формальном и содержательном смысле), которое он приобрел в современном литературоведении и медиевистике в частности топосом может быть любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи (см об этом Čiževskij D Zur Stilistik der altrussischen Literatur Topik // Festschrift für Max Vasmer zum 70 Geburtstag Wiesbaden, 1956 S 105—112 Obermayer A Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft S 263—267, Буланин Д М Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв С 217—223, и др)

⁷ Я оставляю за рамками статьи тему столпничества, с которой топос столпа имеет безусловную генетическую связь (русское слово «столпник» образовано по аналогии с гре-

Получившая в христианских текстах широкое распространение метафора «святой — столп веры» (или «столп церкви») имеет, безусловно, библейские корни. В Послании к галатам апостол Павел именует столпами (вернее, называет почитаемыми столпами)⁸ — ср. греч. οἱ δοκοῦντες στῦλοι εἶναι) апостолов Иакова, Петра и Иоанна, познавших данную ему от Бога благодать: «И познавшие благодать данную ми Иаковъ и Кифа и Иоаннъ, мнимии столпи быти, десницы даша мнѣ...» (Гал. 2: 9). В близком значении использован образ столпа в Откровении Иоанна Богослова: «Се, гряду скоро: держи, еже имаши, да никтоже прииметь вѣнца твоего. *Побѣждающаго сотворю столпа въ Церкви Бога моего...*» (Апок. 3: 11—12). В 1-м Послании к Тимофею апостол Павел именует «столпом истины» саму Церковь Христову: «...да увѣси, како подобаесть въ Дому Божию жити, *яже есть Церковь Бога жива, столпъ и утверждение истины*» (1 Тим. 3: 15).

Позднее образ столпа активно использовался и в патристике: Иоанн Златоуст именует столпами (πύργοι καὶ στῦλοι) апостолов Петра и Павла; Климент Римский называет этих же апостолов «величайшими и истиннейшими столпами»; Феодорит Киррский называет Петра и Иоанна «столпами истины»; Григорий Нисский «столпами веры» именует Иоанна, Павла и Моисея; «крепкими и блаженными столпами Господа» называет святых мучеников Дионисий Александрийский; «столпами и утверждением истины» Василий Великий именует епископов; самого же Василия Великого Феодор Студит называет «столпом церкви».⁹

Следует при этом отметить, что распространенное в христианстве понятие столпа как твердыни, опоры или оплота чего-либо, несомненно, более древнее по происхождению — оно присутствует уже в Ветхом Завете как противопоставление слабости и бесформенности: «Растаяя земля и вси живущи на ней, *азъ утвердихъ столпы ея*» (Пс. 74: 4).¹⁰ Интересно, что и в других случаях использования лексемы ὁ στῦλος в Ветхом Завете столп — облачный или огненный — также является неким божественным знаком: «Моисей и Ааронъ во иереехъ его, и Самуиль въ призывающихъ имя его: призываху Господа, и той послушаше ихъ, *в столпѣ облачнѣ глаголаше къ нимъ*» (Пс. 98: 6—7); «*Богъ же воздаше ихъ, въ день убо*

чеким ὁ στῦλιτης (от ὁ στῦλος — столп, колонна), см. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка М., 1971 Т. 3 С. 766), как особую большую проблему, требующую специального рассмотрения

⁸ См. Гильтебрандт П. А. Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету Пг., 1882—1885. Репринт Nachdruck besorgt von Helmut Keipert und František Václav Mareš München, 1989 Кн. 6 С. 2064 (Sagners Slavistische Sammlung / Herausgegeben von Peter Rehder Bd. 14/6).

⁹ Эти и другие примеры использования лексемы «столп» (ὁ στῦλος) в патристической литературе см. в кн. A Patristic Greek Lexicon / Edited by G. W. H. Lampe Oxford, 1991 (10-th impr.) P. 1265. В отношении последнего из приведенных примеров следует отметить, что формула «Василий Великий — столп церкви» из византийской традиции перешла позднее и в русскую гимнографию так, в переводном кондаке Василию Великому она присутствует в распространенном варианте «*Яви ся стълпъ непоколѣблемыи църкви, < > до небесе явленъ, Василие преподобне*». В оригинальном тексте этого кондака исследователи отмечают словесную игру славянском «стълпъ» здесь соответствует греческое βάσις (вместо традиционного στῦλος), вступающее в переключку с именем святого — Βασίλειος. См. об этом Der altrussische Kondakar' auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižgorodskij Kondakar' Tomus IV Das Kirchenjahr 2. Dezember bis März / Herausgegeben von Antonín Dostál und Hans Rothe unter Mitarbeit von Erich Trapp Köln, Wien, 1979 S. 74—75 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven Bd. 8/4). Ср. трактовку К. Д. Зеemannна Зеemannн К. Д. Приемы аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси // ТОДРЛ СПб., 1993 Т. 48 С. 107.

¹⁰ Приношу искреннюю благодарность Е. И. Ванеевой за то, что она обратила мое внимание на это чтение. Ср. «Трясый поднебесную из оснований, *столпи же ея колеблются*» (Иов. 9: 6).

столпомъ облачнымъ, показати имъ путь, нощю же столпомъ огненнымъ, свѣтити имъ: и не оскудѣ столпъ облачный во дни и столпъ огненный нощю предъ всѣми людьми» (Исх. 13: 21—22).

Как показывает анализ древнерусской житийной традиции, существует несколько устойчивых литературных формул, связанных с понятием «столп». Одной из них является родственный упоминавшимся библейским образом топос *огненного или свѣтящегося столпа* как сакрального знака, призванного свидетельствовать святость определенного человека или места.¹¹ Так, например, в анонимном Сказании о Борисе и Глебе, одном из наиболее ранних памятников литературы Древней Руси, повествуется о том, что, когда после убийства Глеба его тело было брошено «на пустѣ мѣстѣ», Бог прославил своего угодника, указав местонахождение его мощей, среди прочих знаков, огненным столпом: «И Господь не оставляяй своихъ рабъ <...> И сему убо святууму лежащю дълго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинуды пребыти неврежену, нъ показа: *овогда бо видѣша стълпъ огньнъ, овогда свѣщъ горуще и паки пѣния ангельская слышааху мимоходящии же путьмъ гостие, ини же, ловы дѣюще и пасуще*».¹²

В другом памятнике борисоглебского цикла, Памяти страстотерпца Глеба («Убьенье святаго мученика Глѣба князя русьскаго»), в этот сюжет внесено важное дополнение: «Но Господь Богъ не остави своего раба, *якоже и прежде первомученика Стефана прослави овогда убо столпъ огненъ видяху, иногда же свѣща горяща, овогда пѣне ангельское. И возвѣстиаху въ градъ о святѣмъ и шедше тѣло святаго взяша*».¹³ Важнейшим элементом этого описания является параллель с первомучеником Стефаном — как указание на сакральный образец, на который ориентировано все повествование в целом (и его отдельные элементы в частности) как описание обретения мощей первого русского святого-мученика.¹⁴ Х. М. Лопарев, публикуя текст Памяти Глеба, отметил, что корни топоса «огненный столп над мощами святого» — как и большинства агиографических топосов — уходят в византийскую традицию: исследователь указал наличие сходных эпизодов в Житии Давида и Константина Аргветских, Сказаниях об обретении мощей св. Климента, Иоанникия Олимпийского (Вифинского), о третьем обретении главы Иоанна Предтечи, Иоанна Непомука и др.¹⁵

Топос свѣтящегося столпа над мощами святого широко известен и в гимнографической традиции. Приведу один яркий пример: в Службе на

¹¹ Сакральная функция огненного столпа в агиографии связана, помимо прочего, с традиционной для христианской культуры символикой света как божественного начала (ср. евангельские слова Христа «Азъ есмь свѣтъ миру ходяй по мнѣ не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ животный» (Ин 8 12)) О сакральной символике света в христианской традиции см., например Гильтебрандт П. А. Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету Кн 5 С 1863

¹² Цит по изд. БЛДР СПб, 1997 Т 1 С 344

¹³ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 33 (Пролог, сентябрь—февраль), л 12

¹⁴ Об ориентации на сакральные образцы см., например Picchio R. Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists (Warsaw, August 21—27, 1973) Vol 2 Literature and Folklore / Ed by Victor Terras The Hague, Paris, 1973 P 439—467, Успенский Б. А. 1) История русского литературного языка (XI—XVII вв.) Munchen, 1987 С 55—57 (Sagner slavistische Sammlung Bd 12), 2) Борис и Глеб Восприятие истории в Древней Руси М., 2000 С 5 (Язык Семиотика Культура Малая сер), и др. Сакральными образцами для средневекового книжника, как представляется, могли служить — на различном уровне — как собственно сакральные тексты, так и описываемые в них лица

¹⁵ См. Лопарев Х. М. Описание рукописей Императорского Общества любителей древней письменности СПб, 1893 Ч 2 С 58, сноска 1

перенесение мощей Феодосия Печерского (14 августа) появление огненных столпов над мощами преподобного расценивается автором не просто как сакральный знак, способствующий проявлению его мощей, но как собственно явление ангелов: *«Днесь ангельская явления быша, преподобне, в обретенне мощей твоих являху бо ся всем яко столпы огненнии и яко дуги светозарнии стояще над пещерою и оттуду придоша на верх святыя церкви»*.¹⁶

Вообще, использование топоса святящегося столпа в различных его вариациях¹⁷ получило большое распространение в славянских агиографических памятниках, безусловно, ориентировавшихся на византийские образцы.¹⁸ Особенно частым вариантом этого топоса в древнерусской агиографии является сюжет о появлении огненного столпа над монастырем, где подвизается преподобный, или над местом постройки будущего монастыря. Нестор, автор первого русского жития-биографии, повествуя о том, как некоему христолюбивому человеку был явлен «свѣтъ пречюднѣ» над монастырем Феодосия Печерского, далее пишет: *«И се наky подобно естъ реци, еже яко пишеться таково о святѣмъ и велицѣмъ Савѣ Се бо въ едину ноць такоже тому шьдѣшю ис келия своя и молящюся, и се показася тому стѣльпъ огньнѣ до небесе сушь Таче потомъ, якоже дошьдѣ мѣста того, и обрѣте въ немъ пещеру и ту тако въ мало днѣи сѣтвори манастирь славнѣ Такоже и сѣде разумѣвати естъ, Богу назнаменовшю мѣсто то, еже яко видѣти естъ манастирь славнѣ сушь на мѣстѣ томъ, иже и донинѣ естъ молитвами его цвѣтушь»*.¹⁹ Здесь Нестор не только использует интересующий нас топос, но и прямо указывает византийский образец, на который он ориентировался, — Житие Саввы Освященного.²⁰ Мотив появления све-

¹⁶ Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество (по современным минеям) Париж, 1951 С. 85

¹⁷ В «Похвальном слове преподобным отцам и женам» Григория Цамблака, например топос огненного столпа как сакрального знака использован в его обратном выражении «Что же ли блаженства тезоименитаго Макариа? Довлѣть от самага начала житие мужа познати, понеже ни облакъ свѣта, ниже столпъ огньнѣ, но херувимъ того наставляше» (цит. по Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ СПб., 2003 Т. 54 С. 521)

¹⁸ Так, например, топос огненного столпа как знака, появляющегося над мощами святого, присутствует в Житии Иоанна Нового Белгородского, созданном в начале XV в. Григорием Цамблаком над телом мученика ночью являются горящие лампы, три неких «световидных» мужа творят над ним каждение, *«столпъ же огньнѣ с небесе над телесеи святого утвержашеся»* (цит. по ркп РНБ, собр. ОЛДП, Ф. 48, л. 84), в Житии Романа Угличского рассказывается, что после захвата Углича поляки выбросили из серебряной раки и сожгли мощи князя Романа, но на том месте, где лежали кости святого, по ночам стал появляться столп света, благодаря чему жители города смогли вновь обрести мощи князя, еще не зная, чьи они (см. об этом Каган М. Д. Житие Романа Угличского // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 1 С. 379), ср. позднее Сказание об обретении мощей Иринарха Фралического (XVIII в.) над церковью, где покоятся еще необретенные мощи подвижника, ночью гремит страшный гром, трясется земля, «и потомъ видели < > столпъ огньнѣи, утверженней от церкви до небеси, и многим окрестным градом видно было» (цит. по ркп РНБ, собр. ОЛДП, Q. 177, л. 1) Явление огненного столпа, впрочем, может быть не только знаком проявления мощей. В Житии Никиты Переяславского, например, святящиеся столпы являются старцу Симеону на месте, где позднее были обретенны кресты святого Никиты Столпника «В ту же ноць случися ему изыти изъ келия своя и узрѣ с монастыря на край брѣга в рѣцѣ три столпы от земли и до небеси, солнечныя луча испускающе и весь град облистывая свѣтом» (цит. по ркп РНБ, Софийское собр., № 1419, л. 433 об.)

¹⁹ Житие Феодосия Печерского цит. по изд. БЛДР СПб., 1997 Т. 1 С. 416 Ср. сюжет в заключительном фрагменте Жития князю Святославу является «стѣльпъ огньнѣ до небесе сушь надъ манастирьмъ» из чего он узнает о смерти Феодосия («и якоже от того разумѣти прѣставление блаженаго») (Там же С. 432)

²⁰ Об использовании Нестором Жития Саввы Освященного и других источниках Жития Феодосия Печерского писали многие исследователи В. А. Яковлев А. А. Шахматов

тящегося столпа²¹ над местом будущего монастыря или пустыни получил впоследствии широкое распространение в русской агиографии (см. жития Кирилла Новоезерского,²² Адриана и Ферапонта Монзенских²³ и др.); вариант этого топоса — мотив появления огненного столпа над местом явления чудотворной иконы — используется в сказаниях об обретении икон.²⁴

Д И Абрамович, С А Бугославский и др (см об этом Творогов О В 1) Житие Саввы Освященного // Словарь книжников Вып 1 С 174—175, 2) Нестор // Там же С 275 Топоров В Н Святость и святые в русской духовной культуре Т 1 Первый век христианства на Руси М, 1995 С 800—801, сноски 10) Ср тот же сюжет в Житии Григория Омиритского над местом построения будущего храма Григорию являются огненный столп и стоящий в нем муж с распростертыми руками (Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием М, 1907 19 декабря Стб 1208—1209) См об этом Каган М Д, Турилов А А Сказание о иконе Богоматери Толгской // Словарь книжников Вып 3, ч 3 С 401 Напомню, что в Житии Феодосия Печерского некоему человеку в «пречюдном свете» является сам Феодосий с воздетыми к небу руками (БЛДР Т 1 С 416)

²¹ В некоторых житиях говорится о явлении над местом будущего монастыря не светящегося столпа, а собственно «света велия», что не меняет сущности сакрального знака (см., например, в Житии Кирилла Белозерского «Случи же ся ему въ едину от ношй молящуся, вечеру глубокоу сущу, и Акафистоу Пречистый по обычею поюшу пред образом ея, и егда доиде мѣста, писаннаго въ икосѣ, "Странно рожесто видяще, устранимся мира и умъ на небо преложимъ", абие слышит гласъ глаголющъ "Кирииле, изыде отсюду и иди на Бѣлоезеро, тамо бо угововах ти мѣсто, в немже можеша спастися" И абие съ гласом онѣмъ *свѣт велий явися тогда* Отворив же оконце кѣлии, видит *свѣт, сияющъ къ полунощнымъ странамъ Бѣлаго озера* И гласомъ онѣмъ, яко перстомъ, показаше мѣсто то, идѣже и нынѣ монастырь стоит» Цит по изд Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд подгот Г М Прохоровым, Е Г Водолазкинским и Е Э Шевченко 2-е изд СПб, 1994 С 72—74)

²² Кирилл уходит по гласу Богородицы в пустыню, чтобы найти место для будущего монастыря «И приде близъ Нова езера и обзрев семо и авамо, видев на восточней стране посреди езера островъ, древесы украшень, и с тово острова, идеже нынѣ монастырь стоит, виде же *столпъ огнень стоящъ от земли и до небеси* » (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 233, л 51 об—52)

²³ Юноша Аммос (будущий преподобный Адриан (или Андреян) Монзенский), получив исцеление от Пресвятой Богородицы, решает принять постриг и уходит искать «нѣкое пусто мѣсто», которое она указала ему во сне как место его будущих иноческих подвигов «И молился старец со многими слезами три дни, ни пиити, ни ясть В третью же ночь случися ему изыти ис кѣлии своея и възрѣвъ на востокъ и видѣ к восточной странѣ в дальномъ разстоянии *взыде столпъ огнень высокъ до небеси, топокъ видомъ* Старецъ же, постоявъ мало, долу поникъ и паки възрѣвъ — и видѣвъ того тонкаго столпа по лѣвую страну *второй столпъ огнень же превеликъ зѣло сияющъ до небеси* Вокругъ же тѣх столповъ идяше вода рѣчныя быстрины И чудися старецъ видѣнню тому и имѣя во умѣ своемъ тамо есть мѣсто оно, иже показа ему святая Богородица» (цит по ркп РНБ собр П П Вяземского, Q 281, л 29 об—30)

²⁴ Так, в «Сказании об Иверской иконе Божией Матери», рассказывающем о явлении чудотворной иконы Богородицы на водах перед Святогорским Иверским монастырем на Афоне, говорится, что явление это сопровождалось огненным столпом, восходящим от моря до самого неба, который простоял над иконой несколько дней и ночей подряд, пока иноки обители не обрели святыню (см текст 3-го варианта Сказания, опубликованный в кн Рай Мысленный Иверский монастырь, 1658—1659, о Сказании вообще см Буланин Д М Сказание о иконе Богоматери Иверской // Словарь книжников Вып 1 С 362—365, Белоброва О А Икона Богоматерь Иверская в России // ТОДРЛ СПб, 1996 Т 49 С 237—253, и др.), в «Сказании о Толгской иконе Богоматери» повествуется о том, что ростовскому владыке Трифону, будущему основателю Толгского монастыря, ночью явились огненный столп до неба и стоящий на воздухе образ Богородицы с младенцем, после чего Трифон воздвиг на месте явления столпа и иконы храм, а впоследствии — и монастырь (см об этом Каган М Д, Турилов А А Сказание о иконе Богоматери Толгской С 401 Авторы статьи также отмечают, что сюжет о появлении огненного столпа над местом построения храма не является оригинальным, а часто встречается в легендах об основании монастырей) Ср тот же сюжет в сказаниях об обретении чудотворных крестов, например, в «Сказании о явлении креста Господня и Чудотворца Николая в Никольском погосте, что слывет на болоте у Иисусова креста» (см Ярославские епархиальные ведомости 1873 3 янв № 1 Неофиц часть С 1—5)

Одним из важнейших византийских источников, повлиявших на формирование топоса столпа в древнерусской агиографии, было, по-видимому, хорошо известное на Руси переводное Житие Андрея Юродивого, в котором этот топос представлен в особой форме. Здесь огненный столп является не указанием местонахождения мощей святого или какого-либо другого связанного с ним места, но сам юродивый Андрей предстает на торгу перед некоей «честной женой» в виде светящегося столпа: «Жена нѣкая честна, Духомъ Божиимъ свѣтящися, въ ужасти бывши, види блаженаго Анѣдрѣа, якоже хожаше посредѣ многихъ, яко столпъ пламянь блискающаяся и яко искры огнены пушающа на въздухъ».²⁵ Рукописная традиция жития свидетельствует наличие славянских списков памятника, в которых это описание имеет важное в герменевтическом смысле продолжение, отсутствующее в греческом оригинале: по окончании цитированной фразы добавлено чтение «и прогоняя духи нечистыя».²⁶

Можно думать, что в данном случае топос представляет собой контаминацию мотивов «огненный столп — сакральный знак»²⁷ и «святой — столп веры» (столп-Андрей изгоняет нечистых духов). Этот вариант топоса нашел отражение и в русской агиографической традиции (особенно — в гимнографии и похвальных словах). Так, в Службе Александру Ошевенскому святой, среди прочих похвальных формул, именуется пресветлым столпом («радуйся, пресвѣтлый столпе»);²⁸ в Похвальном слове князю Константину Муромскому просветитель муромской земли с сыновьями названы великими поднебесными столпами («Вы есте *Божии велицыи поднебеснии столпи*»);²⁹ в Похвальном слове Макарию Унженскому говорится, что святых угодников следует «зрѣти» как одушевленные столпы: «Сего ради не точию потребно, но и зѣло желательно еже писати и часто прочитати святыхъ жития и сихъ яко в высоту стоящыя одушевленныя столпы зрѣти».³⁰

Другой вариант топоса столпа, встречающийся в древнерусских житиях, — это метафора «святой — столп терпения». Она также имеет библейское происхождение, так как опирается на сюжет о долготерпении праведного Иова.³¹ В одних случаях святой — как, например, Никола

²⁵ Цит по изд Молдован А М Житие Андрея Юродивого в славянской письменности М, 2000 С 390 Цитированный сюжет выделен в житии в отдельную главу — «О видѣвши (вариант О видѣнии) святаго суца столпа огнена» (С 389) См также описание кончины святого «Конча же ся таино солнце, до небеси столпъ пламянь, блаженный Андрей» (С 450)

²⁶ См Там же С 390, разночтения к строке 4828, ср в том же издании греческий текст соответствующего фрагмента (С 589)

²⁷ Ср также евангельский образ «Христос как молния» «Яко бо молния блистающися от поднебесныя на поднебеснѣи свѣтитися тако будетъ Сынъ Человѣческий въ день свой» (Лк 17 24) Интересно, что в некоторых списках Жития Андрея Юродивого в цитированном фрагменте к фразе «яко столпъ пламянь блискающаяся» добавлено «молньями» (см Молдован А М Житие Андрея Юродивого в славянской письменности С 390, разночтения к строке 4828, ср в рукописи РНБ, собр ОЛДП, Q 497, л 93 об—94 «яко столпъ огненъ блистающа, яко искры молния пуца на въздухъ и прогоняя духи нечистыя»), ср в сцене борьбы Андрея с бесами блаженному является на помощь Иоанн Богослов, который, изгнав демонов, «якоже въ молнию себе прѣтворивъ, из очию его отиде» (С 172), в сюжете об умершем богаче «и се, сниде ангель Господень, яко скоро молния, держа палицу пламяну в рудѣ своей и прогоняше нечистыя духы» (С 267) и др

²⁸ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 193, л 7

²⁹ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 1355, л 58 Публикацию полного текста Похвального слова см в статье Руди Т Р Похвальное слово князю Константину Муромскому (некоторые проблемы исследования) // ТОДРЛ Т 56 (в печати)

³⁰ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 21, л 100 об

³¹ Представляется, что любопытное подтверждение существования в средневековом сознании формулы «Иов — столп терпения» можно видеть в Житии Евфросина Псковского в

Кочанов — просто именуется столпом терпения (среди прочих формул, традиционных для жанра похвальных слов), без указания на библейскую параллель: «Радуйся, блаженне Никола, подражателю святыхъ аггелъ <...> радуйся, *терпѣнию столпъ* <...> радуйся, небопярный орле, облетаый весь Новьград и наполнивый своего великаго крѣпкаго *терпѣннѣя*.».³² Подобным же образом топос используется в Похвальном слове Никите Переяславскому: «Молитвенникъ крѣпокъ, чистотѣ рачитель, цѣломудрию образъ, *терпению столпъ*, аггелскимъ житиемъ на земли поживе..».³³ В других текстах прямо называется Иов как сакральный образец, которому сознательно подражает святой, причем иногда не только в долготерпении, но и в милостыни. Так, в Похвальном слове Федору, Давиду и Константину Ярославским (обнаруживающим, к слову, в интересующем нас фрагменте определенное текстуальное сходство с Похвальным словом Никите Переяславскому) читаем: «И просто реши по апостолу: вѣмъ <...> во всякой нужди и бѣдѣ помогаю, *подражая Иова*, глаголаше: “Да не изыдетъ из дому моего никтоже”³⁴ тщи нѣдра имѣя“. Чистотѣ рачитель, цѣломудрия образъ, постниковъ похвала, молчалников удобрение, *терпѣннѣя столпъ*, аггелоподобнымъ житиемъ на земли поживѣ...».³⁵ Мотив подражания праведному Иову (правда, без использования топоса столпа³⁶) звучит и в Житии Федора Ярославского: «Бывшу же ему на пути, и се вѣстьницы приидоша, повѣдающе ему княгиню его Марию во градѣ Ярославле преставльшуся. Святый же, *Иова подражая, глаголаше* „Воля Господня да будетъ Якоже Господеви годѣ, тако и бысть Буди имя Господне благословено отнынѣ и до вѣка“» (ср.: Иов 1: 21).³⁷

нем повествуется о догматических спорах псковского подвижника об аллилуйе с неким философом-распопом *Иевом Столпом*, который, как сказано в житии, «завистиво дияволою подвигся на святаго, и много укаряше преподобнаго, и еретиком его называше» Интересно, что и описание возмездия, наступившего впоследствии Иева Столпа по предсказанию Евфросина, дано в житии как аллюзия (с обратным знаком) к библейскому сюжету о страданиях праведного Иова (см Иов 2 7—9, 7 5 и др), а через него — и к Житию Симеона Столпника «И паки збысться пророчество преподобнаго отца Евфросина — возмездие врагу *Иева Столпа философа жива его черви расточиша*, и злою смертию умре в наказание человеком» (цит по Охотникова В И Краткая редакция Жития Евфросина Псковского по рукописи из собрания Овчинникова (РГБ) // ТОДРЛ СПб., 2001 Т 52 С 613, см также текст жития в редакции Василия-Варлаама Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г Кушелевым-Безбородко / Под ред Н Костомарова СПб., 1862 Вып 4 С 81—102) Напомню, что Симеон Столпник изображается в посвященном ему житии как *второй* или *новый Иов* (см сноску 37 настоящей статьи) Об Иеве (Иове) Столпе, авторе нескольких посланий, см Салмина М А Иов // Словарь книжников Вып 2, ч 1 С 414—415

³² Похвальное слово Николае Кочанову цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 48, л 392 об — 393

³³ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 634, л 65 об

³⁴ Слово исправлено мной, в ркп ошибочно «ничтоже»

³⁵ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 1, л 162—162 об

³⁶ Такой вариант мотива довольно часто встречается в житиях См, например, Житие Исидора Твердислова (в его заключительной похвальной части) «Радуйся, *иже и много-страстному Иову уподобивыйся терпениемъ*» (цит по ркп РНБ, собр А А Титова, № 2059, л 180) Вообще, мотив подражания или уподобления духовным авторитетам, генетически восходящий во всех своих вариантах в конечном счете к мотиву подражания Христу (*imitatio Christi*), является одной из важнейших художественных категорий средневекового сознания, которая в агиографической традиции приобрела особую значимость См об этом Руди Т Р Толика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография проблемы изучения / Под ред С А Семячко (в печати) О проблеме уподобления как важнейшей составляющей средневековой поэтики см фундаментальную работу О В Панченко «Поэтика уподоблений»

³⁷ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 1, л 79—79 об Мотив подражания долготерпению Иова представляет собой особый топос, часто использующийся в житийных сюжетах,

В одном из чудес Жития Зосимы и Савватия Соловецких, «Чюде преславне о Григории, исцѣлѣвшемъ во обители преподобныхъ», находим интересный вариант топоса, также содержащий сравнение героя с Иовом. «Слышимъ бо и великаго столпа праведнаго Иова, во всѣхъ напастѣхъ непоколѣбима, а от поношения друговъ своихъ невозможе стерпѣти, — такоже и сему Григорию возмутився умъ от неприязни, и вскорѣ смерти, нежели жити прошаше».³⁸ Интересно, что в данном случае Иов назван не «столпом терпения», как это обычно бывает в житийной традиции (хотя подразумевается, безусловно, именно долготерпение библейского праведника), а «великим столпом, во всех напастѣх непоколебимым». Здесь топос столпа использован в особом варианте, получившем, пожалуй, наибольшее распространение в древнерусских житийных текстах. Я имею в виду обобщающую похвальную формулу «яко столп непоколебим», обозначающую твердость подвижника не только в терпении, но и в вере вообще.

Топос «яко столп непоколебим», придя в древнерусскую агиографию, как и многие другие этикетные формулы, из византийской традиции,³⁹ получил широкое распространение в житиях, похвальных словах и службах святым. Назову лишь некоторые тексты, в которых он использован.

В самом раннем из древнерусских агиографических памятников, содержащих формулу непоколебимого столпа, — Сказании о Борисе и Глебе — этот топос присутствует в особой форме, наиболее близкой к библейскому чтению, к которому он восходит: «Вы убо небесная чловѣка еста, земляная ангела, стѣлна и утвържение землѣ нашея».⁴⁰

В большинстве других памятников формула столпа уже содержит определение, передающее идею непоколебимости:

Похвальное слово Кириллу и Мефодию: «...недвижима стѣлна Христовѣ церкви»;⁴¹

повествующих о потере святым близких Так, в Житии Юлиании Лазаревской, рассказывающем о том, что шестеро из тринадцати детей святой умерли во младенчестве, говорится «О умерших же младенцахъ благодаряше Бога, по Иову глаголюще „Господь даде, Господь и взятъ“» (Иов 1 21) Цит по изд Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осориной) / Исследование и подгот текстов Т Р Руди СПб, 1996 С 129—130 Другим вариантом реализации мотива подражания Иову в житиях святых является формула «новый Иов» (или «второй Иов»), представляющая собой важную для средневекового сознания категорию *translatio nominis* Приведу лишь один пример Святой Симеон Столпник (ср восхождение на столп как испытание веры — столп терпения / столп веры) чтобы испытать себя в терпении, добивается гниения собственного тела, крепко обвязав себя колодезной веревкой («возгноися тѣло его от ранъ, яко угрызеса вервь до костей, и возсмѣрдѣ зѣло, еже и червми воскипѣ») — и таким образом подражая праведному Иову «Он же, яко другой Иовъ терпя, прилагаше черви къ язвѣ, глаголя „Ядѣте, яже вамъ Богъ даде“» (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 452, л 242, 246 об, ср также в другом фрагменте жития «Се же слышав, игумень ужасень бывъ < > и рече „Се есть новый Иевъ“») О мотиве «святой — новый Иов» в Житии Филарета Милостивого см Ludwig C Sonderformen byzantinischer Hagiographie und ihr literarisches Vorbild Untersuchungen zu den Viten des Asop, des Philaretos, des Symeon Salos und des Andreas Salos Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 1997 S 79—88 (Berliner byzantinistische Studien Bd 3)

³⁸ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 41, л 354—354 об

³⁹ Приведу в качестве примера цитату из Канона Иоанну Воину «Якоже столпъ непоколебимъ свыше сердце твое, всечестнѣ Иоанне, имѣя любовь мученикомъ Христовымъ, сотворишь еси не бояся царева суровства, тѣмже в любви Господни утверждатися намъ помози» (ирмос 3-й песни, цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 513, л 34)

⁴⁰ Цит по изд БЛДР Т I С 348 Ср «Церковь Бога жива столпъ и утверждение истины» (1 Тим 3 15)

⁴¹ Цит по словарю Slovník jazyka staroslověnského Praha, 1983 Т 4 (вып 36) С 167

Житие Евфросина Псковского: «И сия видев оный старец — преподобнаго Ефросина стояща яко аггела, *тверда столпа неподвижима*, братия же тако»;⁴²

Житие Александра Свирского: «Александръ есть молитвеникъ, *столпь непоколебимъ*, древо коренисто и плодовито...»;⁴³

Похвальное слово Никите Переяславскому: «Сей бо преподобный отецъ нашъ яко свѣтъ возсия посредѣ тмы <...> *яко градъ непотрясомъ и яко столпь непоколебимъ*...»;⁴⁴

Похвальное слово Ефрему Новоторжскому: «Сей бо преподобный отецъ Ефремъ яко свѣтило возсия посреди тмы <...> *яко градъ непотрясомъ и яко столпь непоколебимъ*, яко вѣнецъ пресвѣтлый...»;⁴⁵

Служба Александру Ошевенскому: «Радуйся, *мирови явися столпь непоколебим*, радуйся, свѣтилнице, сияя чудесы...»;⁴⁶

«Похвальное слово русским преподобным» Сергия Шелонина: «Или кто не вѣсть нового Моисея Ефиопа <...> Никиту, глаголю, *столпа непоколебимаго подвига*, постничества и мученичества вѣнцем увязена...»;⁴⁷

В Житии Юлиании Лазаревской топос столпа представлен в распространенном виде. Говоря о том, что блаженная «от невегласивых бѣше посмехаема о добрых делех», автор замечает: «Но никоеже споны солнечной красоте сотвори гнойная нечистота, *бе бо яко столп, основан на камени, емуже река припаде и возвяху ветри, но никакжевозможа поколебати*».⁴⁸

Формула «яко столп непоколебим» может применяться в житиях не только к самому святому, но и к его окружению. Так, Пахомий Серб, описывая посещение им Кириллова монастыря во время сбора сведений для написания Жития Кирилла Белозерского, называет непоколебимыми

⁴² Цит по Охотникова В И Краткая редакция Жития Евфросина Псковского С 612 Ср в завершающей похвальной части жития «Радуйся, земный аггеле и небесный человеце, обителище бысть Святаго Духа, *целомудрию столп непревратный*» (Там же С 614) Примечательно, что в обоих случаях топос столпа здесь используется одновременно с другим наиболее часто употребляемым топосом житий преподобных — мотивом уподобления монахов ангелам («стояща яко аггела» в первом фрагменте и знаменитая формула «земный аггеле и небесный человеце» — во втором)

⁴³ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 208, л 161

⁴⁴ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 634, л 69 В Словаре И И Срезневского зафиксирована формула из Маргарита XVI в, представляющая собой, возможно, контаминацию двух образов, присутствующих в Похвальном слове Никите Переяславскому («яко град непотрясом, яко столп непоколебим») «Яко же нырь непотрясомъ», где «нырь» имеет значение «башня, столп», соответствующее греческому ὁ πύργος (см Срезневский Материалы СПб, 1895 Т 2 Стб 482)

⁴⁵ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 186, л 95 об—96 Нетрудно заметить, что цитированные фрагменты Похвальных слов Ефрему Новоторжскому и Никите Переяславскому фактически идентичны, что заставляет предположить некоторую — прямую или опосредованную (через общий источник) — зависимость текстов двух этих памятников О житиях и похвальных словах Ефрему Новоторжскому и Никите Столпнику Переяславскому см соответственно Словарь книжников Вып 1 С 148—150 (словарная статья Н Ф Дробленковой), Там же Вып 2, ч 1 С 307—310 (статья Н В Поньрко, исследовательница отмечает в краткой Похвале Никите Столпнику, использующей многочисленные этикетные похвальные формулы, наличие некоторых несоответствий житию святого (так, например, святой именуется «началником мнихом»), что, по-видимому, может свидетельствовать о том, что ее автор очень мало знал о святом (С 309) и создавал ее преимущественно «по образцам»)

⁴⁶ Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 193, л 11

⁴⁷ Цит по Панченко О В Из археографических разысканий в области словесной книжности I «Похвальное слово русским преподобным» — сочинение Сергия Шелонина (вопросы атрибуции, датировка, характеристика авторских редакций) // ТОДРЛ СПб, 2003 Т 53 С 585

⁴⁸ Цит по изд Житие Юлиании Лазаревской С 123 Ср использование традиционной формулы в другом фрагменте жития «Она же ни от чего не смущашесе, *но аки столп непоколебим непрестанно стояше*, и всю надежду свою на Бога возлагаше » (С 127)

столпами учеников святого, во всем подражавших своему учителю: «Обрѣтох же тамо и иных многихъ от ученикъ его. Яко столпи непоколѣбимии въистинну пребывающе, иже многа лѣта живше съ святымъ, въ всем ревнующе учителю своему, яже научени бывше отъ него»⁴⁹ Примечательно, что автор Жития Мартиниана Белозерского — неизвестный инок Ферапонтова монастыря, который во многом ориентировался на сочинение Пахомия, — также включил этот рассказ в свой текст.⁵⁰

Для описания твердости святого в вере или терпении в агиографической традиции используется и другая восходящая к библейскому чтению устойчивая формула: подвижник зачастую сравнивается с драгоценным камнем — адамантом⁵¹ (от греч. ὁ ἄδαμας — сталь, символ крепости; позднее — алмаз⁵²), не подверженным каким бы то ни было воздействиям.⁵³ Приведу некоторые примеры:

«Онъ же, яко твердый адамантъ, вся сия крѣпцѣ трѣпяше»;⁵⁴

«Он же молитву шептаниемъ устен знаменоваше, да яко и воины изнемогше, биюще адамантеския оны душа уды»;⁵⁵

«Он же, яко твердый адамантъ, заплєва лице их и веру ихъ прокля»;⁵⁶

⁴⁹ Цит по изд Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские С 54

⁵⁰ См Там же С 270 Ср также характеристику Василия Шуйского в Житии Димитрия Угличского (Милотинской редакции) и др

⁵¹ Ср библейское описание 3-го видения пророка Амоса «Сие показа ми Господь и се, мужъ стойи на оградѣ адамантовѣ, и въ руцѣ его адамантъ И рече Господь ко мнѣ что ты видиши, Амосе? И рѣхъ адамантъ И рече Господь ко мнѣ се, азъ учиню адаманта средѣ людий моихъ Израшля, к тому не приложу, еже мимоити его» (Амос 7 7--8) В эзегетической традиции — например, у Кирилла Александрийского — известно толкование этого фрагмента как говорящего о Христе (см А Patristic Greek Lexicon P 29, ср позднейшее толкование Корнелия а Лапиде, понимающего под «оградой адамантовой» святых и апостолов (см об этом Ohly F Diamant und Bocksblut Zur Traditions- und Auslegungsgeschichte eines Naturvorgangs von der Antike bis in die Moderne Berlin, 1976 S 70)) Иоанн Златоуст в своих гомилиях называет «адамантами» праведного Иова и апостола Павла (в отношении последнего он использует словосочетание «духовный адамантъ» — ὁ πνευματικὸς ἄδαμας, см А Patristic Greek Lexicon P 29) Другие примеры использования лексемы «адамантъ» и ее производных см, например, в кн Алексеев П Церковный словарь, или Истолкование славенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в Священном Писании 4-е изд СПб, 1817 Ч 1 С 6—7, об использовании мотива адаманта в античной и христианской традициях см также Hermann A (Stumpf P) Diamant // Reallexikon für Antike und Christentum / Herausgegeben von Theodor Klauser Stuttgart, 1957 Bd 3 Sp 955—963

⁵² См Греческо-русский словарь, изданный Киевским Отделением Общества классической филологии и педагогики Обработал А О Поспишил 2-е изд Киев, 1890 С 12

⁵³ Сходная формула имела широкое хождение и в гимнографии Одним из источников ее в славянской традиции могла быть, по-видимому, переводная самоподобная стихира на стиховне 4-го гласа «Умнаго адаманта (вариант Разумнаго адаманта / Τον σοφρον ἄδαματον) терпение, братие, духовно восхвалив » (Минея, 23 апреля) См Момина М А Самоподобные песнопения (ἑυτομελα) в церковнославянских богослужебных рукописях // Русь и южные славяне Сб статей к 100-летию со дня рождения В А Мошина / Сост и отв редактор В М Загребин СПб, 1998 С 182

⁵⁴ Житие Макария Калязинского (цит по ркп РНБ, Соловецкое собр., № 826/936, л 513 об) Эта формула, использовавшаяся для описания борьбы святого с бесами, встречается и в других житиях (см, например, Житие Иоасафа Каменского и др)

⁵⁵ Житие Иоанна Нового Белгородского (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 1, л 83) Ср характеристику лежащего в болезни великого князя Василия Ивановича в Царственной книге «И внесоша его въ постельные хоромы, и тако изволением Божиимъ аще и крѣпцѣ болѣзнуа, но обаче адамантская его царева душа, крѣпчайшее благодарение и прилежные молитвы иже къ Богу непрестанно бяху въ устѣхъ его» (см Царственная книга // ПСРЛ СПб, 1906 Т 13, 2-я половина С 412), ср также «О твердыя и адамантская твоя душа!» (Минея месячная, 29 января, цит по Словарь церковнославянского и русского языка составленный Вторым отделением Императорской Академии наук СПб 1847 Т 1 С 3)

⁵⁶ Житие Иоанна Казанского (цит по Ольшевская В А, Травников С Н Житие Иоанна Казанского // Герменевтика древнерусской литературы М, 2000 Сб 10 С 364)

«Съй же блаженный, яко крѣпкий адамантъ, помощию Вышняго сего (т. е. дьявола. — Т Р) побѣди и козни разори и до конца без вѣсти сего сътвори»;⁵⁷

«Блаженный же аки адамантъ твердый пребываше, не сокрушаяся слезнымъ молениемъ родительнымъ»;⁵⁸

«...яко крѣпкий адамантъ душею, преподобный отецъ нашъ Дионисие постническое имѣ житие и въздержанію зѣлному прилежа»;⁵⁹

«...и по постижении моря обрѣтаеть сего твердаго адаманта, прежереченнаго блаженнаго старца Германа»;⁶⁰

«...но якоже адамантъ-камень ударяемъ не ослабляетъ, ниже умягчается и бьющее его сокрушается желѣзо, такоже блаженный неуклонно подвизаяся по апостольскому учению»;⁶¹

«...приступающыя ко всечестнѣй рацѣ и многоцѣлебнымъ мощемъ твердаго и доблаго сего адаманта, духовнымъ пивомъ напоившаго жаждащихъ души»;⁶²

«...но вся сия святыи терпѣше радостно, аки крѣпкий адамантъ, душею и умомъ неподвижимъ бысть»;⁶³ и др.

В последнем из приведенныхъ примеров, в Житии Нила Столбенского, в тоpos адаманта привнесенъ дополнительный мотив — мотив неподвижности, свойственный скорее тоposу столпа. Это — свидетельство того, что обе эти формулы в сознании древнерусского книжника имели одну и ту же функцию, а потому были, по-видимому, взаимозаменяемы или могли использоваться одновременно, дополняя друг друга. Яркий пример такой контаминации находим в Житии Варлаама Хутынского, составленном Пахомием Сербом. Описав брань святого с бесами, которые «преображася овогда во змиа, овогда во звѣри различныя, хотяща его разлучити от мѣста того», автор продолжает: «Иногда же и от челоувѣкъ пакости и печали приносяще ему, да поне досады челоувѣческыя не претерпити и отбѣгнеть от мѣста того. Но обаче „тии спяти быша и падоша“ (Пс. 19: 9), приразившеся твердому адаманту сами сотрошася, твердаго же столпа не поколебаша».⁶⁴

Этот эпизод из Жития Варлаама Хутынского был позднее дословно использован, в числе прочих, псковским книжником Василием-Варлаамом при составлении жития другого северного подвижника — Саввы Крыпецкого, таким образом, в Житии Саввы также имеет место контаминация тоposов столпа и адаманта.⁶⁵ То же сочетание мотивов, но в более пространным (с использованием морской тематики), стилистически украшенном варианте находим и в Житии Герасима Болдинского, написанном игуменом Болдина Троицкого монастыря Антонием. В сходном эпизоде — после описания борьбы преподобного с бесами и «пакостей», творимыхъ святому «злоковарными лукавыми челоуеками», — читаем: «Блаженный же, терпѣнню столпъ непоколебимый, яко крѣпкий адамантъ, при-

⁵⁷ Житие Никиты Новгородского (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 237, л 149)

⁵⁸ Житие Макария Унженского (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 21, л 62)

⁵⁹ Житие Дионисия Глушицкого (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 94, л 30)

⁶⁰ Житие Германа Соловецкого (цит по ркп РНБ, Соловецкое собр., № 183/183, л 21 об)

⁶¹ Житие Василия Блаженного (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 48, л 419 об)

⁶² Похвальное слово Федору, Давиду и Константину Ярославским (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 1, л 166 об—167)

⁶³ Житие Нила Столбенского (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 61, л 33)

⁶⁴ Цит по ркп РНБ, Q 1999, л 192

⁶⁵ Публикацию текста Жития Саввы см в статье Охотникова В И Рукописная традиция Жития Саввы Крыпецкого // ТОДРЛ СПб., 2001 Т 52 С 314—347 (интересующий нас эпизод см на с 318)

ражаясь от морскихъ волнь, неразбиваемъ бываишь, но паче волны от него разсытовахуся и в пѣны превращаешся, твердаго же столпа не поколебашъ, — сице и святой, ни во что же вмѣняя озлобления злоковарныхъ сихъ лукавыхъ человекъ, терпѣниемъ и молитвами одолеваше всѣхъ, опасно вѣдый, злаго стараго врага диявола наважение сие быти». ⁶⁶ Добавлю, что в Житии Зосимы и Савватия Соловецких, также в эпизоде борьбы святого с бесами, присутствует вариант того же топоса в близком лексическом выражении (с использованием цитаты из Псалтыри, ср. жития Варлаама Хутынского и Саввы Крыпецкого), однако без упоминания адаманта: «И сбыться на них реченное писание: „Тии и спяти быша, и падоша, твердаго же столпа поколебати не возмогоша“». ⁶⁷ В Житии же Мартирия Зеленецкого в сходном эпизоде, напротив, отсутствует упоминание столпа, однако, судя по конструкции фразы, можно предполагать, что в его источнике также имела место контаминация двух топосов — традиционный в отношении столпа глагол «поколебати» отнесен здесь к адаманту: «Никакоже возмогоша свирѣпии звѣрие твердаго сего адаманта, преподобнаго Мартирия, поколѣбати». ⁶⁸

Другой интересный пример трансформации топики столпа можно видеть в ряде житий преподобных: описывая пребывание святого в церкви, автор подчеркивает его физическую неподвижность как свидетельство сосредоточенности на молитве. Так, в Житии Кирилла Белозерского читаем: «Сам же блаженный Кирилъ николиже, въ церкви стоя, къ стѣнѣмъ преклонися или без време не посѣди, но нозѣ его бяху яко и столпие». ⁶⁹ Та же формула «нози-столпие» используется в других случаях при описании последних лет жизни святого, когда он, придя в глубокую старость, продолжает, несмотря на физическую слабость, усердно посещать церковную службу: «И елико состарѣвся возрастомъ, толико паче крѣпляшся и растяше усердиемъ, и божественыхъ подвиговъ мужественѣ и тепле касашся, никакоже старостию побѣжаемъ; нози бо его яко столпие бяху, день от дне яко степенемъ приближающа к Богу». ⁷⁰ Можно предположить, что

⁶⁶ Цит по Крушельницкая Е В Автобиография и житие в древнерусской литературе Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските Исследование и тексты СПб, 1996 С 221—222 Отмечу, что в заключительной похвальной части Жития Герасима Болдинского использован и рассмотренный нами ранее мотив долготерпения Иова «Видимъ бо бывающеи сие в немъ преже бывшихъ отецъ вослѣдования *трьпѣние Иовле во искушенихъ*, Иосифово и Яковле незлобие и Давидову кротость, Авраамле страннолюбие» (Там же С 249)

⁶⁷ Цит по Великия Миней Четии, собранныя Всероссийским митрополитом Макарием Апрель День 17 / Изд Археографической комиссии СПб, 1912 Стб 524 В другой редакции жития есть указание на то, что использованная цитата имеет источником Псалтырь «И сбыться на них реченое в псалмѣхъ „Тии спяти быша и падоша, твердаго же столпа поколебати никакоже возмогоша“» (ср «Тии спяти быша и падоша мы же востахомъ и исправихомся» — Пс 19 9), цит по Дмитриева Р П Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв Разные аспекты исследования / Отв ред Д С Лихачев СПб, 1991 С 242

⁶⁸ Цит по Крушельницкая Е В Автобиография и житие в древнерусской литературе С 315

⁶⁹ Цит по изд Преподобные Кирилл, Феррапонт и Мартириан Белозерские С 86

⁷⁰ Житие Авраамия Чухломского (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 48, л 342 об.) Ср соответствующий фрагмент Жития Сергия Радонежского, послужившего, возможно, источником цитированного фрагмента Жития Авраамия (см БЛДР СПб, 1999 Т 6 С 386) Этот топос в том же лексическом выражении встречается и в других житиях святых (см, например, жития Макария Калязинского и Нила Столбенского) Интересно, однако, отметить, что в некоторых случаях авторы, используя тот же лексический блок при описании усердия святого в старости, отказываются, — по-видимому, в соответствии с реальными фактами, — от формулы «нози-столпие» и используют ее «обратный вариант» Приведу для сравнения фрагмент из Жития Паисия Угличского « елико состарѣвся, толико пачѣ крѣпля-

этот вариант топоса представляет собой сочетание традиционного агнографического мотива «непоколебимого столпа» с символикой библейского описания ангелов Апокалипсиса: «И видѣхъ инаго аггела крѣпка сходяща съ небесе, оболчена во облакъ, и дуга над главою его, и лице его яко солнце, и нозѣ его яко столпи огнени» (Апок. 10: 1)⁷¹

Особенно интересный пример инаго осмысления устойчивой формулы «яко столп непоколебим» можно видеть в Житии Антония Сийского. Автор использовал здесь известный топос в нетрадиционной ситуации — при описании самоистязания святого, подставляющего свое тело на съедение комарам. Этот аскетический мотив часто встречается в житиях преподобных — начиная с Жития Феодосия Печерского⁷² Приведу, в качестве примера, яркий фрагмент из Жития Никиты Переяславского, ориентированного в этом сюжете, возможно, в определенной степени, на Житие Симеона Столпника (как и сам Симеон был, безусловно, «первообразом» или образцом для подражания для переяславского святого-столпника)⁷³ «И умысли в себѣ, рече „Аще тѣлом согрѣших, то тѣлом ми подобаеъ и пострадати *Аще не стерплю солнечныя теплоты и худыя сиа мшица вкушения, то како стерплю кромѣшнюю тму и черви неусыпающаго*“» И совлекъ с себе мирская одѣяния и сътвори себе понагу и шедъ въ тростие <...> И шедъ братъ, обрѣте и въ тростии лежаща, а паукомъ и мшицамъ на нем множество пребывающимъ, овѣмъ отлетающим, а овѣмъ по земли ползющим и от излишениа крови на землю каплющим»⁷⁴

шеся и растяше усърдием и божествѣнныхъ подвигъ божествѣнъ и тѣплѣ касашеся, старостию побѣждаеъ, елма от вѣликаго воздѣржания и стояния позѣ его нѣ можаху въ стоянии послужити, и сѣдѣшу ему въ свое правило держаше, и николиже молитва во устѣхъ его прѣста, паче же Исусова» (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 477, л 41 об—42)

⁷¹ Следует заметить, что тема уподобления монахов ангелам (а также подражания ангелам — *imitatio angelii*) является одной из важнейших составляющих топика житий преподобных См об этом Руди Т Р 1) «*Imitatio angelii*» (проблемы типологии агнографической топика) // РЛ 2003 № 2 С 48—59, 2) Средневековая агнографическая топика (принцип *imitatio* и проблемы типологии) // Литература, культура и фольклор славянских народов XIII Международного съезда славистов (Люблина, август 2003) Доклады российской делегации М, 2002 С 40—55

⁷² См БЛДР Т I С 376

⁷³ Симеон по требованию игумена уходит из монастыря и укрывается в высохшем колоде, полном гадов «Мнози гади в немъ живяху и мнози аспиди и ехидни и змиеви и скорпии множество» Примечательно, что и в житии другого русского столпника, преподобного Саввы Вишерского, присутствует мотив истязания плоти насекомыми «Той же преподобный Сава < > виден бѣ мимоходящими, стоя на молитвѣ пред образом пречистыа Богородицы во дни поста святыхъ апостоль Петра и Павла Лице его покровено бѣ множицею комаров и мшица до толика, яко ни тѣлесному зраку его во множествѣ их видетиася» (цит по Федотова М А К вопросу о Житии Саввы Вишерского // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 557) Однако подражание первому из столпников было свойственно и подвижникам, относящимся к другим типам святости Так, например, в Житии преподобного Даниила Переяславского говорится, что святой уже в детстве истязал себя, подражая Симеону Столпнику (см об этом Белоброва О А Житие Даниила Переяславского // Словарь книжников Вып 2, ч I С 258)

⁷⁴ Цит по ркп РНБ, Софийское собр., № 1419, л 431 Отмечу что присутствующее в этом фрагменте сопоставление истязания плоти насекомыми («худыя сиа мшица вкушения») с адскими муками («како стерплю < > черви неусыпающаго») является устойчивым мотивом житийной аскетики Ср., например, описание сходного эпизода в Житии Антония Сийского (святой обнажает тело для укусов комаров и оводов во время ночных трудов) «Стояше бо блаженный, рукама своима жито меляше, умом же своимъ небеснымъ поучаяся и молитвою своею в небесныя двери ударающе И в сихъ пребывающе, ревностию духовною распалаше боголюбивую душу свою, забываше плоть свою, не чюяше сѣдѣнии сихъ И тако подвизашеся, червей оныхъ сѣдѣние в память предлагаеъ» (цит по кн Рыжова Е А Антониево-Сийский монастырь Житие Антония Сийского Книжные центры Русского Севера Сыктывкар, 2000 С 285) Родственную природу имеет широко распространенный в житиях преподобных мотив сравнения огня в печи поварни с адским огнем (см., например, византийское Житие

В Житии Антония Сийского автор рисует не менее яркую картину самоистязания святого.⁷⁵ Приведу здесь полностью этот эпизод, соединяющий традиционную риторику с детальным описанием: «Внегда же молоти ему, обнажаше тѣло свое до пояса, и множество же овадовъ и комаровъ прилѣтающе, обсѣдаху тѣло его, ядыху тѣло его купно же и кровь его пияху. И толико бяше видѣти все тѣло его покровено бысть от множества их, яко и краем прѣста негде прикоснутися телеси его! Блаженный же Антоние ни къ единому же коснуса их и не двиняше их ни мало же. И кто не удивится блаженному тѣрпѣнию сятаго сего страдалца, видѣвши в глубоцѣ старости чюдное терпѣние, елико бо ядоху плоть его, толико блаженный сей неподвижим бываше, не преступая с мѣста на мѣсто ни семо, ни онамо, но яко столпъ непоколебимъ бяше или яко нечювьственъ нѣкако, исполумертва нареши его в непочювении бываемых!».⁷⁶

Как видим, при описании аскетических подвигов святого автор счел уместным использовать традиционный топос непоколебимого столпа, переведя его из области, так сказать, символично-метафорической («святой — столп терпения») во вполне конкретную плоскость: Антоний стоит неподвижно — «яко столпъ непоколебимъ бяше», подвергая себя укусам множества оводов и комаров, сплошь покрывших его тело. (Замечу в скобках, что использование традиционного топоса в нетрадиционной ситуации нарушило логику описываемого эпизода: Антоний всю ночь мелет зерно, оставаясь при этом неподвижным.)

Примечательно, что автор жития еще раз использовал тот же топос в его «реалистическом» наполнении, в другом эпизоде описывая подобную ситуацию. Святой подставляет свое тело на съедение комарам во время ловли рыбы, оставаясь при этом неподвижным: «Сплоти же себѣ преподобный плот в пустыни сей и на семь плотѣ рыбу удыше на озерѣ том на потребу свою. И внегда же удити ему на плотѣ сем, тогда блаженный обнажаше главу и плещи свои, и прилѣташе множество овадовъ и комаровъ, обсѣдаху все лице его, и шию, и плещи его, и пиаху кровь его нещадно. Преподобный же, *тѣрпѣния столпъ непоколебимый*, не двизаше их никакоже и ни единому перстом коснуса их, но тако даяше лице свое и плещи свои на снѣдение имъ, дондеже от рыбнаго ловления престати ему. Бяше же рыбное ловление его на много время продолжити ему, в то время продолженое множество комаровъ и овадовъ, яко рой, бяше видѣти над плещима преподобнаго толкущеса».⁷⁷

Подведем некоторые итоги. Проведенные наблюдения показывают, что топос «яко столп непоколебим», восходящий к библейским источникам и заимствованный, как и многие другие устойчивые литературные формулы, из византийской традиции, получил в древнерусской книжности широкое распространение. Он бытовал в агиографических текстах в нескольких вариантах, получая в разное время и у различных авторов

Евфросина-повара, жития Кирилла Белозерского, Феодосия Тотемского, Симона Воломского и др.) Об этом мотиве см подробнее Водолазкин Е Г Монастырский быт в агиографическом изображении («поварня» древнерусских житий) // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 48 С 229—231

⁷⁵ Я здесь имею в виду первоначальную редакцию жития, составленную в 1578 г иеромонахом Антониево-Сийского монастыря Ионой

⁷⁶ Цит по кн Рыжова Е А Антониево-Сийский монастырь С 285

⁷⁷ Там же С 288

новое наполнение, а также контаминируясь с другими родственными устойчивыми литературными формулами.⁷⁸

Топос «святой — столп веры» (или «столп терпения») имеет безусловную генетическую связь с темой столпничества вообще,⁷⁹ что нашло отражение и в поэтике житий святых, не являвшихся столпниками (в основном — в житиях преподобных, но не только).⁸⁰ Приведу лишь несколько примеров.

Житие Василия Блаженного: «Кто не похвалить сего богомудраго Василия и не удивится терпѣнию его в народъ живый безмолствуя, яко в столпъ пребывая».⁸¹

Житие Нила Столбенского: «И возложи преподобный отецъ нашъ Ниль сердечнаго своего желанія основание на камень, и възиде на него, и утверди на нем умныя своя стопы, и крѣпцѣ ста, и храбрски ополчися к борению на невидимаго врага».⁸²

Житие Германа Соловецкого: «Сей убо <...> иноческое пребывание паче возлюби, родителя и домъ оставя, Христу единому работати возжелѣ, великаго и славнаго моря-окияна на отокъ яко на нѣкий превысокий столпъ възиде со преподобными отцы Зосимою и Саватием, на немже пустыню обрѣте и сию слезами напои, и в ней жити паче царскихъ чертогъ жестокое житие»⁸³ изволи».⁸⁴

О значимости и месте топоса столпа в художественном сознании древнерусских книжников свидетельствует, помимо прочего, например, тот факт, что автор Жития Иринарха Ростовского — ученик святого, инок Борисоглебского монастыря старец Александр — включил этот топос, наряду с другими важнейшими формулами-характеристиками, в заглавие своего труда. «Житие и подвиги преподобнаго отца нашего воздержателя и столпа крѣпка и страдалца въ подвижѣхъ и наставника и учителя и затворника Борисоглѣбскаго монастыря, иже есть на Устье, старца праведна мужа Иринарха».⁸⁵

Другой яркий пример глубинного осмысления топоса столпа — Житие Андрея Денисова. Здесь автор — мастер риторики, говоря о противостоянии защитников древлего благочестия нововводимым церковным рефор-

⁷⁸ Следует отметить, что помимо рассмотренных основных вариантов топоса столпа («огненный столп», «столп терпения / столп веры», «непоколебимый столп») в агнографической традиции существуют, безусловно, и другие — находящиеся вне рамок топоса — варианты использования образа столпа, в которых он, будучи включен в новую парадигму, выполняет иные функции. См., например, интерпретацию семантического ряда «дерево — финик — кедр — столп» в предисловии к Житию Корнилия Выговского Маркасова Е. В. Предисловие к Житию Корнилия Выговского и традиция создания предисловий в агнографии XVII—начала XVIII в // ТОДРЛ СПб, 1999 Т 51 С 243—252 (особенно с 248, 250—251)

⁷⁹ О месте, которое занимал в средневековом сознании образ столпа в контексте темы столпничества, свидетельствует поразительное по силе сравнение столпа подвижников-столпников с крестом Христовым, читающееся в «Похвальном слове преподобным отцам и женам» Григория Цамблака О Симеоне Столпнике здесь сказано «Вѣм мужа < > самому Спасу странствіем поревновавши, и на столпъ возшедиша яко на крестъ» Этот пассаж позднее был использован Сергием Шелониным в «Похвальном слове русским преподобным» для похвалы русскому столпнику Савве Вишерскому (см Панченко О В Поэтика уподоблений С 517)

⁸⁰ Следует отметить, что столпники, которых в типологии святости обычно принято выделять в особый разряд, по типу подвига относятся, безусловно, к одному из основных чинов, — как правило, к преподобным

⁸¹ «Житие вкратце и слово похвалное святаго и праведнаго Христа ради юродиваго богоблаженнаго Василия, достоюднаго новаго чудотворца московскаго» (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, F 48, л 422)

⁸² Цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 61, л 24 об

⁸³ Исправлено мной, в ркп ошибочно «жижие»

⁸⁴ Цит по ркп РНБ, Соловецкое собр, № 183/183, л 29 об — 30

⁸⁵ Цит по ркп РНБ, собр А А Титова № 2025, л 54 об

мам, переносит характеристику непоколебимого столпа с конкретного подвижника на старообрядческое движение в целом, называя его вождей «непреклонными столпами нашего стояния»: «И егда на всю Россию мракъ новыхъ заблуждений нападе, тогда богоспасаемая страна сия зарею непорочнаго правовѣрія ясно озарися: сии бо предивнии мужие бяху нашего просвѣщения свѣтозарныя звѣзды, сии нашего утверждения крѣпкая основания, сии нашего ограждения нерушимая забрала, *сии нашего стояния непреклоннии столпы*, сии нашего украшения неувядаемии цвѣти».⁸⁶

И еще один интересный пример. Автор Жития Нифонта Новгородского, псковский агиограф Василий-Варлаам, заимствовал для своего текста предисловие из Жития Феодора Едесского, внося в него некоторые изменения.⁸⁷ Приведу оба фрагмента в сравнении:

Житие Феодора Едесского

« воистинну убо того благословити достойно есть и призывати, воспоминаия бо великаго мужа и яже о немъ подвиги и пошения и добродѣтели, не достоитъ бо таковыя меда сладчайшия пользы, великаго, реку, Феодора, бывша в велицѣй лаврѣ блаженнаго Савы, в забвение положити, аггельскимъ житиемъ и пребываниемъ прешедша, и по сем *священый престоль* украсившаго града Едесскаго»⁸⁸

Житие Нифонта Новгородского

« воистинну бо того достойно благословити и молитися ему непрестанно и призывати на помощь, сошедшимся намъ въ память святаго великаго отца, яже о немъ нынѣ списание впереди да глаголется, Нифонта реку, бывшаго въ велицѣй лавры Печерския божественныхъ отецъ Антония и Феодосия аггельскимъ житиемъ и пребываниемъ, пришедша и посемь *священця столпы* украсивша Великаго Новаграда»⁸⁹

Примечательно, что помимо необходимых исправлений (замены имен и географических названий) автор (или один из последующих переписчиков жития) внес в текст еще одно изменение: чтение «священный престоль» он заменил на «священция столпы», таким образом столпом здесь именуется не конкретный подвижник (в данном случае — святитель), а епископское служение вообще. Даже если эта замена не носила целенаправленного характера,⁹⁰ сам факт ее существования свидетельствует о том, что топоним столпа занимал довольно прочные позиции в сознании древнерусских книжников.

Итак, проведенные наблюдения позволяют заключить, что топоним столпа являлся одной из наиболее устойчивых и авторитетных литературных формул древнерусской книжности.⁹¹ О последнем свидетельствует, в част-

⁸⁶ «Житие и жизнь премудраго древняго благочестия учителя блаженнаго отца Андрея Дионисевича» (цит по ркп РНБ, собр ОЛДП, Q 60, л 16—16 об)

⁸⁷ Ср Житие Феодора Едесскаго СПб, 1879 Вып 1 С 5—8 (Изд ОДЛП, № 48) Отмечу, что предисловие к Житию Феодора Едесскаго («Благословень Богъ Отець Господь Вседержитель, творецъ небу и земли, видимым же всѣмъ и невидимымъ») было использовано также Дружиной Осорьиным при создании Пространной редакции Жития Юлиании Лазаревской (см Житие Юлиании Лазаревской С 120—122 и др)

⁸⁸ Житие Феодора Едесскаго С 6—7

⁸⁹ Цит по изд Памятники старинной русской литературы Вып 4 С 1

⁹⁰ Без географически вполне можно предположить) Могу только отметить, что чтение «священция столпы» зафиксировано не только в печатном издании текста Жития Нифонта Новгородского, но присутствует и в рукописной традиции памятника (см, например, ркп РНБ, собр ОЛДП, F 189, л 78 об—79)

⁹¹ Показательно, что, пережив средневековье, он вошел и в культурное сознание нового времени («Столп и утверждение истины» (1 Тим 3 15) о Павла Флоренского, «столпы церкви», «столпы общества», «столпы науки» и др)

ности, и тот факт, что «непоколебимым столпом», среди прочих похвальных формул, в гимнографической традиции может именоваться и Пресвятая Богородица: «О Пресвятая Богородице Дѣво, Владычице, вышшая аггелъ и архаггелъ и всея твари честнѣйшая, аггельское великое удивление, пророческая высокая проповѣдь, апостолская преславная похвало, святителемъ изрядное украшение, мученикомъ крѣпкое утверждение, инокомъ спасительное наставление, постникомъ неизнемогающее воздержание, дѣвствующимъ чистото и славо <...> несквѣрная невѣсто, палато Духа Пресвятаго, огненный престоле невидимаго Царя, небесный кивоте, носило Слова Божия, огнеобразная колеснице, покоище Живаго Бога, неизреченное составление плоти Христовы, гнѣздо орла небеснаго, горлице богогласная, голубице кроткая <...> чаше Царя Небеснаго, въ нейже растворися от Духа Свята вино неисчерпаемая благодати, ходатаице закона, зачало истинныя вѣры Христовы, непоколебимый столпе, еретикомъ пагубо, мечю ярости Божия на богопротивныхъ, бѣсомъ устрашение, въ бранехъ побѣждение, христианомъ всѣмъ неложная хранителнице и миру всему извѣстное спасение!». ⁹²

⁹² «Молитва по Акафисте къ Пресвятѣй Богородицѣ» (цит по ркп РНБ, собр А А Титова, № 4192, л 276—277 об)

Житие Кирилла Туровского в составе Пролога

Житие Кирилла Туровского читается в рукописных и печатных Прологах под 28 апреля, днем памяти Кирилла. Здесь сообщается о том, что Кирилл родился в Турове у богатых родителей; с детства он изучал божественные писания и стал монахом; он так усердно подвизался в иноческих подвигах, что даже на некоторое время уходил в затвор как столпник. Благодаря этому подвигу имя Кирилла прославилось по всей стране, а потому, умоленный от князя и народа Турова, он был возведен в епископский сан. Кирилл обличил за ересь епископа Федорца. Князю Андрею Боголюбскому он написал много посланий; автор Жития рассказывает о церковно-учительной деятельности Кирилла и заканчивает Житие похвальным словом.

Еще А. И. Пономарев в статье, предваряющей издание сочинений Кирилла Туровского, заметил, что Житие дает не так уж много материала к биографии Кирилла: два-три исторических факта, для которых есть некоторые разъяснения в летописях, и довольно общие и неопределенные заявления о его учености и учительности.¹ Тем не менее для исследователей произведений Кирилла Туровского всякое сообщение Жития является драгоценной крупницей, дающей ключ к тому, чтобы строить догадки об обстоятельствах жизни и литературной деятельности русского Златоуста.²

Накопление сведений о рукописной традиции Жития происходило постепенно. К. Ф. Калайдович в предваряющей исследовательской статье его «Памятников» упомянул о включении Жития Кирилла Туровского в ряд печатных Прологов.³ После него в 1827 г. митр. Евгений в «Словаре историческом о бывших в России писателях духовного чина» в статье «Кирилл Туровский» обратил внимание на то, что в некоторых рукописях, содержащих Житие (каких именно, он не указывает), к сообщению о созданных Кириллом Туровским писаниях прибавлено: «Канон великий

¹ Пономарев А. И. Св. Кирилл еп. Туровский и его церковно-учительные произведения // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1894. Вып. 1. С. 89.

² Например, в тексте Жития говорится о том, что Кирилл Туровский написал много сочинений князю-современнику Андрею Боголюбскому, на этом основании архиеп. Филарет отождествлял сохранившиеся слова Кирилла на праздники с посланиями Кирилла к Андрею Боголюбскому (см. Филарет. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1857. С. 39). Проблема отождествления известных поучений Кирилла Туровского с его посланиями к Андрею Боголюбскому стоит перед исследователями и до нынешнего дня (см. Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 91).

³ Калайдович К. Ф. Памятники российской словесности XII века. М., 1821. С. IX—

о покаянии сотвори к Господу».⁴ Следуя за мигр. Евгением, Филарет Гумилевский в 1849 г. в своей «Истории русской церкви» упоминает о существовании двух вариантов Жития: менее подробного и более подробного.⁵

В 1858 г. М. И. Сухомлинов во втором томе «Рукописей гр. Уварова» издает Житие Кирилла Туровского по двум спискам: по Прологу XVI в собр. Румянцевского Музеума, № 322⁶ и по Сборнику 1642 г. Уваровского собр., № 533, Q (Цар. 396).⁷ При этом М. И. Сухомлинов замечает. «Новейшие исследователи ссылаются обыкновенно на Пролог Румянцев. Музеума № 322», потому что «в нем подробнее, чем в печатном, говорится о сочинениях Кирилла Туровского», имея в виду добавление о принадлежности Кириллу покаянного канона.⁸

В 1907 г. Н. К. Никольский издает Житие Кирилла Туровского по пергаменному списку Спасо-Прилуцкого Пролога XIV в. из собрания Санкт-Петербургской Духовной академии⁹ (в этом списке нет вышеуказанного более подробного перечисления сочинений Кирилла). При этом Н. К. Никольский отмечает важность проложного Жития как ценного источника для проверки подлинности приписываемых Кириллу Туровскому сочинений.¹⁰

Многие исследователи церковно-учительного творчества туровского епископа, начиная свои труды с краткого очерка его жизни, опирались на материал Жития, но при этом все они, от К. Ф. Калайдовича до Е. Б. Рогачевской, обращались к случайным, в той или иной степени, спискам.¹¹

Текстологический анализ Жития до сих пор не проделан, рукописная традиция этого памятника остается неизученной.

На сегодняшний день нами рассмотрен 71 Пролог мартовского полугодия XIII—XVI вв., в которых обнаружено 14 списков Жития Кирилла Туровского; все они входят в состав Пролога 2-й редакции.

⁴ Евгений (Болховитинов) *Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина* 2-е изд. СПб., 1827 С 331

⁵ Филарет (Гумилевский) *История русской церкви* Период I Харьков, 1849 С 68

⁶ См описание этой рукописи Востоков А. Х. *Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума* СПб., 1842 С 457 Здесь упоминается о том, что в указанном списке Жития о сочинениях Кирилла сказано подробнее чем в печатном Прологе

⁷ [Сухомлинов М. И.] *Рукописи графа Уварова* СПб., 1858 Т 2 С 1—2

⁸ Там же С 156 Почти все исследователи творчества Кирилла Туровского пользовались более подробным и, как считали некоторые, «более древним рукописным житием» См Филарет (Гумилевский) *История русской церкви* Период I С 69 (здесь Филарет определяет уже указанное Евгением (Болховитиновым) извлечение из рукописного Пролога как «древнее чтение») Некоторые исследователи без всякой оговорки цитировали более подробный текст проложного Жития, считая его более древним (см Кн Эристов *Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых* СПб., 1862 С 133, Истрин В. М. *Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода XI—XIII вв* Пг., 1922 С 178)

⁹ Никольский Н. К. *Материалы для истории древнерусской духовной письменности* № I—XXIII // *СОРЯС* СПб., 1907 Т 33 С 62—64

¹⁰ Там же С 62

¹¹ См Макарий (Булгаков) *История русской церкви* СПб., 1868 Т 3 С 307, Голубинский Е. Е. *История русской церкви* М., 1904 Т 1, ч 1 С 656, Владимиров П. В. *Древняя русская литература киевского периода XI—XIII вв* Киев, 1900 С 152, *Православная Богословская Энциклопедия* СПб., 1909 Т 10 С 398 (статья Ф. Титова «Кирилл еп Туровский»), Franklin Simon *Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'* Cambridge (Mass.), 1991 С 169—170, Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.)* 2-е изд., испр и доп для русского перевода СПб., 1996 С 167, Рогачевская Е. Б. *Цикл молитв Кирилла Туровского* М., 1999 С 7—8

Хотя основной сюжет Жития является очень стабильным, известные списки Жития четко разделяются на две группы по некоторым существенным различиям, одно из которых уже отметил М. И. Сухомлинов.

Текст первого вида сохраняется в следующих списках:

1. РНБ, собр. СПбДА, А.І, № 264, т. 2, Пролог 2-й редакции, XIV в., л. 83 об.—84.¹²
2. РНБ, Ф.І, № 757, Пролог 2-й редакции, кон. XV—нач. XVI в., л. 177—178 об.¹³
3. РНБ, собр. Погодина, № 602, Пролог 2-й редакции, кон. XV—нач. XVI в., л. 153 об.—154 об.¹⁴
4. РНБ, Софийское собр., № 1344, Пролог 2-й редакции, XVI в., л. 150—151.¹⁵
5. РНБ, Софийское собр., № 1348, Пролог 2-й редакции, XVI в., л. 132—133.¹⁶
6. РНБ, Ф.І, № 277, Пролог 2-й редакции, XVI в., л. 89 об.—90.
7. БАН, собр. Каликина, № 36, Пролог 2-й редакции, XVI в., л. 178 об.—179 об.¹⁷
8. ГИМ, Уваровское собр., № 1819 (533) (Цар. 396), Сборник 1642 г., л. 173 об.—175 (по изданию М. И. Сухомлинова, с. 1—2)¹⁸
9. Пролог печатный М., 1643, л. 302—303 об

Списки, которые сохраняют текст Жития второго вида, следующие:

10. БАН, Архангельское собр., Д. 100, Пролог 2-й редакции, XV в., л. 107—108.¹⁹
11. РНБ, собр. Титова, № 1219, Пролог 2-й редакции, XV—XVI вв., л. 106—107.²⁰
12. РНБ, Софийское собр., № 1343, Пролог 2-й редакции, XVI в., л. 120 об.—122.²¹
13. РНБ, собр. Погодина, № 620, Пролог 2-й редакции, перв. треть XVI в., л. 65 об.—66 об.²²
14. РГБ, собр. Румянцева, № 322, Пролог 2-й редакции, XVI в., л. 239 об.—241.²³

Среди наиболее отчетливых различий двух видов текста можно выделить пять различий.

¹² Описание рукописи см Описание русских и славянских пергаменных рукописей Л, 1953 С 58, Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР // АЕ за 1965 г М, 1966 С 269

¹³ Описание рукописи см Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР) / Сост А А Турилов М, 1986 С 272

¹⁴ Описание рукописи см Рукописные книги собрания М П Погодина (каталог) СПб, 1992 Вып 2 С 204

¹⁵ Описание рукописи см Абрамович Д И Описание рукописей С-Петербургской духовной академии Софийская библиотека СПб, 1907 Вып 2 С 266

¹⁶ Там же С 268

¹⁷ Благодарю О А Белоброву, указавшую мне этот список

¹⁸ Описание рукописи см Леонид, архимандрит Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А С Уварова М, 1894 Ч 4 С 129—130

¹⁹ Описание рукописи см Описание рукописного отдела БАН СССР Л, 1989 Т 8, вып 1 «Рукописи Архангельского собрания» С 234

²⁰ Описание рукописи см Охранный каталог славяно-русских рукописей А А Титова Ростов, 1883 Вып 2 С 68

²¹ Описание рукописи см Абрамович Д И Описание С 266

²² Описание рукописи см Рукописные книги собрания М П Погодина С 229

²³ Описание рукописи см Востоков А Х Описание русских и славянских рукописей С 457

Первый вид

1. Съ бѣ блаженный Кюриль рожа и въспитанье града Турова ²⁴

2. И бысть добръ подвизаяся по церкви Божие и Федорца же, за укоризну тако нарѣцаема, сего блаженный Кюриль от Божественныхъ писаний ересь обличи и проклять его *Андрѣю боголюбивому* князю многа посланья написа

3. Андрѣю боголюбивому князю многа посланья написа, книги написа Еуангельскихъ и пророческихъ сказаний, яже суть на праздники господския и на душеполезная в нихъ словеса, и яже молитвы, и хвала многымъ святымъ Си вся множайшая написавъ и церкви предастъ, яже и донынѣ держдать вѣрныя русьския люди

4. Радуйся, святителю честный и учителю, другой *Златословесный* намъ в Руси

5. Моли о насъ Вседержителя, емуже нынѣ предстоиши с дерзновеньемъ, *от належашая бѣды* намъ избавитися, от безбожныхъ агарянь, присно мучащихъ насъ (РНБ, собр СПбДА, А I, № 264, т 2, л 83 об—84)

Второй вид

Сей блаженный Кириль бѣ рождением и въспитанием града Турова, *в Русстѣй страѣ тако нарецаема* ²⁵

Бысть добръ подвизаяся по церкви Божией, Федорца же *еретика епископа*, за укоризну тако нарицаемаго, сего блаженный Кириль от Божественныхъ писаний ересь обличи и проклять его *Андрею же Боголюбскому* князю многа посланья написа

Андрею же Боголюбскому князю многа посланья написа от Еуангельскихъ и пророческихъ писаний, яже суть *чтомы* на праздники господския, и ина многа душеполезная написа словеса, яже к Богу молитвы, и похвалы многымъ святымъ Си вся и ина множайшаа написавъ и церкви предастъ, *и канонъ великий о покаянии створе к Господу по главамъ азбуки, си же и донынѣ* држдать рустии вѣрнии людие

Радуйся, святителю честный учителю *наш*, другой *Златоусте* *иже* намъ в Руси

Моли о насъ Вседръжителя, емуже нынѣ предстоиши съ дрзновениемъ, *от належашихъ бѣд и томления поганскаго* избавитися, от безбожныхъ агарянь, присно мучащихъ ны (РНБ, собр Погодина, № 620, л 65 об—66 об)

Очевидно, что текст второго вида несколько подробнее текста первого вида. Является ли текст второго вида результатом добавлений и изменений, внесенных в текст первого вида, или же первый вид является результатом сознательного удаления из текста второго вида некоторых лишних эпитетов и сведений?

Для решения этого вопроса особенно важное значение имеет различие 3. Здесь текст Жития второго вида отличается от текста первого вида в первую очередь упоминанием «канона великого о покаянии к Господу по главамъ азбуки» как об одном из кирилловских сочинений.

Нам известен покаянный канон с акростическим азбучным построением, надписываемый именем Кирилла, — РНБ, Софийское собр., № 1052 (старый шифр: Нов. Соф. 13 (15)), Обиход церковный, XIV в., л. 220 об.—229 об. В этом списке канон озаглавлен как «Канон молебен *Кюрила грѣшнаго*». ²⁶

Существование канона покаянного, надписываемого именем Кирилла (о том, что перед нами авторское заглавие, а не псевдоэпиграф, свидетельствует покаянный эпитет «грѣшный», прилагаемый здесь к имени Кирилла), показывает, что информация об этом каноне в Житии второго вида является достоверной. ²⁷ И, значит, перед нами свидетельство того, что текст Жития первого вида, где канон еще не упомина-

²⁴ Здесь и далее мы цитируем текст Первого вида по древнейшему списку РНБ, собр СПбДА, А I, № 264, л 83 об—84

²⁵ Здесь и далее мы цитируем текст Второго вида по списку РНБ, собр Погодина, № 620, л 65 об—66 об

²⁶ См публикацию канона по списку Софийского собр., № 1052 Макарий (Булгаков) История русской церкви Т 3 С 139—141, 310, 319—324, примеч 239, Понырко Н В Покаянные каноны Кирилла Туровского (вопросы атрибуции) // Наст изд С 252—256

²⁷ О покаянном великопостном каноне Кирилла Туровского см Понырко Н В Покаянные каноны Кирилла Туровского С 240—252

ется, является первичным. Так как если предположить, что текст первого вида вторичен, то надо будет признать, что его составитель вычеркнул из первоначального более полного перечня произведений Кирилла Туровского, представленного в Житии второго вида, упоминание о покаянном каноне Кирилла Туровского, что не может найти разумных объяснений.

При этом, что особенно важно, в Житии второго вида мы наблюдаем следы «раздвижки» текста этой вторичной вставкой, так что становятся видны так называемые швы в связанной ткани повествования.

В тексте первого вида сначала перечисляются обозначенные по жанрам творения Кирилла: «...**послання** написа, книги написа <...> на праздници господьския и на душеполезная <...> словеса, и <...> **молитвы**, и хвала многым святымъ», а затем дается итоговая концовка этого перечисления: «**Си вся <...> написавъ и церкви предасть**». В тексте же второго вида после этого обобщающего заключения неожиданно появляется дополнительное сообщение о сотворении Кириллом еще и покаянного канона («**Си вся и ина множайшаа написав и церкви предасть, и канонъ великий о покаание створе к Господу по главам азбукии**»); и это показывает вторичный характер вставки о покаянном каноне, так как она разрушает, синтаксически и по содержанию, итоговый смысл концовки, посвященной творениям Кирилла.

Вывод о первоначальности текста первого вида подтверждают и другие разночтения. Обратим внимание на уточнение, внесенное в текст второго вида в примере 2, где речь идет о ереси обличенного Кириллом Туровским ростовского епископа Феодорца. Если в тексте первого вида этот епископ, сведенный Андреем Боголюбским с кафедры и казненный в Киеве в 1169 г. (по Лаврентьевской) или в 1172 г. (по Ипатьевской летописи) как еретик ослеплением и урезанием руки и языка,²⁸ назван просто Федорцом («...Феодорца же, за укоризну тако нарѣцаема, сего блаженный Кюриль <...> ерьсь обличи...»), то в тексте второго вида к имени Федорца добавлено уточнение: «еретика епископа». Это свидетельствует о большей близости первого варианта ко времени упоминаемых в тексте событий: назвать центральную фигуру столь исключительных событий просто Федорцом, без уточнения его статуса и сана и без всякой отсылки к исторической ситуации, можно было лишь при достаточно небольшой временной дистанцированности от той исторической ситуации, когда как для автора, так и для его читательской аудитории достаточно было пренебрежительного упоминания одного лишь имени избличенной Кириллом персоны, чтобы обозначить известную всем ситуацию. Позже этого было уже недостаточно, и на большем временном отдалении потребовалось пояснение: «...Феодорца же, *еретика епископа*...».

В том же примере 2 князь Андрей Юрьевич в тексте первого вида назван «боголюбивым», а в тексте второго вида — «боголюбским». Нам удалось заметить интересный факт: в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, в составе которых, по мнению исследователей, отразилось южнорусское летописание (в частности, так называемая Киевская летопись),²⁹ владими́ро-суздальский князь Андрей Юрьевич ни разу не назван «Боголюбским».

²⁸ См. ПСРЛ М, 1997 Т 1 Стб 356, ПСРЛ М, 1962 Т 2 Стб 552—553

²⁹ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века М., 1969 С 83—87

Лаврентьевская летопись

Того же лѣта (6668) создана бысть церкы святая Богородица в Володимери благовѣрнымъ и боголюбивымъ княземъ Андрѣемъ и украси ю дивно многоразличными иконами³⁰

Ипатьевская летопись

Того же лѣта (6669) докончана бысть церкви святяга Богородица Володимири каменная благовѣрнымъ боголюбивымъ княземъ Андрѣемъ, и украси ю дивно и многоразличными иконами

Того же лѣта (6682) Андрѣй князь Суждальскый розыгнѣвася на Ростиславичи про Григоря про Хотовича, зане воли его не учиниша³¹

Лаврентьевская летопись

О убьенъи Андрѣевѣ В то же лѣто убьенъ бысть великий князь Андрѣй, сынъ великаго князя Георгия, внукъ Мономаха Володимира, убьенъе же его послѣди скажемъ Се благовѣрный и христоролюбивый князь Андрѣй от млады версты Христа возлюби и всепречистую его Матерь, смыслъ бо очистивъ и умъ, яко полату красну сию създа въ Володимери и в *Боголюбъи* < > Убьен же бысть месяца июня въ 29 день на память святою апостолу Петра и Павла в субботу на ночь < > и на ковръ клирошане *боголюбьскыи* внесоша ѥ в божицю < > горожане же *боголюбьскыи* и дворане разграбиша домъ княжь < >

Феодуль же игумень святое Богородици Володимерское с клирошаны < > ѣхаша по князя в *Боголюбое* и взямше тѣло его въ 5 день въ четвергъ³²

Ипатьевская летопись

В лѣто 6683 убьенъ бысть великий князь Андрей Суждальскый, сынъ Дюрдева, внукъ Володимѣря Мономаха, мѣсяца июня въ 28-й день, канунъ святыхъ Апостоль < > Создалъ башеть собѣ город камень, именемъ *Боголюбый* [вар *Боголюбъ*], толь далече якоже Вышегород от Киева, такоже и *Богълюбый* от Володимѣря Сый благоверный и христоролюбивый князь Андрѣй от млады версты Христа возлюбив < > Сей же благолюбивый [вар *боголюбивый*] князь не за друга, но за самого Творца, создавшаго всячская от небытъя в бытъе, душою положи < >

И пришедше клирошани *боголюбьскыи* и взямше и внесоша въ божицю < > *Горожанѣ* *боголюбьци* разграбиша домъ княжь < > И бысть по малъ времени, и поча выступати стягъ от *Боголюбого*, и людье не могоша ся ни мало удержати³³

Также и в Радзивилловской летописи, и в Летописце Переяславля-Суздальского, в которых, как считается, отразился владимирский летописный свод начала XIII в.,³⁴ Андрей Юрьевич нигде не называется «Боголюбским», но «Андрѣй», «Андрѣй князь», «Андрѣй князь великий», «благовѣрный князь Андрѣй», «христоролюбивый князь Андрѣй», «христоролюбивый и благовѣрный князь Андрѣй», «благовѣрный и боголюбивый князь Андрѣй», «правдивый и благовѣрный Андрѣй».³⁵

Прозвище «Боголюбский», употребляемое по отношению к владими́ро-суздальскому князю Андрею Юрьевичу, мы находим в Софийской I и Новгородской 4 летописях, которые, по мнению исследователей, отражают гораздо более поздний этап русского летописания, а именно — общерусское летописание первой половины XV в.,³⁶ а также в Воскресен-

³⁰ ПСРЛ Т 1 Стб 351

³¹ ПСРЛ Т 2 Стб 511, 572

³² ПСРЛ Т 1 Стб 367—370 В Лаврентьевской летописи представлен, по мнению большинства ученых, первоначальный вариант рассказа об убиении князя Андрея. На нем основан более подробный рассказ в составе Ипатьевской летописи

³³ ПСРЛ Т 2 Стб 580—593 Мы видим два разных употребления прилагательных «боголюбивый», «боголюбский» Слово «боголюбивый», которое использовано для характеристики личности князя Андрея Юрьевича, означает «любящий Бога» В другом месте текста встречается прилагательное «боголюбские», которое относится к существительным «клирошане» и для обозначения «горожан» из города «Боголюбый» Здесь слово «боголюбский» является формой прилагательного от названия города «Боголюбъ»/«Боголюбый»

³⁴ См Лихачев Д С Русские летописи и их культурно-историческое значение М, Л, 1947 С 271—276, 433—437, Насонов А Н История русского летописания С 168

³⁵ Радзивилловская летопись М, 1995 С 195—224, Летописец Переяславля-Суздальского М, 1851 С 61—85

³⁶ Лурье Я С Общерусские летописи XIV—XV вв Л, 1976 С 67—90

ской летописи, представляющей собой версию Московского летописного свода конца XV в.³⁷

Софийская 1 летопись

Въ лѣто 6683 убиень бысть князь великий Андрѣй Боголюбскый Се же бысть в пятници на обѣднѣ³⁸

Новгородская 4 летопись

В лѣто 6683 < > Убиень бысть Андрѣй Юрьевич князь Боголюбский отъ проклятыхъ Кучковичевъ июня 9³⁹

Воскресенская летопись

Того же лѣта (6683 — С С) убиень князь великий Андрѣй Боголюбский Сиче же бысть убиение его⁴⁰

Таким образом, летописные тексты свидетельствуют о более позднем, по сравнению с эпитетом «боголюбивый», появлении прозвища князя Андрея «Боголюбский». И наше Житие называет князя Андрея «Боголюбским» лишь в тексте второго вида, обнаружившем признаки более позднего происхождения.

Наконец, пример 5 тоже дает подтверждение вывода о более позднем происхождении Жития второго вида. Если в Житии первого вида в заключительном молитвенном обращении к епископу Кириллу высказывается прошение: «...от належашая бѣды намъ избавитися, от безбожныхъ агарянь, присно мучащихъ насъ...», то в Житии второго вида это моление несколько расширяется: «...от належашихъ бѣд и томления поганскаго избавитися, от безбожныхъ агарянь, присно мучащихъ ны...». За этим небольшим словесным расширением чувствуется расширение масштабов и длительности «бѣд» (уже не «бѣды»), происходящих от «томления поганскаго», производимого «безбожными агарянами». Здесь мы подошли вплотную к вопросу о датировке нашего памятника.

В заключительной части Жития Кирилла Туровского высказывается молитвенное прошение к святому: «...от належашая бѣды намъ избавитися, от безбожныхъ агарянь, присно мучащихъ насъ». Причастия настоящего времени — «належащая бѣда», «агаряне, присно мучащие нас» — показывают, что «томление» и «бѣда» от агарян происходят в современное автору Жития время; к тому же автору-современнику это мучение представляется не временным, а присным. Уже митр. Филарет, обратив внимание на упоминание «агарян» и без колебания отнеся это упоминание к татаро-монголам, датировал написание Жития Кирилла Туровского временем татаро-монгольского ига (как он написал — не позже начала XV в.),⁴¹ в чем не сомневались и последующие исследователи.⁴²

Датировка Жития Кирилла Туровского (по крайней мере второго вида его текста) временем татаро-монгольского владычества представляется и нам единственно возможной. Но все-таки необходимы некоторые оговорки и уточнения. В Древней Руси слово «агаряне» (от имени по-

³⁷ Там же С 122

³⁸ ПСРЛ М, 2000 Т 6, вып 1 Стб 238

³⁹ ПСРЛ Пг, 1915 Т 4, ч 1, вып 1 С 166

⁴⁰ ПСРЛ М, 2001 Т 7 С 89

⁴¹ Филарет (Гумилевский) История русской церкви Период I С 68 В другой книге — «Обзор русской духовной литературы» Филарет относит составление Жития ко времени Симеона еп Тверского, который скончался в 1289 г (см Филарет Обзор русской духовной литературы С 64), не приводя при этом абсолютно никакой аргументации в пользу такой датировки и привязки к имени еп Симеона

⁴² См Воронцов Е Отличительные черты проповедей св Кирилла Туровского в связи с особенностями времени и его личностью Минск, 1899 С 11 Голубинский Е Е История канонизации святых в русской церкви 2-е изд М, 1903 С 52

бочной жены ветхозаветного патриарха Авраама «Агарь», матери родоначальника арабских народов, измаилтян, Измаила — см: Быт. 16:12; 17:20; 21:18; 26:16, 18) употреблялось как по отношению к мусульманам вообще, так и по отношению к татаро-монголам и половцам. Правда, «Словарь русского языка XI—XVII вв.» дает только два первых значения этого слова (мусульмане и татаро-монголы), приводя лишь четыре примера, в контексте которых зафиксированы эти значения.⁴³ Поэтому приведем здесь примеры употребления слова «агаряне» по отношению к половцам:

Того лѣта (1179) мѣсяца августа придоша иноплемѣнники на рускую землю, *безбожнии измаилтянѣ, океаньнии агаряне*, нечисти иша дѣломъ и нравомъ сотониным, именемъ Кончакъ, злу началникъ (см Ипатьевская летопись ПСРЛ Т 2 Стб 612)

Того же лѣта (1196) < > премилостивый Христосъ Богъ нашъ не хотя дати радости дьяволу, ни дикымъ *половецемъ*, ажъ бяхуть на се готови < > Избави Богъ крестиянъ отъ рукъ *нечестивыхъ и океаньныхъ агарянъ* (см Ипатьевская летопись ПСРЛ Т 2 Стб 700)

В лѣто 6709 (1201) < > Мономаху погубившему поганя *измаилтяны*, рекомыя *половцы* < > тогда Володимерь и Мономахъ пиль золотомъ шоломомъ Донъ и приемшю землю ихъ всю и загнавшю *аканьныя агаряны* (см Ипатьевская летопись ПСРЛ Т 2 Стб 715)

Кирилл Туровский скончался после 1182 г., возможно, в 90-е гг. XII в. В 70-х гг. XII в. ханом-объединителем половцев стал Кончак. До своей смерти на рубеже XII—XIII вв. он вел почти непрерывную войну с Киевским, Переяславским и Черниговским княжествами. Но Кончак вместе с военными действиями вел и политическую интригу и заключал с отдельными князьями мира и союзы в зависимости от своей выгоды. И половцы воевали на стороне того или иного князя, участвуя в княжеских междоусобицах.⁴⁴ Представляли ли половцы в кон. XII—нач. XIII в. такую силу, о которой можно было сказать «присно мучащие», «томление поганское»? Во всяком случае, с абсолютной уверенностью отрицать возможность того, что под «агарянами» Жития Кирилла Туровского подразумеваются половцы, мы не можем.

Надо также учесть и уже упомянувшийся фрагмент Жития о Федорце. Как указывалось выше, сохранить живую память об исторических событиях 60-х гг. XII в., связанных со сведением с епископской кафедры ростовского епископа Федорца, можно было все же на достаточно близком от 60-х гг. XII в. отрезке времени.

Что касается текста Жития второго вида, то о датировке его временем татаро-монгольского владычества можно говорить уже без колебания. Даже если бы первоначальное Житие Кирилла Туровского было создано на рубеже XII—XIII вв. или в начале XIII в., то второй, более поздний, вид Жития уже в силу его вторичности следует датировать временем более поздним, а это значит, временем после Батыева нашествия, поскольку в период между началом XIII в. и 1237 г. половцы как самостоятельное военно-племенное объединение полностью сходят с исторической сцены, поглощенные Ордой.⁴⁵

Таким образом, исходя из упоминания «безбожных агарян», «присно мучащих нас», корректно говорить о создании Жития в промежутке времени между рубежом XII—XIII вв. и началом XV в. Возможно, более

⁴³ См Словарь русского языка XI—XVII вв М, 1975 Вып 1 (А—Б) С 20 («агаряне», «агарянский»)

⁴⁴ Плетнева С А 1) Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР М, 1958 № 62 С 46—49, 2) Половцы М, 1990 С 158—204, Кудряшов К В Половецкая степь Очерки исторической географии М, 1948 С 57—65

⁴⁵ Насонов А Н Монголы и Русь М, Л, 1940 С 9—10

вероятно ограничение верхней границы этого временного промежутка концом XIII—началом XIV в.: нам представляется, что молиться об избавлении от «належащей бѣды» было актуально ближе к приходу этой беды (но для обоснования этого тезиса не хватает материала).

Кроме высказанных здесь общих соображений существуют и археографические аргументы, позволяющие говорить о датировке Жития. Известно, что Спасо-Прилуцкий Пролог (РНБ, собр. СПбДА, А.1, № 264, т. 2), содержащий Житие первоначального вида, датируется XIV в.,⁴⁶ а ведь в нем находится вовсе не архетипический список этого вида Жития, о чем можно судить по имеющимся здесь испорченным чтением: «что приятилище» вместо «чисто приятилище», «многымы святымъ» вместо «многымъ святымъ» и «сурьския люди» вместо «руския люди». Следовательно, архетип Жития, к которому восходят известные нам списки, заведомо старше Спасо-Прилуцкого Пролога.

И еще одно наблюдение уточняет время написания проложного Жития Кирилла Туровского. В основном, поучения Кирилла Туровского, посвященные праздничным дням послепасхального цикла, сохранены в сборниках уставных чтений «Златоуст» и «Торжественник». Исследователи этих древнерусских сборников давно заметили, что на определенном этапе их формирования произведения Кирилла Туровского стали вытеснять греческие переводные слова.⁴⁷ Нам известно четыре сборника XIII—XIV вв., сохраняющих проповеди Кирилла: сборник XIII в. — РНБ, собр. Толстого, Ф.п.1.39⁴⁸ и сборники XIV в. — ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 20,⁴⁹ ГИМ, собр. Уварова, № 589,⁵⁰ РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 9.⁵¹ Их подробное изучение показывает, что после сборника слов и поучений Кирилла Туровского, представленного списком XIII в. из собрания Толстого, составленного по аналогии с греческими сборниками, началась замена переводных слов поучениями Кирилла Туровского (т. е. началось составление древнерусской редакции уставно-четьих сборников, представленных вышеназванными тремя списками XIV в.).⁵²

Толстовский сборник принадлежит более раннему литературному этапу формирования древнерусских уставно-четьих сборников⁵³ по срав-

⁴⁶ Эта пергаменная рукопись написана уставом, переходящим в полуустав См Описание русских и славянских пергаменных рукописей С 58, Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв С 269

⁴⁷ Орлов А С Сборники Златоуст и Торжественник // ПДПИ СПб, 1905 № 158 С 5—6, 23—27, Творогов О В Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв (Статья первая) // ТОДРЛ Л, 1988 Т 41 С 197—214, Черторицкая Т В 1) О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник (триодного типа) // Источниковедение литературы Древней Руси Л, 1980 С 100, 2) Предварительный каталог церковнославянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописям XI—XVI веков, преимущественно восточнославянского происхождения / Под ред Х Микласа Orplanden, 1994 С 54—56, 248, 374—381, 391—392, 399, 405, 411, 418—419

⁴⁸ См Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI—XIII вв М, 1984 С 324

⁴⁹ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв С 237 № 856

⁵⁰ Там же С 254 № 1200

⁵¹ Там же С 265 № 1384

⁵² Черторицкая Т В О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников С 100—102

⁵³ В этом сборнике Слова Кирилла Туровского уже имеют следы их явного церковно-уставного употребления см примыкающие к заглавию Слов указания «Въ недѣлю 3-ю по Пасцѣ», «Въ недѣлю 4-ю по Пасцѣ», «Въ недѣлю 6-ю по Пасцѣ», «Въ четвертокъ 6 недѣлю по Пасцѣ», «Въ недѣлю преже Пянткостия», слова «Господи, благослови, отче», предваряющие текст собственно поучения — «Кюрила мниха слово о слѣпци и о зависти жидовстей въ недѣлю 6-ю по Пасцѣ Господи, благослови, отче!», «Кюрила грѣшнаго мниха слово на сборъ

нению с тремя остальными рукописями. При этом в толстовском сборнике XIII в. произведения Кирилла озаглавлены его именем еще с покаянными эпитетами. «Того же *Кюрила мниха* слово о сънятии тѣла Христова», «Того же *грѣшнаго Кюрила мниха* слово о расслабленѣмъ», «*Кюрила недостойнаго мниха* слово на Възнесение Господне» и т. д.⁵⁴ В сборниках же XIV в. ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 20 и РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 9 наряду с этими покаянными эпитетами к имени Кирилла добавляются в отдельных случаях и другие эпитеты: «святаго Кирила», «блаженаго Кюрила».⁵⁵ И наконец, в Уваровском Златоусте, который также датируется XIV в., уже во всех поучениях к имени Кирилла прилагаются эпитеты «блаженный» и «святой» («Слово *блаженаго* Кюрила в цвѣтную недѣлю», «Слово *блаженаго* Кюрила на Воскресенье», «Слово *блаженаго* Кюрила на антипасху, в новую недѣлю», «Слово *блаженаго* Кюрила епископа Туровска, Иосифу похвала и по пасцѣ в недѣлю 2-ю», «*Блаженаго* Кюрила о расслабленѣмъ», «*Святаго* Кюрила слово на Възнесение Господне», «*Святаго* Кюрила похвала святых отець 300 и 18») ⁵⁶ Таким образом, мы видим, что в XIV в. окончательно складывается поименование Кирилла Туровского святым и блаженным, т. е. складывается почитание его как святого.

Обычно процесс установления почитания святого неразрывен с процессом создания его Жития. Значит, в XIV в. Проложное Житие Кирилла Туровского уже существовало, и в церковном обиходе память туровского епископа устойчиво почиталась.

Наконец, мы попытаемся высказать предположение о месте составления Жития. При этом мы основываемся на тексте первого вида Жития. В тексте находятся два географических названия — Туров и Русь. После краткого изложения жизни Кирилла Туровского автор Жития определяет церковно-учительную деятельность Кирилла с точки зрения ее влияния на русский народ: «Си вся множайшая написавъ и церкви предасть, яже и донынѣ деръжать вѣрныя *русьскія люди*». Такой взгляд автора на деятельность Кирилла повторяется в похвальной части текста: «Радуйся <...> другой Златословесный *намъ в Руси* всѣя, паче всѣхъ <...> иже святыхъ <...> ученьем своимъ *конца русьскія освѣти*».

В отношении к городу Турову позиция автора Жития особенно показательна в следующем месте: «И многа божественая писанья изложи, и славенъ въ всей *странѣ той*. И умоленьемъ князя и людей *того града* възведѣнъ бысть на столъ епископскый, и от митрополита поставленъ бысть епископомъ *граду Турову, тако нарѣцаему, отстоящъ близъ Кіева*».

В отношении к городу Турову и окружающей его местности («стране») автор использует указательное местоимение «той/та», которое указывает на предмет, отдаленный в пространстве и времени. Это говорит о том, что автор Жития находился не в Турове, а где-то за его пределами. И читатели его были не туровчане и не жители «страны той», поскольку они нуждались в объяснительной фразе по поводу местонахождения Турова — «отстоящъ близъ Кіева».

святыхъ отець 300 и 18< > в недѣлю прежде Пянтикоствя *Господи, благослови, отче!*» (см РНБ, собр Толстого, Фп I 39, л 5 об., 16, 25, 32, 37 об., Еремин И П Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ Л., 1957 Т 13 С 419, Л., 1958 Т 15 С 331, 336, 340, 343)

⁵⁴ См РНБ, собр Толстого, Фп I 39, л 5 об., 16, 25, 32, 37 об

⁵⁵ В издании И П Еремина рассматриваемые нами списки учтены в разночтениях См ТОДРЛ Т 13 С 409, 412, 415, 419, Т 15 С 331, 336, 340, 343

⁵⁶ См Там же

Мы можем предполагать, что Житие Кирилла составлено в Русской земле вне города Турова.⁵⁷ Но где же именно?

Прежде всего, обратим внимание на то, что автор Жития пояснил местонахождение Турова его близостью к Киеву. А ведь в XII в., до 1160 г., князя Пинско-Туровской земли назначались из Киева, и в Киеве хорошо знали Туров. Если бы где-то в киевской земле было написано Житие, то не надо было бы пояснять: «*града Турову, тако нарицаему, отстояць близь Киева*». Должно быть, Житие было написано где-то вне киевской земли, т. е. вне южной Руси.

Еще один ключ к уточнению этого вопроса предоставляет тот факт, что в Житии особенно подчеркнута деятельность Кирилла Туровского в отношении к делу Федорца и к князю Андрею Боголюбскому. Здесь персонаы Федорец и князь Андрей не имеют никаких дополнительных комментариев. Нам представляется, что такое отношение к делу Федорца и к князю Андрею могло иметь место где-то в северной Руси, скорее всего, во Владимиро-Суздальской земле, там, где настолько актуальны и хорошо известны были эти имена и связанные с ними события, что при упоминании их не был нужен какой бы то ни было комментарий, к ним относящийся.

В заключение статьи о проложном Житии Кирилла Туровского следует сказать, что включение этого Жития в Пролог продолжается по настоящее время. Как мы отметили в археографическом обзоре, в первое печатное издание Пролога был помещен первый вид Жития Кирилла (см.: Пролог. М., 1643. Л. 302—303 об.).⁵⁸ Далее этот текст перепечатывался без изменений от издания к изданию, не считая незначительных

⁵⁷ При этом нужно объяснить одну вставную фразу в тексте второго вида Жития (пример 1) «Сей блаженный Кириль бѣ рождением и въспитанием града Турова, в *Русѣй странѣ тако нарицаема*» Как объяснить уточнение «в Русѣй странѣ тако нарицаема»? Ответ на этот вопрос находится в разночтениях первого вида Жития. Из восьми списков первого вида Жития в двух списках — РНБ, F I, № 757, XV в. и РНБ, Софийское собр., № 1344, XVI в. — находится ошибочное название Турова в списке F I, № 757 город называется «Тировом», а в списке Софийского собр., № 1344 Кирилл поименован епископом «Тирьским». Существование списков с ошибочным названием Турова свидетельствует о том, что в XV—XVI вв. имела место путаница по поводу названия города. И это проявлялось не только в Житии Кирилла Туровского. В Прологах, как выше уже говорилось, под 27 июня читается еще одна статья, связанная с городом Туровом, — «Слово о Мартинѣ мниѣ Туровском». В этой статье Туров упоминается дважды. И во многих списках этой статьи встречается такое же ошибочное название Турова **Тюров (Тиров?)** (см. РНБ, Софийское собр., № 1344, XVI в., F I, № 757, XV в., собр. Погодина, № 602, XV в., собр. Погодина, № 620, XVI в., Тир: ИРЛИ, колл. Перетца, № 80, 1597 г., Тур: РНБ, собр. Погодина, № 603, XV в.) «Тир» является названием известного древнего финикийского, впоследствии византийского, города, который упоминается в Священном Писании. В древнерусских месяцесловах и Прологах читались памяти тирских святых, например священномученика Дорорея, еп. *Тирского*, и мученицы Феодосии, девы *Турской* (см. Лосева О. В. Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001 С. 173, 307, 350, 355—356, 387). Под 11 ноября читалась память преп. Мартина Милостивого, еп. *Турского* (см. Там же С. 200). Очевидно, поэтому писец второго вида Жития, знавший о возможности такой путаницы, уточнил название города Турова, указав его местонахождение «в Русѣй странѣ».

⁵⁸ В 1641 г. вышла в свет сентябрьская половина Пролога, это было первое издание Пролога на московском Печатном дворе. Второе издание, 1642—1643 г., состояло уже как из сентябрьской, так и из мартонской половин. архиеп. Сергей предполагал, что образцом для печатного издания 1643 г. послужил рукописный Пролог из Синодального собрания, № 241 (см. Сергей Полный месяцеслов Востока М., 1875 Т. I С. 344). См. также Елеонская А. С. Политические идеи второго издания Пролога 1642—1643-х годов // Литературный сборник XVII века Пролог М., 1978 С. 76—98.

языковых поновлений, которые появились начиная с издания 1677 г. («монах» вместо «мних», «тебе» вместо «ти», «российския» вместо «русския») ⁵⁹ С этой языковой правкой Житие перепечатывалось в Прологах в XIX и XX вв. ⁶⁰

В Четьи Миней Димитрия Ростовского Житие Кирилла Туровского включено не было; здесь под 28 апреля имеется лишь запись о памяти Кирилла. «В той же день память святого отца нашего Кирилла епископа Туровскаго Зри о нем в Прологу». ⁶¹

И последнее, что надо отметить в связи с текстом Жития Кирилла, это то, что следы его отразились в Иконописном подлиннике, изданном Г. Д. Филимоновым по списку XVIII в.; здесь в месяцесловной части находится краткое указание к иконному писанию образа Кирилла Туровского: «И преподобнаго отца нашего Кирилла, епископа Туровского (в подлиннике Муромского. — С С), *иже отстояць близь Киева; подобиемъ надсѣдъ, власы съ ушей, брада съ Николину, но не курчевата, проста, ризы святительския, въ омофорѣ, въ рукахъ книга*». ⁶²

В «Руководстве к писанию икон святых угодников Божиих», составленном В. Д. Фартусовым, академиком Императорской С.-Петербургской Академии художеств, под 28 апреля можно найти сходное указание: «Типа русского, преклонных лет, очень умен и кроток; с малою круглою бородой, волосы просты, лицом худ; в фелони и омофоре, на голове шапка с вышитым крестом, в руках книга, и хартия с его изречением: *Чернец, иже не имеет послушания ко игумену, якоже обещался, не может быти спасен*». ⁶³

В обеих указанных статьях прослеживается зависимость от проложного Жития Кирилла («иже отстояць близь Киева», «Чернец, иже не имеет послушания ко игумену, якоже обещался, не может быти спасен», ср. в Житии: «...поставлен бысть епископом граду Турову, тако нарѣцаемому, *отстояць близь Киева*»; «...уча и поущая мнихи в покоренье <...> быти у игумена <...> *чернецъ бо, иже не имѣеть послушанья къ игумену, якоже общася, таковой не может спасень быти*»). Таким образом, мы видим, что авторы руководств по писанию икон ориентировались на проложное Житие Кирилла Туровского. ⁶⁴

⁵⁹ В XVII в. вышло в свет 8 изданий Пролога, в XVIII в. — 9 изданий (см. Зернов А. С. 1) Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог М., 1958, 2) Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. М., 1968)

⁶⁰ См. Пролог М. Синодальная типография, 1877, Пролог СПб., 1896, Пролог по рукописи Публичной библиотеки Погодинского древлехранилища № 58 СПб., 1917 Вып. 2 (ОЛДП № 136)

⁶¹ [Димитрий Ростовский] Книга житий святых (Миней Четии) Киев, 1689 Т. 3 Л. 719 об.

⁶² Иконописный подлинник сводной редакции XVIII в. М., 1874 С. 331, см. Маркелов Г. В. Святые Древней Руси. Материалы по иконографии СПб., 1998 Т. 2 Святые Древней Руси в иконописных подлинниках XVII—XIX веков Свод описаний С. 146—147

⁶³ Фартусов В. Д. Руководство к писанию икон святых угодников Божиих в порядке дней года, содержащее сказания о внешнем виде их, об одеждах, возрасте, типе, с приложением рисунков одежд Опыт пособия для иконописцев М., 1910 С. 262 (сердечно благодарю Г. В. Маркелова, указавшего мне на это сочинение)

⁶⁴ По сообщению «Минских епархиальных ведомостей», в 1878 г. при возобновлении Минского кафедрального собора придел, ранее посвященный Введению Божией Матери, был освящен во имя святителя Кирилла Туровского, который прославил своею деятельностью Туровскую (предшественницу Минской) епархию. При освящении придела Минского кафедрального собора были составлены тропарь и величание Кириллу Туровскому, которые также испытали влияние проложного Жития Кирилла Туровского (см. Минские епархиальные ведомости 1878 № 22 С. 340—341 Неофиц. часть)

Н. В. ПОНЬРКО

Покаянные каноны Кирилла Туровского (вопросы атрибуции)

В изучении творчества «русского Златоуста», писателя и гимнографа Киевской эпохи Кирилла Туровского, несмотря на обширную исследовательскую литературу, ему посвященную, остается еще немало неразрешенных вопросов. К таковым относится и вопрос о покаянном каноне, упоминающемся в Житии Туровского епископа.

Как убедительно показала молодая исследовательница Сон Джонг Со, проделавшая текстологическое изучение Жития Кирилла Туровского, текст этого агиографического памятника разделяется на два вида; при этом упоминание о покаянном каноне как одном из творений преподобного Кирилла отсутствует в первоначальном виде Жития, созданном на рубеже XII—XIII вв. или в начале XIII в., и появляется только во втором виде, который Сон Джонг Со датирует временем после 1237 г., не позже конца XIV в.¹ В Житии Кирилла Туровского, там, где его составитель перечисляет литературные сочинения преподобного Кирилла, сказано: «Си вся и ина множайшаа написав и церкве предасть, и канонъ великий о покаание створе к Господу по главам азбукии...».²

В 1856 г. архиеп. Макарий (Булгаков) в статье «Св. Кирилл, епископ Туровский, как писатель» ввел в научный оборот надписанный именем «Кюрила грѣшнаго» покаянный «канон молебен» из пергаменной рукописи Новгородско-Софийской библиотеки, опубликовав большой фрагмент этого канона (с 1-й по 4-ю песнь).³ Вскоре после этого, в 1857 г., архиепископ Макарий издал среди сочинений Кирилла Туровского этот канон по той же рукописи уже полностью, вместе с примыкающими к нему стихирами, в 3-м томе своей «Истории русской церкви».⁴

¹ Сон Джонг Со 1) Творчество Кирилла Туровского в контексте книжности его эпохи (Пролог как источник произведений Кирилла Туровского) Автореф дисс канд филол наук СПб, 2002 С 21—24, 2) Проложное Житие Кирилла Туровского (Рукописная традиция. Время и место создания) // РЛ СПб, 2002 № 4 С 109—118, 3) Житие Кирилла Туровского в составе Пролога // Наст изд С 228—239)

² См РНБ, собр Погодина, № 620, л 66

³ Макарий (Булгаков), архиеп Св Кирилл, епископ Туровский, как писатель // ИпоРЯС СПб, 1856 Т 5 Стб 255—258

⁴ Макарий (Булгаков), архиеп История русской церкви СПб, 1857 Т 3 С 139—142, 319—324 Подробное описание Новгородско-Софийской рукописи, названной «Обиходом церковным», было сделано И К Куприяновым в 1858 г (см Куприянов И К Обзорение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки // ИпоРЯС СПб, 1858 Т 6 Стб 34—666, 299—301) В настоящее время рукопись хранится в Софийском собрании РНБ за № 1052 (см Гранстрем Е Э Описание русских и славянских пергаменных рукописей Л, 1953 С 49, здесь см о датировке рукописи XIV в) Ее содержание л 1—Утренние и дневные молитвы, л 11 об — Шестопсалмие, л 16 — Воскресные тропая

Спустя долгий промежуток времени к «канону молебному» было привлечено внимание английского исследователя Р. Матъесена, обнаружившего в так называемой «Молитве» Владимира Мономаха фрагмент из «канона молебного» (а именно 4-й тропарь 9-й песни) и с опорой на этот факт опровергавшего авторство Владимира Мономаха по отношению к «Молитве»⁵ В своей статье Р. Матъесен уделил много места рассуждениям о принадлежности «канона молебного» Кириллу Туровскому, обратив внимание на его оригинальные, не заимствованные, вопреки общераспространенной практике, из других канонов ирмосы, а также на композицию и стиль произведения, характерные, по его мнению, для Кирилла Туровского (последний тезис декларировался Р. Матъесеном без опоры на сопоставительный анализ).⁶

Основной аргумент в пользу принадлежности «канона молебного» Кириллу Туровскому был приведен еще архиепископом Макарием, обратившим внимание на употребление слова «грѣшный» в заглавии канона, «подобно тому, как озаглавлены в другом Сборнике XIII в. подлинные сочинения Кирилла Туровского».⁷ На этот важный аргумент указал и Р. Матъесен.⁸ Приведем здесь образцы таких заглавий сочинений Кирилла Туровского, замечая, что покаянный эпитет «грѣшный», отнесенный в них к имени автора, говорит в первую очередь о том, что все эти заглавия авторские, так же как и заглавие «Канон молебен *Кюрила грѣшнаго*». «Того же *грѣшнаго Кюрила* мниха слово о сънятии тѣла Христова», «Того же *грѣшнаго Кюрила* мниха слово о расслабленѣмъ»; «*Кюрила грѣшнаго* мниха слово на сборъ святыхъ отецъ 300 и 18».⁹

Помимо этого аргумента для доказательства авторства Кирилла Туровского я предлагаю обратить внимание на один фрагмент в тексте «канона молебного». Посмотрим на 3-й тропарь 5-й песни «канона молебного»: «Иже рече Господь вдовицю обидиму от суперника, в томъ же градѣ и судью неправедна; *градѣ* убо, рече, *разумѣи свое тѣло, вдовицю же — убогую ми душу*, обидиму сердечными помысли, и *судью — Слово Божие*, единого от Троица, ожидающа моего покаяния, и *си вся учившиися видять*» (л. 225). В этой аллегории, использующей образы евангельской притчи о судии неправедном (Лк. 18:1—8), ярко проявился приточный метод поэтики Кирилла Туровского: вспомним его Притчу о царе и разумном советнике и Притчу о слепце и хромце. В Притче о царе и разумном советнике мы находим образ града, толковательно применяемый к телу: «В нѣкоем градѣ бѣаше царь <...> *Град* убо *есть*, братье,—

ри и антифоны, л. 27 — Утренние воскресные евангельские чтения, л. 37 об — Тропари троицны, л. 41 — Песни пророческие, читаемые в дни недели Великого поста, л. 61 — Последование служб Часов (1-го, 3-го, 6-го, 9-го), л. 103 — Чин вечерни, л. 111 — Чин великого повечерия, л. 118 — Чин всенощного бдения, л. 148 — Чин полунощницы, л. 170 об — Месяцеслов с тропарями, л. 193 — Тропари великопостные, л. 196 — Последование пасхальных утрени и вечерни, л. 206 об — Канон за благотворителей, л. 211 — Канон за болящих, л. 220 об — Стихиры и «канон молебен *Кюрила грѣшнаго*», л. 233 об — Правила к причащению, л. 239 об — Канон за упокой, л. 243 об — Стихиры и канон общий апостолам, л. 248 об — Стихиры и канон общий преподобным, л. 254 — Стихиры и канон общий святителям, л. 260 об — Стихиры и канон общий мученицам, л. 266 — Стихиры и канон общий мученикам, л. 273 об — Стихиры и канон общий порокам, л. 279 — Дневные апостольские и евангельские чтения, л. 289 — Канон покаянный к Иисусу Христу 6-го гласа, л. 293 об — Келейные правила монахам (русское сочинение?), л. 296 об — Молитвы к Богородице

⁵ См. Матъесен Р. Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 192—201.

⁶ См. Там же. С. 199—201.

⁷ Макарий (Булгаков), архиеп. История русской церкви. Т. 3. С. 310, примеч. 239.

⁸ Матъесен Р. Текстологические замечания. С. 198.

⁹ См. РНБ, собр. Толстого, Ф. п. 139, XIII в., л. 5 об., 16, 25, 32, 37 об.

составление челоувѣчскаго *телесе* < > Царь же есть ум, обладааий всѣм тѣлом». ¹⁰ В Притче о слепце и хромце сходным образом толкуются другие образы, взятые из евангельской притчи о делателях в винограднике и из проложной притчи о слепце и хромце: ¹¹ «Человѣк домовит — Бог Всевидецъ и Вседержитель, створивы вся словом < . > А еже насади виноград — рай глаголетъ <...> А иже остени его, рече, оплотом — своимъ страхом <...> *Хромецъ* есть тѣло челоувѣче, а *слѣпецъ* есть *душа*». ¹² Но еще убедительнее доказывает авторство Кирилла Туровского последняя фраза этого тропаря: «и си вся учившиися видятъ». Точно такой же фразой завершил Кирилл Туровский в Притче о слепце и хромце свое толкование ситуации, когда *душа*-слепец после разлучения ее с телом-хромцом приводится к *Судии-Богу* (ср. в интересующем нас тропаре. *судья* — *Слово Божие*, единый от Троицы, ожидающий моего покаяния): «...по ищезновении от тѣла *душа* всякого челоувѣка *пред Бог приходит* <...> Слышати бо подобаетъ Божие имя нынѣ разлучающимся от телес душам, да и в последни день, вскресше с телесы, неблазньо поклоняются Божови <...> по апостолу, глаголюща: „И тогда увидить всяко око, и всяк язык поклониться, исповѣдая, яко Господь Исус Христос в славъ Бога Отца един“. *Но си вся учившеися вѣдятъ*». ¹³

Итак, в принадлежности Кириллу Туровскому «канона молебного» как будто нет сомнений. Но идентично ли это гимнографическое произведение тому канону, о котором говорит Житие Кирилла Туровского?

Архиепископ Макарий (Булгаков) относил упоминаемый в Житии канон к числу потерянных сочинений и не отождествлял его с «канонном молебным», считая, что «сохранившийся молебный канон св. Кирилла хотя выражает и чувствования покаянные, но вовсе не расположен по буквам и обращен не к одному Господу Иисусу, а часто ко всем лицам св. Троицы». ¹⁴ Мнение о том, что «канон молебен Кюрила грѣшнаго» из Новгородско-Софийской рукописи не тождествен упомянутому в Житии Кирилла Туровского покаянному канону, разделял и издатель «Творений святого отца нашего Кирилла епископа Туровского», вышедших в свет в 1880 г. по благословиению епископа Минского и Туровского Евгения. давая в этом издании перепечатку текста «канона молебного» из 3-го тома «Истории русской церкви» архиепископа Макария, он заметил: «Св. Кириллом был составлен еще канон великий покаянный ко *Господу* по главам азбуки, который не сохранился до настоящего времени ни в целом виде, ни даже в отрывках». ¹⁵ Р. Матьесен, мимоходом затронув вопрос о соотносительности упомянутого в Житии Кирилла Туровского канона и «канона молебного», написал: «...в одном рукописном проложном Житии его (Кирилла Туровского. — *Н П*) утверждается, что он составил

¹⁰ Еремин И П Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ М, Л, 1956 Т 12 С 348

¹¹ См Сон Джонг Со 1) Творчество Кирилла Туровского в контексте книжности его эпохи С 5—9, 2) Еще раз о соотношении двух древнерусских редакций притчи о слепце и хромце (Проложная статья и Слово Кирилла Туровского) // ТОДРЛ СПб, 2003 Т 54 С 390—401

¹² Еремин И П Литературное наследие Кирилла Туровского С 341, 342

¹³ Там же С 346

¹⁴ Макарий (Булгаков), архиеп История русской церкви Т 3 С 143 (архиеп Макарий в этом рассуждении допустил ошибку, так как в Житии не сказано, что канон Кирилла был обращен «к одному Господу Иисусу», но говорится «к Господу», что в равной мере может относиться как отдельно к Господу Иисусу Христу, так и совокупно к Святой Троице)

¹⁵ Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского с предварительным очерком истории Турова и Туровской епархии до XIII века Киев, 1880 С С1, 246—265

один покаянный канон, возможно, не „канон молебный“, поскольку в последнем нет акростиха, о котором говорит житие». ¹⁶

В новейшее время был обнаружен еще один покаянный канон с именем «преподобного Кирилла», помещенный в печатном «Полууставе», изданном в 1622 г. в Вильно, под заглавием «Канонъ покаяненъ ко Господу нашему Иисусу Христу, пѣваемъ по вся дни, творение преподобнаго отца Кирилла». ¹⁷ Е. Б. Рогачевская, опубликовавшая этот канон ¹⁸ и обратившая внимание на то, что его ирмосы, кондак и икос, а также один тропарь совпадают с ирмосами, кондаком, икосом и тропарем «канона молебного», замечает: «Этого материала еще недостаточно, чтобы доказать или опровергнуть авторство Кирилла Туровского, атрибутировать ему это гимнографическое сочинение» ¹⁹ (имеется в виду канон из виленского «Полуустава»). Е. Б. Рогачевская не оговорила в своей статье очень важной особенности «виленского» канона: в отличие от «канона молебного», состоящего полностью из 9 песен, включая и 2-ю песнь, «виленский» канон не имеет 2-й песни и состоит, как большинство вседневных канонов, из песен 1, 3—9.

Наконец, следует сказать о третьем покаянном каноне, надписанном именем Кирилла Туровского: в рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 118/375, датируемой (благодаря проставленной писцом дате) 1490 г., ²⁰ на л. 52—57 читается канон, озаглавленный: «Канон Кирилла

¹⁶ Матъесен Р. Текстологические замечания. С. 198

¹⁷ См. Полуустав Вильно, 1622. Л. 361—366

¹⁸ Рогачевская Е. Б. Покаянный канон Кирилла Туровского в старопечатном Требнике 1622 г. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 368—375. К сожалению, по заглавию статьи Е. Б. Рогачевской может сложиться впечатление, что интересующий нас канон помещен в традиционном по составу Требнике (включающем в себя, как известно, чинопоследование общественных и частных треб), однако это не так, виленское издание 1622 г., которое Е. Б. Рогачевская без комментариев называет Требником, представляет собой сборник форматом в 8°, озаглавленный на титульном листе как «Полууставъ или Требникъ в пользу всѣмъ православнымъ», содержание этого сборника говорит о предзнаменности его отдельных разделов для келейного употребления: л. 1 — Псалтырь, л. 113 — Часослов, л. 164 — Служба Акафиста Богородице, л. 178 об — Канон ко Господу Христу, л. 183 об — «Правило молебнѣ мнѣху наединѣ по вся дни», л. 194 — Служба воскресная 6-го гласа, л. 214 об — Канон ангелу-хранителю, л. 220 — Канон Иоанну Крестителю, л. 223 — Канон молебен Богородице, л. 227 об — Канон апостолам, л. 231 — Канон страстной пятницы (плач Богородицы), л. 234 об — Канон страстной субботы, л. 239 — Прокимны, апостольские и евангельские чтения, л. 242 — Последование Четверодесятицы и Пятидесятницы, л. 273 — Молитвы перед сном, л. 279 — Молитвы «соблазвившимся» во сне, л. 280 — Молитвы утренище, л. 281 — Месяцеслов, л. 361 — Канон покаянный Кирилла Туровского, л. 366 — Канон за творящих милостыню, Исповедание грехов своих повседневное к Господу Богу, Последование причащению. Впоследствии эта книга под заглавием «Полууставъ» переиздавалась несколько раз в западнорусских типографиях (см. Голенченко Г. Я. Стародрукотаваны кырыльчыны выданнi XVI—XVIII ст. // Книга Беларусi 1517—1917. Зводны каталог. Минск, 1968. № 99, 136, 148, 152, 174, 207⁶, 230).

¹⁹ Рогачевская Е. Б. Покаянный канон. С. 369

²⁰ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 118/375, 4°, Сборник, 1490 г. (см. запись писца рукописи на л. 128 об: «Списана бысть книга сия душеполезнаа псалтир [так!] в лѣто 6998 месяца априля 30 < > а писалъ сию книгу рабъ многогрѣшный Есифамъ») (т. е. Елизарь, как следует из расшифровки тайнописи, выполненной простой литореей)) Филиграни голова быка типа Пиккар, т. 2, № 735 (1479, 1480 гг.) и голова быка типа Пиккар, т. 2, № 124 (1486 г.) Содержание л. 2 — Великий покаянный канон Андрея Критского, л. 27 об — Канон ангелу-хранителю, л. 38 об — «Канон пѣваемъ по вся дни мнѣху», л. 41 — Канон на исход души Андрея Критского, л. 42 — Канон на исход души, л. 48 — Чин исповеди, л. 52 — Канон покаянный Кирилла Туровского, л. 57 — Канон страстной пятницы (плач Богородицы), л. 60 — Служба страстной субботы, л. 69 — Чин панихиды, л. 74 — Молитвы по причащении, л. 76 об — Молитвы «соблазвившимся» во сне, л. 79 об — Молитва св. Евстратия «глаголется в келии на полунощнице», л. 80 — Чин причащения богоявленской водой, л. 81 об — Канон Сергию Радонежскому, л. 85 об — Канон митрополиту Алексею л. 91 — Канон митрополиту Петру, л. 95 — Канон Леонтию Ростовскому, л. 98 — Канон

епископа Тировского по вся дни к Господу Богу о покаании на обличение грѣхов своих». Указание на рукопись, содержащую этот канон, было сделано еще в осуществленной А. Ф. Бычковым публикации «Библиологического словаря и черновых к нему материалов П. М. Строева». ²¹ Текст этого канона не издавался, и Р. Матъесен, будучи лишен возможности работать с рукописями, хранящимися в российских собраниях, по приведенному в описании П. М. Строева заглавию и инципиту (а это был инципит ирмоса 1-й песни) принял его за еще один список «канона молебного» («это то же самое произведение»). ²² Далее это заблуждение перекочевало в статью Е. Б. Рогачевской. ²³

Между тем канон из рукописи Кирилло-Белозерского собрания отличается от «канона молебного» не меньше, чем канон из виленского «Полуустава». Как и «виленский» канон, он не имеет 2-й песни. С «каноном молебным» у «кирилло-белозерского» канона совпадают лишь иромосы; кондак же и икос, в отличие от «виленского» канона, здесь другие; зато один тропарь в 3-й песни и два тропаря в 4-й песни этого канона соответствуют тропарям из 3-й и 4-й песен «канона молебного».

Таким образом, рукописно-книжная традиция сохранила до наших дней три разных канона с покаянным содержанием, надписываемых именем Кирилла: «Канон молебен Кюрила грѣшнаго» (список XIV в., РНБ, Софийское собр., № 1052), «Канон Кирилла епископа Туровского по вся дни к Господу Богу о покаании на обличение грѣхов своих» (список 1490 г., РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 118/375) и «Канонъ покаяненъ ко Господу нашему Иисусу Христу, пѣваемъ по вся дни, творение преподобнаго отца Кирилла» (список 1622 г. из «Полуустава», изданного в Вильно).

Все три интересующих нас покаянных канона дают сложный рисунок взаимных совпадений и различий, говорящий о наличии между ними текстологической зависимости. Попытаемся понять схему этой зависимости.

Для этого вернемся к свидетельству Жития Кирилла Туровского, говорящему о сочинении Кириллом покаянного канона: «...канонъ великий о покаание створе к Господу по главам азбукии...». В такой формулировке видна перекличка с заглавиями (см. выше) обоих «малых» канонов (будем так называть, в отличие от «канона молебного», «кирилло-белозерский» и «виленский» каноны по отсутствию в них 2-й песни). Не значит ли это, что один из «малых» канонов и есть как раз тот, о котором говорится в Житии, ведь оба они покаянные? Но можно ли хотя бы один из них назвать «великим», как сказано о покаянном каноне Кирилла Туровского в его Житии, и содержат ли они азбучный акростих или какую другую особенность, которую можно было бы расценивать как соответствующую формулировке: сотворен «по главам азбукии»?

Ни один из этих канонов нельзя назвать «великим». По объему это традиционные повседневные каноны, содержащие, как уже было сказано, 1-ю, 3—9-ю песни, каждая из которых включает в себя минимальное

Варлааму Хутынскому, л 103 — Канон Николе Чудотворцу, л 105 об — Канон на Воздвижение честного и животворящего креста, л 109 — Канон Иоанну Богослову, л 112 об — Канон архангелу Михаилу, л 115 об — Канон празднику Покрова, л 119 об — Канон Иоанну Крестителю, л 123 — Задостойники праздников Господских, л 126 — Тропари Иоанну Рильскому, на перенесение мошей митрополита Петра, воскресные

²¹ Бычков А Ф Библиологический словарь и черновые к нему материалы П М Строева // СОРЯС СПб. 1882 Т 29, № 4 С 173—174

²² Матъесен Р Текстологические замечания С 196

²³ См Рогачевская Е Б Покаянный канон С 375, примеч 2

число тропарей, равное четырем.²⁴ По содержанию в них нет чего-то чрезмерно возвышающего их достоинство, что бы позволило их назвать «великими»; к тому же мы, кажется, не знаем в древнерусской литературе примеров (за исключением переводного Великого покаянного канона Андрея Критского, когда бы эпитет «великий» употреблялся для эстетической оценки произведения. Что касается формулировки «по главам азбуки», то ни один из «малых» канонов не содержит в себе азбучного акростиха, в них не присутствуют также какие-либо другие особенности, соотносимые с алфавитом как структурообразующим принципом (возможное соответствие числа тропарей числу букв алфавита или какое-либо использование буквенной цифири и т. п.). Так что ни «кирилло-белозерский», ни «виленский» каноны не могут быть отождествлены с тем «великим», написанным «по главам азбуки» покаянным канонам, о котором говорится в Житии Кирилла Туровского.

Выражение «по главам азбуки» (т. е. по пунктам или буквам азбуки) довольно неопределенно. Оно может иметь в виду либо азбучный акростих, либо какую-то другую форму «краегранесия», основанную на алфавитном принципе.²⁵ Если мы посмотрим на схему инициалов тропарей «канона молебного», то обнаружим, что здесь, за небольшим сбоем, каждая песнь, состоящая из 4 тропарей, организована по четкому принципу: первый тропарь каждой песни начинается с буквы «А», а третий и четвертый — с «Я» (йотированного а). Представим это в наглядной схеме.

песнь 1	песнь 2	песнь 3	песнь 4	песнь 5	песнь 6	песнь 7	песнь 8	песнь 9
А	А	А	В	Б	А	Г	Б	А
Д	Г	З	Г	Н	З	Ф	Г	Е
Я	Я	Я	Я	И	Я	Я	Я	К
Я	Я	Я	Я	Я	Я	Я	Я	П

Таким образом, очевидная закономерность, основанная именно на буквах азбуки, прослеживается в построении краестрочия «канона молебного».

Обратимся вплотную к «канону молебному», который никому из исследователей не пришло в голову отождествить с описанным в Житии Кирилла Туровского канонам. В первую очередь следует сказать о том, что это тоже покаянный канон, хотя об этом ничего не говорится в его кратком заглавии. В отличие от двух других канонов, он содержит полностью все 9 песен, включая 2-ю, что говорит о его предназначенности для употребления в дни Великого поста.²⁶ В связи с этим можно говорить о «великости» этого гимнографического произведения: как с точки зрения полноты числа его песен, так и с точки зрения соотношенности его с Великим постом. Точно так же с точки зрения соотношенности с Великим постом объяснялось наименование «великим» покаянного канона

²⁴ В каждой песни канона, в зависимости от достоинства праздника, может быть от 16 до 4 тропарей (см. Никольский К. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви СПб., 1900 С. 308—314).

²⁵ О содержании понятия «акростих» и о разных формах акростиха см. Krumbacher K. Die Akrostichis in der griechischen Kirchenpoesie Munchen, 1903, Спаский Ф. Г. Акростихи и написания канонов русских Миней // Православная мысль Труды Православного богословского института в Париже Париж, 1949 Вып. 7 С. 126—150, Tshizewskij D. Акростихи Германа и старорусские акростихи // Šeskoslovenska rusistika 1970 T. 15, N. 3 S. 102—104, Hannick Ch. Die Akrostichis in der kirchenslavischen liturgischen Dichtung // Wiener Slavistisches Jahrbuch 1973 Bd. 18 S. 151—162.

²⁶ Никольский К. Пособие С. 305.

Андрея Критского: «Глаголет же ся великий канонъ <...> плодovitъ бо есть <...> яко прочимъ канонамъ по тридесяти <...> тропари имущимъ, сий же 250 <...> и велико стяжавъ умиление, и в Велицей Четверодесятиищѣ учинися...».²⁷

Примечательно, что «Канон молебен Кюрила грѣшнаго» несет в себе черты ориентации на Великий покаянный канон святого Андрея Критского. Церковный устав предписывает читать Великий покаянный канон святого Андрея Критского в течение Великого поста дважды: сначала по частям на великом повечерии четырех первых дней первой седмицы, а затем полностью на утрене в четверг пятой седмицы.²⁸ Этот канон, один из опорных этапов в литургике великопостного цикла, имеет в своем составе все 9 песен, без исключения 2-й (при этом каждая из песен содержит в среднем до 30 тропарей, так что в целом канон насчитывает их около 250, что и отмечалось в цитированном выше синаксарном чтении из Триоди постной). Как известно, покаянная тема в Великом каноне Андрея Критского воплощается через уподобление души кающегося грешника персонажам и событиям Ветхого и Нового Заветов; душа человека как бы несет в себе всю историю человечества от грехопадения ветхого Адама до воскресения и вознесения нового Адама — Христа. Лейтмотив этого покаянного моления — увещание, обращенное к собственной душе, с тем, чтобы восстать от греха; потому на протяжении каждой песни канона снова и снова повторяется обращение к грешной душе: «Гряди, *окаянная душе* <...> Зиждителю всѣхъ исповѣждься.», «Увы мнѣ, *окаянная душе*, что уподобися первѣй Еве...»; «Яко Каинъ, и мы, *душе окаянная*, всѣхъ Зиждителю дѣяннѣ сквернена и жертву порочну и непотребно житие принесохомъ вкупѣ...» (1-я песнь, троп. 2, 10, 9)²⁹ «Видите, видите, яко азъ есмь Богъ, — внушай, *душе моя*, Господу вопиющую и удалися прежняго грѣха...»; «Кому уподобися, *многогрешная душе*, токмо первому Каину и Ламеху оному, каменiemъ побивши тело злодѣйствы и убивши умъ скотскими стремленьми»; «Всѣхъ иже прежде закона претекши, *о, душе*, Сифу не уподобися, ни Еносу оному, ни Еноха преставлению, ни Ною, но явилася еси нища праведныхъ жизни»; «Едина разверзла еси хляби гнѣва Бога твоего, *душе моя*, и потопила еси плоть всю, якоже землю, и дѣяннѣ, и жизнь, и пребыла еси кромѣ спасеннаго ковчега»; «Мужа убихъ <..> Ламехъ, рыдая, вопияше; ты же не трепещи, *о, душе моя*, и не боишися, плоть и умъ осквернивши»; «Столпъ умудрила еси создати, *о, душе*, и утверждение водрузити своими похотями...»; «Одожди Господь <...> огонь иногда <...> сожже содомляны; ты же огонь геенский вжегла еси, в немже хочещи, *душе*, сожжена быти» (2-я песнь, троп. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9),³⁰ и так далее в каждой песни, включая 9-ю.

Взывание к собственной душе проходит лейтмотивом и через весь «канон молебный» Кирилла Туровского. И начинается это с первого ирмоса, определяющего тематическую направленность канона в целом: «Моисейскую поминаючи, *о, душе*, десницу, бѣжи грѣхолобиваго Егупта и разумнаго фараона отверзися работы, да крестную приимши палицу и страстное проидеши море, смѣреннемъ вопыюще: Поимъ Господеви, славно бо прославися» (л. 220 об.) И далее обращение к собственной душе звучит в каждой песни канона (за исключением 9-й), включая седален и икос:

²⁷ См Триодъ постная М, 1650 Л 452—452 об (Синаксарь Великого канона)

²⁸ См Там же Л 122—199, 437—462

²⁹ Там же Л 437—438

³⁰ Там же Л 440 об—441 об

«Доколѣ взиши, *убогая душе*, объята телесными страсти, обиду и немилосердьемъ, гордынею и пьянствомъ; си суть вражья тенета, иже ты живу до ада сведуть; но возпи покаяньемъ: О, Христе мои, растергни ми съузъ грѣховныи и спаси мя» (1-я песнь, троп. 2); «Вонми небо, рече Моиси, втораго написая закона перваго преступльшимъ; разумѣи, *душе*, свое падение...» (Ирмос 2-й песни); «Зѣло горка, *о, душе*, темница и люта верига, яже о тобѣ злопомненья страсти; и аще сихъ не останеши ся, злымъ себе предаси бѣсомъ и тѣми лютѣ яко плѣнница томима будеши» (3-я песнь, троп. 2); «О, *всестрастная душе*, како уязвися, како злѣ осквернися и како лютѣ неключима бысть; потщися, покаися и припади, вопыючи, к Богу, нѣкли муки избавить тя. Судь безъ милости, *о, душе*, милости не створимъ; блюди, внимаи, Христово слово дѣломъ покажи, масло щедротѣ възприими и свѣщю покаянья сблюди <...> побди, ожидаючи жениха, да внидеши в чертогъ спасенныхъ» (Седален); «Горе, *грѣшная душе*, часто каешися и всегда сгрѣшаеши, почто не бѣжиши змѣь, еяже губительство вѣси...» (4-я песнь, троп. 2); «...възникни, *душе моя*, от мрака грѣховнаго и озарися покаянья свѣтомъ» (Ирмос 5-й песни); «Не прелщаися, глаголющи, *о, душе*, яко просто кающися спасешися...» (5-я песнь, троп. 2); «Яко вѣсуетружаешися, *о, душе*, о собѣ ищущи спастися, аще не от Бога дасть ти ся помощь...» (6-я песнь, троп. 3); «Земная и временная възлюбивъ, вѣчныхъ благъ лишень быхъ; приди, *душе*, и возпи Христу...» (икос); «Годъ покаянья, *о, душе*, не отлагаи мысли прочее, еда, яко на Настасья оного, гнѣвъ Божии скоро варить тя...» (7-я песнь, троп. 1); «Федосья Великаго царя бодрое покаянье ты вѣси, *о, душе*, и чимъ своя очисти сгрѣшенья, да и ты от унынья възпрями...» (7-я песнь, троп. 2); «Безъ добродѣтели молящися, *о, душе*, аще и въздухъ исполниши словесъ, судить ти Павел...» (8-я песнь, троп. 1).

Мы видим, что поэтика «канона молебного» близка поэтике Великого покаянного канона Андрея Критского; в смысле основного поэтического приема канон Кирилла Туровского являет собой как бы вариацию канона Андрея Критского. Этого нельзя сказать о двух других канонах, в которых обращение к собственной душе как сквозная тема и поэтикообразующий принцип отсутствуют. В «кирилло-белозерском» каноне, не считая первого и пятого ирмосов, общих для всех интересующих нас канонов, обращение к душе читается только в трех случаях, причем первый находится в одном из тех трех тропарей, которые совпадают у «кирилло-белозерского» канона с тропарями «канона молебного»: «Горе тебѣ, *грѣшная душе*, часто каешися, всегда сгрѣшаеши, почто не бѣжиши змиа, еяже губительства съвѣси...» (л. 53 об., 4-я песнь, троп. 1; ср.: 4-я песнь, троп. 2 «канона молебного»). И далее обращение к собственной душе звучит еще только в двух тропарях, не имеющих параллелей ни в «каноне молебном», ни в «виленском» каноне: «Изыди, бѣжащи, от грѣховнаго, *душе*, места, ибо не сущу на древѣ оwoшy, не часто похотию приходиши въ ограды...» (л. 54 об., 5-я песнь, троп. 3); «Уже время кратится, *о, душе*...» (л. 56—56 об., 8-я песнь, троп. 3).

В «виленском» же каноне, кроме тех же первого и пятого ирмосов, вовсе отсутствует обращение к собственной душе. Все тропари «виленского» канона, за исключением одного, как уже говорилось, не совпадают с тропарями «канона молебного». Но даже там, где у «виленского» канона имеются общие тексты с «канонem молебным» (повторю, что это 4-й тропарь 4-й песни, кондак и икос), из них устраняется воззвание к собственной душе, если оно там присутствовало, — см. икос «канона молебного»:

«канон молебный»

Земная и временная възлюбивъ, вѣчныхъ благъ лишень быхъ, *приди, душе, и возми Христу* Едине Человѣколюбче, грѣшникомъ не отсѣкъ надежи, но милость кающимся проля, и мене кающася не презри

«виленский» канон

Земная и временная възлюбихъ, вѣчныхъ благъ лишихся, Христе Иисусе, едине Человѣколюбче, грѣшникомъ неотсѣкаемая надежда, но милость кающимся пролия, и мене кающася не презри

Итак, мы видим, что из трех канонов только «канон молебный» последовательно ориентирован на Великий покаянный канон Андрея Критского. И в этом смысле он тоже мог быть назван «великим» — по осознанию древнерусскими книжниками его близости к канону Андрея Критского.

Мы приходим к выводу, что именно «канон молебный» соответствует определению канона, упомянутого в Житии Кирилла Туровского: он и покаянный, и в известном смысле великий, и использует акростишный принцип, основанный на «главах азбуки».

В каком же соотношении с этим «великим» канонам находятся два «малых»? Их зависимость от первого очевидна. Следует указать на большую близость между «виленским» и «кирилло-белозерским» канонами. В первую очередь бросаются в глаза близкие совпадения в их заглавиях, далее, оба канона не имеют 2-й песни; кроме совпадающих ирмосов они содержат в каждой из песен (имеющей по 4 тропаря) по несколько совпадающих тропарей (в 1-й песни это тропари 1, 2; в 3-й — также тропари 1, 2; в 4-й — тропари 2, 4; в 5-й — тропари 1, 2, 4; в 6-й — тропари 1, 2, 3 «виленского» канона соответствуют тропарям 1, 2, 4 «кирилло-белозерского»; в 7-й песни тропари 1, 2, 4 «виленского» канона соответствуют тропарям 1, 3, 4 «кирилло-белозерского»; в 8-й песни совпадают тропари 1, 2, 4; в 9-й — тропари 1, 3, 4), совпадают и седальны этих канонов (однако в «кирилло-белозерском» варианте после «слава и нынѣ» читается вторая часть седальна, отсутствующая в «виленском» каноне). Из «великого» канона в оба «малых» перешли все ирмосы (за исключением, разумеется, ирмоса 2-й песни, отсутствующей в этих канонах). «Виленский» канон взял из «великого» канона кондак и икос. Далее, каждый «малый» канон взял из «великого» по несколько тропарей; «кирилло-белозерский» канон — три тропаря: 4-й тропарь 3-й песни, 2-й и 4-й тропари 4-й песни, а «виленский» канон — всего один лишь 4-й тропарь 4-й песни.

То, что здесь произошло заимствование из «великого» канона в «малые», а не наоборот, хорошо видно по четвертым (богородичным) тропарям 3-й и 4-й песен «малых» канонов. Они начинаются на «я», но в акростишной схеме «великого» канона, как мы это показали выше, в соответствии с продуманной там системой краестрочия, все богородичные тропари начинаются на «я», в «малых» же канонах эти тропари на «я» (два в «кирилло-белозерском» и один в «виленском») представляют бессистемное вкрапление в неформленное каким бы то ни было принципом краестрочие.³¹

³¹ Предлагаем схему начальных букв тропарей обоих канонов

«кирилло-белозерский» канон									«виленский» канон								
п 1	п 3	п 4	п 5	п 6	п 7	п 8	п 9		п 1	п 3	п 4	п 5	п 6	п 7	п 8	п 9	
ч	О	Г	З	Р	Ч	Н	В		ч	О	Ф	З	Р	Ч	Н	В	
Х	В	Б	И	Ж	И	И	Х		Х	В	Х	И	Щ	Н	И	Ц	
В	Л	П	И	В	Н	У	Ц		И	В	П	О	З	С	У	Х	
Д	Я	Я	М	З	Б	Б	Е		Н	М	Я	М	Д	Б	Б	Е	
													М				

Похожее доказательство вторичности «малых» канонов по отношению к «великому» было приведено нами выше на примере разрушения «малыми» канонами другого последовательно выраженного в «великом» каноне принципа — проходящей через весь «великий» канон сквозной темы обличения собственной души.

Поскольку у «кирилло-белозерского» и «виленского» канонов совпадают между собой ирмосы (общие с «великим» канонам), седальны (отличные от седальна «великого» канона) и целый ряд тропарей (не имеющих соответствия в «великом» каноне), необходимо обсудить вероятность следующей текстологической стеммы: не был ли «великий» канон источником лишь одного из «малых» канонов, который в свою очередь стал прямым источником «другого» малого канона? Т. е. нельзя ли предположить, что один из «малых» канонов мог не знать вовсе «великого» канона Кирилла Туровского? И тогда какой же из них первичен, а какой вторичен?

Предположим, что первичным среди «малых» канонов был «виленский» канон; он заимствовал из «великого» канона: ирмосы, один тропарь 4-й песни, кондак и икос, заменив седален «великого» канона на собственный седален и создав собственные тропари ко всем песням (за исключением одного, заимствованного из «великого» канона). Составитель же «кирилло-белозерского» канона взял из своего источника, «виленского» канона, ирмосы, большую часть его оригинальных тропарей, седален (добавив к нему 2-ю часть) и заменил кондак и икос своего источника на собственные кондак и икос. Но если бы это было так и составитель «кирилло-белозерского» канона имел перед собой единственный источник — «виленский» канон, откуда бы взяли в его сочинении сверх одного-единственного тропаря, заимствованного «виленским» канонам из «великого» канона, еще два тропаря из «великого» канона (см. выше)? Получается, что составитель «кирилло-белозерского» канона, помимо знания «виленского» канона, должен был еще отдельно обращаться к «великому» канону за этими двумя тропарями.

Тогда, быть может, первичным был «кирилло-белозерский» канон? Быть может, это его составитель взял из «великого» канона ирмосы и 3 тропаря, заменив седален, кондак и икос «великого» канона на собственные седален, кондак и икос? А составитель вторичного «виленского» канона взял из «кирилло-белозерского» ирмосы, один из трех тропарей «великого» канона, заимствованных «кирилло-белозерским», большую часть собственных тропарей «кирилло-белозерского» канона (присоединив к ним свои собственные) и первую часть седальна? Но как он поступил с кондаком и икосом своего источника? Он от них отказался. И взял их ... из «великого» канона. Получается, что и составитель «виленского» канона также не мог обойтись без прямого обращения к «великому» канону.

Так что предположение о независимости хотя бы одного «малого» канона от «великого» оказывается несостоятельным. И в то же время оба «малых» канона, имея прямую связь с «великим» канонам, столь же прямо связаны между собой, как это видно из общности большей части тропарей их песен и общих седальнов. Сложный рисунок взаимных совпадений и различий между тремя канонами покажем на примере одной лишь 3-й песни.

«канон молебен»

Пѣснь 3. Ирмос Яко Богъ всесилень, изнемогъшюу грѣхми душою моею и сердце, злыми запустѣвши, доброплодно створи, духомъ скрушеномъ молитву ти принесу

Аще въспомяну си дѣла, отинудь отчаюся, яко Божия не створиши воля, но всю плотскую похоть, прелещень врагомъ, слѣяхъ, да кто мене не плачеть, погибшаго лютѣ

Зело горка, о, душе, темница и люта верига яже о тобѣ злопомненья страсти, и аще сихъ не останеша ся, злымъ себе предаши бѣсомъ и тѣми лютѣ яко плѣнница томима будещи

Яко человекъ, сгрѣшихъ, но яко Богъ, прости мя, Отче, Сыне и Святой Душе, тобѣ вѣрою поклоняюся и твоея требую милости и до послѣдняго издыхания

Явлена от вѣка всѣхъ крестьянъ заступнице и къ Богу ходатаница, Марье, богоизбранная Владычице, прими мою молитву и подаждь отпустить многихъ ми прегрѣшени молитвами си

Сѣдален. Глас 6. О, всестрастная душе, како уязвися, како злѣ оскверниши и како лютѣ неключима бысть, потщися, покайся и припади, вопьющи, къ Богу, нѣкли муки избавить тя

Судь безъ милости, о, душе, милости не створимъ, блуди, внимаи, Христово слово дѣломъ покажи, масло щедротъ въсприими и свѣжо покаянья соблюди неугасающю, побди, ожидаючи жениха, да видиши в чертогъ спасенныхъ (л 222—223)

«виленский» канон

Пѣснь 3. Ирмос. Яко Богъ всесилень, изнемогъшюу грѣхми душою моею и сердце злыми запустѣвши доброплодно створи, да духомъ сокрушенымъ молитву ти принесу

От пелень врагомъ во плѣнь ведень быхъ, и бѣсовскимъ запалень огнемъ, безакониемъ кипя, всякъ грѣхъ совершаю, ни мало не болю покаяннемъ, но погибаю, величаяся, Христе мой, спаси мя отчаяннаго

Во юности безаконие возрасте и нечистыя похоти, и во старости стыдкая дѣла и чрезестественныя грѣхи, и доселѣ не останахъ скверны, диаволомъ лстимъ, но отнынѣ, Господи, каюся, избави мя вѣчныя муки

Вѣкъ мой скончевается, а страшный престолъ готовится, и Судии ждетъ, претя ми огнемъ и мукою и пламенемъ негасимымъ, слезъ тучю подаждь же ми и угаси его силу, хотяи спастися всѣмъ человекомъ

Мати Божия Пречистая, стѣно христианомъ, избави люди своя, обычно вопиющая, противящаяся врагомъ гордымъ и мыслемъ, да воинемъ ти Радуйся, Обрадованная

Сѣдаленъ. Глас 8. Шествия лукавная тайно ходившу ми, не утаишася всевидящаго ока Божия, и ложную вѣру сохранихъ, и содержу истину в неправдѣ, аки бо искушая Бога, зло дѣю, и всю чреду, аки волкъ, смятохъ, тѣмъ праведнымъ осужденъ быхъ судомъ, отмщение моихъ безаконий предъ всѣми прииму, геена болить и прочая муки, чающе прияти мя осужденнаго, милостивнымъ си взоромъ тогда видѣвъ, Христе, помилуй мя (л 361 об — 362)

«кирилло-белозерский» канон

Пѣснь 3. Ирмос Яко всесилень, изнемогъшюу грѣхми душою моею и сердце, злыми запустѣвши, доброплодно створи, духомъ скрушеномъ молитву ти принести

Опалень врагомъ, въ плѣнь ведень быхъ, бѣсовскимъ опалень огнемъ, безакониемъ кипя, вся грѣхи съвършаю, и мало не болю покааниемъ, но погибаю, величаяся, Христе Боже, спаси мя отчааннаго

Въ юности безаконие, въ старости нечистыя похоти възрастиши стыдкая дѣла, чрезестественныя грѣхи, и доселѣ не останахъ скверны, дѣлаа диаволею лестию, но отнынѣ, Господи, каюся, избави мя вѣчныя муки

Люто ми, леств имѣю грѣховныхъ юности обычаи, малое ми оно бысть пропастъ велика, у же бо одолѣнь быхъ грѣхомъ вижу ся, но на твою, Боже, вижураю милость, не отлучи мене

Явлена от всѣхъ христианъ заступнице и къ Богу ходатанице, Марие богоизбранная Владычице, прими мою молитву, испроси отпустить многихъ ми прегрѣшени

Сѣдален. Глас 8. Шествуа лукавнаа, тайну проходившу ми, не утаишася всевидящаго Божия ока, и ложну вѣру съхранихъ, и сѣдржу истину въ неправдѣ аки бѣсъ, видя Бога, зло дѣю, всю чреду, аки влѣкъ, смятохъ, тѣмъ праведнымъ осужденъ быхъ судомъ, отмщениа моихъ безаконий предъ всѣми прииму, геена болитъ и прочаа муки, чающе прияти мя, прежде суда осужденнаго, милостивнымъ взоромъ тогда, Владыко, видѣвъ, Христе Боже помилуй мя грѣшнаго и спаси мя

Слава и ныне. Той же глас. Никтоже чисгъ от скверны никтоже, Боже, видѣны въ человекѣхъ, аще и единъ день животь его но токмо единъ Богъ, обolkнися въ плоть нас ради от

Девы Марии, взимаа грѣхы всего мира, многомилостиве Христе Боже, хотяи вся челоуѣкы спасти, благии душелюбець, отець сиротам, Богъ кающих, врачь душамъ и тѣлом нашимъ, Спась челоуѣкомъ, к тому прибѣжим, да получим милость (л 52 об — 53 об)

Кто же мог так запутать дело? Кто так вольно обращался с подлинным текстом Кирилла Туровского? Не кто иной, как сам преподобный Кирилл Туровский.

Стоит нам встать на эту точку зрения, как все недоумения отпадают. Сам Кирилл был волен превратить свой большой великопостный канон в два малых повседневных канона, используя старые ирмосы, кондак и икос; сам Кирилл был волен поменять кондак и икос в одном из канонов и оставить их нетронутыми в другом; сам Кирилл был волен написать новый седален для первого из созданных им «малых» канонов, а потом добавить к нему вторую часть в другом. И конечно же, сам Кирилл создал новые тропари для повседневных канонов, включив в их состав малую толику тропарей из великопостного канона (сперва один — в «виленском» каноне, добавив позже к этому еще два других в «кирилло-белозерском» каноне).

В содержании обоих «малых» канонов есть такие авторские самохарактеристики, которые говорят о том, что они принадлежат человеку, знаменитому на поприще словесности, риторства, учительства. В «виленском» каноне они находятся в 1-м и 2-м тропарях 4-й песни (из них 1-й тропарь оригинален, а 2-й совпадает с тропарем «кирилло-белозерского» канона): *«Философъ хитрорѣчия и пѣвецъ доброгласия от юности не навыкохъ, но грѣхомъ прилежахъ, весь сквернень сведохся; милостиве Господи, приими мою худую молитву, не мудростию слагаему, но от горести душа о грѣсехъ приношиму»* (1-й тропарь); *«Хитроглаголиво слово, увѣтлива уста, быстростружуща рѣчь языка не избавить мене от муки, зломыслено имуща сердце, окверняющи ми в похотехъ душу и во глубинѣ огненной погружаемъ; о, милостивый Спасе, даждь ми время покаянню»* (2-й тропарь).³² В «кирилло-белозерском» каноне, кроме этого, есть еще один тропарь с подобной самохарактеристикой: *«Притчю смоквеи внимаю всуе, хваляся многословнымъ листвиемъ, плода добрыхъ дѣлъ не творя...»* (л. 53 об.—54; 3-й тропарь 4-й песни). Мы знаем, что Кириллу Туровскому было свойственно покаянное чувство, связанное с его учительной деятельностью, тот высокий уровень нравственного смирения, который заставлял его уничижать то, что возвышало его среди людей. Это особенно хорошо видно по одной из его молитв седмичного цикла: *«Се бо время живота моего съкращается, скверны же душа моя умножишася <...> съградихъ яко столпъ высокомысленныя глаголы, клевету же съ лжамы боговѣщанными утвердихъ словесы <...> пребыхъ, окаянный, яко Дафанъ и Авирон, ко учителству чрес естество желая...»*.³³

Точно так же и автор «малых» покаянных канонов сравнивает себя с бесплодной смоковницей, приравнивая к ее листве свою *многословность*; он бичует себя за *хитроглаголивое слово, увѣтливые уста, быстро-*

³² Полуустав Л 362 об (см Рогачевская Е Б Покаянный канон С 371) Ср РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 118/375, л 53 об

³³ Рогачевская Е Б Цикл молитв Кирилла Туровского Тексты и исследования М, 1999 С 130—131 (Молитва в пяток по заутрене)

стужущую речь. Подобная самооценка составителя канонов также свидетельствует в пользу авторства Кирилла Туровского.

Таким образом, и текстологический анализ, и анализ поэтики, и подробности содержания трех канонов подводят нас к следующим выводам. Кирилл Туровский был творцом великопостного покаянного канона с буквенным краестроцием, сохранившегося в рукописи XIV в. РНБ, Софийское собр., № 1052. На основе этого великопостного канона сам он позже составил два разных, но близких между собой повседневных канона с покаянным содержанием, один из которых дошел до нас в составе рукописи 1490 г. РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 118/375, а другой — в составе старопечатного издания «Полуустава» (Вильно, 1622).

В Приложении мы публикуем по указанным рукописям три покаянных канона Кирилла Туровского; великопостный канон при этом издается вместе с сопровождающими его стихирами, которые в совокупности с самим каноном составляют особого рода покаянную службу; этой службе в целом будет посвящена наша следующая статья.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Канон молебен Кюрила грѣшнаго. Глас 5

Пѣснь 1. Ирмос. Моисѣйскую поминаючи, о, душе, десницу, бѣжи грѣхолобиваго Егупта и разумнаго фараона отверзися работы, да крестную примещи палицу и страстное проидещи море, смѣренъемъ вопыщи: Поимъ Господеви, славно бо прославися.

Азъ есмь обличитель сущихъ во мнѣ зольдѣянии, имиже прогнѣвахъ Христа, вся того преступивъ заповѣди; и вся нынѣ писанью предахъ, помыслы моя, словеса же и дѣлеса, скверны вся и безаконья, на слышанье всему миру.

Доколѣ взиши, убогая душе, объята телесными страстми, обидою и немилосердьемъ, гордынею и пьянствомъ; си суть вражья тенета, иже тя живу до ада сведуть; но возпи покаянъемъ: О, Христе мои, растергни ми сзуть грѣховънии и спаси мя.

Якоже немолчно славять огнедохновенными гласы серафимъстии полци тресвятую Троицу, всяя твари сдѣтеля, тои припадаю, прося отпуста многихъ ми грѣховъ: О, милостивыи Творче, поне на конецъ спаси мя.

Яко уродивыя девы, не имамъ покаяльнаго свѣтилника, ни стяжахъ масла милостивнаго, но всеу толку затвореномъ от мене двѣремъ; но, о, Мати Божия, избави от муки лютыя убогую ми душу.

Пѣснь 2. Ирмос. Вонми, небо, рече Моиси, втораго написая закона перваго преступльшимъ; разумѣи, душе, свое падение, Богъ истиненъ судия праведно и въздая комуждо по дѣломъ его.

Адамъская помысливъ, в бѣсовская впадохъ, по законная емъся, въ безаконная уклонихъся, свѣтъ възненавидѣвъ, во тмѣ грѣховнѣи заблудил есмь.

Грѣхи моя, аки Ламехъ, предъ всѣми исповѣдаю, а своего зла оубычая никогдаже не остануся; о, лютѣ мнѣ оканьному, всѣмъ мукамъ повиньному.

Яко Богъ многомилостивъ, приими мя кающася и даждь ми оставление многих ми съгрѣшени, да въ Троици прославлю тя, Отца и Сына и Святаго Духа.

Яко всѣхъ сы грѣшнѣи, на небо възрѣти не смѣю, но к тобѣ припадаю, вопью: Мати Божия пречистая, умилосердися на мя и избави мя вѣчнаго мучения.

Пѣснь 3. Ирмос. Яко Богъ всесильнъ, изнемогъшую грѣхъми душу мою и сердце, злыми запусѣвъше, доброплодно створи, духомъ скрушеномъ молитву ти принесу. //

Аще въспомяну си дѣла, отинудь отчаюся, яко Божия не створишь л 222 об воля, но всю плотскую похоть, прелщень врагомъ, сдѣяхъ; да кто мене не плачетъ, погибшаго лютѣ.

Зѣло горка, о, душе, темница и люта верига яже о тобѣ злопомненья страсти; и аще сихъ не останешися, злымъ себе предаши бѣсомъ и тѣми лютѣ яко плѣнница томима будеши.

Яко человекъ, сгрѣшихъ, но яко Богъ, прости мя, Отче, Сыне и Святыи Душе, тобѣ вѣрою поклоняюся и твоя требую милости и до послѣдняго издыхания.

Явлена от вѣка всѣхъ крестьянъ заступнице и к Богу ходатаица, // Марье, богоизбранная Владычице, прими мою молитву и подаждь отпустъ л 223 многихъ ми прегрѣшениимъ молитвами си.

Сѣдален. Глас 6. О, всестрастная душе, како уязвися, како злѣ оскверниши и како лютѣ неключима бысть; потщися, покаися и припади, вопыючи, к Богу, нѣкли муки избавить тя.

Судь безъ милости, о, душе, милости не створимъ; блюди, внимаи, Христово слово дѣломъ покажи, масло щедротъ въсприими и свѣщю покаянья сблуди неугасающую; побди, ожидаючи жениха, да внидеши в чертогъ спасенныхъ.

Пѣснь 4. Ирмос. Провидя духомъ Амбакумъ еже до моя нищеты твое, Христе, схоженье, укрѣпляя ся смотрно вопыша: Яростью напрязи на враги лукъ свои, избавляя от плѣна рабы своя, немолчно вопыща: Слава силѣ твоей, Господи. л 223 об

Въ малъ часъ рабъ Христовъ нарекохъся, во вся же дни и донынь грѣховныи рабъ свѣдѣся, дѣлатель бивъ всякого безаконья, всѣми нечистотами осквернився и всякой муцѣ повиненъ бивъ, оканьныи.

Горе, грѣшная душе, часто каешися и всегда сгрѣшаеши, почто не бѣжиши змѣѣ, еяже губительство вѣси, како не боишися скоропие, смертное жало имущи; пролеи слезы преже смерти, да ти // угаснетъ вѣчныи л 224 огонь.

Яже прияхъ мнасу и тою купля не творяхъ, но мысленную раскопавъ землю и лѣнственнымъ обивъ платомъ, невѣрьемъ душа посыпахъ; но, Троице святая, аще и взя от мене свое, нѣ въ кромѣшнюю тьму связана не послы мене.

Явленныхъ и неявленныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ и чресъестественныхъ безаконии, яко Богъ, прости мя молитвами Богородица, яже за вся молятся, Христе многомилостиве; тоя ради възведи мя ис пропасти грѣховныя.

Пѣснь 5. Ирмос. Огньныи умъ, Исаия, духодвижимо провъзглаголаше, утрьню къ Богу моляшеся, приложити // злочестивымъ, понеже истины л 224 об не створиши на земли; тѣмъ възникни, душе моя, от мрака грѣховнаго и озарися покаянья свѣтомъ.

Быхъ подражателъ Скарриоту Иудѣ неправеднаго имѣнья ради, лика же апостоль отпадохъ, продавъ истину на лжю, и быхъ давимъ отчаянемъ; но не презри мене, Христе Спасе, якоже Петра плачущая горко.

Не прелщаися, глаголющи, о, душе, яко просто кающися спасешися, аще не потерпиши преже конца, слъзами горко смѣряющися, то лукавымъ
л 225 подобна будеши бѣсомъ, иже, вѣдуще Бога, злое дѣють, и // с ними вѣчно мучена будеши, аще не плачешися нынѣ.

Иже рече Господь вдовицю обидиму от суперника, в томъ же градѣ и судью неправедна; градъ убо, рече, разумѣи свое тѣло, вдовицю же — убогую ми душу, обидиму сердечными помысли, и судью — Слово Божие, единого от Троица, ожидающа моего покаяния; и си вся учившиися видять.

Яко всѣхъ крестьянъ заступница и помощница обидимымъ, Мати Божия Пречистая, к тобѣ припадаю, моляся, прося отпуста многихъ ми золь, очисти оскверненую лютѣ убогую ми душу твоими богоприятными молитвами. //

л 225 об **Пѣснь 6. Ирмос.** Яко Иона вопью ти, Христе, въ китѣ золь моихъ одержимъ, из глубины възведи мя грѣховныя, да же не скончается душа моя, въ Церковь святую твою приими мою молитву.

Азь к тобѣ припадаю, Христе Спасе, прося прощенья моихъ грѣховъ, иже от уности и донынѣ на убогую ми сдѣяхъ душу; но яко милостивъ, даже ми слъзы покаянья.

Зѣло милосердѣ еси, Христе, и смерти не хочещи грѣшнику; вожъзи свою великую милость и свою обряци мя драгму, и святяя съзови сусѣды, и всѣмъ створи веселье, ангеломъ и человѣкомъ.

л 226 **Яко** въсуде тружаешися, о, душе, о со//бѣ ищющи спастися, аще не от Бога дасть ти ся помощь; тѣмъ усердно покланяю ти ся, Троице святая, спаси мя, на тя надѣющагося.

Яко всѣхъ преболши земныхъ и небесныхъ чиновъ, Дево Пречистая Богородице, к тобѣ бо припадаю, моляся, ходатаи ми буди къ Сыну си и всѣхъ Богу, отраду ми подати въ День Судьныи.

Кондак. Глас 8. Душевнаго падения по вся часы в собѣ видя и твое долготерпѣнье, Слове, прѣбидя, всѣхъ благыхъ лишихся и всякои муцѣ повинень быхъ; но възведи мя, у же отчаяна, Богородица ради, Многомилостиве.

л 226 об **Земная** и временная възлюби//въ, вѣчныхъ благъ лишень быхъ; приди, душе, и возли Христу: Едине Человѣколюбче, грѣшникомъ не отсѣкъ надежи, но милость кающимъся проля, и мене кающася не презри; разумѣю разбойника исповѣданьемъ спасена, и мытаря милостынею очищена, ту и блудницу помышляю плакавшюся, яко во всѣхъ положилъ еси образы покаянья; мощень же еси и моя отпустить прегрѣшения, имиже по крещении осквернихся, и чистоту, яко Богъ, подажь ми и спаси мя. Люд<и>. Богородица ради, Многомилостиве.

л 227 **Пѣснь 7. Ирмос.** Ангеломъ отроки схранивъ въ кипящи пламенемъ печи и му//чителя, опаливъ, посрами, яко Богъ, извѣстия силу свою, емуже поюще, рцѣмъ: Въ вѣкы благословлень еси.

Годъ покаянья, о, душе, не отлагаи мысли прочее, еда, яко на Настасья оного, гнѣвъ Божии скоро варить тя, и внезапно оставльши все, адское постигнеши дно.

Феодосья Великаго царя бодрое покаянье ты вѣси, о, душе, и чимъ своя очисти сгрѣшенья, да и ты от унынья въспряни, омываючи слъзами своя прегрѣшения.

л 227 об **Якоже** чту Бога Отца, тако вѣрую въ Сына Христа, одинако молю и Духа Святаго; славлю въ единствѣ Троицу, // покланяюся единому Богу и прошю грѣховъ отпуста.

Яко едину имаю, Богородице, утѣху и прибѣжище, и ты на помощь призываю: умоли Христа, егоже еси родила, милостивому быти сдѣ нынѣ и въ День Судный.

Пѣснь 8. Ирмос. Царьскихъ дѣтии молитва пещный пламень прохлади и ярость мучителю побѣди, и яко в чертозѣ поюще, глаголаху: Благословите вся тварь.

Безъ добродѣтели молящися, о, душе, аще и въздухъ исполниши словесъ, судить ти Павелъ, глаголя: Пяти словъ хоцю въ молитвѣ с вѣрою, неже тьму словесъ языкомъ. //

Господи многомилостиве, на мя неспасенаго призри и худую сию прими молитву, не хытостью слагаему, но от горести убогя ми душа о грѣсѣхъ приносиму. л 228

Яко единому Богу въ Троици, изъ глубины сердца вѣлю и вѣрою молю ти ся, глаголя: Отче нашъ, иже еси на небесехъ, отпусти наша долги, ни введи насъ в напасть, но от неприязни избави ны.

Яко заступница сущи вѣрою тобѣ молящимся, тѣмъ к тобѣ нынѣ припадаю, не презри, но спаси, Богородице, и всякого избави зла, ты и мою къ // Богу донеси молитву. л 228 об

Пѣснь 9. Ирмос. Тя по естъству Деву и паче естъства Бога рожьшу, евжину клятву потрѣбивша и Адама от узъ избавльшаго, егоже нынѣ моли, подати ми оставленье грѣховъ, да ты, Богородице, радостнымъ сердцемъ правовѣрно възвеличимъ.

Ангели и архангели, хѣровими и серафими, власти и владычества, престоли, господства и вся чиначалья горнихъ чиновъ молятъ тя, Христе, Царю всего мира, молитвами небесныхъ силъ помилуй мя грѣшнаго. //

Единому тобѣ, Христе, сѣгрѣшихъ и паче всѣхъ тя прогнѣвахъ и душу злыми осквернихъ; но своею милостью оисти мя, послушавъ моленья божественныхъ властии, окрестъ престола ти стоящихъ и за весь миръ молящихся. л 229

Како хоцю, осуженыи, предъстати тобѣ Судьи всѣхъ Богу, обличаемъ за вся злая моя, яже без ума сѣгрѣшихъ, волею себе всего осквернихъ; но щедротами своими, Христе, помилуй мя осуженаго.

Помилуй мя, Боже, помилуй, егда хоцещи ми судити, не осуди мене во огонь, ни обли//чи мене яростью си, молить тя Дева чистая, рожьшия л 229 об

ты, Христе, и множество ангель и мученикъ сборъ.

Свѣт<илен>. Небо звѣзд.

На хвалите. Глас 4. Престоль тщеславьемъ собѣ поставихъ, ложнымъ многословиемъ на немъ възлегохъ, самохвалениемъ вся осужаю, пагубно омрачихъся, дымъ въ солнца мѣсто держю, с горы закона уклонихся; яко тощъ корабль мысленными волнами умъ погрузихъ в мирьстѣмъ любимѣнныя мори, възлюбихъ нынѣшнии вѣкъ и гнусныхъ наполнихъся // дѣль; л 230

Господи, потопа грѣховнаго избави мя.

Колесницу уготових си, похотѣми грѣха утворену, аky коня въпрягохъ злую скверну и незаконя, имиже несомъ по широкому пути стыдкого обычая в послѣднее неспасеное крещенье темнаго огня; не презри мене милостию си, Иусе, всего мира грѣхы въсприимъ, и настави мя на путь покаянья, да дѣло с разумомъ принесу ти; яко и кадило, прими молитву мою.

Бежати грѣха помыслихъ, и скоро многими постижень // быхъ: похоть грѣха удолжихъ, и еще мысль прилежить ми на зло, и уподобихъся свиньямъ, радующимся сквернѣ, и поревновахъ псомъ, поядающимъ своя л 230 об

блвотины, и утолстихъ плоть и бѣсомъ игралище оставихъ; и како исповѣдѣ по числу, а не свѣдѣ моихъ золь; о, Христе мои Слове, от грѣховныя мя работы, яко милостивъ, свободи.

Слава. Богородице, о мирѣ молитвенице и Богу нудителнице, челоуѣкомъ спасителнице и бѣсомъ лютая томителнице, хотѣнию ти, Дево, пре-
л 231 силна сила въслѣ//дуетъ, токмо въсхоци; не мнѣ, Владычице, но имени твоему даждь славу; молю ти ся, Милостивая, створи, да буду царь тѣлу своему, и господинъ вредомъ, и естеству приставникъ, подражатель Сына ти, от помощи твоя утѣшение мое скорое.

**На стих<овне>. Стихиры. Глас 8. Подобен: Что в. Еже ми подькопа врагъ в первую годину храмину и душевную украде чистоту, понеже въ третью годину старости даждь възбнути на покаянье, да не въ грѣсѣ и нищеть скончаюся и щѣте; рекль еси и просящему дати обѣщася, и тол-
231 об кущему ми отверзи двѣ//ри милости твоя.**

Шатание уности, лицемѣрье старости, обою без ума притяжахъ, в лестную одѣхся ризу и весь студа наполнихся; се яко в зеркало приникъ дѣль моихъ, скверны душа моя узрѣхъ и яко во окринѣ слезь моихъ омыти подвигнуся; даждь ми время покаянию.

Вѣка сего любовию многа имѣния желаю, а самъ долго жити не могу; покаянию годъ отлагаю, въ старости Богу послужити мышлю и лѣнивѣ
л 232 свою жизнь скончаваю, сладостными ласкосердудя, похоть // ми побѣждаемъ, гордъ, и величавъ, и самомнивъ; Господи, избави мя от смерти тѣла моего.

Разумное утро, Богородице, и заре безначалнаго свѣта, въстокъ сияния славы Отца и чувствѣнное солнце свѣтомъ, подарившаго ангельскыи умъ разумомъ кормящаго, сего многоочити видѣти не могуще, крылы закрываються; о, Мати свѣтлыя чистоты, створи мене сына дни и чадо свѣта.

Блаженна. Глас 6. Ирмос. Разбоиникъ оглагола, разбоиникъ же благослови, сия оба на крестѣ повѣшена; но, о, Милостиве, яко тому рци, познавшему тя, // Господи, и мнѣ отверзи двѣри преславнаго ти Царствия.

Страшенъ еси, Господи, изливая бещестье на князя, на священники гнѣвъ открывая и судия въ плѣнь посылая, по воли сгрѣшившихъ и волею не кающихся.

Горе лѣности моего спасения, людскыя грѣхы присно изѣдаю, просимыя скоро приемля дары; но си правѣдничю примуть мзду, азъ же с лицемѣры осуженъ буду; имже вѣси судомъ, Иисусе, спаси мя.

Падшии ми умъ въздвигни, Господи, да жертву словесную исповѣдания устъ принесу ти и душевныи кадило, сердца възды//хание; послушай
л 233 моего моления, яко отецъ своего чада нѣмованія, и приими мою молитву, яко мати младѣнца.

Божество, в собѣ сыи, свои имѣя умъ, бѣ присно умъ свѣтель, а ино ничтоже; се единство, не обято мыслью, никыиже умъ достигнетъ, ни Сына кто вѣсть, аще не Духъ правосроденъ просвѣтитъ приглашати: Троице Святая, спаси душа наша.

Марие, небесное кадило, божественныи угль в собѣ имѣла еси, егоже Моиси въ купинѣ, Исаия от сѣрафимъ, Езекиль въ колесихъ видѣти сподобишася; Богородице, пресвятое имя, спаси душа наша.

**Канонъ покаянень ко Господу нашему Иисусу Христу,
пѣваемъ по вся дни, творение преподобнаго отца Кирилла.
Глас 5**

л 360

Пѣснь 1. Ирмось. Моисеову поминающе, душе моя, десницу, бѣжи грѣхлюбиваго Египта и разумнаго фараона отвержися работы, да крестную приемши палицу, страстное преидеши море, смириениемъ вопиюще: Господеви поемъ, славно бо прославися.

Запѣль: Слава тебѣ Боже нашъ, слава тебѣ.

Чого ожидаю и что на время взираю; мимошедшая лѣта помышляю и разумѣю множество золь моих, от нихже обрати мя, Христе, да пию судьбѣ твоих пелын на прогнание грѣховнаго вреда, да же не затворятся двери покаяния и обличатся тайны, и испытаются дѣла и мысли, и осудятся грѣшници.

Хощу нынѣ изглаголати пред образомъ твоего // подобия, Христе, л 361 об душа моя всю горестъ и нерадство и слабость тѣла моего; аще бо грѣси мои претят ми молчати, но от болѣзни сердца моего исповѣдаю ти ся, ибо дѣлатель погубил сѣмена, не оста ролий, и купецъ, чюжая заим, стражет; покаяния ради, Господи, спаси мя.

Слава. Инѣхъ святое житие хвалю, а своихъ грѣхов не остануся, яко инѣмъ подая законъ, но паче всѣхъ безаконствовахъ, и самѣхъ христуубицъ горѣй быхъ, данный ми талантъ злѣ погубих; аще ты, Господи, не воздвигнеши дому, суетно бо есть спасение человѣческо.

И нынѣ. Нынѣ убо к кому воззову и кто ми плач и болѣзнь приметъ и от сердца воздыхание; но токмо ты, Пречистая Дево, упование християномъ и всѣмъ грѣшнымъ.

Пѣснь 3. Ирмось. Яко Богъ всесилень, изнемогшую грѣхми душу мою и сердце злыми запусѣнни [так!] доброплодоносно сотвори, да духом сокрушенемъ молитву ти принесу.

От пелень врагомъ во плѣнь ведень бых, и бѣсовскимъ запалень огнемъ, безакониемъ кипя, всякъ грѣхъ совершаю, ни мало не болю покаяниемъ, но погибаю, величаяся; Христе мой, спаси мя отчаяннаго. //

Во юности безаконие возрасте и нечистыя похоти, и во старости л 362 стыдкая дѣла и чрезестественныя грѣхи, и доселѣ не остах скверны, диаволомъ лстимъ; но отнынѣ, Господи, каюся, избави мя вѣчныя муки.

Слава. Вѣкъ мой скончевается, а страшный престолъ готовится, и Судии ждет, претя ми огнемъ и мукою и пламенемъ негасимымъ; слезъ тучю подай же ми и угаси его силу, хотяй спастися всѣмъ человѣкомъ.

И нынѣ. Мати Божия Пречистая, стѣно християномъ, избави люди своя, обычно вопиющая, противящаяся врагомъ гордымъ и мыслиемъ, да вопиемъ ти: Радуйся, Обрадованная.

Сѣдалень. Глас 8. Шествия лукавная тайно ходившу ми, не утаишася всевидящаго ока Божия, и ложную вѣру сохранихъ, и содержу истину в неправдѣ, аки бо искушая Бога, зло дѣю, и всю чреду, аки волкъ, смятох; тѣмъ праведнымъ осужденъ быхъ судомъ, отмщение моихъ безаконий предъ всѣми прииму; геена болить и прочая муки, чающаи прияти мя осужденнаго; милостивнымъ си взоромъ тогда видѣвъ, Христе, помилуй мя.

Пѣснь 4. Ирмось. // Провидя духомъ Аввакумъ еже до моя нищеты л 362 об твое, Христе, схождение, укрѣпляя смотренно вопиаше: Ярости напрязи на врагы лукъ свой, избавляя отъ плѣна немолчно вопиющая: Слава силѣ твоей, Господи.

Философъ хитрорѣчия и пѣвецъ доброгласия от юности не навыкохъ, но грѣхомъ прилежахъ, весь сквернень сведохъся; милостиве Господи,

приими мою худую молитву, не мудростию слагаему, но от горести душа о грѣсехъ приносиму.

Хитроглаголиво слово, увѣтлива уста, быстростружуща рѣчь языка не избавить мене от муки, зломыслено имуща сердце, оскверняючи ми в похотехъ душу и во глубинѣ огненной погружаемъ; о, милостивый Спасе, даждь ми время покаянню.

Слава. По смерти убо тамо ни дѣлати могу, ни молитва ми приятна; нынѣ прошу слезамъ туча [так!] со упованиемъ: Даждь ми, Христе, дѣлати покаяния доброплодия ниву и пожди радостныя жатвы, да принесу ти спасения плоды.

И нынѣ. Явленныхъ и неявленныхъ, видимыхъ и невидимыхъ и чрезъестественныхъ безаконий, яко Богъ, прости мя молитвами Богородица, иже за // вся молится, Христе многомилостиве, тоя ради возведи мя из бездны грѣховныя.

Пѣснь 5. Ирмосъ. Огненный умъ, Исаия, духодвижимо провозглашаше, утренюя ко Богу моляшеся: Приложи зло нечестивымъ, прежде истины не сотвориша на земли; тѣмъ возникни, о, душе моя, от мрака грѣховнаго, озарися свѣтомъ покаяния.

Злодей врагъ без студа нападе на мя, воскрешета зубы завистию; много брахся, и преможе мя; впадохъ в сѣти его, и аки звѣрь на убиение улови мя, и стрѣлою безакония устрѣли мя, и мечемъ грѣха порази мя; Исусе, всѣхъ врачу, исцѣли мя.

Искусник моя вѣры прежде на зло пострычет мя, не егоже азъ ненавижу, но любовными мною вещми, аки узами, связан; и в прочая влечет мя грѣхы и хвалится о моей погибели; но кающася, Христе, приими мя.

Слава. Ослаби ми, Господи, ослаби ми и не погуби мене со безаконии моими, но покажи на мнѣ свою благодать еже утреневати и славити тя единого челоуѣколюбца.

И нынѣ. Мати челоуѣколюбца Бога, егда молитву приносиши // к Богу за родъ христьянский, помяни мене грѣшнаго, да не препрѣнъ буду воздушными мытари, да не отягчаютъ грѣси мои в мѣрилахъ на воздухъ, но свѣтоличнымъ аггеломъ предай мя.

Пѣснь 6. Ирмосъ. Яко Иона вопию ти, Христе, в китѣ золь моихъ одержимъ, из глубины грѣховныя возведи мя, да же не скончается душа моя, во Церковь святую твою приими мою молитву.

Ревную душею в дѣло Господне, а тѣломъ низпадаю во грѣхъ, воздержимъ от единого сердечнаго корения, аки древу вѣтви, многи помышления; от нихъже, Христе, сухая истреби, сирѣчь грѣховныя, да не с ними во огонь воверъжень буду.

Щадень быхъ и донынѣ, яко древо въ оградѣ закона Христова, никогдаже не сотворихъ благоплодия моему Владыцѣ и благодателю; трепещу проклятия со посѣчением, аще покаяния плода на оно лѣто не принесу.

Земля украшается цвѣты, древо похвалимо плод дѣля; азъ же различными грѣхы осквернихъ ся и, тѣми совладомъ, удалихся от Благадавца; но, яко милосердый, омой // мя от скверны прегрѣшений моихъ.

Слава. Дрѣманиемъ злымъ обять бых, окаянный, и сон нечаяния покры мя; но бодримъ милосердиемъ, Господи, воздвигни и спаси мя.

И нынѣ. Мысленая двери жизни, Пречистая Богородице, припадаемъ ти вѣрою, от напасти избави ны, яко прославляемъ твое рождество, моли о спасении душъ нашихъ.

Кондакъ. Глас 8. Под<обен>: Яко начатки. Душевнаго падения по вся часы в себѣ видя и твое долготерпѣние, Слове, преобидя, всѣхъ благъ

лишихся и всяцѣй муцѣ повинень быхъ; но возведи мя, у же отчаянна, Богородица ради, Многомилостиве.

Икосъ. Земная и временная возлюбихъ, вѣчныхъ благъ лишихся; Христе Иисусе, едине Человѣколюбче, грѣшникомъ неотсѣкаемая надежда, но милость кающимся пролия, и мене кающата не презри, Иисусе; разумею бо разбойника исповѣданиемъ спасена, и мытаря милостию очищена, и блудницу помышляю плачущуюся, яко во всѣхъ положилъ еси образы покаяния, прѣтиси бо милостивно и милосердуеши теплѣ, кающата видиши и противу течеши, яко отецъ; аще восхощеши, мощен бо еси и моя отпусти грѣхи, имиже и по // крещеннѣмъ обѣте осквернихся и по обѣщании иноческаго жития, но чистоту, яко Богъ, подаждь ми молениемъ Пречистыя ти и всепѣтыя Богоматере.

Пѣснь 7. Ирмосъ. Ангеломъ отроки сохрани в кипящей пламенемъ печи и мучителя, опаливъ, посрами, яко Богъ, извѣстуетъ силу свою, егоже поюще, рцем: Во вѣки благословенъ Богъ отецъ нашихъ.

Чюжихъ грѣховъ испытникъ, а своего безакония хранитель, оправдаюся языкомъ, а дѣлы горѣ невѣрныхъ азъ, окаянный, сведоха; инѣмъ трѣску во оку видя, во своем же бевна не чую; о, милостивый Господи, имже вѣси судомъ и спаси мя.

Не могу избрѣсти от вѣка подобна мнѣ грѣшника, того ради обяты тугою и нечестива себе нарицаю, лицемѣрь предъ челоуѣки и предъ Богомъ безаконенъ; о чемъ первѣ покаюся, аще не ты, Христе Боже мой, милостию спасеши мя.

Слава. Сокрывъ рабъ талантъ, иже в дѣлание от тебе прятать, азъ быхъ то, окаянный; что сотворю, егда приидеши судити, кождо дѣло взыщеша; но пощади мя, Господи, а не во огонь посли, Милостиве.

И нынѣ. // Бесѣдую евжински со плотными похотми, аки безсловеснымъ гадомъ прелщенъ быхъ лють и многа добра лишихся; защитнице страшная, преславная Богородице Марие, избави мя брани диаволя.

Пѣснь 8. Ирмосъ. Царскихъ дѣтей молитва пещный пламень прохлады и ярость мучителю побѣди, яко в чертозѣ поюще, глаголаху: Благословите вся дѣла Господня и превознесите его во вѣки.

Никийже мира сего санъ от вѣчныхъ избавить муки преступающихъ Божия заповѣди, не ложь бо есть судий не на лица; но тебѣ молюся, Владыко, очисти мя прежде конца.

И мало, и много здѣ поживши, никакоже избыти смерти; понеже тамо испытание дѣломъ, здѣ, Боже, прости мя, да не яко безбоженъ тамо мучимъ буду.

Слава. Уврачуи ми умъ, сластолюбиемъ жития уязвенъ, и укроти волнение страстей моихъ, и на путь покаяния возведи мя, да умилнымъ глазомъ вопию ти: Господи, не осуди мене по дѣломъ моимъ, но милосердиемъ спаси мя.

И нынѣ. Богородице Дево, отреша ми язвы, лють гниюща неявиленемъ, масла слезами омывъ, и платомъ покаяния обвяжи, и здрава мя сотвори, и со одра нечаяния востави, и всякаго // избави зла и козней, и ко Сыну си донеси мою молитву.

Пѣснь 9. Ирмосъ. Тя паче ума естественную Деву и паче естества Бога рождши, евиную клятву потребившаго и Адама от узъ избавившаго, егоже моли непрестанно, подати ми оставление грѣховъ, да ты, Богородице, радостнымъ сердцемъ правовѣрно возвеличимъ.

Взяхъ крестъ Христовъ, егоже до конца не понесох, како ли христианинъ нарекуся, ни единого бо обѣта чисто сохранихъ, при всемъ солгахъ

Владыцѣ моему Христу; бѣжитъ птица скоро орла, азъ же скачу скоро ко грѣху, аки рыба пожеръ удицу, цѣпима есть, тако и азъ множеством золь; но, Господи, милостию си спаси мя.

Царскимъ правымъ путемъ ходити и Христова закона не изволихъ хранити, уклонихся во стезя неблагы, на грѣховное наступихъ теръние и тѣмъ сноженъ быхъ лють; к тебѣ, Христе, вопию: Дажь ми слезы локаяния, и омыю си душевный гной, и сотвори мя, Спасе, неимуща скверны.

л 366 **Слава.** Хотяй всѣмъ челоуѣкомъ спастися и на первое достояние привести многимъ милосердиемъ убогую мою душу, посѣти, Господи, все житие блудно иждивша, яко блудницу приими // мя и помилуй мя.

И нынѣ. Единъ от Троица Христос истинный Богъ нашъ молитвами святаыя Богородица и Предотеца Иоанна, и небесныхъ силъ, апостоль же и пророкъ и мученик, святитель же и преподобных, посредѣ всѣхъ святых, достохвалный испусти ми гласъ: Отпускают ти ся грѣси твои, иди во вѣчный животъ.

(Полуустав Вильно, 1622 Л 361—366)

л 52

**Канон Киррилы епископа Туровскаго по вся дни
к Господу Богу о покаании на обличение грѣхов своих.
Глас 5**

Пѣснь 1. Ирмос. Моисеову поминающе, душе, десницу, бѣжи грѣхолобиваго Египта и разумнаго фараона отврѣзи работу, да крестную примеш палицю и страстное преидеши море, смѣрениемъ въпиюща: Славно бо прославися.

Чего ожидаю и что на время възираю; мимошедшаа лѣта помышляю и разумью множество золь моих, от нихже обрати мя, Христе, да пию судьбъ твоих пелынь на прогнание грѣховнаго вреда, даждь не затворится покаания дверь и обличатся тайны, испытуются дѣла и мысли и осудятся грѣшници.

л 52 об **Хощу нынѣ изглаголати⁴** пред образомъ твоего подобиа, Христе Боже, душа моя горестъ всю и нерадство и слабость тѣла моего; аще бо грѣси мои прѣтят ми мльчяти, но от болѣзни сердца исповѣдаю ти ся, ибо дѣлатель, погубивъ // сѣмена, не оста ролиа, купецъ, чуждаа заемъ; покоя ради, Господи, спаси мя.

⁵**Время** живота моего мало и полнои злыхъ дѣлъ; ни сътвори бо ся злоба и грѣхъ весь, егоже азъ, Спасе, не съгрѣших, словом, и дѣломъ, и помысломъ, любовию, и видѣниемъ, и похотию; и донынѣ раздражаю тя; спаси мя, Христе, от злыхъ мысли и съгрѣшения, да не послѣднии ми грѣхъ горѣ перваго будетъ.

⁶**Дево Марие,** Мати живота моего, невидѣнна направления, убожеству богатство, немощи сила, струпомъ исцѣления, болѣзнемъ облегчание, напастемъ претворения и узамъ разрѣшение, спасению надежа, услыши моление мое, скончай ми жадимое помышление, имаши бо хотение помагание.

Пѣснь 3. Ирмос. Яко всесилень, изнемогшую грѣхми душу мою и сердце, злыми запустѣвше, доброплодну сътвори, духомъ скрушеном молитву ти принести.

Опалень врагом, въ плѣнь ведень бых, бѣсовскимъ опалень огнемъ, безакониемъ кипя, вся грѣхи съврѣшаю, и мало не болю покааниемъ, но погыбаю, величааяся; Христе Боже, спаси мя отчааннаго. //

⁴ Испр по В, в ркп изми мя ⁵ Слева на поле Слава ⁶ Слева на поле И нынѣ

Въ юности безаконие, въ старости нечистыя похоти възрастиша стыд-^{л 53} каа дѣла, чрезъестественныя грѣхы, и доселѣ не остоях скверны, дѣлаа диаволою лестию; но отнынѣ, Господи, каюся, избави мя вѣчныя муки.

ꙗко люто ми, леть имѣю грѣховныхъ юности обычаи, малое ми оно бысть пропасть велика, у же бо одолѣнъ быхъ грѣхомъ вижду ся; но на твою, Боже, възираю милость, не отлучи мене.

ꙗвленна отъ всѣхъ христьянъ заступнице и къ Богу ходатаице, Марие богоизбраннаа Владычице, прими мою молитву, испроси отпусти мно- гыхъ ми прегрѣшени.

Сѣдален. Глас 8. Шествуа лукавнаа, таину проходившу ми, не утаи- шася всевидящаго Божиа ока, и ложну вѣру съхраних, и съдрѣжу истинну въ неправдѣ, аки бѣсъ, видя Бога, зло дѣю, всю чреду, аки влѣкъ, смя- тох; тѣмъ праведнымъ осужденъ быхъ судомъ, отмѣщения моихъ безаконий предъ всѣми прииму; геена болитъ и прочаа муки, чающе приати мя, пре- жде суда осужденаго; милостивымъ взоромъ тогда, Владыко, видѣвъ, Христе Боже, помилуй мя грѣшнаго и спаси мя.

Слава и нынѣ. Той же глас. Никтоже чистъ отъ скверны, никтоже,^{л 53 об} Боже, видѣны въ человекѣхъ, аще и единъ день животъ его, но токмо единъ Богъ, оболкыся въ плоть насъ ради отъ Девы Марии, взимаа грѣхы всего мира, многомилостиве Христе Боже, хотяи вся человекы спасти, бла- гыи душелюбець, отецъ сиротамъ, Богъ кающихъ, врачъ душамъ и тѣломъ нашимъ, Спасъ человекомъ, къ тому прибѣжимъ, да получимъ милость.

Пѣснь 4. Ирмос. Провидя духомъ Аввакумъ иже до моего нищеты твое, Христе, схождение, укрепляя съмотренно вопиаше: Яростию твоею на- прязи луку своя, избавляя отъ тлѣния немлѣчно вопиюще: Слава силѣ.

Горе тебѣ, грѣшнаа душе, часто каешися, всегда съгрѣшаеши, почто не бѣжиши змиа, еяже губительства съвѣси, како не боишися скоропиа, смертное жало имуща; пролеи слезы прежде смерти, да ти угаснетъ вѣчныи огонь.

Быстроглаголиво слово и льстива уста, быстростужающи рѣчь^с языкъ не* избавитъ мя отъ муки, зломыслено имуща сердце, оскверняющихъ ми похотехъ душу и въ глубинѣхъ страстей погружаемъ; милостивыи Спасе, даждь ми время покаанію.

Притчю смоквеи внимаю // въсуе, хваляся многословеснымъ листви-^{л 54} емъ, плода добрыхъ дѣлъ не творя; аще вѣрую въ Христа Сына Божиа, то и бѣси вѣруютъ, но суднаго дне трепещутъ, въ н же по дѣломъ честь и мука; покоя ради спаси мя, Господи Боже, грѣшнаго.

ꙗвленныхъ и неявленныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ чресъестественныхъ безаконий, яко Богъ, прости мя грѣшнаго молитвами Святыа Богороди- ца, иже тебе за вся молить, Боже многомилостиве; и тоя ради изведи мя изъ бездны грѣховныа.

Пѣснь 5. Ирмос. Огньныи умъ, Исаиа, духодвижимо провъзглашаше, утриа къ Богу моляшася, приложити и злочестивымъ, понеже истины не створиша на земли; тѣмъже възникни, душе моя, отъ мрака грѣховнаго, озарися свѣтомъ покаанію.

Злодеи безъ студа нападе на мя, скрѣжетъ зубы завистию, много брався, преможе мя, въпадохъ же свѣсти [так!] его, аки звѣря на убиение улови мя, стрѣлою безаконія устрѣли мя, мечемъ грѣха злѣ посѣче мя; Иусе Боже, всѣхъ врачъ, исцѣли мя.

^г Справа на поле Слава ^д Справа на поле Богородичен ^с Испр по В, в ркп рѣхъ
* Испр по В, в ркп нет

Искусникъ моя вѣры и прострѣчет мя прочее грѣхъ и хвалится о
 1 54 об мои погыбѣли; но кающася приими мя, Боже, // и помилуй мя.

Изыди, бѣжащи, от грѣховнаго, душе, места, ибо не сущу на дрѣвѣ
 овощу, не часто похотию приходиши въ оградаы; лучше бо Господа ради
 скытатися, нежели въ видимѣмъ увязнути пруглѣ, да не будеши съзидаа
 и разаряа дѣло Господне.

Мати Божиа, егда молитвы приносиши къ Сыну своему за род хри-
 стианьскыи, помяни и мене грѣшнаго, да не препрѣнѣ буду въздушными
 мытари и да не отягчаютъ грѣси мои въ мѣриলেখъ³ на въздушѣх, и свѣто-
 личным аггеломъ предаи мя.

Пѣснь 6. Ирмос. Яко Иона въпию ти, Христе, в китѣ золь моих одрѣ-
 жим, из глубины възведи мя грѣховныа, даждь не скончается душа моя,
 въ Церковь святую твою мою приими молитву.

Ревнующи душею въ дѣло Господне, и тѣлом низпадаю, въ гресѣхъ
 одрѣжимъ, от единого сердечнаго корене аки дрѣву многы вѣтви⁴ помыс-
 ленныа; от нихже, Христе, сухаа истреби, грѣховныа, глаголю, похоти, да
 не сномъ [так!] въ огонь въверженъ буду азъ грѣшныи.

Жаденъ бых и донынѣ, аки дрѣво въ оградѣ Христова закона,
 л 55 про//клятиа с посѣчениемъ, аще покааниа моя да на оно лѣто слезами
 не⁵ принесу.

Въ ровъ погыбелныи многыми съблазныи безаконии моих азъ же, ока-
 анныи, вринухся, отчааниемъ одрѣжимъ есмь, потаихся, аки Каинъ,
 убивъ многыми безакониии душу мою; но ты, Господи, якоже хочеши,
 строємъ судьбѣ твоих окаанную спаси душу.

"Земля украшается цвѣты, дрѣво хвалимо плода ради, азъ же различ-
 ныи грѣхы каляхся, тѣми съвладом; благаго Царя благаа Мати, ты
 владѣши всѣм изволениемъ, милость свою излѣи на мя остратованнаго,
 не уповаю бо индѣ, ты бо упование мое дрѣжавное.

Кондак. Глас 6. Под<обен>: Рукописаннаго. Рукописании Божиихъ
 забых, но неписаннаго безумием навыхох, окаанныи, тугою недоумѣниа
 одрѣжимъ, посреди же мира страстнаго въдворихся; тебѣ нынѣ, всѣх Бога
 и Творца, призываю, ускори, щедрыи, подщися на помощь мою, яко мо-
 жеши хотя.

Икос. Простри свою руку, Милостиве, къ мнѣ страстному и възведи
 7 55 об мя от рова страстей, самовольством вринувшася, и вѣстави мя от сна
 смертнаго, // лѣнностью отягчена, избави мя пламене лютаго, осквернив-
 шаго плоть мою и душу, и послѣ ми наставника и хранителя моего аг-
 гела, наставити мя на стезя твоя воля, яко да съ хранимъ оимъ [так!]
 наставником тебе въспоим, благаго и щедраго Бога, Творца моего, из-
 бавителя, избавльшаго три отрокъ от печи халдѣискыа, прообразивших
 от Девы твое рожество, от неяже възпивших: Ускори щедрыи, потщися
 на помощь нашу, яко можеши хотя.

Пѣснь 7. Ирмос. Аггеломъ отроки схранники [так!] печи пламянь
 пещины мучителя, опаливъ, посрами, яко Богъ, извѣстую славу свою,
 егоже поюще, рцѣмъ: Благословенъ еси, Господи Боже отец наших.

Чюжихъ грѣхъ испытникъ, а своего безакониа хранитель, оправдаю
 ся языком, а дѣлаю горѣ невѣрных, азъ, окаанныи, исповѣмся, инѣмъ
 трѣску видя, а себѣ колоды не чюю; милостивыи Господи, имже всѣи
 судом спаси мя грѣшнаго.

³ Испр по В, в ркп мнѣ крилѣхъ   ⁴ Испр по В, в ркп вѣтри   ⁵ Доб по В, в ркп нет
⁶ Справа на поле Богородичен

Инѣхъ святое житие хвалю, а своихъ грѣхъ не остану, яко инѣмъ подаваю законъ, но паче всѣхъ незаконновахъ, и самѣхъ убо убилицъ горѣ быхъ, данный ми талантъ злѣ погубихъ; аще не ты, Господи, възмилиуеши мя, // долу^м суетно^н спасение челоувѣчско. л 56

Не могу азъ обрѣсти отъ вѣка подобна мнѣ грѣшника, того ради, объять тугою, нечестива себе нарицаю, нелицемѣренъ предъ челоувѣкы и предъ Богомъ незаконникъ; о чемъ прѣвое покаюся, аще не ты, Христе Боже, милостию си спасеши мя.

Богородиченъ. Бесѣдуя евжиньскы съ плотными похотми, акы безсловеснымъ гадомъ прелщенъ быхъ лютѣ и многа добра лишихся; Защитнице страшнаа, защити мя брани диаволя.

Пѣснь 8. Ирмосъ. Царскыхъ дѣтеи молитва пещныи пламень прохлады и ярость мучителеву побѣди, яко в чертозѣ поюще, глаголаху: Благословите.

Никииже мира сего санъ отъ вѣчныи муки избавитъ преступающихъ Божиа заповѣди, не бо есть судъ и наляци; тебѣ ся молю, Владыко, оцѣсти мя прежде конца.

И мало, и много поживше, никакоже^о изыти смерти, по неже испытание дѣломъ; здѣ, Боже, прости ми, да не яко безбоженъ мучень буду тамо.

Уже время кратится, о, душе, и сапогу ти не отрѣшена вѣстуговъ, еже есть телесныи грѣхъ неисцѣлень, въ души ощутихъ язву, // по безаконии л 56 об отчаахся, акы от тати в разбоинику въпадохъ; разрѣши мя, Христе, съзуды грѣховныи.

"Богородице, отрѣши ми язвы, лютѣ гниюща неявиениемъ, масломъ слезнымъ омывъ, и платомъ покаанна обьяжи, и здрава мя створи, и съ одра мя отчаанна вѣстави, и всякого избави зла и козни, къ Сыну си принеси молитву.

Пѣснь 9. Ирмосъ. Тя паче естества Деву и паче естества Деву, рождающую евжину клятву потребившаго и Адама отъ узъ избавльшаго, егоже нынѣ моли подати и ми оставление грѣховъ, да ты, Богородице, радостнымъ сердцемъ правовѣрно възвеличила еси.

Взяхъ крестъ Христовъ, егоже до конца не понесохъ, како ли христианъ нарекуся, ни единаго обѣта чистаа съхранихъ, при всемъ бо сългахъ Владыцѣ своему Христу Богу; бѣжитъ птица скоро орла, азъ же скачю скоро къ грѣху, акы рыба пожеръ удицу, цѣпитъ мя множество золь; Господи, милостию си изми мя.

Христово легкое иго отврѣгохъ, въ свою волю навыхоихъ ходити и диаволь жажель на выю си душевную възложихъ, акы ракъ, напредъ нуждею иду и назадъ къ грѣху, якоже онъ, скоро текыи и удобъ // врагомъ уловленъ бываю, яко възхищенъ бываю; изми мя, Христе, да не сътрень буду адьскыи зубы. л 57

Царьскимъ правымъ путемъ Христова [так!] не изволихъ ходити, уклонихся въ стезя неблагои, на грѣховное вѣступихъ трѣние, и тѣми сбодень быхъ люте; къ тебѣ, Христе, въпию, даждь ми слезы покаанна, и омыю си душевныи гнои, и створи мя, Спасе, неимуща скверны.

Единъ отъ Троица Христосъ истинныи Богъ нашъ молитвами святыа Богородица и Предотеча, и небесныхъ силъ, апостоль же и пророкъ, и мученикъ, и святитель, и преподобныхъ, посреде събора всѣхъ святыхъ, достохвалныи испусти ми гласъ: Отпускаютъ ти ся грѣси твои, иди въ вѣчныи миръ.

(РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 118/375, л. 52—57)

^м Испр по В, в ркп дому   ^н Испр по В, в ркп суетному   ^о Испр, в ркп никаже   ^п Слева на поле Богородичен

В. И. ОХОТНИКОВА

Принципы литературной переработки источника при создании Василием-Варлаамом Жития Евфросина Псковского

О сочинениях и стиле псковского агиографа Василия-Варлаама, одного из самых плодовитых писателей макарьевского времени, написано много нелестных слов. Василия упрекали в исторических неточностях, плохом знании летописей и нежелании разобраться в историческом материале, дословном переписывании из сторонних литературных источников целых фрагментов. Василия считали не столько художником, сколько ремесленником, отказывали ему в таланте и истинном мастерстве, указывали на многословие как отличительную черту его стиля, избыточную расхожими житийными формулами и приемами. Наиболее последовательно эта точка зрения прослеживается в исследовании В. О. Ключевского. Житие Всеволода, по мнению Ключевского, «довольно плохо составлено»; Житие Александра Невского — это риторическая переделка древней редакции, текст которой Василий расширил, «внося в него свое обычное многословие»; в Житии Нифонта Василий «едва прикрывает многословием недостаток своих сведений о святом».¹ Мнение В. О. Ключевского о Василии как писателе разделял и митрополит Макарий, его оценки звучат иногда еще более категорично, он называет псковского агиографа «самым многоглаголевым писателем своего времени <...> и одним из самых легковверных, нерассудительных и неразборчивых при составлении своих сказаний».² Строгие суждения о Василии как писателе были обобщены в статье Р. П. Дмитриевой из «Словаря книжников и книжности Древней Руси»: «Будучи посредственным писателем, Василий хорошо усвоил тот литературный канон, который ценил митрополит Макарий, приспособился к приемам работы в житийном жанре и сумел создать большое число произведений <...> Но работал Василий ремесленно, компилятивность его сочинений явно видна. Используя традиционную схему житий, он переносил характеристики героев и даже просто целые отрывки текстов из одного жития в другое. В результате этого нередко рассказ о событиях оказывался искаженным. В житиях, написанных Василием, наблюдается скудость фактических сведений, текст распространяется за счет традиционных житийных формул и повторов».³

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1988. С. 250—262.

² Макарий, митр. История русской церкви. М., 1996. Кн. 4, ч. 1. С. 435, см. также с. 436—438, 443.

³ Дмитриева Р. П. Василий // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 115.

Заметим, однако, что оценки и определения стиля Василия ограничивались замечаниями общего плана, они, как правило, не конкретизировались, не вырастали из филологического анализа его текстов. Сравнение написанного Василием Жития Евфросина и положенной в основу Жития Повести об аллилуйе⁴ дает возможность раскрыть стилевые пристрастия псковского агиографа, проникнуть в его творческую мастерскую, понаблюдать, как он читает и обрабатывает чужой текст, что в нем принимает как писатель и от чего отказывается, что и как редактирует на уровне стиля. Житие Евфросина Псковского было написано Василием в 1547 г., это первое из известных произведений псковского автора, следовательно, можно говорить о становлении стилевой парадигмы будущего агиографа.

Манера повествования неизвестного автора Повести об аллилуйе весьма своеобразна. Он облакает свои мысли в слова и образы, нечасто встречающиеся в литературе, его стиль сложен, метафоричен, и в то же время он может быть простым и непосредственным. Необычна и композиция Повести, в ней нет последовательно изложенной биографии Евфросина, биографические эпизоды описаны в Повести, по словам Василия, «некако и смутно, ово зде и ово инде» (л. 30 об.),⁵ они включаются в повествование о спорах об аллилуйе как пояснение к имени или как пример духовного подвижничества преподобного. Разбросанные «ово зде и ово инде» рассказы о жизни святого Василий выстраивает в биографической последовательности. Он использует почти весь текст Повести об аллилуйе, в целом сохраняя его стилистику, его образную систему, повторяя риторические приемы своего предшественника. Но нередко в редакции Василия вместо сложного стилистического оборота читается его упрощенный вариант, лишенный метафорической экспрессии.

Приемы стилистической обработки Василием текста Повести об аллилуйе различны. Характерной чертой редакторской правки Василия можно считать сокращение метафорического сочетания, когда из него убираются одно или несколько слов, что делает сочетание более однозначным или же вообще снимает метафоричность значения. Вместо «отврьгохомся паче Бога ради от пазуху любви ею» (т. е. родителей, л. 53)⁶ в редакции Василия читается «отторгохомся от пазуху родителей своих» (л. 53 об.); «всяку скорбь въздржания» — «воздержания» (л. 53 об.); «да коего образа искушением истяжет старца» (л. 16 об.) — «да коим образом потяжет старца» (л. 90 об.); «своеа скорби разоря помысла своего печалный облак» (л. 46) — «своеа скорби разаряа печалный облак» (л. 139 об.); «противу опльчениа Иевля на възражение хулных стрел, сыплемых тмаи клевет от устну его» (л. 59 об.) — «противу ополчениа Иевля на възражение хулных стрел, сыплемых от устну Иевлеву» (л. 150 об.); «съннаго ради въздремания тягости» (л. 88) — «соннаго ради въздремания» (л. 180); и т. д.

⁴ Повестью об аллилуйе мы называем сочинение неизвестного автора, которое стало для Василия основным источником при создании Жития Евфросина. Текст Повести об аллилуйе сохранился в единственном списке РГБ, собр. Ундольского, № 306, он был введен в научный оборот В. О. Ключевским, который первым и высказал мнение о том, что в списке Ундольского читается тот самый текст, который Василий использовал при работе над Житием Евфросина. Текст Повести об аллилуйе опубликован Серебрянский Н. И. Житие преподобного Евфросина Псковского (Первоначальная редакция) СПб., 1909 (ПДПИ Т 173).

⁵ Здесь и далее текст Жития Евфросина в редакции Василия цитируется по списку ГИМ, Синодальное собр., № 634, листы указываются в скобках после цитаты.

⁶ Здесь и далее текст Повести об аллилуйе цитируется по рукописи РГБ, собр. Ундольского, № 306, листы указываются в скобках после цитаты.

Сложное образное выражение Василий нередко трансформирует, превращая входящие в него слова в однородные члены, что также снижает метафорический дискурс текста: «ведый искус стреляния дьяволя лукавства» (л. 54) — «ведый искус, и стреляния, и лукавства дьяволя» (л. 54); «в злоютой горести мучения недуга того» (л. 84) — «въ злом том и лютом мучении и в горести недуга того» (л. 176 об.); «в Команы жизненное солнце покаяния поточается» (л. 72 об.) — «в Команы жизненное солнце поточается, покаянию проповедник» (л. 168 об.); и т. д.

Автор Повести об аллилуйе имеет пристрастие к цепочкам из субстантивных определений: «И множицею сия вся ключахуся преподобному от неприязни, и ничем же възмагаше враг, яко немощен. Покушашеся бо ся вред сътворити множицею святому, испону паче бы некакову, препял люту кознь на поколебание добродетелем его изыществу, но паче своеа немощи борения являючи шатание и святым присно в исчезновение побежашеся» (л. 70—70 об.). Василий пытается разрядить сгущение метафорических смыслов, рождающихся из наслаивания одного определения на другое: «И множицею сия вся ключахуся преподобному отцу от неприязнена духа, и ничем же не можаше искусити святаго, *но благодать Божия храняше его, приражашеся твердому адаманту* и бывше яко прах во исчезновении, от святаго побежашеся» (л. 79). Исчезают «кознь на поколебание добродетелем его изыществу» и «немощи борения являючи шатание»; многозначное «неприязнь» (не только «злой дух», но и «зло», «вражда») уточняется в значении и заменяется на «неприязненный дух»; вводится любимое сравнение с адамантом, которое не раз встречается в произведениях Василия, в том числе и в Житии Евфросина; появляется напоминание о высшей силе, помогающей победить в борьбе с «неприязнью»; «в исчезновение побежашеся» превращается в два однородных члена «бывше во исчезновении» с поясняющим смысл сравнением «яко прах» и «побежашеся».

Примером последовательного разрушения Василием образной структуры текста источника может быть рассказ Филиппа Иову о поражении в споре с Евфросином. Автор Повести об аллилуйе использует развернутое сравнение-метафору, уподобляющее прения с Евфросином ковке железа: «Не преложиша старца витейством нашим от обычая его, но яко жестоку железу не съодолели есмы грънилом учением нашим, ниже паче нимало повинухом его, тьяшко укаряюще словесными млата, мяхчащи о наковално на нашъ обычай» (л. 41). Образы кузнечного ремесла пронизывают всю фразу и создают сильное метафорическое поле, которое вытягивает в круг своих смыслов все слова и придает каждому из них переносное значение. Выразительная энергия слов в тексте Василия намного слабее: «Не приложихом старца витийством нашим от обычаи его, но яко жестоку железу приразившеся, не соодолехом горнилом нашим, сиречь учением, и нимало повинухом его, тьяшко укоряюще словесы своими, мяхчащи его на нашъ обычей...» (л. 131—131 об.). После логического уточнения слова «горнилом», декодировки метафоры «словесными млата», устранения выражения «о наковално» метафорические оттенки в значении теряют и другие слова в завершающей части предложения «*тяжко укоряюще* словесы своими, *мяхчащи* его на нашъ обычей», а все высказывание становится более понятным.

Приведенные выше примеры демонстрируют разные приемы стилистической обработки текста Повести об аллилуйе Василием. Наиболее простой и частотный — это замена слова или словосочетания иным, близким по смыслу, но с иными оттенками в значении:

- «страдаше лес» (л 95) — «лес сеши» (л 66),
 «наполним едину рвеницю» (л 96 об) — «наполним един поток» (л 48 об),
 о потоках «свюкоупися во едино естъство» (л 97) — «совокупися во едино течение» (л 48 об),
 «Сей час дни увржеться» (л 98 об) — «се час дни отидет» (л 73),
 «заманув путь преподобному» (л 68 об) — «запен путь святому» (л 75 об),
 «припрази собя бракови» (л 53 об) — «сочетайся браку» (л 53 об),
 «един в пустоше мира сего» (л 54) — «в тимении мира сего един» (л 55),
 «не дрзну по нем за ин супруг засягнути» (л 55) — «не дерзну на сочтание иного брака» (л 57),
 «повръгь подворие» (л 54 об) — «поверг и имение» (л 55),
 «не рачих < > приати» (л 66 об) — «не хотех приати» (л 63 об),
 «имение огласи» (л 67 об) — «имение отдаде» (л 66),
 «пребысть видяи до гроба» (л 67) — «пребысть видяи до отшествия душа своа к Богу» (л 66—66 об),
 «прихождаху» (л 95 об) — «течаху» (л 66 об),
 «остросмыслен ум» (л 14 об) — «остр ум» (л 86 об),
 «погрязе во тмыле» (л 15) — «погрязе во тме» (л 87 об),
 «от своего ему самочиния обучение вдрузил есть» (л 17 об) — «от своего самочиния обылк бе» (л 92),
 «кроме закона и писания обучился» (л 17 об) — «кроме закона и писания обылк есть» (л 92 об),
 «тяшко слово поврещи на святого» (л 18 об) — «тяшко слово возглаголати на святого» (л 94),
 «словом на нь пометающе» (л 18 об) — «словом прекословяще на святого» (л 94—94 об),
 «досадителны являяхуся на нь стрелы» (л 21) — «досадителныя пушающе на нь стрелы» (л 99),
 «прилагахуся к ним в трызнице» (л 21 об) — «прилагахуся в соединение на святого отца» (л 99),
 «не приобретши орудья сицева безумному своему труду» (л 41) — «не улучивше желаниа своего» (л 131),
 «пожирая скорбь» (л 43 об) — «побежая скорбь» (л 136),
 «начрътоваа въ спистоли сице» (л 48) — «И писаше в послании сице» (л 142),
 «от прочих невегласий» (л 74 об) — «от прочих неразумных человек» (л 169 об),
 «с великою нужею *испустися* душа его ис телеси» (л 84) — «с великою нужею *изыде* ис телеси душа его» (л 176 об),
 «концем безлепотным» (л 84 об) — «концем нелепым» (л 177),
 «въ иноческом образе и зело пресветлы озрачми» (л 88) — «во иноческом образе и пресветлы зело, яко солнце сияюще» (л 180),⁷
 «Видевы бо его онсица в велице свете в добродетельном его житьи и въ духовных ремствех изрядна сияюща» (л 89) — «Той же Игнатие живописец видев святого отца в духовных добродетелях изрядно сияюща» (л 181 об — 182),
 «И о сем паче приложих скорбети собе и печалити» (л 90 об) — «И о сем же явлении паки впадох в печаль и скорбь неутешиму зело» (л 184),
 «Быть же егда третьей нощи ряд зздашесь» (л 100) — «Быть убо егда третьей нощи пришедши» (л 185),
 «и сице смыслях и недомыслих» (л 100) — «и сице в недоумышлении бых» (л 185),
 «уснух в тонце сне трезвяно» (л 100) — «уснух в тонце сне» (л 185),
 «обнажено оружие меч възмахнутую руку свою на высоту предръжа» (л 100 об) — «и в руке своей меч обнажен, простерт на высоту имея» (л 185 об),
 «начах рыдати и хлипати, и рех к нему в умиление слез моих» (л 106) — «начах рыдати захлипаньем слезным, и рех к нему во умилении» (л 194),
 «изыде на торжество празнику» (л 108 об) — «изыде < > к празнеству» (л 197),
 «необлегчимо тогда недугуяи» (л 108 об) — «плоте недугующу» (л 197),
 «в утвари святительской» (л 109 об) — «в святительских одежах» (л 198),
 «умедлявшу Закхею» (л 110 об) — «Закхию закосневшу» (л 199 об),
 «велми крепко уснув зело сладостно» (л 111) — «усну твердо зело» (л 200),
 «възжено бысть все предверие келейное» (л 111) — «и нача горети предверие келейное» (л 200)

⁷ Отметим, что слово «озрачь», «озрак» зафиксировано в «Словаре русского языка XI—XVII вв» в высоком контексте, один пример приведен из Библии Геннадия Словарь русского языка XI—XVII вв М, 1987 Вып 12 С 313

Для стиля автора Повести об аллилуйе свойственны многочисленные повторы на синтаксическом, лексическом, смысловом уровнях. Автор Повести, безусловно, испытал влияние стиля плетения словес, он любит облакать мысль в близкие синонимические слова и выражения, одна из излюбленных риторических фигур автора Повести об аллилуйе — гендиадис, употребление двух имен или глаголов с почти синонимичным значением и связанных союзом «и». Василий как редактор замечает эти стилевые устремления неизвестного автора, воспринимает их как стилистическое излишество, не имеющее функциональной оправданности, и довольно часто пытается избавиться от ненужных, с его точки зрения, повторов:

- «и как *проумел* будет селику вещь *внести и* въдрузити в Божию церков» (л 16 об) — «и како *изуме* селику вещь въдрузити в церковь Божию» (л 90 об),
 «услышав слух, поведаше бо ся ему от неких» (л 16) — «услышав слух от неких» (89 об),
 «гльчюще и ропщуще» (л 16) — «ропщуще» (л 89 об),
 «яко неции разбойници ко старшему разбойнику схождахуса и срыскахуса» (л 19) — «яко неции разбойници ко старейшине срыскахуса» (л 95),
 «но паче рвѣнуа рвѣноваше огненнымъ по Христе Бозе» (л 19) — «но паче рвѣнуа духовною ревностію по Христе Бозе» (л 95 об),
 «от научения наказания Иевля» (л 22) — «от научения Иевля» (л 100),
 «о неправедном кову, внезапно напрасно о пришедшем на него» (л 47 об) — «о неправедном кову, внезапно пришедшем на него» (л 142),
 «или тоя воля послушание сътворю» (л 49 об—50) — «или их волпо сътворю» (л 145),
 «хотя тако же и зело желая чрьноризецъ быти» (л 53) — «желая иноческаго спребывания» (л 53),
 «вдавше в руже ему послание свое, книгу сею, в монастырь ко святому» (л 59) — «вда ему послание свое в монастырь к преподобному Ефросину» (л 149 об),
 «единако слищаше и стѣняше сердцем» (л 62 об—63) — «единако стѣня сердцем» (л 156),
 «Сице же убо наипаче в попхание и в коризну хулником и досадителем» (л 63 об) — «И во укоризну хулником и досадителем» (л 157 об),
 «зело гнушаася и мръзоствуася тяшкиа вони» (л 84) — «зело гнушаася тяжкия вони» (л 176 об),
 «и ноздри обоняние свое попремногу заемлюще» (л 84 об) — «и ноздри своя от злаго обоняния заемлюще» (л 177),
 «егда же день Божий свет бысть» (л 89) — «егда же день бысть» (л 181 об),
 «к дверем кельи распалившеся и приближивъшу» (л 111) — «к дверем келейнымъ приближивъшуся» (л 200),
 «абие въздрогнув и въскочив» (л 111 об) — «абие въскочи» (л 200 об),
 «огнем и курением дыма займахуса двери на избежение оньсица» (л 111 об) — «огнем займахуса двери келейныя» (л 200 об),
 «честен день и тръжество празнику Трехъ Святитель» (л 109) — «день честенъ святыхъ Трехъ Святитель» (л 197 об),
 «ходатайством его ключимое отключих» (л 107 об) — «ходатайством его отключих» (л 195 об)

Особенно часто Василий сокращает повторы глагольных форм со значением «говорения»: «глаголаше, *вещающе*» (л. 29 об.); «*рекосте* ко мне, глаголюще» (л. 29 об.); «они же, *отвѣщавше*, реша ему» (л. 37) и т. д. Выделенные курсивом слова не читаются в редакции Василия.

Своеобразным видом повтора является стилистическая симметрия, в форму которой автор Повести об аллилуйе довольно часто облакает свою мысль. Стремление Василия избежать многочисленных повторов касается и стилистической симметрии. Вместо «И тако легаше въ отчаянии живота ему, и *прихода смерти смотряюще*, и гробная прочее помышляюще ему» (л. 109) у Василия читается «И тако лежаше во отчаянии живота своего и прочее гробная помышляюще ему» (л. 197). И далее соответственно:

«и ускори шед, поведоваше слово, со многою коризною и хулою на святого мльваше пятма собором церковным» (л 17) — «И скоро шед, со многою коризною и хулою поведана на блаженана пятма собором церковным» (л 91),

«И тако убо в рыдании слезах утолися ему мало горесть недуга лютаго и того ради сице въздрема, и в тонце сне въсмяжишася вежда очию его» (л 109) — «И тако убо в рыдании слезах въздрема и в тонок сон сведеса» (л 197 об),

«Бысть убо иногда тый же вышереченный диакон Закхей, приемый исцеление и пришел от болезни въ здравие, таже любви ради и веры ему, иже имяше к Ефросиму преподобному, и прииди тый жити в монастырь святаго» (л 110—110 об) — «По мале же времени прииде въ обитель святаго чудотворца Ефросина сожителствовати той же предиреченный диакон Закхий, приемый исцеление от святаго, верою сдержим» (л 199—199 об),

«яко в суету путь их и въ тшетную вещь труд их» (л 41) — «Всеу тружахомся» (л 131), «И бысть убо приспевшу паче тръжеству и година праздника Трех Святитель» (л 108 об) — «Некогда же празнику приспевшу < > святых Триех Святитель» (л 196 об)

Иногда стилистическая правка Василием текста Повести бывает достаточно интенсивной, и в небольшом фрагменте, одном предложении могут сочетаться разные приемы переработки текста, как, например, в предложении «Оному же тьяшко *спящу* и сносиму зело *глубоким* сном, и ничто же паче бываемаго зла сведущу ему, и *грядущих* не веде *лютых* на нь, но абие слышит въсквозе сонную тяготу многое тлъцание въ двери ему келейныя, но слышаше убужающаго его, а сонныя ради тольстоты не можаше ободритися и стрябитися» (л. 111). В этом предложении Василий в двух случаях сокращает один из членов стилистической симметрии (выделены курсивом), устраняет метафорические сочетания «сонную тяготу» и «сонныя ради тольстоты», убирает из двух однородных членов редкий глагол «стрябитися», но добавляет пояснение «не весть, кто возбужаа его»: «Оному же Закхию тьяшко зело сном сносиму, и ничто же ему паче сведущу бываемаго зла, и абие слышит сквозе сон толцание в двери келейные, и не можаше ободритися от сна, и не весть, кто возбужаа его» (л. 200).

Как пример последовательного разрушения метафорических сочетаний разного типа приведем предложение, содержащее характеристику способностей противников Евфросина «заградити уста» преподобному: «Или сами от него вопрошени будут о сицевой же вещи, да также сице и за веществом словес своих мудрением силни будут отвещати ему, бе бо мудри зело, да еще сугуб *успеваемы* и *велми упространишася* высоким разумом от научения *наказания* Иевля, да мочни будут претися съ святымь...» (л. 22). Выделенных курсивом слов нет в тексте Василия, вместо «сице и за веществом» читается «квитийством», «*успеваемы и велми упространишася*» заменяется «наказаемы» (л. 100).

В приведенных примерах изменений Василием текста Повести об аллилуйе наблюдается определенная тенденция: Василий заменяет слова и выражения с экспрессивным значением, с ярко выраженной эмоциональной, стилистической (высокий — низкий) окраской, он разрушает метафорические смыслы, делает слова более однозначными, упрощает грамматический строй предложения. Вариант Василия всегда более нейтральный по своему стилистическому коду. Идеостиль автора Повести об аллилуйе характеризуется большой степенью свободы, при наличии в его произведении сложного комплекса риторических приемов и преобладании языковых средств, маркированных как высокий стиль, он позволяет иногда выражаться «спроста». Василий пытается избежать этих неподобающих для произведения агиографического жанра слов и выражений, деталей и подробностей (см. устранение таких слов, как «стрябитися», «слицаше», «гльчюще» и др.). Так, например, в описании отношения жителей Пскова к монахам Елеазаровского монастыря автор Повести об аллилуйе стре-

мится усилить впечатление агрессивности псковичей, подбирая слова с яркой экспрессивной окрашенностью: «И ту паче *роспыхновахуся* на них и жестокими словесы *уязвляюци чювьственное услышание ушесе их...*» (л. 44 об.). В редакции Василия появляется стилистически упрощенный и лексически нейтральный вариант: «и ту паче гневахуся на них, и жестокими словесы укоряюще их...» (л. 136 об.).

Редактирование Василием описания того, как возник пожар в монастыре, может быть примером устранения из текста Повести об аллилуйе излишней бытовой детализации. «И въ един же паки от дни, *позду суще вечеру*, сице бо умедлявшу Закхею в дневном некоем деле, тем и закосновьвшу *съгрети ему келья своя*. И тако ту глубокоу сущу вечеру, *и тому паче одинако възгнетивьшу дрова в печи своей на съгрение келья своеа, и тако паче преизгоревшим дровам сущим*, и едина главня велика остася в печи *валяющихся*, он же убо иземь ю ис пещную пазуху учреждения ради келейного, *изнесе ю извну келья своеа*, и тако поверже ю на нутренем дворце...» (л. 110 об.). Василий убирает повторное упоминание о позднем вечере и согревании кельи, а также сокращает описание самого процесса протапливания печи: «и въ един же паки от дни сему же Закхию закосновьшу въ дневном деле, и глубокоу сущу вечеру, *нача согрети келию свою*. И едина главня остася в пазуху пещную со огнем, он же изем ю учреждения ради и поверже на нутренем дворце...» (л. 199 об.). Рассказывая о священнике, которому не по силам были строгие монастырские правила, автор Повести пишет, что тот «абие изем из недр своих лентеон убрус, и связав купно конца его, и наврьже на спицу, иже есть над ним в стену вторнута» (л. 99). Василий оставляет одно слово из сочетания «лентеон убрус», убирает просторечное «в стену вторнута»: «И абие изем из недр своих лентион, и связав конца ему, и наверхе на спицу, иже над ним, и обеси себе под пазусе» (л. 73). Читающееся дополнительно в тексте Василия «обеси себе под пазусе», возможно, не добавление Василия, ибо он редко прибегает к детализации и конкретизации действий и явлений, но исключено, что это выражение принадлежит тексту Повести об аллилуйе, но не читается в дошедшем до нас списке Повести.

Обратим внимание в приведенном выше примере на исчезновение в тексте Василия слова «валяющихся» при описании головни. Василий избегает таких художественных деталей, которые конкретизируют действие, фиксируют непосредственное и живое впечатление, чувство, жест. Как автор Василий более этикетен. Так, например, в Повести об аллилуйе дается зарисовка того, что чувствуют два посланника Иова, войдя в келью Евфросина для беседы с ним: «Они же убо молчаху и смотряху семо и овамо, яко дмушесе и друг на друга взирающе, *кождо ихъ бяше кроме себе и давляху слово в себе...*» (л. 23 об.). Автор Повести стремится подчеркнуть растерянность героев перед лицом Евфросина (что раскрывается и в дальнейшем их поведении: «не смеяху бо святому воскоре хулы рещи», «внутрь страхом и боязнью съдрьжими»), «ум их в гулы расхождашесе» и т. д.), он нанизывает одну деталь на другую, каждая из них с большей или меньшей экспрессивностью передает степень этой растерянности. Василий редактирует как раз самое «живое» в этой зарисовке состояния героев, он убирает выражение «*кождо ихъ бяше кроме себе*» (л. 102 об.—103). Его как автора более всего волнует приличествующее житийному жанру единообразию, он «реагирует» на резкое «давляху слово» и заменяет его на «таяху слово», более «благопристойное», но менее соотносимое с общим смыслом и духом описываемой сцены. Переделка Василия помогает понять, что им в этом описании осознавалось как общелитературное, привычное, нейтральное («молчаху и смотряху

семо и овамо», «друг на друга взирающе»), а что воспринималось как нарушение нормы. В этом отношении интересен еще один пример правки Василием текста Повести. Пришедшие в монастырь посланцы Иова просят сообщить о своем приходе Евфросину. В Повести читается: «Таже достигше им обители отца, спроста же поведано бысть преподобному пришествие их, яко: „Воньсица, рече, и воньсица требуют от твоеа святыни благословитися, отче“» (л. 23). В этой фразе примечательно обстоятельство «спроста»,⁸ долженствующее подчеркнуть обыденность происходящего, показать, что в приходе посланцев Иова для братии не было ничего ошеломляющего. Заурядность ситуации подчеркивается краткостью сообщения о пришедших, а просторечная огласовка их именованья «воньсица <...> и воньсица» не только подчеркивает невозмутимость братии, но как бы воссоздает их живую речь. Василий перестраивает синтаксис (два дательных самостоятельных придают повествованию более риторический характер), устраняет все сказанное «спроста»: «Посланным же достигшим обители отца, братиям же поведавшим святому пришествие посланных, яко: „Требуют, отче, от твоеа святыни благословитися“» (л. 101 об.—102).

В редакторских изменениях стиля своего источника Василий логичен и последователен. Не принятый им однажды образ он методично исключает или преобразует и в других случаях его употребления. Дважды в Повести об аллилуйе встречается выражение «вежда очию ему» (л. 98 об.), «вежда очию его» (л. 109), и в обоих случаях Василий исключает из этого сочетания слово «вежда». Дважды убирает Василий и выражение «философства лист». Так образно называет автор Повести об аллилуйе записку, составленную Иовом в помощь Филиппу для споров с Евфросином: «И тако изостривше учением посланных своих и отпустиша их из града, с ними же и послание философства лист, его же сами от себе смудроставше, в манастырь к преподобному» (л. 23); «Но токмо бяше избытка им еще имуща с собою посланную епистолю от Иева Столпа философства лист...» (л. 38 об.). В целом следуя за автором Повести в оценках знаний и ума противников Евфросина, Василий в том и в другом случае исключает это метафорическое приложение: «И тако Иев Столп изьостривше посланных своих учением и отпустиша их из града в манастырь к преподобному на истязание о пресвятей аллилугии» (л. 101 об.); «Но елико имуща они посланнии, о нем же нам слово, с собою посланную епистолю от философа Иева Столпа...» (л. 127).

Автор Повести об аллилуйе, описывая силу красноречия и значимость жизненного подвига Евфросина, довольно часто использует мотив «огня». Причем однажды заданный мотив-сравнение может периодически вновь возникать в тексте, но в ином варианте: «огненных трудов» (л. 24 об.), «огнедыхателныа уста» (л. 29 об.), «от уст словеснаго пламени богоноснаго отца» (л. 38) и т. д. Василий убирает многие из образных выражений, восходящих к мотиву «огня». Так, характеризуя «великие труды воздержания» Евфросина, автор Повести об аллилуйе пишет: «От младых бо ногот Христа възлюби, и того яремь присно на раму понес в боголюбивей души своей, и богоработною мощью плотью своею и о самовольных болезней *огненных трудов его иссушил* есть паче уже страстное море, темь же из глубины есть многоплетенная стремления, и бесовскаа ополчения, и всю неприазненую силу, и всякое коварство дьяволе, яко паучину, *эжег* всяцем зелным въздржаниемь» (л. 24—24 об.).

⁸ Правда, не исключено, что «спроста» появилось в тексте из «спросиста» в результате описки. Но это весьма характерная описка.

Оппозиция метафорических образов «огненные труды» — «страстное море» создает сложную игру смыслов в данном тексте. Наслоения метафорических значений Василий логически преобразует, поясняет (иссушил постом и т. д.) и переосмысляет связи между образами (в Повести «иссушил страстное море» — у Василия «иссушил плоть»), что лишает слова переносных значений и нивелирует игру метафорических смыслов: «От молодых ногот Христа возлюбил и того ярем на раму своим понесе в боголюбивей души своей, и богоработную плоть свою иссуши постом, и бдением, и молитвами, и всенощным стоянием, паче же и страстное море, и потребил есть многоплетенная стремления бесовская, и всю неприязненную силу, и всякое коварство диаволе, яко паучину, раздра зелным воздержанием» (л. 104). Сложные синтаксические обороты и метафорические сравнения Повести об аллилуйе явно не отвечают литературным вкусам Василия; редактируя текст, он делает его более ясным и простым как в грамматике, так и в поэтике.

Последовательность и продуманность правки Василия можно проследить и в его отношении к определенным словам. В Повести об аллилуйе очень часто встречается слово «притча» в разных значениях и контекстах. Василий использует это слово с большой осторожностью. Так, он оставляет его в сочетаниях «въ знамение и в притчю» (л. 157 об.), «испушашеся в притчю тяжкое знамение всему миру» (л. 168), «приведох <...> въ притчю богоносному отцу Ефросину» (л. 172). Однако Василий не принимает употребление слова «притча» в значении «неприятный случай, беда, несчастье, болезнь». Так, сравнивая злую смерть Иова с тем наказанием, которое постигло царицу Евдоксию, автор Повести пишет: «Яко же иногда на Фегдохсию царицу, тако и оному приключися сице от богопопущенаго гнева пострадати, притьча сицева, яко восмрьдетися ему нестерпимым смрадом и съгнати от главы и до ногу язвами, и проказами, и чрвьми живу кипети ему...» (л. 19 об.). Василий полностью повторяет этот текст, исключая только выражение «притьча сицева» (л. 96 об.). Исключает Василий (л. 101) и выражение «в притчю» в значении «случайно» в следующем тексте: «яко да аще неуспешни будут послании от них словом изо уст претиса съ святымь или да в притчю забвениемь поползнутья, не ведуще, о чемь въпросити...» (л. 22 об.). Слово «притча» становится в тексте Василия однозначным, оно маркировано как слово высокого стиля.

В Повести об аллилуйе многие слова имеют такие значения, которые не фиксируются в других произведениях. Так, например, слово «доктор» в русском языке появилось, вероятно, довольно поздно, в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» оно впервые зафиксировано в переводе Дмитрия Герасимова трактатов против иудеев Николая де Лиры (1501 г.), в словарной статье перечислены следующие его значения: врач; человек, имеющий высшую ученую степень; специалист в области техники.⁹ В Повести об аллилуйе слово «дохтор» имеет значения, не отмеченные в «Словаре». Характеризуя двух сторонников Иова Столпа, «бывшаго дьякона» Филиппа и некоего священника, автор Повести пишет: «Той бо бяше премудр дохтор на книжную силу, изящен философ <...> и священника некоего, обоже мудра зело философа, ведуще оба писмена и глубину законну обоа Завета Ветхаго же и Новаа благодати» (л. 21 об.). Значение слова «дохтор» в данном контексте приблизительно такое же, как и «изящен философ». Василий упрощает описание мудрости противников Евфросина: «посылают <...> Филипа роздиакона и другаго с ним некоего

⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 293.

священника, оба мудра zelo философа, ведуща Ветхая и Новаа Писания» (л. 99 об.). И в данном случае редакторскую правку можно объяснить как сокращением повтора, так и нежеланием Василия давать столь лестный отзыв противникам Евфросина, о чем свидетельствует и замена метафорической характеристики их знаний на «ведуща Ветхая и Новаа Писания». Однако другие примеры убеждают в том, что Василий сознательно избегал употребления именно слова «дохтор».

Еще раз слово «дохтор» автор Повести употребляет при описании действий Иова и его единомышленников против Евфросина. Готовя к спору с Евфросином Филиппа и некоего священника, Иов составляет для посланников «епистолю некою от своеа имь силы и премудрости, в ней же начрѣтоваху бяше дохторы своя» (л. 22 об.). Затем, при изложении самой дискуссии Филиппа и Евфросина, возражение Филиппа Евфросину в Повести начинается словами: «Елма убо сице по словесех святого наченшим имь простирати к не [так!] дохторы своя и глаголате тако сицевая словеса» (л. 27 об.) В обоих случаях Василий убирает выделенные курсивом слова. Контекст позволяет определить значение слова «дохторы» как «теории», «измышления», причем с негативным оттенком. Исключение слова «дохтор», «дохторы» из текста вызвано, по-видимому, непривычностью, редкостью употребления этого слова в литературном окружении Василия.

Особо отмечу одно слово, которое, вероятно, возникло в результате описки, хотя не исключено, что это просто редкое слово, неизвестное по другим памятникам: «Бе бо многими леты проводил есть живот свой елма и моглукукие старости, и николи же ослабев малодушьствомъ» (л. 24), у Василия соответственно: «Бе бо многими леты препроводил есть живот свой в мастите старости, николи же ослабе малодушиемъ» (л. 103 об.).

«Густота» и интенсивность правки Василия может быть различной. Менее всего Василий позволяет себе касаться тех фрагментов, которые содержат богословские рассуждения, в частности, дается истолкование смысла аллилуйи. Почти нет стилистической правки в молитвах Евфросина, а также в Послании Евфросина Евфимию и в ответном Послании Евфимия. Большая часть правки приходится на биографические фрагменты текста. Проанализируем цельный фрагмент текста и на примере главы «О приожении Серапионове к преподобному...» посмотрим, как реализуются описанные выше приемы стилистической правки Василием (л. 40—45 об.) текста Повести об аллилуйе (л. 90 об.—94 об.). Повествование о Серапионе, первом иноке, пришедшем к Евфросину на реку Толву, не выделяется особенной сложностью на фоне других глав, по поэтике это типичный для автора Повести текст. Начало рассказа о Серапионе носит повествовательный характер, текст состоит в основном из глагольных конструкций и не содержит сложных стилистических оборотов. Изменения, сделанные Василием в начальной части рассказа, минимальны, это, как правило, исключение отдельных слов, выражений, которые можно считать тавтологическими: «пожив мало нечто у преподобного купно с ним», «не восхоте пребыти у него прочее до конца, но хотяше инуди отити ис пустыни от него» и др. Курсивом выделены не читающиеся в тексте Василия слова. Серьезная правка начинается с описания ухода Серапиона от Евфросина. Рассказывая о переходе Серапиона через «поток мал», автор Повести об аллилуйе пишет: «вышереченый же убо Серапион пришед абие к потоку тому и углубления ради тины многыа и рвеница ради источника и начат дрвеса сеци, да приидет немокрено нужу рвеници. И абие въ притчу омахнувся сокерею и отсече колено

левое...». Василий убирает сочетания из нескольких существительных, «рвеница» заменяет на «поток» или вообще исключает это слово: «Серапион же абие пришед к потоку оному, и нача древие сеши на прохождение оного потока нужнаго, и внезапно сечивом отсече колено левыя ноги...». В тексте Василия преобладает описание действий, остается лишь один эпитет «потока нужнаго», исчезают все образы, в которых автор Повести попытался передать мощь и силу ручья: «углубления тины многыа», «рвеница источника», «нужу рвеници». Отметим и другие замены, сделанные Василием в приведенной цитате: «внезапу» вместо «в притчю», «сечивом» вместо «сокерею»,¹⁰ исчезает и глагол «омахнувся»,¹¹ неопределенность значения которого («замахнуться» и «промахнуться») позволяет автору Повести очень точно передать жест Серапиона.

В сложную многоступенчатую метафору преобразует автор Повести об аллилуйе традиционный житийный мотив умывания лица слезами: Серапион «лица же своего никако же умываше водою, но токмо руце свои, а лице слезами омывающе, бе бо они [так!] ему выну слез исполнени и присным хлипанием, духовною теплотою душа его восклицаючи, и сердечныа зрила ему благодатною водою обливахуся, и отрыгновены присно на всегдашнее рыдание течению слез ему». Автор Повести об аллилуйе в триаде созданных им образов ведет читателя от внешнего (очи) к внутреннему (душа) и создает не совсем обычную по словесной форме метафору — «сердечныа зрила», которая, соединяя через слезы очи и сердце, выражает мысль о прозрении сердечном. Метафора «сердечные очи» довольно часто встречается в произведениях древнерусской литературы,¹² однако в Повести об аллилуйе она обновляется и выглядит необычно, ибо слова «зрило» — «зрила» не зафиксированы в словарях древнерусского языка. Василий сохраняет триаду очи — душа — сердце: «Лица же своего никако же умываше водою, но токмо руце, а лице слезами умываше, бе бо очи ему по вся дни слез исполнени духовных и хлипания теплоты душа его, сердце же его благодатною водою обливахуся и отрыгновено присно на всегдашнее рыдание слез его». Текст Василия становится более однозначным, в нем исчезают внутренние связи в цепи образов («очи» — «сердечныа зрила»), близость сущностей подменяется внешней логической последовательностью: очи полны слез, душа — «теплых хлипаний», сердце обливается «благодатною водою». Замена метафоры «сердечныа зрила» на «сердце» характерная примета более спокойного и нейтрального стиля Василия.

В Повести об аллилуйе чувствуется вкус к слову, движению и игре его смыслов; используя образ самого автора, можно сказать, что слово его «катяшеса от уст его слышашим в скровища сердечныа». Это выражение автор Повести об аллилуйе использует, описывая впечатление от чтения Серапионом Псалтыри: «Псалтырь баше преизяшно из уст ему, и присно глаголаше ю в соборе церковном, и слово его от уст его дострочно исправляя и вршашеса, и яко чистый бисер катяшеса от уст его слы-

¹⁰ В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» примеры на слово «секира» приводятся в основном из библейских текстов и переводной литературы (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1999 Вып. 24 С. 38), что позволяет сделать вывод о восприятии этого слова как слова высокого стиля.

¹¹ Судя по материалам «Словаря русского языка XI—XVII вв.», глагол «омахнувся» тоже довольно редко встречается в памятниках древнерусской литературы. Примеры в словарной статье даны из Геннадиевской Библии и Палеи 1406 г. См. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 12 С. 364.

¹² См., например Коновалова О. Ф. Традиционная метафора в «Житии Стефана Пермского» // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 246—248.

шашим въ скровища сердечныя».¹³ В Повести об аллилуйе автор стремился передать волнующую красоту чтения Псалтыри Серапионом: «преизящное» произношение стихов перевоплощается в «бисер слов», которые «катятся от уст его». Василия не увлекает эта игра смыслов, для него важнее вписать чтение Псалтыри в рамки исполнения Серапионом монастырского устава: исчезает слово «преизящно», дается длинное этикетное перечисление того, когда и где читались псалмы Давида: «Наставника своего блаженнаго Ефросина подражая житию, правила же своего келейнаго нимало оставляше, псалмы же Давыдовы всегда глаголаше, седя или делая что И соборнаго пения никако же оставляя, разве великия мужа, и в церкви глаголаше псалмы Давыда пророка, и божественое Писание почиташе. И от уст его слово исходяше дострочно и вершашеся, яко чистый бисер, слышашим в скровища сердечная». Сравнение «яко чистый бисер» в Повести об аллилуйе пронизано внутренними связями со всеми образами в предложении, в тексте же Василия оно становится более формальным. Глагол «катящеся» в Повести об аллилуйе художественно завершал процесс перевоплощения и движения произносимого слова: оно исходит из уст, приобретает форму¹⁴ и катится, как бисер, в сердце. В тексте Василия происходит «переадресовка» сравнения, оно соотносится с глаголами «исходяше», «вершашеся», менее явной становится его связь с образом «скровища сердечная», кроме того, возникают странные грамматические связи в сочетании «вершашеся <...> слышашим в сокровища сердечная».

Как и в других случаях, в рассказе о Серапионе Василий исключает или сокращает развернутые образные сравнения, которые кажутся ему, по-видимому, не совсем уместными своей приземленностью. Так, автор Повести об аллилуйе стремление Серапиона к затворничеству сравнивает с летящей в гнездо птицей, высиживающей яйца: «И яко птица паряше на гнездо свое к съргению яйцом, а онъсица молитвеннаго плода снабдыше и грешае богатное изьобилие духовное и теплотную любов, ея же имешае присно по Бозе». Данный текст полностью исключается Василием.

Сообщение о погребении Серапиона автор Повести об аллилуйе завершает похвалой его аскетической жизни: «Се поистинне и въистинну яко воин Христов, и всякое странное [так!] наслаждение мимотекущее храборьскы, яко тимение, огнушав, тако велми зело тлимую ржавину, всяк гнус человекьския суеты, яко духовен муж, от душа своеа оттрас, темже и уяснивы краснейше душевное злато в небесное съкровище душу свою богоработную блаженный Серапион». Василий следующим образом трансформирует содержание и форму этого предложения: «Се поистинне, яко воин Христов, всякое страстное [так!] наслаждение мимотекущее человекьския суеты храборски, яко тимение, от душа своя отгнав, темже уясни богоработную душу свою краснейше злата в небесное сокровище блаженный Серапион». Появление у Василия эпитета «страстное» вместо «странное» объясняется, вероятнее всего, тем, что в списке Ундольского

¹³ Этот же образ «слово — катящийся бисер» автор использует, характеризуя процесс описания им явления Богоматери «И того ради отврьзох тяжкое прещение грехов моих и дръзнух катити, не стыдящеся и не съмнящеся, многоценным бисером, и свет славы Божия темницею мльчання оключен тмою и немльчанием снати ему, присно расклучих тму мльчання, темже и дръзнух написати явление Богоматери» (л 107) В редакции Василия приведенная фраза предельно упрощается «И того ради отверзох тяжкое прещение грехов моих и дръзнух написати явление Богоматере» (л 195 об.)

¹⁴ В «Словаре русского языка XI—XVII вв» не зафиксировано переносное значение глагола «вершатися» — «вершиться» (Словарь русского языка XI—XVII вв М, 1975 Вып 2 С 106, 108)

в данном случае описки, в списке же, которым воспользовался Василий, читалось «страстное наслаждение». Все остальные разночтения еще раз демонстрируют приемы стилистической правки текста Василием: он устраняет повтор, убирает метафорическое описание наслаждений жизни человеческой, оставляя только невыразительное от частого употребления выражение «человеческая суета».

Исключает Василий и экспрессивные в своей натуралистичности детали в описании нищенской одежды Серапиона. Автор Повести об аллилуйе, нанизывая определения как в форме прилагательного, так и в форме родительного падежа, используя эмоционально окрашенную лексику, дает возможность осознать противопоставление «риз» — «рубищам»: «Ризы же его бяше страньныа и раздраныа ветхая рубища, вьшми посыпаны, и сея же ради ветхости и исикерности и никто же взят их от братия обители тоя...». Текст Василия лишен экспрессии и натурализма: «Ризы же его бяше страныи и ветхи, в них же хожаше блаженный, и никто же взят их от братии обители тоя...».¹⁵

Целый ряд изменений, характерных для редакции Василия, обусловлен стремлением изобразить Евфросина в более традиционном для жития образе как идеального христианина и подвижника, превосходящего всех своей кротостью, трудолюбием, мудростью, милосердием и т. д. Подобные разночтения с Повестью об аллилуйе в редакции Василия встречаются довольно часто. Имеются такие разночтения и в главе «О прихождении Серапионове...». Серапион вынужден вернуться к Евфросину, так как рассек топором колено, он кается и дает обет никогда не покидать своего учителя. В редакции Василия этот эпизод дополняется сценой встречи Евфросином Серапиона: преподобный кротко принимает Серапиона, утешает его и прощает («Святый же незлобием и кротостию приат его <...> и прощение ему дарова» — л. 41—41 об.). И далее автор Повести пишет о трудах и подвигах Серапиона, столь жестоких, «яко превосходити ему *святаго* добродетelmi». Отмечаемое в Повести превосходство Серапиона над Евфросином воспринималось Василием, видимо, как уничтожение достоинств святого, и он «подправляет» текст источника: «яко превозходити ему *всех* в *святаго* обители добродетelmi».

Подобные же разночтения встречаются и в других главах. Так, в «Чюде о Кононе черноризце» рассказывается, что раскаявшийся Конон возвращается ослепшим в монастырь к Евфросину, просит прощения за причиненное ему зло. В Повести об аллилуйе Евфросин обращается к Конону со словами: «„Бог да простит ти, брате, и пребуди, якоже глаголеши, понеже аз присно жадах душа твоеа спасения“. Брат же убо прозрев абие...» (л. 67). В редакции Василия речь Евфросина более пространна, она вводится словами «Святый же рече ему тихо и разумно», и лишь заканчивается теми же словами, что и в Повести об аллилуйе. Затем преподобный начинает молиться, Василий приводит текст молитвы, и только после молитвы сообщается об исцелении Серапиона: «И абие в том часе прозре брат благодатию Христовою и молитвами *святаго*, и вси прославиша Бога о сем чюдеси» (л. 65 об.—66). В главе «Повесть о некоем священнике, пришедшем из Новагорода в пустыню к преподобному» в редакции Василия вначале подчеркивается негативность намерений новгородского священника, он приходит к Евфросину «неверием содержим» (л. 70 об.), затем, убедившись в строгости монастырского чина, он «в

¹⁵ Отметим редкое, не отмеченное в словарях древнерусского языка слов «исикерность», то ли один из неологизмов автора Повести об аллилуйе, то ли, напротив, архаизмов, учитывая морфологическую структуру слова (сохранение корня — «сѣкъ» — «сик»)

себе чюдяшеся и похваляше добродетельное житие, и труды, и постное пребывание отца нашего великаго Евфросина» (л. 73). Эти же слова повторяются и в его рассказе «знаемым» о жизни монахов Елеазаровского монастыря, он с удивлением описывает им «святаго исправление и братии его добродетельное житие, и труды, и постное пребывание, и всенощное бдение, и на земли легание, и прочая добродетели его к Богу» (л. 74). Этим чтений нет в Повести об аллилуйе, как нет и завершающей рассказ фразы, подводящей итог тому впечатлению, которое произвел Евфросин на новгородского священника: «И тако священник он зазираше в себе добродетельному житию отца и над смиренными не возношашеся и до кончины душа своя, якоже рече ему преподобный Евфросин» (л. 74 об.).

В главе «О исхождении святаго в нутренюю пустыню» (л. 74 об.—79 об.) также имеется несколько подобных по смыслу добавлений: распространено наставление Евфросина своему спутнику, включен плач инок, взволнованных тем, что Евфросин не вернулся в монастырь («Увы, нам, увлы нам, господине отче <...> Таже и прочаа молебныя глаголы изрекоша братия по святем»), подчеркнута их радость при виде Евфросина, они обрели вновь «без надежи живота своего учителя», поклонились «блаженному отцу, наставнику своему, до земля со слезами». Все приведенные цитаты не читаются в Повести об аллилуйе.

Такая же тенденция прослеживается и в немногочисленных разночтениях «Повести о Иове философе»: усиливается негативная оценка противников и позитивная самого Евфросина. Так, возлюбив земные наслаждения, женившись вторично, Иов Столп, «яко Иуда», Христа предал (л. 88). Единомышленников Иова Василий именуется «злии онии суровии клеветницы» (л. 94 об.). Когда посланные от Иова пришли к Евфросину, то начали речь свою «яко неистови» (л. 105). Евфросин в этой главе постоянно именуется «святым отцом», «блаженным отцом», «преподобным отцом нашим» и т. д. Он с детства «Духу Святому жилище сътвори в себе» (л. 105), его беседа «яко поток, течаше из уст святаго отца противу им» (л. 105 об.). После объяснения Евфросина, почему он дважды возглашает аллилуйя, пришедшие к нему единомышленники Иова «не можаше противитися богоноснаго отца премудрости и разуму, еже глагола к ним, Духу бо Святому глаголющу из уст святаго отца» (л. 127). Рассказывая Иову о своих прениях с Евфросином, они признаются в собственной беспомощности: «Но умысли о сем злохитренем старцы, како нам его посрамити и покорити под ноги наша, понеже бо яко пламен из уст его исхождаше, и не могохом претися с ним противу премудрости его и силе» (л. 131 об.). Комментируя их действия, Василий замечает: «Приравившися твердому адаманту и не соодолеша его, но сами одолени быша и падоша, а адаманта не поколебаша» (л. 132 об.). Далее в уста Иова, который «по всему граду вопиаше» против Евфросина, называя его еретиком, в редакции Василия вложены слова, в которых Иов признает то великое уважение, которое псковичи и он сам питали к Евфросину, что и он считал ранее Евфросина «святым мужем»: «Вы его вси мните яко аггела Божиа за его великое воздержание и яко светилника, сияюща в нашей земли, прославляете его. И мы его мнели свята мужа, и благочестия исполнена, и верою и воздержанием яко аггела Божиа. И ныне во истинну разумехом, яко еретик есть сей старец сей старец Евфросин, его же вы мните свята и праведна. Несть се тако, но яко еретик есть» (л. 133—133 об.). Подводя итоги спорам об аллилуйе, Василий еще раз обращается к часто используемому им образу «адаманта», чтобы создать впечатление несокрушимости взглядов Евфросина («Святой же терпяше

Бога ради <...> а святыи воста и исправися пред Богом», л. 157 об.—158). Все приведенные цитаты не читаются в Повести об аллилуйе. Возможно, некоторые из них не принадлежат перу Василия, как, например, фраза «Но умысли о сем злохитренем старцы, како нам его посрамити и покорити под ноги наша, понеже бо яко пламен из уст его исхождаше, и не могохом претися с ним противу премудрости его и силе» (л. 131 об.), которая вполне отвечает стилю автора Повести об аллилуйе.

Большей идеализации в редакции Василия подвергается не только Евфросин, но и иноки монастыря, их образ жизни, поведение изображаются более этикетно: они произносят пространные речи и молитвы, скорбят, плачут, об этом уже писалось при анализе различий в главах «О исхождении святого в нутренюю пустынь», «О преставлении святого» и др. Приведу еще один пример из главы «О Мартирии черныцы». Мартирий — младший брат Игнатия, Харлампия и Памфила, учеников Евфросина, по примеру своих братьев решил постричься в монахи, но братья повелели ему жить с родителями, его женили, однако мирская жизнь тяготила Мартирия, он сокрушался, что живет «в смраде и тимении века сего суетнаго». «Сиа же ему с рыданием глаголаху, и паче сие не косня, абие вѣстав и оставь родителя своя и жены любовь, поврьгь подворие и изыде съ дръзновением из дому» (л. 54 об.) — так излагаются события в Повести об аллилуйе. В редакции Василия поступкам Мартирия придается большая религиозность, любое решение он принимает с молитвой и обращением к Богу. Прежде чем уйти из дома, он «слезы испущающе от очию», вспоминает «слово Христово, глаголющее: „Аще кто не оставит отца и мать, жену, и дети, и род, и имение, и села имени моего ради, не может ученик мой быти“» (л. 55). Затем он, «Бога в помощь призвав», произносит молитву и только после молитвы устремляется в монастырь (л. 55—55 об.).

Василий во всех своих произведениях удивительно единообразен, он очень ясно представлял себе, какими должны быть житийные герои и в каких словах следует описывать ту или иную ситуацию; руководствуясь этими представлениями о должном, он и редактировал свои источники, и составлял новые жития. Проследим, как в двух произведениях описывается желание принять монашество и констатируется факт пострижения. Автор Повести об аллилуйе, как правило, использует слова, производные от «чернец», Василий же постоянно заменяет эти выражения на более высокие «аггельский образ», «иноческий образ», полученное при пострижении иноческое имя обязательно вводит словами «наречено бысть имя ему»:

«да сподобить его чрънческаго образа» (л. 50 об.) — «да сподобит его аггельскаго образа» (л. 49—49 об.),

«и бысть чръноризецъ Игнатий» (л. 51) — «и наречено бысть иноческое имя его Игнатие» (л. 49 об.),

«Пострижен бысть и той управлениемъ святаго, и бысть черноризецъ Памфил именем» (л. 52) — «И той управлениемъ святаго пострижен бысть во аггелский образ, и наречено бысть имя его Панфилий инок» (л. 52),

«священникъ быти саномъ» (л. 52 об.) — «чиститель быти саномъ» (л. 52)

«желая чръноризецъ быти» (л. 53) — «желая иноческаго спребывания» (л. 53),

«искусен будеши в чрънеческом образе» (л. 53 об.) — «искусен будеши во аггелском образе» (л. 54),

«и бысть велениемъ преподобнаго черноризецъ Мантирие» (л. 54 об.) — «и пострижен бысть велениемъ святаго во аггелский образ, и наречено бысть имя его иноческое Мартирие» (л. 56),

«Святыи же старецъ повеле абие и того такоже инока быти, и бысть черноризецъ Филарет» (л. 56) — «Святыи же повеле и того облещи въ аггелский образ, и наречено бысть имя его иноческое Филарет» (л. 58)

Ну и, конечно, редактируется такое выражение, как «не рачиша ему влести ему желаниемъ в иночески образ» (л. 53); вместо этого у Василия читается «не рачиша ему иноческий образ приати» (л. 53)

Не принимает Василий и следующее метафорическое определение иноческой жизни, которое дается при описании чувств и мыслей юной жены Мартирия, которую он оставил и ушел в монастырь: «Видевше жи себя осиротевше вдовъством, яко мужа еа любве ради Божиа разлучилса есть от нея и *въ свет вниде живота, в божественое трызнице, на вечную жизнь въступи, то паче и она...*» (л. 55), выделенные курсивом слова не читаются у Василия (л. 56—56 об.).

Идеализируя святого и его сподвижников, усиливая негативное изображение их противников, Василий осторожен в оценке тех, кто занимает высокое положение. В Повести об аллилуйе содержится нелюбимая оценка архиепископа Евфимия (вероятнее всего, имеется в виду Евфимий II — 1434—1458 гг.), который в своем ответе на послание Евфросина не разрешил окончательно спора между Евфросином и Иовом о сугубой аллилуйе, не вмешался и даже не высказался определенно о своих взглядах на то, надлежит двоить или троить аллилуйю: «Еуфимий ничто же внят от ней или разсудив о ключимей скорби и печали, бываемыа на святого от врага брани, Иевъм Столпом нелепая словеса. Понеже бо архиепископ Еуфимье свят житием и препрост обычай имый, книжной премудрости, купно же тако и к законному разсужению неглублен искус учительства имый, и сего ради ничто же управи или разсудив святому о вещи, токмо отписав к преподобному...» (л. 57). В редакции Василия характеристика Евфимия усечена со слов «понеже бо» (л. 146 об.—147). Оценка Евфимия, в которой отмечаются как положительные стороны его личности («свят житием»), так и его неискушенность в книжной премудрости, органична для автора Повести об аллилуйе, который не испытывает особого пиетета по отношению к новгородским церковным властям. Василию же, напротив, свойственно чинопочитание и соблюдение этикета не только литературного, но и жизненного. Все упоминания о архиепископах и владыках в редакции Василия имеют более этикетный вид, что обнаруживает неизменное уважение автора к церковным чинам и иерархам. В этом отношении весьма интересны разночтения в рассказе о рукоположении в священники ученика Евфросина Игнатия. В Повести об аллилуйе говорится, что Евфросин, убедившись в добродетелях Игнатия и его твердом решении следовать житию своего учителя, решает, что Игнатий должен принять священнический сан: «И сего ради внят о немъ, и разсуди духовнаго подвижника, яко о сем паче и того ради достоинъ есть священническаго сана. Тому же великому дару и сподобленъ бывает повелениемъ святого старца и властью архиепископа Иоанна» (л. 51—51 об.). Текст в редакции Василия стилистически переработан, он стал конструктивнее в грамматическом отношении, в нем подчеркивается значительность Евфросина («доброразсудная главо») и его роль в этом событии, неизвестный архиепископ Иоанн превращается в архиепископа новгородского и псковского, именно он прежде всего и имел право рукоположить Игнатия: «И сего ради внят о немъ святой, и разсудив добродетельная та глава, яко достоинъ есть великаго дару священническаго сподобитися. Таже сподобляется священничества повелениемъ святого и властью архиепископа Великаго Новаграда и Пскова владыкы Иоанна» (л. 50). Превращая архиепископа Иоанна в архиепископа новгородского и владыку Ивана, Василий допускает неточность, что было отмечено еще Н. И. Серебрянским.

Думается, приведенные сравнения убеждают, что, работая над составлением Жития Евфросина, Василий стремился упростить стиль автора Повести об аллилуйе, сделать его более нейтральным, избежать крайностей: как чрезмерной выразительной образности, так и недопустимой с точки зрения этикета опрошенности. Насыщенность метафорическими смыслами, перегруженность типичными для поэтики средневековья риторическими фигурами и приемами, характерные для стиля Повести об аллилуйе, однако, не превращают Повесть в произведение бездушной риторики. «Плетение словес» неизвестного автора в биографических частях Повести Василий воспринимает как многословие, убирает из текста многочисленные повторы и упрощает метафорические наслоения. В модификации Василия текст Повести об аллилуйе, упорядоченный и упрощенный, становится менее экспрессивным и многослойным по значению, более сухим и однообразным. Именно эти черты и станут впоследствии основой стилевой парадигмы псковского агиографа.

А. В. ПИГИН, К. М. ЗАПОЛЬСКАЯ

К вопросу об источниках Жития Александра Свирского (Житие Пахомия Великого и Чудо архистратига Михаила «иже в Хонех»)*

Среди произведений севернорусской агиографии трудно назвать памятник, который содержал бы столь же многочисленные и обширные заимствования из различных литературных источников, как составленное в 1545 г. игуменом Александро-Свирского монастыря Иродионом Житие Александра Свирского.¹ Компилятивный характер Жития был установлен И. Яхонтовым, который в результате тщательного сопоставления его текста с другими русскими житиями пришел к следующему заключению: «При составлении „Жития“ Иродион, человек довольно начитанный в агиобиографической литературе, твердо заучивший приемы ее искусственного стиля, по преимуществу воспользовался трудами Пахомия Логофета, жизнеописаниями препод. Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского и Кирилла Белозерского. Эти произведения служили для Иродиона капитальными источниками, из которых он в изобилии почерпал то, что находил нужным, выписывал иногда с дословною точностью целые страницы, переносил в свой труд не только типические изображения, разного рода амплификации и риторические прикрасы, но даже и целые факты, от чего, разумеется, к жизни препод. Александра приложил много такого, что скорее можно подвергать сомнению, чем принимать на веру».² Позднее Л. К. Гаврюшина отметила, что Иродион сделал также большие выписки из Жития Саввы Сербского,³ а Н. В. Пак

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 01-04-49003а/С

¹ Александр Свирский (1448—1533) — святой преподобный, пострижник Валаамского монастыря, основатель Александро-Свирского монастыря на р. Свирь, канонизирован в 1547 г., день его памяти — 30 августа

² Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 39. Автор очень тщательно сопоставил Житие Александра Свирского с указанными в данной цитате житиями, однако некоторые заимствования все же не были им замечены. Дополняя наблюдения И. Яхонтова, отметим, в частности, что рассказ Жития Александра Свирского «О видении Данила, како видѣл в раи преподобнаго Александра и з братиею его в лѣто 7033-е» в заключительной своей части дословно совпадает с видением Дамиана из Жития Феодосия Печерского (ср. ПЛДР. Вып. I. С. 352).

³ См. Гаврюшина Л. К. 1) Из истории сербско-русских литературных связей (Житие Саввы Сербского и русские агиографы XVI в.) // Советское славяноведение. 1985. № 1. С. 76—81, 2) Жития преподобного Сергия Радонежского и святителя Саввы Сербского в русской агиографии XVI в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы II Международной конференции 4—6 октября 2000 г. Сергиев Посад, 2002. С. 208—222.

указала на связь Жития Александра Свирского с Житием Евстафия Плакиды и Житием Онуфрия Великого.⁴

Авторам настоящей статьи удалось установить еще два источника Жития Александра Свирского: Житие Пахомия Великого и Чудо архистратига Михаила «иже в Хонех» (далее — Чудо архистратига Михаила). Судьба этих переводных византийских памятников в славянской письменности почти не изучена. Сказания, посвященные Пахомию Великому (умер в 348 г.), основателю общежительной (киновитской) формы монашества, проникли в русскую книжность в домонгольскую эпоху. В состав Успенского сборника XII—XIII вв. входит текст, озаглавленный «Житие преподобнаго отца нашего Пахомия, иже бысть начальникъ мѣнишьскому образу» (15 мая). Как установил О. В. Творогов, этот текст представляет собой «не житие, а главы 34—38 „Лавсаика“, в которых речь идет не только о Пахомии и его монастыре, но и о женских монастырях и совершающихся там событиях, а также о подвижнике Питириме».⁵ Другой текст, начинающийся словами «Господь нашъ Исусъ Христосъ, источникъ премудрости, свѣтъ познания истиннаго...», — это собственно житие, которым и воспользовался Иродион. Оно известно по сборнику последней трети XIV в. РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 744, а также входит в состав Великих Миней Четних (РНБ, Софийское собр., № 1321).⁶ Чудо архистратига Михаила (6 сентября) — центральный текст в цикле чудес архангела Михаила. Его содержанием служит рассказ о том, как архангел Михаил предотвратил гибель святого родника и церкви над ним в Колоссах Фригийских (Хонах): язычники направили на церковь течение двух рек, желая потопить ее саму и погубить ее служителя Архиппа, но архангел Михаил, явившийся по молитве Архиппа, рассек жезлом огромный камень, и вся вода ушла в расщелину. Наиболее ранний славянский список Чуда архистратига Михаила (рубеж XII—XIII вв.) известен по рукописи: РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 12.⁷ Чудо архистратига Михаила входило в состав Торжественников (минейного и общего), Пролога (стишного и нестишного), было включено в Великие Минеи Четии (причем в двух разных переводах, один из которых — перевод Метафрастова текста — принадлежит Максиму Греку).⁸

Текст Жития Пахомия Великого был использован Иродионом несколько раз, в разных главах. Большая дословная выписка из Жития Па-

⁴ См. Пак Н В К проблеме источников Жития Александра Свирского переводные жития // Книжные центры Древней Руси Севернорусские монастыри СПб, 2001 С 145—151 Совсем недавно были опубликованы две книги, посвященные Житию Александра Свирского Sillan L Отражение графико-орфографических норм церковнославянского языка в житийной литературе второй половины XVI в На материале Жития Александра Свирского Joensuu, 2001, Житие Александра Свирского Текст и словоуказатель / Под ред А С Герда СПб, 2002 Оба издания подготовлены историками древнерусского языка, новых данных об источниках жития в них не содержится

⁵ Творогов О В Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв (Статья вторая Памятники агнографии) // ТОДРЛ Л, 1990 Т 44 С 217

⁶ Там же, Творогов О В Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв (Статья первая) // ТОДРЛ Л, 1988 Т 41 С 201

⁷ Список опубликован Popovski J, Thomson F, Weder W The Troickiy Sbornik (Cod Moskva, GBL F 304 (Troice-Sergieva lavra) № 12) // Полата књигописњна 1988 № 21—22 С 38—46

⁸ См. Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием Сентябрь, дни 1—13 СПб, 1868 Стб 286—293, 299—306 Предварительные результаты изучения рукописной традиции Чуда архистратига Михаила изложены в Быкова В М, Пигин А В «Чудо архистратига Михаила иже в Хонех» в славянской книжности кон XII—нач XIX в // Актуальные проблемы современной науки Гуманитарные науки Самара, 2001 Ч 8 С 73

хония Великого фиксируется в той главе Жития Александра Свирского, которая имеет название: «О приходе брата его Иоанна к нему (т. е. к Александру Свирскому. — А П, К 3) в пустыню».⁹ Глава посвящена взаимоотношениям Александра с его родным старшим братом Иоанном. После прихода Иоанна в пустынь к Александру между братьями возникло разногласие из-за устройства обители: «Александръ убо мысль имѣа распространити мѣсто хотяше, болшу творя дому ограду, братъ же его Иоаннъ о безмолвии поучаяся, утѣшняше жилище» (103 об.—104). Иоанн — на правах старшего — упрекнул своего брата в гордыне («пре-стани величаяся и ширя себе» (104)), после чего Александр встал на молитву и покаялся в «мудровании плотском» (104 об.). Заканчивается глава сообщением о смерти и погребении Иоанна и обращением святого к своим ученикам. Это обращение, как показал И Яхонтов, представляет собой дословную выписку из Жития Сергия Радонежского.¹⁰ Установить источник остальной части главы И. Яхонтов не смог, однако указал на сходство описанных здесь событий с одним фрагментом из Жития Кирилла Белозерского. Спор между Александром и Иоанном «фактической стороною весьма напоминает» рассказ о несогласии между Кириллом Белозерским и Ферапонтом: «Кирилл „тесное и жестокое (жительство) хотяше“, а Ферапонт — „пространное и гладкое, и сего ради другъ отъ друга разлучишася“».¹¹ В целом, по мнению И. Яхонтова, эта глава скудна «фактическим содержанием и не представляет ничего характеристического», хотя читающаяся в ней молитва святого «очевидно есть произведение самого биографа (т. е. Иродиона. — А П, К 3)».¹² В свою очередь Л. А. Дмитриев полагал, что конфликт Александра с братом является «реальным фактом истории Александро-Свирского монастыря», «оригинальной зарисовкой монастырского быта».¹³ В действительности же, как показало наше исследование, Иродион воспроизвел в этой главе — с очень небольшими заменами (наиболее существенные отличия двух текстов отмечены курсивом)¹⁴ — текст Жития Пахомия Великого.

Житие Пахомия Великого¹⁵

По временѣ бо нѣкоемъ и по плоти его братъ Иоаннъ, слышавъ яже о немъ, прииде, възыскаа его Егоже видѣвъ и обლობызавъ, Пахомие велми возрадовася, отнелѣ бо *просвѣщися, Христови общиася и иночскаго приемяся житиа*, николиже къ своимъ иде И сему убо тъжде имущу *Пахомиевъ* разумъ, прѣбыста оба вкупѣ, ово в законѣ Божии всегда поучающеся, ово же о земныхъ всѣхъ ни едино творяще слово Е же бо и от дѣла рукъ ихъ бѣше избылиуя, се требующимъ дааху, дрзѣюще яко по Христа и Господа заповѣди не лѣпо тѣмъ пешися о утрнѣмъ

Житие Александра Свирского

И пакы же по нѣкоемъ времени иже по плоти братъ его Иоаннъ, слышавъ яже о немъ, прииде, възыскаа его И егоже видѣвъ *Александръ*, и обლობызавъ, и велми возрадовася *о пришествии братиѣ*, отнелѣже бо *прятъ иноческый образъ*, и николиже къ своимъ сниде И сему же убо тожде имущу *Александров* разумъ, пребыста же оба вкупѣ, ово убо в законе Божии поучающеся, ово же о земныхъ всѣхъ ни едино творяще слово А е же бо и от дѣла рукъ ихъ бѣше избылиуя, се же требующимъ даяху, дерзѣюще яко по Господни заповѣди глаголющей не лѣпо тѣмъ пешися

⁹ Здесь и далее текст Жития Александра Свирского цит по списку ИРЛИ, колл Перетца, № 59, л 46—258, сер XVI в В скобках после цитат указаны номера листов Благодарим В П Бударagina, указавшего нам этот список

¹⁰ Яхонтов И Жития св севернорусских подвижников С 65—66

¹¹ Там же С 64—65

¹² Там же

¹³ Дмитриев Л А Иродион // Словарь книжников Вып 2, ч 1 С 441

¹⁴ Вероятно, некоторые мелкие разночтения объясняются индивидуальными особенностями цитируемых списков

¹⁵ Здесь и далее текст Жития Пахомия Великого цит по списку XVI в РНБ, Софийское собр., № 1321, л 406 об—424 (верхней пагинации) («Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Пахомия») В скобках после цитат указаны номера листов

Одеждами толми обнишаваху, якоже николиже носити другую ризу, точию егда бѣ нѣкогда осквернилася зѣло, опрати хотяху *Пахомие же облачаешися въ власныи смѣренна ради телеснаго, егоже ради за 20 лѣтъ время по мнозѣмъ воздержанна и бдѣнна трудѣ насредѣ келиа сѣдѣше не всланиа ни къ стѣнѣ хребеть свои, оскорбляем же велми, трѣпяше доблестовнѣ, радуяся надеждоу воскресенна и будущаго и лежаща на небеси блаженства* Зря же и другая многа святых исправления, тѣшася и сия со своимъ братом свершити возвращение добродѣтели и спасение своимъ душами *По сих же и сѣдалища нѣкаа себѣ сѣтвориша*, кождо бо *пощасяся* противу силѣ своей съ терпѣниемъ и сѣвршеною вѣроу Таже поминаа *Пахомие* бывшее к нему обѣтование о хотящихъ спастися тѣмъ, начать вкупѣ со братомъ пространнѣише здати обителище ко еже хотящимъ житие оставляти и приступати къ Богу приемати Жидушимъ же имѣ, *Пахомие* убо мысляню имѣа *разширити* мѣсто хотѣше, болшу творя дому ограду, *сего же братъ* о безмолвии поучаяся, утѣшняше жилище Тѣм же и сътужи си, болии сый по плотскымъ возрасту, рече къ *Пахомию* «Прѣстани величаеся и ширя себе» Он же, слышавъ, огорчися убо, имже не по разуму досаждение приемъ, не выпрѣкы же рече ему, нѣ крѣтокъ Сый пожда и, наставши нощи, *слѣзь въ подницу, идѣ же бѣ создана часть дому*, начать плакати велми и, Богови в молитвѣ исповѣдаяся, глаголаше «Горѣ мнѣ, яко мудрование плотское еще есть во мнѣ и еще по плоти хожду Толико бо воздержанне воспримъ, паки яростию восхыщасяся, аще и по прилучаю добрѣ Помилуй бо мя, Господи, да не погибну Аще бо не утвердиши мя долготерпѣниемъ твоимъ, обрящеть же во мнѣ часть нѣкую своихъ дѣяний врагъ, буду ему подручникъ, якоже пишеть, яко аще весь законъ свершитъ кто, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ Вѣрую же, Господи, яко многыа твоя щедроты помогутъ мнѣ и научюся ходити въ путь святыхъ твоихъ, къ прѣднимъ простираяся, заднимъ же забвение твоя Ибо иже от вѣка святии твои, твоею помогаеми благодатию, посрамша врага и велми прасняша Азь же како научюся, Господи, ихже *призвати завѣща мною во иночское житие*, не прѣвѣ побѣждь страсти плотскыя душа борящая, ниже законъ твой *непорочно* сохрани Но вѣрую, Господи, яко твоею помощию сотворю благоугоднаа прѣд очима твоима и простиши ми вся грѣхы моя» Сиа и сичева съ плачемъ исповѣдуяся ношь всю даже до утреница, слѣзя, скончася *от многоаго пота, жатвѣ бо бѣ время, и мѣсто горяще от пятау ногу его яко калъ сотворися* Обыче бо, стоя на молитвѣ, простирати руцѣ свои и никакоже згыбати тѣхъ по сихъ протяженiemъ, яко на крестѣ простирая, сиче утруждаа тѣло, къ трѣзвѣнню душа возвада Такъ сый и толикъ во мнози кротости и мирнѣ устроении живя-

о утреннемъ И одеждами же толми обнишаваху, яко николиже носити другую ризу точию егда бѣяше нѣкогда осквернилася зѣло, опрати хотяще *И облачася убо по ризу смиренна ради телеснаго И по времени же доволнѣ* воздержанна ихъ и бдѣнна и трудѣ насредѣ келиа сѣдѣше, не въсклоняюще ни къ стѣне хребеть свой Оскорбляем же велми, терпяше доблественѣ радуяся надеждоу воскресенна и будущаго и лежащаго на небесѣхъ блаженства Зрящи же и другая многа святыхъ исправления, тѣшася и сия [со] своимъ братомъ свершити в возвращение добродѣтели и спасение своимъ душамъ, кождо бо *тѣшасяся* противу силѣ своей съ терпѣниемъ и совершеною вѣроу Таже поминаа *преподобный* бывшее к нему обѣтование хотящихъ спастися тѣмъ, и начать вкупѣ з братомъ си пространнѣише созидати обителище ко еже хотящимъ житие оставляти *суетнаго мира* и приступити къ Богу и приимати *равный аггеломъ образ* И жидушимъ же имѣ, *Александръ* убо мысль имѣа *распространити* мѣсто хотяше, болшу творя дому ограду *братъ же его Иоаннъ* о безмолвии поучаяся, утѣшняше жилище Тѣм же и стужи си, болии сый по плотскому возрасту, рече ко *Александру* «Прѣстани величаеся и ширя себе» Он же, слышавъ, огорчися убо, имже не по разуму приемъ досаждение, и не выпрѣки же рече ему, но крѣтокъ Сый пожда, и наставши же нощи, *и преподобнии свои руцѣ на высоту вознесъ*, начать же *блаженный* плакати велми и, Богови в молитвѣ исповѣдаяся, глаголаше «Горе мнѣ, яко мудрование плотское еще есть во мнѣ и еще по плоти хожду Толико бо воздержанне воспримъ, паки яростию восхыщасяся, аще и по прилучаю одобрѣ Помилуй бо мя, — рече, — Господи, да не погибну Аще бо не утвердиши мя долготерпѣниемъ твоимъ, обрящеть же во мнѣ часть нѣкую своихъ дѣяний врагъ *и будетъ ми супротивный, противяся*, якоже пишеть, яко аще и весь законъ совершитъ кто, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ Вѣрую же, Господи, яко многыа твоя щедроты помогутъ мнѣ и научюся ходити въ путь святыхъ твоихъ, и к прѣднимъ простираяся, заднимъ же забвение твоя Ибо иже от вѣка святии твои, твоею помогаеми благодатию, посрамша врага и велми прасняша Аз же како научю, Господи ихже *завѣща ми собрати люди твоя*, не первые ли побѣдити ми страсти плотскыя душа борющая, ниже законъ твой сохранихъ Но вѣрую Господи, яко твоею помощию сотворю благоугоднаа прѣд очима твоима и *ктому* простиши ми вся грѣхы моя» Сиа и сичева съ плачемъ исповѣдуяся, ношь всю даже и до утреницы слезя сконча *И от многоаго же плача и захл[у]п[ан]ия не могый глаголати ничтоже* Но обаче же стоя на молитве, простирая руцы свои, никакоже згыбати тѣхъ, но сихъ протяжениемъ, яко на крестѣ простирая, сиче утруждаа тѣло свое, к трѣзвѣнню душа возводя Тако сый и толикъ во мнозѣ кро-

ше съ братомъ Не по мнозѣ времени скончавшуся ему, погрѣвъ *достойно Пахомие*, въ псалмѣхъ и пѣннихъ и пѣснехъ духовныхъ побдѣвъ надъ нимъ Сего же убо духъ прѣложися къ Богу, в онѣже упова Тѣло же его гробу прѣдавъ, держашеся паки болѣзненнаго особъ воздержанна, подвизаяся цѣла себе въсѣмъ образомъ соблности и всякъ сквернень помысль находящъ отражати (409—409 об)

тости и мирнѣ строении живя съ братомъ си И не по мнози же времени брату его скончавшуся, и погрѣвъ же его *преподобный Александръ*, во псалмѣхъ и пѣннихъ и пѣснехъ духовныхъ побдѣвъ надъ нимъ Сего же убо духъ преложиися ко Господу, в онѣже упова Тѣло же его гробу предавъ, держаше же ся паки болѣзненнаго особъ воздержанна, подвизаяся цѣла себе всѣмъ образомъ соблности и всякъ сквернень помысль находящъ отражати (101 об—106 об)

К процитированному тексту в Житии Александра Свирского без всяких переходов примыкает установленная И. Яхонтовым небольшая дословная выписка из Жития Сергия Радонежского, которая и завершает эту главу. Вся анализируемая глава Жития Александра Свирского является, следовательно, механическим совмещением заимствованных из двух произведений фрагментов. Примечательно, что Иродион сохранил даже имя брата Пахомия Великого — Иоанн. Не исключено, конечно, что у Александра Свирского действительно был брат по имени Иоанн, с которым он какое-то время жил вместе, и Иродион решил воспользоваться готовым литературным образцом для рассказа о нем. Однако из числа «оригинальных зарисовок монастырского быта» (Л. А. Дмитриев) этот житийный эпизод нужно, разумеется, исключить. Мотив совместного проживания двух монахов, иногда братьев, и возникающих между ними разногласий (ср. также жития Кирилла Белозерского, Сергия Радонежского, Дионисия Глушицкого и др.) является в агиографии этикетным. Его происхождение нуждается в изучении, а проблема исторической достоверности подобных фрагментов в житиях должна решаться с большой осторожностью.

Строительству Александро-Свирского монастыря предшествовало, согласно тексту Жития Александра Свирского, несколько видений святого: Александру дважды являлся ангел («О приходе святаго аггела ко преподобному»), затем преподобный узел Святую Троицу и вновь, уже в третий раз, ангела («О видѣнии Святыа Троица, еше преподобный видѣ и слыша глаголанная к нему в лѣто 7016»). В описании этих видений Александра Иродион вновь использует текст Жития Пахомия Великого. Причем источником оказывается здесь, пожалуй, самый известный и важный в истории христианства эпизод из жития — рассказ о явлении Пахомию Великому ангела, который передал святому монашеский устав.¹⁶ В первой из указанных глав Иродион приводит дословные цитаты из Жития Пахомия Великого, но без упоминания святого Пахомия (разночтения отмечены курсивом).

¹⁶ Этот сюжет представлен в некоторых произведениях древнерусского изобразительного искусства. Таково, например, предполагаемое изображение «Явление ангела Пахомию» на фреске Феофана Грека 1378 г в церкви Спаса Преображения в Новгороде XVI в датируется хоругвь «Явление ангела Пахомию», хранящаяся в музее Московского Кремля (см. Маясова Н А Две шитые хоругви XVI в из Соловецкого монастыря // ПКНО 1989 М, 1990 С 317) Помещается этот сюжет и в виде клейма на иконах с изображением архангела Михаила (см. Тихомирова К Г Героическое сказание в древнерусской живописи // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв М, 1970 С 7—28) В кон XV—нач XVI в рассказ из Жития Пахомия Великого о явлении ангела Пахомию послужил предметом полемики между «жидовствующими» и православной церковью (см. Казакова Н А, Лурье Я С Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века М, Л, 1955 С 418, 480 и др)

Житие Пахомия Великого

безмолвие и сладостно въ пустыни хождаше, паче стоя на молитвах и моляся Богу избавити того и *вся челоуѣкы* от всякыя лъсти вражиа Сице же боголюбивъ сый любезно отхождаше *присно* въ пустыню ону И нѣкогда отшед от *келиа онао* отстояние довольно, *достиге въ весь нѣкую, глаголемую Тавенисия*, и ставъ на молитвѣ по обычаю своему на многоу час, *слыша глас, глаголющъ ему «Пребуди здѣ, Пахомие, и сотвори монастырь, приидуть бо к тебѣ мнози, спастися хотя, ихже наставиши ко даному тебѣ от мене образу» Является убо ему абие аггелъ и дастъ ему пшакыду, в нейже всяко воображение хотящихъ у него учитися писана бѣше* (408 об.)

Житие Александра Свирского

Блаженный же Александръ любя безмолвие и сладостно в пустыни хождаше, паче же стоя на молитвах и моляся Богу избавити того *всячески* от всякыя лъсти вражиа Сице боголюбивъ сый любезно отхождаше в пустыню ону И нѣкогда же убо отшед от *ижа своая* отстояние довольно и став на молитве по обычаю своему на многоу часъ *И се виезату пакы явися ему аггелъ Господень, глаголя «Александрѣ, якоже рѣх ти древле, созиждь церковь и братию собери и монастырь согради, приидут бо к тебѣ мнози спастися хотящеи, ихже наставиши на путь спасения» И пакы сия рекъ и ктому невидѣм бысть аггелъ* (114 об.—115)¹⁷

В другой главе Пахомий Великий уже упоминается в тексте, а явление ему ангела осмысляется как своего рода сакральный прецедент: «И во единъ же убо день стоящу преподобному на молитвѣ и молящюся Богу, и абие слышитъ глас свыше к нему глаголющъ. И возрѣвъ же к высотѣ блаженный и видѣ аггела Божия на воздухѣ в мантии и в куколѣ стояща и крилы простерты имуща, *якоже древле иногда Великому Пахомию явися* И руцѣ же ему воздѣвшу на высоту, и молитву глаголющу: „Единъ святъ, единъ Господь Исусъ Христосъ, въ славу Богу Отцю, аминь“. И по молитвѣ глаголя, яко „На семъ мѣсте да созиждется церковь во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нераздѣлимая Троица“. И се рекъ, мѣсто же оно и рукою крестаобразно назнаменавъ, и ктому невидѣмъ бысть аггелъ» (118 об.—119 об.). Наконец, общим для двухъ памятниковъ является и мотив «небрежения к телу» в предсмертномъ завещании святого, встречающийся, впрочем, довольно часто в произведенияхъ византийско-русской агиографии.¹⁸

Чудо архистратига Михаила послужило источникомъ главы «О произведении воды от горняго озера в нижее и о поставлении мельницы». Свидетельствомъ обращения Иродиона к Чуду архистратига Михаила служитъ прежде всего содержащаяся здесь ссылка на этотъ текстъ (см. далее) — И. Яхонтовъ обратил на нее внимание, но оставил без комментария.¹⁹ Однажды монахи, какъ рассказывается в данной главе, стали жаловаться Александру на то, что в монастыре нетъ мельницы и имъ приходится во время жатвы молоть зерно вручную. Александръ решил прокопать ровъ между двумя находящимися близ монастыря озерами — «горнимъ» и «ниж-

¹⁷ Следуетъ отметить, что Житие Александра Свирского, какъ установил В. О. Ключевский (Ключевский В. О. Древнерусские жития святыхъ какъ исторический источникъ М., 1871 С. 263), послужило источникомъ Жития Ефрема Перекомского. В частности, авторъ этого жития перенес в свой текстъ приведенное место изъ Жития Александра Свирского с содержащейся здесь цитатой изъ Жития Пахомия Великого (ср. Федотова М. А. Къ вопросу о Житии Ефрема Перекомского // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри СПб., 2001 С. 175). Ср. также анализируемую ниже главу изъ Жития Александра Свирского «О произведении воды изъ горняго озера в нижее и о поставлении мельницы» (с заимствованиями изъ Чуда архистратига Михаила) и почти дословно повторяющую ее текстъ главу изъ Жития Ефрема Перекомского «О пропущении воды изъ реки Веренды во озеро Илмерь» (Там же С. 179—180) «Следы» Жития Пахомия Великого и Чуда архистратига Михаила проникли, такимъ образомъ, — черезъ текст-посредникъ — и в Житие Ефрема Перекомского.

¹⁸ См., напримеръ Федотова М. А. Къ вопросу о Житии Саввы Вишерского // ТОДРЛ СПб., 2001 Т. 52 С. 550—551.

¹⁹ См. Яхонтовъ И. Жития св. севернорусскихъ подвижниковъ С. 41—42.

ним» — и поставить мельницу на образовавшемся таким образом водном течении. Когда русло для реки было готово, вода внезапно устремила-сь по нему «с высоты горския» (135) и стала угрожать монастырю затопле-нием. Однако св. Александр совершил чудо — он остановил воды. После этого монахи «сотвориша на том мѣсте мелницу, купно же и толчею уст-роиша <...> на всяку потребу монастырьскую» (137). Как показал И. Яхонтов, значительная часть этой главы представляет собой дослов-ное заимствование из Жития Сергия Радонежского, из рассказа «о изведе-нии источника»: «Иродион воспроизвел сказание («о изведении источ-ника». — А. П., К. З.) почти дословно, допуская изменения и отступления только там, где того требовала самая сущность описываемого события».²⁰ Исследователь был настолько увлечен установлением прямых заимство-ваний в Житии Александра Свирского из Жития Сергия Радонежского и других русских житий, что не придавал большого значения этим «измене-ниям и отступлениям», ограничившись лишь их регистрацией. Между тем именно «сущность описываемых событий» роднит анализируемую главу Жития Александра Свирского не столько с рассказом из Жития Сергия Радонежского, сколько с Чудом архистратига Михаила. В отличие от Жития Сергия Радонежского, где святой изводит воду, которая обладает чудодейственной силой («исцѣлѣннѣя бывають от воды тоа приходящим съ вѣрою»)²¹ и служит на благо монастыря, в Житии Александра Свир-ского и Чуде архистратига Михаила излагается история усмирения воды, угрожающей самому существованию церкви (монастыря). Точнее, для того чтобы использовать воду в мирных хозяйственных нуждах, как в Житии Сергия Радонежского, Александру Свирскому приходится прежде победить, укротить ее. В описании этого подвига Александра Иродион опирается на текст Чуда архистратига Михаила, перенося из него в свое повествование основные мотивы:

1) Изготовление искусственного русла, по которому с горы должна быть направлена вода: в Чуде архистратига Михаила — язычниками, же-лающими уничтожить святой родник и церковь над ним, в Житии Алек-сандра Свирского — монахами, строящими мельницу.

2) Вода устремляется к святому месту и угрожает его существованию. Причем в обоих памятниках разбушевавшаяся стихия описана в сходных выражениях: «шум велий воды тоя» (290),²² «исходящую отъ высоты горь-ския и шумящу зѣло» (291), «възмущение водъ многъ» (292), «прещение водное» (292) (Чудо архистратига Михаила) — «схожение с высоты горь-ския» (135), «с великим шумом и гремянием водным» (135), «от шума того и прещения воднаго» (135—135 об.) (Житие Александра Свирского).

3) Архангел Михаил (Чудо архистратига Михаила) и святой Алек-сандр (Житие Александра Свирского) останавливают водное течение. И. Яхонтов полагал, что это чудо, совершенное Александром, описано Иродионом под влиянием Жития Сергия Радонежского: «Как в Пахоми-евом сказании повествуется, что препод. Сергий, произнесши молитву, сотворил крестное знамение над тем местом, где просил Господа извести источник, после чего и забила из земли вода ключом, так точно и пре-под. Александр Свирский, помолившись, „простеръ десную руку и воз-ложилъ образъ честнаго креста на стремление быстринамъ, и абие на

²⁰ Там же С 40

²¹ Житие Сергия Радонежского // ПЛДР Вып 4 С 360

²² Здесь и далее текст Чуда архистратига Михаила цит по В той же день дѣяние свя-таго Архангела Михаила и пономаря Архиппа // Великие Минеи Четии, собранные всерос-сийским митрополитом Макарием Сентябрь, дни 1—13 СПб, 1868 В скобках после цитат указаны номера столбцов

стремнинъ горы низходящая воды уставишася и течение водамъ преста“».²³ Очевидно, однако, что изведение источника и усмирение водных потоков не совсем одно и то же. Чудо св. Александра достаточно точно повторяет чудо архангела Михаила (ср. в Чуде архистратига Михаила: «И въздвиже гласъ свой святыи Архистратигъ, глаголя къ рѣкама: на кого грядета, Куфе и Лукокарпе (названия рек. — *А П, К 3*), кто вы прельсти оставити путь ваю и сѣмо приити? И се рекъ, знаменавъ лице водное и глагола има: станета ту на мѣстѣ. И абие стаста рѣцѣ; и възвысися глава водѣ яко 10 мужъ възвыше» (292)). Иродион вводит и прямое указание на текст Чуда архистратига Михаила: св Александр молит Бога подать «уставление шумящим водамъ», «якоже и в Каласаех чудодѣйствоваше архистратигом Михаилом крѣпкая ти десница, воду внутрь камени сохранивъ» (136).

Ссылка на Чудо архистратига Михаила была сделана Иродионом, вероятно, не случайно (в большинстве случаев он не указывал источник). Введение в «подтекст» Жития Александра Свирского истории чудотворения архангела Михаила порождает в сознании читателя определенный ассоциативный ряд, своеобразную смысловую игру, основанную на противопоставлениях и отождествлениях. Вода выступает здесь одновременно и как сакральная, благая, служащая монастырю сила (строительство водной мельницы), и как разрушительная стихия (ср. в Чуде архистратига Михаила, где направленные язычниками *воды* должны уничтожить святой *водный* источник). Дважды использованный в Житии Сергия Радонежского библеизм — Господь во времена Моисея «от камене воду источилъ есть»²⁴ — Иродион в одном случае сохраняет, а в другом заменяет прямо противоположной по своей семантике ссылкой на то, как в Хонах Господь «архистратигом Михаилом <...> воду внутрь камени сохранивъ».²⁵ Святой Александр ассоциируется одновременно и с Архиппом, хранителем родника в Хонах, обращающимся к Богу с молитвой о защите, и с архангелом Михаилом, т. е. и со спасенным, и со спасителем. Подобно Сергию Радонежскому, Александр «изводитъ» воду (вода в конце концов стала служить монастырю), но в то же время, подобно архангелу Михаилу, он способен и остановить ее течение. Такое совмещение мотивов, означающих разнонаправленные действия, служит в конечном счете прославлению Божьего всемогущества: для Бога и святых его «ничего нет невозможного» (Иер. 32:17). Обращение Иродиона к древнерусским источникам не сводится, таким образом, к обширным механическим заимствованиям из них. Создатель Жития Александра Свирского прекрасно владел и техникой сюжетного моделирования: бытовую, казалось бы, сцену монастырской жизни он сумел представить как «отблеск» древнего чуда. Вероятно, дальнейшее изучение Жития Александра Свирского позволит установить как новые источники этого памятника, так и другие приемы, которые использовал Иродион для введения «чужого текста» в свое повествование.

²³ Яхонтов И Жития св севернорусских подвижников С 42

²⁴ Житие Сергия Радонежского С 358, 360

²⁵ Деяния Моисея и архангела Михаила сопоставляются и в Чуде архистратига Михаила «И якоже Моисей во Черное море простеръ руку, жезломъ море раздѣли, такоже и великий Михаилъ чиновначалникъ простеръ руку свою < > жезль держа удари и во главу твердаго камене» (292) Ср в Житии Александра Свирского Александр «десную руку претеръ» (136 об)

М. А. ФЕДОТОВА

Краткая редакция Жития Никиты Столпника Переяславского*

Житие Никиты Переяславского (Никиты Столпника) начиная с XV в. имеет богатую рукописную традицию. Те немногочисленные сведения, дошедшие до нас о жизни святого, как и известия о Никитском Переяславском монастыре, в котором подвизался святой, мы получаем только из Жития Никиты Переяславского. Из текста Жития мы узнаем, что Никита «бѣ рожень и въспитанъ въ градѣ Переяславѣ», «мытаремъ другъ» и «пакости творяше человеком». Внезапное раскаяние, вызванное услышанными в церкви словами пророка Исаии и страшными видениями, привело его в Никитский монастырь; пройдя суровые испытания, Никита был пострижен в монахи игуменом этого монастыря, который наложил на него новое послушание — «затвори его в хлѣвинѣ усць», где он «по благословению игумена возложи на гѣло свое желѣза тяжка» и вел непрерывную борьбу с кознями дьявола, желающего «святого от истиннаго пути совратити». ¹ Никита Переяславский известен и редким на Руси видом подвижничества — стоянием на столпе, за что и получил прозвание столпника. ² В Житии рассказывается также о смерти святого от рук «ближнихъ его два», прельстившихся на «тяшка его желѣза, блещася, яко злато»; заканчивается Житие рассказом о возвращении железных вериг святого в Никитский монастырь благодаря чудесному видению старцу Симону. Важное место в Житии занимает прижизненное чудо Никиты Переяславского, рассказывающее об исцелении князя Михаила Черниговского: первое сообщает о попытке митрополита Фотия обретения мощей святого, значимым текстом является чудо «О царском хождении... и чудо о воде святаго Никиты», и в последнем чуде Жития повествуется о постройке каменного храма в Никитском монастыре. Также начиная уже с XV в. Житие часто сопровождается Похвалой святому Никите. ³

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-04-00033а)

¹ О влиянии на Житие Никиты Переяславского сказаний о греческом великомученике Никите см. Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых Варшава, 1902 С 108—124

² Проблема столпничества на Руси и влияния на тексты житий русских столпников традиции «византийского столпничества» может быть темой самостоятельного исследования

³ См., например, списки РГБ, ф 304 (собр Троице-Сергиевой лавры), № 712 (XV в — 1497 г), л 489—500, Похвала на л 500—504, РГБ, ф 98 (собр Егорова), № 950 (XV в), л 99—104 об, Похвала на л 104 об—106 об Ср Ключевский В О Древнерусские жития святых как исторический источник М, 1871 С 44

Среди трудов по медиевистике, посвященных памятникам древнерусской агиографии, Житие Никиты Переяславского имеет скромную библиографию. Архиепископ Филарет относил создание Жития то к XIII в., то к XV в., а в «Обзоре русской духовной литературы» заключал, что Житие и следующая за ним Похвала были созданы одновременно при митрополите Фотии во время попытки обретения мощей (т. е. между 1410—1431 гг., когда митрополит Фотий занимал кафедру).⁴ К «древним по слогу» житиям относил Житие Никиты Переяславского архиепископ Макарий.⁵ Основные выводы о тексте Жития были сделаны В. О. Ключевским, считавшим, что первоначальный текст Жития был создан еще до попытки Фотия (т. е. до 1410—1431 гг.), «однако характер жития не позволяет отодвигать его слишком в древность от XV в.»⁶ «В списке половины XV в., — пишет исследователь, — житие является с наиболее простым составом: повесть о жизни и кончине столпника сопровождается одним рассказом о перенесении в его монастырь брошенных убийцами в Волгу и чудесно найденных крестов и вериг подвижника вскоре после убиения. Списки XVI в. прибавляют к этому пространное и витиеватое похвальное слово столпнику. Наконец, в списках XVII в. эта группа статей усложняется прибавкой к прежним чудесам описания чудес позднейших, совершившихся в XVI в. Это постепенное осложнение состава жития в списках разных веков наглядно представляет разновременность его образования».⁷ Интересные наблюдения над памятником сделаны Н. В. Понырko, в частности, о написании митрополитом Афанасием и вслед за ним игуменом Вассианом посмертных чудес святого. Исследовательница также высказала предположение, что Похвала святому «была первым письменным памятником, посвященным Никите Столпнику, созданным раньше Жития»,⁸ хотя вопрос этот требует, на наш взгляд, дальнейшего детального текстологического изучения. Обобщающей работой является статья Е. В. Крушельницкой «Житие Никиты Переяславского», выделившей и описавшей на основе 44 списков, хранящихся в Отделе рукописей РНБ (в действительности количество списков, содержащих Житие Никиты Переяславского, значительно больше), три вида (А, Б, В) редакции Жития Никиты Переяславского и подготовившей к изданию текст Жития по Великим Минеям Четым (РНБ, Софийское собр., № 1321).⁹ В задачи нашего исследования входит описание трех новых списков XVI—XVII вв., которые не попали в поле зрения исследователей и на основании которых мы выделяем еще одну, Краткую, редакцию Жития Никиты Переяславского.

В исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что списки Жития Никиты Переяславского принадлежат только к одной редакции. Так, В. О. Ключевский писал: «Частой и продолжительной перепиской

⁴ Филарет (Гумилевский) Обзор русской духовной литературы Харьков, 1859 Т 1 С 133

⁵ Макарий (Булгаков) История русской церкви СПб, 1868 Т 3 С 56

⁶ Ключевский В О Древнерусские жития святых как исторический источник С 46

⁷ Там же С 44

⁸ См Понырko Н В Житие Никиты Столпника Переяславского // Словарь книжников Вып 2, ч 1 С 307—310 В О Ключевский, наоборот, считал, что Житие Никиты Переяславского не имеет «тех искусственных приемов, какие развивались в житиях с половины XV в.», и потому написано раньше Похвалы, созданной «в духе позднейшего житийного красноречия» Исследователь выделил также два вида Похвалы первоначальный с биографическими чертами и позднейший, в котором они отсутствуют в результате сокращения (см Ключевский В О Древнерусские жития святых как исторический источник С 44—45)

⁹ Статья Е В Крушельницкой, подготовленная для издания «Жития святых в русской иконе и агиографии» (название условное, ред Р А Седова), пока не вышла из печати Искренне благодарим Е В Крушельницкую, позволившую нам ознакомиться с содержанием статьи

объясняют многочисленные варианты текста жития в разных списках; но при этом разнообразии ни в одном списке не находим такой переработки первоначального сказания, которую можно было бы назвать особой его редакцией». ¹⁰ Основной текст Жития Никиты Столпника, считает Е. В. Крушельницкая, представлен в одной редакции. Различия в основном тексте Жития в разных списках и разный состав дополнительных статей, по ее мнению, позволяют говорить о видах одной и той же редакции и распределить списки на несколько групп. Будем называть редакцию, выделяемую исследователями, Основной.

О сокращенных вариантах Жития Никиты Переяславского писал уже архиепископ Макарий. ¹¹ Сокращенный вариант Жития Никиты Переяславского в свою очередь также представлен несколькими группами, отличным от Проложной редакции Жития. При этом изучение Прологов, в которых читается Житие Никиты Переяславского, показывает, что и в них встречаются разные его варианты. ¹² Однако проложный текст, вероятно, также можно считать лишь сокращенным вариантом Основной редакции Жития Никиты Столпника, от которого существенным образом отличается выделяемая нами Краткая редакция Жития Никиты Переяславского.

Текст этой редакции обнаружен пока в трех списках XVI—XVII вв.: ГИМ, собр. Уварова, № 64, л. 244—246 («В той же день слово блаженнаго Никиты Переяславскаго»); ¹³ РГБ, ф. 209, № 267, л. 384—386 об. («Месяца мая 24 день. Слово святаго Никиты Столпника, переяславскаго чудотворца»); ¹⁴ РНБ, собр. Титова, № 3583, л. 112—119 об. («Слово блаженнаго Никиты Переславскаго, иже бѣ разбойникъ»); ¹⁵

Текст Жития Никиты Переяславского обозначен в списках Краткой редакции как «Слово» («...слово блаженнаго Никиты Переяславскаго», «Слово святаго Никиты»), но принадлежит тем не менее по своей компо-

¹⁰ Ключевский В. О Древнерусские жития святых как исторический источник С. 43

¹¹ В частности, он отмечал, что в печатном Прологе Житие «помещено в сокращении» См Макарий (Булгаков) История русской церкви Т. 3 С. 56

¹² Как нам кажется, мы можем выделить следующие варианты Проложной редакции Жития. Вариант 1 (РГИА, ф. 834, оп. 2, № 1296 Пролог на март—август (XVII в), л. 271 об.—273), Вариант 2 (РНБ, ОЛДП, Q 707 (XVIII в) Пролог сокращенный, л. 81 об.—82), Вариант 3 (РНБ, ОЛДП, Q 164 (XVIII в) Пролог сокращенный, л. 61—62), Вариант 4 (РНБ, собр. Титова, № 239 (XVI в) Пролог, л. 403—404), Вариант 5 (РНБ, собр. Михайловского, F 223 (XVI в), л. 232 об.—235, РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 397 (XVI в), л. 426 об.—429)

¹³ ГИМ, собр. Уварова, № 64 Полуустав нескольких почерков в два столбца F I + 338 + I л. Переплет доски в тисненой коже Сер XVI в Филигрии Перчатка Брикe, № 11348 (1546, 1530 г), Голова быка деформированная Брикe, № 1407 (1530, 1534 г), Буква R готическая Брикe, № 8527, 8595 (1463—1472 г), Корона Брикe, № 6414 (1532 г) (см Предварительный каталог церковнославянских гомиллий подвижного календарного цикла по рукописям XI—XVI веков преимущественно восточнославянского происхождения / Сост. Т. В. Черторицкой, Ред. Хайнц Миклас Orladen, 1994 С. 669) Состав Торжественник, включающий в себя некалендарные чтения, расположенные без системы

¹⁴ РГБ, ф. 209 (собр. А. Н. Овчинникова), № 267 Полуустав нескольких почерков F III + 595 л. Переплет доски в коже с двумя застежками 20-е гг XVII в Филигрии Кувшин с одной ручкой под полумесяцем, на тулове буква Н под полумесяцем Дианова Кувшин, № 256 (1625 г), Кувшин с одной ручкой под полумесяцем, на тулове литеры FA/O Дианова, Костюхина, II, № 667 (1620—1621 г), Кувшин с одной ручкой под короной с полумесяцем, на тулове литеры QQ Дианова, Костюхина, II, № 711 (1629 г) (см Клосс Б. М. Избр. труды Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков М., 2001 С. 75, 308) Состав сборник слов и житий

¹⁵ РНБ, собр. Титова, № 3583 Полуустав и скоропись нескольких почерков Без конца В 4-ку 168 л. Переплет бумажный Кон XVII в Филигрии просматриваются плохо Шут типа Хивуд, № 1943 (1677 г), Шут типа Хивуд, № 1949 (1676 г), Герб Амстердама типа Хивуд, № 424 (1667 г), Герб Амстердама типа Хивуд, № 372 (1650 г) Состав слова на различные праздники, выписки из книг Священного Писания, жития

зиционной структуре и стилистике к житийному жанру, а не к похвальным словам.¹⁶

Текст Краткой редакции связан именно с первоначальным текстом Жития Никиты Переяславского, с тем его вариантом (вид А, группа 1, по классификации Е. В. Крушельницкой), в который не вошли ни дата поставления креста на месте исцеления Михаила Черниговского,¹⁷ ни Похвала святому, поэтому, на наш взгляд, обоснованным будет сравнивать Краткую редакцию со списками именно этой группы.

В Краткой редакции текст Жития «сжимается» уже с самого начала. Если в Основной редакции подробно рассказывается, как Никита «голосом собственной пробудившейся совести и внешними знаменами призван был к покаянию»,¹⁸ то в Краткой редакции об этом говорится очень сжато.¹⁹

Основная редакция

Единою же упразднив себе, вниде въ прьковъ и слыша почитаемы книги Исаяю пророка «Тако глаголетъ Господь „Измыйтеся и чисти будете, отимите лукавство от душъ вашихъ пред очима моима, останитесь от злобъ вашихъ, научитесь добро творити Взищите суда, избавите обидима, судите сиротѣ и оправдайте вдовѣцу, и приидѣте, и стяжемся“ Глаголетъ Господь „Аще будутъ грѣси ваше яко оброшени, яко снѣгъ убѣло ѿ, и аще // ли будут учервлени, яко аярину убѣло и Аще ли хотите послушати мене, и благая земная снѣсте, аще не хотите послушати мене, оружие вы поясть“ Уста бо Господня глаголаша сия» Онъ же ужасень бывъ, омртвѣ плотию и спаде лицомъ, вспомянувъ своя, яже творяше И пришедъ въ домъ свой, к себѣ размышляше и всю ночь безъ сна пребываше

Въ утрии же день шедъ в сонмище къ дружинѣ своей и обесели себе ими, и возвѣсти им, да вечеряють у него И шедъ на торгъ, купи брашенъ, и повелѣ подружию своему, да угодная имъ сътворитъ Она же нача омывати мясо и видѣ от него исходящу пѣну и кровь Она же въ ужасѣ бывъ И вложи въ умъ, нача огонь подгнищати, // и от врѣνια вѣлми пѣна с кровию исходити Она же отрѣвающи пѣну и кровь всплывающую, видѣ ово главу, ово руку, ово плеснѣ ножны, въ ужасти буда, не вѣдуци, дабы что сътворила

Краткая редакция

И найде на нь боязнь по неколицех временехъ и страх Суднаго оногю дне и час смертнаго

Иде на торгъ, и купи мяса, и принесе к женѣ своей Егда жена нача варити, и видѣ руки и главу челоуечю, и убоися зло велми

¹⁶ Исследователи неоднократно обращали внимание на разночтения в названии житийных памятников, текст Основной редакции Жития Никиты Переяславского также имеет ряд заглавий «Житие преподобнаго отца нашего Никиты, переславскаго чудотворца», «Месяца мая въ 24 день преставление преподобнаго отца нашего Никиты Столпника, переславскаго чудотворца», «Месяца мая 24 день Слово преподобнаго отца нашего Никиты Стлпника», «Месяца мая 23 преподобнаго отца нашего Никиты столпника, бывшаго в Переславе», «Житие и подвизи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Никиты Столпника, переославскаго (так! — М Ф) чудотворца» и т. д.

¹⁷ Не совсем верно утверждение исследователей, что дата поставления креста Михаилом Черниговским встречается в списках начиная с XVI в., нам известны списки XV в., например РГБ, ф. 304, № 712, РГБ, ф. 304, № 761, РГБ, ф. 98, № 950

¹⁸ Голубинский Е. История русской церкви М., 1904 Т. 1, ч. 1 С. 760

¹⁹ При сравнении цитаты Основной редакции приводятся по списку XV в. РНБ, собр. Погодина, № 1281, а цитаты Краткой редакции в статье (здесь и далее) даются по самому раннему дошедшему до нас списку этой редакции ГИМ, собр. Уварова, № 64 (XVI в.) с указанием листов в тексте

Он же преже званыхъ ему прииде, и стрѣте его жена, повѣда ему все (л 345—346)

Пришедшу же ему по обычаю своему и толкнувше во врата дому своего, изыде и сrete жена его, и повѣда ему все, бывшее от начала (л 244)

В данной редакции кратко излагается, при этом с изменением последовательности, и эпизод об убийстве святого Никиты. В Основной редакции Жития сначала повествуется о том, что Никита погиб от рук «ближнихъ его два», затем рассказывается, как было обнаружено и погребено тело святого, и только после этого сообщается, что окаянные убийцы бросили вериги и кресты Никиты в воду. В Краткой же редакции после эпизода об убийстве святого идет сообщение, что убийцы утопили вериги в реке, и только потом говорится об обретении тела.

Основная редакция

Единою же придоша ко столпу святого от ближикъ его два, хотѣй благословение взяти И узрѣша на немъ тяжкая желѣза его, блестящая, аки злато И вниде в нихъ духъ лукавъ, и разврати сердца ихъ И възлюбивша злато паче благословения, писано бо есть «Не въсхотѣ благословения, удалися от него и облечеся в клятву, яко в ризу» Окаянии же тѣ убийци разгорѣниемъ сердца умъ погубивше, своимъ зломыслиемъ ношцию пришедше, разориша покровъ столпа И вшедъ в оны, душу святого нужною смртью от многотрѣпѣливаго и спострадалнаго тѣла отлучиша Святая же та душа бысть аггелы на небо носима и одесную престола Божия почиваше, идѣже херувими и серафими непрестанное хвалословение Богу всылають Ти // же убийци, взявше честныя его кресты и тяжкая его желѣза чающе златомъ, и обвинше вретисемъ, отбѣгоша

Тоя же ноци церковный ключарь, хотя утреню въсклепати, по обычаю прииде къ столпу, благословения прося И узрѣ покровъ столпа разоренъ, скоро шед, повѣда игумену Игуменъ же вѣжегъ свѣща, съ братию приде къ столпу святого, и, вшед в оны, обрѣте тѣло святого еще же тепло, душа же бяше отышла къ Богу И исполнися столпъ благоухания И опрятавшѣ честное его тѣло, изнесоша на погребение И снидесе от града множество народа съ свѣщами и темианомъ, имущи съ собою немощныя различными недугы И вси прикосновениемъ его тѣла здравие получиша И пѣвше надгробную пѣснь, // погребоша въ церкви святого великаго мученика Христова Никиты близъ олтаря, одесную страну святыхъ двери, и прославиша Бога

Они же окаянии, съ тшаниемъ в путь идуша, другъ къ другу ничтоже глаголюще, страхомъ одержими, въ сердцихъ своихъ размышляюще, мняще многое богатство собѣ обрѣтише И скоро в путь шествующе, и дошед великия рѣки, именуемая Волгы, и съдше на брезѣ втайнѣ, ожидающе времени, дабы ихъ кто превезлъ И развертѣвшѣ вретница свое, мняще златомъ, и узрѣша честныя его кресты и тяжкая желѣза, уgliedъша от множества трудовъ и поту святого Ни-

Краткая редакция

Потом же слышавше два разбойника, иже бяху с нимъ первие грабаше Приидоша к нему благословитися и видѣша желѣза его на немъ, яко злато блестящей, // и рекоша к собѣ «Убьемъ сего и разделимъ корысть его»

И убивша, и взяша тѣшка желѣза и три кресты, и побегоша въскорѣ гонения ради к речѣ, и возлѣ съдше на берегу и разверзе вретнице свое и хотяще корысть дѣлити И видѣша желѣза и три кресты желѣзныи, и вергоша на воду тѣшка желѣза и три кресты не потопоша но плавяхом по водѣ, аки плавъ и свѣтящися, аки свѣтъ, и приплыша под монастырь святого Феодора

Егда же наченшо пономареви клепатша утреню, игумен же поимъ с собою братию и изыде ко вечернѣ (пещерке — *Испр по ркп РГБ, ф 209, № 267 — М Ф*), идѣже бѣ святой Никита, хотяху благословитися у него Толкнувъшу же игумену во оконце трапезы его и не слышавше гласа исходящаго от него, и отверзоша двери, и влезоша // в пещерку со свѣщами многими И видѣша лежаща мертва, еще же тѣло тепло бысть, и душа его аггелы на небѣса носима И взем-

чтоже въ себѣ размысливше, и въвергоша ше ѿ тѣло его, и погребше и с великою чест-
ихъ въ рѣку, и идоша въспять (л 354—355) тью (л 245—245 об)

В Краткой редакции схематично излагается встреча Никиты и игумена монастыря. Ряд эпизодов исключен из Жития полностью: молитва Евагрия «о душе», которую произносит святой при исповедании грехов пред вратами монастыря; исключен и очень важный для Жития Никиты Переяславского момент — демоноборческий эпизод, хотя в Основной редакции Жития Никита Столпник несколько раз побеждает демона, призывая при этом великомученика Никиту;²⁰ почти ничего не узнаем мы из Краткой редакции и о столпничестве Никиты, там лишь сказано, что святой «шед на церковный сопъ и ту ископа себѣ пещерку в земли малу». Однако не только эти большие сокращения позволяют нам говорить о новой редакции Жития. В тексте есть и другие изменения.

О времени жизни святого Никиты достоверно ничего не известно, о том, когда он жил, мы узнаем из двух дат, приводимых в тексте Жития, и обе они вызывают сомнение исследователей: дата поставления креста на месте исцеления князя Михаила Черниговского и дата смерти святого.

Важную роль в тексте Жития играет чудо об исцелении Никитой князя Михаила Черниговского. Рассказ этот, по мнению Е. В. Крушельницкой, имеет историческую основу в том смысле, что Михаил Черниговский мог побывать в Переяславле, поскольку имел тесные родственные связи с переяславскими князьями, в частности, дочь Михаила Черниговского Мария была замужем за Васильком Константиновичем (1208—1238), племянником Юрия Владимировского и Ярослава Переяславского. Но вопрос заключается в том, был ли святой Никита современником князя Михаила и насколько соответствует действительности приводимая в списках дата исцеления князя и поставления на месте исцеления креста. Сообщение о поставлении креста с указанием даты: «Благовѣрный же князь Михаил повелѣ поставити крестъ честный на том мѣстѣ, в лѣто 6694 месяца майя 16 день индикта 8, на немже прощенъ бысть от тяжкаго недуга и въсприим благословение» встречается не во всех списках, хотя читается, как мы отмечали, уже в списках XV в. Известно, что Михаил Черниговский, святой, убитый по приказу хана в Орде вместе со своим боярином Феодором в 1246 г., родился в 80—90-х гг. XII в. (возможно, в 1179 г.), а дата поставления креста — 1186 г., значит, князю должно было быть не более 7 лет. Причем в «Сказании» об убиении князя нет и намека на это чудо.²¹ По наблюдениям В. О. Ключевского, в XVI в. «рассказ» о Михаиле Черниговском, ставший впоследствии самостоятельным текстом,²² под влиянием «Сказания» передается иначе: «Автор, повторяя основные черты рассказа по житию, прибавляет к ним новые, которых нет в последнем: Михаил советуется о поездке в Переяславль с боярином Феодором; помолившись о больному князе, Никита предсказывает ему с боярином страдальческую кончину от нечестивого царя».²³ Таким

²⁰ Ср мнение А Кадлубовского, который считал, что сближение двух соименных святых и перенесение демоноборческой функции на русского святого привели к появлению и распространению русских преданий о Никите Столпнике, на основании их приблизительно через 200 лет после кончины преподобного и было составлено Житие (Кадлубовский А Очерки по истории древнерусской литературы житий святых С 122—123)

²¹ См Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора / Подгот текста, перевод и коммент Л А Дмитриева // БЛДР Т 5 XIII век СПб, 1997 С 156—163

²² См, например РНБ, ОСРК, О183, л 21

²³ Ключевский В О Древнерусские жития святых как исторический источник С 47—48

образом, ни эта дата, ни другое хронологическое указание Жития — 1193 г. — дата смерти святого Никиты, появляющаяся лишь в некоторых поздних списках в одном из подзаголовков Жития, не могут вызывать доверия и быть датирующим моментом в определении годов жизни святого, и исследователи, начиная с В. О. Ключевского, справедливо считают их позднейшими вставками. В. О. Ключевский также высказал предположение, что предание о Михаиле Черниговском вошло в состав Жития «не вполне или, по крайней мере, записывалось в то время, когда еще не достигло своего полного развития».²⁴ Эта «неопределенность» чуда, форма на уровне «устного предания» отчетливо отразились в Краткой редакции Жития. Здесь не только читается краткий вариант текста и нет даты исцеления князя и поставления им креста, но и речь идет не о Михаиле Черниговском, а о князе Михаиле Оболенском: «Не по мнозехъ же днехъ слышавъ князь *Михаило Оболеньскы* (курсив наш. — М Ф), быше бо одержыми недугомъ и во трудѣ велицѣ пребываше. Повелѣ всадитися в колесницу. Егда везущема има его, и се явися ему на пути бѣс, и рече: „В кою страну, княже, идешь?“. Он же отвѣщавъ: „В лавру святого Никиты. Слышавъ бо старца благовѣрна, именовъ Никыта, яко болящии приемлють от него исцеление“. Бес рече: „Нѣсть его у насъ в манастырѣ, но вышель“. Князь же Михайлъ молитву сотворивъ святого Никиты, и том часѣ исчезе бѣс. Посем же везущима има его, и срѣте ѥ бѣс инѣмъ образом, такоже глаголя. Он же молитву сотворивъ святого Никыты. В той час бѣс погыбе. Потом же повелѣ стати колеснице за едину версту от манастыря и посла два слугы своя, дабы повелѣлъ ему ехати к собѣ. И приидоша ко святому Никитѣ, глаголааху: „Отче, князь Михайлъ требуетъ от тебѣ прятія исцеление“. Он же давъ имъ посохъ свой. Они же принесоша и даша его князю. Он же возьмъ, сталь и укрепися на ногу своюю. От того часу здравъ бысть. Посем же поиде самъ ко блаженному Никитѣ. И пришед со слезами, глаголя: „Отче, нынѣ воистину увѣм, яко ущедрить тя Христос сею благодатью, яко от руки твоя цѣль бысть“. И той благословение дасть ему и отпусти восвояси» (л. 245б).²⁵ Таким образом, в Краткой редакции это чудо не связывается с именем Михаила Черниговского, и автор данной редакции или ставит под сомнение имя Михаила Черниговского в чуде об исцелении, или отражает в тексте вариант еще «несложившегося», «неустоявшегося» предания.²⁶

Краткая редакция, вероятно, не восходит прямо к Основной редакции Жития, а создана или обособленно, на основе другого текста или устного предания, или восходит к протографу, от которого могли независимо произойти обе редакции.

Так, в Основной редакции Жития упоминаются три монастыря: Никитский Переяславский монастырь, в который пришел, был там пострижен и совершал подвиг столпничества святой Никита, Борисоглебский Переяславский монастырь, близ него Никита «ископа» колодец, и Ярославский монастырь святых Петра и Павла, где жил старец Симон, обретший вериги святого Никиты. О начальном этапе существ-

²⁴ Там же С 47

²⁵ Следует, однако, отметить, что, согласно родословным книгам, князя Оболенские вели свой род от князя Михаила Черниговского, но в перечне рода князей Оболенских не упоминается князь, который получил бы исцеление от Никиты Столпника. См. роспись князей Оболенских, например, в рукописи РНБ, ОСПК, F XVII 12, л. 14—19 об.

²⁶ Нужно отметить, что это не единственный пример того, когда в тексте Жития речь идет не о Михаиле Черниговском, а о каком-то другом князе. Так, например, в рукописи РНБ, собр. Погодина, № 1588, в списке XVII в. (текст Жития хотя и можно отнести к Основной редакции, но он имеет ряд особенностей) читается «благовѣрный князь *Ярославъ* (курсив наш — М Ф) *Всѣволодичъ*»

вования этих трех монастырей мы узнаем именно из Жития Никиты Переяславского, других исторических источников пока не имеется.²⁷ В Краткой редакции упоминаются только два монастыря: Никитский монастырь («отиде в монастырь святого Никиты на Божей путь»), Борисоглебский монастырь не упоминается вообще, а вместо Петропавловского монастыря дважды называется Ярославский Феодоровский монастырь: сюда приплыли вериги святого Никиты, обретенные старцем Симом («...приплыша под монастырь святого Феодора...»), «И не по мнозех же днехъ старецъ нѣктоже, живъ в лавре святого Феодора, именовъ Симъ, во градъ Ярославль...».²⁸

Обратим внимание еще на два отличительных момента Краткой редакции

Житие Никиты Переяславского — текст достаточно своеобразный: в нем отсутствуют многие обязательные топосы жития святого, требуемые агиографическим канонам, в частности рождение от благочестивых родителей, стремление с детских лет к аскезе и богоугодной жизни.²⁹ В Основной редакции эти моменты полностью отсутствуют, автор Краткой редакции пытается «несколько исправить положение» и вставляет фразу о родителях святого, отдавая дань агиографическому канону.

Основная редакция

Никита преподобный отецъ нашъ бѣ роженъ и възпитанъ в Переяславлѣ градѣ И дошедь въ совершенъ възрасть, бѣ мытаремъ другъ, с ними прилежа градскимъ судямъ, и много мятежъ и пакости творяше челоувѣкомъ, и от нихже неправдну мзду вземлюше, тѣмъ питаше себе и подружие свое, и помнога времена тако творяше (л 345)

Краткая редакция

Се бѣ блаженный Никита *сынъ родителю христиану* (курсив наш — М Ф) и многа лѣта в разбою живяше, на путехъ многи люди грабя съ дружиною своею (л 244)

В Краткой редакции по-иному, чем в Основной, объясняется первоначальное нежелание игумена постричь в иноки Никиту Переяславского, когда он приходит к воротам Никитского монастыря. В Основной редакции игумен, выслушав Никиту и накладывая на него послушание «три дни пред враты монастыря плачься грѣховъ своих», объясняет свое решение евангельскими словами: «...вино ново в новы мѣхи вливати — оное съблюдется, аще ли ново вино, а ветхи мѣхи — то и мѣхи просядутся и вино пролиется». В Краткой редакции эти слова отсутствуют, а отказ игумена Никите «сподобить его ангельскому образу» интерпретируется иначе: игумен, узнав в Никите бывшего разбойника, испугался его.

²⁷ Зверинский В В Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи СПб, 1892 Т 2 С 78—79, 213—214, СПб, 1897 Т 3 С 126

²⁸ Об истории этого монастыря, к сожалению, тоже ничего не известно В В Зверинский упоминает некий Феодоровский монастырь, или Феодора Стратилата на Горе, о котором сообщает, что «первоначальная история монастыря неизвестна», но он существовал уже во второй половине XVI в и был мужским См Зверинский В В Материал для историко-топографического исследования Т 2 С 395—396

²⁹ См о житийной топике прежде всего работу Лопарев Х М Греческие жития святых VIII и IX веков Пг, 1914 Ч 1 Современные жития С 15—36 Небольшая библиография о житийной топике указана у Т Р Руди См Руди Т Р Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьиной) СПб, 1996 С 89

Основная редакция

И вшеде къ игумену, паде ниць на лица своемъ, моча помость слезами И въпросивъ его игумень «Что, чадо, толику скорьбь имаши, повѣжъ ми?» Он же вся от начала повѣда ему своя прегрѣшения и вся, яже сдѣяшася видѣнныя «Но приидохъ, отче, къ твоей святыни, дабы мя еси сподобилъ аггельскаго образа и молитвами твоими причтенъ быть быхъ святой братни» Игумен же ему рече тихымъ гласомъ и умиленымъ «Писано есть, чадо, въ святомъ Еваγγελии вино ново в новы мѣхи вливати — обое соблюдается, аще ли ново вино, а ветхи мѣхи — то и мѣхи просядутся и вино пролиется Ты же, чадо, толика лѣта имаши свою волю съвершая въ небрежени, ни къ своему отцу духовному послушания имѣлъ еси, то нынѣ ли имаши в послушании // быти и толики труды понести?» Он же рече ему «Говельная сотворю тобою, святой отче» (л 347—347 об)

Краткая редакция

Егда же вниде в монастырь, пришедши же ему къ игумену Онъ же убоися, позна его, мняси въ сердци, яко разбойникъ бѣ, пришелъ убити мя И блаженный же Никыта со слезами рече «Не убоися мене, отче, грѣшнаго Азь бо приидохъ на воздаяние Христово» И рече игумень «Не мощно ти есть, чадо, дозде пребыти» Он же рече «Но створи мя, отче, подобна быти аггельскому образу» (л 244)

Таким образом, все вышеприведенные примеры дают нам основание выделить еще одну — Краткую — редакцию Жития Никиты Переяславского.

В Приложении публикуется текст Краткой редакции Жития Никиты Переяславского по правилам, предлагаемым ГОДРЛ. Основной текст публикуется по списку XVII в. — РГБ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 267, который имеет ряд более правильных чтений, разночтения приводятся по спискам: ГИМ, собр. Уварова, № 64; РНБ, собр. Титова, № 3583.³⁰

*ПРИЛОЖЕНИЕ***Житие Никиты Переяславского***Краткая редакция*

Основной текст:

РГБ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 267, л. 384—386 об. — *Овч*

Разночтения:

РНБ, собр. Титова, № 3583, л. 112—119 об. — *Тит.*;

ГИМ, собр. Уварова, № 64, л. 244—246 (в два столбца: / а, / б) — *Ув.*

^{1 1} Месяца мая 24 день. Слово святого Никиты Стольпника, переяславскаго чудотворца. Благослови, отче!¹

³⁰ Список собр Титова относится к этой же редакции, но имеет тем не менее ряд существенных разночтений со списками ГИМ и РГБ. Например, вместо князя Михаила Оболенского здесь читается просто «князь Михаил», сделаны некоторые вставки (например, к фразе «Бес рече „Нѣсть его у насъ в монастырь“» добавлено пояснение «даби не шель князь ко старцу»), или, наоборот, сокращения (вместо « баше бо одержыми недугомъ и во трудѣ велицѣ пребываше» — « разболѣся вельми», вместо «И то благословение дасть ему, и отпусти восвоися» — «И посемя отпусти его восвоися» и т. д.), в списке собр Титова бес встречается на пути князя только один раз. Список собр Титова имеет отличный от других списков конец эпизода с обретением крестов и тяжелых желез сокращен и изложен в одном предложении «Воскорѣхъ обретоша кресты, ту создаша церковь и прославиша Бога и угодника его святого Никиту Богу нашему слава всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣков Аминь».

^{1 1} В той же день слово блаженнаго Никиты Переяславскаго *Ув.*, Слово блаженнаго Никиты Переяславскаго, иже бѣ разбойникъ *Тит.*

Той² бѣ³ блаженный Никита сынъ родителю христиану⁴ и многа лѣта в разбое живяше, на путех многи люди грабя съ дружиною своею. И найде на нь⁵ боязнь по нѣколицех временехъ и страх Суднаго оногo дне⁶ и час смертнѣй⁷. Иде на торгъ, и купи мяса, и принесе к женѣ своей. ⁸Егда ⁹нача жена⁹ варити, и видѣ ¹⁰руки и главу человецe¹⁰, и убоися ¹¹велми зѣло¹¹.

¹²Пришедшу же ему по обычаю своему и толкнувшу¹³ во врата дому своего, изыде и сrete жена его, и повѣ¹⁴ ему все, бывшее от начала¹². Он же, взем прощение с¹⁵ женою своею и пролиавъ¹⁶ слезы от сердца, ¹⁷не вшед в дом свой, отиде в монастырь святаго Никиты // на Божий путь. Абие же идяше къ монастырю и творяше¹⁸ псалом¹⁹ «Коль возлюблена села²⁰ твоя²¹, Господи». Егда же вниде в монастырь и²² пришедшу²³ ²⁴же ему²⁴ ко игумену, онъ же убоися²⁵, позна его, мня²⁶ въ сердци си²⁷, яко разбойникъ бѣ и²⁸ пришелъ убити мя²⁹. ³⁰Блаженный же Никита со слезами рече: «Не убоися мене, отче, грѣшнаго. Азь бо приидох на воздаяние Христово». И рече игумень: «Не мощно ти, ³¹чадо, здѣ³² пребыти». Он же рече: «Но створи мя, ³³отче, подобна быти ангельскому образу»³³. ³⁴Он³⁵ же рече³⁴: «Изыди, чадо, и³⁶ пребуди за враты монастыря три дни, алкая»³⁷. Святѣй³⁸ же ³⁹благословися у игумена⁴⁰ и у всѣя брати⁴⁰ и⁴¹ изыде из монастыря, и пребысть ⁴²у вратъ⁴² день единъ, ⁴³исповѣдая грехи своя входящимъ в монастырь и исходящимъ⁴³, и хотя болѣ того труд пріяти.

Во утрин⁴⁴ день изыде оттуду во озерко⁴⁵ и лежаше в тростях⁴⁶. И пребысть ту дни⁴⁷, алкая⁴⁸, мухи же и песь⁴⁹ ядыху⁵⁰ ему тѣло, и кровь его ⁵¹течаше от него⁵¹. Онъ же со слезами ⁵²моляся Богу⁵², глаголя: «Окаянная моя плоть, какъ не можеша того терпѣти ⁵³маловременнаго житія сего!»⁵³.

Въ третій же⁵⁴ день посла игумень старца, дабы вшелъ в монастырь. Изыде паки⁵⁵ старецъ и не обрѣте его во вратехъ. // Дошедше⁵⁶ же по Божію повелѣнію⁵⁷ озерка того и обрѣте его въ тросты лежаша, и ⁵⁸гади изъядену тѣлу его⁵⁸. И шед скоро в монастырь, повѣда игумену⁵⁹. Игумень же поемъ съ собою два брата и паки изыде из монастыря, и узрѣ его, мало дышуща от многаго течения крове. И возва, и рече: «О чадо, како терпиши великъ сей труд?». Блаженный же Никита рече⁶⁰, слышавъ, ⁶¹воставъ от великаго труда⁶²: «Отче, сотвори мя подобна быти ангельскому образу». Он же остриже главу его и возложи на нь ризу власяну, и поя его⁶³ в монастырь.

Блаженный же ⁶⁴иде, радуясь, и вшед в монастырь, и⁶⁵ сотвори себѣ хижицу тѣсну. В ту же ночь възложи на ся ⁶⁶тяжка желѣза⁶⁶ и три кресты желѣзны. Гоя же ⁶⁷нощи шед⁶⁷ и⁶⁸ ископа два кладези⁶⁹, мѣрила⁷⁰ же⁷¹

² Се Ув, Сей Тут ³ Нет Тут ⁴ крестиану Ув, крестьянку Тут ⁵ него Тут ⁶ дней Тут ⁷ смертнаго Ув, часа смертнаго Тут ⁸ Доб И Тут ⁹⁻⁹ жена нача Ув, нача Тут ¹⁰⁻¹⁰ главу и руки человеческия Тут ¹¹⁻¹¹ зло велми Ув ¹²⁻¹² Нет Тут ¹³ толкнувшу Ув ¹⁴ повѣда Ув ¹⁵ Нет Ув, з Тут ¹⁶ пролиа Ув ¹⁷ Доб и Тут ¹⁸ глаголаше Тут ¹⁹ память Ув ²⁰ селения Тут ²¹ твон Ув ²² Нет Ув ²³ пришедша Ув, пришед Тут ²⁴⁻²⁴ Нет Тут ²⁵ Доб его Тут ²⁶ мня си Ув, нет Тут ²⁷ Нет Ув, Тут ²⁸ Нет Ув, Тут ²⁹ его Тут ³⁰ Доб и Ув ³¹ Доб есть Ув ³² дозде Ув ³³⁻³³ подобна ангельскому быти образу Тут ³⁴⁻³⁴ И рече игумен Тут ³⁵ Игумен Ув ³⁶ Нет Ув ³⁷ Нет Тут ³⁸ Блаженный Тут ³⁹ Доб Никита Тут ⁴⁰⁻⁴⁰ Нет Тут ⁴¹ Нет Ув ⁴²⁻⁴² Нет Тут ⁴³⁻⁴³ Нет Ув, Тут ⁴⁴ утриний Ув ⁴⁵ езеро Ув, езерко Тут ⁴⁶ тросты Ув ⁴⁷ Доб два и Ув ⁴⁸ Нет Тут ⁴⁹ псея Ув, песия Тут ⁵⁰ изъядашу Ув, изыдаху Тут ⁵¹⁻⁵¹ от него течаше Тут ⁵²⁻⁵² Богу моляся Тут ⁵³⁻⁵³ мало время инаго суда сего Ув, Тут ⁵⁴ Нет Тут ⁵⁵ же Тут ⁵⁶ Дошед Ув ⁵⁷ велѣнію Тут ⁵⁸⁻⁵⁸ гадомъ изъядасмъ Тут ⁵⁹ Доб от начала Ув, Тут ⁶⁰ Нет Ув, Тут ⁶¹ Доб и Ув, Тут ⁶² Испр по Тут, в ркп часа, доб рече Ув, Тут ⁶³ Нет Ув, и Тут ⁶⁴ Доб Никита Тут ⁶⁵ Нет Тут ⁶⁶⁻⁶⁶ тяжкая желѣза Ув, Тут ⁶⁷⁻⁶⁷ шед нощи Тут ⁶⁸ Нет Ув ⁶⁹ кладязя Ув ⁷⁰ мирала Ув ⁷¹ Нет Тут

крестная по три пяди. Во другую же ночь шед на церковный сопъ⁷² и ту ископа себѣ пещерку⁷³ ⁷⁴в земли⁷⁴ малу, и тудѣ⁷⁵ сотвори стезю под стѣну церковную, и тамо вхождаше, и молитвы к⁷⁶ Богу всылая. И⁷⁷ пребывающу же ему в таковѣ трудѣ, ⁷⁸тѣмже ⁷⁹прослави его Богъ⁷⁹ по многимъ градуемъ.

Не по мнозех же днехъ слышавъ ⁸⁰князь ⁸¹Михайло Оболенский⁸¹, ⁸²бѣяше бо одержим недугомъ и в трудѣ велице пребываше⁸². Повелѣ // ⁸³всадитися в колесницу. Егда ⁸⁴везущима има, и се⁸⁴ явися ему на пути л. 385 об бѣсь во образе черньца⁸⁵, и рече: «В кою страну, княже, ѣдши?» Онъ же отвѣщавъ: «В лавру святаго Никиты. ⁸⁶Слыша бо старца благовѣрна, именемъ Никиту, яко болящии приемлют от него исцѣление». ⁸⁷Бес же⁸⁸ рече⁸⁷: «Нѣсть его у насъ в монастырѣ, но вышелъ», ⁸⁹даби не шель князь ко старцу⁸⁹. Князь же Михайль ⁹⁰молитву сотвори⁹⁰ ⁹¹святаго Никиты, и том часѣ ишзеше⁹² бѣс. ⁹³Онѣм⁹⁴ же везущима⁹⁵ его, и стрѣтъ ⁹⁶бѣс инѣмъ образомъ, такоже глаголя. Он же ⁹⁷сотворивъ молитву⁹⁷ святаго Никиты. В той час бѣсь погибе⁹³. Потом⁹⁸ же⁹⁹ повелѣ ¹⁰⁰стати колесници за едину верьсту¹¹, ¹от монастыря и посла два² слуги своя³, дабы повелѣлъ ему ѣхати к себѣ. ⁴Приидоша же слузѣ⁵ ко святому Никитѣ, ⁶глаголаху: «Отче, князь ⁷Михайло требуетъ от тебе ⁸исцѣление». Он же давъ имъ посохъ свой. Они же принесоша и даша его⁹ князю. Он¹⁰ же возьмѣ¹¹, ставъ и укрѣпися на ногу своею. От того часа здравъ бысть. Посемъ же ¹²пойде самъ¹² ко блаженному Никите. И пришед, со слезами глаголя: «Отче, нынѣ¹³ воистинну вѣм¹⁴, яко ущедрѣ¹⁵ тя Христос сею благодатию, яко от руки твоя цѣль бысть». ¹⁶И ¹⁷благословение давъ¹⁸ ему, и отпусти восвоися¹⁶.

¹⁹Потом же слышавше два разбойника, иже бѣше²⁰ // с нимъ первие²¹ л. 386 грабяще, ²²приидоша к нему благословитися и видѣша желѣза его на немъ, яко злато блещашеся²³, и рекоша к себѣ: «Убемъ его и разделимъ в²⁴ корысть себѣ»²⁵.

И убиша его²⁶, и взяша тяжкая желѣза и три кресты, и побѣгоша²⁷ вскорѣ гонения ради к рецѣ, ²⁸возле реку на брегъ сѣдше²⁸, развергше²⁹ вретище свое и хотяще корысть дѣлити. ³⁰Видѣша желѣза и три кресты желѣзны и вергоша на воду: тяжкая желѣза и ³¹крестно не³² потопоша, но правяху³¹ по водѣ, аки плавъ, и свѣтящися, яко³³ свѣтъ, и приплывше под манастырь святаго Феодора

Егда же наченшу пономареви клепати³⁴ святую³⁵ заутреню³⁶, игумен же поим съ собою братию и изыде к пещерке³⁷, идѣже бѣ святой Никита,

⁷² Нет Тут ⁷³ пещеру Тут ^{74—74} Нет Тут ⁷⁵ туду Ув, отгуду Тут ⁷⁶ Нет Тут ⁷⁷ Нет Тут ⁷⁸ Доб и Ув ^{79—79} прославися Тут ⁸⁰ Доб благовѣрный Тут ^{81—81} Михайло Оболенскы Ув, Михайль Тут ^{82—82} разболѣся вельми Тут ⁸³ Доб себе Тут ^{84—84} везущема има его Ув, же везущи его Тут ⁸⁵ Нет Ув, Тут ⁸⁶ Доб Бѣсь же Тут, должно быть Бѣ же ^{87—87} И рече бѣсь Тут ⁸⁸ Нет Ув ^{89—89} Испр по Тут, в ркп бѣсь ^{90—90} сотвори молитву Тут ⁹¹ Доб и въ Ув ⁹² погибе Тут ^{93—93} Нет Тут ⁹⁴ Посем Ув ⁹⁵ Доб има Ув ⁹⁶ Доб и Ув ^{97—97} молитву сотворивъ Ув ⁹⁸ Глаголя князь Тут ⁹⁹ и Тут ¹⁰⁰ Доб слугамъ Тут

¹¹ ¹ едино поприще Тут ² он Тут ³ Доб ко блаженному Никите Тут ⁴ Доб и Ув, Они же Тут ⁵ Нет Ув ⁶ Доб и Тут ⁷ Доб нашъ Тут ⁸ Доб прияти Ув Тут ⁹ Нет Тут ¹⁰ Князь Тут ¹¹ взя Тут ^{12—12} самъ пойде Тут ¹³ Нет Тут ¹⁴ увѣм Ув ¹⁵ ущедрить Ув ^{16—16} И посемъ отпусти его восвоися Тут ¹⁷ Доб той Ув ¹⁸ дасть Ув ¹⁹ Доб и Тут ²⁰ бяху Ув ²¹ Нет Тут ²² Доб и Тут ²³ блещашеи Ув, красяще Тут ²⁴ Нет Ув, Тут ²⁵ его Ув, нет Тут ²⁶ Нет Ув ²⁷ На этом список Тут заканчивается Кон Воскорѣх обретоша кресты, ту создаша церковь и прославиша Бога и угодника его святаго Никиту Богу нашему слава всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣков Амин Тут ^{28—28} и возлѣ сѣдше на брегу, и Ув ²⁹ разверзе Ув ³⁰ Доб и Ув ^{31—31} три кресты, не потопоша, но плавяхом Ув ³² Испр по Ув, в ркп нет ³³ аки Ув ³⁴ клепатща Ув ³⁵ Нет Ув ³⁶ утреню Ув ³⁷ ко вечернѣ Ув, по зачеркнуто

хотяху благословитися от³⁸ него. Толкнувъшу же игумену во оконце трапезы его и не слышавше гласа, ³⁹от него исходящаго³⁹, и отверзоша двери, и влѣзше⁴⁰ в печерку⁴¹ со свѣщами многими. И видѣша лежаща мертва, еще же тѣло тепло бысть, и душа его аггелы на небѣса носима. И вземше ⁴²тѣло его, и погребше ⁴³с великою честью.

л 386 об И не по мнзех же днехъ старецъ нѣкто⁴⁴, живе в лавре святаго Федора, именованъ Симеонъ⁴⁵, во граде Переславле⁴⁶, // и тотъ видѣ во снѣ стояща три столпы каменны от земля до небеси и сияюща, ако солнце. И воставъ ⁴⁷от сна своего, ⁴⁸текох и ⁴⁸повѣда игумену от начала. Он же, созва всю братию и вземше кресты, ⁴⁹поидоша к манастырю и поюще молебны⁵⁰ святому Никитѣ. И ⁵¹доидоша мѣста того⁵¹, и видяще, и кресты желѣзны вземше, и несоша честно ко граду Переславлню, и положиша ѿ на гроб святаго Никиты. А идѣже обрѣтше кресты, ⁵²ту создаша церковь святаго Никиту, ⁵³яко давъ ему власть наступати на змиа и на скорпия⁵⁴, и на всю силу вражию. Многа чюдеса сотвори, ко Господу отиде, Богу нашему слава ⁵⁵всегда и нынѣ, и присно и вѣк⁵⁵. Аминь.

³⁸ у Ув ^{39—39} исходящаго от него Ув ⁴⁰ влезоша Ув ⁴¹ печерку Ув ⁴² Доб и Ув ⁴³ Доб и Ув ⁴⁴ нѣктоже Ув ⁴⁵ Симъ Ув ⁴⁶ Ярославль Ув ⁴⁷ Доб старецъ Ув ^{48—48} и тако Ув ⁴⁹ Доб и Ув ⁵⁰ молебенъ Ув ^{51—51} идоша до мѣста его Ув ⁵² Доб и Ув ⁵³ Доб и прославиша Бога и святаго Никиту Ув ⁵⁴ лукаваго Ув ^{55—55} и нынѣ, присно и вѣк и вѣком Ув

И. А. ЛОБАКОВА

Историческая повесть о митрополите Филиппе. Литературные источники и их интерпретация конца XVII в.

В XVII в. наблюдается появление множества исторических (часто — и псевдоисторических) сочинений, ориентированных на различные формы изложения: летописную, хронографическую, авторскую, тип временника и т. д. Все эти сочинения по-разному представляют минувшее, неоднозначны в его оценках, откровенно публицистичны, различны по глубине постижения истории. Большая их часть еще недостаточно хорошо изучена. Особое место среди исторических произведений занимают исторические сборники, очень разнообразные по составу, по принципам переработки включенных произведений, по тематике.

В одной из таких рукописей сложного состава конца XVII в., хранящейся в БАН (Арханг. С. 138),¹ на л. 355—357 читается памятник, названный нами исторической повестью о митрополите Филиппе. В «Описании» указано на принадлежность рукописи известному библиофилу и писателю, человеку энциклопедических знаний, первому епископу Холмогорскому и Важскому Афанасию: «На л. 1 запись „От библиотеки архиерейския Холмогорская, № 611“, аналогичная записям на других рукописях, принадлежавших архиепископу Афанасию холмогорскому».² Тем же почерком начала XVIII в. зафиксировано название: «Собрание разных какъ изъ гражданской, такъ и изъ церковной истории выбранныхъ мѣстъ» (л. 1 об.). Авторами «Описания» отмечен особый принцип, положенный в основу создания сборника: «Рукопись предполагалось сформировать как собрание расположенных по алфавиту выписок из памятников нравоучительных, церковных, церковно-исторических, исторических и литературных. Однако алфавитный порядок строго выдержан лишь в оглавлении и нарушается в самой рукописи, где в разделах под буквами алфавита помещаются тексты, не относящиеся (по первому слову, по именам и т. д.) к данной букве. Такое нарушение принципа алфавита имеется во всех буквах, но особенно значительно в тех разделах рукописи, где помещены выписки из больших литературных и исторических памятников <...> Раздел каждой буквы начинается с выписок из „Деяний“ Ц. Барония о событиях, которые так или иначе могут быть отнесены к данной букве (по имени, по первому слову выписки). Далее, за исключением некоторых букв, следуют выписки из Хронографа (на полях указываются главы). Потом следуют обычно (в большинстве букв) выписки из

¹ Описание рукописного Отдела БАН СССР. Исторические сборники XV—XVII вв. М.; Л., 1965 Т. 3, вып. 2 С. 249—252.

² Там же С. 249

Скитского патерика, затем — выписка из Великого зеркала и, наконец, выписка из Пролога (дни и месяцы указываются на полях). Однако этот порядок в большинстве букв не выдерживается.³ Отметив, что в рукописи включались не просто фрагменты из других памятников, но и целые исторические и литературные произведения, авторы «Описания» перечислили следующие: выписки из сочинения Максима Грека об образе Богородицы; Козьмы Индикоплова; Временника христианских царей; Повести Ивана Пересветова о Магмет-салтане и его сочинения о книгах; из истории о Флорентийском соборе; о заключении Столбовского мира 1617 г.; Повесть о видении мужу духовну 1606 г.; Повесть о юноше, завладевшем богатством купца; «от житий» Филиппа-митрополита и Ефросина Псковского; выписки из Хроники Матвея Стрыйковского и «Провсвителя» Иосифа Волоцкого; «Повесть о Щиле»; перевод сочинения Гваньини об Иване Грозном и об опричнине; повествования о нашествии Батыя и о борьбе с Мамаем.⁴

Историческая повесть о митрополите Филиппе включена в достаточно интересный «литературный конвой». Начинается раздел на букву «пси» с рассуждений о «пременении царств»: «Аристотель премѣнение царства быти глаголетъ, егда человецы начинаютъ в похотехъ жити, злыхъ упражнятися и во иныхъ прегрѣшенияхъ и во нравѣхъ неугодныхъ» (л. 339); далее читается подборка из Хронографа и Великого зеркала о добрых царях и о государях, недостойно «державших» царство; выписки из Пролога об утратившем свои сокровища купце, со смирением принявшем это испытание, и о богаче, раздавшем деньги во имя Христа и возжелавшем вернуть богатство; повествование о падении царства Дария и о взятии Константинополя турками; Сказание о крестнике Христа — бедном юноше, пытавшемся исходя из человеческого представления о справедливости остановить беззаконие. По его слову разбойники, подкопавшиеся под монастырскую стену, были ею раздавлены; пираты, плывшие разорить монастырь, потонули; воины, идущие захватить христианский город, перерубили друг друга; готовившегося совершить братоубийство пожрала земля; у человека, погубившего безвинного раба, отсохла рука; разбойники, готовящиеся в лесу к ночному грабежу, сгорели; у сына, бывшего мать, отнялись руки; неправедный судья-взяточник ослеп; оклеветавший своего друга онемел. Однако Христос упрекнул своего крестника в том, что «многих казил без покаяния», «не явил им милосердия». Одарив юношу тремя яблоками, приносящими исцеление от болезней, Христос отпустил его, сказав, что лишь «многими слезами, и трудами, и скорбным житиемъ» (л. 354) можно «быти с нами». После этого Сказания читаются историческая повесть о митрополите Филиппе и краткий пересказ ряда чудес из Жития Ефросина Псковского (о Конане, захотевшем вернуть отданное святому золото; о священнике, уразумевшем тяготу монастырского служения; об исчезнувшем по молитве святого дьяволе; видении об аллилуйе, которую «двоити надо»).⁵ Представляется, что подборка текстов в этой главе диктовалась в основном двумя главными идеями: «пременение царств» из-за прегрешений народа и властителей; проблема соотношения справедливости и милосердия. Историческая повесть о митрополите Филиппе оказывается связанной с обеими: жестокий неправед-

³ Там же

⁴ Там же С 250—252

⁵ Если учесть, что рукопись входила в библиотеку епископа Афанасия Холмогорского, включение в сборник подобного состава рассуждений о сугубой аллилуйе достаточно неожиданно

ливый самодержец, «разделивший царство», противопоставлен милосердному святителю.

Как явствует из пометы на полях «От жития Филиппа, митрополита Московскаго» (л. 355), сделанной тем же почерком, что и основной текст, источником нашей исторической повести стало Житие. «Житие митрополита Филиппа» уже читалось в составе летописно-хронографических сводов. Проведенное в свое время исследование⁶ позволило определить, что в результате переработки источника — текста Краткой редакции Жития — возникли 3 вида Хронографической редакции «Жития митрополита Филиппа», которые читаются в обеих редакциях Летописного свода 1652 г.⁷ и «Хронографе сводном».⁸

Однако в рассматриваемом сборнике житийный текст был подвергнут столь значительной переработке, что целиком утратил прежнюю жанровую принадлежность: составителя интересовали только перипетии борьбы Ивана Грозного с митрополитом Филиппом, которого царь рассматривал как помеху в реализации опричнины. Потому в Повести отсутствует рассказ о жизни Филиппа до того, как он стал митрополитом (что составляло значительную часть житийного повествования): опущены эпизоды, повествующие о рождении героя, его родителей, юности, уходе из дома, странствии на Соловки, трудах послушничества, избрании игуменом, строительстве в монастыре, призвании в Москву, поставлении в митрополиты. Составителем были выбраны из Жития и включены в сборник лишь факты противостояния царя и митрополита, и в контексте главы они образуют еще одну — историческую — пару в постоянном противопоставлении зла (самовластья, гордыни, жестокости) добру (стойкости, любви, милосердию). Таким образом, определение данного памятника как исторической повести представляется наиболее корректным.

Какая же редакция «Жития митрополита Филиппа» послужила источником Повести?

Проведенное сопоставление с текстами всех известных в настоящее время редакций Жития позволило определить, что в исторической повести о митрополите Филиппе обнаруживаются совпадения с двумя из них. Сразу следует оговорить, что совпадений этих немного, и они весьма незначительны по объему (на уровне слов или словосочетаний). Тем не менее связь текста Повести с двумя редакциями Жития несомненна.

Во-первых, в качестве источника Повести можно с уверенностью назвать Краткую редакцию Жития,⁹ текст которой близок архетипному.¹⁰ Создатель Повести, как правило, сокращал текст источника, иногда достаточно лаконично пересказывая его. Но даже в пересказе сохранился ряд чтений, имеющих *только* в тексте Краткой редакции «Жития митрополита Филиппа». В качестве подтверждения указанной текстологической связи приведем несколько примеров:

⁶ См Лобакова И А III «Житие митрополита Филиппа» в составе летописно-хронографических сводов XVII в // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 657—666

⁷ См Лаврентьев А В Списки и редакции Летописного свода 1652 г // Источниковедческие исследования по истории феодальной России Сб статей М, 1981 С 164—182

⁸ Лобакова И А III «Житие митрополита Филиппа» в составе летописно-хронографических сводов С 662—664

⁹ Текст Краткой редакции известен мне по трем спискам РНБ, Соловецкое собр., № 191/191, РГБ, ф 256 (Румянцевское собр.), № 379, ГИМ, собр Вострякова, № 970 Цитируется по наиболее раннему списку посл трети XVII в — Соловецкому, листы указываются в тексте Курсивом выделены близкие чтения

¹⁰ См Лобакова И А «Житие митрополита Филиппа» I Соотношение Краткой и Пространных редакций Жития // ТОДРЛ СПб, 1996 Т 50 С 270—280

Краткая ред Жития

Блаженному же Филиппу *согласившуся съ епископы — и между собою укрѣпшиася вси — еже противъ таковаго начинанія крѣпце стояти* (л 5 об)

Что желаете славы тлѣнныя? Никий же санъ избавит насъ муки вѣчныя! И на се ли взираете, еже молчати царьской убо сиклитъ обязали ся куплями житейскими, изжелѣгли славы тлѣнныя и мира! (л 6)

царь же прииде к соборному пѣнию, оболчен в черныя ризы. Также и прочии подобницы злу одѣяние в таковы же черныя ризы, еще же на главахъ своихъ имуще шлыки высоки, ризамъ подобни, якоже и «халдѣи» имут. *Бояре же и весь сиклितъ таково же одѣяние и единъ образъ имуще* (л 9 об—10)

Историческая повесть

Филиппу же митрополиту *согласившуся со епископы и укрѣпльшиася вси между собою, еже противъ сего начинанія царева стояти крѣпцѣ* (л 355)

«Вы, — рече, — почто молчите, славы суетной желаете отъ царя? А на сиклितъ царской не смотрите, что они царю всемъ молчатъ, они бо обязалися куплями житейскими» (л 355)

И прииде нѣкогда царь к соборному пѣнию в черныя ризы оболченъ, также же и прочии одѣяни, еще же на главахъ своихъ высокия имѣяху шлыки, ризамъ подобни по образу, якоже «халдеи» имуть. *Бояре же его вси, и весь сиклितъ такоже одѣяни, единъ образъ имуще* (л 355 об—356)

Во-вторыхъ, еще однимъ источникомъ для создателя исторической повести послужилъ текстъ, получившій условное название «Житие митрополита Филиппа» в редакціи Милютинской Минеи.¹¹ Какъ показалъ проделанный анализъ, священникъ Иванъ Милютин в свой сборникъ включилъ памятникъ, отразившій (с некоторыми незначительными ошибками) архетипъ двухъ Пространныхъ редакцій Житія — «Тулуповской» и Колычевской, гипотеза о существованіи котораго была выдвинута в результате текстологическаго анализа Краткой и Пространныхъ редакцій памятника.¹²

Обнаруженные совпаденія чтеній исторической повести с чтеніями, имеющимися *только* в редакціи Милютинской Минеи Житія, позволяютъ утверждать, что вторымъ источникомъ Повести была именно эта редакція памятника:

Ред Милютин Минеи

Чадолубивый же отецъ утѣшая и глаголаше «Не скорбите, о чада, вѣренъ есть Господь, не оставитъ насъ искуситися выше силы нашей, и не попуститъ до конца пребывати прелести сей» (л 1316)

Царь же никакоже внимая святительскаго обличенія, но зело гнѣвася нань, и рукою помавая, изгнаниемъ прещаше, и разными муками, и смертными навѣты. И рече «О Филиппе! Нашей ли державѣ являещися противенъ? Да видимъ крѣпности твоея!» (л 1317 об)

Историческая повесть

Святой же утѣшая ихъ словесы своими, глаголя «Не оставитъ насъ Богъ искуститися выше силы нашей и не попуститъ до конца пребыти прелести сей» (л 355 об)

Тогда царь на святаго рукою помавая, и изгнаниемъ прещаше и разными муками, и рече

«Филиппе! Нашей ли державѣ противляещися? Да видимъ крѣпности твоея силу!» (л 356)

Приведенные фрагменты изъ «Житія митрополита Филиппа» в редакціи Милютинской Минеи и исторической повести не совпадаютъ с чтеніями Краткой редакціи Житія. Такъ, в эпизодѣ об утѣшеніи, с которымъ Филиппъ обращался к пастве, в текстѣ Краткой редакціи отсутствуютъ слова митрополита: «Святой же утѣшаше ихъ отъ божественнаго Писанія. Они же, питаеми словесы...» (л. 9 об.). В другомъ из приведенныхъ фрагментовъ Повести наблюдается ее совпаденіе с Краткой редакціей Житія лишь в одномъ словосочетаніи («смертными навѣты»),

¹¹ См. Лобакова И. А. V «Житие митрополита Филиппа» в редакціи Милютинской Минеи // ТОДРЛ СПб., 2003 Т. 54 С. 590—602. Текстъ приводится в статьѣ по единственному известному списку 40—50-х гг. XVII в. ГИМ, Синодальное собр., № 800

¹² См. Лобакова И. А. «Житие митрополита Филиппа» I Соотношеніе Краткой и Пространныхъ редакцій С. 274—275

в то время как все остальное описание опирается на текст редакции Милютинской Миней: «Царь же святительская запрещенія и учения никакоже внимая, нагнѣваясь нань зело, и рукою помавая, и изгнанием прещаше, и различными муками, и смертными навѣты. И рече царь: „О Филиппе! Нашей ли державѣ являешия противень быти?“ Долготерпѣливый же страдалец...» (л. 10 об.). Таким образом, очевидно, что в исторической повести обнаруживаются совпадения с текстом «Житія митрополита Филиппа» как в Краткой его редакции, так и в редакции Милютинской Миней.

Поскольку создателя Повести характеризует стремление к краткости, то основным методом его работы был *пересказ* текста источника.

Чаще всего пересказ настолько лапидарен, что затруднительно решить, какая именно из двух редакций «Житія митрополита Филиппа» — Краткая или редакция Милютинской Миней — была взята за основу:

Историческая повесть

Входить же в соборную церковь пресвятая Богородицы, тогда новый страстотерпецъ благими словесы, не устрашися, начать царя увѣщевати (л 355 об)

И прочии своего начинания отпадоша, и не токмо еже царева страха убояшеся и умолчаша, но и на блаженнаго Филиппа инии от епископовъ востаха < > И мнози от епископовъ на блаженнаго Филиппа востали и царю многие слова втайнѣ наносили на Филиппа Единъ толко поборникъ при святомъ осталъ — Казанский архиепископъ Германъ (л 355)

Краткая ред Жития

Входить же царь и в соборную церковь пречистые Богородицы Святый же Филиппъ зря се, и никакоже устрашися сидеваго свирѣпства, видя в православии велико возмущение, неудобносимыя, велия, бесчестныя скорби и раны, просвѣтися душою и укрѣпися сердцемъ, начать царю глаголати многая от божественнаго Писания (л 7 об —8)

И прочии же своего начинания отпадоша, инии же на блаженнаго Филиппа востаха Царю же совѣтъ свой утвержающе, вси же страха ради не смѣюще вопроки глаголати ко царю < > Они же стояху смиреннообразни, дѣлы же — предатели и злобѣ пособницы Творяще же царю угодная — Пиминъ Новгородский, Пафнотий Суждальский, Филофей Резанской, благовѣщенский протопоп Евстафий (тогда убо ему в запрещении бывшу от святаго Филиппа в духовныхъ винахъ, бѣ бо онъ царевъ духовникъ сей же непрестанно отай и явѣ нанося неподобныя рѣчи ко царю на святаго Филиппа) Прочии же ни по Филиппе побарающе, ни по царю, но яко царь восхощетъ, тако и они Но токмо единъ способствоваше блаженному Филиппу — Германъ, архиепископъ казанский (л 5 об —6 об)

Ред Милютин Миней

Входит же царь в соборную церковь пречистые Богородицы Святый же новый исповѣдникъ, великий архиерей Христовъ Филиппъ, никакоже устрашися сидеваго свирепства, видѣ в православии великое возмущение, и неудобносимая мучения, и лютыя скорби, и бесчисленныя раны, просветися убо душою, и укрѣпился сердцемъ, приступль к самодержцу и рече (л 1314)

Протчи же вси отпадоша, инии же царева страха убоявшеся, умолча и на блаженнаго востаха Царю же совѣтъ свой утвержающе, вси же страха ради глаголати не смееюще < > Они же стояху смиреннии образы, дѣлы же — предатели и злобѣ пособницы Творящи же угодне царю — Пиминъ Новгородский, Пафнотей Суждальский, Филофей Рязанский, Ефстафий протопопъ Благовещенский и духовникъ царев (тогда бо ему в запрещении бывшу от святаго въ духовныхъ винахъ, сей же непрестанная дѣя и втайне наносяше неподобныя рѣчи ко царю на святаго) Но токмо единъ способствова блаженному — Германъ Казанский (л 1312 об —1313)

Большая часть текста исторической повести о Филиппе явилась результатом именно такого — предельно лаконичного — пересказа источника.

Текстологическая зависимость исторической повести о митрополите Филиппе сразу от двух редакций Житія — Краткой и редакции Милютинской Миней — может быть объяснена двумя причинами.

Во-первых, можно предположить, что создатель исторической повести использовал для своей переработки два списка: список Краткой редакции Жития и список, дошедший до нас в Милютинской Минее. В таком случае один из списков должен был стать основным, а по второму проводилась бы правка. Однако такой способ работы с источниками предполагает внесение в основной текст дополнений, исправлений (осмысливающих текст или его расширяющих) или замен (предполагающих иную трактовку событий).¹³ Свидетельств такой работы анализируемый текст Повести не содержит. Так, даже невозможно определить, какая из двух редакций Жития была взята за основу, а по тексту какой вносилась правка: краткий пересказ источника сохранил лишь отдельные словосочетания, позволяющие соотнести текст Повести то с одной, то с другой редакцией Жития. Потому представляется крайне затруднительным предположить, что создатель исторической повести, пересказывая свой основной источник, вносил в качестве дополнения одно слово или отдельное словосочетание из другого списка.

На наш взгляд, предпочтительнее иное объяснение: поскольку Краткая редакция довольно близка архетипу Жития, а в основу редакции Милютинской Минее также был положен текст, отразивший архетип,¹⁴ то, вероятно, и источником исторической повести о митрополите Филиппе стал список, близкий архетипному. Такое объяснение делает понятной, с одной стороны, близость текста Повести именно этим двум редакциям, а с другой — возможность совпадений в чтениях то с Краткой редакцией, то с редакцией Милютинской Минее.

Со стремлением к предельно лаконичному изложению событий в тексте Повести можно связать выпадение имен «угодников царевых», которые упоминались в других редакциях: среди врагов митрополита названы лишь Пимен Новгородский, Пафнутий Суздальский, соловецкий игумен Паисий, Малюта Скуратов. В Краткой редакции Жития и редакции Милютинской Минее недругов у Филиппа гораздо больше: Филофей Рязанский, духовник царя благовещенский протопоп Евстафий, архимандрит Феодосий, князь Василий Темкин, Василий Грязной, Алексей (в Житии он назван Александром) Басманов, Стефан Кобылин (впрочем, о нем не сообщается и в списке Милютинской Минее). Все эти персонажи в тексте Жития раскрывали тему многоликости зла, связи его с разными качествами, которые толкали человека на путь служения злу: трусостью, гордыней, завистью, злобой, слабостью духа, тщеславием. Потому Филипп был противопоставлен не только царю, но и множеству других эпизодических героев. В этой череде противопоставлений раскрывались черты личности самого святого (снисходительность, твердость, прозрение будущего). Очевидно, поскольку создателя исторической повести интересовал лишь сам факт противостояния государя и Филиппа, то присутствовавшие в тексте Жития все другие мотивы, персонажи, факты оказались вне сферы его интересов.

Краткость пересказа стала причиной появления в тексте риторически не украшенного повествования. Так, повествуя о методах «дознания» у братии о жизни Филиппа на Соловках, создатели Краткой редакции Жития и редакции Милютинской Минее писали:

¹³ См. Лихачев Д. С. (при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва) *Текстология на материале русской литературы X—XVII веков*. СПб., 2001 (1-е изд. — 1962 г.)

¹⁴ См. стемму в Лобаклова И. А. V «Житие митрополита Филиппа» в редакции Милютинской Минее С. 601

Краткая ред

Сии же дошедшим Соловецкого монастыря, неправя бо имъ творящимъ, и начаша инокъ тѣхъ ласканиемъ и мздоимствомъ умягчати Овыхъ же сановными почестыи услаждаху, яко да по ихъ хотѣнью рѣчи дадутъ, овѣхъ же страхомъ прешения прешаху Лехоумныхъ же (реку — и безумныхъ) к своему умышлению привлекоша < > Богоноснымъ же и честнымъ старцемъ, живущимъ во обители той, многи раны наложиша, повелѣвающе имъ напрасно на свягата неподобные глаголы лгати Они же, прообраз благочестив нравъ имуще, многи скорби с радостію прияха за своего пастыря, яко едиными усты вопияху истинну честное и непорочное житіе его по Бозѣ, и попечение о святѣмъ мѣсте, и о бракомъ спасеніи (л 14—14 об)

В исторической повести данное описание имеет вид «И тогда за страх царской и за чести посуленные игумень и братия многия клеветы на свягата изнесли. А инья — многия раны претерпѣша, а лжесвидѣтельствовати не стали» (л. 356 об.).

Значительные отличия в сопоставляемых текстах имеет эпизод, повествующий о лжи анагноста на Филиппа:

Краткая ред

Царю бо и епископомъ еще в церкви сущимъ, нѣкто анагностъ соборные церкви, наученъ враги его, начать на блаженнаго Филиппа износити скверныя словеса Слышавше же епископи, ужождающи царю, — Пиминь Новгородский и прочии — недугующе на свягата < > Епископи же любящеи свягата Филиппа-митрополита и знающе, яко лжа есть, и ничтоже смѣяше глаголати, видяще, яко сложишася на извержение его Отець же, отеческая отроку показуя (вѣдыше бо, яко легчайша суть юношская винамъ согрѣшения), и рече анагносту «Буди тебѣ милостивъ Христось, о любезне » (л 12)

Ред Милютин Минеи

Царю бо и епископомъ еще во церкви, анагностъ Филипповы великия церкви, наученъ враги, и нача износити на блаженнаго скверная словеса Слышавши же епископи, иже ужождающи царю — Пиминь Новогородцкий и прочии — глаголаше < > Епископи иже любящеи свягата, знающе, яко лжа есть, и ничтоже смеюще глаголати Православнии же (л 1318—1318 об)

Историческая повесть

Клеветницы же Филипповы умздиша единого анагноста — отрока лѣпа, и той отрокъ посреди церкви лжеествовалъ на свягата в содомскомъ грѣбѣ А послѣжде сказали, что за страхъ сию клевету на свягата учинилъ Святый же в семь разрѣши отрока (л 356)

Очевидно, что в приведенном фрагменте создатель исторической повести ориентировался на текст Краткой редакции Жития (в редакции Милютинской Минеи ничего не говорится о мзде за клевету и о прощении, которое Филипп дал анагносту), однако «план выражения» отличает текст Повести от всех известных редакций агиографического памятника.

Стремление к лапидарности могло привести к потерям. Так, смысл одного фрагмента в исторической повести оказался крайне затемненным. Это может быть следствием либо неудачи создателя Повести, либо наличием дефектного чтения в списке его источника:

¹⁵ Далее в списке Милютинской Минеи имеется перестановка текста после краткого описания методов дознания — рассказ о возвращении в Москву посланных с игуменом Паисием, а потом — описание поведения честных иноков

Историческая повесть

Краткая ред

Ред Милютин Минеи

Ниже убиваху бо ся душа первородных хоругви — видѣша бо внезапно царствующий градъ весь облежашъ И слышати страшно, яковая той царь содѣя со всѣмъ своимъ воинствомъ, вооруженнаго оружие нося, едино лице и нравъ имѣя, также и дѣлы еже «зачатся беззаконие и роди грѣхъ», еже есть вси единолично во одеждахъ черныхъ и ина неудобъ писанию предати (л 355 об)

По нѣколиже же времени для такового совѣту, бывшу ему во своемъ любимомъ дому, в слободѣ Александровой — о, моихъ слез! — словомъ именуется слобода, а совѣтомъ своимъ горши египетские работы явися видѣша бо внезапно царствующий градъ весь облежашъ, еже и слышати страшно Тогда явися царь и великий князь Иванъ Васильевичъ со всѣмъ воинствомъ вооруженъ весь, наго оружие нося, едино лице и нравъ имѣя Также же и дѣлы «еже зачаса грѣхъ — и роди беззаконие», еже есть вси единолично в черномъ платьѣ и ина неудобъ писанию предати (л 7—7 об)

Времени же доволну для того совѣта бывшу ему во своемъ любимомъ дому в слободѣ — о, многихъ слез! — словомъ именуется слобода а дѣлы своими горши египетские работы явишася видѣша бо внезапно царствующий градъ весь облежашъ и слышати страшно! Явися царь со всѣмъ своимъ воинствомъ вооруженъ весь, наго оружие нося, единолицы и нрав имѣя, и вси единоличны, и в черномъ платьѣ, и ина неудобъ писанию предати (л 1313 об — 1314)

В отмеченном дефектном чтении исторической повести обнаруживается «осколок» фразы, которой нет ни в Краткой редакции Жития, ни в редакции Милютинской Минеи: «Ниже убивахуся бо ся душа первородных хоругви». В «Тулуповской» редакции Жития, значительно дополненной архетипный текст, довольно близко переданный редакцией Милютинской Минеи, указанное словосочетание содержится: «Времени же доволну для такового совѣта бывшу ему во своемъ любимомъ дому, преждеченной слободѣ, — о моихъ слезъ! — словомъ именуется слобода, а дѣлом оставшая древле египетская льсти: тамо — *первородных* погубление, здѣ же, яко класы, православнии пожинахуся. Отвсюду лютейший огня жератокъ попалити землю; не варваръ нашествие и грады поби, и винограды наша раскопа, но самоизвольный мракъ страха и тма дерзновение покры, не мину — губяй первенецъ нашихъ. Не помазоша бо ся прازی ума и дѣяния кровию домовъ нашихъ, бѣдствоваше благочестие, *убивахуся душа* первенецъ *хоругви*. Видеша бо внезапно царствующий градъ весь облежашъ — и слышати страшно!»¹⁶ Это — единственный фрагмент «Тулуповской» редакции Жития, который обнаруживает черты сходства с текстом исторической повести (начало этого фрагмента отразилось в заключении исторической повести). Возможно, в архетипном житийном тексте описание бедствий разделенного царства было более пространным, чем те, что читаются в Краткой редакции Жития и редакции Милютинской Минеи.

В Повести имеется ряд индивидуальных чтений, которые могут рассматриваться как добавления к тексту источника.

Во-первых, наряду с привычными именованиями Филиппа во всех редакциях Жития «святой», «блаженный», в Повести (на л 355 об.) он назван «страстотерпцем» («...тогда новый страстотерпецъ благими словесы, не усташися, начать царя увѣщевати»). Усиление темы мученичества связано в памятнике с четким противопоставлением царя-мучителя, губящего царство, с добровольно принимающим мученичество святителем

Во-вторых, в тексте появились авторские оценки и сравнения. Их немного, но они весьма выразительны. Повествуя о молчании всего Священного собора, о его готовности благословить опричнину, автор Повести пишет: «А прочия епископы вси молчаша, *аки рыбы безгласныя*,

¹⁶ Текст «Тулуповской» редакции приведен по ркп 30—40-х гг из собр ИРЛИ колл Амосова—Богдановой, № 12, л 78—79

пред царем» (л. 355). О Германе Казанском, который единственный из всех поддерживал Филиппа, сказано «той былъ добродѣтели украшень» (л. 355), но привычная этикетная похвала здесь становится своего рода объяснением причины поступков сторонника митрополита. Обличения Филиппом царя и церковных иерархов в разных редакциях Жития предвараются словами: «рече», «такое рече», «изглагола» и т. п. В Повести о манере, в которой Филипп наставлял присутствовавших на Соборе служителей церкви, читаем: «Блаженный же ихъ о семь начинании *поносив с кротостию*, глаголя...» (л. 355). Использование оксюморона в этой характеристике позволяет создателю Повести подчеркнуть, что строгость требований, предъявляемых святым к своим противникам, была мягко облечена в увещательную форму. Таким образом, перед нами не столько описание речевой манеры митрополита, сколько художественная деталь, характеризующая его самого.

Тема обличений царя становится, пожалуй, единственной в повествовании о деяниях святителя, потому обо всем, что произошло после заточения Филиппа в Богоявленском монастыре (о заключении, «поставлении пред царя» и отповеди игумену Паисию, обращениях к Ивану Грозному), сказано одной фразой: «А что святой царя за раздѣление царства и в заточении бывъ, а все обличаль, а когда ко лжесвидѣтелю на соборъ святаго брали, — и тамо немолчно святой царя обличаль» (л. 356 об.).

Композиционное завершение Повести вполне соотносится с ее главной темой — темой запустения разделенного царства. На л. 357 после рассказа о пренесении мощей Филиппа на Соловки при царе Федоре Ивановиче («о мощах митрополита Филиппа царю били челом, что онъ ихъ былъ») читаем: «О слободѣ Александровѣ тако написано: „О моих слезъ! Словомъ рече именуется слобода, а дѣломъ оставшая древле египетска лсти: тамо первородныхъ погубление, здѣ же, яко класы, православныя пожинахуся“». Упоминание об Александровой слободе имеется в текстах Краткой редакции и редакции Милютинской Минеи, но в них оно предшествовало повествованию о первом появлении Ивана Васильевича во главе опричного войска в Москве и определяло тональность рассказа о последовавших злключениях народа, вельмож, иноков Соловецкого монастыря, Филиппа, новгородцев. В исторической повести о митрополите Филиппе гибель людей вместе со своим святителем во времена немилосердного правления царя-мучителя завершилась этой своего рода «эпитафией». В разделе сборника, одной из главных идей которого была мысль о «пременении царств», такая концовка Повести продолжала тему погубления праведников обреченного государства. Эта тема определила композиционное решение Повести, подчиненность всех элементов сюжета одной идее, краткость изложения.

Историческая повесть дает интересный материал не только для изучения принципов переработки произведения агиографического жанра при включении его в исторический сборник сложного состава, не только для более точного определения источников такого сборника, но и для исследования истории текста самого Жития. Так, было установлено, что в тексте Повести обнаруживается сходство с двумя редакциями «Жития митрополита Филиппа» — Краткой и редакцией Милютинской Минеи, близкими архетипу Жития, но по-разному отразившими его; что сама Повесть явно восходит к списку, хорошо сохранившему архетипные чтения. Следовательно, чтения обеих редакций Жития, отразившиеся в исторической повести, могут характеризовать текст архетипа.

Текст исторической повести о митрополите Филиппе публикуется нами по единственному известному на сегодняшний день списку.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТ ЖИТИЯ ФИЛИППА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Царь Иванъ Васильевичъ возвѣстилъ митрополиту Филиппу и прочимъ епископомъ на соборъ съ призваніемъ бывшимъ, чтобы ему свое царство раздѣлити и свой царской дворъ учинити во Александровой слободѣ, и на се бы его благословили.

Филиппу же митрополиту согласившуся со епископы и укрѣплъшеся вси между собою, еже противъ сего начинанія царева стояти крѣпцѣ. Единъ же отъ нихъ, нѣкто славлюбивъ сый епископъ, царю сей ихъ совѣтъ изнесе. И прочіи своего начинанія отпадоша, и не токмо еже царева страха убояшеся и умолчаша, но и на блаженнаго Филиппа инии отъ епископовъ восташа.

Блаженный же многими словесы о семъ начинаніи моляше царя, воспоминая ему о вѣре, и о любви, и о смиреніи, во образъ приводя ему отца его великаго князя Василя Ивановича, како онъ поживе благочестивно и кротко. А прочія епископы вси молчаша, аки рыбы безгласныя, предъ царемъ. Блаженный же ихъ о семъ начинаніи поносилъ с кротостію, глаголя: «Понеже ваше сие молчаніе цареву душу влагаетъ во г<рех> и православной вѣрѣ скорбь и смущеніе принесетъ. Вы, — рече, — почто молчите, славы суетной желающе отъ царя? А на сигклити царской не смотрите, что они царю всемъ молчатъ, они бо обязались куплями житейскими. Насъ же Господь Богъ отъ всѣхъ сихъ свободилъ, и на се мы устроены, еже исправляти намъ всяку истинну».

И мнози отъ епископъ на блаженнаго Филиппа востали и царю многія слова втайнѣ наносили на Филиппа. Единъ толко поборникъ при святомъ осталъ — Казанскій архіепископъ Германъ: той былъ добродѣтели украшенъ. Угодницы же царева на святаго глаголаху: «Добро было, — рече, — во всемъ царя слушати, и на всяко дѣло безъ расужденія благословляти, и волю его творити, и не разгнѣвляти». И прочія епископы царя благословили на се раздѣленіе. И бысть царь гнѣвенъ на святаго

И началъ по воли своей царство свое совержати. И которыя бояре и прочіи велможи ему годны, — называше ихъ опришниками (сѣрѣчь — дворовыми), // иныхъ же бояръ и прочіихъ велможъ нарицаше земскими; также и всю своего державства землю раздѣли.

Ниже убиваху бо ся душа первородныхъ хоругви — видѣша бо внезапно царствующій градъ весь облежашъ. И слышати страшно, яковая той царь содѣя со всѣмъ своимъ воинствомъ, вооруженнаго оружіе нося, едино лице и нравъ имѣя, также и дѣлы: еже «зачатся беззаконіе и роди грѣхъ», еже есть вси единолично во одеждахъ черныхъ и ина неудобъ писанію предати!

Входить же в соборную церковь пресвятыя Богородицы, тогда новый стратотерпецъ благими словесы, не устрашися, начать царя увѣщевати. Ту описаль в словесѣхъ своихъ санъ царскій сколь великъ есть, и чинъ «можетъ подобенъ быти Богу». Ту безстрашіе воспоминаю и милосердіе, а царственная честь преходитъ и смертію поглощается. И рече: «Отъ начала нѣсть слышано благочестивымъ царемъ свою имъ державу возмущати, ниже при твоихъ отцехъ се бывало, яже ты твориши, ни во языцехъ⁶ тако обрѣтается, якоже ты промышляеши». Царь же не терпя отъ святаго обличенія, отъ ярости къ нему рече: «Что тебѣ, чернцу, до нашихъ

^{а—в} Написано на полях ^б Испр., в ркп языцехъ

совѣтовъ царскихъ дѣло? Того не вѣси, что тебя мои хотятъ поглотити?». А царь сие ко святому глаголя: «Едино, — рече, — прошу, точию молчи противу нашея державѣ и на изволение наше благослови». И святой в семь царя не послушалъ: «Молчание, — рече, — наше грѣхъ велий принесть!».

По семь горшая прииде православной вѣре от того <о>пришенства царева: и возмущение велие во всемъ мирѣ, и кровопролитие, и судъ не по правдѣ. И от тоя обдержашия скорби другъ друга возненавидѣху. И мнози благоговѣйнии и прочии народи прибѣгоша ко святому помощи и заступления просити и показоваху ему свое мучение различное. Святой же утѣшая ихъ словесы своими, глаголя: «Не оставитъ насъ Богъ искуситися выше силы нашея и не попуститъ до конца пребыти прелести сей».

И прииде нѣкогда царь к соборному пѣнию в черныя ризы оболченъ, такожде и прочии // одѣяни, еще же на главахъ своихъ высокия имѣяху шлыки, ризамъ подобни по образу, якоже «халдеи» имуть. Боляре же его вси, и весь сигклить такоже одѣяни, единъ образъ имуще. И пришедъшу царю к Филиппу — к мѣсту — трикраты благословения прияти, святителю же не отвѣщавшу ничтоже. Боляре же рѣша: «Владыко святой! Благочестивый государь прииде к твоей святости, требуетъ благословенъ быти от тебя». Блаженный же возрѣвъ нань и рече: «Царю благий! Кому поревновавъ? Сицевымъ образомъ своего зданія доброту измѣнилъ еси, неподоболѣпно вообразилъ ся еси. Отнелъже солнце в небеси, нѣсть сие слышано, еже бо благочестивымъ царемъ свою имъ державу возмущати». И ту многия наказания обличительная изрече ко царю: «Мы убо, о царю, приносимъ Господеви жертву чисту и безкровну в мирское спасение, а за олтаремъ неповинно кровь лиется христианская и напрасно умирають». Тогда царь на святого рукою помававъ, и изгнаниемъ прещаше и разными муками, и рече: «Филиппе! Нашей ли державѣ противляешися? Да видимъ крѣпости твоя сила!».

Клеветницы же Филипповы умздиша единаго анагоста^в — отрока лѣпа, и той отрокъ посреди церкви лжествовалъ на святого в содомскомъ грѣсѣ. А послѣжде^г сказаль, что за страхъ сию клевету на святого учинилъ. Святой же в семь разрѣши отрока.

А когда в ходу былъ святой в Новодѣвѣчьи монастырѣ, и когда святой началъ чести на молебнѣ святое Еувангелие, и обозрѣвся вспяты, и виже иже со царемъ пришедшихъ, стоящихъ в тафияхъ, и обращая ко царю, рече: «Божественному славословию совершаемому и Божию слову прочитаему откровенными главами подобаетъ послушати. Откуда симъ сие превниде — агарянскаго закона почитание: покровенными главами предстояти, вси единовѣрни суще?». Царь же рече: «Кто убо есть сей?». Святой же рече: «Твоя царския державы и совѣтныя полаты». Царь же хотя видѣти бывшее. Они же скрывше тафии, // никомуже смѣющу ту л 356 об сказати. Лютии же нечестия предстателие на блаженнаго Филиппа рѣша, яко «неистинну глаголетъ, державѣ твоей царстѣй ругается».

А когда похотѣлъ царь Иванъ Васильевичъ низвержи святого со престола, и тогда послалъ в Соловецкой монастырь епископа Пафнутия Суздальскаго испытать про житие святого. И тогда за страхъ царской и за чести послуженныя игумень^д и братия многия клеветы на святого изнесли. А иныя — многия раны претерпѣша, а лжесвидѣтельстввати не стали.

И той игумень Паисий Соловецкой со лжесловиемъ на святого пред царя поставленъ бысть с ложными словами братскими. Тогда царь лже-

^в Испр, в ркп анагоста   ^г Испр, в ркп послѣжде   ^д Испр, в ркп игумень

словныя книги на святаго послалъ з бояриномъ в соборную церковь почесть, и по прочтении книгъ нападоша послании на святаго, и совлекоша с него санъ, и посадиша его на возило, из града веязху, метлами биюще. А на него возложиша чернеческия простыя ризы, и привезли его в Богоявленский монастырь, что за ветошнымъ^е рядомъ.

А что святой царя за раздѣление царства и в заточении бывъ, а все обличалъ, а когда ко лжесвидѣтелямъ на соборъ святаго брали, — и тамо неумолчно святой царя обличалъ.

И на досаду святаго велѣлъ царь казнити брата роднаго святаго Филиппа — Михаила Ивановича Колычева. И главу отсѣченную* посла ко святому, чтобы преломить душу его — святаго. Святой же со всякою честью воспринять отсѣченную главу, и благослови ю, и целова. И паки принесемую вдалъ.

А когда царь Иванъ Васильевич пошелъ на Новъградъ, тогда с пути прибѣжалъ во Отрочъ монастырь и прииде ко святому в темницу, начать припадовати злый врагъ на святаго Малюта Скуратовъ, будто благословения прося. И зячь праведнаго уста возглавиемъ, и тако предаль святой душу свою Господеви в лѣта 7078-го. И изшелъ ис темницы, начать той Малюта глаголати на игумена и на стражей, что будто ихъ небрежениемъ Филиппъ умре.

л 357 Послѣди же царь Иванъ Васильевич увѣдалъ // лукавство, бывшее на святаго Филиппа, и изыскавъ извѣстно, повелѣлъ изгнати всѣхъ по различнымъ странамъ. И мнози от нихъ на пути лютую смерть прияша, а инии согнание на ногахъ пострадаша, а инии умъ погубиша. А соловецкаго игумена и единомыслениковъ его заточилъ в сылку, и новгородскаго архиепископа и резанскаго епископа в заточение послалъ.

А когда мощи святаго из Соловецкаго монастыря по повелѣнию цареву в Соловки из Отроча монастыря брали, и тогда обрѣли тѣло святаго цело и нерушимо, поне ни ризамъ его тлѣние не прикоснуся, и миро изыде велие от гроба его. И взять в Соловки по преставлении в 21 лѣто при царѣ Феодорѣ Ивановиче, потому что соловецкия старцы о мощахъ митрополита Филиппа царю били че<ло>мъ, что онъ ихъ былъ.

О³ слободѣ Александровѣ тако написано: «О моихъ слезъ! Словомъ рече именуется слобода, а дѣломъ оставлшая древле египетска лсти: тамо первородныхъ погубление, здѣ же, яко класы, православныя^н пожинахуся».

(БАН, Арханг С 138, л 355—357)

^е Испр, в ркп вятошнымъ * Испр, в ркп отсѣченнаго ³ Испр, в ркп А ^н Испр, в ркп православным

Е. А. РЫЖОВА

Житие соловецкого постриженника Иова Ущельского — малоизвестное сочинение XVII—XVIII вв.*

Конец XVI—XVII в. — время наибольшего расцвета на Соловках иночества. «Каждый остров, каждая гора и пещера имели обитателей, которые, умерщвляя плоть, очищенным духом высоко парили над землею».¹

Здесь жили и подвизались при игуменах соловецких Антонии и Ирнархе подвижники благочестия Елеазар Анзерский, Диодор Юрьегорский, Елисей Сумский и др. Многие из них впоследствии основали свои пустыни и монастыри в северных пределах.

Одним из соловецких постриженников является иннок-пустынножитель Иов Ущельский (Холмогорский), устроивший в 20 верстах от Мезени в 1614 г. Ущельскую пустынь.² Дальнейшая судьба основанной Иовом обители вполне типична и для других небольших северных монастырей.

Во второй половине XVII—первой половине XVIII в. северные монастыри в подавляющем большинстве были «маловотчинными и имели небольшие доходы, которых не всегда хватало даже для обеспечения собственных монастырских потребностей. А некоторые, в особенности пустыни, вообще не имели крестьян и существовали только за счет государственной руги. Так, в 20-х годах XVIII века в Соловецком монастыре обретались 169 монахов, Антониево-Сийском — 106, Николо-Корельском — 49, Маркушевском — 18, Михайло-Архангельском — 13, Богословско-Важском — 12, Пертоминском — 10, Кандалакшском — 5, Трифоно-Печенгском — 1; в Уздренской пустыни — 13, Веркольской — 7, Клоновской — 4, Ущельской — 3, Моржегорской — 2 и т. д.»³ Как следствие, 21 июля 1725 г. вышел указ императрицы Екатерины Алексеевны «об уничтожении монастырей, где содержаться не может 30 человек братии» Этот указ предписывал монастырям: «Соловецкому, Сийскому, Николаевскому, Богословскому, Маркушевскому быть надстоящими монастырями <...> а на Пинеге монастырь Красногорский, также и протчие, где и по

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-04-50003 а/С)

¹ Никодим, иеромонах Архангельский патерик Исторический очерк о жизни и подвигах русских святых и некоторых приснопамятных мужей, подвизавшихся в пределах Архангельской епархии СПб, 1901 С 51

² Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви СПб, 1877 Стб 832

³ Гундакова Л. В. Массовые источники церковно-монастырского происхождения XVI—XVIII веков в Государственном архиве Архангельской области Краткий обзор // Региональные аспекты исторического пути православия архивы, источники, методология исследований Вып 7 Историческое краеведение и архивы Вологда, 2001 С 257

совокуплении еще значится меньше тридцати братьев, сводить по близости разстояния и по удобности мест, <...> а протчие все совершенно упразднить без всякого отлагательства». По требованию архиепископа Варнавы в том же году были составлены списки, «которые пустыни подлежит приписать к монастырям и с каким числом братства».⁴

В 1764 г. мужской монастырь, основанный Иовом, был упразднен, а церковь «была обращена сначала в приписную к Устьвашскому приходу, а затем в приходскую при Ужельском приходе, основанном в 1837 г.»⁵ В более позднее время, с 1900 г., на его месте была открыта женская община.⁶

Иов Ущельский — местночтимый святой, который остался не канонизован.⁷ В «Книге о святых» его имя помещено между святыми «града Холмогор»: «Преподобномученик Иов, священноначальник монастыря Пустынного, иже на Ущелье Красной. Убиен от разбойник на устье Векши реки».⁸

Немногочисленные свидетельства о жизни Иова на Соловках, о подвижничестве в основанном им монастыре, о мученической кончине и чудесах от его гробницы содержатся в его Житии.

В. О. Ключевский в монографии «Древнерусские жития святых как исторический источник» приводит «едва ли не единственный» список Жития Иова Ущельского, содержащийся в сборнике XVIII в. из собрания графа А. С. Уварова, № 426 (по каталогу Царского № 130).⁹ Помимо Жития Иова Ущельского (л. 122—134) в этом сборнике-конволюте северной тематики находятся службы Зосиме и Савватию Соловецким, служба на перенесение мощей соловецких подвижников, их житие, а также сказание и повесть о пинежских иконах Богородицы — Черногорской и Грузинской.¹⁰

Еще один список Жития Иова Ущельского находится в Пинежском собрании ИРЛИ, № 405. Данная рукопись состоит из записей о почитании пинежанами Параскевы Пиринемской и переписанного в 1855 г. пинежским священником Августином Семеновым Жития Иова Ущельского.¹¹ Отметим, что пинежский священник Августин Семенов переписал

⁴ Там же

⁵ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии Архангельск, 1894—1896 Т 2 С 334

⁶ Никодим, иеромонах Архангельский патерик С 185—186, Православные русские обители полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне СПб, 1910 С 68

⁷ Сергей, архимандрит Полный месяцеслов Востока М, 1878 Т 2, ч 3 Приложение 3 С 64

⁸ Н П Барсуков ссылается на «Рукопись Савваитова, л 15» См Барсуков Н П Источники русской агиографии СПб, 1882 Стб 265 (ОЛДП Т 81)

⁹ Ключевский В О Древнерусские жития святых как исторический источник М, 1871 С 341 Отметим, что кроме данного произведения в сборнике содержится также известное в многочисленных списках Сказание о Красногорской иконе Божьей Матери на Пинеге

¹⁰ Приведем описание рукописи ГИМ, собр Уварова, № 426 Это сборник служб, житий и сказаний, написанный полууставом, переходящим в скоропись, и скорописью на 164 л, в 4° Филиграня на листах Жития Иова Ущельского (л 122—134) — Pro Patria и герб Семи провинций / литеры «HC housing» — знак типа Черчилль, № 131 (1770 г) Содержит л 1—10 об Служба Савватию Соловецкому, л 11—20 Служба Зосиме Соловецкому, л 20 об—31 об Служба на перенесение мощей Зосимы и Савватия Соловецких, л 32—34 об Предисловие к Житию Зосимы и Савватия Соловецких, л 122—134 Житие Иова Ущельского, л 135—147 Сказание о Черногорской иконе Божьей Матери, л 147—162 Повесть о Грузинской иконе Богородицы

¹¹ Савельева Н В Житийные памятники в пинежских рукописях // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 48 С 253—254

только краткую «житийную» часть до чудес, в которой и повествуется о возведении святым монастыря в Ущелье и о мученической кончине праведного Иова. Возможно, он был ограничен временем для переписки, поскольку в записи на верхней крышке переплета скорописью, чернилами отметил всего два дня, в которые он, вероятно, и переписывал тексты двух произведений, — 14 июля и 12 августа. Видимо, 12 августа он занимался копированием Жития Иова Ущельского.¹²

В списке Жития Иова Ущельского ИРЛИ, Пинежское собр., № 405, при сравнении его с текстом по рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 426, наблюдаются пропуски предлогов, союзов и частиц; опущены также некоторые фразы. Есть в тексте данного списка памятника фонетические разночтения и незначительные лексические варьирования: слово «единостранственных» писец заменил на более точное по смыслу «иностранных», «христиан» — на «люди».¹³ Текст Пинежского списка памятника более исправный, поэтому при публикации Жития Иова Ущельского ошибочные чтения Уваровского списка исправлялись по рукописи ИРЛИ, Пинежское собр., № 405.¹⁴

Следует отметить, что еще один список Жития Иова Ущельского видел в 1865 г. во время путешествия по Северу в составе научной экспедиции Императорского Русского географического общества С. В. Максимов. Некоторые фрагменты произведения, которое он называет «повестью о житии» Иова Праведного, он близко к тексту пересказывает в своей книге «Год на Севере».¹⁵ В конце XIX в., скорее всего, именно этот список видел и частично пересказал Никодим (А. Кононов) в издании 1901 г. «Архангельский патерик».¹⁶

Сопоставительный анализ двух известных нам списков произведения показывает, что полный текст памятника находится в рукописи XVIII в. ГИМ, собр. Уварова, № 426.

Обращает на себя внимание название, которое имеет памятник: «Месяца августа въ 5 день. Житие и страдание святаго преподобномученика Иова Ущельскаго чудотворца и сказание о чудесьхъ его».¹⁷ В композиции произведения также сохраняется трехчастная структура, заявленная в на-

¹² Рукопись ИРЛИ, Пинежское собр., № 405, небольшого объема — 10 л., в 4°, в картонном переплете, написана скорописью одной руки. Записи 1) на верхней крышке переплета находится бумажная наклейка с надписью пером и чернилами «Списки о св. праведной Параскѣвъ въ Пиринемѣ и о св. преподобномученикѣ Иовѣ Ущельскомъ чудотворцѣ», 2) на л. 1 скорописью, чернилами «Списки о святой праведной Параскѣвъ въ Пиринемскомъ приходѣ и святомъ преподобномученикѣ Иовѣ Ущельскомъ чудотворцѣ», 3) на верхней крышке переплета скорописью, чернилами «Трудъ священъ Ав[густина] Семенова 14 июля и 12 авг. 1855 г. Свящ. Пр[окопий] Сем[енов]» Содержит л. 2—7 об. Сведения о почитании Параскевы Пиринемской за 1829 и 1849 гг. для отчета в Архангельскую духовную консисторию (на л. 2 помета в правом верхнем углу тем же почерком, что и весь текст, — «копия с копии»), л. 8—9 Житие Иова Ущельского. Более подробное описание рукописи см. Савельева Н. В. Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX вв. Опыт исследования. Источники. Т. 1. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников СПб., 2003. С. 421—422.

¹³ ИРЛИ, Пинежское собр., № 405, л. 8 об., 9.

¹⁴ Когда статья была сдана в печать, А. А. Романова указала нам еще один список Жития Иова Ущельского — БАН, собр. Текущих поступлений, № 424 (4°, 46 л.). Данный текст был переписан в 1861 г. крестьянином одной из северных деревень Федором Ситниковым. По предварительным наблюдениям, список БАН, собр. Текущих поступлений, № 424 является более поздней и более пространной редакцией Жития Иова Ущельского.

¹⁵ Максимов С. В. Избр. произведения. В 2 т. Т. 2. Год на Севере. М., 1987. С. 114—115 (глава «Поездка по реке Мезени»).

¹⁶ Никодим, иеромонах Архангельский патерик. С. 51—57 (глава 9 «Преподобный Иов Ущельский»), с. 185—186 (примеч. к главе 9).

¹⁷ ГИМ, собр. Уварова, № 426, л. 122.

звании: автор очень кратко говорит о жизни святого, лаконично сообщает об эпизоде его мучений, основное внимание уделяя рассказу о посмертных чудесах.

Еще В. О. Ключевский писал о том, что Житие Иова, основателя Ушельского монастыря на Мезени, — это «необработанная записка без литературных притязаний».¹⁸ Говоря об источниках и композиции памятника, исследователь кратко отметил, что «автор ничего не знает» о происхождении Иова, а «первые биографические сведения почерпнуты им из благословенной грамоты 1608 г., данной Иову новгородским митрополитом Исидором, из которой в записке сделано извлечение. К этому прибавлен краткий рассказ об основании монастыря на Ущелье в 1614 г. и о смерти Иова от разбойников в 1628 г. Записка о жизни Иова сопровождается длинным и сухим перечнем чудес 1654—1663 гг., при описании которых она, очевидно, и была составлена».¹⁹

Действительно, вместо традиционных биографических сведений о святом в Житии приведена выдержка из благословенной грамоты 1608 г. митрополита новгородского и великолуцкого Исидора, в которой сообщается, что святого зовут Иов Патрикиев Мозовский, а также говорится о некоторых этапах его духовной биографии, связанных с Соловецким монастырем: «И еже о пришествии его в пустыню сию, откуда прииде и в кое время, сие обрѣтохомъ в благословеннѣй его грамоты, которая дана ему от новгородскаго и великолуцкаго митрополита Исидора, а ней написано: поставиль онъ, митрополить, помянутаго инока Иова Патрикиева Мозовскаго в четцы и в подиаконы, и совершилъ его в попы во церковь Боголѣпнаго Преображения Господня и преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватая Соловецкихъ чудотворцевъ во общей монастырь, и благословиль, и отпустилъ и-своей митрополии, гдѣ ему быть, и объявъ оную грамоту, гдѣ надлежитъ, и священническая да литоргисаетъ невозбранно. Писана оная грамота в царство царя и великаго князя Василя Иоанновича всея России, при патриархе Германе, лѣта 7117 [1608] ноября въ I день».²⁰

В перечне соловецких старцев XVI в., приведенном в публикации Е. В. Крушельницкой и Т. А. Тутовой, несколько — с именем Иов (Иев). Более близким ко времени возможного монашества на Соловках Иова Ушельского может быть соборный старец Иов, упомянутый в Отписной книге Соловецкого монастыря за май 1597 г., однако вряд ли его можно отождествить с Иовом Ушельским.²¹

В 1614 г. Иов пришел на Мезень в Ущелье, где основал Ушельскую пустынь: «Лѣта же 7122-го [1614] году прииде на Мезень и вселися в Ушельскую пустыню сей священноинокъ, а прежде былъ во иерействѣ в Соловецкомъ монастырѣ Всемиловскаго Спаса Боголѣпнаго Преображения во общей обители преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватая. И того не вѣмъ, коея ради potrzeby изыде оттуду».²²

¹⁸ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 341

¹⁹ Там же

²⁰ ГИМ, собр. Уварова, № 426, л. 122—122 об.

²¹ Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Старцы Соловецкого монастыря XVI в. по упоминаниям в грамотах ризничной коллекции и другим документам (указатель имен) // Книжные центры Древней Руси Соловецкий монастырь СПб, 2001. С. 74—75. Никодим (А. Кононов) отмечал, что «вещественным памятником пребывания преп. Иова иеромонаха в Соловецкой обители в означенное время является Псалтырь», находящаяся в библиотеке Казанской Духовной академии (Никодим, иеромонах Архангельский патерик. С. 185).

²² ГИМ, собр. Уварова, № 426, л. 122 об.—123. В ркп. Уварова «откуда», испр. по ркп. ИРЛИ, Пинежское собр., № 405.

О некоторых обстоятельствах основания Иовом Ущельской пустыни сообщается в грамоте от 14 августа 1615 г., в которой пересказывается челобитная Иова царю Михаилу Федоровичу: «...бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси самодержцу с Мезени реки от Рожества Христова из новые пустыни с Ущельи черной священник Иев, а сказал: призвали-де его Уствашские волости крестьяне на пустое место на Ущелью и данные ему на то место дали по своим купчим, чтоб на том месте по милости Божией устроити царское богомолье общий монастырь; а опричь-де того на Мезене общаго монастыря нет; и которые-де крестьяне постригаютца в чернцы и в схиму, и им жить негде, живут по своим домам с женами и з детьми; и он-де, священник Иев, на том месте поставил молитвенный храм, часовню во имя Рожества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; и на том месте для людцкого и своего спасения Бога ради терпит и монастырь строит; а пожен-де к тому монастырю нет, скота кормить нечем; а есть-де на Мезени реке против тое же Ущельи два островка присадные невелики; а в сотной-де грамоте те островки не написаны, и земьская вервь на них не бывала; а косят-де один островок Олексеевы дети Паскоева с Смоленца, а другой-де островок косит Агейко Иванов с Усть-Вашки безданно и безоброчно самоволством; а дают-де толка по две денги на год в мирские расходы, а в государеву-де казну с тех островков не платят ничего. И государь бы царь и великий князь Михайло Федоровичь, всея Руси самодержец, его, черного священника Иева, пожаловал, велел ему то пустое место Ущелью, от усть Ежуги реки горную землю да вверх по Мезене до Ужарские виски и Ужарскую виску для рыбные ловли, да черного леса по две версты в гору, и те два островка присадные на Мезене реке дати на оброк к Рожеству Христову к усадищу для монастырского строенья, да рыбные же ловли на Мезене реке против тое ж Ущельи братье на пропитанье. А obroку б ему с того монастырьскаго усадища и з дву островков в государеву казну платити по пяти алтын на год...».²³

В Житии Иова Ущельского кратко рассказано о мученической кончине Иова, воспоминания о которой сохранились, вероятно, в устных преданиях монастырской братии: «И во сто 36 [1628] году наидоша на него разбойницы, а братия вся на страдѣ монастырской делающие, и поимаша святаго, и мучиша крѣпко ѿ всячески, чающе у него взять множество сребра на пагубу душамъ своимъ. И огнемъ жгоша его, и по ужищу влачаше его, дондеже отпадоша его тайныя уды на землю, послѣди же и главу его отсѣкоша. И собращася братия и со окрестных волостей христианъ, погребоша его близъ храма Рожества Христова в Ущельской пустыни на сѣверной странѣ и над нимъ гробницу устроиша».²⁴

Отметим, что С. В. Максимов и церковный историк иеромонах Никодим в своих трудах пересказывают близко к тексту Житие Иова Ущельского. С. В. Максимов практически без изменений передает текст рукописного Жития (возможно, заменив лишь «ужище» на более понятное читателю XIX в. «вервие», а «страду» — на «сенокос»), а иеромонах Никодим пересказывает его. Однако оба автора передают текст списка

²³ «Память Кеврольского и Мезенского воеводы Ивана Нестерова Уствашской волости крестьянам Софону Меркурьеву с товарищами о производстве обыска и досмотра земель по рекам Ежуге и Мезени» // Сборник грамот коллегии экономии Т 2 Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского-Мезенского и Важского уездов Л., 1929 № 176 Стб 609—611

²⁴ ГИМ, собр Уварова, № 426, л 123

памятника, который отличается от известных нам. Отметим также, что ни тот ни другой не упоминают ни об одном посмертном чуде святого

Рассматриваемый нами драматический эпизод убийства святого от рук разбойников у этих авторов имеет больше реалистических подробностей и больший эмоциональный накал, чем отличается от почти протокольной записи кончины святого в списке ГИМ, собр. Уварова, № 426, ср.:

С В Максимов
«ГОД НА СЕВЕРЕ»

В 1628 году, когда вся братия была на сенокосе, в монастыре оставался один Иов Разбойники требовали у него денег и, получивши отказ, «огнем жгоша его, в неистовом иступлении своем вервию влачаху его по земле, яко иссохшему от поста телу его всему изъязвленному быти и членам телеси его оторгатися от такового лютаго мучения. Последи же разбойницы, немилосердно отескиши честную его главу, отъидоша», — сказано в рукописном житии праведного (с 114—115)

Никодим, иеромонах
«АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПАТЕРИК»

В августе 5 числа этого (1628 — Е Р) года, когда вся братия была на уборке сена, а в обители оставался преп Иов один, на нее напали разбойники. Думая, что у иноков много богатств, они мучениями старались выпытать их от преподобного. Однако ничего не получили. В иступлении разбойники стали жечь преп Иова, били, влачили по земле, так что его тело, изурнутое постом, раздиралось по частям, и наконец отсекали страдальцу голову. Бросив тело тут же, убийцы ушли из обители. Возвратившаяся с работы братия с горестию увидела своего учителя мертвым, а его честное тело истерзанным и обезглавленным. Окрестные жители, когда узнали горькую весть, во множестве собрались во обитель к братии. И с горьким плачем погребли останки страдальца близ устроенного им храма (с 56—57)

Предания о «разбойниках» бытовали на Севере как в устной,²⁵ так и в письменной традиции. Эти рассказы часто слышал С. В. Максимов. Он писал о том, что предания о разбойниках встречаются во многих деревушках-станциях, мимо которых он проезжал, и пояснял, что разбойниками «по всему вероятно, были беглые литовские люди и русские изменники, пользовавшиеся смутным временем, рассыпавшиеся мелкими шайками по всему лицу русской земли и пробиравшиеся к богатым Соловкам и торговому Архангельску».²⁶ Одно из таких преданий, как писал С. В. Максимов, отражено в Житии Иова Ущельского, мощи которого под спудом хранились в селе Ущелье (в 3 верстах от деревни Березник). «Здесь на крутом картинном мысу, или щелье, Иов основал в 1614 году, по грамоте новгородского митрополита Исидора от 1609 года, монастырь (потом пустыня и с 1838 года приход)».²⁷

В письменной агиографической традиции есть памятники, которые так же, как и Житие Иова Ущельского, повествуют о насильственной смерти основателя монастыря от рук «разбойников» и лихих людей либо содержат многочисленные примеры нападения «разбойников» на монастыри с целью ограбления. В рукописной традиции известно Житие XVI в., в котором повествуется о смерти от рук разбойников Адриана, основателя пустыни в Пошехонье, и Житие Петра Черевковского, при-

²⁵ См тексты устных преданий о разбойниках и о борьбе с внешними врагами, бытовавшие на Русском Севере. Криничная Н. А. Предания Русского Севера СПб., 1991 С 126—178

²⁶ Максимов С В Избр произведения Т 2 С 115

²⁷ Там же С 114 С В Максимов объясняет понятие «щелье» как «мыс речной, с оврагом и крутизнами. Особенно богата ими река Мезень, и оттого на ней деревни и села Долгощелье, Белощелье, Конещелье, Зашелье, Палощелье, Усть-Щелье и проч» (Там же). Отметим, что В И Даль приводит другое толкование этого слова «Щелье или щельё (арх) — каменный, гладкий, пологий берег» (Даль В И Толковый словарь живого великорусского языка СПб., М., 1882 Т 4 С 654)

ходского священника конца XVI—начала XVII в. Никольской церкви в селе Черевково на Двине в Сольвычегодском уезде, претерпевшего мученическую смерть от напавших на храм, с целью разграбления, «ляхов».²⁸ Существовало написанное в 1650 г. Житие Ефросина Синеезерского, основавшего в 1600 г. возле Устюжны Железнопольской монастырь, который в 1612 г. был убит ватагой поляков, осаждавших Устюжну и пришедших в монастырь для грабежа и разбоя.²⁹ Автор Жития Макария Высокоезерского, основавшего в 1673 г. монастырь в Олонецком крае, рассказывает, как в 1683 г. нашел Макария едва живым от разбойничьих истязаний, и др.³⁰

Житие Иова Ущельского в списке ГИМ, собр. Уварова, № 426 сопроваждается 47 чудесами XVII—XVIII вв., последнее из которых датировано 1741 г. 39 чудес относятся к XVII в. (с 1654 по 1664 г.), 8 чудес — к XVIII в. (с 1703 по 1741 г.).

Чудеса в Житии Иова Ущельского — это, как правило, краткие записи исцелений от «очной», «грыжней», «утробной», «кушной», «расслабленной» болезней, «иступления» ума, беснования и других после молебна у гроба Иова Ущельского или после обещания совершить такой молебен. Описания чудесных исцелений приводятся с использованием определенных формул: «И прииде к гробнице преподобномученика Иова, и помолися с вѣрою, и получи здравие, и прослави Бога и святаго Иова»,³¹ «помолися Господу Богу и святому Иову у гробницы, и абие здрав бысть человекъ той, славя Бога и угодника его святаго Иова»,³² «Молебная соверши Господу Богу и святому Иову, и приложися у гробницы, и бысть здрава, яко николиже болѣ. И прослави Бога и угодника его святаго Иова, и отъиде в дом свой, радуясь»,³³ «повѣлъ пѣти молебенъ и приложися ко гробницы чудотворца Иова. И абие здравъ бысть, и прослави Бога и святаго Иова, и отъиде, радуясь»,³⁴ «и велѣлъ пѣть молебенъ у гробницы преподобномученика Иова, и по молебномъ пѣнии бысть здравъ, и отъиде в домъ свой, радуясь, благодаря Бога и угодника его святаго Иова»,³⁵ «и общася пѣть молебенъ у гробницы святаго Иова. И бысть здравъ, и обѣтъ исправи, прослави Бога и угодника его святаго Иова»,³⁶ «и общались пѣть молебенъ у гробницы преподобномученика Иова. В томъ часѣ бысть здравы, и обѣщание исправиша, и прославиша Бога и святаго Иова»,³⁷ «И от того часа здравъ бысть отрокъ, и обѣтъ исправиша, и прославиша Бога и святаго Иова»,³⁸ «И общался у гробницы святаго пѣть молебенъ, и от того часа здрав бысть, и прослави

²⁸ [Верюжский И.] Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых местной церковью и местно чтимых Вологда, 1880 С 628—637, Барсуков Н. П. Источники русской агиографии Стб 456

²⁹ Понырко Н. В. Иона Филиппов Суровцев // Словарь книжников Вып 3, ч 2 С 98—99

³⁰ Каган М. Д. Иосиф Титов // Словарь книжников Вып 3, ч 2 С 113 В рукописной традиции существуют предания о нападении разбойников на монастыри Так, например, в Житии Антония Сийского есть рассказ о прижизненном чуде святого, когда он силой своей молитвы избавил монастырь от нападения «разбойников» под предводительством новгородского наместника Василия Бебри (БАН, Архангельское собр., Д № 250, глава «О пришествии разбойникъ на святаго ношю и о избавлении Божии», л 125—127 об.)

³¹ ГИМ, собр. Уварова, № 426, л 123 об

³² Там же, л 124

³³ Там же, л 125

³⁴ Там же, л 128

³⁵ Там же, л 132—132 об

³⁶ Там же, л 125 об

³⁷ Там же, л 126

³⁸ Там же, л 127

Бога и святого Иова»,³⁹ «объщались пѣть молебень в Ушелскую пустыню у гробницы преподобномученика Иова. И оттолѣ получи здравие, и общание исправи, и прослави Бога и святого Иова»,⁴⁰ «и общались пѣть молебень чудотворцу Иову, и в томъ часѣ здравѣ бысть»⁴¹ и т. п.

О чудесных исцелениях повествуется от 3-го лица и от лица самого говорящего, причем иногда переход от одной формы повествования к другой в описаниях чудесных событий практически незаметен. Именно так построен рассказ об исцелении устьцилемца Козмы в чуде 2 от 5 февраля 1655 г.: «Инь человекъ, именемъ Косма Усцелемець, был во иступлении ума три дни. И былъ вязанъ и в хоромы запиранъ, и выбѣжалъ из двора своего без памяти, и куды ходил — и того не помнить, аки от сна пробудился: „Бреду вверхъ по Ежуги, не дорогой, и стрѣтил мене старецъ незнаемой, и нача мнѣ говорити: «Что ты, Козма, бродишь без ума не дорогой, поиди в Ушелскую пустыню и молись Рожеству Христову и у гробницы пой молебень». И в томъ часѣ невидимъ бысть старецъ. И я пришел помолится и у гробницы Иова приложится, и по се время Господь простилъ и святой Иовъ, и никакия смуты не вижу, и прослави Бога и угодника его святого Иова“».⁴²

Обращает на себя внимание северная топография чудес. В рассказах о чудесах упоминаются в основном северные города, реки и местные населенные пункты: г. Архангельск (чудо 24), г. Холмогоры (чудо 33), р. Мезень (чудеса 15, 16, 31), Усть-Цильма (чудеса 2 и 47), р. Вашка с д. Коптюга (чудо 18) и д. Чупрово (чудо 43); двинско-важские населенные пункты (Ланпожня — чудеса 22, 45), находящаяся недалеко от Ушельской обители д. Верхний Березник (чудо 44) и др.

Широкая северная география чудес вполне закономерна, поскольку место возникновения новой обители «замечательно тем, что здесь сходятся и расходятся пути из Архангельска, Печоры, Мезени и Вологодско-Пермского края, как трактами, так и реками».⁴³ «Ушельская община, — как отмечалось в справочном издании «Православные русские обители», — находится в селе Ущелье при слиянии трех рек: Езega, Вашки и Мезени. Местность, в которой расположена община, занимает почти центральный пункт Мезенско-Печорского края: сюда сходятся и отсюда расходятся все местные пути сообщения и по суше, и по воде».⁴⁴

Однако записи чудес, которыми сопровождается Житие Иова Ушельского, не отражают в полной мере народного почитания Иова. Как свидетельствует С. В. Максимов, в середине XIX в. в Ущелье почитали не только гробницу с мощами Иова, но и место его убиения, а также кокору,⁴⁵ на которой, по преданию, он был обезглавлен: «В ущельской церкви сохранилась кокорa, на которой он был убит и которая облита была кровью, кокорa эта теперь вся обгрызана, потому что щепы от нее, по народной вере, взятые в рот, успокаивают зубную боль. Указывают также и место убиения Иова за селом, под горой, на мосту, которого теперь уже нет, потому что ручей, отделявший цер-

³⁹ Там же, л 131 об — 132

⁴⁰ Там же, л 132

⁴¹ Там же

⁴² Там же, л 123 об

⁴³ Никодим, иеромонах Архангельский патерик С 186

⁴⁴ Православные русские обители С 68

⁴⁵ «Кокора, кокор, кокорыга — копан, накурок, кница, бревно или убрus с корневищем, дерево с корнем клюкою, с коленом для судостроенья» См Даль В И Толковый словарь живого великорусского языка СПб, М, 1881 Т 2 С 134

ковь от села, уже пересох. Овраг, ведущий из селения на отдельную, высокую и крутую церковную (некогда монастырскую) гору, глубиной в 12 сажен. Гора обросла густым лиственничным лесом, из-за которого в просеках открываются редкие по красоте своей виды на дальний берег с людной древней Березником и опять-таки с густыми лиственничными рощами».⁴⁶

Время создания Жития Иова Ущельского неизвестно. В. О. Ключевский предположил, что, скорее всего, первая часть памятника (чудеса 1654—1663 гг.) была составлена в XVII в., а чудеса XVIII в. были прибавлены к Житию позднее.⁴⁷ Этой же точки зрения придерживается и Л. В. Соколова, обращая, вслед за В. О. Ключевским, внимание на два этапа создания Жития.⁴⁸

Появление Жития в XVII в., на наш взгляд, могло быть связано с возведением на месте основанной святым Иовом, но сгоревшей Христорождественской церкви, что произошло в 1664 г.⁴⁹ Напомним, что последнее из чудес XVII в. датируется в Житии 9 января 1664 г.

К моменту освидетельствования архиепископом Варсонофием 3 ноября 1739 г. мощей Иова Ущельского, что произошло «вследствие нескольких чудес, совершенных угодником Божиим»,⁵⁰ скорее всего, был дописан к Житию корпус чудес XVIII в. Впрочем, это обстоятельство могло оказаться решающим и для создания Жития святого именно в это время.

Скорее всего, автором Жития являлся кто-то из местных церковнослужителей. В его распоряжении были записки о чудесах святого XVII—XVIII вв., которые велись в монастыре, а также незначительный актовый материал. Этого оказалось достаточно для того, чтобы составить неприятное в литературном отношении Житие Иова Ущельского, состоящее из краткой памяти о кончине Иова, и сопроводить его описанием позднейших чудес.⁵¹ Автором Жития в XVII в. мог быть строитель Исаакий, при котором была возведена новая церковь Рождества Христова (он являлся строителем Ущельской пустыни с 1659 по 1665 г.).⁵² К возможным авторам XVIII в. можно отнести приходского священника Федора Яковлевича Михайлова, служившего в основанном на месте монастыря приходском храме с 1837 по 1844 г.⁵³

⁴⁶ Максимов С В Избр произведения Т 2 С 115

⁴⁷ Ключевский В О Древнерусские жития святых как исторический источник С 341

⁴⁸ Соколова Л В Житие Иова Ущельского (Холмогорского) // Словарь книжников Вып 3, ч 1 С 361

⁴⁹ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии Т 2 С 334

⁵⁰ Там же

⁵¹ Никодим (А Кононов) указывает, в частности, что, когда в конце XIX в он посещал Ущелье и составлял свой очерк о святом для издания «Архангельского патерика», он «все ниже сообщаемое» заимствовал из местных рукописных источников «Жития и страдания и сказания о чудесах святого преподобномученика Иова Ущельскаго чудотворца», хранящегося в приходской Ущельской церкви, «О освидетельствовании честных мощей святого преподобномученика Иова», грамоты 1615 г, описей 1700, 1834, 1848 гг и других актов, а также памятной книги, составленной священником Ущельской церкви «Ф С» Под литерой «Ф С» скрывается, видимо, имя приходского священника Федора Смирнова, состоящего в Ущельском приходе со 2 апреля 1885 г (см Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии Т 2 С 336)

⁵² Там же

⁵³ Там же

Житие Иова Ущельского

Основной текст:

ГИМ, собр. Уварова, № 426 (Царского, № 130), л. 122—134 — У

Разночтения:

ИРЛИ, Пинежское собр., № 405, л. 8—9 — П

л 122

МЕСЯЦА АВГУСТА ВЪ 5¹ ДЕНЬ. ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА ИОВА УЩЕЛСКАГО²

ЧЮДОТВОРЦА³ И СКАЗАНИЕ О ЧЮДЕСЪХЪ ЕГО⁴.

И⁵ еже о пришествии его ⁶в пустыню сию⁶, откуда прииде и в кое⁷ время, сие обрѣтохомъ в благословеннѣй его *грамоты*⁸, которая дана ему от новгородскаго и великолукскаго митрополита Исидора, а ней написано: поставилъ онъ, митрополитъ, помянутаго инока Иова ⁹*Патрикиева Мозовскаго*⁹ в четцы¹⁰ и¹¹ ¹²*в*¹² *подиаконы*¹³, и совершилъ¹⁴ его в попы во¹⁵ церковь Боголѣпнаго Преображения Господня и преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватая¹⁶ Соловецкихъ чудотворцевъ¹⁷ во обшей монастырь, и благословилъ, и отпустилъ¹⁸ и-своей митрополии, гдѣ ему¹⁹ быть, и объявля²⁰ оную *грамоту*²¹, гдѣ надлежитъ, и *священническая*²² да *литоргисаетъ*²³ невозбранно. Писана оная *грамота*²⁴ в царство царя и великаго князя л 122 об Василия Иоанновича всея²⁵ России, // при патриархе²⁶ Германе²⁷, лѣта 7117 [1608] ноября въ 1 день.

А²⁸ в нынѣшнемъ времени *чюдесами*²⁹ *свидѣтельствуютъ*³⁰ о немъ, яко невидимы мощи его, землею покровени, и землю над *мощми*³¹ его лежащего с вѣрою приходящимъ здравие подаютъ³² и *от*³³ *болѣзней* и *бѣдъ*³⁴ избавляеть. И никакоже ³⁵*можемъ забыти или*³⁵ в забвение *положити*³⁶, не вспомнянути жития³⁷ *святаго*³⁸ преподобномученика Иова *труды*³⁹ его, и *подвигъ*⁴⁰, и конечное его къ Богу *отшествие*⁴¹, и страшное мучение святаго ради храма *Рождества*⁴² Христова, и собрания⁴³ братству⁴⁴, и создания⁴⁵ киновия⁴⁶ от *единостранственныхъ*⁴⁷ людей и звѣрообразныхъ разбойникъ. л 123 ⁴⁸*Лѣта же 7122-го* [1614] *году*⁴⁸ прииде на Мезень и вселися *в*⁴⁹ *Ущельскую*⁵⁰ пустыню сей свяченноинокъ, а прежде быть во иерействѣ в Соловецкомъ монастырь Всемиловскаго Спаса Боголѣпнаго Преображения во обшей обители преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватая⁵¹ И того // не вѣмъ⁵², коея⁵³ ради потребы изыде⁵⁴ *оттуда*⁵⁵. И начатъ⁵⁶ лѣсъ сѣщи и пашни⁵⁷ расчищати вновѣ, *лѣсъ черной*⁵⁸. И созда храмъ во имя *Рождества*⁵⁹ Христова, и келии⁶⁰ постави, и *братию*⁶¹, и *печашеси*⁶² всячески о устроении монастырскомъ.

¹ В П пятый ² В П Ущельскаго ³ В П чудотворца ^{4—4} В П нет ⁵ В П нет ^{6—6} В П нет ⁷ В П кои ⁸ В П грамотъ ^{9—9} В П Патрикиева сына Мозовскаго ¹⁰ В П четца ¹¹ В П нет ¹² В П нет ¹³ В П иподиакона ¹⁴ В П соверши ¹⁵ В П въ ¹⁶ В П Саватая ¹⁷ В П чудотворцов ¹⁸ В П отпустивъ ¹⁹ В П ему надлежитъ ²⁰ В П объяви ²¹ В П грамоту ²² Испр по П, в У священника ²³ В П литургисать ²⁴ В П грамота ²⁵ В П всей ²⁶ В П патриархъ ²⁷ В П Германъ ²⁸ В П нет ²⁹ В П чудеса ³⁰ В П свидѣтельствуютъ ³¹ В П мощми ³² В П подаетъ ³³ В П нет ³⁴ В П нет ^{35—35} В П нет ³⁶ В П положити и ³⁷ В П жития ³⁸ В П сего ³⁹ В П трудовъ его ⁴⁰ В П подвиговъ ⁴¹ В П отшествие и горькое ⁴² В П Рождества ⁴³ В П собрание ⁴⁴ В П братства ⁴⁵ В П создание ⁴⁶ В П киновии ⁴⁷ В П иностранственныхъ ^{48—48} В П лѣта 7122 ⁴⁹ В П во ⁵⁰ В П Ущельскую ⁵¹ В П Саватая ⁵² В П вѣмы ⁵³ В П коей ⁵⁴ В П изыди ⁵⁵ Испр по П, в У откуда ⁵⁶ В П нача ⁵⁷ В П пашню ⁵⁸ В П нет ⁵⁹ В П Рождества ⁶⁰ В П келии ⁶¹ В П братию собра ⁶² В П печашися

И во сто 36⁶³ [1628] году наидоша на него⁶⁴ разбойницы, а братия вся⁶⁵ на страдѣ монастырской дѣлающие, и⁶⁶ поимаша святаго, и мучиша ⁶⁷крѣпко и⁶⁷, всячески чающе у⁶⁸ него взять множество сребра на пагубу душамъ своимъ. И огнемъ жгоша его, и по ужищу влачаше его, дондеже отпадоша ⁶⁹его тайныя⁶⁹ уды на землю⁷⁰, послѣди же⁷¹ и главу его отсѣкоша. И собращася братия и со⁷² окрестных волостей христьянъ⁷³, погребоша его близъ храма Рожества⁷⁴ Христова в Ущельской⁷⁵ пустыни⁷⁶ на съверной странѣ и⁷⁷ над нимъ гробницу устроиша⁷⁸.

Чюдо 1, 162 [1654], июля 9.

Девѣца именемъ Гликерии, Феодорова дочь, очима болѣ четыре годы. И прииде к гробницы // преподобномученика Иова, и помолися с вѣрою, л 123 об и получи здравие, и прослави Бога и святаго Иова.

Чюдо 2, 163-го [1655], февраля 5 день.

Инь человекъ, именемъ Косма Усцелемѣць, был во иступлении ума три дни. И былъ вязанъ и в хоромы запиранъ, и выбѣжалъ из двора своего без памяти, и куды ходил, — и того не помнитъ, и аки от сна пробудился: «Бреду вверхъ, по Ежуги, не дорогой, и стрѣтил мене старецъ незнаемой, и нача мнѣ говорити: „Что ты, Козма, бродишь без ума не дорогой, поиди в Ушелскую пустыню и молись Рожеству Христову и у гробницы пой молебень“. И в томъ часѣ невидимъ бысть старецъ. И я пришел помолитися и у гробницы Иова приложится, и по се время Господь простилъ и святой Иовъ, и никакия смуты не вижу, и прослави Бога и угодника его святаго Иова».

Чюдо 3.

В то же время человекъ именемъ Иоакимъ // Глинского посаду былъ л 124 об одержимъ черною болезнию 2 года, помолися Господу Богу и святому Иову у гробницы. И абие здравъ бысть человекъ той, и прослави Бога и угодника его святаго Иова.

Чюдо 4, июля 4 день.

В то же время бѣ нѣкая девѣца Олемской волости Парасковия, Емельянова дочь, одержима очною болѣзнию 6 недѣль, и помолися Господу Богу и святому Иову. И абие здрава бысть очима, и прослави Бога и святаго Иова.

Чюдо 5, февраля 5 день.

В то же время нѣкто человекъ Никифоръ кузнецъ Юромской волости, разболѣся его правая рука, и раслабѣша жилы, и прекреститися не може и хлѣба принести к устамъ, на много время из дому не исхождаше. И начать молитися Господу Богу и призывати на помощь святаго Иова о облегчении болѣзни и общася ити до Ушелския // пустыни и у гробницы л 124 об его приложится. И пришедъ той Никифоръ, и молебная соверши Господу Богу и святому Иову, и землю потеръ болную руку. И от того часа бысть здрава⁷⁹ рука его, яко николиже болѣ. И прослави Бога и святаго Иова, и отъиде в домъ свой, радуяся.

⁶³ В П въ 7136 ⁶⁴ В П нет ⁶⁵ В П вси ⁶⁶ В П нет ^{67—67} В П нет ⁶⁸ В П от
^{69—69} В П тайныя его ⁷⁰ В П нет ⁷¹ В П нет ⁷² В П нет ⁷³ В П люди ⁷⁴ В П Рождест-
ва ⁷⁵ В П Ущельской ⁷⁶ В П пустынь ⁷⁷ В П нет ⁷⁸ В П строиша Далее в П текста
нет ⁷⁹ Испр., в У зрва

Чюдо 6, апрель 1 день.

Ино чюдо⁸⁰ повѣдана да будеть. Ехали через Мезень рѣку в лотки Нисогорской волости Фока з братьею, Петровы дѣти, на пашню свою и плавили лашадь [так!]. И выехали до полу реки, и наиде на нихъ духъ нечистый водный и нача лошадь топити. Они же лошадь держажу, а нечистый духъ явѣ хождаше, аки рыба велика волнами, и нападаше на лашадь [так!], и за лотку хваташе, потопити хотя. Они же веслы биюще его, отрѣюще, и возопиша, плачюще, со слѣзами: «Святый Ушельский пустыни! Помози нам и не дай насъ потопити нечистому духу!». И в томъ часѣ // л 125 невидимъ бысть и отпустил лошадь ити. И переѣхаша рѣку, а лотъка уже полна воды и не погрязнула. И прославиша Бога и угодника его святого Иова.

Чюдо 7.

Нѣкая жена Акилина Кирилова дочь была болна очми вельми 4 недели и на свѣтъ не выходила и не взидала. Молебная соверши Господу Богу и святому Иову и приложися у гробницы, и бысть здрава, яко николиже болѣ. И прослави Бога и угодника его святого Иова, и отъиде в дом свой, радуясь.

Чюдо 8, 164 [1656], декабрь 14 день.

Нѣкто человекъ Василей Никитин сынъ Шубина Килецкой волости бѣ одержимъ грижнею болѣзнию, лежа на мѣстѣ в доме своем 16 недель и ходить не могъ. И общася пѣть молебенъ на Ушельи и у гробницы святого Иова приложится. И в томъ часѣ здрав бысть, и прииде в Ушелскую пустыню, и обѣдъ [так!] исправи. И отъиде, раду[ясь], славя Бога и святого Иова. //

л 125 об

Чюдо 9, февраль 11 день.

Бѣ человекъ Григорей Лукинъ с Погорелца, боленъ бысть очми 6 недель, лежа, не видя свѣта, и общася пѣть молебенъ у гробницы святого Иова. И бысть здравъ, и обѣтъ исправи, и прослави Бога и угодника его святого Иова.

Чюдо 10, апрель 1 день.

Бѣ человекъ Пятой Пантелѣевъ Пунегов⁸¹ сынъ. На пятомъ году ходилъ здравъ по избѣ и внезапно палъ на пол мертвъ и зубы сцѣпил, лежа на многъ часъ. И родители его начаша молитися с плачемъ о здравии его и общались его вести в Ушелскую пустыню и пѣть молебенъ преподобномученика Иова. И в томъ часѣ бысть здравъ, и обѣтъ исправи, и прослави Бога и святого Иова.

Чюдо 11, июль 4 день.

Человекъ с Вашки Кѣбской волости Григорей, у него сынъ Василей л 126 да жена Мариа // были болни утробою и общались пѣть молебенъ у гробницы преподобномученика Иова. И в томъ часѣ бысть здравы, и общание исправиша, и прославиша Бога и святого Иова.

Чюдо 12, 165 [1657], 5 день сентября.

Ино чюдо повѣдано да будеть.

Нѣкто человекъ Иеремий Яковлевъ Феткушевъ Юромьской волости ушми болѣл лѣто все и очми не видѣлъ свѣту и до Семена дни не исходя из дому. И общася пѣть молебенъ в Ушелской пустыни Рожеству Хрис-

⁸⁰ В У испр о из ѣ теми же чернилами ⁸¹ Испр, в У Пунего

тову и святому Иову. И в томъ часѣ здравъ бысть, и обѣтъ исправи, и отъиде, радуяся.

Чюдо 13, декабря 11 день.

Инь человекъ Пятой Ивановъ Фатьяновъ, у него сынъ Иванъ четырехъ лѣтъ, ходил на вечеру по избѣ, и похватила⁸² его невѣдома какая болѣзнь крутая, и пал на земли, // аки мертвъ, лежа до полунощи. И отецъ его и матери обѣщались со слѣзами пѣть молебень у гробницы преподобномученика Иова. И в томъ часѣ здравъ воста отрокъ и прославиша Бога и святаго Иова. л 126 об

Чюдо 14, генварь 13 день.

Инь человекъ Флоръ Яковлевъ с Тегляевы одержимъ утробною болѣзнию, лежалъ 7 недѣль в дому своемъ и обѣщался пѣть молебень Господу Богу и святому Иову. И абие здравъ бысть, и обѣтъ исправи, и прослави Бога⁸³ и святаго Иова.

Чюдо 15, март 11 день.

Мезенского уѣзда на Нижномъ Березники розбранились меж собою два брата Карповы дѣти, и почали бить. И ту прилучись дѣтишъ Никиты Леонтьева сынъ Василей 9 лѣтъ, и исполохся от нихъ. // И оттолѣ нача болѣть, и опухъ весь, лежал 4 недѣли. И обѣщались родители его пѣть молебень Господу Богу и святому Иову у гробницы. И от того часа здравъ бысть отрокъ, и обѣтъ исправиша, и прославиша Бога и святаго Иова. л 127

Чюдо 16.

В то же время нѣкто человекъ Кирило с верхъ Мезени реки, Путкаска волости ушми болѣл и не слыша 4 года. И обѣщася Господу Богу и святому Иову у гробницы пѣть молебень. И поѣхал в Ушелскую пустыню и, едучи, почал ушми слышать, и бысть здравъ, и прослави Бога и святаго Иова, и отъиде, радуяся.

Чюдо 17, июля 22.

Ино чюдо повѣдано да будетъ.

Жена нѣкая Мариамиа Филипова дочь Карунова нѣвеска, с Ланпожи, отпѣвши молебень святому Иову у гробницы, со слезами повѣда: «Сей весны // родила младенца, и оттолѣ найде на меня тяжелая немощь, по вся дни и нощи давяше и мучаше нечистый духъ, и едва живу пометаше по многое время. И в той же веси нѣкоей женѣ именемъ Июлиянии явися во снѣ святой Иовъ Ушелский чюдотворецъ, глаголя: „Вели Мариамиа ити в Ушелскую пустыню и пѣть молебень преподобномученику Иову, и по молебнии взять земли у гробницы и пить с водою, доколѣ ей мучится“. И какъ я услышала тѣ рѣчи от Июлиянии, и молилась Господу Богу и святому Иову, и обѣщалась ити в Ушелскую пустыню и пѣть молебень у гробницы святаго Иова, и Господь мене избавилъ и святой Иовъ от нечистаго духа. И земли взявъ с гробницы, и пила с водою». И бысть здрава, и прослави Бога и святаго Иова, и отъиде в домъ свой, радуяся. л 127 об

Чюдо 18, 166 [1658], генварь 7.

Человѣкъ нѣкий Леонтей с Вашки, Коптюги // волости, былъ слѣпъ многое время, у гробницы святаго Иова начал молебень пѣть, и в то

⁸² Так в ркп ⁸³ В У слово написано дважды, второе написание взято в квадратные скобки

время очми от болѣзни прозрѣ. И по молебне прослави Бога и святого Иова, и отъиде восвоя, радуяся.

Чюдо 19.

Бысть человекъ Иванъ Акимов с Тегляевы, болѣло у него горло, хлѣба не могий ясти ни пить, и общася пѣть молебень у гробницы святого Иова. И в томъ часѣ здравъ бысть, и прииде в Ушелскую пустыню, и не пѣвъ молебна, сшед в дом свой, и паки разболѣся горло. Он же раскаяся и пришед, повѣлъ пѣти⁸⁴ молебень и приложися ко гробницы чудотворца Иова. И абие здрав бысть, и прослави Бога и святого Иова, и отъиде, радуяся.

Чюдо 20, сентябрь 17.

л 128 об Бѣ нѣкая старица, Доминика именемъ, с Погорѣльца: «Лежала-де я полтора года в раслаблении, и костьюи тѣло нарочно пролежала, // и помяся Господу Богу и святому Иову, и лежачи общалась ити на Ушелю пѣшой и пѣть молебень у гробницы преподобномученика Иова и землю потертисъ». И абие бысть здрава, и прослави Бога и угодника его святого Иова, и отъиде, радуяся.

Чюдо 21, генварь 7.

л 129 Бѣ нѣкий человекъ Павелъ Акиндинов с Кесломы, у гробницы святого сказал: «Быль-де я в прошлом году взять в стрелцы к Москвѣ и лежалъ на Москвѣ в немощи 9 недѣль, собою не владѣлъ, и языка не было, и общася пѣть молебень у гробницы святого Иова. И от того времени легче стало и почаль говорить, а у лѣвой руки палець аки приросъ и прочь не отходить от крайного перста. И для того меня государь пожаловал отпустил с Москвѣ, и по молебне приложился ко гробницѣ чудотворцовы, и персть, мой палець // простъ стал и не болитъ». И отъиде в домъ свой, радуяся, благодаря Бога и святого Иова.

Чюдо 22, того же году.

В то жь время Сергия Сидорова в Ланпожи младенець былъ болѣнь тяжелой немощию много время и без гласа лежалъ. И родители молились Богу и святому Иову, и общались ити в Ушелскую пустыню къ чудотворцу помолится. И в томъ часѣ здрав бысть, и обѣтъ исправи, и прослави Бога и святого Иова.

Чюдо 23, 168 [1660].

Ино чюдо повѣдаю вамъ.

л 129 об Малой Немнюшки у Якова Ляптина жена его Агрипина была болна много время, и ноги раслабило, и руки, и общалась помолится чудотворцу, у гробницы пѣть молебень чудотворцу Иову. И от того часа здрава бысть. И прииди // Ияковъ и жена его, сказал: «У гробницы молились Богу и святому Иову, и отъидоша, радующеся, благодаря Бога и святого Иова».

Чюдо 24, того же году.

Приезжалъ от города Архангелского стрелець Флоръ Васильевъ, пѣлъ молебень, сказал: «Лежал-де я год слѣпъ и свѣту не видя, и общася пѣть молебень у гробницы святого Иова. И от того часа прозрѣ и прослави Бога и святого Иова».

⁸⁴ *Испр., в У пити*

Чюдо 25, 169 [1661], декабрь 25.

Бѣ нѣкто человекъ Алексѣй Кириловъ с сыномъ Савой с Целогоры, по молебне сказалъ. Лежалъ сын его в немощи 3 недели безъ языка, и отецъ его обѣщался пѣть молебень на Ушельи Рождеству Христову и святому Иову. И от того часа здравъ бысть человекъ той, и прослави Бога и святого Иова, и иде восвоя, радуясь. //

Чюдо 26.

В то же время человекъ Юромской волости Федор Никифоровъ лежалъ в немощи 5 недель. И помолился Богу и святому Иову. И абие бысть здравъ от тоя болѣзни, и обѣтъ исправи, и отъиде, радуясь.

л 130

Чюдо 27.

В то же время нѣкая девица Варвара Маркова дочь была слѣпа 3 года. И помолился Господу Богу и святому Иову. И бысть здрава⁸⁵, и отъиде, радуясь.

Чюдо 28.

Бѣ нѣкто человекъ Харитонъ с Кривого Наволока, былъ боленъ ушми, приезжалъ и пѣлъ молебень Господу Богу и святому Иову. И абие здравъ бысть человекъ той, и прослави Бога и святого Иова.

Чюдо 29.

Нѣкая жена Пелагия Савина дочь с Кимжи была болна ногою и обѣщалась ити в Ушелскую // пустыню и пѣть молебень. И от того часа бысть здрава⁸⁶ и прослави Бога и святого Иова.

л 130 об

Чюдо 30.

Бѣ человекъ Матфей Ивановъ Кузнецовы слободки, повѣда у гробницы святого Иова: «Лежал-де я 2 года в немощи, не могъ владѣть руками и ногами, и обѣщася пѣть молебень». И оттолѣ здравъ бысть, и обѣтъ исправи, и отъиде, радуясь.

Чюдо 31, генварь 5.

В та же времена нѣкто Макарий прозванием Нарта с верхъ Мезени былъ очми боленъ велми, полгода не видѣлъ, и помолился Господу Богу и святому Иову. И по совершении молебна бысть здрав и прослави Бога и святого Иова.

Чюдо 32.

Бѣ человекъ Зиновей Юромской волости, // лежалъ в болѣзни 8 недель и помолился Господу Богу и святому Иову. И бысть здравъ, и прослави Бога и святого Иова.

л 131

Чюдо 33, июня 1.

Бѣ человекъ Григорей Селивановъ, сын Попов, колмогорець, иконникъ, приговорился на Ушелью иконы писать и поѣхал Холмогорам красокъ купить, а срокъ рядил писать иконы того же года с Прокопьева дни. Приехал с Колмогоръ, почалъ писать иконы на Заполи во храмъ чудотворца Николы. И почали у него очи болѣть, и от тое болѣзни 2 недели очми мало видѣлъ, и от писма отстал и взяв самъ⁸⁷ погрѣшение, что на Ушельи иконы писать с Прокопьева дни. И обѣщася пѣть моле-

⁸⁵ Испр, в У здравъ   ⁸⁶ Испр, в У здравъ   ⁸⁷ Испр, в У вамъ

бень у гробницы преподобнаго Иова и на гробницы его написать образъ и на покровѣ его подобия. И от того времени здрав бысть очима, и образъ написал во храмѣ, на гробницу покров. И человекъкъ той прослави Бога и святаго Иова лѣта 1770 [1661] октября 3 день. //

Чюдо 34.

Нѣкто отрокъ Алексѣевъ с Мясогоры пре-дверми у часовни преподобномученика болен былъ, 3 дни беспрестани вопилъ. И помолися Господу Богу и святому Иову. И абие здрав бысть, и отъиде, радуясь, славя Бога и святаго Иова.

Чюдо 35, декабрь 8 день.

Нѣкто человекъ Григорей Осиповъ с Латьюги обѣщался бысть на Ушелью и пѣть молебень Рождеству Христову и святому Иову. И абие здрав бысть, и прииде в Ушелскую пустыню, и по совершении молебна повѣда: «Лежалъ-де я полгода в расслаблении, и отъиде в домъ свой, радуясь».

Чюдо 36, 171 [1663], март 16.

Нѣкая жена именемъ Елена Васильева Соловьева с Драгой горы была⁸⁸ болна очми 15 недель и на свѣтъ не выходила, и помолися Господу Богу и святому Иову. И абие здрава бысть, и отъиде восвоя, славя Бога и святаго Иова.

Чюдо 37, то же.

Нѣкая девица Анна Стахиева дочь, с Тегляевы, была болна очми 5 недель и помолися Господу Богу и святому Иову. И абие здравъ бысть и прослави // Бога и святаго Иова.

Чюдо 38, март 21 день.

Нѣкая жена Елисаветъ с Ланпозни послѣ молебнаго пѣния повѣда: «Была-де на Москве иже в расслаблении 3 года, и явися мнѣ во снѣ преподобномученикъ Иовъ, и повелѣ мнѣ итти на Мезень в Ушелскую пустыню и молитися Богу и у гробницы его. И я, ставъ, обѣщалась ити, и от тое немощи абие здрава бысть, и с Москвѣ пѣша брела до Ушелской пустыни, и обѣтъ исправила, и прослави Бога и угодника его святаго Иова».

Чюдо 39, генварь 9 день.

Ино чюдо повѣдано бысть по молебномъ пѣнии у гробницы преподобномученика Иова.

Константин Иванов с Коинаса сказал: «Быль-де я у моря на Кетскомъ, взяла меня шипота, и составы всѣ ослабли, и ходить не могъ, и вышелъ на улицу, гдѣ стоит образъ преподобномученика Иова, и помолился стоя пред образомъ, чтобы дал мнѣ Богъ здравие и от тоя болѣзни избавилъ. И обѣщался у гробницы святаго пѣть молебень, и от того часа здрав бысть, // и прослави Бога и святаго Иова».

Чюдо 40, 1705-го, июля 24 день.

На праздникъ Рожества Иоанна Предтечи приѣхала⁸⁹ в Ушелскую пустыню девица Татиана Алексѣева дочь Шмакова, сказала: «Была-де я болна лѣвою ногою немалое время во младыхъ лѣтах, и какъ отецъ и

⁸⁸ *Испр*, в У был ⁸⁹ *Испр*, в У приѣхаль

мати общались пѣтъ молебень в Ушельскую пустыню у гробницы преподобномученика Иова». И отголъ получи здравие, и общание исправи, и прослави Бога и святого Иова.

Чюдо 41.

Верхняго Березника девица Емельянова дочь Мариа 12 лѣтъ бысть одержима нечистымъ духомъ 3 недели и языкомъ не глагола, токмо вопѣла нелѣпымъ гласомъ. И привели ея на гробницы святого Иова, и по молебне проглагола и бысть здрава, и прослави Бога и святого Иова. //

Чюдо 42, 1703, февраль 22.

Волости Коинаской жена Мариа болѣ очми годъ и общася пѣтъ молебень у гробницы чудотворца Иова, и бысть здрава, и обѣтъ исправи, и прослави Бога и святого Иова.

л 133

Чюдо 43, январь.

С Вашки с Чюпрова Исакъ Артемьевъ у гробницы чудотворца сказал по молебне. Сын его 7 лѣтъ Евтих лѣжал в немощи близъ смерти, и общались пѣтъ молебень чудотворцу Иову, и в томъ часѣ здравъ бысть.

Чюдо 44, [1]712, июля 2 день.

Верхнего Березника Тимофей Анхивевъ сказал, что-де сына его Филипа мучить духъ лукавый, вязаху его руки и ноги, 10 дней и ночей и нелѣпными гласы вопѣлъ. И взявъ от гробницы земли чудотворца, и в то время его поили, и августа въ 1 день привезли его в Ушелскую пустыню к началу утрени. И стоял утрени и святую литоргию, и по освящении воды окроплень, // и пилъ святую воду, и велѣл пѣтъ молебень у гробницы преподобномученика Иова. И по молебномъ пѣнии бысть здрав, и отъиде в домъ свой, радуясь, благодаря Бога и угодника его святого Иова.

л 133 об

Чюдо 45, [1]715, января 8 день.

Пришел в Ушелскую пустыню Иванъ Федотов, ланпоженецъ, и повелѣлъ пѣтъ молебень у гробницы святого Иова, и сказалъ: «Былъ одержимъ нечистымъ духомъ, и в домъ своемъ сидѣлъ связан руки и ноги 2 недели, и по ночамъ огня не гасили, и егда в разумъ пришелъ, и призвавъ на помощь чудотворца Иова, и от того времени бысть здрав, и прослави Бога и святого Иова, и обѣтъ исправи».

Чюдо 46, [1]721-го, февраля 28 день.

Ереиского уѣзда Кослинской деревни Тимофей не видѣ очима полтора года, и слыша о чудѣсѣхъ святого Иова, и общася пѣтъ // молебень у гробницы святого Иова. И абие здравъ бысть, яко николиже болѣ, и прослави Бога и святого Иова, и общание исправи, и отъиде в домъ свой, радуясь.

л 134

Чюдо 47, [1]741, января 20 день.

Приезжала нѣкая жена Усцелемской волости именемъ Мариамия с сыномъ Стефаномъ, пѣла молебень у гробницы преподобномученика Иова, сказала, что-де «я общалась на родинахъ пѣтъ молебень у гробницы, пѣтъ молебѣнъ чудотворцу Иову. И далъ Богъ сына здрава молитвами чудотворца Иова». И прослави Бога и святого Иова, и отъиде в домъ свой, радуясь.

Б. М. ПУДАЛОВ

К литературной истории сборника «Измарагд»: формирование 2-й («Основной») редакции

В древнерусском четъем сборнике устойчивого состава «Измарагд» традиционно выделяют две редакции: 1-ю («Древнейшую») и 2-ю («Основную»), значительно превосходящую 1-ю по составу. Вопросы литературной истории Основной редакции Измарагда — устойчивый состав статей, время формирования и источники, тематические особенности — изучены мало, хотя списки этой редакции количественно преобладают в рукописной традиции сборника. Ученые в основном либо констатировали существование разных редакций сборника, либо вообще ставили под сомнение традиционность его состава.¹

В. А. Яковлев, проанализировав в общей сложности около десятка списков Основной редакции XV—XVII вв., пришел к следующим выводам: 1) ее устойчивый состав насчитывал 165 статей; 2) ее источник — Измарагд Древнейшей редакции, пополненный статьями Златоустов и, возможно, Патериков; 3) содержание статей указывает, что сборник был предназначен мирянам, при этом внимание к вопросам эсхатологии и обязательности постов объясняется умонастроениями конца XV в. Именно этим временем Яковлев и предлагал датировать составление редакции.² Последнее утверждение аргументированно опроверг А. И. Соболевский,³ а О. В. Творогов, подводя итоги изучения Измарагда, опроверг и другой вывод Яковлева, считавшего Златоуста «одним из более близких источников» Измарагда. Анализ традиционного состава Златоуста привел О. В. Творогова к противоположному выводу: «Измарагд был использован как источник для некоторых дополнений в списках Златоуста, относящихся к XVII в.»⁴ Не во всем верен и реконструируемый Яковлевым

¹ [Горский А В, Невоструев К И] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки М, 1862 Отд 2, ч 3 С 81—83, Порфирьев И Я О чтении книг (о почитании книжном) в древние времена России // Православный собеседник 1858 Т 2 С 198, [Порфирьев И Я, Вадковский А В, Красносельцев Н Ф] Описание рукописей Соловецкой библиотеки Казань, 1880 Ч 1 С 562—601, Архангельский А С Творения отцов церкви в древнерусской письменности Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений В 4 т Казань, 1889—1890, Сумцов Н Ф Рецензия на «К литературной истории» В А Яковлева // Зап имп Харьковского ун-та 1894 Кн 1 Раздел «Критика и библиография» С 1—12

² Яковлев В А К литературной истории древнерусских сборников Опыт исследования «Измарагда» Одесса, 1893 С 162—178 Ему принадлежат и терминологические обозначения редакций Измарагда — 1-я и 2-я, реже «Древнейшая» и «Основная» (Там же С 8, 278)

³ Соболевский А И Рецензия на «К литературной истории древнерусских сборников» В А Яковлева // ЖМНП 1894 Январь С 233—238

⁴ Творогов О В Измарагд // Словарь книжников Вып 2, ч 1 С 397—401

устойчивый состав сборника. Дело в том, что «Слово св. отец о заповедях Господних» (гл. 160, по Яковлеву) встретилось лишь в одном, наиболее позднем из указанных автором списке (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 202, XVII в.). Поэтому традиционность данной статьи для Основной редакции оказалась недоказанной.

Нерешенность ключевых проблем обусловила необходимость продолжить рассмотрение литературной истории Основной редакции Измарагда. Нами был проведен анализ 137 списков XV—XIX вв., позволивший опрелелить устойчивый состав Архетипа⁵ Основной редакции, уточнить время ее формирования и выдвинуть гипотезу о возможных источниках и составителях этой редакции.

Исправные списки Основной редакции Измарагда озаглавлены так: «Книга, глаголемая Измарагд, с Богом починаем» (варианты: «...с Богом починающе глаголем», «Книга рекомый Измарагд, с Богом начинаем. Господи, благослови»). Нет сомнений, что подобное заглавие имел и Архетип данной редакции. Главы в списках имеют писцовую нумерацию, восходящую к нумерации статей в Архетипе, поэтому восстановление устойчивого состава статей (164 главы) не вызывает особых затруднений.⁶ Наиболее хорошо он сохранился в Измарагдах РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 203 (далее — ТС-203), РГБ, собр. МДА, № 46 (далее — МДА-46), ГИМ, Синодальное собр., № 765 (далее — Син.-765), РНБ, ОСРК, F.I.533 (далее — F.I.533), РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 39 (далее — КБ-39), а также в сборниках, содержащих в своем составе Измарагд: РГБ, Музейное собр., № 3687, РГАДА, ф. 381, № 199. Еще 12 известных нам списков, сохранивших устойчивый состав Архетипа Основной редакции без изменений (прибавлений, сокращений, перестановок глав), дефектны в той или иной степени.

Наблюдения над списками Архетипа позволили выявить некоторые разночтения в их тексте, на основании которых предварительно можно выделить вид А (ТС-203, F.I.533, КБ-39, РНБ, собр. Погодина, № 1022, РНБ, Q.I.216, БАН, Архангельское собр., С. 99) и вид Б (Син.-765, ГИМ, собр. Уварова, № 1049).⁷ Первоначален вид А: наиболее исправен список ТС-203 (последняя треть XV в.), по которому и готовится нами научное издание текста Основной редакции, с разночтениями по спискам МДА-46 (середина XVI в.) и Син.-765 (1518 г.).⁸

⁵ Термин «Архетип» мы используем в настоящей работе в значении Архетипный (первоначальный) вариант текста Основной редакции

⁶ Приведен в работе Пудалов Б. М. Сборник «Измарагд» в русской письменности XIV—XVIII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. С. 391—399.

⁷ Мы принимаем определение термина «вид памятника», предложенное Д. С. Лихачевым в «Истории русской литературы» (М., Л., 1958. Т. I. С. 657, примеч. 1).

⁸ МДА-46 происходит, как и ТС-203, из Троице-Сергиевой лавры, где оба списка и хранились. У них был общий протограф, что позволяет исправлять по МДА-46 отдельные описки и пропуски ТС-203, в целом лучше сохранившего текст Архетипа. Лингвотекстологическому анализу разночтений этих списков (в частности, последовательной замене лексем протографа их церковнославянскими аналогами в МДА-46) мы предполагаем посвятить отдельную статью. К другому протографу восходит достаточно ранний, хорошо сохранившийся и дающий иные разночтения Син.-765 (1518 г.) — Измарагд «Поисея Мичюрина», поступивший в 1596 г. в библиотеку Иосифо-Волоколамского монастыря (см. о нем Дмитриева Р. П. Описи рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 16, 17, 70 (примеч. 22)). В статье Р. П. Дмитриевой современный шифр Измарагда «Поисея Мичюрина» (Син.-765) не указан.

В литературной истории Основной редакции Измарагда наиболее сложно восстановить процесс ее формирования и определить источники Архетипа. Один из источников не вызывает сомнений: это Древнейшая редакция Измарагда, к которой восходят до 50 традиционных статей Основной редакции.⁹ Однако текст статей изменен. Приведем наиболее показательные примеры изменений (текст приводится по ТС-203; в скобках указывается, какой главой является статья в Основной (О) и Древнейшей (Д) редакциях соответственно):

1. «Слово Иоанна Златоуста о гордении» (О, гл. 8; Д, гл. 16). В тексте Основной редакции — несколько добавлений, усиливающих основную мысль произведения: «Яко плод изгнил непотребен делателю, тако и молитва гордаго неприятна Богу»; «яко же опутану несть лзе ходити, тако и печалми объату света сего нужно ити на небо...».

2. «Слово Иоанна Милостиваго о исходе души» (О, гл. 11; Д, гл. 63). В Основной редакции вступление содержит перечень грехов, которого нет в Древнейшей редакции: «Инии зависти, а инии татбы, обиды и гнева, ярости и гордости, пианства и блужения, объядения и скупости немилосердна». Переработана и концовка: в Древнейшей редакции произведение заканчивается призывом «потщимся печаль имети о том страшном»; в Основной редакции добавлено: «И изготовите добра дела хотящая изыти к намь, да заступят ны в час той бедный и не дадят ни прикоснутися к нам противным силам». Тексты рассматриваются как разные редакции «Слова», восходящие к разным источникам.¹⁰

3. «Слово Иоанна Златоуста о играх и плясании» (О, гл. 12; Д, гл. 27). В Основной редакции изменено вступление, а в конце добавлено: «Се бо образ мучения показа всем согрешающим и не творящим воли Божии. Того ради, братие и сестры, блюдитесь и не любите бесовских игр беззаконных, паче же плясания удаляйтеся, да не зле в муку вечную осужени будете». (Интересно, что в тексте Основной редакции после традиционного обращения «братия» везде добавлено «и сестры».)

4. «Слово св. отец о пьянстве» (О, гл. 13; Д, гл. 26). В Основной редакции Измарагда полностью переработано вступление, исключены перечень постных дней и рассуждение о духовном праздновании; противопоставлены питье (как допустимое) и пьянство (недопустимое).¹¹

5. «Слово Иоанна Златоуста о глаголющих яко несть грешным муки» (О, гл. 27; Д, гл. 11). В тексте Основной редакции сделаны существенные добавления: а) вступление (около 80 лексем) о неизбежности посмертных мучений за грехи; б) описание бед, происходящих «грех ради наших», текстуально почти совпадающее с фрагментом «Сказания Иоанна Златоуста о первом веке» (Д, гл. 65); в) риторическое рассуждение о том, что даже еретики и иноверцы признают неотвратимость возмездия за грехи.

6. «Слово Дионисия о желеющих» (О, гл. 83; Д, гл. 15). В Основной редакции сильно сокращено вступление — исключена панегирическая характеристика Дионисия; в середине текста исключен фрагмент о правилах причащения (к тому же проведена последовательная стилистическая прав-

⁹ Отмечены в росписи состава Пудалов Б М Сборник «Измарагд» С 391—399 О 1-й редакции см Пудалов Б М Литературная история 1-ой («Древнейшей») редакции Измарагда // Древняя Русь Вопросы медиевистики М, 2000 № 2 С 76—95

¹⁰ Гальковский Н Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси М, 1913 Т 2 С 277—286 (Записки Московского Археологич ин-та Т 18)

¹¹ Подробнее см Калиновская В Н К изучению древнейших русских поучений и слов против пьянства // Древнерусская литература Источниковедение (Сб науч трудов) Л, 1984 С 58—62

ка: «комканье» заменено на «причащение»), добавлена заключительная фраза: «А мертвых не желейте, праведнии бо в живот грядут».

7 «Слово Иакова, брата Господня, о недели» (О, гл. 139; Д, гл. 53). Тексты сильно различаются: в Древнейшей редакции излагаются правила поведения в церкви, дано обличение игр и «плясаний»; в Основной редакции обличается пьянство и очень кратко — игрища. Таким образом, в Основной редакции вместо величественной картины духовного празднования «недели» в церкви помещен новый раздел, схожий с гл. 13: «О братие, чи в пианьстве и в играх слава Божия есть? . Питие на веселие дано, а не на пианство».

8. «Притча о дворе и змии» (О, гл. 143; Д, гл. 72). Текстологический анализ этого переводного произведения, включавшегося в Измарагды, Златоусты, Златоуструи, «Соборники» и сборники южнославянского происхождения, приводит к следующим выводам. Статья в Древнейшей редакции восходит к тексту, близкому к греческому оригиналу и включавшемуся в древнерусские «Соборники» не позднее XIV в.¹² Статья в Основной редакции восходит к тексту в составе «полного» Златоуструя (гл. 52), при этом видна значительная самостоятельность редактора Измарагда: усилены повествовательное начало и эсхатологическая направленность произведения, дидактические отступления сокращены; вставная «Повесть о тативом слепце» выведена за рамки произведения и составляет «конвойную» гл. 144. Редакции притчи в составе Златоуста (в понедельник 5-й недели Великого поста или в неделю 15-ю по всех святых) и южнославянская (наиболее ранний список — ГИМ, собр. Щукина, № 360, 1475 г.) никак не связаны ни с одной из измарагдовских редакций этого произведения.

Таким образом, к Древнейшей редакции можно возвести лишь треть традиционного состава Основной редакции; для остальных статей поиск источников остается актуальной проблемой.

Аналоги статей Архетипа Основной редакции есть и в составе сборника «Златоуст», однако они значительно отличаются по тексту и к тому же встречаются в Златоустах не ранее конца XV в.: ГИМ, собр. Уварова, № 782, ГИМ, собр. Черткова, № 172, а также в сборниках БАН, 17.11 6, конца XV—начала XVI в. (Златоуст годовой и статьи Измарагда), РГБ, собр. Румянцева, № 182, 1555 г. (Златоуст и 28 некалендарных статей из Пролога и Измарагда) и других, более поздних. Несколько обособлен список БАН, собр. Каликина, № 190, середины XVI в. — Златоуст годовой, по определению Т. В. Черторицкой, «один из наиболее полных сборников этого типа».¹³ Всего около 50 статей этого списка, большинство которых не встречается в других Златоустах, имеют аналоги в Измарагде Основной редакции и, несомненно, заимствованы оттуда. На это указывает не только текст, но и порядок группировки гомилий, воспроизводящий устойчивый состав статей Архетипа Основной редакции (например, гл. 11—15, 16—18, 1—6, 27, 7—8 и т. д.). Так что для «одного из наиболее полных списков годового Златоуста» справедливо мнение О. В. Творогова: не Златоуст был источником Измарагда, а как раз на-

¹² См PG Vol 100 Col 1213—1285 (Русский перевод Христианское чтение 1833 Т 4 С 24—48, вольные переложения Парнасский шепетильник 1770 С 247—264, Душеполезное чтение 1860 № 6 С 199—211) В описи Синодального греческого собрания ГИМ указан список XII в. Наиболее ранние русские списки в «Соборниках» — РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 2, конец XIV(?)—начало XV в., л 156—166, и БАН, Соловецкое собр., № 7, конец XIV в., л 222—231

¹³ Vorläufiger Katalog Kirschenoslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus 1994 S 625 (Patristica Slavica Bd 1)

оборот, Основная редакция Измарагда послужила источником дополнительных статей для этого списка Златоуста.¹⁴ В остальных случаях немногочисленные общие статьи Златоуста и Измарагда следует объяснять не взаимодействием этих сборников, а, скорее всего, заимствованием из общих источников.

По нашему мнению, для определения источников Основной редакции Измарагда необходим анализ списков, отражающих ранний период формирования ее Архетипа. Старейший из них — РНБ, ОСПК, Q.I.312 (далее — Q.I.312), конволют XV в., основную часть которого (л. 10—376 об.) составляет сборник, переписанный в 1422 г. дьяконом Микифором для священника Павла. Рукопись, несомненно, севернорусского происхождения: об этом свидетельствуют многочисленные примеры чередования ц/ч. «Сборник Микифора» объединяет статьи, выписанные из нескольких сборников неустойчивого состава, происхождение и границы которых можно определить лишь приблизительно:

1) статьи на обличение ересей, «правила св. отцов» и канонические вопросы (л. 10—34 об., 57—60, 175—193 об., 198, 216 об.—219, 250—257) — из сборника, восходящего к Номоканону, с дидактическими прибавлениями;

2) учительные гомилии о почитании книжном, посте, молитве, милостыни, наказании и т. п. (л. 34 об.—54 об., 60 об.—121 об., 135—175, 193 об.—198, 198 об.—216 об., 219—227 об., 229—234 об., 235—247 об., 249 об.—250, 257—281 об.) — из дидактического сборника, включавшего статьи Златоустура;

3) «Исборник от многих святых отец» (л. 122—135 и, возможно, некоторые другие мелкие выписки) — разъяснения отдельных заповедей, фрагментов Св. Писания;

4) «Измарагд» (л. 282—312) — подборка из 22 дидактических гомилий традиционной измарагдовской тематики;

5) дидактические новеллы (л. 54 об.—55, 227 об.—228, 234 об.—235, 247 об.—249 об., 312—376), восходящие к подборкам выписок из патериков. Именно к этому последнему разделу были добавлены позднее (в середине—конце XV в.) еще четыре аналогичные статьи, а также «Сказание Мефодия Патарского» и «Сказание о плаче Богородицы», завершившие конволют Q.I.312.

Подборка статей «Сборника Микифора», озаглавленная «Измарагд», включает в себя не только некоторые статьи Древнейшей редакции (одно из ее вариантов — Вологодского),¹⁵ но и статьи, не имеющие аналогов в Древнейшей редакции. Зато эти статьи присутствуют в списках Основной редакции, иногда сохраняя даже порядок следования (см., например, группу поучений о добрых и злых женах — в Основной редакции только «Слово Антиоха Великого» отделилось от этой группы). В Основную редакцию были включены также многие из тех статей «Сборника Микифора», которые не входят в раздел, озаглавленный «Измарагд»; при этом в ряде случаев статьи подверглись переработке. Например, два видения Пахомия о среде и пятнице (л. 249—249 об., 312—313) были объединены в Основной редакции в одно произведение, но в обратном порядке

¹⁴ Творогов О В Измарагд С 399

¹⁵ На это указывает сходство заглавия и вступительных статей Однако текст «Слова Иоанна Милостивого», двух «слов» Анастасия Синайского, а также «Слова Иоанна Златоуста о рассмотрении спасения» (в Вологодском варианте Древнейшей редакции гл 41, 28, 29, 45 соответственно) в «Сборнике Микифора» несколько иной

(гл. 120); из двух вариантов «Слова Генадия о чтущих книги» (л. 47, 113 об.—114) был выбран второй вариант (О, гл. 164).

В целом список Q.I.312 («Сборник Микифора») представляет собой своеобразный «эмбрион» Основной редакции Измарагда, уже формирующейся, но еще не оформившейся окончательно. В этом списке уже есть 45 статей, вошедших в Архетип Основной редакции, но пока еще они стоят в другом порядке и не имеют нумерации, принятой в Архетипе (непоследовательная писцовая нумерация глав, фрагментарно сохранившаяся в Q.I.312, воспроизводит, по-видимому, нумерацию глав в списках-протографах). Отсутствие нумерации глав, последовательно выдержанной во всех списках Основной редакции, свидетельствует о том, что «Сборник Микифора» предшествовал данной редакции и не может рассматриваться как ее переработка. Из сборника Q.I.312 для Архетипа Основной редакции заимствовались преимущественно статьи, восходящие к дидактическому сборнику, составленному с использованием статей Златоустра, и к подборкам выписок из патериков. Значительно меньше заимствований из раздела, восходящего к Номоканону: в Архетип не включались канонические постановления, обличения ересей и поучения, предназначенные духовенству. Следовательно, эти произведения не соответствовали представлениям редактора о тематике и жанре Измарагда. По этой же причине, скорее всего, не вошли в Измарагд и сочинения Дионисия Ареопагита, вероятно, показавшиеся слишком сложными для мирян, хотя в сборнике Q.I.312 есть выписки из Дионисия (л. 227 об.). Таким образом, не подтверждается версия А. И. Соболевского, датировавшего 2-ю редакцию Измарагда XIV в. на том основании, что ее составителю были неизвестны сочинения Дионисия Ареопагита или Феофилакта Болгарского.¹⁶ Нежелание редакторов Измарагда включать в традиционный состав некоторые статьи из предшествующих сборников (типа Q.I.312 и его источников) могло иметь идеологические причины. Так, не стало традиционным «Слово Иоанна Златоуста» (Q.I.312, л. 218—219), разрешавшее молиться не только в храме, но и на пути, и на торгу (ибо вся земля — владение Божие): в условиях борьбы со стригольниками идеи этого произведения были неприемлемы для редакторов Измарагда. Возможно, определенную роль могли играть и литературно-эстетические вкусы составителей Основной редакции.

Анализ сборника Q.I.312 позволяет определить предполагаемые источники Основной редакции: Древнейшая редакция Измарагда (ее Архетип и Вологодский вариант), статьи Златоустра и патериковые рассказы из компилятивных сборников. Прямые ссылки в заглавиях некоторых статей «Сборника Микифора» на Златоустра находят себе подтверждение: не менее 25 статей Измарагда Основной редакции имеют аналоги в Златоустре Полной редакции;¹⁷ некоторые другие статьи являются выдержками или развитием текста Златоустра.¹⁸ При этом поучения Измарагда, как

¹⁶ Соболевский А. И. Рецензия С 237. Фрагмент «Толкового Евангелия» Феофилакта Болгарского — гл. 1а Архетипа

¹⁷ Златоустра был источником статей не только для Основной редакции Измарагда. Так, «Суздальский сборник» — компиляция, восходящая к особой переработке Архетипа Древнейшей редакции (прототипу Вологодского варианта) — значительно дополнен статьями из Златоустра. Статьи этого сборника атрибутированы А. С. Архангельским (Архангельский А. С. Творения отцов церкви. Т. 4. С. 3 и след.) Добавим, что и неатрибутированное «Слово Иоанна Златоуста о Троице и о твари и пришествии первом и втором» заимствовано из Златоустра (гл. 47 Полной редакции)

¹⁸ К Златоустру восходят, по-видимому, следующие главы Основной редакции: гл. 10 и 14 (гл. 62 Златоустра), гл. 16 (14), 35 (78), 39 (57), 45 (103), 53 (111), 68 (79), 86 (103), 91

показывает текстологический анализ, обнаруживают зависимость от их аналогов в Златоуструе¹⁹ Сложнее решить вопрос об источниках патериковых рассказов в составе Измарагда В. А. Яковлев допускал возможность заимствования этих статей из патериков,²⁰ однако отдельные ссылки на патерики в заглавиях статей ничем не подтверждаются.²¹ Возможность их заимствования из Пролога нуждается в серьезном обосновании: ни одна из статей «Сборника Микифора» (не говоря уже об Основной редакции Измарагда) не имеет ссылки на Пролог.²² В целом же проблема взаимоотношений Измарагда со Златоуструем и Прологом может быть успешно решена лишь после обстоятельного текстологического изучения и научного издания этих сборников.

О следующем этапе формирования Основной редакции Измарагда дает представление список БАН, Архангельское собр., Д.16 (далее — Арх. Д-16). Это конволют XV—XVI вв., составленный из 32 частей и, судя по маргиналиям, вложенный в 1544 г. «бугренскими атаманами» в Кривецкий Успенский монастырь, где и хранился по крайней мере до конца XVII в. Эта рукопись северновеликорусского происхождения содержит Измарагд, Торжественник (постный и цветной триодные циклы, с добавлением минейных чтений), выписки из Синаксаря и патериков, отдельные агиографические и дидактические сочинения. Последовательность объединения различных частей конволюта не вполне ясна: вероятно, в 1460—1480-е гг дьяк Мина объединил Измарагд и Торжественник с дополнительными статьями из Измарагда Древнейшей редакции и других учительных сборников. Образовавшийся свод Мина завершил послесловием, позднее оказавшимся в начале рукописи (л. 6—8; начало утрачено)²³ Приблизительно в середине—второй половине XVI в. к «Своду Мины» были добавлены агиографические тексты, завершившие составление конволюта. Наиболее ранняя часть Арх. Д-16 — Измарагд (л. 8 об—100), надежно датируемый второй четвертью XV в., некоторые поновления текста были сделаны в последней трети XV в. (л. 23—23 об., 53—72 об.) Всего в составе Измарагда Арх. Д-16 50 глав, которые, в отличие от

(85), 122 (83), 143 и 144 (52), переработками текста Златоуструя считают измарагдовские главы 15, 22, 69, 109, кроме того, можно отметить влияние на Измарагд гл 2, 11, 12, 56, 76, 77, 81, 82, 109, 115 См Архангельский А С Творения отцов церкви Т 4 С 112—117, 136—142, 149—152, 169—171, 199—200, 205—209

¹⁹ См наблюдения Е В Петухова над «Словом Иоанна Златоуста о казнях Божьих на нас» (Измарагд Основной редакции, гл 91) и «Словом о ведре и казнях Божьих» (Златоуструй Полной редакции, гл 85) «никакого сомнения в зависимости текста поучения Измарагда от поучения Златоуструя», Серапион пользовался переработкой из Златоуструя, до внесения его в Измарагды (Петухов Е В Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века СПб, 1888 С 215—216) Ср приведенные выше результаты нашего анализа «Притчи о дворе и змии»

²⁰ Яковлев В А К литературной истории древнерусских сборников С 204

²¹ Ср Соколова Л В Повесть о благочестивом рабе // Словарь книжников Вып 2, ч 2 С 219—220

²² Результаты наблюдений С А Давыдовой, изложенные в неопубликованном отзыве на одну из наших работ, сводятся к следующему 1) Измарагд 1-й и 2-й редакций имеет до 45 аналогов статей с Прологом, 2) текстологический анализ позволяет предполагать влияние Древнейшей редакции Измарагда на Пролог и Пролога — на Основную редакцию Измарагда Действительно, текст ряда статей Основной редакции (гл 47, 134, 146, 158 и др) совпадает со статьями нравоучительной части Пролога (например, по списку РНБ Софийское собр., № 1324) Однако остается нерешенным вопрос был ли Пролог непосредственным источником Измарагда Основной редакции, либо статьи заимствовались опосредованно, через сборники неустойчивого состава?

²³ Текст опубликован Пудалов Б М Послесловие дьяка Мины // Древнерусская книжная традиция и современная народная литература (Тезисы докладов Международной научно-практической конференции, состоявшейся 14—16 октября 1998 года) Н Новгород 1998 С 12—14

Q.I.312, имеют писцовую нумерацию (впрочем, не вполне последовательную). Статьи Измарагда группируются следующим образом:

1) начальные 6 статей — традиционны для Основной редакции (при этом заглавие и вступительная статья традиционны также и для Вологодского варианта Древнейшей редакции);

2) следующие 4 статьи — гл. 21 и 23 Древнейшей редакции; «Слово св. отец о покорении» (в Измарагдах не обнаружено, но по тематике близко к традиционным измарагдовским поучениям); гл. 17 Древнейшей редакции;

3) затем 23 статьи — традиционны для Основной редакции;

4) дальнейшие 3 статьи — «Слово ангела-хранителя», которое часто встречается в прибавлениях к спискам Основной редакции под заглавием «Слово Иоанна Златоуста о умилении души» (именно это заглавие написано на полях в списке Арх. Д-16); «Слово Иоанна Златоуста о покаянии души» и «Слово како подобает жити христианам» — встречаются в сборнике Q.I.312 (соответственно л. 219 и л. 96 об.);

5) заключительные 14 статей — традиционны для Основной редакции.

Таким образом, старейшая часть Арх. Д-16 содержит 43 статьи Основной редакции Измарагда, причем порядок их следования совпадает с традиционным. Поэтому этот список можно рассматривать как литературное ядро формирующейся Основной редакции — часть статей ее устойчивого состава. Интересно также наличие в этом списке статей, традиционных для Древнейшей редакции Измарагда или встречавшихся в сборнике Q.I.312, но не вошедших в устойчивый состав Основной редакции. Измарагдовские статьи есть и среди прибавлений к Торжественнику в Арх. Д-16, датируемых последней третью XV в.: «Слово о великом посте и о Петрове и о Филиппове» (л. 301; Вологодский вариант Древнейшей редакции, гл. 65; Q.I.312, л. 137; О, гл. 125); «Наказание и заповедь св. отец о покаянии» (л. 485 об.; варианты — Q.I.312, л. 140; О, гл. 126); «Сказание Иоанна Златоуста о первом веке» (л. 492 об.; Д, гл. 65); «Слово Иоанна Златоуста и Менандра Мудраго о женах добрых и злых» (л. 496 об.; Д, гл. 56); «Слово о разуме и крепости» (л. 663; О, гл. 67); «Слово о первом законе и о втором» (л. 664; Д, гл. 74); «Притча о составе тела человека» (л. 666 об.; вариант — Д, гл. 44; О, гл. 99), а также аналог «Стослова» (л. 667 об.—676 об.), здесь приписанный Василию Кесарийскому. Особенность состава Арх. Д-16 — сочетание глав Основной редакции со статьями Древнейшей редакции и компилятивных сборников неустойчивого состава — позволяет предполагать участие последних в формировании Архетипа 2-й редакции Измарагда.

По составу Арх. Д-16 схож со сборником РНБ, Соловецкое собр., № 271 (далее — Сол.-271) конца XV в., содержащим Измарагд и Златоуст, с некоторыми дополнениями. Эта рукопись северновеликорусского происхождения хранилась и, возможно, была написана в Соловецком монастыре (известна ее сокращенная и дефектная копия — РНБ, собр. Погодина, № 1021, начало XVI в.). Сол.-271 несколько полнее и исправнее Арх. Д-16, так как сохранил 65 глав устойчивого состава статей Основной редакции. Совпадение особенностей состава позволяет предполагать у списков наличие общего протографа, датируемого временем не позднее 1420—1430-х гг.

Анализ списков, отражающих начальные этапы формирования Основной редакции, позволяет определить дату составления ее Архетипа. Большая подборка произведений, ставших традиционными для Основной редакции, появляется уже в сборнике 1422 г. (Q.I.312). В списках Арх. Д-16 и Сол.-271, восходящих к протографу 1420—1430-х гг., становится замет-

ным литературное ядро формирующейся редакции — треть устойчивого состава статей, с характерным порядком расположения и нумерацией глав. Дефектные фрагменты Арх. Д-16 дописывались по исправному списку Измарагда Основной редакции не позднее последней трети XV в., причем в тексте этого списка уже были индивидуальные особенности (например, имя «Нифонт» правилось на «Внифантий»). Наконец, от последней трети XV в. сохранилось несколько списков Архетипа (ТС-203, F.I.534, ГИМ, Музейское собр., № 400), а также его переработки (сокращенный список РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 91, южнорусские списки РГБ, Рогожское собр., № 207 (далее — Рог.-207) и Национальной библиотеки Украины (Киев), Михайловское собр., № 488 (далее — НБУ-488)); при этом в тексте списков есть разночтения, свидетельствующие о бытовании Основной редакции Измарагда в рукописной традиции в течение некоторого времени. Поэтому логично датировать создание Архетипа Основной редакции второй четвертью (не позднее середины) XV в.

С какой целью и в какой среде был составлен Архетип Основной редакции Измарагда? Для решения этих ключевых вопросов литературной истории сборника необходимо проанализировать его идейно-тематическую направленность. Такой анализ затруднен особенностью эстетики учительной литературы — господством вневременных, «общих» тем и стилистических формул, устойчивых благодаря литературному этикету. Привычная, знакомая тематика воспринималась книжниками как достоинство поучений и сохранялась почти без изменений на протяжении длительного времени. Для Измарагда Основной редакции это характерно, пожалуй, в еще большей степени, чем для Древнейшей редакции: редакторы постарались исключить полемические произведения, содержащие намеки на взгляды своей среды. Благодаря этому, собственно, Основная редакция и пользовалась популярностью в различных слоях общества на протяжении нескольких веков. Но в эстетике учительной литературы всегда оставалось трудно уловимое «почти»: «Новое, оригинальное подчас нелегко выделить, оно кажется поглощенным в море „общих мест“ и давно утвердившихся истин. Нужно между тем предположить, что малейшие новые нюансы, даже, казалось бы, незначительное смещение акцентов в то время воспринимались намного острее, нежели в наши дни».²⁴ Анализ глав Основной редакции, сопоставляемых с Древнейшей редакцией, позволяет отметить некоторые новые черты в художественном облике Измарагда, которые дают возможность выдвигать предположения о цели составления сборника и редакторах.

Прежде всего, Основная редакция предназначалась для мирян. Ориентация на мирян усилена включением в состав сборника группы так называемых педагогических сочинений (гл. 52—56), поучений о правилах семейной жизни (гл. 26, 57, 87, 126, 151). В тексте многих статей есть прямые обращения к мирянам — главам семейств из всех социальных слоев. Судя по оформлению заголовков статей (пометы типа «Благослови прочести»), предполагалось не только домашнее, индивидуальное, но и церковное, коллективное чтение Измарагда. Далее, в обращениях к читателям-мирянам очень настойчиво опровергается утверждение о возможности спасения только в монастырях и доказывается возможность спасения души в миру (гл. 7, 32, 43, 44, 69, 138). Целенаправленный подбор поучений о возможности «устроения души» в миру свидетельствует, по видимому, о попытках редакторов Измарагда несколько нейтрализовать

²⁴ Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 31

процесс количественного роста монастырей и монашествующих, пик которого приходится как раз на конец XIV—первую половину XV в.

Для составителей Основной редакции способ «устроения души» мирян — пост, покаяние и милостыня, рассматриваемые как единое духовное действие. Эта тема, присутствующая почти во всех традиционных статьях, стала идейным стержнем Основной редакции. При этом вопросу о пользе постов здесь уделено значительно больше внимания, чем в Древнейшей редакции (см. гл. 124, 125, 154). Отдельно подчеркнута важность пощения в среду и пятницу (гл. 120, 122); осуждается вкушение во время поста молока, сыра, яиц (что соответствовало более ранней традиции пощения), а также питье вина. По-видимому, внимание редакторов Измарагда к теме постов усилилось из-за смены в первой половине XV в. церковного устава: некоторые из перечисленных статей впервые появляются в Измарагдах с начала XV в. (Вологодский вариант Древнейшей редакции, гл. 65; Q.I.312, л. 154 об., 236, 249, 312; Арх. Д-16, л. 43, 101), но постоянно — лишь в Основной редакции. Примечательно, что статьи, включенные в устойчивый состав Основной редакции, подчеркивают необходимость соблюдения заповедей «не выше силы», отвергают крайние формы в их выполнении (гл. 13, 40, 70, 109, 121, 127 и др.). Умеренные требования редакторов Измарагда, несомненно, содержат элементы скрытой полемики с какими-то формами аскетизма, распространенными в период создания Основной редакции.

В Основной редакции отчетливее, чем в Древнейшей, выражена тема почитания духовенства (гл. 56, 72, 121, 154). Составители Основной редакции признают недостатки иереев (гл. 41; в списке Арх. Д-16 наиболее точный заголовок: «яко не подобает прети учащего») и не отрицают права мирян на учительство,²⁵ но обосновывают это право мягче, без осуждения недостойных священников. Так, вместо резкого «Слова Иоанна Златоуста о лживых учителях» (Д, гл. 75) здесь появляется «Слово о двою соседу шевцу» (гл. 134) — дидактическая новелла о ремесленнике, мудро учившем мирян и за это поставленном в пресвитеры (ср. также гл. 102, где простолюдин оказался праведнее священников). Апология духовенства в Измарагде Основной редакции могла быть вызвана участвовавшими в конце XIV—первой половине XV в. обличениями пороков церкви со стороны мирян (в крайней форме — у стригольников).

В Основной редакции значительно усилены эсхатологические мотивы: расширен круг произведений о грядущей «кончине мира», втором пришествии и Страшном суде, о посмертных мытарствах души (наиболее показательны гл. 30, 96, 142, 161). Характерна переработка «Притчи о дворе и змии» (гл. 143): вступление сокращено втрое, но в нем дважды, буквально с первых же слов, подчеркнута ожидание грядущего конца, которого нет в греческом оригинале. Эсхатологические видения и картины казней, постоянно усиливаясь, достигают кульминации в заключительной части сборника: «Поганьская нашествия, людем движение, церквам нестроение, безчиние священником. Токмо плотских угодати начнут, а духовных не пытаются, и игумены тако же, а чернецы будут на пиры тщиции и тяжелюбивии будут и гневливии <...> Владыки будут боящися лиц силных судяще по мзде, обидяще сироты, не заступающе вдовиц и убогих...» (гл. 142); «...брат брата возненавидит <...> и будут учителя их лицемернии запойци, и черноризци их будут злобесни и сквернословци, и князи их будут немилостиви, а судьи их неправедны, и не будет избав-

²⁵ Вопреки мнению Седельникова, см. Седельников А. Д. Следы стригольнической книжности // ТОДРЛ Л, 1934 Т I С 121—136

ляюща сироты от руки силнаго, <...> князи не смиряют властелей, и властели не жслются, мучающе худыя» (гл. 161). Подбор статей, изображающих ужасы нашествий, междоусобиц и беспорядков в обществе, наверняка отражает впечатления редакторов Измарагда от русской действительности. По нашему мнению, включение эсхатологических сочинений в состав Архетипа Основной редакции объясняется событиями начала — первой половины XV в.: участвовавшие набеги татар, церковное «нестроение» и, наконец, междоусобная война 1425—1453 гг. А так как и позже общественно-политическая ситуация редко менялась к лучшему, то древнерусские книжники продолжали находить в эсхатологических описаниях Измарагда созвучия со своей эпохой и сохранили эти произведения в составе сборника.²⁶

Более последовательная ориентация Измарагда на духовные потребности мирян и глубокая переработка его тематики вызвали изменения в жанровом облике сборника. Если в устойчивом составе статей Древнейшей редакции абсолютно преобладает жанр поучения, то для Основной редакции характерно большее жанровое разнообразие. Сюжетные произведения — назидательные новеллы (*exempla*), видения, притчи, рассказы о чудесах и проделках бесов — составляют не менее четверти содержания сборника. При этом некоторые назидательные новеллы имеют жанровые черты видений (гл. 61, 97, 98, 131); притчи и рассказы вторгаются в текст поучений (гл. 78 — фрагмент о царе Ироде в поучении о покаянии; гл. 124 — притча о ризе в поучении о необходимости милостыни во время поста). Иногда же, наоборот, поучения облекаются в жанровую форму рассказа, превращаясь в произведения синкретического жанра (гл. 82 — поучение о внезапной смерти представлено в виде беседы царя Александра и епископа Евсевия по поводу конкретного случая). Эстетическая функция назидательных новелл, видений и притч в Измарагде очевидна: произведения этих жанров привносили в проповедь элемент занимательности и тем самым делали ее доступной, понятной и «интересной» для самой широкой аудитории.

Изменение жанрового облика Измарагда в Основной редакции, соединение повествовательных элементов с дидактикой (при доминанте последней) повлияли на структуру сборника. Заметно стремление придать сборнику кольцевую композицию: устойчивый состав статей начинается поучениями о пользе чтения книг (гл. 1—5) и заканчивается статьей на эту же тему (гл. 164) — статьей итоговой, предостерегающей от чрезмерного величания книжной мудростью и от чтения книг без исполнения изложенных в них заповедей. Композиционно сборник состоит из десятков небольших тематических групп, по две-три статьи (одна из которых, как правило, содержит элементы сюжетного повествования). Между этими группами с трудом просматривается весьма слабая ассоциативная связь. Как и в Древнейшей редакции, смысловые связи между тематическими группами возникают в силу многоплановости статей: одно и то же произведение посвящено нескольким темам. Например, «Слово св. отец к крестьяном, иже кто оставя жену и дети отходит в монастырь» (гл. 21) — о добродетели, о богатстве, о милостыни, об условиях спасения души, уклонении от татьбы и клеветы; «Слово св. отец како жити крестьяном»

²⁶ В А Яковлев, справедливо отмечая невозможность точной датировки эсхатологических сочинений Измарагда, тем не менее попытался хронологически связать их с ожиданием конца света в 1492 г (см Яковлев В А К литературной истории древнерусских сборников С 259—264) Однако для такой датировки нет оснований цитируемые Яковлевым произведения (например, «Пророчество Исайино») появляются уже в Измарагде 1422 г (Q I 312, л 60 об)

(гл. 126) — о почитании родителей, гуманном отношении к рабам, запрещении «роты», наставления о ночной молитве, о женитьбе и прелюбодеянии. Тематический принцип группировки таких статей затруднен. Поэтому композиция Измарагда и здесь остается рыхлой. Тем не менее состав Архетипа сохранял устойчивость на протяжении трех столетий. Причина композиционной устойчивости сборника — традиция, к тому же, по-видимому, изначально освященная авторитетом редакторов. Признанным авторитетом для составления и редактирования крупного четьего учительного сборника могли обладать, скорее всего, книжники, близкие к митрополичьей кафедре.

В пользу этой версии может свидетельствовать определенная близость взглядов редакторов Измарагда и митрополита Фотия, занимавшего кафедру в 1408—1431 гг.²⁷ Примечательны резкое осуждение Фотием пьянства (ср. О, гл. 67, 71), увещевание не откладывать покаяния, обольщаясь человеколюбием Божиим (ср. О, гл. 30, 143), призыв не стесняться отца духовного, исповедуясь ему в грехах (ср. О, гл. 121, 162); подчеркивание необходимости духовного, осмысленного пощения (ср. О, гл. 124). При этом и Фотий, и редакторы Измарагда подчеркивают необходимость поститься в течение всего Великого поста, а не только первой недели (ср. О, гл. 125). Эсхатологическому «Пророчеству Исая» (О, гл. 161) созвучно ожидание грядущего конца света и второго пришествия в «Слове Фотия в неделю мясопустную». Кроме того, в грамоте 1416 г. псковскому духовенству Фотий запрещал употреблять в пищу кровь, а также мясо животных, удавившихся в охотничьих приспособлениях; аналогичное запрещение есть во второй части гл. 123 Основной редакции Измарагда. Для произведений Фотия характерен и призыв к пастве уважать духовенство: это подчеркивается во всех посланиях, направленных в Псков против стригольников. Сдержанное и несколько отчужденное отношение кафедры к процессу «монастырской колонизации» схоже с позицией редакторов Измарагда (характерны гл. 21 и некоторые другие приведенные выше примеры, а также резкая гл. 158, направленная против монастырских феодалов-стяжателей). Сходство во взглядах на важнейшие проблемы своего времени здесь несомненное. Однако следует отметить, что среди традиционных статей сборника нет ни одного произведения Фотия.

Возможно, близость к митрополиту-греку и его окружению позволяла использовать новые тексты, появившиеся в результате «второго южнославянского влияния» (главы из Златоустрия и новые редакции отдельных статей).²⁸ Неясно, завершилось ли составление Архетипа Основной редакции Измарагда еще при жизни Фотия. Но уже во второй половине XV в. сборник переписывался как в северно-, так и в южнорусских землях.²⁹

²⁷ Упомянутые ниже произведения Фотия изучались по изд. Православный собеседник 1860 Т 3 С 100, 224, 233—237, 469, 496—497, Казакова Н А, Лурье Я С Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века М, Л, 1955 С 243—255

²⁸ Ориентация на митрополичью кафедру объясняет и малопонятное, на первый взгляд, исключение панегирика из вступительной части «Слова Дионисия о желеющих» — из-за опасной ассоциации с Дионисием Суздальским (известно отрицательное отношение Фотия к деятельности Дионисия)

²⁹ Это дает основание пересмотреть утверждение А И Соболевского «Списки Измарагда первой и второй редакций, какие нам известны, все — севернорусского происхождения» (Соболевский А И Рецензия С 236) Существование достаточно ранних южнорусских списков (Рог -207 и НБУ-488 — последней трети XV в) может рассматриваться как еще одно косвенное подтверждение гипотезы о близости редакторов Измарагда к окружению Фотия — последнего митрополита с титулом «Киевский и вся Руси» Судя по особенностям состава, к указанным спискам восходит известный нам лишь по описанию южнорусский список в ЦНБ Украины (Львов), собр Петрушевича, № 1 (датирован XVI в)

Композиционная нечеткость и некоторая открытость структуры сборника позволяли вносить в его состав изменения, которые обычно сводились к прибавлению нескольких дополнительных статей в конце сборника или, реже, вставкам в середине. Еще реже такие прибавления сочетались с сокращениями — исключением нескольких традиционных статей из состава Измарагда; списки с сокращениями, но без прибавлений единичны. Текст традиционных статей при этом не подвергался редактированию: заметны лишь небольшие разночтения, неизбежные при переписке.³⁰ Обзор вариантов и переработок Основной редакции Измарагда, предполагаемые причины, время и обстоятельства их возникновения — тема самостоятельной статьи.

---

³⁰ Интересно, что существование небольших писцовых разночтений (описки, пропуски или перестановки отдельных слов) отмечали и сами древнерусские книжники. Трудник Кирилло-Белозерского монастыря К. А. Рыбушкин предпринял в 1637 г. беспрецедентную сверку своего списка КБ-39 (вторая половина XVI в.) с неустановленным списком Архетипа Основной редакции. Результаты сверки Рыбушкин «подписал исправил зела начерно», о чем оставил на полях рукописи интереснейшую запись в традициях смеховой культуры.

С. А. СЕМЯЧКО

Сборник «Старчество»: вариант Соловецкого монастыря

«Старчество» относится к такому типу сборников,¹ определение которых представляет некоторую сложность. С одной стороны, они являются сборниками постоянного состава и как таковые осознавались читателями. С другой стороны, нельзя не признать это постоянство весьма относительным. К определенному комплексу произведений, который сформировался еще, судя по всему, в XVI в., позднее в разных местах делались различные дополнения, формировался свой тип сборника.²

«Старчество» — сборник монашеский, и новые типы его создавались, как правило, в монастырях. Так, в Кирилло-Белозерском монастыре, несмотря на наличие списков «Старчества», в значительной степени отражающих тот вариант текста, который сформировался еще в XVI в., в конце 60-х—начале 70-х гг. XVII в. известным книжником Матфеем Никифоровым создается свой вариант «Старчества»³ Приблизительно ту же картину мы наблюдаем и в Соловецком монастыре. Там также обнаруживаются списки, более или менее точно передающие первоначальный конгломерат текстов (условно будем пока называть этот вариант сборника Основным) — РНБ, Соловецкое собр., 672/730 (далее при ссылках на Соловецкое собрание оно обозначается Солов.), Солов. 1144/1254 и др. Но кроме того, на Соловках появляется и свой вариант «Старчества», характеристике которого и посвящается данная работа.

Вообще, занимаясь сборником типа «Старчества», исследователь оказывается в замкнутом кругу. Когда сборник не имеет жесткой структуры, с четко зафиксированными началом и концом, с пронумерованными главами, что подразумевает их постоянный, копируемый из списка в список порядок, а, напротив, допускает определенную вариативность, всегда возникает сложность описания, с одной стороны, сборника как единого целого, с другой стороны, его вариантов. Чтобы определить особенности отдельного варианта, надо представлять сборник целиком как таковой, как само-

¹ Термин «Старчество» в данной статье употребляется по отношению к сборникам нравственно-аскетического содержания, определенным в свое время П. Строевым как «курс монашества» ([Строев П.] Библиотека Императорского Общества Истории и Древностей Российских М., 1845 С. 116), все случаи применения этого термина к патерикам особо оговариваются. Подробнее об употреблении термина «Старчество» см. Смирнов Д. Д. Статьи «От Старчества» в рукописных сборниках XVII—XIX вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири. Рукописная и печатная книга на востоке страны. Новосибирск, 1992 С. 160, Семячко С. А. К истории сборников XVII в. (Старчество, Цвѣтник священноинника Дорофея, Кринь сельные) // ТОДРЛ СПб., 2003 Т. 53 С. 216—217.

² Механизм трансформации сборника кратко описан Семячко С. А. Некалендарные сборники постоянного состава XVII в. // Литература, культура и фольклор славянских народов. Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.) М., 2003 С. 35—46.

³ Вариант Матфея Никифорова описан Семячко С. А. К истории сборников XVII в. С. 216—238.

стоятельную историко-культурную единицу. Представить же это невозможно, не зная конкретных его вариантов. Поэтому на начальной стадии изучения не избежать некоторой условности. Еще не имея четкого представления о том виде, какой имел сборник «Старчество» в момент своего формирования, я выделяю вариант, условно называя его Основным, на том основании, что списки, его передающие, бытовали в самых разных частях страны и были в собраниях различных монастырей. Этот вариант еще окончательно не описан, и вполне возможно окажется, что внутри него существуют какие-то подтипы.⁴ Кроме Основного существуют варианты, представленные меньшим числом списков, имеющих при этом узкую локализацию. Описать их значительно легче, но при этом их приходится сравнивать с неким условным Основным вариантом, характеристики которого до конца не прояснены, поскольку еще не выявлены и не описаны все его конкретные проявления.

Интересующий нас в данном случае вариант текста (состав его отражен в таблице — см. Приложение 1) передают четыре рукописи: РНБ, Солов. 673/731 начала 60-х гг. XVII в., Солов. 674/732 50-х гг. XVII в., Солов. 676/734 40-х гг. XVII в. и БАН, Архангельское собр., Д. 257 (далее — Арханг. Д. 257), датируемая временем не ранее 50-х гг. XVII в. (описание филиграней, позволяющих датировать бумагу сборников, представлено в Приложении 2). Принадлежность этих четырех рукописей одному варианту очевидна; они чрезвычайно близки друг другу по составу, что наглядно отражает таблица, и все так или иначе связаны с Соловецким монастырем.

Три из них находились в библиотеке Соловецкого монастыря. Анализ почерков этих сборников (см. Приложение 2) показывает, что два из них, Солов. 673/731 и Солов. 674/732, вышли из круга писцов, работавших с Сергием Шелониным. Третья рукопись — Солов. 676/734 — чуть более ранняя, идентифицировать почерк ее писца пока не удалось. Эти три рукописи никак не озаглавлены, но в монастырской библиотеке на их корешки были сделаны наклейки с надписью «Поучения от Старчества». Солов. 676/734 названа «Старчеством» в полистной записи 1688—1689 гг. (см. Приложение 2).

Достаточно легко устанавливается характер взаимоотношений между этими тремя рукописями. Исходя из их состава (см. Приложение 1), можно с большой долей уверенности утверждать, что рукопись Солов. 674/732 была переписана с Солов. 676/734, а Солов. 673/731 — с Солов. 674/732, что полностью согласуется с их датировкой. Сборник Солов. 676/734 представляет собой «Старчество» в чистом виде. При переписке Солов. 674/732 был скопирован основной комплекс статей и добавлены в конце Житие Паисия Великого, Житие Павла Простого и Повесть о Малхе. Произведения эти тематически чрезвычайно близки сборнику «Старчество», однако не случайно они были размещены в конце сборника как статьи дополнительные: «Старчество» не включает, как правило, житий целиком, хотя в его состав могут входить фрагменты агиографических произведений или небольшие патериковые рассказы. Вообще статьи «Старчества» по преимуществу невелики по размеру.

При создании списка Солов. 673/731 был полностью скопирован сборник 674/732,⁵ включая три дополнительные статьи, при этом некоторые статьи были переписаны дважды.

⁴ Так, на одном из списков, относимых мною к Основному варианту, а именно РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 121/1198, есть запись «Старчество перевод Кирилова монастыря» (л. 2) Частично состав этой и близких к ней рукописей отражен в таблице в статье Семячко С А К истории сборников XVII в. С 218—234

⁵ В рукописи Солов. 674/732 многочисленны случаи правки текста. Чтения правленного текста совпадают с соответствующими чтениями списков Солов. 676/734 и Солов. 673/731

Отдельного разговора заслуживает список Арханг. Д. 257, так как до того как попасть в Библиотеку Академии наук, он находился в Антониево-Сийском монастыре. Эта рукопись принадлежала известному книжнику, игумену Антониево-Сийского монастыря Феодосию и в 1661 г. (вскоре после опустошительного пожара) в числе 19 рукописей поступила в монастырь в качестве вклада.⁶ Так же, как и соловецкие рукописи, Арханг. Д. 257 не была озаглавлена, «Старчеством» она названа во вкладной книге Антониево-Сийского монастыря.⁷ Замечу, что у Феодосия был еще один экземпляр «Старчества», который попал в монастырскую книжную казну уже после его смерти.⁸ Местонахождение этой рукописи мне неизвестно.

Рукопись Арханг. Д. 257 своим происхождением связана с Соловецким монастырем. сборник либо был составлен в Соловецком монастыре, либо был скопирован с соловецкой рукописи. Об этом говорит не только присутствие в его составе соловецкого вида «Старчества», но и содержание вставок (см. Приложение 1).⁹ Что касается «Старчества», то, скорее всего, оно в сборник Арханг. Д. 257 попало из Солов. 676/734, учитывая датировку рукописей и то, что в Арханг. Д. 257 не отразились три дополнительных текста, присутствующих в Солов. 673/731 и Солов. 674/732.

Главный вопрос, который возникает в данном случае, — чем отличается соловецкий вариант «Старчества» от всех прочих. Характерной чертой этих четырех рукописей, принципиально отличающей их от всех остальных, является наличие большого числа статей патерикового происхождения. В списках Солов. 674/732 (л. 35—60), Солов. 676/734 (л. 48—83 об.) и Арханг. Д. 257 (л. 48—81 об.) они помещены под заголовком «Повести о послушании»; в списке Солов. 673/731 эти статьи читаются дважды: так же, как и в остальных списках под заголовком «Повести о послушании» (л. 42—62 об.) и перед этим (л. 35—42) под несколькими заголовками (см. таблицу), первый из них («Повѣсти из патериковъ о сохранении преданных инокомъ заповѣдех и о послушании») явно имеет обобщающий характер и относится не только к первому тексту, но и ко всем патериковым статьям.¹⁰

Включение патериковых повестей в состав сборника представляется вполне естественным. «Старчество» традиционно содержит статьи, изла-

---

Все это можно объяснить следующим образом после переписки Солов 674/732 был сверен со своим протографом и выправлен по нему, эта правка была потом учтена при создании Солов 673/731

⁶ Кукушкина М В Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 106 (Табл. 6, № 18). Попутно отмечу противоречивые замечания М В Кукушкиной относительно датировки данной рукописи. В описании на с. 106 она датирует ее 1660 г., вероятно, основываясь на записи, находящейся на л. 261 об. (см. Приложение 2), а на с. 145 (примеч. 98) называет ее «сийской рукописью 40-х годов XVII в.»

⁷ Изюмов А Ф Вкладные книги Антониево-Сийского монастыря 1575—1694 (7084—7202) гг. М., 1917. С. 53.

⁸ Кукушкина М В Монастырские библиотеки Русского Севера. С. 106 (Табл. 7, № 16).

⁹ Особо следует обратить внимание на два текста «Сия потпись списана с иконы в Великом Новѣградѣ въ церкви у Похвалы пречистыя Богородица и подобие образа Господа Бога и Спаса нашего въ трехъ лицахъ Исуса Христа на крестѣ, а поставлена икона въ храмѣ болюпнаго Преображения в Соловецкомъ монастырѣ» (л. 100 об.—108) и «Чинь, бываемый во обители Зосимы и Саватия чудотворцовъ в Соловецкомъ монастырѣ» (л. 220—225).

¹⁰ Две подборки патериковых статей в Солов 673/731 имеют между собою некоторые различия. Например «Два брата по плоти приидоста жити в монастырь нѣкий» (л. 37) и «Два брата по плоти приидоста жити в монастырь нѣкось» (л. 44), или «Глаголаше и се един от старецъ, глаголя, яко видѣхъ 4 чины на небесѣхъ» (л. 40 об.) и «Глаголаше и се, яко повѣда единъ от старецъ, глаголя, яко видѣхъ четыре чина на небеси» Соответствующие чтения Солов 674/732 и Солов 676/734 совпадают с чтениями второй подборки Солов 673/731.

гающие основные правила и нормы монашеской жизни. Обращен этот сборник к человеку, недавно принявшему монашеский постриг, «новоначальному иноку», и определяет он, как новопостриженный монах должен вести себя по отношению к старцу, у которого находится в послушании, как он должен общаться с другими иноками и мирскими людьми, какие его ожидают искушения и как их можно побороть. Патериковые повести, вошедшие в состав соловецкого «Старчества», наглядными примерами подтверждают то, что излагается в «теоретических» статьях, облегчают восприятие нового, подкрепляют изложенное авторитетом предшествующих подвижников.

Существует большой соблазн связать наличие патериковых статей в составе соловецкого «Старчества» с деятельностью кружка Сергия Шелонина, зная об интересе, проявляемом книжниками этого круга к патерикам и учитывая происхождение двух из четырех наших рукописей. Однако этому сопротивляются два обстоятельства. Во-первых, пока нет никаких доказательств принадлежности наиболее ранней из интересующих нас рукописей, Солов. 676/734, к шелонинскому кружку. Во-вторых, несмотря на интерес, проявляемый представителями кружка Сергия Шелонина к разного рода патерикам, выборка этих статей для включения ее в «Старчество» принадлежит не им. Если мы сопоставим статьи этой подборки с соответствующими текстами патериков, принадлежавших Сергию Шелонину,¹¹ то обнаружим многочисленные лексические различия. Кроме того, следует обратить внимание на рукопись РГБ, ф. 218 (собр. ОР), № 1020, сборник слов и житий первой четверти XVIII в., в составе которого имеется аналогичная патериковая подборка.¹² Ничто в составе этого сборника¹³ не говорит о том, что он может восходить к исследуемому нами типу «Старчества». Скорее, они независимо друг от друга восходят, непосредственно или опосредованно, к некоему общему источнику. Т. е. вполне возможно, что эта подборка патериковых статей сформировалась задолго до включения в соловецкое «Старчество» и, может быть, вовсе не в Соловецком монастыре.

Таким образом, пока невозможно говорить о создании соловецкого типа сборника «Старчество» в кругу книжников, близких Сергию Шелонину. Можно лишь утверждать, что он возник не позднее начала 40-х гг. XVII в., а сотрудники старца Сергия сделали к этому сборнику лишь некоторые дополнения: три статьи, подходящие сборнику тематически, но совершенно не вписывающиеся в его структуру.

¹¹ Иерусалимский патерик — Солов 640/698, Скитский патерик — Солов 645/703, Азбучный патерик — Солов 651/709

¹² «36 „Повести от старчества о послушании“ а) „Бяше некто во общем житии от мира пришел“ (л 50 об—51), б) „Глаголаху старцы, яко аще кто к некоему веру имать“ (л 51—51 об), в) „Старец некий имяше служащаго ему живущаго“ (л 51 об—51 об), г) „Брат некий по Бозе повинуюся духовному и святому старцу и вопроши, глаголя“ (л 52 об—53), д) „Некий старец посла ученика своего“ (л 53—53 об), е) „Рече некий старец, яко имея послушание без рассуждения“ (л 53 об), ж) „Поведаху о отце Иоанне Колове, яко шед в скит ко отцу Тивсянину“ (л 53 об—54), з) „Отец Памво имяше ученика, имуща велие послушание“ (л 54—54 об), и) „Отец Силуян имяше ученика в ските именем Марка“ (л 54 об—56), к) „Придоша некогда 4 скитяне ко отцу Памве оболчены в кожи“ (л 56—56 об), л) „Глаголаху старцы, яко ничтоже тако ищет Бог“ (л 56 об—57), м) „Григория бесед книги 2-я, глава 22 и 26 В Скитском патерице“ Нач „Старец некто 8 лет поживе, не исходя из монастыря“ (л 57—57 об), н) „Василия Великаго“ Нач „Аще обрящещи мужа свята, вдай себе тому“ (л 57 об—58) 50 об—58» (Новые поступления // Записки Отдела рукописей М., 1961 Вып 24 С 166) Отметим, что авторы описания напрасно включили в данную подборку пункты «м» и «н», которые, судя по их заголовкам, являются самостоятельными статьями

¹³ Полное описание его см Новые поступления С 164—171

Состав рукописей

Солов. 673/731			Солов. 674/732	Солов. 676/734	Арханг. Д. 257
Заголовок статьи	Начало	Листы			
Предание старческое новоначальным инокомъ, како подобаетъ новоначальнымъ инокомъ жити у старца в послушании	Аще, брате, пришесть еси ко мнѣ, немощному, челоуѣку грѣшну	1—7 об	1—9	1—12 об	2—13 об
О сонномъ искушении	Аще ли случится искушение во снѣ	7 об—9	9—10 об	12 об—14 об	13 об—16
<i>Без заголовка, помета «зри» на поле</i>					
О страховании ношномъ	Аще приидеть страхование ношное	9—12 об	10 об—11 (без заголовка)	14 об—15 (без заголовка)	
О приходѣ ко иному брату пользы ради	Егда приидеть ти помысль о чемъ	12 об—14			
			О гресѣх ¹ Аще тя, брате, будетъ соблюлъ Богъ отъ скверны телѣсныхъ		
			11—32 об	15—44 об	16—44 об
О еже не ходити иноку, кромѣ великия нужды, ни к какой святынѣ, ни ко кресту после мирскихъ	А егдаже случити ти ся в трапезѣ или в церкви, а в то время	14—16	14—14 об	19—19 об	20—21 об
<i>Совпадаетъ с л 14—14 об, но самостоятельного заголовка не имеет, часть статьи «О гресѣх»</i>					
О еже з женами и со младыми оторочаты не бесѣдовати и не дружитися иноку	Стерезися празнословия, кощунанія, а с мирскими не говори	16—18			
О еже книги брещи, не слиною изо усть рукъ каляти и тѣми руками листовъ не обращати	Аще кто возьметъ книги, да блюдутъ, чтуще	18—18 об			
О еже в церкви стояти со страхомъ и ни с кѣмъ ни о чемъ не говорити	А пришедъ в трапезу или в церковь, стояти бы со вниманіемъ	18 об—22 об			

¹ Здесь и далее общие для списков Солов 674/732, Солов 676/734 и Арханг Д 257 заголовки и инципиты приводятся по рукописи Солов 674/732

Солов. 673/731			Солов. 674/732	Солов. 676/734	Арханг. Д. 257
Заголовок статьи	Начало	Листы			
О впадении въ блуд	Аще впадеши в любодѣние	22 об—24 об			
О еже кающемся быти и тружда- тися наединѣ и удалитися от людей	Рече же паки сице подобаетъ каю- щемуся отдалитися	24 об—27			
О еже не украшати книги утворе- ниемъ	Аще сотвориши себѣ книгу, да не удобротвориши украшение ея	27—30 об			
О еже како новонаначальному иноку по пострижении 40 дней поститися	Подобаетъ же новопостриженному брату преже всего основати чернечество свое	30 об—33			
О приходѣ брата ко иному брату в кѣлию По старчеству	Внегда восхоцетъ нѣкий брат при- ити в кѣлию нѣкоего брата	33 об—35	32 об—35	44 об—48	44 об—47 об
Повѣсти из патериковъ о сохране- нии преданных инокомъ заповѣдех и о послушании	Бяше нѣкто во общемъ житии от мира пришедъ	35 об			
	Глаголаху старцы, яко аще кто к нѣкому вѣру имать ²	35 об			
О терпѣнии въ послушании	Бяше нѣкий старецъ пребывая в кѣлияхъ	35 об—36 об			
О послушании	Старецъ нѣкий имяше служащаго ему	36 об—37			
О послушании	Два брата по плоти приидоста жити в монастырь нѣкий	37—37 об			
О послушании же	Нѣкий мирянинъ имѣя чада три	37 об—38			
О еже послушникъ, предавъ себе старцу в послушание, не имать пе- чали о души своей	Братъ нѣкий по Бозѣ повинуюся духовному и святу старцу	38—38 об			
О плодѣ послушания	Нѣкий старецъ посла ученика свое- го почерпсти воды	38 об			
О послушании	Рече нѣкий старецъ	38 об			
О послушании плода	Повѣдаху о отцѣ Иоаннѣ Коловѣ	38 об—39			
О послушании	Отецъ Памва имяше ученика	39—39 об			
	Отецъ Силуян имѣяше ученика ³	39 об			

² Этот фрагмент в списке Солов 673/731 не выделен в самостоятельную статью, а примыкает к предыдущей

³ Этот фрагмент в списке Солов 673/731 не выделен в самостоятельную статью, а примыкает к предыдущей

О еже неполезно иноку с родители своими видѣтися	Прииде нѣкогда мати брата Марка	39 об — 40 об			
	Приидоша нѣкогда 4 скитяне ⁴	40—40 об			
	Глаголаху старцы, яко ничтоже тако ищеть Богъ от послѣдних, якоже послушания с подвигом [весь текст]	40 об			
	Рече старецъ, яко сѣдѣя в послушании отца своего духовнаго болшу мзду иматъ, паче сѣдѣящаго в пустыни и о себѣ живущаго [весь текст]	40 об			
О видѣнии на нѣбесѣхъ 4-х чиновъ иноковъ	Глаголаше и се единъ от старецъ	40 об — 42			
Повѣсти о послушании	Бяше нѣкто во общем житии	42—42 об ⁵	35—35 об	48—48 об	48
	Глаголаху старцы, яко аще кто к нѣкому вѣру иматъ	42 об	35 об	48 об	48—48 об
	Бяше нѣкий старецъ, пребывая в кѣлияхъ	42 об — 43 об	35 об — 36 об	48 об — 50	48 об — 50
	Старецъ нѣкий имяше служащаго ему	43 об — 44	36 об — 37 об	50—51	50—51
	Два брата по плоти приидоста жити в монастырѣ нѣкоемъ	44—44 об	37 об — 38	51—52	51—51 об
	Нѣкий мирянинъ имѣя чада три	44 об — 45	38—38 об	52—53	52—52 об
	Братъ нѣкий по Бозѣ повинуюся духовну и святу старцу	45	38 об — 39	53	52 об — 53
	Нѣкий старецъ посла ученика своего почерпъсти воды	45—45 об	39	53—53 об	53
	Рече нѣкий старецъ, яко имѣя послушание без разсужения любве ради Божия и терпя бещестие и уничижение, болши есть своего отца [весь текст]	45 об	39	53 об	53

⁴ Этот фрагмент в списке Солов 673/731 не выделен в самостоятельную статью, а примыкает к предыдущей

⁵ Те листы, которые обозначены курсивом, не содержат отдельных статей, тексты, на них расположенные, являются частями статьи «Повѣсти о послушании». В таблицу внесены те фрагменты, которые представляют собой самостоятельные эпизоды и в рукописи, как правило, выделены графически (начинаются с киноварной буквы)

Солов. 673/731			Солов. 674/732	Солов. 676/734	Арханг. Д. 257
Заголовок статьи	Начало	Листы			
	Повѣдаху о отцѣ Иоаннѣ Коловѣ	45 об	39—39 об	53 об—54	53—53 об
	Отець Памво имяше ученика	45 об—46	39 об—40	54—54 об	53 об—54
	Отець Силуян имяше ученика	46—46 об	40—40 об	54 об—55	54—54 об
	Прииде нѣкогда мати брата Марка	46 об	40 об	55—55 об	54 об—55 об
	Придоша нѣкогда 4 скитяне	46 об—47			55 об
	Глаголаху старцы, яко ничтоже тако ищеть Богъ от послѣдних, якоже послушания с подвигом [весь текст]	47	41	56	55 об—56
	Рече старец, яко съдай в послушании отца своего духовнаго болшу мзду имать, паче съдящаго в пустыни и о себѣ живущаго [весь текст]	47	41	56—56 об	56
	⁶ Глаголаше и се, яко повѣда единъ от старецъ	47—47 об	41—41 об	56 об—57	56—56 об
	Повѣда отецъ Моисей о отцы Серапионѣ	47 об—48	41 об—42 об	57—58	56 об—57 об
	Мнихъ нѣкий в скитѣ	48—49	43—43 об	58—60	57 об—59 об
	Повѣда отецъ Силуянъ, глаголя	49—50 об	44—46	60—63	59 об—62
	Бысть нѣкий отецъ, нарицаемый Патерьюфие	50 об—51 об	46—46 об	63—64	62—63
	Инь нѣкий братъ отрехся мира	51 об	46 об—47	64—64 об	63—63 об
	Старець нѣкий живяше в пещерѣ нѣкою	51 об—53	47—48 об	64 об—66 об	63 об—65 об
	Повѣдаху ученицы отца Евлогия	53—53 об	48 об—49 об	66 об—67 об	65 об—66 об
	К сему просвѣщенному Евлогию	53 об—54	49 об	67 об—68	66 об—67
	Сей блаженный Евлогие повѣда намъ	54—55	49 об—51	68—70	67—69
	Повѣда намъ отецъ Евстафие	55—57 об	51—54 об	70—75	69—73 об

⁶ Фрагмент во всех трех списках графически не выделен, примыкает к предыдущему

	{В}о ⁷ Александрийцем градъ есть церковь свягата Серапиона	57 об — 59 об	54 об — 56 об	75—78	73 об — 76
	Повѣда блаженный Павелъ Простый	59 об — 60 об	56 об — 57 об	78—80	76—78
	Ходящу нѣкогда отцу Макарию	60 об — 62 об	57 об — 60	80—83 об	78—81 об
Повѣсть о юноши, иже в Римѣ	Бѣ нѣкто юноша в римстей области	62 об — 64	60—62 об	83 об — 86 об	81 об — 84 об
Сказание о образѣ иноческаго и что образования коегождо истинна Толкование	Пострижение убо власомъ являеть всѣх помышлений	64—64 об	62 об	86 об — 87	84 об
	Шлемъ спасения есть	64 об — 65	62 об — 63 об	87—88	84 об — 85 об
Феодора Студита	Не раздѣляй малую схиму и великую, единъ бо есть образъ иночский, якоже и крещение [<i>весь текст</i>]	65	63 об	88—88 об	85 об
Симеона Новаго Богослова о образѣ	Отречение же и одѣяние иночское	65	63 об	88 об	85 об — 86
Кирила Турского о образѣ иночском	Егда израильтяне изъ Египта подоша	65—65 об	63 об — 64 об	88 об — 89 об	86—86 об
Того же свягата Кирила о началѣ иноческаго образа	Яко преже всѣх Акила и Прискилла постригостеся	65 об — 66	64 об	89 об	87
Вопрос Почему мниси нарицаются Нѣсть небесныхъ аггель образ	аггельский образъ носяще? Ответ	66	64 об — 65	89 об — 90	87—87 об
Свягата Афонасия Великаго	Вопрос Почему вѣдаетъ дияволь ократи душевный домъ? Отвѣт	66—66 об	65—65 об	90 об — 91	87 об — 88
Григория Синаита о послушании	Малая и велика сокращена	66 об — 67 об	65 об — 66 об	91—92 об	88—89 об
Преподобнаго Феодора Едесскаго	Со отцемъ духовнымъ приобретається	67 об — 69	66 об — 68	92 об — 95	89 об — 92
Преподобнаго Исака Сирина о чину новоначалныхъ и уставѣ и неприкладныхъ гѣмъ	Сей есть чинъ цѣломудренный	69—72	68 об — 72	95—100 об	92—96 об
Повѣсть отца Елисея велми чудна	Повѣда намъ отецъ Иелисеѣ	72—79 об	72—81	100 об — 113	97—98 об
					<i>Вставка 1</i>
Иже во святыхъ отца нашего Василия Великаго наказание о отвержении жития и совершении духовнѣмъ	Приидѣте ко мнѣ вси труждающеся и обременении	79 об — 91 об	81—95 об	113—134	124—143

⁷ Киноварная буква «В» пропущена

Солов. 673/731			Солов. 674/732	Солов. 676/734	Арханг. Д. 257
Заголовок статьи	Начало	Листы			
Того же святаго Василия	О прилагающихся убо к шествованию	91 об	95 об	134—134 об	143
Послание Великаго Василия инокомъ	Непшую убо ни единого же вамъ	91 об—92 об	95 об—96 об	134 об—135 об	143—144
Великий сей явѣ Око церковное Василие постническая своя учения с настоящимъ симъ посланиемъ знаменааше истиннѣйше Иже во святыхъ отца нашего Василия Великаго, архиепископа Кесария Каппадокийския Слово о еже внимай себѣ	Слова потребу даль есть намъ создавый насъ Богъ	92 об—103 об	96 об—109 об	135 об—156	144 об—161 об
Житие преподобнаго отца нашего Паисия Великаго, списано бысть преподобнымъ отцемъ нашимъ Иоанномъ Коловымъ Благослови, отче	Якоже красная мира сего глѣнна сущая и преходимая	103 об—141 об	110—157		
Житие преподобнаго отца нашего Павла Простаго	Иже во святыхъ отецъ нашъ Павел, нареченный Препростый	141 об—144	157—160		
Повѣсть полезна о Малхе мнихе плѣннемъ	Тридесетимъ поприщемъ от Антиохия Сирския	144—146 об	160—163 об		
					<i>Вставка 2</i>

Арханг. Д. 257

Вставка 1

- 1) Слово от Патерика Печерскаго о Арефе, емуже украдено бысть татми имѣние въ милостыню пременися
 Бысть убо черноризецъ в томъ же Печерскомъ монастыри, именемъ Арефа, родомъ полочанин...
 л. 98 об.—100 об.
- 2) Сия потпись списана с ѡконы в Великом Новѣградѣ въ церкви у Похвалы пречистыя Богородица и подобие образа Господа Бога и Спаса нашего въ трехъ лицѣхъ Иисуса Христа на крестѣ, а поставлена икона въ храмѣ боголѣпнаго Преображения в Соловецкомъ монастырѣ
 Бога не видѣ никтоже нигдѣже никогдаже...
 л. 100 об.—108
- 3) Повѣсть о велицемъ граде Псковѣ, егда бысть нахождение многихъ поганыхъ языкъ на градъ в лѣто 7089 году во дни
 При державѣ благовѣрнаго государя и самодержавнаго царя и великаго князя Ивана Васильевича...
 л. 108—111
- 4) И в лѣто 7075 лѣто октября въ 30 день
 Посла воя своя к Печерскому монастырю пречистыя Богородици честнаго ея Успѣнія...
 л. 111—124

Вставка 2

- 1) Преподобнаго Максима Грѣка, инока Святыя Афонския Горы, Слово на латыновъ
 Яко не лѣпо есть ни единому приложити что или убавити...
 л. 162—171 об.
- 2) О свѣтѣ и о огни и о свѣтилницѣхъ. Слово шестое на 10
 Огнь едина вещь есть от четырь...
 л. 172—173 об.
- 3) О воздухѣ и о вѣтрѣ. Слово 17
 Воздухъ есть стихия тонко, волгло же и тепло...
 л. 173 об.—174 об.
- 4) О божественномъ строителствѣ и о нашемъ заступѣ и спасении. Слово 29
 Сим убо прилогомъ исперва злаго бѣса...
 л. 174 об.—177
- 5) О образѣ пріянія Божия словеси и о божественѣмъ его воплощении. Слово 3[?]⁸
 Ангель бо Господень послалъ ко святѣй девици...
 л. 177—179
- 6) О крестѣ и о вѣрѣ. Слово 33
 Слово крестное погибающимъ уродство есть...
 л. 179—182
- 7) О поклонянии на востокъ. Слово 37
 Не простѣ, ни якоже прилучнѣ, ни безъ ума на востокъ кланяемся...
 л. 182—183
- 8) О чювствахъ. Слово 3[?]⁹
 Чювство есть сила душевная...
 л. 183—185 об.

⁸ Из-за механическаго поврежденія вторая цифра не читается.

⁹ Из-за механическаго поврежденія вторая цифра не читается.

- 9) От Слова 20-го о раю
Понеже хотяше Богъ от видимаго и невидимаго создания сотворити чловѣка...
л. 185 об.—187 об.
- 10) Слово 21 о чловѣцѣ
Тако убо разумное сущие состави Богъ...
л. 187 об.—188 об.
- 11) О сладостех. Слово 22
Сладости ови суть душевныя, а другия плотныя
л. 188 об.—189 об.
- 12) О бывающих. От Слова 24
Бывающая ова суть в нас, ова же не в нас...
л. 189 об.—190
- 13) О томъ, коея ради вины самовластни быхом. Слово 25
Самовластное все бывшее извратно есть...
л. 190—190 об.
- 14) О промыслѣ. От Слова 27
Промыслъ убо от Бога есть...
л. 190 об.—193
- 15) О проповѣднни и проуставѣ. Слово 28
Требѣ вѣдѣти, яко все провѣсть Богъ...
л. 193—193 об.
- 16) О иконах и образѣх, како чести ихъ
Чего дѣлма убо поклоняемся друг другу...
л. 193 об.—195
- 17) В лѣто 7079 году от государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси и его царьскаго величества пишется с титлами
Ходиль посол в Царьград Одрѣй Ищеин...
л. 196—214 об.
- 18) От Жития преподобнаго отца нашего Кирила Белаго, новаго чудотворца, иже пречестен монастырь состальшаго во области града Бѣлаозера, иже есть на Новомъ езерѣ на Красном островѣ, о преставлении его и о пророчествѣ русских царей
По сих же убо разумѣвъ святыи еже къ Богу свое отшествие...
л. 214 об.—220
- 19) Чинъ, бываемый во обители Зосимы и Саватия чудотворцовъ в Соловецкомъ монастырѣ
Чтется повседневно поминание, рекше Столповой литѣйникъ...
л. 220—225
- 20) От Старчества
Вопроси авва Иосифъ отца Пимина...
л. 225—225 об.
- 21) В лѣта 5803-го
Царствующу в Римѣ богосодѣтельному великому Константину Флавию...
л. 225 об.—323 об.
- 22) Предисловие
Потщися, о чловѣче, о учении семь...
л. 233—241 об.
- 23) Палладия епископа Клаусу препоплту отписание. Слово 36
Блажу твое изволение достойно...
л. 241 об.—242 об.
- 24) Слово о черноризце Питирионѣ. 16
Видѣхомъ въ Фивайдѣ гору високу...

- л. 242 об.—243 об.
- 25) О черноризце Иоаннъ пророцѣ. 1
Бысть нѣкто инъ черноризецъ в далнии пустыни живый...
л. 243 об.—249
- 26) Слово о нѣкоем старцѣ, купившем 10 хлѣбъ, и десять ксестий вина,
и десять литръ мяса. Зѣло полезно
Бяше нѣкий инокъ в Фиваиде...
л. 249—255
- 27) О живущем во граде Антиохии
Глаголаше таковый старецъ...
л. 255—256
- 28) Повѣсть от жития Великаго Еуфимия
Брат нѣкий в Лавре, родом гречин, именем Емелиял...
л. 256—260

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Описание рукописей

РНБ, Соловецкое собр., № 673/731. Филиграни: 1) герб г. Амстердама — Дианова. Герб, № 1 (1660, 1660, 1661, 1661, 1662, 1664 гг.); 2) голова шута, воротник с семью бубенцами, контрамарка — РВ — Дианова. Шут, № 304 (1656, 1656, 1656 г.); 3) Лотарингский крест под короной с двумя буквами С, пересекающими крест, и с литерами I и С по бокам — аналога в альбомах филиграней не обнаружено; 4) герб г. Амстердама, контрамарка — НСС — Дианова. Герб, № 222 (1663 г.); 5) двуглавый орел с гербом Базеля (рог изобилия) на груди, контрамарка — РВ. Аналогичный последнему знак находится в рукописи Сергия Шелонина (Богословие Иоанна Дамаскина) Солов. 310/330 1637 г.¹ на л. 5—5а, на гербе по сторонам от рога изобилия литеры Р и I. Таким образом, рукопись можно датировать началом 60-х гг. XVII в.

Почерк этого сборника аналогичен почерку так называемого «Псковского сборника» с сочинениями Сергия Шелонина.² Принадлежит он одному из постоянных сотрудников старца Сергия. Образцы этого почерка публиковались по рукописям Солов. 14/741³ и Псковского музея-заповедника, ф. Никандровой пустыни, № 292.⁴

РНБ, Соловецкое собр., № 674/732. Филиграни: 1) голова шута, воротник с семью бубенцами — Дианова. Шут, № 299 (1651—1652 гг.) — аналогичный знак встречается в рукописи Сергия Шелонина Солов. 5/5 (Поучения аввы Дорофея с Уставом Нила Сорского и дополнительными статьями) конца 1640-х—начала 1650-х гг.;⁵ 2) агнец пасхальный — Дианова, Костюхина, II, № 6 (1652, 1653, 1657 гг.); 3) на л. III видна корона от знака

¹ Сапожникова О С Сергей Шелонин — писатель и книжник XVII века Дисс канд филол наук СПб, 1999 Приложение 2 С 10—12

² Я искренне признательна О С Сапожниковой, обратившей на это мое внимание

³ Кукушкина М В Монастырские библиотеки Русского Севера Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков Л, 1977 Рис 25

⁴ Сапожникова О С Неизвестные сочинения соловецкого книжника Сергия Шелонина // Русь и южные славяне Сб статей к 100-летию со дня рождения В А Мошина (1894—1987) СПб, 1998 С 341

⁵ О С Сапожникова сравнивает его с филигранью из альбома Диановой, Костюхиной, II, № 423 (1652, 1654 гг) См Сапожникова О С Сергей Шелонин — писатель и книжник XVII века Приложение 2 С 26

«лилия на щите под короной», аналогичного знаку 3-й рукописи Солов. 676/734. Рукопись, скорее всего, была создана в 50-е гг. XVII в.

Почерк писца, переписавшего основной текст сборника, отчасти напоминает почерк Сергия Шелонина, но несколько крупнее и обладает своими характерными особенностями. Можно сказать, что это почерк школы Сергия Шелонина, ориентированный на шелонинский почерк как на образец. Текст сборника многократно правлен. Во-первых, почерком писца (л. 34 об., 81, 91 об., 97, 100, 101 об., 151, 152 об.), во-вторых, другой рукой (л. 6, 16 об., 17, 18 об., 19, 20, 25 об., 32 об.—33 об., 38, 40, 40 об., 46, 52 об., 56 об.—57 об., 67 об., 68 об., 70 об.—72, 73, 84 об., 86, 87, 96 об., 100 об., 105 об., 107 об., 108 об., 109, 110, 111, 112, 112 об., 115—116, 117 об.—118 об., 120 об., 124 об., 127, 129, 133 об., 136, 137 об.—138 об., 139 об., 140 об., 142, 143 об., 144, 145, 147 об., 148, 156 об., 157). Этот второй почерк, характерный полуустав с тонкими, немного вытянутыми буквами, также встречается в рукописи, выходящей из круга книжников, близких Сергию Шелонину, — РНБ, Q.XVII.187,⁶ л. 140—156 об., 158—188, 197—197 об., 199—206, 207—208, 211—213, 214 об.—216 об., 218.

Эти две рукописи были переплетены приблизительно в одно время, так как в результате трасологического анализа, проведенного Д. О. Цыпкиным, установлено, что средники верхней крышки переплета Солов. 673/731 и Солов. 674/732 являются оттисками одного штампа (т. е. тождественны).

РНБ, Соловецкое собр., № 676/734. Эта рукопись была частично описана Д. О. Цыпкиным, который выявил две филигранные: 1) щит под короной, в щите лев на задних лапах, под щитом литеры IS, контрамарка — AN (сходна, может быть, близка: Дианова, Костюхина, II, № 866 — до 1642 г.) и 2) щит под короной с лилией в щите, лигатура RD у щита, под щитом — крестообразно составленные перекладины с обратной «елочкой» внизу (сходна: Дианова, Костюхина, II, № 933 — до 1635 г.; возможно тождество: Гераклитов, № 182 — 1635 г.). Кроме указанных Д. О. Цыпкиным в рукописи часто встречается еще один знак: лилия на щите под короной, по бокам лилии на щите литеры S и I; контрамарка — RH. Подобный знак читается на бумаге рукописи Солов. 652/710, л. 411—417.⁷ Датировка этого знака представляет некоторую сложность, так как единственный вариант с литерами SI описывает Хивуд, № 1735 (1641 г.), однако он отличается от интересующего нас варианта.⁸ Тем не менее представляется возможным датировать эту рукопись началом 40-х гг. XVII в.

Рукопись имеет более позднюю (1688—1689 гг.) полистную запись, впоследствии стертую и частично восстановленную в ультрафиолетовом свечении:⁹ «Сия // книга // Стар- // чество // Солове- // цкаго // монастыря // святых // Богородица // Иоасафа // <...> // рекло // <...> // Сию // книгу // под- // писал // <...> // святой // обители // старец // Левкий // Горбуец // быв // в Колмо- // горскомъ // уезде // в кучо- // цкой // монастырской // мелни- //

⁶ Эта рукопись была подробно описана О. С. Сапожниковой, которая и определила ее принадлежность к кругу Сергия Шелонина (Стафеева-Сапожникова О. С. Новые сведения о соловецком книжнике Сергии Шелонине // ТОДРЛ СПб, 1996 Т. 50 С. 617—623).

⁷ В этой рукописи встречаются и два других варианта этого знака с литерами SI (см., например, л. 34—43, 277—279, 454, 458, 556, 566, 570, 575, 578—580) — без контрамарки, со щитом, имеющим загнутые края и с лигатурой VP под щитом или без таковой.

⁸ На знаке, описанном Хивудом, щит имеет загнутый верхний край, под щитом читается литера L, касающаяся своим верхом нижней части щита.

⁹ Искренне признательна за это Д. О. Цыпкину.

чной // слу- // жбе // при- // казши- // комъ // во 197-м // году. // А се // книги // девять // на // десять // тетратей // с // половиною. // Тетра- // ти // подписал // аз // чернецъ // моею // рукою» (л. 1—156).

БАН, Архангельское собр., Д. 257. Филиграни: 1, 2) двуглавый орел (двух типов) с гербом Базеля (рог изобилия) на груди — в альбомах филиграней аналог не обнаружен; 3) лилия на щите под короной — типа Д и а - нова, К о с т ю х и н а, II, № 910 (1647 г.).

Записи: 1) л. 2—68, по нижнему полю — «Живоначалные // Троицы // Антоньева // Сийского монастыря // бывшего // игумена // Феодосия. // Сия // кни-//га // жи-//во-//на-//ча-//лны-//я // Троицы // Ан-//то-//ни-//е-//ва // Сий-//ско-//го // мо-//на-//сты-//ря // Ка-//зе-//нна-//я, // о-//ста-//нки // бы-//вша-//го // и-//гу-//ме-//на // Фе-//о-//до-//си-//я, // а // ны-//нѣ // ка-//зен-//ная, // то-//го // мо-//на-//сты-//ря // ка-//зе-//нна-//я»; 2) л. 260 — «В сей книгѣ 32 тетрати 3 листа, а листов того 259 листов»; 3) л. 261 об. — «Книги живоначалные Троицы Антониева Сийского монастыря казенная»; 4) л. 261 об. — «Блажен сей человекъ, иже жителствует по сему писанию, иже есть писано в сей книзе святыми апостолы и святыми отцы от божественных писаний»; 5) л. 261 об. — «160-го году апрѣля въ 28 день».

И. В. ФЕДОРОВА

«Хождение Трифона Коробейникова» в изданиях XVIII в.

В истории русской паломнической литературы «Хождение Трифона Коробейникова» занимает особое место. Для нового времени этот памятник стал символом русского «поиска Бога ногами». К концу XVIII столетия число рукописных копий Трифонова хождения заметно уменьшилось, уступив место многочисленным изданиям и печатным переработкам произведения. Новый период в литературной истории памятника — «печатный» — начался в 1783 г. с издания В. Г. Рубана.¹

Василий Григорьевич Рубан известен в истории русской культуры как литератор, журналист и издатель.² Изданию «Хождения Трифона Коробейникова» предшествовала работа над «Пешеходцем» Василия Григорьевича Барского. Книга увидела свет в 1778 г. Критики, оценивая издания Рубана, отмечали вольное обращение издателя с рукописными текстами. Так, для издания «Пешеходца» Григорьевича-Барского привлекалось три списка памятника, из которых В. Г. Рубан, как писал А. И. Артемьев, составил «особый сводный экземпляр <...> сделал в тексте и слоге некоторые поправки».³ Первым неудовлетворение от издания «Хождения Трифона Коробейникова» высказал И. Сахаров, нашедший в нем произвольные вставки и исправление слога источника.⁴ Мнение И. Сахарова разделил Хр. М. Лопарев, укорявший издателя за неточность «напечатания списка, ибо много древних и малопонятных слов заменено современными. Кроме того, есть некоторые личные замечания Рубана, внесенные в текст книги Коробейникова».⁵ Частично огрехи издания XVIII в. Хр. М. Лопарев оправдывал особенностями самого списка, по которому оно выполнено. В основу издания, как сообщал в «Предисловии» Рубан, положена рукопись, принадлежавшая Алексею Васильевичу Олешеву — действительному статскому советнику, предводителю вологодского дворянства, автору ряда статей по вопросам сельского хозяйства, о котором в эпитафии его друг Рубан писал: «...был воин, судия, мудрец и эконо́м, снискавший честь сохой и шпагой и пером».⁶

¹ Трифона Коробейникова, московского купца, с товарищи путешествие в Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 году Издано для пользы общества СПб., 1783 (далее — Рубан или изд. В. Рубана)

² Подробнее о нем см. Модзалевский Б. Л. Василий Григорьевич Рубан (Историико-литературный очерк) // Русская старина 1897 Август С. 393—415

³ Артемьев А. И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Императорского Казанского университета // ЛЗАК СПб., 1884 Вып. 7 С. 34

⁴ Сахаров И. Сказания русского народа СПб., 1849 Т. 2, кн. 8 С. 136

⁵ Хождение Трифона Коробейникова / Под ред. Хр. М. Лопарева // ППС СПб., 1889 Вып. 27 С. LXX

⁶ Петров А. Олешев Алексей Васильевич // Русский биографический словарь СПб., 1905 (Обезьянинов—Очкин) С. 225—226

Отождествить список, названный Хр. М. Лопаревым «олешевским», с известными рукописями пока не удалось.⁷ О передаче этим списком текста Хождения ученый судил по изданию, на этом же основании список датирован XVIII в.⁸ Как показывает просмотр списков этого времени, большинство содержат текст, относимый Лопаревым к «полной» редакции. Сюда же относится и «олешевский» список, в полном объеме передающий текст Хождения, каких-либо дополнительных сюжетных линий или пространных купюр, трансформирующих текст, в издании 1783 г. нет. Очевидно, что оценка Лопаревым печатного текста дана в сравнении со списком XVII в. Q.XVII.44 (ныне ОСПК РНБ), по которому сам ученый опубликовал Хождение. Сопоставив издания, увидим, что различия списков, опубликованных Рубаном и Лопаревым, сводятся к типичным для рукописной традиции произведения расхождениям, среди которых преобладает инверсионное построение фразы: «Арабы же велблуды бобомъ сухимъ кормяше» (Лопарев. С. 56),⁹ у Рубана «Арабы велблуды сухимъ кормяше бобомъ»; «турки жъ отъ того часа начаша чтити христианъ» (Лопарев. С. 58) — «турки же начаша отъ того часа чтити христианъ» (Рубан. С. 48). Пропущены в издании Рубана некоторые частицы, слова и фразы, характерные для издания Лопарева (ниже они выделены курсивом):

Хождение Трифона Коробейникова
(изд. Хр. М. Лопарева)

1 Патриарху жъ вшедшу въ церковь, и прииде къ нему старой игумень Синайския горы, обымши руками друг друга и целовахуся съ патриархомъ игумень, и плакахуся на долгъ часъ (С 62)

2 И отъ того мѣста, гдѣ вышли сынове Израилевы изъ моря, 5 верстъ, и обрѣтохомъ 12 источникъ воды *Дивножъ повѣдати о тѣхъ источищехъ* Въ тѣхъ мѣстехъ сынове Израилеви возропташе на Моисѣя (С 60)

3 Вшедшу же патриарху во церковь, и мы съ нимъ внидохомъ, и приидохомъ ко гробу Господню, и *помолихомся старому престолу Воскресению Христову, и приидохомъ*, гдѣ лежитъ камень, ижъ отвали его ангель Господень (С 17)

Хождение Трифона Коробейникова
(изд. В. Рубана)

Патриарху же вшедшу въ церковь, и прииде къ нему старый игумень Синайскаго монастыря, и обьемшися руками другъ друга, и плакахуся на долгъ часъ (С 55)

а отъ того мѣста, гдѣ вышли сынове Израилевы изъ моря, и обрѣтохомъ тутъ 12 источникъ Въ томъ мѣстѣ сынове Израилевы возропташа на Бога и на Моисея (С 53)

Вшедше же патриархъ, и мы грѣшнии внидохомъ въ церковь, и приидохомъ ко гробу Господню, гдѣ лежитъ камень, его же отвали ангель Господень (С 14)

Не совсем понятно, что имел в виду Лопарев, говоря о «личных замечаниях» Рубана в тексте. Если речь шла о чтениях типа: «и прииде ко иконѣ пречистой Богородицы» (Лопарев С. 51), а у Рубана: «и приходе патриархъ ко иконѣ Пресвятыя Богородицы» (Рубан. С. 45); «...монастырь преподобнаго Герасима, ему жъ левъ поработалъ» (Лопарев. С. 44) — «...монастырь стоитъ преподобнаго отца Герасима, иже на Иорданѣ, ему же левъ служилъ» (Рубан. С. 37), то их кроме издания Рубана дают и другие списки XVI—XVII вв.: РГАДА, собр. МГАМИД (ф. 181), № 401 (XVII в.); РНБ, ОСПК, Q.XVII.76 (XVI в.); ГИМ, собр. Уварова, № 149/1918. Есть между списками и фактические расхождения.

⁷ Не помогла в поиске «олешевского» списка и переписка Рубана с Олешевым (письма от 1780 г Олешева к Рубану см РНБ, ф 653)

⁸ См Хождение Трифона Коробейникова С LX (№ 140)

⁹ Здесь и далее «Хождение Трифона Коробейникова», изданное Лопаревым, цит по «Православному Палестинскому сборнику», вып 27, в тексте сокращенно Лопарев или изд Хр М Лопарева

Так, в начале главы «О монастырѣхъ окрестъ Иерусалима» читаем: «Внутрь святаго града Иерусалима *три* монастыря стоять и донинѣ» (Рубан. С. 27). Многие списки, в том числе изданный Лопаревым, говорят о семнадцати монастырях. Однако и это число в списках колеблется: называется семь (РГАДА, собр. МГАМИД (ф. 181), № 145; РНБ, ОСРК, Q.XVII.76; ГИМ, собр. Уварова, № 149/1918), двенадцать и тринадцать (РНБ, ОЛДП, О.5/395; РГБ, собр. Тихонравова, № 319), а в одном из списков — «множество монастырей».¹⁰ Этот пример также убеждает в том, что Рубан не был автором указанных разночтений, они лишь отражают текст «олешевского» списка. Что касается передачи текста Хождения списком Q.XVII.44, то сам Лопарев оценивал список лишь на «хорошо».¹¹ В правильности этой оценки усомнился М. В. Рубцов: сравнивая издание Лопарева с неизвестными тому списками Хождения XVII в., Рубцов обнаружил между ними расхождения и пришел к выводу, что «текст, обнародованный г. Лопаревым, не принадлежит к числу наиболее близких к первоначальному виду сочинения Коробейникова»¹²

Безусловно, оценить, насколько точно Рубан передал рукописный текст, можно будет только после обнаружения «олешевского» списка и его сравнения с изданием. Однако «ошибки» и «произвольные вставки», обнаруженные Сахаровым и Лопаревым в издании 1783 г., возможно объяснить уже сейчас, если привлечь больше списков Хождения, чем это сделали Сахаров и Лопарев, так как рукописные копии памятника отличаются разнообразием даже в пределах «полной» редакции.

Обратимся к изданию И. Сахарова. Книгу Рубана Сахаров сопоставил с шестью списками Хождения XVII—XVIII вв.¹³ Среди разночтений он указал не встречающееся в этих списках начало текста: «По приказу государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России и при сыне его, благовѣрномъ царевичѣ Феодорѣ Иоанновичѣ всея России, и по благословению Дионисия, митрополита, в 1583 году. Послание московскихъ купцовъ съ Москвы, и хождение ихъ изъ Царяграда» (далее по тексту) (Рубан. С. 1). Действительно, «сахаровские» списки начинаются иначе, но рукописная традиция памятника среди вариантов начала фиксирует и такой, как у Рубана (см., к примеру: РГАДА, собр. МГАМИД (ф. 181), № 401/853; РНБ, Сол. № 862/972). К «произвольным вставкам» издания Рубана Сахаров отнес и обнаруженное им дополнение в главе «О кладезѣ Моисеви»: «Внутри монастыря находятся два колодезя, изъ коихъ одинъ называется Моисеевымъ, есть тотъ самый, изъ котораго сей пророкъ поиль овцы тестя своего Иефора, другой же, именуясь Агиизма, находится близа мѣстъ Неопалимыя купины. Изъ сихъ колодезей, наполненныхъ вкуснѣйшею водою, почерпаютъ оную для потребы своихъ всѣхъ живущие въ монастырѣ. Позади сего кладезя, къ оградной, находится мельница, дѣйствующая конями, печь, поварня, палата и трапеза, — все сие сдѣлано изъ бѣлаго камня. Напоследокъ, осмотрѣвши и прочия монастырския зданія, патриархъ пошелъ для успокоения въ нарочно для него приготовленную келию, а мы въ другую».¹⁴ Но к этой вставке издатель XVIII в. не имеет никакого отношения: в изданиях 1783 и

¹⁰ См. Хождение Трифона Коробейникова С 158, примеч 73. Этот список находился в собрании И. В. Помяловского, у Лопарева — Помяловский I (Там же С LXI). Однако сейчас в фонде Помяловского (РНБ, ф. 608, оп. 2) этой рукописи нет.

¹¹ Хождение Трифона Коробейникова С XL.

¹² Рубцов М. В. К вопросу о «Хождении» Трифона Коробейникова в Св. Землю в 1852 году // ЖМНП СПб, 1901 Апрель С 372.

¹³ См. Сахаров И. Сказания русского народа Т 2, кн 8 С 155—158.

¹⁴ Там же С 158, примеч 76.

1786 г.,¹⁵ появившихся при жизни Рубана, этого дополнения нет¹⁶ — текст издания аналогичен спискам Сахарова. Дело в том, что Сахаров пользовался книгой Рубана, переизданной Г. Новинским.¹⁷ В период с 1830 по 1838 г. Новинский четырежды переиздавал «Хождение Трифона Коробейникова» по изданию Рубана.¹⁸ Таким образом, вставка в главе «О кладезь Моисеови» появилась в переизданиях XIX в. Этот случай подтверждает слова Лопарева о том, что многочисленные переиздания книги Рубана постепенно отдалились от своего протографа — издания 1783 г.,¹⁹ поэтому работу Рубана с рукописью следует оценивать лишь по книгам 1783 и 1786 гг. Тому есть одно подтверждение. Так, Сахаров утверждает, что «в списке, с которого предпринято было напечатание текста путешествия Коробейникова и Грекова, не находится статьи „О проходѣ израильтянъ чрезъ Черное море“»,²⁰ однако издания Рубана 1783 и 1786 гг. такую главу имеют (см.: Рубан. 1783. С. 52—54 и 1786. С. 74—76), а следовательно, содержит ее и текст «олешевского» списка.

Обобщая сказанное, признаем, что в общем с задачей «соблюсть <...> древнее сказание» Рубан справился: издатель для своего времени достаточно корректно воспроизвел рукописный источник, «не осмѣялся <...> собственнымъ именъ людей и городовъ, испорченно описателемъ или переписникомъ названныхъ, переправлять, но оставилъ такъ, как оныя были, правильныя же оныхъ названия, означивъ буквами, вынесъ на низъ подь черту», хотя и не скрывал своего недоверия к «баснословным повѣстям <...> о египтянахъ и ихъ коняхъ, превращенныхъ будто бы въ рыбъ, и о магнитѣ, извлекающемъ якобы изъ кораблей черноморскихъ желѣзныя гвоздья, а потому безъ желѣза строемыхъ», но «отмѣнить не отважился <...> оставилъ, какъ было въ подлинникѣ» (Рубан. «Предисловие», л. 4 об.). Показательно, что в рукописной традиции, на которую мы ориентируемся, рассматривая издание 1783 г., именно эти сюжеты вызвали у читателей интерес и выделялись переписчиками в отдельные главы. Таким образом, то, что было увлекательно и интересно XVII столетию, искушенному светскому XVIII в. казалось уже наивным и архаичным. Оценивая работу Рубана, будем также помнить, что наш издатель не занимался критикой древнерусского текста и публиковал Хождение как назидательное чтение для пользования «любопытных и разсудительных читателей», а не как памятник древней письменности. Судя по тому, что в 1786 г., спустя три года после первого издания Хождения, появилась его перепечатка, Рубану это удалось, чего нельзя сказать о работе его современника Ивана Михайлова.

В конце XVIII в. под названием «Путешествие московского купца Трифона Коробейникова с товарищи... описанное им, Коробейниковым,

¹⁵ Трифона Коробейникова, московскаго купца съ товарищи, путешествие во Иерусалимъ, Египеть и къ Синайской горѣ в 1583 году СПб, 1786

¹⁶ В изданиях Рубана нет главы под названием «О кладезь Моисеови», описание источника Моисея читается в главе «О Купинѣ неопалимой» В издании 1783 г место вставки, указанное Сахаровым, соответствует с 58, а в издании 1786 г — с 81

¹⁷ Сахаров И Сказания русского народа Т 2, кн 8 С 158, примеч 76

¹⁸ Хождение Трифона Коробейникова С LXX—LXXI

¹⁹ Там же С LXXIII, примеч 2

²⁰ Сахаров И Сказания русского народа Т 2, кн 8 С 158, примеч 73 Разночтения между изданием Рубана и списками Хождения, обнаруженные Сахаровым, позволили Сахарову назвать издание Рубана «редакцией Рубана» Хождения Коробейникова (Там же С 156, примеч 1, с 158, примеч 76) Это определение используют и некоторые современные ученые, говоря об издании Хождения Рубаном, см Русские путешественники по греческому миру (XII—первая половина XIX вв) Каталог выставки М, 1995 Раздел «Книги и журналь» С 45 (№ 81)

на славенском языке, с которого ныне для удобнейшего понятия переложено на чистый российский язык» Иван Михайлов издал памятник XVI в. История издания 1796 г. в «Московском телеграфе» представлена так: один из книгопродавцев московских, стремившийся перебить часть выгод петербургского издателя,²¹ обратился к бывшему тогда в Москве литератору Ивану Михайлову, тот от работы не отказался и переделал Хождение Коробейникова «на свой лад».²² Какое именно издание Рубана перерабатывал Михайлов, установить практически невозможно, так как издание 1786 г. точно повторяет книгу 1783 г.²³ Критика в издании Ивана Михайлова находила «только тень»²⁴ от «Хождения Трифона Коробейникова». Действительно, Михайлов создал свою книгу по мотивам памятника XVI в., отвечающую «его представлениям о том, как происходили или должны были происходить события».²⁵

Работа Михайлова с источником происходила следующим образом. Фабулу и деление текста на главы издатель сохранил, а сам рассказ Коробейникова свободно пересказал «на чистом российском языке». Под пером Михайлова Хождение заметно сократилось после того, как издатель убрал все «лишнее». Таковыми он посчитал подробности в описании храмов и других святынь (см. описание гроба Господня и церкви Воскресения, Голгофы, дома Давида), библейские цитаты, субъективные замечания повествователя о собственных действиях и впечатлениях. Рассказу Коробейникова в версии Михайлова придана косвенная форма изложения, опущены детали, привязывающие повествование к конкретной исторической обстановке, пропущены географические названия в описании маршрута русских послов-паломников, ср.:

Изд. Рубана (1783 г.)

На той же горѣ отъ Лобнаго мѣста къ полу-денной странѣ итти сажень 10, то мѣсто, идѣжъ Авраамъ Господеви жертву принесе, и заклати хотѣтъ сына своего Исаака, и указа ему Господь въ того мѣсто овень, привязанъ въ саду Савековѣ за древо маслинное, и то древо стоитъ и до сего дня зелено, и ломають его для благословения странники, а стоитъ то древо у той же церкви противу дверей церковныхъ, яко сажень 6 отъ дверей, отъ Лобнаго мѣста 15 сажень на полуношь, мѣсто есть въ той же церкви шедь съ горы, снятие со креста Господа нашего Иеуса Христа Иосифомъ, иже отъ Аримафея, и положи Иосифъ на томъ мѣстѣ, и обвитье плащеницею, то мѣсто покрыто цкою мраморною (С 11—12)

Изд. Михайлова (1796 г.)

На сей же горѣ, къ полуденной стороне, находится мѣсто, на которомъ Авраамъ, когда по повелѣнню Божию готовился заклавши сына своего Исаака принести въ жертву тогда узрѣвъ овна, привязаннаго къ масличному дереву, принесъ онаго При подошвѣ жь горы сооружена церковь Снятия со Креста, и то мѣсто, на которомъ Иосифомъ положено было Пречистое тѣло Господне, покрыто мраморною дскою (С 20—21)

²¹ Здесь рецензент говорит об изданиях Рубана, вышедших в Петербурге в типографии М Овчинникова

²² [Без подписи] Рец на книгу Путешествие Трифона Коробейникова // Московский телеграф 1826 Ч 11 С 227—230 «Литератора» Ивана Михайлова среди трех Михайловых, известных в 90-х гг XVIII в, отождествил О В Творогов, см Творогов О В 1) Литератор Иван Михайлов // РЛ 1983 № 2 С 164—168, 2) Михайлов Иван // Словарь русских писателей XVIII в СПб., 1999 Вып 2 (К—П) С 293—294

²³ Издания Рубана состоят из двух частей собственно текст Хождения и предваряющая его вводная часть с редакторскими посвящениями, предисловием и оглавлением

²⁴ См Сахаров И Сказания русского народа Т 2, кн 8 С 136, Хитрово Н В Палестина и Синай Библиографический указатель русских книг и статей о св местах Востока, преимущественно Палестинских и Синайских СПб., 1876 Ч 1, вып 1 С 11 По словам А Н Муравьева, «Хождение Трифона Коробейникова» Михайловым передано в «искаженном виде» (Муравьев А Н Путешествие ко Святым местам в 1830 году СПб., 1835 Ч 1 С XLI)

²⁵ Творогов О В Литератор Иван Михайлов С 167

Сокращая источник, Михайлов пополнил текст новыми описаниями, «пропущенными» у Коробейникова, а также объяснил «по возможности мѣста, подлежащая сомнѣнью» (С. VIII). К таким вставкам относятся главы 9—13, в которых издатель предложил «описание того вида, каковой онъ (Иерусалим. — *И Ф*) имѣлъ въ древнія времена» (С. 78). Для этого Михайлов, как установил О. В. Творогов, обратился к изданной им в 1795 г. «Истории о последнем разорении святаго града Иерусалима и о взятии Константинополя». Отсюда были заимствованы главы 11—13.²⁶ Главы 9—10, а также постраничные примечания и распространение описаний Египта, Мертвого моря, Иордана заимствованы Михайловым из «Пешеходца» Василия Григоровича-Барского, изданного В. Г. Рубаном в 1778 г. При этом свой труд — «Историю о последнем разорении святаго града Иерусалима» — издатель воспроизвел дословно, а описание Григоровича-Барского, как и «Хождение Трифона Коробейникова», дал в сокращенном пересказе.

Освоение пространства источника происходило и другими способами, в силу чего «голос» издателя зазвучал в книге наравне с источником: Михайлов вступает в диалог с читателем, размышляет о повествовании, не скрывает своего взгляда на него. Так, описание пути до Иерусалима, по его мнению, стоило начать «от границ России, а не от Царьграда» (С. 2), или: «я принялъ намѣрене, описавши нынѣшний видъ Иерусалима, предложить описание и того вида, каковой онъ имѣлъ въ древнія времена, для чего въ угодность читателя и приступаю къ оному» (С. 78), «...принужденъ начать оное съ того мѣста, с котораго начато купцомъ Коробейниковымъ, а онъ, описывая свое путешествие, говорит так...» (С. 2).

В таком «новом виде», как писал сам Иван Михайлов (С. VIII), он и представил книгу читателю, уповав на его благосклонность.

Кто же был читателем этих изданий? Оформление книг, их малый формат (8°), невысокого качества бумага — признаки «народного» типа книги. Об этом говорится и в рецензии 1826 г., ее автор включил издания Хождения «в число книг, которые любят наши грамотные простолюдины, отчего получило оно большой расход». Владельческие записи сохранившихся экземпляров читателями Хождения называют «дьячка Василия Иванова» (РНБ, ОРФ, 18.190.3.39), «в Нилову пустыню отъ отца Савинскаго, архимандрита Феофилакта 1788 года» было вложено первое издание В. Г. Рубана (РГБ, МКК/64Ш), а издание Михайлова читали в Троице-Сергиевой лавре (РГБ, РК/98П, третий экземпляр), было оно и в библиотеке Шереметевых (см. экслибрисы на первом экземпляре РГБ, РК/98П). Отнесем к читателям Хождения и гоголевского Ивана Ивановича. Право, оценка этого «читателя» показательна для нашего представления о восприятии книги Коробейникова: «Читали ли вы, — спросил Иван Иванович, после некоторого молчания, высывая голову из своей брички к Ивану Федоровичу, — книгу „Путешествие Коробейникова по святымъ местам“? Истинное наслаждение души и сердца! Теперь таких книг не печатают».²⁷

Герой Н. В. Гоголя напрасно сокрушался из-за отсутствия «таких книг» в его время. Издание «Хождения Трифона Коробейникова», начатое Рубаном и подхваченное Михайловым, продолжилось в XIX столетии: древнерусский памятник в это время был воспроизведен более 30

²⁶ Там же С 168

²⁷ Гоголь Н В Иван Федорович Шпонька и его тетушка // Полн собр соч В 15 т Л, 1940 Т 1 С 300

раз, как в полном объеме, так и в отрывках. Однако подходы к воспроизведению Трифоновой книги сложились именно в XVIII в., на этапе зарождения «печатного» периода литературной истории «Хождения Трифона Коробейникова». Один подход представлен изданиями В. Г. Рубана, который воспользовался случайным списком Хождения, что и вызвало его «неудовлетворительную в научном плане» оценку исследователями. Они смотрели на труд Рубана как на материал для научного изучения, забывая, что первого издателя имевшийся у него список интересовал как «древнее описание святых мест», научная критика текста в его задачу не входила. Воспроизведение текста «Хождения Трифона Коробейникова» по рукописным спискам продолжилось в XIX в. (Сахаров, Лопарев), но, в отличие от первого издателя — В. Г. Рубана, эти издания уже предваряли текстологические разыскания. Другой подход — издание Ивана Михайлова.²⁸ Оно положило начало вольным переделкам Хождения: последователи этого литератора к рукописям не обращались, они «творчески» перерабатывали уже имевшиеся издания, уходя все дальше и дальше от источника и подчиняя его своим творческим замыслам.

---

²⁸ Книга Михайлова переиздавалась трижды в 1826, 1829 и 1830 гг. Геннадий Г. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях Берлин, 1880 Т 2 (Ж—М) С 327

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

И. М. ГРИЦЕВСКАЯ

Послание Григория Богослова Филагрию в славянской и русской книжности

По древнерусским рукописям XIV—XVII вв. нам известен перевод Послания Григория Богослова, адресованного некоему Филагрию. Этот небольшой текст обращает на себя внимание своей высокой поэтичностью, силой чувства, выраженного в нем. Ничем иным невозможно объяснить то внимание, каким пользовалось Послание на протяжении веков как у южнославянских, так и у русских книжников.

В современном научном издании сборника посланий Григория Богослова, осуществленном П. Галле,¹ Послание Григория Филагрию обозначено как 80-е. Издатель предполагает, что Послание Филагрию было написано Григорием Богословом во время его пребывания в Константинополе (379—381), куда он был призван выполнять обязанности главы церкви. В этот период, после смерти почитаемого друга Василия Великого и любимого брата Кесария, Григорий переживал тяжелые времена. Константинопольская церковь не признавала Григория как своего официального главы, ему пришлось пройти через интриги, через предательство человека, которого он считал другом (Максима Киника). П. Галле отмечает, что 80-е Послание — самое горькое и патетичное во всем сборнике посланий Богослова.

Считается, что Григорий сам составил сборник своих посланий по просьбе племянника Никобула. Свою публикацию этого сборника П. Галле осуществил на основе изучения 13 списков XI—XIV вв., при этом он выделяет шесть его редакций. 80-е Послание входит в 11 сборников, представляющих все редакции.² Кроме того, П. Галле привлек список конца V в., известный по «Венскому папирусу».³ В этот «коммерческий» папирус (изготовленный для продажи) входили лишь 80-е и 90-е Послания.

Таким образом, публикация 80-го Послания основана на 12 списках. Судя по опубликованным разночтениям, все греческие списки Послания являются весьма однородными. Смысловой правки нет,⁴ изменению под-

¹ Gallay P Saint Grégoire de Nazianze, Lettres Paris, 1964 Vol 1 P 103

² Очевидно, это доказывает, что данное Послание входило в архетип сборника

³ Papyrus graecus Vindobonensis, 29788 Отметим, что в примечаниях П. Галле не представляется данных о том, что 80-е послание, помимо «Венского папируса», имело какую-то рукописную традицию вне сборников посланий

⁴ В первом издании 80-го Послания, которое было осуществлено в 1528 г в Париже, в составе сборника посланий Василия Великого и Григория Богослова (см Basilii Magni et Gregorii Nazanzeni (sic) Theologorum epistolae graecae Haganoae per Iohan(nem) Sec(er)net) MDXXXVII), была допущена ошибка, впоследствии повторявшаяся в более поздних изданиях, в том числе и в издании Миня (см PG Vol 37 Col 153) в ка-

вергались лишь некоторые грамматические формы. Приведем текст, опубликованный в работе П. Галле по «Венскому папирусу», и выполненный нами подстрочный перевод

ΦΙΛΑΓΡΙΩ

Ερωτᾶς πῶς τα ημετερα Καὶ λιαν πικρῶς Βασιλειον οὐκ εχο, Καισαριον οὐκ εχο, τον πνευματικον αδελφον και τον σωματικον Ὁ πατηρ μου και η μητηρ μου εγκατελιπον με μετα Δαυιδ φθειρομαι Τα του σωματος πονηρῶς εχει, το γηρας υπερ κεφαλῆς φροντιδων επιπλοκαι, πραγματος επιδρομαι, τα των φιλων απιστα, τα της Εκκλησιας απομαντα Ερρει τα καλα, γυμνα τα κακα, ὁ πλοῦς εν νυκτι, πυρρος ουδαμοῦ, Χριστος καθευδει Τι χρη παθειν, Μια μοι των κακων λυσις, ὁ θανατος Και τα εκειθεν μοι φοβερα, τοις εντευθεν τεκμαιρομενω

Филагрию

Ты спрашиваешь как дела. Конечно, горестны. Василия нет. Кесария нет. Духовного брата и телесного. «Отец мой и мать моя оставили меня»⁵ — с Давидом скажу. Плоть моя в плохом состоянии. Старость над головой, тревог сплетение дел. Прилив. Друзья неверные. Церкви без пастыря. Исчезла доброта, обнажилась злоба. Плавание ночью маяка. Нигде нет Христос спит. Что будет со мной? Моим бедам разрешение — смерть. И это мне страшно и это предопределено.

У славянских книжников это небольшое произведение Григория Богослова нашло живейший отклик и имело обширную рукописную традицию.

В славяно-русской книжности текст переводился один раз. Наиболее ранние сохранившиеся его списки входят в качестве дополнения ко 2-й редакции переводного собрания гомилий Григория Богослова⁶. Рукописи, содержащие собрание этой редакции, известны с XIV в.,⁷ однако возможно, что она была создана в Преславе в X в.⁸ Послание к Филагрию здесь, как правило, помещалось после 2-го слова Григория Богослова на Пасху.⁹

Приведем текст славянского перевода Послания по рукописи РГБ, ф 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 8, л 135 об.

филагрию впросившю на здравье феолога. и ѿтвѣца
вѣпрашакши ли како живемъ.
не зѣло ли горцѣ и болѣзньнѣ.
васнана не имамъ. и кесариа гоньзноухъ.
дѣхънаго ми и плотнаго ми врата.
оцъ и мѣти остави. съ дѣдомъ рекоу
плоть драхло живетъ старость надъ главою.
печалемъ сплетеник дѣломъ превыванк
друзи невѣрни цркви бес пастѣха.
ищеже доброта обнажиса злова.
путьк ноцья а света нѣ

честве адресата письма был назван не Филагрий, а ритор Евдоксий. Данное указание никак не поддерживается существующей рукописной традицией. И в наиболее раннем списке из «Венского папируса», и в позднейших списках получатель послания — Филагрий.

⁵ Пс 26 10

⁶ Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 33—34.

⁷ ГИМ, Синодальное собр., № 43, № 954. ГИМ Чудовское собр., № 11. РГБ ф 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры) № 8. См. Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. С. 33—34.

⁸ Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 141.

⁹ Так в списках XIV в. ГИМ Синодальное собр., № 954. РГБ ф 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры) № 8. ГИМ, Синодальное собр., № 51. В списке XIV в. ГИМ Синодальное собр., № 43. Послания вовсе нет. В списке РНБ Соловецкое собр., № 95/95. XVI в. Послание находится в самом конце, после 16-й гомилии.

хѣ спитъ.

да что ксть дѣяти.

нк кдино ли селкоу злу разореник смръть.

и то ми ксть страшно. и сими стоужаю.

но по аплоу кто ма избавитъ

ѿ смрѣти тѣда сего.

хвалю ба нса хѣ га нашего.

кмоу же слава чтъ и поклонаньк съ оцмъ и съ прѣтымъ блгим и животворящимъ дхмъ твоимъ и всегда и нына присновѣ.

Сравнивая греческий текст и текст перевода, отметим ряд смысловых особенностей, привнесенных в послание славянским переводчиком.

В греческом тексте во фразе «плавание ночью, маяка нигде нет, Христос спит» употреблено слово *πλοῦς* — это именно морское путешествие, и *πυρός* — это, скорее всего, не просто огонь, а маяк, сигнальный огонь. Здесь содержится отсылка к евангельскому эпизоду: «И вот сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал» (Мф. 8:24). Представляется, что в переводе («путьк ночьюа а света нѣ хѣ спитъ») евангельская аллюзия затемнена.

Еще одно отличие славянского перевода связано с заключительной фразой, содержащей цитату из Послания апостола Павла к римлянам,¹⁰ эта фраза имеется во всех известных нам списках славянского перевода, но отсутствует в греческих текстах, изученных П. Галле: «но по аплоу кто ма избавитъ ѿ смрѣти тѣда сего». Неизвестно, является ли эта фраза прибавлением славянского переводчика, либо имеется греческий вариант текста, где цитата из Послания апостола Павла присутствует.

Помимо 2-й редакции собрания Слов Григория Богослова Послание Филагрию входит и в 3-ю редакцию собрания.¹¹

Перевод Послания в обеих редакциях собрания гомилий Григория Богослова идентичен; имеющиеся различия очень незначительны. Если сравнить тексты Послания из собраний гомилий Григория в рукописи РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 8, XIV в., л. 135 об. (2-я редакция) и в рукописи БАН, 31.7.1, XVII в., л. 699 (3-я редакция), то обнаруживаются следующие расхождения. Вместо «гоньзноюхъ» в 3-й редакции читается «линихса»; вместо «пастуха» — «пастырен»; вместо оборота «да что ксть дѣяти» — «да что здѣ нѣжда»; вместо «света нѣ» — «свеща нет» (последнее изменение, очевидно, является всего лишь фонетическим вариантом, поскольку род слова не изменен). Также изменен порядок прямой и авторской речи при цитировании Давида (вместо «оць и мѣти остави. съ дѣдомъ рекоу» — «съ дѣдо рекѣ оць мой и мѣти мой остависта ма»). Резко сокращена доксология.

В 3-й редакции собрания Слов Григория Богослова Послание Филагрию помещено в самом конце в виде дополнения, после последней, 16-й, гомилии.

Здесь оно регулярно появляется в ансамбле с фрагментами «Того же Богослова о Кесарии брате его», «Сказание словесем Григория Богослова от слова еже в нову неделю», «От деяний апостольских толкования»; кроме того, в данную подборку могут включаться и еще несколько отрывков, хотя появление их в рукописях нерегулярно. Первый из фрагментов взят из гомилии Григория Богослова на погребение брата Кесария (PG. Vol. 35. Col. 784). Названная гомилия не входила в кодекс древ-

¹⁰ Рим 7:24

¹¹ См., например, БАН, 31 7 1, XVII в., л. 699, РНБ, Соловецкое собр., № 94/94, XV в., л. 698

них славянских переводов Григория; впервые она появилась полностью лишь в издании Епифания Славинецкого. Второй фрагмент представляет собой выписку из соответствующего слова, имеющегося в собрании, с толкованиями Никиты Ираклийского.¹²

Особого внимания из статей конвоя заслуживает сопровождающий Послание фрагмент «О Кесарии», который в ряде случаев переписывался с Посланием без остальных отрывков. Вот текст этого фрагмента по списку БАН, 31.7.1, л. 699:

Того ж богослова ш кесарїи братѣ его.
 ждѣ архангѣскаго гласа.
 послѣднюю трѣбоу.
 нѣси измѣненїе.
 стѣхїамъ свобоженїе.
 всего мира шживленїе.
 и тогда кесарїа оузрю.
 к томѣ не доходяща.
 и к томѣ не шплаканна.
 свѣтла славна высока.
 тако же ми въ вѣдѣньхъ гавис многаши.
 ш любовниче братыни мои.

Южнославянские списки 3-й редакции, в которых Послание сопровождалось бы названным конвоем, неизвестны.¹³ Однако необходимо отметить, что Послание вместе с конвоем имело в южнославянской книжности самостоятельную историю. Так, один из ранних сохранившихся списков послания (2-я четв. XV в.) входит в известную рукопись, содержащую болгарский список Сербской Александрии (София, Народная библиотека «Кирил и Методий», 771(381)).¹⁴ Эта рукопись является конволютом. В старшей части конволюта (л. 1—218) помимо Александрии Сербской редакции на л. 211—216 находится список апокрифа — Беседы трех святителей (Иоанна Златоуста, Григория Богослова и Василия Великого).¹⁵ В конце Беседы, на л. 216, переписано 80-е Послание Григория под заголовком «Тогожде Иоанна Богослова к Филагрию ответно». Текст имеет такой вид, как будто это заключительная реплика Беседы. После Послания переписаны еще два фрагмента текстов Григория Богослова — «О Кесари брате» и «От слова еже в новую неделю». Текст послания вместе с фрагментом «О Кесарии» встречается и в других славянских рукописях (Требник 1-й пол. XV в.: ГИМ, Синодальное собр., № 307; Сборник аскетических сочинений (велешский), 2-й пол. XIV в., Библиотека на българската академия, № 81, л. 128 об.;¹⁶ Лествица

¹² Отметим, что фрагменты о Кесарии и о новой неделе входили и в поздние списки 2-й редакции Слов Григория (например, ГИМ, Синодальное собр., № 51, РНБ, Соловецкое собр., № 95/95), однако в первом случае оба фрагмента переписаны отдельно от послания в конце книги, а во втором — и послание, и сопровождающие его фрагменты помещены в конце собрания. Представляется, что названные явления вызваны знакомством с 3-й редакцией Слов Григория Богослова

¹³ Буланин Д. М. Античные традиции. С. 143

¹⁴ Софијска илюстрована Александрида. Фототипско издање. Београд, 1987

¹⁵ Беседа начинается с реплики «Григорие рече коя хитрость быс прѣва на земле? Василе реч швь, егда Евва и Адам сашива ста листвие смаковное и створиста одяние себе » Следующая реплика «Григорие рече кто прѣво Бога нарече? Василе реч Сатанаиль прѣви аггль сьрьжен быс с неба прѣжде сьздана адамове » В конце Беседы, перед 80-м посланием, имеется пересказ притчи о добром самаритянине, приписываемый Григорию

¹⁶ Кодов Хр. Опис на славянските ръкописи в библиотеката на българската академия на науките София, 1969 № 81

Иоанна Лествичника с прибавлениями, 3-я четв. XIV в., серб. (рашский), Хиландарский монастырь, № 182).¹⁷

Фрагмент «О Кесарии» имеет в славянской книжности самостоятельную судьбу. Он входит в состав чтений Великих Четых Миней на 29 февраля.¹⁸ Д. М. Буланин, исследовавший чтения этого дня, пришел к выводу, что они представляют собой реликт древнего сборника, составленного в Болгарии в X в.¹⁹ Любопытно, что перевод фрагмента из Великих Четых Миней тот же, что и в «Александрии», и в собрании гомилий. Имеются лишь три отличия: после слов «нѣсн измѣненіе» в Великих Минеях Четых вставлено «земли потвореніе»; вместо «въ вѣдѣньихъ» читается «въ снѣ»; на конце, после слов «вратнии мнѣ» добавлено «и вратолоубче. аще мысль мою сию швъновлапа. и аще еже ш истиннѣ».

В русской книжности Послание Филагрию входит в круг интересов целого ряда значимых деятелей русской культуры XV в. Наиболее раннее свидетельство глубокого интереса к Посланию появляется в сочинении, вышедшем из круга Епифания Премудрого.

В Новгородской Карамзинской летописи и в Новгородской 4 летописи имеется рассказ о кончине епископа Арсения Тверского 2 марта 1409 г. Окончание этого памятника таково: «Тое нѣщѣи въ за полъ третья часа. пастырь нашъ и оучитель. соборныя великыя цркви стѣго стѣго [так] спса настоаникъ ѿ житіа к бѣѣ ѿходитъ на же снрѣи вставль своа шца не имѣщѣи пастыра. ш нѣжда пла и рыданіе. вопль мно по бгословѣ. не здѣ ли болезньнѣ старшсть. на главою. печалемь сплетеніе. изчезе доброта. шмнѣжи злоба. дрѣзи невѣрны. цркѣ бес пастыра. пѣтье нѣщѣю. свѣщѣи нѣ. посѣтитель спи. вывыи на своемь столѣ. добрѣ шпасъ свою цркѣ лѣтъ ѡи н 3 мѣцѣ».²⁰

Таким образом, текст содержит цитату из Послания Григория Богослова. При этом цитата передана с многочисленными неточностями, возможно, по памяти. Автор ориентировался на текст из 3-й редакции собрания гомилий Григория Богослова («вес пастыря», «свѣщѣи нѣс»). Сознательным изменением является замена имени Иисуса Христа на слово «посетитель», обозначающее «епископ».

Относительно авторства рассказа о кончине епископа Арсения Тверского высказаны два мнения.

Г. М. Прохоров полагает, что автором рассказа является Епифаний Премудрый. Предположение обосновано употреблением слова «посетитель» в значении «епископ»,²¹ а также тем, что поэтические места этого рассказа (о параличе, смерти и погребении) стилистически родственны «Слову о житии и преставлении великого князя Дмитирия Ивановича, царя Русского» и Житию Стефана Пермского.²²

Другое мнение принадлежит Б. М. Клоссу.²³ Исследователь считает, что автором рассказа является архимандрит Кирилл Тверской. Именно этому владыке, корреспонденту и единомышленнику Епифания Премуд-

¹⁷ Славянские рукописи афонских обителей Фессалоники, 1999 С 125

¹⁸ РНБ, Софийское собр., № 1320, л 498 об Благодарю за указание Д М Буланина

¹⁹ Буланин Д М Античные традиции

²⁰ Цит по рукописи РНБ, F IV 603, исторический сборник, кон XV в., л 418 об

²¹ Прохоров Г М Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв Л, 1987 С 120

²² Отметим, что при внимательном изучении памятников, указанных Г М Прохоровым («Слово о житии и преставлении великого князя Дмитирия Ивановича, царя Русского» и Житие Стефана Пермского) нами не обнаружено никаких следов знакомства авторов (или автора) с 80-м Посланием, хотя цитация оттуда в данных текстах была бы весьма уместна

²³ Клосс Б М Избранные труды Т I Житие Сергия Радонежского М, 1998 С 124

рого, Б. М. Клосс атрибутировал «Повесть о Михаиле Александровиче», как и всю тверскую переработку Троицкой летописи. Стало быть, по мнению исследователя, и плач о епископе Арсении должен принадлежать тому же автору.

Самый ранний выявленный нами русский список Послания (без добавочных фрагментов) входит в ныне опубликованный сборник Кирилла Белозерского (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, XII, л. 421—421 об.).²⁴ Данный сборник изучен Г. М. Прохоровым, который пришел к выводу, что текст Послания написан почерком, который исследователь атрибутировал лично Кириллу.²⁵ Сравнение текстов показывает, что текст Послания Кирилловского сборника взят из Сборника гомилий 2-й редакции, со всеми его характерными особенностями («гоньзнух», «пастуха», «света» и проч.).

Послание Филагрию вместе с текстом «О Кесарии» входит также в Торжественник Ефросина: ГИМ, собр. Уварова, № 338 (894) (365), л. 218 об.²⁶ Исследователи датируют его 1473—1477 гг. В каталоге Т. В. Черторицкой указано, что шесть мелких текстов на л. 218 об.—219 об. этого кодекса не являются календарными, т. е. не входят собственно в структуру Торжественника, и, следовательно, представляют собой дополнения Ефросина.²⁷

Большой интерес к Посланию проявляли иноки Соловецкого монастыря. Этот текст помещен в дополнениях к Кормчей инока Дорофея (РНБ, Соловецкое собр., № 412 (858), 1493 г., л. 351 об.). Здесь Послание вместе с текстом «О Кесарии» помещено после отрывков из Максима Исповедника (л. 350 — «Максима Исповедника сказание хитро о чювстве телесных и о душевнимъ свойстве ихъ»; л. 350 об. — «Того же Максима сказание об образе греховнем») перед «Правилами святых отец о церковном устроении» (л. 352). Очевидно, эта статья не входила в структуру Кормчей, а явилась дополнением составителя. При этом текст был несколько редакционно изменен, о характере изменений мы скажем далее.

Текст, аналогичный встречаемому в Сборнике слов Григория Богослова 3-й редакции (вместе с фрагментом «О Кесарии»), имеется в Сборнике, принадлежавшем игумену соловецкому Иакову (РГБ, собр. Соловецкого монастыря, № 53/963, л. 305—305 об.). Иаков игуменствовал на Соловках в 1581—1591 гг., и за это время библиотека монастыря пополнилась 93 рукописными книгами. Книга, в которую вошло Послание, помечена личным экслибрисом игумена Иакова. Она представляет собой сборник монашеского келейного чтения, в который входили статьи, связанные с различными аспектами монашеской жизни, и прежде всего произведения аскетического содержания. Непосредственный конвой Послания — «Поучения Иллариона Великого о пустынном житии» и «Повесть

²⁴ Публикацию см. Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского СПб, 2003 С 227

²⁵ Прохоров Г. М. «Сице помыслих лепо» Автограф Кирилла Белозерского и устройство его обители. По данным сборника РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 12 // ТОДРЛ СПб, 2003 Т 53 С 64

²⁶ К сожалению, рукописное собрание ГИМ оказалось недоступным для нас при проведении исследования, поэтому в данной статье не представляется возможным охарактеризовать текст Послания из Ефросинового сборника

²⁷ Предварительный каталог церковнославянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописям XI—XVI веков, преимущественно восточнославянского происхождения / Составлен Т. В. Черторицкой, Под ред. Х. Микласа Opladen, 1994 С 591, 03 6 17

отца Исаиа» («отец Исаиа поведи нам глаголя яко седящу мне когда близ святаго Макария...»).

80-м Посланием интересовался Максим Грек. Памятник вместе с фрагментом «О Кесарии» переписывался в составе сборников с его переводами. Исследуемые тексты встречаются в сборниках сочинений, отнесенных Д. М. Буланиным к Архивному 2-му типу²⁸ (РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1622, 1-я четв. XVII в., л. 73 об.; РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 338, 1-я треть XVIII в., л. 136 об.). 80-е Послание и фрагмент «О Кесарии» переписаны также в составе весьма авторитетного сборника произведений Максима, называемого «Румянцевским собранием»: РГБ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 264, между 1551—1555 гг., л. 68 об.—69.²⁹

Д. М. Буланин считает Послание и фрагмент «О Кесарии» выписками из заключительной части собрания 16 слов 3-й редакцией перевода собрания гомилий Григория Богослова. Эта мысль подтверждается и сравнением текстов Послания из «Румянцевского собрания» с текстами, включенными в 3-ю редакцию собрания, — все характерные особенности сохраняются.

Тот же вариант текста Послания имеется в рукописи из собрания Троице-Сергиевой лавры, содержащей исследуемые тексты, — это Палея с прибавлениями 1-й пол. XVI в.: РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 730. Здесь памятник расположен после статьи «Севериана епископа авальского о древе спасенного креста, где обретается и како бысть». После Послания идет «Премудрость Иисуса Сираха».

В русских рукописях появляется особая стилистическая редакция перевода Послания. В наиболее полном виде она нам известна по Троицкому сборнику кон. XV—нач. XVI в.: РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 759, л. 381. Сборник содержит статьи очень пестрого содержания. В нем переписаны ряд житий (Иоанна Богослова, Иоанна Златоуста, преподобного Мартиниана, Пелагеи, Житие мученицы Февронии, Марии Египетской, фрагмент Жития Андрея Юродивого), ряд апокрифов («Сказание Афродитиана», «Севериана Авальского о древе крестном»), сочинения эсхатологического характера («Слово Ипполита о скончании века», «Слово Палладия о Втором пришествии»), сочинения аскетического характера («Нил о осьми помыслах», «Главы Феодора Едесского», «От старчества»). Непосредственный конвой Послания — сборник мелких статей и отрывков на л. 378 об.—383 об. (Индекс истинных и ложных книг, «на преставление святые Богородица», «О пресвятей истолкование како бы и что ради...» и проч.). Текст 80-го Послания в этом сборнике отталкивается от текстов из 2-й и 3-й редакций собрания гомилий. Представляется, что редактору были известны тексты из обеих редакций: в Троицком сборнике читается «гоньзнуоух», но «вс пастырь» и «свѣци нѣсть»,³⁰ здесь имеется краткая доксология. При этом текст перевода Послания претерпел тонкое стилистическое редактирование. В таблице проведено сопоставление стилистических вариантов Посланий.

²⁸ Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека С 37

²⁹ Синицина Н. В. Максим Грек в России М., 1977 С 252

³⁰ Слово сочетание «свещи нет», дополнительно затемняющее евангельскую аллюзию, возникло из фонетического варианта родительного падежа слова «свет», имеющегося в 3-й редакции Собрания гомилий «свеща нет»

Таблица

	Собрание гомилий Григория Богослова, 3-я редакция (БАН, 31 7 1, л 699)	Троицкий сборник (РГБ, ф 304 (собр Троице-Сергиевой лавры), № 759, л 381)
1	вoпpошaеши ли кaкo живeмъ	вѣпpашaеши ли мa кaкo живѣ
2	вaсилѣ нe имaмъ. кeсaрѣa лишнѣхъ. кѣпнo дѣoвнaгo и плoтнaгo ми бpатa.	вaсилѣ нe имaм дѣoвнaгo ми бpатa. плoтнaгo кeсaрѣa гoнъзнoухъ
3	стapocтѣ нaдѣ глaвoю	стapocтѣ нaд глaвoю стoитѣ
4	пeчaлeмъ cъплeтeнѣa. дѣлoмъ пpeвывaнѣa.	пeчaлe cплeтeнѣe. и дѣлo пpeвывaнѣa.
5	ищeзe дoбpoтa. вeнaжнcя злoвa.	иcчeзe дoбpoтa и вeнaжнcя злoвa.
6	и ce вeлми eстѣ cтpашнo. и cнми cи cтѣжaю.	и тo ми eстѣ cтpашнo. и cнмѣ cтoужaютѣ cи
7	ктo мa извaвитѣ ѿ cмѣртнѣ тѣлa ceгo	ктo мa извaвит ѿ cмѣртнѣ тѣлa мoeгo

Стилистический вариант Троицкого сборника несколько дальше от буквальной передачи оригинала, однако текст в нем выглядит выразительнее и точнее. Наиболее заметные правки:

— изменение рисунка параллельной конструкции (строка 2);

— прибавление глагола «стоит» по аналогии с предыдущим членом градации (плот дряхло живет), оканчивающимся на глагол в той же форме (строка 3);

— изменение рисунка параллельных конструкций через прибавление союзов «и» (строки 4, 5);

— уточнение ритмического рисунка (строка 6);

— усиление личностного оттенка с помощью изменения указательного местоимения на притяжательное (строка 7), формы множественного числа на форму единственного числа (строка 1).

Текст Послания в Троицком сборнике сопровождается фрагментом «О Кесарии» того же вида, что и в рукописи БАН, 31.7.1.

Как уже было сказано, несколько иной вариант текста Послания включен в Кормчую соловецкого инока Досифея. Текст Послания у Досифея представляет собой начальную стадию формирования стилистической редакции, представленной в Троицком сборнике. Изменения, аналогичные тексту Троицкого сборника, есть только в строках 2, 3, 6 (см. таблицу). Фрагмент «О Кесарии» здесь нет.

80-е Послание занимало русских книжников и в поздний период существования древнерусской литературы.

Во 2-й половине XVII в. 80-е Послание включено сразу в два различных печатных памятника — в «Сборник переводов» Епифания Славинского и в «Анфологион» Арсения Грека.

«Анфологион» Арсения Грека был издан на московском Печатном дворе в 1660 г. В состав этого сборника входили «Четверострочия» — арсениевский перевод четверостиший Григория Богослова. Они расположены на л. 116—168. После л. 168 этого издания в большинстве экземпляров имеется картон.³¹ На этом картоне содержится Послание к Филлагрию вместе с текстом «О Кесарии». Текст Послания по ряду мелких признаков весьма схож с текстом из 3-й редакции сборника гомилий. (кeсaрѣa лишнѣхъ; пaстырѣa; cвeци; краткая доксология). «Редакторская»

³¹ Очевидно, этот картон входил не во все экземпляры издания. Его нет, например, в «Анфологионе» из Нижегородского государственного областного архива

работа Арсения выразилась в неверной замене, вызванной непониманием слова «селику»: вместо «нѣ єдино ли селикоу злѣ разорениѣ смѣръ» (как в тексте Послания из собрания слов Григория) у Арсения — «нѣ єдино ли рекѣ разрѣшеніе. смѣръ». Любопытно, что Арсений сопроводил текст Послания Филагрию пометой: «зело полезно».

Подводя итоги, отметим, что бытование 80-го Послания Григория Богослова в славянской и русской книжности ставит перед исследователем ряд пока не разрешенных проблем. Послание, очевидно, было переведено у южных славян, но неизвестно, когда, где и кем перевод был выполнен. Неясным остается вопрос, когда оно вошло в состав славяно-русского корпуса слов Григория Богослова. Судя по всему, в греческие оригиналы собраний слов Григория Богослова Послание не входило. Очевидно, оно не входило и в архетипы славянских переводов сборника гомилий Григория Богослова. Об этом говорят следующие факты. Во-первых, как было отмечено, исследователям не знакомы южнославянские списки собрания слов Григория Богослова с этим Посланием. Во-вторых, положение Послания в русских списках собрания очень неустойчиво. Его может не быть вовсе, оно может следовать после Слова на Пасху, после 16-го Слова, появляется и в иных местах.

Сначала Послание бытовало в собрании слов Григория без конвоя, что отражено в ранних русских списках 2-й редакции собрания. При этом вызывает недоумение место памятника в кодексе — после 2-го слова на Пасху. Казалось бы, мрачное и горькое по своему настрою Послание должно было быть помещено в чтениях на Страстную неделю.

Позднее к Посланию стали прибавляться иные статьи — «О Кесарии», «В неделю новую». При этом наиболее частый конвой — статья «О Кесарии». Несомненно, на каком-то этапе книжной традиции эти два небольших текста стали восприниматься как ансамбль, весьма значимый в богословском отношении (не случайно примечание Арсения Грека «зѣло полѣзно»). С присоединением этого фрагмента Послание получает новую богословскую глубину и объемность. Своеобразный ансамбль обретает два смысловых уровня. Первый уровень самоочевиден и обращен к трагическим реалиям жизни. Однако оба текста вместе могут иметь и иное, аллегорическое истолкование, при котором скорбь о брате и надежда на его воскресение в день Страшного суда претворяется в скорбь о распятом Иисусе Христе и надежду на его Воскресение. В плане формы эти два текста чрезвычайно соответствуют друг другу: оба они основаны на риторическом приеме градации, с помощью которого Григорий Богослов достигает высочайшего эмоционального подъема.

Хотя текстология Послания нуждается в углубленной разработке, но уже сейчас не вызывает сомнения, что Послание и фрагмент «О Кесарии» были хорошо известны как южнославянским, так и русским книжникам в XIV—XVII вв. не только по собранию гомилий Григория, но и по самым различным рукописям, были на слуху, были любимы и востребованы древнерусскими книжниками, о чем свидетельствуют не только многочисленные списки, но и цитация в древнерусском тексте. У нас нет сомнений, что в различных произведениях древнерусской литературы можно будет найти еще не одно явное или скрытое использование этих небольших, но замечательных в художественном отношении текстов.

А. А. АЛЕКСЕЕВ

Грамматическая статья патриарха Фотия в славянском переводе

Перевод книги Иова на славянский язык был совершен в глубокой древности, по всей вероятности, в кругу св. Мефодия. В сохранившихся списках библейский текст сопровождается толкованиями или разделен на перикопы в согласии с этими толкованиями, так что возникает мысль о том, что он и появился вместе с толкованиями, которые впоследствии были удалены. Между библейским текстом и сопровождающими его толкованиями заметное языковое различие отсутствует. С толкованиями книга Иова представлена в списках РГБ, Рум. 28 и Акад. 141, ГИМ, Чуд. 6, РНБ, Пог. 79 и Кир.-Бел. 3/128, без толкований в списках РГБ, Волок. 10 и 605, РНБ, F.1.461 (рукописи конца XIV—XV в.).¹ Толкования принадлежат византийскому экзегету Олимпиодору Александрийскому (VI в.).² Они, однако, представляют собою катены, т. е. свод уже существовавших толкований на книгу, их основу образуют беседы Иоанна Златоуста на Иова, из других авторов использован антиохийский экзегет Полихроний († 430), епископ Апамеи в Сирии, брат известного Федора Мопсуэстийского. Пространное предисловие, содержащее догадки о времени жизни Иова и авторстве книги, также принадлежит Полихронию, именем которого (*полихронъ*, *полоухронъ* и *полоуфронъ*) обозначено оно и в некоторых славянских списках.

Первая часть предисловия, содержащая рассуждение о том, почему в Писании много темного и неясного, принадлежит, однако, не Полихронию, а патриарху Фотию. Это 152-я статья из его зротапокритического сборника *Amphilochia*, созданного как ответы на богословские вопрошания Амфилохия, митрополита Кизического, и включившего в себя около 300 мелких статей (публикация сборника в PG. T. 101. Col. 1189—1233).³ Статья была присоединена к предисловию Полихро-

¹ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии СПб, 1999 С 36, 159 См также Костова К. Към вопроса за Кирило-Методиевите преводачески похвати в книга Иов от ръкопис F1 461 на Руската национална библиотека в Санкт-Петербург // Старобългаристика 2000 № 2 С 61—69

² См Geerard M. *Clavis patrum graecorum* Brepols, Turnout, 1974—1980 Vol 1—4 N 7453, PG T 93 В XI в катены были переработаны известным экзегетом Никитой Ираклийским и оказались вновь переведены на Афон монахом Гавриилом в начале XV в См Алексеев А. А. Текстология С 36 Издание катен Никиты см *Catena graecorum patrum in beatum Iob collectore Niceta Heracliae metropolitae Opera et studio P Junn London, 1637*

³ Beck H.-G. *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich* Munchen, 1959 S 523

ния на книгу Иова,⁴ вероятно, потому что греческий текст книги вызывал по своей темноте много недоумений у образованных византийцев. Считают, что «Амфилохии» написаны были Фотием между 866 и 877 гг., когда он находился в изгнании в Скепском монастыре,⁵ тогда как славянский перевод Иова с толкованиями мог быть совершен или непосредственно в кругу Мефодия († 885), или вскоре после его смерти в Болгарии в эпоху царя Симеона (893—927).⁶ Таким образом, славянская версия дает свидетельство очень скорого соединения статьи с книгой Иова.

Содержание статьи нуждается в комментарии. В ней перечислены десять причин, по которым в книгах Св. Писания находятся смысловые неясности. Интересны и сами эти причины, как они представлены автором, и их славянский перевод, поскольку он требовал от переводчика нахождения смысловых и языковых соответствий для изложения специальных филологических вопросов.

Первая причина заключается в том, что всякий язык при переводе теряет свой образ. Слово εἶρμός, употребленное в оригинале, значит, по видимому, систему синтаксических связей, на что указывает в данном случае его славянский эквивалент **съставленіе**.

Вторая причина состоит в том, что синонимы (εἰς ἑνὸς ἁποφάνησεν ἑνὸς ἁποφάνησεν) еврейского языка не различались переводчиками. Приводятся, однако, примеры греческих омографов, различающихся ударением. Слово κάλός с острым ударением на последнем слоге (oxuytonon) означает «красивый»; это же слово с острым ударением на предпоследнем слоге (ragoxuytonon) значит «корабельный канат». В качестве еще одного примера приведено слово ὄρος, которое с ударением ragoxuytona обозначает «холм, бугор», а с ударением oxuytona «сыворотка». Перевод этого параграфа сделан свободно и весьма квалифицированно. Приведенным греческим примерам предшествует отсутствующее в оригинале утверждение о том, что в греческом языке слова различаются ударением (**пригласъ**). Термины греческой просодии (oxuytona, ragoxuytona) переводчик опускает, но для объяснения ситуации вводит термин **сълта** «слог». А. Х. Востоков, а за ним И. И. Срезневский предполагали, что это слово представляет собою заимствование лат. hiatus.⁷ Объяснение это неудовлетворительно ни в семантическом (лат. hiatus значит «зияние», а слог обозначается грецизмом syllaba), ни в фонетическом отношении (предполагается необычная для заимствований палатализация), ни словообразовательно (женский род вместо мужского). Догадка Востокова была основана на орфографии русских списков, где неизменно пишется **сіата**, тогда как орфография болгарского списка F.I.461 с приставкой **съ-** и чередованием носовых в корне не позволяет считать написание русских списков исходным. Слово, безусловно, представляет собою морфологическую кальку, воспроизводящую словообразовательную структуру греч. συλλαβή «слог». В греческом оригинале слова συλλαβή нет; поэтому можно думать, что славянский эквивалент был известен и употребителен в том кругу, где действовал переводчик. При рассмотрении в этом параграфе второго примера со словом ὄρος в славянском переводе не названо значение «холм, гора», упомянутое в оригинале, но говорится о значении «межа».

⁴ На что указал уже А. Май, первый издатель «Амфилохий» Фотия (PG T 101 P 815)

⁵ The Oxford Dictionary of the Christian Church 2d edition / Ed by F. L. Cross and E. A. Livingstone Oxford University Press, 1974 P 1088

⁶ Алексеев А. А. Текстология С 155, 159

⁷ См. Срезневский Материалы S v сята

Третья причина неясности Св. Писания состоит в том, что некоторые еврейские слова оставлены в греческом без перевода. Пример из Иер. 36:26 ἀπόκλεισμα σινωχ (счет стихов по Септуагинте, в церковнославянском и русском переводах это 29:26) служит тому подтверждением. Евр. el-hammahphehet weel-hacinok «в темницу и колоду» передано корректно в Септуагинте εἰς τὰ ἀπόκλεισμα καὶ εἰς τὸν καταράκτην, однако в части греческих рукописей мы действительно видим непереуведенный гебраизм σινωχ, это в частности и в толкованиях Иоанна Златоуста и Феодорита Кирского.⁸ Именно такой текст, следовательно, был в распоряжении Фотия.

Четвертая причина заключается в постановке точки или запятой (στιγμή), которая названа изречение; глагол ὑλοσιζῶ «ставить запятую» переведен застрекнути. Параграф этот не вполне ясен. В качестве примера цитируется Притч. 2:21 χρῆστοὶ ἔσονται οἰκότορες γῆς «достойные будут жителями земли». В славянском паримийнике этот стих передан **блзни вѣдѣтъ жителе на земн.**⁹ Не вполне ясно, отождествил ли переводчик библейскую цитату.

Пятый параграф вновь обращается к просодии, говоря о различии написания и произношения. Понятия о произношении и ударении передаются терминами пригласити, въз(д)разити.

В шестом параграфе говорится о неразличении единственного и множественного чисел как причине неясности. Приведенный пример θεός καὶ θεοί имеет смысл лишь в случае еврейских форм el и elohim, которые, различаясь числом, имеют тождественное значение.

Седьмая причина темноты Св. Писания объясняется нередким смешением лиц. Так, в Быт. 22:12 Бог говорит Аврааму: νῦν ἔγνων ὅτι φοβῆ ὁ σὺ τὸν Θεόν «теперь я узнал, что ты боишься Бога», тогда как должно быть 2-е лицо аориста ἔγνως «ты узнал». Это чисто богословское суждение, ибо автор имеет в виду, что Бог a priori обладает полнотой знания, так что не мог отнестись слова о получении знания к самому себе. В переводе, однако, комментарий оригинала не нашел отражения, зато сказано, что рассматриваемое словоупотребление соответствует «книжному науку».

Несовпадение родовых категорий является восьмой причиной темноты: так, в еврейском луна и море относятся к мужскому роду. Действительно, евр. имена уагеаh и уат относятся к мужскому роду, тогда как их греческие соответствия σελήνη и θάλασσα — к женскому. Славянский переводчик не воспроизвел, однако, эти иллюстрации, хотя правильно понял утверждение своего оригинала и внес от себя уточнение о еврейском языке, отсутствующее в оригинале и способное затруднить его понимание (τοῖς γένεσιν ἐναντίως χρῶνται ἀρρενικῶς γὰρ τὸ σελήνη καὶ θάλασσα λέγουσιν).

Девятое неудобство происходит от метафорического употребления языка; как пример цитируется псалом 103:8. Соответствующая славянская цитата совпадает с кирилло-мефодиевским переводом Псалтыри.

Десятая причина состоит в том, что еврейский текст записан был символами, непонятными иностранцам, и лишь Ездра привел его в порядок. Вероятно, имеется в виду распространенное в средние века мнение о том, что Ездра реформировал еврейское письмо, заменив древнееврейский шрифт, принятый в употребление самаританами, ассирийским квадрат-

⁸ См Ziegler J Jeremias Baruch Threnae Epistule Jeremiae 2 Auflage Göttingen, 1976 S 348

⁹ Рибарова З, Хауптова З Григоровичев паримейнк Скопје, 1998 С 73

ным письмом; кроме того, ему же приписывалась редакция священного текста.¹⁰ Последний параграф в греческом оригинале отсутствует.

При известных неясностях, которые оставляет нерешенными славянский перевод, в целом переводчик проявил хорошее понимание оригинала и нашел необходимые средства для передачи его содержания. Его стремление обходиться без заимствований, передавая терминологию оригинала славянскими соответствиями, напоминает манеру лучших переводчиков Симеоновской эпохи, создавших славянские версии Григория Богослова и толковых Пророков. Его компетенция может быть лучше оценена из сравнения со статьей Иоанна, экзарха Болгарского, о славянском языке в предисловии к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина. Среди причин, порождающих трудности при переводе, Иоанн обращает внимание исключительно на несовпадение категории рода: еже има мужьско, то въ иномъ женьско, аже се гречьскын ватраχος (βάτραχος) и потамось (ποταμός), словѣньскы жава и рѣка. и паки тамаса (θάλασσα), имера (ήμερα), анатоли (ἀνατολή) гръчьскын женьскага имена, а словѣньскы мужьскага море днь вѣстокъ.¹¹ Ошибочное отнесение слав. море к мужскому роду заставляет вспомнить о соответствующем пассаже Фотия. Не исключено, что толчок к своим грамматическим размышлениям Иоанн получил из этого же источника.

Славянская грамматическая мысль была довольно скромна, особенно в ее раннем периоде. Поэтому мы думаем, что введение в оборот нового источника не может оказаться лишним.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приводим статью Фотия по списку РНБ, F.I.461, л. 410—411. Различия даются по списку РГБ, собр. Румянцева, № 28, л. 172 об.—173. Греческие параллели взяты из публикации в PG. Т. 101. Р. 816. Разбивка на параграфы внесена издателем и соответствует содержанию статьи, как оно изложено выше в комментарии; знаки препинания и исправления передают нашу интерпретацию текста.

Сице полихронъ глѣтъ, прѣ(д)глѣ въ іѡвѣ¹.

<1> Неавленіе словоу², еже въ вѣиіхъ книгахъ, многы имать вину. Прѣвое же, тако весь³ жзыкъ, въ инъ жзыкъ прелагаемъ, по гоублѣтѣтъ свое ставеніе⁴. <2> Втора же вина, тако едіноразѣмна словеса⁵ въ жидовствѣ жзыкѣ неразѡумъ створішж тлькоужіимъ⁶, тако се гръчьскын жзыкъ пригласомъ ѡлжчнтъ⁷, а слово едіно е(с̄): аще во впишетса калось, ти воз(д)разиши на послѣдніи съжтѣ⁸, то разоумѣи тако довршты дѣлма глѣтъ. Аще ли прѣ(д) едінож сѣагоу⁹ въдражено е(с̄) пригласимъ, тако се калось, то разоумѣи жже корабное¹⁰. Или тако се тѣмже жзыкомъ гръчьскомъ: вросъ. Аще пригласъ

¹⁰ См. Каменецкий А. С. Эзра // Еврейская энциклопедия СПб., [б г.] Т. 16 С. 168. Сведения эти восходят к Талмуду. Позже их повторяет Симон Будный в своем издании Библии (1599). См. Frick D. A. Polish Sacred Philology in the Reformation and the Counter-Reformation. University of California Press, 1989. P. 195.

¹¹ Цит. по Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке СПб., 1895. С. 323.

¹ Заголовок предсловія книги праведнаго іѡва ² недовѣдома въ словесѣхъ ³ всажъ ⁴ составленіе, εἰρηός ⁵ Испр., в ркп. едіноразомна с., συνονυμοί, в Рум. недоразѣмна с. ⁶ неразѣмно сътвориша толкѡици ⁷ пригласіемъ отлѣчетса ⁸ сѣатѣ ⁹ Испр., в ркп. сѣа, тоу ¹⁰ емаже корабліе, τὸ σχοινίον τοῦ πλοίου

прѣ(д) едінож сижтож, то нарокѹ естъ¹¹ има; аще ли на послѣдній естъ сжтѣ, встрыи пригласѣ оросѣ, то има е(ѣ) рѣч'наа вода¹². <3> Третіа естъ вина: сжтѣ словеса жидов'ска, таже вещи дѣлѣ своеа не могуѣтъ са дѣлѣ¹³ протѣковати грѣчьскы, иж тако сжтѣ свонскы¹⁴ оставлена, такоже и въ еремін е(ѣ) се словъ оставлено жидов'ским апокленсманохѣ. <4> Четвръта е(ѣ): изреченіе бж сѣтворѣетъ многащи негавленіе словоу, тако се: потрѣбни вѣдѣтъ жителе земніи. Аще во не застрекнеши, рекѣ потрѣбна, то разоумѣ не гавитса¹⁵. <5> Пятаа естъ вина и въписаніемъ писменѣ, и приглашеніемъ, тако се: аще въпишеши грѣчьскомѣ жзыкомѣ архи ти въздразиши над арѣ, глѣ естъ тѣ, гавлѣа власть; аще ли надѣ хи пригласиши, то има е(ѣ) старѣшинѣство, тако се архи, се же са ре(ѣ)тѣ началник'. <6> Шестаа вина е(ѣ), тако много естъ, тако се едінѣмъ гласомѣ едіно число и многочисльно наре(ѣ)тса: въ взи. <7> Седмаа е(ѣ), тако многащи препадаетѣ словъ, къ иномуу глѣа, а къ глѣацоמוу разоумѣваемо. Тако се авраамоу глѣвѣ¹⁶: ннѣ разоумѣхѣ, тако воншиса ты вѣ. Прѣмѣнено бж е'ст' словъ по чиноу и наоукоу книжномоу. <8> Осмаа же, тако жидов'скомѣ жзыкомѣ имена женска мѣж'скы глатса. <9> Деватаа вина: многащи оставлѣжтѣ писмена жидов'скомѣ жзыкомѣ, тако се: въсхода(т) горы и нисхода(т) полѣ. Реци бж ви: въсхода(т) акы горы и нисхода(т) акы полѣ. В овхожденіе бж е(ѣ) словъ. <10> Десааа, тако въ плѣнѣ изгорѣвшамѣ кнѣгамѣ, по семже поуцажшымѣ имѣ Ѡ іерл(ѣ)ма сж¹⁷ къ себѣ въ вавулонѣ словеса виа, престаже же странници¹⁸ отимаахѣ кнѣгы и сѣ инѣмѣ имѣніемѣ. Сін же жидове знаменіа пакы тѣчїа писахѣ, иже странници не можаахѣ разоумѣти; Ѡ сего всього вы(ѣ) негавленіе словоу въ кнѣгахѣ, даже послѣж(д), приемѣ дхѣ¹⁹, ездра о всѣхѣ паматовавы въписа. <11> Лѣпо же е(ѣ), слоучажцомоу са симѣ потроуженіемѣ Ѡ различїа събранѣ сжцоу, не различными разоумы дрѣгонци акы лихын(х) зазрѣти и похулити. Присно бж писаніе въслѣдоуетѣ на вышьшее, въсходацимѣ на вышьшее.

¹¹ Испр. по Волок. 605. (нарокѣ «межа»), в ркп. нарокуетѣ, в Рум. нарѣ естъ. ¹² млечнаа вода, τὸ ὑδατῶδες τοῦ γάλακτος «сыворотка». ¹³ Слова нет в Рум. и греч. ¹⁴ Нет в Рум., ἐπὶ χῶρος. ¹⁵ потребитѣ, разумна гавитса. ¹⁶ глѣ(т) бѣ. ¹⁷ нослахѣ, нет в греч. ¹⁸ разбоинници, λοχῶντες. ¹⁹ ἐμπνευσθεῖς «вдохновленный».

В. А. РОМОДАНОВСКАЯ

К характеристике интерлинейрной части Чудовской латинской Псалтири*

В Чудовском собрании Государственного Исторического музея, за № 53 (29), хранится весьма примечательная рукопись, об уникальности которой можно говорить со всеми основаниями. Рукопись представляет собой полный текст Псалтири на латинском языке, переписанный кириллицей. Текст Псалтири, включающий 150 канонических псалмов (л. 1—177 об.), дополняют два блока библейских песен и молитв, также на латинском языке в кириллической транскрипции. Первый блок (л. 178—193 об.) соответствует католической традиции и включает следующие тексты: Молитва пророка Исайи (Ис. 12), Песнь Иезекии (Ис. 38:10—20), Песнь Анны (1 Цар. 2:1—10), 1-я Песнь Моисея (Исх. 15:1—19), Молитва пророка Аввакума (Авв. 3), 2-я Песнь Моисея (Втор. 32:1—43), Песнь трех отроков (Дан. 3:57—88), Песнь Захарии (Лк. 1:68—79), Песнь Богородицы (Лк. 1:46—55), Молитва Симеона (Лк. 2:29—32), а также *Te Deum* и *Symbolum Athanasii*. Во второй блок (л. 194—207 об.) включены песни и молитвы, принятые в Восточной церкви:¹ 1-я Песнь Моисея (Исх. 15:1—19), 2-я Песнь Моисея (Втор. 32:1—43), Песнь Анны (1 Цар. 2:1—10), Молитва пророка Аввакума (Авв. 3), Песнь пророка Исайи (Ис. 26:1—21), Молитва пророка Ионы (Иона. 2:3—10), Молитва Азарии (Дан. 3:26—45), Песнь трех отроков (Дан. 3:57—88), Песнь Богородицы (Лк. 1:46—55), Песнь Захарии (Лк. 1:68—79).

Первый, католический, блок библейских песен (л. 178—193 об.) содержит также интерлинейрный перевод латинского текста на русский язык, вписанный в широкие расстояния между строками основного текста. Перевод вписан той же рукой, которой принадлежит основной текст, однако несколько позже (другими, чуть более темными чернилами). Очевидно, для интерлинейра готовилась вся рукопись: расстояния между ее строками чрезвычайно велики, а на л. 150 об. (Пс. 118:73) также между двумя строками вписан небольшой фрагмент перевода.

Рукопись ГИМ, Чудовское собр., № 53 (29) (далее — Чудовск. 53 (29)) написана на бумаге с филигранью «три горы с большим крестом, обвитым змеей», типа Брике, № 11831, датируемой 1480 г. Формат рукописи — 4°, рукопись написана на 207 л., переплет — XVI в., «в затылок», характерный для Чудовского монастыря. Рукопись не содержит каких-либо записей относительно ее назначения или происхождения, однако

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 00-04-00157а, и Фонда Александра фон Гумбольдта

¹ Ср. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 23

глубокий интерес новгородских книжников к латинским библейским текстам и специфический полууставный почерк, подобный тому, каким написаны многие рукописи, ведущие свое происхождение из Геннадиевского литературного кружка,² наталкивают на мысль о связи латинской кириллической Псалтири с кружком архиепископа Геннадия.

Несмотря на свою уникальность, рукопись Чудовск. 53 (29) практически не привлекала к себе внимания исследователей. Лишь в 1920-е гг. ей был посвящен небольшой фрагмент в «Очерках католического влияния...» А. Д. Седельникова,³ определившего основное назначение рукописи как исключительно учебное. Однако необходимо отметить, что латинская кириллическая Псалтирь содержит также двойную лекционный разметку: текст Псалтири разделен на традиционные в Восточной церкви кафизмы и славы, а, кроме того, псалмы и библейские песни первого (католического) блока содержат деление на фери и глории — чтения, принятые в католической церкви и характерные для служебных западноевропейских Псалтирей XV в.⁴ Этот факт позволяет предположить, что Чудовская Псалтирь могла предназначаться не только для обучения латинской грамоте, но и для ознакомления с латинским богослужением (если не для проведения его).

Кроме того, в Чудовскую Псалтирь были включены надписания псалмов, присутствующие как в древнейших славянских рукописях, так и в тексте Псалтири Геннадиевской библии. Для иллюстрации тождества надписаний Чудовской Псалтири и Геннадиевской библии приведу лишь несколько примеров.⁵

² Характеристику почерков писцов Геннадиевского кружка см в кодикологических описаниях Геннадиевской библии (Левочкин И В Кодикологическая характеристика Геннадиевской библии // Федоровские чтения 1981 М., 1985 С 90—96, Смирнова Э С Лицевые рукописи Великого Новгорода XV век М., 1994 С 387—392, Костюхина Л М Палеографическое описание рукописи // Русская Библия М., 1998 Т 9 С 508—511), а также в описании библейских рукописей Геннадиевского кружка (Ромодановская В А Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской библии I Рукописи XV—первой трети XVI в // Источники по русской истории и литературе Средневековья и Новое время Новосибирск, 2000 С 8)

³ См Седельников А Д Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в // Доклады АН СССР Л., 1929 Сер В № 1 С 16—19

⁴ См Ромодановская В А Кириллическая латинская Псалтирь XV века из Новгорода // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве» Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России, 27—29 августа 2000 года, Ярославль—Рыбинск Ярославль, 2001 С 166—171 К сожалению, в этой статье мною была допущена досадная неточность Деление на фери, содержащееся в латинской кириллической Псалтири, свойственно не только бенедиктинской традиции, но присутствует и в ряде служебных печатных латинских Псалтирей, с которыми мне удалось познакомиться лишь в Государственной библиотеке Баварии (Мюнхен) и библиотеках университетов Вюрцбурга и Гейдельберга Как пример наиболее близкой Чудовск 53 (29) латинской служебной печатной Псалтири назову издание *Psalterium Pataviense Mit Kalendarium, Ordinarium officii, Cantica, Tedeum, Symbolum Athanasianum, Allerheiligenlitorei, Collectae und Oraciones Im Anfang Suffragia, Hymnar und Commune Sanctorum* [Wien Johann Winterburger С 1494—1498], а также лекционный разметку в *Psalterium latino-germanicum* [Straßburg Dr d H Ariminensis (—Georg Reyser?) С 1474] Возможно, дальнейшие исследования определят и конкретный оригинал, которым пользовались русские книжники

⁵ Здесь и далее тексты приводятся по правилам ТОДРЛ современным гражданским шрифтом, титла раскрываются, выносные вносятся в строку в круглых скобках, конечный ъ опускается, џ передается как «пс», ꙗ — как «кс», ѡ — как «о», ѣ и ѝ — как «у», ѧ — как «я», ꙗ — как «и», ꙗ — как «ф», ꙗ — как «з» Сохраняется лишь ꙗ, а также ѧ в тех случаях, когда это важно для морфологической характеристики В латинских текстах, непривычных в русской транскрипции, я придерживаюсь более строгого следования рукописи, в частности, сохраняется буква ꙗ — во избежание путаницы с сочетанием «кс»

	Геннадиевская библия, ГИМ, Синод 915	Чудовская латинская Псалтирь, ГИМ, Чудовск 53 (29)
Пс 3	псалом Давидов, внегда о(т)бѣга- ше о(т) лица Авесолома сына свое(г)	псалом Давидов, внегда о(т)бѣгаше о(т) лица Авесолома сына своего
Пс 5	в конец о наслѣ(д)ствующи(х) Псало(м) Давидов	в конец о наслѣ(д)ствующи(х) Псало(м) Давидов
Пс 38	в конец О Идифумѣ пѣснь Давида	в конец О Идифумѣ пѣснь Давидова
Пс 89	в конец О измѣнши(х)ся свѣде- ние Асафово псалом о Асирии	в конец О измѣнши(х)ся свѣдѣние Асафово псалом о Ассирии

Важно отметить, что для славянских надписаний псалмов место было оставлено изначально, при написании латинского текста, и, как правило, его оказывалось вполне достаточно для размещения надписания. Точно так же были оставлены (а позднее — заполнены) пустоты для славянской «славы» — в то время, как «глория» писалась одновременно с основным текстом. Исходя из этого, можно сделать вывод, что исходным оригиналом для Чудовской Псалтири была служебная латинская Псалтирь, а позже латинский текст был сверен со славянским — и в него внесены соответствующая разметка и надписания псалмов.

Этот факт дает почву для дальнейших размышлений о назначении Чудовской Псалтири, однако этим не исчерпывается представляемый сегодня источник. В этой рукописи можно усмотреть также богатый материал для филологических исследований.

Для переводных произведений древнерусской литературы характерной являлась передача иноязычных слов в кириллической транскрипции, однако в данном случае мы имеем дело не с отдельными *словами*, но с большим и связным текстом, и этот факт, безусловно, будет небезынтересен специалистам по средневековой латинской фонетике.

С точки же зрения русской филологии особо пристального внимания заслуживает параллельный латинско-русский текст библейских песен первого (католического) состава. Библейским переводам различных эпох и конфессий свойствен был как основной принцип *буквализм*,⁶ однако библейские песни Чудовской Псалтири представляют собой уникальный для русской рукописной традиции образец *подстрочного* (точнее — *надстрочного*: русский текст вписан над строкой) перевода, создающего особый тип параллельного текста.⁷ Определение критериев подстрочного перевода, несомненно, внесет и некоторую ясность в историко-культурную обстановку, в которой создавался этот памятник.

Подстрочный перевод, сопровождающий оригинальный латинский текст, не дает оснований говорить о синтаксических особенностях, поскольку последние необходимо диктуются латинским оригиналом. Однако именно наличие латинского текста позволяет не реконструировать источник перевода, а с уверенностью и определенностью исследовать грамматические и лексические принципы. На некоторых проблемах, возникающих в ходе

⁶ См., в частности, основополагающую работу Джеймса Барра Barr J The Typology of Literalism in ancient biblical translations Göttingen, 1979. Буквалистские принципы перевода с латыни в Геннадиевской библии наиболее полно описаны в диссертации Г. Фрайдхофа Freidhof G Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81) Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabaer Frankfurt am Main, 1972.

⁷ Кроме Чудовской Псалтири известен также список Грамматики Доната в переводе Дмитрия Герасимова, представляющий параллельный латинско-русский текст. Этот список хранится в Архангельском собрании БАН, и недавно вышла из печати его публикация, подготовленная Витторио Томеллери Tomelleri V S Der russische Donat Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik / Historisch-kritische Ausgabe Köln, Weimar, Wien, 2002.

исследования и связанных с морфологической интерференцией, мне и хотелось бы, в рамках постановки темы, остановиться в предлагаемой статье

Подстрочный перевод библейских песен в Чудовской Псалтири не содержит иноязычных (латинских) элементов, за исключением имен собственных. При этом с точки зрения морфологии важно отметить, что, как правило, имена собственные приобретают славянскую грамматическую форму, например, *кантику(м) Анне* — *пѣние Аннино* (л. 179), *кантику(м) Абакук* — *пѣснь Аввакума* (л. 182), *кантикум Симеонис* — *пѣние Симеоново* (л. 190), *имнус сиве кантику(м) Амбросии еть Аугустини* — *пѣснь или пѣние Амбросиа и Ау(гу)стина* и т. д. Последний пример наглядно иллюстрирует, что знакомство с грамматически освоенными именами собственными отнюдь не было ограничено славянским текстом Псалтири. Однако как в заглавиях песен, так и в текстах их встречаются и грамматически неоформленные вкрапления, употребление которых представляется едва ли не преднамеренным. Во всяком случае речь не идет о латинских вкраплениях, ибо эти формы не соответствуют *Gen.* латинского текста, но представлены в «назывной» форме, т. е. в форме именительного падежа. Наиболее яркие следующие примеры: *пѣние Езекиа* — *кантику(м) Езекие* (л. 178), *по(д)градны(х) Гоморра* — *субъурбанис Гоморре* (л. 186). Объяснить их употребление сложно, поскольку в большинстве случаев латинский *Gen.*, в том числе и имен собственных, передается, в соответствии с традицией славянских переводов, притяжательным прилагательным, например: *князи Едомстии, силнии Моавитстии* — *принципес Едомь, робустость Моабь* (л. 181 об.), *о(т) горы Фараньския* — *де монте Фаран* (л. 182), *земля Мадиамя* — *терре Мадиамя* (л. 182 об.).

Сложившейся традицией обусловлены встречающиеся в тексте формы двойственного числа для «парных» существительных. В подстрочном переводе библейских песен в *Dual.* употребляются существительные в *Acc.*, женского и среднего родов, например, *укрѣписта руцѣ твои* — *фирмаверунт манушь твое* (л. 181 об.; в данном случае в двойственном числе употребляется и аорист: *укрѣписта*), *руцѣ свои възведе(т)* — *манушь суас леваби(т)* (л. 182 об.), *положи(т) нозѣ мои* — *понеть педесь меос* (л. 183 об.), *простреть криль свои* — *еѣндитъ алас суас* (л. 184 об.). Однако формы *Dual.* не отмечены для других падежей «парных» существительных, например: *очи мои* — *окули меи* (л. 178 об., 190), *в руках его* — *инь манибус еюс* (л. 182), *пре(д) ногами его* — *анте педесь еюс* (л. 182), *словеса уст мои(х)* — *верба орис меи* (л. 183 об.). Этот факт объясняется как достаточной искусственностью форм двойственного числа, так и отсутствием предпосылок для употребления такового в латинском оригинале.⁸

В подстрочном переводе гораздо более, нежели в латинском тексте, распространен *Vocativ*, и это употребление можно назвать естественным, принимая во внимание назначение текста. Так, например, в латинском тексте форма *Voc* применяется лишь в отношении к словам *Домине* 'Господь' и *Христе* 'Христос', что совершенно закономерно передается славянским *Вос Господи* и *Христе*, однако в подстрочнике *Voc.* мы видим также в соответствиях латинскому *Nom Deus* (Божье), *Салватор* (Спасителю), *пуерь* (отроча).⁹ По сравнению с латинским текстом частотность *Voc.* в подстрочнике гораздо выше, однако он отсутствует абсолютно в

⁸ Ср такую же ситуацию с употреблением форм *Dual* в переведенных с латыни текстах Геннадиевской библии См Freidhof G Vergleichende sprachliche Studien S 98—99

⁹ Переводы «латинских» книг Геннадиевской библии в употреблении *Voc* необходимо следуют за латинским оригиналом См Freidhof G Vergleichende sprachliche Studien S 83, 88

Песни трех отроков (Дан. 3:57—88; л. 187 об.—188 об.). Напомню, что Песнь трех отроков основана на риторическом повторе, своего рода рефрене, первый фрагмент которого звучит так: «Благословите вся дѣла Господни Господу, хвалите и превозносите Его в вѣкы» («Бенедисите omnia опера Домини Домино, лаудате еть суперьсалтате еумь инь секула»). Повторяется эта фраза 31 раз, каждый раз в ней меняется лишь подчеркнутое мною в примере обращение, однако в подстрочнике Чудовской Псалтири ни разу не использована форма *Voc.* Возможно, это связано с постоянным употреблением императива и чередованием единственного и множественного чисел обращения, а возможно — именно с риторическим повторением, когда интонационное ударение на *Voc.* препятствовало бы ритмическому строю текста.

При употреблении притяжательных местоимений в *Nom* и *Acc pl.* в подстрочном переводе весьма часты старославянские формы с окончанием *-а*, например: *кости моа* — *ossa mea* (л. 178 об.), *грѣхы моа* — *peccata mea* (л. 179), *врагы моа* — *inimicos meos* (л. 179 об.), *супостаты моа* — *adversarios meos* (л. 180 об.), *кости моа* — *ossibus meis* (л. 183), *стрѣлы моа* — *saucittas meas* (л. 185 об., 187). Однако наряду с этим в тексте присутствуют и русские формы с окончанием *-и*; приведем ряд примеров: *очи moi* — *oculi mei* (л. 178 об., 190), *людие твои* — *populus tuus* (л. 181 об.), *врази наши* — *inimici nostri* (л. 185 об.). Возможно, что употребление русских форм притяжательных местоимений в последних двух случаях связано с тем, что местоимения *твои* и *наши* менее частотны по сравнению с *мои*. Русская форма *мои* в «*очи мои*» говорит об очевидном «сбое» в использовании грамматической формы. Подобный же «сбой» характеризует и переводы «латинских» книг Геннадиевской библии.¹⁰ Я не могу исключить объяснения этого «сбоя» влиянием латинского оригинала. Действительно, в наших случаях, при очевидной тенденции к употреблению старославянского окончания *-а*, русская форма на *-и* обнаруживается: а) в случаях *Nom. masc. pl.* в латинском тексте (*mei* — *mei*, *nostri* — *nostri*), и тогда не исключена возможность формального влияния латинского окончания; б) в случае *Nom. masc. sing.* *populus tuus* (*populus tuus*), при переводе которого происходит замена единственного числа множественным, возможно влияние семантическое: *твои* может являться в данном случае и возникшим как калька *Nom. masc. sing.*, во всяком случае оба варианта приемлемы как омоформы. В текстах же Геннадиевской библии переводчик в большей степени следует также и фонетическому облику латинского оригинала: старославянская форма на *-а* используется, как правило, в тех случаях, когда содержится *-a-* в окончании латинского местоимения.¹¹

Морфология глагола в подстрочном переводе библейских песен Чудовской Псалтири в основном соответствует «латинским» книгам Геннадиевской библии; особый интерес представляет система прошедших времен.

Ведущее место среди форм прошедшего времени в славянском тексте библейских песен занимает аорист. Можно назвать устойчивым соотношением «славянский аорист» — «латинский перфект», причем независимо от того, активный или депонентный глагол присутствует в латинском

¹⁰ См Ibid S 100

¹¹ Ср, к примеру *раби твои* — *servi tui* (1 Пар 21 3), *людие moi* — *populus meus* (1 Пар 28 2), *отроки твои* — *pueri tui* (2 Езд 2 17), *жены наши* и *сыны наши* — *uxores nostras et filios nostros* (1 Мак 3 20, в данном случае не исключено влияние первой формы *наши* на вторую), *наследия наши* — *hereditates nostrae* (1 Мак 6 24), *врази наши* — *inimici nostri* (1 Мак 12 15), *люди моа* — *gentem meam* (1 Мак 13 6), и т д

тексте. В частности, именно аорист соответствует перфекту в 1-м л. ед. ч., например: *рѣ(х) — диѣи* (л. 178 об.), *възвеселихся — летата сумъ* (л. 179 об.), *услыша(х) — аудиви* (л. 182), *убояхся — тимуи* (л. 182), и т. д.

Отмечено всего три случая перевода формами аориста латинского перфекта 2-го л. ед. ч., приведу все: *низложи — депозуисти* (л. 180 об.), *избави — редемисти* (л. 181), *стяжа — по(с)седисти* (л. 181 об.). В переводах Геннадиевской библии подобные соответствия не отмечены.

Огромное количество примеров иллюстрирует аорист, соответствующий латинскому перфекту, в 3-м л. ед. ч., приведу лишь некоторые из них: *нападе — суксидить* (л. 178 об.), *възрадовася — еѣултави(т)* (л. 179 об.), *въверже — прогесить* (л. 180 об.), *порази — перкусси(т)* (л. 180 об.), *ста — стети(т)* (л. 182), *призрѣ — аснеѣить* (л. 182 об.), *създа — креавит* (л. 184), *объведе — циркумьдусить* (л. 184 об.), *бысть — футит* (л. 184 об.), и т. д. Наряду со славянскими формами аориста 3-го л. ед. ч. неоднократно встречаются русские с наращением *-ть/-тъ*, например: *скрушить — контриви(т)* (л. 178 об.), *пожреть — деворави(т)* (л. 181), *приат — обтинуить* (л. 181 об.), *простреть — еѣпандить* (л. 184 об.), и т. п. Однако русских форм аориста 3-го л. ед. ч. в тексте относительно немного. Создается впечатление, что употребление их вызвано — по недосмотру переводчика — смешением их в ряде случаев с формами будущего времени, особенно при соседстве в тексте латинского перфекта и футура. В частности, приведу как пример следующие ситуации: *лев тако скрушить скончаеши (интерфисуеть) их рука моя .. пожреть (деворави(т)) их земля* (л. 180). Кроме того, необходимо отметить, что для латинских глаголов первого и второго спряжения замена «перфект — футур» могла быть обусловлена и особенностями латинской средневековой фонетики, когда в интервокальном положении *b* могло прочитываться как *v*¹² — и соответственно суффиксы *-v-* и *-bi-* в 3-м л. ед. ч. и 1-м л. мн. ч. могли проявляться как омофоны. Чудовская Псалтирь содержит также и случай исправления русской формы аориста на славянскую. На л. 193 (Символ веры Афанасия Александрийского) в первоначально русской форме *сидеть (десцендить)* вычеркнуто окончание *-ть*.

В соответствии аориста латинскому перфекту 3-го л. мн. ч. каких-либо особенностей не выявлено, поэтому для иллюстрации ограничусь лишь рядом примеров: *намѣстиша — локаверунт* (л. 179 об.), *сидоша — десцендерунт* (л. 180 об.), *възнесошася — азсендерунт* (л. 181 об.), *прияша — оптинерунт* (л. 181 об.), *растаяшася — обригуерунт* (л. 181 об.), *видѣша — видерунт* (л. 182 об., 190), и т. д.

Соответствия аориста латинскому перфекту в пассивной форме выявлены для 3-го л. ед. и мн. ч., при этом нет различия между пассивной формой активных глаголов и депонентными глаголами; как правило, и те и другие переводятся активной формой возвратных глаголов. Например: *бысть — фактусь есть* (л. 178, 180 об.), *препоясашася — аксин(к)ти*

¹² См. Гурычева М. С. Народная латынь. М., 1959. С. 36; Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М., 1949. С. 84–85; Battisti C. Avviamento allo studio del latino volgare Bari, 1949. P. 153–155; Bonioli M. La pronuncia del latino nelle scuole dall'Antichita al Rinascimento. Torino, 1962. P. 48–53; Devoto G. Storia della lingua di Roma. Bologna, 1944. P. 340; Grandgent C. H. Introduccion al latin vulgar. Madrid, 1970. P. 200–201; Herman J. Du latin aux langues romanes. Études de linguistique historique. Tubingen, 1990. P. 19–22; Kent R. G. The sounds of latin. A descriptive and historical phonology. Baltimore, 1945. P. 51; Parodi E. G. Del passaggio di *V* in *B* e di certe perturbazioni delle leggi fonetiche nel latino volgare // Romania. 1898. T. 27. P. 177–183.

сунт (л. 179 об.), *насытишиася* — *сатурати сунт* (л. 179 об.), *изнеможеся* — *иньфирмата есть* (л. 179 об.), *възвеличися* — *магнификата есть* (л. 180 об.), *събрашася* — *конгрегате сунт* (л. 181), *прогнѣвашиася* — *ирати сунт* (л. 181 об.), *смутишиася* — *контурбати сунт* (л. 181 об.), *внидошия* — *иньгресу(с) есть* (л. 182), *сътрошиася* — *контрити сунт* (л. 182 об.), *съгорбишиася* — *инькурвати сунт* (л. 182 об.), *раздражися* — *конситату(с) есть* (л. 185). Однако в нескольких случаях перевода пассивных глаголов (характерно, что подобные случаи для *депонентных* глаголов не отмечены) ожидаемый славянский аорист сопровождается «избыточной» связкой, как то неоднократно отмечалось в переводах «латинских» книг Геннадиевской библии.¹³ Как справедливо было отмечено Г. Фрайдхофом,¹⁴ наличие избыточной связки обусловлено присутствием глагола-связки в латинском тексте. В нашем тексте подобные ситуации суть следующие: *възнесеся есть* — *есселсу(м) есть* (л. 178), *потопоша суть* — *субмерси сунт* (л. 181), *събрашася суть* — *коньгрегате сунт* (л. 181). Последний случай следует подчеркнуть особо, поскольку на одном и том же листе глагол *събрашася* в соответствии латинскому *коньгрегате сунт* употребляется и со связкой, и без.

И наконец, лишь четырежды на протяжении всего подстрочного перевода аорист выступает как соответствие латинскому имперфекту: *уповах* — *сперабамь* (л. 178 об.), *основах* — *ордирер* (л. 178 об.) и *бѣ* — *ерать* (л. 184 об., 185 об.).

Употребление славянского перфекта более ограничено. Систематически он используется лишь для перевода перфекта 2-го л. ед. ч. латинских глаголов, независимо от того, активный или депонентный глагол употреблен в тексте. При этом последовательно используются формы славянского перфекта со связкой *еси*, например: *прогневался еси* — *иратусь есь* (л. 178, 182 об.), *утешил еси* — *консолатусь есь* (л. 178), *о(т)вергл еси* — *прогесисти* (л. 179), *посла(л) еси* — *мизисти* (л. 180 об.), *простерл еси* — *естендисти* (л. 181), *бы(л) еси* — *фуисти* (л. 181), *сдѣлал еси* — *оператусь есь* (л. 181 об.), и т. д. Лишь единожды, очевидно, по недосмотру переводчика или писца, в тексте встретилась форма *l*-причастия без связки для обозначения 2-го л. ед. ч.: *избавил* — *еруисти* (л. 179).

Отмечено лишь три случая соответствия славянского перфекта активному латинскому глаголу в 3-м л. ед. ч.; во всех случаях перфект выражен лишь *l*-причастием без связки: *положил* — *позуит* (л. 180), *съхранил* — *кустодивить* (л. 184 об.), *възлягал* — *рекалситрави(т)* (л. 185).

Однако более последовательным можно считать перевод славянским перфектом со связкой латинских пассивных и депонентных глаголов. Приведу такие примеры: *възвратил есть* — *коньверсус есть* (л. 178), *прославился есть* — *онорификатусь есть* (л. 180 об.), *измѣри(л) есть* — *мемсусь есть* (л. 182 об.), *утиль есть* — *инькрасатусь есть* (л. 185), *глаголал есть* — *локутусь есть* (л. 188 об., 189 об.), *пострада(л) есть* — *пассусь есть* (л. 193).

К этим случаям примыкают переводы латинского перфекта пассивных и депонентных глаголов, в которых (переводах) употребляется не «перфектное» *l*-причастие, но пассивное претеритное причастие, например: *преобращен есть* — *коньволута есть* (л. 178 об.), *пресѣчен есть* — *пресиза есть* (л. 178 об.), *вънесен есть* — *еѣалтату(м) есть* (л. 179 об.), *изнемо-*

¹³ См., в частности Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы СПб., 1903 С 255, Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien S 109—110

¹⁴ Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien S 110

жен есть — суператусь есть (л. 179 об.), *потоплени суть — субьмерси сунт* (л. 180 об.), *сдьдлана суть — кондита сунт* (л. 186 об.), *скончани суть — коньсу(м)мпъти сунт* (л. 186 об.). Подобные формы отмечены как характерные для перевода депонентных глаголов Геннадиевской библии.¹⁵

Формы славянского имперфекта отмечены в случаях перевода имперфекта латинского, для глаголов 3-го л. ед. и мн. ч. В частности, следующие случаи: *имаше — абебат* (л. 179 об.), *раздѣляше — дивидебат* (л. 184), *разлучаше — сепарабат* (л. 184), *пшаху — биберент* (л. 185), *не вѣдяху — игнорабант* (л. 185), *имѣаху — абебант* (л. 186 об.). В переводах Геннадиевской библии славянский имперфект также соответствует почти исключительно имперфекту латинскому.¹⁶ В нашем тексте лишь однажды встретился случай перевода формой славянского имперфекта латинского перфекта 3-го л. ед. ч.: *ношаше — портавит* (л. 184 об.).

В целом подстрочный перевод библейских песен в Чудовской Псалтири представляется несколько более свободным, нежели перевод «латинских» книг Геннадиевской библии; во многом отступает он и от латинско-русской грамматики Доната. Ситуация эта интересна и, как представляется, для исследователя неожиданна, поскольку именно от интерлинейрного перевода можно было бы ждать абсолютного соответствия перевода оригинальному тексту. Однако, очевидно, этот факт может объясняться тем, что целью переводчика было не создание абсолютно тождественного латинскому тексту,¹⁷ а передача (предельно близко к оригиналу) содержания незнакомому с латынью славянскому читателю. В таком случае ответ на вопрос, было ли назначение Чудовской Псалтири чисто учебным, вполне может оказаться отрицательным. Однако сейчас давать этот ответ еще рано. Можно лишь выразить надежду на скорое (планируемое в ближайшем будущем Витторио Томеллери и автором настоящей статьи) осуществление издания полного текста этой рукописи, а также на дальнейшие исследования этого памятника как в чисто филологическом, так и в культурно-историческом аспектах.

¹⁵ См Ibid S 116

¹⁶ См Ibid S 107—108

¹⁷ В предисловии к Грамматике Доната Дмитрий Герасимов отмечает, что «нѣкие имена и проимена и слова и пре(д)логи и причастия и соузы и пре(д)ставления и различия неудобь превра(т)ныя на наш язык» (Яги ч И В Донатус в русском переводе Дмитрия Толмача и других // Яги ч И В Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке СПб, 1885—1895 С 818) Н В Геппенер в связи с этим высказыванием Дмитрия Герасимова задавался вопросом о недостижимости абсолютно буквального перевода как *идеала* (см Геппенер Н В К истории перевода Повести о Трое Гвидо де Колумна // Сб статей к 40-летию деятельности А С Орлова Л, 1934 С 357)

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Апокрифы в сборнике XVI в. из Стокгольмской Королевской библиотеки (А 797)*

В собрании славянских рукописей Стокгольмской Королевской библиотеки¹ хранится рукописный сборник под шифром А 797 (далее — Стокгольмский сборник). В 1993 г. проф. Стокгольмского университета Элизабет Лефстрэнд, публикуя по списку этого сборника текст известного древнерусского «Хождения игумена Даниила» в Святую Землю, одновременно опубликовала и Описание сборника,² который датировала серединой—второй половиной XVI в. К такому мнению исследовательница пришла на основании изучения переплета, бумаги, водяных знаков, палеографических, языковых особенностей и содержания сборника. В частности, в нем находится ряд текстов, связанных с определенными историческими лицами: Иваном IV и его женой Анастасией Захарьиной, которые состояли в браке в 1547—1560 гг.; Дионисием Глушицким, канонизированным в 1547 г.; архиепископом Пермским и Вологодским Алексием, умершим в 1543 г.³ Кроме Дионисия Глушицкого, как отметила Э. Лефстрэнд, в сборнике на л. 19—65 об. упоминаются св. Димитрий Вологодский (ум. в 1392 г.) и преп. Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский и Варлаам Хутынский. Относительно последнего исследовательница предположила, что переписчик сборника имел в виду скорее другого Варлаама — святого Варлаама Шенкурского (ум. в 1462 г.). Его культ был широко распространен на русском Севере, а перечисленные святые подвизались именно там. Языковые данные Стокгольмского сборника, по мнению исследовательницы, также свидетельствуют о его севернорусском происхождении. Кроме того, в рукописи помеще-

* Статья написана в рамках проекта РГНФ № 03-04-00224а «Возможность изучения славянских рукописей в Королевской библиотеке Стокгольма и в университетской библиотеке «Carolina Rediviva» г. Упсалы» я имела благодаря поддержке Шведского Института (Svenska Institutet) по научной программе «Visby Programm» осенью 2000 и 2002 гг. Особую благодарность приношу проф. Элизабет Лефстрэнд (Стокгольм) и проф. Улле Биргерард (Упсала).

¹ Некоторые из них, например, пергаментные, научно описаны См. Lofstrand E. Slavonic Parchment Fragments in Sweden I. Paroemiarion, Tridion, Psalter Stockholm, 1984; Wesslen S. Slavonic Parchment Fragments in Sweden II. Gospels Stockholm, 1985.

² Лефстрэнд Э. Хождение игумена Даниила в Святую Землю. Рукопись Стокгольмской Королевской библиотеки // Acta Universitatis Stockholmiensis Stockholm Slavic Studies 22 Stockholm, 1993. В сборнике находятся помимо текста «Хождения игумена Даниила» постнические и поучительные статьи, монашеские и кельйные правила, предания о чудесах св. Николая Мирликийского (о детище, о видении Феофанове, о трех друзьях, чудо о половчине, совершившееся в граде Киеве), каноны свв. Екатерине и Дмитрию Солунскому, ряд апокрифических текстов, тропари в Великий четверг и Великую субботу и другие, проповедь архиепископа Алексия Пермского и Вологодского, проповедь св. Нила (Синайского?), статьи из Скитского патерика (о Павле Простом).

³ Лефстрэнд Э. Хождение игумена Даниила в Святую Землю С. 1—2.

ны «правила святых отцов для монахов и мирян, главным образом о посте». В них не раз упоминается уставная жизнь монахов Кирилло-Белозерского монастыря. На основании того, что сочинения, предназначенные к келейному чтению, обычно не содержат указаний для мирян, автор описания высказала предположение, что «рукопись была написана для кого-то из белого духовенства, а возможно, и для мирянина, имеющего связи с Кирилло-Белозерским монастырем».⁴ На Кирилло-Белозерский монастырь как на место создания Стокгольмского сборника указывает и запись на л. 49 о том, что службу Преждеосвященных даров в Великий пост в Кирилловом монастыре поют только в среду и в пятницу. «Из цитаты видно, — пишет Э. Лефстрэнд, — что богослужение в эти дни происходит по уставу Кирилло-Белозерского монастыря. Заказчик книги (Стокгольмского сборника. — *М Р*) должен, очевидно, иметь какое-то отношение к этому монастырю».⁵ Исследовательница также отметила встретившееся дважды в рукописи написание глаголической буквы «людие», которое, по ее мнению, свидетельствует о сохранении глаголической традиции на территории новгородских владений дольше, чем в других местах Московской Руси, что опять-таки говорит о севернорусских территориях как о месте создания сборника. Все эти наблюдения привели Э. Лефстрэнд к предположению о возможном составлении Стокгольмского сборника А 797 в середине—второй половине XVI в. в севернорусских пределах, точнее, в Кирилло-Белозерском монастыре. И действительно, при наблюдении за сменой почерков, почти всегда очень четких и аккуратных, при взгляде на темно-коричневый переплет и подклеенные обветшавшие листы у человека, хорошо знакомого с большинством рукописей, переписывавшихся в середине XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре, создается впечатление, что сборник был создан руками кирилло-белозерских книжников. Дополнительным аргументом в пользу такого предположения могут служить и отмеченные в Описании сборника апокрифические сочинения, на которых мы далее остановимся. Это именно те тексты (два о Мелхиседеке, «Сказание о двенадцати пятницуах», отдельный фрагмент так называемой «Беседы трех святителей»), которые не только встречаются в кирилло-белозерских рукописях разного времени, но которые привлекли во второй половине XV в. особое внимание известного кирилло-белозерского книжника Ефросина.⁶ Что же касается изданного Э. Лефстрэнд по Стокгольмскому сборнику списка «Хождения игумена Даниила» в Святую Землю, то он, по мнению исследовательницы, относится к полной редакции памятника (по классификации М. А. Веневитинова), но текст в Стокгольмском списке внезапно обрывается. В сборнике же Ефросина (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, 1475 г.) также находится список «Хождения», самый ранний из известных, но в особой, Ефросиновской обработке, связанной не с полной, а с сокращенной редакцией этого памятника.⁷ Таким образом, хотя прямого воздействия Ефросиновского

⁴ Там же С 12

⁵ Там же С 5

⁶ См Лурье Я С Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в // ТОДРЛ М, Л, 1961 Т 17 С 130—158, Каган-Тарковская М Д Энциклопедические сборники XV в и круг интересов книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина // Русская и грузинская средневековые литературы Л, 1979 С 192—199, Каган М Д, Поньрко Н В, Рождественская М В Описание сборников XV в книгописца Ефросина // ТОДРЛ Л, 1980 Т 35 С 3—300

⁷ На это обратила внимание Р П Дмитриева в статье Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла К вопросу о времени написания «Слова» М, Л, 1966 С 268—273

списка «Хождения» на список в Стокгольмском сборнике нет, Э. Лефстрэнд справедливо указывает на неслучайность интереса составителя этого сборника к данному памятнику: как известно,⁸ четыре рукописи из общих 99, содержащие тот же вариант текста «Хождения», что и Стокгольмский сборник (в нем глава о схождении Святого огня предшествует описанию паломничества), созданы в Кирилло-Белозерском монастыре, причем одна из этих рукописей — монахом Ефросином. Поэтому считаем вполне справедливым высказывание Э. Лефстрэнд: «По-видимому, не будет ошибкой допустить, что влияние личности Ефросина, его идеи и интересы сохранялись в Кирилло-Белозерском монастыре и прилегающих местностях также после его смерти».⁹ В 1979 г. вопрос о литературной традиции Ефросиновских энциклопедических сборников в средневековых книжных собраниях был затронут М. Д. Каган-Тарковской.¹⁰ «Изучение четых сборников XV в., — писала она, — важно и для понимания характера литературного движения в последующие столетия. Если сейчас ясно, насколько XVI в. сломал и прервал развитие светской и беллетристической литературы, что именно он не воспринял из рукописного репертуара XV в., то существенно выделить круг тех произведений, которые перешли в рукописную традицию XVI—XVII вв. Не следует забывать и то обстоятельство, что рукописи XV в. оставались доступными древнерусскому читателю последующих веков, и это сыграло определенную роль в сохранении литературного опыта и возрождении беллетристики уже в самом начале XVII в.»¹¹ Одним из примеров усвоения подобного опыта, причем уже в самом Кирилло-Белозерском монастыре, может служить, на наш взгляд, сборник из Стокгольмской Королевской библиотеки А 797. Постараемся подтвердить это, рассмотрев включенные в него апокрифические памятники.

Их четыре: 1) «Память отца нашего Мѣлхиседека» на л. 74—76; 2) близкий ему и «более распространенный вариант апокрифа» (Э. Лефстрэнд) под заголовком «Слово святого Афонасия архиепископа Александръскаго о Мелхиседцѣ» на л. 76 об.—81 об.; 3) «Слово о сказании Елферья философа о двою на десять пятницах» на л. 152 об.—160 об.; 4) отдельный фрагмент на л. 134 об.—135, который в Описании Э. Лефстрэнд обозначен как «Загадки и разгадки». Однако этот фрагмент, как удалось выяснить при сопоставлении его с другими подобными текстами, часто входил в апокрифическую «Беседу трех святителей». Прежде чем обратиться непосредственно к текстам перечисленных апокрифов в Стокгольмском сборнике, сделаем небольшие дополнения и уточнения к его Описанию, которые проясняют литературный контекст перечисленных апокрифов. Так, на л. 13 об.—18, содержащих «теологические вопросы и ответы», как отмечено в Описании, помимо первого ответа на несохранившийся вопрос о категориях «невидимого и непостижимого» и т. п. содержатся и вопросы о том, что есть Троица, что есть существо Божие, что есть «вкупь естеству», что есть существо и чему существо и «колици [так!] речется существо, что естество и почему естество речется естество, что есть съставъ» и т. п. Далее следуют вопросы о категориях слова, имени (Отца, Св. Духа, св. Иисуса), о Силах Святых, о Воплощении и другие и дается их богословское толкование и объяснение. На л. 48 и 49, где переписан текст о Службе Преждеосвященных даров в Великий

⁸ Рузский Н. В. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII века // ЧОИДР 1891 № 3 Отд. 2

⁹ Лефстрэнд Э. Хождение игумена Даниила в Святую Землю С. 14

¹⁰ См. сноску 6

¹¹ Каган-Тарковская М. Д. Энциклопедические сборники XV в. С. 199

пост с замечанием о том, что поют ее в Кирилло-Белозерском монастыре только «в среду и в пяток», по нижнему полю обоих листов следует приписка: «и как часы договорят (л. 49) и дору выносит пономар в клобукъ, игумен дает большую дору, а понарь (так! — М. Р.) меншую». Подобная пояснительная запись, но уже о порядках постного стола в монастыре, читается и на л. 50 об. и 51: «В среду крестопоклонную шти с перцѣм да двѣ икры по чаши квасу. На 40 мученикъ икра чернаа лапша горохова с маслом квас житной. В субботу Лазареву двѣ икры лапша соковаа по чаше квасу. В вѣрбное воскресенье рыба свежаа да по двѣ чаши квасу. А на страстной недели по вся дни стол есть без варива на произволящих квас житной поставцом капуста толочно. А в вѣликой четвѣргъ шти белые с перцем икра чернаа лапша горохова по чаше квасу колачи. А в вѣликую пятницу братриа [так!] отнудь не вкушают, а часы поют церковные...». Характер этих записей очень близок текстам Келейного обихода кирилло-белозерского книжника Матфея Никифорова 1655—1666 гг. (РНБ, Софийское собр., № 1151).¹² Поэтому весьма возможно, что речь в них идет об обиходе именно в Кирилловом монастыре.

В Описании Стокгольмского сборника Э. Лефстрэнд на с. 9 отмечено: «К внутренней стороне задней обложки (нижнего переплета стокгольмской рукописи. — М Р) приклеен лист, весь исписанный и содержащий текст светского содержания, похожий на судебный устав. В конце загадка. Последнее слово „аминь“ написано тайнописью». При внимательном изучении этого листа, вклеенного, по-видимому, позже, чем составлялся основной корпус сборника, заметно, что текст на нем переписан одним из почерков сборника, которые внимательно рассмотрены Э. Лефстрэнд. Начало фразы отсутствует: «...церкви Божьи по всѣмъ городомъ и по погостомъ и по слободамъ, гдѣ ни суть крестьяне, и свои(м) тиуномъ приказываю: судовъ церковныхъ не судити и нашихъ судовъ не судити без владычня судьи, десятины дѣля, а кто вступитъ на мое данье судьи, с тѣмъ [пропуск] пред Богомъ въ день страшнаго суда, а митрополиту его прокляти съборомъ». Здесь, по-видимому, князь специальным приказом оговаривает участие в церковных и мирских судах архиепископского судьи и запрещает тиунам судить без него. Такая ситуация характерна для новгородских владений, и включение этого текста в Стокгольмский сборник как будто бы свидетельствует в пользу его севернорусского происхождения. Загадка же, о которой упоминается в Описании, написана тем же почерком. Ее содержание не связано с предыдущим текстом: «Два брата на двух братѣх ѣдутъ, два брата на руках сѣдяста, два брата послѣ течаста, а всѣ ѣдутъ отца матерью женити». Загадки подобного рода встречаются в составе апокрифической «Беседы трех святителей» и в эротапокритической литературе в целом, однако этой загадки в известных мне славянских списках «Беседы» не встретилось. Возможно, что к «Беседе» она не имеет отношения, но, учитывая наличие фрагмента этого апокрифа в Стокгольмском сборнике, можно предположить, что загадка переписана здесь не случайно. Возвращаясь к содержанию Ефросиновских сборников, напомним, что М. Д. Каган-Тарковская обратила внимание на связь некоторой части «отреченных статей» в них с «Беседой трех святителей», частично вобравшей в себя фольклорные сюжеты, и что «особого внимания требуют загадки, толкования, вопросы и ответы, тя-

¹² Келарский обиходник Кирилло-Белозерского монастыря старца Матфея Никифорова / Подгот текста, введение и археографическое введение, указатели Т И Шабловой, Под общей ред З В Дмитриевой СПб, 2002 (Сер «Памятники древней письменности Исследования Тексты»)

готеющие как к апокрифической „Беседе трех святителей“, так и к фольклору. Толкования и иносказания загадок примыкают по своим жанровым признакам к распространенным в рукописных книгах толкованиям библейских текстов и евангельских притч.¹³ С подобным фольклорным сюжетом мы сталкиваемся и в приведенной загадке о двух братьях из Стокгольмского сборника. Конечно, Ефросин интересовался апокрифической литературой намного больше, чем переписчики Стокгольмского сборника, который не имеет энциклопедического характера. Апокрифические же сочинения, встречающиеся в сборниках Ефросина, перечислены в Описании его рукописей.¹⁴ К этому перечню следует добавить апокрифы, связанные с именем царя Соломона, а также ряд апокрифических статей из Толковой и Хронографической Палеи, которых особенно много содержится в Ефросиновском сборнике № 11/1088, включающем обширную «Палейную компиляцию». О наличии же в Ефросиновских сборниках статей, восходящих к апокрифической «Беседе трех святителей», уже упоминалось.¹⁵ У Ефросина и у одного из переписчиков Стокгольмского сборника (которых, как показала Э. Лефстрэнд на основании изучения почерков, было несколько) совпадает часть вопросов и ответов, входящих в «Беседу трех святителей». Так, в Стокгольмском сборнике читаем (буквы **В** и **Т** означают здесь слова «Вопрос» и «Толк, толкование» соответственно. Выносные буквы вносятся в строку, титла раскрываются): «**В**. Кто не рожен и кто не умре? **Т**. Адамъ не рожен, Илия и Емреви (Иеремия. — *М Р*) Христомъ на небо взят бысть». И далее: «**В**. Не родивыися умре а родивыися не умре, умре аки стлѣ...» (л. 134—134 об.). На этом текст в Стокгольмском сборнике обрывается. У Ефросина те же вопросы-ответы имеют неполный и искаженный вид, видимо, переписчик более позднего Стокгольмского сборника имел в своем распоряжении более точный список «Беседы». Уже этот факт свидетельствует о том, что в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря в XV и XVI вв. были разные по степени полноты и сохранности списки «Беседы трех святителей», содержащие приведенные вопросы. У Ефросина читаем: «Не родивыися умре Адамъ [текст не закончен] <...> выся не умре Енох и ум <...> и не истлѣ Лотова жена». ¹⁶ Еще два примера из Стокгольмского сборника тех фрагментов «Беседы», которые совпадают с Ефросиновскими: 1) «**В**. Рече бабѣ внукъ: „положи мя у себе“. Рече ему баба: „како хочу тя положити, а ты мнѣ отецъ“. **Т**. Баба есть земля, а внукъ Христоръ». У Ефросина этот вопрос-загадка читается так: «Рече внук бабѣ. „баба, положи мя у себе“. И рече ему баба: „како ми тебе положити, а ты мя родиль“. **Т**. Внукъ есть Христоръ, а баба земля». 2) «**В**. Рече: „Моисѣи в чертозе, Павель в дѣвкахъ, Соломонъ на воину пошелъ, Давидъ ся женить, Адамъ в сватѣхъ“. **Т** Моисѣи принесе скрыжали, первое пророчество Христу. Павель первое прообразова Пречистую Дѣву. Соломонъ первое паремью написа на землю. Давидъ прообразова Оакыму и Аннѣ даетъ Пречистую Иосифу на обручение (л. 135 об.) Адамъ созданъ бысть от перьсти от руки Христовы, того деля во сватехъ». У Ефросина этот фрагмент имеет следующий вид: «Исус въ стрѣлахъ, рекше в Преображении, Моисии въ чертозѣ, рекше въ крабицѣ, Павель в дѣвкахъ, рекше дѣиственикъ, Давид

¹³ Каган-Тарковская М. Д. Энциклопедические сборники XV в. С. 198

¹⁴ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. С. 289 (Тематический указатель памятников)

¹⁵ По спискам Ефросиновских сборников «Беседа трех святителей» представлена нами в изд. БЛДР СПб, 1999 Т. 3 XI—XII века С. 350—359

¹⁶ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088, л. 235—235 об.

ся женит, рекше жен много. Адамъ в сватех, тои же».¹⁷ Как видим, одна и та же «загадка» у Ефросина и у переписчика Стокгольмского сборника имеет не столько разные толкования, сколько разную направленность этих толкований-«разгадок». В отличие от подборки из «Беседы трех святителей» в Стокгольмском сборнике, вполне традиционной для других списков этого апокрифа, у Ефросина вопросы-ответы «Беседы» перемежаются изречениями на тему мудрости, близкими к текстам Пчелы.¹⁸ Апокрифический материал сборников Ефросина, как уже справедливо отмечалось, очень разнообразен, «его литературное и мировоззренческое значение еще не выяснено до конца, поэтому Ефросиновские сборники, содержащие, возможно, ранние списки апокрифов, должны привлечь внимание исследователей».¹⁹

Обратимся теперь к другим апокрифическим статьям в Стокгольмском сборнике, составленном почти столетие спустя. Важно, что все они, как и «Беседа трех святителей», встречаются и в сборниках Ефросина

Один из апокрифов, «Сказание о 12 пятницах», в том же Ефросиновском сборнике, где помещены вопросы-ответы «Беседы трех святителей» (№ 11/1088), сохранился в очень кратком виде, причем несколько начальных строк вместе с заглавием перечеркнуты и далее вырезаны два листа. Следом на л. 235 читается известная запись Ефросина. «Азь Ефросин грѣшной, сего во зборѣ (т. е. в собрании. — М Р) не чти, ни многим являи, впервые писал в лѣто 6986 октября 8, 4 часы в сред(у) же писалъ. Тое зимы на игуменство поѣхалъ». Судя даже по этому отрывочному и зачеркнутому Ефросином фрагменту «Сказания о 12 пятницах», можно предположить, что его список относился к Элефтериевой (Елефтериевой) редакции, по определению А. Н. Веселовского.²⁰ Об этом свидетельствует и название: «Сказание о 12 пятниц, обретение Елофериа Философа иже обрете в западной стране». Слово сочетание «в западной стране» во многих списках данной редакции не входит в заглавие, а начинает собственно текст апокрифа.²¹ В Стокгольмском списке «Сказание» названо: «Слово о сказании Елферья философ(а) о двою на десять пятницах».²² В нем, однако, наблюдается ряд ошибочных чтений и неточностей. Например, «дети» вместо «деды», фраза «да внидуть сами в повѣсть, а мы ихъ послушаемъ» явно испорчена, так как слово «повесть» имеет прилагательное «глубокою» в других списках, и в целом фраза эта должна бы читаться в другом месте, и др. Вместе с тем Стокгольмский список «Сказания о 12 пятницах» требует самостоятельного изучения, он интересен с разных точек зрения, в частности, некоторые толкования вопросов, задаваемых друг другу иудеем и христианином в их «прении о вере», близ-

¹⁷ Там же, л. 235 об

¹⁸ Каган М Д, Понырко Н В, Рождественская М В Описание сборников XV в С 179

¹⁹ Каган-Тарковская М Д Энциклопедические сборники XV в С 198

²⁰ Веселовский А Н Опыты по истории развития христианской легенды Гл 4 (Сказание о 12 пятницах) // ЖМНП 1876 Июнь С 326—367, То же Гл 6 («Freiheit-Eleferij») // ЖМНП 1877 Май С 76—125

²¹ См Otero A de Santos Die handschriftliche Ueberlieferung der altslavischen Apokryphen Berlin, New York, 1981 Bd 2 S 223—240 (Patristische Texte und Studien Bd 23)

²² Этот список был указан Е В Петуховым и датирован XVII в См Петухов Е В Материалы и заметки из истории древней русской письменности // ИОРЯС СПб, 1904 Т 9 кн 4 С 171 В названии Стокгольмского списка Елефтерий назван философом, как еще только в Ефросиновском и в списке из РГБ, собр Ундольского, № 1254, сер XVI в, т е в 3 списках «Сказания» из почти 50, указанных в Описании А de S Otero С ксерокопией списка «Сказания о 12 пятницах» я смогла познакомиться благодаря любезности Н С Демковой, за что приношу ей благодарность Позднее появилась возможность непосредственно изучить содержание Стокгольмского сборника

ки к толкованиям, знакомым по «Беседе трех святителей», в том числе и к тем, что помещены в этом же сборнике.

Наконец, следует упомянуть еще два апокрифических сочинения, помещенных в Стокгольмском сборнике. Они связаны с именем библейского Мелхиседека. Одно из них — подробное, хорошо известное древнерусской рукописной традиции начиная со второй половины XV в. «Слово святого Афанасия Александрийского о Мелхиседеке»; другое же, «Память отца нашего Мелхиседека», входило в Пролог под 22 мая и встречается значительно реже.²³ В Стокгольмском сборнике оба этих текста помещены рядом, на л. 74 об. и 76 об. Предварительное сопоставление обоих вариантов апокрифа о Мелхиседеке с его другими списками показывает, что тексты в Стокгольмском сборнике традиционны. У Ефросина в сборнике № 22/1099 на л. 32 помещено «Слово Афанасия Александрийского», текст которого имеет небольшие различия со Стокгольмским списком. Проложной краткой «Памяти» в Ефросиновских сборниках нет.

Итак, знакомство с содержанием рукописного сборника из Стокгольмской Королевской библиотеки А 797 середины XVI в. показывает, что читательский интерес к апокрифам, к четвѣй и так называемой беллетристической литературе в Кирилло-Белозерском монастыре, где, скорее всего, и был создан сборник, не угас совсем, что литературная традиция, объединившая под одним переплетом «Хождение игумена Даниила в Святую Землю», полуфольклорные «загадки-отгадки», фрагмент «Беседы трех святителей» и другие апокрифические тексты, а именно «Сказание о 12 пятницах» и сочинения о Мелхиседеке, восходит, по-видимому, к энциклопедическим сборникам книгописца Ефросина. Это в свою очередь делает предположение о написании сборника в Кирилло-Белозерском монастыре, на наш взгляд, еще более убедительным.

---

²³ Это отметила Э Лефстрэнд Лефстрэнд Э Хождение игумена Даниила в Святую Землю С 6 «Слово святого Афанасия Александрийского о Мелхиседеке» известно более чем в 50 списках Полагают, что оно было известно игумену Даниилу, так как в своем «Хождении» он рассказал о пещере Мелхиседека на горе Фавор См Творогов О В Апокрифы о Мелхиседеке // Словарь книжников Вып 1 С 62—63

Т. Ф. ВОЛКОВА

К изучению печорских списков Троянских сказаний (две редакции И. С. Мяндина)*

Рукописная «библиотека», формировавшаяся в течение нескольких столетий в старообрядческих селах по берегам Печоры и ее притоков — Пижмы и Цильмы, поражает разнообразием произведений средневековой литературы и старообрядческой публицистики, активно читавшихся и переписывавшихся местными крестьянами. На эту широту читательских интересов «устьцилемов» впервые обратил внимание В. И. Малышев, открывший низовую Печору как уникальный центр книжной культуры.¹ Среди произведений, привлечших внимание печорских переписчиков, оказался и ряд средневековых сочинений, в которых нашли отражение события ветхозаветной и ранней новозаветной истории, легенды о знаменитых героях-завоевателях древности (аргонавтах, ахейцах — разрушителях древней Трои, Александре Македонском). Изучение печорских списков подобного рода произведений показывает, что усть-цилемские крестьяне были не пассивными копиистами старинных рукописей, но скорее соавторами своих средневековых предшественников, воссоздававшими в своих рукописных версиях мир далекой древности, увиденный их собственными глазами, переосмысленный с позиций крестьянского менталитета и старообрядческой идеологии.

Наиболее известным из печорских книжников, занимавшихся редактированием древнерусских повестей, к настоящему времени является устьцилемец Иван Степанович Мяндин (1823—1894), родившийся и воспитанный в семье старообрядческих наставников, ставший затем профессиональным писцом и переплетчиком.² Его редакторские приемы впервые охарактеризовал В. И. Малышев, опубликовавший в 1961 г. печорскую редакцию Повести о царице Персике.³ Рукописное наследие И. С. Мяндина вслед за В. И. Малышевым начало притягивать к себе многочисленных исследователей, на материале конкретных мяндинских переработок стремившихся охарактеризовать творческие приемы печорского писателя, опубликовать созданные им особые редакции древнерусских па-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-04-00336 а/С)

¹ См Малышев В И Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв Сыктывкар, 1960 С 35—39

² Биографические сведения о И С Мяндине собрал В И Малышев (см Малышев В И Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в И С Мяндин // Древнерусская книжность По материалам Пушкинского Дома Л, 1985 С 323—337)

³ Малышев В И Усть-Цилемская обработка Повести о царице Персике // Исследования и материалы по древнерусской литературе М, 1961 С 326—337

мятников. К настоящему времени известно свыше 20 произведений, в той или иной степени переработанных И. С. Мяндиным.⁴ Однако составленные печорским переписчиком сборники изучены далеко не в полном объеме, и ряд текстов еще ждет своего исследователя и публикатора.⁵

Но даже те мяндинские сочинения, которые уже были введены в научный оборот, на новом этапе осмысления творчества И. С. Мяндина нуждаются в дополнительном, более углубленном изучении. К числу таких творческих переработок И. С. Мяндина относится и созданная им редакция Троянских сказаний, впервые исследованная (в 1972 г.) О. В. Твороговым.⁶ За прошедшие с момента выхода статьи О. В. Творогова три десятилетия к немногим публикациям о Мяндине, на которые мог опираться исследователь печорской редакции Троянских сказаний,⁷ добавился обширный круг исследований,⁸ позволяющих расширить и уточнить первоначальные наблюдения О. В. Творогова над печорскими списками средневекового повествования о Троянской войне.

⁴ Повести о царице и львице, о Басарге, о царице Динаре, о царевне Персике, о новгородском посаднике Шиле, об Акире Премудром, о гордом царе Аггее, о Тимофее Владимирском, о Григории чудотворце и идольском жреце, об убогом человеке, об Александре Македонском, о двух снохах и священнике, о муже и жене и о верности обоих, хронографические сказания о ветхозаветных героях, апокриф «Сказание Афродитиана», Троянские сказания, Житие Корнилия Выговского, Слово о ленивом

⁵ Например, Повесть о хмеле, Повесть о некоем старце, Повесть о табаке и др

⁶ Творогов О В Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // Рукописное наследие древней Руси По материалам Пушкинского Дома Л, 1972 С 228—241

⁷ Малышев В И Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике, Демкова Н С, Дробленкова Н Ф Повесть об убогом человеке, како от диавола произведен царем, и ее усть-цилемский вариант // ТОДРЛ М, Л, 1965 Т 21 С 252—258, Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов) / Составил В И Малышев М, Л, 1965 (с 184—186 — публикация текста Азбуки о голом и небогатом по печорскому списку), Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исследование и подгот текстов М О Скрипиля Л, 1969 (с 214—216 — публикация печорского списка Повести)

⁸ Пиотровская Е К Усть-цилемская обработка Повести об Акире премудром // ТОДРЛ Л, 1976 Т 31 С 378—383, Шварц Е М Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце в усть-цилемских рукописных сборниках // ТОДРЛ Л, 1979 Т 34 С 341—350, Ширмакова Е П Повесть о Басарге в усть-цилемской переработке // Древнерусская литература Источниковедение Л, 1984 С 267—269, Ромодановская Е К Мяндинские обработки Повести о царе Аггее // Ромодановская Е К Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков Новосибирск, 1985 С 216—226, 350—361, Троицкая Т С Повесть о Динаре в редакции И С Мяндина // Древнерусская книжность По материалам Пушкинского Дома Л, 1985 С 36—47, Чалкова Т Ф Повесть о царице и львице в обработке И С Мяндина // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России Новосибирск, 1987 С 234—248, Бобров А Г Усть-Цилемская редакция «Сказания Афродитиана» // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера Сыктывкар, 1989 С 41—46, Голоскова Н А Житие Диодора Юрьевского в обработке И С Мяндина // Источники по истории народной культуры Севера Сыктывкар, 1991 С 18—25, Рыжова Е А, Шучалина С В К вопросу о круге произведений И С Мяндина // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера Сыктывкар, 1997 С 45—56, Рыжова Е А Печорская редакция «Азбуки о голом и небогатом» // V Уральские археографические чтения Екатеринбург, 1998 С 60—62, Волкова Т Ф, Чупрова Г В К изучению Повести о царевне Персике // Традиция и литературный процесс Новосибирск, 1999 С 16—25, Пигин А В Усть-Цилемская редакция древнерусской повести о бесе Зерефере // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99») Петрозаводск, 2000 С 426—429, Волкова Т Ф 1) Ранее не изученный печорский список Повести о Дмитрии Басарге // Человек и общество в информационном измерении Екатеринбург, 2001 С 96—104, 2) Повесть о Тимофее Владимирском в переработке печорского крестьянина И С Мяндина // Вестн Сыктывкарского ун-та Сер 9 Филология Сыктывкар, 2001 С 4—21 В настоящее время в печати находятся статьи Т Ф Волковой о мяндинских переработках Повести о новгородском посаднике Шиле, Жития Корнилия Выговского, поучений против лени

Обращение О. В. Творогова к печорской версии троянского эпоса органично вытекало из глубокого и всестороннего исследования ученым литературной судьбы троянских сюжетов на русской почве,⁹ в ходе которого он обратил внимание и на интерес, проявленный к этим сюжетам в XIX в. печорскими крестьянами.¹⁰ Проанализировав текст двух печорских списков Троянских сказаний (У-Ц¹¹ 66, далее обозначенный как М, и У-Ц 267, обозначенный как А), О. В. Творогов прежде всего установил, что они тесно связаны между собой и представляют два самостоятельных варианта особой, созданной на Печоре редакции Троянских сказаний.¹² Исследователем были выявлены также те русские версии повествования о разрушении Трои, которые послужили источником для печорской редакции: общий архетип списков М и А, по мнению ученого, представлял собой компилятивную переработку двух сочинений — «Троянской истории» — прозаического романа сицилийского писателя XIII в. Гвидо де Колумна, переведенного на Руси на рубеже XV—XVI вв. (в его древнейшей, полной, версии или в редакции, легшей в основу издания 1709 г.,¹³ многократно переиздававшегося и переписывавшегося в течение XVIII—начала XIX в.), и одной из глав Хронографа редакции 1617 г. (глава 24 «О златом руне волшебного овна»), которая в свою очередь явилась переработкой одной из глав Хроники Мартина Бельского (русский перевод ее появился в последней четверти XVI в.). Создатель новой версии Троянских сказаний объединил в одном тексте сюжетные мотивы, присутствующие только в каком-то одном из указанных источников (например, сюжет о спасении Гесионы, дочери троянского царя Лаомедонта, Геркулесом во время похода аргонавтов, трансформировавшийся в печорской редакции в рассказ о спасении Поликсены¹⁴ Язоном (А) или Геркулесом (М), читается только в Хронографе, а мотив захвата Трои с помощью воинов, спрятанных в чреве изготовленного греками коня, — только в версии Гвидо де Колумна).¹⁵

Создание этого компилятивного текста, до нас не дошедшего, О. В. Творогов считает возможным также связать с деятельностью местных печорских книжников, учитывая наличие в печорских сборниках разнообразных переделок древних сюжетов (библейских сказаний, Сербской Александрии и др.).¹⁶ Списки М и А, по мнению О. В. Творогова, восходят к недошедшему архетипу непосредственно, без промежуточных звеньев, и независимо друг от друга: «совершенно исключена зависимость версии А от М, и наоборот». ¹⁷ При этом рассказ архетипа в списках М и А дошел «в сокращенном, измененном, а кое в чем и дополненном виде». ¹⁸ Объединяет версии М и А ряд оригинальных эпизодов и деталей,

⁹ Троянские сказания Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв / Подгот текста и статьи О В Творогова, Комментарий М Н Ботвинника и О В Творогова Л, 1972

¹⁰ Там же С 153

¹¹ Здесь и далее У-Ц — Усть-Цилемское собрание ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собрание ИРЛИ обозначается далее У-Ц н

¹² Творогов О В Троянская история в переработках усть-цилемских книжников С 229

¹³ История, в ней же пишет о разорении града Трои Фригийского царства Напечатана же славенски повелением царского величества в типографии Московской лета Господня 1709-го в месяце июнии

¹⁴ В греческой мифологии Поликсена — дочь Приама (сына Лаомедонта) и Гекубы

¹⁵ Творогов О В Троянская история в переработках усть-цилемских книжников С 229, 230

¹⁶ Там же С 231

¹⁷ Там же С 230

¹⁸ Там же

которые отсутствуют в иных версиях «Троянской истории»¹⁹ Различие же списков М и А в изложении событий похода аргонавтов и второй троянской войны (к двум установленным источникам печорской редакции ближе оказывается в одних случаях список М, в других — список А) О. В. Творогов объясняет тем, что архетип печорской редакции содержал наиболее пространственный и наиболее близкий к «каноническим» версиям обоих источников (роман Гвидо де Колумна и глава из Хронографа 1617 г.) рассказ, который по-разному был использован в двух печорских повестях, считая маловероятным дополнительное самостоятельное обращение их составителей к самим этим источникам помимо текста-архетипа²⁰

Палеографическая характеристика списков М и А в работе О. В. Творогова базируется на описаниях усть-цилемских рукописей, опубликованных В. И. Малышевым.²¹ Список М рассматривается О. В. Твороговым как принадлежащий руке И. С. Мяндина,²² в то время как второй список — А — как анонимный, поскольку в описании В. И. Малышева он датируется 10-ми гг. XX в. (т. е. временем после смерти усть-цилемского переписчика), а почерк сборника определяется как печорский полуустав без конкретизации его индивидуальной разновидности. Такой взгляд на происхождение списков М и А во многом и определил приведенные выше текстологические выводы О. В. Творогова о взаимоотношениях двух печорских версий Троянских сказаний. В настоящее время на базе широких исследований рукописного наследия И. С. Мяндина появилась возможность уточнить сложившиеся на начальной стадии изучения печорских переработок представления о происхождении усть-цилемских списков «Троянской истории» и развить наблюдения О. В. Творогова над особенностями ее печорской редакции.

Первое уточнение, которое необходимо сделать в ходе дальнейшего исследования печорской редакции Троянских сказаний, касается «анонимного» списка А, вошедшего в научный оборот с датой «10-е годы XX в.». Дело в том, что в описании рукописного сборника У-Ц 267 (включающего список А Троянских сказаний), сделанное В. И. Малышевым, по-видимому, закралась ошибка. В почерке рукописи при непосредственном знакомстве с ней легко узнается почерк И. С. Мяндина, а за-

¹⁹ Например, только в М и А девушка, спасенная Геркулесом (М) или Язоном (А), носит имя Поликсены (в источниках переработки это Гесиона), спасение ее в печорских списках происходит после овладения золотым руном, в то время как в Хронографе Геркулес спасает Гесиону по пути в Колхиду (в Троянской истории этот эпизод вообще отсутствует) и др. (см. об этом Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников С 229)

²⁰ Там же

²¹ Малышев В. И. 1) Усть-Цилемские рукописные сборники С 112—115, 2) Усть-Цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ М., л., 1961 т. 17 С 604

²² В описании рукописи У-Ц 66 нет указаний на почерк И. С. Мяндина, как нет их и в первой статье В. И. Малышева о печорских переработках, где упоминается этот сборник в связи с переработкой Повести о царице и львице, в нем находящейся. Однако в книге «Усть-Цилемские рукописные сборники» В. И. Малышев привел два фотоснимка с рукописей, переписанных И. С. Мяндиным, дающие представление об особенностях его почерка (с 13, 15). Кроме того, в предисловии к описанию усть-цилемских сборников В. И. Малышев называет сборник № 66 в числе рукописей, содержащих местные переделки древнерусских сочинений, и высказывает предположение, что одним из их создателей мог быть И. С. Мяндин, так как «некоторые печорские переработки находятся в сборниках, переписанных его рукой» (с 33)

пись на обороте последнего листа сборника, содержащего окончание основного текста рукописи, — «1898 23 август[а]. Михайло Чупровъ»²³ — прямо указывает своей датой на написание ее до 1898 г. Можно привести и дополнительные аргументы в пользу датировки сборника второй половиной XIX в. На бумаге, использованной в рукописи, имеются штемпели двух фабрик — наследников Сумкина и фабрики Печаткина, указанные в описании В. И. Малышева. Отметим, что почти весь сборник переписан на бумаге фабрики наследников Сумкина (№ 6), датируемой 1879 г (та же бумага использована в рукописи Северодвинского собр. ИРЛИ, № 270).²⁴ Что касается бумаги, выпущенной фабрикой Печаткина (л. 24—35), то, по сведениям С. А. Клепикова, Печаткин выступает как арендатор фабрики уже с 1834 г.²⁵ Таким образом, второй печорский список Троянских сказаний оказывается не анонимным, а принадлежащим перу того же переписчика, что и список М, — И. С. Мяндина. Это во многом меняет сам подход к сопоставительному анализу двух разных списков печорской редакции.

Исследования различных переработок И. С. Мяндина показали, что к тексту одного и того же произведения печорский редактор иногда обращался два, а то и три раза, при этом сохранившиеся мяндинские списки иногда весьма существенно отличаются друг от друга. Метод многократной обработки источника И. С. Мяндиным особенно явно вырисовался при изучении печорской редакции Повести о гордом царе Аггее, которая сохранилась в трех мяндинских списках (У-Ц 67, У-Ц н. 204 и 368), различающихся между собой. Е. К. Ромодановская определила его как метод постепенного «вживания» печорского книжника в новый для него повествовательный материал, при котором «чужой» текст сначала переписывается с минимальной правкой стиля и сохранением общей композиции повествования, затем стилистическая обработка углубляется, появляются более разговорные обороты речи, дорабатываются отдельные, наиболее близкие писателю-крестьянину эпизоды, после чего, когда сюжет уже вполне освоен, И. С. Мяндин создает его вольный пересказ, внося изменения и в сам ход развития сюжета, и в разработку отдельных эпизодов, упрощая язык и стиль повествования.²⁶ Обратившись к сопоставлению двух мяндинских списков другой переработанной им повести — о царевне Персике, находящихся в тех же сборниках, что и два списка «Аггея» (У-Ц 67, изученный В. И. Малышевым, и У-Ц н. 368), мы убедились в справедливости выводов Е. К. Ромодановской о принципах редактирования И. С. Мяндиным своих источников: работа Мяндина над второй версией «Персики» аналогична редактированию текста «Аггея» при создании второго списка Повести — У-Ц н. 204 (сокращение текста «Персики» в списке У-Ц 67, перестановки слов, использование других выражений, более свободное изложение сцены пира, появление

²³ Л 441 об, скоропись, чернила Запись процитирована в описании В. И. Малышева Имя Михаила Чупрова известно и по другим печорским рукописям так, рукой И. С. Мяндина в последней четверти XIX в был переписан помяник рода Михаила Чупрова (У-Ц н. 214), автограф М. Чупрова с датой 1904 г сохранился и на рукописи У-Ц 73, также посл. четв. XIX в., содержащей известную повесть о самосожжении в Великопоженском ските на Пижме и Исповедь Ивана Филиппова

²⁴ Благодарю В. П. Бударагина, любезно обратившего мое внимание на эти факты

²⁵ См. Клепиков С. А. Штемпели на бумаге русского и иностранного производства XIX—XX вв. (дополнение к таблице, опубликованной в 1959 г.) // АЕ за 1966 г. М., 1968 С. 130

²⁶ См. Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков С. 221—225

разговорных интонаций в повествовании).²⁷ К сходным наблюдениям пришла и Т. Ф. Чалкова в ходе анализа двух разных списков мяндинской редакции Повести о царице и львице. Второй этап редакторской работы Мяндина и в этом случае характеризуется более свободным обращением с текстом Повести, включением в нее большого количества видений, отсутствовавших в первом варианте, существенным изменением концовки и заметным усилением роли провидения в судьбах героев.²⁸ Наблюдения Т. Ф. Чалковой для нас особенно важны, так как список, отражающий второй этап редакторской работы Мяндина над «Царицей и львицей», находится в том же сборнике У-Ц 66, что и список М Троянских сказаний.

В том же сборнике У-Ц 66 находится и печорская переработка Повести о Басарге, дошедшая в двух мяндинских списках, причем второй ее список также находится в одном сборнике с другим списком «Царицы и львицы» (РНБ, НСРК, О.100).²⁹ Сопоставив два мяндинских списка Повести о Басарге, мы тоже отметили наличие в них разных повествовательных тенденций, однако на этот раз провиденциальная обработка текста ощущается не в сборнике У-Ц 66 (как в случае с Повестью о царице и львице), а, напротив, в сборнике из собрания Яковлева. Список же «Басарги» из У-Ц 66 взамен провиденциальных мотивировок поступков персонажей обретает мотивировки «реалистические», с помощью которых печорский редактор пытается рационалистически объяснить алогичное поведение царя, отдавшего незнакомому «детису» свои царские регалии, оружие и одежду, что и привело его к гибели.

В этот ряд органично вписываются и наблюдения О. В. Творогова над особенностями стиля списка М Троянских сказаний, которым исследователь находит аналог в тексте повестей об Александре Македонском и Иосифе Прекрасном, также читающихся в составе сборника У-Ц 66. Во всех трех текстах, по мнению О. В. Творогова, в ряде эпизодов обнаруживаются «черты „галантерейного“, как говорили во времена Пушкина, стиля, резко отличающегося от стиля остальной части повествования»,³⁰ появление которого О. В. Творогов связывает с редакторской работой И. С. Мяндина. В сборнике У-Ц 267, где находится список А Троянских сказаний, а также другие списки повестей об Александре Македонском и Иосифе Прекрасном, дополнительные фрагменты, отличающиеся подобным стилем, по наблюдению О. В. Творогова, отсутствуют. Поскольку сборник У-Ц 267 О. В. Творогов рассматривал как более поздний, созданный после смерти И. С. Мяндина, то читающийся в нем текст печорской переработки Троянских сказаний он атрибутировал дру-

²⁷ См подробнее Волкова Т Ф, Чупрова Г В К изучению Повести о царевне Персике С 24—25 Отметим, что изучение приемов работы И С Мяндина над разными повестями, списки которых находятся в одних и тех же сборниках, позволяет соотнести разные стадии работы печорского редактора над этими повестями Так, сборник У-Ц 67 отразил начало работы Мяндина над Повестью об Аггее и вторую стадию работы над «Персикой»

²⁸ См Чалкова Т Ф Повесть о царице и львице в обработке И С Мяндина С 237

²⁹ Сборник, привезенный в 1938 г из Усть-Цилемского р-на В И Малышевым и переданный для работы со студентами проф М А Яковлеву (см Малышев В И Усть-Цилемские рукописные сборники С 39, сн 1), а затем — в 1959 г — приобретенный у его вдовы Публичной библиотекой (старый шифр НСРК, 1959, 33 О) Большая часть сборника переписана рукой И С Мяндина Помимо повестей о Басарге и царице и львице здесь имеются список Повести о посаднике Щиле и несколько библейских сюжетов — о Иосифе Прекрасном, Юдифи, Самсоне, о Давиде и Соломоне и др

³⁰ Творогов О В Троянская история в переработках усть-цилемских книжников С 232

гому, неизвестному нам печорскому книжнику, противопоставляя стиль его переработки стилю И. С. Мяндина. Приведенные нами выше уточнения, позволяющие атрибутировать И. С. Мяндину и сборник У-Ц 267, а также наблюдения ряда исследователей о разных типах редакторской работы И. С. Мяндина на разных стадиях его «внедрения» в текст источников позволяют иначе объяснить различия двух печорских версий «Троянской истории». Как и в случае с повестями о гордом Аггее, Персике, царице и львице, Басарге, два усть-цилемских списка Троянских сказаний, по-видимому, отражают два разных этапа работы И. С. Мяндина над сюжетами о походе аргонавтов и падении Трои. Список А (У-Ц 267), скорее всего, отражает более ранний этап редакторской работы И. С. Мяндина. Текст списка А Троянских сказаний отличается от текста списка М, по нашим наблюдениям, не только стилем, более приближенным к древнерусским источникам, но и гораздо большим объемом, а также иным композиционным распределением ряда общих с М сюжетных эпизодов. Если сопоставить тематическую композицию обоих печорских рассказов о троянской войне, проясняется общая редакторская установка И. С. Мяндина при создании списка М, вошедшего в сборник У-Ц 66, а также становится очевидным отталкивание усть-цилемского книжника при создании новой, более краткой версии «Троянской истории» именно от списка А (или какого-то более раннего текста с той же последовательностью эпизодов).

Более всего в композиционном отношении подверглась переработке в версии М та часть повествования, которая рисует ход второй троянской войны, спровоцированной похищением Елены. В версии А этот локальный сюжет развивается с эпической неторопливостью: после сообщения о прибытии греков к Трое рассказывается о первых успехах троянцев, затем повествуется о переходе военной удачи к грекам, о воинских доблестях сыновей троянского царя Приама — Гектора, Деифоба и Троила, о зарождении у греков плана убийства самого доблестного из них — Гектора и его осуществлении героем греков Ахиллесом. Затем рассказывается о первом поединке двух соперников — Париса и Менелая, который чуть не закончился гибелью похитителя Елены. В том же ряду описывается смерть Приамова сына Троила, которого, по версии А, почему-то убивает союзник троянцев Мемнон. Далее в списке А следует рассказ о сватовстве Ахиллеса к дочери Приама Поликсене, в которую он влюбляется во время перемирия (при этом редактора не смущает тот факт, что немногим ранее в его повествовании девушка с этим именем, спасенная аргонавтом Язоном от гибели, но не захотевшая стать его супругой, стала виновницей первой троянской войны и в ходе ее была пленена греками).³¹

Рассказ о сватовстве Ахиллеса становится здесь завязкой особого сюжета внутри повествования о троянской войне — о судьбе Ахиллеса, ставшего жертвой своей любви к дочери врага. Последующие эпизоды в столь же эпической манере рисуют военные неудачи греков, лишившихся поддержки Ахиллеса, связанного договором с троянцами, и успехи за-

³¹ Эта несообразность сохраняется и в списке М, где спасенную Геркулесом девушку также зовут Поликсеной. Подобные сюжетные неувязки отмечены исследователями и в других мяндинских переработках — например, в Повести о гордом царе Аггее разговор царицы и ангела, принявшего облик ее мужа, о причинах его супружеского воздержания находится у И. С. Мяндина явно не на месте, разрывая концовку повести — между поучением ангела Аггею и заключительными фразами, становясь бессмысленным, так как царя-ангела на престоле уже сменил человек. Но И. С. Мяндин сохранил такое расположение эпизода во всех трех своих списках «Аггея» (см. Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. С. 221).

щитников Трои, на помощь которым приходит амазонская царица со своим женским войском. Устрашенный явными победами троянцев, Ахиллес наконец возвращается в строй и убивает в поединке еще одного сына Приама — Деифоба, что служит в списке А мотивировкой последующих действий Париса, заманивающего Ахиллеса в ловушку (под предлогом соединения его в тайном браке с Поликсеной) и убивающего его. Своеобразной развязкой этого внутреннего сюжета становится рассказ о мести сына Ахиллеса Пирра за коварное убийство отца: от руки Пирра погибает сначала Парис, затем царица амазонок и, наконец, сам троянский царь Приам, отказавшийся принять условия заключения мира, предложенные греками. Последняя часть повествования в А рассказывает о финале войны, поисках греками Поликсены и ее казни, предательстве двух троянских полководцев Антенора и Энея, захвате Трои греками, судьбе троянских женщин и Елены. В эпилоге Повести в списке А прослеживается судьба основных участников похода на Трою после возвращения на родину. Завершается список А изложением легенды об основании Константинополя на месте погибшей Трои.

Этот неспешный эпический рассказ существенно преобразуется в версии М. Сюжет здесь обретает стремительность, все события осады Трои как бы нанизываются на единый стержень, которым становится трагическая судьба Ахиллеса. Это достигается, во-первых, сокращением ряда военных эпизодов, отвлекающих внимание от основной сюжетной линии, во-вторых, композиционной перестройкой текста, способствующей психологическому углублению сюжетных мотивировок и концентрации тематически близкого материала в одной точке повествования. Внутренний сюжет о сватовстве и гибели Ахиллеса, в списке А окруженный другим повествовательным материалом, освещающим перипетии осады Трои, в версии М выдвигается на первый план, подчиняет себе все основные события троянской войны до захвата Трои греками. Трагические поединки главных героев троянского и греческого войск (смерть Гектора от руки Ахиллеса, поединок Менелая с Парисом, смерть Троила) в списке М из начала рассказа о ходе осады Трои переносятся в середину локального сюжета о сватовстве и гибели Ахиллеса и становятся частью этого сюжета. Рассказ об осаде, таким образом, получает новую завязку: функция ее переносится на эпизод о сватовстве Ахиллеса к Поликсене, которому в сюжете списка М предшествует только короткий рассказ о высадке греков на троянском берегу и первых столкновениях их с троянцами, играющий роль экспозиции. Устранение Ахиллеса, ставшего тайным женихом Поликсены, с поля боя с последующим — трагическим для троянцев — возвращением его в строй (именно в этот момент осады, по сюжету М, Ахиллес убивает сначала Гектора, а потом и Троила, в А погибающего от руки Мемнона) создает в этой версии Троянских сказаний более убедительную и психологически усиленную мотивировку вероломного замысла Париса завлечь Ахиллеса в город под предлогом женитьбы на Поликсене и из засады убить его. Это решение Париса в М рисуется как непосредственная реакция его на двойную утрату, только что понесенную троянцами, — смерть от руки Ахиллеса двух братьев Париса.³² Таким образом, описание их гибели в М сюжетно приближено к эпизоду ловушки для Ахиллеса, устроенной Парисом, и скорректировано с целью усилить вину Ахиллеса, который выступает здесь (в отличие от

³² В версии А замысел Париса отомстить Ахиллесу рождается после гибели Деифоба от руки Ахилла, которая отделена от смерти Гектора и Троила целым рядом событий осады и уже пережита читателем на более раннем этапе повествования.

А, но в соответствии с сюжетом Гвидо де Колумна) как убийца не только Гектора, но и Троила.

В развязке этого сюжета в М, как и в А, на первый план выдвинуты действия Пирра, мстящего за смерть отца. Однако в списке М и здесь обнаруживается перестройка текста на композиционном уровне. С одной стороны, сюда переносится рассказ об амазонках (в списке А он предшествует рассказу о возвращении в войско Ахиллеса), который сливается с повествованием о смерти их предводительницы от руки Пирра — героя этой части сюжета, с другой стороны, рассказы об убийстве Пирром троянского царя Приама и казни его дочери Поликсены, по сюжету А произошедших до захвата Трои, в списке М сдвигаются в самый конец повествования, в финальную, наиболее трагическую часть сюжета, воссоздающую картину окончательной гибели города и всех его обитателей, включая оставшихся в живых членов царской семьи.

Покажем художественный механизм проведенной редактором в этой части Повести композиционной перестройки на материале повествования о судьбе Поликсены. Суть проделанной им работы, как уже отмечалось, — сведение в одну композиционную зону разъединенных в сюжете списка А, но тематически близких эпизодов. О печальной участи троянских женщин в завершающий момент взятия Трои в списке А рассказывается дважды: сначала — в той части сюжета, которая предшествует рассказу о взятии Трои, затем — в контексте рассказа о поведении победителей в захваченном городе. Первый эпизод повествует о судьбе Поликсены, виновницы гибели Ахиллеса: о событиях, предшествовавших ее смерти, и о совершенной над ней казни. По сюжету А, после гибели в бою Приама троянцы вынуждены были согласиться на выдачу грекам Поликсены, но не могли найти ее и только после тщательных поисков обнаружили царскую дочь в стане у троянских полководцев Энея и Антенора. Каким образом попала к ним Поликсена, почему именно они прятали девушку, в списке А никак не объясняется. Дальнейшее повествование сообщает, что найденную царевну передали Пирру, считавшему именно ее повинной в гибели своего отца, и Пирр, изведя ее «внѣ полков», «отсече главу ея». Заканчивается этот фрагмент описанием горя троянцев, которые были в столь униженном положении, что даже не могли воспротивиться этой казни.

Второй фрагмент А, тематически связанный с рассмотренным, рисует судьбу других троянских женщин — Гекубы, жены Приама, Андромахи, жены Гектора, Елены и «средней» дочери Приама (Кассандры). Его отделяет от рассказа о гибели Поликсены целый ряд эпизодов, рисующих обстоятельства взятия Трои греками (рассказы о том, как у греков возник замысел захватить город с помощью коня со спрятанными в нем воинами, как Антенор и Эней, опасаясь гнева греков за сокрытие ими у себя Поликсены, изменяют троянцам, выдав грекам тайну неприступности Трои, охраняемой Палладой, статую которой они обещают вынести из капища Аполлона, где она хранилась с момента основания города). Завершается этот сюжетный комплекс в А повествованием о захвате греками города и чинимых над горожанами насилиях. Следующий далее рассказ о судьбе женщин из царской семьи служит в списке А логическим продолжением этого повествования, переводя его от общего плана к крупному. Образ обезумевшей царицы Гекубы здесь как бы выхватывается из общей массы троянских женщин, мечущихся по городу с непокрытой головой, обнаженной грудью. Так же выглядит и царица Гекуба, уже потерявшая, по списку А, всех своих сыновей, мужа, дочь Поликсену. И сама она погибает от руки одного из воинов. Более кратко, без

деталей и подробностей, в списке А сообщается о судьбе других троянских женщин — Елены, переданной мужу Менелая, Андромахи, переданной Пирру, и «средней» дочери Приама (Кассандры), доставшейся Агамемнону. Последующий рассказ рисует трагическую участь Елены, которая, вопреки настояниям Менелая и Агамемнона, была отдана на растерзание диким зверям.

В сюжете версии М этот разрозненный в списке А материал по тематическому принципу был сведен в одном эпизоде. Описание гибели Поликсены здесь отодвинуто в самый конец повествования, где рисуются судьбы других троянских женщин. Вместе с Гекубой она спасается бегством и оказывается (как и в А) в стане у Антенора и Энея, но при этом в М объясняется, как это произошло: Гекуба устыдила встретившихся им на пути полководцев-предателей за их измену и попросила о помощи. Прислушавшись к «царицыну воплю», вельможи сжалились над несчастными женщинами и спрятали их в месте «идеже никто же весть». Продолжением этого рассказа в М служит в целом сходный с А рассказ о распределении других троянских женщин между победителями-греками. В этом контексте в М возникает и мотив мести Пирра Поликсене, которая «прельстила» и «погубила» его отца, о чем он публично и заявил греческим царям, требуя для нее «праведнаго наказания». После этого греки обращаются к перешедшим на их сторону Антенору и Энею с требованием открыть место, где прячется царевна. Полководцы-предатели вынуждены привести Поликсену, которую Пирр убивает «на гробе отца своего Ахиллеса» (отсекает ей голову).

Известие о страшной смерти дочери и мотивирует в версии М последующее поведение Гекубы (описанное сходно с А), обезумевшей после сообщения о казни Поликсены. Трагизм последних дней жизни Приамовой жены в списке М еще более усилен (по сравнению с А), так как здесь Гекуба умирает не от руки греческого воина, а от предельного унижения: «Сю же всяк со смехом провождаше от себя с сильными побоями дондеже пад и умре».

Таким образом, сопоставительный анализ двух мяндинских списков Троянских сказаний на сюжетно-композиционном уровне показывает, что один из них (список М) отразил целенаправленную редакторскую работу, в результате которой появилась существенно сокращенная версия «Троянской истории» (здесь опущен целый ряд эпизодов как первой части повествования — о добыче золотого руна, так и второй, описывающей осаду и взятие Трои, а также почти все фрагменты, составляющие в версии А эпилог повествования). Это сокращение сопровождалось и композиционной перестройкой текста, устранившей некоторую «рыхлость» сюжета списка А, усилившей сюжетные мотивировки и придавшей финалу больший трагизм за счет концентрации в одной точке повествования разновременных событий.

Помимо описанной сюжетно-композиционной перестройки в версии М отчетливо ощущается — главным образом в первой части повествования о походе аргонавтов — и лирическая разработка сюжета, на которую обратил внимание О. В. Творогов. Она коснулась тех сюжетных эпизодов, которые давали И. С. Мяндину возможность домыслить внутренний, лежащий в сфере чувств, ход событий, оставшийся не освещенным в другой его версии Троянских сказаний. Так в списке М появляется редакторская реконструкция тех мыслей и чувств, которые пробудила в «Еркулесе» встреча с обреченной на смерть Поликсеной, и переживаний самой Поликсены «при виде незнакомца», а также осмысление дальнейшего развития чувств героев после одержанной Геркулесом победы.

Следует отметить и еще одно направление, в котором шла переработка текста при создании списка М. Оно стало очевидным, когда, отталкиваясь от наблюдений О. В. Творогова, мы проследили, как в списке А развивается отмеченная исследователем тенденция к эпическому (сказочному и былинному) осмыслению сюжета,³³ и проанализировали, что взамен этих сказочно-былинных образов появляется в списке М. Характеризуя эпическую тональность списка А, О. В. Творогов указал на такие ее приметы, как «заповедный меч» Язона, с помощью которого он победил драконов, охранявших золотое руно, перстень-талисман, помогший ему вскрыть сундук, где хранилось это «сокровище», «звиздание», которым сопровождалось появление змея, пожирателя троянских «чад», «вороной жеребец», на котором скачет по полю боя Пирр.³⁴ Можно привести и другие приметы сказочной поэтики, проявляющиеся в А, главным образом в первой части повествования, организованной сюжетом о добывании золотого руна. Уже в начальном фрагменте Троянских сказаний по списку А, вводящем в повествование главного героя первой части произведения — «Азона» и тему золотого руна, ощущаются приметы эпического стиля с его поэтизацией героических качеств личности и абстрагирующими тенденциями. О Язоне здесь говорится: «Сей храбростию своею прославился во всемъ греческомъ царствѣ» (эта характеристика в М отсутствует), о месте, где хранится золотое руно, говорится по-сказочному неопределенно: «в нѣкоей странѣ», а само золотое руно характеризуется как «сокровище нѣкое пребогатое», которое охраняется «страшными драконами, рекше змиями». В списке М в этом фрагменте явственно ощущается противоположная — конкретизирующая — тенденция: обозначено и время действия — «во времена царей израильских», и страна золотого руна — Колхида, и даже количество драконов, его охраняющих («охраняемое двумя лютыми драконами»); мотивируется и малая осведомленность «еллинов» об условиях хранения золотого руна, что одновременно создает в М и экспозиционный контекст повествования, отсутствующий в А: золотое руно «многия из сильнейших воинов покушались похитить. И за ету дерзость платили жизнью, ибо страшныя драконы их умерщвляли внезапно, так что им не было времени увидеть, где оно сокровище и хранится» (л. 116 об.) Проявления эпического стиля обнаруживаются и в последующем повествовании списка А, основанном на сюжете об аргонавтах: «Азон» отправляется в плавание «с многочисленною силою» (в списке М — «со своими воинами», при этом конкретизируется, что именно он взял с собой: «потребное количество запаса для истребления чудовищ»); маршрут Язона в А также напоминает свою неопределенностью, но труднопроходимостью маршруты сказочных персонажей: «чрезъ высокия и непроходимыя горы и пустыни»; пункт прибытия греков по-прежнему географически не определен, но определен эмоционально: «Наконецъ доехавъ до того страшнаго мѣста, гдѣ по преданию находится золотое руно»; наконец, в сцене сражения «Азона» с драконами появляются те волшебные предметы, на которые в списке А обратил внимание О. В. Творогов, — «заповедный меч» и перстень-талисман. К ним следует добавить и волшебного помощника — «духа», вручающего герою перстень, с помощью которого Язон и отпирает «суудъ желѣзный с висящими трема зѣло крѣпкими замками», где хранилось «сокровище» (золотое руно). Все эти стилистические и сюжетные приметы

³³ См. Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников. С. 233

³⁴ Там же

сказочного повествования отсутствуют в списке М. Характерно, что даже в текстуально близких фрагментах А и М в последнем производится стилистическая замена: в А «Азон» отправляет золотое руно в свое «царство», в М — «во свое отечество».

Таким образом, в разных списках Троянских сказаний И. С. Мяндин использует разные приемы повествования, отражающие разные грани его писательского опыта. В списке А он опирается на сказочную поэтику,³⁵ хорошо знакомую ему по фольклору, составлявшему неотъемлемую часть духовной жизни «устыцилемов»,³⁶ в списке М — активизировал другую тенденцию, также проявляющуюся в его творчестве: стремление к конкретности и зримости повествования, к лаконизму, позволяющему сосредоточить внимание на главном, к прояснению для читателя «реалистических» мотивов тех или иных поступков своих героев.³⁷

Существование архетипа списков А и М Троянских сказаний, до нас не дошедшего, о котором пишет О. В. Творогов, также вполне вписывается в постепенно проясняющуюся картину творческого процесса, в результате которого из-под пера усть-цилемского книжника И. С. Мяндина рождались местные редакции старинных произведений. Исследователям удалось в одном случае выявить даже скорописную копию раннего списка (начала XVII в.), отражающую начальный, черновой, этап литературной работы И. С. Мяндина над одной из древнерусских повестей — о царице Динаре, еще в ранней юности прочитанной усть-цилемским переписчиком, а затем переработанной им.³⁸ К сожалению, в случае с Троянскими сказаниями эта начальная стадия работы И. С. Мяндина над сюжетом о троянской войне до нас не дошла, и мы не можем с уверенностью сказать, принадлежит ли ему заслуга создания того компилятивного текста, весьма далеко отошедшего от своих источников, две дальнейшие

³⁵ Эта тенденция прослеживается и в других мяндинских редакциях. Так, например, в одном из мяндинских списков Повести о Басарге переработана — в духе сказочных финалов — концовка Повести (см подробнее Волкова Т. Ф. Ранее не изученный печорский список Повести о Дмитрие Басарге С 102—103). То же самое проделано и в финале мяндинской версии повествования о Тимофее Владимирском, где приводится отсутствующее в источниках редакции описание дальнейшей счастливой жизни «отрока», помогшего грешному священнику через покаяние обрести прощение и земных владык, и небесного судии великий князь женит юношу-«отрока» на «добродетельной» девице, отрок заводит себе дом «близ Москвы» и проживает в нем «в шастии и богатствѣ», поминая Тимофея по его завещанию (см Волкова Т. Ф. 1) Усть-цилемские предания о протопопе Аввакуме и патриархе Никоне (По материалам фольклорного архива Проблемной лаборатории Сыктывкарского университета) // Вестн. Сыктывкарского ун-та. Научный журнал Сыктывкар, 1995. Сер. 8. История. Филология. Философия. Вып. 1. С. 89—95, 2) Сказители печорских старин // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99») Петрозаводск, 2000. С. 42—49, Канева Т. С. 1) Песенно-игровой фольклор Усть-Цилемского района Республики Коми. Автореф. дисс. канд. филол. наук. СПб., 1998, 2) Усть-цилемские предания об Иване // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 1999. Т. 30. С. 423—430 (публикация текстов и комментарии), Волкова Т. Ф. 1) Усть-цилемские предания о протопопе Аввакуме и патриархе Никоне (По материалам фольклорного архива Проблемной лаборатории Сыктывкарского университета) // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Тезисы докладов научной конференции 14—16 октября 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 20—23, 2) Литературные и исторические сюжеты в устной интерпретации печорских крестьян // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Материалы М., 2000. С. 303—310.

³⁶ О фольклоре Усть-Цильмы см новейшие исследования Проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского ун-та. Власов А. Н. 1) Сказители печорских старин // Вестн. Сыктывкарского ун-та. Научный журнал Сыктывкар, 1995. Сер. 8. История. Филология. Философия. Вып. 1. С. 89—95, 2) Сказители печорских старин // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99») Петрозаводск, 2000. С. 42—49, Канева Т. С. 1) Песенно-игровой фольклор Усть-Цилемского района Республики Коми. Автореф. дисс. канд. филол. наук. СПб., 1998, 2) Усть-цилемские предания об Иване // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 1999. Т. 30. С. 423—430 (публикация текстов и комментарии), Волкова Т. Ф. 1) Усть-цилемские предания о протопопе Аввакуме и патриархе Никоне (По материалам фольклорного архива Проблемной лаборатории Сыктывкарского университета) // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Тезисы докладов научной конференции 14—16 октября 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 20—23, 2) Литературные и исторические сюжеты в устной интерпретации печорских крестьян // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Материалы М., 2000. С. 303—310.

³⁷ См., например, упомянутый выше вариант Повести о Басарге, дошедший в списке У-Ц 66.

³⁸ См. Троицкая Т. С. Повесть о Динаре в редакции И. С. Мяндина.

переработки которого, различные и по стилю, и по композиции, и по деталям сюжета, мы читаем в дошедших мяндинских списках У-Ц 66 и 267. Возможно, в ходе дальнейших разысканий архетип этих списков отыщется в составе какого-нибудь севернорусского сборника, как это произошло при исследовании печорской редакции «Аггея»,³⁹ однако не исключено, что автор исходной компиляции и создатель списков А и М Троянских сказаний — одно и то же лицо. Прояснению этого вопроса, возможно, будет способствовать комплексное изучение трех известных сборников, переписанных Мяндиным, в которых содержится ряд повторяющихся текстов, восходящих к хронографическим статьям о библейских героях и завоевателях древности, — У-Ц 66, У-Ц 267 и РНБ, НСРК, О.100.

В Приложении к статье мы публикуем ранее не издававшийся список Троянских сказаний из сборника У-Ц 267 (л. 288—323 об.) по правилам издания текста, принятым в ТОДРЛ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О брани греческой и троянской

В Елнинской Пеластинѣ бѣ нѣкий воин именѣмъ Азонь Сей храбростю своею прославился во всемъ греческомъ царствѣ, особенно потому
л 288 об более, ибо услышалъ онъ // в нѣкоей странѣ золотое руно или сокровище нѣкое пребогатое охраняемо страшными драконами, рекше змиями.

Этот Азонь первие поплыл на корабляхъ с многочисленною силою, а потом пустился на верблудахъ чрезъ высокия и непроходимыя горы и пустыни. Наконецъ доехавъ до того страшнаго мѣста, гдѣ по преданию
л 289 находится // золотое руно. Егда тѣ страшныя драконы ощутили пришествие Азоново, абие налѣтъли на него, хотяще ѥ растерзати, но от копия его и заповѣднаго меча разлѣтълись: кого поразилъ мечъ Азонов или копие, коснувшись во главы или в чрево. Хотя страшныя драконы и продолжали нападати на неустрашимаго воина, но однако были поражены // л 289 об и остались мертвыми, но однако хотя драконы и были мертвыя пред Азономъ, но еще было препятствие, ибо на него в тотъ часъ напали другя страшнѣе тѣхъ. Но Азоновъ мечъ и копие и нѣустрасимость его взяли верхъ надъ всѣма препятствіями.

Когда страшныя драконы были умерщвлены, тогда вскорѣ открылось
л 290 под землю входъ и лѣстница и абие предсталъ предъ него // духъ с сицѣвыми словами: «О, храбрѣйший изъ смертныхъ, иди по сей лѣстнице и получиши желаемо». И со словомъ вда ему перстень: «Возми сей талисманъ. Онъ тебѣ пригодится, только имъ прикоснуться, тогда увидишь самъ, что случится». Вземши отъ духа перстень, Азонь началъ спускаться по лѣстницѣ. Внезапу
л 290 об ощутилъ в полатѣ, гдѣ хранилось золотое руно. И абие // увидя преогромный сосудъ желѣзный с висящими трема зѣло крѣпкими замками, которые безъ ключей никакъ отпереть сосудъ невозможно, но ключей взять нѣоткуда, потому Озонъ и попробоваль прикоснуться к замкамъ перснемъ^а, каковыя

³⁹ Е К Ромодановская установила, что источником мяндинской переработки Повести о гордомъ Аггее послужил северодвинский вариант основной редакции (древнейший список — РНБ, собр. ОЛДП, Q695, конца XVII в.), см. Ромодановская Е К Мяндинские обработки Повести о царе Аггее С 218—219

^а *Дописано на поле*

в тот же часъ сосудъ отворился и сокровище оказалось какъ на ладонѣ, которое онъ взялъ и перевезъ на свои корабли и отправилъ во свое царство. //

Самъ же всѣде на коня, поеха сухимъ путемъ и на пути обрѣте дѣвицу, стоящу при велицемъ езерѣ, плачущуюся^б. Близъ же того мѣста лежаху полно поле костѣй человеческих. Вопросы же ю Азонь: «Что есть се и почто едина стоиши при езерѣ?». Она же рече: «Не медли, юноше, здѣ, да не како и ты со мною смерть нужную примеши, ибо из езера исходить змий лють зѣло и уморятъ // вся, кто здѣ обрящется». Тогда Азонъ спроси ю, глаголя: «А ты что здѣ стоиши и не отъидеши?». Она же отвѣща: «Дивно есть повѣданіе, да не како змий, пришедъ, уморить насъ». Онъ же рече: «Повѣдай, не бойся, азъ тя не дамъ в снѣдь».

Тогда нача повѣдати дѣвица: «Се видиши градъ нашъ красенъ зѣло и многолюденъ, но боги послали намъ на казнь сего змия, и много людей погуби звизданіемъ. // Сего ради людие вси согласишася с царемъ, отцемъ моимъ, давати в жертву на всякъ по одному чаду. И тако даяху по вся дни овъ сына, овъ же дщерь. И тако доиде рядъ до царя, отца моего. И привезоша мя с плачемъ велиимъ и оставиша мя здѣ».

Се же рече, возопи дѣвица: «Бѣжи, человече, се змий, звиздая, исходить к намъ!». Азонъ же срѣти змяя рююща и абие скоро вонзе в гортань его копие // и мечемъ главу ему отсѣче. Видѣвши же дѣвица, возрадовася зѣло, Азонъ же вонзе на копие главу страшнаго змия и несе во градъ.

Царь же и вси людие срѣтоша храбраго юношу и велию честь воздаша ему. И созвавше в полаты, и угостиша честно, и общаша ту царскую дщерь вдати ему в жену, бѣ бо зѣло лѣпа. И отложиша брак до нѣкоего времени урочна. Тогда Азона // одариша многоцѣнными дары.

И тако Азонъ поеде путемъ своимъ, веселяся, яко таковую прекрасную дѣвицу общаютъ в жену. И тако достиже своего града. В лодияхъ же людие тоже приидоша со златомъ. Не по мнозѣхъ же днехъ нача собиратися ехати по дѣвицу, нѣ вѣдая, что замышляютъ получившии избавление от змия.

Царь же, отецъ Поликсены, — тако бо дѣвицы имя, стоявше у езера, созва ю // к себѣ в полату, рече ей: «Послушай, Поликсено, глаголь мой. Азъ бо не хочу вдати тя сему юноши, а ты что речеши ми, повѣдай истинно». Она же отвѣща: «Азъ, отче, ис повиновения твоего не хочу выходитьи, якоже ты хочещи, точию азъ страшуся того, что онъ есть воинъ храбрый, можетъ насъ плѣнити и тебя, отче, смерти предати». Царь же рече: «Имамъ воины и оружие, не пустимъ // во градъ, и онъ уйдетъ назадъ». Тогда Поликсена изыде от отца своего печальна.

Азонъ же с нѣмалою дружиною^в еха путемъ своимъ, чая принятія прекрасной дѣвицы, нѣ вѣдая будущее. Егда же приеха ко вратомъ града, мысля себѣ честной встрѣчи, и видѣ врата затворены. И из града по повелѣнію цареву слуги отвѣщаша Азону: «Не повелѣно ти отворяти врата граду».

Азонъ же, видя сие, не худѣ оскорбися и возвратися вспять, и увѣща своихъ друзей итти на Троянское царство войною, еже и бысть. И абие вси гречестии властели собращася в тяжцѣй силѣ, и приидоша ко граду Трои, и взяша градъ, и царя убиша, а Поликсену плѣниша.

Во время брани с греками царь Трои заранѣ посла сына своего Прияма к другу своему, да сохранить его и воспитаеть, // яко же лѣпо царскому величеству. Греки же опустошиша градъ, люди вся изсѣкоша, де-

^б Дописано на поле ^в Далее в ркп. чая, взятое в квадратную рамку как отиска

вицы же и жены плѣниша. И тако со многою корыстию отидоша вос-
воися.

По времени же егда возмужа сынъ царевъ Приямъ, и другъ отца его
вда за него в жену дщерь свою. И тако иде во свой разоренный градъ,
возобнови е и украси его, якоже подобаетъ, и воцарися, и царствова на
л 295 об славу. Ибо // Приямъ бѣ зѣло храбръ и ему родишася сынове ⁷, прекрас-
ны и храбры зѣло^г. И той покори себѣ многи страны, а друзии же мнози
искаша дружбы его, добровольно вдашася под его державу.

Во единъ от дней собрашася по отцову приглашению всѣ сынове
Приямовы в полату его, и царь простре слово, глаголя: «О, сынове мои
л 296 любимии, како мнѣ присовѣтуетъ, еже // бы отмстити убиение отца моего,
и разорение града нашего, и похищение сестры моей Поликсены?». Гек-
торъ же, первыя сынъ, отвѣща: «Отче, аще и велие зло училии странѣ
нашей греки, и смерть отца нынѣ нѣ воротить уже, и аще противу ихъ
л 296 об ополчимся, греки убо имуть болѣ пред нами войска и храбрыхъ воиновъ,
то я нѣ совѣтую с ними братися». Тогда отвѣща // вторый сынъ Парисъ:
«Азъ, отче, во снѣ видѣлъ Аполона, который мнѣ сказа, что обѣщаетъ
мнѣ из грекъ прекрасную жену, и того ради должно отправиться к Апо-
лону и спросити его о семъ». Третий же сынъ — Троиль — тако отвѣща:
л 297 «Хотя мы и имѣемъ храбрыхъ воиновъ и друзей, но однако намъ с гре-
ками братися опасно». Четвертый сынъ — Деифебъ — отрече, // глаголя:
«Ни, отче, не помышляй сего, лучше есть в мирѣ жити, нежели братися». Такоже и прочии рекоша, еже бы не братися со греки.

В той часъ спѣшно вниде в палату дщи Приямова простовласа и рече
ко отцу своему: «Ни, отче, нѣ посылай брата Париса во греки, много
бо постраждемъ от нихъ, и царство наша паки разорится, и братия наша
л 297 об избииени будут, // и мы вси плѣнени^а будем». Но Парисъ, вознегодова на
сестру, рече: «Ни, отче, не слушай женскихъ словъ! Како могутъ греки
за то плѣнити насъ, что мы возмемъ от нихъ заемнообразну жену или
дѣвицу. Объ етомъ и разговоръ чинить не стоитъ».

И тако послушаша вси совѣта Парисова, изготовиша корабли, и по-
л 298 пляша Парисъ со многимъ войскомъ. И приставше // к нѣкоему острову,
на немъ же бѣ капище знаменитаго бога Аполона, егоже грецы почитаху,
зане имъ предвѣщая будущая и настоящая.

Егда же сниде Парисъ с кораблей на землю во мнозѣй славѣ и слугъ
в драгоцѣнныхъ одѣждахъ, самъ же Парисъ всѣдъ на бѣль конь, зѣло
прекрасна и златыми приборы и сребреными украшена, блестящися^е, //
л 298 об самъ же Парисъ облечен в порфиру и виссонъ с драгоцѣнными камнями,
на главѣ имѣя златую корону, а по бокамъ его оруженосцы предваряють,
такое шествие неволью обратило зрѣние всѣхъ жителей острова того и
окрестныхъ, прибывшихъ для принесения жертвы Аполону. Промчеса
л 299 такая слава о прибытии троянскаго царевича по всѣмъ греческимъ гра-
домъ и весем. Того ради мнози из вельможъ // и сановитыхъ прибыли на
той островъ зрѣти прекраснаго царьскаго сына.

Услышавъ таковое, царица Елена, супруга царя Менелая, младая и
прекрасна лицом, упросися от мужа своего съездити на островъ той
якобы обѣтъ исполнить к Аполону. И приплы в корабли со слугами и
с вельможами на островъ той, и узрѣ Париса во множествѣ служащихъ в
л 299 об капище Аполоновомъ, // и лицомъ прекрасна суца, удивися. Узрѣвъ же и
Парисъ царицу Елену, суцу младу и прекрасну зѣло, возлюбилъ ю и мыс-
ляше в себѣ, како бы ю восхитити.

⁷ В ркп недотисано — зѣ ^а В ркп отиска плѣнени ^е Возможно иное прочтение слова, так как две последние буквы — выносные и написаны неразборчиво

И сказа мысль своему присному другу и прося его совѣта. Онъ же рече ему: «Азъ в семь нѣ имѣю никакого препятствия: лиш токмо приступитъ к дѣлу, то окончится задуманное с успѣхом». И Парисъ рече: «Како?». // Онъ же рече: «У царицы Елены зѣло мало тѣлохранителей, л 300 только бы дождать нощи, и с твоими удалцами плѣннимъ царицу и с ея слугами».

Сия слыша, Парисъ зѣло обвеселися и с нетерпѣнием дожда нощи, егда царица возлеже в шатрѣ своем с малою дружиною. Тогда Парисъ нападе на шатерь царицынъ и повелѣ связати вся люди и саму царицу вести на корабль. И увѣща ю // ласковыми словесы, ибо узрѣ ю плачущуюся. И тако Парисъ возвратися во свое отечество с веселиемъ многимъ о приобрѣтении себѣ в жену прекрасную царицу. Увѣдѣше же братия его и сам царь, зѣло опечалишася, ибо яко от мужа царя увѣзена Елена тайно, то ожидати надлежитъ великое возстание грек на страну ихъ. л 300 об

Слышав же царь Менелай, яко жену его похити Парис, // зѣло возъ- л 301 ярися, и объяви о семь и брату своему Агамнону царю и прочим царемъ и княземъ яко до девяти-десяти, и прося ихъ ополчитися с нимъ на градъ Трою. Егда же сие услышавше, абие вси устремишася со своими воины и оружию в кораблѣхъ. И избраша военачальником ополчения брата Менелаева царя Агамнона. И поплыша в кораблѣхъ. На пути же присташа ко острову, // на немъ же бѣ Аполоново капище, еже бы принести жертвы л 301 об и вопросити, что с ними случитися имать. Аполонъ же дасть имъ отвѣтъ, яко побѣдити имате враги, но во свои царства малии возвратитися имате.

По отшествии же греков и от града Трои приидоша с вопросом, ибо увѣдѣша, яко ополчишася на нихъ вси грѣцы со множествомъ воиновъ. // Того ради и они собраша много воиновъ и окрестныхъ царей и князей л 302 упростиша для защищения града. И послаша мужей вопросити Аполона. Онъ же сказа имъ, яко «В конечное разорение имате приити».

Егда же приидоша греки ко граду Трои, и нѣ смѣша близ стѣнъ изыти, но издалече зряще, дабы нѣ были избиени напрасно, яко не увѣдѣша ничтоже. Тогда начаша // помало приходити близ стѣнъ град- л 302 об скихъ. Трояне же, яко узрѣша грековъ, изшедших на брегъ, осѣдлаша коней своихъ и выехаша изъ града, и начаша побивати ихъ немилостивно. Греки же не могоша противитися имъ, абие вскорѣ бѣжаша на корабли своя и тако избыша побинения. Трояне же с побѣдою возвратишася во градъ и врата заключиша.

Тогда грецы посовѣтоваша // избрати мѣсто безопасно, гдѣ бы л 303 можно удержати нападение. И егда все опалчение греческое изобраша мѣсто удобно и высадишася ис кораблей на сушу на мѣстѣ, отстоящи от града яко пять поприщъ имый, и устроиша шатры и крѣпостцы, ограждены каменiemъ и древесы крѣпкими. И егда все устроиша, и начаша ополчатися, и двинуша войско часть // нѣкую к стѣнѣ града, абие из л 303 об града излѣзоша на конѣхъ вооружена дѣти царя Прияма — Гекторъ и Троиль, нападоша на грековъ, сѣкуще, уязвляюще и в плѣнъ отводяще. От грековъ же храбрии воины бияхуса с трояны, кои едва утекоша. Многое множество падоша от обоихъ стран, дондеже день преиде и нощь наста.

В другия же дни с разсвѣтомъ паки начинашеся брань, // и тако бия- л 304 хуса на многи дни, дондеже нощь прииде и тако разлучаша обои страны. И тогда троянстии витязи Гекторъ, Деифебъ и Троиль паче прославишася на брани, понеже кромѣ простаго войска греческаго убиша много царей и князей, ис коихъ одинъ Гекторъ болѣи дватцати царей уби.

л 304 об Во единъ убо от дней послѣ перемѣрия трояне // паки начаша воору-
жаться, еже бы братися с греки, ибо вышеозначеннии витязи многихъ из
грекъ избиша, и от царей и князей смерть вкусиша от троянъ. Сего ради
предводители гречестии совѣщашася, еже бы тайно обступити Гектора
нарочитымъ грекомъ храбрымъ сушимъ, яко до 3000. И таковое поручиша
л 305 Аххилесу, знамениту во гречестѣмъ ополчении, еже убити Гектора. // Егда
же Гекторъ хотя всѣсти на конь, абие жена его Андромила простовласа
притече к мужу своему, крива нелѣпо: «Не ходи, — глагола, — в полки
греческия: в сий день умрети имаши, ибо азъ видѣхъ во снѣ страшна
звѣря, нападша на тя и умертвивша». Гекторъ же посмѣяся безумию
жены, нивозчтоже вмѣни плачь ея, скоро всѣдъ на конь, не внимая плачу
ея. //

л 305 об Егда же приеха за градъ пред полки греческия, абие обступиша его
грецы со всѣхъ странъ. Гекторъ же мужески убивая мечемъ и копиемъ
нападающая на него грековъ, дондеже не приспѣ Аххилесъ, яростно на-
паде на Гектора и уби его. Се же видѣвше трояне, смутишася и побѣгоша
во градъ, едва тѣло Гекторово взяша и внесоша во градъ. Ощутиша же
л 306 мертва царева сына, абие // вси на плачь обратишася, не токмо вси от
царския крове, но и вси граждане, сановитии и простии. Сопруга же его
больма рыдала.

Наутрия же, егда погребоша тѣло Гекторово, паки на брань изыдоша
Парись, Троиль и Деифеб со многочисленными (!) силами. Грецы же
л 306 об узрѣша изшедшихъ троянъ во множествѣ. Менелай же, егда узрѣ Париса,
похитителя сопруги его, абие нападе на него яростно, // и естли не по-
доспѣли его братия, то убиенъ бы был. И едва спасеся Парись. На Тро-
ила же нападе царь Мемнонъ и уби его. Того ради возмятошася трояне
и побѣгоша. Тогда Парись уби нѣкоего царя из грек и утече во градъ,
и тѣло Троилово едва возмогаша взяти. Потерпѣша бо поражение: яко
до 200 воиновъ умроша от меча греческаго.

л 307 Тогда трояне упросиша перемѣрие на 10 дней, и в томъ //
перемѣрии невозбранно входяще во градъ. Вшед же Аххилесъ по обы-
чаю во градъ, еже позрѣти красоту его, и бѣ узрѣти ему дщерь При-
яма царя, и бѣ бо лѣпа зѣло. И уязвися* на ню любовию, и нача
мыслити, како бы уллучити, еже бы взяти в супружество. И чрез при-
ближенныхъ царя Прияма доиде своего желанія. Парись, сынъ царевъ,
л 307 об пригласи Аххилеса к себѣ вмѣстѣ с сестрою // и взя с него обѣщаніе,
еже не воевати Трою и отступити. Аххилесъ же обѣщася уговорити
всѣхъ греческихъ царей и князей, еже поити во свои земли, тогда взяти
Поликсену в жену.

Егда же возвратися Аххилесъ в войско греческое и созва к себѣ вся
цари гречестии, и рече к нимъ: «Много трудихомся, еже градъ Трою
л 308 взяти, но и по сие время ничтоже успѣхомъ, ибо трояне ащѣ и лишиша-
ся // Гектора и Троила, но у нихъ еще много храбрыхъ витязей и воинь-
ство многочисленное, и мы от нихъ много убо лишашася царей и князей.
И аще продолжати имама брань с трояны, то и сами здѣ умремъ от
троянска меча. Но молю вы и совѣщаю: отселѣ не лучше ли намъ воз-
вратитися в свою страну без брани».

л 308 об Сие слышавше гречестии цари и князи, овии прияша совѣтъ Аххиле-
совъ, инии же // зѣло вознегодоваша, глаголюще: «Еда храбри грецы
возвратятся, не побѣдивъ враговъ, воистинну в посмѣхъ будемъ всему
свѣту». Менелай же и Агамнонъ то и слышати не восхотѣша, рекоша:
«Аще и вси вы возвратитесь вспять, мы же точию со своими полки бу-

* В ркп описка узвися

демъ ратовати Трою». И тако паки вси согласишася продолжати брань с трояны, кромѣ Аххилеса, той бо отречеся от брани // и свое воинство не даст, бѣ бо храбри зѣло. л 309 об

И тако грецы наутрие уготовишася на брань с трояны. Видѣвше же яко паки грецы уготовишася, тогда Парись и Деифеб ополчишася и изыдоша из града противу грекъ³. И соступишася, и бѣша съча зла, и много убиша трояне грекъ, и гониша ихъ до становъ их. И ночь постиже, и брань преста.

Наутрие же молиша грецы Аххилеса, // да ополчится противу троянъ. Аххилесъ же не послуша ихъ, точию вда свое храброе воинство. И яко паки изыдоша из града трояне и совокупишася, и бысть съча зла, ибо к трояномъ прииде в помощь амазонская царица со своими дѣвицами, зѣло храбрыми, ибо тѣ дѣвицы своя сосцы правыя сушатъ, дабы нѣ мѣшали мечемъ воевати, а лѣвыя сосцы оставляютъ на кормлю // отрочать. Тѣ дѣвицы нападаша на грекъ и многия избиша, и даже до шатровъ гониша, убивающе и язвяще, дондеже ночь постиже и брань преста. Аххилесу же едва спасшася от троянъ, ибо до шатра его достигоша. л 310 об

Во утрие же Аххилесъ уготовися на брань, с яростию потече и видѣ трояне нападша на греки. И бѣ ту предводительствуя Деифебу, и повелѣ своимъ // воиномъ Аххилесъ окружити его. И абие нападе на Деифеба и уби его. Сие видѣ Парись, яко Аххилесъ не здержа слово, еже не воевати Трою, зѣло огнѣвася на Аххилеса и положи во умѣ еже убити Аххилеса. л 310 об

И тако с нощию брань преста, многое множество⁴ падоша от троянъ, того ради перемѣрие просиша на два месяца, да погребутъ кииждо своя. И в томъ перемѣрии // Парись с совѣтомъ отца и другихъ ближнихъ своихъ пригласиша Аххилеса якобы вступити в брак с Поликсеною, с малою дружиною, ибо вскорѣ сотворити тайно бракъ. И повелѣша ему приити в калище Аполонново и ту дождати. Нѣ вѣдая же Аххилесъ козни Парисовы и прочихъ троян, прииде с малою дружиною и не вооруженъ, в брачномъ одѣянии. Парись же бѣ сокровен // в томъ капици с воины вооруженъ. И яко ошути Аххилеса, пришедша с малою дружиною, и абие изыдоша ис тайнаго мѣста, и нападе на дружину Аххилесову, и избиша ихъ мечи. И рече Парис ко Аххилесу: «Тако ли исполняеши⁵ залогъ свой и днесъ приими достойное возмѣздие!». И тако Парис уби Аххилеса, храбраго грозу трояномъ. л 311 об

Услышавше же се грецы, яко коварствомъ убиень // есть Аххилесъ, зѣло огорчишася, но в перемѣрии воевати не дерзнуша. И послаша сыну Аххилесову послание, именемъ Пирру, да приидетъ во отмщение отца своего, погубленный коварствомъ. Приемъ же Пирръ послание, скоро прииде греческия. И егда скончася перемѣрие, тогда вси изыдоша грецы и трояне на брань: Агаммонъ, Менелай⁶, Пирръ и прочии цари и князи с воеводами и воины. // Трояне же такоже изыдоша — Парись и младший братъ его и амазонская царица со своими дѣвицами. л 312 об

И начася брань свирѣпая. Пирръ же и Менелай совѣщася убити Париса. И тако улучиша время, егда Парись единъ погнася за царемъ греческимъ и уби его, абие Пирръ вскорѣ достиге Париса, уже сражающася с Менелаемъ, соперникомъ его. И Пирръ ускори удар мечемъ нанести Парису, // яко надвое разсѣче его. Сие видѣвше трояне⁷, зѣло л 313

³ В слове грекъ к переделано из д ⁴ В ркп описка многожество ⁵ В ркп описка исполняеши ⁶ Далее в ркп зачеркнутая буква м ⁷ Надписано над строкой

возмятошася и едва тѣло Парисово похитиша, зане ночь постиже и брань преста. Видѣвши же тѣло Парисово сродницы его, на плачь обратишася, паче же Елена зѣло рыдаше. И тако погребоша его.

Наутрие царь Приямъ самъ вооружися, и амазонская царица, и прочии помощницы ихъ. От грекъ же вси тии, иже быша вчера вооружени. // л 313 об И тако паки снидошася. Пирръ же скоро нападе на амазонскую царицу и порази ея, разсѣче ю наполю. Видѣвше же дѣвицы ея, ярости исполнишася, многия греки убивающе. В той день и самъ царь Приямъ многи греки мечемъ уби, гоняше до шатровъ ихъ. И тако день преиде.

Наутрия же паки царь хотяше поити противу грекъ, но не даша ему, // л 314 ибо царица его Еккуба // со слезами умоли его еже не ити в греческое ополчение. И тако трояне унылы быша, яко несть имъ никого предводити воины. И тако послаша ко грекамъ мужи честныя мира просити. Грецы же, егда услышаша о мирѣ, совѣт собраша из многихъ царей и князей и на совѣтѣ положиша: заплатити грекомъ за всѣ убытки и нѣкоторыхъ казнити, болѣе // л 314 об приверженныхъ к царю. Привержени бо точию царева дщи Поликсена, юже Аххилесь хотя взяти в жену и ради ея убиенъ бысть.

Царь же Приямъ не согласися на таковой миръ, и сего ради наутрие паки изыдоша трояне и греки братися. Царь же Приямъ всѣдъ на конь и поеде противу грекъ, и за ним — многое множество воинъ и окрестныхъ // л 315 царей и князей. В той бо // день царь Приямъ зѣло яростно грековъ сѣчаше и уби двухъ царей греческихъ. Сие видѣв Пирръ, абие вскорѣ пришедъ на помощь ко грекомъ на своемъ ворономъ жребцѣ. И соступися с Приямомъ царем, и по многомъ нападеніи Пирръ уби царя Прияма. И оттолѣ брань преста. И взяша тѣло царево и привезоша во градъ, // л 315 об и бысть плачь и рыдание много. Царица же Еккуба, // рыдая и власы своя рвуци и одежды раздравши; такоже и дщи ея зѣло неутѣшно плачущи и прочии такоже зѣло рыдаху. И тако погребен бысть царь и вельможи градстии, абие послаша паки честныхъ мужей молити о мирѣ, обѣщася по первому ихъ требованию тако учинити. На сие согласишася вси цари и князи гречестии.

Наутрие же трояне собраша // л 316 многое множество золота и сребра и каменій честныхъ, но казнити дщерь цареву точию хотѣша привести, но она во градѣ нѣ обрѣтется, и сего ради бысть взыскание во окрестныхъ мѣстѣхъ, и не обрѣтоша. Сего ради послаша послы к царемъ греческим, да поищутъ в станѣхъ греческихъ испытно. Тогда начаша испытovati в станѣхъ и шатрѣхъ и по многомъ испытании // л 316 об послѣди ю у троянскихъ полководцевъ у Енея и Антенора наидоша. И° сию предавше Пирру. Онъ же изведъ ю внѣ полков, отсѣче главу ея. Сия же видѣвше трояне, зѣло огорчишася, обаче не смѣюще вопреки что глаголати, ибо нѣ ста у нихъ никоея же помощи, точию града не предающе и во градъ внити не дающе. Окрестнии бо я храняху.

Грецы же // л 317 умысливше в знакъ благодарности трояномъ сотворити конь из мѣди и в него вмѣстити 40 воиномъ. И даша вѣсть трояном, да возмутъ коня, сотворенный у вратъ, дабы его вовлекли во градъ и врата бы заключили.

В то время хотяху избавитися от нарѣканія грекъ иже храниша дщерь // л 317 об цареву Антеноръ и Енея объявиша царемъ греческим, // яко градъ сий никоими ухищренъми никто взяти не можетъ, аще не изнесетъ из града сего Паладда. Царие же вопросиша ихъ, да гдѣ она хранится и что есть. Отвѣщаша же Антонор и Енея: «Паллада бо наподобие статуи позлащен-

° В ркп. описка троянских. ° Написано на поле.

ной, в ней же хранится магическое вещество. Егда бо созидаху град сей, то нѣкий знаменитый волшебникъ положи ю в капищи // Аполоновом под трапезой в скровнѣ мѣстѣ, и аще хочете, изнесемъ тайно сей нощи». На сие согласишася вси цари гречестии. л 318

И тако вовлекоша коня меднаго во градъ. И размѣнявше людей, и тако учиниша миръ, и греки отидоша от града в кораблѣхъ своихъ. Се же видѣвше трояне, зѣло весели быша. Егда же бысть глубоконошия, вси людие услоша, даже // и стругушии врата града вси услоша. Тогда отшедшии греки приближишася к Трои, понеже сокровеннии 3000^п воиновъ изшедше из мѣднаго коня и даша знакъ, и отверзоша врата. Абие вси грекове ринушася во градъ, ибо в то время Антеноръ и Енея изнесоша Паладду в станъ греческий. Греки же с мечи и копии начаша опустошати градъ и огнемъ зажигающе дома и // полаты, и людей всѣхъ сѣкуще и закалающе, дѣвицы и жены насилующе и отводяще в своя станы. Что не содѣяше грецы над трояны! л 318 об

И бѣ в ту страшную нощь плачь и рыдание мужей и женъ и малыхъ дѣтей, бѣгающе бо вси, кто куда можаше. Жены же с грудными младенцы простовласы и откровенномъ персемъ. Царица же Еккуба бѣжаша яко изумлена, откровена имуща // перси и сосца видяща, дондеже убиена бысть от воинъ. Царицу же Елену изведе Менелай, мужъ ея, ис полаты и посла в стан свой. Агамнону же, брату его, в знакъ подарка вдаша среднюю дочь цареву. Пирръ же поем Андромену, жену Гекторову. Антенора же и Енея присудиша на заточении в дальний островъ, зане крыеше цареву дочь. л 319 об

И тако паде славная Троя и не оста камень // на камени. Грецы же корыстию и плѣномъ обогатишася и тако отидоша от разоренной Трои во свои царства. Менелай же царь аще и зѣло противяся протчимъ царемъ и княземъ, еже имѣти жену Елену, помогаше же к тому и братъ Агамнонь, но Пирръ воста наконецъ противъ имъ. Рекоша же и прочии цари, яко Еленѣ не жити, яко ея ради мнози погибоша. // Того ради осудиша ю звѣремъ вдати на снѣдь, еже и бысть. л 320 об

У Агамнона же оставя в его царствѣ жена; яко услыша Агамнона, мужа своего, имѣюще дочь Прияма царя, возревнова на мужа и прият к себѣ нѣкоего от князей, и умысли не прияти мужа своего во град, еже и бысть. Агамнону же пришедшу ко граду своему и не приять бысть, того ради отиде // в другой градъ. Сынъ же его, яко позна отца грядуща, изыде противъ его, и Агамнонь побѣже от него и бѣ гонимъ, дондеже все свое войско остави и дочь цареву, юже плѣниша гонящии. л 321

Менелай же, егда не получи жену Елену, избра от троянскихъ дѣвиць себѣ в жену и поспѣши во свое отечество, и желая отмстить царемъ греческимъ. И пловящу ему, видѣ мѣсто // камня подводнаго полно, и остави противу того мѣста своихъ людей, и нощию возгнѣстиша огни. Егда же пловуще грецы нощию узрѣша огни на горахъ, мнѣша доброе пристанище ту быти. Подплыша бо на оныя огни, и абие начаша корабли ихъ сокрушати о камения, и мнози ту грецы погибоша. Прочии же слышаша сокрушение кораблей и погибель людей, абие отступиша // во ину страну. И тако спасошася. л 321 об

Пирръ точию прииде благополучно во свое царство, прочии же цари и князи мнози доидоша во свои царства, но обрѣтоша не тако, якоже надѣющеся, ибо чрезъ толикое время пребыша бо 10 лѣт и 8 месяцев. л 322

^п Дописано над строкой, в строке далее цифирью 40 зачеркнутое

Овии убо жень лишишася, инии же сыновъ и дщерей, а друзии и цѣлыхъ царствъ.

л 322 об И тако скончася греческая и троянская // брань, и царство Троянское до конца разрушися, ибо не осталось никого из царска роду, но вси умроша острием меча. Хотя Агамнону и была вдано царьская меньшая дщи, но та не доиде Грецыи, но на пути умре. И тако вси изомроша, а потому царство возставити нѣкому и нынѣ пусто мѣсто и нѣобитаемо даже до днесь. Аминь. //

л 323 Глаголють бо нѣцыи преданя, яко мѣсто, идѣже бѣ древняя Троя, основание византийскихъ градовъ и пресловущаго града Констянтинополя бѣше, в немѣже гречестии цари царствоваша — от Констянтина, перваго христьянскаго царя, до днесь, но зане же не токмо за измѣнение истинныя вѣры, но и за неправду князей Господь многажды казнилъ ихъ: иногда трусомъ и мором, и огнем, // послѣди же предаде ихъ безбожнымъ туркамъ на расхищение и поругание, о чемъ послѣди иматъ сказание о взятии славнаго во всемъ мирѣ Констянтина града. Сия до здѣ.

(ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 267, л. 288—323 об.)

ЛИТЕРАТУРА XVII в.: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

Повесть-притча в контексте эстетических споров XVII в.

(О возможной интерпретации Повести о царе Аггее)

Древнерусские авторы редко писали о своих эстетических принципах. В отличие от живописи, основы которой теоретически определялись в первую очередь иконописными подлинниками, развитие литературы вплоть до XVII столетия шло «по образцам», по примеру уже существующих (в значительной мере переводных) произведений.¹ Теоретические труды как будто и не требовались. Так, по наблюдениям Т. В. Буланиной, появившийся еще в XI в. в составе Изборника 1073 г. перевод сочинения византийского грамматика Георгия Хировоска «О образех» в дальнейшем «не привлек внимания древнерусских и южнославянских писателей» и «в последующем литературном процессе славянского средневековья непосредственного участия <...> не принимал».² Поэтому об эстетике русской средневековой литературы мы судим по большей части на основании самих художественных творений. Высказывания авторов или читателей по поводу того или иного труда (за исключением этикетных самоуничижительных интенций авторов-агиографов) — вещь редкая и поистине драгоценная. Лишь в XVI в. появляются первые специальные филологические труды — имеются в виду прежде всего азбуковники, включавшие и статьи по стиховедению,³ а в начале XVII в. отмечены переводы теоретических трудов: можно назвать сочинение Автония, послужившее предисловием к басням Эзопа,⁴ и ранние рукописи риторики (так называемой «риторики Макария»)⁵ С появлением литературы барокко ее представители заговорили о литературной теории вслух и открыто.⁶ Их противники предпочитают традиционные подходы к этим вопросам, и если высказываются по ним, то «прикровенно», «по случаю», не всегда напрямую соотнося этот «случай» с истинными причинами, вызвавшими реплику. Такая система приводит нередко к тому, что в исто-

¹ Буланина Т. В. Риторика в Древней Руси. Сведения о теории красноречия в русской письменности XI—XVI веков. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1985. С. 14.

² Там же. С. 13.

³ См. Ковтун Л. С. Термины стихосложения в русском азбуковнике // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 269—274.

⁴ См. Тарковский Р. Б. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975. С. 8.

⁵ См. Словарь книжников. Вып. 3, ч. 2. С. 317—321.

⁶ Так, Симеон Полоцкий высказывает свое отношение к творчеству как во вступлении к «Псалтыри рифмотворной» и «Вертограду многоцветному», так и многочисленных стихотворениях («Мир есть книга» и др.). См. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подгот. текста, статья и коммент. И. П. Еремина. М., Л., 1953. С. 205—217; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 173—193.

рии общей эстетической системы Древней Руси им (традиционалистам) почти не уделяется места.⁷

Мне представляется возможным расширить наши знания о скрытых эстетических высказываниях на примере Повести о царе Аггее — одной из самых известных в русской литературе XVII в., получившей необычайное распространение в рукописной традиции вплоть до середины XIX в. Создавая свое творение на рубеже 1670—1680-х гг. в жанре повести-притчи, ее авторы использовали ряд приемов, позволяющих преобразовать международный нравоучительный сюжет о гордом царе в произведение, отвечающее на животрепещущие вопросы современности.

Важнейшим из этих приемов является внесение в текст Повести ряда мотивов, какие не встречаются в других известных обработках международного сюжета,⁸ в первую очередь — наказание священника за чтение «неправильного» текста Евангелия и трехгодичное испытание героя в виде служения его у нищих. Как мне уже приходилось писать, эти мотивы связаны с реальными событиями в жизни русского общества: конфликтом царя Алексея и патриарха Никона, завершившимся ссылкой опального иерарха, и попытками решить проблему массового нищенства, предпринятыми царем Федором Алексеевичем.⁹ Именно это способствовало возможности «прикровенной» критики государя: изменения политической обстановки, как правило, вызывали появление новых редакций памятника вплоть до середины XIX в.¹⁰

Не меньшее значение, по-видимому, имеет еще один эпизод, не соотносящийся с политическими мотивами и отсутствующий в структуре мирового сюжета: почти во всех редакциях Повести герой, как правило, не ограничивается неверием в текст Евангелия, но приказывает «выдрать лист» из него.¹¹ Исключение составляют лишь вторичные редакции «Аггея», по большей части поздние: редакция с Римскими Деяниями, редакция Паламошного (обе — нач. XIX в.) и две Книжные редакции, краткая и пространная (обе — XVIII в.). В первом случае текст был выправлен по Прикладу о гордом цесаре Иовениане, явившемуся одним из источников редакции; Книжная же редакция составлялась в образованных церковных кругах, в ней все тексты выверены по книжным источникам, и, возможно, эпизод с Евангелием исправлен по тому же Прикладу. Все же остальные редакции и тексты XVII столетия непременно говорят о вырывании листа из Евангелия.

Таким образом, несомненно, что этот эпизод существовал в Повести изначально и принадлежит ее создателям. В чем смысл его появления? Естественно, он усиливает степень кощунства царя, делая его не только «моральным» (мысленным), но и «физическим». Однако тип прегрешения от этого не меняется. Для чистого нравоучения вполне достаточно и простого неверия в текст Писания, о чем свидетельствуют многочисленные

⁷ В этой связи характерно, что в специальном издании «Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI—XVII века» (М., 1996) отдельные главы посвящены Симеону Полоцкому, Ю. Крижаничу, Н. Спафарию, Аввакум же упоминается лишь в общем обзоре «постсредневековых реминисценций».

⁸ См. характеристику международного сюжета: Varnhagen H. Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatischen und europäischen Literaturen. Berlin, 1882; Dahlke M. Das Sujet vom stolzen Kaiser in den Ostslavischen Volks- und Kunstliteraturen. Amsterdam, 1973.

⁹ См.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 87—117.

¹⁰ Характеристики редакций и тексты см. там же.

¹¹ То же самое происходит и в Повести о Димитрии князе римском, для которой Повесть о царе Аггее послужила одним из источников. См. там же.

тексты на сходный сюжет. Учитывая же, что другие дополнительные мотивы, обогащающие сюжет, как уже говорилось, имеют четко выраженное общественное значение, можно думать, что и мотив вырывания листов из Евангелия важен для автора с каких-то идейных позиций.

Поскольку вырывание или, как в некоторых списках, «вымарывание слов» из Евангелия вполне может рассматриваться как его редактирование или, по древнерусской терминологии, «справа», то первая мысль, которая приходит в голову в этой связи, — не нашел ли отражения в Повести характерный для старообрядчества протест против никоновского исправления книг? На это предположение сразу надо ответить отрицательно, поскольку Повесть, как я в свое время постаралась доказать, появилась в прониконовских кругах, в значительной мере озабоченных защитой опального патриарха, а к ее созданию, скорее всего, были причастны справщики Печатного двора, именно подобной справой и занимавшиеся.¹²

Более верным представляется предположение о том, что этот эпизод связан с эстетическими спорами XVII в., и прежде всего отношением именно к Евангелию.

Евангелие занимает особое место в древнерусской книжности. Отношение к нему всегда было чрезвычайно уважительным, и на протяжении всего средневекового периода русской литературы мы не знаем ни одного случая, чтобы древнерусский автор свободно обращался с его текстом. Не только в проповеди, но и при специальных толкованиях Евангелие, как правило, только цитируется, но никогда не переделяется. Символом отношения к Евангелию может служить запись позднего писца, который в конце Повести об Аггее цитирует Повесть о бражнике, соглашаясь с тем, что нельзя изменить слово евангельское.¹³

Наиболее наглядно отношение к Евангелию видно при исследовании древнерусской притчи: даже создавая собственный вариант евангельского сюжета, пользуясь другими источниками (талмудическими, восточными), Кирилл Туровский настойчиво подчеркивает, что он — лишь передатчик слов Евангелия, и нигде не решается назвать себя автором текста.¹⁴ С точки зрения традиционалистов, притча не может создаваться как «своя мудрствования», а принадлежит только Писанию.¹⁵ Появившиеся в XVI в. авторские притчи (Ермолая-Еразма, И. С. Пересветова, Максима Грека) с сюжетами Евангелия никак не связаны.

Ситуация в корне меняется во второй половине XVII в. С развитием философии и поэтики барокко в русской литературе появляется идея равенства поэта Создателю.¹⁶ По-видимому, именно с нею связано более свободное отношение к текстам Евангелия. Характерно, что крупнейшему на Руси представителю барочной школы, Симеону Полоцкому, принадлежит и первый опыт переложения евангельской притчи для сцены — «Комедия притчи о блудном сыне». Он же переложил и другой текст

¹² Там же С 103—105, 128—131, 193—198

¹³ См Ромодановская Е К Повесть о царе Аггее в контексте рукописных сборников II Повесть о бражнике // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России Новосибирск, 1992 С 13—16

¹⁴ См Еремин И П Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ М, Л, 1956 Т 12 С 340—341

¹⁵ См подробнее Ромодановская Е К Древнерусская притча самоопределение жанра (в печати)

¹⁶ См Панченко А М Русская стихотворная культура XVII века С 173—184

Писания, считавшийся неприкосновенным, создав «Псалтырь рифмотворную».¹⁷

Вряд ли подобные произведения были приемлемы для традиционалистов. О «Псалтыри рифмотворной» достоверно известно, что она вызвала протесты как Евфимия Чудовского, так и самого патриарха Иоакима.¹⁸ Откликов на «Комидию притчу», как отрицательных, так и положительных, мы не знаем. Вместе с тем в 1685 г., уже после смерти Симеона, она была напечатана в виде отдельной книжицы с многочисленными иллюстрациями. По-видимому, она пользовалась не меньшим успехом, чем другие пьесы придворного театра на библейские сюжеты, которые продолжали идти на придворной сцене и в начале XVIII в. В этой обстановке выступить открыто против придворного писателя, близкого государю (а для Федора Алексеевича бывшего и воспитателем), было по меньшей мере неосторожно.

Тогда-то подспудное недовольство теми процессами, которые начинали брать верх в русской литературе, было выражено с помощью повести-притчи. В этом жанре, как в притче вообще, значима каждая деталь, и можно думать, что эпизод с вырыванием листов из Евангелия появился в Повести о царе Аггее далеко не случайно. С одной стороны, гордость царя обличается во всех возможных аспектах: он не верит в текст Писания, презирает нищих, что равносильно оскорблению самого Христа, «правит» Евангелие, чем приравнивает себя Богу, потому что Евангелие — это прежде всего слово Христа. С другой — эпизод с Евангелием отражает и реальное отношение неизвестных нам авторов к новомодным начинаниям чуждой им придворной культуры и школы барокко.

¹⁷ Отношение к другим — историческим — текстам Ветхого Завета было, скорее всего, более свободным помимо изначальных переработок их в Палее и Хронографах, в древнерусской литературе с XV в. были распространены разнообразные (не только апокрифы, но и беллетристические) повести о Соломоне, в 1630-е гг. появляется Повесть о царе Газие, в 1670-х гг. ряд книг использован для пьес придворного театра (Есфирь, Юдифь, Книга Товия младшего)

¹⁸ Еремин И. П. Симеон Полоцкий — поэт и драматург // Симеон Полоцкий Избр. соч. М., Л., 1953. С. 241

В. П. БУДАРАГИН

Вновь найденный список Повести о Василии Златовласом

Когда-то, помнится, меня раздражало само словосочетание «вновь найденный список». Оно появлялось то в названии докладов и статей, то в темах диссертаций. Вроде бы ничему и не противоречило, но впоследствии оказывалось, что речь идет о выявленных в архивах и библиотеках новых списках того или иного произведения, прежде к исследованиям не привлекавшихся. Понятие же «вновь найденный список», казалось, предполагает его, списка, когда-то афишированность, потом исчезновение и обретение вновь. Неожиданно для самого себя довелось и мне вынести подобную формулировку в заглавие статьи о действительно «вновь найденной» рукописи. Вроде бы никуда и не исчезающей, обретавшейся все в той же Публичной библиотеке, но... которую с середины 60-х гг. прошлого столетия я тщетно отыскивал. В основе поисков был вполне солидный академический справочник,¹ где указывались шифры семи списков Повести о Василии Златовласом, привлекавшей тогда внимание многих исследователей. Попытки ознакомиться с одним из них (ГПБ (ныне РНБ), собр. Титова, № 4105), однако, ничем положительным не увенчались: получалось так, что список (т. е. сборник) на месте не обретается, высказывалось предположение, что он мог быть передан на Украину в составе перепрофилированных в свое время из этого собрания материалов. В поисках помогал мне тогда сам Н. Н. Розов, так что сомневаться в основательности его выводов мне как-то не приходилось. Я пытался потом искать рукопись в украинских архивохранилищах, но опять безуспешно. Еще раз пытался заказать эту рукопись в ГПБ уже в 80-х гг. — результат был все тот же. Оказалось впоследствии, что искал эту рукопись не я один, с неизбежной отсылкой в изданиях — «местонахождение неизвестно».²

И вот она вдруг явила себя читателям в конце 2000 г., при просмотре А. А. Романовой сборника как такового, заказанного и вдруг выданного ей из фондов. Тогда-то и состоялся «вновь найденный» текст и сборник в целом, исчезнувший вдруг из поля зрения ученых, казалось бы, навсегда. Загадка, правда, осталась. И остается, поскольку никто из сотрудников Отдела рукописей РНБ не берется комментировать этот сюжет. Вероятно, могла она «затеряться» у реставраторов (пребывает ныне реставрированной), не исключены и другие варианты. Суть, однако, не в том,

¹ Адрианова-Перетц В. П. Покровская В. Ф. Древнерусская повесть М. Л., 1940 С. 164—166

² Троянские сказания Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков / Подгот. текста и статьи О. В. Творогова Л., 1972 С. 184

важно, что обретение рукописи состоялось. При этом стоит напомнить, что сборнику под шифром собр. Титова, № 4105 не повезло и при описании этой коллекции: оно осталось предельно кратким только в составе «охранного каталога», без воспроизведения самоназваний и начальных слов входивших в его состав произведений.³ Поэтому, прежде чем характеризовать список Повести о Василии Златовласом, должно сказать несколько слов о рукописи в целом.

Сборник форматом «в лист» создавался в середине XVIII в., у писца оказался значительный запас бумаги с водяным знаком Ярославской фабрики Затрапезнова (буквы ЯӨЗ большого формата с гербом Ярославля, датируемые 1748—1751 гг.),⁴ на 391 листе которой он канцелярской скорописью переписал заинтересовавшие его или заказанные ему повествовательные тексты. Вероятно, общий объем сборника можно считать даже несколько большим, поскольку конец последней повести в сборнике утрачен, а в начале обретаются два листа без нумерации. При этом л. I—II, 1—8 в блоке не закреплены и не связаны своими текстами с содержанием сборника. Не учитывает их содержания и писцовое «Оглавление в сей книге историям» на л. 9, указывая, однако, что первая повесть начинается с л. 10 (т. е. при составлении оглавления л. 1—8 уже были вложены в книгу и пронумерованы). Тексты справа и слева ограничены полями, цифирная нумерация листов проставлена в правом верхнем углу, переплет — доски в тисненой коже со следами двух застежек. На л. 1 (форзацном) запись А. А. Титова о приобретении рукописи 29 февраля 1892 г. в Ростове-Ярославском за 15 р. (повторена на л. 9), штемпели его личной библиотеки и ростовского Музея древностей с вписанными в них учетными номерами. В правых нижних углах л. 11—45 сохранилась писцовая скрепа: «Сия / кни/га / Ро/сь/го/вь/ска/го/ Бо/ри/со/гле/бь/ска/го / мнсь/ты/ря / что / на / Усье/ слу / Але/кса/ндра / Ива/но/ва / сы/на / Су/сь/ло/ ва», а на л. 170—213 более поздняя карандашная скрепа: «Си/я / к/ни/га / Бо/ри/со/гл/бска/го / мо/на/сты/ря / кре/сть/ни/на / Па/в/ла / Ле/бе/де/ва / 1/8/6/8 / го/да / ме/се/ца / о/к/тя/бря / 2/8 / чи/сла». На верхних и боковых полях многих листов рукописи встречаются также пометы канцелярского типа с датами 1815—1816 гг.

Не закрепленные в блоке л. 1—8 представляют собой списки или печатные экземпляры императорских указов: из Новгородской губернской канцелярии в Олонецкую воеводскую канцелярию о переписи и сборах с цыган от 8 декабря 1744 г., о даче подорожной и проездных денег поручику Ивану Клеопину от 30 июня 1742 г.; об отсылке годных к работам, но не годных своим поведением людей и крестьян в Нерчинский уезд Иркутской провинции Сибирской губернии от 15 марта 1761 г. (печ.); о изыскании купцов для торговли с Царьградом через Темерьниковский порт от 2 марта 1755 г. (печ.); о прощении крестьян, раскольников и дезертиров, укrywшихся в Литве и Польше, в случае их возвращения до 1 января 1757 г. (печатан 11 сентября 1755 г.); из Новгородской канцелярии в Олонецкую о пожаловании знатных персон в другие ранги по случаю коронации от 12 июля 1742 г.

Далее в оглавлении перечислены названия семи повестей сборника, но не учтена переписанная на л. 330 небольшая повесть «О лакомстве и лихоимстве» (из Великого Зеркала, гл. 60). Последовательность их в сборнике следующая: л. 10 — «История, в ней же пишет о разорении града

³ Титов А. А. Охранный каталог славяно-русских рукописей М., 1895 Вып. 6 С. 11—12

⁴ Клепиков П. С. 236 (таблица № 3)

Трои Фригийского царства и о создании его, и великих ополчительных бранех, како ратовашася о ней царице и князи <...> вся сия подробну описуются»; л. 11 — «О царе Пелеи, приводящем Язона да пошлется добыти золотое руно» (нач.: «В царствии Тесалийстем, его же жители мирмядоняне нарицахуся...»); л. 29 — «О брани гречестей и троянстей, и о убиении царя Лаомедонта, и о расхищении Трои» (нач.: «Прошедшеше убо ноши...»); л. 169 — «История о Полиционе, цесаревиче египецком, и о прекрасной кралевне Мелитине италианской» (нач.: «В Египетской земле был град Остракинъ, в котором тогда царствовал славный цесарь Асинаберх...»); л. 257 — «Повесть о премудром короле Аполоне Тирском и Сидонском» (нач.: «Елинское писание известует, глаголется же бо и гречески, яко Антиох цесарь...»); л. 270 — «Повесть о славном князевиче Француския земли, князя Волфанга сыне, Петре Златых Ключей, которой в бытность свою во Францыи ж, у короля, единородную дщерь ево прекрасную Магилену получи себе в жену» (нач.: «Бысть во Француском королевстве много волных князей...»); л. 318 об. — Повесть о Василии Златовласом; л. 330 — «О лакомстве и лихоимстве» (нач.: «Некто лихоимец умре: егда же умирая...»); л. 330 об. — «История о француском принце Евдоне и о рупелско<и> принцесе Берфе» (нач.: «Когда Борбосца, дук гишпанский, по научению от Францышка...», конец не сохранился).

В своей статье «Краткая редакция Повести о Василии Златовласом», посвященной текстологии сохранившихся списков повести, я уже не упомянул об утраченной рукописи из собрания Титова, № 4105.⁵ О ее текстологических особенностях сказать было нечего, а любые предположения были бы слишком гадательными. Но тогда же в ряду списков краткой редакции Повести мной был выделен в «особый вид» список ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 286. Текст этого списка был опубликован в конце статьи, хотя в рукописи отсутствовал первый лист Повести, да и общая сохранность текста была далеко не идеальной. И вот теперь существование «особого вида» краткой редакции оказалось подтверждено еще одним списком: РНБ, собр. Титова, № 4105. Причем совпадение двух списков оказалось настолько убедительным (описка в имени королевны — «Милитина», повтор слова «пожалуй», чтение «учливость»), что не приходится сомневаться в том, что один из них послужил оригиналом другому писцу для списывания. Но поскольку речь не идет о дословной копии, поскольку некоторое количество разночтений между двумя списками все-таки существует, то можно попробовать выяснить и их взаимозависимость. Наиболее значимым из них нам представляется чтение, когда королевич Василий нанимает для строительства своего двора «каменщиков и плотников» (по четырем спискам краткой редакции), «каменщиков и всяких мастеров» (по публикации списка из колл. Перетца, № 286). В списке из собр. Титова, № 4105 оказалось чтение «каменщиков и плотников и всяких мастеров», подтверждающее принадлежность списка как к краткой редакции в целом, так и к «особому виду» этой редакции. Логичнее предположить пропуск при переписывании слов «и плотников», нежели их вставку по какому-то еще списку, если слишком очевидно, что никакой нужды в третьем списке не было. Риску даже высказать менее очевидное предположение. В рукописи из колл. Перетца перед текстом Повести о Василии Златовласом и после него помещена приписка тайнописью: «Писал сию гисторию Ярославля церкви Космы и Дамиана панамарь Иван Иванов своею рукою, исправливал с подлинной, он же действительно и подписал своеручно». Не с

⁵ ТОДРЛ Л, 1981 Т 36 С 193—208

рукописи ли ростовского Борисоглебского монастыря, переписанной Александром Ивановым сыном Сусловым, «исправлял» свой список ярославский пономарь Иван Иванов? Ни хронологических, ни географических противоречий этому предположению не возникает. Гипотеза, однако, остается гипотезой. Несомненным фактом остается другое: в настоящее время известно восемь списков Повести о Василии Златовласом, два из которых принадлежат «особому виду» краткой ее редакции. В заключение воспроизведем текст утраченного первого листа Повести в рукописи из колл. Перетца по вновь найденному списку из собр. Титова, № 4105:

«Повесть о Василии королевиче Златовласом Чейские земли и о Полиместре королевне французской, и о его похождениях зело предивна.

Бысть в древние лета в немецких краех, в Ческой земли, во граде Праге [*испр., в ркп. Праче*] король именем Станислав. Бе бо благоверен, богат и славен зело и всякими добродетели исполнен. Имея у себя единого сына именем Валамих, еже есть Василий, зело добролична, и славна, и премудра. Таковыя ево ради красоты прозва ево Златовласым. Той же королевич Василий Златовласы имея при себе отроков доброличных в свои лета, сенаторских и рыцарских детей, в великой чести. И егда прииде время ему женитися, начат отец его, король Станислав, искать ему в жену невесту, дабы была во всем подобна красоте и разуму сына его. И не обрете таковыя нигде. И о том зело искал себе сам, чтоб ему...» (л. 318 об.).⁶

⁶ Ср. воспроизведение заглавия и начала Повести по списку ГАКО, ф. 1409, оп. 1, № 779 в публикации текста «особого вида»: ТОДРЛ. Т. 36. С. 199.

С. И. НИКОЛАЕВ

Русские интермедии XVII в.: новые материалы

Среди кириллических рукописей, хранящихся в Австрийской Национальной библиотеке, особый интерес для истории русской поэзии конца XVII в. представляет рукопись Cod. slav. 174.¹ В описании рукопись названа «Собрание стихотворений» Симеона Полоцкого и датирована XVIII в. Полтора десятилетия назад она была введена в отечественный научный оборот Л. И. Сазоновой, которая опубликовала подробную статью о неизвестных произведениях Симеона Полоцкого, находящихся в этой рукописи, а затем анализировала ее содержание в своей книге о поэзии русского барокко.² В частности, Л. И. Сазонова установила, что в рукописи часть произведений принадлежит Сильвестру Медведеву (некоторые из них известны по рукописи из собрания ИРЛИ, Пинежское собр., № 113), а также датировала венскую рукопись 90-ми гг. XVII в. К сожалению, с филигранями рукописи мне ознакомиться не удалось.

В своих работах Л. И. Сазонова не останавливалась на последней группе текстов этой рукописи, которые в описании названы «Театральными интермедиями» (л. 179—191 об.), а между тем из этой части рукописи можно извлечь ценный материал по истории ранней русской драматургии и первых русских интермедий.

О существовании русских интермедий XVII в. было известно давно. Вероятно, самые ранние русские интермедии были написаны для первой пьесы русского театра «Артаксерксово действо» в 1672 г. В тексте «Комедии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого также указано, что между действиями «буди intermedium». В начале XVIII в. интермедии игрались в пьесах «Страшное изображение пришествия Господня на землю» (1702) и «Божие уничижителей гордых уничижение» (1710). Однако тексты всех этих интермедий не сохранились.³ Самые ранние дошедшие до нас интермедии читаются в рукописи 1737 г. из собрания Н. С. Тихонова (РГБ, ф. 299, № 43),⁴ который впервые и издал их. По этой же рукописи они издавались и позднее.

¹ См. Birkfellner G. *Glagolitische und kyrillische Handschriften in Osterreich* Wien, 1975 S 166—170. Далее отсылки на листы рукописи приводятся в тексте статьи в скобках. В работе над статьей использован микрофильм рукописи.

² См. Сазонова Л. И. 1) Симеон Полоцкий: новые страницы творчества // *Исследования по древней и новой литературе* Л., 1987 С 199—205, 2) *Поэзия русского барокко* М., 1991 С 69—70, 233—234.

³ См. подробный обзор и анализ источников Lewin P. *Intermedia wschodniopolskowskie XVI—XVIII wieku* Wrocław, 1967 S 64—70.

⁴ См. подробное описание рукописи в кн. Резанов В. *Драма українська I Старовинний театр український* Київ, 1929 Вип 6 С 127—132.

Время создания этих интермедий обычно осторожно относится к рубежу XVII и XVIII вв. Только А. С. Демин в комментарии к изданию старших русских интермедий в серии «Ранняя русская драматургия» датировал их серединой 1660-х гг.⁵ Эта датировка появилась в результате прямолинейно спроецированных на политическую ситуацию драматических коллизий и чрезмерного внимания к датирующим деталям быта, однако при этом А. С. Демин не указал, для какой постановки или для какого театра они предназначались, а между тем никакого театра тогда в России не было. Признать эту датировку убедительной нельзя.

В венском списке читаются все семь интермедий, известных по списку Тихонравова. Таким образом, теперь можно уверенно говорить о том, что старшие русские интермедии — о пьянице и блудном, о старце и учителе, о старике и смерти, «О летяги», о богатыре и русском воине, об астрологе — действительно являются интермедиями XVII в. Сличение текстов интермедий в списке Тихонравова с венским показывает, что тексты в венском списке более полные, в них меньше ошибочных и неясных чтений, и потому в основу издания интермедий должен быть положен именно венский список. Только в интермедии о богатыре и русском воине отсутствует примерно две трети текста из-за механического дефекта (в этом месте рукописи не хватает одного листа).

В венском списке перед интермедиями помещено еще одно драматическое произведение (л. 179—181 об.). Оно известно по той же рукописи Тихонравова, где точно так же читается перед «междуречиями». Оно было издано в 1916 г. Н. К. Гудзием, затем в 1929 г. В. И. Резановым и в 1975 г. в серии «Ранняя русская драматургия», где названо издателями вслед за Н. К. Гудзием школьной декламацией «Борьба церкви с дьяволом» и датировалось всеми издателями первой половиной XVIII в.⁶ Примечательно, что в серии «Ранняя русская драматургия» интермедии напечатаны во втором томе, а это произведение — в четвертом, хотя в обеих рукописях они читаются рядом. В венской рукописи это произведение, как и другие интермедии, названо «междосредием» (см. об этом термине ниже), однако интермедией оно может быть названо условно — это, скорее, аллегорическое изображение победы христианской церкви в борьбе с «нечестивыми». В начале «изыдет невеста в солнцы и луна под ногама ея <...> с нею христиане, при них архангел Михаил, иже речет к людем: Сия есть церковь, любезная Богу, Яже от злых враг страждет пакость многу». На «брань» с церковью «явится змий из ада исходяй», затем «изидет Жидовин со оружием», потом появляются «Турчин», «Татарин», «Кузулбаш», «Башкирец», «Мордвин», «Арапин», «По сем избежит из ада Диавол и крикнет:

Го, го, го, любезнии друзи,
Князя моего истиннии служи!
Но вси на церковь сильно нападайте,
Род христианский вконец истребляйте!

Начинается «брань», «христианом придет в помощь архангел с мечем». Христианская церковь спасена, дьявол изгнан. «Абие начнетъся аггелское пение „Свят, свят, свят Господь Саваоф“, потом затворятся двери и небесе, и облаки замкнут паки и будетъ мусикия, по ней же само

⁵ См. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972 С. 339—344

⁶ См. Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975 С. 154—157, 619—621

дело». Из последних слов явствует, что перед нами не самостоятельная школьная декламация, а пролог к драматическому представлению. Примечательно, что различия между венским списком этого произведения и тихонравовским в целом незначительны, но в тихонравовском списке нет как раз последних слов «по ней же (т. е. после музыки. — С. Н) само дело». По этой причине все издатели и считали эту аллегорию самостоятельным произведением.

Есть, как представляется, основания полагать, что это пролог к пьесе Симеона Полоцкого «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех». Это явствует не только из содержания, вполне соответствующего содержанию пьесы, для подобного заключения есть и более весомый аргумент, а именно текстуальные совпадения. Как упоминалось, Дьявол крикнет: «Го, го, го, любезнии друзи, Князя моего истиннии служи!». У Симеона Полоцкого царь в конце пьесы говорит: «Благодарю вы, любимии друзи, Бога живаго истиннии служи». В «Предисловце» к пьесе Симеон Полоцкий писал:

То комидийно мы хошемъ явити
и аки само дело представи

В прологе в венской рукописи читается: «по ней же [т. е. после музыки] само дело».

Все эти обстоятельства дают основания предполагать, что аллегорический пролог о борьбе церкви с дьяволом был написан Симеоном Полоцким для пьесы «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех» и, соответственно, как и пьеса, датируется 1673—1674 гг. Изображенная в этом прологе «брань» христиан с «нечестивыми» позволяет осторожно предположить, что у пьесы Симеона Полоцкого вполне мог быть и какой-то актуальный в ту пору политический подтекст. В любом случае это произведение относится к XVII в. Отметим, что в венской рукописи есть список и самой пьесы «О Навходоносоре царе» (л. 161 об.—167 об.).

Поскольку в венской рукописи читаются произведения, в том числе и неизвестные, только Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева, то возможно предположение, что и интермедии были написаны Симеоном Полоцким и предназначались они для «Комедии притчи о блуднем сыне». Это предположение уже выдвигалось на том основании, что в одной из интермедий действует пьяница и блудный, но оно не было принято, в частности, и потому, что это должны были быть «вовсе не связанные с притчей забавные сценки; в противном случае, если бы интермедии развивали сюжет притчи, Симеон Полоцкий не стал бы говорить, что „все стужает, еже едино без перемен бывает“». ⁷ В свете изложенных новых данных это предположение выглядит не столь уж невозможным. Ему противоречит, собственно, только одно обстоятельство, хотя и достаточно важное. В пьесе сам автор указал те места в конце каждого акта, в которых должны разыгрываться интермедии. Всего таких мест пять, тогда как интермедий семь. Между тем сам Симеон Полоцкий в «Прологе» говорил:

Всю на шесть частей притчю разделихом,
по всяцей оных нечто примесихом
Утехи ради, ибо все стужает,
еже едино без перемен бывает ⁸

⁷ Берков П. Н. К истории русской театральной терминологии XVII—XVIII вв. («Комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.) // ТОДРЛ М., Л., 1955 Т. II С. 286.

⁸ Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. С. 138

Таким образом, интермедий должно быть как минимум шесть, однако в конце пьесы нет указания автора на исполнение интермедии. Возможно, наконец, что две интермедии о старике и учителе были объединены в одну либо исполнялись не все. Во всяком случае на сегодняшний день в свете представленных данных о венской рукописи авторство Симеона Полоцкого выглядит вполне вероятным. Здесь стоит напомнить, что целый ряд других стихотворных произведений, несомненно принадлежащих Симеону Полоцкому, повторяется в обеих рукописях, и в венской, и в тихонравовской.

Несколько слов о театральной терминологии. В списке Тихонравова интермедии названы «междуречия». Этот термин чаще всего применяется к старшим русским интермедиям. В венском же списке они названы довольно необычно — «междосредия». Более нигде этот термин не встречается, сколько можно судить по исследованию П. Н. Беркова о русской театральной терминологии XVII—XVIII вв.⁹ На первый взгляд «междосредие» — это плеоназм, а между тем это точный калькированный перевод латинского слова *intermedium*. В «Комедии притчи о блудном сыне» Симеон Полоцкий пользуется этим термином только в латинском написании, вероятно, по той причине, что русского соответствия он не знал (да его и не было), а для списка интермедий изобрел *ad hoc* довольно необычное слово. Примечательно, что история адаптации латинского театрального термина *intermedium* завершилась в конце концов вхождением этого слова в русский язык в форме «интермедия». А история эта довольно богатая — «междуречие», «междосредие», «пролюдии», «интерлюдии или междувброшенная забавная игралища», «артемедии», «интермедиум».

У обсуждаемого вопроса о ранних русских интермедиях есть и практическая сторона, а именно: как печатать эти интермедии? Очевидно, что в основу издания следует положить венский список, не только как старший, но и как более полный и исправный. Интермедии теперь можно уверенно датировать XVII в. Но как быть с авторством интермедий и их местом в издании? Не должно ли печатать их вместе с пьесами Симеона Полоцкого и под его именем? Хотя авторство Симеона Полоцкого и представляется очень вероятным, тем не менее печатать интермедии надо все же отдельно от драматических произведений Симеона Полоцкого и как анонимные произведения, а высказанные здесь соображения привести в комментариях со всеми необходимыми оговорками. В комментарии же к пьесе «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех» можно столь же осторожно написать, что небольшое драматическое сочинение о борьбе церкви с дьяволом является аллегорическим прологом к ней.

⁹ См. Берков П. Н. К истории русской театральной терминологии XVII—XVIII вв. С. 286—287.

Э. МАЛЭК

Вновь обнаруженный список юмористических курантов

(К истории смеховой литературы Древней Руси)

В репертуаре древнерусской литературы XVII в. видное место принадлежит текстам, пародирующим форму деловых документов. К ним относятся сатирические лечебники и рецепты (например, «Лечебник на иноземцев», «Рецепт, чем лечитца человеку похмельному»), послания (например, «Послание дворительное недругу»), азбуки (например, «Азбука о голом и небогатом человеке») и т. д. Несмотря на то что многие из них сохранились лишь в поздних списках, исследователи, не колеблясь, вносят их в список произведений древнерусской письменности.

Иначе обстоит дело с открытыми и введенными в научный оборот еще В. П. Адриановой-Перетц¹ юмористическими курантами (авизиями). Ни она сама, ни последующие исследователи (в том числе и пишущая эти строки) не пытались даже ставить гипотезу о древнерусской «родословной» этих текстов.

Но совсем недавно, знакомясь с описанием Музейской коллекции ГИМ, я обратила внимание на сборник под № 194, в котором, судя по описанию, находились «синодичные и литературные статьи», «помянник», а также «путевые записки из Константинополя (в описании так! — Э. М.), Трептова, Гамбурга, Гистрова, Гишпании, Лондона, Парижа».

«Перечень» мест, из которых посылались «путевые записки», показался мне знакомым (за исключением как-то не укладывающегося в цепочку остальных топонимов Константинополя). Примерно такой же набор городов встречался в опубликованных В. П. Адриановой-Перетц и Н. Н. Розовым смехотворных авизиях. Но самые ранние из известных до сих пор списков тех пародийных курантов датировались 1730-ми гг., а список, хранящийся в ГИМ, относится к 80-м гг. XVII в.: не доверять Т. В. Диановой, которая провела датировку «всех рукописей (значит, и той, которая нас в данный момент интересует. — Э. М.) по справочным альбомам водяных знаков»,² я бы, разумеется, не посмела.

Оставалось предположить, что или совпадение наименований городов и стран в «путевых записках» из Музейской коллекции ГИМ с наименованиями местностей, из которых посылались смехотворные авизии, случайно, или в описании рукописи допущена какая-то ошибка.

¹ Адрианова-Перетц В. П. Юмористические куранты // Учен зап Ленингр пед ин-та 1948 Т 67 С 48—56

² Каталог рукописей Музейского собрания Отдела рукописей ГИМ // Вопросы источниковедения и палеографии / Отв ред Т В Дианова М, 1993 С 9

На проверку оказалось, что там и в самом деле читаются те же авизии, которые один из героев «Гистории о купце» получал от своих друзей иноземцев и которые «желающим многим людям продавал по 2 и 4 копейки каждую».³

Подборка не имеет общего заглавия и открывается авизией «Ис Копенгагина» (л 46), кончается же авизией «Ис Парижа», в которой объединены сюжеты, читавшиеся в других списках в двух разных статьях. Однако общее количество необычных сюжетов и порядок их следования не отличается в принципе от количества и порядка авизий в других списках.

О чем свидетельствует эта находка? Если датировка рукописи верна, то перед нами самый ранний список авизий, причем довольно неисправный, с многочисленными ошибками письма, пропусками, искажениями смысла и т. п., что позволяет предположить существование копий еще более раннего времени. А в таком случае смехотворные авизии должны пополнить список произведений древнерусской письменности, пародирующих деловые жанры.

Дополнительным аргументом в пользу передатировки смехотворных курантов может служить и тот факт, что в рукописи ГИМ рядом с авизиями читаются «Письма до хана турецкого от запорожцев», а в других известных списках XVIII в. куранты помещались бок о бок с произведениями сатирической литературы XVII в.

Дальнейшая судьба смехотворных курантов напоминает судьбу других известных произведений так называемой демократической письменности XVII в. Они то переписывались в виде самостоятельного текста (в таких случаях переписчики следовали более или менее верно за протографом, хотя некоторые из них, пытаясь усугубить контраст между деловой формой и необычным содержанием авизий, ставили вслед за указанием на местность, из которой они посылались, точные даты⁴ или датировали их такими нелепыми числами, как «31 февраля, 54 листопад, 38 грудень»⁵), то присоединялись композиционно к другим произведениям низовой письменности (например, к изданной Н. Н. Розовым по спискам РНБ, О.ХVII.17 и собр. Титова, № 3543 «Гистории о купце»), а к началу 1770-х гг. попали в печать.⁶ Интересно, что в печати они связывались то с русской (В. Г. Рубан придал им заглавие, намекающее на связь авизий с шутом Балакиревым), то с польской традицией (плутовской роман о Совет-Драле был переведен с польского языка).

Обнаруженный нами ранний список позволяет отодвинуть время появления смехотворных курантов на Руси на несколько десятилетий назад, но не снимает вопроса об их происхождении и авторстве. Не исключено, что при решении этих вопросов опять поможет какая-нибудь случайная, но счастливая находка.

³ Цит по публикации Розов Н. Н. «Гистория о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII в // XVIII в М, Л., 1958 Сб 3 С 444 Пользуюсь случаем поблагодарить Л. И. Сазонову, которая по моей просьбе посмотрела рукопись ГИМ и сделала для меня копию курантов

⁴ Так, например, в списке БАН, 32 6 15 авизии датируются разными числами июля и августа 1744 г., в списке РГБ, собр. Ундольского, № 925 — июлем и августом 1754 г.

⁵ Так в рукописи ИРЛИ, ф 265, оп 3, № 9 Цит по Николаев С. И. Из истории польской сатирической литературы в России (XVII—первая половина XVIII в) // ТОДРЛ СПб, 1992 Т 45 С 309

⁶ Как установил С. И. Николаев, несколько авизий было напечатано В. Г. Рубаном в «Трудолюбивом муравье» (1771 № 12 С 93—94) а полная подборка вошла в издание «Похождений Совет-Драла», опубликованных в Санкт-Петербурге не ранее 1775 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ис Копенгагина

л 46

Копенгагинская круглая башня на сих днях поидет замуж и будут на банкете из Гамбурха 367 печи в немецких епанчах да в церемонии маршалком ис Парижа триумфалныя ворота с вымпелом, 12 бестионов — шафарам, 40 пажеи картаулных пушек, 12 быков трубачеи да литаврщик шти каменъной.

Ис Трептов

Там пребывают в добром здравии состояни, токмо с мотря [так!] погодою сломало голов и с великого штурма повредило желутки и оттог[о] хлеб стал дорог.

В Неаполе ратуша ходит без галстука в немецком кафтане без штанов, а магистрат, сидя на печи, чрез реку обувает сапоги. Дам [так!] все поехали на море в коретах цуками с острогами и в шпорах журавлеи ловить. И будут ездить морем до масленицы.

Из Гамбурга

Мекленбургской баур застрелил в лесу леща шириною в два пуда да изловил рака в 3 аршина. //

В Ростоке у мещанина в ренжерей 746 кувшинов разцвели и стручье л 46 об
попели, в которых находится довольно стерляде живых, а в тои ренжерее колодезь и в нем трактирной дом с высоким убором и цветниками.

Из Гистрова

От Гистрова до Курляндии дорогу своротили и пуговицы нашить до подолу, рыбаки много наловили огурцов свежих и солят в патоке, а цитронов из верьшеи еще не вынимали. Там же репу вялят и прядут и намерен из нее делать сукна, а с рыбы шерсть стригут и для того строитца на море новая шляпная фабрика, и великую гавань перенесли сухим путем на фурманар в Брандебург и чтоб торговые купцы с караблями там приставали.

Из Гишпани

Город Кадикс выконопатили и вывели на море: стоят на море и дожидаются способных ветров итить в Галандию нагружать реткою, понеже галанцам в ретки немалая нужда, а впрредбудущей год намерены грузить парною репою. //

Из Лондона

л 47

В Лондане маркитанты убили корову и нашли в ней два галиота и два бота, на которых сидят люди все живы, а товары все погнили. Кобыла ожеребила 280 раков, каждый величиною по 6 фунтов, курица индейская отели 3-х бычков да четвертаго козла, а все ворон многое число от Висла острова осетров вылетело и на ратуше гнезда повили и много высидели куликов, а шерсть на куликах свиная величиною с барана, а голос дикого гуся.

Ис Парижа

В Приморских лесах довольно шук живых мерою сажен по осми, толко их повреждают тюлени, а протчая мелкая рыба от стрелбы, которая происходит от ловцов, вся перевязла. Молодых журавлеи ловят неводами и берут ис Парижа в мистри для обучения танцмейстерству. А ис французских лебедеи 80 кораблеи выбрали в драбанты и станут обучать на шахматах ездить.

КНИЖНЫЕ ЦЕНТРЫ, РУКОПИСНЫЕ СОБРАНИЯ

Н. В. САВЕЛЬЕВА

«Бумага для царя Ивана Грозного» в Дрвলেখранилище Пушкинского Дома

О необходимости подробных полистных описаний рукописей территориальных собраний уже не раз говорилось.¹ Время полевой археографии фактически закончилось, и именно камеральной археографии — описанию и изучению накопленных материалов — сейчас должна отводиться основная роль. Наши представления о составе территориальных собраний различных археографических центров России основываются лишь на отчетах об экспедициях, на ряде обзорных статей и отдельных изданий, по существу являющихся краткими инвентарными описями собраний. Подробных научных атрибутированных описаний созданных археографами территориальных собраний очень мало. Вероятно, именно потому, что состояние описания территориальных собраний находится на таком уровне, и сложилось определенное мнение, что рукописи, собранные археографами, в основном поздние и в общепринятом культурном и литературном смысле малоинтересные. Опровергнуть это мнение могут только подробные, полистные, полные, атрибутированные описания рукописей и старопечатных книг территориальных собраний, которые позволят не только выявить новые списки памятников, не учтенные в предварительных описях и до сих пор не введенные в научный оборот, но и сделать новые неожиданные находки. Об одной из таких находок и пойдет речь.

Поиски исторических источников, свидетельствующих о попытке наладить в XVI в., в связи с началом книгопечатания, производство бумаги в России, велись еще учеными XIX в. И уже тогда Н. П. Лихачевым в научный оборот были введены два документа, к которым и в настоящее время обращаются исследователи этого вопроса. Во-первых, это свидетельство амстердамского купца Рафаэля Барберини от 1564/65 г.: «Затеяли они также ввести делание бумаги и даже делают, но все еще не могут ее употреблять, потому что не довели этого искусства до совершенства».² Во-вторых, в Московском архиве Министерства юстиции Н. П. Лихачевым был обнаружен среди документов Троице-Сергиевой лавры список с купчей 1576 г., в которой при описании границ приданной вотчины упоминается бумажная мельница на реке Уче, принадлежавшая Федору Савинову. Из текста купчей ясно, что в 1576 г. мельницы уже не сущест-

¹ Вопросу состояния описания фондов различных хранилищ, в том числе и территориальных собраний археографических центров России, посвящена специальная статья О. В. Творогова См Творогов О В Рукописные собрания России состояние изучения и описания // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 709—744

² Сказание иностранцев о России в XVI и XVII веках Путешествия в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году СПб, 1843

вовало.³ Кроме того, исследователи ссылаются также на факт из окончившейся скандалом миссии саксонца Ганса Шлитта, который в 1547 г. с ведома и согласия Ивана Грозного набирал в Германии различного рода специалистов-ремесленников, в числе которых был и бумажный мастер. Всего им было завербовано 123 человека, с которыми он собирался отправиться из Любека в Россию, однако в Любеке Шлитта задержали и посадили в тюрьму, из которой он, по одним данным, был освобожден, по другим — бежал и лишь в 1557 г. вернулся в Россию один, без спутников и без денег. Завербованные Гансом Шлиттом мастера разошлись, по некоторым данным, часть их попала все же в Россию, но был ли среди них бумажный мастер, неизвестно.⁴ Эти три исторических источника и фигурировали до 1971 г. в работах исследователей, с отличием только в отношении к ним — признания⁵ или непризнания⁶ их достоверности. Реально же сохранившихся образцов русской бумаги этого времени не было зафиксировано ни в печатных изданиях, ни в рукописях, ни среди архивных документов

В 1971 г. появилось сенсационное сообщение профессора Гарвардского университета Эдварда Кинана о найденной им в Датском Королевском архиве бумаге с текстовой филигранью Ивана Грозного. На этой бумаге написано послание датскому королю Фредерику II, фактически ставшая грамота, в которой Иван Грозный поставляет Магнуса, брата датского короля, правителем (голдовником) не принадлежащих России земель Ливонии. Письмо датировано 26 сентября 1570 г., подлинность этого послания не вызывает никакого сомнения. Письмо было опубликовано еще в 1897 г. Ю. Н. Щербачевым,⁷ не обратившим, однако, внимания на бумагу. Первое сообщение Эдварда Кинана о находке появилось в «Литературной газете» от 14 июля 1971 г., здесь же был помещен выполненный от руки рисунок с текстом филигрании и воспроизведен в сокращенном виде сам текст: «Царь Иван Васильевич всея Руси. Князь великий московский» Заметка сопровождалась комментарием Д. С. Лихачева под заглавием «Факт, который войдет в учебники».⁸ Аргументированное исследование Э. Кинана было опубликовано затем в «Oxford Slavonic Papers», здесь же помещена фотокопия документа, сделанная на свет.⁹ Полный текст филигрании читается следующим образом:

Царь Иван всеа Лѣта 7074 ¹⁰ совер	Васильевич Руси князь великий московский
--	--

³ Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-архивный очерк. СПб., 1891. С. 85—86.

⁴ Библиографию о миссии Ганса Шлитта см., например Хорошкевич А. Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 16—18.

⁵ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 333. Uchastkina Z. V. A history of Russian hand papermills and their watermarks. Nilversum, 1962. P. 11—12 (Monumenta chartae papugaceae historiam illustrantia. Vol. 9).

⁶ Клепиков С. А. Филигрании и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959. С. 13.

⁷ Русские акты Копенгагенского государственного архива / Подгот. Ю. Н. Щербачева. СПб., 1897. Стб. 93—98 (РИБ. Т. 16).

⁸ Письмо американского ученого Э. Кинана в редакцию «ЛГ». Д. С. Лихачев «Факт, который войдет в учебники». Комментарий // Литературная газета. 1971. 14 июля. С. 7.

⁹ Keenan Edward L. Paper for the Tsar. A Letter of Ivan IV of 1570 // Oxford Slavonic Papers. New series. Oxford, 1971. Vol. 4. P. 21—29.

¹⁰ Последняя цифра на листе видна не очень четко и, по мнению Э. Кинана, может быть прочитана как **Д** (4) или как **З** (9).

Слова «князь великий московский» заключены в киотец, увенчанный крестом.

По предположению Э. Кинана, бумага, на которой написано послание Ивана Грозного датскому королю Фредерику II, сделана в России. Ученый считает, что бумага могла быть произведена на той самой мельнице Федора Савинова, упомянутой в документе из Троице-Сергиевой лавры, предположительно мастером из Богемии, немцем по происхождению, Мартином Зауером, имя которого зафиксировано на бумаге в форме «Совер». Сразу после сообщения Э. Кинана его точка зрения о возможности русского происхождения бумаги была поддержана З. В. Участкиной,¹¹ А. А. Севастьяновой,¹² Т. Герарди,¹³ В. А. Гуляницким.¹⁴

В 1971 г. вышла в свет книга Э. Кинана «Апокриф о переписке Ивана Грозного с Курбским».¹⁵ Книга вызвала резко отрицательную оценку не только российских (советских), но и зарубежных ученых и наложила определенный негативный отпечаток на отношение и к другим работам Э. Кинана. Об этом, в частности, свидетельствует заключительная статья в книге Р. Г. Скрынникова «Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана». Характеризуя научный метод Кинана как яркий пример бесплодности «того направления американской буржуазной историографии, которое подчинило беспристрастное научное исследование предвзятым целям»,¹⁶ Р. Г. Скрынников выстраивает в один ряд с книгой о Грозном и Курбском и другие работы Э. Кинана, в том числе статью о найденной филиграні. При этом он ссылается на точку зрения такого авторитетного исследователя филиграней, как С. А. Клепиков, и излагает эту точку зрения по его не опубликованной еще статье.

Работа С. А. Клепикова «О допетровской бумаге и „Бумаге для царя (Письме Ивана IV)“ Э. Кинана» вышла годом позже.¹⁷ С. А. Клепиков отвергает возможность русского происхождения бумаги, найденной Э. Кинаном, и формулирует свою точку зрения, согласно которой: «1. Форма для бумаги была изготовлена иностранцем, но кто был ее автором, установить нельзя; 2. Место изготовления формы и отлива бумаги на основании имеющихся материалов установить нельзя. Во всяком случае это не Россия и не мельница Федора Савинова; 3. Думается, что это образец, отлитый каким-нибудь иностранцем на своей мельнице и представленный Ивану IV, возможно, тем же Гансом Шлиттом; 4. Представ-

¹¹ Участкина З В Развитие бумажного производства в России М, 1972 С 222 В своей работе З В Участкина опирается только на данные заметки в «Литературной газете», материалы статьи Э Кинана из «Oxford Slavonic Papers» в книгу, очевидно уже находящуюся в производстве, войти не успели

¹² Севастьянова А А Американский историк о первой русской бумажной мельнице // ВИ 1972 № 6 С 174—175

¹³ Gerardy T Besprechung // IPI-Information Hannover, 1972 N 1 S 18—24

¹⁴ Гуляницкий В А Новые факты из истории бумажного производства в России // Бумажная промышленность 1972 № 1 С 28—29

¹⁵ Keenan Edward L The Kurbskii—Groznyi Apocrypha The Seventeenth-Century Genesis of the «correspondence» Attributed to Prince A M Kurbskii and Tsar Ivan IV Harvard University Press, Cambridge, Mass, 1971 На суперобложке издания также было помещено фотографическое воспроизведение филиграні

¹⁶ Скрынников Р Г Переписка Грозного и Курбского Парадоксы Эдварда Кинана Л, 1973 С 129

¹⁷ Клепиков С А О допетровской бумаге и «Бумаге для царя (Письме Ивана IV)» Э Кинана // Книга Исследования и материалы Сб М, 1974 Вып 28 С 157—161 Я искренне благодарна проф Д Симмонсу за сообщение о переписке с С А Клепиковым по поводу статьи Э Кинана К сожалению, ознакомиться с содержанием писем проф Симмонса (они хранятся в настоящее время в Отделе рукописей РГБ) мне пока не удалось

ленные Э. Кинаном материалы не позволяют сделать вывод о русском происхождении бумаги, к которому пришли Д. С. Лихачев и З. В. Участкина.¹⁸ Статья Клепикова фактически «закрывает тему». В 1987 г. в «*Russia Mediaevalis*» появилась работа Я. Дашкевича,¹⁹ в которой точка зрения Клепикова была подвергнута самому тщательному критическому анализу, но и она не стала поводом к возобновлению полемики вокруг вопроса о ранней истории русского бумажного производства. Вопреки предсказанию Д. С. Лихачева, факт не только не вошел в учебники, но и вообще был как-то подзабыт. Ни одного исследования, специально посвященного этому вопросу, с тех пор не появлялось.

К аргументации обеих сторон я обращусь несколько позднее, здесь же приведу лишь один из основных доводов С. А. Клепикова, доказывающих, по его мнению, невозможность русского происхождения бумаги. Этот аргумент — факт сохранения бумаги в единственном экземпляре. Клепиков пишет: «Бумажная масса не могла быть приготовлена лишь для одного листа <...> ни в одном издании XVI в. подобная бумага не была обнаружена <...> Мало того, при изучении русских архивов никто из исследователей не натолкнулся на русскую бумагу».²⁰ И вот лист такой бумаги, точнее левая половина листа, найден в Древлехранилище им. В. И. Малышева, в рукописи Пинежского собрания, № 66. Лист чистый, без текста и записей, филигрань на нем видна совершенно отчетливо, в том числе и дата, точность которой вызывала сомнения у Э. Кинана, — 7074 г. Эта находка вновь заставляет нас вернуться к вопросу о происхождении бумаги.

Прежде всего о самой рукописи. Поступила она в Древлехранилище им. В. И. Малышева в результате археографической экспедиции на Пинегу 1963 г., в которой принимали участие А. М. Панченко, А. Х. Горфункель, Е. И. Дергачева-Скоп и Е. К. Ромодановская. Рукопись была кратко атрибутирована при поступлении и учтена в путеводителе В. И. Малышева.²¹ В течение последних нескольких лет рукопись находилась на реставрации в Лаборатории консервации и реставрации документов РАН (далее — ЛКРД), откуда недавно вернулась в Древлехранилище. Нынешний переплет рукописи — одна из последних работ замечательного петербургского реставратора Бориса Германовича Хованова. Работа не окончена, блок находится в реставрационных, неповолоченных досках. Лист с интересующей нас филигранью был обнаружен при составлении описания для каталога рукописей Пинежского собрания.²²

Рукопись 10-х гг. XVI в. (на бумаге основного блока рукописи две разновидности знака «Папская тиара»), в 2-ку, написана крупным литургическим полууставом на 481 л. Рукопись «обряженная» — в ней сохранились фрагментарно 3 заставки и полностью 3 инициала. По технике и манере (темпера по творенному золоту в заставках и темпера с золотой

¹⁸ Клепиков С. А. О допетровской бумаге. С. 161

¹⁹ Дашкевич Я. Бумага для царя или государева бумага? О начале производства бумаги в Московском государстве XVI в. // *Russia Mediaevalis* 1987 N 6, pt 1 P 221—247. Я очень признательна проф. Э. Кинану, указавшему мне данную работу, а также госпоже К. Томас, любезно предоставившей мне ксерокопию этой статьи, найти которую в библиотеках С.-Петербурга не удалось.

²⁰ Клепиков С. А. О допетровской бумаге. С. 160—161

²¹ Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М., Л., 1965. С. 132

²² Описание рукописи см. Савельева Н. В. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников СПб., 2003. С. 144—145 (Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX вв. Опыт исследования. Источники. Т. 1)

обводкой в инициалах) художественное исполнение рукописи ближе к образцам среднерусской, вероятнее всего московской, традиции. По содержанию рукопись представляет собой Евангелие-апракос полный, перевода афонской редакции нач. XIV в.²³ Лексические данные текста не выявляют никаких специфических новгородских, псковских или южнорусских черт, здесь стабильно прослеживается среднерусская языковая норма. В рукописи нет никаких записей и помет, позволяющих локализовать ее происхождение или бытование, лишь несколько поздних (XIX в.) помет уставного характера. Как попала рукопись на Пинегу, можно только предполагать, наиболее вероятным представляется миграция книги в составе какого-то старообрядческого собрания.

Лист, на котором обнаружена филигрань (л. 482), вероятно, служил нижним форзацем одного из промежуточных (средних) переплетов. Судя по сохранившимся переплетным листам и реставрации, рукопись переплеталась не менее 4 раз: в нач. XVI в., при написании; вероятно, в 3-й четв. XVI в., когда и был вплетен интересующий нас лист; в 30—40-е гг. XVII в. — об этом свидетельствуют вплетенные в блок листы реставрации с двумя типами кувшинчиков, датирующихся 30—40-ми гг. XVII в., и переплетный лист, находящийся в конце рукописи, между листом с интересующей нас филигранью и форзацным листом последнего переплета. На переплетном листе XVII в. нет филиграни, но по качеству и характеру сетки он отличается от листов основного блока и листов всех других переплетов. Местоположение его позволяет предположить, что он был использован при переплете рукописи, одновременном с реставрацией XVII в. Последний переплет был выполнен в 1-й пол. XIX в. — сохранился верхний форзац с фрагментарно просматривающимися литерами NA и сеткой, характерной для бумаги этого времени. До реставрации в ЛКРД на досках сохранялись фрагменты бархатной поволочки и фрагменты застёжек: двух более ранних и одной более поздней на середине досок. Сама книга — напестольное Евангелие, постоянно использовавшееся при богослужении, вполне позволяет объяснить столь частое ветшание переплетов и необходимость их замены.

Судя по данным, приведенным в работе Э. Кинана, наш лист очень сильно обрезан, его размер 29.5 × 18.5 см. Развернутый лист, сохранившийся в Датском архиве, даже в обрезанном виде имеет размер 54 × 40.5 см., т. е. — это большой александрийский лист. Все формальные характеристики знака, приведенные Э. Кинаном для бумаги из Датского архива,²⁴ совпадают с характеристиками нашего экземпляра: высота литер — 3 см, расстояние между понтюзом — 27.5 мм.

Теперь обратимся к аргументам Э. Кинана и С. А. Клепикова. Характеризуя знак, Э. Кинан пишет: «Текст филиграни — это характерная простая московская вязь второй половины XVI века».²⁵ По мнению С. А. Клепикова, элементы текста на филиграни не характерны для московской вязи, образцом для формоплета служила болгарская вязь XIV в., в подтверждение своего тезиса он приводит в статье образцы болгарской вязи из учебника палеографии В. Н. Щепкина и делает заключение: если бы бумага была сделана в России, «для изготовления формы мастеру были бы даны образцы московской, а не болгарской вязи».²⁶

²³ Редакция установлена А. А. Алексеевым

²⁴ Keenan Edward L. Paper for the Tsar P 24

²⁵ Idid

²⁶ Клепиков С. А. О допетровской бумаге С 158—159

С. А. Клепиков самой бумаги, хранящейся в Датском архиве, не видел, а имел в своем распоряжении только рисунок, выполненный от руки и не передающий всех особенностей филиграни, и фотокопию, помещенную в статье Э. Кинана. Если обратиться к сохранившемуся в пинежской рукописи листу, видно, что буквы совершенно лишены той слитности и округлости, которые приданы им на рисунке. По сравнению с образцами сложной московской вязи, литеры филиграни проще и однообразнее. Однако необходимо иметь в виду, что мы имеем дело не с текстом, написанным пером, а с формой плетеной, техникой исполнения текста и продиктована некоторая упрощенность литер. В то же время все элементы этой вязи, в том числе и вызвавшие сомнение Клепикова, лигатуру «вле» или точнее «ле» (на пинежском экземпляре четко видно отсутствие верхнего элемента лигатуры — буквы «в») и подобные ей лигатуры, почкообразную «а», лигатуру «ан» — все это можно найти в современных бумаге образцах текста. Приведем лишь несколько примеров в разной технике исполнения текста: в рукописном тексте (Четвероевангелие XVI в., БАН, Архангельское собр., № 1209),²⁷ в печатных московских изданиях Ивана Федорова,²⁸ в шитье (очень схожи литеры и элементы вязи на покрове «Голгофа», шитом в мастерской царицы Анастасии Романовны в 1557 г.)²⁹ и, наконец, в надписях на надгробных плитах.³⁰ Текст филиграни не содержит ошибок. Отмеченная С. А. Клепиковым ошибка в слове «московский», которое он предлагает читать как «московский» не бесспорна, на фотографии, помещенной в статье Э. Кинана, это место читается нечетко. О том, что по крайней мере образец для текста филиграни писался человеком, хорошо владевшим русским языком и полууставным письмом, свидетельствуют и верно расставленные надстрочные знаки. По-видимому, все же мы имеем основания считать, что текст филиграни выполнен московским типом вязи, упрощенной при исполнении в технике плетения.³¹

Сомнение С. А. Клепикова вызвало отступление от буквального воспроизведения титула царя в тексте филиграни, он пишет: «Мы знаем, как щепетильно русские бояре относились к титулу царя. Обычный титул — „Иван Васильевич, царь и великий князь всея Руси“ <...> Трудно предположить, чтобы приказные, которые должны были следить за иностранцем (а иностранное происхождение формы несомненно), могли пропустить такое нарушение этикета».³²

При отсутствии в России времен Ивана Грозного единой государственной символики, единства государственных регалий и печатей можем

²⁷ См воспроизведение в статье Немировский Е Л Гравюра на меди в русской рукописной книге XVI—XVII вв // Рукописная и печатная книга М 1975 С 102

²⁸ См Апостол М, 1564 Л 3, Часовник М, 29 X 1565 Л 127

²⁹ См воспроизведение в кн Очерки русской культуры XVI века / Под ред А В Арциховского М, 1977 Ч 1 С 357

³⁰ См воспроизведение в кн Сергиево-Посадский музей-заповедник / Сообщения 2000 М, 2000 С 30 — надгробие инока Михайло Коломятина 1533 г, с 22 — надгробие инока Варлаама Путятина 1570 г Благодарю Ю А Белоброву, обратившую мое внимание на надгробия XVI в из Троице-Сергиевой лавры

³¹ Я Дашкевич в своей работе также относит вязь филиграни к московскому типу, при этом, очевидно, на основании определения В Н Щепкина (Щепкин В Н Учебник русской палеографии М, 1920 С 37—38 и табл 2), локализует ее, называя «вязью школы Ивана Грозного» (см Дашкевич Я Бумага для царя С 238) Указанные нами примеры элементов вязи из различных источников свидетельствуют, что такое определение, само по себе не бесспорное, в данной ситуации следует употреблять очень осторожно, никаки признаки принадлежности литер и лигатур какой-то особой мастерской или «школе» в вязи филиграни выделить невозможно

³² Клепиков С А О допетровской бумаге С 158

ли мы быть абсолютно уверены в нормированном употреблении царского титула? В действительности нам известно употребление сокращенного титула царя в сочетании с формой повеления («повелел», «по повелению») и употребление полного титула (а он гораздо пространнее, с прибавлением «владимирской, московской» и т. д. — с завоеваниями Грозного число их увеличивалось — «земель обладатель») в непосредственном обращении в документах, где титул (полный) помещался в начале документа. Насколько необходимо было буквальное воспроизведение титула царя на филигрании и насколько невозможным было отступление от буквального титула при создании текста филигрании? По данным А. Л. Хорошкевич, еще и в конце правления Ивана Грозного внутри страны употреблялась печать времен Ивана III, на которой в титуле отсутствовало слово «царь».³³ И это при той борьбе за признание царского титула, которая велась Иваном Грозным на протяжении почти всего его правления. Если бы филигрань была сделана не в России, скорее следовало бы ожидать отсутствия на ней именно слова «царь». Кроме того, в тексте филигрании, в том виде, в каком она дошла до нас на документе из Датского архива, отразились обе составляющие монархической позиции Ивана Грозного — царственность («царь всеа Руси») и верховность наследного монарха единственного истинного православного государства — часть титула «князь великий московский» заключена в киотец, увенчанный крестом, — символическое ознаменование святости и православия. Во всяком случае, неоспоримым свидетельством признания этой формы именованья царя в тексте филигрании (без буквального воспроизведения краткого титула) является сам факт использования Иваном Грозным бумаги для послания датскому королю Фредерику II.³⁴

Наиболее слабо аргументированным, на мой взгляд, является предположение Э. Кинана о мастере, изготовившем форму для бумаги. На основании данных Янеля³⁵ и Ейнедера³⁶ (как справедливо отмечает С. А. Клепиков, противоречивых), Э. Кинан полагает, что мастером, изготовившим форму для бумаги, мог быть Мартин Зауер (Martin Zauer), немец по происхождению, известный как содержатель бумажной мельницы в Богемии. Гипотеза Э. Кинана строится на том, что имя Мартина Зауера упоминается в документах Богемии в 1575—1576 гг. (по данным Ейнедера — в 1569 г.), до этого о нем ничего не известно. Соединяя эти данные с данными по миссии Ганса Шлитта о том, что кто-то из завербованных мастеров добрался все же до России, Э. Кинан предполагает, что таким человеком мог быть и бумажный мастер Мартин Зауер. Подтверждением тому, по мнению исследователя, служит слово «совер» в тексте филигрании, которое он рассматривает как кириллическую транскрипцию имени «Зауер».

С. А. Клепиков, указывая на противоречие в данных Янеля и Ейнедера, справедливо отмечает, что Мартин Зауер не упоминается нигде как мастер, а лишь в 1569 г. (у Ейнедера) и в 1575—1576 гг. (у Янеля) как

³³ Такой печатью скреплен, например, приговор духовенства от 15 января 1580 г с записью отбирать и выкупать монастырские вотчины, см Герб и флаг России X—XX веков / Ред Г В Вилинбахов М, 1997 С 172

³⁴ См сходную аргументацию по вопросу о титуле в статье Я Дашкевича (Дашкевич Я Бумага для царя С 238—239)

³⁵ Jahnel C Die Papiermühle zu Aussig im 16 Jahrhundert Prague, 1885 P 295 (Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen XXIII)

³⁶ Eineder G The Ancient Paper-mills of the Former Austro-Hungarian Empire and Their Watermarks Hilversum, 1960 P 113 (Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia Vol 8)

содержатель мельницы Ганса Шаффхирта (Schaffhirt) в Усти (Ауссиге). Мастером же на этой фабрике по данным документов был Михаэль Трайдинг (Michael Traiding).

В своей гипотезе Э. Кинан идет прежде всего от имени «Зауер», предлагая вариант устной транскрипции через аналогии в диалектах украинского и белорусского языков: оглушение начальной буквы «З», превращения дифтонга «ау» в сочетании с «ер» — в «оуер» и, наконец, графического изображения «у» как «в» — таким образом, по его представлению, получается графическая фиксация устной транскрипции — «Совер».³⁷ Мне кажется, что путь, предложенный Э. Кинаном, слишком сложен. Если мастером был иностранец, так точно выполнивший текст филигранны, мог ли он так сложно и так далеко от среднерусской языковой нормы изобразить свое имя? Даже в том случае, если образец текста для плетения формы иностранным мастером был выполнен русским человеком, вряд ли бы он оставил столь сложное воспроизведение имени иностранца. А. А. Алексеев обратил мое внимание на то, что имя «Zaueg» могло звучать как «Sover» в одном из немецких диалектов. Но даже в этом случае фиксация на филигранны имени мастера вызывает сомнения. Традиция маркирования водяных знаков именем мастера или владельца фабрики, нормальная и даже нормированная для западных производителей, в России появляется гораздо позднее. Обязательная пометка всех товаров была введена лишь Новоторговым уставом 1667 г. В дошедших до нас подписных произведениях живописи, прикладного искусства и выходных данных первопечатных изданий никогда имя мастера не ставилось в одном ряду с именем государя, без какой-либо формы подчиненности («повелением», «по повелению») или хотя бы без обозначения власти государя (форма «при державе»). Вряд ли мастеру было бы позволено поставить на бумаге свое имя рядом с именем и титулом царя.

Наиболее вероятным мне представляется видеть в слове «совер» незаконченную традиционную формулу (колофон) «Лета 7074 соверши» («совершился», «совершена бысть» или какие-то близкие варианты этой формулы). Э. Кинан рассматривает такую возможность, однако отвергает ее по двум причинам: 1) в русском языке того времени не существовало традиции аббревиатур или сокращений³⁸ и 2) в этом контексте, по его мнению, должна была бы быть более архаичная форма «сверши» или скорее даже «сътвори».³⁹ Второй аргумент Э. Кинана вряд ли можно считать верным: в языковой норме этого времени сосуществовали обе формы этих слов. Пример тому — выходные данные московских изданий Ивана Федорова — Апостола 1564 г. и двух изданий Часовника 1565 г., в которых оба эти слова употреблены в форме «совершена». Причем заметим, что в заблудовских и острожских изданиях Ивана Федорова — формы с ь «свершена».

Более сложный вопрос с сокращенным (а на мой взгляд, с незаконченным) словом «совер». Если обратиться к композиции филигранны, то можно увидеть явное несоответствие ее верхней и нижней частей. Две верхние строки абсолютно симметричны относительно воображаемого центра, т. е. левой и правой половин листа. Композиция нарушается в нижней части, где киот с текстом «князь великий московский» располагается на уровне двух нижних строк с некоторым смещением влево.

³⁷ Keenan Edward L Paper for the Tsar P 28

³⁸ Я Дашкевич без всякого сомнения пишет, что слово «совер» — это просто часть колофона, не объясняя, однако, почему оно употреблено в таком сокращенном виде (см Дашкевич Я Бумага для царя С 240)

³⁹ Keenan Edward L Paper for the Tsar P 28

Можно предположить, что первоначальный замысел текста филиграни был проще и традиционнее и читался следующим образом:

Царь Иван всеа лѣта 7074 совер	Васильевич Р҃си года (году, мира бытия) шися (шись, шена бысть)
---	--

Именно недостаток родословного компонента в наименовании царя (великий князь) заставил изменить этот простой текст и привел к такой достаточно неуклюжей композиции и форме филиграни. На каком этапе была выполнена эта замена и существовали ли образцы бумаги с текстом первоначального замысла, сказать на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов невозможно. Лист в пинежской рукописи здесь также не дает объяснения, так как, судя по расположению понтюзо, он обрезан не только слева, но и справа. Высказанное мной предположение абсолютно гипотетическое, хотя оно кажется мне не менее правдоподобным, чем видеть в слове «Совер» имя немца Зауера.

Работа Я. Дашкевича поднимает еще одну проблему — проблему датировки филиграни. Как уже ранее отмечалось, последняя литера в дате на экземпляре Датского архива видна нечетко. Э. Кинан предполагал равную возможность прочтения — 7074 (1565/66) г. и 7079 (1570 г., учитывая, что письмо, написанное на этой бумаге, датировано 26 сентября 1570 г.). С. А. Клепиков, который имел в своем распоряжении рисунок в «Литературной газете» и фотокопию, помещенную в статье Э. Кинана, исходя из тезиса об иностранном происхождении бумаги, отдавал предпочтение дате 7074 г. В работе Я. Дашкевича помещен рисунок филиграни, сделанный на основе прориси, выполненной сотрудниками Датского архива «в соответствии со всеми правилами филигранологии». ⁴⁰ К сожалению, автор не указывает, что это за правила, изготовлена ли прорись вручную или с использованием каких-либо технических средств. Однако Я. Дашкевич настаивает на том, что на экземпляре бумаги из Датского архива видна «несколько деформированная дата 7079 г.» и таким образом «лист был изготовлен между 1 и 28⁴¹ сентября 1570 г. (с завершением полного технологического процесса)». ⁴² Пинежский экземпляр дает четкое однозначное прочтение — 7074 г. Что же мы имеем, два экземпляра одной филиграни или две филиграни, выполненные с разницей в 5 лет? Ответ на этот вопрос может быть дан только после получения точного воспроизведения филиграни из Датского архива. Все же изучение фотокопии, опубликованной Эдвардом Кинаном, и сравнение ее с пинежским экземпляром позволило нам усомниться в прочтении последней цифры как **Ѡ** (9) на экземпляре Датского архива. Кажется, оба экземпляра бумаги (напомню, что в пинежской рукописи сохранилась только левая половина листа) идентичны. В то же время при сравнении «на глаз» нашего экземпляра с фотокопией можно увидеть небольшие отличия, которые свидетельствуют о том, что форма могла подправляться или во всяком случае использовалась не один раз (титло над словом **црь**, верхняя петля в литере **З** (7), титло над датой и, наконец, верхний элемент **В** в лигатуре «**лѣѠта**» («**лѣѠта**»)). Однако все эти разночтения можно принимать с оговоркой — мы не имеем точного воспроизведения экземпляра Датского архива. В любом случае, обнаружение пинежского экземпляра противоречит

⁴⁰ Дашкевич Я. Бумага для царя С 237

⁴¹ Очевидно, в тексте опечатка, следует читать — 26 сентября

⁴² Дашкевич Я. Бумага для царя С 240

выводу С. А. Клепикова о том, что бумага сохранилась в единственном экземпляре и что лист из Датского архива всего лишь образец, изготовленный на какой-либо иностранной фабрике и посланный Ивану Грозному.

И наконец, С. А. Клепиков, не видевший самого листа бумаги Датского архива, характеризует ее как бумагу «приличного качества» на основании того, что сетка и литеры видны довольно отчетливо; по словам Э. Кинана, бумага «среднего качества».⁴³ Пинежский экземпляр действительно подтверждает, что филигрань видна отчетливо (на чистом листе она просматривается даже на поверхности листа, не на просвет). Однако качество бумажной массы далеко не безупречно, бумага грубая, неоднородная по составу.

С. А. Клепиков не уделяет внимания в своей статье важному положению, на которое обращает внимание Э. Кинан, — на совершенное несоответствие водяного знака на письме Ивана Грозного традициям всех иностранных знаков. И дело не только в том, что филигрань выполнена вязью и дата проставлена в исчислении от сотворения мира, не употреблявшемся в западных странах, но и в том, что это текстовая филигрань, аналогов которой мы не встречаем в иностранной бумаге не только XVI в., но и в более позднее время.

Таковы основные моменты, отражающие две разные точки зрения на происхождение «бумаги для царя Ивана Грозного». Пинежский экземпляр не дает окончательного ответа на вопрос о происхождении этой бумаги, но заставляет вновь вернуться к этому вопросу. Не претендуя на окончательность выводов, я могу только признать, что все вышеизложенное убеждает меня в большей достоверности предположения Э. Кинана — бумага изготовлена в России. Где именно, сказать невозможно. Бумажная мельница Федора Савинова — это единственное предприятие, о котором мы имеем историческое свидетельство. Добавить к этому можно лишь небольшую деталь — река Уча и все названные в документе из Троице-Сергиева монастыря населенные пункты находятся в 30 км от Москвы в том же направлении, в котором ведет путь (нынешнее Ярославское шоссе) в Александрову слободу, где, как известно, уже в это время фактически находилась резиденция Ивана Грозного. Возможно, попытка наладить производство бумаги патронировалась самим Иваном Грозным. Но удалось ли этой бумаге получить статус «государевой бумаги», «атрибута власти», как называет ее Я. Дашкевич, — это еще вопрос. Не слишком ли низким осталось ее качество на фоне привозного привычного для русских писцов материала? Не случайно, что в документальных источниках до сих пор обнаружен только один такой лист, не случайно и употребление пинежского листа в качестве «черного», переплетного.

Нет ответа также на вопрос, кто был мастером, изготовившим бумагу, был ли это русский мастер или иностранный. Предположение Э. Кинана о Мартине Зауре кажется нам неубедительным, предположение, высказанное, впрочем, в довольно утвердительной форме В. А. Гуляницким, о том, что этим мастером был Петр Мстиславец, не подтверждается никакими конкретными фактами.⁴⁴

Находка нового экземпляра этой бумаги несомненно свидетельствует о том, что вопрос о первых попытках бумажного производства на Руси не закрыт и исследование этого вопроса должно быть продолжено.

⁴³ Keenan Edward L Paper for the Tsar P 24

⁴⁴ См Гуляницкий В А Новые факты С 29

Воспроизведение филигрны выполнено в технике бета-радиографии заведующим Лабораторией консервации и реставрации документов РАН Д. П. Эрастовым

О. Л. НОВИКОВА, А. В. СИРЕНОВ

Сделано в Чудове*

XVI век — эпоха, от которой дошли тысячи рукописей, различные по своему уровню исполнения. Не подлежит сомнению существование многих книжных центров, где создавались и редактировались тексты, переписывались и переплетались книги. Нам известно о существовании таких центров в крупнейших монастырях: московском Чудовом, Троице-Сергиевом, Иосифо-Волоколамском, Кирилло-Белозерском, Соловецком и ряде новгородских.¹ И все же роль Москвы в развитии книжности XVI в. трудно переоценить. Здесь шла работа по составлению крупнейших историко-литературных памятников (Никоновская и Воскресенская летописи, Степенная книга, Лицевой летописный свод и др.). Именно здесь возникла традиция книгопечатания в России.

В последние десятилетия появился целый ряд работ, посвященных изучению монастырских скрипториев.² Одним из таких книжных центров являлась и самая известная из монашеских обителей — московский Чудов монастырь. Как и в других крупных монастырях, книги в чудовскую библиотеку поступали разными путями. Многие из них переписывались монахами по поручению архимандрита, другие попадали в монастырь в качестве вклада или покупки. М. Н. Тихомиров отметил, что «собрание Чудова монастыря особенно пополнялось книгами в XV—XVII вв., когда монастырь сохранял свое значение митрополичьего монастыря».³

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 02-01-00426а и Института «Открытое общество», проект RSS № 2090/887/2000

¹ См., например Костюхина Л. М. Палеография русских рукописных книг XV—XVII вв. Русский полуустав М., 1999 С. 50—58 и др.

² Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ М., Л., 1968 Т. 23 С. 143—170, Флоря Б. Н. О реконструкции состава древнерусских библиотек // Древнерусское искусство. Рукописная книга М., 1972 С. 52—59, Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера (Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков) Л., 1977, Зимин А. А. Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // Записки Отдела рукописей ГБЛ М., 1977 Вып. 38 С. 15—29, Каган М. Д. История библиотеки Ферапонтова монастыря // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв. Разные аспекты исследования СПб., 1991 С. 99—135, Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре СПб., 1996, Бобров А. Г. 1) Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV—первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв. Разные аспекты исследования СПб., 1991 С. 78—98, 2) Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси Севернорусские монастыри СПб., 2001 С. 3—123, Новикова О. Л. Рукописные книги Сыркова монастыря // Опыты по источниковедению Древнерусская книжность: археология, палеография, кодикология СПб., 1999 С. 156—185 и др.

³ Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 г. М., 1960 С. 13

Вопрос о существовании здесь скриптория неоднократно интересовал исследователей. В 1599—1600 гг. по повелению архимандрита Пафнутия здесь были написаны 12 Миней Четых (комплекс из 13 книг), книга Григория Богослова, Златоструй, Лествица, Синайский патерик. Из переписанных в 90-е гг. XVI в. известны Канон Святому Духу Максима Грека (ГИМ, Синод. 89, 1590 г.), Беседы Евангельские (1593 г.). Л. М. Костюхина выявила, что «над чудовскими рукописями трудилась целая группа монахов-писцов, представлявшая собой какое-то производственное объединение внутри монастыря», и справедливо предположила существование в Чудовом монастыре «книгописной палаты».⁴ Б. Н. Морозов выдвинул гипотезу о существовании в монастыре в последней трети XVI в. «особой каллиграфической школы».⁵ Следует отметить, что при составлении своего богатого книжного собрания Иона Думин неоднократно обращался именно к писцам Чудова монастыря.⁶ Это свидетельствует об авторитете чудовского скриптория в среде книжников конца XVI в.

В результате комплексного исследования ряда рукописей конца XVI в., на первый взгляд не связанных между собой, у нас появилась возможность соотнести их с деятельностью этого книгописного центра.

С Чудовым монастырем оказывается связанным единственный известный на сегодняшний день список Новгородской летописи, сохранившей текст обширного новгородского свода, доведенного до 1539 г., который был составлен в конце 40-х гг. XVI в., — так называемый список Дубровского (РНБ, F.IV.238). Исследователи не высказывали предположений о том, в каком скриптории был сделан этот список, неясна и история его бытования до попадания к П. П. Дубровскому. За исключением двух владельческих помет: «Ex Museo Petri Dubrowsky» (л. 1, 7), иных записей о принадлежности списка не было выявлено. Между тем по нижнему полю л. 16—19 нам удалось обнаружить следы стертой скрепы. Запись, следующая по этим листам, практически незаметна. В Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа ОР РНБ был проведен визуальный анализ видимой люминесценции бумаги. В результате на л. 16—19 нами была прочитана следующая скорописная запись: (л. 16) Книга // (л. 17) ... // (л. 18) Чюдова // (л. 19) м(о)н(а)ст(ы)ря. К сожалению, прочитать слово на л. 17 не удалось, текст здесь стерт более тщательно. Скорее всего, здесь читалось «летописец». В любом случае очевидно, что уже вскоре после создания список Новгородской летописи хранился в Чудовом монастыре.

Библиотека Чудова монастыря была достаточно богата, большая часть сохранившихся книг имеет владельческие пометы, записи о продаже и купле, многие из них представляют собой скрепы.⁷ Среди последних встречаются записи самого разнообразного содержания и формы. В ряде рукописей, относящихся к этому времени, т. е. к XVI—началу XVII в., обнаруживаются скрепы, близкие нашей. Например, на нижнем поле Хронографа (ГИМ, Чудовское собр., № 354, л. 1—4) читаем: «Книга летописец Чюдова монастыря казенная»; в Обиходе церковного пения

⁴ Костюхина Л. М. Из истории рукописного дела России XVII в. // АЕ за 1964 г. М., 1965 С. 59

⁵ Жучкова И. Л., Морозов Б. Н. Каталог славяно-русских рукописей XVI в., хранящихся в РГАДА (малоизвестные списки памятников древнерусской литературы) // 200 лет первому изданию Слова о полку Игореве. Материалы юбилейных чтений по истории и культуре Древней и Новой России 27—29 августа 2000 года. Ярославль, 2001 С. 180

⁶ См., например Беседы Евангельские 1593 г. РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 24, л. 17.

⁷ Подробнее об этом см. в статье М. Н. Тихомирова Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII вв. на рукописях Чудова монастыря С. 11—36

(ГИМ, Чудовское собр., № 60, л. 1—5) сохранилась следующая скрепа: «Книга Чудова монастыря казенная»; такая же запись сопровождает Пouchения Исаака Сирина (ГИМ, Чудовское собр., № 231). Наиболее близкая скрепа (по характеру сокращений, расположению слов и почерку) читается в мартовской Минее Четвѣй (ГИМ, Чудовское собр., № 312): «Книга Чудова монастыря».

Таким образом, есть основания считать, что список Дубровского вышел из скриптория Чудова монастыря. «Чудовская копия» была снята в конце XVI—начале XVII в. с рукописи, которая, по всей видимости, была отправлена из Новгорода митрополиту Макарию после завершения владычного свода при архиепископе Феодосии в конце 40-х гг. XVI в.

Примечательно, что комплекс филиграней бумаги списка Дубровского соответствует филиграням бумаги Чудовских Миней 1600 г. К этому же комплексу примыкают списки Степенной книги 90-х гг. XVI в., а также так называемые Годуновские Псалтири.

Степенная книга, памятник историографии 60-х гг. XVI в., была создана в окружении митрополита Афанасия.⁸ Два старейших беловых списка памятника, Томский (Томский обл. краеведч. музей, № 7903/2) и Чудовский (ГИМ, Чудовское собр., № 358), как полагают исследователи, написаны в скриптории Чудова монастыря.⁹ 90-ми гг. XVI в. датируются четыре списка Степенной книги: Думинский (РГАДА, ф. 381 (Типографская библиотека), № 346), Титовский (РНБ, собр. А. А. Титова, № 3441), Эрмитажный (РНБ, Эрмитажное собр., № 385) и Архангельский (БАН, Архангельское собр., С. 130), а также небольшой фрагмент списка — РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 807.¹⁰ Из них к Чудовскому списку, который содержит запись почерком XVI в. о принадлежности Чудову монастырю, восходят списки Титовский и Ундольского. Списки Эрмитажный и Архангельский являются копиями не дошедшего до нас оригинала редакции Ионы Думина, который, как мы полагаем, был создан в 1589 г. на основе Чудовского списка.¹¹ Думинский список, единственный датированный из списков Степенной книги XVI в., был написан по заказу Ионы Думина в 1594 г. и несет в себе черты как редакции Ионы Думина, так и Чудовского списка.¹² Традиция изготовления каллиграфически выполненных списков-копий оригинала редакции Ионы Думина продолжается до середины XVII в. Один из таких списков, РГБ, ф. 344 (собр. Шибанова), № 126, в качестве прибавления к тексту Степенной книги содержит подборку материалов о митрополите Алексии — ярлык хана Бердибека митрополиту Алексию (л. 961—962 об.) и Духовную грамоту митрополита Алексия (л. 963—963 об.). Это позволяет связывать всю традицию с Чудовым монастырем, в котором почивали мощи митрополита Алексия и осуществлялось прославление этого святого.¹³

⁸ См. Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности СПб, 1904 Ч. 1 С. 198—217 и др., Покровский Н. Н. Афанасий (в миру Андрей) // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1 С. 74—78.

⁹ Отчет о докладе Н. Н. Покровского // АЕ за 1979 г. М., 1981 С. 338—339, Покровский Н. Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI—XX вв. Новосибирск, 2001 С. 3—43.

¹⁰ Сиренов А. В. Степенная книга как исторический источник (редакции XVI—начала XVII вв.) Автореф. дисс. канд. ист. наук СПб, 2001 С. 6—7, 18.

¹¹ Сиренов А. В. Степенная книга редакции Ионы Думина // Опыт по источниковедению Древнерусская книжность редактор и текст СПб, 2000 Вып. 3 С. 267—283.

¹² Там же С. 266.

¹³ См., например, свидетельства хозяйственных книг Чудова монастыря о раздаче икон митрополита Алексия и почитании его мощей Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подгот. текста С. Н. Богатырева М., 1996 С. 36, 43, 48—50, 52, 144—147 и др.

Годуновские Псалтири представляют собой десять написанных крупным полууставом рукописей в развернутый лист с иллюстрациями на полях.¹⁴ Из предисловия, помещенного в начале каждой рукописи, мы узнаем, что Псалтири написаны в Москве в 1594—1600 гг. по заказу боярина Димитрия Ивановича Годунова и вложены им в крупнейшие монастыри и храмы страны. В предисловии каждой рукописи указана и обитель, куда рукопись вложена. Это кремлевские соборы: Успенский (ГИМ, собр. Успенского собора, № 19) и Архангельский (ГИМ, собр. Архангельского собора, № 4), монастыри: Чудов (ГИМ, Чудовское собр., № 57), Троице-Сергиев (РГБ, ф. 173/1 (собр. МДА), № 70), московский Новодевичий (РГБ, ф. 212 (собр. ОР), № 78), Кирилло-Белозерский (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 7/12), Соловецкий (РНБ, Соловецкое собр., № 748/858), костромской Ипатьевский (ГТГ) и Калязинский (ГИМ, Музейское собр., № 4062). На одном из списков (ныне: РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 7744) место вклада оказалось неписанным. На том основании, что в XVII в. список принадлежал Оружейной палате, Н. П. Лихачев, впервые обратившийся к изучению этого комплекса, выдвинул предположение, что местом написания Годуновских Псалтирей является Оружейная палата.¹⁵ Несмотря на то что о скриптории Оружейной палаты в XVI в. нам ничего не известно, предположение Н. П. Лихачева закрепились в историографии.¹⁶ Например, рассматривая книжные центры, Л. М. Костюхина для Москвы конца XVI в. называет два — Чудов монастырь и Оружейную палату.¹⁷ Отметим, что существование в 90-е гг. XVI в. скриптория в Оружейной палате — лишь смелая гипотеза Н. П. Лихачева, в наличии же скриптория в Чудовом монастыре сомневаться не приходится. Поскольку списки Псалтири написаны на бумаге того же набора филиграней, что и рукописи, предположительно или несомненно созданные в книгописной мастерской Чудова монастыря, представляется целесообразным сравнить весь комплекс рукописей между собой. Из рукописей конца XVI в., хранящихся ныне в Чудовском соборании ГИМ, несомненно написаны в скриптории Чудова монастыря так называемые Чудовские Минеи (ГИМ, Чудовское собр., № 307—317). Процесс их создания тщательно исследован Л. М. Костюхиной, и принадлежность их к чудовскому скрипторию сомнений не вызывает.¹⁸

Итак, бумага нескольких рукописей конца XVI в., по нашим наблюдениям, содержит один набор знаков. Представим выделенный комплекс сюжетов филиграней и рукописей, в которых они встречаются, в виде таблицы. В горизонтальной графе перечислены рукописи или комплексы рукописей, например Годуновские Псалтири 1594—1600 гг. и Чудовские Минеи 1599—1600 гг., поскольку единство происхождения рукописей внутри каждого комплекса сомнения не вызывает. Списки Степенной книги: Титовский, Архангельский, Думинский и Эрмитажный, а также летопись Дубровского помещены обособленно друг от друга, так как един-

¹⁴ Буслаев Ф. И. Византийская и древнерусская символика от XV до конца XVI вв. // Соч. СПб., 1910. Т. 2. С. 215—217. Вздорнов Г. И. Исследование о Киевской Псалтири М., 1978. С. 40—42. Розов Н. Н. О генеалогии русских лицевых псалтирей XIV—XVI веков // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1970. С. 226—257.

¹⁵ Лихачев Н. П. Палеографические значения бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. 182—188.

¹⁶ Дианова Т. В. Старопечатный орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. второй М., 1974. С. 325.

¹⁷ Костюхина Л. М. Палеография русских рукописных книг XV—XVII вв. Русский полуустав. С. 57.

¹⁸ Костюхина Л. М. Из истории рукописного дела России XVII века. С. 56—76.

ство их происхождения не очевидно. В таблице представлены также три рукописи из Чудовского собрания. Из них сборник ГИМ, Чудовское собр., № 236 и Псалтирь толковая (ГИМ, Чудовское собр., № 181) вложены в монастырь в 1600 г. архимандритом Чудова монастыря Пафнутием, тем самым, по благословию которого написан комплекс Чудовских Миней, а рукопись ГИМ, Чудовское собр., № 275, судя по записи на обороте верхней доски переплета, находилась в чудовской библиотеке в XVII в. Оговоримся, что в таблице мы учли только те сюжеты филиграней, которые встречаются как минимум в двух разных комплексах.

В таблицах использованы следующие условные обозначения: ГП — Годуновские Псалтири; Солов., КБ — Соловецкий и Кирилло-Белозерский списки из Годуновских Псалтирей; СК — Степенная книга; Тит., Арх., Дум., Эрм. — Титовский, Архангельский, Думинский, Эрмитажный списки Степенной книги; ЛД — летопись Дубровского; ЧМ — Чудовские Минеи; Чуд. (181, 236, 275, 307, 309, 310, 311, 313, 314, 316, 317) — рукописи из Чудовского собрания ГИМ, цифра означает номер рукописи; Кувш. (с указанием литеры) — филигрань «Кувшинчик».

	ГП	СК Тит	СК Арх	СК Дум	СК Эрм	ЛД	ЧМ	Чуд 275	Чуд 181	Чуд 236
Кувш ДР ¹⁹										
Кувш Р/ДВ										
Кувш ЕМ										
Кувш ИИ										
Кувш РО										
Кувш АН										
Кувш МГ										
Кувш Т/ВТ										
Кувш G/PL										
Кувш I596										
Nicolas Lebe										
Лилия										
Кувш P/GG										

¹⁹ Литера Р зеркально перевернута

Кроме совпадения сюжетов в большинстве случаев (кроме филиграни «Кувшинчик» с литерами P/GG) можно говорить и о тождестве форм, т. е. о том, что бумага разных комплексов с совпадающими сюжетами была отлита с одной формы (или, точнее, с одной пары параллельных форм). В помещенных ниже таблицах представлена полистная роспись форм филиграней каждого сюжета.²⁰

Кувшинчик с литерами DP			
Форма	Шифр		
	Солов	Тит	Чуд 309
А	3, 4, 5, 7, 10, 11, 14, 15, 18, 20 и др	384	47, 64, 106, 171 и др
В	1, 17, 21, 22, 23, 24, 30, 31, 34, 36 и др	383	56, 58, 71, 79, 90, 94 и др

Кувшинчик с литерами P/DВ						
Форма	Шифр					
	ЛД	Солов	КБ	Тит	Чуд 309	Чуд 314
А	474, 476, 477, 479 и др	16, 27, 28, 70—76, 79, 82, 160, 162	3, 8, 9, 11—16, 25, 29—31, 33—35	298, 301, 307, 308, 311, 317, 318, 329, 330, 335, 336, 344, 348—350, 353, 355	185, 186, 193, 194	1094, 1096
В	452, 454, 455, 456, 457, 458 и др	26, 29, 78, 80, 81, 118, 161, 163, 164	1, 2, 4—7, 10, 17—24, 26—28	297, 302, 305, 313, 315, 320, 323, 324, 237, 333, 338, 341, 346, 351, 359—361	198, 206	1095, 1097, 1098

Кувшинчик с литерами EM				
Форма	Шифр			
	Солов	Тит	Чуд 314	Чуд 316
А	438, 441, 443, 444, 446 и др	30, 34, 38, 43	1078, 1079	764, 765 и др
В	439, 440, 442, 445, 447, 448 и др	31, 35, 39, 42	1080	

Кувшинчик с литерами ИH							
Форма	Шифр						
	КБ	Арх	Чуд 307	Чуд 309	Чуд 314	Чуд 316	Чуд 181
А	72—74, 76, 77, 79, 81, 83—87	5—7, 12, 13, 15, 21, 21—23	58, 62, 135, 136, 141, 143, 144, 152 и др	159, 160, 163, 164, 171, 172, 199, 229, 233, 255, 256, 279, 288, 294 и др	1009, 1015, 1017, 1023, 1024, 1031 и др	6, 7, 8, 13, 15, 17, 382, 383, 396, 397, 398, 404, 412, 413, 414, 428	988, 1018, 1022, 1027, 1028, 1031, 1034, 1118, 1157

²⁰ Использование одной формы определяется нами по совпадению контуров филиграни. В качестве аксиомы принимается изображение, что изготовить два знака, совпадающие друг с другом не только в деталях, но и в их расположении, невозможно. Это положение наглядно иллюстрируют параллельные формы одной филиграни, составные части которых нередко совпадают, но никогда полностью не совпадает полный контур знака.

В	100, 102— 104, 107, 115, 116, 118	14, 20	5а, 59, 63, 64, 131, 132, 142, 146— 148, 153— 156 и др	202, 208, 210, 212, 214, 217, 218, 228, 235, 238, 240, 246, 249, 250 и др	1, 1011, 1013, 1019, 1026, 1029 и др	5, 388, 389, 391, 399, 405, 408, 409, 415, 420, 424—426, 429	991, 1008, 1010, 1012— 1015, 1019, 1026, 1158, 1172
---	--	--------	---	--	--	--	---

Кувшинчик с литерами РО			
Форма	Шифр		
	КБ	ЛД	Чуд 275
А	494, 496, 538	265, 266 и др	168, 173 и др
В	495	215, 217, 243 и др	

В томе Чудовских Миней (ГИМ, Чудовское собр., № 312) «Кувшинчик» с литерами РО не совпадает ни с формой А, ни с формой В рассматриваемых рукописей.

Кувшинчик с литерами АН		
Форма	Шифр	
	Тит	Арх
А	1	28, 29, 30, 36—38, 45, 46, 53, 54, 63, 65, 68, 71
В		31, 39, 44, 47, 52, 55, 60—62, 65, 69

Кувшинчик с литерами МГ		
Форма	Шифр	
	Тит	Чуд 317
А	9, 12, 13, 15, 17, 47, 58, 59, 64, 66, 72, 74, 83, 85, 87, 96, 97, 101	536 и др
В	8, 14, 19, 22—25, 50, 51, 53—55, 62, 63, 70, 76, 79, 81, 89, 91, 93, 100	532 и др

Кувшинчик с литерами Т/ВТ				
Форма	Шифр			
	Тит	Арх	ЛД	Чуд 275
А	371, 373, 376, 377, 381	105, 107, 111, 118, 121, 124, 176, 179, 182, 185, 189, 734—736	40 и др	185 и др
В	365, 367, 369, 375	109, 115, 117, 119, 120, 125, 178, 737, 747	37 и др	140, 178 и др

Кувшинчик с литерами G/PL							
Форма	Шифр						
	Арх	Чуд 307	Чуд 309	Чуд 310	Чуд 311	Чуд 313	Чуд 317
А	72, 74, 78, 80, 81, 191, 192 и др						
В	75, 83, 85, 193, 194 и др	1	1, 2	1	1, 2	1, 2	1, 2

В Чудовских Минеях на бумаге со знаком «Кувшинчик» с литерами G/PL написаны предисловия в нескольких томах. По-видимому, они были написаны одновременно, на завершающем этапе создания рукописей.

Кувшинчик с датой 1596			
Форма	Шифр		
	Тит	ЛД	Чуд 275
А	256, 259, 260	170, 271 и др	
В	262	171 и др	73/76, 74/75, 88/93

Знак Nicolas Lebe I					
Форма	Шифр				
	Солов	Тит	КБ	Чуд 310	Чуд 236
А	604	102—104, 110, 111, 113, 115, 118, 128, 134, 136, 137, 142—144, 157, 159, 161, 166, 174, 180, 181, 186, 191, 200, 206, 207, 215, 216	Первый и второй нумерованные листы в конце рукописи	1066, 1067, 1163, 1220	282, 383
В	605, 606	106, 121, 123, 124, 127, 130, 133, 140, 146, 151—153, 163, 165, 168, 169, 172, 178, 179, 183, 184, 189, 194, 195, 202—204, 209—212	1, третий нумерованный лист в конце рукописи	1063, 1073, 1160	394

Знак Nicolas Lebe II		
Форма	Шифр	
	Эрм	Чуд 310
А	Ненумеров лист перед л 268	3, 4, 223, 309, 315 и др
В	217 и др	220, 222, 226, 312 316 и др

Лилия		
Форма	Шифр	
	Дум	Чуд 314
А	256, 265, 563, 651, 697 и др	2 и др
В	172, 174, 228, 230, 269 и др	15 и др

Как видим, в рассматриваемых рукописях встречается бумага тождественных форм. То обстоятельство, что совпадающих знаков несколько, позволяет говорить об использовании одной партии бумаги. Однако мы не знаем размеров партии бумаги на российском рынке в конце XVI—начале XVII в. Поэтому использование бумаги из одной партии в нескольких рукописях еще не свидетельствует о единстве происхождения этих рукописей, поскольку одна партия бумаги могла быть достаточно большой и разойтись в несколько мест. В нашем случае данная особенность имеет место. Бумага форм, тождественных рассмотренным выше, была использована А. Неvejeй на московском Печатном дворе в двух

изданиях Минеи общей 1600 г.²¹ Отметим, что в предыдущих и последующих изданиях А. Невежи использована бумага с тем же набором филиграней. Однако филигранные, тождественные филиграням наших рукописей, содержатся только в двух изданиях Минеи 1600 г. В предшествующих и последующих изданиях Невежи мы встречаем тот же набор филиграней, но бумага здесь отлита с других форм. Таким образом, перед нами, возможно, некий «поток», состоявший из нескольких партий, сменявших друг друга. Очевидно, что источник поступления этих партий был единым.

Обратим внимание на то, что в Москве кроме типографии А. Невежи существовала и типография А. М. Радишевского. Интересно, что в изданиях, вышедших из этой типографии в 1600—1602 гг., нам не встретилась бумага с интересующим нас комплексом филиграней, которую использовал Невежа. Бумага изданий А. М. Радишевского не находит аналогов и в рассмотренных выше рукописных книгах. В этом контексте интересно наблюдение Б. Н. Морозова. Описывая рукописи XVI в. в фондах РГАДА, исследователь обнаружил два комплекса рукописей. Один комплекс — это рукописи государевых певчих дьяков, которые написаны на бумаге, близкой к использованной в изданиях А. Невежи. Другой комплекс (сборник житий: РГАДА, собр. Мазурина, № 593 и список Повести о Штильфриде: РГАДА, ф. 201, № 105) написан на бумаге, близкой к бумаге Лицевого свода. При этом бумага, на которой написана Повесть о Штильфриде, содержит также филигранные, близкие бумаге изданий А. М. Радишевского.²² Возвращаясь к комплексу Годуновских Псалтирей, отметим, что первая из них, Псалтирь 1591 г., отличалась от остальных и по тексту, и по художественному оформлению, а также по бумаге. По наблюдениям Н. П. Лихачева, Псалтирь 1591 г. была написана на той же бумаге, что и Лицевой летописный свод. То обстоятельство, что остальные 10 Псалтирей переписывались с другого оригинала и другим коллективом писцов (на это указывают отличия в тексте и художественном оформлении), указывает на то, что заказ был передан в другое учреждение, где использовалась другая партия бумаги. Таким образом, можно предположить, что в Москве рубежа XVI—XVII вв. существовали по меньшей мере два «потока», каждый из которых состоял из нескольких партий. К одному потоку относится бумага изданий А. Невежи, Годуновские Псалтири, к другому — бумага Лицевого свода и изданий Радишевского. Принадлежность рассматриваемых в настоящей работе рукописей к одной из выделенных партий, разумеется, не свидетельствует безусловно о написании их в одной скриптории. Правда, делает такую возможность вероятной.

Таким образом, интересующая нас партия бумаги оказалась как минимум в двух книжных центрах — в скриптории Чудова монастыря и на московском Печатном дворе. Не исключено, что могло быть и третье место, куда попала часть партии. Поставщиками бумаги в Москве этого времени были купцы, торговавшие бумагой в торговых рядах. Например, десятью годами ранее братия Чудова монастыря покупала бумагу в книжном ряду у новгородского купца Семена.²³ Можно думать, что купец Семен продавал свой товар не только монахам Чудова монастыря. Учитывая приведенные

²¹ См., например, РНБ, 13 10а. Предыдущие и последующие издания напечатаны на другой бумаге.

²² Морозов Б. Н. Рукописи из царских скрипториев XVI—начала XVII в. в собраниях РГАДА // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. Доклады и тезисы XIV научной конференции. Москва, 18—19 апреля 2002 г. М., 2002. С. 336—339.

²³ Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. С. 13, примеч. 14, с. 104.

наблюдения, мы не имеем возможности локализовать рукописи только по факту использования в них одной партии бумаги.

Рассматриваемые рукописи не только написаны на бумаге тождественных форм, но и имеют визуально тождественные элементы в тиснении переплетов, а также общность оформления жуков и накладных элементов застежек.

Рукопись Дубровского сохранила исконный кожаный переплет с тиснением. То, что переплет сделан сразу же по изготовлению книги, не подлежит сомнению. Несколько элементов переплетного тиснения оказываются визуально тождественными элементам переплета рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 236. Последняя же входит в группу рукописей, которые были вкладками архимандрита Пафнутия; учитывая, что его повелением были переписаны Чудовские Миней, можно думать, что эти рукописи также были созданы и переплетены в стенах Чудова монастыря. Жуки и застежки переплета списка Дубровского аналогичны таковым на переплетах Чудовских Миней (застежки с завершением в виде лапки см.: ГИМ, Чудовское собр., № 312, 313, 317; жуки двух видов см.: ГИМ, Чудовское собр., № 317). Кроме того, такие же жуки украшают более поздний переплет Думинского списка Степенной книги. Они вполне могли попасть сюда с исконного переплета.

Подобную картину визуального тождества басм и средников видим и в переплетах Годуновских Псалтирей. Так, наугольники списков Псалтири ГИМ, Чудовское собр., № 57, РНБ, Соловецкое собр., № 748/858 и РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 7/12 встречаем на переплете рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 236 и 275 и на одном из томов Чудовских Миней — ГИМ, Чудовское собр., № 312; средник рукописей РНБ, Соловецкое собр., № 748/858 и РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 7/12 встречаем на переплете рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 236.

О том, что в Чудове в последней четверти XVI в. велась переплетные работы, говорят несколько записей самих переплетчиков, например, в рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 237 помету о переплете сделал мастер, скрывший свое имя тайнописью МАКЛИ, а Лествицу (ГИМ, Чудовское собр., № 227) переплетал «своима рукама трудолюбныма» сам архимандрит Христофор.²⁴ Известны также закупки кожи для переплетения книг («ихры на белые книги») в Чудовом монастыре 1585/1586 г.²⁵

Итак, наблюдения над кодикологическими особенностями выделенной группы рукописей, созданных в 90-е гг. XVI в., позволяют предположить, что местом их изготовления был московский Чудов монастырь. Это не только расширяет наши представления о книгописной деятельности одного из наиболее крупных и известных монастырей средневековой России, но и объясняет происхождение таких памятников древнерусской письменности, как Годуновские Псалтири 1594—1600 гг., Новгородская летопись Дубровского, Титовский и Архангельский списки Степенной книги.

Данная работа является, в сущности, первым опытом атрибуции чудовскому скрипторию тех рукописей, которые вышли за пределы монастыря вскоре после написания и впоследствии оказались в разных собраниях. Привлечение новых данных и обнаружение новых рукописей в дальнейшем позволит не только расширить наше представление о продукции чудовского скриптория, но и выяснить особенности работы чудовских книгописцев.

²⁴ Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 126.

²⁵ Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 гг. С. 80.

Л. И. САЗОНОВА

**«Написахъ Тетроевангеліе»:
о терминологии книгоиздательского дела
(на материале книг кириллической печати XVI в.)**

К концу XVI в. география кириллического книгопечатания, начало которому было положено в конце XV в. изданиями Швайпольта Фиоля (Краков, 1491), инока Макария (Цетинье, 1493/1494) и поддержано в начале XVI в. Франциском Скориной (Прага, 1517), заметно расширилась. Материалы новейшего библиографического труда — «Сводного каталога»,¹ учитывающего информацию о 219 изданиях, собранную в 412 библиотеках 39 стран мира, впервые представляют книги кириллической печати второй половины XVI в. в полном объеме сохранившегося наследия, свидетельствуя о том, что в указанный период книги печатались кириллицей в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе.

Кириллическая книжность в первый век своего существования в печатном виде оказалась вовлечена в широкие историко-культурные процессы Европы. Кириллическую книгу использовали как православные — по исторически сложившейся традиции, так и представители иных христианских конфессий для пропаганды своего вероучения. Наблюдается движение памятников, напечатанных кириллицей, из западных областей (Венеция, Рим, Тюбинген) в места исторического бытования кириллической книжности, а также в пространство, традиционно занятое латиницей и глаголицей (Балканы, восточнославянские земли Речи Посполитой). Кириллическое книгопечатание развивалось на пересечении различных тенденций и многих культурных традиций, что проявилось в разноязычном репертуаре изданий, переводах с неславянских языков на славянские, многонациональном и разноконфессиональном составе книжников и печатников, внешнем облике книги,² а также в терминологии книгоиздательского дела, которая и составляет предмет настоящих заметок.

Следует обратить внимание на то, что в славянских языках XVI в. эта терминология еще не устоялась, существовало несколько традиций в обозначении печатного способа производства книг. В изданиях, связанных с традицией церковнославянского языка и направленных на православные Балканы, наблюдается употребление глаголов *стисати*, *написати*, *писати*, *исписати*, *делати* в значении «напечатать», «издать» книгу.

¹ См. Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог / Под общей ред. Л. И. Сазоновой. М., 2003.

² Подробнее см. Сазонова Л. И. Книги кириллической печати во второй половине XVI века между Римом и Москвой // Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог. М., 2003. С. 1242—1270.

Сразу следует заметить, что их использовали не только печатники, но также издатели, меценаты и духовные лица, благословившие издание. Отражая представление о преемственности и зависимости первопечатной книги от рукописной, этот понятийный аппарат восходит к начальному этапу развития книгопечатания, когда издания ориентировались на рукописную книгу, что особенно заметно, в частности, на примере шрифтов, подражающих рукописному полууставу.

Отмеченное словоупотребление характерно уже для первых изданий, вышедших из типографии, основанной в 1519 г. в Венеции сербом Божидаром Вуковичем. Унаследованная в 1546 г. его сыном Вицентием типография проработала с перерывами вплоть до конца столетия (после 1561 г. при других владельцах). В типографии Вуковичей печатался традиционный для ареала *Slavia Orthodoxa* репертуар богослужбных книг на церковнославянском языке «на просвещение всем православным христианам». Они предназначались издателями своим соплеменникам, находившимся в пределах Османской империи, — сербам и болгарам. Божидар Вукович, описывая в послесловии к первой напечатанной им книге — «Служебнику» (1519) обстоятельства организации типографии в условиях вынужденной эмиграции, употребил по отношению к своему изданию глагол *съписахъ*: «Бывшу ми тогда въ западныхъ странахъ Италскихъ, въ славнѣмъ граде Венетиани Богомъ наставляемъ и възрѣвновахъ поспѣшениемъ Святаго Духа трудолюбзнь потъщахсе съставити форми въ еже быти угодна и въсакому прочитающему и *съписахъ* душепользные книги сие Литургии <...> на просвѣщение Божественнымъ церквамъ». ³ В послесловии «Октоиха» 1537 г. (и переиздании книги 1560 г.) издатель говорит о своем труде: «Начешесе *писати* сие святыи и Божественнии гныгы глаголемыи Охтоихъ»; «Начехъ *дѣлати* сии Охтоих петогласникъ»; «Кныги сии рекоми Охтоих <...> *съписахъ и съвршихъ* съ великвиемъ трудомъ въ западныхъ странахъ...». ⁴

Продолжив печатание церковнолитургических книг, Вицентий Вукович повторил некоторые из изданий отца, воспроизведя в том числе и тексты его послесловий, а также варьируя их формулы в своих послесловиях. Мотивируя свое занятие изданием книг, он пишет: «...азъ грѣшнии и мньши въ человекѣхъ Виценцо синь господина воевода Божидара Вуковика, подьгоричанинь, желаниемъ въжделѣхъ къ душеползнымъ книгамъ испльнити недостатъчство иже умаленой и расхыщеннои измаильтѣни <...> Бывшу ми тогда въ западныхъ странахъ Итилиискихъ въ славнѣмъ градѣ Венетианѣ Богомъ наставляемъ, възрѣвновахъ поспѣшениемъ Свѣтаго Духа, трудолюбзнь подвизахся съставити формьми въеже быти угоднаи въсакому прочитающему. Того ради <...> и *съписахъ* сию душепользную гнигу Псалтирь». ⁵ Печатник Стефан из Скадара, издавший иждивением Вицентия Вуковича «Триодь постную» (1561), наследует традицию: «...ниже даннии намъ талантъ въ землю съкрыемъ <...> потъщихомсе *исписати* сие Боговдѣхновение книги Триоды». ⁶

В момент простоя в работе типографии печатник Яков Крайков, прибывший в Венецию из Македонии, «от места нарицаема София», нашел у Вицентия Вуковича старые шрифты Божидара, долгое время бывшие без употребления: «...обрѣтохъ стари калапы Божидара воевода у егова

³ Цит по Служебник Венеция, 1554 Л [239 об]—[240] Воспроизведено послесловие Служебника 1519 г

⁴ Цит по Октоих Венеция, после 1560 (переиздание Октоиха 1537 г) Л [1] об, [160] об

⁵ Псалтирь с воследованием Венеция, 1561 Л [124]

⁶ Триодь постная Венеция, 1561 Л [252] 2-го счета

сына Виценца от многими врѣмени *не писали* и почехъ *тысати* с не мале книге Часословци»,⁷ — имеется в виду печатание «Часословца» 1566 г., в котором Яков Крайков проявил себя высокопрофессиональным мастером, художником-ксилографом и редактором.⁸ Со временем типография Вуковичей обрела новых владельцев. Ее последние издания вышли в 1597 г., когда типография принадлежала издателю Джованни Антонио Рампацетто (Giovanni Antonio Rampazetto [Rampazetto]), работавшему в Венеции в 1583—1607 гг.⁹ «Молитвенник» (1597) напечатал дечанский иеромонах Савва по благословению игумена Стефана, роль которого также определяется глаголом *списати*: «Азь смѣрении игумень Стефанъ иеромонахъ от храма Прѣчистие Богородице отечеством же от Пашровикъ <...> *списахъ* сие душеспасние книги, въ них же *списахомъ* *вкратце* изложение о Божьству и синакаръ без тропарих и службу вскресния...».¹⁰

Организаторами кириллического книгопечатания на Балканах для православных южных славян, находившихся под турецким владычеством, выступали главным образом сербы, они ориентировались на венецианские издания Вуковичей. В книгах, увидевших свет в Белграде, Мркшиной Церкви, Скутари, прослеживается отмеченная терминологическая традиция.

Формула *написати*, *исписати* применительно к печатанию книги стала столь привычной, что не смущала книжников даже в ситуации, когда речь шла о «Четвероевангелии». Первая в Белграде печатная книга — знаменитое «Евангелие» (1552) издано по инициативе князя Радниша Дмитровича, на средства которого был изготовлен типографский набор («слова на типарех»), от его лица в послесловии говорится: «Богъ благоизволи церковь свою исплнити святыми книгами въ славословие и ползу прочитающимъ. Сего ради и азь Христу рабъ Радниша Дмитровикъ възрѣвновахъ поспешениемъ Святаго Духа <...> *написати* сию душеспасную книгу Четвоблаговѣстие <...> и не пошедѣхъ от моего Богоданнаго имени дондеже *съставихъ слова на типарехъ*».¹¹ Но князю не суждено было дожить до выхода издания в свет. Как сказано в предисловии, написанном от его лица: «...вънезапу прииде грѣдии часъ смърты и възеть дух мой и по смърты моеи оставихъ *сие форми* въ дому моемъ». Дело завершил Троян Гундулич из Дубровника, он перенес «формы сие» (типографский набор) в свой дом, поручив печатание «Четвероевангелия» иеромонаху Мардарию из монастыря в Мркшиной Церкви; завершение работы обозначено в выходных сведениях глаголом *свършышиесе*.¹²

Спустя несколько лет иеромонах Мардарий организовал типографию и вновь, как он пишет, «*свършыихъ* сию святую душеспасную книгу глаголемую Тетроевангелие». Он сам отлил шрифт — «слова от железа и меди»: «...азъ Христу рабъ иеромонахъ Мардарие рукодѣлисахъ *сиа слова от железа и меди* и проча съ вѣликимъ трудомъ и подвыгомъ».¹³

Печатники переходили из города в город, из страны в страну, принося с собой на новое место книгопечатное ремесло. Вслед за упомянутой «Триодью постной», напечатанной в 1561 г. в венецианской типографии Виценция Вуковича, Стефан из Скадара издал в родном городе — «въ странахъ Македонскихъ <...> въ граде Скендери» (Шкодер в совре-

⁷ Часословец Венеция, 1566 Л [122] об

⁸ Атанасов П Яков Крайков Книжовник Издател График XVI в София, 1980

⁹ Ascarelli F, Menato M La tipografia del '500 in Italia Firenze, 1989 P 394

¹⁰ Молитвенник Венеция, 1597 Л [150]—[151]

¹¹ Евангелие Белград, 1552 Л [211] об

¹² Там же Л [212] об

¹³ Евангелие Мркшина Црква, 1562 Л [211] об

менной Албании), расположенном на территории, принадлежавшей до турецкого завоевания Венецианской республике, «Триодь цветную» (1563) с тем же послесловием, что и в «Триоди постной», где в значении *издати* употреблен глагол *исписати*. Кроме того, в книге имеется еще одно послесловие со стилистическими формулами, восходящими к изданиям Божицара Вуковича: «...сътворихъ от двою рукъ слова инемъ подобиемъ еже *съписахъ и съставихъ* сию божествную наручиту книгу Трипесньцы». ¹⁴

Книжные центры в княжествах Трансильвании и Валахии с их по преимуществу православным румынским (валашским) населением входили в зону византийско-славянского влияния, они следовали той же терминологической традиции, которая наблюдается у православных книжников в Венеции и на Балканах. Отмеченные формулы отличались устойчивостью, изменялись лишь названия книг, имена меценатов и печатников. О том, что печатная книга была «написана», «списана», говорится в послесловии к изданию «Осмогласника» (1557) и от лица мецената, жупана и судьи города Брашова Ханса Бегнера, и от имени печатников — дьякона Кореси и Логофета Опря: «Сего ради и азъ жупан Ханьшь Бьгнерь судцу брашевскому възревновахъ поспѣшиемъ Святаго Духа <...> и *написахъ* сия душеспасную книгу Осмогласникъ»; «Повелѣниемъ жупанъ Ханьшь Бьгнерь судцу брашевскому азъ Христу раб Опрѣ Логофеть и диаконъ Кореси трудихся о семь и *съписахом* сие книги». ¹⁵

Дьякон Кореси, родом из Тырговиште (Валахия), ¹⁶ — наиболее примечательная фигура среди мастеров валашского книгопечатания второй половины XVI в., он печатал книги в нескольких типографиях, не только в родном городе, но также в Брашове и Себеше, работал то в одиночку, то в сотрудничестве с другими печатниками: с Логофетом Опря (Опреа), дьяком Тудором, Мануилом, с многочисленными учениками. Свою причастность к изданию «Триоди цветной» (1558) воевода Ион Петрашко, покровительствовавший книгоизданию, и печатник Кореси, трудившийся над изданием с десятию учениками, характеризуют отмеченными формулами: «Азь <...> Ионь Петрашко воѣвода <...> *написахъ* сие душеспасную книги, глаголеми Пянтикостарь»; «Азь Христу рабъ диаконъ Кореси трудивше о семь и *съписахъ* сие книги». ¹⁷

В кратком послесловии печатника Кореси к «Минее праздничной» (1568) по отношению к изданию неоднократно используется глагол *писати*: «*исписасе* сие книги» при воеводе Иоанне Александру и митрополите Евфимии, «Се азъ грѣшныи диакон Кореси *написахъ* сию книги <...> Почешесе сию книги *писати*...». ¹⁸ «Повелениемъ Иоанна Александру, замечтвшего «умаление и оскудѣние святые книги», печатные издания выходили в Трансильвании в 1568—1578 гг. В «Октоихе» (1573) сказано: «Азь <...> Ио Александру воевода въ сей Угро Влахиской сынъ великаго и прѣдобраго Ио Мирча воевода <...> сие вишереченыхъ книге глаголеми Охтоихъ трудолюбезно възделехъ и съвещахмо съ отца нашего прѣосвященнаго митрополить кирь Евфимие в сеи Влашской земли и *исписахмо* сие душеполезни книге Ох[тоих]»; «Повелѣниемъ господарь Ио Александру воевода азъ грѣшныи диаконъ Кореси *написахъ* сыи книги» с восемью

¹⁴ Триодь цветная. Скутари, 1563. Л. [222] об.

¹⁵ Осмогласник. Брашов, 1557. Л. [165].

¹⁶ «Диаконъ Кореси от Тырговиште» (Евангелие. Брашов, 1561. Л. [254]). См. также: Gheție I., Mareș A. Diaconul Coresi și izbânda scrisului în limba Română. București, 1994.

¹⁷ Триодь цветная. Тырговиште, 1558. Л. [364] об.

¹⁸ Минее праздничная. Брашов, 1568. Л. [244].

учениками; «Почеше сии книги *писати* <...> и съврѣшишеса...».¹⁹ «Псалтирь с воследованием» (1577) также напечатал дьякон Кореси «повелением» Ионна Александру, его сына, воеводы Ионна Михны, и митрополита Серафима: «Азь грѣшнии диаконъ Кореси *написахъ* сие святыя книги глаголемии Псалтирь».²⁰ В «Триоди постной» (1578): «Азь Христу рабъ Ио Александру воевод[а] <...> и сынъ мой любимой Ио Михнѣ воевода увѣдѣхъ и разумѣхъ <...> умаление и оскудѣние святыя книги <...> трудолюбезно въжделѣхъ и *исписахмо* сие душеполезни книге глаголемии Триоди»; «Повелѣниемъ господара Ио Александру воевода и сынъ его Ио Михнѣ воевода азь грѣшнии диаконъ Кореси написахъ сии книги» с пятью учениками; «Почешеса сии книги *писати*...».²¹

Печатник Кореси писал в послесловии к «Евангелию» (1579): «Азь диаконъ Кореси <...> възревновахъ поспѣшениемъ Святаго Духа и любование еже къ божествѣнимъ и святыимъ церквамъ и *написахъ* сия душеспасуня книгу Четвороблаговѣстие <...> *Написашеса* сии книги...».²² В том же 1579 г. вышло еще одно издание «Евангелия» в той же Трансильвании — в Белграде [Алба Юлия] «повелениемъ великого воеводы» Криштофа Батори, брата польского короля Стефана Батория. Книгу напечатал дьяк Лоринц: «Азь Лоринцъ диакъ трудихся о семь и *исписахъ* книги сие глаголемии Тетроевангелие».²³ Иеромонах Лаврентий с его учеником Ивановом завели при монастыре Иоанна Предтечи близ Бухареста типографию с намерением «исполнити церковь» святыми книгами, в течение 10 лет изготовили шрифты и напечатали «Четроевангелие» (1582): «Азь Христу рабъ и меншии въ иноцѣхъ иер[о]монахъ Лаврентие и съ ученикомъ моимъ Иованъ трудихмосе блызь градъ Бокурешть <...> и сътворихомъ монастыр храмъ святаго пророка Прѣдтечѣ Крестителѣи Иоана и въ немъ сътворихомъ *типари*, сие трудихомъ 10 лѣтъ дондеже съставихомъ фоурме <...> и *съписахъ* душепользние сие <...> книги Тетроевангелие».²⁴

Книжники Трансильвании и Валахии использовали при подготовке своих изданий венецианские книги Божидара Вуковича. В послесловии к «Минее праздничной» (1580) ардельский митрополит Геннадий прямо ссылается на «изводъ Божидаровъ»: «*Съписахъ* и *съставихъ* сию божествуную и м[н]огонарочитую книгу глаголемии Съборникъ, иже и въложихомъ въ немъ службы святыимъ избраннымъ праздникомъ отъ месяца септеврие до месяца августа еликаа обрѣтохъ въ изводе Божидаровѣ».²⁵ Далее следует стилистическая формула, также восходящая к изданиям венецианского издателя.²⁶ Поэтому можно уверенно полагать, что вместе с изданиями Божидара Вуковича была воспринята и терминология книгопечатного дела

В издании «Служебника» (1587), напечатанного сыномъ дьякона Кореси — Шербаномъ,²⁷ отмеченная терминологическая традиция не прослежи-

¹⁹ Октоихъ Гласы 1—4 Себеш или Брашов, 1573 Л [214], Октоихъ Гласы 5—8 Себеш или Брашов, 1575 Л [201]

²⁰ Псалтирь с воследованиемъ Себеш или Брашов, 1577 Л [172]

²¹ Триодъ постная Брашов, 1578 Л [291] об

²² Евангелие Себеш, 1579 Л [206]

²³ Евангелие Белград [Алба Юлия], 1579 Л [?] 2-го счета (послесловие)

²⁴ Евангелие Монастырь Иоанна Предтечи возле Бухареста, 1582 Л [217]

²⁵ Минее праздничная Себеш, 1580 Л [1]—[2] (послесловие)

²⁶ Формула отражает ревностное служение своему делу издателей « ни въждамъ моимъ дрѣмания и отъ богоданнаго ми имени не пошадѣхъ дондеже приспѣхъ на съврѣшение дѣлу» (Там же) Ср «Ни сна своима очима дахъ, ни пошадѣхъ отъ имени моего еже ми даль есть Богъ дондеже приходъ на съврѣшение святыя книги » (Октоихъ Венеция, 1537, после 1560 Л [160])

²⁷ «Азъ грѣшнии Шербанъ, сынъ диакон[а] Кореси» (Служебникъ Брашов, 1587 Л [105])

вается, сказано: «Почешесе сие святаы книги глаголемыя Литургия <...> и съвршися...».²⁸ Это было последнее снабженное послесловием издание, вышедшее в Трансильвании на церковнославянском языке перед полустолетним перерывом в традиции книгопечатания на этих землях.

В католических и протестантских изданиях, направлявшихся прежде всего на Балканы и использовавших близкородственные национальные языки (в отличие от православных изданий), подготовленных с участием выходцев из указанного региона, для обозначения печатания употреблялся глагол, производный от итальянского *stampare*. Переведенная на одно из хорватских наречий — «дубровницкий язык» «Наука христианская» (1583) испанского иезуита Якоба Ледесмы, как обозначено на титульном листе, «*Стампана у Мнецихъ*»;²⁹ помету «*Штампано у Бънециехъ*» имеет и широко распространенная в католическом мире книга «Служба блаженной Деве Марии» (1571), напечатанная на славянском языке хорватской редакции.³⁰

Примус Трубер, лидер словенской Реформации, при поддержке немецких аристократов-единоверцев, ставших его меценатами, организовал в Урахе, под Тюбингеном, типографию, печатавшую в 1561—1565 гг. протестантские книги на «словенском» и «хорватском» языках, кириллицей и глаголицей («ову цирулиску и глаголску *штампу* нарредили и зачели»),³¹ а также латиницей. В его изданиях употребляется применительно к издательскому делу существительное *штампа* и глагол *штампати*: «Цирулицомъ *штампали*».³² Очевидно, что Примус Трубер применил глагол, ранее появившийся в католических венецианских изданиях на хорватском языке, т. е. использовал готовый термин, уже включенный в южнославянский язык, а не заимствовал соответствующее немецкое понятие (*Druck*).

На восточную окраину славянского мира, в Московское государство, к середине XVI в. уже дошли из Западной Европы известия о новом способе производства книг в достаточном количестве и без ошибок, успешно применяемом «в Грекехъ и в Венеции и во Фригии (Германии. — Л. С.) и в прочих языцехъ».³³ Царь Иван IV (Грозный) озаботился поисками мастеров печатного дела и распорядился «устроить домъ от своєю царския казны, идѣ же печатному дѣлу строитися и нещадно даяше от своихъ царскихъ сокровищъ».³⁴ Потребность в печатных книгах была вызвана ростом церковей по всем городам, включая новоприсоединенные земли (Казань). Кроме того, перестал удовлетворять рукописный способ передачи текста церковных книг как малопроизводительный и небезупречный с точки зрения сохранности священных текстов. Западноевропейская терминология была известна русским печатникам, например, Иван Федоров и Петр Мстиславец называют типографию — «штанба, сирѣчь печатныхъ книгъ дѣло».³⁵ Но уже в послесловии к «Апостолу» (1564), первой точно датированной книге, вышедшей в Москве, для обозначения издательского дела появился термин, созданный на словарной базе собственного литературного языка, — *печатати*: «начаша *печатати* сия святаы книги».³⁶

²⁸ Там же.

²⁹ Ледесма Якоб. Наука христианская. Венеция, 1583 Л [44] об

³⁰ Служба блаженной Деве Марии. Венеция, 1571. Л. [114] об

³¹ Меланхтон Филипп. Артикулы христианской веры. Едни кратки разумни науци. Тюбинген, 1562. Л. [16].

³² Новый Завет. Тюбинген, 1563. Л. [12]

³³ Апостол. М., 1564 Л. 260—261.

³⁴ Там же.

³⁵ Часовник М., 1565. Л [171]—[173].

³⁶ Апостол. М., 1564. Л 260—261.

Этот термин и производные от него («*печатные книги*»;³⁷ «произвѣсти бы *печатными писаньми*»³⁸), встречающиеся у всех печатников XVI в. — Ивана Федорова и Петра Мстиславца, Никифора Тарасиева, Тимофея Невежи и Андроника Невежи, навсегда закрепились в традиции русского книгопечатания.

Кириллические издания на восточнославянских землях Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (Вильна, Несвиж, Заблудов, Тяпино, Львов, Острог) представляют собой область смешанной терминологии, идущей от двух традиций — преобладающей польской, заимствованной в свою очередь из немецкой, и в значительно меньшей степени — русской. Московские мастера, появившись в этом регионе, использовали местные формы, производные от корня *-друк-*, они встречаются уже в предисловиях заблудовских изданий, написанных от лица мецената, гетмана Великого княжества Литовского Г. А. Ходкевича («изобретохъ собѣ в томъ *дѣле друкарьскомъ* людеи наученых <...> сию книгу яко здавна писаную велѣлъ есми ее *выдруковати*»; «учинилъ есми также *варстать друкарьскии* в ымѣню моемъ отчизномъ в Заблудовью»),³⁹ а также на титульном листе одного из изданий магната: «Начася книга сия *друковати*».⁴⁰ В послесловии к львовскому «Апостолу» (1574) «Сия убо повѣсть изъявляет откуду начася и како съвершися *друкарня* сия» Иван Федоров писал: «*Выдруковаль* есми сию душеполезную апостольскую книгу».⁴¹ В послесловии им же напечатанного «Букваря» (1574) сказано: «*Выдруковано* во Львовѣ»⁴² В последующих изданиях московские мастера вернулись к русскому термину. Издавая при покровительстве знатных горожан Вильны, братьев Ивана и Зиновия Зарецких, «Евангелие» (1575), Петр Мстиславец отметил в послесловии, что начал «*печатати* в лѣто 7082-го в пресловущемъ граде Вилне».⁴³ О другом своем виленском издании писал: «*Напечатан* сию книгу глаголемую Псалтырь <...> пребываючи в дому благочестивыхъ мужей Козмы и Лукаша Мамоничовъ».⁴⁴ Иван Федоров употребил тот же термин в выходных сведениях «Острожской Библии» (1581): «*Напечатана* бысть сия книга глаголемаа Библия» (применил, кроме того, понятие «*тиснением печатным предложити*»».⁴⁵ Возможно, обращение к данной терминологии объясняется стремлением издателей в столь грандиозном проекте, как первое полное издание Библии, предназначенной для всего православного мира, строго придерживаться лексики церковнославянского языка и избежать местных языковых признаков. Кстати, виленский издатель В. М. Гарабурда также воспользовался московским термином: «...*напечатана* бысть сия книга, глаголемаа Осмогласникъ».⁴⁶

Для кириллического книгопечатания на этих землях характерными, как уже сказано, являются местные формы: «...сия книжка зовемаа Часовникъ <...> *выдрукована* <...> въ славномъ месте Виленскомъ, в дому и властнымъ накладомъ ихъ милости пановъ Ивана Азенова [Зиновия?] Зарецкихъ»;⁴⁷ «Евангелия писаниа святаго Матфия и святаго Марка и по-

³⁷ Часовник М, 1565 Л [171]—[173]

³⁸ Минея общая М, 1600 Л [579]—[582]

³⁹ Евангелие учительное Заблудов, 1569, Псалтырь с Часлословцем Заблудов, 1570 Л [3]—[6]

⁴⁰ Евангелие учительное Заблудов, 1569 Тит л

⁴¹ Апостол Львов, 1574 Л 260—264

⁴² Букварь Львов, 1574 Л [39] об —[40]

⁴³ Евангелие Вильна, 1575 Л 393—395 (2-го счета)

⁴⁴ Псалтырь Вильна, 1576 Л 249 об —250

⁴⁵ Библия Острог, 1581 Л 78 (6-го счета)

⁴⁶ Октоих Вильна, 1582 Л 64 об (2-го счета)

⁴⁷ Часовник Вильна, 1568/1572 Л [152]

чатокъ Луки есть в той убогой моеи *друкарни* от мене имъ *выдруковано*» (В. Тяпинский),⁴⁸ «*Выдрукована* сия книга Служебник въ славном и столечномъ градѣ Вильни»;⁴⁹ «В друкарни Братской»;⁵⁰ «*друкованья* книгъ до церкви Божихъ», «скарбный короля <...> пань Лукашъ Ивановичъ Мамоничъ <...> *выдруковати* казал сию апостольскую книгу»; «З *друкарни* дому Мамоничовъ»;⁵¹ «З *друкарнѣ* Острожское выдана есть»;⁵² «Приснопоминаемый христоролюбивый князь повелѣ еа *друковати* <...> з *друкарни* своа произведе...»;⁵³ «...для вѣчное памяти з дому своего з *друку выпустити*»;⁵⁴ «З *друкарни* острожское <...> сия книжица *выдана*».⁵⁵

Любопытным примером употребления данной терминологии является ватиканское издание, вышедшее сразу после заключения Брестской церковной унии и связанное с введением григорианского календаря в среде униатов, «Ключъ пасхалный от року Божего тисеча 596, которого року Русь отдала послушенство столицы своєю апостольской Римской и тот ключъ пасхалынъ направлься» (1596)⁵⁶ Леонарда Авеля (Abel Leonardus; ум. 1605), епископа Сидонского. Книга напечатана, как обозначено на титульном листе, «В *друкарни* Апостольской Ватыканьской». Термин *друкарня*, а также некоторые другие языковые особенности издания выдают происхождение печатника именно из восточнославянских земель Речи Посполитой.

У белорусских книжников также встретилось не имевшее широкого распространения понятие, идущее от Франциска Скорины: книга «*доконана*»⁵⁷ в значении «издание осуществлено». Кстати, у Швайпольта Фиоля аналогичный термин: «*Докончана* быс[ть] мѣщанином краковьскимъ...».⁵⁸

Таким образом, при сравнительном изучении терминологии книгоиздательского дела в первый век существования печатной кириллической книги прослеживается несколько направлений, отражающих терминологическую традицию, которой придерживался каждый из центров кириллического книгопечатания на пространстве между Римом и Москвой: *написати* (в значении «напечатать») — у Божидара Вуковича (Венеция), на Балканах, Трансильвании и Валахии; итальянизм *стампати*, *штампати* — в католических (Венеция, Рим) и протестантских (Тюбинген) изданиях; *печатати* — в Москве и Александровской слободе; *друковати* — на восточнославянских землях Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Термин славянских первопечатников *докончана*, *доконана* с неопределенной семантикой, а также понятия, идущие от рукописного способа производства книг, не вышли за пределы XVI в. Термины же, которые несли в себе образное представление о самом характере занятия книгопечатанием и обладавшие поэту прозрачностью смысла, закрепились и дожили до наших дней: *штампати* — в сербохорватском языке, *друковати* — в украинском и белорусском, *печатать* — в русском.

⁴⁸ Евангелие Тяпино, после 1580 С 2 (рукописное предисловие)

⁴⁹ Служебник Вильна, 1583 Л 297

⁵⁰ Просфонима Львов, 1591 Тит л

⁵¹ Апостол Вильна, 1591 Л [1] 3-го счета

⁵² Василий Великий Книга о постничестве Острог, 1594 Тит л

⁵³ Иоанн Златоуст Маргарит Острог, 1595 Л [3]—[3] об

⁵⁴ Евангелие учительное Вильна, 1595 Л [2] об

⁵⁵ Книжица в 10 разделах Острог, 1598 Л [1], и здесь же « *типарнымъ художествомъ напечатаномъ*» (Л [2])

⁵⁶ Авель Леонардо Ключ на пасхалию Рим, 1596 Л [2]

⁵⁷ Катехизис Несвиж, 1562 Л 251 об (3-го счета), Часовник Вильна, 1568/1572 Л [152], ср Франциск Скорина и его время Энциклопедический справочник Минск, 1990 С 95, 151

⁵⁸ Цит по Описанию изданий Швайпольта Фиоля / Сост Е Л Немировский М, 1979 Табл 17 (Описание старопечатных изданий кирилловского шрифта Вып 1)

А. В. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Сведения и заметки о кириллических печатных книгах

9. Об одной особой функции нумерации листов в ранних московских изданиях

Характеризуя Устав 1610 г., напечатанный в Москве Анисимом Михайловым Радишевским, Е. Л. Немировский подробно описывает особенности нумерации листов в книге и указывает при этом, что в ней обнаруживается 5 отдельных фолиаций и что место расположения каждой из них на листе неодинаково: номера листов проставлены соответственно вверху справа, внизу в центре, внизу слева, внизу в центре и внизу справа листа. Далее Е. Л. Немировский замечает, что «в отдельной фолиации был свой смысл. Новым счетом листов выделялся новый раздел <...>. Но простановка колонцифр в разных местах имела смысл разве лишь на листах 1-го счета, на которых помещено предисловие».¹ С этим мнением трудно согласиться, и прежде всего потому, что описанный Е. Л. Немировским случай вовсе не единичен в истории московского книгопечатания, но лишь, может быть, один из наиболее ярких.

Почти с самого начала в московских изданиях применялись либо сигнатуры, либо фолиация, и исключений из этого правила до середины 30-х гг. XVII в. почти нет.² Поэтому нужно полагать, что при отсутствии сигнатур нумерация листов должна была играть одновременно ту же роль, которая обычно возлагалась на сигнатуры, а именно: указывать порядок составления тетрадей из двойных листов и книжного блока из тетрадей. Не случайно сигнатуры стали характерным признаком именно изданий малого формата (в 8-ю долю листа), составление тетрадей которых вполне достигалось уже в ходе фальцовки развернутых листов бумаги, так как набор текста одной тетради целиком отпечатывался как раз

¹ Немировский Е. Л. Анисим Михайлов Радишевский около 1560—около 1631 М., 1997 С. 76

² Если не считать стоявшие среди московских книг особняком некоторые из изданий анонимной типографии, обладавшие и сигнатурами, и фолиацией, не всегда, впрочем, последовательно применяемыми (см. Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках Сводный каталог М., 1958 № 3—6, в дальнейшем отсылки к этому каталогу будут указываться в скобках непосредственно в тексте, см. также Вознесенский А. В. Сведения и заметки о кириллических печатных книгах 7 О сводных каталогах кириллических книг и каталоге Е. Л. Немировского // ТОДРЛ СПб., 2003 Т. 53 С. 486, сноска 78), то до изданий Бурцова (см. № 104—106, 109, 111, 112, 114, 115, следует отметить, что в изданиях в 8-ю долю листа и у Бурцова по-прежнему обнаруживаются только сигнатуры) и сигнатуры, и фолиация встречаются одновременно лишь в издании Триоди постной, напечатанной в 1621 г. (№ 42) После напечатания 1-й четверти Трефологиона в 1637 г. (№ 135) появление подобных изданий уже становится обычным

на одном развернутом листе бумаги. Типографов мог интересовать только порядок следования тетрадей в книге, что с легкостью и гарантировалось наличием сигнатур. В тех случаях, когда текст, входивший в тетрадь книги, не мог быть отпечатан только на одном развернутом листе, а в изданиях в 4-ю долю листа для этого требовалось 2 развернутых листа, во 2-ю долю листа — и вовсе 4, московские печатники отдавали предпочтение фолиации,³ поскольку применявшаяся в Москве система сигнатур (а знак сигнатуры проставлялся там только на 1-м листе тетрадей изданий) не давала указаний на порядок следования двойных листов в пределах тетради и поэтому не обеспечивала правильного составления тетради из двойных листов, тогда как фолиация, показывая общий порядок следования листов в книге, оказывалась полезной и с этой точки зрения.

Между тем, в отличие от сигнатур, имевших, как правило, общую последовательность на протяжении всего издания,⁴ нумерация листов зачастую не была единой. Так, особую фолиацию почти всегда получали предисловные части книги, которых могло быть несколько; нередко, как в упоминавшемся случае с Уставом Радишевского, на части делился и ее основной корпус; дополнительные фолиации появлялись также за счет производившихся в процессе печатания вставок, при помощи которых вносились добавления в книгу. Поэтому при рассмотрении московских изданий не составляет труда обнаружить такие, которые имеют по 2—3 отдельные фолиации, а порою и более.

Наличие в одном издании нескольких фолиаций, при том что на фолиацию возлагалась и функция, уготованная сигнатурам, создавало немалые трудности именно с точки зрения выполнения этой функции, поскольку такие издания имели налицо сразу несколько тетрадей с одинаково пронумерованными листами. В связи с этим московские типографы применили весьма оригинальный метод борьбы с создавшейся проблемой: они стали придавать колонцифрам в разных фолиациях неодинаковые местоположения, отделяя таким образом одну фолиацию от другой. Тем самым достигалась невозможность попадания тетради, принадлежащей одной части книги, в состав другой, а для правильности соположения частей при составлении книжного блока было достаточно знать порядок следования одной за другой этих разноместных фолиаций.

Главным местом расположения колонцифры в московских изданиях был до появления в них кустодов, вытеснивших постепенно колонцифру в верхнюю часть листа, вне всякого сомнения, нижний правый угол его лицевой стороны. При введении в издание новой фолиации предпочтение отдавалось уже центру нижнего поля листа, хотя порою, особенно тогда, когда в издании было более 2 фолиаций, в качестве места расположения колонцифры могли использоваться левый нижний угол (у корешка

³ Исключениями являются несколько изданий 1568—1619 гг в 4°, в которых применялись сигнатуры (см № 9, 15, 18, 19, 30, 31, 36, а также с 138, описание А), указывавшие порою даже порядок следования не тетрадью, а развернутых листов, на которых отпечатывался набор (подробнее об этом см Вознесенский А В Сведения и заметки о кириллических печатных книгах 5 Загадка московской Псалтири 1619 г // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 641—644)

⁴ Отдельный сигнатурный ряд получала, главным образом, лишь предисловная часть, печатавшаяся обычно уже после завершения работы над основным корпусом книги, однако если она была невелика, то, как правило, не снабжалась сигнатурами вовсе, тем более что средством выделения предисловной части служили еще и пустые листы (подробнее об этом см Вознесенский А В Сведения и заметки о кириллических печатных книгах 6 О пустых листах // ТОДРЛ СПб, 2003 Т 53 С 477—478)

книги),⁵ верхний правый угол⁶ и даже центр нижнего поля на обороте листа.⁷ Много реже для разделения фолиаций книги использовались другие средства, такие как прибавление к колонцифре дополнительных значков, к примеру точки с запятой⁸ или просто запятой,⁹ либо употребление для печатания колонцифр киновари.¹⁰

Важно отметить, что выполнение фолиацией функции, свойственной в первую очередь сигнатурам, привело к особому вниманию московских типографов к ошибкам, делаемым в ней в процессе печатания книги либо получающимся при расширении содержания книги. Ошибки эти, как правило, старательно исправлялись либо путем закраски неверных цифр и простановки поверх штампом правильных,¹¹ либо при помощи специальных наклеек.¹² Впрочем, для исправления ошибок в фолиации в Москве прибегали также к одному весьма необычному средству — сохранение последовательного течения нумерации листов достигалось здесь посредством

⁵ См 3-й счет листов Триоди цветной 1591 г (№ 11), 1-й счет листов Апостола 1594 г (№ 13), 1-й счет листов Минеи общей 1600 г (№ 16), 3-й счет листов Устава 1610 г (№ 28), 1-й счет листов Минеи общей 1618 г (№ 32), 1-й счет листов Апостола 1621 г (№ 40)

⁶ См 1-й счет листов Устава 1610 г (№ 28), 1-й счет листов сентябрьской Минеи служебной 1619 г (№ 35) Следует заметить, что впервые верхний правый угол как место расположения колонцифры был выбран еще в анонимной Псалтири, напечатанной после 1564 г (№ 6)

⁷ См 2-й счет листов Триоди цветной 1591 г (№ 11)

⁸ См 2-й счет листов Шестоднева 1626 г (№ 61), о котором А С Зернова не могла не сделать такого замечания «Печатано строка в строку, буква в букву с издания 1625 года, только сделана раздельная пагинация, очевидно, для одновременного печатания на двух станках 2-й счет начинается с середины фразы Чтобы брошюровщик не смешивал листов 1-го и 2-го счета, на первых 4-х листах 2-го счета, перед цифрой, обозначающей пагинацию, поставлена точка с запятой, иногда черным, иногда красным, то же на листах с цц 18, 19, 25, 26, а начиная с л 269 (27), цифра для той же цели ставится посредине строки» Скорее всего, в этом случае точка с запятой прибавлялась к колонцифрам штампом после отпечатания 4 первых тетрадей 2-й части, поскольку в них по ошибке не было изменено местоположение колонцифр (о нем вспомнили лишь при наборе 4-й тетради)

⁹ См Требник 1625 г (№ 56) После л 96 (3-го счета) в нем сделана вставка из 37 листов Подобно листам 3-го счета ее листы имеют колонцифру в центре нижнего поля листа, но с запятой, которая отсутствует, правда, на л 18, 23 и 24 Примечательно, что на место впления вставки указывает запятая, которой снабжена колонцифра л 96

¹⁰ См Минею общую 1625 г (№ 57), имеющую вставку после л 284 (2-го счета), колонцифры которой напечатаны не только в центре нижнего поля листа, но и киноварью Следует заметить, что подобный способ выделения использовался и при появлении в книге дополнительных сигнатур, см Служебник, напечатанный после 14 III 1616 (№ 31), второй сигнатурный ряд которого является киноварным, или Псалтирь 1602 г (№ 19), имеющую вставку между 17-й и 18-й тетрадами, которая также пронумерована как 18-я, но киноварью

¹¹ Наиболее распространенный на Печатном дворе способ правки изданий, приверженность к которому повлекла за собою появление специальной статьи расхода на материалы для такой правки (см Поздеева И В, Пушкин В П, Дадыкин А В Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры 1618—1652 гг От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона Исследования и публикации М, 2001 С 261, 263)

¹² См, к примеру, Евангелие 1606 г (№ 27) или сентябрьскую Минею служебную 1607 г (№ 23) Подобный способ исправления неверных колонцифр применялся еще Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем в заблудовском Евангелии учительном (см Немировский Е Л Иван Федоров в Белоруссии М, 1979 С 107) Исправления при помощи наклеек — клочков бумаги, на которые штампом наносился исправный вариант числа, слова или их фрагментов, — были приняты не только для колонцифр, они применялись и для внесения поправок в текст издания, употребляясь порою наравне с другими способами правки, как это можно видеть при сопоставлении исправлений, сделанных в разных экземплярах Псалтири 1632 г (№ 92, см экз РГБ 3707, 3923—3925)

многократного дублирования одного номера¹³ или же употребления нескольких номеров для одного листа.¹⁴

Примечательно, что все эти способы разделения фолиаций посредством изменения местоположения колонцифры употреблялись московскими типографами весьма последовательно. Единственной книгой, которую даже при наличии нескольких фолиаций печатали, располагая колонцифры только справа внизу, оказалось Евангелие.¹⁵ Лишь в начале 30-х гг. XVII в. в деятельности московских типографов стали происходить изменения, приведшие к появлению изданий, в которых уже не делалось разделения фолиаций,¹⁶ однако действительный отказ от этой особенности в организации книги, придававшей московским ранним изданиям немало своеобразия, произошел несколько позже и был связан с одним из нововведений той эпохи, выразившемся в установлении обыкновения одновременного употребления в изданиях сигнатур и фолиации, при котором фолиация уже не могла исполнять роль сигнатур в полной мере.

10. О киноарных сигнатурах в московских изданиях XVII в. (на примере изданий Псалтири)

Как известно, одной из особенностей изданий московского Печатного двора XVII в. по сравнению с современными им книгами других типографий, как принадлежащих кириллической печатной традиции, так и стоящих вне ее, было довольно обильное употребление в них помимо черной краски еще и киновари. При этом киноварь применялась главным образом для выделения рубрик книги, которыми, если учитывать, что основные интересы московского книгопечатания лежали в области издания богослужебных книг, зачастую оказывались наименования отдельных небольших молитвословий, входивших в состав церковных служб, а порою и сам текст молитвословий. Кроме того, нередко использовали киноварь и для печатания разного рода уставных и комментирующих ход службы указаний.

Сведение употребления киновари именно к выполнению функции выделения тех или иных элементов текста подчеркивают факты обращения к ней типографов при печатании орнаментики, открывающей наиболее крупные или важные разделы книги. К примеру, в Псалтири киноарными могли быть сделаны инициал, начинающий текст псалмов,¹⁷ и иници-

¹³ Нередко подобная операция производилась при вставках, делаемых в процессе печатания издания. Так, в издании Требника 1623 г (№ 49) все 16 листов вставки, расположенной между л 231 и 232, получили номер 231 с цифровыми индексами от 2 до 17, которые печатались слева от колонцифры, причем решение о такой нумерации листов вставки пришло не сразу, о чем свидетельствуют исправления номеров на листах первой из двух восьмиллистных тетрадей вставки. В том же издании можно обнаружить и л 627₂—627₄, появившиеся в связи с очевидной ошибкой в разметке тетрадей на них напечатано окончание 28-й главы книги — Чина погребения иноком.

¹⁴ См., например, Минею общую 1632 г (№ 90), в которой случайный перебой в фолиации — 286, 289 — восполняется за счет припечатывания штампом справа от номера 286 номера 287, а сверху от 289 — номера 288.

¹⁵ См. издания № 27, 37, 64.

¹⁶ См. издания Псалтири 1632 г (№ 92), Евангелия учительного 1633 г (№ 95), Требника 1633 г (№ 97).

¹⁷ Это характерно преимущественно для ранних изданий книги, см. издания 1602 (№ 19), 1622 (№ 36), 1624 (№ 51), 1625 (№ 59), 1629 (№ 71), 1631 (№ 89), 1634 (№ 104), 1636 (№ 130, 106), 1638 (№ 143), 1640 (№ 114), 1641 (№ 156), 1642 гг (№ 164) и издания, напечатанные вскоре после радикального исправления текста Псалтири 1660 (№ 288), 1661 (№ 291) и ок 1666 гг. Кроме киновари при печатании инициала для выделения начала текста псалмов применялись еще вязь (также киноварная) и рамка для маргиналий.

ал, которым открывался текст традиционно пространного для московских изданий колофона.¹⁸

На этом фоне значительно труднее находить объяснения применению киновари при печатании сигнатур — элементов издания, искавших внимания не читателей, но самих типографов, тем более что киноварь, выступив в качестве одного из средств для выделения экстраординарных частей книги в ту пору, когда и сигнатуры, и фолиация в равной мере служили для указания на порядок составления из тетрадей книжного блока,¹⁹ не была забыта и позже. Причем киноварные сигнатуры теперь не выходили за пределы общего числового ряда, отчего едва ли могли свидетельствовать о каких-то его особенностях.

Между тем если рассматривать московские издания Псалтири, по крайней мере такие, при печатании которых использовалась киноварь, то легко прийти к выводу, что уже вскоре после нового появления в Псалтири сигнатур²⁰ некоторые из них зачем-то печатались киноварью. Наличие в сигнатурном ряду киноварных знаков кажется почти случайным, поскольку характер их расстановки обычно не создает впечатления какой-либо регулярности, представляясь, напротив, зачастую довольно причудливым.

Впервые они появляются в издании 1641 г. (№ 158), в котором киноварью, насколько об этом можно судить, учитывая сохранность известных экземпляров, были напечатаны сигнатуры 3 (1-го ряда) и 8 (2-го ряда), при том, что издание состоит из 50 восьмиллистных и 3 четырехлистных тетрадей. В еще более объемном сентябрьском издании 1645 г. (№ 180) киноварными являются сигнатуры 3 (1-го ряда) и 25 (3-го ряда), а в декабрьском того же года (№ 182) — 1 и 2 (2-го ряда). В дальнейшем киноварные сигнатуры появляются чаще:

- в издании 5.IX.1650 (№ 223) — в тетрадах 3, 5, 7, 25, 26, 30, 37, 39;
- 5.XII.1650 (№ 225) — в тетрадах 25, 26, 30, 37;
- 1651 (№ 236) — в тетрадах 1, 25, 39;
- 1652 (№ 241) — в тетрадах 18—20;
- 1654 (№ 252) — в тетради 5;
- 1658²¹ — в тетрадах 12—14, 20, 24, 28, 31;
- 1660 (№ 288) — в тетрадах 3, 24, 31, 33, 39, 44;
- 1661 (№ 291) — в тетрадах 3, 12—15, 24, 28, 33, 35, 39, 42, 44—46;
- 1663 (№ 305) — в тетрадах 1 (2-го ряда), 3, 16, 17, 38, 39;
- I.1678 (№ 349) — в тетрадах 13, 14, 33, 43;
- V.1678 (№ 350) — в тетрадах 2, 13, 15, 32, 35;
- 1687²² — во всех 40 тетрадах, кроме 2-й;
- 1688 (№ 413) — в тетради 1;

¹⁸ См издания 1602 (№ 19), 1622 (№ 36), 1624 (№ 51), 1625 (№ 59), 1629 (№ 71), 1631 (№ 89), 1632 (№ 92), 1634 (№ 118, 101), 1653 (№ 245), 1654 г (№ 252)

¹⁹ См об этом в наст томе 9-ю статью цикла Вознесенский А В Сведения и заметки о кириллических печатных книгах 9 Об одной особой функции нумерации листов в ранних московских изданиях С 459—462

²⁰ Поскольку Псалтирь в Москве в первой половине XVII в печаталась только в 4-ю, реже — во 2-ю долю листа, в ее изданиях, начиная с издания 1622 г (№ 44), не было сигнатур, но печаталась только фолиация. Вновь сигнатуры появились во 2-м бурцовском издании Псалтири (19 XII 1634 — № 104) и далее, за исключением издания 1636 г (№ 130), непременно присутствовали в изданиях Псалтири

²¹ Описание этого издания см в 12-й статье цикла Вознесенский А В Сведения и заметки о кириллических печатных книгах 12 О московской Псалтири 1658 г // ТОДРЛ Т 56 (в печати)

²² Описание этого издания см Cyrillic Books printed before 1701 in British and Irish Collections A Union Catalogue / Compiled by R Clemons, C Thomas, D Radoslavova, A Voznesenskiy London The British Library, 2000 N 146

— 1693²³ — в тетрадах 5, 12, 13, 16—19, 21, 24, 26—30.

Таким образом, за исключением издания 1687 г., киноварь для печатания сигнатур использовалась очень нерегулярно, между киноварными сигнатурами возникали ряды черных, хотя порою киноварными становились несколько соседних знаков. Важно учитывать также и то, что существовали издания, в которых все сигнатуры печатались черной краской.

Понять смысл использования киновари для печатания сигнатур во всех указанных изданиях, как кажется, позволяет рассмотрение кавычно-го экземпляра Псалтири ок. 1666 г., не упомянутой в каталоге А. С. Зерновой, что и вынуждает привести здесь ее описание:

Псалгирь — [М.: Печ. двор, не ранее 27.VIII.1666].

4°

1⁸—3⁸ [4]⁴ 1⁸—46⁸ = л. [1], 1—27, [1 пустой], 1, 2, [3], 4—13, 4, 15—167, 169, 169—190, 109, [192], 193—203, 195, 205—215, [216], 217—219, [220], 221—231, [232], 233—262, 267, 264—268, [269], 270—288, 299, 290, 292, 293, 291, 294—298, 303, 300—302, 299, 304—315, 315, 317—338, фл., 340—360, 341, 342, 363, 364, 345, 346, [367] = [28, 368].

Сигнатуры черной краской (для тетрадей 2 (1-го ряда), 3, 1 (2-го ряда), 3, 12—14, 21, 34, 35, 37, 39, 41—45 киноварью) на первом листе тетрадей в центре нижнего поля листа. Нумерация листов черной краской (для л. 272 киноварью) в нижнем правом углу.

Орнаментика:

заставки: № 260 — л. 187 об., 197, 212; № 295 (с обломанным центральным навершием и без правого верхнего уголка) — л. 234; № 317 — л. 1 (1-го счета); № 362 — л. 4 (2-го счета); № 369 — л. 12 об. (2-го счета), 23, 36, 48, 59 об., 305, 346; № 370 (с начинающимся дефектом в нижней части справа) — л. 75; № 376 — л. 1 (2-го счета), 88 об., 100, 112, 125, 140 об., 152 об., 164, 175 об., 244, 272; № 554 (с продольной трещиной внизу в центре) — л. 222, 268 об.

концовки: № 600 (с дефектом в верхней части рамки) — л. 35 об., 74 об., 345 об.

инициалы: № 488 (с иным правым верхним кончиком) — л. 4 (2-го счета) — киноварный, 152 об.; № 490 (с дефектом в центре справа) — л. 125; № 496 (с обломанными правыми верхним и нижним, а также с левым верхним уголками) — л. 12 об. (2-го счета), 175 об.; № 501 (с дефектом вверху справа) — л. 112; № 509 (с дефектом внизу справа) — л. 222; № 515 — л. 23, 75; № 538 (с дефектом вверху слева) — л. 197, 234; № 543 — л. 59 об., 164; № 551 — л. 100; № 619 — л. 36, 212; № 621 — л. 244; № 622 — л. 88 об., 140 об.; № 623 — л. 48, 187 об.

рамка для маргиналий: № 454 (с большим центральным вырезом) — л. 4 (2-го счета).

Вязь — л. 4 (2-го счета).

Состав:

[1—1 об., выходные сведения];

1—4 об., символ веры Афанасия Александрийского;

5—8, изложение о вере Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского;

8 об.—12 об., изложение о вере св. Максима;

13—17, устав о Псалтири, како глаголати во все лето;

²³ См упоминание об этом издании Гусева А. А. Неизвестные издания кирилловской печати Москвы и Петербурга XVII—XVIII веков в собрании Российской государственной библиотеки // Книга Исследования и материалы М., 1994 Сб 67 С 125 № 9

17—18 об., устав о Псалтири, како глаголати во святой великий пост;

18 об.—19 об., указ о кафизмах 5-й недели св. великого поста, како глаголати;

19 об.—20 об., како глаголати Псалтирь в св. великую седмицу страстной недели;

21—24, Василия Великого о Псалтири;

24 об.—27, глаголение Августина учителя в прологе Псалтири о силе псалмов;

27—27 об., толкование Феодорита на 5-й псалом;

[1 пустой];

1—[3], како начати иноку особь пети Псалтирь;

[3] об., гравюра (царь Давид);

4—243, псалмы;

244—268, библейские песни;

268 об.—271 об., чин завершения пения Псалтири;

272—304, избранные псалмы;

305—345 об., устав всем, хотящим пети Псалтирь;

346—359 об., последование по исходе души от тела;

360—366 об., помянник;

[1 пустой].

Экземпляры РГАДА БМСТ/СПК 961 (кавычный); РНБ Q.I.1129, НСРК Q.844.

Издание это было введено в научный оборот в конце XIX в., вскоре после его поступления в собрание Имп. Публичной библиотеки,²⁴ но и тогда, и впоследствии оно интересовало исследователей лишь красочными миниатюрами на полях той его части, которая содержит текст псалмов и библейских песен.²⁵ Датировано оно было очень приблизительно.²⁶ При этом Н. Н. Розовым было отмечено, что книга имеет «огромные поля, явно оставленные специально для иллюстраций».²⁷

Более точная датировка издания стала возможна после обнаружения в собрании РГАДА его кавычного экземпляра, который отличается от кавычных экземпляров других изданий тем, что имеет на первом листе почти каждой тетради рукописную помету со словами «От стана» и с указанием номера стана и имени наборщика. И, судя по этим пометам, работа над изданием производилась следующими работниками:

²⁴ Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1891 год СПб., 1894 С 131—134

²⁵ См. Tikkanen J. J. Psalterillustration im Mittelalter. Helsingfors, 1903 S. 102 (Acta Societatis Scientiarum Fennicae T. 31, N. 5), Розов Н. Н. Иллюстрации Киевской псалтыри 1397 г. на полях старопечатной книги // ТОДРЛ. Л., 1969 Т. 24 С. 340—343

²⁶ «После 1658 г.» (см. Отчет Имп. Публичной библиотеки С. 131—132, с этой датировкой согласен и Н. Н. Розов, указавший вместе с тем, что книга отпечатана на бумаге, датируемой А. А. Гераклитовым 1643 г., см. Розов Н. Н. Иллюстрации Киевской псалтыри С. 343, сноска 8), «сер XVII в.» (Вздорнов Г. И. Исследование о Киевской Псалтири М., 1978 С. 33, сноска 50) и «кон XVII в.» (Tikkanen J. J. Psalterillustration S. 102)

²⁷ Розов Н. Н. Иллюстрации Киевской псалтыри С. 341 С. мнением этим едва ли можно согласиться «Огромные» поля в этом издании образовывались за счет того, что ширина полосы набора была весьма небольшой, но в этом Псалтирь ок. 1666 г. была схожа с другими изданиями, имевшими правленный текст и следовавшими за изданием 1658 г., которое открывало новый этап в развитии московской традиции печатания Псалтири. Следует полагать, что с этим началом нового этапа в развитии печатной Псалтири как раз и было связано появление в книге небольшой полосы набора и, соответственно, широких полей (о действии закона экономии см. подробнее в 6-й статье цикла Вознесенский А. В. Сведения и заметки о кириллических печатных книгах 6. О пустых листах С. 472—473)

1-й ряд сигнатур, тетрадь 1 — не имеет пометы, так как нет 1-го листа тетради;

тетр. 2: Тимофей Иван[ов]

(1-й стан);

тетр. 3: Федор Григорев (5);

тетр. 4: Корнил (9);

2-й ряд сигнатур, тетр.

1 — не имеет пометы;

тетр. 2: Тимофей (1);

тетр. 3, 4: Тихон (1);

тетр. 5, 6: Тимофей (1);

тетр. 7: Тихон (1);

тетр. 8: Тимофей (1);

тетр. 9: Тихон (1);

тетр. 10: Тимофей (1);

тетр. 11: Тихон (1);

тетр. 12: Федор Григорьев (5);

тетр. 13: Михей Корнильев (5);

тетр. 14—22: Федор (5);

тетр. 23: Артемей Андреев (9);

тетр. 24: Корнило Ведеников (9);

тетр. 25: Артемей (9);

тетр. 26: Корнило (9);

тетр. 27: Артемей (9);

тетр. 28: Корнило (9);

тетр. 29: Артемей (9);

тетр. 30, 31: Корнило (9);

тетр. 32, 33: Артемей (9);

тетр. 34: Корнило (9);

тетр. 35: Федор Григорьев (5);

тетр. 36: Иван Иванов (6);

тетр. 37: Михайло Овтихеев (6);

тетр. 38: нет пометы;

тетр. 39, 40: Иван (6);

тетр. 41: Михайла (6);

тетр. 42: Иван (6);

тетр. 43, 44: Михайла (6);

тетр. 45: Иван (6);

тетр. 46: Михайла (6).²⁸

Таким образом, книга печаталась на 4 станах: 1-м, 5-м, 6-м и 9-м, причем ее текст был распределен между станами довольно равномерно: 1-й стан получил тетради 1—11 основного корпуса книги и 2-ю ее предисловной части, 5-й стан — тетради 12—22, 35 и 3-ю предисловной части, 9-й стан — тетради 23—34 и 4-ю предисловной части, 6-й стан — тетради 36—46 и, вполне вероятно, 1-ю предисловной части. На каждом стане трудилось по 2 наборщика, бравших в работу по 1—2 тетради.²⁹

Примечательно, что если сравнить то, как была распределена работа между станами и наборщиками, с тем, какие из сигнатур напечатаны киноварью, то связь здесь представится вполне очевидной. Так, киноварная сигнатура 1-й тетради сигнализировала о начале набора, осуществляемого Тимофеем Ивановым,³⁰ 3-й тетради — о том, что к работе приступил и Тихон; тетради 12—14 были первыми для работников 5-го стана, а тетрадь 21 — последней для одного из них. На 9-м стане, видимо, было принято заявлять только о конце работы с предложенной им частью книги, отчего киноварной сделана лишь сигнатура последней, 34-й, тетради. 35-я тетрадь вновь набиралась на 5-м стане. Наборщики 6-го стана, по-видимому, старались отмечать не столько начало и конец своей общей работы, но свое индивидуальное участие в

²⁸ Состав наборщиков, принявших участие в создании этой книги, и позволяет ее датировать. Все они, за исключением Ивана Иванова, согласно материалам архива Печатного двора, лобезно представленным мне Е. В. Лукьяновой, упомянуты как наборщики издания, вышедшего в 1666 г. (не ранее 27 августа)

²⁹ Упоминание на 5-м стане в основном только Федора Григорьева, вероятно, следует расценивать как свидетельство его главенствующего положения среди работников, приписанных к этому стану

³⁰ Следует предположить, что 1-я тетрадь набиралась именно Тимофеем, поскольку по началу они с Тихоном распределяли между собою данное им задание не по 1, а по 2 тетради

ней, отчего и сделали киноварными сигнатуры 37-й, 39-й, 41—45-й тетрадей.

Нужно думать, что обыкновение определять границы своей работы, проявившееся в этом издании, было свойственно и наборщикам, участвовавшим в подготовке других, упомянутых выше изданий, тем более что и видимая случайность употребления киновари для печатания сигнатур легко находит объяснение в том, что разные издания могли печататься на неодинаковом количестве станов, что раздаваемые этим станам задания могли иметь в каждом случае свой объем, что самое применение или неприменение киновари зависело также от темперамента и пристрастий работников этих станов. Подтверждением подобного объяснения наличия киноварных сигнатур в поздних московских изданиях, кажется, могут служить и попытки выделения отдельных знаков в пределах сигнатурных рядов при помощи других средств. Так, в издании Псалтири 1641 г. (№ 158) наряду с киноварными сигнатурами встречаются и такие, которые помечены астериском (тетради 8, 10—13, 34, 35, 46, 47), а в издании 1685 г. (№ 395) при печатании знаков сигнатур тетрадей 1, 10, 30 были использованы не строчные, а прописные буквы.

11. О московской Псалтири 1661 г.

При работе со старопечатными книгами, особенно с теми, которые, подобно Псалтирям, из-за активного употребления жили сравнительно недолго, отчего сохранились в небольшом количестве экземпляров и, как правило, в весьма плачевном состоянии, обнаружение каждого нового экземпляра не может не радовать исследователя, вселяя в него надежду на возможное восполнение его представлений об издании или хотя бы на еще одно их подтверждение. Однако зачастую все происходит совсем не так.

Псалтирь 1661 г., напечатанная на московском Печатном дворе, долгое время была известна исследователям только по одному ее экземпляру, принадлежащему Российской национальной библиотеке в Петербурге (шифр: III.9.12). Именно этот экземпляр, имевший выходные сведения с указанием на 1661 г. и оказавшийся при том достаточно полным, позволил составить весьма подробное описание издания, попавшее затем в каталог А. С. Зерновой (№ 291). Между тем после обнаружения еще одного экземпляра издания в библиотеке Петербургского университета (шифр: Инв. ОРК 5944) появился целый ряд вопросов, без решения которых весьма трудно говорить о том, каким в действительности было издание 1661 г.

При сравнении 2 экземпляров книги оказалось, что они довольно сильно различаются, имея неодинаковый набор на 3-м и 8-м листах в 1-й тетради (л. 2 и 7),³¹ 1-м и 8-м листах 7-й тетради (л. 48, 55), 3-м и 4-м листах 11-й тетради (л. 81, 82), 1-м листе 17-й тетради (л. 126), 1-м и 8-м листах 19-й тетради (л. 142, 149), 8-м листе 21-й тетради (л. 165), 1-м листе 22-й тетради (л. 166), 5-м и 6-м листах 23-й тетради (л. 178, 179),

³¹ О состоянии 1-го (титального) и 6-го (л. 5) листов этой тетради, отсутствующих в экземпляре СПбГУ, судить невозможно, хотя, кажется, эти листы также варьировались, будучи другими двумя листами, составлявшими до фальцовки развернутый лист, на котором отпечатывался набор Об этом свидетельствует наличие в экземпляре РНБ на л. 2 и 5 отпечатков одинакового ломбарда, не применявшегося более при печатании книги и вовсе не находящегося в экземпляре СПбГУ

2-м, 3-м, 5—7-м листах 24-й тетради (л. 184, 185, 187—189), 1-м, 4-м и 5-м листах 25-й тетради (л. 191, 194, 195), 6-м листе 26-й тетради (л. 204), 1-м, 4-м, 5-м и 8-м листах 41-й тетради (л. 319, 322, 323, 326) и 1-м и 8-м листах 42-й тетради (л. 327, 334). Кроме того, и все листы тетрадей 30—39 (л. 231—310) также различаются набором,³² причем в этом случае, кажется, можно говорить даже о том, что процесс набора обоих «вариантов» происходил неодинаково, что они были при этом по-разному разделены на доли среди наборщиков.³³

Видя столь значительную вариантность экземпляров, вполне естественно было бы предположить, что в одном из экземпляров сплетены части разных изданий, тем более что этому действительно можно найти некоторые подтверждения. Так, л. 81, 82, 126 в экземпляре РНБ, вероятнее всего, попали в него из другого издания, о чем свидетельствует повторяющаяся ошибка в колонцифре, всякий раз на 2 большей той, которая должна быть, если учитывать, что издание 1661 г. имеет 2 дополнительных листа с номером 75 и, следовательно, сдвинутую на 2 единицы в этой части книги фолиацию.³⁴ Не исключено, что к попавшим из другого издания следует в том же экземпляре РНБ причислить 5 листов, вплетенных в 24-ю тетрадь, поскольку на одном из них, 5-м в тетради (л. 187), вторично проставлен не находящий себе никакого объяснения знак сигнатуры.³⁵ Однако остальные «варианты» не имеют столь ярких примет, которые свидетельствовали бы о их принадлежности к другому изданию, почему и можно было бы предположить, что они появились в процессе исправления опечаток, которое производилось после завершения печатания книги,³⁶ или, быть может, оттого, что при ее издании использовались одновременно 2 набора.³⁷

Тем не менее от этого предположения приходится отказаться, даже несмотря на то что оба «варианта» сохраняют, как упоминалось, весьма

³² Речь идет именно об ином наборе, хотя в других частях книги в исследуемых экземплярах можно найти и варианты одного набора. Так, к примеру, в процессе печати была заменена заставка № 369 на л. 196 (в экземпляре СПбГУ: № 370) и исправлена колонцифра л. 317 (в экземпляре СПбГУ: № 309); на л. 357 об. в наборе исправлено 2 строки: 11-я, в которой *чѣко любѣиѣ* было заменено на *чѣколюбиѣ*, и 15-я, в которой в слове *амин* была сделана несколько большая разрядка между буквами *а* и *м*, поскольку буква *а* печаталась киноварью и из-за малого расстояния между буквами при совмещении черного и киноварного оттисков происходил наезд одного на другой (более поздний вариант дает экземпляр СПбГУ).

³³ Об этом свидетельствует различная помета киноварью сигнатур тетрадей: в экземпляре РНБ киноварной является сигнатура 34-й тетради, в экземпляре СПбГУ — 33-й тетради

³⁴ Из известных изданий, близких Псалтири 1661 г., только издание 1666 г. не имеет никакой сдвижки в последовательности фолиации.

³⁵ Издание, в котором было бы такое разделение книги на тетради, неизвестно. Вместе с тем эти 5 листов в экземпляре РНБ заметно отличаются от других 3 из той же тетради шириною набора (89—90 мм против 86—87; в экземпляре СПбГУ все 8 имеют ширину набора 85—87 мм).

³⁶ См. об этом: Лукьянова Е. В. Старопечатные книги и архив Московского печатного двора // Московские кирилловские издания XVI—XVII вв. в собраниях РГАДА. Каталог / Сост. Е. В. Лукьянова, Л. Н. Горбунова. М., 1996. Вып. 1: 1556—1625. С. 32—33

³⁷ Подобная практика известна, так печаталась мартовская половина Пролога в 1643 г. (см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати... № 167, Круминг А. А. Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // Славяноведение. (М.), 1998. № 2. С. 56—57; Дадыкин А. В. О производстве и распространении первых двух изданий Пролога на Московском печатном дворе (по данным Архива Приказа книгопечатного дела) // Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618—1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001. С. 125).

специфический счет листов, сразу отличающий их от близких по времени изданий, а именно от издания 1660 г., в фолиации которого дублировался лист № 15, отчего после этого листа в ней обнаруживается смещение на 1 против правильного счета листов, и от издания ок. 1666 г., при печатании которого в фолиации не было допущено ошибок, поставивших бы ее в противоречие по отношению к правильной. Исследуемое издание выдерживало правильный счет листов до л. 75, после чего, имея сразу три 75-х листа, его фолиация стала отличаться на 2 от правильной и на 1 от той, которая была в издании 1660 г. Пропуск в последовательности номеров числа 174 сделал затем фолиацию этого издания похожей на фолиацию издания 1660 г. Подобные ошибки крайне редко повторялись при переиздании книги, поэтому если «варианты», обнаруживаемые в двух экземплярах Псалтири 1661 г., представляют собою части разных изданий, то эти издания должны быть довольно близки по времени выхода.

О том, что речь здесь идет именно о двух изданиях, свидетельствует прежде всего то, что обнаруживаемые в экземплярах варианты представляют собою оттиски не с двух различающихся наборов одинакового текста, а с двух схожих наборов различающегося текста, один из которых был, несомненно, произведен позже другого. На это показывает целый ряд признаков, среди которых в первую очередь нужно отметить достаточно серьезные исправления текста, такие, как замена слова *расташа* словом *расташаса* (в экземпляре РНБ, «варианты» которого и должны быть признаны более поздними, л. 244 об., строка 9) или добавление слова *день* в двух указаниях дат праздников в избранных псалмах (там же, л. 289, стр. 12; л. 293, стр. 4).

Различаются тексты также графикой и орфографией: *нашым'* (СПбГУ) — *нашим'* (РНБ, л. 165, стр. 15), *востоци* — *востоцы* (л. 165 об., стр. 5), *Множицею* — *Мнѡжицею* (л. 178, стр. 3—4), *его* — *егѡ* (л. 178, стр. 5), *множествѡ* — *мнѡжествѡ* (л. 178, стр. 11), *псалмовѡ* — *псалмѡвѡ* (л. 241 об., стр. 9), *зелѣнѣи* — *зелѣнѣи* (л. 244, стр. 7), *ненавидѣшимъ* — *ненавидѣшимъ* (л. 250 об., стр. 5—6), *халденстѣи* — *халдѣистѣи* (л. 261 об., стр. 15), *звѣзды* — *звѣзды* (л. 263 об., стр. 4—5), *алчѡцыа* — *алчѡцыа* (л. 265 об., стр. 13), *его* — *егѡ* (л. 272, стр. 11), *вѣи* — *вѣи* (л. 281, стр. 7), *вѣгословено* — *вѣгословенно* (л. 282, стр. 14—15), *ізраилевѡ* — *ізраилевѡ* (л. 282 об., стр. 3), *вѣжественное* — *вѣжественное* (л. 286, стр. 5—6), *вѣтрѣно* — *вѣтрѣнно* (л. 286 об., стр. 3), *истиною* — *истинною* (л. 289 об., стр. 8), *истинѡ* — *истиннѡ* (л. 293 об., стр. 14), *оѣи* — *оѣи* (л. 304, стр. 8), *земленѣи* — *земленѣи* (л. 304, стр. 9), *чѣвци* — *чѣвци* (л. 304, стр. 10), *выша* — *выша* (л. 304, кустод), *выша* — *выша* (л. 304 об., стр. 1), *искѡшена* — *искѡшена* (л. 304 об., стр. 7), *невещественна* — *невещественна* (л. 304 об., стр. 8—9), *мыслѣнаа* — *мыслѣннаа* (л. 304 об., стр. 10), *нашѡхъ* — *нашѡхъ* (л. 322 об., стр. 9), *вѣжественнагѡ* — *вѣжественнагѡ* (л. 327 об., стр. 14—15).

При этом в указанных различиях, если не учитывать некоторых колебаний в написаниях, вроде мены *ѣ* и *ѣ*, *з* и *з* или *ѡ* и *ю* после *ч*, очевидно влияние вполне определенных тенденций замены одних написаний другими. И особенно интересен здесь случай замены *ізраилевѡ* на *ізраилевѡ*, поскольку форма *ізраилевѡ*, наряду с написанием *давѣдъ* вместо *давѣдѡ*, стала одним из ярчайших признаков правки текста Псалтири, осуществленной впервые в издании 1658 г., и, возможно, поэтому неоднократно встречается там напечатанной без сокращения. Нет сомнения, что написание *ізраилевѡ* в экземпляре РНБ появилось в результате ошибки

наборщика, но ошибка эта показывает, что важная для этапа правки форма не воспринималась уже в качестве таковой.³⁸

Дополнительные доказательства более позднего появления на свет варьирующей части экземпляра РНБ можно найти при сравнении кустодов в нем и экземпляре СПбГУ, тем более что издания, в них представленные, совсем не далеко отстоят по времени печатания от Псалтири 1658 г., в которой и обнаруживаются впервые кустоды. Подобно построчному распределению текста, кустоды не оказывались вне внимания наборщиков в процессе удовлетворения их устремлений, связанных с улучшением внешнего вида наборной полосы. Обычной тенденцией усовершенствования кустодов, о чем свидетельствует сравнение издания 1660 г. с экземпляром СПбГУ³⁹ или, к примеру, майской Псалтири 1678 г. с изданием 1680 г.,⁴⁰ было их укорочение. И такое укорочение кустодов, как правило, обнаруживается и в экземпляре РНБ, если сопоставить его с экземпляром СПбГУ (см. л. 126, 165, 254 об., 271 об., 288, более длинный кустод находится в нем лишь однажды: л. 268 об.).

Наконец, выявив случаи несходства «вариантов» из экземпляров СПбГУ и РНБ и сравнив их с изданиями 1660-х гг., трудно не прийти к выводу, что экземпляр СПбГУ ближе к изданию 1660 г., тогда как экземпляр РНБ — к изданию ок. 1666 г. Все это и заставляет полагать, что «варианты» экземпляров СПбГУ и РНБ представляют собою 2 разных издания, одно из которых (экземпляр РНБ) является более поздним, причем та часть книги, которая оказалась общей для обоих экземпляров, составляет единое целое с «вариантами» экземпляра СПбГУ. Об этом свидетельствует, кроме близости и этой части к изданию 1660 г., а также много меньшего, сравнительно с экземпляром РНБ, количества ошибок в «вариантах» экземпляра СПбГУ,⁴¹ еще и состояние заставки № 554. В общей для обоих экземпляров части книги эта заставка еще не имеет трещины в нижней части доски (см. л. 12 об., 36, 98), а в варьирующей части экземпляра РНБ она появляется уже с трещиной (л. 267 об.).⁴² Это обстоятельство позволяет датировать варьирующуюся часть экземпляра РНБ временем после 30.VI.1663.

³⁸ О том, что в этом нужно видеть именно тенденцию развития текста, говорят случаи печатания этого слова в сокращенной форме, не позволяющей судить, какова 2-я буква слова, т е *билевъ* (ср экземпляры РНБ и СПбГУ, л 266, кустод) Подобные изменения обнаруживаются и в экземпляре СПбГУ сравнительно с изданием 1660 г (см, к примеру, л 223 об, стр 6, л 224, стр 6, л 240, кустод)

³⁹ См л 2 об, 42 (в СПбГУ 43), 52 (53), 53 (54) об, 56 (57), 60 (61) об, 65 (66) об, 69 (70), 76 (75₃), 77 (76) и мн др Обратное явление, замена более короткого кустада более длинным, замечена лишь в нескольких случаях, см л 75 (75₂) об, 106 (105) об, 149 (148) об, 153 (152) об, 160 (159) об, 161 (160), 165 (164), 165 (164) об, в которых, возможно, отразились предпочтения одного и того же наборщика

⁴⁰ В издании 1678 г представлен, сравнительно с изданиями 1660-х гг совсем иной тип книги, но изменения, производимые с кустодами, те же, см л 35, 38, 74 об, 77, 80, 100 об, 107, 120, 173, 174, 177 об, 178, 187 об, 190 об, 195 об, 211, 226, 239, 262, 267, 271, 327, противоположные изменения см л 57, 104 об, 227 об, 256 об, 258, 291, 6 (2-го счета), 8, 10

⁴¹ Крайне неряшливая печать является одним из признаков изданий 2-й четверти 1660-х гг, см, например, Псалтирь 1663 г

⁴² Согласно наблюдениям А С Зерновой, трещина в доске появляется в издании Минеи общей с праздничной, вышедшей 30 VI 1663 (№ 303), причем «начиная со второго отпечатка» (см Зернова А С Указатель к Альбому орнаментики книг московской печати XVI—XVII веков М, 1952 С 67) Замечу, что разрушение заставки произошло раньше, а именно тогда, когда с нее производили первый отпечаток (л 254), поскольку в экземплярах БАН 1323сп, СПбГУ АИ 550 обнаруживается ее оттиск уже с трещиной (в экземплярах БАН 1324сп, 1325сп, 18 П I и РНБ IV 5 6^{а-г} — без трещины)

Другая временная граница выводится из сравнения изучаемого экземпляра РНБ с изданием ок. 1666 г., которое печаталось, без всякого сомнения, позже варьирующейся части экземпляра РНБ.⁴³ Поэтому можно предположить, что в экземпляр РНБ попали фрагменты несохранившегося издания, выпущенного 15.V.1665, так как издававшиеся между 1663 (после Минеи общей с праздничной) и 1666 гг. Псалтири имели одна — совсем иной текст и состав,⁴⁴ другая — мелкий шрифт.⁴⁵

---

⁴³ Об этом свидетельствует, к примеру, не учитываемое еще в экземпляре РНБ изменение, внесенное в кавычный экземпляр издания ок. 1666 г и обнаруживаемое затем во всех позднейших изданиях, а именно раскрытие после первой из подборок избранных псалмов (на рождество Богородицы) обычной для них заключительной формулы слава, и нынѣ, аллилуѣа ꙗкѣ слава, и нынѣ, аллилуѣа, аллилуѣа аллилуѣа, слава тебѣ еже, трижды Изменение это, нужно думать, стало реакцией на решения соборов 1666—1667 гг

⁴⁴ Издание 1663 г печаталось с неправленной еще Псалтири 1654 г, возможно, отчасти как ее восполнение, о чем можно судить по указанию в выходных сведениях на то, что Псалтирь 1654 г «тогда в т < > лѣто за некое неѣпражне < > мѣ нѣчимъ не совершнсѣ»

⁴⁵ В феврале 1664 г была издана Псалтирь «мелкой печати» Мне хотелось бы принести искреннюю и глубокую благодарность Е В Лукьяновой, сообщившей мне обнаруженные ею в архивных материалах сведения касательно изданий Псалтири в 1664 и 1665 гг

Е. В. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

Формирование и смена систем расстановки книг в библиотеке Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв.¹

Каждому исследователю-источниковеду, обращавшемуся к хранящейся ныне в Отделе рукописей РНБ библиотеке рукописных книг Соловецкого монастыря, хорошо известен запоминающийся внешний признак, отличающий все рукописи этого собрания, — наклейка в верхней части корешка переплета, на которой крупными буквами (в большинстве случаев полууставом) обозначено название книги и указан номер. Некоторые рукописи и на внешних сторонах крышек переплета имеют наклейки (часто сохранившиеся фрагментарно) с выцветшими надписями крупным и аккуратным скорописным почерком, сообщающими имя того или иного знаменитого вкладчика, место или время создания рукописи и т. п.

Когда же появились эти наклейки на переплетах и всегда ли библиотека крупнейшего севернорусского монастыря имела ту структуру, которую она имеет сегодня и которая отражена в современной инвентарной описи Соловецкого собрания?

Для ответа на этот вопрос прежде всего обратимся к составлявшимся при смене настоятелей описям имущества Соловецкого монастыря, которые являются ценнейшим источником для изучения самых разных сторон монастырской истории.²

Всего нам сейчас известно 15 описей Соловецкого монастыря XVI—XVIII вв., причем 5 описей XVI в. являются наиболее полно сохранившимся древнейшим корпусом документов этого жанра.³ Текстологическое исследование описей показало, что основным принципом их составления

¹ Работа проведена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-01-00014а).

² Для изучения систем расстановки книг в средневековых русских библиотеках данные сохранившихся описей имущества русских монастырей были использованы Н. Н. Зарубиным, см.: Зарубин Н. Н. Очерки по истории библиотечного дела в Древней Руси. Применение форматного принципа к расстановке книг в древнерусских библиотеках и его возникновение // Сборник Российской Публичной библиотеки. Т. 2: Материалы и исследования, вып. 1. Пг., 1924. С. 190—229. Однако в этих целях соловецкие описи не были привлечены исследователем (упомянута лишь одна соловецкая опись 1676 г.), хотя материалы остающегося до сих пор не обработанным личного фонда Н. Н. Зарубина (ОР БАН) свидетельствуют о том, что он, опираясь на данные соловецких описей, проводил специальную работу по идентификации сохранившихся рукописей соловецкой библиотеки. К сожалению, эта работа осталась незавершенной. Благодарю О. В. Панченко за указание места хранения этих материалов.

³ Соловецкие описи XVI в. введены в научный оборот и частично опубликованы М. В. Кукушкиной, использовавшей их для реконструкции состава монастырской библиотеки, см.: Кукушкина М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 357—372; АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 341—356, см также: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 69—102.

был принцип топографический, т. е. существовал определенный маршрут обхода монастыря и от этого маршрута зависела последовательность описания предметов: предметы регистрировались в том порядке, который соответствовал их реальному местонахождению на момент составления описания монастыря.⁴ Именно это и позволяет выявить систему хранения книг в Соловецком монастыре в то или иное время.

Процесс формирования определенной, функциональной в своей основе системы расстановки книг в монастырской библиотеке в XVI в. мы подробно рассмотрели в специальном исследовании, сопровождающем публикацию полных текстов соловецких описей XVI в.⁵ Поэтому в настоящей статье, кратко отметив лишь главные наблюдения, сделанные на основе описей XVI в., сосредоточим внимание на последующей истории «библиотечного дела» в Соловецком монастыре.

В самой первой соловецкой описи 1514 г.⁶ книги зарегистрированы в ряду имущества, хранившегося в казне. Анализируя последовательность регистрации книг в описи, приходим к выводу о том, что расстановка книг в казне (очевидно, на полках, так как никакие коробки или сундуки в этой части текста не упомянуты) не подчинялась какому-либо принципу: предметная систематизация не прослеживается (книги одинакового содержания встречаются в разных местах текста), нельзя говорить и о форматном подходе (формат книг указан в тексте описи эпизодически и, скорее всего, не играл существенной роли при расстановке книг). Более важным фактором, как видно из текста описи, была прежняя принадлежность рукописи тому или иному владельцу: часто указано имя вкладчика или бывшего владельца книги, отдельный перечень составляют книги бывшего игумена Досифея.

Следующие три соловецкие описи до нас не дошли,⁷ а сохранившаяся монастырская опись 1549 г.⁸ дает принципиально новую, по сравнению с описью 1514 г., картину монастырской библиотеки. Поскольку книги зарегистрированы не в ряду имущества, хранившегося в казне, а при описании вещей, находившихся в храмах, можно заключить, что библиотека хранилась уже не в казне, а при одном из храмов (скорее всего, в Спасо-Преображенском соборе).⁹ Когда книги приходили в ветхость, их передавали в казну, о чем свидетельствует следующее добавление: «Да дватцать и две книги старые, говорити по них не мочно, отложены в казну».¹⁰ В том, как книги зарегистрированы в описи, можно усмотреть определенную систему, которая, очевидно, отражала реальную расстановку

⁴ Подробно см. Крушельницкая Е. В. Описи строений и имущества Соловецкого монастыря XVI в. кодикологические и текстологические особенности, датировка, структура текста // Книжные центры Древней Руси Соловецкий монастырь СПб, 2001 С. 255—281

⁵ Описи Соловецкого монастыря XVI в. Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик СПб, 2003

⁶ РГАДА, ф. 1201, оп. 7, № 1, Описи Соловецкого монастыря XVI в. С. 29—38. Отводная опись от игумена Евфимия священнику Геласию. В описи перечислено 114 рукописных книг монастырской библиотеки, из которых 42 вложены Досифеем, кроме того, 8 книг хранились отдельно от основного собрания в казне в коробьях вместе с другим имуществом, принадлежавшим разным лицам, еще 5 напрестольных Евангелий находились в храмах

⁷ Судя по отводным книгам крепостной казны XVII в., эти описи в XVII в. еще хранились в монастырском архиве (см., например, самую старшую опись крепостной казны Соловецкого монастыря, относящуюся к 1639 г. РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 37, л. 15 об.—16)

⁸ РГАДА, ф. 1201, оп. 7, № 2, Описи Соловецкого монастыря XVI в. С. 39—52. Отводная опись игумену Филиппу Кольчеву. Перечислено 273 рукописные книги, причем книги Досифея учтены в общем перечне

⁹ Здесь библиотека находилась до начала XVII в., каменное книгохранилище было построено лишь в 1602 г.

¹⁰ РГАДА, ф. 1201, оп. 7, № 2, сст. 12, Описи Соловецкого монастыря XVI в. С. 47

книг. Принцип описания следующий: в одной статье описи объединены книги одного и того же содержания (и типа, если книга относится к книгам Священного Писания), имеющие одинаковый формат. Если имеется несколько книг одного содержания (типа) и разных форматов, то сначала суммарно регистрируются книги в десть, а затем отдельно суммируются книги в полдесть. Одна книга составляет отдельную статью описания в том случае, если она отличается от других содержанием (типом) или форматом. Часто формат книги, если книга с таким содержанием имеется в библиотеке в единственном числе, не указывается, так как в этом не было необходимости при учете. Таким образом, анализируя порядок регистрации книг в описи, можно зрительно представить себе полки монастырской библиотеки, на которых стоят подряд книги разных форматов, однако не просто вперемежку, а объединенные в группы по принципу сходства содержания (в книгах Священного Писания и при учете типа) и, уже внутри этой группы, по принципу формата.¹¹ Предметная систематизация в расстановке книг проста: сначала перечислены книги Священного Писания (в том числе толковые) и книги богослужебные, а затем четьи. Если в первом разделе проведено строгое распределение книг по содержанию и типу, то в списке четьих книг какой-либо более дробной предметной систематизации не прослеживается. Более того, оказывается, что Лествицы в полдесть далеко отстоят от Лествиц в десть. Очевидно, что главным критерием определения места книги на полке библиотеки была ее функция — могла она быть применена при богослужении или нет. Поэтому принцип такой расстановки может быть назван «функционально-предметно-форматным».

В описи 1570 г.¹² расстановка книг подчиняется тому же порядку, который выявляется и по описи 1549 г., но с определенной эволюцией предметной систематизации, причину которой можно видеть в функциональном использовании книг библиотеки. Сначала в описи 1570 г. перечислены книги Священного Писания и богослужебные, затем следует блок четьих книг (в круг четьих книг попали, однако, и Псалтыри, что говорит об относительности понятия «четья книга» и о функциональном содержании этого понятия: Псалтырь, являясь книгой богослужебной, использовалась, например, при обучении чтению), а затем зарегистрирована еще одна группа богослужебных книг. В отличие от тех, которые стоят впереди и относятся к общецерковному богослужению, завершающие список богослужебные книги используются и в общем, и в частном (Служебник, Октоих), или же только в частном (Требник, Канонник) богослужении. Т. е. на последних полках стояли те книги, которые чаще выдавались в кельи. В этом же списке находим Лествицу, Сборник, Измарагд и Жития святых (все книги в десть), видимо, тоже «выдававшиеся на руки».

Опись 1582 г.¹³ дошла до нас без окончания, текст ее обрывается как раз на середине перечня книг. За исключением количественных изменений и добавлений новых по содержанию книг, наблюдается в ряде случаев

¹¹ Н. Н. Зарубин назвал это форматным принципом, см. Зарубин Н. Н. Очерки по истории библиотечного дела в Древней Руси. С. 214.

¹² РГАДА, ф. 1201, оп. 7, № 3, № 4 (фрагменты), СПБ ИИ РАН, колл. 2, № 121, Описи Соловецкого монастыря XVI в. С. 53—85. Отводная опись игумену Варлааму зарегистрировано 308 рукописных книг. Отдельный перечень составляют 20 наместольных Евангелий, поступивших в монастырь после переписи монастыря 1549 г.

¹³ СПБ ИИ РАН, колл. 2, № 124, Описи Соловецкого монастыря XVI в. С. 86—116. Отводная опись игумену Иакову. Неполный перечень содержит 177 книг. В ризнице 19 наместольных Евангелий, из которых 1 печатное.

только перестановка статей местами, что, очевидно, соответствовало реальной расстановке книг на момент составления описи. Начиная с описи 1582 г., напрестольные Евангелия числятся уже совершенно отдельно от других книг, между перечнем церковных сосудов и перед облачениями, т. е. в ряду имущества, хранившегося в ризнице.

Важное структурное изменение в системе расстановки книг в монастырской библиотеке позволяет заметить опись 1597 г.¹⁴ Перечень книг состоит в этой описи из двух разделов. Первый имеет очевидную текстологическую связь с сохранившимся фрагментом описания книг 1582 г. и с описью 1570 г. Второй раздел выделяется структурой описания: книги зарегистрированы с указанием имен вкладчиков, и сам перечень сформирован по принципу, сходному с принципом записи во вкладных книгах. Главным критерием здесь оказывается бывшая принадлежность книги тому или иному лицу, при этом ни предметная, ни форматная зависимости не прослеживаются.¹⁵ Можно предположить, что сформировавшаяся к середине XVI в. система хранения и расстановки книг (при том, что состав библиотеки постоянно изменялся — книги прибывали и могли выбывать из нее) поддерживалась по отношению к основному массиву библиотеки. Но в конце XVI в. по каким-то причинам вновь поступившую книгу могли не добавлять к соответствующей по содержанию и формату группе книг, а просто ставить в продолжение книжного ряда на очередной полке. Во многих случаях наблюдается четкая группировка книг по принципу бывшего владельца или вкладчика. Это может быть следствием работы по приведению в порядок библиотеки одного из книгохранителей или же монастырских старцев, который проявлял специальный интерес к истории книги и решил именно таким образом расставить часть книг. Заметим, что в этом разделе описи 1597 г. мы впервые читаем перечень книг Филиппа Колычева или же книг, вложенных в монастырь Сильвестром Благовещенским, судя по вкладным записям, в 1552 г. Эти книги, уже давно поступившие в библиотеку, регистрировались предшествующими описями без признака принадлежности и, видимо, имели другое место на полках, в соответствии с их содержанием и форматом. Кончается «именной» раздел перечнем книг, вложенных игуменом Иаковом, от которого описью 1597 г. «отводили» монастырь следующему игумену Исидору. Систематический учет имен бывших владельцев книг определяет уникальность и особую ценность описи 1597 г. для идентификации упомянутых книг с сохранившимся корпусом соловецкой библиотеки.

Опись 1604 г.¹⁶ и представляет следующий важный этап систематизации расстановки книг монастырской библиотеки. Прежде всего, «именной» раздел, зафиксированный описью 1597 г., оказывается расформированным, и книги этого раздела включены в общий список в соответствии с их содержанием. Опись 1604 г. лишь в нескольких исключительно важных случаях упоминает имена бывших владельцев книг — это преп. Зосима, Иван Грозный, игумен Филипп. Предметная расстановка книг значительно упорядочена. К примеру, Псалтыри, которые в предшествую-

¹⁴ СПБ ИИ РАН, колл 2, № 127, Описи Соловецкого монастыря XVI в. С 117—169 Отводная опись игумену Исидору В библиотеке упомянуто 497 книг, из которых 36 печатных, в ризнице 22 книги, в том числе 2 печатных

¹⁵ Вероятно, эта особенность могла наблюдаться и в тексте описи 1582 г. перечень книг в Описи 1582 г. обрывается, не достигая того места, где мог начинаться рассматриваемый раздел

¹⁶ СПБ ИИ РАН, колл 2, № 128 Отводная опись игумену Антонию Зарегистрировано всего 537 книг (в библиотеке 523 книги, из них 61 печатная, в ризнице 14 напрестольных Евангелий, из них 2 печатных)

щих описях числились в разделе четых книг, переставлены так, что завершают список книг Священного Писания и стоят перед Минеями, т. е. книгами общественного богослужения и чтения; Уставы перенесены в самое начало, стоят перед Евангелиями. В этом можно видеть усиление принципа функциональности расстановки: действительно, Устав необходим для ежедневного составления службы, и, конечно, такое руководство и справочник удобно держать на первом месте, в начале полки. Более строго выдержан в описи 1604 г. порядок учета (а значит, и расстановки) книг одного содержания (и типа): как правило, первыми стоят книги печатные в десть, затем письменные в десть, затем печатные в полдесть, затем письменные в полдесть и т. д.

Следующая опись 1613 г.¹⁷ свидетельствует о том, что в монастырской библиотеке сохраняется уже выработанный функциональный порядок расстановки: сначала стоят Уставы, затем книги Священного Писания, за ними книги общественного богослужения и чтения, далее книги четьи и в конце — чаще выдававшиеся в кельи книги общественного и частного богослужения. В самом конце списка перечислено несколько книг разного содержания, видимо, к моменту описания «не расставленных» на свои места или же не имевших еще своих мест в соответствующих разделах (например, оттого, что, как указано в описи, книги были «недописаны в тетратех», без переплетов). Список этих книг предваряется подзаголовком «Книги розные в тетрадах и в коже». Как кажется, такой подзаголовок говорит о том, что структура расстановки книг отчетливо осознавалась как строго установившийся порядок. Опись 1613 г. добавляет лишь несколько имен прежних владельцев книг: игумен Иаков, рязанский епископ Филофей, уставщик и дьякон Даниил.

Дальнейшее развитие принципа функциональной расстановки и учета наблюдается в описи 1632 г.¹⁸ Опись фиксирует тот же порядок расстановки книг, но при этом отличается обилием именных уточнений: имена прежних владельцев и вкладчиков книг буквально «хлынули» в регистрационный перечень, значительно увеличив объем текста. Описание каждой книги, которая имеет именование, превратилось в отдельную статью учета. А это в свою очередь привело к необходимости тематической группировки статей с помощью рубрик. Примечательно, что множество рубрик появилось в первом и третьем разделах перечня книг, т. е. в тех частях, где перечислены книги Священного Писания и богослужбные (рубрики такие: «Евангелия толковые воскресные», «Евангелия толковые вседневные», «Евангелия тетры в десть», «Евангелия тетры в полдесть» и т. п.). В той же части, где перечислены книги четьи, находим лишь одну рубрику: «Соборники именные, а имена им». Итак, опись 1632 г. представляет существенное развитие функционально-форматного типа хранения и учета книг библиотеки: выработана система подзаголовков, структурирующая расстановку тех книг, которые находились в каждодневном пользовании. Кроме того, в этой описи отразился интерес к истории книги, и это не повлияло (в отличие от ситуации, зарегистрированной описью 1597 г.) на общий принцип расстановки, но способствовало появлению рубрик. Интересно, что опись 1632 г. впервые упоминает

¹⁷ СПбИИ РАН, колл 2, № 130 Отводная опись игумену Иринарху Учтено всего 640 книг (в библиотеке 623 книги, из них 90 печатных, в ризнице 17 напестольных Евангелий, из них 7 печатных)

¹⁸ СПбИИ РАН, колл 2, № 137 Отводная опись игумену Рафаилу Упомянуто всего 765 книг (в библиотеке 744 книги, из них 202 печатных, в ризнице 21 книга, из них 13 печатных)

книгохранительную палату (в заголовке перечня книг: «Да в книгохранительной казне книг»), хотя каменное книгохранилище было построено в Соловецком монастыре еще в 1602 г.¹⁹

Следующая опись 1640 г.²⁰ закрепляет структуру регистрации книг, представленную в предшествующей описи, и добавляет еще один подзаголовок: «Уставы церковные». Текст описи позволяет сделать наблюдения о деятельности соловецких книжников и переплетчиков, изготовлявших книги с житиями соловецких чудотворцев не для монастырской библиотеки, а для распространения вне монастыря. Эти книги зарегистрированы в числе имущества, хранившегося в казне. Их перечень следует после перечня икон с изображениями соловецких чудотворцев, которые находились в казне в коробьях и были также предназначены, очевидно, для продажи: «Да книг житей чюдотворцовых в переплете новых восм книг, доски навожены золотом и серебром. Да старых житей чюдотворцовых шесть книг, переплет в затылок. Да житие чюдотворцово в тетратех. Да Филиппа митрополита житие две книги. Да два житья Филипповых в тетратех <...> Да бумаги писцем книжности скорописной сорок семь стоп...».²¹

Наиболее развитую стадию функционально-предметно-форматного типа хранения и учета монастырской библиотеки фиксирует опись 1645 г.²² В этой описи не только увеличивается число тематических подрубрик, но и совершенствуется структура статей описания книг одного содержания (или типа): сначала указывается общее число книг определенной подгруппы (например, Псалтырей печатных в десть), а затем в рамках той же статьи описания упоминаются имена людей, которым принадлежали книги, входящие в это число. Таким образом, признак бывшей принадлежности книги утвердился как необходимый при учете.

Опись 1645 г., которой Соловецкий монастырь «отводили» игумену Илье, зарегистрировала завершающий этап процесса эволюции традиционного типа хранения и учета книг средневековой монастырской библиотеки. Во время игуменства Ильи (умер в 1659 г.) библиотека, без сомнения, сохраняла выработанную почти за два века существования структуру. Последним книгохранителем старой средневековой библиотеки был черный поп Геронтий, уставщик Соловецкого монастыря, ставший после смерти игумена Ильи казначеем и одним из вдохновителей и руководителей сопротивления соловецкой братии новым церковным реформам. Геронтий известен как видный идеолог старообрядчества, автор ряда полемических сочинений, в работе над которыми были широко использованы книги соловецкой библиотеки.²³ Монастырская библиотека была тем объектом, которого непосредственно касалась развернувшаяся во второй половине XVII в. церковно-идеологическая борьба. Когда в 1657 г. в Соловецкий монастырь привезли новоисправные Служебники, игумен Илья не включил их в библиотеку, а велел положить в казенную палату. Так же, как и в середине XVI в., в библиотеке хранились те книги, которые

¹⁹ См. Летописец Соловецкого монастыря РНБ, ОСПК, FХVII 12, л. 239 об—240, см. также издание Летописец Соловецкого монастыря М., 1790 С. 39

²⁰ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 40, СПбИИ РАН, колл. 2, № 139 Отводная опись игумену Маркелу Регистрирует всего 829 книг (в библиотеке 808 книг, из них 268 печатных, в ризнице 21 книга, из них 13 печатных)

²¹ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 40, л. 166—166 об., 171

²² СПбИИ РАН, колл. 2, № 141 Отводная опись игумену Илье Упоминает всего 1015 книг (в библиотеке 988 книг, из них 361 печатная, в ризнице 27 книг, из них 19 печатных)

²³ О литературно-публицистических сочинениях соловецких писателей-старообрядцев см. Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995 С. 182—230

функционировали в повседневной жизни монастыря, в казну же запирались то, что нельзя было использовать. Осенью 1666 г. для наведения порядка из Москвы в Соловецкий монастырь был прислан архимандрит Сергей. Примечательно то, что соловецкие монахи хотя и приняли Сергия, но не пустили его в книгохранительную палату. Очевидно, что библиотека действительно была подлинным духовным кладезем монастыря, и не последнюю роль здесь играла ее традиционная функциональная структура.

После длительной осады (1668—1676 гг.) Соловецкий монастырь был взят царскими войсками и подвергнут разгрому. Следующая опись монастыря была составлена в 1676 г. по указу царя Федора Алексеевича стольником и воеводой князем Владимиром Волконским и дьяком Алмазом Чистого.²⁴ Эта опись регистрирует уже совершенно иное состояние монастырского имущества и, что особенно важно, представляет принципиально новую систему расстановки книг монастырской библиотеки. Если старый порядок выдерживал предметно-функциональную систему расположения книг и при их учете не последнюю роль играла «история» книги, имя прежнего владельца, то новый порядок, полностью уничтоживший старую систему, состоял в формальной расстановке книг по алфавиту, по первой букве названия, без какой-либо предметной систематизации (заметим, что в качестве названия книги может выступать имя автора, например «Ефрем Сирий», «Феодор Студит»; в ряде случаев книги поставлены в алфавитный порядок именно по названию, а не по имени автора, например «Лествица», но не «Иоанн Синайский»; часто книга ставилась в алфавитный порядок по названию жанра произведения, например «Житие Иоанна Златоуста» и др.). Совершенно очевидно, что перед составлением описи 1676 г. в библиотеке все книги были заново переставлены. И это было сделано не случайно. Ведь прежняя система расстановки имела давнюю историю; сформированная по средневековому функционально-предметно-форматному принципу, библиотека хранила старые традиции, а значит, ассоциировалась с деятельностью старообрядцев. Новый алфавитный порядок, абстрагированный и от содержания, и от функции книги, был веянием наступающей новой эпохи, ориентированной на европейскую культуру. При том что библиотека оставалась составленной из тех же самых монастырских книг, это была уже совершенно другая по структуре библиотека. Примечательно, что в нее вошли старые монастырские рукописные и печатные служебники и требники наряду с требниками «новыми печатными». Видимо, реформирование структуры библиотеки каким-то образом снимало проблему острых догматических различий.

В 1711 г. имущество Соловецкого монастыря было описано по указу Петра I.²⁵ Судя по перечню книг в этой описи, монастырская библиотека и в XVIII в. сохраняла алфавитную систему расстановки. В отличие от предыдущей описи 1676 г., в которой при учете книг в некоторых случаях указаны имена их бывших владельцев, в описи 1711 г. имен уже совсем нет, за исключением одного случая, когда отмечен «Апостол старца Амирева».²⁶

²⁴ РГАДА, ф 125, № 45, список РГАДА, ф 1201, оп 1, № 555 Составлена при архимандрите Макарии В описи учтено всего 1443 книги, из них 526 печатных Текст этой описи частично издан Белокуров С А Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 года) по современным описям // ЧОИДР М., 1887 Кн 1 Отд 5 С 1—80

²⁵ СПбИИ РАН, колл 2, № 154 В описи перечислено всего 1665 книг (в библиотеке 1647 книг, из них 665 печатных, в ризнице 18 книг, из них 12 печатных)

²⁶ СПбИИ РАН, колл 2, № 154, л 175

Из текста этой описи узнаем, что в ризнице напрестольные Евангелия хранились в ковчегах.²⁷

Полная опись монастырского имущества проводилась еще раз в 1765 г.²⁸ в связи с реформами Екатерины II. Перечень книг, находящийся в этой описи, свидетельствует о том, что в библиотеке книги были расставлены по алфавитно-форматному принципу с учетом признака: рукописная книга или печатная. Книги, названия которых начинались на одну и ту же букву, стояли в следующем порядке: сначала все печатные (в десь, затем в полдесь), а после них все письменные. В тексте описи последовательно приведены подзаголовки в каждом разделе, содержащем книги с названиями на одну букву: «Книги печатные», «Книги письменные». Алфавитный порядок расстановки подчеркнут при учете введением буквенных обозначений: перед каждым списком книг, названия которых начинаются на одну и ту же букву, посередине строки проставлена соответствующая буква алфавита.

Следующая опись Соловецкого монастыря была составлена в 1788—1789 гг. при вступлении в должность настоятеля архимандрита Иеронима.²⁹ Опись состоит из 6 книг. Том, содержащий опись библиотеки, к сожалению, оказался недоступен для изучения.

Последняя опись Соловецкого монастыря относится к 1795 г.³⁰ Опись свидетельствует о принципиальном структурном преобразовании монастырской библиотеки: печатные книги были отделены от рукописных. При этом алфавитно-форматный порядок расстановки (т. е. книги, названия которых начинались на одну и ту же букву алфавита, сгруппированы по формату: сначала книги в десь, затем в полдесь и т. д.) был сохранен внутри каждой из этих двух частей библиотеки.³¹

Последняя известная нам монастырская опись представляет перечень книг, структура которого весьма близка современному расположению рукописных книг Соловецкого собрания, даже рукописи Троицкого Анзерского скита сохраняют поныне свое обособленное расположение в конце, как в описи 1795 г.³² Однако сравнение этого перечня с современным

²⁷ «Те вышписанные все Евангелии в ковчегах деревяных, а ковчеги покрыты кожею и окованы луженым и черным железом» (СПБНИИ РАН, колл 2, № 154, л 124 об)

²⁸ РГАДА, ф 1201, оп 2, № 826, л 63—123 об Опись регистрирует в библиотеке Соловецкого монастыря 1705 книг, из них 645 печатных (кроме того, в Анзерском ските 240 книг, из них 152 печатных)

²⁹ РГИА, ф 834, оп 3, д 2421, кн 1—6

³⁰ РГИА, ф 796, оп 72, д 225, л 79—283 Отводная архимандриту Герасиму Ионину В библиотеке перечислено 443 рукописные книги и 958 печатных книг, в ризнице 51 богослужбная книга (напрестольные Евангелия и Апостолы, Служебники для архимандрического священнослужения), из них лишь 6 рукописных. Значительное уменьшение, по сравнению с предшествующей описью, числа рукописных книг связано, очевидно, с тем, что в перечне книг библиотеки не указаны Часословы, Служебники, Ирмологии, сравнительно мало в нем Псалтырей, Канонников. Отдельным списком перечислены книги Троицкого Анзерского скита, из которых 51 рукописная, и Распятского скита, из которых 12 рукописных

³¹ Скорее всего, печатные книги в то время находились уже не в книгохранительной, а в ризной палате. Во всяком случае, в описи ризницы Соловецкого монастыря 1788—1789 гг (РГИА, ф 834, оп 3, д 2421а) печатные книги (числом 1208 штук, из них 102 «гражданских», 20 «разных» книг на греческом, немецком и латинском языках, 31 «взято из Анзерского скита на сохранение») учтены в алфавитно-форматном порядке среди имущества ризницы. Вероятно, перемещение печатных книг в ризницу было вызвано количественным ростом именно этой части библиотеки. В этой описи среди имущества ризницы учтены также 42 певческие рукописи

³² Троицкий Анзерский скит окончательно утратил свою самостоятельность и был присоединен к Соловецкому монастырю в 1764 г. В 1765 г библиотека скита еще находилась на своем месте, но перечень составляющих ее книг находим уже в описи Соловецкого монастыря (см сноску 28). В конце XVIII в анзерские рукописные книги хранились уже в Соло-

инвентарем показывает не только количественное, но и порядковое несоответствие расположения определенных групп рукописей. Например, перечень книг в описи 1795 г начинается с Апокалипсисов, а ныне действующий инвентарь открывается группой из семи книг под современным научным названием «Почуения аввы Дорофея»,³³ а по-старому просто «Аввы Дорофея» (т. е. прежнее название, зафиксированное на наклейках на корешках этих рукописей, начиналось с буквы «а»), тогда как Апокалипсисы стоят уже в пятом десятке.³⁴ При этом номера, указанные на наклейках, помещенных на корешках переплетов соловецких рукописей, соответствуют первой цифре в современном шифре.³⁵

Так когда же и кем рукописи соловецкой библиотеки были расставлены именно в том порядке, в каком мы их находим сегодня?

Прояснить обстоятельства дела позволяет выявленный Т. А. Туовой при исследовании истории соловецкого архива сборник документов,³⁶ содержащий собранные архиепископом олонеким Игнатием материалы о расколе и, в частности, переписку Игнатия с соловецкими архимандритами Досифеем и Иларием по поводу различных документов соловецкого архива и выписок из рукописей соловецкой библиотеки.³⁷ Этот архивный сборник «раскрывает имя непосредственного исполнителя работ по разбору, систематизации и описанию документов соловецкого архива в 30-х гг. XIX в.»,³⁸ которые велись по инициативе соловецкого архимандрита Досифея Немчинова, как раз в это время составлявшего известное Описание Соловецкого монастыря.³⁹ Этим непосредственным исполнителем был монах Кассиан, который, как установлено Т. А. Туовой, в миру носил имя Василий. Воскресенский, учительствовал в Новоторжском приходском училище и был сослан в Соловецкий монастырь «за богохульные слова» в число чернорабочих.⁴⁰ Попробуем еще раз обратиться

вещком монастыре (см сноску 30) Об истории библиотеки Анзерского скита см Севастьянова С К Библиотека Анзерского скита первой половины XVII в (Опыт реконструкции по описи 1676 г) // Книжные центры Древней Руси Соловецкий монастырь СПб, 2001 С 146—177

³³ РНБ, Соловецкое собр., № 1/1—7/7 (далее при ссылках на Соловецкое собрание оно обозначается сокращенно Солов с указанием номера рукописи)

³⁴ Солов 57/57 — Солов 62/62

³⁵ Вторая цифра отражает шифровку, произведенную в библиотеке Казанской Духовной академии, где Соловецкое собрание хранилось с 1855 г. Во всех соловецких рукописях (на форзацных листах или внутренней стороне верхней крышки переплета) есть экслибрис библиотеки Казанской Духовной академии с вписанным новым порядковым номером. В 1928 г. Соловецкое собрание поступило в Публичную библиотеку (фонд 717, насчитывает 1482 рукописные книги). Современный шифр РНБ состоит из дроби, в числителе которой помещен старый монастырский номер, а в знаменателе — номер по инвентарю библиотеки Казанской Духовной академии. Цифры одного шифра «расходятся», начиная с рукописи Солов 276/277, из-за того, что старая монастырская нумерация допускала объединение нескольких рукописей (и это были исключительно певческие рукописи) под одним номером. Например, под № 276 числились 4 Ирмология нотированных, которые получили современные шифры Солов 276/276, 276/277, 276/278, 276/279. В результате еще и других подобных случаев в конце инвентаря расхождение цифр стало значительным.

³⁶ Туова Т А Из истории архива Соловецкого монастыря // АЕ за 1983 г М, 1985 С 58—67, АЕ за 1984 г М, 1986 С 116—129

³⁷ РГИА, ф 834, оп 2, д 1664

³⁸ Туова Т А Из истории архива Соловецкого монастыря // АЕ за 1984 г С 117

³⁹ Досифей (Немчинов Д) Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального Соловецкого монастыря М, 1836. Досифей был архимандритом Соловецкого монастыря в 1826—1836 гг.

⁴⁰ Туова Т А Из истории архива Соловецкого монастыря // АЕ за 1984 г С 117. Т А Туова обнаружила в ГААО документ 1826 г, содержащий помимо других материалов «Ведомость о людях, состоящих под надзором в Архангельской губернии и под стражею по монастырям и в Новодвинской крепости». В этой Ведомости и числится «бывший учитель» Василий Воскресенский с примечанием о том, что, по уведомлению соловецкого ар-

к обнаруженному Т. А. Тутовой архивному сборнику для выяснения теперь уже вопросов истории соловецкой библиотеки

Архиепископ Игнатий⁴¹ собрал сохранившиеся в этом сборнике материалы в ходе работы над своими сочинениями о расколе⁴² Интересующие нас документы находятся на л. 123—208 (по современной архивной нумерации) и переплетены не в хронологической последовательности. Восстанавливая хронологию, мы можем сделать следующие наблюдения

Самым ранним документом является письмо соловецкого архимандрита Досифея (Немчинова) к архиепископу Игнатию, датированное 15 июля 1833 г. Оно написано в ответ на запрос Игнатия, посланный, как указано в письме Досифея, на Соловки в мае 1833 г., о ссыльных в Соловецком монастыре в XVII в. и о разного рода материалах, касающихся раскола. Досифей сообщает Игнатию о том, что изучил множество документов соловецкого архива для «изготавливаемой... в печать Истории о Соловецкой обители», которая «к будущему лету будет из печати издана», а также «отыскал <...> многия рукописныя книги старинныя, <...> в которых обнаруживается заблуждение арменоподражателей раскольников в сложении ими крестнаго знаменья...».⁴³ Досифей приводит примеры сокращенного написания имени Иисуса Христа в Службениках из соловецкой библиотеки,⁴⁴ а также излагает и другие наблюдения по догматическим вопросам. Как следует из содержания письма, Досифей отправил Игнатию копии целого ряда документов и рукописей (этих материалов в архивном деле нет).⁴⁵ Свое письмо Досифей пишет собственноручно, не используя писаря. Это очевидно при сравнении подписи Досифея на этом документе с текстом письма. Автограф Досифея позволяет нам сделать первое наблюдение: почерк Досифея идентичен тому почерку, каким сделаны записи на чистых форзацных листах некоторых соловецких рукописей. Например, на л. I Евангелия XVI в. Солов. 130/130 видим запись рукой Досифея о древности рукописи и о написании в ней имени Иисуса Христа.

химандрита (имя не названо), «усмотрен он < > в беспокойном характере, в удержании от худого поведения отдан он под воинскую стражу и содержится в числе арестантов» Возраст и семейное положение Василия Воскресенского обозначены в Ведомости как неизвестные (ГААО, ф 1367, оп 1, д 362, л 54 об—55) Благодарю Г В Демчук за просмотр по моей просьбе документа и выписку сведений

⁴¹ Игнатий (в миру Семенов Матвей Афанасьевич) (1791—1850), архиепископ Олонецкий и Петрозаводский, затем Воронежский и Задонский, затем Донской и Новочеркасский

⁴² Среди них есть, в частности, одно под названием «Истина святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой О вере Святой Соловецкой обители приношение Игнатия, архиепископа Донского и Новочеркасского» (с предисловием соловецкого архимандрита Илария) СПб, 1844

⁴³ РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 207—207 об

⁴⁴ По указанным Досифеем признакам мы определили современные шифры этих рукописей Солов 1015/1124 и Солов 1020/1129

⁴⁵ В письме Досифей определенно говорит о том, что в монастыре нет людей, способных квалифицированно помочь ему в разборе архива и библиотеки « для рассмотрения всех сих книг и протчих нашей библиотеки и архивных документов, и для выписки нужных Вам предметов, если б Вы изволили прислать к нам способного человека (подчеркнуто в оригинале — Е К), ревнителя церкви и хотя несколько ученого, и то на целую зиму, а в короткое время он обозреть ничего не может < > я б его поместил близ своих келий и сим бы с ним занялся < > Ибо у нас для сего дела жатва велика, а всего описать не могу < > А у нас нет такого человека, что можете из прилагаемых списков видеть, что и из готового переписать не умеют » (РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 207 об—208) Однако, как показывают материалы того же архивного дела, архимандрит Досифей, мягко говоря, лукавил, сетуя на отсутствие образованных людей среди братии монастыря См также соображения Т А Тутовой по этому поводу Тутова Т А Из истории архива Соловецкого монастыря // АЕ за 1984 г С 117

Однако такого же содержания записи читаем на наклейках, помещенных на внешних сторонах крышек переплетов многих соловецких рукописей (их значительно больше, чем рукописей с заметками Досифея), — и записи на наклейках сделаны другим почерком. Именно этим почерком написаны сохранившиеся в том же архивном деле ответные послания соловецкого архимандрита Илария архиепископу Игнатию и приложения к этим посланиям, содержащие ответы на вопросы Игнатия по поводу имеющих в соловецких рукописях материалов, касающихся раскола. Подпись архимандрита Илария на его посланиях резко отличается от почерка самих писем, в то время как автор приложений своей подписи на них не оставил, отметив только дату и место написания — Соловецкий монастырь. Имя этого человека и его роль в работе по разбору рукописных книг соловецкой библиотеки устанавливается из содержания переписки.

В архивном деле сохранилось три письма архимандрита Илария архиепископу Игнатию. В первом письме от 18 июня 1838 г.⁴⁶ исполнитель заданий архиепископа Игнатия еще не назван, хотя письма сопровождаются объемные приложения.⁴⁷ Во втором же письме Иларий прямо указывает имя этого человека: «По приказанию моему монах Кассиан старался сколько мог сделать во удовольствие Вашего Высокопреосвященства».⁴⁸ Приложенные к этому письму Ответы Кассиана изобличают в нем не только преданного своему делу архивиста,⁴⁹ но и подлинного источниковеда-исследователя книг монастырской библиотеки. Как профессионал Кассиан, начиная работу по вопросам Игнатия, прежде всего обратился к единственному в то время научному обзору особо ценных книг соловецкой библиотеки, составленному Я. И. Бередниковым: «О книгах особенных и особенно древних оставил нам извлеченный из каталога библиотеки соловецкой реестр здесь бывший в 1834 г. чиновник Археографической экспедиции Я. Бередников».⁵⁰ Однако он не объяснил, почему такая рукопись достопримечательна, и едва ли это известно доселе в ученой публике. По его следам я рассматривал сии рукописи и сделал на них краткие свои замечания».⁵¹ Давая весьма интересные и обстоятельные

⁴⁶ Из текста письма видно, что архиепископ Игнатий незадолго до этого лично посетил Соловецкий монастырь

⁴⁷ РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 204, приложения на л 163—174 (копии с грамот монастырского архива) и л 175—187 об («Краткие извлечения из рукописей, называемых Сборниками, библиотеки Соловецкого монастыря»)

⁴⁸ РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 128

⁴⁹ Т. А. Тугова в указанной статье приводит такой фрагмент Ответов Кассиана «Старинный архив Соловецкого монастыря разбирал я столь тщательно, что каждый лоскут бумаги был в моих руках Ветхости я починивал и столбцы, от времени распавшиеся, склеивал, написал также новую опись» (РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 138)

⁵⁰ Реестр Я. И. Бередникова, скопированный рукой Кассиана, также был приложен к письму и сохранился в архивном деле (РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 141—144 об.) В нем перечислено 75 книг, из которых 6 старопечатных. Хотя Кассиан и говорит о каком-то неизвестном нам сейчас «каталоге» библиотеки, включенные в реестр рукописи не имеют никаких номеров, кроме порядкового по данному реестру. Как оказалось, встречающиеся на корешках или (реже) на внешних сторонах крышек переплетов написанные белой краской крупные цифры соответствуют именно порядковым номерам этих рукописей по реестру Я. И. Бередникова. Мы обнаружили такие номера на следующих рукописях (в скобках при шифре указываем номер по реестру Я. И. Бередникова): Солов 64/64 (4), 65/65 (5), 881/991 (6), 83/83 (7), 168/168 (8), 504/523 (10), 525/544 (11), 526/545 (12), 530/549 (13), 531/550 (14), 521/540 (15), 522/541 (16), 524/543 (18), 1039/1148 (19), 475/494 (20), 115/115 (21), 696/804 (26), 7/1466 (31), 864/974 (36), 11/1470 (39), 642/700 (41), 694/802 (42), 63/63 (43), 629/687 (44), 630/688 (45), 877/987 (49), 878/988 (50), 75/75 (51—?), 879/989 (52), 880/990 (53), 853/963 (54), 854/964 (55), 855/965 (56), 856/966 (57), 326/346 (58), 1184/1294 (62), 1015/1124 (63), 1128/1237 (65)

⁵¹ РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 130 об.—131 И действительно, почти на всех отождествленных с упоминаемыми в реестре Я. И. Бередникова книгах есть наклейки с записями Кассиана. Впрочем, встречаются они и на не учтенных Я. И. Бередниковым рукописях

комментарии по интересующим Игнатия догматическим и историческим вопросам, Кассиан цитирует множество соловецких рукописей и при этом, в отличие от Я. И. Бередникова, точно указывает их номера, ссылаясь на «нынешнюю опись», которая также была приложена к письму.⁵² Описи в архивном деле нет, однако сравнение указанных Кассианом номеров всех привлеченных им рукописей с современным инвентарем показывает, что эти рукописи легко найти в составе Соловецкого собрания, так как указанный Кассианом номер соответствует первой цифре современного шифра рукописи. Значит, последняя сделанная в самом монастыре и сохранившаяся до наших дней расстановка рукописных книг была произведена в 30-х гг. XIX в., точнее — после 1834 г. (поскольку в момент посещения монастыря Я. И. Бередниковым книги еще не имели номеров). И автора этой расстановки называет архимандрит Иларию в последнем сохранившемся в архивном деле письме архиепископу Игнатию от 9 октября 1839 г., в котором, оправдываясь за то, что «не вскоре отвечал» на послание Игнатия, пишет: «Я ожидал, доколе Кассиан исправит порученное ему дело. Ныне честь имею препроводить Вам библиотечную опись с исправленными номерами и ответы, какия были для Вас нужны. Прочим же недоконченным он может заняться следующей зимою беспрепятственно».⁵³ К сожалению, и этой «исправленной» описи в архивном деле нет.

Обратимся теперь еще раз к наклейкам на переплетах соловецких рукописей и номерам, которые встречаются на первых их листах, и попытаемся выявить принципы и этапы работы Кассиана над расстановкой рукописных книг соловецкой библиотеки.

Рассматривая рукописи с наклейками Кассиана, мы обнаружили, что, если такая наклейка слишком велика по ширине относительно размера крышки переплета, она частично загибается на корешок и заходит поверх на наклейку, расположенную на корешке и указывающую название книги и порядковый номер.⁵⁴ Значит (и это вполне естественно), работа по «инвентаризации» библиотеки и нумерации книг была произведена прежде, чем Кассиан обратился к конкретным рукописям.⁵⁵ На наклейках на корешках переплетов названия книг и номера написаны не Кассианом.

⁵² «Из посланной Вашему Высокопреосвященству нынешней описи библиотеки видно » (РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 130 об), о Псалтири Солов 711/819 «В Описании монастыря стр 299 под числом 4 (имеется в виду известный труд Досифея, см сноску 39 — *Е К*), а в нынешней описи под № 711 на часах после обычных псалмов » (РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 131 об) и др

⁵³ РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 205 Переписка архиепископа Игнатия с Соловецким монастырем продолжалась и дальше, так как в архивном деле сохранились сделанные уже не рукой Кассиана копии с его выписок, заверенные архимандритом Иларием 2 октября 1841 г (РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 194—198 об)

⁵⁴ См., например, Солов 478/497

⁵⁵ На наклейках Кассиана видны проставленные внизу наклейки номера, не соответствующие порядковым номерам на корешке и, совершенно очевидно, не зависящие от места расположения книг в библиотеке (количество этих номеров превышает семь десятков) Видимо, это номера по какому-то рабочему списку Кассиана, который нам не удалось обнаружить Однако о таком списке говорит сам Кассиан, дополняя реестр Я И Бередникова следующим замечанием «Сверх упомянутых книг можно назвать еще примечательными, кои принадлежали известным святым мужам или знаменитым историческим лицам, как то св Филиппу, св Дионисию, преп Иринарху и Елеазару Анзерскому чудотворцу, также книги, пожертвованные царем Иоанном Васильевичем, князем Пожарским, Авраамием Палицыным и проч По редкости же своей и следующие рукописи нельзя оставить без внимания » (РГИА, ф 834, оп 2, д 1664, л 145) Далее приведен перечень, состоящий из 18 рукописных книг Заметим, что многие рукописи Соловецкого собрания, принадлежавшие известным людям или ими вложенные в монастырь, имеют наклейки Кассиана, так что Кассиан здесь привел далеко не весь свой список

В основном это крупный полууставный почерк, но есть наклейки с надписями скорописными почерками. Очевидно, что Кассиан руководил работой нескольких помощников-библиотекарей.⁵⁶

Наклейки на корешках переплетов свидетельствуют о том, что первоначальный вариант расстановки книг претерпел существенные изменения: начиная с рукописи Солов. 63/63, на наклейках на корешках переплетов всех следующих рукописей первоначальный номер заклеен небольшим прямоугольным кусочком бумаги, на котором другим почерком написан другой порядковый номер (на некоторых рукописях первоначальный номер не заклеен, а просто зачеркнут). Начиная с той же рукописи Солов. 63/63, на одном из первых листов (часто чистый форзацный) встречаем зачеркнутый первоначальный номер и написанный рядом новый, который и соответствует номеру на вторичной наклейке на корешке.⁵⁷ Анализируя зачеркнутые первоначальные номера, устанавливаем, что целью вторичной перестановки книг в библиотеке было выделение из общего массива расположенных в алфавитном порядке в соответствии с названиями рукописей книг «светского» содержания. Это Астрология, Математика, Арифметика, География, Космография, Летописцы, Хронографы, Лечебники и т. п. Из этих рукописей был образован специальный раздел, имеющий свою (с № 1) нумерацию и вновь начинающуюся с буквы «а» алфавитную расстановку.⁵⁸ Этот раздел был помещен после корпуса рукописных книг Троицкого Анзерского скита, нумерация которых также начиналась с № 1.⁵⁹ Если мысленно «расставить» рукописи «светского» содержания в соответствии с указанными прежними номерами, то они образуют общий алфавитный ряд с основным корпусом соловецких рукописей.

Например, первая рукопись с вторичной наклейкой на корешке — Солов. 63/63 («Афанасия Александрийского слова на арианы») — имела

⁵⁶ Так же дело обстояло и при разборе соловецкого архива. В своих Ответах архиепископу Игнатию Кассиан подчеркивает «Собрать и написать три огромных тома копий грамот, валяющихся в здешней монастырской башне, было мое дело» (РГИА, ф. 834, оп. 2, л. 1664, л. 152). Однако эти копииные книги написаны несколькими почерками, и руку Кассиана мы обнаружили лишь в примечаниях к обозначениям, сделанным в последней графе оглавления каждого тома, о том, каков источник копии, или же о месте нахождения подлинника грамоты (см. Солов. 18/1477, л. II об., Солов. 19/1478, л. III—III об., Солов. 20/1479, л. II—II об.). Только два документа скопированы самим Кассианом (Солов. 20/1479, л. 126 об.—130 об., оба с подлинников), остальные копии выполняли его помощники, видимо, под его непосредственным руководством.

⁵⁷ Во многих рукописях рядом с этими номерами можно видеть предварительные номера, проставленные карандашом (они зачеркнуты теми же чернилами, какими написаны первоначальные номера, затем в свою очередь тоже зачеркнутые). На некоторых рукописях сохранились надписи карандашом о том, «на какую букву» должна стоять книга, например «Литера А» (Солов. 2/1461, л. I Арифметика). Часть рукописей имеет также карандашные буквенные пометы по одной букве в рукописи, буквы следуют в порядке алфавита, и этот алфавит в настоящее время «сбит», поэтому видно, что до последней расстановки рукописи внутри определенной группы стояли несколько в иной последовательности. Все это свидетельствует о большой предварительной работе, предшествовавшей окончательной расстановке рукописных книг в библиотеке.

⁵⁸ Современные шифры рукописей этого раздела Солов. 1/1460 — Солов. 54/1513, Солов. 189/1525.

⁵⁹ Современные шифры рукописей этого раздела (всего 95 рукописей) Солов. Анзерский скит (далее — Солов. Анз.) 1368 (рукопись не имела своего номера в Анзерской библиотеке и, судя по проставленному карандашом на л. I числу «95», стояла после всех 94 книг Анзерского скита, но при шифровке в библиотеке Казанской Духовной академии была переставлена в начало), Солов. Анз. 1/1369 — Солов. Анз. 94/1459. На наклейках на корешках рукописей Троицкого Анзерского скита номера не заклеены и не зачеркнуты, и на первых листах рукописей нет следов перешифровки. Значит, анзерская библиотека всегда сохраняла автономную алфавитную расстановку и таким образом была обособлена от основного состава соловецкой библиотеки.

прежний № 68, а прежний № 63 находим в рукописи Солов. 1/1460 (Арифметика), которая начинает раздел светских книг.

В целом сформированную под руководством Кассиана и существующую поныне расстановку рукописей соловецкой библиотеки можно назвать алфавитно-предметной (подразумевая под предметной классификацией в данном случае лишь первичное деление книг на два раздела — «духовного» и «светского» содержания). Внутри группы книг одного названия иногда просматривается форматно-хронологический подход к их расстановке, причем с окказиональным учетом фактора бывшей принадлежности рукописи: книги одного названия расставлены по хронологии (сначала более древние), а внутри хронологического периода в рамках одного века — по формату (сначала в лист, затем в четверть и т. д.), форматный принцип может быть нарушен, чтобы поставить рядом две книги одного названия и разного формата, но вложенные в монастырь одним лицом. Однако эта сложная закономерность проявляется далеко не во всех случаях расстановки книг одного и того же названия. Отчасти это можно объяснить неточностью датировки рукописей в то время, но в ряде случаев никакого принципа в последовательности книг одного названия установить все-таки не удается.

Непоследовательность проведения избранного принципа видна также в расстановке нотированных рукописей. Нотированные певческие рукописи имели первоначально и сохранили при вторичной перестановке следующую особенность нумерации: несколько рукописей, получивших одно название (которое обычно давалось по первой статье певческого сборника), могли шифроваться одним номером. Нотированные Триоди,⁶⁰ Трезвоны⁶¹ и партии партесного пения⁶² были вынесены в конец основного ряда рукописей соловецкой библиотеки без учета алфавита, но с продолжением общей порядковой нумерации. Почему при этом другие нотированные рукописи⁶³ оказались расставленными в общем алфавитном ряду среди ненотированных книг, для нас пока остается загадкой.

Очевидно, главную свою задачу Кассиан видел в том, чтобы «присвоить» каждой книге название и каждую книгу пронумеровать, навсегда зафиксировав ее место в алфавитном ряду. Как нам представляется, подобная цель могла появиться только при осознании того, что древняя монастырская библиотека уже прошла путь своей истории и окончательно сформировалась как единый комплекс, как коллекция рукописных книг. Такого рода инвентаризационная работа была проведена впервые за всю историю монастырской библиотеки, и результат ее сохранился до сих пор, хотя в современной инвентарной описи Соловецкого собрания алфавитная система перечня угадывается с трудом, поскольку научные названия книг, представленные в описи, не всегда совпадают с теми названиями, которые дал книгам Кассиан.⁶⁴

⁶⁰ Современные шифры Солов 1192/1302 — 1192/1305

⁶¹ Современные шифры Солов 1193/1306 — 1193/1317

⁶² Современные шифры Солов 1194/1318 — 1194/1365

⁶³ Современные шифры Ирмологии нотированные — Солов 275/275, 276/276 — 276/279, 277/280 — 277/297, Октоихи нотированные — Солов 618/637 — 618/646, Солов 619/647 — 619/659, Обиход нотированный — Солов 621/660 — 621/665, 622/666 — 622/680а, Праздники демественного пения — Солов 690/748 — 690/775, Праздники нотного пения — Солов 691/776 — 691/799б

⁶⁴ Можно найти случаи просто ошибочно данных Кассианом названий. Например, известный Сборник сочинений Ермолая-Еразма имеет на корешке наклейку с надписью «Лествица» (Солов 287/307) и до сих пор занимает свое место в ряду монастырских Лествиц. Часто книги, которые по современным археографическим нормам являются сборниками, у Кассиана имеют названия по одному из содержащихся в них текстов или комплексу текстов,

И все же одна рукописная книга оказалась не на том месте, на каком должна была бы быть в соответствии с ее названием на наклейке.⁶⁵ И это позволяет нам определить время завершения работы Кассиана по расстановке рукописных книг. Рукопись называется «Повесть о пустынножителех Соловецкого острова»⁶⁶ (в данном случае прежнее название совпадает с современным), но стоит не в ряду книг с названиями на букву «п», а в самом конце, уже после вынесенных отдельно нотированных рукописей. Книга принадлежала архимандриту Досифею (Немчинову).⁶⁷ На л. I находится следующая запись рукой Кассиана: «Пожегтвовал в библиотеку Соловецкаго монастыря бывший настоятель архимандрит и кавалер Досифей. 1836 г., июля 7 дня». В рукописи нет следов перешифровки — она сразу получила № 1195, т. е. номер, следующий по порядку за последней соловецкой рукописью без учета алфавита. Значит, в июле 1836 г. рукописи в библиотеке уже стояли в соответствии с последней расстановкой.⁶⁸ Чтобы поставить вновь поступившую рукопись по алфавиту на букву «п», с которой начинается ее название, пришлось бы заново перенумеровать много книг или же ввести литерный номер. Поэтому-то книга и оказалась в конце, за ней следует только одна нотированная книга «Трезвоны и праздники знаменные», которая вообще не имеет монастырского номера (а только номер библиотеки Казанской Духовной академии; ее современный шифр: Солов. 1367) и была добавлена в монастырскую библиотеку, очевидно, еще позднее.

Итак, данные описей и архивные документы позволяют сделать следующие выводы о формировании и изменениях структуры библиотеки Соловецкого монастыря на протяжении всей ее истории: в начале XVI в. монастырские книги хранились в казне вместе с другим имуществом и не имели какого-либо определенного порядка расстановки, при регистрации книги иногда учитывалась ее бывшая принадлежность тому или иному лицу; к середине XVI в., наряду с количественным ростом библиотеки, происходит и структурное оформление системы ее хранения — книги находятся в специальном помещении в Спасо-Преображенском соборе, в их расстановке наблюдается разделение по функции (т. е. учтена прежде всего возможность использования книги при богослужении) и выработаны определенные принципы расположения книг в зависимости от их содержания и формата; в конце XVI в. эта система дополняется архаичным принципом учета бывшей принадлежности книги, который повлек за собой образование особого, структурированного в соответствии с этим принципом раздела библиотеки. В начале XVII в. этот «именной» раздел «вливается» в общую часть книжного собрания, и развивается

который, вероятно, в функциональном отношении являлся определяющим при использовании книги в монашеском обиходе. В особенности это относится к богослужебным сборникам и нотированным

⁶⁵ Рукопись тонкая, поэтому наклейка с названием и номером находится на внешней стороне верхней крышки переплета

⁶⁶ Современный шифр Солов 1195/1366

⁶⁷ На внутренней стороне верхней крышки переплета читаем запись, сделанную Досифеем собственноручно «Из книг архимандрита Досифея Род архим Дос За упокой Помяни, Господи, архимандрита Досифея, Петра, Марину, Фадея, Тимофея, Алексея, Василия, Ефрема (всего 40 имен — Е К) и их сродников»

⁶⁸ При этом библиотечная опись «с исправленными номерами» была готова только к октябрю 1839 г., если верить письму архимандрита Илария архиепископу Игнатию от 9 октября 1839 г.

функционально-предметно-форматный принцип хранения и учета книг, который достигает своего совершенства к середине столетия: в расстановке книг систематически учитывается содержание, функция, формат книги, а также то, печатная она или рукописная, а при регистрации книг важное значение опять приобретает указание имени бывшего вкладчика или владельца книги, но теперь уже этот признак не влияет на предметно-функциональную расстановку книг в библиотеке. На этой стройной, удобной в пользовании и отражающей «историю» книги системе завершается эволюция структуры средневековой монастырской библиотеки. С 1676 г. библиотека приобрела «европеизированную» структуру расстановки книг в формальном алфавитном порядке, и эта кардинальная смена систем связана с трагическим переломом в истории русской церкви и государства. В конце XVIII в. печатные книги были отделены от рукописных. В 30-х гг. XIX в., в период 1834—1836 гг., под руководством монаха Кассиана проведена полная инвентаризация монастырской библиотеки, в результате которой рукописные книги были расставлены в том порядке, какой сохранился до сегодняшнего дня.

О. В. ПАНЧЕНКО

Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: троцкий келарь Александр Булатников

По древнерусским святам день рождения Олега Викторовича Творогова (28 сентября по ст. ст.) следует за днями памяти основателей двух знаменитых русских монастырей — Троице-Сергиева и Соловецкого: Сергия Радонежского (25 сентября) и Савватия Соловецкого (27 сентября).

С этими святыми связано одно чудесное событие, случившееся в Москве в конце сентября 1627 г. Тогда, благодаря заступничеству соловецкого и радонежского чудотворцев, был исцелен строитель соловецкого подворья в Москве старец Даниил, который до этого был наказан слепотой за отказ потрудиться «в дому преподобного Сергия» (куда его послал патриарх Филарет).¹ Отказавшись *потрудиться в дому преподобного Сергия*, соловецкий старец нарушил норму, существовавшую на протяжении нескольких десятилетий (с начала 90-х гг. XVI в. до 30-х гг. XVII в.), в течение которых соловецкие старцы неизменно назначались на различные хозяйственные посты в Троице-Сергиев монастырь.

Начало этой традиции положил царь Федор Иоаннович, приславший в 1593—1594 гг. в Сергиев монастырь десять соловецких старцев, двое из которых были назначены на посты келаря и казначея.² Упоминание об этом сохранилось на последних листах рукописи, принадлежавшей соловецкому постриженнику Авраамью Палицыну (бывшему троцким келарем в 1609—1620 гг.): *«Лѣта 7102 [1593—1594] <...> государь прислал к Троици соловецких старцов»*.³ Далее в рукописи Авраамия Палицына при-

¹ Рассказ об этом событии сохранился в царской грамоте от 29 сентября 1627 г., сообщавшей об этом чуде братии Соловецкого монастыря. Текст этой грамоты была дважды опубликован в 30-е гг. XIX в. (см. ААЭ СПб, 1836 Т 3 С 256 № 173 Досифей (Немчинов), архимандрит Географическое историческое и статистическое описание сгавропигиального Соловецкого монастыря М, 1836 Ч 3 Отд I С 118—120 № 35).

² Одними из первых были присланы в Троице-Сергиев монастырь в 1593 г. старец Илья Агапитов, находившийся до этого во главе московской службы Соловецкого монастыря («В прошлом де во 101 [1593] году < > по приказу царя Феодора Ивановича < > взят он, старец Илья, из Соловецкого монастыря к живоначальной Троицы в Сергиев монастырь, и до нынешнего 115 [1607] году у живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре во всяких службах был », см. РНБ, Соловецкое собр., 18/1477, № 122), и бывший епископ Филофей Рязанский, который, однако, в скором времени скончался («В лѣто 7101 [1593] июня 1-го взят с Соловков старец бывшей епископ Рязанской к Москве, и послан к Троицы в Сергиев в строителя мѣсто < > В лето 7102 [1594] генваря 13-го в 14 час ноши преставися старец Филофей, бывшей епископ Рязанский, у Пресвятей Троицы в Сергиевъ монастырь », см. РНБ, Q XVII 67 Л 210 об).

³ БАН, собр. Соловецкого монастыря, № 10, л. 279 об.

веден полный список келарей Троице-Сергиева монастыря, заканчивающийся именами четырех соловецких постриженников: «Келари <...> Исидор Соловецкой, Акакей Гроздов, Илья Соловецкой, <...> Аврамей Палицын».⁴ Известие о присылке соловецких старцев в Троицкий монастырь впоследствии вошло и в Краткую редакцию Соловецкого летописца (созданную в начале XVIII в.): «В лето 7102-м году, по государеву указу взяты из Соловецкого монастыря десять человек старцов Исидор и Илья с товарищи, в Троицкой Сергиев монастыр Исидор поставлен келарем, а потом и Илья келарем был же у Троицы в Сергиев монастырь».⁵

Упомянутые 10 старцев, присланные с Соловков в 1593—1594 г., составили, так сказать, «первый призыв» соловлян в Троице-Сергиев монастырь. Присылке их в Троицкий монастырь предшествовала ревизия всех монастырских вотчин, предпринятая Борисом Годуновым при царе Федоре Ивановиче в 1592—1594 гг.⁶ Поводом для этой ревизии послужили многочисленные нарушения властями Троицкого монастыря соборных уложений 1580—1584 гг. (запрещавших вклад в монастырь новых земель), а также факты незаконной сдачи монастырских угодий в аренду или в пожизненное владение неслужилым людям.⁷ Стремление Бориса Годунова взять под свой контроль управление вотчинами крупнейшего из русских монастырей, вероятнее всего, и побудило его прислать в Троицкую обитель постриженников Соловецкого монастыря, не связанных духовными обетами с Троице-Сергиевым монастырем.⁸ Присланные им соловецкие старцы должны были, по замыслу Годунова, потеснить прежних управителей Троицкого монастыря и сделать управление им более «прозрачным» и эффективным. С этой целью сразу шестеро соловлян были произведены им в соборные старцы Сергиева монастыря,⁹ причем двоим из них — Исидору и Илье — были отданы посты келаря и казначая.¹⁰ С тех

⁴ Там же, л. 280 об.—281

⁵ ИРЛИ, колл. К. С. Гемп № 77, л. 14 об. Об этом же говорится и в печатной редакции Соловецкого летописца « в сем списке под летом 7102 (1594) упомянуто, что Государь (Федор Иоаннович) прислал к Троицы Соловецких старцов » (Соловецкий летописец М., 1847 С. 60, сноски 12) По-видимому, основным источником этих сведений Соловецкого летописца послужила приведенная выше запись в рукописи Авраамия Палицына

⁶ Описание троицких вотчин было произведено в 1592—1594 гг. двумя комиссиями писцов, во главе которых стояли Третяк Вельяминов и Меньшой Волынский (см. Пищцовые книги Московского государства / Изд. под ред. Н. Калачова СПб., 1872)

⁷ См. Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в северо-восточной Руси М., Л., 1947 Т. 1 С. 108—109, 253—262

⁸ Одновременно с соловецкими старцами в 1594 г. в Троицу был прислан и новый архимандрит Кирилл Завидов, бывший до этого игуменом Антониево-Сийского монастыря. Впоследствии, в марте 1605 г., он был поставлен по указу царя Бориса Годунова в митрополию Ростовские (см. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви СПб., 1877 Стб. 139)

⁹ В одной из царских грамот, присланных в Троицкий монастырь в 1595 г., в числе 10 соборных старцев упомянуто *шестеро* соловлян: келарь Исидор, Илья Агапитов, старец Венедикт, Акакий Грозной, Евфросин Назимов и Капитон Мясной (см. Арсений иеромонах Доклады, грамоты и другие акты о службах Троицкого Сергиева монастыря М., 1868 С. 49—50)

¹⁰ Соловецкий старец Исидор, присланный в 1594 г. на келарство в Троицкий монастырь, по-видимому, был одной из ключевых фигур в церковной политике Годунова. Прослужив около 3 лет келарем Троицкого монастыря, он был возвращен в Соловецкий монастырь и назначен его игуменом (1597—1603 гг.). В этом сане он принимал участие в земском соборе 1598 г., избравшем Бориса Годунова на царство. В 1603 г. соловецкий игумен Исидор был рукоположен в митрополиты Новгородские, причем, как отметил летописец, «избрал его на митрополию сам <...> царь и великий князь Борис Федорович» (Новгородские летописи СПб., 1879 С. 150). Вполне вероятно, что Борис Годунов видел в нем достойного преемника престарелого патриарха Иова.

пор традиция присылать соловецких старцев для управления Троицким монастырем просуществовала более 40 лет.

Согласно данным, собранным в 1860-е гг. библиотекарем Троицкой лавры иеромонахом Арсением и уточненным современным исследователем Л. А. Кириченко, с 1594 по 1641 г. келарскую службу в Троице-Сергиевом монастыре исполняли преимущественно соловецкие постриженники: Исидор (1594—1596), Акакий Грозной (1598—1602), Илья Агапитов (1595—1608), Авраамий Палицын (1608—1620), Моисей Соловецкий (1621—1622) и Александр Булатников (1622—1641).¹¹ В эти же годы на посту троцкого казначея также находились в основном соловецкие старцы: Илья Агапитов (1594—1601) и Венедикт (1594—1599), Капитон Мясной (1605) и Иларион Маслов (1605), Моисей (1620—1621), Спиридон (1622—1625), Никита Котельников (1625), Пафнутий (1625—1629) и Иоасаф Сороцкий (1630—1634).¹²

Как видим, в конце XVI—первой половине XVII в. Соловецкий монастырь непрерывно поставлял «кадры» для управления Троице-Сергиевым монастырем. Будущие казначеи и келари Троице-Сергиева монастыря воспитывались на Соловках благодаря хорошо организованной системе монастырского хозяйства с его многочисленными промыслами, усадьями и торговыми дворами в разных русских городах.¹³ Соловецкая система хозяйствования требовала от приказных старцев организованности, сметливости и инициативы. Школу управления вотчинами Соловецкого монастыря прошли многие выдающиеся деятели Троицкого монастыря: келари Авраамий Палицын, Илья Агапитов и Александр Булатников, казначей Иоасаф Сороцкий, строители приписных к Троицкой обители монастырей старцы Никита Котельников и Лаврентий Соловецкий.¹⁴ Навыки, полученные ими на Соловках, были востребованы также и при управлении Троицким монастырем.

В настоящей статье мы расскажем только об одном из «троицких соловлян» первой половины XVII в. — келаре Александре Булатникове.¹⁵

¹¹ Арсений, иеромонах Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЛЗАК за 1865—1866 г СПб 1868 Вып 4 С 81—82, Кириченко Л А Актовый материал Троице-Сергиева монастыря конца XVI—середины XVII в как источник состава монастырской администрации // Сергиево-Посадский музей-заповедник Сообщения 2000 М., 2000 С 59, примеч 60

¹² Арсений, иеромонах Летопись наместников, келарей, казначеев С 94—97 (иеромонах Арсений допустил одну ошибку, назвав казначеем Троице-Сергиева монастыря в 1630—1634 гг троцкого постриженника Иоасафа Пестрикова вместо соловецкого старца Иоасафа Сороцкого), Кириченко Л А Актовый материал Троице-Сергиева монастыря С 59, примеч 60

¹³ См Савич А А Соловецкая вотчина XV—XVII вв Пермь, 1927

¹⁴ В нач 1630-х гг старец Никита Котельников был строителем Свяжского монастыря, а Лаврентий Соловецкий — московского Богоявленского монастыря (см Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подгот Е Н Клитина, Т Н Манушина, Т В Николаева М., 1987 С 192, 202, 204)

¹⁵ Имя Александра Булатникова упоминается в целом ряде исследований, посвященных истории Троице-Сергиева и Соловецкого монастырей, но в большинстве из них сведения о нем носят фрагментарный характер См Арсений, иеромонах Летопись наместников, келарей, казначеев С 82—83, Скворцов Д И Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкого-Сергиева монастыря (ныне лавры) Историческое исследование Тверь, 1890 С 366—374, Никольский Н К Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв) Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей СПб, 1912 Вып 1 А—Б С 27 (ОЛДП Т 132), Иванов А Памятники соловецкой древности до XVII века // Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения Соловки, 1926 Вып 1 С 31, Савич А А Соловецкая вотчина XV—XVII вв С 211—212, 218, Трофимов И В 1) Больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия XVII в и их реставрация // Сообщения Загорского музея-заповедника Загорск,

Его деятельность относится ко «второму призыву» соловецких старцев в Троицкий монастырь, сменивших в начале 20-х гг. XVII в уже состарившихся к тому времени деятелей старшего поколения (Авраамия Палицына, Моисея Соловецкого и др.).¹⁶

Старец Александр Булатников происходил из знатного дворянского рода, владевшего поместьями в Московском и Дмитровском уездах.¹⁷

1960 Вып 3 С 109, 2) Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры (исследования и реставрация) М., 1961 С 82—83, Белоброва О А 1) «Повесть душеполезна» Никодима типикариса Соловецкого о некоем брате // ТОДРЛ М., Л., 1965 Т 21 С 204, 2) Троице-Сергиевские рукописи XVI—XVII вв в Пушкинском доме // ТОДРЛ Л., 1968 Т 23 С 314, 3) Из реального комментария к Житию Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы международной конференции 29 сентября—1 октября 1998 г М., 2000 С 141—142, Кукушкина М В Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв Л., 1977 С 42, 75, 135, Розов Н Н Соловецкая библиотека // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов М., 1980 С 320, Попов Г В Книжная культура XVI века и художественное оформление Повести о Зосиме и Савватии // Повесть о Зосиме и Савватии. Факсимильное издание Научно-справочный аппарат М., 1986 С 73—74 101, Щенникова Л А Вопросы изучения соловецких икон XVI—XVII вв // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера М. 1989 С 274, Вишневская И И Облечения XV—XVII веков ризницы Соловецкого монастыря из собрания музеев Московского Кремля // Искусство христианского мира. Сб статей М., 2001 Вып 5 С 223, Вишневская И И, Смирнова Н А 1) Облечения соловецкой ризницы // Соловецкий монастырь М., СПб., 2000 С 272—274, 282—285, 2) Облечения и богослужебные предметы из тканей // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Каталог выставки М., 2001 С 232—233, 254—255, Тутова Т А Ризничная коллекция рукописей и грамот Соловецкого монастыря // Соловецкий монастырь М., СПб., 2000 С 356, Щенникова Л А, Клевцова Р И, Соколова И М Святые иконы в Соловецком монастыре // Там же С 237—238, ил 36, Клевцова Р И Святые иконы обители // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Каталог выставки М., 2001 С 100—101 Основными источниками сведений об Александре Булатникове при написании данной статьи послужили записи на принадлежавших ему книгах и документы из соловецкого архива, хранящиеся в РГАДА, СПБ И РАН и в музее «Московский Кремль» (где находится коллекция грамот XV—XVIII вв из ризницы Соловецкого монастыря) В 1834—1835 гг по указанию соловецкого архимандрита Досифея с грамот, хранившихся в монастырской ризнице, были сделаны копии, собранные в 3 тома копийных книг В настоящее время эти тома находятся в Соловецком собрании РНБ (далее — Солов), № 18/1477, № 19/1478 и № 20/1479 Большинство текстов царских грамот, присланных в Соловецкий монастырь, цитируется нами преимущественно по копиям в книгам архимандрита Досифея

¹⁶ Александр Булатников был одной из наиболее ярких фигур «второй волны» «троицких соловлян», к которой принадлежал еще целый ряд его современников упомянутые выше казначей Сергиева монастыря Спиридон, Пафнутий и Иоасаф Сорочкий, строители Лаврентий и Никита Котельников, соборные старцы Калинин и чашник старец Федор (см Кириченко Л А Актный материал Троице-Сергиева монастыря С 63, № 25—28, 30), рядовые старцы Филофей, Даниил, Тихон, Ипатий Ожега и Прохор (см Ундольский В Новые разыскания о месте погребения Прокопия Ляпунова Приложение Список надгробий Троицкого-Сергиева монастыря, составленный в XVII в // ЧОИДР 1846 № 2 С 34, 44, Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря С 198, 206, Вкладная книга Соловецкого монастыря Архив СПБ И РАН, колл 2, оп 1, № 152, л 303, 304, 312 об, Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г Сергиево-Посадский музей-заповедник, инв № 289)

¹⁷ До пострига он, вероятнее всего, носил имя *Афанасий*, данное ему при крещении в честь святителя Афанасия Великого, архиепископа Александрийского Косвенным свидетельством этого служит тот факт, что, делая вклады в разные монастыри, Булатников назначал поминальные «кормы» по своей душе на те дни, в которые празднуется память святителя Афанасия Великого (18 января и 2 мая) Например, вклад в Козьмерчевскую пустынь в 1643 г он сопроводил следующей записью « а как Бог по его душу сошлет < > написать его в вечное поминание < > а години его пети болшая панахидя, и на братею на тот день столу быти генваря в 18 день, на память иже во святых отец наших Афанасия Великого и Кирила, во веки непременно » (см вкладную запись «скрепу» в ркп РНБ, Q I 992, л 7—48) В Соловецком монастыре одну из 2 ежегодных заупокойных служб по Александру Булатникову с «кормом» для братии также служили в день памяти святителя Афанасия Великого (2 мая) См запись в «Кормовой книге» Соловецкого монастыря (1681—1682 гг) «Маиа 2 дня корм по Троицком келаре старце Александре Булатникове» (Солов, № 191/191, л 147)

Имея влиятельные родственные связи в Москве,¹⁸ он пользовался особым покровительством семьи Романовых, благодаря чему более 20 лет находился на посту келаря Троице-Сергиева монастыря (1622—1641). Иноческий постриг в Соловецком монастыре Александр Булатников принял, вероятнее всего, в 1604—1605 гг. К этому времени относится его первый (очевидно, «постригальный») вклад в казну Соловецкого монастыря — Владимирская икона Божией Матери с предстоящим Пафнутием Борзовским.¹⁹

К 1613 г. Александр Булатников был уже одним из соборных старцев Соловецкого монастыря. В этом году он вместе с другими соборными старцами принимал участие в передаче монастыря новому игумену Ирину.²⁰ В 1617 г. старец Александр вместе со старцем Ильей Большим «дозирал» монастырские вотчины в Лямце, Пурнеме и Нижмозере.²¹ В 1619 г. он занимал пост казначея Соловецкого монастыря,²² а в 1621 г. вместе со старцем Вассианом Напольским был вызван в Москву по какому-то важному «царскому делу». Тогда же, в течение очень непродолжительного времени, Александр Булатников занимал должность строителя московской службы Соловецкого монастыря.²³

Находясь во главе московской службы, Булатников бил челом царю Михаилу Романову о беспошлинной торговле Соловецкого монастыря в Москве.²⁴ Вскоре после этого он возвратился на Соловки, но уже в мае 1622 г. был снова вызван в Москву для «великого духовного дела», связанного с назначением его на должность келаря Троице-Сергиева монастыря.²⁵

В XVII в. назначение на пост келаря этого крупнейшего из русских монастырей действительно было делом государственной важности. В ведении троицкого келаря находилось огромное хозяйство: управление всеми монастырскими службами, продовольственными запасами, денеж-

¹⁸ Среди родственников старца Александра был государев стряпчий, а затем стольник Лаврентий Григорьевич Булатников, служивший при дворе в 20—40-е гг XVII в (см Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства юстиции М., 1853 С 47)

¹⁹ На оборотной стороне этой иконы сохранилась следующая запись «Лета 7113 [1604—1605] образ Пречистые Богородицы Умиление даль вкладомъ старецъ Александръ Булатниковъ в Соловецкой монастырь окладной чаканомъ» Запись о вкладе Булатниковым этой иконы читается и во Вкладной книге Соловецкого монастыря XVII в « да он же дал образ Пречистые Богородицы в ките, обложен серебром, чеканое дело, венцы с камением, рясы жемчужные, 8 золотников» (Архив СПбИИ РАН, колл 2, оп 1, № 152, л 87 об—88) В настоящее время эта икона, датируемая концом XVI в, хранится в музее «Московский Кремль» (инв № Ж-810/1-2, 33 × 28 см) Воспроизведение ее см в кн Сохранные святыни Соловецкого монастыря Каталог выставки М., 2001 С 100—101, ил 26

²⁰ См отписную книгу Соловецкого монастыря 1613 г (Архив СПбИИ РАН, колл 2, оп 1, № 130, л 1)

²¹ Составленные ими «книги дозорные» упомянуты в описи Соловецкого архива 1676 г (см Белокуров С А Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 года) // Белокуров С А Материалы для русской истории М., 1888 С 77)

²² См запись в книге Житий Зосимы и Савватия Соловецких, вложенной в казну Соловецкого монастыря в 1619 г «Лета 7127 [1619] раб Божии священниери поп Феодор Лукин заветен был преподобным чудотворцам Изасиму и Сафатею Соловецким чудотворцам, и преподобных чудотворцав милостию Богъ меня к ним сподобил, при игумене Илинархе Соловецким настоятели, и козначеи Александре, гостиннике Григорей » (БАН, Архангельское собр., Д-251, л 4 об)

²³ См Солов., № 18/1477, л 279 об., № 196, л 280 об., № 198

²⁴ Там же, л 280 об и след

²⁵ Там же, л 293 об—294, № 203 Грамога была опубликована в кн Досифей (Немчинов), архимандрит Географическое, историческое и статистическое описание Ч 3 Отд I С 117 № 33

ными доходами и громадными вотчинами.²⁶ Будучи единоличным управителем всех монастырских владений, троицкий келарь являлся, по словам одного из исследователей XIX в., «посредником между монастырем и государем», «защитником монастырских интересов и представителем его нужд», благодаря чему занимаемая им должность была в глазах тогдашнего общества «самою выдающеюся».²⁷ Высокое положение келаря Троице-Сергиева монастыря в русской церковной иерархии отмечал в своих записках и сирийский путешественник Павел Алеппский, посетивший Россию в свите антиохийского патриарха Макария в 1655 г. По его словам, троицкий келарь «был, по своему значению, третьим правителем, ибо в этой стране считают трех правителей — царя, патриарха и келаря Святой Троицы».²⁸

Поставление Александра Булатникова на пост келаря Троице-Сергиева монастыря было совершено — по установленному чину²⁹ — архимандритом Дионисием Зобниновским в 1622 г. Вскоре после этого келарь Александр сделался фактически единовластным управителем огромного хозяйства Троице-Сергиева монастыря. Ему было дано право совершать назначения на все значимые монастырские должности, а также «чинить суд и расправу» среди братии, служек и монастырских крестьян.³⁰

²⁶ Административные функции троицкого келаря лучше всего охарактеризованы в книге С И Кедрова, посвященной Авраамью Палицыну, одному из предшественников Александра Булатникова на посту келаря Троице-Сергиева монастыря (см Кедров С И Авраамий Палицын М, 1880 С 17—21, 26) Система хозяйственного управления Троице-Сергиевым монастырем рассмотрена в целом ряде других работ Арсений, иеромонах Летопись наместников, келарей, казначеев С 62—130, Голубинский Е Е Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра М, 1909 С 137—138, Веселовский С Б Крепостной архив Троице-Сергиевой лавры // Веселовский С Б Труды по источникам ведения и истории России периода феодализма М, 1978 С 152—153, Клитина Е Н Симон Азарьин Новые данные по малоизученным источникам // ТОДРЛ М, 1979 Т 34 С 298—307, Черкасова М С Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI в М, 1996, Кириченко Л А Актовый материал Троице-Сергиева монастыря С 38—65)

²⁷ Кедров С И Авраамий Палицын С 26

²⁸ Павел Алеппский Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским / Перевод с арабского Г Муркоса М, 1898 Вып 3 С 162

²⁹ Во время чина поставления в келари архимандрит полагал ключи (символ келарской власти) в пелены храмовой иконы, а священник читал над главой поставляемого молитву главопреклонения После этого архимандрит передавал ему ключи со словами «Возьми ключи сия и храни их со опасением» — и обращался к нему со «Словом поучения к келарю», составленным в XI в игуменом Феодосием Печерским (см «Чин бываемый на произведение иконома, или келаря, и всякаго служебника» // Устав (Око церковное) М, 1641 Л 100 об — 103, Слово поучения к келарю святого Феодосия, игумена Киево-Печерского монастыря / Подгот текста, перевод и коммент Н В Поньрко // БЛДР СПб, 1997 Т 1 С 444—445)

³⁰ Согласно уставу Троице-Сергиева монастыря, архимандрит не должен был вмешиваться в дела хозяйственного управления и оспаривать сделанные келарем назначения Ограничение деятельности архимандрита сферой, относящейся к церковной службе и к духовной жизни братии, было утверждено на соборе троицких старцев в 1584 г « и жити архимариту Митрофану по монастырскому чину церковь Божья хранили по вся дни и стояти в церкви Божье со страхом, на своем месте < > А в монастырские дела ему не вступатися ни в которые < > А куды келарь и старцы пошлют служебника на службу или на которое дело монастырское, или слугу, и архимариту благословляти без ропоту, а с келарем и с казначеем и старцы соборными не перечити ему ни о которых службах монастырских А сю есмя приговорную память писали с старых книг, с монастырского уложения, поговора со всею братею, всем освященным собором < > А которые иные архимариты будут, им потому ж жити по сему приговорному списку, и по чудотворцову уставу, и святых отец по уложению » (Калачов Н Акты, относящиеся до юридического быта древней России СПб, 1884 С 3 Стб 25—28 № 274) В XVI—XVII вв подобное разделение функций архимандрита и келаря существовало, по-видимому, и в других русских обителях (см указ царя Михаила Федоровича Суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю 1640 г, посвященный разграничению обязанностей келаря и архимандрита ААЭ СПб, 1836 Т 3 С 439—441 № 298)

Отношения келаря Александра Булатникова и архимандрита Дионисия Зобниновского были далеко не безоблачными. Как рассказывается в Житии Дионисия,³¹ однажды троицкий архимандрит уличил Александра Булатникова (в житии он назван просто «икономом»)³² в желании обогатиться за счет монастыря. Случилось это после того, как «иконом» попытался обменять купленную им «пустую» вотчину (т. е. не населенную крестьянами) на равную ей по размеру «жилую» вотчину Троицкого монастыря, которую он выдавал за также ненаселенную. Уличенный в обмане, «иконом» уговорил архимандрита Дионисия не сообщать об этом деле царю и патриарху, но при этом сам написал донос на Дионисия, обвинив его в неисполнении царских и святительских повелений. По словам автора Жития Дионисия, «иконом обители тоя горд и властолюбив суши, мало страха Божия в сердце его бяше».³³ Он непрестанно досаждал смиренному архимандриту Дионисию и посылал в Москву «тайные грамоты», в которых клеветал на него, что тот якобы желает взойти на патриарший престол. Однажды он даже дерзнул нанести Дионисию публичное оскорбление, ударив его по щеке при всей братии, после чего отослал его в келию и продержал 4 дня под стражей, не допуская к нему никого из братии. И только благодаря личному вмешательству царя Михаила Федоровича архимандрит Дионисий был освобожден из-под стражи.³⁴ Близость к царю, знатное происхождение и властолюбивый характер Александра Булатникова обеспечивали ему почти полное всевластие во время его пребывания на келарстве в Троицком монастыре.

Находясь во главе Троице-Сергиева монастыря, Александр Булатников всегда помнил о месте своего пострижения и о его святых покровителях. На протяжении 20 лет он посылал в Соловецкий монастырь священные ризы, иконы, церковную утварь, книги, часы, ткани, зеркала, резные царские врата для Преображенского собора и другие врата для церкви преподобных Зосимы и Савватия и многие другие ценные вещи.³⁵

³¹ Житие и подвиги преподобного отца нашего Дионисия // Канон преподобному отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевы лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением жития его М., 1817 С 29—32

³² Автор Жития Дионисия (его ученик Симон Азарьин) сознательно опустил личное имя троицкого келаря, заменив его заимствованным греческим словом «иконом» Д И Скворцов убедительно доказал, что в образе «властолюбивого иконома», «совладевшего» монастырем в 20-е гг XVII в., был изображен именно келарь Александр Булатников (см Скворцов Д И Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкого-Сергиева монастыря С 366—374)

³³ Житие и подвиги преподобного отца нашего Дионисия С 29

³⁴ Там же С 31—32

³⁵ Некоторые из вещей, присланных Александром Булатниковым на Соловки, находились в соловецкой ризнице до самого закрытия монастыря в 1920 г К этим вещам относятся и две фелони, вложенные Булатниковым в Соловецкий монастырь в 1633 и 1640 гг В настоящее время обе фелони находятся в собрании музеев Московского Кремля На одной из них (инв № Тк-2969) сохранилась «летопись», вырезанная на серебряной пластине, пришитой к оплечью «Лета 7141 [1633] дал вкладу ризы Троицкого Сергиева монастыря келарь старецъ Александръ Булатниковъ» (см Вишневская И И, Смирнова Н А 1) Облачения соловецкой ризницы С 272—274, 2) Облачения и богослужебные предметы из тканей С 232—233) На другой фелони (инв № Тк-2300) также сохранилась «летопись», вышитая мелким жемчугом на нижнем крае оплечья «Лета 7149 [1640] при благочестивом царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея Руси и при его благоверной царице великой княгине Евдокии Лукьяновне и при их благоверных чадах, при благоверной царевне княжне Ирине Михайловне и при благоверной царевне Анне Михайловне, и при отце их богомольце святейшем Иоасафе патриархе Московском и всея Руси, живоначальныя Троицы Сергиева монастыря келаря старца Александра Булатникова дачи риза, бархат золотной по червчатой земле, оплечье жемчужное, по своей душе и по родителех, а делала старица Доминикса Волкова» (см Вишневская И И, Смирнова Н А 1) Облачения соловецкой ризницы С 282—285, 2) Облачения и богослужебные предметы из тканей С 254—255) Как вид-

Подробная роспись всех вкладов, присланных Булатниковым в Соловецкую обитель, сохранилась во Вкладной книге Соловецкого монастыря XVII в.³⁶ Их общая оценка составляла огромную по тем временам сумму — 3200 р. (более чем в 60 раз превышавшую сумму обычного крупного вклада в 50 р., необходимого для вечного поминовения).

Столь же богатые вклады Александр Булатников делал и в обитель преподобного Сергия. Среди его вкладов в казну Троицкого монастыря были Владимирская икона Божией Матери,³⁷ серебряная чаша для водосвятия,³⁸ священные ризы, золотая панагия на икону Успения Богородицы из Троицкого собора³⁹ и многие другие ценные вещи (общая сумма всех вкладов Булатникова в Троицкий монастырь составила около 2000 р.).⁴⁰ Особенно почитая память своих небесных покровителей — соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, Александр Булатников построил в Троице-Сергиевом монастыре каменные больничные палаты с церковью во имя соловецких чудотворцев.⁴¹ В созданной им церкви он

но из последней записи, фелонь 1640 г была вышита старицей московского Варсонофьевского монастыря Доминикией Волковой еще при жизни патриарха Иоасафа (ум 29 ноября 1640 г)

³⁶ Архив СПбИИ РАН, колл 2, оп 1, № 152, л 87 об — 90

³⁷ «139-го [1630] году октября в день (так! — О П) келарь же старец Александр дал вкладу образ Пречистые Богородицы Владимирские, коруна и венец, и цата, и оклад серебрян позолочен чеканные, а в коруне и в венце, и в цате 11 камней червчаты и зеленые, и лазоревы, и в том числе одна бирюза да 2 вставки жемчужных больших, на коруне и на закрепках 9 жемчужин бурминских, под венцом обнизь и ожерелье жемчужные, в обнизи камень черлен, рьсы жемчужные по 3 пряди с камнем и наконечники серебряны позолочены, с камнем бирюзой и червчатый, колечка и лапочки серебряны позолочены, а в них камешки бирюзы, цена серебру и золоту, и прикладу 70 рублей» (см Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря С 184) Сейчас эта икона находится в собрании древнерусской живописи Сергиево-Посадского музея-заповедника (инв № 4990, 32 × 28 5 см) На боковом ребре ее серебряного оклада вырезана следующая надпись «Сему образу Пречистой Богородице молитца живоначальные Троицы Сергиева монастыря келарь старец Александр, и поставил ево в церкви живоначальные же Троицы на тябле противь мошей в ногах великого чудотворца Сергия» (см Николаева Т В Древнерусская живопись Загорского музея М, 1977 С 144—145, № 246)

³⁸ «140-го [1631] году октября в 5 день келарь же старец Александр дал вкладу чашу серебряну водосвятную, весу в ней полпуда, а у ней з дву сторон 2 главы звериные золочены, а в них 2 кольца серебряных, а около чаши резан летописец золочен, в чаше во дне вырезан крест, а кругом его 6 камней, и в том числе 2 винисы червчаты, 4 достакана турецких, 2 зеленые а 2 лазоревы, под чашею поддон решедчатой, по цене за 200 рублей» (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря С 184) Сейчас эта чаша находится в Сергиево-Посадском музее-заповеднике (инв № 346, 18 5 × 53 8 см) По бокам ее находятся два кольца, закрепленные в пастях львиных морд На тулове чаши выгравирована золоченая надпись вязью «Лета 7139 [1631] мая в 20 день < > дал вкладу в дом живоначальных Троицы и великим чудотворцем Сергию и Никону сию чашу святоводную келарь старец Александр Булатников, будущаго ради покоя и вечных благ наслаждения, по себе и по своих родителей, а хто сию чашу из дому живоначальных Троицы возмет, или власти продадут или кому отдадут, суд им будет со мною на втором Христове пришествии» (см Надписи Троицкой Сергиевой лавры, собранные архимандритом Леонидом СПб, 1881 С 59, № 236) См фотографию чаши в кн Троице-Сергиева лавра Художественные памятники М, 1968 Рис 207

³⁹ В настоящее время эта икона Успения Богородицы из местного ряда Троицкого собора хранится в собрании Сергиево-Посадского музея-заповедника (см Николаева Т В Древнерусская живопись Загорского музея С 64—65, № 68) Описание приложенной к ней панагии было сделано во Вкладной книге Троицкого монастыря «148-го [1640] году марта в 25 день келарь же старец Александр приложил к образу Успению Пречистые Богородицы, что в церкви живоначальные Троицы, панагеею золота весом 24 золотника, а у ней во главе камень алмаз да на закрепках 2 жемчюга, среди панагеею образ Спасов литой золотой, около ево 6 алмазов в гнездах, да в гнездах же и в кругах 94 алмаза невелики, да в привесках 3 алмаза, и всего в панагеею 104 алмаза, цена панагеею 250 рублей» (см Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря С 184)

⁴⁰ Эти и другие вклады Александра Булатникова записаны во Вкладной книге Сергиева монастыря (см Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря С 184—185)

⁴¹ См Трофимов И В Больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия XVII в С 108—109

Осотвореніи житія и чюдъ прпѣны
 ѿцъ нашихъ Зосимы и Савватія чюдотворцо.
 писажеса житія сѣ рабѣ ѿ бѣи,
 первоначалникъ соловецкіи,
 прпѣныхъ ѿцъ нашихъ Зосимы
 и Савватія чюдотворцовъ. вѣль

Жития Зосимы и Савватия Соловецких (Солов. № 175/175). «Строение» Александра Булатникова. Писец — троицкий «знаменщик» Гавриил Басов. 1623 г.

поставил храмовую икону Зосимы и Савватия, написанную и украшенную на его личные средства.⁴²

Известно, что особую заботу троицкий келарь проявлял по отношению к анзерским пустынножителям. Помогая им в разных нуждах, он использовал свои близкие связи с царской семьей и то обстоятельство, что он был кумом царя Михаила Романова, восприемником от крестной купели царевен Ирины, Анны и Пелагии. Широко известен эпизод из

⁴² Запись об этом также была сделана во Вкладной книге Троицкого монастыря: «Да келаря же старца Александра строение образ Зосимы и Саватая соловецких чудотворцов, обложен серебром золочен, венцы и цаты резные золочены, в венцах и цатах 12 камней, и в том числе 2 лала велики; цена окладу и венцам, и цатам, и камению 93 рубли 26 алтын 4 деньги» (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 185). В настоящее время эта икона хранится в собрании древнерусской живописи Сергиево-Посадского музея-заповедника (инв. № 2965; 151 × 78.5 см). См.: Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. С. 157—158, № 276.

Жития Елеазара Анзерского, в котором рассказывается, как царь Михаил Федорович попросил Александра Булатникова указать ему духовного старца, который смог бы вымолить ему сына-наследника. По совету Булатникова в Москву был вызван анзерский пустынножитель Елеазар, который действительно, затворившись в келье, вымолил царю наследника — царевича Алексея Михайловича. Восприемником царевича от крестной купели вновь стал старец Александр Булатников.⁴³ Вскоре после этого на Анзерскую пустынь пролился щедрый поток царских милостей. Тогда же и сам Александр Булатников прислал в Анзерский скит два колокола для повседневного звона, священнические ризы, икону «преподобного Сергия в видении», Устав печатный и «две книги Прологи во весь год, писаны уставом».⁴⁴

Посылал он книги и в другие, менее известные, пустыни: Арсеньевскую, Козеручьевскую, Юрьегорскую.⁴⁵ Свидетельство об этом сохранилось в Житии Диодора Юрьегорского, в котором рассказывается, как однажды соловецкий постриженник Диодор пришел к Булатникову в Москву на Троицкое подворье и поведал ему о нуждах своей пустыни. Услышав его рассказ, троицкий келарь щедро помог ему деньгами, дал книги, священные ризы и колокола для созданной им обители и написал письмо новгородскому митрополиту Киприану, в котором попросил его помочь юрьегорскому пустыннику.⁴⁶

Будучи большим любителем книг, Александр Булатников немало способствовал развитию книгописания в Троицком монастыре и был инициатором создания целого ряда замечательных рукописей. Среди книг, созданных при его участии, особенно выделяется роскошное лицевое Житие Зосимы и Савватия с 235 миниатюрами (РНБ, Соловецкое собр., № 175/175), написанное в 1623 г. специально для Соловецкого монастыря. Образец для этой книги был предоставлен Булатникову самим патриархом Филаретом,⁴⁷ который прислал ему в помощь также и «знаменщика от царьских иконописцев».⁴⁸

Одним из мастеров, трудившихся над созданием этой книги «в чернильном писании и в золотном, в иконах и в венцах и в порфирах, и святым в подписях и в заставицах», был «знаменщик» Гавриил Басов (по прозвищу «Иванко Басов»),⁴⁹ являвшийся, по-видимому, одним из тех книжных мастеров, которые на протяжении 1620-х—нач. 1630-х гг. по-

⁴³ «В лето 7137-го [1629] марта в 17 день родися у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии сын, благочестивый царевич князь Алексей Михайлович всеа Русии, и крещен бысть в Чюдове монастыре А крестил его государь сам святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии А отец крестный был троицкий келарь Александр» (Тихомиров М П Новгородский хронограф XVII в // Тихомиров М Н Русское летописание М, 1979 С 276)

⁴⁴ См Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого скита / Подгот текста и коммент С К Севастьяновой СПб, 2001 С 250 Обе книги Пролога, присланные Булатниковым в Анзерский скит, находятся в настоящее время в Соловецком собрании РНБ (Анз, № 59/1425 и Анз, № 60/1426)

⁴⁵ См Никольский Н К Рукописная книжность древнерусских библиотек С 27

⁴⁶ См Житие Дамиана (Диодора) Юрьегорского в сборнике ИРЛИ, оп 24, № 18 (л 189 об—190 об)

⁴⁷ В настоящее время эта лицевое Житие соловецких чудотворцев, послужившее протографом для списка Александра Булатникова, находится в ГИМ (собр Вахрамеева, № 71) В 1986 г было издано факсимильное воспроизведение этого списка См Повесть о Зосиме и Савватии Факсимильное издание В 2 т / Отв ред О А Князевская М, 1986

⁴⁸ Об этом Александр Булатников сообщает в Послесловии к созданному им списку Житий соловецких чудотворцев (Солов, № 175/175, л 272—274)

⁴⁹ См запись Гавриила Басова в конце указанной рукописи (Солов, № 175/175, л 275—276)

стоянно исполняли книжные заказы Александра Булатникова.⁵⁰ Позднее келарь Александр Булатников прислал в Соловецкий монастырь еще несколько книг, созданных тем же писцом Гавриилом Басовым в сотрудничестве с другим известным троицким книгописцем — иноком Кириллом Новгородцем.⁵¹

Во время пребывания Булатникова в Троицком монастыре были созданы и знаменитые Четыи Минеи Германа Тулупова, в послесловии к которым их составитель сообщает, что написал эти книги «повелением и благословением <...> архимандрита Дионисия, и при келаре старце Александре и при казначее старце Пафнотие Соловецких з братиею...».⁵²

На протяжении своего 20-летнего келарства Александр Булатников занимался активной строительной деятельностью. Уже в первые годы своего пребывания в Троице-Сергиевом монастыре он перестроил Никонскую церковь (1623 г.), соорудил каменную палату рядом с келарской, построил новую поварню и кузницу (1624 г.).⁵³ После пожара в сентябре 1627 г. Булатников восстановил сгоревший купол церкви Сергия Радонежского и заново отстроил здания, пострадавшие от огня.⁵⁴ Позднее, в 1635 г., под его руководством был заново расписан Троицкий собор, старые фрески которого, написанные еще Андреем Рублевым и Даниилом Черным, были полностью счищены и на их месте была сделана новая роспись, выполненная по копиям со старых рублевских композиций.⁵⁵

⁵⁰ Гавриил Басов был одним из иконописцев, живших за монастырской оградой в «иконной слободе» Имя его упоминается в писцовых книгах 1623—1624 гг « да в том же Клементьеве селе нетяглая слобода, а в них живут всякие мастерские люди, а дают им из монастыря денежное жалование и отсыпной хлеб, а они на монастырь делают всякое изделие Иконописцы < > двор знаменщик *Ивашко Сергеев Басов* Сусальные мастера Ивашко Олферьев, Ивашко Юрьев » (Арсений, иеромонах Исторические сведения об иконописании в Троицкой Сергиевой лавре // Сборник на 1873 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московской публичной библиотеке М., 1873 С 120) Согласно записи в сентябрьском томе Пролога, написанном тем же Гавриилом Басовым в 1631 г (Солов., № 700/808, л 539), к этому времени он принял монашеский постриг с именем инока Гурия, был рукоположен в дьяконы и служил, «в мирских пребывая», в одной из приходских церквей, приписанных к Троицкому монастырю

⁵¹ О книгописной деятельности троицкого инока Кирилла Новгородца в 1610-е—нач 1630-х гг говорится в статье Б М Кюсса (см Кюсс Б М Заметки по истории Троице-Сергиевой лавры XV—XVII вв // Труды по истории Троице-Сергиевой лавры М., 1998 С 7—9)

⁵² РГБ, ф 304, собр Троице-Сергиевой лавры, № 665, л 566—566 об

⁵³ «В лето 7131-го [1623] обложена церковь каменна надъ гробомъ преподобнаго чудотворца Никона болши первая, при архимарите Дионисии и келари старце Александре, того жъ лета и свершена бысть < > 7132-го [1624] сделана полата кирпичная у келарской близ казны болшие Того жъ лета поставлена кузница кирпичная за братскою поварнею, мастер Елисей » (Бычков А Ф Краткий летописец Святотроицкия Сергиевы лавры // ЛЗАК за 1864 г СПб., 1865 Вып 3 С 25)

⁵⁴ «В лето 7136-го [1627], сентября в 12 день, в ноши в 7 час, против отдания Рожества Святыя Богородица, грех ради наших, погореша кельи в монастыре живоначальныя Троица и преподобных отец Сергия и Никона по обе стороны Святых ворот, и на церкви Сергия чудотворца — верх и крест позлащенный И святиша храм того жъ месяца в 23 день Сергия чудотворца В лето 7136-го [1628] поставлены две полаты по обе стороны Святых ворот 7137-го [1629] поставлены две полаты по правую сторону Святых ворот мастером Елисеем » (Бычков А Ф Краткий летописец С 25)

⁵⁵ «Въ лето 7143-го [1635] подписана церковь живоначальныя Троица въ Сергиеве монастыри вновь, при архимарите Нектарии и келаре старце Александре Булатникове и казначее старце Симоне Азариеве, а старое писмо въ ней обетшало, что было подписано при игумене преподобномъ Никоне чудотворце» (Бычков А Ф Краткий летописец С 26) Стенная живопись Троицкого собора была выполнена на деньги, данные в качестве поминального вклада по боярину Богдану Михайловичу Нагому, о чем была сделана надпись по стенам вокруг собора (см Надписи, имеющиеся в Свято-Троицкой Сергиевой лавре внутри и вне церквей на стенах и на гробницах царских и прочих знатных фамилий и других разных званий и чинов // Древняя российская вивлиофика 2-е изд М., 1791 Ч 16 С 311—

В 1635—1637 гг. Булатников, как уже упоминалось, построил двухэтажные больничные палаты с шатровой церковью во имя Зосимы и Савватия,⁵⁶ украшенной зелеными поливными изразцами.⁵⁷ В 1640 г. он воздвиг двухэтажный каменный корпус братских келий рядом со Святыми воротами.⁵⁸ По-видимому, именно эта активная строительная деятельность и навлекла на него, по «наносу некоторых, не боящихся Бога, ту сущих»,⁵⁹ приезд правительственной комиссии в 1641 г., в результате чего Булатников вынужден был оставить келарство и возвратиться «на свое обещание» в Соловецкий монастырь.⁶⁰

В грамоте царя Михаила Романова, написанной в январе 1642 г. соловецкому игумену Маркеллу, о бывшем троицком келаре говорилось следующее: «...и вы б его велели принять, и почитали ево, и пищею покоили по ево достоинству, чтоб ему нужды и тесноты никакие не было...».⁶¹ Отдельную грамоту с просьбой заботиться о Булатникове прислала и царица Евдокия Лукьяновна, писавшая о нем следующее: «...отпущен в Соловецкий монастырь на обещание бывшей Троицкой келарь, а наших царских детеи восприемник Александр Булатников, <...> и вы б ему в Соловецком монастыре дали келью добрую, и ево покоили и чтли во всем для нашего к нему жалованья...».⁶²

На Соловки Александр Булатников прибыл весной 1642 г. Оказав в прошлые годы столько благодетний Соловецкому монастырю, он не без основания рассчитывал на почет и покой по возвращении в родную обитель. Так поначалу его и приняли. Однако вскоре между ним и соловецкой братией возник острый конфликт. Привыкший повелевать и безраздельно властвовать в Троице-Сергиевом монастыре, Александр Булатников и на Соловках стал вести себя полновластным хозяином. Бывший троицкий келарь привез с собой личного духовника — священноинока Иосифа, окружил себя многочисленными послушниками и учениками и пробовал повелевать соборными старцами. В частности, он потребовал постричь в монахи нескольких своих ставленников в неурочное время (в то время как на Соловках существовал обычай постригать иноков только один раз в год —

312, Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря С 71) На роспись Троицкого собора Александр Булатников выделил из личных средств 50 золотых рублей (Там же С 184)

⁵⁶ «Того же лета [1635] почали далати и болницы новые каменные, четыре келии и церковь каменна преподобных чудотворцевъ Зосимы и Саватия Соловецкихъ, и совершена же бысть въ лето 7145-го [1637], и священна архимаритомъ Нектариемъ того же лета месяца августа въ 5 день» (Бычков А Ф Краткий летописец С 26)

⁵⁷ Поливные изразцы изготовлялись на Кирпичном дворе за оградой монастыря, где производили кирпич для проводившихся в монастыре строительных работ

⁵⁸ «Лета 7148-го [1640] живоначальные Троица въ Сергиеве въ монастыре поставлены келии каменные по обе стороны Святыхъ воровъ и въпорядь отъ архимаричьихъ келии, при архимарите Нектарии и келари старце Александре Булатникове и при казначии старце Симоне» (Бычков А Ф Краткий летописец С 26) «Братские кельи были тщательно отделаны внутри подоконники некоторых комнат сохранили глазурованные («муравленые») кирпичи с зеленой поливой, а под поздней штукатуркой обнаружены следы своеобразной росписи в виде панели из вертикальных полос шириной в 6—7 см, с чередующимися колерами — белым, оранжевым, голубым, желтым, зеленым, коричневым снова белым и т д На высоте в 123 см панели отделялись небольшой филёнкой синего тона, выше которой окраска стен и сводов имела слегка сиреневый оттенок» (Балдин В И Архитектура // Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники М, 1968 С 43)

⁵⁹ См Книга о новоявленных чудесах преподобного Сергия, творение келаря Симона Азарьина / Сообщил С Ф Платонов СПб, 1888 Л 77 об

⁶⁰ Это предположение о причинах, вынудивших Александра Булатникова покинуть Троице-Сергиев монастырь, было высказано в статье О А Белобровой (см Белоброва О А «Повесть душеполезна» Никодима типикарса Соловецкого С 204)

⁶¹ Солов 18/1477, л 402 об, № 340

⁶² Солов 18/1477, л 402 об —403, № 341

в первую неделю Филиппова поста). Не считаясь с киновиальными традициями Соловецкого монастыря, он завел свой «особный» погреб, из которого ему приготавливались отдельные кушанья. Всеми этими «новшествами» старец Александр настроил против себя всю монастырскую братию.

Стремясь получить реальную власть в Соловецком монастыре, Александр Булатников постарался провести на выборах нового игумена летом 1644 г. кандидатуру угодного ему человека. Тогда соборный старец Лаврентий, выступавший от лица всей соловецкой братии, «учал на него в церкви шуметь и бесчестить неистовыми словесы, и говорил: ему де, Александру до того и дела нет, положено, де, то дело на них». ⁶³ О нанесенном ему публичном оскорблении старец Александр Булатников немедленно доложил в Москву, откуда вскоре последовал царский указ: «...старца Лаврентия за бесчестие старца Александра <...> посадить в хлебню на неделю, а как неделю отсидит, и ево из хлебни велели выпустить; и приказали ему накрепко, чтоб он так не чинил, старца Александра и иных никою не бесчестил, жил бы смирно по монастырскому чину, <...> а будет он впредь учнет чем старца Александра бесчестить, и ему за то быть в большом наказанье». ⁶⁴

Потерпев неудачу с избранием зависимого от него игумена, Александр Булатников постарался поставить на властные должности в Соловецком монастыре своих учеников, желая (как писал вновь избранный игумен Илья Пестриков), «чтоб ему, старцу Александру, Соловецким монастырем владеть и монастырские службы ведать одному, и во всяких бы монастырских службах и в казначеях быть его учеником и келейником». ⁶⁵ Однако игумен Илья и другие соборные старцы воспрепятствовали осуществлению его планов. Тогда Булатников стал жаловаться в Москву: на то, что, сделав большой вклад в казну Соловецкого монастыря, он не получает подобающего почета, что соловецкие старцы взламывают его погреба и по наущению старца Левкия воруют его мед, и т. п. ⁶⁶

В 1646 г. для расследования жалоб Булатникова в Москву был вызван его ученик, инок Евфимий Иголкин. ⁶⁷ Но к этому времени царь Михаил Федорович умер (1645 г.), а в окружении царя Алексея Михайловича виновником «смуты» сочли самого Булатникова. Царской грамотой, присланной игумену Илье в 1646 г., повелевалось старца Александра, как и прежде, «всем покоить и во всем беречь радетельно», но его «особный погреб» было велено «отставить», а новоначальных учеников более ему не давать, потому что старец Александр — как было сказано о нем в грамоте — совершенно «объненависел». ⁶⁸

Вскоре после этого Александр Булатников попросил царя отпустить его назад в Троице-Сергиев монастырь, из-за того что соловецкие власти «смирили ево пуще темничнаго заключения, и от церкви Божией отлучили». Получив согласие царя, Александр Булатников покинул место своего иноческого «обещания» и в 1649 г. возвратился в Троице-Сергиев монастырь. Вместе с ним уехали его духовник черный поп Иосиф и два его

⁶³ Солов 18/1477, л 412 об — 413, № 368

⁶⁴ Там же, л 412 об — 413 Однако на этом «бесчестья», чинимые старцу Булатникову в Соловецком монастыре, не прекратились В другой раз, когда он сгал выovarивать чернецам Левкию и Прокопию за их слабость к винопитию, он услышал в ответ оскорбительные слова «что, де, тебе, слепому за дело?» — и многие другие «поносительные речи» (см Саввич А А Соловецкая вотчина XV—XVII вв С 211—212)

⁶⁵ Солов 19/1478, с 22 (в этой книге нумерация листов постраничная) № 17

⁶⁶ Там же, с 18—21, № 15—17

⁶⁷ Там же, с 10, № 7

⁶⁸ Там же, с 18—21, № 15—17

ученика — старцы Авраамий и Антоний.⁶⁹ Через год Булатников вызвал к себе еще одного своего ученика — инока Елевферия Двинянина, который был отпущен к своему старцу «для ради ево старости».⁷⁰

По-видимому, в последние годы своего пребывания на Соловках Александр Булатников предполагал перейти в Анзерский скит на «безмолвие». Для этого он даже построил для себя в Анзерской пустыни две келии «с сени и с чуланы». Уже после своего возвращения в Троице-Сергиев монастырь он передал обе келии в Анзерскую пустынь, записав их в качестве вклада «по себе и по своих родителей в наследие вечных благ и будущего ради покоя».⁷¹

Конец своей жизни Александр Булатников провел в Троице-Сергиевом монастыре, где и скончался, вероятнее всего, в 1657 г. (по другим данным — в 1655 г.).⁷² «Род троецкого келаря старца Александра Булатникова» был записан в «подстенный синодик» Соловецкого монастыря в числе других «братских родов».⁷³ По Александре Булатникове были установлены два ежегодных заупокойных корма, назначенных на 27 января и на 2 мая.⁷⁴

Книжные вклады, сделанные Булатниковом в Соловецкий монастырь, записаны во Вкладной книге Соловецкого монастыря XVII в.:⁷⁵ «Старец Александр Булатников дал вкладу: книгу *Евангилье толковое*, печатное, в десть, цена 7 рублей, да книгу *Житие чудотворцово в лицах* за 63

⁶⁹ Там же с 28—29, № 24, с 47—49, № 32

⁷⁰ Там же, с 84—85, № 46

⁷¹ При этом он оценил обе построенные им келии в 40 р (см вкладную грамоту Александра Булатникова в Анзерский скит, опубликованную в кн Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого скита С 207)

⁷² 1655 г указан как дата смерти Александра Булатникова в «Списке погребенных в Троицкой Сергиевой лавре», составленном в 1880 г, и в «Списке замечательных лиц духовного чина, погребенных в Троице-Сергиевой лавре», датируемом 1890 г (см Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 г М, 1880 С 51 № 568, Список замечательных лиц духовного чина, погребенных в Троице-Сергиевой лавре // Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам А В Горским в 1841 году с приложениями архимандрита Леониды М, 1890 Ч 2 С 121 № 29) Каким источником руководствовался составитель обоих этих «Списков» при установлении даты смерти Александра Булатникова, остается неизвестным (Согласно исследованию В А Ткаченко, лишь треть всех содержащихся в списке 1880 г имен обеспечена ссылками на документальные источники, см Ткаченко В А Список погребенных 1880 г как источник по истории некрополя Троице-Сергиевой лавры // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России Материалы II Международной конференции 4—6 октября 2000 г Сергиев Посад, 2002 С 272) В то же время в «подстенном синодике» Соловецкого монастыря XVII в, записи в который вносились с начала 1640-х гг, кончина «старца Александра Булатникова» датирована 1657 г (см ГМИР, колл 3, оп 1, № 392, л 11 об.) Косвенным подтверждением истинности именно этой даты, приведенной в соловецком синодике, служит то, что ученик Булатникова инок Елевферий Двинянин, вызванный в Троицкую лавру для ухода за своим старцем в 1650 г, возвратился после его кончины на Соловки не ранее 1658 г Подписи инока Елевферия еще нет под братским приговором «о неприятии службников новой печати» от 8 июня 1658 г (см Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред Н И Субботина М, 1878 Т 3 С 3—4), но известно, что в июле 1659 г он был послан в Новгород, где был рукоположен в священнический сан (см Солов 20/1479, с 255—256, № 111)

⁷³ См ГМИР, колл 3, оп 1, № 392, л 45 об Вместе с «родом» Александра Булатникова в «подстенный синодик» Соловецкого монастыря были записаны поминальные списки его учеников «род старца Иоакима, ученика Александра Булатникова» (Там же, л 142), «род старца Авраамия, ученика старца Александра» (л 143), «род священноинока Елевферия, ученика Александра Булатникова» (л 144 об.), «род старца Глеба, Александра послушника» (л 156) и «род старца Саввы Александрова послушника Булатникова» (л 156)

⁷⁴ См «Кормовые книги» Соловецкого монастыря Солов № 965/1075, л 257 269, Солов, № 191/191, л 145, 147

⁷⁵ Архив СПбИИ РАН, колл 2, оп 1, № 152, л 87 об—88, 89 об

рубли»,⁷⁶ «да он же прислал [в 1626 г.] три книги: одна *Беседы апостольские*, печать литовская, другая книга *Андриотис*, третья книга — *два евангелиста Матфей да Марко*, толковые, — за 30 рублей»,⁷⁷ «да он же прислал [в 1628 г.] две книги *Евангилья толковые* — *Иван Богослов да Лука*, писмяные, в десть, обе за 20 рублей»,⁷⁸ «да [в 1631 г.] два *Пролога*, писмяных, за 30 рублей»,⁷⁹ «да во 152-м [1643] году он же дал старец Александр вкладом книгу *Гранограф*, писменую, в десть, полной, ценою за 15 рублей».⁸⁰

Некоторые из этих книг указаны в описях Соловецкого монастыря 1632, 1640, 1645 и 1676 гг.: «*Евангелия толковые* вседневные: три книги, в полдесть, а в них писаны 4 евангелисты, толковых, повседневных, заставки у них золотые, троецкаго келаря Александра Булатникова дачи»,⁸¹ «*Евангелие*, в десть, печать литовская, <...> троецкаго келаря Александра Булатникова»,⁸² «*Деяния апостольская толковые*, печать киевская, в десть, <...> келаря Александра Булатникова»,⁸³ «две книги *Прологи*, новые, в десть, заставицы золотые, троецкого келаря Александра Булатникова дача»,⁸⁴ «Книга знаменная *Житие Зосимы и Саватия соловецких чудотворцов*, в десть, поволочена участком золотным, плащи и застешки серебряные резные, дача троецкого келаря Александра Булатникова»,⁸⁵ «*Андриотис* книга, писменная, в десть, дачи старца Александра Булатникова»,⁸⁶ «Книга *Хронографъ*, в десть, заставицы прописываны золотом, дачи старца Александра Булатникова».⁸⁷

Еще одна старопечатная книга, принадлежавшая Александру Булатникову, находилась в библиотеке Соловецкого монастыря в 40-е гг. XIX в. и была отмечена в книге архиепископа Игнатия Воронежского: «№ 1972. Устав церковный. Москва. 1633 г. 1°. Вклад старца Александра Булатникова».⁸⁸

Несколько книг было вложено Александром Булатниковым и в книгохранительную казну Троице-Сергиева монастыря (запись об этом со-

⁷⁶ Имеется в виду упомянутая выше лицевая рукопись с житиями соловецких чудотворцев (Солов., № 175/175)

⁷⁷ «Беседы Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла» были изданы в Киеве в 1623 г. Упомянутые здесь 2 рукописные книги хранятся в Соловецком собрании РНБ Андриотис (Солов., № 23/23) и Толковое Евангелие от Матфея и от Марка (Солов., № 162/162)

⁷⁸ Евангелие от Луки находится в Древлехранилище ИРЛИ (Карельское собр., № 240), а Евангелие от Иоанна — в Соловецком собрании РНБ (Солов., № 166/166)

⁷⁹ Оба тома Пролога сохранились в Соловецком собрании РНБ (Солов., № 700/808 и Солов., № 704/812)

⁸⁰ Нынешний шифр рукописи Солов., № 52/1511

⁸¹ Архив СПБНИИ РАН, колл. 2, оп. 1, № 137, л. 139 об., № 139, л. 130 об., № 141, л. 145, Белокуров С. А. Библиотека С. 17

⁸² Архив СПБНИИ РАН, колл. 2, оп. 1, № 141, л. 145, Белокуров С. А. Библиотека С. 16 В описи 1676 г. указано еще одно печатное Толковое Евангелие «дачи старца Александра Булатникова» (Там же)

⁸³ Архив СПБНИИ РАН, колл. 2, оп. 1, № 141, л. 148—148 об., Белокуров С. А. Библиотека С. 15 «Беседы Иоанна Златоуста на Деяния святых апостолов» были изданы в Киеве в 1624 г.

⁸⁴ Архив СПБНИИ РАН, колл. 2, оп. 1, № 139, л. 136 об. Ср. «Две книги Прологов по полугоду, заставицы прописываны золотом, дачи старца Александра Булатникова» (Белокуров С. А. Библиотека С. 28)

⁸⁵ Архив СПБНИИ РАН, колл. 2, оп. 1, № 139, л. 145 об. Ср. «Книга житие преподобных отец Зосимы и Саватия Соловецких чудотворцовъ, в десть, в лицах, поволочена отласомъ золотнымъ, застешки и плащи па обеих сторонах серебряные резные дачи старца Александра Булатникова» (Белокуров С. А. Библиотека С. 20)

⁸⁶ Там же С. 13

⁸⁷ Там же С. 33

⁸⁸ Игнатий, архиепископ Истина святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вере 2-е изд. СПб., 1847 С. 245

хранилась во Вкладной книге 1673 г.): «Келарь же старец Александр дал вкладу книгу *Синоксарию, сиречь собрание писанию святых отец*; да книга *Правило святых отец*, писано уставом, мелким письмом, в десть; да книга *Иванна Дамаскина*, писана уставом, в полдесть. Цена всем книгам 30 рублей».⁸⁹

В настоящее время в рукописных собраниях Москвы и Петербурга выявлено 14 книг, принадлежавших старцу Александру Булатникову и вложенных им в разные монастыри.⁹⁰

1. *РНБ, Соловецкое собр., № 23/23*. Андриатис. 1°. XVII в. Записи: 1) на л. I: «Книга глаголемая Аньдреатись казенная, дачи старца Александра Булатникова»; 2) скрепа (л. 5—21): «134-го [1626] августа въ 27 день далъ вкладу в домъ всемилостивому Спасу и преподобным отцем Зосиме и Саватию соловецким чудотворцом живоначальныя Троицы Сергиева монастыря келарь старецъ Александръ Булатников по себе и по своих родителей въ наследие вечных благъ и будущаго ради покоя»; 3) этот же текст повторен на л. 295 об.: «134-го [1626] августа в 27 день далъ вкладу в дом всемилостивому Спасу и великимъ преподобнымъ отцемъ Зосиме и Саватию соловецким чудотворцомъ книгу глаголему Андриатись святаго Иоанна Златоустаго живоначальныя Троицы Сергиева монастыря келарь старецъ Александръ Булатниковъ по себе и по своих родителей в наследие вечных благъ и будущаго ради покоя».⁹¹

2. *РНБ, Соловецкое собр., № 162/162*. Евангелие от Матфея и от Марка с толкованиями Феофилакта Болгарского. 1°. XVII в. Писец — троицкий инок Кирилл Новгородец.⁹² Записи сделаны почерком троицкого писца Гавриила Басова: 1) «скрепа» (л. 6—27): «134 [1626] августа в 27 день далъ вкладу в дом Всемилостивому Спасу и великим преподобным отцем Зосиме и Саватию соловецким чудотворцом книгу святаго Иоанна Златоустаго, поведание о Евангелии святаго Матфея евангелиста, живоначальные Троицы Сергиева монастыря келарь старецъ Александръ Булатников по себе и по своих родителей в наследие вечных благъ и будущаго ради покоя»; 2) этот же текст повторен на л. 428.⁹³

3. *РНБ, Соловецкое собр., № 166/166*. Евангелие от Иоанна с толкованиями Феофилакта Болгарского. 1°. XVII в. Писец — Гавриил Басов.⁹⁴ Записи сделаны почерком троицкого инока Кирилла Новгородца: 1) на л. I: «Лета 7136 [1628] февраля в 27 день дал сие святое Евангелие толковое, благовестие святаго славнаго и всехвалнаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова, в домъ всемилостиваго Спаса Зосимы и Саватия чудотворцовъ в Соловецкой монастырь вкладу, живоначальныя Троицы Сергиева монастыря келарь старецъ Александръ Булатниковъ, по себе и по своих родителейъ. А дано сие святое Евангелие при настоятеле тоя же святыя и великия лавры Соловецкия при

⁸⁹ См Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря С 184

⁹⁰ Список большей части этих книг приведен в упомянутом выше исследовании Н К Никольского (Никольский Н К Рукописная книжность древнерусских библиотек С 27)

⁹¹ См Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии Казань, 1881 Ч 1 С 260—261

⁹² Атрибуция почерков этой и других рукописей, написанных по заказу Александра Булатникова в Троице-Сергиевом монастыре, принадлежит Б М Клосу (см Клосс Б М Заметки по истории Троице-Сергиевой лавры С 8)

⁹³ Описание рукописей Соловецкого монастыря. Ч 1 С 166—167

⁹⁴ См Клосс Б М Заметки по истории Троице-Сергиевой лавры С 8

игумене Макарие да при келаре старце Васьяне з братиею»; 2) эта же запись повторена «скрепой» внизу листов (через семь на восьмом листе).⁹⁵

4. *РНБ, Соловецкое собр., № 175/175*. Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (лицевые). 1623 г. 1°. Записи: 1) на л. 272—274: «...написася и свидетельствовася святая сия книга <...> в лето 7131-е [1623] в велицей лавре святых живоначальных Троица и преподобных отец Сергия и Никона чудотворцов снисканием и попечением тояже великия обители келаря грешнаго инока Александра, пострижения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа и преподобных отец наших Зосимы и Савватия Соловецких начальников. <...> Сего ради и аз многогрешный, надеяся на милости Божии и святых чудотворец помощь и молитвы, яхся делу, и книгописателя и живописцы призвах и понудих на дело. Тако же и великий государь святейший Филарет, патриарх Московский и всея Руси, по умолению моему, перевод из своя святительския казны книгу знаменную соловецких чудотворцев и знаменщика от царьских иконописцев пожаловал в помощь нам прислал, <...> но и истинными воображенными живописцев потщася изьявленно вообразити, злато убо со сапфиром съплетаемо большую красоту приносит, и бисер, в злате водружен, блистаяся, веселит сердца зрящих на нь»; 2) на л. 275—276: «...написана бысть сия книга Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев знаменная, з Божию помощью, потружением и послужением в чернилном писании и в золотном, в иконах и в венцах и в порфирах, и святым в подписях, и в заставицах, малоученаго в разуме явнаго грешника и оставленнаго бедника Гаврила, прозванием Иванка, Басова, сколастника, рекше ученика, не яко мянщю ся ведуща что от божественных писаний, но в чину учащихя пребывающа. Повинув же ся послушанием повелешему государю своему прежереченному живоначальныя Троица Сергиева монастыря келарю великому старцу Александру, иже труд наш у книги сея, всех потрудившихся его милостию, не вотще бысть <...> его же бдением и попечением и прилежным промышлением и проторы книга сия писана и совершена бысть в лето 7131-е [1623] июля в 18 день».⁹⁶

5. *РНБ, Соловецкое собр., № 700/808*. Пролог за сентябрьское полугодие. 1°. XVII в. Записи: 1) «скрепа» (на л. 1, 99, 198, 286, 379, 468 — почерком троицкого инока Кирилла Новгородца):⁹⁷ «Лета 7139-го [1631], марта в 1 день, в дом всемилостиваго Спаса и Пречистыя Богородицы и преподобных и богоносных отец Зосимы и Савватия соловецких чудотворцов во святую и великую пресловущую лавру в Соловецкий монастырь пресвятых и живоначальных Троицы Сергиева монастыря келарь старец Александр Булатников по своей душе и по своих родителей, будущаго ради покоя и вечных благ наслаждения»; 2) на л. 538—539. «При державе <...> Михаила Федоровича <...> написана бысть сия святая книга Прологъ, еже есть собрание святых всего лета, отгде же кто изыде, и где родися, и киими леты, или мучения ради или пощения кийждо венец приял есть, разделена же на две части, книга от месяца сентября до месяца марта, вторая же книга от месяца марта до месяца сентября, в лето 7139-е [1631] в велицей лавре пресвятых и живоначальных Троица и преподобных отец наших

⁹⁵ Описание рукописей Соловецкого монастыря Ч 1 С 169

⁹⁶ Там же Ч 2 С 287—289

⁹⁷ См. Клосс Б. М. Заметки по истории Троице-Сергиевой лавры С 8

Сергия и Никона чудотворцев снисканием и попечением той же великия обители келарем иноком Александром, прозванием Булатников, постриженником Соловецкаго монастыря, в дом святаго боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Ты же, о пречестный и священный верше, отче и господине духовный наш настоятелю пречистыя и великия лавры Соловецкаго монастыря, и преимущей во обители велицей господие отцы и братиа и вси согласующиися и соединяющеся православию всякаго чина христоименитии людие, сию святую и богодухновенную книгу от нашего смирения с любовью восприимите и прочитающе Господу Богу и святым Его хвалу воздавайте и спасения вашего путь изобретайте, мене же смиреннаго в молитвах своих воспоминайте, да вси вкупе спасаеми в страшный и грозный день милость от Бога получим о Христе Иисусе Господе нашем...»; 3) на л. 539 — запись переписчика этой рукописи, «той же пречистыя обители живоначальные Троица смиреннаго диакона инока Гурия, в мирских же пребывающаго и персть ядущаго, по великаго Исаака слову, многогрешнаго Гаврила Басова, прозванием Иванка».⁹⁸

6. РНБ, Соловецкое собр., № 704/812. Пролог за мартовское полугодие. 1°. XVII в. Писец — троицкий инок Кирилл Новгородец, его же рукой выполнена и вкладная запись 1630 г.⁹⁹ Записи: «скрепа» (на л. 5, 142, 272, 389, 514, 614) «Лета 7138-го [1630], августа в 30 день, в дом всемилостиваго Спаса и Пречистыя Богородицы и преподобных и богоносных отец Зосимы и Саватиа соловецких чудотворцов во святую и великую пресловую лавру в Соловецкий монастырь пресвятыя и живоначальныя Троицы Сергиева монастыря келарь старец Александр Булатников по своей душе и по своих родителей, будущаго ради покоя и вечных благ наслаждения» (тождественная запись в сентябрьском томе — Солов., № 700/808).¹⁰⁰

7. РНБ, Соловецкое (Анзерское) собр., № 59/1425. Пролог за сентябрьское полугодие. 1°. XVII в. Записи (почерком инока Кирилла Новгородца)¹⁰¹ 1) на л. II: «Лета 7141-го [1633], февраля въ 7 день, сию святую книгу глаголемую Прологъ, дал въкладу въ домъ живоначальныя Троицы и преподобнаго отца нашего Михаила Малейна в Анзерскую пустыню живоначальныя Троицы Сергиева монастыря келарь старецъ Александръ Булатниковъ по своей душе и по своихъ родителейъ, будущаго ради покоя и вечныхъ благъ наслаждения»; 2) эта же запись повторена «скрепой» на л. 1—18.¹⁰²

8. РНБ, Соловецкое (Анзерское) собр., № 60/1426 Пролог за мартовское полугодие. 1°. XVII в. Записи: 1) на переплетных листах: «Лета 7141 [1633] февраля въ 7 день сию святую книгу глаголемую Прологъ далъ вкладу <...> въ Анзерскую пустыню <...> келарь старецъ Александр Булатников...» и т. д. (тождественна записи в томе за сентябрьское полугодие — Анз., № 59/1425); 2) эта же запись повторена «скрепой» внизу первых листов; 3) на л. 521—521 об. — запись переписчика этой рукописи «многогрешнаго Филипа Емельянова сына Помешина», сделанная «в лета 7138-го [1630] году месяца апреля 23 дня».¹⁰³

⁹⁸ Описание рукописей Соловецкого монастыря Ч 2 С 220—224

⁹⁹ См. Клосс Б. М. Заметки по истории Троице-Сергиевой лавры С 8

¹⁰⁰ Описание рукописей Соловецкого монастыря Ч 2 С 220—224

¹⁰¹ См. Клосс Б. М. Заметки по истории Троице-Сергиевой лавры С 8

¹⁰² Описание рукописей Соловецкого монастыря Ч 2 С 224—226

¹⁰³ Там же

9. РНБ, *Соловецкое собр.*, № 52/1511. Русский Хронограф (редакции 1617 г.). 1°. XVII в. Записи: «скрепа» (л. 1—4, 10—13): «Лета 7152 [1643] ноября в 5 день даль вкладомъ сию книгу Хранографъ въ дом Всемилюстиваго Спаса и Пречистыа Богородицы и преподобных и богоносных отецъ Зосимы и Саватиа соловецких чудотворцовъ живоначалныа Троицы Сергиева монастыря бывшеи келарь старецъ Александръ Булатниковъ по своей души и по своих родителей будущаго ради покоя и вечных благ насла[ж]дениа».¹⁰⁴

10. РНБ, *Q.I 992*. Службы и жития Зосимы и Саватиа Соловецких. 4°. XVII в. Записи: «скрепа» (л. 7—48): «Лета 7151-го [1643] августа в 1 день сию книгу Житие преподобных отецъ Зосимы и Саватиа Соловецких чудотворцев дал вкладу в дом Всемилюстиваго Спаса и Пречистыа Богородицы и преподобнаго Александра Свирскаго чудотворца на Двину в Козьеручьевскую пустыню бывшеи Троицкои келарь Александр Булатников вечнаго ради своего душевнаго спасения и памяти ради преставльшихся родителей своих с братиею, и нам ево за тот вклад, покаместа он жив, за него Бога молити, а как Бог по его душу сошлет, и нам его написати в вечное поминание и поминати по монастырскому уложению и родителей, покаместа благоволит Бог и обители стоят, как и прочих вкладчиков, а години его пети болшая панахида, и на братею на тот день столу быти генваря в 18 день, на память иже во святых отец наших Афонасия Великаго и Кирила, во веки непременно, кто не будет по нас строители и братьи, и им тако же творити. А всего его вкладу в том монастыре на пятьдесят рублей на церковное строение, а дано двадцать рублей денег, две книги, книга Маргарит за семь рублей, да сия книга Житие Соловецких чудотворцов за три рубли. И из монастыря тоя книги не вынесеть, ни продать, ни заложить, а хто сию книгу из монастыря вынесет или продаст или заложит, и ему со мною судит Бог в день праведнаго своего Суда».¹⁰⁵

11. ИРЛИ, *Карельское собр.*, № 240. Евангелие от Луки с толкованиями Феофилакта Болгарского. 1°. XVII в. Писец — троицкий инок Кирилл Новгородец, его же рукой выполнена и вкладная запись 1628 г.¹⁰⁶ Записи: 1) «скрепа» на л. 7—112 (на первых листах каждой тетради): «Лета 7136 [1628] февраля в 27 день дал сие святое Евангелие толковое, благовестие святаго славнаго и всехвалнаго апостола и евангелиста Луки, в дом Всемилюстиваго Спаса и преподобных и богоносных отецъ Зосимы и Саватиа чудотворцов в Соловецкой монастырь въкладу, живоначалныа Троицы Сергиева монастыря келарь старецъ Александръ Булатниковъ, по себе и по своих родителей. А дано сие святое Евангелие при настоятелях тоя же святыа и великия лавры при игумене Макарие и при келаре старце Васияне з братиею»; 2) на подклейке верхней крышки переплета (почерком XIX в.): «Лариону Нуркину досталось по разделу съ братомъ 1808 года»; 3) на л. 1 (почерком XIX в.): «Книга кемьского купца Федора Норкина с неделными его братьями».¹⁰⁷

¹⁰⁴ Там же С 102—104

¹⁰⁵ См Бычков И А Каталог собрания славяно-русских рукописей П Д Богданова СПб, 1891 Вып 1 С 57—58 № 60 Указанная книга, по-видимому, была передана Александром Булатниковым в Козьеручьевскую пустынь через священноинкоа Рафаила, который в том же 1643 г был переведен царским указом из Соловецкого монастыря «в Спаской монастырь Колмогорского уезда, что на Козьем ручье» (см Солов 18/1477, л 410, № 357)

¹⁰⁶ См Клосс Б М Заметки по истории Троице-Сергиевой лавры С 8

¹⁰⁷ Описание этой рукописи приведено в статье О А Белобровой (см Белоброва О А Троице-Сергиевские рукописи XVI—XVII вв в Пушкинском доме С 314—317)

12. РГБ, ф 173, собр МДА, № 31. Лествица с толкованиями. 1°. XVII в. Запись на л. I: «Лета 7143 [1635] года маиа в 13 день сию святую книгу, глаголемую Лествицу толковою, в дом святыя и живоначальна Троицы и Пречистыя Богородица Сергиеву монастырю дал келарь старец Александр Булатников в наследие вечных благ».¹⁰⁸

13. ГИМ, собр Воскресенского монастыря, № 2. Евангелие (тетр). 4°. XVII в. Записи: 1) на л. 1: «Евангелие старца Александра Булатникова»; 2) на л. 13—56 «скрепа», сделанная рукой патриарха Никона: «Лета 7169 [1661] сию книгу положил в дом святого и живоноснаго Воскресения Господа Бога нашего Иисуса Христа Новаго Иерусалима смиренный Никон, Божию милостию патриарх, а кто восхощет ю усвоити, якоже Ахарь сын Хармиев, или утаить, якоже Анания и Сапфира, да отымет от него Господь Бог святую свою милость и затворит двери святых щедрот своих, да придет на него неблагословение и клятва и казнь Божия душевная и телесная в нынешнем веце, и будущем вечная мука, а кто сие писание каким злым умышлением спишет от книги сея, да испишет его имя Господь Бог от книги животныя».¹⁰⁹

14. ГИМ, собр Шукина, № 137. Синодик Арсениевой Масленской пустыни XVII в. 4°. 1642 г. Записи: на л. 13—31 «скрепа»: «Дал вкладом живоначальные Троицы Сергиева монастыря келарь старец Александр по своей души и по своих родителей лета 7150-го [1642] году, месяца февраля въ 2 день».¹¹⁰

¹⁰⁸ Леонид, архим Сведения о славянских пергаменных и бумажных рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г, ныне находящейся в библиотеке Московской Духовной Академии М, 1887 Вып 2 С 132—133 № 31 (ЧОИДР 1884 Кн 3)

¹⁰⁹ См Амфилохий, архим Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки М, 1876 С 62, Костюхина Л М Записи XIII—XVIII вв на рукописях Воскресенского монастыря // АЕ за 1960 г М, 1962 С 287

¹¹⁰ См Яцимирский А И Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П И Шукина М, 1896 С 206—212

Е. М. ЮХИМЕНКО

Невежество и премудрость
в интерпретации выговских писателей-старообрядцев*

Противопоставление невежества и премудрости, мудрости «внутренней» и «внешней» отчетливо проявилось в русской литературе второй половины XVII в. Борьба, развернувшаяся вокруг церковной реформы, выявила два непримиримых лагеря, которые помимо прямо противоположных взглядов на «новины» патриарха Никона придерживались и двух различных эстетических позиций. Обе эти концепции получили подробную характеристику в книге А. М. Панченко «Русская стихотворная культура XVII века».¹ Науче и просвещению, т. е. «внешней» мудрости, которую исповедовали сторонники реформы, старообрядцы противопоставляли «Божью премудрость», ведущую к праведной жизни; признавали писательство «по нужде», типологически близкое апостольской проповеди. Наиболее ярко, образно и неоднократно эти идеи были высказаны протопопом Аввакумом, взгляды которого, по мнению ряда исследователей, отличал своеобразный «паулинизм».²

Писатели выговской литературной школы жили и творили в иное время: прекращение в конце XVII в. массовых жестоких гонений на староверов давало им возможность церковного и культурного строительства. Оставаясь верными заветам первых учителей старообрядчества в деле сохранения старой веры, в области культуры выговцы руководствовались современными им представлениями и поэтому в качестве образца ориентировались на литературу и искусство второй половины XVII в., вслед за барочными писателями восхваляя «внешние» риторику и философию. Подобное явление исчерпывающе охарактеризовано и объяснено в работе Н. В. Поньрко «Эстетические позиции писателей выговской литературной школы».³ Исследователь отмечает, что, признавая необходимым в сфере «словесного художества» следовать правилам риторики и философии, выговцы тем не менее сохранили противопоставление «внешней» мудрости и божественного познания истины в одной категории текстов — в своих богословско-полемических сочинениях.⁴ К этому безусловно верному наблюдению можно добавить также ряд открытых деклараций вы-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-04-00061)

¹ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 167—209.

² Клибанов А. И. Протопоп Аввакум и апостол Павел // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С. 12—41.

³ Поньрко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 104—112.

⁴ Там же. С. 107.

говских писателей, сделанных ими преимущественно в похвальных словах русским святым.

Как нами уже было установлено, в выговской литературной школе тематика слов на церковные праздники определялась кругом двенадцатых праздников и памятей святых, в честь которых были освящены часовни суземка или их приделы.⁵ Этим принципом объясняется тот факт, что похвальных слов русским святым не так много: отдельные сочинения посвящены только Зосиме и Савватию Соловецким, Александру Свирскому и Александру Ошевенскому.

Тема невежества, необученности «внешним» наукам получила подробную разработку в словах, прославляющих преподобных Зосиму и Савватия. Эти святые — «начальники» Соловецкого монастыря, от которого вела свою историю поморская старообрядческая киновия, пользовались у выговцев особым почитанием,⁶ литературным выражением которого явились восемь посвященных им похвальных слов. Среди авторов интересующих нас сочинений были знаменитые риторы — Андрей Денисов (он написал четыре слова), Семен Денисов (два) и Трифон Петров (одно слово); большинство произведений, если не все, были написаны в 10—30-е гг XVIII в.⁷

Анонимный автор писал о преподобном Зосиме, обращая внимание читателей на низкое происхождение святого: «Сей есть любитель преблагаго Бога, возлюбивый его всѣмъ сердцемъ и всею душою и дивно есть воистинну, яко поселянинъ сый, грубъ и невѣжда мним, толикою любовию к Богу возгорѣся. Село бо нѣкое мало и худо, Толвуя именуемо, имяше отечество. И кую в немъ хитрость позна, кую философию избрѣть?»⁸ «Вѣмы бо, — продолжает далее свое рассуждение автор слова, — яко мнози святии от познания божественныхъ и человекскихъ вещей снискаша огонь негасимый божественныя любве, Зосима же, в Толвуи живый, едва возможе и священное Евангелие до конца прочести, едва обрѣте время и Новаго Завѣта все писание испытати, наукъ же свободныхъ и книгъ христианскихъ философовъ ниже во снѣ видѣ, языческихъ же философовъ не точию писаний, но и именъ не вѣдѣше».⁹

Старообрядческие писатели прямо высказывают мысль о том, что невежество не препятствует любви к Богу и достижению вечной жизни. Тот же анонимный автор восхвалял Зосиму: «Обаче толикий невѣжа толикою любовию к Богу уязвися, елико не точию мира и самого себе презрѣ, но и яко ангель поживе в плоти».¹⁰ Андрей Денисов, обращаясь к Богу, говорил о соловецких подвижниках: «Человѣцы худороднии и безславнии, немудрии и нехитрословеснии, твоєю благодатию просвѣщеннии и утверженнии, вѣчную обрѣтоша жизнь и славу присноцвѣтушую».¹¹ В послании в Волозерский скит на праздник Александра Свирского (30 августа 1720 г.) старший Денисов подчеркивал невежество преподобного: «Таковый смиренный, таковый нищий, безхрамный, бездомный, простой и

⁵ Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. I. С. 114—171.

⁶ Подробнее см. Юхименко Е. М. 1) Почитание Зосимы и Савватия Соловецких в Выговской старообрядческой пустыни // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 351—354. 2) Старообрядческая реплика соловецкой культуры // Сохраненные святини Соловецкого монастыря. Сб. статей. М., 2003 (в печати).

⁷ См. Юхименко Е. М. Выговские похвальные слова Зосиме и Савватию Соловецким // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2004. Сб. 2. С. 381—382.

⁸ ГИМ, собр. Хлудова, № 274, л. 420 об.—421.

⁹ Там же, л. 421.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 470.

невѣжда (о чудеси!) толь храбро, толь мужественно ополчиси на диявола».¹²

Убедительным доказательством того, как сильно волновала выговцев тема невежества и премудрости, являются две редакции слова Андрея Денисова на день перенесения мощей Зосимы и Савватия.¹³

В авторской редакции этого сочинения («Слово на память преподобных отец наших Зосимы и Саватия соловецких чудотворцев») содержится пространный фрагмент о том, что соловецкие чудотворцы были чужды всяким наукам, а основой их богопознания явились три божественные книги: Псалтырь, Апостол и Евангелие: «Что же речем о мудрости ею? Аще бы кий из нею по обычаю любомудрых вопрошень былъ, что есть писмя или что есть человекъ, кий отвѣтъ сотворилъ бы? Не первое ли ихъ учение Псалтырь, второе же Апостоль и третье Евангелие? Не вся ли высокая лѣствица наукъ в сихъ трехъ священныхъ книгахъ и мяшесе, и содержашесе у нихъ? И воистинну сия есть высокая пренебеснаго учения лѣствица, ибо отсюду родися има всекрасная философия о безсмертной жизни, о славъ святыхъ, о Царствии Небеснѣмъ, о пици нетлѣннѣй, о благихъ, ихже око не видѣ и ухо не слыша и сердце человекское разумѣти и умъ земнородныхъ помыслити не можетъ, яже уготова Богъ любящимъ его».¹⁴

Автор переработки слова Андрея Денисова в составе II редакции Поморского Торжественника (им мог быть Иван Филиппов, под руководством которого составлялся данный сборник) еще более акцентирует факт невежества Зосимы и Савватия, подчеркивая, что они были чужды не только «внешним наукам», но и святоотеческому писанию. «Кий от обою вѣдѣяше, яко суть науки свободныя? — вопрошает старообрядческий автор. — Кий слыша имя Платона или Аристотеля? Кий видѣ книги Омировы? Кий изучися краснословию Димосфенову? Откуда же родися има любомудрие о безсмертной жизни, о славъ святыхъ, о Царствии Небеснѣмъ, о пици нетлѣннѣй, о благихъ, яже уготова Богъ любящимъ его. Еда прочтоша вся Священное Писание, еда имѣша у себе книги великихъ учителей церковныхъ Василиа Великаго и Григориа Богослова и Иоанна Златоустаго и Иоанна Дамаскина и прочихъ преславныхъ богословцев, ихже сладчайшая словеса в то время и в соборныхъ церквахъ царства Росийскаго едва можаху обрѣстися».¹⁵

Свое высказывание о благочестивом невежестве соловецких чудотворцев Андрей Денисов заключает рассуждением о превосходстве «внутренней» мудрости над «внешней», при этом выговский писатель прибегает к известному, восходящему к словам Первого послания апостола Павла к коринфянам (1 Кор. 1:27) тезису о «буих мира», посрамляющих «премудрость века сего» (эту цитату широко использовали первые старообрядческие учителя, в особенности протопоп Аввакум¹⁶). Киновиярх Выговской обители, он же создатель ее литературной школы, пишет о Зосиме и Савватии: «Не видимъ ли како буетъ Божие мудрѣе человекъ есть? Не видимъ ли, како не вѣдущии алфы опредѣлити превзыдоша выотою пре-

¹² РГБ, собр Барсова, № 330, л 23 об

¹³ Общую характеристику редакций см Юхименко Е М Выговская старообрядческая пустынь Т 1 С 152—153 См также Юхименко Е М Новонайденныя сочинения выговскихъ писателей // Там же Т 2 № 167

¹⁴ ГИМ, собр Хлудова, № 274, л 470 об —471

¹⁵ РГБ, собр Барсова, № 339, л 209—209 об

¹⁶ См Панченко А М Русская стихотворная культура XVII века С 191—192, Клибанов А И Протопоп Аввакум и апостол Павел С 20—23, Поньрко Н В Эстетические позиции писателей выговской литературной школы С 109—110

мудрости и Сократа премудраго, и Платона хитрословеснаго, и Аристотеля, отца философвъ, и Омира, творцевъ начальника?».¹⁷ И далее Андрей Денисов подробно изъясняет, как соловецкие подвижники достигли высшей премудрости: «Кое училище преславныхъ нашихъ философвъ Зосимы и Саватия? — Весь четвероконечный миръ, в немже, аки в зеркаль, ясно видится все виновная премудрость, всемогущая сила и неизреченная доброта присносушнаго и невидимаго Бога. Кто тѣмъ учитель? — Источникъ премудрости и разума Духъ Святой, иже и слѣпцы умудряетъ и безсловеснымъ слово даетъ. Кое сихъ чудное любомудрие? — Еже долняя презирати и горнихъ желати, еже земная оставляти и небесная искати, еже временная пометати и вѣчная гонити? Кий сладчайший плодъ вышняго премудрости? — Слово Божие, еже пророцы и апостоли проповѣдаша, сии на скрижалехъ сердцецъ своихъ написаша. Учение богословское, еже учителяе пролияша, аки воду, тии тщательно собираша в души своя, якоже собирають пчелы сладость медвенную».¹⁸

Сходные рассуждения, восходящие к авторскому тексту Андрея Денисова, включил в свою переработку составитель II редакции Поморского Торжественника, однако мысль о «буих мира» была им опущена: «Не видим ли на сихъ невѣждахъ небесныя премудрости? Кто тѣмъ учитель, аще не Духъ Святой? Кто наставникъ к животу вѣчному, аще не самъ Богъ, иже и слѣпцы умудряетъ и безсловеснымъ слово даетъ. Не превзыдоша ли сии невѣжды премудростию и разумомъ и Сократа, и Платона, и Аристотеля и всего лика философскаго? Не сравнишася ли и пророкомъ и апостолом и учителем и богословцемъ?».¹⁹

Выговские писатели ценили витийство, риторику, философию,²⁰ однако, как показывают похвальные слова святым, они признавали безусловное превосходство красоты божественного творения над красотой, создаваемой человеком.

«Слово на память преподобных отец наших Зосимы и Саватия соловецких чудотворцев» Андрей Денисов начинает с традиционного самоуничижительного сетования на неискренность своей речи («не имамъ во устѣхъ моихъ златоструйныя рѣки медвенныхъ словесъ») и далее замечает, что этот недостаток не существен, поскольку высок и совершенен описываемый предмет: «...добродѣтельная и чудная дѣла преблаженныхъ нашихъ отецъ, аще и краткимъ и нехитроуѣчивымъ словомъ предложатся, могутъ и сладости, вкупѣ и радости и пользы духовныя исполнити слушающихъ. Якоже бо прекрасное золото не требуетъ внѣшния красоты, не требуетъ посторонния утвари, зане само от себе дивную имѣетъ красоту и естественная того утварь побѣждаетъ художествомъ сотворенную, тако преподобных отецъ нашихъ богоданныя таланты не украшаются утварями и цвѣты риторскими, аще бы и ангельский языкъ похвалити тыя риторственно и велерѣчиво имѣлъ, зане не суть добра, но самая чудная доброта; не суть цвѣтна, но самый цвѣтъ живой; не суть красна, но самая красота неуываеваемая».²¹

В Слове на Успение Богородицы, появившемся в составе Поморского Торжественника II редакции,²² анонимный автор разрабатывает другую антитезу. словесная, искусная похвала святому — подражание его добро-

¹⁷ ГИМ, собр Хлудова, № 274, л 471

¹⁸ Там же, л 471—471 об

¹⁹ РГБ, собр Барсова, № 339, л 209 об

²⁰ Понырко Н В Эстетические позиции писателей выговской литературной школы

С 106

²¹ ГИМ, собр Хлудова, № 274, л 469 об

²² См Юхименко Е М Новонайденные сочинения № 538

детелям. Свое сочинение выговский ритор характеризует следующим образом: «Сие преблагословенный Богомати суть риторская высоковождения, витийская словоплетения, философская остроумия, богословская громогласная проповедания и самая аггелская непрестанная и все-радостная краснопления». ²³ Однако Богоматери должно, по мнению автора, принести иные дары: «честное и богоугодное житие», целомудрие, смирение, любовь. «Таковыми почестми, — пишет старообрядческий автор, — почитается Царица небесная паче всякаго златословия и сладкопления, сия приятна и возжеленна суть Богородица паче мусикийских гласовъ и риторскихъ благовождений». ²⁴

Приверженцы риторики и «словесного художества» в литературном творчестве, в сфере догматических и историко-культурных представлений выговцы оставались верны древнерусской православной традиции. Они противопоставляли свое творчество светской литературе и античным образцам. Слова на дни тезоименитства наставников, посвященные им слова надгробные и воспоминательные, похвальные слова святым и слова на церковные праздники писались выговцами не для восхваления «внешней» мудрости (хотя писательское мастерство и ставилось в заслугу киновиархам), но в назидательных целях — для прославления христианских добродетелей.

Поэтому, несмотря на всю разницу стиля, в «Книге бесед» протопопа Аввакума мы найдем те же мысли, что и у писателей Выга. «Альманашиники и звездочетцы и вси зодейшики, — писал Аввакум в Пятой беседе («О внешней мудрости»), — познали Бога внешнею хитростию, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися Богу своєю мудростию начинающей, якоже первый бладивый Неврод, и по нем Зевес прелагатай, блудодей, и Ермис пияница, и Артемида любодейца, о них же Гронограф и вси хроники свидетельствуют; таже по них бывше Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: вси сии мудри быша и во ад угодиша <...> Сего ради отверже их Бог: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наследовати спасение. Вси христиане от апостол и отец святых научени быша смирению и кротости, и любви нелицемерной; с верою непорочною, и постом, и со смиренною мудростию, живущи в трезвости, достизают не мудрости внешней, <...> но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы». ²⁵

Обращает на себя внимание тот факт, что противопоставление мудрости «внутренней» и «внешней» встречается преимущественно в словах, посвященных русским святым; в похвальных словах апостолам и учителям церкви (в частности, Иоанну Богослову, Иоанну Златоусту, трем святителям), сочинения которых относились к сфере риторики «божественной» и «кироической», но не «человеческой», указанная тема не разрабатывалась. Напротив, Трифон Петров в слове похвальном Иоанну Богослову особо подчеркивает божественное происхождение «громогласного богословия тайнаго богопроповедника», «премудрейшего высоковождения высокаго учителя», «прекраснейшего витийства пречюднейшаго вития». ²⁶

Подчеркнутая декларация невежества древнерусских святых имеет скрытый, но весьма очевидный полемический подтекст. Реформа патриарха Никона основывалась на представлении о вкравшихся в русскую

²³ РГБ, собр Барсова, № 339, л 238 об

²⁴ Там же, л 239

²⁵ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения Иркутск, 1979 С 91—92

²⁶ РГБ, Рогожское собр., № 609, л 255—255 об., 257 об

церковь ошибках и отклонениях от текста древних греческих и русских книг, тем самым под сомнение ставились нерушимость древнерусского православия и, следовательно, строгость соблюдения церковных установлений древнерусскими святыми.

В Житии протопоп Аввакум описывает свой спор с вселенскими патриархами и русскими архиереями на соборном заседании 17 июня 1667 г. В доказательство истинности троеперстия сторонники реформы приводили соответствующую практику других христианских церквей, на что Аввакум возражал и говорил о неизменности церковных преданий в русской церкви: «До Никона отступника в нашей Росии у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна», двуперстно крестились и «первые наши пастыри», и святые русские, в том числе Гурий и Варсонофий Казанские и Филипп, соловецкий игумен, бывшие на Стоглавом соборе 1551 г. «И патриархи задумались, — пишет Аввакум, — а наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: „глупы-де были и не смыслили наши русския святые, не учоны-де люди были, — чему им верить? Они-де грамоте не умели!“». ²⁷ Эти же слова своих оппонентов («глупы наши святые были и грамоте не умели») протопоп Аввакум с возмущением повторил и в «Книге толкований», и в «Книге бесед». ²⁸

Выговские старообрядцы вполне разделяли эту точку зрения. Поэтому Андрей Денисов писал о Савватии Соловецком в посвященном ему похвальном слове. ²⁹ «Не в академийх премудрости учися, не с философами, не с ритори совоспитася, сего ради от Никона и послѣдующихъ ему чины его презираемы, уставосодержания его небрегома суть. Но познавай сего великаго отца, земнаго ангела, гражданина небеснаго, древняго святыхъ, православия звѣзду пресвѣтлую, Духомъ Святымъ просвѣщеннаго, в небесныхъ обителяхъ со святыми ликоствующаго». ³⁰

В условиях раскола русской церкви тема невежества приобрела полемический подтекст. по этому признаку противопоставлялась старая и новая культурная традиция, исправление старых обрядов, по убеждению старообрядцев, велось «премудрым рассмотрением» патриарха Никона и его последователей, человеческой, а не божественной мудростью. В «Слове о новых мудрецах» Андрей Денисов писал: «Кто ли православно в Писании воспитанный попустит ему (т. е. Никону. — Е Ю.) и прочим ясныя церковныя догматы, всеогласно у святыхъ бывшия и до нас последованием дошедшия, стязовати и о них мечтати и премеянати». ³¹ Семен Денисов, вынужденный вступить в полемику с митрополитом Иовом, просил новгородского владыку написать в подтверждение своих взглядов «не силлогисмъ нѣкихъ, ниже своерасудительныхъ доводовъ утверждения, ихже святии отци бѣгати повелѣвають <...> но самая ясная от Божественныхъ писаний свидѣтельства». ³²

²⁷ Житие протопопа Аввакума С 59

²⁸ Там же С 93, 107

²⁹ Юхименко Е М Новонайденные сочинения № 166

³⁰ РГБ, собр Егорова, № 1954, л 111—111 об

³¹ Андрей Денисов Слово о новых мудрецах / Публикация и перевод Е М Юхименко // Россия и Запад горизонты взаимопознания Литературные источники первой четверти XVIII века М., 2000 Вып 1 С 418

³² ГИМ, собр Хлудова № 100Д, л 255 об Эти же соображения Семен Денисов повторил и в последнем своем послании митрополиту Иову, упоминая «Росыск о раскольничьей брынской вере» Димитрия Ростовского «И яже в ней своерасудительныя чловѣкъ доводы и силлогисмы сия мимотечением прехожду Сим бо ввѣряти (что и прежде доносих архиерею твоему) спасение души своея не смѣю, церковным святым учителемъ повинуюся, от силлогисмовъ бѣгати научающым» (Там же, л 258 об)

Реформа Никона не вызывала у старообрядцев доверия, потому что была проведена человеческим разумением. В своих сочинениях выговские авторы часто подчеркивают, что на языке «внешней» мудрости невозможно полностью выразить сущность божественных истин. Алексей Иродионов в «Слове в Новую неделю»,³³ подробно разъясняя своим слушателям богословское содержание второй после Пасхи недели (называемой иначе Фоминой или Антипасхи), все же замечает о предмете своего сочинения: «Но како сие речемъ, зане слово есть великое и требуетъ языка аггелскаго, ниже бо риторская уста доволна суть сказати толикую тайну, ниже философское слово можетъ изрещи толь пречюдное дѣло Божие, зане непостижимо есть и неизреченно. Реку обаче, елико могу, не своими же словесы, но евангелскими исповѣмъ самую истинну, не моими же глаголы, но яже суть Святаго Духа».³⁴ Человек, даже просвещенный науками, по мнению выговских писателей, не может достойно проповедовать и прославить дела Божии. Иван Филиппов в Слове на Богородичный праздник³⁵ восклицает: «Всякий языкъ благодарить Господа, но подобнаго благодарения приносити не можетъ. Поютъ пѣснословцы, витийствуютъ златословцы, чюдятся философи, хвалятъ стихотворцы и богослови, яко с небесь гремяще, высокословятъ. И еще радость пребываетъ неизреченна, еще веселие неизглаголанно, еще таинство непостижимо, зане толико преславнаго дѣла Божия нектоже можетъ исповѣдати достойно».³⁶ Ту же мысль о бессилии человека воздать должную похвалу святому высказал и Мануил Петров в «Слове на память святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла»; выговский писатель говорит об апостоле Павле: «Но кто по достоянию восхвалитъ его? Все убо по силѣ нудятся хвалити его: и ритори, и философи, и богословцы, и грубии, и невежды, и бесписменницы. По достоинству же едва и аггели могутъ восхвалити его, егоже бо самъ Богъ восхвали, глаголя: „Сосудъ избранъ ми есть сей“. Кто таковаго похвалитъ по лѣпотѣ? Неможно воистинну всякое слово, безсилень всякий умъ, груба всякая мысль, воеже таковаго и толикаго мужа воспѣти и ублажити достойно».³⁷

Вопросы веры и национальной церковной традиции оставались той сферой, в которой выговцы неизменно придерживались взглядов первых старообрядцев. Даже в заявлениях выговских писателей о своем невежестве можно видеть не только самоуничжительную позицию средневекового книжника, но и сознательное декларирование своей приверженности к древнему православию. В посланиях «внешним» персонам выговские авторы зачастую стараются подчеркнуть премудрость своих адресатов и собственное «невежество». Так, в послании Феофану Прокоповичу от 14 января 1734 г., которое начинается с неумных панегириков мудрости вице-президента Синода («всепремудрѣйший архипастырь», блистающий «добротами» «прекрасныхъ выпреноснаго наукотворения художествъ» и т. п.), Семен Денисов просит прощения, что «толь премалии и ничтожнии», «толико грубии, сухоустнии и невѣжди» вынуждены прибегнуть к «тако преизобилному в премудрости и всебогату в разумѣ архипастырю».³⁸

³³ См.: Юхименко Е. М. Новонайденные сочинения... № 265.

³⁴ РГБ, собр. Барсова, № 339, л. 128 об.—129.

³⁵ См.: Юхименко Е. М. Новонайденные сочинения... № 455а.

³⁶ РГБ, собр. Барсова, № 339, л. 82 об.—83.

³⁷ Там же, № 367, л. 65 об.—66.

³⁸ Семен Денисов. Послание выговцев Феофану Прокоповичу // Россия и Запад. горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. М., 2000. Вып. 1. С. 424—425.

Новое понимание задач сохранения старой веры и необходимость культурного строительства заставили выговских старообрядцев отделить культуру от веры. Отвечая потребностям времени, свой писательский труд они расценивали как «словесное художество», построенное по законам литературной культуры барокко. И потому знание «внешней» мудрости становилось необходимым условием творческих успехов. Так свободные науки были поставлены на службу старой вере.

В подобной позиции выговцы не находили противоречия. Напротив, разграничив сферы применения «внутренней» и «внешней» мудрости, они достигли вполне органичного их сочетания.

Подробное толкование этого сложного вопроса находим в послании выговского киновиарха Андрея Борисова в Лексинскую обитель, написанном в начале 80-х гг. XVIII в. и содержащем похвалу премудрости и учению.³⁹ Понимая премудрость по Книге премудрости Соломона, автор послания разъясняет своим адресатам: «Егда же имамы дружитися с честною Премудростию, то она насъ научить, как совершенно боятися Бога: начало бо ея есть страх Божий. Потом научит познанию всех сотворенных Богом вѣщей, для того чтобы мы, познавши совершенно Божие творение, познали от онаго совершенно и самого Творца».⁴⁰ «Внешнее» учение является всего лишь инструментом для познания божественной мудрости: «Что же касается до чтения книгъ, то духовнопремудростное и внешнее учение безпрекословно есть оному вседобрый ключъ, ибо сим всякое писание отпереть возможно, а без него како возможно, кому дерзостно войти внутрь храма Священнаго Писания»⁴¹

Выговское решение вопроса о сочетании премудрости высшей и человеческой представлялось старообрядческому миру вполне приемлемым, во всяком случае нет никаких свидетельств о том, чтобы процветание в поморской обители свободных наук заставило кого-либо усомниться в верности Выга древлецерковному благочестию. Заслуги выговцев в деле сохранения и распространения старой веры общепризнанны.

Сборнику богословско-полевических сочинений под названием «Неоцененный бриллиант», составленному в 60-х гг. XVIII в. при участии будущего киновиарха Андрея Борисова, было предпослано «Предисловие общественное». Его автор считает себя учеником выговских «премудрых древняго благочестия учителей». Он пишет: «Были и есть и инные ученые, в семь учениемъ просиявшемъ святомъ мѣстѣ многие изрядные люди, и неложно во искусности наукъ, яко грамматикии, риторики, поэтики, логики, диалектики, пѣния, арифметики, геометрии, медикии, философии и отчасти богословии непостыдными по нашему убожеству и тѣснотѣ жития нарещися могутъ. Егда бо азъ многия разных оныхъ ученыхъ мужей увидѣль и получилъ разные ученые и духовныя сложения, тогда при удивлении гласно нарекъ сие мѣсто старовѣрческия Афины. Ибо непогрѣшно, елико преславны суть противу прочихъ странъ за учение славные в поднебеснѣй Афины, толико не меньше противу всѣхъ старовѣрческия мѣстѣ преславно есть за разные ручные и разумные художества сие славное в России старовѣрческое мѣсто. А особливо за непремненное имение древлецерковнаго благочестия...».⁴² Из приведенной цитаты совершенно очевидно, что процветание наук на Выгу вовсе не умаляет авторитета поморской обители в старообрядческом мире, автор

³⁹ См. Юхименко Е. М. Новонайденные сочинения № 61

⁴⁰ РГБ, собр. Барсова, № 187, л. 63

⁴¹ Там же

⁴² ГИМ, собр. Хлудова, № 272, л. 3—3 об.

предисловия прямо называет Выг «сияющим благочестием святым местом».

Более того, из дальнейшего текста предисловия явствует, что в выговской жизни божественная мудрость и благочестие вполне сочетаются с человеческой мудростью. «Что же, благочестивый читателю, не возможши ты отискати в семь пространнѣйшем премудростию, святостию и благочестиемъ честнѣйшемъ вертоградѣ, въ богооснованнѣм и имъ соблюдаемѣмъ сем благочестивѣмъ мѣстѣ. Аще восхощши вѣдѣти или и видѣти въ дѣятелнѣй святѣй философии искусныхъ мужей, то премоного обрящши. <...> Или восхощши поискати вышеестественнаго предрагаго дѣвства красоту, увидиши и сию во многихъ свѣтлѣющуся и непогрѣшно оную до конца исправно соблюдавшихъ. <...> Еда хощши буйствомъ прикрытую мудрость увѣдѣти, вѣждь, яко и сихъ доволно суть быша в семь пребогатомъ добродѣтели мѣстѣ, да и толико инные из сихъ провозсяша, яко и тайны человѣческия вѣдаша и многия многим оные предрицаша».⁴³

Привлеченный к исследованию новый материал позволил дополнить данную ранее характеристику идейных и эстетических позиций писателей выговской школы. В похвальных словах русским святым мы находим общеправославное разделение мудрости на «внутреннюю» и «внешнюю» и те же представления о невежестве и премудрости, которые высказывали еще первые старообрядческие учителя. Древнерусские подвижники прославляются как носители благочестивого невежества, своим богоугодным житием явившие божественную истину. В выговских сочинениях обнаруживается и скрытый полемический подтекст. Подчеркивая невежество русских святых дониконовских времен, старообрядцы, которых оппоненты — сторонники «новин» и приверженцы западнорусской образованности — часто также обвиняли в невежестве, указывали, что именно они являются наследниками древнерусской традиции. Не допуская человеческого мудрования и риторических силлогизмов в сферу вероисповедания, выговцы не остались в стороне от культурных веяний своей эпохи. Построив свою литературную школу на принципах барочной поэтики, они обратили достижения «внешней» мудрости на пользу старой вере. В этом непреходящая заслуга Выга перед всем старообрядчеством. Подобная открытость новым явлениям, не затрагивающим основ веры, способность творчески освоить их и использовать себе во благо свидетельствуют о большой внутренней силе и жизнеспособности старообрядческого движения.

⁴³ Там же, л 4—4 об

А. Е. СМЕРНОВА

Материалы к описанию Нового рукописного собрания Санкт-Петербургской Духовной академии

Исследователи древних рукописей хорошо знают, что первое рукописное собрание Санкт-Петербургской Духовной академии сложилось до революции 1917 г.; в настоящее время оно хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.¹

Второе рукописное собрание СПбДА (предлагаем называть его Новым рукописным собранием СПбДА) почти неизвестно широкому кругу специалистов. Единственная статья, в которой характеризуется это собрание, принадлежит В. Г. Пуцко.² Между тем в настоящее время собрание СПбДА насчитывает более 1500 единиц хранения XVII—XX вв. и продолжает пополняться. Около 80 % собрания составляют студенческие сочинения и неопубликованные богословские труды XX в., за исключением которых собрание насчитывает всего около 300 рукописей и старопечатных книг. Кроме того, некоторые рукописные книги хранятся в библиотеке СПбДА, не входя в рукописное собрание.³ Начало собрания связано с открытием Ленинградской духовной семинарии в 1946 г. Его основу составили частные пожертвования, однако проследить историю большинства рукописей очень сложно.

Основное место в собрании занимают богослужебные сборники (более 200 ед. хр.), среди которых много нотированных.⁴ Новое рукописное собрание СПбДА содержит более 30 старообрядческих рукописных и печатных книг как поповского, так и беспоповского согласий.

¹ См. Абрамович Д. И. Описание рукописей Санкт-Петербургской Духовной академии Софийская библиотека СПб, 1905 Вып. 1, СПб, 1907 Вып. 2, СПб, 1910 Вып. 3, Родосский А. С. Описание 423-х рукописей, принадлежащих Санкт-Петербургской Духовной Академии и составляющих ее первое по времени собрание СПб, 1893.

² Пуцко В. Г. Малоизвестные рукописные собрания Ленинграда // ТОДРЛ М., Л., 1970 Т. 25 С. 345—348. К сожалению, эта статья устарела и требует уточнений и дополнений. Так, например, в настоящее время в собрании отсутствуют упомянутые в статье рукописи под № 3, 4, 6, 8, 17, 258, 259. Содержание рукописей № 17 и 124 не соответствует описанию В. Г. Пуцко. Существует также статья Ю. П. Аввакумова, посвященная описанию Миссала 1463 г. (рукопись № 827Р Нового рукописного собрания СПбДА теперь отсутствует). Автор последней статьи выражает надежду на то, что его работа обратит внимание специалистов на данное рукописное собрание (А в а к у м о в Ю. П. Иллюстрированный Миссал XV века в рукописном собрании ЛДА (Ленинградской Духовной академии — А С) // Богословские труды М., 1989 Сб. 29 С. 280—289).

³ Здесь, например, нами обнаружена рукопись № 109604, содержащая службу Варлааму Хутынского (нач. XX в.).

⁴ С собранием работал известный исследователь певческих рукописей М. В. Бражников, сохранилась его картогека.

Заметной частью собрания являются кодексы, содержащие памятники древнерусской письменности, среди которых можно выделить агиографические сборники русских и переводных житий (№ 16Р, 20Р, 130Р, 195Р, 283Р, 328Р, 387Р), Келейный летописец Димитрия Ростовского (№ 283Р, 780Р), сборники, посвященные патриарху Никону (№ 114Р, 357Р), сборники поучений древних отцов церкви и русских проповедников (№ 128Р, 166Р, 229Р, 337Р, 349Р, 353Р, 1649Р), а также сборники смешанного содержания. В последних нами обнаружены, например, такие памятники, как «Сказание о пришествии Грузинской иконы Божией Матери» (№ 360Р), «Сказание о заложении церкви Святой Софии в Новгороде» (№ 336Р), «Лествица от Патерика Печерского» (№ 1649Р), рассказы патерикового типа о русских подвижниках (№ 336Р, 360Р), выписки исторического содержания из летописей, хронографов (№ 336Р, 338Р, 365Р, 1649Р) и др.

В связи с проводимой Отделом древнерусской литературы работой над Каталогом житий русских святых предлагаем описание сборников Нового рукописного собрания СПбДА, содержащих жития и службы русским святым, с учетом правил составления Каталога.

№ 16Р Служба и житие Моисея Новгородского. Нач. XVIII в. 4°. 63 л.; л. 45—46, 48—53 отсутствуют. Переплет: доски в коже с тиснением. Владельческие записи: на форзаце: «Служба Сквородного монастыря Моисея архиепископа Новгородскаго [далее неразборчиво]»; на л. 1 (карандашом): «На Войнове 20 копеекъ взялъ у меня [далее неразборчиво]»; на л. 53: «Радуйся, святителю отче Моисее, архиерею великаго Новаграда. 1765 года на память Моисея архиепископа»; на л. 53 об.: «Сия книга столпника Кандратъя Тихоновича Зыкова, а потъписал своею рукой»; там же: «Державнеши [так!] царь Государь, милостивеши праш(?) у вашего величества»; имеется также машинописный вкладыш на нем. яз.: «Das Leben und die Taten des Hl. Erzbischofs Moses (gelebt im. 14. Jahrh.) von Nowgorod. Mit späterer Nachschrift, dat. 1765. Handschr.». Содержание: л. 1—43 — Служба Моисею Новгородскому (на малой вечерне стихиры на «Господи воззвах», нач.: «Троическим светом озаряем, со ангелы ликуеши...»); л. 63—63 об. — Житие Моисея Новгородского (в виде краткой таблицы, содержащей основные события жизни святого с хронологией от сотворения мира и от Рождества Христова), нач.: «Моисей святыи на вербной недели во вторник хиротонисан святым Петром митрополитом...».

№ 20Р Сборник житий новгородских святых. 2-я пол. XIX в. 4°. 90 л.; л. 34—36, 45, 89, 90 пустые. Переплет: картонный. Содержание: л. 1—5 об. — Сказание о чудесах Антония Дымского (8 чудес), нач.: «Человек некий именем Симеон Тихфинскаго посада житель...»; л. 5 об.—15 — Житие Антония Леохновского (с описанием чудес и повествованием о преставлении святого и перенесении его мощей в Леохновский монастырь), нач.: «Сей преподобный наш Антоний родися от благочестиву и благородну христианину родителю <...> Вениаминовых...»; л. 15 — почерком основного текста: «Преподобный Ксенофонт, ученик преподобнаго Варлаама Хутынскаго, строитель Троицкаго монастыря, иже на Рабьи, от Нова града 16 поприщъ, преставися в лето 6770 иуния в 28 день, мощи под спудом»; л. 15 об.—33 об. — Житие Евфимия Новгородского (редакция Пахомия Логофета с чудесами), нач.: «Понеже убо онем великим и божественным мужем, иже и от чрева матерня освященных...»; л. 37—41 — Житие Николы Кочанова (с чудесами), нач.: «Святыи блаженный Христа ради юродивый Николай Кочанов родися в Великом Новеграде»; л. 42—44 об. — Житие Антония Дымского «вкратце», нач.:

«В преиенитом славном великом Новеграде славна и честна обитель...»; л. 46—88 об. — Житие Ефрема Перекомского (указывается, что житие написано «учеником преподобного <...> игуменом Романом и некоторыми другими писателями»), нач.: «Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Ефрема отец был Стефан, а мать Анна...»; л. 88—88 об. — молитва Ефрему Перекомскому, нач.: «О, преподобне и богоносне отче Ефреме, великий чудотворче...».

№ 195P Сборник агиографический, посвященный Нилу Столобенскому. XVIII в. 2°. 179 л.; л. 146 об. пустой. Переплет: картонный с кожаным корешком. Владельческие записи: л. 3—5 скрепа: «Высоцкаго монастыря архимандрита Александра»; на л. 5 об.: «Иоанна Домини»; на л. 179 об. скорописью: «1803 года февраля 24 дня была для богомолиа города Вязьмы перьвой гильдии именитаго гражданина Лаврентья Гондукова жена его Ксения Гондукова с внуком своим Николаем Брагиным. При ней был вяземский купец Антип [далее несколько слов неразборчиво]. Рукопись принадлежала Музею истории религии, реставрирована. Содержание: л. 1—27 об. — Служба Нилу Столобенскому (на малой вечерне на «Господи возвах» стихира, нач.: «Наста, богоносе, солнца светлейши твой праздник...»); л. 28—146 — Житие и чудеса Нила Столобенского (с прижизненными и 10 посмертными чудесами), нач.: «В последняя времена явься, древним святым подобен бысть...»; л. 147—175 об. — Слово похвальное «от чудес предивнаго жития» Нилу Столобенскому, нач.: «Приидите, святое и честное постник сословие...»; л. 176—179 об. — Сказание об обретении и перенесении мощей Нила Столобенского, нач.: «В лето от создания мира 6175-го, а от воплощения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1667-го...».

№ 283P Сборник. Кон. XVII—нач. XVIII в. 2°. 1016 л.; л. 375—395 частично вырезаны, л. 376 об., 523 об., 591 об., 624 об. пустые, в конце приплетен печатный указ императрицы Екатерины II от сентября 1762 г. Переплет: ветхий, доски в коже. Владельческие записи: л. 1 — «Пожертвана в будущее поминовение раба Божияго Владимира Михайловича Егорова 1950 г. гор. Нежин Черниговской епархии — иерей Иоанн Волочаев». Содержание: л. 1—375 — Келейный летописец Димитрия Ростовского (без окончания; в конце основного текста приписка: «Надобно дописать сея книги на чистых сих листах в летописа [так!] святого Димитрия Ростовского»); л. 395—1016 — Избранные жития святых, повести и похвальные слова: Повесть об Успении Божией Матери (л. 395—416 об.); Житие прп. Онуфрия Великого (л. 417—436 об.); Житие прп. Петра Афонского (л. 437—503 об.); Слово Иоанна Златоуста на рождество Иоанна Предтечи (л. 503 об.—510); Житие прпп. Ксенофонта и Марии (л. 511—523); Житие прп. Феодоры (л. 524—537 об.); Житие прп. Иоанна Кушника (л. 538—552); Житие прп. Ефросинии Александрийской (л. 552 об.—563 об.); Житие вмч. Пантелеимона (л. 564—581 об.); Житие прп. Моисея Мурина (л. 582—591); Житие прп. Симеона Юродивого и Иоанна, спостника его (л. 592—624); Житие Киприана и Устиния (л. 625—635); Житие Андрея Юродивого (л. 635 об.—652 об.); Житие прор. Моисея Боговидца (л. 653—661 об.); Житие прор. Иезекииля (л. 662—670 об.); Житие свт. Иоанна Новгородского (нач.: «Новий чудотворец Российстий свягий Иоанн родися в велицем Новгороде от благородну родителю...», л. 671—677); Житие прп. Тита, пресвитера Печерского (нач.: «Како откривается гнев Божий с небесе на гнев человеческий, такожде и мир Божий превосходяй всяк ум...», л. 677—678 об.); Житие Алексея Человека Божия (л. 677—678); Житие прп. Пелагии, быв-

шей блудницы (л. 688—700); Повесть о перенесении мощей царевича Дмитрия (нач.: «По представлении благоверного царя и великого князя Иоанна Московского Василиевича...», л. 700—724 об.); Житие вмч. Евстафия Плакиды (л. 725—743); Житие прп. Марка Афинского (л. 744—750 об.); Повесть о покаянии Феофила-Эконома (л. 751—763); Житие прп. Иоанна Многострадального Печерского (нач.: «Многими скорбми подобает нам внииты во царствие Божие, учителю языков рекшу...», л. 763—767); Житие прп. Моисея Угриня (нач.: «Наипаче враг нечистый обыче страстию нечистою блудною брань воздвизаты на человека...», л. 767—773); Житие прп. Самуила (л. 778—787 об.); Житие прор. Илии (л. 788—790); Житие прпп. Феодора и Василия Печерских (нач.: «Корень всем злым сребролюбие есть, — божественный апостол Павел рече...», л. 790 об.—799); Житие прп. Пимина Великого (л. 799 об.—808); Житие прав. Филарета Милостивого (л. 809—827 об.); Житие Феодора Едесского (л. 828—863); Синаксарь на рождество Иоанна Предтечи (л. 863 об.—865); Житие прп. Марии Египетской (л. 866—885 об.); Житие и чудеса свт. Николая Чудотворца (л. 886—909); Слово похвальное Николаю Чудотворцу (л. 909—913); Сказание о перенесении мощей Николая Чудотворца (л. 913—916); Сказание о чудесах Николая Чудотворца (л. 916—974); Житие прп. Мартинаиана (л. 974—985 об.); Житие вмц. Варвары (л. 986—998 об.); Повесть о перенесении мощей вмц. Варвары в Киев (нач.: «Честния мощи святыя великомученицы Варвары от стран греческих в землю Русскую...», л. 999—1005); «Успение князя Владимира» (нач.: «Великий Владимир князь Киевский и всех русских стран самодержец...», л. 1005—1014).

№ 338P Сборник смешанного содержания. Нач. XX в. 4°. 87 л.; л. 8 об., 11 об.—17, 65, 73, 86 об.—87 об. пустые. Переплет: картонный с кожаным корешком. Содержание: л. 1—8 — Житие Феодосия, архиепископа Астраханского, нач.: «Сей иже во святых отец наш Феодосий рождение име и воспитание град Ярославль...»; л. 9—11 — «Тифологий, сиречь собрание от святаго Писания»; л. 9 об.—11 — «О вечности церкви Христовой и ея таин»; л. 33—73 — Краткое толкование 150 псалмов; л. 74—81 об. — Рассуждения на библейские цитаты; л. 82—86 — «Гранограф» (отрывки: л. 84 об. «Сказание чего ради поклоняемся на восток»; «Летописец вкратце» без окончания).

№ 387P Сборник житий святых. Кон. XVII—нач. XVIII в. 4°. 556 л.; конец утрачен, между л. 61—62 несколько листов утеряно. Переплет: доски в коже с тиснением. Владельческие записи: на л. 5—7 скрепа: «Сия [неразборчиво] книжка Новагорода Печерскаго монастыря [слово неразборчиво]»; на припереплетном листе в конце подобная запись поздней скорописью: «Сия книга XVIII в. писана в Новеграде Печерскаго монастыря». Содержание: жития святых в порядке месяцеслова. Сентябрь: Житие прп. Симеона Столпника (л. 5—8 об.); Житие мчч. Мамонта, Феодота и Руфины (л. 8 об.—17 об.); Сказание о чуде Михаила Архангела в Колосах и Житие Архипа Пустынника (л. 17 об.—19 об.); Житие прп. Феодоры Александрийской (л. 19 об.—24 об.); Житие вмц. Евфимии Прехвальной (л. 24 об.—28); Житие мцц. Веры, Надежды, Любви и Софии (л. 28—34); Житие свв. Евстафия и Феопистии (л. 34—40 об.); Житие вмц. Феклы (л. 40 об.—46); Житие прп. Ефросинии Александрийской (л. 46—49 об.); Житие мчч. Дады, Говедая и Каздоя (л. 50—52 об.). Октябрь: Житие Киприана и Устины (л. 52 об.—56 об.); Житие прп. Иоанна Хозевита (л. 56 об.—58); Житие прпп. Андроника и Афанасии (л. 58—61); Житие прп. Иульяна Ефратского (л. 61—62); Житие мч. Артемия Дукса (л. 62—63 об.); Житие свт. Аверкия Ерапольского (л. 63 об.—64 об.); Житие семи

отроков Ефесских (л 64 об—72), Сказание о чудесах вмч Димитрия (л 72—73 об), «Повесть об иверех, како приидоша во благоразумие» (л 73 об—74 об), Житие вмц Параскевы Пятницы (л 74 об—78 об), Житие прп Авраамия Ростовского (нач «Преподобный отец наш Авраамий бе родителю благочестиву сын», л 78 об—82) *Ноябрь* Житие свв Козьмы и Дамиана (л 82—84 об), Житие мчч Галактиона и Епистимии (л 84 об—89), Житие мч Мины (л 89—105 об), Житие мчч Виктора и Стефаниды (л 105 об—108), Житие св Иоанна Милостивого (л 108—113), Житие мчч Екатерины, Вергилия и Ветия (л 113—119 об), Сказание о чуде св Климента «об отрочате» (л 119 об—131), Сказание о чуде св Георгия о змие (л 131—136 об), Житие мч Иакова Перского (л 136 об—141), Житие мч Иринарха (л 141—144) *Декабрь* Житие прав Филарета Милостивого (л 144—146 об), Житие мцц Варвары и Ульянии (л 147—158), Житие мчч Филимона и Аполлония (л 158—163), Житие сщмч Елеуферия (л 163—166), Житие прп Стефана Сурожского (л 166—175), Житие мц Ульянии (л 175—179 об), Поучение Кирилла Иерусалимского в навечерие Рождества Христова «от еврейского послания» (л 179 об—184 об), Слово Иоанна Златоуста «о Ироде и о младенцах избивенных» (л 184 об—186 об) *Январь* Житие свт Василия Великого (л 186 об—201 об), Житие мчч Феопемпта и Феоны (л 201 об—205), Житие прп Домники (л 205—209 об), Житие св Таисии (л 209 об—210 об), «Повесть об избииении святых отец в Синае и Раифе» (л 210 об—217 об), Житие прп Павла Фивейского (л 217 об—220), Житие прп Иоанна Кушника (л 220—226), Житие прп Макария Египетского (л 226—242), Житие мч Неофита (л 242—244 об), Житие прп Ксении Римляныни (л 244 об—249), Житие прп Ефрема Сирина (л 249—251 об) *Февраль* Житие мч Трифона (л 252—260), Житие мц Агафии (л 260—263), Житие мц Феодулии (л 263—266), Житие свт Парфения Лапсаческого (л 266—270 об), Житие вмч Феодора Стратилата (л 270 об—273 об), Житие сщмч Власия (л 273 об—276 об), Житие прп Мартиния (л 276 об—284), Житие прп Авксентия (л 284—299 об), Житие прп Александра Алсийского (л 299 об—311 об) *Март* Житие мц Евдокии (л 311 об—321), Житие мчч Евтронпия, Клеоника и Василиска (л 321 об—325 об), Житие мчч Павла и Ульянии (л 326—341 об), Сказание о чуде св Конона (л 341 об—347 об), Житие свт Григория, папы Римского (л 347 об—349), Житие сорока мчч Севастийских и св Петра Севастийского (л 349—352 об), Житие мч Кондрата и дружины его (л 353—358), Житие мч Александра Пресвитера (л 358—362 об), Житие Алексия Человека Божия (л 362 об—366), Житие прп Павла Простого (л 366—368), Житие мчч Хрисанфа и Дарии (л 368—373 об), Житие вмц Фотинии Самаряныни (л 373 об—377 об), Житие сщмч Артемона (л 377 об—381), Слово Иоанна Дамаскина на Благовещение (л 381—386 об) *Апрель* Житие прп Марии Египетской (л 386 об—394), Житие прп Афонасии (л 394—399 об), Сказание о «Малсе-мнисе» и житие прп Иоанна, «иже на Студенце» (л 399 об—406), Житие вмч Феодора (л 406—407 об), Житие вмч Георгия (л 407 об—414 об), Житие свт Доната (л 414 об—415) *Май* Житие прп Марка Афинского (л 415 об—419), Житие мчч Тимофея и Мавры (л 419—422 об), Житие прпмц Иринии (л 422 об—433), Житие прп Арсения (л 433 об—441), Житие мч Христофора (л 441—446) *Июнь* Житие прп Виссариона Постника (л 446—450), Житие мч Еразма (л 450—453 об), Житие прп Онуфрия Великого (л 453 об—460), Житие мчч Вита, Модеста и Крестанция (л 460—464), Житие прп Николы Мниха (л 464—465 об), Житие мц Агапии (л 465 об—466), Житие прпмц Февронии (л 466—476 об) *Июль* Житие

вмч. Прокопия (л. 476 об.—487); Житие мч. Антиоха (л. 487—489 об.); Житие мч. Марины (л. 489 об.—496 об.); Житие и похвала прор. Илии (л. 496 об.—498 об.); Житие мч. Христины (л. 498 об.—505); Житие мч. Евпраксии (л. 505—516 об.); Житие мч. Пантелеимона и дружины его (л. 516 об.—523 об.). *Август*: Сказание о перенесении мощей первомч. архидиакона Стефана (л. 523 об.—532); Житие прп. Паисия Великого (л. 532—551); Повесть Константина Парфирстегнита о Нерукотворенном образе Иисуса Христа (л. 551—553); «Ино сказание о нерукотворенном образе», без окончания (л. 553—556).

В оглавлении рукописи № 387Р также указаны Сказание о Владимирской иконе Божией Матери и Сказание о Тихвинской иконе Божией Матери, которые в рукописи отсутствуют.

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, ФОЛЬКЛОР

Г. М. ПРОХОРОВ

Древнерусское слово *съвѣсть* и современные русские слова *совесть* и *сознание*

(Заметки историка культуры)*

Русские слова *совесть* и *сознание* тождественны по конструкции и очень близки по составным частям: *со-* и *со-*, *вѣсть* и *знание* (*знаток* — *невежда*, *естествознание* — *искусствоведение*). И это не случайное сходство: в ряде европейских языков — в греческом, латинском, французском, итальянском, испанском — вместо двух русских слов одно. Более того, сравнительно недавно точно так же было и в русском.

Когда же и как произошло у нас «раздвоение» слова? Как соотносятся между собой эти «ветви-двойники» и откуда они «произросли»?

Съвѣсть и *совесть*

Славяно-древнерусское слово *съвѣсть*, или *совѣсть*, сохранилось в записях начиная с XI в.,¹ но должно было возникнуть по самой меньшей мере на два столетия раньше — в эпоху Константина-Кирилла и Мефодия, если незадолго до того — при Кирилле Каппадокийском в VII в. или блаженном Иерониме в IV в.,² — при первых переводах на славянский язык с греческого церковных текстов. Но в любом случае непосредственно или опосредованно (через то же слово, написанное первой славянской азбукой, глаголическими буквами) оно точно отражает, калькирует греческое слово ἡ συνείδησις.³

* Публикуемая работа является переработанной и дополненной версией статьи, напечатанной при содействии Стефана Кожухарова 30 лет назад по-болгарски Прохоров Г (Ленинград) Староруската дума *съвѣсть* и съвременните руски думи *совесть* и *сознание* // Език и литература 1973 Кн 4 С 45—53

¹ См., например Изборник 1076 г М, 1965 С 1014, Енински Апостол Старобългарски паметник от XI век София, 1965 С 252, Срезневский Материалы Т 3 Стб 679

² См Прохоров Г М Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ СПб, 1992 Т 45 С 178—199

³ ἡ συνείδησις («сюнэйдесис», в новом греческом произношении «синидизис») состоит из приставки *сун-* «со-» и существительного *εἶδησις* — «(по)знание», от глагола *εἶδω* — «видеть, созерцать, познавать». В греческом языке есть еще почти одинаковое с ним по строению и едва ли не тождественное по смыслу слово *το συνεῖδος* (*еἶδος* — вид, образ, идея) А А Реформатский (Введение в языкознание М, 1955 С 117) пишет, что «калька — это перевод по частям иноязычного слова или выражения с последующим механическим сложением переведенного воедино Т о при калькировании заимствуется комбинация элементов, сами же элементы представляют не иноязычный, а свой материал Кальки возникают книжным путем, это обычно дело рук переводчиков» Потому думаю, что до переводов с греческого слово *съвѣсть* в славянском языке не существовало

Показательно, что в ранний период славянской письменности было некоторое колебание в передаче этого греческого слова: в одном списке XI в. сочинений Григория Назианзина $\sigma\upsilon\nu\epsilon\iota\delta\epsilon\sigma\iota\varsigma$ передано иной, даже, пожалуй, более точной калькой $\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\upsilon\delta\epsilon\delta\iota\upsilon\sigma\iota\varsigma$ («совѣщание съвѣдѣння к Богу»)⁴ По каким-то причинам в передаче греческого $\sigma\upsilon\nu\epsilon\iota\delta\epsilon\sigma\iota\varsigma$ возобладали, однако же, $\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\upsilon\delta\epsilon\delta\iota\upsilon\sigma\iota\varsigma$.⁵

Греческое слово $\sigma\upsilon\nu\epsilon\iota\delta\eta\sigma\iota\varsigma$ известно с IV в. до Р. Х. и встречается во многих церковных книгах, но очень интересно его распределение в древнейшей из них — Библии. В Ветхом Завете в переводе семидесяти толковников, Септуагинте (III в. до Р. Х.), это слово использовано только один раз (Еккл. 10:20) и то не в смысле «совесть», а в смысле «мышление», «мысль». На славянский оно переведено как $\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\upsilon\delta\epsilon\delta\iota\upsilon\sigma\iota\varsigma$ («И в совѣсти твоѣ не клени царя»), на латинский — как *cogitatione*, а на русский — как «мысли» («Даже и в мыслях твоих не злословь царя»)⁶.

В Евангелиях слово $\sigma\upsilon\nu\epsilon\iota\delta\eta\sigma\iota\varsigma$ используется тоже лишь один раз, но уже с нравственным значением, т. е. в смысле «совесть», — в Евангелии от Иоанна (8:9) в рассказе о том, как фарисеи привели к Иисусу Христу жену, уличенную в блудодеейнии; после ответа Христа — «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень» (8:7) — они, «будучи обличаемы совестью» (8:9) («совѣстїю обличаеми»), стали уходить один за одним. Но эти слова, и даже этот рассказ, существуют не во всех греческих списках Евангелия от Иоанна.⁷

Далее в Новом Завете слово $\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\upsilon\delta\epsilon\delta\iota\upsilon\sigma\iota\varsigma$ встречается: два раза в Деяниях апостолов, в речах апостола Павла (23:1 и 24:16). Первый раз — когда он обращается к синедриону: «Азъ всюю совѣстїю благою жителствовахъ перед Богомъ» (23:1) и другой раз — к игемону Феликсу: «...азъ подвижаюся непорочнѣ совѣстїю имѣти всегда перед Богомъ же и человекѣи» (24:16). Три раза затем — в Первом послании Петра: «Се во естъ ѹгодно пред Богомъ, аще совѣсти ради Божїя терпїтъ кто скверни, стражда вез правды» (2:19); «Совѣстїю имѣюще благо, да о немже клеветшѣтъ васъ аки злодѣевъ, постыдѣются злословящїи ваше благое во Христе житїе» (3:16); «...не плотскїя отложение скверны, но совѣсти благи вопрошенїе ѹ Бога» (3:21). Больше же всего — двадцать шесть раз — использует это слово в своих посланиях «апостол языков» Павел: «...языцы... являют дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествоующей имъ совѣсти...» (Рим. 2:14—15); «...не агѣ, спослушествоующей ми совѣсти моеї...» (Рим. 9:1); «...повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣстїю» (Рим. 13:5); «...нѣщїи же совѣстїю ідолюскою даже доселѣ якоже ідоложерственное ядѣтъ, и совѣстїю ихъ, немощна сѣщи, сквернится» (1 Кор. 8:7, аналогично 10 и 12); «...ядите, ничтоже сѣмнящесея, за совѣстїю» (1 Кор. 10:25, аналогично 26 и 28); «...совѣстїю же глаголю не свою, но другаго: вскѣю во свобода моя сѣдїтся от инья совѣсти» (1 Кор. 10:29); «...свидѣтельство совѣсти нашея, яко в простотѣ и чистотѣ Божїей... жїхомъ в мїре» (2 Кор. 1:12); «...явленїем

⁴ Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 675—676.

⁵ Слово $\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\upsilon\delta\epsilon\delta\iota\upsilon\sigma\iota\varsigma$, которым стали переводить главным образом греческое $\mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\iota\alpha$ — «свидетельство», возможно, думает А. А. Алексеев (это интересное соображение он высказал мне в беседе), существовало в дописьменное время как юридический термин и потому оказалось неудобным для передачи такого понятия, как «совесть/сознание».

⁶ Архим. Киприан (Керн) (Антропология Григория Паламы. Париж, 1950. С. 78) замечает: «Еврейское *madah*, переведенное (семьюдесятью толковниками. — Г. П.) в Еккл. X, 20 как „совесть“, не имеет нравственного значения и гораздо точнее передается Вульгатою *cogitatione tua*, а в русском переводе „в мыслях твоих“».

⁷ См.: *Novum Testamentum Graece et Latine. Utrumque textum cum apparatu critico imprimendum curavit Eberhard Nestle, novis curis elaboraverunt Erwin Nestle et Kurt Aland. Editio vicesima secunda. United Bible Societies. London, s. a. P. 255.*

истины представляюще себе ко всякой совѣсти челоуѣчестей, пред Богомъ» (2 Кор 4 2), « Богови же явлени есмы: уповаем же, яко и в совѣстяхъ вашихъ явлени есмы» (2 Кор 5 11), « любви от чиста сердца, и совѣсти благія, и вѣры нелицемѣрныя» (1 Тим 1 5, аналогично 19), « таинство вѣры в чистѣй совѣсти» (1 Тим 3 9), « сожженныхъ своею совѣстію» (1 Тим 4 2), « служу... чистою совѣстію» (2 Тим 1 3), « осквернися ихъ и умъ и совѣсть» (Тит 1 15), « не могущыя по совѣсти совершити служащаго» (Евр 9 9), « очиститъ совѣсть нашу от мертвыхъ дѣлъ» (Евр 9 14), « ни едину котому имущимъ совѣсть w грѣсѣхъ» (Евр 10 2), « от совѣсти лукавыя» (Евр 10 22), « уповаемъ во, яко добру совѣсть имамы» (Евр 13 18)

Как можно видеть, в большинстве случаев слову совѣсть славянского текста Нового Завета⁸ адекватно или близко по смыслу современное слово *совесть*. Но иногда греческое *συνείδησις*, переданное в славянском тексте как *совѣсть*, на современный русский язык надо перевести иначе, например «Се во есть угодно пред Богомъ, аще совѣсти ради Божія (διὰ συνείδησιν Θεοῦ) терпитъ кто скорби, стражда вез правды» — «Ибо то угодно Богу, если кто, *помышляя* о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо» (1 Пет 2 19), или « ни едину котому имущимъ совѣсть w грѣсѣхъ» — « не имели бы уже никакого *сознания* грехов» (Евр 10 2)

Как видим, круг значений слова *συνείδησις/совѣсть* шире, чем у современного слова *совесть*, хотя основное значение новозаветного и современного русского слов (приблизительно это значение можно определить как внутренний для человека критерий суждений о добре и зле и, одновременно, нравственный уровень человека) совпадают

В Ветхом же Завете, когда речь идет о нравственности, нравственном критерии в сердце человека, используется слово *сердце* (*leb, καρδιά*), например «Ты знаешь, и знает *сердце* твое все зло, какое ты сделал » (3 Цар 2 44), «Крепко держал я правду мою, и не опущу ее, не укорит меня *сердце* мое » (Иов 27 6) И в Новом Завете можно встретить *сердце* в подобном этому значении «Возлюбленіи, аще *сердце* наше не зазритъ намъ, дерзновеніе имамы къ Богъ» (1 Ин 3 21) Апостол Павел, особо часто, как мы видели, прибегавший к понятию *совѣсть*, мыслил ее как нечто имеющее отношение к сердцу « языцы... являютъ дѣла законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти » (т е « дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует *совесть* их » (Рим 2 14—15) Но между библейскими *сердцем* и *совѣстью* очевидна существенная разница. Сердце, прежде всего, — орган тела, но также центр *всей* внутренней, телесной, душевной и духовной, жизни человека, нравственная функция — лишь одна из его внутренних функций. В Ветхом Завете эта функция не имеет особого названия

Появление в Новом Завете слова *συνείδησις* для обозначения способности нравственного суждения имело своим естественным следствием широкое распространение этого слова вместе с Евангелием и разработку понятия *совѣсть* в странах христианской культуры

Популярный в Византии и на Руси автор VI в Авва Дорофей давал в своих Поучениях такое определение *совѣсти* «Гдѣ сотвори Бог челоуѣка, въсѣя вонь нѣчто божественно, якоже помысл нѣкий теплѣйший и светлѣйший, искры слово имущий, просвещающъ умъ и показующъ ему доброе от злаго. Сие нарицается *совѣсть*, еже есть естественный закон» *Совестью* наделены все люди «Никтоже *убо* есть неимѣяй тѣ;

⁸ Пользуюсь каноническим церковнославянским текстом, оставляя в стороне никак не способный изменить картину вопрос о разночтениях в тех или иных переводах и списках

вожествено во нѣчто есть, якоже рѣхом, и николиже погибает, но всегда воспоминает нам полезное». Если же мы не слушаем ее, «но превываем попирающе сию, прочее загреваем ю, и ктому не может ясно глаголати нам от тяготы належащая ей, но якоже свѣтланник, сияя за звѣсою, сице начинает показовати нам мрачнѣе, сирѣчь темнѣе, вещи. И тако по преступлении, якоже водѣ възмущеннѣй от многих перьстей, никтоже может поразумѣти лица своего, сице обретаемся, не ощущающе иуже глаголет нам совѣсть наша». Евангельские слова Христа «Буди увѣщаваяся с соперником твоим, дондеже еси на пути с ним: да не когда ты предаст судии, а судия слугам, и всадыт тя в темницу; аминь глаголю тебѣ: не изыдеши оттуду, дондеже отдаши послѣдний кодрант» (Мф. 5:25—26) Авва Дорофей толкует так: соперник — совесть, путь — жизнь; при жизни надо успеть примириться со своей совестью, ибо она-то и будет обвинителем на Страшном суде.⁹ Да и после Страшного суда, как пишет Григорий Богослов (Назианзин), удел грешников — «отвержение от Бога и стыд в *совести*, которому не будет конца».¹⁰ В акафисте «Иисусу сладчайшему» находим обращение: «Исусе, радости совѣстная». Византийский богослов XIV в. Григорий Палама пишет, что Творец «вложил в нас врожденный закон, как бы некую не знающую компромисса норму, и непогрешимого судию, и незаблуждающегося наставника — собственную *совесть* в каждом из нас, — дабы, если случится в душе нам смутиться мыслью, не иметь нам нужды в ином наставнике для понимания добра...».¹¹

Как в Византии, так и в Древней Руси понятие «совесть» было более разработано, более дифференцировано, чем сейчас. Авва Дорофей различал три вида совести: «к Богу», «к людям» и «к вещем». «К Богу» — это «елика сѣть вываемая в тайнѣ, яже никтоже вѣсть, токмо Бог»; совесть «к ближнемү» состоит в том, чтобы не оскорблять других делом, словом, видом или взглядом; совесть «к вещем» — не портить вещи и «да не залѣ употребляет кто вещью».¹²

Легко заметить, что эта классификация строится на принципе приложения представлений о Добре к человеку с «наружной» точки зрения, к человеку в трех его «внешних» проявлениях. Наряду с этим подразделением существовало деление, основанное на отношении человека к самому себе, к своим душе и телу. Отсюда совесть *душевная* и совесть *телесная*. У Иоанна Златоуста читаем: «Сам во Господь рече: Лице, не очистив совѣсти душевныя и тѣлесныя, и многү молитвү сотвориши, не послушаю тебе: не плотская бо нечистота, но душевная скверна — смерть и пагуба»;¹³ у Андрея Критского (VII в.): «увийца совѣсти душевней»;¹⁴ в Изборнике 1076 г. находим слова: «свѣштяваховѣся чистою свѣстною тѣлесною»;¹⁵ в молитве Святому Духу Максима Грека (XVI в.): «Очисти ми совѣсть душевнүю».¹⁶

⁹ Авва Дорофей Поучения Вильно, 1767 С 51—57, «О совѣсти» Греческий оригинал см PG Vol 88 Col 1652

¹⁰ PG Vol 49 Col 85

¹¹ Омилия 3 На притчу Господню о спасенном блудном сыне // Святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский Беседы в трех томах / Пер с греч языка архимандрит Амвросий (Погодин) М, 1994 Т 1 С 33

¹² Авва Дорофей Поучения С 51—57

¹³ Поучение о чистоте душевной // Златоуст М, 1899 Л 15 об

¹⁴ В Великом, или Покаянном, каноне, см Ловягин Е Богослужбные каноны на греческом, славянском и русском языках СПб., 1856 Кн 3 С 6

¹⁵ Изборник 1076 г С 477 Л 110, строки 9—11

¹⁶ Фикара Святогорец Вертоград душевный Вильно, 1620 Л 139

Статья Аввы Дорофея «О совѣсти» оказалась со временем одним из главных оснований православного учения о загробном воздаянии, противостоящим римско-католическому учению о чистилище с его временным очистительным огнем. Совесть, продолжающая угрызать человека и после его смерти, — самое страшное наказание грешника «И посему мы не видим никакой необходимости в ином наказании или в очищении огнем, — писал главный защитник православного учения на Ферраро-Флорентийском соборе, Марк Эфесский, — ибо одних очищает страх, а других угрызение совести пожирает мучительнее всякого огня...».¹⁷

Общим для всех подразделений *совѣсти*, т. е. сердцевиной понятия, является отношение «Добро — человек», а поскольку в христианской философии высшее Добро — это Бог,¹⁸ то это — отношение «Бог — человек». Как писал французский философ XVII—XVIII вв. Пьер Бейль, для верующего «совершенно все равно сказать ли: *моя совесть судит, что такой-то поступок хорош или дурен*, или сказать: *моя совесть судит, что такой-то поступок нравится или не нравится Богу*».¹⁹ Идеальное состояние совести, т. е. идеальное отношение «Бог — человек», свойственно, наверное, только Богочеловеку; во всех же остальных случаях наличие совести означает наличие внутреннего конфликта между вечным и настоящим: «*Аще речем, яко грѣха не имамы, себѣ прельщаем, и истины нѣсть в нас*» (1 Ин. 1:8). Совесть побуждает человека стремиться к богочеловеческому состоянию, к обожению, к Вечности-в-настоящем: «*И всякъ, имѣяй надежду сію нань, очищаетъ себе, якоже Онъ чистъ есть*» (1 Ин. 3:3). Подобное представление о *совѣсти* имеет, несомненно, прямую связь с христианской догматикой, с учением о единстве в личности Иисуса Христа двух природ, Его богочеловечестве. Античное *συνείδησις* не имело ни *такого* нравственного смысла, ни сколько-нибудь широкого распространения (Аристотель, например, в своем сочинении «О душе», достаточно объемистом, ни разу его не использовал).

Итак, круг значений славяно-древнерусского слова *совѣсть* в основном, как уже сказано, — это круг значений новозаветно-византийского *συνείδησις* с его перевесом на сторону нравственности. Вот несколько примеров использования его на Руси: «*Возбраняющая же друга — своя колумжда съвѣсть*» (Кирилл Туровский, XII в.),²⁰ «...и прибывшее съвѣсти нашей от ѳныння съгнѣшнние отмывше» (Успенский сборник XII—XIII вв.),²¹ «...предстоя пред Тобою, посрамлен своею съвѣстною, не имея дерзновения за премногую тяжесть злоютныхъ дѣл моихъ» (Нил Сорский, XV—нач. XVI в.),²² «...в нынешнем животе от съвѣстныхъ тягости ѳмершвлѣями, в вѣдущем же вместо милости Божия гнев Божий въсприяти» (Иосиф Волоцкий, нач. XVI в.),²³ «...не своей съвѣсти, но отца своего разсуженіем и повеленіем вѣровати» (Поучение святого отца к ученику своему, список XVI в.),²⁴ «...совѣсть же, еже ангела внѣтъ хранителя слово, тѣхъ обличает» (Авраамий Пали-

¹⁷ Амвросий, архим. Святой Марк Эфесский и Флорентийская Уния Джорданвилль, 1963 С 60

¹⁸ См. Дионисий Ареопагит Сочинения Максим Исповедник Толкования СПб, 2002 С 293—401

¹⁹ Антология мировой философии М, 1970 Т 2 С 488

²⁰ См. Рукописи графа А С Уварова СПб, 1858 С 85

²¹ Успенский сборник XII—XIII вв М, 1971 С 168—169

²² См. Никольский Н К Материалы для истории древнерусской духовной письменности // ИОРЯС 1879 СПб, 1879 Т 2, кн 1 С 83

²³ См. Лурье Я С Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства // ТОДРЛ М, Л, 1956 Т 12 С 139

²⁴ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 29/1106, Сборник, XVI в, л 11 об

цын, нач. XVII в.),²⁵ «В моем дому... протопопица... с домочадицею погранились... И я... бил их овѣих... Полежал маленко, собрался с совѣстью... жену сыскал и пред нею прощатся стал.» (протопоп Аввакум, XVII в.).²⁶ Во всех этих случаях интересующее нас слово в переводе на современный русский язык не нуждается, но вот пример текста XV или XVI в., переводя который, пожалуй, уместнее было бы использовать слово *сознание*: «...и возрадовася дѹхом, и възвеселися сердцем и всею совѣстью» (Львовская летопись, события XV в., список XVI в.).²⁷

Помимо греческого ἡ συνείδεισις и его синонима τὸ συνείδειός словом *совѣсть* часто переводили и такие слова, как ἔννοια («мысль», «мышление», «понимание»: «..пѹчина естества неизвѣдома и неуставна, от всьякыя совѣсти отъпадающи»), διάνοια («разум, смысл»: «...и мнение лукавно погѹвило есть совѣсти их»), γνῶμη («рассудок», «мнение»)²⁸ Учитывая такую смысловую емкость *совѣсти*, но очень удивляешься тому, что Памва Берында, составитель «Лексикона славеноросского и имен тлъкования», определил ее на античный манер — как «сѹмнѣнье, разум».²⁹

Еще в XVIII в. наряду с использованием этого слова в нравственном смысле («Егда явится на лицѣ его червленость, или блѣдность, или трепетание, или торопное глаголанье, или падение... сия суть знаки *совѣсти*»)³⁰ можно встретить и такое словоупотребление: «Совѣсть моя тогда не познала, что фартуна уже отлетала» (История о Александре российском дворянине).³¹ След былой смысловой широты слова *совѣсть* можно обнаружить и в «Словаре Академии Российской» 1789 г., где наряду с обычным для нас значением — «врожденная души наша сила или способность судить нравственную доброту или худобу наших деяний» — дано и такое: «помышление, сокровенное о ком мнение» (здесь приводится и глагол *сѣм*, *сѣдѣти* с толкованием «внутренно уверен есмь»)).³²

С наступлением XIX в. ряд значений слова *совѣсть* решительно сократился, ограничившись лишь одним основным, нравственным. Приведу пару словарных определений первой половины XIX в. «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г.: *совѣсть* — «внутреннее сознание нравственного качества наших действий».³³ Вл. Даль: «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развитая».³⁴

Отметим важное явление: в этих двух толкованиях *совѣсть* определяется уже с помощью слова *сознание* («сознание качества действий», «сознание добра и зла»). Прежде чем обратиться к этому новому слову,

²⁵ См РИБ 3-е изд Л, 1925 Т 13 С 520

²⁶ Там же Л, 1927 Т 39 Стб 139

²⁷ См ПСРЛ СПб, 1910 Т 20, 1-я половина С 252

²⁸ Срезневский Материалы Стб 679—680

²⁹ Памва Берында Лексикон славеноросский и имен тлъкования Киев, 1627 Стб 229, 243

³⁰ Наука красноречия, си есть Риторика Рукопись XVIII в 6-ки Смоленского пед инта, собр Унб, № 128, л 104 об—105 (рукопись утрачена) Пример заимствован мною из картотеки древнерусского языка в Институте языкознания РАН в Москве

³¹ Силовский В В Русские повести XVII—XVIII вв СПб, 1905 Т 1 С 149

³² Словарь Академии Российской СПб, 1789 Ч 1 Стб 976—977, 975

³³ Словарь церковнославянского и русского языка СПб, 1847 Ч 4 С 175

³⁴ Даль Вл Толковый словарь живого великорусского языка 2-е изд СПб, 1882 Т 4 С 262—263

уместно, думаю, дать несколько примеров использования в нашей литературе старого слова *совесть*. «Да жалок тот, в ком *совесть* нечиста», «Иль скажет сын, / Что сердце у меня обросло мохом, / Что я не знал желаний, что меня / И *совесть* никогда не грызла, *совесть*, / Когтистый зверь, скребуший сердце, *совесть*, / Незванный гость, докучный собеседник», «Ничто не может нас среди мирских печалей успокоить; ничто, ничто... едина разве *совесть*» (Пушкин); «Что-то не умирало во мне внутри, в глубине сердца и *совести*, не хотело умереть и сказывалось жгучей тоской», «. сознательно идти против *совести* из слабости» (Достоевский); «К общей благодати работай не за страх, а за *совесть*» (Маяковский); «Испугалась мать; стала она слушать, что ей сердце скажет и что *совесть*. Молчит ее *совесть*, зато сердце говорит, а сердце богатыря любит» (Платонов); «*Совесть* — понятие туманное, вроде словечка „рябь“. Попробуйте объяснить словечко „рябь“ — ничего не выйдет, начнете дрыгать в воздухе пальцами» (Ю. Трифонов);³⁵ «*Совесть* — непередаваемое свойство души человеческой. <...> .. нет научных или хотя бы просто объясняющих слов, чтобы понятно передать другому содержание слова „совесть“. <.. > Если взять в помощь личный опыт, закрыть глаза, погрузиться внутрь себя и попытаться хотя бы почувствовать, что же такое „совесть“ для тебя самого, то возникнет личный соблазн — назвать ее чувством вины» (М. Шагинян);³⁶ «*Совесть* — инстанция внутренней кары» (Ю. Домбровский).³⁷

В отличие от слова *сознание*, которого фольклор не знает, *совесть* входит во многие русские пословицы, поговорки и загадки, например: «Напала *совесть* и на свинью, как отдала полена», «Глаза — мера, душа — вера, *совесть* — порука», «У кого *совесть* не чиста, тому и тень кочерги — виселица», «Беззуба, а с костями сгложет».³⁸

Как видим, с начала XIX в. по сю пору смысл слова *совесть* сколь-нибудь существенно не изменился. Но в XX в. — на это стоит обратить внимание — очень старались его изменить. Согласно старому, общему и Авве Дорофею и Владимиру Далю, представлению *совесть* — врожденное свойство человеческой личности, которое может либо развиться, либо заглохнуть. А в «Философском словаре» читаем: «*Совесть* — не врожденное качество, она определяется положением человека в обществе, условиями его жизни, воспитанием и т. п.» и является «ответной реакцией на требования общества», выражающей «способность личности к самоконтролю, к моральной оценке действий на основе понимания ответственности за совершаемые поступки».³⁹ То же самое пишет «Словарь по этике»: «*Совесть* — это субъективное осознание личностью своего долга и ответственности перед обществом».⁴⁰ «*Совесть*, по Луначарскому, является препятствием на пути от „я“ к „мы“»;⁴¹ так что советские философы явно старались это препятствие убрать. Соответствующим образом «Словарь русского языка» С. И. Ожегова определяет *совесть* как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом».⁴²

³⁵ См Новый мир 1971 № 8 С 94

³⁶ См Там же № 4 С 141—142

³⁷ См Юность 1988 № 2 С 57

³⁸ Даль Вл Толковый словарь Т 4 С 262—263

³⁹ Философский словарь / Под ред М М Розенталя и П Ф Юдина 2-е изд М, 1968

С 323

⁴⁰ Словарь по этике / Под ред О Г Дробницкого и И С Кона М, 1970 С 289

⁴¹ Гангнус А На руинах позитивной эстетики Из истории одного термина // Новый мир 1988 № 9 С 151

⁴² Ожегов С И Словарь русского языка 7-е изд М, 1968 С 734

Совесть в этой трактовке — далеко не то, что «совесть к ближнему» у Аввы Дорофея. Там — отношение к людям с точки зрения вечности, надличностного и надобщественного Судии, здесь — «субъективно осознанный» взгляд на тебя окружающих людей. Здесь совершенно все равно — перефразируем Пьера Бейля — сказать: «моя *совесть* судит, что такой-то поступок хорош или дурен», или сказать: «мое *сознание* судит, что такой-то поступок нравится или не нравится *обществу*». То, что здесь понимается под совестью, близко к тому, что называется *человекоугодничеством*: «...да не како *человекоугодници* обрящемся и со Июдою Христа предающе: они иконы щепляют, режут, Христу поругаются, а мы их учреждаем, да их воле сходим»,⁴³ — и *сознательностью*: «В моральном смысле *сознательность* — высшая мера развития совести».⁴⁴

Займемся теперь словом *сознание*.

Сознание

Изредка в древнерусских текстах встречаются слова *сѣзнаванье*, *сѣзнавати*, *сѣзнатися*, но ни одно из них не родственно по своим значениям современному слову *сознание* (без дополнения — *в чем*). *Сѣзнаванье* значит «знание, знакомство» («От зрака похоть ражається, и от зрака сѣзнаванье вываает, и от сѣзнавания дѣянье свершается»),⁴⁵ *сѣзнавати* — признавать («сѣзнаваю сим моим листом»),⁴⁶ а *сѣзнатися* (перевод греческого γυωρίζω — *знаю*) по одному толкованию «узнать друг друга»,⁴⁷ а по другому — «сговориться».⁴⁸

В отличие от слова *совесть*, слово *сознание* не входит в русские половицы и поговорки. Его не имел еще в своем распоряжении А. Н. Радищев, но уже явно испытывал в нем нужду и за неимением его писал (не очень удачно) *самопознание*: «Чувственное расположение тѣла всякаго животного увѣдомляет, что оно существует, что оно живет. Равно чувства напоминают человекѹ о его чувственности; но сие познание своего бытия в животных столь тупо, столь мрачно, так сказать, что с *самопознанием* человекѹ ка ни в какое сравнение войти не может».⁴⁹

Когда же и каким образом появилось в русском языке активно употребляемое нами теперь слово *сознание*?

На этот вопрос существует два ответа. К разряду философской терминологии, введенной в русский язык около второй четверти XIX в. путем перевода с немецкого, относит это слово Б. Унбегаун;⁵⁰ он считает, что оно отражает нововеерхненемецкое *Gewissen*. Но его мнение кажется

⁴³ Из Послания новгородского архиепископа Геннадия 1490 г См Казакова Н А, Лурье Я С Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века М, Л, 1955 С 382

⁴⁴ Словарь по этике С 292

⁴⁵ Истрин В М Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе Т 1 Текст Пг, 1920 С 241 Этот пример, как и ряд других, почерпнут из картотеки древнерусского языка в Институте языкознания РАН в Москве

⁴⁶ Срезневский В Материалы Т 3 Стб 709

⁴⁷ Словарь церковнославянского языка, составленный акад А Х Хвостовым СПб, 1903 Т 2 Стб 202

⁴⁸ Срезневский В Материалы Т 3 Стб 709

⁴⁹ Радищев А Н О человеке // Собр соч СПб, 1809 Ч 3 С 76 и 186

⁵⁰ Unbegaun В Le calque dans les langues slaves litteraires // Révue des études slaves Paris, 1932 Т 12 Р 39 Его мнение воспринято Molnar N The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts // Studia Slavica 1964 Т 10, f 1—2 Р 99—146 «From the second quarter of the XIX century we find, first of all, calques of German origin, e g Bildung ~ образование, Gewisstn ~ сознание » (Р 140)

малоправдоподобным М. Фасмеру, на взгляд которого, *сознание* возникло как калька с латинского *conscientia*.⁵¹

Что же показывают доступные нам материалы?

Первым словарем, фиксирующим слово *сознание*, оказывается «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» 1822 г. Он дает этому слову, однако же, лишь близкое к значению древнерусского глагола *съзнавати* объяснение: «Признание, сочувствие истины какой».⁵² Стало быть, хотя слово *сознание* к 1822 г. в русском языке уже появилось, по смыслу оно было еще далеко от употребляемого нами без дополнения тождественного с ним по звучанию слова. Более близким к нашему слову *сознание* было другое новое для начала XIX в. слово — *самосознание*.

В первых десятилетиях XIX в., как это показал В. В. Веселитский, возник ряд русских существительных с первой частью *само-*, созданных по образцу немецких слов на *Selbst-* и употреблявшихся для обозначения отвлеченных понятий преимущественно философского плана, например, *самобытие*, *самозаконность*, *самозащитение*, *самочувствование*. В их числе было и *самосознание*. Это слово встречается в изданном в Казани в 1813—1814 гг. переводе немецкого «Начального курса философии» Ф. В. Шелля и имеет там такое разъяснение: «*Самосознание* или *самоощущение* в теснейшем смысле, т. е. когда душа наша, или мы, ясно различаем самих себя от других вещей». А в «Курсе философии для гимназий Российской империи» Л. Якоба (СПб., 1815—1817 гг.) написано: «Посредством впечатлений, произведенных на органы, является то, что мы называем *самосознанием* (*Bewußtseyn*)».⁵³

Примечательно, что хотя немецкое слово в скобках дано без *Selbst-* (могло бы быть *Selbstbewußtseyn*), русское слово начинается с *само-* (вспомним и *самопознание* у А. Н. Радищева). Это лишний раз показывает, что в слове *сознание* сильно чувствовался требующий дополнения глагол *сознавать* (отсюда — *самосознание* — *сознание себя*)

Исключительно как требующее дополнения использовал слово *сознание* Пушкин.⁵⁴

Как видим, отчасти правы оказались оба ученых — и Б. Унбегаун, и М. Фасмер: *сознание*, действительно, отражение немецкого слова (хотя и не *Gewissen*, а *Bewußtsein*), но слова, восходящего к латинскому *conscientia* (что наши переводчики, по-видимому, знали и учитывали).

Стоит заметить, что само немецкое слово *Bewußtsein* — сравнительно новое в немецком языке: впервые его употребил в 1720 г. как философский термин Христиан Вольф, в литературный же немецкий язык оно вошло, потеснив старое *Gewissen*, «совесть», не ранее конца XVIII в.⁵⁵ Заметим попутно, что и английское слово *consciousness*, «сознание», возникшее почти на столетие раньше немецкого *Bewußtsein*, но не ранее 1632 г., — новое по

⁵¹ Vasmer Max Russisches etymologisches Wörterbuch Heidelberg, 1955 Т 2 S 687 Этот взгляд воспринят Шанский Н М, Иванов В В, Шанская Т В Краткий этимологический словарь русского языка М, 1961

⁵² Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный СПб, 1822 Ч 5 Стб 353

⁵³ Веселитский В В Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой четверти XIX в М, 1964 С 73—74 Возможно, на увеличение у нас слов, начинающихся на *само-*, оказала влияние и лексика появившихся в 80-х гг XVIII в и в первые десятилетия XIX в в переводах на русский язык некоторых сочинений Дионисия Ареопажита, охотно использовавшего слова типа *саможизнь*, *самобытие*, *самосовершенствоначалие* и т п

⁵⁴ См Словарь языка Пушкина М, 1961 Т 4 С 271

⁵⁵ См Etymologisches Wörterbuch des Deutschen A—G Berlin Akademie-Verlag, 1989 S 164 За эту справку о происхождении немецкого слова и за следующую — о происхождении английского — я благодарю д-ра Сабину Фаль (Берлин)

отношению к старому английскому слову *conscience*, «совесть», существовавшему, вероятно, до 1200 г.⁵⁶ Именно перемены в общественной мысли германоязычных стран, произведенные Реформацией, создали там, по всей видимости, нужду в специальном термине, который освободил бы часть смысла слов *conscience* и *Gewissen* от слишком тесной связи с христианской традицией. Послепетровская Россия, испытывая, очевидно, ту же самую нужду, именно из протестантской Германии, как мы видели, почерпнула новое слово, получившее облик «сознание».

Формальное уподобление классическому прототипу, т. е. утрата русским сложным словом *самосознание* первой части, *само-*, или же независимое от *самосознания* появление не требующего дополнения значения слова *сознание*, произошло около середины XIX столетия. Словарь 1847 г. определяет *сознание* еще «отглагольно» — как «*действие* сознающего и сознающегося, сознавшего и сознавшегося»,⁵⁷ но одновременно с ним составившийся более чуткий «Толковый словарь живого великорусского языка» Вл. Даля уже фиксирует такие его значения, как «сознание себя», «состояние человека в здравом смысле своем, могущего дать отчет в своих действиях».⁵⁸ Слияние двух слов — старого отглагольного и нового, идущего от немецкого *Bewußtsein* и латинского *conscientia*, — или, иначе говоря, обретение словом *сознание* современного круга значений⁵⁹ здесь уже налицо. Это произошло, как видим, не позже, но, кажется, и не раньше второй четверти XIX в.⁶⁰

Вслед за тем стало возможным употребление этого слова в значении высшей человеческой способности: «*А сознание не высидишь и не выжи-*

⁵⁶ См The Bernhart Dictionary of Etymology / The N W Wilson Company New York, 1988 P 208—209

⁵⁷ Словарь церковнославянского и русского языка СПб, 1847 Т 6 С 179

⁵⁸ Даль Вл Толковый словарь Т 4 С 267

⁵⁹ «Словарь современного русского литературного языка» (М, Л, 1963 Т 14 Стб 162—163) приводит четыре значения для слова *сознание* 1) «Процесс отражения действительности мозгом человека, включающий все формы психической деятельности и обуславливающий целенаправленную деятельность человека», 2) «восприятие и понимание окружающего, свойственное человеку, ум, разум», 3) «ясное понимание, осознание чего-либо» и 4) «признание своей вины, проступка» Первые два из этих значений восходят через *самосознание* к *Bewußtsein*, а другие два принадлежат отглагольному существительному — от переходного глагола *сознавать(ся)*

⁶⁰ В хранящейся в Институте языкознания РАН в С-Петербурге картотеке языка XVIII в сообщается об употреблении слова *сознание* в сочинении «Зерцало безбожия или невежества», которое его издатель, М Шахнович (Новый памятник русского свободомыслия XVIII в // Звенья М, 1950 Т 8 С 735—751), предлагает считать оригинальным русским конца XVIII столетия Здесь это слово использовано три раза подряд (с 751) Однако непосредственно предшествующий этому месту период посвящен совести и никакого перехода к понятию «сознание» нет « даже и самая *совесть* вооружается против бытия Бога 4 И потому сей довод (основывать бытие Бога на внутреннем *сознании*) » Значит, слова *совесть* и *сознание* используются здесь как синонимы, а это никогда не было свойственно русскому языку Очевидно, оригинал «Зерцала» был написан на языке, в котором *совесть* и *сознание* обозначаются одним словом, например на французском Как сообщил мне Я С Лурье, автором этого сочинения является Вольтер Если перевод был сделан ранее второй четверти XIX в, то переводчик, можно думать, опередил в лексике свое время Позже у Достоевского («Зимние заметки о летних впечатлениях») можно встретить подобное сближение слов «Парижанин себя в грош не ставит, если чувствует, что у него карманы пусты, и это *сознательно, совестливо*, с великим убеждением» Заслуживает внимания то, что речь здесь идет о парижанине Достоевский, вероятно, старается двумя русскими словами в полном объеме передать французское *consciement* Теперь в «Послании его святейшества папы Иоанна-Павла II ко всемирному дню мира, 1 января 2002 года» (с 9) видим слово *совесть* употребленным «по-романски», т. е. в смысле — и *сознание* «Уважение *совести* других людей, в которой отражается сам образ Бога (см Быт 1 26—27), позволяет предложить истину другому человеку, в праве которого затем ответственно принять ее»

вешь молча» (Достоевский. Показания на процессе петрашевцев),⁶¹ «...не только очень много *сознания*, но даже и всякое *сознание* — болезнь», «Страдание — да ведь это единственная причина *сознания*. И хоть я доложил вначале, что *сознание*, по-моему, есть величайшее для человека несчастье, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовлетворения. *Сознание*, например, бесконечно выше, чем дважды два» (Достоевский. Записки из подполья); «Тут уж вы видите даже и не народ, а потерю *сознания*, систематическую, покорную, поощряемую» (Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях); «Да, *сознание* уже растет, растет и уже столь многое народом понято и осмыслено, что петербургские люди и не поверили бы» (Достоевский. Дневник писателя); «Изучать *сознание* есть дело не только ученого. Я подозреваю, что пока еще это в большей степени дело писателя, а не ученого»; «Трагедия человеческого разума происходит не от высоты *сознания*, а от его недостатка» (Зошенко. Перед восходом солнца).⁶² «*Сознание* — это понимание человеком собственного бытия, своего существования, своего отношения к внешнему миру и отношений предметов внешнего мира между собой; совокупная психическая деятельность, включающая интеллект, чувства и волю человека; способность мыслить и рассуждать; свойство высшей нервной деятельности человека определять свое отношение к окружающей действительности и преобразовывать ее в своих интересах» (Н. И. Кондаков).⁶³

Итак, мы видели, что тождество составных частей слов *совесть* и *сознание* действительно не случайно. Младший из двух «близнецов», слово *сознание* стало в русском языке способным обходиться без дополнения не раньше второй четверти XIX в., и это произошло благодаря немецкому слову, которое восходит к латинскому, точно соответствующему греческому, — тому самому греческому, что тысячу с лишним лет назад дало славянское *съвѣсть*.

Отняв часть значений у *совести*, *сознание* повело себя по отношению к ней довольно агрессивно, так что та оказалась в зависимости от него, стала его частным случаем («совесть — *сознание* добра и зла»). Некогда, мы помним, одним из значений слова *съвѣсть* было что-то вроде мышления, сознания. Но эта сторона понятия не была так «разработана», как нравственная. Теперь освещенными и дифференцированными оказались именно владения *сознания*, а оставшееся у *совести* съезжилось, сделалось расплывчатым, туманным, укрытым дымкой иррациональности, из которой нет-нет да и высовывает лапу «когтистый зверь, скребущий сердце»; но и туда совершаются лихие набеги «сознательности» и других производных «сознания».

Разумеется, изменение содержательного плана языка происходит «в теснейшей связи с историей мировоззрения, культуры, общественного строя»,⁶⁴ по «внеязыковым причинам»,⁶⁵ параллельно с изменением жизни и духовной культуры народа.⁶⁶ Процесс наступления на совесть при смене

⁶¹ Бельчиков И Ф Достоевский в процессе петрашевцев М, 1971 С 99

⁶² Октябрь 1943 № 8—9 С 127

⁶³ Логический словарь М, 1971 С 489

⁶⁴ Ларин Б А Очерки по истории слов в русском языке Вводная заметка // Русская речь в школе 1940 № 4 С 20

⁶⁵ См Строева Т В О причинах изменения значения слов // Вестн ЛГУ 1958 № 8 С 142

⁶⁶ См Верещагин Е М Психологическая программа действия и лингвистическая модель их психолингвистическая связь // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком М, 1969 С 138 См также Верещагин Е М Из истории возникновения первого литературного языка славян Переводческая техника Кирилла и Мефодия М, 1971 С 185

мировоззрения в XIX в. «во имя лучшего», во имя «будущего» заметил и прекрасно выразил Ф. М. Достоевский словами Раскольникова: «Я просто залписто намекнул, что „необыкновенный“ человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей *совести* перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует <...> Преступления этих людей, разумеется, относительно и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, *по совести*, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь... <...> Первый разряд всегда — господин настоящего, второй разряд — господин будущего». Слова эти оказались в XX в. пророческими.

Размышления напоследок

Автор этой работы не лингвист и не философ и интересуется историей слов, о которых ведет речь, с точки зрения истории русской культуры, начиная с древнерусской. И потому чувствует себя обязанным тоже порассуждать о схожести и несхожести смысла слов *совесть* и *сознание* именно с этой точки зрения, т. е. имея в виду их родство и их историю.

Что же такое, спросим мы себя теперь, сознание, со-знание? Очевидно, это условие всякого знания, приобретаемого и теряемого, т. е. переменного «внешнего» знания. Значит, это есть знание, изнутри сопутствующее субъекту на всем протяжении его нормального существования.⁶⁷ О чем оно? Очевидно, об этом самом хронологически совпадающем с ним явлении — собственном бытии субъекта сознания. Т. е. главное содержание знания, соответствующего сознанию, можно выразить фразой: «Я есмь». Потеря сознания есть временное забвение этого факта.

Что же касается совести, то, как мы видели, все ее определения так или иначе говорят одно: совесть — это памятование о Добре. Потеря совести есть забвение о его — или, лучше сказать, о Его — существовании.

Чтобы получить фундаментальный для европейской культуры исходный смысл, выражаемый знаком-символом *συνείδησις* / *conscientia* / *съвѣсть*, объединим *со-знание* с *со-вестью*. Что же получится? Вот что: «Есть Я, и есть Добро и зло».

Дав это определение, мы согласились со старым взглядом на совесть как на врожденное знание человека о существовании вечного Добра наряду со знанием о собственном существовании. Это несколько не означает, что мы отрицаем историческую и географическую изменчивость *представлений* людей о Добре и о себе самих. Просто люди, сами часто не отдавая себе в этом отчета, пока живут и тем самым являют собой *настоящее*, знают, что оно как-то сопряжено с Вечностью. Спорят лишь о том, как. Христианский, в том числе и древнерусский ответ на этот вопрос: в ипостаси Богочеловека, Вечности-в-настоящем, и в личности каждого христианина.

Объединив два понятия, мы, заметим, различили тем самым во внутреннем мире человека своего рода *пространство* и *вечный двигатель*:

⁶⁷ Заметим кстати, что этимологический словарь французского языка (Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étimologique de la langue française Paris, 1960 P 149) объясняет слово *conscience* как «внутреннее знание», а составители греческих и латинских словарей толкуют слова *συνείδησις* и *conscientia* как «совместное» или «сопутствующее» знание

некий центр личности занимает «Я», впереди или выше него находится вечно пребывающее Добро, а позади или ниже, стало быть, зло, агента небытия.⁶⁸ По самой природе вещей «Я» должно, вынуждено (во всяком случае, пока не потеряет совесть) бежать от зла, стремясь к Добру, ибо, когда его настигает зло, делается *плохо*, а когда оно достигает Добра, становится *хорошо* (это ведь следует из самих понятий добра и зла). Получается, знание о нашей причастности к Добру и злу приводит «Я» в движение. Иными словами: **совесть есть двигатель сознания**. А можно сказать и так: совесть есть сознание нашей причастности к Вечному, а сознание есть просто совесть без Вечности («сознательность»).

Вот эту-то внутреннюю, ценностную, в культуре выражающуюся переориентацию Руси по ходу ее истории и отражает прослеженная нами история слов **съвѣсть** / **совесть** и **сознание**

В заключение стоит заметить, что слово **съвѣсть** «разделилось» у нас очень удачно: теряя сознание, люди не обязательно теряют при этом совесть, а теряя совесть, не обязательно теряют сознание.

⁶⁸ См Дионисий Ареопагит Сочинения С 343—401

Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Новонайденные древнерусские надписи-граффити Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора*

Среди древнерусских надписей, сохранившихся на стенах Новгородского Софийского собора и опубликованных в 1978 г. А. А. Медынцевой,¹ 17 находятся на стенах и столбах Мартирьевской паперти. Из них 7 надписей процарапаны по цемяночной штукатурке и датируются по палеографическим и архитектурно-строительным признакам второй половиной XI—первой половиной XII в. Эти надписи располагаются в основном на западной стене паперти. К ним принадлежит и одна из 10 глаголических надписей, обнаруженных в Софийском соборе (№ 6), — фрагмент цитаты из 50-го псалма.² 10 надписей в паперти процарапаны по фресковой живописи и датируются в целом более поздним временем — второй половиной XII—первой половиной XIII в. Кроме того, на стенах Мартирьевской паперти сохранилось большое количество разнообразных изображений крестов. Можно выделить две компактные группы этих изображений — на западной стене и на пилястре под фреской свв. Константина и Елены. Все эти кресты процарапаны по цемяночной обмазке и датируются, как и надписи на этой поверхности, второй половиной XI—первой половиной XII в. Наиболее многочисленны кресты под фреской. Думается, это не случайно. Как показала М. Б. Плюханова,³ цикл крестовоздвиженских текстов, сохранившихся в памятниках новгородского происхождения и отразивших южнославянскую литературную традицию, свидетельствует об особом внимании новгородских книжников, в отличие от книжников Южной Руси, к константино-еленинскому культу. Соединение мотива Креста Константина и культа Софии Премудрости Божией, столь важное для Новгорода,⁴ находит свое

* Выражаю глубокую признательность руководителю Новгородской архитектурно-археологической экспедиции Владимиру Валентиновичу Седову (Москва) за предоставленную мне возможность эпиграфического обследования Мартирьевской паперти, а также благодарю И. Ю. Анкудинова (Новгород) за содействие в изготовлении публикуемых прорисей надписей

¹ Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978

² Там же С. 27—28, № 6, с. 106—108, № 162, 163, 164, 165, 166, 167 (вторая половина XI—первая половина XII в.), с. 145—153, № 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210 (вторая половина XII—первая половина XIII в.) Под знаком № в статье указаны надписи по изданию А. А. Медынцевой

³ Плюханова М. Б. Церковное предание о Константине, Елене и о Воздвижении креста в церковной жизни и в словесности древнего Новгорода // *Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli slavisti* (Сracovia 26 Agosto—3 Settembre 1998) Napoli, 1998 P. 61—86

⁴ Там же С. 76—79 «Крест и церковь Софии Премудрости < > являются для новгородцев как две мистические силы, во взаимодействии своем способствующие земному общественному благоустроению» (С. 79)

конкретное изобразительное воплощение в многочисленных рисунках крестов в Мартирьевской паперти, освященной свв. образами Константина и Елены.

В ходе исследований Новгородской архитектурно-археологической экспедиции в Мартирьевской паперти Софийского собора, проводившихся в 1999—2000 гг. под руководством Вл. В. Седова, стали доступны для эпиграфического обследования некоторые участки стен и столбов. В 1999 г. мною были уточнены чтения ряда надписей, уже введенных в научный оборот в 1978 г. А. А. Медынцевой, и выявлены на стенах и столбах паперти еще 13 надписей-граффити, по разным причинам не вошедших в монографию А. А. Медынцевой. Часть из них была просто труднодоступна для изучения до проведения архитектурно-археологических работ в паперти.

На восточной пилястре северной стены находится надпись (№ 165), поврежденная выбитым изображением креста, которое прошло посередине строки: орък(...)дъ ѷъ (рис. 1). Над буквами д и ѷ изящной формы

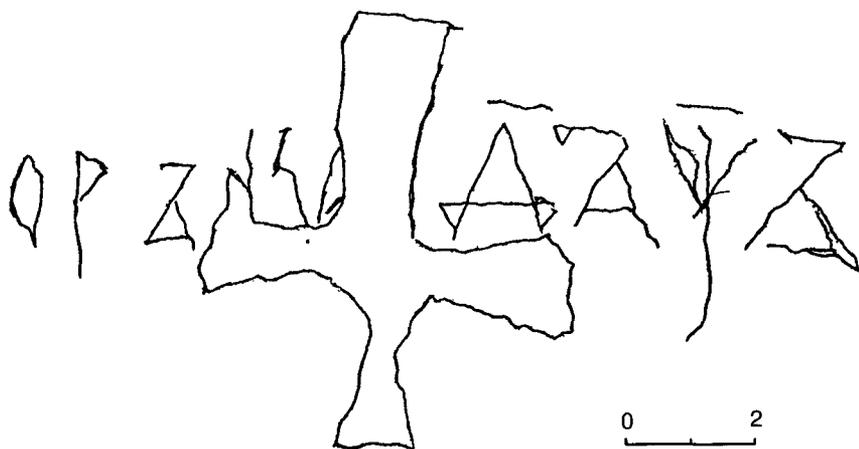

Рис 1

имеются горизонтальные черточки, которые в случае д можно рассматривать как навершие, обычное для этой буквы в граффити и в берестяном письме, а в случае ѷ как титло: ѷалъ (*писал*).⁵ Очевидно, что текст представляет собой традиционную формулу «такой-то писал». А. А. Медынцева, характеризуя эту надпись, отметила, что «имя не читается».⁶ Однако новое обращение к этой надписи показало, что верхняя часть креста «прошла» по букве а, часть остроугольной петли которой видна на фотографии и прорисована в издании А. А. Медынцевой.⁷ Следовательно, имя можно прочесть как Орък(а)дъ. Это достаточно редкая в древнерусском антропонимиконе форма имени Аркадий с восточнославянской огласовкой о начального гласного и вставным ѷ между согласными р и

⁵ Медынцева А. А. Древнерусские надписи С 107, рис 94

⁶ Там же С 107

⁷ Там же Рис 94

к.⁸ Все упоминания имени Аркадий в Новгородской 1 летописи относятся к новгородскому епископу Аркадию.⁹ Как известно, епископ Аркадий был похоронен в 1163 г. в Мартирьевской паперти Софии Новгородской, служившей местом захоронения новгородских князей, владык и посадников: «Въ лѣто 6671. Преставися епископъ новгородскыи Аркадии септября въ 19; положиша ѿ съ честию вѣликою въ притворе святыя Софія».¹⁰

В берестяной грамоте № 672 (стратиграфическая датировка — 50—90-е гг. XII в.) также упоминается некий Оркадъ, а имя написано в той же форме, что и в надписи из Мартирьевской паперти, но с различиями в орфографии: в грамоте отсутствует ъ между р и к, на конце слова не ъ, как в надписи, а ь.¹¹ Эти различия можно объяснить индивидуальными особенностями каждого из авторов этих текстов. Такие орфографические варианты возможны в том временном отрезке, которым датируются и грамота, и, по палеографическим показаниям, надпись. Имя в берестяной грамоте № 672 помещено в следующий контекст (грамота сохранилась с лакунами, в том числе и в первой строке): «...и оркадъ вьльи бь севь жьнитиса...», т. е.: (кто-то) и Оркадъ велели без него (или: без них) устраивать свадьбу...¹²

По свидетельству А. А. Зализняка, «В. Л. Янин высказал предположение о возможном тождестве упоминаемого здесь Аркадия с новгородским епископом Аркадием (умер в 1163 г.)».¹³ Редкость имени в новгородской антропонимике, его форма (*Оркадъ*), его связь исключительно с епископом Аркадием, хронологические рамки надписи № 165 в Мартирьевской паперти, написанной на столбе в непосредственной близости от места захоронения епископа в 1163 г., — все это позволяет предположить, что данная надпись могла быть автографом самого епископа, а позже, уже после его захоронения, на месте этой надписи кем-то из прихожан был выбит крест. Напомню, что там же, в паперти, но на ее восточной стене, находилась надпись, сохранившаяся лишь в прориси на кальке из архива И. А. Шляпкина, с упоминанием архиепископа: «помози г(оспо)ди помози ар(ъх)непискѣпж отъцъ нашѣмж аминъ», которую А. А. Медынцева связывает с архиепископом Нифонтом и датирует до 1156 г.¹⁴ Эти надписи свидетельствуют о значимости паперти не только как усыпальницы новгородских владык, но и как места молитвы за них.

Новые надписи обнаружены, во-первых, на западной стене паперти (6), во-вторых, на северо-восточной пилястре справа от гробницы архиепископа Мартирия, под изображением свв. Константина и Елены (6). Еще одна надпись (надпись 1, рис. 2) расположена на северо-западной пилястре паперти. Текст начинается на восточной плоскости пилястры и переходит на южную непосредственно над западной стенкой гробницы:

изомопиг
(...) меовсоувар
ѣела

⁸ Ср топонимы Аркажи (село) и Аркажь (Оркажь) монастырь Успения Богородицы в окрестностях Новгорода, образованные от основы Аркад- / Оркад- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов М, Л, 1950 (далее — НПЛ) С 607

⁹ НПЛ С 29—31, 79, 163, 215, 218, 473

¹⁰ НПЛ С 31, Янин В Л Некрополь Новгородского Софийского собора Церковная традиция и историческая критика М 1988 С 57, 70

¹¹ Зализняк А А Древненовгородский диалект М, 1995 С 303—304

¹² Там же С 303

¹³ Там же

¹⁴ Медынцева А А Древнерусские надписи С 112

҃осор (...)

Г(оспод)и, помози рабу своем(у) Алекс(анд)росу(?).

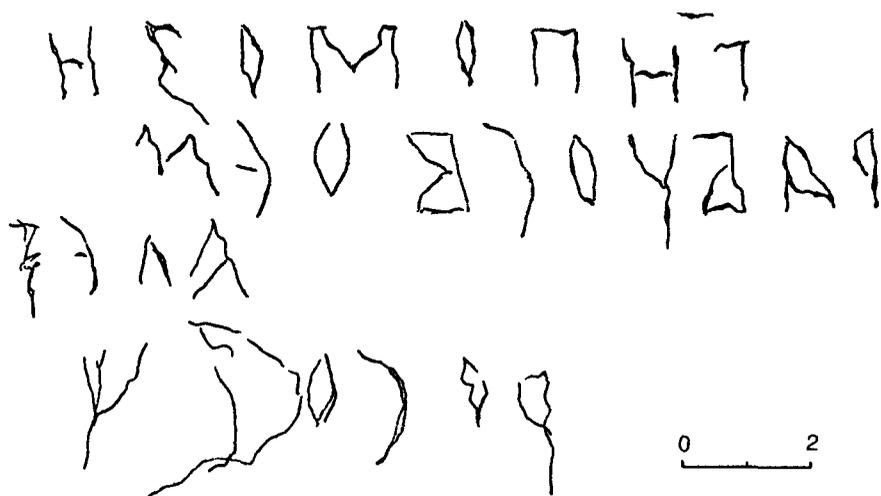

Рис 2

Надпись замечательна не только тем, что написана справа налево, но и тем, что все буквы: з, р, а, в, диграф оу, с, в, е, за исключением равносторонних симметричных о, и, м, написаны «зеркально».

По содержанию это стандартная молитвенная формула. По палеографическим данным надпись датируется первой половиной XIII в. Примечательно, что имя *Александр* (?) представлено в надписи не только в книжной (с начальным *А*), но и в «гречизированной» форме: использованы буква *ѡ* и греческая основа имени на *-ос*, к которой присоединено славянское окончание *Dativa* — *оу*. Подобная адаптация греческих имен известна в нескольких надписях-граффити из Софийского собора в Киеве.¹⁵ Что касается «зеркальных» букв, то они встречаются в надписях на стенах некоторых древнерусских храмов.¹⁶ Так, в новгородских церкви Спаса на Нередице и в церкви Феодора Стратилата на Ручью есть зеркальные изображения букв *а*, *в* в составе надписей XIII—XV вв., а также неоднократно — изолированное декоративное изображение буквы *Б*, развернутое справа налево и в крупном масштабе.¹⁷ По-видимому, такая форма буквы *Б*, с которой начинаются слова *Бог* и *Богородица*, придавала ей дополнительный сакральный оттенок.

¹⁵ Высоцкий С А Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI—XVII вв.) Киев, 1976 № 67, 159, 160, 219 (формы от основы *Онуфриос*), 218 (*Олександрос*, им п)

¹⁶ Зеркальная форма *ц*, употреблявшаяся в памятниках XI—XV вв не книжной письменности (в берестяных грамотах и эпиграфике), является характерной чертой бытовой графики. Здесь эти случаи мы специально не рассматриваем

¹⁷ Рождественская Г В Рисунки-граффити на стенах древнерусских храмов // Рисунки писателей Сб науч статей СПб, 2000 С 405—408 (рис 1, 2, 3)

Зеркальные изображения букв встречаются и в берестяных грамотах,¹⁸ а грамота № 674, датирующаяся второй половиной XII—началом XIII в и представляющая собой фрагмент 4-го стиха 54-го псалма, написана не только с использованием «зеркальных» форм, но, как и в случае с надписью 1, — справа налево.¹⁹ Издатели отмечают, что «грамота написана на очень тонкой бересте и свернута была в тугую трубочку, что придает ей вид амулета <...> Не исключено, что это именно амулет (оберег), зеркальное написание канонического текста в котором превращает такой текст в заклинание».²⁰ Известны случаи зеркальных и «обратных» написаний и в древнеславянской эпиграфике. Так, на двусторонней металлической пластине-амулете X в. из Восточной Болгарии текст, обрамленный изображениями двух крестов (*крѣсть подрѣзи сѧ христос распѧ сѧ христос въскрѣсе и чловѣкъ прости сѧ*), хотя и расположен в целом слева направо, но буквы внутри слогов читаются в обратном порядке.²¹ Автор надписи 1 с именем *Александр* на столбе Мартирьевской паперти также использовал графические приемы сакрализации текста, более того, он начал писать на одной стороне столба, а продолжил на другой таким образом, что части текста оказались расположены под прямым углом друг к другу.

Представляется не случайным и само местонахождение надписи — она располагается не только в непосредственной близости от гробниц новгородских владык, но и на том же столбе, что и опубликованные А. А. Медынцевой надписи № 203 и № 206.²² Обе эти надписи по палеографическим и лингвистическим данным датируются концом XII—началом XIII в. и связаны с погребальным обрядом, одна (206) — с христианским, другая (203) — с языческим.²³ Ко второй половине XII в. относятся и берестяная грамота № 734 с текстом заговора против болезни с трижды повторенным именем ангела Сихаила,²⁴ и берестяная грамота № 715 XIII в. с заговором-молитвой против лихорадки, которая, по предположению А. А. Зализняка, «вероятно, использовалась в качестве амулета (так наз. науза)».²⁵

Комплекс этих находок, включая и надпись 1 из Мартирьевской паперти, свидетельствует об устойчивости языческих переживаний в христианской культуре средневекового Новгорода второй половины XII—первой половины XIII в. и о применении элементов языческой магии к христианскому тексту, что характерно для средневековой народной культуры в целом.²⁶

¹⁸ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.) // Палеография берестяных грамот и их внеэпиграфическое датирование М., 2000 Т. 10 С. 152—153, 190, 212

¹⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.) М., 1993 С. 61—62, Зализняк А. А. Древненовгородский диалект С. 378—379

²⁰ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.) С. 62

²¹ Popkonstantinov Kazimir, Kronsteiner Otto Старобългарски надписи 1 Altbulgarische Inschriften // Die Slawischen Sprachen Wien, 1994 Bd 36 S. 140—142

²² Медынцева А. А. Древнерусские надписи С. 148—149, рис. 126, с. 150, рис. 125

²³ Рождественская Т. В. Эпиграфические памятники Древней Руси XI—XV вв. (Проблемы лингвистического источниковедения) СПб. 1994 С. 17—18, 24—25

²⁴ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект С. 293

²⁵ Там же С. 428

²⁶ Среди записей писцов в рукописях XIV в. есть несколько, написанных зеркально и справа налево. По содержанию это записи бытового характера, а также названия начальных букв греческого алфавита Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переписчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков М., 2000 № 253, 254 259

ГН ПОМОЗН СВА (В) ВУКЛН КЛМАТОУ СВА
 ГРШННИКЪ РАВЪ

Рис 3

Надпись 2 (рис. 3) расположена на северо-восточной пилястре справа от надписи № 167 (по нумерации А. А. Медынцева):

гни помози раб(...) сво(...)оу климату а сва...

грѣшникъ рабъ...

Г(осподи), помози рабу своему Климату, а Сва(...) грешник, раб...

Надпись выполнена в две строки, крупными, несколько вытянутыми буквами. Над двумя начальными буквам *гн* — горизонтальное титло. Концы строк не сохранились, однако по смыслу можно предположить, что последнее слово первой строки, начинающееся с *сва...*, скорее всего, — имя собственное, а во второй строке после слова *рабъ* следовало *Б(о)жи писалъ* (Божий писал). По палеографическим показаниям надпись может быть датирована второй половиной XII в., на это указывают начинающие «набухать» петли букв *ъ* и *ѣ*, а также орфография — *ъ* в суффиксе в слове *грѣшникъ*.

Имя *Климата* с характерным для новгородских антропонимов гипокористическим суффиксом *-лт* в надписи имеет флексию дат. пад. — *оу*, свойственную именам мужского морфологического рода, тогда как в подавляющем большинстве случаев, по данным берестяных грамот, мужские имена на *-лта* изменялись по женскому морфологическому роду.²⁷ Начало второго имени *Сва* могло принадлежать имени *Сватонѣгъ* / *Сватонѣгъ*. Вариант этого имени с *а* в первой части вместо *л* встретился в надписи Софийского собора конца XI—начала XII в.²⁸ В концовке надписи не совсем обычно употребление имени существительного *грешник* вместо традиционной формы *грешный* в надписях такого рода.

Надпись 3 (рис. 4) процарапана в три строки очень мелким почерком на той же плоскости пилястры:

ГН ПОМА
 БОУ
 ГРВУН

0 2

Рис 4

²⁷ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект С 188—193 См надпись № 177 «гни помози рабъ своему Климатъ» в той же Мартирьевской паперти А. А. Медынцева датирует ее на основании наличия *ж* в пределах XI—XII вв. Медынцева А. А. Древнерусские надписи С 112 Надпись сохранилась только в прориси на кальке, поэтому ее более точная датировка затруднена

²⁸ Медынцева А. А. Древнерусские надписи С 85, № 104 Надпись была опубликована В. Н. Щепкиным, но ее местонахождение неизвестно

ги помо...

боу св...

тръчин...

Г(осподи, помо(зи ра)бу св(оему) тръчин(у).

Концы строк повреждены. В середине второй строки прочерчен контур креста, внутри которого процарапан второй крестик. Это изображение было сделано раньше надписи, так как писавший, размещая буквы, его учел. Над буквами ги — горизонтальное титло. Палеографические признаки надписи позволяют отнести ее к середине—второй половине XII в. Здесь интересно имя Торчин, написанное в духе книжной орфографии с ъ после плавного р. Как имя оно известно не только по сообщению «Повести временных лет» под 1015 г. и 1100 г.,²⁹ но и в берестяных грамотах № 225 и № 516, обе датируются второй половиной XII в.³⁰

Надпись 4 (рис. 5) находится там же, где и предыдущие, и состоит из одного слова:

зѹлотъ

Зилоть.

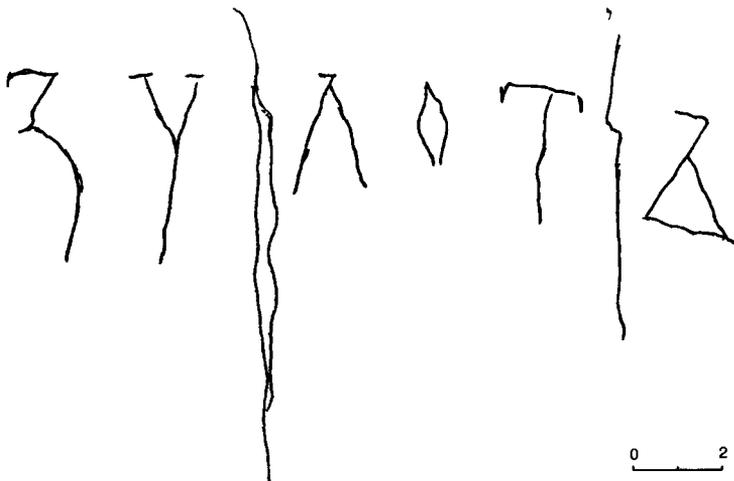

Рис 5

Буквы крупные, вытянутые, их общий облик говорит скорее уже о XIV в. Буква в (ижица) передана через ѹ. Для более точной палеографической датировки данных мало.

Надпись 5 (рис. 6) помещается чуть ниже предыдущей и состоит из одной строки:

благо(...)щение гне

Благо(въ)щение Г(оспод)не.

Палеографические приметы указывают на конец XIV—начало XV в. Слово Г(оспод)не написано под титлом.

²⁹ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент Д С Лихачева, Под ред В П Адриановой-Перетц 2-е изд, испр и доп СПб, 1996 С 60 «Поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынезь ножъ, зарѣза Глѣба, акы агня непорочно», с 116 « послаша к Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путяту, Володимерь Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина»

³⁰ Зализняк А А Древненовгородский диалект С 315 (от Тороцина), с 305 (у Търъчина)

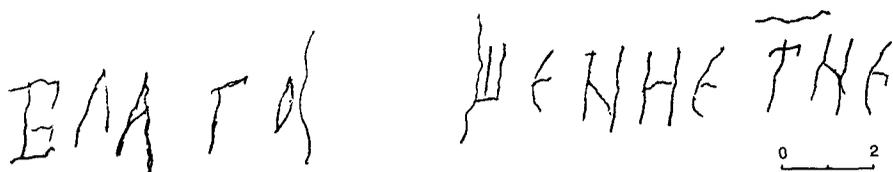

Рис. 6.

На этой же плоскости читается надпись 6 (рис. 7): *а софия*. Буква *а* заключена в круг — нередкое в эпиграфике написание слова *аgia*, *агиос*. Для датировки данных мало, но общий облик букв позволяет датировать эту надпись временем не ранее XIV в.

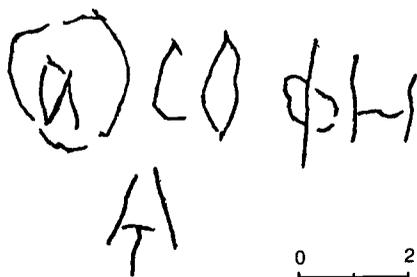

Рис. 7.

Справа от надписи № 167, опубликованной А. А. Мединцевой, читается трехстрочная надпись 7 (рис. 8):

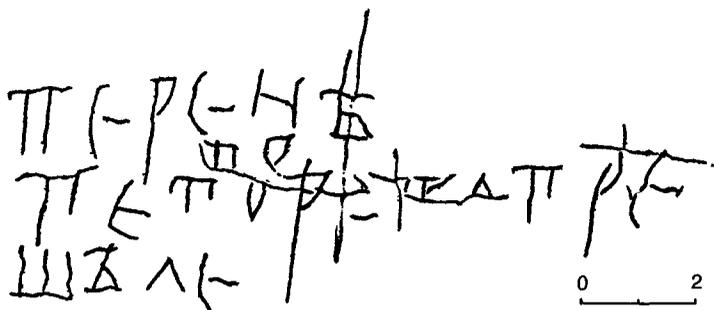

Рис. 8.

перенѣ

ге тор... (в о) гре...

шъле

Перенеге тор... (во) гре(шныи...) шъле...

Из-за значительных повреждений поверхности стены удовлетворительно читаются лишь первое и последнее слова надписи: Перенег... шел. Вторая строка неясна. Отметим сходное написание букв П и Г, отличающееся в случае Г укороченной правой частью. Может быть, последние три буквы строки являются началом слова *грешный* с *е* в корне вместо

ѣ (?). По палеографическим данным надпись может датироваться первой половиной—серединой XII в. Имя *Перенѣгъ* известно по Русской Правде — его носил один из бояр, участвовавших в составлении Правды Ярославичей.³¹ В одной из берестяных грамот, найденных в 1999 г. в Старой Руссе в напластованиях первой половины XII в.,³² также встретилось имя *Перенег*.³³ В надписи 7 — третье упоминание этого имени в источниках. Что касается его структуры, то оно построено по продуктивной модели древненовгородского антропонимикона — двухосновный тип с корнем *нѣг*.³⁴ В надписи нашли отражения «новгородизмы» — окончание *-е* (*Перенѣге*, *шѣле*), мена *ь* и *ѣ* (*шѣле*).

Большинство новонайденных надписей на западной стене Мартирьевской паперти на уровне человеческого роста от современного пола и чуть выше представляет собой формулы с глаголом *писал*. Все они сохранились фрагментарно.

Надпись 8 (рис. 9): *клима*

т... ѡ

Климат(а) писал.

Рис. 9.

После *т* без труда восстанавливается *а*, выбитая с фрагментом штукатурки. Имя написано через *а*, как и в надписи 2. Формы букв встречаются в надписях и берестяных грамотах XII в.

Надпись 9 (рис. 10): ... *цуди*

ле ѡлѣ

грѣ

шьныи

Цудил (Чудил) писал грешный.

³¹ ПВЛ. С. 560.

³² Торопова Е. В., Кожина Г. Н., Антропова Я. В., Торопов С. Е., Курочкин А. Ю. Археологические исследования в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля. История и археология: (Материалы научной конференции). Новгород, 25—27 января 2000. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 53.

³³ Торопова Е. В. Археологический контекст берестяных грамот № 33—36 из Старой Руссы // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: Материалы Международной конференции. Великий Новгород, 24—27 сентября 2001 г. / Под общей ред. акад. В. Л. Янина. М., 2003. С. 175.

³⁴ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 695.

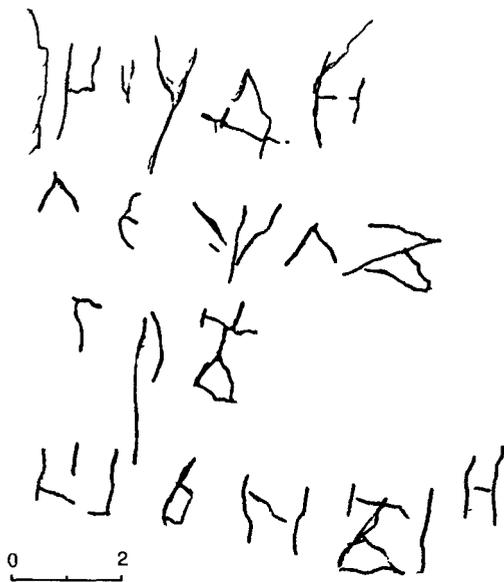

Рис 10

По палеографическим приметам (формы оу, р, ѣ, џ, ѡ, ы) надпись можно датировать второй половиной XI—первой половиной XII в. Отмечу «зеркальную» форму ц, характерную для памятников новгородской некнижной письменности. В орфографии — конечное -е в имени при книжной форме џлъ с конечным -ъ, а также отражение «цоканья» (Цудиле). Имя Чудил неизвестно в берестяных грамотах, но в них отмечены формы Чюдинъ и Чюдка.³⁵ Тип мужских имен на -иль представлен целым рядом имен, в том числе нехристианских (Городиль, Нъжилъ, Насиль, Гостиль, Путиль и т. п.).³⁶ В целом орфография соответствует книжным нормам XI—начала XII в.

Надпись 10 (рис. 11): ...илѣа џс(л)ь
(...)илѣа писал.

Рис 11

³⁵ Там же С 681

³⁶ Там же С 695

Первое слово — окончание имени, судя по глагольной форме, — мужского. Среди новгородских имен неоднократно зафиксированы формы на -ья как варианты стандартных на -ии: Григорья, Захарья, Прокопья и т. п.³⁷ Слово *ψсаль* с конечным *ь* автор начал писать через *ψ*, но следом написал еще и *с*. Такие варианты встречаются в эпиграфике. Общий облик почерка — в пределах второй половины XII—начала XIII в.

Надпись 11 (рис. 12) состоит из 5 строк, сохранилась с лакунами:

Фом(м)...о

бога...ын

грѣхы

...оук(о)

пѣψ...о

Фомко богатый грехы (р)ук(о)у писал.

В первой строке в имени собственном сохранилась нижняя часть

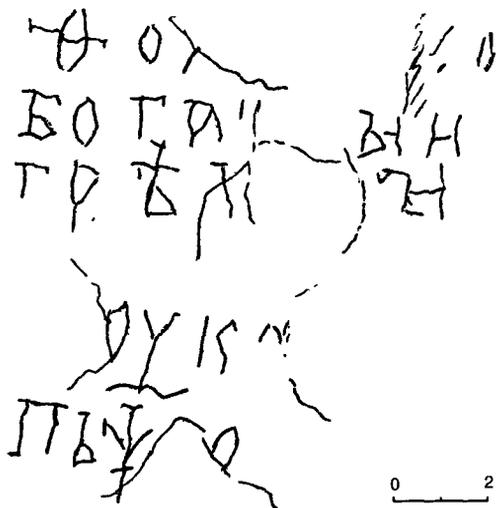

Рис. 12.

3-й буквы, видимо, *м*; от предпоследней — фрагмент правой части, которая, вероятно, является частью *к*. Тогда имя можно прочесть как Фом(ъ?)ко.

Примеры такой модели мужских имен известны по берестяным грамотам: Василько, Слинко, Лунько, Васько и другие, также и от основы на губной -*м*, но без суффиксального *ь*: Семко, Макхимко.³⁸ В третьей строке между буквами *х* и *ы* — выбонна, которую писавший учел. Нет оснований предполагать здесь утрату букв, поскольку слово *грѣхы* читается четко. Автор надписи, в отличие от автора надписи 10, глагольную форму начал с букв *пѣ*, но далее вместо закономерной *с* написал *ψ* с титлом над ней, как бы вспомнив книжный графический облик этого слова. При этом употребил характерное для бытовых текстов конечное -*о*. По палеографическим признакам надпись можно датировать тем же временем, что и надпись 10. Текст представляет собой

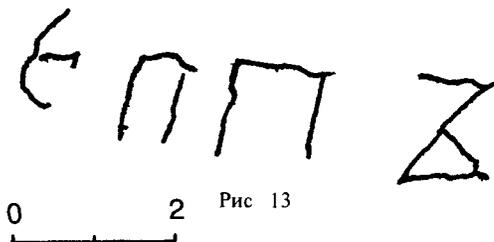
³⁷ Там же. С. 697

³⁸ Там же. С. 694, 695.

часть устойчивой покаянной формулы «богатый грехами, убогий добрыми делами», известной с вариациями в эпиграфике.³⁹ Изящная форма ψ с перекладиной под чашей и с фигурным титлом выдает руку книжного человека.

Надпись 12 (рис. 13) состоит из четырех букв: епнъ, без титла, т. е. еп(иско)лъ. К сожалению, из-за повреждения штукатурки неизвестно, следовало ли далее имя. Данных для палеографической датировки мало, однако начертания всех букв имеют соответствия в граффити и берестяных грамотах XII в.

Надпись 13 (рис. 14) состоит из трех повторяющихся строк:

ги спси рава свое...(и в...ы)...
 ги с.....рава своего...
 ..и спси рава своего...
 Г(оспод)и, сп(а)си раба свое(го)...
 Г(оспод)и, с(паси) раба своего...
 (Господ)и, сп(а)си раба своего...

Эта надпись сделана одним почерком тонким острым писалом или иглой слева от фрескового изображения. В конце всех трех строк имена полностью не читаются и потому неизвестно, относится ли эта надпись к одному человеку или к трем. Ровность строк сохраняется. Отмечу титла над словом *сп(а)си* и отсутствие его над *г(оспод)и*. Формы букв — с с декоративными утолщениями, р с горизонтальной верхней частью петли, а с наверхием, в с остроугольными петлями — находят аналогии в почерках второй половины XI—начала XII в. Графика несет на себе следы некоторого аристократизма.

Итак, 13 новых надписей, обнаруженных на стенах Мартирьевской паперти, — это молитвенные формулы «Господи помози», автографы «такой-то писал», среди которых, вероятно, и автограф архиепископа Аркадия, название церковного праздника «Благовещение Господне», надпись «летописного» характера с именем Перенег и надпись с именем Торчин. Эти два имени упоминаются уже в древнейших источниках — летописном известии об убийстве Бориса и Глеба в ПВЛ и в Русской Правде.

Среди надписей, опубликованных А. А. Медынцевой, есть надпись, сделанная глаголическим алфавитом (№ 6), есть автограф «мужа добра» Федора Сбыславича, участника неудачного похода новгородцев к Ракову в 1268 г.,⁴⁰ надпись Фарьмана Глебова отрока — дружинника князя

³⁹ Высоцкий С А Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв Киев, 1966 Вып I С 60, № 24 «Михаль убогын, а грѣхы богатын ψлъ...» (у С А Высоцкого «грехом») Ср также надпись второй половины XI—XII в, находившуюся на хорах Софии Новгородской «се влась ψлъ оубогын, а грѣхы богатын» Медынцева А А Древнерусские надписи С 113

⁴⁰ Медынцева А А Древнерусские надписи С 151

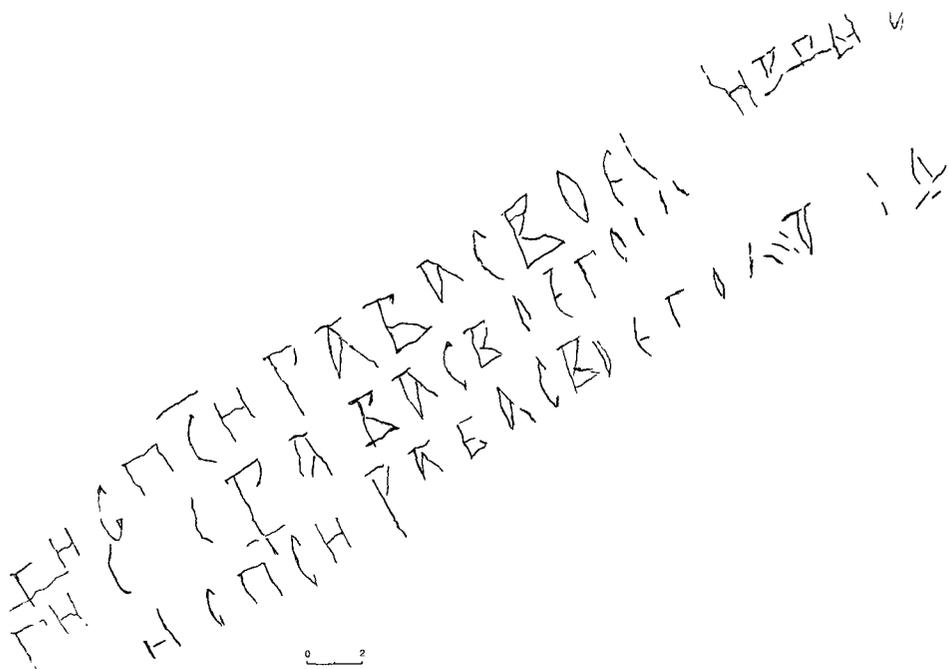

Рис. 14.

Глеба, судя по имени, имевшего скандинавские корни.⁴¹ Особый интерес представляет надпись № 203⁴² с обрядовым погребальным текстом, который был тщательно зачеркнут современником. Эта надпись — одна из самых ранних (конец XII—начало XIII в.) фиксаций устной языческой традиции. В контексте переплетения языческих и христианских элементов в древненовгородской — и шире — древнерусской — культуре следует рассматривать и «зеркальную» надпись 2 с именем *Александра*.

В новонайденных текстах присутствуют графико-орфографические и морфологические особенности, характерные для памятников не книжной письменности Новгорода и отражающие черты древненовгородского диалекта (конечный *-e* в им. пад. мужского рода существительных древнего *-*o* склонения: *Перѣнеге*, *Чудиле* и в глагольной форме на *-л шъле*, представлена и форма с «цоканьем»: *Цудиле*). Вместе с тем авторы некоторых надписей явно ориентировались на книжную норму — как графико-орфографическую, так и языковую. В эпитафическом материале из Мартирьевской паперти Софийского собора, поиски которого могут быть продолжены, проявились черты новгородской письменной традиции в ее книжном и бытовом вариантах. Мартирьевскую паперть, как и весь Софийский собор, с сохранившимися надписями и рисунками на столбах и стенах можно рассматривать как своеобразный памятник письменности средневекового Новгорода.

⁴¹ Там же. С. 108; Рождественская Т. В. Еще раз о топониме «Поромонь двор» в летописном известии 1015/1016 гг. // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. Сб. статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб., 1994. С. 208.

⁴² Мединцева А. А. Древнерусские надписи... С. 148—149.

Е. К. БРАТЧИКОВА

Сборник образцов для иллюстрирования Жития Василия Нового

(из собрания Ф. И. Буслаева)*

Исследователи Жития Василия Нового давно обратили внимание на то, что текст этого византийского памятника является одним из главных источников при создании иконографии таких сюжетов, как спор души и тела, борьба между ангелами и демонами, воздушные мытарства и Страшный суд.¹ Лицевые списки Жития, отличающиеся от других иллюстрированных произведений агиографического жанра большим количеством миниатюр, основная часть которых приходится именно на эти разделы, лишь подтверждают правомерность существующего мнения. Погружаясь в перипетию драматического содержания Жития, невольно ловишь себя на мысли отобразить прочитанное в художественных образах. Не случайно встречаются списки, в которых, наряду с иллюстрациями к тексту, даны миниатюры с изображением создателей рукописи — писца и миниатюриста, запечатленными в момент обсуждения композиций из цикла мытарств Феодоры: РНБ, собр. Вяземского (далее — Вяз.), Q.I, № 45, л. 20.

И все же, обращаясь к лицевым спискам, среди которых можно выделить несколько художественных редакций, различающихся между собой как характером иллюстрирования в целом, так и каждого фрагмента в отдельности, исследователи вновь возвращались к тексту и рассматривали миниатюры лишь как его комментарий. Текст завораживал красочностью и подробностью описания сюжетов, иконография которых была более известна на примере произведений монументальной живописи и иконописи, чем по миниатюрам рукописных книг. Поэтому все, кто обращался к Житию Василия Нового в XIX и XX столетиях, рассматривали текст памятника в качестве развернутого толкового подлинника.²

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-04-00496а.

¹ Издания Жития Василия Нового и литература о нем указаны О. В. Твороговым. См.: Творогов О. В. Житие Василия Нового // Словарь книжников. Вып. 1. С. 142—143; Ср.: ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 192—193.

² Буслаев Ф. И. Соч. СПб., 1861. Т. 1. С. 401—454; Т. 2. С. 119; Соч. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 1. С. 435; СПб., 1910. Т. 2. С. 402, 434; Л., 1930. Т. 3. С. 47, 225—227; Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 1886. Ч. 2. С. 11—13; Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 3. С. 80—85; Т. 4. С. 546; Т. 5. С. 171; Покровский Н. В. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства. Одесса, 1887. С. 59, 67, 70—72, 77—78, 86—92, 95—96; Редин Е. К. О лицевых Синодиках, поступивших в распоряжение Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Харь-

Между тем наряду с лицевыми списками Жития, которые уже сами по себе могли восприниматься как лицевые иконописные подлинники, существовало руководство по его иллюстрированию. Оно получило название «Пособие для живописцев, которые будут украшать рисунками текст Жития Василия Нового».³ Вошедшие в него рисунки, переплетенные в одну книжку в виде сборника образцов, хранятся в рукописном отделе РНБ, собр. Буслаева (далее — Бусл.), О.ХИИ.13. Описание сборника в составе «Каталога собрания рукописей Ф. И. Буслаева», принадлежащее И. А. Бычкову, содержит упоминание об их покупке в Москве 1 апреля 1883 г.⁴

Сборник форматом в 8° состоит из 151 л. образцов, выполненных на качественно выделанной тряпичной бумаге с водяными знаками XVIII в.⁵ На лицевой стороне каждого листа помещено по одной контурной композиции, часть из них дана с наименованиями красок, другие — с буквенным обозначением цветов. Имеющиеся на листах надписи выполнены скорописью, фрагменты текста полууставом, инициалы и отдельные слова выделены кинноварью. На оборотах л. 1—20 (но не на всех) приведен относящийся к картинке текст Жития. Самые пространственные выписки состоят либо из начальных и последних строк законченного фрагмента текста, как на л. 20 об. («И сè срёте ны мытарство 1-е оклеветание, увы, увы. Конец: и отидох без беды»), либо из текстового отрывка, содержащего не более 21 строки. И. А. Бычков датирует рисунки XVIII в. и, называя контурными, пишет о них как о рукотворных. Между тем собранные в «Пособии...» образцы не что иное, как прориси (их большинство) и переводы, выполненные в технике, напоминающей своим видом цветную литографию. Подобное сходство, как отмечал еще Г. Филимонов, характерно для оттисков, сделанных наклепным способом и имеющих в иконописной практике названия «слепка»,⁶ «отлипа»⁷ или «налепка».⁸ Оттиски в зеркальном изображении, многие из них сделаны в два цвета: черный контур и красные заливки в передаче архитектуры. На отдельных листах по нижнему и верхнему краям иллюстрации сохранился резкий след от рамки, применявшейся для механического снятия с композиции перевода.⁹ Но «слепка» так бы и осталась «слепком», если бы по нему не прошлась рука мастера. На всех листах фигуры первого плана и архитектурный фон прорисованы чернилами. Пятый лист рукописи был утрачен (об этом сохранилась запись на л. 4: «а 5-й лист потерянь»), поэтому закрепленную за ним композицию пришлось выполнить от руки. Этот лист отли-

ков, 1902; Лидов А. М. Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 23; Братчикова Е. К. Лицевое Житие Василия Нового как иконографический источник народной эсхатологии // Старообрядчество: История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2001. С. 289—292.

³ Искренне благодарю О. В. Творогова и О. А. Белоброву за поддержку и помощь в работе с лицевыми образцами Жития Василия Нового.

⁴ Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897. С. 219, № 71.

⁵ На большинстве листов «Пособия...» зафиксирована филигрань «Герб Ярославля» с литерами «ЯФЗ» или «ЯМАЗ», что соответствует типу № 3 (1748—1751, 1756 гг.) у Клепикова, I. С. 23; Клепиков, II. С. 237.

⁶ Филимонов Г. Собрание иконописных рисунков братьев П. и М. Сапожниковых // Вестник общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1875. № 6—10. С. 68.

⁷ Бакушинский А. В. Искусство Палеха. М., 1934. С. 255.

⁸ Маркелов Г. В. Книга иконных образцов. СПб., 2001. Т. 1. С. 13.

⁹ О способах копирования книжных миниатюр см.: Маркелов Г. В. «Налепные образцы» в традиционном книгописании // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 266—267.

чается от других неуверенностью в прорисовке архитектуры и особенно ее орнамента. Видно, как трудно было «зnamenить» чернилами по мягкой бумаге: перо цеплялось за волокна, оставляя на линии точки и небольшие кляксы.

О том, какое перед нами изображение — негативное (как говорили иконописцы, «левое») или его позитивный, «правый» отпечаток, позволяют судить не только композиционные противоречия, как, например, меч в левой руке (л. 1 об.) или благословение левой рукой (л. 2), но и записи с указанием места расположения текста и картинки. Так, композиции мытарств чаще всего сопровождаются такими подписями: «стороница направа» или «лист направа» (л. 25, 26, 27, 29, 30, 33, 36, 37 и др.). А на местах, где предполагалось писать текст, оставлены следующие пометы: «Прописи вся здесь» (л. 10 об.), «Стороница прописи налева» (л. 2), «полтора листа направа» (л. 14), «четыре страницы налева» (л. 38), «пять строк налева» (л. 34), «шесть строк прописи направа» (л. 18), «два листа с половиной налева» (л. 32). Иллюстрации, по-видимому, должны были сопровождаться подписями, образцы которых сохранились на первых листах рукописи: «Константин же некто чиномъ протекурии» (л. 5); «Слышав же азъ Григория сицева безмездна врача» (л. 6); «Егда прихождаху к нему нецыи ползы ради» (л. 7); «И се внезапно смерть беже видение ега яко левъ ревыя» (л. 15), «Яко жже держастоме святая ангеля» (л. 16). На оборотах первых 20 листов помещены текстовые фрагменты; на следующих 20 (л. 21 об.—40 об.) указаны только названия мытарств, по завершении этого раздела текст опускается вовсе.

Не приходится сомневаться в том, что вошедшие в сборник иллюстрации носят вспомогательный, рабочий характер. Тогда возникают вопросы: как выглядел памятник, взятый за образец, и для чего могли быть выполнены листы, вошедшие впоследствии в «Пособие...»? Скорее всего, в качестве образца служили цельногравированные издания, в которых картинка дается в сопровождении текста.¹⁰ Во всяком случае, пропечатавшиеся на листах справа (а не слева, как должно быть в оригинале) под картинкой большие киншварные инициалы не противоречат такому предположению (л. 19). Тогда для каких целей могли быть сделаны оттиски? Возможно, предполагалось создать лицевой список Жития, в котором миниатюры имели бы первостепенное значение, а текст должен был служить как комментарий к картинкам. Подобная тенденция характерна для многих иллюстрированных текстов Жития Василия Нового, но наиболее ярко она проявилась в лицевых списках РНБ: в буслаевском (Q.I, № 1144), содержащем 143 миниатюры (всего в рукописи 141 л.), и в двух списках из собрания Вяземского. Если в одном из них (Q.I, № 45) еще имеется текст (он сопровождает иллюстрации первых 10 листов), то во втором (Q.I, № 90) текстовый комментарий отсутствует, он заменяется подписями под миниатюрами, которые расположены попарно одна над другой на 59 несброшюрованных листах.

Но может быть и другое объяснение. Являясь источником сюжетов эсхатологической темы, иконография Жития Василия Нового должна была быть «закреплена» в некоем практическом руководстве, составленном по образцу лицевых иконописных подлинников. В пользу этой версии можно привести такое наблюдение: наряду с пояснительными записями на отдельных оттисках «Пособия...» проставлены первые буквы из

¹⁰ Литература о цельногравированных изданиях приведена в кн.: Сакович А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня. М., 1983. С. 75, 152.

названий тех цветов, в которых должна была быть выполнена композиция. На целом ряде листов (5, 7, 8, 10, 12, 13, 19, 20) сохранились обозначения: «з» — зеленого, «к» — красного, «б» — белого, «ч» — черного, «ж» — желтого и «зт» — золотого цветов. Там, где не оставлены такие указания, цвет нанесен акварелью: синий — длинными узкими мазками чаще всего встречается в прокраске одежды; жидко положенный зеленый — цвет растительности, архитектуры, элементов костюма; желтый, данный плоскими прозрачными пятнами, обозначает землю; красный — небольшими, сделанными кистью вкраплениями, расцвечивает цветы и ягоды.

Если говорить о стилистике приведенных в «Пособии...» образцов, то необходимо отметить, что все они сделаны с рисунков одной руки в манере, восходящей к традициям древнерусской миниатюры XV—XVII вв. Композиции строго центрические, в основном одно-, реже двухфрагментарные. Действие, как правило, происходит на фоне архитектуры, которая организует пространство и выстраивает его на плоскости. Фигурам первого плана, расположенным друг перед другом через пространственную «паузу», соответствуют архитектурные массы второго, которые воспринимаются как кулисы по отношению к центральной постройке с трехлопастной аркой или перспективным порталом на фасаде. Причем если палаты выделены красным, то контраст света и тени при максимально сближенных композиционных планах дает ощущение глубины пространства и освещенности интерьера. Над очертаниями храмов с навершиями в виде «маковок», башенок, шпилей, двускатных или плоских кровель полукружием проходит стена «городчатого» орнамента, замыкающая пространство на заднем плане. Подобные архитектурные фоны, а также пейзаж в виде горок с крупными лещадками, искусно разработанные изографами XVII в., нашли простое, ясное, в определенном смысле знаковое выражение в иллюстрациях сборника. Достаточно вспомнить многочисленные миниатюры изданных лицевых списков Житий Евфросинии Суздальской, Сергия Радонежского или митрополита Алексия, чтобы стало понятно, какие произведения могли служить образцом при создании композиций «Пособия...».

Иллюстрации отличаются разнообразием в передаче одежд, главным образом головных уборов: царедворец Самона изображен в шляпе с тульей в виде длинного рога, его воины — в шапках с закругленным верхом и маленькими полями (л. 1). Но особенно изощрен знаменщик в прорисовке бесовских нарядов: тут и шапочки с помпонами, и шляпы с низкой плоской тульей и широкими полями (л. 27), и разнообразные короны (л. 25). Судя по указаниям относительно цвета, архитектуру следовало писать в красно-зеленых сочетаниях, эти же цвета должны преобладать и в одеждах, «позем» предлагалось красить зеленым, горки — охрой.

Появившись в помощь живописцам, иллюстрирующим Житие Василия Нового, «Пособие...» стало наиболее полным сборником иконографии этого произведения. Если лицевые списки Жития в основном дают представление о двух видениях Григория: о смерти Феодоры и о Страшном суде, то в «Пособии...» достаточно подробно разработаны и другие эпизоды текста. Так, начальные разделы о том, как Василий попал в Константинополь, представлены семью композициями, среди которых, наряду с известными, такими, как «Утопление Василия» (л. 1), «Чудесное спасение святого дельфинами» (л. 2), «Встреча Василия с Феодорой в доме примикурия Константина» (л. 5), появляются новые сюжеты: «Трапеза в доме Иоанна» (л. 3), «Исцеление больных» (л. 4), «Обретение Василием

ученика Григория» (л. 6), «Духовные подвиги Василия» (л. 7). Житийный рассказ о Феодоре, литературно обработанный Ф. Батюшковым и чаще всего иллюстрированный именно по его схеме,¹¹ в данном случае также претерпел изменения. В сборнике представлены две сцены кончины Феодоры: первая — как реальное усупение с обрядом отпевания (л. 8), вторая — как апокалиптическое явление смерти в виде скелета с косою и коробом за плечами, данное Григорию в видении (л. 15). Это не единственный случай подобного рода. Две миниатюры на смерть Феодоры находим в старообрядческом списке из Библиотеки Академии наук (№ 1.1.44, л. 10, 14), а также в списке РНБ (Ф. I, № 725, л. 11, 17). Причем сцена отпевания в последней рукописи выполнена по образцу аналогичной миниатюры из Жития Евфросинии Суздальской,¹² которая, возможно, и была иконографическим источником этой, нехарактерной для Жития Василия Нового, композиции.

Цикл иллюстраций мытарств Феодоры, исчисляющийся в «Пособии...» 21 композицией, восходит к той лицевой версии, при которой демон и окружающие его бесы располагаются внизу на троне, изображенном на фоне гор, а душа предстает не младенцем, а в виде заключенного в медальон Феодориного «портрета», парящего по воздуху в сопровождении двух ангелов (на л. 14, 15, 16 душа Феодоры изображена в виде младенца). Ф. И. Буслаев считал, что вариант с медальоном является наиболее ранним в истории сложения иконографии души. Его происхождение исследователь относит к V—VI вв. и связывает с портретами почивших, изображенными на щитах или в медальонах, которые помещались на саркофагах. В качестве иллюстрации к статье «Для иконографии души» Ф. И. Буслаев¹³ дает прорисовку композиции одного из мытарств принадлежавшего ему списка Жития Василия Нового (РНБ, Бусл., Ф. I, № 725), миниатюры которого, как уже отмечалось, являются одной из ближайших аналогий композиций, представленных в «Пособии...».

И когда исследователь писал о разнообразии бесов в иллюстрациях к Житию, он также в первую очередь имел в виду рукописи своего собрания.¹⁴ В прорисовках «Пособия...» бесы изображены песьеголовыми («о поругании», л. 21; «о зависти», л. 22) и свиноподобными («обаяние», л. 32; «объядение и чревоугодие», л. 33); с лысыми черепами («празднословие и сквернословие», л. 26) и со стоящими дыбом волосами («немилосердие», л. 40); с короткими крыльями («идолослужение», л. 34) и с длинными в виде веера («о лжи», л. 23); обнаженными («гордостное», л. 25); бурыми (л. 23); пятнистыми («разбойническое», л. 37); «о трех головах» («неправды и тщеславия», л. 28); хвостатыми («сребролюбие», л. 29); кривляющимися («оклеветание», л. 20); с баграми («татеебное», л. 38); с дубинами («обаяние», л. 32); с мешками («сребролюбное», л. 29); с кубками («пьянственное», л. 30); с исписанными свитками («блудное», л. 39) и с чистыми («зломомнение», л. 31). И если ангелы остаются неизменными на протяжении всего цикла иллюстраций, то бесы всякий раз принимают новое обличье. Чем позднее список, тем изощреннее становится фантазия знаменщика, значительно отходящего порой от описаний

¹¹ Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы: Опыт историко-сравнительного исследования. СПб., 1891. С. 78—80.

¹² См.: Житие и жизнь благоверныя княжны Евфросинии Суздальской. Списано иноком Григорием. СПб., 1888. Л. 128 (Изд. ОЛДП. Вып. 91).

¹³ Буслаев Ф. И. Для иконографии души // Соч. Л., 1930. Т. 3. С. 225.

¹⁴ Буслаев Ф. И. Мои досуги. С. 12—13.

Силы небесные попирают Содом и Гоморру.
Иллюстрация из «Пособия...» (РНБ, Бусл., О.ХІІІ.ІЗ, л. 71)

в тексте, ср.: БАН, собр. Лукьянова (далее — Лукьян.), № 44, л. 126—142 об.

Иконографическое своеобразие художественной редакции «Пособия...», к которой следует отнести и два других буслаевских списка Жития (РНБ, F.I, № 725; РНБ, Q.I, № 1144), проявилось при создании всех последующих композиций. Рассмотрим тот фрагмент рассказа, когда ангелы показывают Феодоре обители святых. В списках Жития, относящихся к старообрядческой традиции, дана перспектива улицы града Небесного с выстроенными вдоль нее палатами, их двери закрыты, но в окна видны счастливые лица обитателей (БАН, № 1.1.37, л. 41). В одноименной композиции «Пособия...» этот эпизод дан в ином иконографическом изводе: находящиеся на тверди ангелы указывают Феодоре на небо, где в пяти медальонах — силуэты фасадов, прорисованных в традициях палатного письма XVII в., они-то и символизируют обители святых (л. 44). Или другой сюжет — «Лоно Авраамово». В лицевых списках Жития XVIII—XX столетий этот сюжет встречается в двух изводах. Первый, композиционно восходящий к миниатюрам с изображением Давида псалмопевца, выглядит так: могучий Авраам в перекинутом через плечо плаще, окруженный душами в виде обнаженных младенцев, восседает посреди райского сада в ожидании ангелов, летящих к нему с душой Феодоры (БАН, Вятское собр., № 877, л. 26; БАН, № 1.1.37, л. 42). Этот иконографический тип может быть представлен с изображением момента, когда Авраам, взяв из ангельских рук душу Феодоры, прячет ее у себя за пазухой. «Лоно Авраамово» этого извода находим в огромной, складывающейся «гармошкой» миниатюре старообрядческой рукописи БАН (№ 21.11.9, л. 40), а также в списке Жития из РНБ (Вяз., F.I, № 90, л. 25). В «Пособии...» дан другой иконографический вариант: на престоле восседают три пророка: Авраам, Исаак и Иаков. Вокруг них парами гуляют праведники; душа Феодоры, изображенная в покрывающем ее с головы до пят мофории, спешит им навстречу, ангелы сопровождают ее (л. 46). В миниатюрах рукописей XVIII—XIX вв. чаще встречается именно этот извод «Лона Авраамова». Почти полное иконографическое совпадение, если не считать зеркальности изображения, зафиксировано в рукописи Жития из РНБ (Q.I, № 1144, л. 41 об.); достаточно близкие композиционные аналогии можно отметить еще в четырех списках (РНБ, F.I, № 725, л. 58 об.; Вяз., Q.I, № 73, л. 48 об.; собр. Колобова, № 194, л. 64; БАН, № 1.1.44, л. 31 об.).

Далеко не в каждой лицевой рукописи Жития имеются иллюстрации к чудесам св. Василия, рассказ о которых помещен между видениями Григория о мытарствах и о Страшном суде. В «Пособии...» этот раздел комментируют семь композиций, расположенных в следующем порядке: «Беседа святых Василия и Григория» (л. 53), «Чудо исцеления раба Феодора» (л. 54), «Чудо св. Василия о купце» (л. 55), «Исцеление молитвою» (л. 56), «Изгнание беса из сына Гонгилия» (л. 57), «Исцеление женщины, носящей кость в горле» (л. 58), «Св. Василий на конном ристалище» (л. 59). Из числа уже названных иллюминированных списков иллюстрации к чудесам можно найти: две — в Житии из собрания Вяземского (РНБ, Q.I, № 45, л. 15, 16) и по четыре — в двух списках БАН: № 1.1.44 (л. 36 об., 37 об., 38, 38 об.) и Лукьян., № 44 (л. 145, 146, 146 об., 147 об.). Таким образом, в той редакции, которую находим в «Пособии...», чудеса представлены только в рукописях собрания Буслаева. Два этих списка РНБ: Q.I, № 1144 (л. 49 об., 51, 51 об., 52, 53 об., 54 об., 56) и F.I, № 725 (л. 68 об., 71, 72, 73, 75, 76 об., 78) иконографически полностью повторяют композиции чудес из «Пособия...». Прав-

да, в списке форматом «в лист» в силу незаурядных способностей создававшего его мастера миниатюры чудес разнообразнее и художественно выразительнее.

Восемьдесят девять композиций «Пособия...» относятся к разделу о Страшном суде (л. 60—151). Как и все предыдущие, он ничем не выделен в общем порядке иллюстраций, за исключением, пожалуй, подписей с названиями сюжетов, которыми снабжены лишь отдельные картинки. И этот цикл обращает на себя внимание рядом иконографических особенностей, не характерных для других известных нам списков Жития Василия Нового. Так, на л. 69 (согласно старой буквенной нумерации он значится как л. 70 — «лист направа») помещена композиция «Послание Господа к антихристу». Судя по надписи над картинкой, в которой указано, что эти «лица не с того места, от та влево, как прежде есть» (л. 70), рядом с ней, на обороте л. 69, должна была находиться композиция с изображением огненного столпа. Но поскольку все оттиски в «Пособии...» сделаны на лицевой стороне, а л. 69 и 70 уже были заняты, то это изображение, одно из главных в иконографии Страшного суда, так и не было выполнено. И не только это, отсутствуют сцены «Вода и Земля отдают своих мертвецов», «Явление четырех ангельских полков», «Схождение огненной колесницы», а также последние картины: «Дарование Пресвятой Богородице», «Явися церковь Божия», «Чертог неизреченный», «Едемский рай», «Святые селения», «Взыдоша с Господом» и др.

Чем объяснить, что сборник, который, по сути дела, и создавался как пособие по иконографии Страшного суда, остался без ключевых иллюстраций этого цикла? Ответов может быть несколько. Во-первых, отдельные, в том числе и последние, листы могли быть утрачены еще до того, как Житие попало в руки Ф. И. Буслаева (ведь неизвестно, в каком виде оно было куплено им в 1883 г.). В описании И. А. Бычкова говорится о рисунках на отдельных листах. По всей вероятности, сброшюрованы и переплетены листы были уже тогда, когда принадлежали Ф. И. Буслаеву. Причем порядок иллюстраций исследователь мог установить не только по буквенным обозначениям на листах, но также по образцу списка Жития (РНБ, Q.I, № 1144), купленного им двадцатью годами ранее, миниатюры которого, как мы уже убедились, являются полной иконографической аналогией композициям сборника. Во-вторых, мы ничего не знаем о том, что из себя представляли рисунки, с которых были сделаны оттиски. Путаница в листах, а соответственно и в содержании, могла произойти при переводе рисунков. Во всяком случае подтверждение того, что оттисков должно было быть больше, существует. В том виде, который сборник имеет сейчас, его последний, 151-й по современной нумерации, лист в буквенном выражении обозначен 156-м. Но, очевидно, и он не должен был быть последним. На л. 1 сохранилась запись, в которой упоминается композиция, находящаяся рядом с л. 176. При большом материале и отсутствии перед глазами текста подобные несовпадения неизбежны. Именно поэтому мастера-старообрядцы, иллюстрируя Житие Василия Нового, стремились к тому, чтобы текст и относящаяся к нему миниатюра находились рядом. Наконец, третье: отсутствие в сборнике иконографически сложных композиций могло иметь чисто практическое объяснение. Картины Страшного суда с многочисленными отрядами ангелов, «виды» Вышнего Иерусалима, сцены духовной трапезы и блаженства праведников в раю настолько масштабны, что воплотить их в миниатюре форматом в восьмую долю листа достаточно сложно. Из числа просмотренных

лицевых рукописей лишь одна, старообрядческая, имеет тот же формат, что и «Пособие...» (БАН, № 1.1.44). Большинство списков выполнено на бумаге в 4°, и только несколько образцов сделаны «в лист».¹⁵

Временем создания рисунков «Пособия...», как пишет И. А. Бычков, следует считать XVIII столетие. Действительно, если водяные знаки бумаги датируются 1748—1756 гг., чему не противоречат палеографические характеристики почерка, в первую очередь скорописи, и стилистические особенности художественной манеры композиций, то во второй половине, ближе к концу XVIII в., образцы иллюстраций уже могли быть выполнены. С позиций искусства новейшего времени перед нами редкое, уникальное в своем роде произведение: в кругу лицевых списков Жития Василия Нового оно достаточно раннее; к тому же — авторское, известные имени писца и создателя иллюстраций; и, кроме того, — программное. Оказывается, построенное на иконографическом материале Жития Василия Нового, «Пособие...» замышлялось как образец для иллюстрирования и других эсхатологических текстов (именно поэтому в подписях под картинками не упоминается имени св. Василия). Предусмотренная создателями сборника «программа» была зафиксирована ими в пояснительной записи (л.1), из которой следует, что можно «ония лица писать после Паладия мниха и после поминодения умерших или как хошь». Показательно, что и в этом случае Житие рассматривалось главным образом как иконографический источник «видений» о расставании души с телом и о Страшном суде, картинками к которым, по мысли создателей «Пособия...», можно было иллюстрировать Слово Паладия мниха о Втором пришествии Христа, а также другие тексты эсхатологического содержания.

Публикуя записи, И. А. Бычков, видимо, не придавал особого значения тому, что во второй из них названо имя мастера, расцветивавшего образцы: «Как на оной земля раскрашена Семеномъ вохрою, так и на всехъ красить» (л. 1). Примечательно, что в третьей приписке, почему-то не опубликованной И. А. Бычковым, с рекомендациями о том, как следует компоновать лист, названо имя второго мастера — писца всех тех указаний, что оставлены в сборнике едва ли не на каждом листе: «а прописи написа Федор стороныцы по 18 строк на целых» (л. 1).

Как могло случиться, что Ф. И. Буслаев, имея в руках столь необычный экземпляр Жития Василия Нового, не упомянул о нем ни в одном из своих сочинений? С одной стороны, к 1883 г., когда было куплено «Пособие...», основные труды Ф. И. Буслаева уже не только были написаны, но и изданы; с другой — не исключено, что исследователь относился к своему новому приобретению так же, как создававшие его когда-то мастера — писец Федор и знаменщик Семен, т. е. как к материалу вспомогательного характера. Помимо «Пособия...» у Ф. И. Буслаева имелось по крайней мере еще четыре лицевых Жития Василия Нового, одно из которых, форматом «в лист», украшенное 130 миниатюрами, ученый считал лучшим произведением своего книгописного собрания. Иллюстрация именно этой рукописи была опубликована им в «Своде изображений из русских лицевых Апокалипсисов».¹⁶

Остается только догадываться, откуда у сборника могло появиться такое длинное и витиеватое название, как «Пособие для живописцев,

¹⁵ Лицевые списки Жития Василия Нового форматом в «лист» — БАН, Лукьян., № 44; РНБ, Ф.1, № 725; РНБ, Ф.1, № 726; РНБ, Ф.1, № 727.

¹⁶ Буслаев Ф. И. Свод изображений из русских лицевых Апокалипсисов. СПб., 1884. Оп. 4445. С. 27 (Изд. ОЛДП. Вып. 75).

которые будут украшать рисунками текст жития Василия Нового». В самом сборнике названия нет, не указан даже памятник, к которому сделаны образцы. Если бы название давалось Ф. И. Буслаевым, он наверняка написал бы его на первом листе от переплета, как это часто делали владельцы рукописей. Вероятно, и он не рассматривал композиции этого сборника только как образцы для иллюстрирования Жития Василия Нового. Скорее всего, название придумано И. А. Бычковым, которому необходимо было как-то озаглавить памятник прежде, чем внести его в «Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева». Тем более, что самого Ф. И. Буслаева к тому времени могло уже и не быть, он скончался в год выхода «Каталога...», в 1897 г.

Е. А. КОСТЮХИН

К проблеме взаимоотношений между фольклором и литературой в Древней Руси

Опубликованная О. В. Твороговым одна из самых популярных книг Древней Руси — «Летописец Еллинский и Римский» — побуждает вернуться к давней проблеме взаимоотношений между фольклором и литературой того времени.

Когда говорят о становлении русской литературы, указывают обычно на два питавших ее источника: христианско-византийскую литературу и восточнославянский фольклор. Их принято было рассматривать как две обособленные, противостоящие одна другой мировоззренческие и художественные системы. Фольклор при этом представлялся колыбелью родной культуры, сокровищницей народной мудрости, вынесенной из далекого прошлого. Литературную же традицию считали ориентированной чуть ли не исключительно на «идеологию правящих классов».¹ Эти представления нуждаются в уточнениях.

Древние памятники народного творчества не сохранились, и фольклор Древней Руси рисуется по аналогии со знакомым нам в записях XIX—XX вв. По мнению А. И. Никифорова, например, в Древней Руси песни пели и сказки рассказывали те же самые, что и много веков спустя. Что же касается былин, то они, несомненно, доносят до нас память о событиях Киевской Руси, лишь слегка подпорченную временем. Не вызывает сомнений и древность календарного обряда с его мифологической семантикой.²

Другие ученые, полагая, что тысячу лет назад жанровая система фольклора была иной, что прямых соответствий между древнерусской литературой и современным фольклором нет и быть не может, домысливают фольклор Древней Руси. Так был предположен жанр «славы», воспринимаемый как величание. Следы его были обнаружены в «Слове о полку Игореве».³ Однако если этот жанр и существовал, то семантика его была иной и «слава» не сводилась к величанию.⁴ И когда в былине об Илье Муромце и Соловье Разбойнике Т. Г. Рябинин поет:

¹ Одной из первых эту точку зрения обнародовала В. П. Адрианова-Перетц в статье «Древнерусская литература и фольклор (К постановке проблемы)» // ТОДРЛ М., Л., 1949 Т. 7 С. 5 См. также Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор Л., 1974

² Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода // История русской литературы АН СССР М., Л., 1941 Т. 1

³ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени Л., 1978 С. 20—26

⁴ Над связью «славы» с похоронными причитаниями задумывалась В. П. Адрианова-Перетц Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор С. 36

А тут Соловью ему и славу поют,
А и славу поют ему век по веку⁵ —

то это не значит, что здесь возвеличен враг Русской земли.

Самые осторожные исследователи справедливо указывают на то, что современный фольклор коренится не столько в Киевской, сколько в Московской Руси. Там сложились, скорее всего, былины, в эту эпоху возникли и многие знакомые нам в поздних записях лирические песни. Что же касается сказок, то представления об их древности сильно преувеличены. По крайней мере сказки волшебные оформились у нас под сильным литературным влиянием и вошли в обиход едва ли ранее XVII—XVIII вв.

Детальная картина древнерусского фольклора никогда не будет для нас ясна. Однако от нескольких заведомо предвзятых представлений о его сущности мы можем отказаться. И прежде всего от явно устаревшей концепции о том, что фольклор был художественной системой, враждебной литературе, и лишь изредка давал о себе знать, «прорываясь» сквозь идеологически чуждую народу систему литературную. Едва ли продуктивно говорить о двух резко противопоставленных одна другой системах. Была одна система, и древнерусский человек не был раздираем противоречиями. И правильнее говорить не о влиянии фольклора на литературу (что хорошо) и литературы на фольклор (а это хуже), но и об известной их общности.

Прежде чем толковать об этой общности, нужно отказаться еще от одного, явно романтического предрассудка. Фольклор объявляется культурным наследием национального прошлого. Но в историческом развитии каждый народ вступает в культурные контакты с соседями, что предполагает культурный взаимообмен. В результате этого образуется сложный конгломерат «своего» и «чужого», и возводит все в фольклоре к национальной архайке нет никаких оснований. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует фольклорный материал в «Повести временных лет»: летописец одинаково охотно использует мотивы и славянские, и тех народов, с которыми славяне контактировали. Давно найдены скандинавские параллели к преданию о смерти Олега от своего коня⁶ и скифские к рассказу о смерти Святослава и чаше, сделанной из его черепа. Едва ли можно сомневаться в иранском происхождении дива, засевшего на дереве в «Слове о полку Игореве»,⁷ побуждающего вспомнить о другом чудовище, обитающем на дереве, — Соловье Разбойнике.

Связь литературы и фольклора Древней Руси не сводится к обмену отдельными образами и темами: она обусловлена и фольклорно-мифологическим сознанием древнерусского книжника. Этот книжник, «разглядевший» дива, засевшего на дереве и страшщего своим криком, не позаимствовал его из какого-то произведения — такой див был для него мифологической реальностью.

Современная фольклористика все чаще пользуется понятием «мифологическое сознание», не ограничиваясь привычным понятием «фольклор». В традиционном понимании фольклор — это совокупность конкретных произведений, передающихся, как правило, устным путем. Мифологическое же сознание — это сумма далеко не всегда документированных

⁵ «Илья Муромец» / Подгот текста, статья и коммент А М Астаховой М, Л, 1958 С 41

⁶ Рыдзевская Е Л Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв М, 1978

⁷ Слово о полку Игореве М, Л, 1950 С 12 Различные точки зрения на Дива изложены в статье Соколова Л В Див // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т 2 С 110—114

представлений. Всякий знает, что перебежавшая дорогу черная кошка — дурная примета. Какое отношение имеет эта примета к фольклору как совокупности текстов? Никакого, поскольку конкретных произведений на эту тему нет. Но она имеет прямое отношение к мифологическому сознанию.

Говоря о мифологическом сознании, следует иметь в виду, что оно не только базировалось на представлениях, восходящих к языческой архаике, но постоянно «подпитывалось» литературными источниками. Ценнейший материал для наблюдений над этим дают хронографы, по праву считающиеся своеобразными энциклопедиями. По таким энциклопедиям можно судить о мировосприятии грамотного древнерусского человека и круге его знаний. Конечно, это не были энциклопедии в современном смысле слова: излагавшаяся в хронографах история была, по сути дела, предметом богословия.⁸ Такая «богословская историография» содержала множество мифологических образов и сюжетов, большей частью восходивших к мифологии античной и библейской. Можно себе представить, как действовали на воображение древнерусского читателя ветхозаветные рассказы о пророке Данииле с его видениями о четырех зверях или о козле и овне (Дан 7:8). И как бы ни истолковывались рационалистически древнегреческие мифы в духе Эвгемера, мифологическое содержание не выветривалось из них окончательно. Зевс превращается в законного наследника престола, царствовавшего 62 года, и боги с героями получают «человеческие» характеристики: Зевс — любодей, Дионис (Денисий) — «начальник пьянству», Геракл зверовиден, но им сопутствуют рассказы о чудесных превращениях — например, миф о Зевсе и Семеле.

Мифологическое содержание легко просматривается и в «естественно-научной» информации. Хронографы полны сообщений о стихийных бедствиях, и нередко эти сообщения сопровождаются красочными деталями. Так, в Троицком хронографе рассказывается о том, что во время землетрясения, которое испытал весь мир, «земля вздуся зело за 7 днии».⁹ Что до всяких диковинных существ, населяющих землю, то хронографическая литература на них не скупилась. Не говоря уже об «Александрии», полной «этнографической фантастики», «Летописец Еллинский и Римский» сообщал о змееногих гигантах, истребленных Богом.¹⁰

Так внимательный взгляд на произведения древнерусской литературы, как оригинальной, так и переводной, обнаруживает в них не только мощный фольклорный пласт, но и мифологическое сознание той поры.¹¹

⁸ См. новейшее исследование на эту тему Водолазкин Е. Г. *Всемирная история в литературе Древней Руси* Мюнхен, 2000

⁹ Творогов О. В. *Древнерусские хронографы* Л., 1975 С. 95

¹⁰ *Летописец Еллинский и Римский* Т. 1 Текст СПб., 1999 С. 5

¹¹ Проблема особого сознания древнерусского книжника была поставлена И. П. Ереминым еще в 1940-е гг. Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы // Еремин И. П. *Литература древней Руси (этюды и характеристики)* М., Л., 1966

Р. Б. ТАРКОВСКИЙ

Русская поэзия и московские орфоэпы (К истории произношения слова «сучно» и подобных)

Произносить в этих словах [чн] — орфоэпическая ошибка (мнения, высказываемые иногда в печати, что в этих словах отвечает норме также произношение [ч'н], не отвечают языковой и речевой реальности и поэтому неверны)

М В Павов¹

1

Требование диссимилятивного произношения орфограммы *чн* как [шн] на стыке морфем в зыбком перечне слов — болезненное место орфоэпических рекомендаций со времен «Практической русской грамматики» Н. И. Греча (СПб., 1827. С. 464). С разной мерой настойчивости и в несколько отличных наборах лексем эти предписания повторяли многочисленные издания «Русской грамматики» А. Х. Востокова (1-е изд. СПб., 1831. С. 173), «Филологические разыскания» Г. П. Павского (СПб., 1841. С. 143), «Спорные вопросы русского правописания» Я. К. Грота (СПб., 1873) и многие последующие.

В начале XX в. против произношения *чн* как [чн] резко выступил В. И. Чернышев, утверждая, что оно «принадлежит грамотеям, плохо знающим живой литературный язык»,² едва ли не первым усмотрев источники этого произношения в гротовской орфографии. Впрочем, три десятилетия спустя он назвал такое произношение иначе: «общерусским говором интеллигенции, создавшимся вне московской основы».³

Охранителем московского произношения был Д. Н. Ушаков, неприязненно отмечавший немосковские речевые навыки: «что произнесено не по-московски, то неправильно»,⁴ полагая источником «неправильного» произношения опять-таки орфографию: «Письмо подчинило себе язык: грамотеи придали мало-помалу буквенное произношение многим уже не книжным, а чисто русским словам <...> Таковы произношения *что*, *конечно* вместо *што*, *конешино*; *широкий*, *упругий*, *тихий* с *-ий* вместо *-ый*;

¹ Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М.: Изд. МГУ, 1981. С. 109.

² Чернышев В. И. Как говорят в Петербурге [1913 г.] // Избр. труды. В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 346.

³ Чернышев В. И. «Толковый словарь русского языка» Критический отзыв [1942 г.] // Избр. труды. В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 381.

⁴ Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Русская речь. Новая серия. Л., 1928. Вып. 3. С. 7.

поддакивать, натягивать, помахивать с *и* вместо *ы*; *любят, косят* вместо *любют, косят*; *-ся* в глагольных окончаниях вместо *-са* и много других». ⁵

Но обвинение русской грамоты, как и преуспевших в ней «грамотеев», уже изначально предвзято смещает логические акценты, не объясняя возникновения подобного написания уже при самом появлении сотен, а затем и тысяч общерусских слов этого круга. С другой стороны — русская орфография пронизана нормами, отражающими категориально-структурные характеристики словоформы, но не отвечающими произнесению слова как целого и, однако, на произношение никак не воздействующими. Сближение произношения с написанием происходит только там, где такое произношение отвечает тенденциям языка, ⁶ а не в силу орфографической традиции, вторичной по самой природе своей и время от времени реформируемой в сторону произношения и внутренней унификации. Вместе с тем именно «грамотеи» ограждали русскую речевую культуру от диалектного столпотворения, в частности, от попыток насадить как орфоэпический эталон старомосковские, в сущности архаично-диалектные формы, отмиравшие даже в собственном ареале и не свойственные общерусскому произношению носителей литературной речи.

От издания к изданию разрастался раздел, отводимый словам с орфографическим *чи* на стыке морфем, в книге Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (1950). Признавая, в отличие от Ушакова, «реликтовый, остаточный характер» диссимилятивного [шн], его «отмирание в современном литературном языке» (1-е изд. — с. 93; 5-е изд. — с. 143), Аванесов замалчивает главное, что это реликты диалектной речи, никогда не имевшие общенационального статуса, и объявляет произношение *коне[шн]о, ску[шн]о, яи[шн]ица, пусть[шн]ый* и другие единственно допустимым. Тогда же из рядов московских лингвистов последовало требование «заставить [!] тех, кто нарушает приемы, признанные правильными [— кем?], усвоить эти приемы, часто несмотря на то, что придерживающихся неправильных приемов — большинство» [!], ⁷ — императив, подхваченный потоком московских же учебных руководств и пособий.

Возражения рекомендациям Аванесова опубликовал С. П. Обнорский. «Самый заметный изъян книги, — писал академик, — мне кажется, в том, что здесь все-таки явно еще проводится московская норма (правда, в смягченном виде) во взгляде на литературный язык <...> Конечно, всякий другой автор, не москвич, поступил бы иначе. Очень часто просто утверждается московская норма произношения, между тем как произношение в языке совсем иное». ⁸ Список таких примеров открывается словами *скучно, конечно, яичница, скворечник* и под. — «все эти слова известны в нормальном литературном языке с *чи*». И, оценивая справочник «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, повторил: «Та орфоэпия, которая содержится в рецензируемом словаре, производит впечатление орфоэпии субъективной». ⁹

⁵ Там же С 10

⁶ См Пумпянский А Л 1) Влияние письма на произношение // Вопросы методики преподавания английского языка М, 1960, 2) К вопросу о материальной стороне языка // ВЯ 1980 № 3

⁷ Шапиро А Б «Р И Аванесов Русское литературное произношение» // Русский язык в школе 1951 № 1 С 85

⁸ Обнорский С П «Р И Аванесов Русское литературное произношение» // Русский язык в школе 1951 № 1 С 79 См также Матусевич М И [Рецензия] // Вестн ЛГУ 1951 № 5

⁹ Обнорский С П «Русское литературное произношение и ударение Опыт словаря-справочника, под ред Р И Аванесова и С И Ожегова М, 1955» // Русский язык в школе 1956 № 5 С 106

Однако ни одно суждение об орфоэпической реализации орфограммы *чн* на морфемном стыке не подкреплено объективно достаточными аргументами: норма представляется очевидной. Но если, по А. А. Шахматову, произношение «ску[чн]о» или «да[чн]ый», «попере[чн]ый», «уда[чн]ый» искусственно (как и сам литературный язык, что лишает такую оценку кодифицирующей весомости), то для Л. В. Щербы, напротив, «ску[шн]о» отзывало чем-то архаическим и просторечным.

Нередко оперируют примерами, собранными в «Грамматике русского языка» Р. И. Кошутича (2-е изд. Пг., 1919 С. 440). Но, как опять-таки отметил Обнорский, ее материалы лишь «по необходимости иллюстрируют» заведомо принятую позицию.¹⁰ Так, перечислив 5 пушкинских рифм с диссимилиативным *ску[шн]о*, Кошутич, а следом и те, кто полагает их орфоэпической нормой, не видят либо не хотят видеть, что *все* эти *ску[шн]о* предстают негативным характерологическим материалом, мотивированы предметом и аспектом изображения и эстетически маркируют его. Что же касается *скучный* и *скучно* в «Зимней дороге» и «Женихе», то оно, мол, вынужденная уступка рифмовке: «тамо, где је то ради слика потребно, група *чн* мора се изговарати као што је написана» (Кошутич. С. 441), как будто это [чн] вольность, если не обмолвка гения. Еще 7 пушкинских рифм с недиссимилиативным *скучно* (а равно и рифмы *зачно/нарочно* и 12 *конечно*) Кошутич вообще минует и даже идет на прямую передержку: встретив в «Бахчисарайском фонтане» ассонансную рифмовку параллельных *неотлучный—равнодушный*, Кошутич выводит (Кошутич. С. 442), что и *неразлучный* у Пушкина произносится с [шн], а следовательно, и *скучный*, рифмуемое с *неразлучный*. И это, когда в том же «Бахчисарайском фонтане», двумя сотнями стихов далее, стоит полная и точная рифма *сладкозвучны—неразлучны* — с *чн*. Что до ассонанса *неотлучный—равнодушный*, то он уже по определению не может быть критерием качества согласных.

Оторваны Кошутичем от эстетической обусловленности и примеры из текстов всех других цитируемых им авторов — Грибоедова, Лермонтова, Некрасова, Полонского, хотя нормативно-лингвистическая кодификация факта художественной речи несостоятельна вне его экспрессивно-функциональной оценки. Коснувшись этой стороны книги сербского ученого, В. М. Жирмунский констатирует: «Кошутич, как лингвист, игнорирующий вопросы поэтического стиля, также полностью пренебрег вопросом о традиции и нормах рифм как художественного средства».¹¹

Но и Кошутич отметил, что «в речи остальных образованных русских слышится в большинстве случаев [чн]... Следовательно: *булочник, лавочник, лодочник, нарочно, конечно, скучно*» (Кошутич. С. 71).

«Законам и правилам русского произношения» Чернышева обязана русистика мифом, что Некрасов, «употребляя по большей части орфоэпические рифмы (по Чернышеву, это — [шн]. — Р Т), допускает и орфографические».¹² Ему поверил, не проверив, К. С. Горбачевич.¹³ Но всё — в точности наоборот: формы с [шн] использованы Некрасовым только в подчеркнуто стилизуемых «Коробейниках» (начиная с внелитературного

¹⁰ Обнорский С П «Кошутич Рад Граматика русског језика Београд 1914» // ИОРЯС Пг, 1916 Т 21, кн 1 С 322

¹¹ Жирмунский В М О русской рифме XVIII в // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры М, Л, 1966 С 421

¹² Чернышев В И Законы и правила русского произношения [1908 г] // Избр труды Т 1 С 66

¹³ См Горбачевич К С Нормы современного русского литературного языка М, 1978 С 149

«кабашное», с графическим *шн*, как затем и «огурешники», «собашники» и вновь «кабашные» — в устах сказителя, и «табашное» и «табашники» — у персонажей), а также в близком по сказовым краскам стихотворении «Влас»: «наконе[ш]ник». В остальных случаях рифмы Некрасова всегда с [чн], — всегда и только *скучно* («Баба Яга, костяная нога», «Дедушкины попугаи», «Кольцо маркизы», «Мороз, Красный нос»), только *конечно* («Современники»), только *табачный, кирпичный, порядочно, недостаточно* и проч.

В 1949 г. уверял и С. И. Ожегов: «*Скучно с неразлучно* и подобными однокоренными в рифмах встречаются нередко. Ср. у А. Е. Измайлова „Со мной ты будешь *неразлучно*: мне сделается *скучно*“ (Соч. I, 349). На произношение же здесь именно [шн] ясно указывают рифмы Пушкина — *неотлучный · равнодушный* в „Бахчисарайском фонтане“». ¹⁴

Да, *неразлучный* — обычная и бесспорная рифма к слову *скучный* и подтверждает звучание его финали. Но как произносится само *неразлучный* хотя бы в отмеченной уже рифменной паре *сладкозвучны—неразлучны* в той же поэме? Или как быть с рифмой *благополучно—скучно* в цитируемом Ожеговым смирдинском издании Измайлова, но четырнадцатую страницами ранее (с. 335)? Тем не менее Ожегов пытается вслед Кошутичу выдать ассонанс *неотлучный—равнодушный* за полную рифму с диссимиллятивным [шн] и нехитрым силлогизмом экстраполировать это надуманное [шн] на *неразлучный* и *скучный*. (Причем термины «ассонанс» и «рифма» определяются Ожеговым в его «Словаре» тоже некорректно.)

Понятно, что так можно доказать всё, что прихотится. Но если бы этим и ограничивалось!

Лишь со второй половины 1950-х гг. намечаются попытки выявить реальное соотношение вариантов [чн] и [шн] у самих носителей литературной речи. И первое же анкетирование студентов-филологов одного из московских вузов обнаружило, что «произношение *ску[ш]но*, несмотря на влияние школы, распространено не столь широко <...> Ответы *ску[ч]но*, составляющие более половины, фиксируют отход от установившейся нормы [?] даже в традиционном слове». ¹⁵

Результаты более широкого обследования (на основе изданного в 1961—1964 гг. «Вопросника по современному литературному произношению») в части группы *чн* (пункт 58) остались неопубликованными: коллективные академические монографии «Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры» (1968) и «Русский язык по данным массового обследования» (1974) их не содержат. Больше того, московская редакция сборника «Литературная норма и просторечие» (1977, редактор Л. И. Скворцов) *исключила все материалы о чн* из статьи Л. П. Катлинской «Нормативные пометы в словарях и реальное речевое употребление», утверждавшей, что «нормативные предписания не так уж в ладу с языковой реальностью» (с. 205). Содержание и цель сокращений выдает неувязка с. 206 и 217—219. А новый «Орфоэпический словарь» под редакцией того же Скворцова (1983) предписывает уже и произношение *ску[ш]ен* вместо *ску[ч]ен* справочников прежних лет.

Не иссякало и стремление дискредитировать немосковские формы социально и теоретически. Так, в монографии «Русский язык и советское общество» ее редактор и автор раздела «Фонетика современного

¹⁴ Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 325.

¹⁵ Суперанская А. В. О произношении современной студенческой молодежи // Вопросы культуры речи. М., 1959. Вып. 2. С. 159.

русского литературного языка» М. В. Панов утверждает: «То, что описано как особенности петербургского произношения, было свойственно в первую очередь представителям чиновных слоев Петербурга, в известной степени полумещанской среде» (с. 20). Откуда это «в первую очередь», не говорится, но русская поэзия свидетельствует иное. Автор другого раздела той же монографии, В. Г. Орлова, идет дальше, заявляя, что замены сочетания [чн] на [шн] «соответствуют общим тенденциям развития фонетического строя русского языка» (с. 186). Но «тенденции развития» порождают и охватывают значительные ряды новых слов, а тут все те же несколько притянутых за диалектные уши основ, к тому же и структурно неоднотипных.

Так соответствует ли [шн] «общим тенденциям развития фонетического строя русского языка» (Орлова) или носит «реликтовый, остаточный характер» (Аванесов)? И что стоит за [чн] на самом деле — произношение петербургского чиновничества и полумещанства (Панов), «произношение большинства образованных русских» (Кошутич), «общерусский говор интеллигенции» (Чернышев)?

2

Историю сочетания чн и судьбы его по говорам описал С. П. Обнорский.¹⁶ Произношение в XVIII—первой трети XIX в. ряда слов и с чн и с шн отметили Е. Ф. Будде, Л. А. Булаховский.¹⁷ И неустойчивость написания подобных лексем в первом (1789—1794) издании фундаментального «Словаря Академии Российской» (каким бы ни было их реальное произношение) показана Г. О. Винокуром.¹⁸

Но орфоэпический разнобой присутствует и сегодня. Слов с орфографическим чн, в которых предписывается или допускается произнесение [шн], около сотни. Вот второе урезанный их свод с рекомендациями словарей второй половины XX в.:¹⁹

Слова, их формы	Рус лит произн 1959	Словарь Ожегова 1960	Словарь Ожегова 1972	Трудн сло-воупотр 1973	Орфоэп словарь 1997	Словарь трудн произн 2000
булочная	доп шн	шн	шн	шн уст	шн и доп чн	шн уст
бутылочный	доп шн	б /п	б /п	шн уст	доп уст шн	шн уст
взяточник	доп шн	б /п	б /п	—	доп уст шн	шн уст
елочный	доп шн	б /п	б /п	—	доп шн	доп шн
конечно	шн	шн	шн	шн	шн	шн и доп чн
копеечный	доп шн	б /п	б /п	шн уст	шн и чн	шн уст
коричневый	доп шн	шн	шн	шн уст	доп уст шн	шн уст
ларечник	шн	шн	шн	—	доп уст шн	шн уст
лодочник	доп шн	б /п	б /п	—	доп уст шн	—
лоточник	шн	шн	шн	шн	доп уст шн	шн уст

¹⁶ Обнорский С П Избранные работы по русскому языку М, 1960 С 234—250

¹⁷ Будде Е Ф Очерк истории современного литературного языка (XVII—XIX век) // Энциклопедия славянской филологии СПб, 1908 Вып 12 С 87, Булаховский Л А Русский литературный язык первой половины XIX века С 20—22

¹⁸ Винокур Г О Избранные работы по русскому языку М, 1959 С 176—178

¹⁹ Сокращенные названия словарей пояснены датой их выхода Условные обозначения в таблице доп — «допустимо», уст — «устарело, устаревает», б /п — «без пометы» (г е произношение не расходится с написанием), не реком — «не рекомендуется», прочерк — «нет слова»

махорочный	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	шн уст	—	<i>шн</i> уст
молочник	доп <i>шн</i>	б /п	<i>шн</i>	шн уст	<i>шн</i> и доп <i>чн</i>	шн уст
подсвечник	<i>шн</i>	<i>шн</i>	<i>шн</i>	<i>шн</i> уст	<i>шн</i>	шн уст
порядочный	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	шн уст	<i>шн</i> и <i>чн</i>	шн уст
порядочность	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	—	<i>шн</i> и <i>чн</i>	—
селедочный	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	—	доп <i>шн</i>	—
скворечник	<i>шн</i>	шн	<i>шн</i>	<i>шн</i>	<i>шн</i>	<i>шн</i> и доп <i>чн</i>
скучный	<i>шн</i>	<i>шн</i>	<i>шн</i>	доп <i>чн</i>	<i>шн</i>	не реком <i>чн</i>
скучен	б /п	б /п	б /п	б /п	<i>шен</i>	—
скучнейший	—	—	—	—	б /п	—
сливочный	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	<i>шн</i> уст	доп уст <i>шн</i>	<i>шн</i> уст
собачник	доп <i>шн</i>	б /п	<i>шн</i>	—	доп уст <i>шн</i>	<i>шн</i> уст
справочник	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	—	б /п	—
станичник	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	—	б /п	<i>шн</i> уст
статочный	<i>шн</i>	б /п	б /п	—	<i>шн</i>	<i>шн</i>
стрелочник	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	—	доп уст <i>шн</i>	шн уст
тряпичный	б /п	б /п	<i>шн</i>	<i>шн</i> уст	<i>шн</i> и <i>чн</i>	шн уст
чахоточный	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	<i>шн</i> уст	<i>шн</i> и доп <i>чн</i>	шн уст
чуточный	доп <i>шн</i>	—	шн	—	<i>шн</i> и доп <i>чн</i>	шн и <i>чн</i>
шуточный	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	шн уст	доп уст <i>шн</i>	<i>шн</i> уст
яблочный	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	<i>шн</i> уст	доп <i>шн</i>	шн уст
яичный	доп <i>шн</i>	б /п	б /п	<i>чн</i> и <i>шн</i>	доп <i>шн</i>	<i>чн</i> и <i>шн</i>

Субъективизм орфоэпических рекомендаций очевиден: в «Словаре» Ожегова 1960 г., одновременном и равнообъемном со «Словарем» Аванесова—Ожегова 1959 г., помета «доп. *шн*» устранена более чем у половины их перечня, и еще десяток лексем с той же пометой вообще выведен из словника. Напротив, «Орфоэпический словарь» 1997 г (как и 1983 г.) под флером «вариативности нормы» не просто ренимирует, но и усугубляет рекомендации Аванесова, довольно регулярно сменяя помету «доп. *шн*» диаметральной — «*шн* и доп *чн*». В пометах же Горбачевича превалирует оценка диахронической динамики слова.

То, что согласия нет между разными справочными изданиями, рекомендации которых совпали всего при пяти лексемах, — это внеязыковая коллизия, хотя вопрос все же не в пяти, а в доброй сотне лексем, «орфоэпические» рекомендации при которых неброской россыпью по страницам словарей подпитывают диалектный атавизм и дезориентируют обратившего за справкой. Но никакими предписаниями не оторвать слова от языковой системы, на базе которой оно функционирует, не говоря уже о ничтожности диссимилятивных процессов (коиными объясняют переход *чн* → *шн*) в русской литературной речи, происходящих лишь там, где стечение звуков трудно одолимо для артикуляционных навыков говорящих, что никак не отнести к группе *чн*.

Однако апологеты *скушно* взывают к «орфоэпии отдельных слов», не знающих, мол, иного закона, кроме «узуса», — и подкрепляют свои суждения все теми же немногими речевыми фактами, к тому же превратно толкуемыми. Молчаливо игнорируется и то, что отступления от системных языковых моделей требуют в подтверждение своего литературно-нормативного статуса также и статистически достаточного материала. Но, по мнению московских орфоэпов, — перед нами реликты прежнего состояния нормы, культурные раритеты, за которыми кроются духовные ценности былого: «не надо торопиться убить норму, которая делает живыми

поэтические тексты прошлого».²⁰ Да *было ли* [шн] когда-либо нормой? И в ряду *каких* ценностей, в *каких* обстоятельствах и текстах оно фигурировало?

3

Опускаю из-за недостатка места историю столкновения и конкуренции *чн* и *шн* на переходе от средневековья к новому времени, как и произношения «сучно» в XVIII в.

В поэзии XIX в. *ску[ч]но* как норма автора господствует практически безраздельно, тогда как *ску[ш]но* используется несравнимо реже. Однако различие *сучно* и *скушно* не только в их частотности. Оно и в сфере, условиях и целях их употребления, — не в «допустимости» и, тем более, «правильности» какого-то из вариантов, а в том, *что* в художественной практике за каждым из них вырисовывается. Существенны мотивы их выбора и эффект употребления — кому это употребление принадлежит: автору, рассказчику, персонажу, кому адресуется и чему служит: выражению ли собственного состояния субъекта или его сторонней оценке, прямой или экспрессивно смещенной и насыщенной, — словом, каков эстетический заряд избираемого варианта в тексте, не говоря уже о подвижности этих аспектов. Всё решают сюжетные обстоятельства и характерологическая окраска употребления. Понятно, что субъективной интерпретации того или иного примера порою не избежать, и все же типовой характер материала сглаживает личностные накладки.

Начну с примелькавшихся у лингвистов иллюстраций, но в их экспрессивном наполнении и художественной роли, оставленных вне внимания.

А Грибоедов. Одноактная комедия «Молодые супруги» (1814). Арист, образованный аристократ, но человек светских оценок и мнений, не без досады и даже горечи искренне говорит о себе и своей жене другу семьи Сапфиру:

С Эльвирой можно близь тенистого просека	И таять весь свой век в безмольвии <i>неразлучно</i>
Под свесом липовым, на бархатном лужку	Все это весело в стихах, а в прочем <i>сучно</i>
Любиться, нежиться, как надо пастушку,	(явл IV)

В этой реплике — пролог комической интриги и фоновое, оттеняющее последующие сюжетные повороты, *сучно*. Пока Арист говорит о себе, своих обстоятельствах, — и психологическое наполнение слова *ску[чн]о* равно номинативному значению, без эмоционально заостренной, тем более пейоративно выдвинутой оценки. Его экспрессивная окраска сдержанна, почти нейтральна, — соответственно и звучание слова. Это и литературная норма, и произношение самого Ариста.

Суждениям С. И. Ожегова о произнесении здесь *неразлу[ш]но* — *ску[ш]но* и лишь «орфографической рифме» (для сцены?) противостоит вся поэтическая практика XVIII и XIX столетий. Кстати, В. И. Чернышев в транскрипции басни Крылова «Котел и горшок» подает *неразлучно* — *сучно* через [чн]. Равно и Б. В. Томашевский квалифицирует эту же рифму в речи Софьи в грибоедовском «Горе от ума» как произносимую с [чн].²¹

²⁰ Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. С. 200.

²¹ Чернышев В. И. Избр. труды. Т. I. С. 99, Томашевский Б. В. Стих и язык. М., Л., 1959. С. 104.

Но возвращаюсь к тексту пьесы — к той же сцене, двумя репликами Ариста далее, где речь уже не столь о себе, как о господствующих нравах:

Мой будущий удел я знаю наперед, Берет любовника, — единообразье *скушно*,
В наш век степенница по свадьбе через год И муж на то глядеть обязан *равнодушно*

Насмешка адресуется *степеннице* ('благочинной скромнице') и помещается цитатно выговариваемым, выделенным написанием жеманным *скушно*. И это не норма произношения, а имитация речевой манеры и психологии пресыщенной великосветской «дамы». Что до *равнодушно* ('спокойно', 'сдержанно'), то уж таковы правила светскости.

И вдруг, у порога кульминации, мучимому ревнивыми подозрениями и потерявшему самообладание Аристу эту иронично-цитатную реплику, с прежним манерным *скушно* и теперь уже едким *равнодушно*, напоминает его приятель:

Сапфир Ну, что ж? Ей *может быть* единообразье *скушно*,
И ты на то *глядеть обязан* *равнодушно*
(явл IX)

Различия эмоциональной окраски и экспрессивного заряда *ску[ч]но* и *ску[ш]но* у Грибоедова очевидны. Напомню также, что и москвичка Софья в «Горе от ума» естественно произносит *ску[ч]но*

Ссылаются на рифмы с формою *ску[ш]но* у А. Пушкина. Но никто не коснулся телеологической природы этих рифм, а то и обходил неудобные примеры. *Ску[ч]ный* (и *ску[ч]но*) — так, не наделяя слова особыми акцентами, рифмует Пушкин и в лицейские годы («Послание к Галичу», «Моему Аристарху» — оба 1815), и позже. Так отмечено начало знакомства Онегина и Ленского (II, 13, — 1823):

Сперва взаимной разнотою
Они друг другу были *скупны*,
Потом понравились, потом
Съезжались каждый день верхом
И скоро стали *неразлучны*²²

Так, без нарочитой простонародности, произносит *ску[ч]но* купец, отец героини, в балладе «Жених» (1825). Так и в драматическом отрывке «Насилу выехать решились из Москвы» (1827), и в стихах об отъезде Онегина из деревни (VII, 25, — черновая рукопись, 1827). Так и в очень задушевной «Зимней дороге» (1826), отмеченной и формами авторского лица, и эмоционально-интимными красками:

По дороге зимней, <i>скупной</i>	Грустно, <i>Нина</i> путь мой <i>скупен</i> ,
Тройка борзая бежит,	Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик <i>однозвучный</i>	Колокольчик <i>однозвучен</i> ,
Утомительно гремит	Отуманен лунный лик

²² Памятуя утверждения Кошутича и Ожегова, что у Пушкина *неразлучный* произносится с [шн], перечисляю все пушкинские рифмы с *неразлучный* (кроме *скупный*) *благополучно* («Н. Г. Ломоносову», 1814, «К моей чернильнице», 1820), *сладкозвучный* («Бахчисарайский фонтан», 1823), *звучно* («Евгений Онегин», 1824), *докучны* («Полтава», 1829) Привожу и все рифмы присутствующего в этом кругу слова *докучный* *благополучно* («Городок», 1815), *однозвучный* («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», 1830) Ни одного *неразлу[ш]ного* у Пушкина нет. Не встретилось оно мне и у других поэтов

И еще одно *скучен* — в веселой эпиграмме на М. Т. Каченовского — «Жив, жив курилка» (1825).

Первое пушкинское *ску[ш]ный* явилось осенью 1823 г., в I главе «Онегина», где в нескольких строфах кряду с немалой долей иронии сопоставляются Евгений и автор. В строфе XIX, в окружении пародируемой романтической фразеологии, оказывается и манерное, несколько снобистское *ску[ш]ный*:

взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене *ску[ш]ной*,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,

Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом вспоминать?

Но пушкинское *ску[ш]но* не просто соответствует сюжетно-повествовательным обстоятельствам, оно и экспансивно их маркирует. Так, желчным, памфлетным *ску[ш]но* завершалась в 1828 г. VI глава:

В мертвящем упоенье света,
Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов,
Среди лукавых, *малодушных*,
Шальных, балованных детей
Злодеев и смешных и *ску[шн]ых*,

Тупых, привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопов добровольных —
В сем омуте, где с вами я,
Купаюсь, милые друзья

Позже Пушкин изменил этот несколько публицистичный фрагмент, житейски приземлил его и с саркастически насыщенным *ску[ш]но* ('вызывая скуку?' 'со скукой?' 'со скуки?'), к тому же так *по-московски* выговариваемым, переместил его в VII главу как описание *московской* светской гостиной:

всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор,
Все в них так бледно, *равнодушно*,
Они клеветают даже *ску[шн]о*,
В бесплодной сухости речей,
Распросов, сплетен и вестей

Не вспыхнет мысли в целы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобум,
Не улыбнется томный ум,
Не дрогнет сердце хоть для шутки
И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой!

И последний пример этого ряда (1835) — жеманно-театральное *ску[ш]но* в речи преуспевающего женоподобного певца и убийственный, в пристойных изданиях не воспроизводимый, но понятный ответ его посетителя, полунищего музыканта:

К кастрату раз пришел скрипач,
Он был бедняк, а тот — богач
«Смотри, — сказал певец безудый, —
Мои алмазы, изумруды —
Я их *от скуки* разбираю

А! кстати, брат, — он продолжал, —
Когда тебе бывает *ску[шн]о*,
Ты что *творишь, сказать прошу*?
В ответ бедняга простодушно
— Я? я себе чешу

Но есть у Пушкина и другое *ску[ш]но*, не пейоративно-оценочное, а диалектно-обиходное, — в речи Татьяны Лариной.²³ Так что, наделив Татьяну простонародным *ску[ш]но* в признаниях няне (III.17), поэт сохранил его и в «перевод с французского» письма Татьяны к Онегину.²⁴

²³ Напомню оценку русской речи Татьяны (III 26 и далее)

Она по-русски плохо знала, И выражалась с трудом
Журналов наших не читала На языке своем родном

²⁴ Не берусь судить о неясном наброске «Страшно и *скучно* Тесно и *душно* Тучи да снег»

* * *

Ску[ч]но — это естественная и нейтральная форма литературной речи. *Ску[ш]но* же на фоне национальной нормы — экспрессивно нарочитый (манерно-жаргонный, снобистский), характерологически негативный или диалектно-бытовой вариант слова. Этого различия и держится большинство поэтов XIX в. при многообразном, хотя и редком использовании варианта *скушно*

Так, *ин* в иеро-комическом «Падении Фаетона» А Буниной (1811), но в переводе «Науки о стихотворстве» Буало — *чи* Так и у П Вяземского автоироничное *ску[ш]но* в лирически покаянном «Я было разлюбил красавицу мою» (1864), при обычном и многократном в его стихах *чи*

А Полежаев вариантом *ску[ш]но* сопровождает фатовские повадки героя автобиографичной по материалам и бурлескно-пародийной по форме и языку поэмы «Сашка» (1825), отметив посещение театра: «для тону Саше будет *ску[ш]но*» (2. XI). То, что у Пушкина иронически обнажается пародийно-романтическим контекстом, Полежаев раскрывает прямым словом: «для тону». В иных текстах («Чир-Юрт», 1832, «Ожидание», 1835, «Из письма к А. П. Лозовскому», 1837, «Венок на гроб Пушкина», 1837) — всегда *ску[ч]но*.

Ф Глинка в «Деве карельских лесов» (1828) наделяет отшельника, отца героини, и мыслями самого поэта, и произношением [чн], но в «Заточении Марфы Иоанновны Романовой» (1830), на фоне старинных, исторических и языческих преданий и фольклорных представлений, — [шн] в речи повествователя.

В «Коньке-горбунке» П. Ершова (1834): «Уж куда как было *ску[чн]о!*.. Впрочем, все благополучно», — не без важности произносит старший сын крестьянина, «умный детина» Данила, тогда как в сибирских стихах «Город бедный! Город *скушный!*» (после 1840), с памфлетной оценкой тобольской «суеты», пейоративное, подчеркнутое самим написанием *ин* принадлежит автору

У Я Полонского в «Свежем предании» (1861) [чн] и [шн] следуют психологическому состоянию героя. Во 2-й главе: «ему не *скучно*; / Он рад внезапному теплу, / Он всем доволен», — с рифмой «*благополучно*». Но в 4-й главе герой «хандрит», и рифма, и каламбур иронически-церемонно пришепывают:

мой герой	Когда заходит по утрам
с тех пор, как занят стал княжной,	К ней в кабинет — учтив и <i>ску[ш]ен</i> ,
Все брови хмурит — уверяет,	И стал заметно <i>равнодушен</i>
Что он страдает головой,	К ее <i>радушным</i> четвергам
Что он, быть может, ей мешает,	

Обыкновеннее *ин* (при авторском *чи*) выступает в прямой или несобственно-прямой речи персонажей. Так, подобно родимому пятну формой [шн] помечает В. Богданов излишняя выбравшегося из низов губернского благодетеля-кровопийцы («Безупречная жизнь», 1865):

«Призаялся пеньковой торговлею	Ждешь, как круто придет мужику,
С мужичками — пошел в кулаки	Где рекруты, оброки, <i>подушное</i> ,
Ну, конечно, занятие <i>ску[шн]ое</i>	Я туда — и скупаю пеньку »

Но в авторском повествовании — *скучно*—*собственноручно* («Кулак», 1863).

А *Голенищев-Кутузов* в лирических раздумьях «На сон грядущий» рифмует *беззвучно—сучно—неразлучно*, тогда как *ску[ш]но* — в томно-манерной речи провинциалки («Рассвет», 1872) и в воспоминаниях вышедших на покой служивых («Старики», 1882)

Распределение *чн* и *шн* так или иначе оттеняет и сопоставляет персонажей. Например, [чн] в устах одухотворенной Эсфири, но [шн] у чувственной Аглаи в «Римских сценах времен V века» *А Майкова* (1840). В поэме «Машенька» (1846) — *чн* у воспитанницы пансиона, а также у блестящего офицера, соблазнителя героини, но *шн* — у ее заботливого отца, малообразованного мелкого петербургского чиновника. В «Сказке о заколдованном царе» *Н Жарова* (1846) *чн* у автора и царевича, но *шн* у крестьянской девушки. В «Арабских сказках» *В Казадаева* (1877) единственное *шн* — у джинна, и 9 *чн* — у других персонажей

Впрочем, *ску[ш]но* (при авторском *чн*) может оказаться и в речи образованного лица, дабы, к примеру, иронично отметить бездельника, убивающего время за картами и бранящего картежный XVIII в. (*А Долгорукой*, «Осенний вечер в деревне», 1852), или с раздражением обрисовать пустого щеголя (*Н Данилов*, «Записки недовольного», 1856), либо, наконец, подладиться под простонародного адресата — у *Ф Миллера* («Скелет в болоте», 1880):

Тогда один из юношей, *радушно*
Налив стакан, лесничему поднес
«Послушай-ка, *старинушка*, нам *ску[шн]о*
Смотреть, как ты сидишь, *повеся нос* »

В самом же повествовании (при обычном у автора [чн]) обиходно-диалектным *скушно* окрашиваются незатейливые будни провинциалов поместной барышни (*Н Хвоцинская*, «Деревенский случай», 1853), монастырской послушницы (*Н Де-Витт*, поэма «Мария», 1858), забытого степняка (*Н Кокшаров*, «Письмо», 1878).

Резче роль *скушно* как средства авторской оценки персонажа (*С Дуров*, «Смерть сластолюбца, 1843; *А Иванов-Классик*, «Встреча», 1873; *В Буренин*, «Этот маленький поэт, 1878»)

Этот *маленький поэт*,
Белокурый, *золотушный*,
Поет все один *мотивчик*
Утомительный и *скушный*

Сложнее судить о *ску[ш]но* вне фона авторского произношения. Так, в известных мне комедиях «колкого» *А Шаховского* безраздельно присутствует *ску[ч]но* (8 *чн*), тогда как в комедиях его современника *Н Хмельницкого* царит *ску[ш]но* (1 *чн* — 7 *шн*) Но обычнее *чн* и *шн* все же объяснимы сюжетными обстоятельствами и оттеняют их *П Катенин* в комедии «Сплетня» (1820) формой [чн] отмечает явно авторские суждения Зельского, язвительно объединившего и «*скупающих*» и «*скупных*»

«Божусь, по мне в сто раз умнее человек,
Который свой живет в деревне целый век,
Чем весь блестящий круг *московских богачей*,
Запутанных в долгах, усталых от связей,
Которые, чтоб жить и слыть *благополучны*,
Скупают от всего, и сами очень *скупны*»

Но в сцене «Вражда и Любовь» (1827) в устах Графини — манерное *скушный*

Отнюдь не добродетельные герои (Лукавин, Ветрон, Клешнин) наделены формой *скушно* в комедиях 1823—1826 гг. *А Писарева* То же в памфлетной пьесе *В Головина* «Писатели между собою» (1826), в трагедии *В Кюхельбекера* «Ижорский» (1826), в поэме *Е Бернета* «Граф Мец» (1834), в комичном диалоге томящейся поместной барыни и ее простодушного супруга в «Будущем предании» *А Подолинского* (1858)

Сумрачно-лениво, Сидя у окна, Муженьку тоскливо Говорит жена «Боже мой, как душно, Места не найдешь, А уж ску[шн]о, ску[шн]о, От тоски умрешь!»	«Погоди немножко Умирать с тоски, Стелют нам дорожку В город мужички Экой благодати Ныне бог послал! А каких я кстати Рысаков сыскал »
--	---

Отсутствие авторского фона удерживает от функциональной оценки графического *скушен* в яростном отчаянии язычника у поэта и лингвиста *А Востокова* («Полим и Сияна», 1811) — для дохристианской Руси *скушен* лексически неизвестно и фонетически невозможно

Нет уверенности в авторском отношении к цитатно остраненному *скушный* у *М Воскресенского* («Разговор автора с книгопродавцем» в «Евгении Вельском», 1828), в речи персонажей-москвичей в «Наложнице» *Е Баратынского* (1831)

Наконец, ряд авторов (*Ф Львов*, *Е Расстончина*, *И Аксаков*, *Н Огарев*) прибегает к обеим формам в собственной речи, и мотивация [шн] не всегда определима. Но признать *ску[шн]о* авторской нормой препятствует присутствие в авторской речи и *ску[ч]но* Так, у *М Лермонтова*

Романс (1829)	Ночь (1831)
В коляску сел, дорогой <i>скучной</i> , Закрывшись в плащ, он поскакал, А колокольчик <i>однозвучный</i> Звенел, звенел и пропал	Колелет ветер влажный, <i>душный</i> Верхи дерев, и с воем он Стучит в оконницы Мне <i>ску[шн]о</i> , Мне тяжко бденье, страшен сон

(Проще объяснить *ску[шн]о* в «юнкерской» поэме «Монго»: там свой «политес», свое произношение, свои «отборные словечки», на стыдливой бумаге замещаемые отточиями в угловых скобках.)

Как нормой [шн] пользуются немногие, преимущественно выученики Московского университета. Регулярно — *В Филимонов* (1 чн и 10 шн), *А Григорьев* (5), *Б Алмазов* (5), и по разу-другому — *М Милонов*, *А Воейков*, *Н Кошкин*, *М Дмитриев*, *Н Павлов*, *И Теплова*, *В Тепляков*, *А Пальм*, *Ю Жадовская*, *Н Добролюбов*, *В Авенариус*, *Ф Ромер*, — но и только.

Иная природа у *ску[ч]ный* и *ску[ч]но* Их оценочность равна номинативному значению, и, стилистически нейтральным, им нет нужды в особой мотивацией в контексте любого эмоционально-экспрессивного строя, в какой они влиты Примеры исчисляются многими сотнями, приведу лишь самую малость.

Алексей Жемчужников, «По-русски говорите, ради бога!», 1856

По-русски говорите, ради бога! Введите в моду эту новизну И как бы вы ни говорили много, Все мало будет мне О, вас одну Хочу я слышать! С вами <i>неразлучно</i> , Не отходя от вас ни шагу прочь,	Я слушал бы вас день, и слушал ночь И не слушался б Без вас мне <i>скучно</i> И лишь тогда не так тоскливо мне Когда могу в глубокой тишине, Мечтая, вспоминать о вашей речи <i>звучной</i>
---	---

А А Фет, «Сияла ночь », 1877

И много дней прошло томительных и *скучных*,
И вот в тени ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих *звучных*,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь

И З Суриков, «Богомолцы», 1878

«И я, вот тоже много лет,
С сумой таскаюсь *неразлучно*,
Но я такой уж непосед, —
Где прожил месяц, глядь, и *скучно!*»

Но перечислю поэтов XIX в., у которых встретились только *ску[чн]ый*, *ску[чен]* и *ску[чн]о*, с датой первой рифмы, не указывая, из-за отсутствия места, последующие:

1803 — П Голенищев-Кутузов, «Свобода», В Жуковский, «Стихи в день моего рождения», А Палицын, «Сады» Делиля, 1807 — Д Давыдов, «Договоры», В Озеров, «Димитрий Донской», 1808 — Д Хвостов, «Наука о стихотворстве» Буало, 1814 — В Пушкин, «Д В Дашкову», 1815 — А Шаховской, «Липецкие воды», 1816 — И Крылов, «Апеллес и осленок», П Шаликов, «К ***», 1818 — А Дельвиг, «К Иличевскому», 1820 — В Каннист, «Старик, ожидающий весны», 1824 — А Шишков-П, «Дагестанская узница», 1826 — И Великопольский, «Застольные стихи», 1828 — А Кольцов, «Осень», 1829 — А Измайлов, «А М Л», С Шевырев, «Послание А С Пушкину», 1830 — Н Гоголь, «Ганс Кюхельгартен», 1831 — В Бенедиктов, «Прощание с саблей», 1832 — Н Кукольник, «Джулио Мости», 1835 — И Мятлев, «Фантазия на мазурку Шопена», 1838 — К Павлова, «Е М (илькееву)», 1840 — Н Некрасов, «Баба-Яга, Костяная нога», 1842 — Н Щербина, «Я не приду на праздник шумный», 1844 — А Плещеев, «Natturpo», 1851 — А Афанасьев-Чужбинский, «Знамя», 1853 — П Шумахер, «Бык и нимфа», 1855 — Алексей Жемчужников, «Примирение», 1856 — А Фет, «Две липки», 1857 — А Апухтин, «В театре», 1860 — В Курочкин, «Вдовушка и поручик», 1861 — В Водовозов, «Германия Зимняя сказка» Гейне, В Стародубский, «Пьяница», 1864 — Д Минаев, «Беппо» Байрона, 1875 — А Шеллер-Михайлов, «Жертва» Коппе, 1877 — С Дрожжин, «Исповедь матери», 1878 — Л Пальмин, «Свежее предание в селе Волынском», 1881 — А Мейснер, «Катерина» Гейне, К Случевский, «Без имени», 1887 — Н Минский, «Пророк», О Чумина, «Елка на могиле»

— и еще свыше 80 менее известных поэтов

4

Однако в запасе у орфоэпов и другой довод: «классические авторы <..> представляют нам русский язык в прошлом состоянии <..> Основной источник лучшей современной речи — нынешнее ее употребление».²⁵ Что ж, обращусь к столь почитаемому ныне «серебряному веку» русской поэзии. Замечу лишь, что написание *скушно*, прежде отмечавшее «простонародное», «неинтеллигентное» произношение, теперь, при гротовской орфографии, хронологически охватывающей этот период, стало и напоминанием, что автору подобное *скушно*, остраемое орфографически, а то и кавычками, не свойственно. Так у С. Ильина «Перед думским заседанием» (1905):

Что делать! Я — неисправим
Порою мне на драме «*скушно*»,
Но, каюсь, что порой, друзья,

И оперу прослушать я
Готов был очень *равнодушно*

В речи же «от себя» у Ильина — *скучной*—*неразлучной* («Природы непокорный сын»).

Примеры авторского *ску[шн]о* в этот период единичны — у Б Никольского, П Якубовича, П Вейнберга, Н Броницкой, Л Лесной. Вне какой-либо мотивации [шн] и в устах персонажей — у А Кугушева, Д Цертелева,

²⁵ Чернышев В И Правильность и чистота русской речи [1913 г.] // Избр труды Т I С 448

Л Зилова, А Журина, А Шполянского Но это и все известные мне поэты «серебряного века», у которых *ску[ш]но* можно бы выдать за отражение авторской нормы. И наконец, попеременное, вне мотивации, использование то [чн], то [шн] — у В Крылова, Н Пальгунова и Н Ковалева

Начну, однако, с «Оттепели» М Кузмина (1911), чье первое четверостишие учебником Московского университета приводится на правах орфоэпического эталона:²⁶

Дождь моросит, темно и <i>ску[ш]но</i> , Смотрю в окно на телеграф	Хотел бы думать <i>равнодушно</i> , В уме неделю перебрав
---	--

Норма? Нет, только сигнал иронии, обнажению которой (как и другие компоненты текста: «скачу то в небо, то на дно», «невтерпеж забота», «в полтину (!) свечку я поставлю») кольцевое *ску[ш]но* и служит:

Дождь моросит, но мне <i>не ску[ш]но</i> <i>Смотреть в окно на телеграф</i>	<i>Сидеть не в силах равнодушно</i> , В уме неделю перебрав
--	--

Если иллюстрация недостаточна, вот посиделки у окна с ароматами того же «*ску[ш]но*» из кузминских «Занавешенных картинок» («Я не знаю», 1914):

Летом в городе так <i>ску[ш]но</i> И не спится до зари,	Смотришь в окна <i>равнодушно</i> , Как ползут золотари
--	--

И портрет российского чайльд-гарольда из «Возвращения денди» (1914):

Разочарован, мрачен, <i>ску[ш]ен</i> Страну родную покидал,	Мечте возвышенной <i>послушен</i> , Искал повсюду идеал
--	--

В сценах же далеких от эпатажа или мещанского снобизма — у Кузмина [чн] и [чен]. Так в стихотворении «Какой насмешливый механик...» (1912):

Не радостен, но и <i>не скучен</i> , Молчать и петь равно готов,	Кому-нибудь всегда <i>поручен</i> Заводный ключик от часов
---	---

Так и в библейском тоне стихов «Медный блеск пал на лик твой» (1923):

Престало преть зерном <i>тучным</i> Еще удар — колос будешь	Скажи «прощай!» сестрам <i>скучным</i> Взгляни на меня — все забудешь
--	--

У Саши Черного, при авторском чн («Молитва», 1907, «В карцере», 1911), истощно-тоскливое *ску[ш]но* в отвратительных сценах русского запойного загула — и кабацкого, и одинокого («Не умеют пить в России», 1911).

Ю Zubовский в лирических текстах сборника «Из городского окна» (1911) дважды рифмует *скучный*—*однозвучный*. Но откровения либерала-демократа («Крепостник», 1916) оформляются московским *ску[ш]ен*

«Я — либерал с душой крепостника, Я говорю о праве, о народе, О равенстве, о братстве, о свободе, Но сердце гложет лютая тоска	И трудно мне словами рассказать, Как этот мир мне нестерпимо <i>ску[ш]ен</i> Баб хочется пороть мне у <i>коношен</i> И мужиков до смерти истязать!»
---	--

²⁶ Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. С. 110 (автор раздела — М. В. Панов)

Душок капризного жеманства и высокомерия гротескно вскрывается в *ску[ш]ный Миррой да Скерцо* в стихах «Неумелому» («Омфалитический Олимп», 1918):

Здесь книги, и цветы, и воздух <i>душный</i> ,	Вот профиль Ваш к моей туфле склонен
И сумерки, и колокольный звон	И что же дальше? Ах какой Вы <i>ску[ш]ный!</i>
Ну вот, Вы стали вкрадчиво <i>послушный</i> ,	Вы неумелы, уходите вон!

Другое «*ску[ш]но*» — традиционный знак народной, «неинтеллигентской» среды. Так *К Герра*, — при многих авторских *скучной—однозвучный* и под («Ах, да где же мои глазки», «Я слышу целый рой каких-то звуков», «Когда изжиты все желанья», 1891; «История одной любви», 1897), — поэтично стилизует в «Лирике Любви» (1891) «дует» мблодца и девицы:

Я свою девицу	И в ответ сударка
Звал за околицу	«Нет, у нас не жарко
«Выходи, сударка,	Как с тобой девице
Чай, в светелке жарко,	Быть за околицей?»
Чай, в закрытой <i>душно</i> ,	И у нас не <i>душно</i> ,
Да одной и <i>ску[ш]но</i>	Но мне, правда, <i>ску[ш]но</i>
Выходи скорее,	Будь же ты смелее,
Будь со мной смелее!»	Сватов шли скорее!»

Простонародно-диалектная природа *ску[ш]но* помечается и простым отступлением от орфографии Грота. Так, у *А Коринфского*, при свойственном поэту *скучно—неразлучно* («Последний букет», «Независимый» Беранже), в безрифменном стихотворении «На большой койке» («Песни голи», 1909):

Вспомнил горюн про деревню,	« <i>Скушно</i> мне!» — плачет навзрыд
Вспомнил родимую мать	«Там побывать бы Ох, <i>скушно!</i>
«Как там? Жива ли старушка?» —	<i>Ску-ушно</i> » С тех пор и молчит
И залился в три ручья	Помер с тем словом, сердечный

Так и в повести *М. Горького* «Городок Окуров» (1909) вкраплены нескладные вирши Симы Девушкина, с окуровским, графически отмеченным *скушно*, как и в нижегородско-мещанских буднях «Детства» (1914):²⁷

«Быть бы Якову собакою —	Ой, <i>скушно</i> мне!
Выл бы Яков с утра до ночи	Ой, грустно мне!»

«Серебряный век» русской поэзии принадлежит «грамотеям, плохо знающим (по Чернышеву и Ушакову) живой литературный язык», с «буквенным» произношением *чи* И коль в критерии нормы входит «авторитетность источника», то вот они поименно — «грамотеи», всегда рифмовавшие *ску[чн]ый*, *ску[чен]* и *ску[чн]о*, с датой лишь первой (в этот период) рифмы:

1889 — *К Фофанов*, «Город смолк», 1890 — *В Гиляровский*, «Поклон Дону», *Д Мерзковский*, «Вера», 1891 — *М Лохвицкая*, «Если смотрю я на звезды», *М Ожegov*, «Птичка», *Ф Сологуб*, «Лихо», 1894 — *К Бальмонт*, «Чет и нечет», *В Величко*, «В дороге», *А Круглов*, «Осенний день и холоден, и скучен», 1895 — *Л Афанасьев*, «Глухая ночь», 1896 — *В Брюсов*, «Овидий», *Н Панов*, «Русалки», 1897 — *Т Щепкина-Куперник*, «Сирано де Бержерак» Ростана, 1898 — *В Лебедев*, «Скука», *П Потехин*, «Школьники», 1899 — *П Горчаков*, «Е Вл Басину», *Н Мар*, «Мрак ночи уныло редает», *Н Соколов*, «Встречая вечер жизни скучной », 1901 — *А Белый*, «Северный марш», *А Будищев*, «Апрель», *Н Клементц*,

²⁷ Ср там же речь бабушки, самого Алеши. Кстати, для прозаических текстов графическая передача произнесения *ши* — обычная традиция

«Раннею весною в усадьбе»; А. Колтоновский, «Одиночество»; С. Мамонтов, «Бездарная кухарка»; А. Мейснер, «Жарко, жарко! Дайте тени»; И. Рукавишников, «Я не могу в стихе уныло-звучно...»; К. Случевский, «Меня в загробном мире знают»; 1902 — И. Бунин, «Запустение»; Н. Венцель, «Сказ о царском шуте Балакиреве»; Ф. Косаткин-Ростовский, «Без мечты»; 1903 — З. Гиппиус, «Оно»; С. Головачевский, «Воскресные колокола»; 1904 — М. Волошин, «Письмо»; В. Гофман, «Намеки чувств»; 1905 — В. Башкин, «В глуши»; А. Вознесенский, «В лесу»; Н. Карабчевский, «Хороший роман»; О. Чюмина, «Фундамент счастья»; 1906 — С. Дрожжин, «Бывают дни, когда мне скучно»; Д. Цейзор, «Дороги»; 1907 — С. Архангельский, «Жаркий день в степи!»; И. Гринева, «Заколдованный круг»; В. Ленский, «Прощание»; 1908 — Г. Вяткин, «Многим»; В. Гарднер, «О, слезы лей о тех!»; К. Околович, «Скучно, родная»; Д. Ратгауз, «Если б мог»; А. Толстой, «Егорий, волчий пастырь»; М. Топорский, «Птица»; 1909 — И. Белоусов, «Отлетающим птицам»; Е. Геркен, «Дорога»; А. Голенцев-Кутузов, «На сон грядущий»; Б. Дикс, «Город холодный и скучный»; И. Северянин, «Маленькая элегия»; 1910 — Л. Белкина, «После бури»; Н. Бучинская (Тэффи), «Н. М. Минскому»; А. Кремлев, «В океане»; М. Ливен-Орлова, «Заглянули лучи в окна скучные»; В. Хлебников, «Дети Выдрь»; 1911 — А. Бурнакин, «Морская поэма»; Г. Иванов, «Элегия»; П. Потемкин, «Театр»; 1912 — Вл. Гиппиус, «Разлука»; Н. Гумилев, «Тот другой»; Н. Животов, «Воробьяная ночь»; Рюрик Ивнев, «Победный шум»; А. Лозина-Лозинский, «Перед открытым окном»; 1913 — А. Ахматова, «Последнее письмо»; А. Блок «Седое утро»; М. Веселкова-Кильшитт, «Челн»; К. Большаков, «Сердце в перчатке»; 1914 — В. Горянский, «Сказка о домовом»; Т. Львов, «Контрасты»; 1915 — Е. Венский, «Обыватель»; В. Куйбышев, «Тюрьма»; И. Эренбург, «Прости меня злобного»; 1916 — Г. Адамович, «Георгию Иванову»; 1917 — Б. Пастернак, «Нескучный сад»; 1918 — И. Сельвинский, «Война».

В картотеке около *двухсот* авторов. И поэтические контексты *скучного* и *скучно* — многолики и многообразны: от виртуозно изысканных до язычески обжигающих, от будуарно-жеманных и до безысходных, от подернутых флером условности и до открытых тусклому быту, не говоря уже о разном таланте и мастерстве самих поэтов:

К. Бальмонт, «Грусть», 1894:

Отчего так ветру *скучно*? Плачет, поет он *докучно*,
И в ответ ему *стозвучно* капли бьются и бегут,
Я внемлю, мне также *скучно*, грусть со мною
неразлучна,

Равномерно, *однозвучно* рифмы стройные текут.

А. Белый, «Северный марш», 1901:

Снеговой шатер
протянется *скучно*...
На небе огнистый костер
заблещет *беззвучно*.

З. Гиппиус, «Дьяволенок», 1906:

Безрадостно-*благополучно*,
И нежно-сонно, и темно...
Мне с дьяволенком *сладко-скучно*...
Дитя, старик, — не все ль равно?

С. Архангельский, «В сумерки», 1907:

Перо бежит, срипя *незвучно*...
Но отчего из уст летит:
«Как *скучно*, *скучно*, *скучно*, *скучно*!
Как долго *скучный* день бежит!».

Саша Черный, «Молитва», 1907:

И вот тогда молю *беззвучно*:
Дай мне исчезнуть в черной мгле, —
В раю мне будет очень *скучно*,
А ад я видел на земле.

А. Толстой, «Егорий, волчий пастырь», 1908:

В поле голодном
Страшно и *скучно*.
Ветер холодный
Воет *докучно*.

О. Чюмина, «Благополучно», 1909:

Всё обстоит *благополучно*.
Средь разных сфер
Лишь ждут афер.
И Дума нудно, сонно, *скучно*
Бюджетов счет
Жует, жует...

Ф. Касаткин, «Чижик», 1910:

«Чижик, чижик», *пошло скучный*,
Почему напев пустой
Неотвязно-*неразлучный*
Повторяется душой?..

А. Блок, «Седое утро», 1913:

Но еле видная за мглой,
За дождевою, за *докучной*...
И взгляд, как уголь под золой,
И голос утренний и *скучный*.

М. Никитин, «Весна», 1917:

Займися лен *тучно*,
Зимой бы не *скучно*
Кудельошку прясть.
Ай, бабы-молодки,
Ай, девки-лебедки,
Катайте-ка власть...

А Ахматова, «Там тень моя осталась», 1917 И в доме не совсем <i>благополучно</i> Огонь зажгут, а все-таки темно Не оттого ль хозяйке новой <i>скучно</i> , Не оттого ль хозяин пьет вино ?	И Сельвинский, «Война», 1918 Но все оказалось куда <i>скучней</i> , И вместо ракетных звезд Война — это жизнь за пару <i>кочней</i> И у магазина хвост
--	--

Слово и круг его традиционных рифм столь примелькались и приелись, что перечень их послужил историку и публицисту Ю. Ельцу канвой ироничного стихотворения «Териокский лейтмотив» (1908), с комично нанизанными катренами и сквозной рифмой с опорным [чн]: *докучно — ах как скучно!*, *неразлучно — очень скучно!*, *кучно — страшно скучно!*, *неотлучно — адски скучно!*, *не сподручно — тоже скучно*, *тучны — станет скучно*, *громкозвучно — с вами скучно!*, *ваша критика научна — это скучно*, *благополучно — архи скучно*.

Скучно, с опорным ч, предстает и компонентом аллитерационной игры в «Чарах Лючинь» И. Северянина (1908).

Мытищинскому же пришепёту не стало места даже на самоварном чаепитии И. Бунина («Запустение», 1902).

Пел самовар, а комната <i>беззвучно</i> Мне говорила «Пусто, брат, и <i>скучно!</i> »	Часы стучат, и старый дом <i>беззвучно</i> Мне говорит «Да, без хозяев <i>скучно!</i> »
--	--

* * *

В последующие десятилетия изменения социального бытия сказались и на слове «скучно», его частотности и особенностях контекстуального употребления. Но об этом и о произношении слова «скучно» в поэзии советских лет — в другой публикации. Пока лишь отмечу, что ни на каком этапе своего существования *скушный* и *скушно* никогда общерусской нейтрально-литературной, ни тем более преобладающей формой не были. Так что в экспрессивной и образной речи, где и пока *скушно* характерологично отвечает целям и сфере употребления, нет нужды его и чураться. Но вне такой мотивации оно обращается в неприглядное духовное саморазоблачение говорящего. Заявлять *ску[ш]но* орфоэпическим эталоном — это искажать столетия русской поэтической культуры (или не знать ее) и уродовать пришепётом бескрайний круг художественных текстов. Дело не только в ущербно-манерной, театрально-жеманной либо самоварно-купеческой и диалектной окраске *скушно* нарушаются внутренние *системные* связи национального литературного языка, корежатаются исконные словообразовательные модели целостного гнезда слов, навязывается никчемный разрыв произношения и написания, подрываются принципы орфографии. И ради чего — амбиций столичных снобов и телевизионных фигляров московских «оконов», приподносящих уродливые *доста[ш]но*, *праздни[ш]ный*, *рыно[ш]ный*, *симпати[ш]ный*, *столи[ш]ный?*..

К ИСТОРИИ НАУКИ

Н. Д. КОЧЕТКОВА

Об авторе рецензии на «Древнюю российскую вивлиофику» Н. И. Новикова

Весьма обстоятельная рецензия на первую часть журнала Н. И. Новикова «Древняя российская вивлиофика» (1773, январь—июнь) появилась в «Санктпетербургских ученых ведомостях на 1777 год», издателем которых также принято считать Новикова. Однако принадлежащее ему «Предисловие», подписанное буквой «Н», начиналось словами: «Общество наше, из нескольких человек состоящее, предприяло издавать на сей год периодические листы, под заглавием *Санктпетербургских ученых ведомостей*».¹ Основной целью журнала предполагалось «критическое рассмотрение издаваемых книг».

К участию в издании Новиков привлек ряд сотрудников, имена которых остались «утаенными»: публикации помещались без подписи или подписывались одной буквой «из имени и прозвания» автора: «И», «Н» (Н. И. Новиков), «К», «Л». К сотрудничеству приглашались также «все ученые мужи и любители российских писмен». К сожалению, кроме «Предисловия», точно атрибутировать другие статьи до сих пор не представляется возможным.

Большинство статей в «Санктпетербургских ученых ведомостях» посвящено историческим сочинениям. Рассмотрение «Древней российской вивлиофики» занимает значительное место, продолжаясь из номера в номер. Анонимный рецензент новиковского журнала проявляет очень большую осведомленность, говоря об истории возникновения этого издания и подробно сообщая о той помощи, которую издатель получил от императрицы Екатерины II, разрешившей ему пользоваться рукописями из императорской библиотеки и пожаловавшей на журнал «в разные времена до двух тысяч рублей». Здесь же упоминалось, что государыня «соизволила <...> повелеть г. статскому советнику Миллеру сообщать к г. издателю разные рукописи из Архивы Московския Государственныя Коллегии Иностранных дел, под ведомством его находящиеся».² Рецензент дает общую высокую оценку рассматриваемому изданию: «*Древняя Российская Вивлиофика*, по содержащимся в ней разным достопамятным Запискам, по справедливости достойна быть вмещена в число полезных и нужных книг для *Истории Российския*».³ Здесь же выражается сожаление «о прервании сего полезного издания».

---

¹ Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год. Н. И. Новикова. Изд. 2-е А. Н. Неустрова. СПб., 1873. С. 3. <Slavica-Reprint. Nr 53. Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe von 1873. Düsseldorf, 1970>.

² Там же. С. 26—27.

³ Там же. С. 27.

Дальнейший подробный и весьма компетентный разбор публикаций «Вивлиофики» обнаруживает, что автор был человеком очень сведущим в истории. Среди его главных пожеланий были следующие: к каждой части прилагать предметные алфавитные указатели, делать пояснения к малопонятным оборотам и словам, при летосчислении указывать год от Рождества Христова, древнее правописание не изменять на новое, «а наипаче, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо или поправляемо не было, но печатано было точно так, как обретается в подлиннике», указывать местонахождение подлинника, как получен список и каким почерком он написан.⁴ Заслуживает внимания высказывание рецензента о том, что «ни одно европейское государство сих сокровищ (т. е. древних рукописей). — Н. К.) толико не имело, колико обретаем мы их в нашем отечестве».⁵

Вопрос об авторе рецензии, к сожалению, специально не ставился исследователями. Характеризуя «Санктпетербургские ученые ведомости», П. Н. Берков отметил эту рецензию и не исключил вероятность того, что ее автором мог быть сам Новиков.⁶ Рассматривая исторические взгляды Новикова, Л. А. Дербов упомянул, что «высказанные в этих критических материалах мысли отражали взгляды самого Новикова».⁷

Можно предположить, что рецензия отредактирована, дополнена Новиковым, но автором ее, скорее всего, был другой человек, очень хорошо осведомленный об обстоятельствах издания «Вивлиофики», а также в высшей степени компетентный в вопросах историографии. Таким человеком был Герард Фридрих Миллер (Gerhard Friedrich Muller, 1705—1783), которому принадлежали многочисленные труды по русской истории, в том числе публикации древнерусских текстов.⁸ Он придавал большое значение собирательской деятельности, считая необходимым сохранить русские исторические рукописи: степенные книги, летописи, хронографы, родословные документы и прочие «российские древности».⁹ Во время своего путешествия по Сибири в 1733—1743 гг. ученый собрал ценнейшую коллекцию, на основе которой была написана его «История Сибири».¹⁰ При этом Миллер стремился выяснить происхождение списков тех документов, которыми он пользовался, уточнял даты.¹¹ Эти же принципы применялись им и в издании других памятников. Так, в «Предисловии» к изданию «Писем Петра Великого, писанных к <...> графу Борису Петро-

⁴ Там же С 28

⁵ Там же С 27

⁶ См Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века М., Л., 1952 С 394

⁷ Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова Саратов, 1974 С 336

⁸ Первоначально это предположение было высказано мной в статье «Исторические взгляды русских масонов (Новиков и его окружение)» (Der russisch-westliche Streit um das «alte» und das «neue» Russland Historiographie, Geschichtsverständnis, Kulturkonzepte und Aufklärung (1700—1825) Arbeitstexte des Projekts «Altes und neues Russland — Historie» (Teilpublikation) Potsdam, 1999 S 168—169)

⁹ См Материалы для истории Академии наук СПб., 1895 Т 8 (1746—1747) С 186—187, Пештич С. А. Русская историография XVIII века Л., 1965 Ч 2 С 215—216

¹⁰ Sammlung Russischer Geschichte 1761—1762 Bd 6, Миллер Г. Ф. История Сибири <В 5 т> 2-е изд., доп. М., 1999 Т 1—2

¹¹ См Сегерин Л. V. G. F. Mullers Bedeutung für die Quellenkunde der russischen Geschichte // Ost und West in der Geschichte der kulturellen Beziehungen Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag Berlin, 1966 S 303—311, Белковец Л. П. 1) К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера // История СССР 1985 № 4 С 154—166, Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг Томск, 1988, Каменский А. Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705—1783) // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России Избранное М., 1996 С 374—415, Алексеева Н. Ю., Моисеева Г. Н. Миллер Ф. И. // Словарь русских писателей XVIII века СПб., 1999 Вып 2 (К—П) С 288—291

вичу Шереметеву» Миллер отмечал, что они печатаются «по подлинникам в Кабинетской Императорской архиве находящимся» и что «таких же немалое число <...> сохраняет в своей библиотеке и <...> граф Петр Борисович Шереметев». ¹² Таким образом, требование указывать местонахождение документа вполне согласовывалось с собственной историографической практикой Миллера.

Следует, разумеется, учесть и те обстоятельства, которые, на первый взгляд, не вполне согласуются с высказываниями анонимного рецензента, в частности, с его требованиями, чтобы «ничего прибавляемо, убавляемо или поправляемо не было, но печатано было точно так, как обретается в подлиннике». Н. Н. Оглоблин отмечал неточности Миллера в передаче текста актов, извлеченных им из сибирских архивов. ¹³ Однако случаи этого «произвола» относятся к первым годам историографической деятельности Миллера. Позднее, когда он накопил уже весьма значительный опыт в изучении старинных документов, у него сформировались научные принципы публикации источников. В 1775 г. (время, непосредственно предшествовавшее появлению рецензии на «Древнюю российскую вивлиофику») под его «смотрением» была напечатана «Книга степенная царского родословия», в предисловии к которой Миллер писал: «Поставил я себе за правило ничего не пропускать, ни выкидывать, ни переменять, ни прибавлять; но точно последовать древнему Архиерейскому списку, дабы печатная наша книга могла приобрести совершенную доверенность. Соблюдал я и старинный слог, старинное правописание, старинныя, ныне уже неупотребительныя речи <...>, словом: старался по возможности, чтоб печатная книга ни в чем от подлинника не разнилась». ¹⁴ Эти слова чрезвычайно близки высказываниям анонимного рецензента. То, что он говорил о России как о своем отечестве, тоже не противоречит нашей гипотезе, так как Миллер, проведший почти всю свою жизнь в России, действительно называл ее своим отечеством. ¹⁵

Показательно, что еще в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новиков счел необходимым поместить статью о Миллере, завершаемую словами: «Сей ученый муж за многие и полезные свои труды великой достоин похвалы». ¹⁶ О деятельности Миллера-историка с восхищением говорилось и в своеобразном историографическом обзоре, включенном в рецензию на труд И. М. Стриттера «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и преселения народов» (СПб., 1770—1775. Ч. 1—4). ¹⁷ Упомянутая и о заслугах, и о некоторых недостатках исторических работ Г. З. Байера, В. Н. Татищева, И. Э. Фишера, М. В. Ломоносова и других, рецензент (в данном случае, скорее всего, сам Новиков) исключительно высоко отзывается именно о Миллере: «...достохвальные труды сего почтенного мужа послужат навсегда к вечному его прославлению». ¹⁸

¹² Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу < > графу Борису Петровичу Шереметеву М., 1774 С 1

¹³ См. Оглоблин Н. 1) К русской историографии Герард Миллер и его отношение к первоисточникам // Библиограф 1889 № 1 С 1—11, 2) К вопросу об историографе Г. Ф. Миллере // Там же № 8—9 С 161—166

¹⁴ Г. Ф. М. [Миллер Г. Ф.] Предисловие от издателя // Книга степенная царского родословия М., 1775 Ч. 1 С VII

¹⁵ См. Белковец Л. П. К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера С 162

¹⁶ Новиков Н. И. Избр. соч. М., Л., 1951 С 327

¹⁷ Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год С 49—56

¹⁸ Там же С 51

К «Древней российской вивлиофике» Новикова Миллер проявлял исключительно большой интерес. Основательно изучивший наследие Миллера А. Б. Каменский пишет: «Документы свидетельствуют, что историк не просто снабжал Новикова рукописями для издания, но и принимал непосредственное участие в их публикации».¹⁹

Серьезные пожелания, высказанные рецензентом «Вивлиофики» в самой доброжелательной форме, несомненно, были продуманы Новиковым и стимулировали его дальнейшие исторические разыскания. Рецензия на первое издание «Вивлиофики» существенно помогла в его работе над ее вторым расширенным изданием. В предисловии к нему Новиков писал: «Не могу я пройти в молчании, чтоб не засвидетельствовать пред читателями моими об отличном усердии покойного г. Миллера в ревностном споспешествовании сему изданию. Сей отличный и знаменитый ревностию и усердием своим муж ко всему тому, что могло только споспешествовать пользе истории российской, доставил ко мне множество не только что из помянутой Архивы (Архива Коллегии иностранных дел. — *Н К*), но и из своей собственной книгохранительницы, которую собирал он с великим тщанием во всю жизнь свою».²⁰

Как свидетельство плодотворного сотрудничества Новикова и Миллера можно рассматривать и рецензию, появившуюся в «Санктпетербургских ученых ведомостях» и представляющую собой незаурядное явление в русской исторической науке.

¹⁹ Каменский А. Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера

С 402
²⁰ Древняя российская вивлиофика издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное 1788 Ч I С X

М. Д. ЭЛЬЗОН

Письма Н. К. Никольского к Ю. Г. Оксману в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН

А рукописи и вправду не горят...

Судьба архива историка русской литературы и общественной мысли первой половины XIX в. Юлиана Григорьевича Оксмана (1894/1895—1970), в 1934—1936 гг. заместителя директора Института русской литературы (Л. Б. Каменева) по научной работе, поплатившегося за это десятилетием «колымского заточения», отразила его жизненный путь: личный фонд Ю. Г. Оксмана в РГАЛИ (кроме ценнейшей коллекции автографов) содержит преимущественно материалы 1940—1960-х гг., что относится и к эпистолярной части.¹

Тем больший интерес представляют обнаруженные мною в фонде академика Николая Константиновича Никольского (1863—1936) собственноручные копии писем, связанные с деятельностью возглавлявшейся им Комиссии по изучению памятников древнерусской литературы (далее — КПДЛ),² свидетельствующие в том числе и о том, как заботливо относился ученый к своим сотрудникам.³

Не связанные с ними ни хронологически, ни содержательно записка Ю. Г. Оксмана о приезде Л. Б. Каменева и письмо по поводу отчета о деятельности КПДЛ⁴ опубликованы мною в журнале «Русская литература» в составе писем Ю. Г. Оксмана к 30 корреспондентам (в том числе к В. И. Малышеву), выявленных в петербургских архивохранилищах (ИРЛИ, РНБ, АРАН, ЦГАЛИ СПб) (см.: РЛ. 2003. № 3. С. 160).

¹ См «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный» (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива) / Обзор А. Д. Зайцева // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 525—566.

² Рождественская М. В. 1) К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.) К 55-летию отдела // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 3—52, 2) Академик Н. К. Никольский — организатор историко-библиографического музея славяно-русской книжности (По архивным материалам) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 394—408.

³ ПФА РАН, ф. 247, оп. 3, № 118.

⁴ 1934, 1935 гг. ПФА РАН, ф. 247, оп. 3, № 531.

1

Глубокоуважаемый
Юлиан Григорьевич!

От А. Д. Седельникова мною получен ответ, в котором он выражает свое согласие заключить договор с ИРЛИ на условиях, Вами указанных.⁵ В открытке дополнительно он известил меня, что послал также свой ответ и в ИРЛИ с изложением содержания моего к нему письма, копию которого поэтому Вам не посылаю. Но от А. Д. я получил и его *curriculum vitae* со списком его ученых трудов. Оба документа при сем препровождаются.⁶

Как видно из *curriculum vitae*, А. Д. Седельников в настоящее время заведует рукописным отделением Государственного Исторического музея, располагающим огромным количеством неописанных рукописей. Поэтому Ваше предположение о желательности привлечения А. Д. Седельникова к работам КПДЛ оказалось в высшей степени удачным.

От В. Ф. Ржиги я до сих пор ответа не получил,⁷ хотя свое заказное письмо к нему отослал одновременно с письмом к А. Д. Седельникову.

С соверш<енным> почтением
Н. Ник<ольский>

21 янв<аря> 1934 г.

2

<Декабрь 1934 г.>

Глубокоуважаемый
Юлиан Григорьевич!

Не будете ли Вы добры оказать мне свое содействие в выяснении вопроса, какая судьба постигла мое ходатайство о присуждении Н. Н. Зарубину докторской степени без защиты диссертации?⁸ Оно было передано в конце июня с<его> г<ода> в канцелярию секретариата ИРЛИ, так как Президиумом АН квалификационная экспертиза трудов по русскому литературоведению поручена председателям отделов древней и новой литературы ИРЛИ — академику А. С. Орлову и Н. К. Пиксанову (см. газету «За социалистическую науку» от 15 июля 1934 г., № 19 (63)).

Не получив в течение пяти месяцев никакого сообщения о результате моего ходатайства, 25/XI с<его> г<ода> я обратился за необходимою

⁵ Якутский уроженец, Александр Дионисьевич Седельников (1888—год смерти неизвестен) занимался историей русской литературы и книжности XV—XVI вв. Печатался в ИОРЯС, участвовал в Сборнике в честь акад. А. И. Соболевского (1928). См. о нем: Научные работники Москвы, Л., 1930. В фонде Н. К. Никольского «ответа» нет, наличествуют 3 письма и 4 открытки от 5 VII 1931—2 II 1934 гг. (№ 630) и 5 писем Н. К. Никольского к нему за 14 IV 1931—5 II 1934 гг. (№ 150).

⁶ Утрата этих документов («Краткого жизнеописания» и списка публикаций) компенсируется сведениями об А. Д. Седельникове в коллекции анкет Комиссии «Научные учреждения и научные работники СССР» в ПФА РАН (см. примеч. 4).

⁷ Вячеслав Федорович Ржига (1883—1960) — историк древнерусской литературы. В фонде Н. К. Никольского — 6 писем В. Ф. Ржиги (последнее — от 17 ноября 1934 г., № 605) и одно письмо к нему (от 11 января 1934 г., № 143).

⁸ Николай Николаевич Зарубин (1893—1942) — сотрудник КПДЛ. В 1935 г. был удостоен степени кандидата литературоведения. См. также примеч. 11.

мне справкою в ИРЛИ, адресовав свой запрос Председателю Квалификационной комиссии при ИРЛИ и надписав на конверте: «Председателю Квалификационной комиссии при ИРЛИ академику Александру Сергеевичу Орлову». Конверт с моим запросом (копию которого прилагаю при сем для Вашего сведения)⁹ был вручен на заседании О<тдела> Д<ревнерусской> Л<итературы> самому А. С. Орлову, который прочел его. Однако и на этот запрос я не удостоился получить от него никакого ответа, но вместо необх<одимой> мне справки 2/XI с<его> г<ода> получил из ИРЛИ за подписью уч<еного> секретаря К. Ровды отписку (без № и даты) нижеследующего содержания.¹⁰

3

Уважаемый
Юлиан Григорьевич!

Н. Н. Зарубин предложил мне свои замечания по поводу статьи В. Н. Перетца об академич<еском> издании «Слова Даниила Заточника», помещенной в I выпуске Трудов ОДЛ. Статья эта пред ее напечатанием, вопреки установившемуся обычаю, не была сообщена для предварительного просмотра ни мне, ни Н. Н. Зарубину.

Между тем рецензия В. Н. Перетца при ее рассмотрении как явно тенденциозная не может не вводить в заблуждение читателей и специалистов.

Ввиду этого, признавая ответ Н. Н. Зарубина веским и заслуживающим издания, препровождаю Вам отповедь Н. Н. для выяснения вопроса, считаете ли Вы целесообразным печатание составленного им ответа, основные положения которого я вполне разделяю.¹¹

16/VIII 1935 г. <карандашом>

⁹ Приложение отсутствует (копии с копии Н К Никольский, к сожалению, не сделал)

¹⁰ Конец копии В архиве Н К Никольского писем Кирилла Иосифовича Ровды (1901—1990) — романиста, аспиранта А В Луначарского (!), впоследствии — специалиста по русско-чешским литературным связям, или из ИРЛИ нет Последнее письмо А С Орлова к Н К Никольскому датировано 13 января 1933 г (№ 534)

¹¹ Статья Н Н Зарубина осталась неопубликованной Сюжеты второго и третьего писем отражены в публикации Тимофеев А Г Новые материалы к научной биографии Н Н Зарубина // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 46 С 460—473 «Переписку» Н К Никольского с Н Н Зарубиным см здесь под № 55 и 372

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук СПб, 1836 Т 1—4
 АЕ — Археографический ежегодник
 АИ — Акты исторические, собранные Археографической комиссией СПб, 1841—1842 Т 1—5
 АРАН — Архив Российской Академии наук (С -Петербург)
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв
 АФЗиХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв
 БАН — Библиотека Российской Академии наук (С -Петербург)
 БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
 Брикк — Briquet Cn M Les filigranes dictionnaire historique de marques du papier Genève, 1907 Vol 1—4
 ВВ — Византийский временник
 ВИ — Вопросы истории
 ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
 ВЛ — Вопросы литературы
 ВМЧ — Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием Издание Археографической комиссии
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете М, 1849—1857 Кн 1—25
 ВЯ — Вопросы языкознания
 ГААО — Государственный архив Архангельской области
 ГАКО — Государственный архив Калининской области (до 1992 г) См ГАТО
 ГАТО — Государственный архив Тверской области
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им В И Ленина (до 1992 г) См РГБ
 Гераклитов — Гераклитов А А Филигрны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения М, 1963
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)
 ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва)
 ГМИР — Государственный музей истории религий (С -Петербург)
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им М Е Салтыкова-Щедрина (до 1992 г) См РНБ
 ГПНТБ СО РАН — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
 ГРМ — Государственный Русский музей (С -Петербург)
 ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва)
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией СПб, 1846—1875 Т 1—12
 ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв М, Л, 1950
 Дианова Герб — Дианова Т В Филигрны XVII—XVIII вв «Герб города Амстердама» М, 1998

- Дианова
Кувшин — Филигрань «кувшин» XVII в / Сост Т В Дианова М, 1989
- Дианова
Украина и Литва — Филигрani XVII в по старопечатным книгам Украины и Литвы
Каталог / Сост Т В Дианова М 1993
- Дианова Шут — Дианова Т В Филигрani XVII—XVIII вв «Голова шута» Ката-
лог М 1997
- Дианова,
Костюхина I — Водяные знаки рукописей России XVII в По материалам Отдела
рукописей ГИМ / Сост Т В Дианова Л М Костюхина М 1980
- Дианова
Костюхина II — Филигрani XVII века по рукописным источникам ГИМ Каталог /
Сост Т В Дианова Л М Костюхина М, 1988
- ЖМНО — Журнал Министерства народного образования
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ИА — Исторический архив
- ИАиЭ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Россий-
ской Академии наук (Новосибирск)
- ИВ — Исторический вестник
- ИЗ — Исторические записки
- ИИ СО РАН — Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук
Объединенного института истории филологии и философии СО
РАН (Новосибирск)
- ИМЛИ — Институт мировой литературы им А М Горького Российской Ака-
демии наук (Москва)
- ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Российской Академии
наук
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
- ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Ака-
демии наук (С -Петербург)
- ИФл СО РАН — Институт филологии Сибирского отделения Российской Академии
наук Объединенного института истории, филологии и философии
СО РАН (Новосибирск)
- Каманин,
Витвицька — Каманин I, Витвицька О Водяные знаки на папери украинских
документів XVI і XVII вв Кив, 1923
- КИХМ — Кирилловский историко-художественный музей-заповедник (г Ки-
риллов Вологодской области)
- Клепиков, I — Клепиков С А Филигрani и штемпели на бумаге русского и
иностранного производства XVII—XX вв М, 1959
- Клепиков, II — Клепиков С А Филигрani на бумаге русского производства
XVIII—начала XX века М, 1978
- Клепиков
Герб — Клепиков С А Бумага с филигранью «Герб города Амстерда-
ма» // Зап Отдела рукописей [ГБЛ] М, 1958 Вып 20 С 315—352
- Клепиков
Герб (доп) — Клепиков С А Бумага с филигранью «Герб города Амстердама»
(продолжение) // Зап Отдела рукописей [ГБЛ] М, 1963 Вып 26
- Клепиков Шут — Клепиков С А Бумага с филигранью «Голова шута» // Зап От-
дела рукописей [ГБЛ] М, 1963 Вып 26 С 405—478
- КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия
- Кукушкина — Кукушкина М В Филигрani на бумаге русских фабрик XVIII—
начала XIX в (обзор собрания П А Картавова) // Исторический
очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии
наук Вып 2 XIX—XX вв М, Л, 1958 С 285—371
- Лауцявичюс — Лауцявичюс Э Бумага в Литве в XV—XVIII вв Вильнюс, 1967
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет (до 1992 г) См
СПбГУ
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии СПб, Пг, Л, 1862—
1929 Т 1—35
- Лихачев
Вод зн — Лихачев Н П Палеографическое значение бумажных водяных
знаков СПб, 1899 Ч 1—3
- Лихачев
Мельницы — Лихачев Н П Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Мос-
ковском государстве СПб, 1891
- ЛКРД — Лаборатория консервации и реставрации документов РАН (С -Пе-
тербург)
- МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел

- МГУ — Московский государственный университет им М В Ломоносова
- МДА — Московская духовная академия
- Мошин — Mošin W A., Traljic S M Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka I—II Zagreb, 1957
- НБ — Научная библиотека
- Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, Н5Л — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи
- ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР (с 1992 г — РАН)
- ОПИ — Отдел письменных источников
- ОР — Отдел рукописей
- ОРРК — Отдел рукописной и редкой книги РНБ
- ПВЛ — Повесть временных лет
- ПДП — Памятники древней письменности
- ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства
- Пиккар, т 1
Корона — Die Kronen-Wasserzeichen Findbuch I der Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart / Bearbeitet von Gerhard Piccard Stuttgart, 1961
- Пиккар, т 2
Голова быка — Die Ochsenkopf-Wasserzeichen Findbuch II der Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart / Bearbeitet von Gerhard Piccard Stuttgart, 1966 Teil 1—3
- Пиккар т 14
Плоды — Wasserzeichen Frucht Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Wurtemberg Findbuch XIV / Bearbeitet von Gerhard Piccard Stuttgart, 1983
- ПКНО — Памятники культуры Новые открытия Ежегодник
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси Вып 1 (XI—начало XII века) М, 1978, Вып 2 (XII век) М, 1980, Вып 3 (XIII век) М, 1981, Вып 4 (XIV—середина XV века) М, 1981, Вып 5 (Вторая половина XV века) М, 1982, Вып 6 (Конец XV—первая половина XVI века) М, 1984, Вып 7 (Середина XVI века) М, 1985, Вып 8 (Вторая половина XVI века) М, 1986, Вып 9 (Конец XVI—начало XVII веков) М, 1987, Вып 10 (XVII век Книга первая) М, 1988, Вып 11 (XVII век Книга вторая) М, 1989, Вып 12 (XVII век Книга третья) М, 1994
- П1Л, П2Л, П3Л — Псковские первая, вторая и третья летописи
- ППС — Православный Палестинский сборник
- ПС — Православный собеседник Казань, 1855—1884
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РАН — Российская Академия наук
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва) См ЦГАДА
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва) См ЦГАЛИ
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва) См ГБЛ
- РГИА — Российский государственный исторический архив (С -Петербург) См ЦГИА
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией СПб, Пг, Л, 1872—1927 Т 1—39
- РЛ — Русская литература (журнал, издаваемый ИРЛИ РАН, С -Петербург)
- РНБ — Российская национальная библиотека (С -Петербург) См ГПБ
- РФВ — Русский филологический вестник
- СА — Советская археология
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров М, 1813—1894 Ч 1—5
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия
- Словарь книжников — Словарь книжников и книжности Древней Руси Вып 1 (XI—первая половина XIV в) Л, 1987, Вып 2 (вторая половина XIV—XVI в),

- ч 1 А—К Л, 1988, Вып 2 (вторая половина XIV—XVI в), ч 2 Л—Я Л, 1989, Вып 3 (XVII в), ч 1 А—З СПб, 1992, Вып 3 (XVII в), ч 2 И—О СПб, 1993, Вып 3 (XVII в), ч 3 П—С СПб, 1998, Вып 3 (XVII в), ч 4 Т—Я Дополнения СПб, 2004
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет См ЛГУ
- СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия
- СПБИН РАН — С-Петербургский институт истории РАН
- С1Л, С2Л — Софийские первая и вторая летописи
- Срезневский И И — Срезневский И И Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам СПб, 1893—1912
- Материалы
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
- Тромонин — Тромонин К Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге М, 1844
- Участкина — Uchastkina Z V A History of Russian Hand Paper-mills and their Watermarks Hilversum, 1962
- Хивуд — Heawood E Watermarks mainly of the 17th and 18th Centuries Hilversum The Paper Publications Society, 1950
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (до 1992 г) См РГАДА
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (до 1992 г) См РГАЛИ
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (до 1992 г) См РГИА
- ЦНБ АНУ — Центральная научная библиотека Академии наук Украины
- Черчилль — Churchill W A Watermarks in Paper in Holland, England, France etc, in the XVII and XVIII Centuries and their Interconnections Amsterdam, 1935
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
- ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения
- ЯМЗ — Ярославский историко-художественный музей-заповедник
- PG — Migne J-P Patrologiae Cursus Completus Series Graeca Paris, 1850—1887
- RÉS — Revue des Études slaves

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-летию доктора филологических наук профессора Олега Викторовича Творогова	III
Список научных трудов доктора филологических наук Олега Викторовича Творогова за 1959—2003 гг	IV
Г М Прохоров (С -Петербург) «Достойнейший в ученых Творогов»	XXV

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

<i>L Muller</i> (Tubingen) Die Überschrift der «Povest' vremennykh let»	3
<i>Н И Милютенко</i> (С -Петербург) К вопросу о некоторых источниках Речи Философа	9
<i>С А Давыдова</i> (С -Петербург) Летописная статья 6582 г и ее источники	18
<i>А А Шайкин</i> (Орел) «Повесть временных лет» о язычестве на Руси	29
<i>В Ю Франчук</i> (Киев) Обращение в летописном тексте	40
<i>В Г Пуцко</i> (Калуга) Княжение Владимира Великого по миниатюрам Радзивилловской летописи	45
<i>Л И Щеголева</i> (Москва) Рассказ о происхождении порфиры-багряницы в Хронографии Иоанна Малалы и Хронике Георгия Амартола (сравнительный анализ)	58
<i>Ю Д Рыков</i> (Москва) Новонайденный фрагмент Летописца Еллинского и Римского второй редакции	71
<i>А Г Бобров</i> (С -Петербург) К вопросу о времени и месте создания Летописца Еллинского и Римского второй редакции	82
<i>В В Колесов</i> (С -Петербург) Заметки о языке Летописца Еллинского и Римского второй редакции (К вопросу о месте и времени составления)	91
<i>Т В Анисимова</i> (Москва) Об источнике Ефросиновского хронографа (по списку 70—80-х гг XV в из собрания Г Г Юдина)	98
<i>О А Белоброва</i> (С -Петербург) О Хронографе с гравюрами Библии Пискатора (РНБ, Соловецкое собр., № 1525/189)	111
<i>Е Г Водозазкин</i> (С -Петербург) Хронографическая компиляция XVII в («Соловецкий хронограф»)	116
<i>М Б Свердлов</i> (С -Петербург) Киевский собор св Софии как источник исторической информации	121
<i>А С Демин</i> (Москва) Литературные образцы «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков»	134
<i>В А Кучкин</i> (Москва) Завещание С Д Пешкова-Сабурова и евангелие Андриана Ангелова	139
<i>Г В Маркелов</i> (С -Петербург) Памятники старообрядческой историографии в фондах Древлехранилища Пушкинского Дома	146

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

<i>Н Поппе-младший</i> (Ванкувер, Канада) О тюркских лексических заимствованиях в «Слове о полку Игоре» и «Задонщине»	153
---	-----

<i>Н С Демкова</i> (С -Петербург) Из комментария к тексту «Слова о полку Игореве» « сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы »	162
<i>М А Салмина</i> (С -Петербург) Корсунь, Сурож и «Слово о полку Игореве»	173
<i>И П Медведев</i> (С -Петербург) Еще одно неучтенное свидетельство «древностелюбивых проказ» со «Словом о полку Игореве»	178
<i>Л В Соколова</i> (С -Петербург) Композиция «Слова о полку Игореве»	184

АГИОГРАФИЯ, ГИМНОГРАФИЯ, УЧИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Т Р Руди</i> (С -Петербург) «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе)	211
<i>Сон Джонг Со</i> (Сеул) Житие Кирилла Туровского в составе Пролога	228
<i>Н В Поньрко</i> (С -Петербург) Покаянные каноны Кирилла Туровского (вопросы атрибуции)	240
<i>В И Охотникова</i> (Псков) Принципы литературной переработки источника при создании Василием-Варлаамом Жития Евфросина Псковского	264
<i>А В Пигин, К М Запольская</i> (Петрозаводск) К вопросу об источниках Жития Александра Свирского (Житие Пахомия Великого и Чудо архистратига Михаила «иже в Хонех»)	281
<i>М А Федотова</i> (С -Петербург) Краткая редакция Жития Никиты Столпника Переяславского	289
<i>И А Лобакова</i> (С -Петербург) Историческая повесть о митрополите Филиппе Литературные источники и их интерпретация конца XVII в	301
<i>Е А Рыжова</i> (Сыктывкар) Житие соловецкого постриженника Иова Ущельского — малоизвестное сочинение XVII—XVIII вв	313
<i>Б М Пудалов</i> (Н Новгород) К литературной истории сборника «Измарагд» формирование 2-й («Основной») редакции	330
<i>С А Семячко</i> (С -Петербург) Сборник «Старчество» вариант Соловецкого монастыря	343
<i>И В Федорова</i> (С -Петербург) «Хождение Трифона Коробейникова» в изданиях XVIII в	358

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>И М Грицевская</i> (Н Новгород) Послание Григория Богослова Филагрию в славянской и русской книжности	365
<i>А А Алексеев</i> (С -Петербург) Грамматическая статья патриарха Фотия в славянском переводе	374
<i>В А Ромодановская</i> (С -Петербург) К характеристике интерлинейрной части Чудовской латинской Псалтири	379
<i>М В Рождественская</i> (С -Петербург) Апокрифы в сборнике XVI в из Стокгольмской Королевской библиотеки (А 797)	387
<i>Т Ф Волкова</i> (Сыктывкар) К изучению печорских списков Троянских сказаний (две редакции И С Мяндина)	394

ЛИТЕРАТУРА XVII в НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

<i>Е К Ромодановская</i> (Новосибирск) Повесть-притча в контексте эстетических споров XVII в (О возможной интерпретации Повести о царе Аггее)	415
<i>В П Бударагин</i> (С -Петербург) Вновь найденный список Повести о Василии Златовласом	419
<i>С И Николаев</i> (С -Петербург) Русские интермедии XVII в новые материалы	423
<i>Э Малж</i> (Лодзь) Вновь обнаруженный список юмористических курантов (К истории смеховой литературы Древней Руси)	427

КНИЖНЫЕ ЦЕНТРЫ, РУКОПИСНЫЕ СОБРАНИЯ

<i>Н В Савельева</i> (С -Петербург) «Бумага для царя Ивана Грозного» в Древлехранилище Пушкинского Дома	430
<i>О Л Новикова, А В Сиренов</i> (С -Петербург) Сделано в Чудове	441
<i>Л И Сазонова</i> (Москва) «Написахъ Тетроевангелие» о терминологии книгоиздательского дела (на материале книг кириллической печати XVI в.)	451
<i>А В Вознесенский</i> (С -Петербург) Сведения и заметки о кириллических печатных книгах 9—11	459
<i>Е В Крушельницкая</i> (С -Петербург) Формирование и смена систем расстановки книг в библиотеке Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв	472
<i>О В Панченко</i> (С -Петербург) Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в. троцкий келарь Александр Булатников	488
<i>Е М Юхименко</i> (Москва) <i>Невежество и премудрость</i> в интерпретации выговских писателей-старообрядцев	508
<i>А Е Смирнова</i> (С -Петербург) Материалы к описанию Нового рукописного собрания Санкт-Петербургской Духовной академии	517

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, ФОЛЬКЛОР

<i>Г М Прохоров</i> (С -Петербург) Древнерусское слово <i>съвъсть</i> и современные русские слова <i>совесть</i> и <i>сознание</i> (Заметки историка культуры)	523
<i>Т В Рождественская</i> (С -Петербург) Новонайденные древнерусские надписи-граффити Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора	536
<i>Е К Братчикова</i> (С -Петербург) Сборник образцов для иллюстрирования Жития Василия Нового (из собрания Ф И Буслаева)	549
<i>Е А Костюхин</i> (С -Петербург) К проблеме взаимоотношений между фольклором и литературой в Древней Руси	560
<i>Р Б Тарковский</i> (С -Петербург) Русская поэзия и московские орфоэпы (К истории произношения слова «скучно» и подобных)	563

К ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Н Д Кочеткова</i> (С -Петербург) Об авторе рецензии на «Древнюю российскую вивлиофику» Н И Новикова	580
<i>М Д Эльзон</i> (С -Петербург) Письма Н К Никольского к Ю Г Оксману в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН	584
Список сокращений	587
К сведению авторов, присылающих свои статьи в «Труды Отдела древнерусской литературы»	591